

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ VII.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

(1882).

СОДЕРЖАНИЕ:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Института за 18^{80/81} учебный годъ (стр. 1—25).
Извлеченіе изъ протоколовъ Конференціи Института за 18^{80/81} уч. г. (26—62). Извлеченіе изъ отчета по Гимназіи, состоящей при Институтѣ, за 18^{80/81} уч. г. (63—71).

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

I.

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).

1. Проф. Гротъ, Н. Я., Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Вып. I. Введеніе. Главы I—III (стр. 1—210).
2. Проф. Ждановъ, С. Н., Критическія и экзогетическія замѣтки. III. (стр. 19—22).
3. Проф. Зенгеръ, Г. Э., Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція (стр. 1—40).

II.

4. Почетн. попечитель Института, гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи (стр. 1—35).
5. Графъ Джованни Жиро, Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ итальянскаго Н. В. Гоголя, (стр. 1—82).
6. Пономаревъ, С. И., Памяти Гоголя. Матеріалы для бібліографіи литературы о немъ. (стр. 1—60).

III.

7. Студ. Назминскій, М. А., Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона (стр. 1—34).
8. Студ. Шамраевъ, В. Н., Францискъ Ладиславъ Челяковский. (стр. 35—108).
9. Студ. Ивановъ, Н. И., Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. (стр. 109—137).
10. Студ. Никольскій, А. Я., О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ по памятникамъ народной словесности (стр. 138—176).

КІЕВЪ и ЛЕЙПЦИГЪ.

Въ типографіяхъ С. В. Кузьменко, К. Н. Милевскаго и Ф. А. Бронгауза.

1882.

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-Филологическаго
Института князя Безбородко.

ОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЧЕТЪ

о состояніи и дѣятельности историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 1880—81 учебный годъ, читанный на актѣ 30 Августа 1881 года Ученымъ Секретаремъ, Н. Я. Гротомъ, въ присутствіи г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Ваше Высочайшее Превосходительство,

М. М. Ге.

Выполняя обязанность Ученаго Секретаря Конференціи, имѣю честь сообщить Вамъ слѣдующія краткія свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности Института Князя Безбородко въ истекшемъ 1880—81 учебномъ году.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующія измѣненія: 1) ординарный профессоръ славянской филологіи *А. С. Будиловичъ* въ концѣ учебнаго года былъ приглашенъ Варшавскимъ Университетомъ и перемѣщенъ въ этотъ послѣдній съ 1 Іюля 1881 года съ званіемъ ординарнаго профессора, 2) озбочиваясь замѣщеніемъ вакансіи профессора Будиловича, Конференція избрала въ засѣданіи 9 Іюня н. г. съ 1 Іюля того же года исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по той же каедрѣ кандидата С.-Петербургскаго Университета, *М. И. Соколова*, удостоеннаго С.-Петербургскимъ Университетомъ золотой медали за сочиненіе «Изъ древней Исторіи Болгаръ» и бывшаго нѣсколько лѣтъ стипендіатомъ этого Университета (утвержденъ 18 Іюля 1881 года) и 3) на мѣсто профессора Будиловича членомъ Правленія Института избранъ 4 Мая

большинствомъ голосовъ н. д. экстра-ординарнаго профессора, *А. В. Добіанъ*.

Положеніе учащихся въ Институтѣ въ истекшемъ учебномъ году было слѣдующее: къ 30 Августа 1880 года всѣхъ студентовъ состояло 73 человекъ: на I курсѣ 19, на II—26, на III—14 и на IV—14 человекъ.

До времени курсовыхъ и окончательныхъ испытаній 1 студентъ III курса (Садовскій) по болѣзни долженъ былъ оставить Институтъ съ званіемъ учителя уѣзднаго училища, 1 студентъ 2 курса (Звѣревъ) умеръ отъ чахотки легкихъ, 1 студентъ II-го курса (Хоружинскій), за частыя нарушенія институтскихъ порядковъ, уволенъ изъ Института съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія; 1 студентъ III курса, 1 студентъ II курса и 1 студентъ I курса по разнымъ обстоятельствамъ должны были отложить свои курсовыя испытанія; сверхъ того Конференціе разрѣшено держать послѣ каникулъ переводныя испытанія изъ II курса въ III принятому на II курсъ въ концѣ учебнаго года бывшему студенту С.-Петербургскаго Института (Ильенкову). Такимъ образомъ на испытанія явилось въ I курсѣ 18 человекъ, во II—23, въ III—12 и въ IV—14 человекъ. Всѣ студенты IV курса выдержали окончательныя испытанія по всѣмъ предметамъ и удостоены званія учителей гимназій. Изъ студентовъ прочихъ курсовъ переведено въ слѣдующіе курсы: изъ I во II—15, изъ II въ III—21, изъ III въ IV—12. Сверхъ того, по особому ходатайству Конференціи, переведены изъ I курса во II—1 и изъ II въ III также одинъ студентъ. Оставлены въ тѣхъ же курсахъ 2 студента I курса и 1 втораго.

Всѣ студенты, перешедшіе на III курсъ, изъявили желаніе поступить на славяно-русское отдѣленіе. Вновь принято на I курсъ изъ числа лицъ, подавшихъ прошенія: 7 стипендіатовъ Нѣжинской гимназій, 3 ученика другихъ гимназій и 1 студентъ университета, всѣ 11 безъ повѣрочныхъ испытаній, на основаніи аттестатовъ зрѣлости. На основаніи повѣрочныхъ испытаній по обоимъ древнимъ языкамъ и русскому принято 23 (изъ нихъ одинъ гимназистъ и 22 семинариста). Итого принято на I курсъ 34 человекъ (12 гимназистовъ и 22 семинариста); кромѣ того на I курсъ перемѣщенъ по болѣзни одинъ студентъ С.-Петербургскаго Института, а всего съ оставленными на томъ же курсѣ и неокончившими еще переводныхъ испытаній къ 30

Августа 1881 года состоитъ: въ I курсѣ 38 студентовъ, въ II курсѣ 19, въ III—23 и въ IV—12. На всѣхъ курсахъ вмѣстѣ 92 студента.

Измѣненія въ распредѣленіи преподаванія въ истекшемъ учебномъ году, сравнительно съ предшествующимъ, состояли въ слѣдующемъ:

а) одна лекція по философіи была перенесена съ I курса на II, по педагогикѣ со II курса на I, по всеобщей исторіи также со II курса на I.

б) студенты классическаго отдѣленія III курса соединены были со студентами того же отдѣленія IV курса для совмѣстнаго слушанія 2 специальныхъ лекцій по греческимъ древностямъ.

в) прибавлена была одна сводная лекція по славянскимъ литературамъ для студентовъ славяно-русскаго отдѣленія III и IV курсовъ и одна лекція по русской литературѣ студентамъ-славистамъ IV курса.

г) прибавлена была одна сводная лекція для переводовъ на латинскій языкъ студентамъ славяно-русскаго отдѣленія III и IV курсовъ и одна лекція по исторіи филологіи на классическомъ отдѣленіи III курса, а также перенесена одна лекція по исторіи греческой литературы изъ III курса въ IV.

Объемъ преподаванія по отдѣльнымъ предметамъ былъ слѣдующій:

По *Богословію* законоучителемъ *Хойнауцкимъ*, при одной лекціи въ недѣлю на каждомъ курсѣ, прочитано: въ I курсѣ по догматическому Богословію: 1) введеніе, 2) ученіе о Богѣ и Святой Троицѣ, 3) ученіе о мірѣ и человѣкѣ, 4) ученіе объ искупленіи человѣка, во II курсѣ продолжалось чтеніе догматическаго Богословія: 1) о лицѣ Господа Иисуса Христа, его страданіяхъ, смерти, воскресеніи и вознесеніи, 2) объ освященіи человѣка, о благодати, церкви и таинствахъ, 3) о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка. Въ III курсѣ по нравственному Богословію пройдено: 1) введеніе съ уясненіемъ возрѣвній церкви на грѣхъ и возрожденіе человѣка, 2) объ обязанностяхъ человѣка къ Богу, къ самому себѣ и къ ближнему.

По *Философіи* ординарнымъ профессоромъ *Гротомъ* пройдены съ I курсомъ психологія, со II логика, съ III исторія философіи до XIX вѣка, при чемъ съ особенною подробностью разсмотрѣна англійская философія XVIII вѣка послѣ Локка. Чтеніе логики происходило по значительно измѣненной программѣ, а именно: 1) о предметѣ

логики, ея задачахъ, средствахъ и цѣляхъ, 2) разборъ понятія истиннаго знанія; критерій истины; изслѣдованіе источниковъ знаній ошибочныхъ; вопросъ о способахъ уменьшенія заблужденій, 3) критика ученій о законахъ мышленія; различные способы пониманія этихъ законовъ и ихъ анализъ, 4) ступени познавательной дѣятельности и ихъ отличительные признаки, 5) механическіе познавательные процессы и ихъ результаты, 6) разборъ органическихъ процессовъ познанія, анализъ сужденій и умозаключеній.

По *Греческой словесности*: въ I курсѣ исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора *Добіашемъ*, при 5 лекціяхъ въ недѣлю: 1) изложенъ синтаксисъ падежей, чему предшествовало сообщеніе правилъ объ употребленіи наклоненій и повтореніе этимологии, 2) переведены 10 главъ Платонова «Горгія», при чемъ студенты не готовили перевода дома, а въ аудиторіи выслушивали рядъ симазіологическихъ замѣтокъ, о которыхъ въ слѣдующій разъ давали отчетъ, 3) переведено и объяснено 250 стиховъ изъ XVIII и XIX пѣсень «Одиссеи»; введеніемъ послужилъ анализъ вопроса объ александрійской редакціи Гомера; при чтеніи преподаана этимология гомеровскаго діалекта; 4) на томъ же курсѣ происходили экстемпоральные переводы съ русскаго на греческій; 5) на домашнихъ чтеніяхъ переводили въ первомъ полугодіи Діодора Сицилійскаго, во второмъ Одиссею (5, 6 и 21 кн.). На II курсѣ преподавателемъ *Кириловымъ*, при 5 лекціяхъ въ недѣлю: 1) пройдено изъ грамматики, съ соответствующими письменными переводами, о наклоненіяхъ въ главномъ и придаточномъ предложеніяхъ, 2) изъ Илиады Гомера переведена I пѣснь и II-ой 483 стиха, 3) изъ Фукидида 50 главъ II книги, 4) изъ Геродота часть VIII книги, 5) на домашнемъ чтеніи матеріаломъ были тоже Геродотъ (VII кн.) и Фукидидъ (II кн.). На классическомъ отдѣленіи III курса экстра-ординарнымъ профессоромъ *Ждановымъ* во первыхъ по языку, при 4 лекціяхъ, прочитана Еврипида «Ифигенія въ странѣ Тавровъ» и рѣчь Исея «о наслѣдствѣ Кирона». Чтенію Еврипида предпослано было введеніе, въ которомъ говорилось о происхожденіи и исторіи міѳа объ Ифигеніи и о постановкѣ на сцену греческихъ трагедій, а также сдѣланъ очеркъ жизни и литературной дѣятельности Еврипида, обзоръ рукописей и изданій его, и изложены законы простѣйшихъ метровъ трагедій. При чтеніи объяснены и нѣкоторые лирическіе метры. Чтенію Исея пред-

шествовало введеніе съ біографіей автора и изложеніемъ главнѣйшихъ аѳинскихъ законовъ о правѣ наслѣдованія. На лекціяхъ, посвящен-ныхъ Еврипиду, употреблялся русскій языкъ, при чтеніи Исея—латинскій. Во 2 полугодіе профессоръ руководилъ экзегетическими упраж-неніями, матеріаломъ для которыхъ служилъ «Эантъ» Софокла. На домашнемъ чтеніи прочитанъ діалогъ Платона «Протагоръ» и окончена «Ифигенія». Во вторыхъ, по исторіи литературы, при 1 лек-ціи, прочитано: объ источникахъ и пособіяхъ для изученія греческой литературы; эпическая поэзія: Гомеръ, его личность и мѣсто въ ис-торіи греческой литературы. Историко-критическій очеркъ представ-леній о Гомерѣ и его поэзіи въ древнее и новое время, особенно критика основныхъ положеній Вольфовой школы. Обзоръ Илиады и Одиссеи съ указаніемъ главнѣйшихъ интерполяцій. О такъ называе-мыхъ гимнахъ и прочихъ произведеніяхъ, приписываемыхъ Гомеру. Киклики; содержаніе главнѣйшихъ киклическихъ поэмъ. Гесіодъ, его личность и положеніе въ исторіи литературы. Обзоръ главнѣйшихъ произведеній, принадлежащихъ и приписываемыхъ ему, и разборъ важнѣйшихъ взглядовъ на эти произведенія. Очеркъ дальнѣйшей ис-торіи эпоса. Въ третьихъ исправляющимъ должность экстра-ординар-наго профессора *Добгашемъ*, при одной лекціи, тѣмъ же студентамъ прочитано по исторіи филологіи: о начаткахъ филологическихъ наукъ въ до-аристотелевское время. О грамматической техникумъ александрій-скаго періода, въ особенности о грамматикѣ Діонисія Фракійскаго, о метрикумъ Аристоксена; о филологической низшей и высшей критикѣ и филологической эрудициі того же періода; о сочиненіяхъ по государ-ственнымъ древностямъ, о біографіяхъ, сочиненіяхъ по мифологіи, по географіи, по хронологіи; очеркъ римской филологіи на востокѣ до конца 4 столѣтія по Р. Х.,—*На славяно-рускомъ* отдѣленіи III и IV курсовъ профессоръ *Ждановъ* читалъ, при 2 лекціяхъ, рѣчь Де-моссена «противъ Аристократа», онъ же руководилъ, при 1 лекціи, письменными переводами славистовъ и классиковъ обоихъ курсовъ съ латинскаго на греческій языкъ. Преподавателемъ *Кириловымъ* сла-вяно-руссамъ переведена съ надлежащими объясненіями трагедія Эсхила «Персы». На классическомъ отдѣленіи IV курса и. д. про-фессора *Добгашемъ*, при 4 лекціяхъ, прочитано: 1) по Эсхилу часть трагедіи «Агамемнонь». Переводъ происходилъ на латинскомъ языкѣ. Введеніемъ служилъ вопросъ о степени важности сохранившагося

текста и о важности при критикѣ Эсхилова текста словаря Исихія. 2) По Аристофану прочитана комедія »Ахарняне«; введеніемъ послужила оцѣнка Аристофановскихъ схолій; 3) на домашнемъ чтеніи переведена каждымъ студентомъ одна трагедія Еврипида въ 1 полугодіи и всѣми вмѣстѣ комедія Аристофана »Всадники« во 2 полугодіи, чему на лекціяхъ предшествовалъ разборъ нѣкоторыхъ эстетическихъ вопросовъ. Тѣмъ же студентамъ профессоромъ *Ждановымъ* по исторіи литературы, при одной лекціи, прочитаны: Начала трагедіи, Тесписъ; Хирилъ; Пратинъ, Фринихъ, Эсхилъ. Объ устройствѣ греческаго театра. Софокль. Еврипидъ. Исторія комедіи: дорійская комедія, Эпихармъ. Аттическая комедія: характеристика древней комедіи; Кратинъ, Эвполидъ; Аристофанъ. Характеристика средней и новой комедіи. Очеркъ развитія прозы.

По римской словесности: въ 1 курсѣ преподавателемъ *Адриановымъ*, при 6 лекціяхъ: 1) по грамматикѣ преподаны слѣдующіе отдѣлы синтаксиса: виды и составъ предложений; о подлежащемъ, сказуемомъ и ихъ согласованіи; согласованіе опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми; приложение; согласованіе мѣстоименій; *attractio pronominis relativi*. О залогохъ латинскаго глагола. Значеніе и употребленіе временъ въ латинскомъ языкѣ. *Consecutio temporum*. О наклоненіяхъ. Условные періоды. Значеніе и употребленіе частицъ *ut, ne, quin, quo, quominus*. Временныя частицы. *Cum* съ изъявительнымъ и сослагательнымъ наклоненіемъ. О причинныхъ частицахъ. 2) прочитано изъ 6 книги Энеиды 416 стиховъ; чтенію предпосланы біографія Вергілія и обзоръ его сочиненій; 3) прочитано 49 §§ изъ рѣчи Цицерона »*Pro Roscio Amerino*«; во введеніи изложена біографія писателя и сдѣлана краткая оцѣнка его литературныхъ трудовъ, 4) Экстемпоральныя работы дѣлались разъ въ двѣ недѣли, кромѣ того студентами написано 6 домашнихъ переводовъ; въ концѣ года сдѣланъ опытъ болѣе самостоятельныхъ упражненій: предложено было изложить біографію Овидія по латыни. Опытъ можно назвать удавшимся: всѣ студенты отнеслись къ дѣлу внимательно, нѣкоторые даже обнаружили стремленіе выйти за предѣлы указанныхъ источниковъ; 5) для домашняго чтенія предложена была 1 книга Цезаря »*Bellum civile*« и избранныя мѣста изъ сочиненій Овидія. Во II курсѣ преподавателемъ *Фогеломъ*, при 6 лекціяхъ: 1) по грамматикѣ: введенъ до конца синтаксисъ глагола, т. е. пройдены были главы

объ употребленіи герундія и герундива и объ употребленіи супиновъ. Затѣмъ перешли къ синтаксису падежей, при чемъ пройдено объ употребленіи именительнаго и звательнаго, винительнаго, творительнаго и родительнаго падежей; 2) прочитаны 230 стиховъ Теренціевой комедіи «Phormio». Чтенію предпослана біографія автора и изложены отличительныя черты того вида римской комедіи, къ которому принадлежатъ произведенія Теренція; затѣмъ объяснены схемы встрѣчающихся у Теренція стиховъ ямбическаго и трохайческаго размѣра; 3) прочитано и объяснено расужденіе Цицерона «De senectute»; во введеніи сообщены: обзоръ исторіи философской литературы Римлянъ до Цицерона; объяснены причины, вслѣдствіе которыхъ всѣ философскія произведенія Цицерона относятся къ двумъ непродолжительнымъ періодамъ его жизни; изложены подробныя свѣдѣнія о сочиненіи «De senectute»; 4) исправлялись подаваемые попеременно то экстемпоральныя, то домашнія письменныя упражненія студентовъ; 5) на домашнемъ чтеніи прочитаны II книга Ливія и «Bellum Jugurthinum» Саллюстія.

На *классическомъ* отдѣленіи III курса преподавателемъ *Адриановымъ* 1) при 2 лекціяхъ прочитано 334 стиха Энеиды, сообщена біографія поэта, перечислены его сочиненія, подлинныя и подложныя, указано на отношеніе Вергиліева эпоса къ гомеровскому; 2) на домашнемъ чтеніи прочитаны комедія Теренція «Eunuchus» и I книга Тита-Ливія; на томъ же отдѣленіи ординарный профессоръ *Фохтъ* 1) читалъ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, Тускуланскія бесѣды Цицерона, 2) преподавалъ, при 3 лекціяхъ въ недѣлю, на латинскомъ языкѣ римскія древности, судебныя и военныя. Тотъ же профессоръ упражнялъ всѣхъ студентовъ III курса въ письменномъ и устномъ переводѣ съ русскаго языка на латинскій по изданнымъ имъ «матеріаламъ» и отдѣльно студентовъ славяно-русскаго отдѣленія въ устныхъ переводахъ для повторенія грамматическихъ правилъ и выраженій Цезаря. *Слависты* III и IV курсовъ прошли совмѣстно: 1) у преподавателя *Адрианова* 40 главъ I книги «Анналовъ» Тацита, при чемъ главное вниманіе обращено было на особенности языка Тацита, а во введеніи сообщена біографія его и обзоръ сочиненій, 2) у преподавателя *Фогеля* 505 стиховъ II книги Энеиды Вергилія, при чемъ тоже сообщены краткія свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ писателя; сверхъ того о значеніи его въ римской литературѣ и о содержаніи всей Энеиды. На *классическомъ* отдѣленіи IV курса профессоръ *Фохтъ* 1) читалъ 3 ра-

за въ недѣлю на латинскомъ языкѣ исторію римской литературы (пройдено до Цицероновской эпохи включительно) 2) два раза въ недѣлю II книгу «исторій» Тацита, 3) два раза оды Горація II кн., при чемъ часть одъ студенты толковали сами; 4) у студентовъ классиковъ совместно съ славяно-руссами 1 разъ въ недѣлю были устные переводы съ русскаго языка на латинскій и поправка письменныхъ переводовъ изъ «Матеріаловъ» профессора Фохта, 5) домашнимъ образомъ студенты классики читали Цицерона «Тускуланскія бесѣды» и «De provinciis consularibus», эподы и оды Горація, наконецъ Катулла.

По *русско-славянской филологіи*: на первомъ курсѣ профессоромъ *Брандтомъ* сообщены свѣдѣнія о языкѣ вообще и славянскихъ въ особенности и пройдена фонетика староцерковнаго языка, сравнительно съ родственными. На II курсѣ ординарнымъ профессоромъ *Будиловичемъ* прочитаны 1) по славянской грамматикѣ: ученіе о формахъ корней, основъ и словъ (морфологія); ученіе о предложеніи со стороны вѣдшей (морфологической) и внутренней (симазіологической); 2) по исторической этнографіи славянъ: о первомъ тысячелѣтіи славянской исторіи (до VI вѣка); о разселеніи славянъ въ южной и западной Европѣ; о древнѣйшихъ судьбахъ славянъ болгарскихъ, сербо-хорватскихъ, хорутанскихъ и чехословенскихъ. Обоимъ отдѣленіямъ III курса профессоромъ Будиловичемъ, при 1 лекціи, прочитанъ очеркъ звуковой, морфологической и симазіологической исторіи русскаго языка. Славистамъ III курса тѣмъ же профессоромъ, при 1 лекціи, прочитанъ обзоръ русской народной словесности въ связи съ инославянской; имъ же прочитанъ преподавателемъ *Вьлоруссовымъ* курсъ русской литературы по слѣдующей программѣ: краткій обзоръ изученія древне-русской письменности, пособія и руководства по литературѣ.—Древне-русская книжная словесность, списываніе книгъ, переводная литература: книги священнаго писанія, отеческія творенія, переводные сборники литературные и историческіе, повѣсти и сказанія византійскія и западныя; апокрифическая литература, духовные стихи и легенды. Изъ собственно-русской книжной словесности прочитано о произведеніяхъ XI, XII, XIII и XIV вѣковъ.—*Славистамъ* III и IV курсовъ профессоромъ *Брандтомъ* прочитана исторія чешской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до Челяковского (включительно) и преподаана грамматика чешскаго и польскаго языка.

На *славяно-русскомъ* отдѣленіи IV курса профессоромъ *Будиловичемъ* пройдены: 1) теорія словесности: обзоръ литературы предмета; объ отношеніи поэзіи къ другимъ изящнымъ искусствамъ; психологическія основанія творчества; техника поэзіи; обзоръ эпического, лирическаго и драматическаго родовъ поэзіи съ ихъ видами, 2) разборъ учебниковъ церковно-славянскаго и русскаго языковъ; историческій обзоръ отечественныхъ и иностранныхъ сочиненій этого рода; разборъ церковно-славянскихъ грамматикъ Востокова и Колосова и исторической грамматики русскаго языка Буслаева (фонетика).—По исторіи русской литературы преподавателемъ *Вьлоруссовымъ* прочитано Юго-Западной литературѣ и о переходѣ ся въ Москву. Главные ея представители.—Литература Петровской эпохи. Періодъ литературы Ломоносовской, въ связи въ западно-европейскими представителями псевдо-классицизма.—Ломоносовъ, Сумароковъ, Екатерина II и сатирическіе журналы Екатерининской эпохи, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Херасковъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Аблесимовъ, Капнистъ, Хемницеръ. Мѣщанская трагедія на западѣ и у насъ. Переводная литература Екатерининскаго времени въ связи съ направленіемъ энциклопедистовъ. Н. И. Новиковъ и его дѣятельность, масонская литература. Карамзинъ и его школа: Дмитриевъ, Озеровъ. Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковский и отношеніе его къ западно-европейскому романтизму вообще и въмецкому въ частности.—Батюшковъ, Грибоѣдовъ и Пушкинъ.

По *Всобщей исторіи* на I курсѣ ординарнымъ профессоромъ *Люперольскимъ*, при 4 лекціяхъ, преподана исторія древней Греціи по слѣдующей программѣ: 1) географическій обзоръ древней Греціи: греческій полуостровъ, острова и колоніи; 2) древнѣйшій періодъ греческой исторіи: вопросъ о древнихъ обитателяхъ страны; мѣщанскія сказанія относительно древней эпохи; черты быта эллиновъ въ героической періодъ; 3) развитіе политическаго строя Греціи въ періодъ времени отъ дорійскаго нашествія до персидскихъ войнъ; 4) успѣхи и процвѣтаніе демократической системы въ Греціи въ періодъ отъ персидскихъ войнъ до пелопоннзской войны; 5) очеркъ внутренней и внѣшней исторіи Греціи отъ пелопоннзской войны до македонскаго завоеванія.—На 2 курсѣ профессоръ *Зенгеръ*, при 2 лекціяхъ, прошелъ римскую исторію до пуническихъ войнъ и средне-вѣковую въ эпоху т. н. трехъ первыхъ крестовыхъ походовъ.—На 3 курсѣ онъ же изложилъ, при 2 лекціяхъ, исторію среднихъ вѣковъ отъ конца IX

вѣка до конца инвеститурнаго спора и новую исторію съ конца XVI вѣка до конца XVII.—Затѣмъ профессоръ *Люперсомскій* студентамъ классическаго отдѣленія III и IV курсовъ читалъ двѣ сводныя лекціи по греческимъ древностямъ по представленной ранѣе въ конференцію программѣ.—

По *русской исторіи* ординарный профессоръ *Аристовъ* прочиталъ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, 1 курсу отъ начала русской исторіи до нашествія Татаръ, II курсу отъ нашествія Татаръ до XVII столѣтія, III курсу съ XVIII вѣка до конца царствованія Петра Великаго.

По *географіи* преподавателемъ *Сребницкимъ* прочитана студентамъ I и II курсовъ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, географія Россіи по слѣдующему плану: А). Введеніе: естественное значеніе географическаго элемента въ исторіи русскаго народа. Б) Общее обзорѣніе: горизонтальное разчлененіе и свойства границъ, вертикальное разчлененіе: русскія возвышенности. В). Частное обзорѣніе Европейской Россіи по рѣчнымъ бассейнамъ. Г). Сибирь: Очеркъ исторіи занятія Сибири, административное дѣленіе. При изложеніи курса имѣлось въ виду прослѣдить колонизаціонное распространеніе русскаго племени и ассимиляцію послѣднимъ различныхъ этнографическихъ элементовъ.

По *педагогикѣ* преподавателемъ *Лилеевымъ* прочитаны I и II курсу, при 1 лекціи въ недѣлю, исторія педагогики до Амоса Коменскаго, III курсу, при 2 лекціяхъ, общая педагогика, IV курсу, при 1 лекціи, гимназическая педагогика.

По *французскому* языку преподаватель *Сертье* перевелъ съ 1 отдѣленіемъ 8 главъ изъ сочиненія Монтестье: «*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*» и нѣкоторые отрывки изъ сочиненія Боссюэта «*Discours sur l'histoire universelle*».

По грамматикѣ пройдены этимологія и нѣкоторыя части синтаксиса, именно употребленіе временъ, причастія настоящее и прошедшее. Съ русскаго на французскій переводили учебникъ Игнатовича. Со 2 отдѣленіемъ переводили 1 и 2 дѣйствія трагедіи Расина „*Athalie*“, 1 книгу Фенелонава Телемака, повторяли синтаксисъ и упражнялись въ диктовкѣ.

По *Нѣмецкому* языку преподаватель *Гришотъ* въ младшемъ отдѣленіи, при 3-хъ лекціяхъ, перевелъ съ русскаго языка на нѣмецкій 10 статей сборника Кейзера, съ нѣмецкаго на русскій переводили 2-ю книгу «30—лѣтней войны» Шиллера, по грамматикѣ

Фрея прошли этимологию; диктовкою занимались два раза въ мѣсяцъ; въ старшемъ отдѣленіи повторили этимологию и прошли главныя правила синтаксиса, переводили на русскій языкъ «30 лѣтнюю войну» Шиллера, прочли 14 и 15 лекціи Грима о Гёте; диктовкою занимались одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Наставники-руководители представили слѣдующіе отчеты о преподаваніи студентовъ IV курса въ гимназіи:

Наставникъ-руководитель по русской словесности, И. М. *Блюм-руссовъ*, заявляетъ: 1) что согласно опредѣленію конференціи студенты давали уроки во 2, 3, 5 и 6 классахъ гимназіи; 2) что предметъ занятій составляли: русская грамматика во 2 и 3 классѣ, диктовка въ тѣхъ же классахъ, чтеніе и разборъ образцовъ, теорія словесности въ 5 и отчасти 6 классахъ, исторія русской литературы въ 6 классѣ, и разборъ ученическихъ упряженій; 3) всѣхъ уроковъ дано студентами 44—4) практическія занятія студентовъ въ гимназіи сопровождалось всегда разборомъ ихъ на домашнихъ бесѣдахъ, въ присутствіи Г. Директора Института, при чемъ, согласно опредѣленія Конференціи, сами студенты привлекались къ разбору и оцѣнкѣ своихъ уроковъ; 5) результаты занятій студентовъ могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными; лучшими по преподаванію оказались студенты: Черногоръ, Аристовъ, Крыгинъ, Цвирко, затѣмъ студентъ Покровскій Алексѣй и Адамовъ, наконецъ Преображенскій. Всѣ студенты выказали надлежащее усердіе въ занятіяхъ и вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Наставникъ-руководитель *Римской словесности*, А. Θ. *Абрамовъ*, заявилъ, что практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ гимназіи латинскаго языка происходили слѣдующимъ образомъ: студенты классики преподавали сами въ гимназіи или присутствовали на урокахъ наставника-руководителя по 4 часа въ недѣлю въ III, IV, VII и VIII классахъ. Студенты слависты имѣли по 2 часа въ недѣлю въ III и IV классахъ. Въ продолженіи мѣсяца студенты лишь присматривались къ тому, какъ ведется въ гимназіи преподаваніе въ разныхъ классахъ и по различнымъ отдѣламъ предмета и знакомились съ существующими въ гимназіи порядками. Затѣмъ студенты привлекались къ преподаванію сперва по установленной ими самими очереди, а потомъ по выбору и назначенію наставника-руководителя. Очередному студенту своевременно сообщался съ необходимыми объясненіями за-

данный ученикамъ урокъ. Преподаваніе происходило въ присутствіи Г. Директора Института, наставника-руководителя и всѣхъ студентовъ того или другаго отдѣленія. Уроки студентовъ посѣщали и нѣкоторые преподаватели Института. За немногими исключеніями, студенты къ урокамъ своимъ относились съ должнымъ усердіемъ и добросовѣстностью, являлись на нихъ съ твердо усвоеннымъ и разработаннымъ матеріаломъ и съ болѣе или менѣе тщательно обдуманномъ планомъ. На первыхъ порахъ естественно качество даваемыхъ уроковъ не могло быть особенно высоко. Болѣе всего бросались въ глаза слѣдующіе недостатки: неумѣнье вести дѣло такъ, чтобы цѣлый классъ принималъ живое участіе въ работѣ и былъ постоянно внимателенъ къ происходящему на урокѣ; нетерпѣливость при неотвѣтѣ или неудачномъ отвѣтѣ ученика, выражавшаяся въ томъ, что преподающій спѣшилъ самъ отвѣчать на неотвѣченный вопросъ или не давалъ ученику вполне высказаться; неточность, неясность и неопредѣленность предлагаемыхъ вопросовъ и допущеніе со стороны учениковъ отвѣтовъ небрежныхъ и неправильныхъ; по изложенію отвлеченіе—въ сторону отъ даннаго матеріала и, какъ слѣдствіе этого, недостаточная разработка урока, способъ выраженія, несоотвѣтствующій степени развитія учениковъ и ихъ возрасту; употребленіе безъ надобности словъ одобренія, порицанія, понуканія и т. п.; объясненія слишкомъ общія и притомъ многословныя и т. д. Всѣ замѣченные недостатки обстоятельно разбирались наставникомъ-руководителемъ, при постоянномъ содѣйствіи Г. Директора Института, на такъ называемыхъ бесѣдахъ, происходившихъ въ двѣ недѣли разъ, а на первыхъ порахъ и чаще. Во второй половинѣ года къ разбору уроковъ привлекались и сами студенты. Съ теченіемъ времени усердная работа, вниманіе къ дѣлаемымъ указаніямъ и привычка студентовъ къ новой обстановкѣ повели къ тому, что всѣ вышеуказанные недостатки и многіе другіе почти вполне исчезли у значительнаго большинства студентовъ. Каждымъ студентомъ въ отчетномъ году дано въ гимназій среднемъ числомъ по 6 уроковъ.

Наставникъ-руководитель по *греческой словесности*, *Θ. Α. Ζλατοустовскій*, и исправлявшій въ первое полугодіе его должность профессоръ *Α. Β. Δοβιάσις* заявляютъ слѣдующее: *Α. Β. Δοβιάσις*, что, занимаясь со студентами лишь первое полугодіе и руководя только толкованіемъ авторовъ, онъ можетъ дать о занятіяхъ студентовъ

лишь неполный отзывъ: экзегетическій матеріалъ студенты привыкли выбирать подходящій и, за немногими исключеніями, относились вполне сознательно къ преподаваемому. Разнообразіемъ и полнотою экзегетическаго матеріала отличались уроки студента Миткевича. Ясностью изложенія преподаваемаго и удобопонятностью отличались уроки студентовъ Успенскаго и Яненца; удовлетворительными были также уроки студента Жирнова, а къ концу полугодія сдѣлались и уроки студента Бирюковича.

Наставникъ—руководитель *Θ. А. Златоустовскій* заявляетъ, что во 2-мъ полугодіи студенты IV курса классическаго отдѣленія имѣли по греческому языку занятія въ IV и VI классахъ гимназіи по 1 часу въ недѣлю; въ первомъ преподавалась этимологія, во второмъ читался Исократъ. Каждому изъ студентовъ, кромѣ Покровскаго, удалось дать лишь по 1 уроку въ томъ или другомъ классѣ. Однако и этихъ единичныхъ опытовъ достаточно было, чтобы видѣть, что студенты приобрѣли навыкъ въ преподаваніи, о чемъ свидѣтельствовало ихъ умѣнье болѣе или менѣе удачно опредѣлить задачу даннаго урока и распорядиться временемъ при исполненіи предположеннаго въ урокѣ, а также цѣлесообразность приемовъ веденія дѣла, такъ что вообще опыты ихъ можно было назвать удовлетворительными. Лучшими по своей методичности, по сосредоточенности и законченности были уроки Яненца и Успенскаго. Студентъ Покровскій, въ опытахъ котораго замѣчалось болѣе недостатковъ, былъ 4 раза привлеченъ къ занятіямъ, пока не достигъ лучшихъ результатовъ.

Отзывы о сочиненіяхъ студентовъ IV курса были представлены слѣдующіе:

I., По славянской филологіи профессоръ Будиловичъ даетъ разборъ сочиненій:

1.) *Адамова*: «О бытѣ и понятіяхъ сербскаго народа». Сочиненіе это написано на основаніи этнографическаго матеріала, собраннаго Вукомъ Караджичемъ въ «Сербскомъ рѣчникѣ» (1852 г.) и въ «Животѣ и обычаяхъ народа сербскаго» (1867 г.) и раздѣляется на пять главъ: 1) общественная и семейная жизнь сербскаго народа, 2) религіозныя его отношенія и праздничные обычаи; 3) обычаи и обряды при важнѣйшихъ событіяхъ жизни, 4) народныя игры и 5) народныя суевѣрія и преданія. Рубрики эти соотвѣтствуютъ въ общихъ чертахъ распредѣленію этнографическаго матеріала въ «Животѣ»

Вука и, не представляя особенно строгой и разчлененной системы, годятся для общей картины народного быта, учреждений, вѣрованій. Собранный Вукомъ матеріалъ правильно понятъ и приблизительно исчерпанъ авторомъ. Нарисованная имъ этнографическая картина вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности, за исключеніемъ гѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ жизнь послѣднихъ десятилѣтій измѣнила отношенія, изученныя и описанныя Караджичемъ. Со стороны изложенія сочиненіе г. Адамова вполне удовлетворительно.

2.) *Цвирко*. «О бытѣ и понятіяхъ Великополянъ». Сочиненіе это написано по матеріаламъ, собраннымъ въ 9, 10 и 11 томахъ сочиненія польскаго этнографа Кольберга: «Lud» Краков, (1875-77). Изобразивъ области, авторъ обрисовываетъ физическія и духовныя черты населенія, описываетъ его костюмъ, жилища, пищу, занятія, обычаи и обряды, а наконецъ, игры и забавы. Хотя основныя рубрики этой этнографической картины соотвѣтствуютъ рубрикамъ въ сочиненіи «Кольберга», однако автору пришлось значительно измѣнить расположеніе матеріала, такъ какъ Кольбергъ изображаетъ мѣстность за мѣстностью, тогда какъ г. Цвирко представилъ по каждому вопросу сводъ однороднаго матеріала для всѣхъ частей Познанской области. Кромѣ того самостоятельность автора выразилась въ выборѣ матеріала и его освѣщенія. Со стороны изложенія сочиненіе г. Цвирко вполне удовлетворительно.

3) *Черногора*. «Объ особенностяхъ значенія падежныхъ формъ въ древнерусскомъ языкѣ. Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей: 1) разсужденія о нѣкоторыхъ причастныхъ формахъ, входящихъ въ составное сказуемое и въ такъ называемыя сокращенныя придаточныя предложенія; 2) разбора значеній падежныхъ формъ вообще, а именительнаго и родительнаго падежей въ частности. Первый экскурсъ довольно близко примыкаетъ къ изслѣдованіямъ г. Потевни, а второй къ симазіологическимъ работамъ г. Потевни-же, Попова (объ именит. винит. и зват. пад.) Миклошича и Буслаева. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы трудъ г. Черногора былъ компиляціей изъ названныхъ сочиненій; на оборотъ, авторъ провѣрилъ чужіе выводы, а отчасти и дополнилъ ихъ на основаніи матеріала, заимствованнаго главнымъ образомъ изъ Лаврентьевской лѣтописи. Жаль, что авторъ увлекся разборомъ причастныхъ формъ, имѣющихъ лишь отдаленное отношеніе къ главному предмету его сочиненія, и не сосредоточилъ своего вниманія на

функціяхъ падежныхъ формъ, которыя далеко не исчерпаны въ представленной мнѣ части сочиненія. Такъ авторъ совсѣмъ не коснулся функцій дательнаго и мѣстнаго падежей, ограничившись собственно именительнымъ и родительнымъ.

Не смотря на отрывочность и незаконченность сочиненія г. Черного-ра, я все таки признаю его вполне удовлетворительнымъ, въ виду особенно характеризующихъ это сочиненіе чертъ самостоятельнаго отношенія къ чужимъ взглядамъ и умѣлаго обращенія съ источниками.

4.) *Брыгина*. «О видахъ и временахъ русскаго глагола»

Сочиненіе это представляетъ обширный, очень обстоятельный и основательный разборъ ученія о видахъ и временахъ русскаго глагола со временъ Смотрицкаго до нашего времени, при чемъ наиболѣе мѣста отведе о разбору взглядовъ Шафранова. Павскаго и К Аксакова. Всѣ эти взгляды авторъ раздѣляетъ на три періода: періодъ тезы, переходный и антitezы. Первый онъ характеризуетъ примѣненіемъ къ русской грамматикѣ сѣти временъ глагола греческаго; послѣдній же періодъ представляетъ, по мнѣнію нашего автора, противоположную крайность, именно: отрицаніе въ русскомъ глаголѣ категоріи временъ. Переходный періодъ отмѣченъ колебаніями между этими двумя крайностями. Читая сочиненіе г. Брыгина, не трудно видѣть что это гегелианское развитіе мысли въ тезѣ, антitezѣ и синтезѣ не соотвѣтствуетъ ни исторической послѣдовательности различныхъ взглядовъ на времена и виды русскаго глагола, ни основному характеру отдѣльныхъ представителей мнимой тезы или антitezы. Такъ напр. Брыжаничъ былъ уже въ 17 вѣкѣ представителемъ синтеза въ данномъ вопросѣ, т. е. долженъ бы помѣщаться не рядомъ со Смотрицкимъ и Ломоносовымъ, а рядомъ съ Павскимъ. Съ другой стороны не было почти ни одного крупнаго грамматиста, который не замѣчалъ бы въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ временами, глагольныхъ видовъ, и на оборотъ, вслѣдствіе чего въ періодѣ «тезы» постоянно пробиваются взгляды «антitezы», и на оборотъ. Итакъ «три періода» въ развитіи вопроса о временахъ и видахъ русскаго глагола являются не органическимъ выводомъ изъ исторіи этого вопроса, а скорѣе виѣшнимъ наростомъ, который можетъ быть легко срѣзанъ виѣстѣ съ заглавной страницей разбираемаго сочиненія. Заслугу же автора составляетъ не эта классификація прежнихъ взглядовъ на предметъ темы, а положительный взглядъ, выработанный имъ самимъ на

сущность видовъ и время русскаго глагола. Основныя положенія его заключаются въ слѣдующемъ. Русскій глаголъ замѣтно отличается отъ другихъ арійскихъ по направленію своего развитія: выѣсто количественныхъ опредѣленій дѣйствія, выражаемыхъ временными формами другихъ арійскихъ языковъ, русскій глаголъ развилъ предпочтительно качественныя его опредѣленія, составляющія сущность видовыхъ отличій русскаго глагола. Родовымъ атрибутомъ дѣйствія, котораго видовыми развѣтвленіями являются глагольные виды, авторъ признаетъ понятіе длительности или продолжительности. Русскій глаголъ опредѣляетъ это качество дѣйствія съ пяти разныхъ точекъ зрѣнія: 1) дѣйствіе можетъ быть опредѣлено, какъ закончившееся, безъ указанія на его начало и степень продолжительности; 2) дѣйствіе опредѣляется, какъ законченное столь быстро, что за началомъ его слѣдуетъ немедленно конецъ; 3) дѣйствіе опредѣляется какъ вступающее (или вступившее) въ состояніе длительности съ указаніемъ на начало, а не на конецъ; 4) дѣйствіе опредѣляется какъ такое, длительность котораго поддерживается энергіей производителя, почему оно способно возстаповиться или повториться послѣ извѣстнаго перерыва; 5) дѣйствіе опредѣляется, какъ неопредѣленно-длѣщееся, безъ указанія на начало или конецъ, такъ что неопредѣленность длительности и является опредѣленіемъ этого дѣйствія. Такимъ образомъ получается пять видовъ: 1) окончательный 2) мгновенный или начинательно-окончательный, 3) начинательный, 4) усиленно-длительный и 5) неопредѣленно-длительный. Морфологическими приѣмами опредѣленія этихъ пяти видовъ являются главнымъ образомъ глагольныя примѣты, изъ коихъ *а*, *ова*, *ева* свойственны пятому виду, *ива*, *ива*, *а*-четвертому, -пятому и отчасти первому, *ъ*-третьему и отчасти пятому, *ну*-неотметаемое-второму, *ну*-отметаемое-третьему. Вторымъ приѣмомъ для той же цѣли служитъ усиленіе вокализма, особенно при образованіи глаголовъ 4 вида. Наконецъ, третьимъ средствомъ видоизмѣненія является предложная префиксація, которая, увеличивая опредѣленность и изобразительность глагольнаго значенія, можетъ переводить глаголы 5 или 3 вида въ 1, но всѣ остальные виды не подвергаются измѣненію при префиксаціи. Развивъ столь широко систему видовъ, русскій глаголъ не оставилъ безъ выраженія и категоріи временъ, различивъ разными приѣмами спеціальныя формы для настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. Первое и второе имѣютъ однообразную форму во всѣхъ глаголахъ; но третье выражаетъ

ся двумя способами: либо формами настоящего, либо описательнымъ оборотомъ съ *буду* (малорусск. *иму*). Первое встрѣчается въ глаголахъ 1 и 2 вида; второе во всѣхъ остальныхъ. Причины измѣненія временной функціи презентіальныхъ формъ глаголовъ 1 и 2 вида разъяснены довольно удовлетворительно нашимъ авторомъ, равно какъ и причины вымирания этихъ формъ въ непрефиксованныхъ глаголахъ 4 вида. Что касается другихъ функцій русскихъ глаголовъ, наприм. обозначенія дѣйствій однократныхъ и многократныхъ, однородныхъ и разнообразныхъ, осязаемыхъ и мысленныхъ и т. под., то авторъ разсматриваетъ и ихъ въ разныхъ частяхъ сочиненія, но признаетъ ихъ второстепенными отбѣнками въ сравненіи съ пятью видовыми и тремя временными формами. Все это обставлено авторомъ очень солидными доказательствами и въ значительной мѣрѣ должно оправдаться дальнѣйшими изслѣдованіями. Особенно замѣчательна попытка подвести глагольные виды подъ одно родовое попятіе и опредѣлить ихъ связь съ морфологическими приемами языка. Я сожалею лишь о томъ, что авторъ избралъ такой длинный и утомительный путь для проведенія своихъ взглядовъ на разсматриваемый предметъ. Сочиненіе много выиграло бы, если бы въ немъ менѣе мѣста отведено было историческому обзору прежнихъ взглядовъ на предметъ, а болѣе мѣста посвящено было систематическому изложенію взглядовъ самаго автора, которые разсыяны по всему сочиненію и нигдѣ не сгруппированы въ окончательномъ видѣ. Я предложилъ бы Конференціи, при печатаніи сборника студенческихъ сочиненій, имѣть въ виду этнографическіе очерки Адамова и Цвирко, а еще болѣе замѣчательный лингвистическій трактатъ студента Крыгина.

II. По *славянской филологіи* и. д. профессора *Брандтз* заявляетъ, что на предложенную имъ тему «О русскомъ полногласіи и соответствующей ему инославянской вокализациі» представилъ сочиненіе студентъ Алексѣй Преображенскій. Сочиненіе студента Преображенскаго «орусскомъ полногласіи» представляетъ обзоръ высказанныхъ до сихъ поръ мнѣній объ этомъ явленіи и оцѣнку ихъ. Авторъ отнесся къ излагаемымъ имъ взглядамъ самостоятельно и отдалъ предпочтеніе не послѣдному по времени или связанному съ авторитетнымъ именемъ, а тому, который ему показался лучше обоснованнымъ—мнѣнію Гейтлера, выводящаго инославянскія созвучія *pa* и *po* изъ удѣлѣвшаго въ Русскомъ языкѣ *oro*; принявъ во вниманіе, что стяжаніе двухъ гласныхъ въ одинъ

есть дѣло обычное и полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что при объясненіи звуковыхъ явленій нужно основываться на дѣйствительно существующихъ формахъ и не прибѣгать къ гадательнымъ построениямъ (что, впрочемъ, не вполнѣ вѣрно), авторъ естественно долженъ былъ сойтись съ Гейтлеромъ. Увлечшись достоинствами Гейтлеровой теоріи, онъ прошелъ молчаніемъ высказанныя противъ нея возраженія, которыя слѣдовало или принять въ соображеніе, или опровергнуть, и не замѣтилъ, что изъ приводимыхъ имъ возраженій противъ другихъ теорій нѣкоторыя говорятъ и противъ Гейтлера. Несправедливо, конечно, было бы упрекать студента Преображенскаго, что онъ не рѣшилъ вопроса, котораго не могли до сихъ поръ рѣшить лучшіе ученые, а просто принялъ одно изъ существовавшихъ уже неудовлетворительныхъ объясненій, но нельзя не упрекнуть его въ томъ, что онъ только мелькомъ касается нѣкоторыхъ разсужденій (П. Лавровскаго, Потебни, Ягича), которыя заслуживаютъ подробнаго изложенія.

III. По *русской словесности* Директоръ Института представилъ слѣдующіе отзывы:

Сочиненіе студента *Аристова* подъ заглавіемъ «Жепскіе былевые типы» представляетъ весьма усердно составленное обзорѣніе относящагося къ темѣ матеріала, что потребовало отъ автора подробнаго и внимательнаго ознакомленія съ послѣднимъ. Хотя въ сочиненіи и замѣчается перѣдко недостаточность строгаго критическаго отношенія къ изучаемому матеріалу, но она находитъ себѣ объясненіе, если не оправданіе, въ недостаткѣ опытовъ изученія нашихъ былинъ съ предложенной автору стороны. Обзорѣніе нѣкоторыхъ типовъ, напр. жены Потока и самого Потока, жены Добрыни и др. авторъ сопровождаетъ опытами объясненія ихъ общаго значенія, но эти опыты, часто мнѳлогическаго характера, нельзя назвать вполнѣ самостоятельными, а нѣкоторыя изъ нихъ—даже удачными. Во всякомъ случаѣ, по вниманію къ основательному ознакомленію съ обширнымъ и мало обработаннымъ былевымъ матеріаломъ, а также и съ нѣкоторыми прежними опытами его изученія, а равно къ правильному и живому изложенію, я признаю сочиненіе *Аристова* удовлетворительнымъ.

Сочиненіе *Покровскаго*, написанное на тему «Борисъ Годуновъ и Самозванецъ въ исторіи и въ драмѣ Пушкина», заключаетъ въ себѣ краткій и бѣглый обзоръ исторической дѣятельности обоихъ лицъ съ цѣлью ихъ характеристики и сопоставленія послѣдней съ характера-

ми тѣхъ-же лицъ въ драмѣ Пушкина. Историческій обзоръ оказывается недостаточно развитымъ, отъ чего и различіе позднѣйшихъ взглядовъ на Бориса Годунова и Самозванца сравнительно съ Барамзинскимъ, выразившимся въ драмѣ Пушкина, представляется недостаточно выясненнымъ. Усвоеніе относящихся къ темѣ пособій и правильное изложненіе позволяютъ признать сочиненіе удовлетворительнымъ.

IV. По предмету *Русской Исторіи* лучшимъ изъ сочиненій студентовъ 2-го курса можетъ быть названа работа студента *Дмитріевского* на тему «Борьба Москвы съ Тверью въ XIV и XV столѣтіяхъ».

V По предмету *греческой словесности* изъ представленныхъ студентами IV курса лучшими признаны сочиненія *Миткевича* на тему «тины Еврипидовскихъ трагедій» и *Успенскаго* на тему «сравненіе трагедій Софокла съ трагедіями Еврипида». Изъ упомянутыхъ двухъ сочиненій сочиненіе Миткевича предназначается къ печатанію, такъ какъ, по отзыву профессора Добіаша, кромѣ добросовѣстнаго пользованія пособиями и начитанности въ Еврипидѣ, Миткевичъ, въ своемъ сочиненіи, обнаружилъ и самостоятельность въ постановкѣ научныхъ вопросовъ и методичность въ разборѣ этихъ вопросовъ. Положительнымъ вкладомъ для науки въ сочиненіи Миткевича можно считать его критическій анализъ господствующаго въ исторіи греческой литературы мнѣнія, будто Еврипидъ былъ *мисогинъ*.

О ЗАНЯТІЯХЪ КОНФЕРЕНЦІИ.

Конференція въ истекшемъ учебномъ году имѣла 29 засѣданій. Кромѣ обычныхъ своихъ занятій, состоящихъ въ избраніи новыхъ преподавателей и должностныхъ лицъ,—въ разсмотрѣніи и баллотированіи для напечатанія ученыхъ сочиненій,—въ разсмотрѣніи отчетовъ, подаваемыхъ преподавателями и различными, назначенными Конференціею комисіями, въ распредѣленіи лекцій, репетицій, сроковъ для подачи сочиненій и для экзаменовъ,—въ выпискѣ книгъ и другихъ учебныхъ пособій для Институтскихъ библиотекъ,—въ обсужденіи успѣховъ студентовъ и т. д., Конференція въ истекшемъ учебномъ году занималась обсужденіемъ и рѣшеніемъ слѣдующихъ экстраординарныхъ вопросовъ:

во 1-хъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ обсуждался и рѣшенъ утвердительно большинствомъ голосовъ вопросъ о разрѣшеніи студентамъ ме-

ханическаго воспроизведенія при помощи гектографа, какъ программъ и конспектовъ по лекціямъ, такъ и полныхъ курсовъ по предметамъ, читаемымъ профессорами, но не иначе какъ съ согласія этихъ послѣднихъ и съ правомъ пріостановки ими гектографирования, если они замѣтятъ, что дѣло ведется неправильно и вредитъ занятіямъ студентовъ;

во 2-хъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ Конференція опредѣлила ходатайствовать о разрѣшеніи комитету по сооруженію бюста Гоголя въ Нѣжинѣ дать въ торжественной залѣ Института нѣсколько любительскихъ спектаклей въ пользу означеннаго дѣла, каковыя спектакли и состоялись съ разрѣшенія Г. Попечителя Округа въ концѣ Декабря мѣсяца;

въ 3-хъ, въ Полбрѣ мѣсяцѣ обсуждался вопросъ о передачѣ печатанія «Извѣстій» Института и Каталога Институтской бібліотеки въ новую типографію, такъ какъ содержатель типографіи Университета св. Владиміра велъ это дѣло весьма небрежно и медленно. По указанію профессора Люперольскаго, командированнаго для этой цѣли въ Кіевъ, печатаніе изданій Института, съ разрѣшенія Конференціи, передано было правленіемъ въ Типографію г. Милевскаго въ Кіевѣ, который и ведетъ это дѣло пока вполне добросовѣстно, такъ что нѣкоторые отдѣлы каталога Институтской бібліотеки уже вполне отпечатаны, другіе же набираются типографіей;

въ 4-хъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ рѣшенъ Конференціею большинствомъ голосовъ вопросъ о вознагражденіи и. д. профессора Добіаша за 2 лѣтнее завѣдываніе студенческою бібліотекою, и опредѣлено и на будущее время, чтобы бібліотекою учебныхъ пособій завѣдывало 1 лицо, изъ профессоровъ или преподавателей по возможности, съ особымъ вознагражденіемъ за это дѣло, требующее большой аккуратности и значительной затраты времени.

въ 5-хъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ обсуждаемо было, по заявленію Педагогическаго совѣщанія, поведеніе студента II курса *Хоружинскаго*, который безпрестанно нарушалъ порядокъ, установленный въ Институтѣ, и не смотря ни на какія мѣры взысканія, не умѣлъ или не старался измѣнить своего поведенія. Признавая дальнѣйшее пребываніе студента Хоружинскаго въ Институтѣ въ виду этого нежелательнымъ и невозможнымъ, Конференція опредѣлила предоставить ему самому подать прошеніе объ увольненіи изъ Института, съ обязательствомъ уплатить теперь или по поступленіи на службу долгъ за 1½ годовое

содержаніе въ Институтѣ, а если онъ не пожелаетъ самъ уволиться, то уволить его изъ Института собственною властью съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія и обязательствомъ уплатить теперь или послѣ за свое содержаніе. Такъ какъ студентъ Хоружинскій самъ прошенія объ увольненіи не подалъ, то Конференція ходатайствовала объ его увольненіи изъ Института, на что и послѣдовало разрѣшеніе со стороны Г. Попечителя Округа.

въ 6-хъ, въ томъ же мѣсяцѣ, по случаю совершившагося въ Петербургѣ 1-го Марта сего года злодѣянія, Конференція опредѣлила ходатайствовать о поднесеніи Его Императорскому Величеству, Государю Императору Александру Александровичу вѣрноподданческаго адреса отъ имени служащихъ въ Институтѣ и гимназій, каковой адресъ былъ отправленъ Г. Попечителю Округа 9-го Марта 1881 года. По представленіи Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія адреса Его Величеству, Государь Императоръ повелѣтъ соизвоилъ: «благодарить» служащихъ въ Институтѣ и Гимназій за выраженные ими вѣрноподданческія чувства.

въ 7-хъ, въ концѣ Марта Конференція слушала прошеніе ординарнаго профессора Грота о командированіи его на годъ съ ученою цѣлью за границу и единогласно опредѣлила ходатайствовать объ этой командировкѣ въ виду возможности временнаго замѣщенія лекцій профессора Грота лекціями по другимъ предметамъ Институтскаго преподаванія (разрѣшено Высочайшимъ приказомъ 23 Іюля 1881 года).

въ 8-хъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ подвергнуты обсужденію и одобрены правила фундаментальной бібліотеки Института, выработанныя бібліотечною коммисією, избранною изъ профессоровъ и преподавателей Института (утверждены 12 Іюня 1881 года).

въ 9-хъ, въ томъ же мѣсяцѣ по случаю отказа профессора Будиловича отъ должности члена Правленія Института, опредѣлено выразить ему благодарность Конференціи за многолѣтнее добросовѣстное и усердное исправленіе обязанностей члена Правленія Института.

въ 10-хъ, въ Маѣ мѣсяцѣ подвергали подробному обсужденію вопросъ объ открытіи въ Институтѣ новаго, Историческаго Отдѣленія, проектъ котораго былъ составленъ, по порученію Конференціи, профессоромъ русской и всеобщей исторіи въ Институтѣ. Въ принципѣ вопросъ объ открытіи Историческаго Отдѣленія былъ рѣшенъ Конфе-

ренцією утвердительно еще въ засѣданіи 7-го Марта; но въ виду письменныхъ мнѣній, представленныхъ противъ проекта профессоромъ исторіи профессоромъ Ждановымъ, Будиловичемъ и Добіашемъ, полное рѣшеніе вопроса пришлось отложить; въ засѣданіи 30 Мая были представлены въ отвѣтъ на названныя мнѣнія новыя обширныя мнѣнія въ пользу открытія Историческаго Отдѣленія профессоромъ Люперольскимъ, Зенгеромъ и Гротомъ, а такъ какъ другіе члены Конференціи пожелали подвергнуть эти записки обстоятельной критикѣ, то окончательное обсужденіе устройства Историческаго Отдѣленія опредѣлено отложить до начала новаго учебнаго года; поэтому;

въ 11-хъ, впредь до рѣшенія вопроса объ открытіи Историческаго Отдѣленія, Конференцією приняты на будущій учебный годъ слѣдующія менѣ значительныя измѣненія въ преподаваніи, а именно опредѣлено:

а) ввести двѣ сводныя лекціи по русской литературѣ для студентовъ I и II курса.

б) обязать студентовъ I курса слушать одну лекцію исторической этнографіи Славянъ совмѣстно со II курсомъ.

в) увеличить число лекцій по теоріи словесности съ 1-й на двѣ и читать ихъ совмѣстно III и IV курсу.

г) прибавить одну лекцію для общаго курса русской исторіи на I и II курсахъ и сдѣлать всѣ 3 лекціи по русской исторіи на первыхъ двухъ курсахъ сводными,

д) назначить студентамъ славяно-русскаго отдѣленія IV курса 1 лекцію по русской исторіи для продолженія курса русской исторіи, читаннаго въ истекшемъ году тѣмъ же студентамъ на III курсѣ.

е) вновь увеличить число лекцій по всеобщей исторіи на II курсѣ съ III на IV.

ж) прибавить еще одну лекцію исторіи греческой литературы на IV курсѣ, какъ было опредѣлено уже въ Маѣ 1880 года.

з) ввести одну лекцію на классическомъ отдѣленіи IV курса для продолженія курса исторіи филологіи, читаннаго въ истекшемъ учебномъ году тѣмъ же студентамъ на III курсѣ.

и) предоставить студентамъ III курса слушать одну лекцію дидактики совмѣстно со студентами IV курса.

і) увеличить число лекцій по педагогикѣ I и II курсу съ одной на двѣ, сдѣлавъ эти послѣднія сводными.

к) хотя, при предполагаемомъ отсутствіи профессора философіи, нѣкоторыя изъ вновь назначенныхъ лекцій могутъ быть поставлены въ часы, обыкновенно опредѣляемые для философіи, тѣмъ не менѣе на I и II курсахъ увеличеніе числа лекцій настолько значительно, что требуетъ очищенія новыхъ часовъ, а потому Конференція опредѣлила перенести домашнія чтенія студентовъ на этихъ курсахъ на вечернее время и на утреннее время назначить лишь повѣрку домашнихъ чтеній, съ тѣмъ, чтобы въ дни этой повѣрки уже не было репетицій по предметамъ академическихъ чтеній.

въ 12-хъ, въ засѣданіи 2 Іюня Конференція опредѣлила выдать аттестаты на званіе учителей гимназіи всѣмъ 14 студентамъ, окончившимъ курсъ, распредѣливъ ихъ для выбора учительскихъ мѣстъ, по достоинству оказанныхъ ими успѣховъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) студенты классическаго отдѣленія: Успенскій, Миткевичъ, Яненецъ, Жирновъ, Боровскій, Бирюковичъ, Покровскій Василій 2) студенты славяно-русскаго отдѣленія: Крыгинъ, Цвирко, Адамовъ, Черногоръ, Аристовъ, Покровскій Алексѣй и Преображенскій.

Педагогическихъ совѣщаній въ истекшемъ учебномъ году было 13; эти совѣщанія по прежнему посвящены были обсужденію поведенія студентовъ и изысканію мѣръ къ устраненію замѣченныхъ отступленій отъ порядковъ Института.

Объ ученыхъ трудахъ профессоровъ и преподавателей Института.

Въ истекшемъ учебномъ году вышелъ въ свѣтъ V-й томъ «Извѣстій Института», въ которомъ напечатана магистерская диссертация профессора *Брандта*: «Начертаніе славянской акцентологіи» и 2-я часть сочиненія профессора Грота, «Психологія чувствованій.» Кроме того, почти ужь отпечатанъ VI-й томъ «Извѣстій», въ которомъ содержится продолженіе сочиненія профессора *Будиловича*: «Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ»; сочиненіе профессора *Добіаша*: «Синтаксисъ Аполлонія», часть 1-я; статья профессора *Зенгера*: «Новыя догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація,» статья профессора Грота: «Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій,» статья профессора *Жданова*: «Экзегетическія и лексикологическія замѣтки»; а въ официальной части: «отчетъ о со-

стояніи Института въ 1879го учебномъ году» и «извлеченія изъ протоколовъ Конференціи» за тотъ же годъ. Сверхъ того профессорами и преподавателями Института въ «Извѣстій» напечатаны слѣдующія статьи: 1) ординарнымъ профессоромъ *Аристовымъ*: «матерьялы для археологическаго словаря» (Древности Московскаго археологическаго общества Т. VIII), «Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ», «Симбирскіе юродивые прежняго времени» (Историческій Вѣстникъ 1880 г. т. I и III).

2) Законоучителемъ Хойнацкимъ: «Описание Св. иконъ и другихъ священныхъ изображеній въ соборномъ храмѣ Успенія въ Почаевской лаврѣ» (Волинск. Епарх. Вѣд.), «Лавра Почаевская (Христіанск. Чтеніе)», «Мнимо-исчезнувшій городъ», «Изъ документовъ одного упраздненнаго римско-католическаго монастыря на Волынн» (Древн. и новая Россія), «Варлаамъ Шишацкій, бывшій архіепископъ Могилевскій» (Историч. Вѣстникъ). Двѣ проповѣди по поводу послѣдовавшей кончины Государя Императора Александра Николаевича (Душеполезное Чтеніе).

3) Ординарнымъ профессоромъ *Будиловичемъ* въ Холмско-Варшавскомъ Церковномъ Вѣстникѣ напечатана статья: «критическій разборъ легендъ о Войтехѣ».

4) Ординарнымъ профессоромъ *Гротомъ* статья: «По поводу вопроса о психологіи чувствованій» въ Вѣстникѣ Европы, Декабрь 1880 года.

5) Экстра-ординарнымъ профессоромъ *Ждановымъ*: «Номегіса» въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

6) И. д. экстраординарнаго профессора *Брандтомъ* въ Русскомъ филологическомъ Вѣстникѣ: «О личныхъ наставкахъ славянскаго глагола. О вставочныхъ *д* и *т*. О мнимомъ переходѣ *ы* и *и* въ *о* и *е*. Мнѣніе Г. Тулова о русскомъ правописаніи».

7) Преподавателемъ *Вьлоруссовымъ* напечатано 4 изданіе составленнаго имъ «Учебника теоріи словесности». Окончено сочиненіе «Чтеніе и разборъ литературныхъ образцовъ въ среднихъ учебныхъ заведешяхъ» (Русск. филолог. вѣстникъ).

Объ учебныхъ пособіяхъ:

Фундаментальная бібліотека Института, состоявшая къ 30 Августа 1880 г. изъ 15,414 названій, въ 37,168 томахъ, на сум-

му 51,684 руб. 1 к., пополнена въ теченіи 18⁸⁰/₈₁ учебнаго года приобрѣтеніемъ 961 названія въ 1,454 томахъ, на сумму 3,258 р. 31 к., итого имѣется къ 30 Августа 1881 года въ фундаментальной библиотекѣ 16,475 названій книгъ въ 38,622 томахъ, на сумму 54,942 р. 32 коп. Библиотека учебныхъ пособій, имѣвшая къ 30 Августа 1880 года 672 названія въ 3778 томахъ на сумму 4180 р. 13 коп., пополнилась приобрѣтеніемъ 63 названій въ 453 томахъ, на сумму 569 р. 35 коп. Выдано окончившимъ курсъ студентамъ въ полную ихъ собственность 30 названій въ 118 томахъ, на сумму 265 р. 55 коп. Итого состоитъ нынѣ въ библиотекѣ учебныхъ пособій 705 названій въ 4113 томахъ, на сумму 4483 р. 93 коп. Въ имѣющемся при Институтѣ милицъ-кабинетѣ по прежнему находится 4620 номеровъ монетъ и медалей на сумму 2979 руб. 7 копѣекъ.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ

Конференціи Института Князя Безбородко

ЗА 18⁸⁰|₈₁ ГОДЪ

Засѣданіе 9-го Сентября 1880 года.

Ст. 4. Доложено было ученымъ секретаремъ составленное нѣтъ распредѣленіе репетицій на первое полугодіе текущаго учебнаго года. Опреѣлено: одобрить означенное распредѣленіе и принять оное къ руководству въ настоящемъ полугодіи.

Ст. 5. Въ томъ же засѣданіи г. предсѣдатель заявилъ, что необходимо распредѣлить сроки подачи сочиненій студентами Института и что, по его мнѣнію, можно уменьшить число сочиненій на I и II курсахъ съ трехъ до двухъ, такъ какъ опытъ показалъ, что большее число сочиненій слишкомъ обременительно для студентовъ при другихъ разнообразныхъ ихъ занятіяхъ.

По обсужденіи этого предложенія, Конференція признала вполне справедливымъ нѣкоторое уменьшеніе числа сочиненій студентовъ, которое несомнѣнно можетъ возвысить ихъ качество.

Въ виду этого определено назначить:

1) Студентамъ I и II курса по два сочиненія, одно на выборъ по славянской филологіи, русской исторіи или философіи (срокъ подачи 7 Января), другое на выборъ по всеобщей исторіи, греческой словесности или педагогикѣ (срокъ подачи 2 Апрѣля).

2) Студентамъ III курса: а) классическаго отдѣленія: два сочиненія по римской словесности (срокъ подачи 1 Декабря и 1 Марта) и одно по греческой словесности (срокъ подачи 2 Апрѣля). б) Сла-

вяно-русскаго отдѣленія два сочиненія, одно по славянской лингвистикѣ, другое по исторіи славянскихъ литературъ или русской исторіи (сроки подачи 7 Января и 2 Апрѣля).

3) Студентамъ IV курса а) классическаго отдѣленія: два упражненія на латинскомъ языкѣ по римской словесности (сроки подачи 1 Ноября и 31 Декабря) и одно (кандидатское) курсовое по римской или греческой словесности на выборъ (срокъ подачи 2 Апрѣля) б) Славяно-русскаго отдѣленія: одно курсовое сочиненіе по одному изъ предметовъ ихъ спеціальности (срокъ подачи 2 Апрѣля).

Ст. 7. Въ томъ же засѣданіи, по поводу чтенія статьи предъидущаго протокола, относительно отправки на Московскую промышленно-художественную выставку 1881 г. сборника сочиненій студентовъ, возбужденъ вопросъ объ ускореніи печатанія означеннаго сборника. Для этой цѣли опредѣлено: 1) просить разрѣшенія о назначеніи суммы, въ 500 рублей, изъ остатковъ Института на напечатаніе означеннаго сборника, и 2) извѣстить бывшихъ студентовъ Института, сочиненія которыхъ предположено печатать въ 1 томѣ сборника, чтобы они какъ можно скорѣе доставили свои работы въ Конференцію Института.

Ст. 9. Въ томъ же засѣданіи, согласно опредѣленію Конференціи отъ 28 Августа (ст. 12), произведено было баллотированіе статьи г. экстраординарнаго профессора Жданова, подъ заглавіемъ «Бритическія и экзегетическія замѣтки», предназначенной имъ къ напечатанію въ «Извѣстіяхъ Института». Результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ 9, неизбирательныхъ ни одного. Опредѣлено: напечатать означенную статью въ «Извѣстіяхъ» Института и съ этою цѣлію передать ее Г. Редактору «Извѣстій».

14-го Сентября.

1) Въ настоящемъ засѣданіи баллотировали члена Правленія Института на новый учебный годъ. Въ результатъ баллотированія оказалось, что наибольшее число шаровъ получилъ прежній членъ Правленія, профессоръ Будиловичъ. Опредѣлено: просить профессора Будиловича принять на себя вновь званіе члена Правленія Института.

25-го Сентября.

Ст. 9. Г. Предсѣдатель предложилъ на обсужденіе Конференціи вопросъ о томъ, не найдетъ ли она возможнымъ въ настоящее время замѣстить вакансію 4-го наставника-руководителя въ Институтѣ по всеобщей и русской исторіи. При этомъ г. предсѣдатель основывался на томъ, что были случаи предоставленія бывшимъ студентамъ Института преподаванія исторіи въ гимназіяхъ, и что эти случаи въ будущемъ могутъ повторяться, вслѣдствіе чего практическіе уроки по исторіи могли бы оказать пользу. Съ этими соображеніями согласились многіе члены Конференціи, но выразили мнѣніе, что установленіе практическихъ занятій студентовъ по исторіи въ гимназіи для специалистовъ классическаго и славяно-русскаго отдѣленія было бы обременительно на практикѣ. Это подтвердили и наставники-руководители, не считающіе возможнымъ удѣлить какой либо изъ своихъ часовъ для означенной цѣли, между тѣмъ какъ другихъ свободныхъ часовъ у студентовъ IV курса почти не имѣется. Вслѣдствіе этого Конференція находитъ необходимымъ связать вопросъ о 4-мъ наставникѣ-руководителѣ по исторіи съ вопросомъ объ открытіи 3-го историческаго отдѣленія въ высшихъ курсахъ Института. Определено: отложить обсужденіе вопроса о замѣщеніи мѣста 4-го наставника-руководителя до весны будущаго 1881 года, и въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій заняться предварительнымъ обсужденіемъ вопроса объ открытіи съ будущаго учебнаго года спеціальнаго историческаго отдѣленія въ Институтѣ.

11-го Октября

Ст. 5. Г. Инспекторъ заявилъ о томъ, что своевременно было бы назначить на настоящій гражданскій годъ изъ г. г. профессоровъ Института члена комиссіи, которая ежегодно ревизуетъ фундаментальную бібліотеку Института и подаетъ рапортъ о результатахъ этой ревизіи. По предложенію Конференціи согласился взять на себя въ настоящемъ 1880 году обязанности члена ревизіонной комиссіи экстра-ординарный профессоръ С. Н. Ждановъ. Определено: просить гг. инспектора Аристова и профессора Жданова обревизовать вмѣстѣ бібліотечное имущество и подать рапортъ о результатахъ ревизіи не позже Декабря мѣсяца текущаго года.

28-го Октября.

Ст. 2. Отношеніе Комитета по сооружеиію бюста Н. В. Гоголя отъ 21 Октября за № 139 слѣдующаго содержанія: «Озабочиваясь изысканіемъ средствъ къ увеличенію капитала для разрѣшенной постановки въ г. Нѣжинѣ бюста Н. В. Гоголю, Комитетъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе нѣкоторыхъ лицъ изъ числа мѣстныхъ жителей объ устройствѣ, въ пользу означеннаго фонда, нѣсколькихъ любительскихъ спектаклей».

«При осуществленіи этой мысли встрѣтилось однако затрудненіе въ присканіи удобнаго помѣщенія, и только зала Института могла бы соотвѣтствовать выше объясненной цѣли».

«Принявъ во вниманіе, что другого сколько нибудь удобнаго помѣщенія въ городѣ не оказывается, что устройство любительскихъ спектаклей въ г. Нѣжинѣ имѣетъ цѣлью осуществленіе мысли о постановкѣ бюста знаменитому воспитаннику бывшей гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко, что наконецъ постановка на сценѣ по преимуществу произведеній Н. В. Гоголя можетъ имѣть даже воспитательное значеніе, Комитетъ рѣшилъ обратиться къ Конференціи съ покорнѣйшею просьбою оказать свое содѣйствіе къ исходатайствованію предъ г. попечителемъ Округа разрѣшенія на устройство для вышеуказаной цѣли нѣсколькихъ любительскихъ спектаклей въ помѣщеніи залы Института».

По прочтеніи этого заявленія, г. предсѣдатель указалъ членамъ Конференціи на циркуляръ Г. Министра, которымъ запрещается употребленіе залъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія на другія цѣли, кромѣ учебно-воспитательныхъ.

По всестороннемъ обсужденіи вопроса, дать ли дальнѣйшій ходъ ходатайству Гоголевскаго Комитета, Конференція Института, принимая во вниманіе исключительность случая, а также то обстоятельство, что Гоголь былъ воспитанникомъ бывшей Гимпазіи Высшихъ Наукъ и что живое ознакомленіе со сценическими его произведеніями можетъ быть только полезно воспитанникамъ Института и гимназій, Опредѣлила: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа о разрѣшеніи предоставить комитету по сооружеиію бюста Гоголя въ Нѣжинѣ торжественный залъ Института для устройства нѣсколькихъ спектаклей.

13-го Ноября.

Ст. 5. Предложеніе Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 8 Ноября за № 12292, слѣдующаго содержанія: Вслѣдствіе представленія отъ 29 Октября сего года за № 153, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что къ устройству спектаклей въ Институтской залѣ для обращенія вырученныхъ отъ этихъ спектаклей денегъ на сооруженіе въ Нѣжинѣ бюста Н. В. Гоголя, я съ своей стороны не встрѣчаю препятствій. Определено: увѣдомить Комитетъ по сооруженію бюста Н. В. Гоголя о состоявшемся разрѣшеніи г. Попечителя предоставить залъ Института для означенныхъ спектаклей, присовокупивъ желаніе Конференціи, чтобы устройство спектаклей не имѣло неблагопріятнаго вліянія на ходъ учебныхъ занятій въ Институтѣ и гимназіи.

Ст. 7. Въ настоящемъ засѣданіи г. предсѣдатель Конференціи Института, озабочиваясь своевременнымъ приготовленіемъ ученой рѣчи для произнесенія на торжественномъ актѣ Института 30 Августа 1881 года, предложилъ г. г. членамъ Конференціи, не пожелаетъ ли кто нибудь изъ нихъ взять на себя составленіе такой рѣчи. Выполнить это предложеніе изъявилъ желаніе Инспекторъ Института, Н. Я. Аристовъ, приготовленіемъ рѣчи, подъ заглавіемъ: «Объ историческомъ значеніи сочиненій Н. В. Гоголя». Определено: просить его, по составленіи означенной рѣчи, представить ее на разсмотрѣніе Конференціи не позже перваго Августовскаго засѣданія въ будущемъ 1881 году.

а) 25-го Ноября.

Ст. 2) Предложеніе г. Попечителя Учебнаго Округа, отъ 22 Ноября за № 12706, слѣдующаго содержанія: «Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ Департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія о правахъ на пенсіи и единовременныя пособія законоучителей Историко-Филологическихъ Институтотъ, мнѣніемъ положилъ:

Законоучителямъ православнаго исповѣданія Историко-Филологическихъ Институтотъ: императорскаго въ С-Петербургѣ и Князя Безбородко въ Нѣжинѣ предоставить права на пенсіи и единовременныя

пособія по постановленіямъ для учебной службы Министерства Народнаго Просвѣщенія; при чемъ размѣръ таковыхъ пенсій и пособій, за выслугу установленныхъ по сей службѣ сроковъ, опредѣлить для перваго изъ упомянутыхъ законоучителей по тысячѣ четыреста двадцати девяти руб., шестидесяти коп., а для втораго по тысячѣ двѣсти руб. въ годъ, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ Государственнаго Казначейства.

Такое мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 13-й день истекшаго Октября удостоено Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

О Высочайшемъ повелѣніи этомъ, сообщенномъ мнѣ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 3 Ноября 1880 года за № 12369, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство для надлежащаго свѣдѣнія. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и руководству.

Ст. 3. Въ настоящемъ засѣданіи, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, доложена была Конференціи программа трехъ вокально-литературныхъ вечеровъ, имѣющихъ быть устроенными для студентовъ Института, въ свободное отъ занятій время, согласно постановленію Конференціи, отъ 24 Ноября 1875 года. Опредѣлено: программу одобрить и представить на утвержденіе г. Попечителя Округа съ изложеніемъ причинъ, послужившихъ основаніемъ къ ежегодному устройству упомянутыхъ вечеровъ для студентовъ Института и воспитанниковъ состоящей при немъ гимназіи.

Ст. 6. Въ томъ же засѣданіи послѣдовало отъ г. предсѣдателя предложеніе о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ г. г. членовъ Конференціи принять на себя обязанности редактора по изданію каталога книгъ институтской бібліотеки. Эти обязанности согласился принять на себя ординарный профессоръ П. И. Люперсолюскій. Опредѣлено: просить П. И. Люперсолюскаго принять въ свое вѣдѣніе изданіе означеннаго каталога.

б) 25-го Ноября.

Ст. 1. Въ засѣданіи 25 сего Ноября, по предложенію г. предсѣдателя, обращено было вниманіе на то, что съ 1 по 20 Декабря сего года должно оказаться значительное число свободныхъ лекцій, по причинѣ участія нѣкоторыхъ преподавателей въ засѣданіяхъ здѣшня-

го Окружнаго Суда, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей; при этомъ и д. экстраординарнаго профессора Добіашъ изъявилъ желаніе читать 6 своихъ лекцій изъ числа 10, употребляя на то первые, а отчасти и вторые часы; преподаватель Фогель изъявилъ желаніе занять остающіяся свободными три лекціи на 2 курсѣ г. Кириллова, и инспекторъ, профессоръ Аристовъ, также выразилъ желаніе занять свободную одну лекцію того же преподавателя. Опредѣлено: принять къ исполненію означенную выше замѣну лекцій, составить соотвѣтственное тому временное распредѣленіе лекцій и объявить объ этомъ студентамъ.

10-го Декабря.

Ст. 1. Въ настоящемъ засѣданіи г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Конференціи, что бывший воспитанникъ Лицея Бнязя Безбородко, окончившій въ ономъ курсѣ Николай Васильевичъ Гербель, извѣстный въ нашей литературѣ своими трудами по изданію въ русскомъ переводѣ лучшихъ сочиненій иностранныхъ поэтовъ и писателей, а также замѣчательныхъ произведеній нашихъ литераторовъ и поэтовъ, желая выразить свою признательность воспитавшему его заведенію, прислалъ въ даръ для библіотеки Лицея, а нынѣ Института Бнязя Безбородко слѣдующія изданныя имъ сочиненія въ весьма изящномъ переплетѣ:

- 1) Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей, 10 томовъ.
- 2) Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира, въ переводѣ русскихъ писателей, Изд. 3, испр. и дополнен. 1, 2 и 3 т.
- 3) Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, 1 т.
- 4) Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, 1 т.
- 5) Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, 2 т.
- 6) Игорь Бнязь Сѣверскій. Слово о полку Игоревѣ, 1 экз.
- 7) Сочиненія Лорда Байрона въ переводѣ русскихъ поэтовъ, въ 2 т., 4 части.
- 8) Горе отъ Ума. Комедія Грибоѣдова.
- 9) Некрологъ Артиллеріи Генералъ-Лейтенанта В. В. Гербеля.
- 10) Байронъ въ переводѣ Н. В. Гербеля.

11) Полное собраніе сонетовъ Вилліама Шекспира въ пер. Н. Гербеля.

12) Кобзарь Тараса Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ, Гербеля.

13) Поэзія Славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ, въ переводахъ русскихъ писателей.

14) Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей, Т. 1 и 2.

Опредѣлено: принять означенныя сочиненія и выразить за принесенный даръ для бібліотеки Института Н. В. Гербелю искреннюю признательность отъ имени Конференціи Института.

20-го Декабря.

Ст. 3. Прошеніе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Брандта о разрѣшеніи ему воспользоваться отпускомъ по 5 Февраля 1881 года, по болѣзни и вслѣдствіе предпринятой имъ защиты въ С.-Петербургскомъ Университетѣ своей диссертациі на степень магистра славянской филологіи, причемъ г. Брандтъ представилъ медицинское свидѣтельство доктора Вальденберга. По этому поводу г. Предсѣдатель заявилъ, что онъ уже ходатайствовалъ предъ Г. Попечителемъ Округа о продолженіи отпуска профессору Брандту, и что ординарный профессоръ Будиловичъ изъявилъ готовность, въ отсутствіе г. Брандта, читать часть его лекцій, и съ конца Ноября до конца истекшаго полугодія читалъ 4 лекціи изъ числа тѣхъ, которыя оставались незанятыми вслѣдствіе отъѣзда и. д. профессора Брандта. Определено: заявленіе г. предсѣдателя принять къ свѣдѣнію.

Ст. 4. Предложеніе Г. Попечителя Кіевского Учебнаго Округа отъ 5 Декабря за № 13238 слѣдующаго содержанія: «Возвращая при семъ программу литературныхъ вечеровъ, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я разрѣшаю привести въ исполненіе определеніе Конференціи ввѣреннаго Вамъ Института, изложенное въ представленіи отъ 28 истекшаго Ноября за № 159, относительно устройства студентами Института и учениками соединенной съ нимъ гимназіи литературныхъ вечеровъ».

«При этомъ присовокупляю, что устройство подобныхъ вечеровъ и на будущее время не только не встрѣтитъ съ моей стороны препятствія, но напротивъ они очень желательны».

По этому же поводу письмо Тайнаго Совѣтника Голубцова, отъ 5 Декабря 1880 года за № 13239, слѣдующаго содержания: «Въ до-
полненіе къ предложенію моему отъ 5 сего Декабря за № 13238
по поводу устройства студентами Историко-Филологическаго Института
и учениками соединенной съ нимъ гимназій литературныхъ вече-
ровъ считаю своимъ долгомъ выразить Вашему Превосходительству,
а также и всѣмъ служащимъ во ввѣренномъ Вамъ заведеніи свою
искреннюю признательность за стараніе ввести въ жизнь студентовъ
желательное разнообразіе и предоставленіе имъ возможности пользо-
ваться такими удовольствіями, которыя благотворно дѣйствуютъ на
ихъ развитіе». Опредѣлено: программу вечеровъ принять къ испол-
ненію, а предложеніе и письмо г. Попечителя учебнаго округа при-
нять къ свѣдѣнію и приобщить къ дѣлу.

Ст. 10. Въ настоящемъ засѣданіи, согласно 17 § правилъ для
испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ
Института, составлено Конференціею распредѣленіе репетицій на второе
полугодіе 1880—81 учебнаго года.

7-го Января 1881 года.

Ст. 4. Въ настоящемъ засѣданіи представлена и. д. экстраорди-
нарнаго профессора Г. Э. Зенгеромъ статья подъ заглавіемъ: «Новыя
догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горация», предназначенная къ на-
печатанію въ VI томѣ «Извѣстій» Института. Опредѣлено: означен-
ную статью разослать для прочтенія гг. членамъ Конференціи и, по
прочтеніи, баллотировать въ ближайшемъ засѣданіи Конференціи для
напечатанія въ «Извѣстіяхъ».

Ст. 7. Заявленіе экстраординарнаго профессора С. Н. Жданова
о желаніи его напечатать статью подъ заглавіемъ: «Лексикологиче-
скія замѣтки», въ VI томѣ «Извѣстій» Института. Опредѣлено: озна-
ченную статью разослать для прочтенія членамъ Конференціи и, по
прочтеніи, баллотировать въ ближайшемъ засѣданіи Конференціи для
напечатанія въ «Извѣстіяхъ».

27-го Января.

Ст. 5. Согласно съ предложеніемъ г. Предсѣдателя, Конференція
опредѣлила просить Правленіе Института войти въ сношеніе съ Киев-

скими типографіями по вопросу о печатаніи сборника студентовъ, для котораго уже заготовленъ первоначальный матеріалъ.

Ст. 6. Въ томъ же засѣданіи баллотировали для напечатанія въ «Извѣстіяхъ» Института, согласно постановленію Конференціи въ засѣданіи 7 Января (ст. 4), статью профессора Зенгера подъ заглавіемъ: «Новыя догадки о порченыхъ мѣстахъ у Горація». Въ результатѣ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ семь, неизбирательныхъ ни одного. Определено: поручить редактору «Извѣстій» озаботиться напечатаніемъ упомянутой статьи проф. Зенгера въ VI томѣ «Извѣстій» Института.

Ст. 7. Въ томъ же засѣданіи баллотировали для напечатанія въ «Извѣстіяхъ» Института, согласно постановленію Конференціи отъ 7-го Января (ст. 7), статью профессора Жданова подъ заглавіемъ: «Лексикогическія замѣтки». Результатомъ оказалось: избирательныхъ голосовъ семь, неизбирательныхъ ни одного. Определено: поручить редактору «Извѣстій» доставить означенную статью въ типографію для напечатанія въ VI томѣ «Извѣстій».

18-го Февраля.

Ст. 1. Въ настоящемъ засѣданіи, на основаніи 35 ст. Инструкціи въ дополненіе къ уставу Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, доложенъ отчетъ о состояніи учебной части Института за истекшій 1880 годъ. По разсмотрѣніи отчета Конференція опредѣлила: одобревъ таковой, представить его въ двухъ экземплярахъ г. Попечителю Кіевскаго учебнаго округа для сообщенія одного экземпляра г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

7-го Марта.

Ст. 3. Читали извѣщеніе председателей V Археологическаго съѣзда о томъ, что этотъ съѣздъ откроется 8-го Сентября 1881 года въ Тифлисѣ во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, при чемъ председатели съѣзда просятъ Институтъ о назначеніи своихъ депутатовъ на означенный съѣздъ. Конференція, обсудивъ это предложеніе, опредѣлила просить Инспектора Института, профессора русской исторіи Н.

Я. Аристова. быть депутатомъ отъ Института на V Археологическомъ създѣ въ Тифлисѣ, и такъ какъ инспекторъ Института выразилъ свое согласіе на эту просьбу, то Конференція опредѣлила ходатайствовать о разрѣшеніи суммы въ 300 руб. на эту командировку, поручивъ Правленію Института изыскать источникъ для покрытія означеннаго расхода.

Ст. 5. Въ томъ же засѣданіи профессорами Ждановымъ и Гротомъ представлены въ Конференцію для помѣщенія въ VI томѣ Извѣстій Института,—первымъ замѣтка подъ заглавіемъ «о знакахъ удареній въ папирусномъ спискѣ Алкмановой пѣсни Діоскурамъ», вторымъ статья подъ заглавіемъ «Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій (отвѣтъ г. Козлову)». Опредѣлено: объ работы разослать для предварительнаго прочтенія гг. членамъ Конференціи и, по прочтеніи, баллотировать въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій.

Ст. 10. Затѣмъ Конференція опредѣлила единогласно по случаю совершившагося 1 Марта въ Петербургѣ злодѣянія, жертвою котораго палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Округа о поднесеніи Его Императорскому Величеству Императору Александру Александровичу вѣрно-подданническаго адреса отъ имени Института и состоящей при немъ Гимназіи, поручивъ составить таковой особой комиссіи, въ которую избраны г. Директоръ Института, профессора: Будиловичъ и Люперсольскій и завѣдывающій гимназіею Ѡ. А. Златоустовскій. По составленіи адреса, представить его на утвержденіе Конференціи.

Ст. 11. Предсѣдатель заявилъ, что студенты IV курса, обонхъ отдѣленій, обратились къ нему съ просьбою объ освобожденіи ихъ, въ виду предстоящей подачи полугодовыхъ сочиненій и другихъ срочныхъ занятій, на оставшіяся 4 недѣли учебнаго времени отъ практическихъ уроковъ въ гимназіи. Такъ какъ, по заявленію предсѣдателя, а равно и наставниковъ—руководителей, большинство студентовъ 4-го курса доказало уже достаточно свою подготовленность къ преподаванію въ гимназіи, то, по обсужденіи вопроса, опредѣлено: освободить большинство студентовъ IV курса отъ уроковъ въ гимназіи на остающееся учебное время, рекомендовавъ однакоже студентамъ славяно-русскаго отдѣленія Цвирко и Преображенскому дать еще по одному уроку для исправленія сочиненій гимназистовъ, желательность чего

заявлена была наставникомъ—руководителемъ по русскому языку и словесности; что же касается до меньшинства болѣе слабыхъ студентовъ, каковыми признаны Васиій Покровскій, Боровскій и Бирюковичъ—классическаго отдѣленія, то предоставитъ наставникамъ—руководителямъ и впредь привлекать ихъ къ урокамъ въ гимназіи, на сколько они усмотрятъ въ томъ надобность.

Ст. 12. Въ томъ же засѣданіи рѣшена окончательно, въ принципѣ, необходимость открытія въ Институтѣ, съ будущаго учебнаго года, третьяго историческаго отдѣленія и опредѣлено поручить разработать проектъ устройства этого отдѣленія профессорамъ исторіи Н. Я. Аристову, П. И. Люперсольскому и Г. Э. Зенгеру, предоставивъ и другимъ преподавателямъ, если они пожелаютъ, представить свои соображенія по означенному вопросу въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Конференціи.

а) 9-го Марта.

Ст. 2. Подвергали баллотировкѣ вопросъ о напечатаніи въ VI томѣ Извѣстій Института статьи профессора Жданова подъ заглавіемъ «О знакахъ удареній въ папирусномъ спискѣ Алкмановой пѣсни Діоскурамъ». Результатомъ баллотированія оказалось избирательныхъ голосовъ девять, неизбирательныхъ ни одного. Опредѣлено: поручить редактору Извѣстій доставить статью профессора Жданова въ типографію Милевскаго въ Кіевѣ, для помѣщенія въ VI томѣ Извѣстій Института.

Ст. 3. Подвергали баллотировкѣ вопросъ о напечатаніи въ VI томѣ Извѣстій Института статьи профессора Грота подъ заглавіемъ: «Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій (отвѣтъ Козлову)». Результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ девять, неизбирательныхъ ни одного. Опредѣлено: доставить статью профессора Грота въ типографію Милевскаго въ Кіевѣ, для помѣщенія въ VI томѣ Извѣстій Института.

б) 9-го Марта.

Ст. 1. Слушали предложеніе г. Попечителя Округа отъ 4 Марта за № 2477 слѣдующаго содержанія: Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Статсъ Секретарь Сабуровъ, далъ мнѣ знать,

что Государь Императоръ Александръ Николаевичъ скончался 1 Марта въ 3 часа 35 минутъ дня. Сообщаю объ этомъ Вамъ, Милостивый Государь, для надлежащихъ съ Вашей стороны распоряженій. Опредѣлено: настоящее предложеніе принять въ свѣдѣнію и записать въ протоколъ.

Ст. 2. Въ томъ же засѣданіи слушали составленный особою комиссією, согласно постановленію Конференціи отъ 7-го Марта ст. 10, вѣрноподданнической адресъ слѣдующаго содержания Его Величеству, Государю Императору Александру Александровичу отъ имени всѣхъ служащихъ въ Институтъ и Гимназіи по случаю совершившагося въ Петербургѣ злодѣянія, жертвою котораго палъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ:

Ваше Императорское Величество,
Всемилоостивѣйшій Государь!

Служащіе въ Историко-Филологическомъ Институтѣ князя Безбородко и состоящей при немъ Гимназіи, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ страшной вѣсти о мученической кончинѣ въ Бозѣ почившаго Государя, осмѣливаются повергнуть предъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества выраженіе чувствъ беззавѣтной своей преданности.

Благость Божія да хранитъ Васъ, Государь, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, да ниспошлетъ Вамъ свою помощь въ великомъ подвигѣ устроенія Русской земли, даруетъ престолу Вашему достойныхъ слугъ и да преисполнитъ царствованіе Ваше радостями народной любви и народнаго благоденствія».

Подлинный подписали всѣ служащіе въ Институтѣ и состоящей при немъ Гимназіи.

Опредѣлено: ходатайствовать предъ Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа о разрѣшеніи повергнуть на Всемилоостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича настоящій адресъ съ подписями всѣхъ служащихъ.

28-го Марта.

Ст. 1. Предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, отъ 12 Марта сего года за № 2851, слѣдующаго содержания: «Во исполненіе

предложенія Г. Управляющаго Министерством Народнаго Просвѣщенія отъ 2 Марта за № 1881, препровождая экземпляръ Высочайшаго Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Александровича манифеста, состоявшагося 1 сего же мѣсяца о восшествіи Его Императорскаго Величества на прародительскій престолъ Всероссійской Имперіи и на нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, долгомъ считаю покорнѣе просить Васъ, Милостивый Государь, всѣхъ состоящихъ во вѣрномъ Вамъ заведеніи лицъ привести къ присягѣ на вѣрнопопданство Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Александровичу и Наслѣднику Его Величества, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу и присяжные листы подписанные, какъ Вами, такъ и упомянутыми лицами, представить мнѣ для отсылки оныхъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія». Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель заявилъ, что присяжные листы, требуемые изложеннымъ предложеніемъ г. Попечителя, уже представлены 22 Марта за № 506. Определено: принять къ свѣдѣнію, а приложенный къ предложенію манифестъ приобщить къ дѣлу.

Ст. 3. Слушали прошеніе ординарнаго профессора Института Николая Грота слѣдующаго содержанія: «Приступивъ съ начала настоящаго учебнаго года къ собиранію матеріаловъ для написанія докторской диссертациі по моему предмету (философіи), я постепенно приведенъ былъ къ убѣжденію, что для успѣшнаго выполненія моей задачи, состоящей въ обработкѣ извѣстной группы логическихъ вопросовъ, мнѣ необходимо было бы заняться въ бібліотекахъ заграничныхъ, а именно германскихъ университетовъ, и войти въ личныя сношенія съ нѣкоторыми новѣйшими представителями той науки, къ которой относится моя тема. При сложности и запутанности логическихъ вопросовъ, особенно полезно было бы для меня слушаніе курсовъ логики, читаемыхъ профессоромъ Вундтомъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и профессоромъ Зигвартомъ въ Тюбингенскомъ. Личный обмѣнъ мыслей съ этими учеными значительно облегчилъ бы мнѣ усвоеніе духа современныхъ системъ логики, господствующихъ въ Германіи. Кромѣ того, близкая связь изучаемыхъ мною логическихъ вопросовъ съ теоріей развитія языка породила во мнѣ желаніе освѣ-

жить и пополнить свои свѣдѣнія по наукѣ сравнительнаго языкознанія, что возможно тоже лишь при содѣйствіи ученыхъ специалистовъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился прибѣгнуть къ Конференціи съ покорнѣйшею просьбою ходатайствовать предъ Министерствомъ о командированіи меня на годъ съ ученою цѣлью за границу, въ чемъ я надѣюсь мнѣ не будетъ отказано, такъ какъ заграничныя командировки по полученіи степени магистра и для приготовления къ степени доктора приняты и въ университетахъ. На ходатайство Конференціи я тѣмъ болѣе рассчитываю, что пять лѣтъ тому назадъ приглашеніе меня на кафедру философіи въ Институтъ князя Безбородко неожиданно сократило срокъ моихъ занятій въ заграничныхъ университетахъ съ двухъ лѣтъ, на которые я былъ первоначально командированъ С.-Петербургскимъ университетомъ, на одинъ годъ. О возмѣщеніи мнѣ этого потеряннаго, для свободныхъ ученыхъ занятій по моей специальности за границею, года я и прошу въ настоящее время ходатайства Конференціи.

Что касается до вопроса о неудобствахъ, которыя могли бы быть связаны для Института съ отсутствіемъ въ теченіи года профессора философіи, то они легко устранимы. Опытъ уже доказалъ, что отсутствіе лекцій по философіи въ теченіи года не можетъ вызвать серьезнаго замѣшательства въ ходѣ занятій студентовъ Института. При самомъ основаніи своемъ, Институтъ въ теченіи года обходился безъ профессора философіи, и образовавшійся въ чтеніяхъ пробѣлъ легко былъ возмѣщенъ впоследствии, когда я занялъ эту кафедру. Такъ какъ лекціи по философіи обыкновенно читаются только въ трехъ курсахъ, то съ курсомъ, который въ будущемъ году будетъ выпускнымъ, мнѣ и безъ того не приходится имѣть занятій въ будущемъ году. Тѣ же шесть лекцій, которыя я долженъ былъ бы читать въ будущемъ году I, II и III курсамъ, я могу читать черезъ годъ студентамъ II, III и IV курсовъ, сдѣлавъ двѣ лекціи по исторіи философіи сводными для III и IV курсовъ, двѣ лекціи по логикѣ сводными для II и III курсовъ, двѣ лекціи по психологіи сводными для I и II курсовъ. Подобныя комбинаціи курсовъ уже имѣли прецедентъ въ Институтѣ именно въ распредѣленіи лекцій по философіи. При томъ перенесеніе лекцій по общимъ предметамъ съ курса на курсъ почти ежегодно, въ тѣхъ или другихъ видахъ, практикуется Конференціею; специальныхъ же лекцій, которыя было бы важно читать

именно на известныхъ опредѣленныхъ курсахъ, по предмету философіи не полагается.

Такимъ образомъ въ распредѣленіи преподаванія отсутствіе мое въ теченіе года не можетъ вызвать никакого замѣшательства. Что касается до особыхъ порученій, возлагаемыхъ Конференціею на ея членовъ, то въ этомъ отношеніи никакихъ недоимокъ за мной не имѣется. Въ Сентябрѣ нынѣшняго года кончается законное трехлѣтіе моей службы въ качествѣ ученаго секретаря Конференціи, кромѣ того, въ теченіе пяти лѣтъ я выполнялъ обязанности редактора Извѣстій Института, въ теченіе двухъ лѣтъ обязанности члена библиотечной комиссіи, которая приготовила къ печатанію каталогъ библиотеки и составила библиотечныя правила. Наконецъ въ установленную очередь я былъ членомъ комиссіи, ревизирующей библиотечку, и читалъ рѣчь на торжественномъ актѣ 30 Августа. Такимъ образомъ, какъ членъ Конференціи, я и безъ того свободенъ въ будущемъ году отъ всякихъ повинностей. Если Конференція признаетъ всѣ изложенные доводы въ пользу ходатайства о моей командировкѣ убѣдительными, то я покорнѣйше прошу ее ходатайствовать о командированіи меня съ ученою цѣлью, а именно для приготовленія къ степени доктора философіи, въ Германскіе университеты съ 1 Сентября 1881 г. по 1 Сентября 1882 г., съ тѣмъ чтобы за мной былъ удержанъ мой окладъ ординарнаго профессора Института.

Конференція Института, выслушавъ означенное прошеніе и признавая съ одной стороны соображенія, приведенныя профессоромъ Гротомъ въ пользу его командировки, справедливыми; съ другой стороны соглашаясь съ его доводами относительно возможности устранения неудобствъ, сопряженныхъ съ его временнымъ отсутствіемъ, какъ профессора, единогласно опредѣлила: ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о командированіи ординарнаго профессора Николая Грота на годъ за границу для приготовленія къ степени доктора, съ удержаніемъ за нимъ его оклада, какъ ординарнаго профессора Института.

31-го Марта.

Ст. 11. Заявленіе Инспектора Института Н. Аристова и профессора С. Жданова о произведенной ими ревизіи студенческой библиотеки. Опредѣлено: означенное заявленіе принять къ свѣдѣнію.

21-го Апрѣля.

Ст. 3. Читали отиѣтки студентовъ на репетиціяхъ во второмъ полугодіи. Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію, приобщить списки съ отиѣтками студентовъ къ дѣламъ и обратить вниманіе студентовъ, имѣющихъ плохія отиѣтки, на слабость ихъ въ соотвѣствующихъ предметахъ, съ тѣмъ чтобы они позаботились о серьезномъ приготовленіи по этимъ предметамъ къ экзаменамъ.

Ст. 7. Обсуждали составленное ученымъ секретаремъ росписаніе экзаменовъ и ассистенствъ на настоящій учебный годъ. Опредѣлили: означенное росписаніе одобрить и сообщить преподавателямъ и студентамъ Института.

Ст. 8. Рапортъ профессора Будиловича слѣдующаго содержанія: предполагая отправиться въ лѣтніе мѣсяцы за границу для пользованія минеральными водами, честь имѣю просить Конференцію снять съ меня обязанности члена Правленія и избрать на эту должность другое лицо. Опредѣлили: выразить профессору А. С. Будиловичу благодарность Конференціи за многолѣтнюю добросовѣстную и усердную службу въ должности члена Правленія Института и баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи новое лицо на означенную должность.

Ст. 9. Подвергнуты окончательному обсужденію правила библиотеки, составленныя библіотечною комиссіею. Въ результатѣ принять слѣдующій проектъ правилъ библіотеки.

§ 1. Библіотекаръ отвѣчаетъ за цѣлость библіотеки и собранія учебныхъ пособій, порядокъ въ нихъ и правильное веденіе каталоговъ и прочихъ документальныхъ книгъ и записей. Помощники библіотекаря, если таковые имѣются и если имъ порученъ Конференціею какой либо отдѣлъ библіотеки, отвѣчаютъ за оный въ той же мѣрѣ, какъ библіотекаръ за всю библіотеку.

Примѣчаніе. Подробности завѣдыванія собраніемъ учебныхъ пособій и пользованіе ими опредѣляются особыми правилами, утверждаемыми Конференціею.

§ 2. Книги, приобретаемыя по распоряженію Конференціи путемъ покупки или обмѣна, а также пожертвованныя Институту Правленіе передаетъ библіотекарю подъ его росписку для немедленнаго внесенія въ каталоги и размѣщенія въ библіотекѣ. Исключеніе книгъ

изъ библіотеки можетъ происходить также лишь по распоряженію Конференціи.

Примѣчаніе. Правила о поступленіи въ библіотеку журналовъ опредѣляются особымъ постановленіемъ Конференціи о читальнѣ.

§ 3. Въ библіотекѣ ведутся:

1) Каталогъ послѣдовательныхъ приобрѣтеній библіотеки, или документальный каталогъ, въ который записываются всѣ рукописи, печатныя и другія изданія, по мѣрѣ поступленія ихъ въ библіотеку, съ означеніемъ, когда и отъ кого, и если отъ книгопродавца, то по какому счету онѣ поступили, а также цѣны ихъ. Въ томъ же каталогѣ записывается мѣсто книги въ библіотекѣ.

Примѣчаніе 1. Цѣны сочиненій, приобрѣтаемыхъ по пожертвованію или же мѣною, означаются по каталогамъ книгопродавцевъ, а если въ оныхъ нѣтъ на то указаній, то по соображеніямъ библіотечной комиссіи.

2) Систематичный карточный каталогъ.

3) Алфавитный карточный каталогъ.

Примѣчаніе 2. Систематическій и алфавитный карточные каталоги должны быть, по мѣрѣ возможности, замѣняемы систематическимъ печатнымъ каталогомъ и азбучнымъ къ нему указателемъ, при чемъ однако веденіе карточныхъ каталоговъ продолжается для новыхъ приобрѣтеній библіотеки, невошедшихъ въ печатные каталоги или прибавленія къ нимъ.

Примѣчаніе 3. Въ документальномъ и систематическомъ каталогахъ должны находиться свѣдѣнія о томъ, какія имѣются въ библіотекѣ рукописи, а также, какія сочиненія суть дефекты и какія существуютъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

4) Хронологическій указатель книгъ, отдаваемыхъ въ переплетъ.

Примѣчаніе 4. Всѣ книги въ библіотекѣ должны быть по возможности переплетаемы, а мелкія сочиненія брошюруемы; вновь поступающія книги отдаются въ переплетъ непосредственно послѣ внесенія ихъ въ каталоги, если не заявлено на нихъ экстреннаго требованія препода-

вателемъ Института; прежде прибрѣтенныя сочиненія переплетаются постепенно, начиная съ тѣхъ, которыя находятся въ частомъ употребленіи или составляютъ дорогія изданія или наконецъ почему либо находятся въ такомъ видѣ, что нуждаются въ переплетеніи.

5) Указатель журналовъ и другихъ изданій, выходящихъ отдѣльными выпусками, которыя получаютъ по заказу Института по мѣрѣ появленія въ печати.

6) Въ особыхъ книгахъ и на бланкахъ ведутся записи сочиненій, выдаваемыхъ на домъ преподавателямъ Института, студентамъ и другимъ лицамъ.

Примѣчаніе 5. Въ книгахъ этихъ противъ инвентарнаго № отмѣчаются только фамиліи получателей, а на бланкахъ, подписанныхъ лицомъ, взявшимъ данное сочиненіе, заключаются подробныя свѣдѣнія о названіи автора, заглавіи книги, номерѣ ея въ документальномъ каталогѣ и мѣстѣ, которое она занимаетъ въ библіотекѣ.

Примѣчаніе 6. Изъ поименованныхъ въ настоящемъ § документовъ книги за № 1, 4 и 5 должны быть прошнурованы и скрѣплены печатью Института.

§ 4. Книги размѣщаются въ библіотекѣ по отдѣламъ науки. Отдѣлы науки обозначаются буквами русскаго алфавита; шкафы каждаго отдѣла обозначаются буквою, присвоенною этому отдѣлу, и сверхъ того для отличія другъ отъ друга особымъ померомъ, выражаемымъ римскимъ числовымъ знакомъ помера положъ обозначаются арабскими цифрами; книги въ каждомъ отдѣлѣ имѣютъ особую нумерацію. На каждой книгѣ ставится на первомъ заглавномъ листѣ штемпель печати фундаментальной библіотеки Института, тамъ же обозначается буква отдѣла, № книги въ документальномъ каталогѣ и въ отдѣлѣ, № шкафа и полки. На корешкѣ отмѣчается № книги въ отдѣлѣ.

§ 5. Книгами изъ библіотеки пользуются слѣдующія лица:

а) профессора и преподаватели Института и состоящей при немъ Гимназіи, а равно и другія лица, числящіяся на дѣйствительной службѣ въ означенныхъ заведеніяхъ.

б) Студенты Института.

в) Постороннія лица, не иначе какъ съ разрѣшенія Конференціи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, за ручательствомъ одного изъ пре-

подавателей Института и со внесением залога, величина которого определяется библиотечною комиссіей, и который передается на хранение под росписку казначею Института.

§ 6. п. 1. Книги, которыя не выдаются изъ библіотеки на домъ, суть:

а) Рукописи и вообще книги, составляющія библіографическую рѣдкость.

б) Книги, часто требуемыя для справокъ, напр. энциклопедіи и ученые словари, если они имѣются только въ одномъ экземплярѣ.

Примѣчаніе 1. Исключенія допускаются для преподавателей Института только по особому постановленію Конференціи.

п. 2. Студентамъ и вообще всѣмъ лицамъ, кромѣ преподавателей Института, сверхъ того не выдаются:

а) Книги, недозволенные цензурою къ общему употребленію.

б) Периодическія изданія и книги для легкаго чтенія.

п. 3. Студентамъ не выдаются и другія сочиненія, не имѣющія отношенія къ ихъ научнымъ занятіямъ.

Примѣчаніе 2. Поименованныя въ п. 2, б и въ п. 3 книги могутъ быть выдаваемы студентамъ только въ видѣ исключенія, съ разрѣшенія Директора или Инспектора Института, или по особому заявленію преподавателей.

§ 7. Желающіе получить книгу, исключая профессоровъ и преподавателей, являются для этого лично въ библіотеку. Для выдачи книгъ преподавателямъ Института библіотека открыта ежедневно, исключая неприсутственные дни, въ опредѣленные часы, которые назначаются Конференціею по соглашенію съ библіотекаремъ. Прочимъ лицамъ выдача производится два раза въ недѣлю въ дни и часы, объявленные библіотекаремъ. Преподаватели могутъ получать книги въ тотъ же день. Студенты и другія лица должны заявлять свои требованія наканунѣ.

§ 8. Число книгъ, выдаваемыхъ на руки студенту, не должно превышать 5 названій и 10 томовъ; исключеніе допускается, когда по заявленію преподавателя—спеціалиста студентъ для своихъ занятій нуждается въ большемъ числѣ сочиненій. Постороннимъ и другимъ лицамъ, за исключеніемъ профессоровъ и преподавателей Института, не можетъ быть выдаваемо разомъ болѣе 3 томовъ. Срокъ пользования на дому каждою книгою 1) для профессоровъ или преподавателей Института опредѣляется въ 6 мѣсяцевъ, 2) для студентовъ въ 1

мѣсяць, 3) для прочихъ лицъ въ недѣлю. Если по истеченіи этихъ сроковъ на книгу не предъявлено никакихъ требованій, то книга можетъ быть выдана вторично на тотъ же срокъ тому же лицу. Если на книгу, выданную студенту или другому лицу, будетъ предъявлено требованіе профессора или преподавателя, то она должна быть возвращена немедленно, хотя бы до истеченія срока. Если на книгу, находящуюся на рукахъ у преподавателя, предъявить требованіе другое лицо, то библіотекаръ послѣднему даетъ справку, у кого книга находится и когда истекаетъ срокъ ея возвращенія. При выдачѣ книгъ, на которыя одновременно предъявлено нѣсколько требованій, специалистъ имѣетъ преимущество предъ неспециалистомъ, преподаватель Института предъ студентомъ, студентъ предъ прочими служащими въ Институтѣ и предъ посторонними лицами, лица, служащая въ Институтѣ, предъ лицами посторонними.

§ 9. Лицо, утерявшее какое либо сочиненіе, принадлежащее библіотекѣ, обязано, если это сочиненіе находится въ продажѣ, представить оное въ библіотеку въ теченіе двухъ мѣсяцевъ или же заплатить показанную въ каталогѣ стоимость книги и переплета. Двухмѣсячный срокъ считается со времени полученія требованія библіотекаря о возвратѣ сочиненія. Если утрачено сочиненіе, вышедшее изъ продажи, то количество взысканія за утрату онаго опредѣляется библіотечною комиссіею. Въ случаѣ невнесенія въ назначенный срокъ денегъ за утраченное сочиненіе, съ лица служащаго въ Институтѣ или же Институтской гимназіи онѣ взыскиваются при ближайшей выдачѣ жалованья. Если сочиненіе утрачено студентомъ, то взысканіе производится изъ третнего оклада, выдаваемого студентамъ при поступленіи на службу. Если книга утрачена постороннимъ лицомъ, то обеспечивающій ее залогъ этого лица удерживается Правленіемъ Института для возмѣщенія утраты.

Примѣчаніе. За сочиненіе испорченное взыскивается какъ за утраченное. Если утраченъ номеръ журнала или одинъ томъ сочиненія, то Конференція Института, если найдетъ необходимымъ, имѣетъ право назначить взысканіе за годовое изданіе или за все сочиненіе. Сочиненіе испорченное или разрозненное, за которое уплочены деньги, въ библіотеку не возвращается.

§ 10. При увольненіи кого либо въ отпускъ должны быть возвращены въ библіотеку всѣ сочиненія, которыя взяты отлучающимся или за

которыя онъ поручился. Профессора и преподаватели возвращаютъ книги только въ случаѣ увольненія въ отпускъ свыше 28 дней. Въ послѣднемъ случаѣ исключеніе въ пользу профессоровъ и преподавателей Института дѣлается только съ согласія Конференціи.

§ 11. Для обсужденія и разрѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся библіотеки, состоитъ библіотечная коммисія по крайней мѣрѣ изъ трехъ преподавателей Института, избираемыхъ Конференціею на одинъ годъ. Библіотекаръ имѣетъ въ этой коммисіи совѣщательный голосъ. Подробныя инструкціи коммисіи даетъ Конференція, отъ которой зависитъ и утверженіе ея постановленій.

§ 12. Ежегодно производится общая ревизія библіотеки особою коммисіею, состоящею изъ Инспектора Института и одного профессора, назначаемаго Конференціею: о результатѣ ревизіи они доносятъ Конференціи и Правленію. Кромѣ ежегодной ревизіи можетъ быть назначена таковая во всякое время, по усмотрѣнію Конференціи.

Опредѣлено: настоящій проектъ правилъ, согласно предложенію г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 18 Августа 1880 года за № 8744, представить на утвержденіе Его Превосходительства.

Ст. 12. Читали письмо, полученное г. Предсѣдателемъ отъ преподавателя Каменецъ-Подольской гимназій, магистра римской словесности С. Ф. Опацкаго, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе занять въ Институтѣ мѣсто преподавателя латинскаго языка и словесности. По обсужденіи письма г. Опацкаго, Конференція опредѣлила: просить г. Предсѣдателя увѣдомить учителя Каменецъ-Подольской гимназій Опацкаго, что хотя вакантное мѣсто профессора по кафедрѣ римской словесности дѣйствительно и имѣется въ Институтѣ Бнзя Безбородко, но въ то же время въ числѣ Институтскихъ преподавателей есть два лица, исправляющія обязанности отсутствующаго втораго профессора римской словесности. Эти два лица, предложенныя самимъ Министерствомъ, какъ окончившія курсъ въ С.-Петербургскомъ Институтѣ и находящіяся поэтому на обязательной службѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, приготовляются нынѣ къ пріобрѣтенію степени магистра римской словесности и считаются официальными кандидатами на означенную должность. Вслѣдствіе всего этого Конференція въ настоящее время не находитъ удобнымъ принимать съ своей стороны мѣры къ замѣщенію упомянутой вакантной профессуры.

4-го Мая.

Ст. 2. Увѣдомленіе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 29 Апрѣля 1881 года за № 4668 слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія о вѣрноподданническихъ чувствахъ, выраженныхъ служащими во вѣренномъ Вамъ Институтѣ въ 23 день Марта сего года собственноручно начертать изволю: «благодарить». Опредѣлили: занести въ протоколъ.

Ст. 5. Заявленіе и. д. экстра-ординарнаго профессора Р. Θ. Брандта о полученіи имъ диплома на степень магистра, каковой дипломъ и представленъ имъ въ Конференцію. Опредѣлили: занести въ формулярный списокъ профессора Брандта о полученіи имъ степени магистра, а самый дипломъ приобщить къ дѣламъ.

Ст. 8. Отзывъ профессора А. С. Будиловича о сочиненіяхъ студентовъ славяно-русскаго отдѣленія IV курса. Опредѣлено: имѣть въ виду сочиненія Адамова, Цвирко и въ особенности Крыгина при печатаніи студенческаго сборника, а также упомянуть объ этихъ сочиненіяхъ въ отчетѣ, читаемомъ на актѣ.

Ст. 10. По примѣру прошлаго года, въ виду приближенія времени окончательныхъ выпускныхъ экзаменовъ, опредѣлено: просить г. Директора, по соглашенію съ наставниками—руководителями, представить въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія списокъ оканчивающихъ курсъ студентовъ съ указаніемъ, какіе предметы и въ какихъ классахъ гимназій можетъ преподавать каждый изъ нихъ.

Ст. 11. Въ томъ же засѣданіи, согласно постановленію Конференціи Института отъ 21 Апрѣля (№ 9 ст. 8) произведены были выборы члена Правленія. Изъ числа баллотировавшихся членовъ большее число избирательныхъ шаровъ получилъ и. д. экстра-ординарнаго профессора А. Добіашъ. Опредѣлено: утвердить г. Добіаша въ должности члена Правленія на одинъ годъ съ настоящаго числа.

23-го Апрѣля.

Ст. 1. Слѣдующіе рапорты объ устройствѣ историческаго отдѣленія въ Институтѣ, представленные профессорами исторіи, на которыхъ конференція возложила въ засѣданіи 7 Марта обязанность выработать проектъ историческаго отдѣленія.

1) Профессора русской исторіи *Аристова*: «Если съ слѣдующаго учебнаго года откроется въ Институтѣ специальное историческое отдѣленіе, я считаю необходимымъ распредѣлить лекціи по русской исторіи слѣдующимъ порядкомъ: первому и второму курсу читать два года, по двѣ лекціи въ недѣлю, общій курсъ русской исторіи. Третій курсъ долженъ слушать четыре лекціи: двѣ специального курса и двѣ практическихъ объ источникахъ русской исторіи. Четвертый курсъ совмѣстно съ третьимъ долженъ слушать двѣ лекціи русскихъ древностей или археологіи», 2) профессоръ всеобщей исторіи *Люперсольскаго* и *Зенгера*: «Честъ имѣемъ представить въ Конференцію свои соображенія относительно образованія въ Институтѣ, съ начала будущаго учебнаго года, специального историческаго отдѣленія студентовъ. Задачею означеннаго отдѣленія, по нашему мнѣнію, должно быть прежде всего усиленіе преподаванія исторіи въ Институтѣ и возвышеніе историческаго образованія студентовъ. То второстепенное положеніе, какое исторія занимаетъ въ настоящее время въ системѣ институтскаго образованія, не отвѣчаетъ дѣйствительному значенію этой науки и мѣсту, каксе принадлежитъ ей въ цѣломъ кругѣ филологическихъ знаній. Оно обусловливается случайною причиною, тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что въ гимназіяхъ нѣтъ спроса на преподавателей исторіи. Но, конечно, въ высшемъ образовательномъ заведеніи, какъ Институтѣ, на первомъ планѣ всегда должны стоять научныя и образовательныя цѣли. При той живой органической связи, какая существуетъ между исторіей и остальными филологическими дисциплинами, ослабленіе ея преподаванія не можетъ не отзываться невыгоднымъ образомъ на всѣхъ другихъ сторонахъ филологическаго образованія студентовъ Института. Поэтому вопросъ объ открытіи въ Институтѣ специального историческаго отдѣленія мы ставимъ внѣ связи съ тѣмъ, предвидится или не предвидится въ гимназіяхъ спросъ на преподавателей исторіи. Тѣмъ не менѣе должно быть принято во вниманіе, какого рода учительскія мѣста въ гимназіяхъ имѣютъ быть предоставлены студентамъ Института, оканчивающимъ курсъ по историческому отдѣленію. Такъ какъ научныя занятія исторіею не мыслимы безъ основательнаго знанія классическихъ языковъ, то преподаваніе сихъ послѣднихъ студентамъ историческаго отдѣленія должно занимать важное мѣсто. Притомъ на специальныхъ историческихъ курсахъ, помимо лекцій собственно по древнимъ языкамъ, ихъ ли-

тературамъ и по классическимъ древностямъ, важнѣйшую часть спеціальнс-историческаго преподаванія будетъ составлять чтеніе и критическій разборъ древнихъ классическихъ писателей и другихъ историческихъ памятниковъ на обоихъ классическихъ языкахъ. Посему студенты историческаго отдѣленія могутъ быть назначаемы преподавателями какъ исторіи, такъ и древнихъ языковъ.

Цѣлый кругъ преподаванія на историческомъ отдѣленіи составляютъ слѣдующіе предметы: 1) исторія всеобщая, 2) исторія русская, 3) древніе языки (языкъ, исторія литературы и древности), 4) философія, 5) географія, 6) педагогика. Что касается богословія, то было бы желательно преподаваніе исторіи церкви на историческомъ отдѣленіи студентовъ; но соображенія объ этомъ предоставляемъ высказать по принадлежности профессору богословія при Институтѣ. На 4-мъ курсѣ студенты историческаго отдѣленія даютъ пробные уроки въ гимназін какъ по исторіи, такъ и по древнимъ языкамъ.

Распредѣленіе лекцій на обоихъ спеціальныхъ курсахъ (3 и 4) по вышеназваннымъ предметамъ и по всеобщей исторіи на 1 и 2 курсахъ (общій курсъ исторіи) представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Общій курсъ. 1 и 2 курсы слушаютъ совмѣстно; одинъ годъ исторію Востока и Греціи; другой—римскую и среднюю—по 3 часа въ недѣлю. Новая исторія будетъ преподаваться на 3 курсѣ всѣмъ отдѣленіямъ совмѣстно, по два часа въ недѣлю.

II. Спеціальный курсъ.

3-й курсъ. а) *Предметы, общіе съ двумя другими отдѣленіями:* 1) философія—2 часа въ недѣлю, 2) педагогика—2 часа въ недѣлю, 3) новая исторія—2 часа въ недѣлю. б) *Общіе съ классическимъ отдѣленіемъ:* 1) по обоимъ древнимъ языкамъ—7 часовъ въ недѣлю. Болѣе точное распредѣленіе занятій по этимъ предметамъ предоставляемъ самимъ преподавателямъ древнихъ языковъ; со своей стороны выражаемъ желаніе, чтобы для студентовъ историческаго отдѣленія по возможности сокращено было количество письменныхъ упражненій, имѣющихъ исключительно стилистическій характеръ, 2) греческія древности—2 часа въ недѣлю, 3) римскія древности—3 часа въ недѣлю, 4) греческая литература—1 часъ въ недѣлю. в) *Спеціально-историческіе:* 1) разборъ историческихъ источниковъ—исторіографія, чтеніе и анализъ литературныхъ, эпиграфическихъ, вообще всякаго рода письменныхъ историческихъ памятниковъ, а также ознакомленіе съ вещественными памятниками—2 часа въ недѣлю, сводно съ 4-мъ

курсомъ. Тѣ или иныя изъ поименованныхъ здѣсь дисциплинъ излагаются по выбору преподавателя. 2) специальный курсъ всеобщей исторіи по одному изъ ея отдѣловъ (также по выбору преподавателя)—2 часа въ недѣлю: сводно съ 4 курсомъ. 3) русская исторія. Подробное распредѣленіе лекцій по этому предмету представлено отдѣльно профессоромъ русской исторіи. 4) географія—1 часъ въ недѣлю сводно съ 4-мъ курсомъ. Не имѣя отнюдь въ виду стѣснять своими соображеніями собственный взглядъ на дѣло преподавателя этого предмета, не можемъ не высказать желанія, чтобы при изложеніи онаго обращено было вниманіе на тѣ его стороны, какія имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи. 4-й курсъ. а) *Предметъ, общій съ двумя другими отдѣленіями*: педагогика,—1 часъ въ недѣлю. б) *Предметы, общіе съ классиками*: 1) древніе языки—6 часовъ въ недѣлю, 2) исторія греческой литературы—2 часа въ недѣлю, 3) исторія римской литературы—3 часа въ недѣлю, 4) преподаваніе по древнимъ языкамъ въ гимназій—2 часа въ недѣлю. в) *Специально-историческіе предметы*: 1) всеобщая исторія—4 часа въ недѣлю совмѣстно съ 3-мъ курсомъ (по вышеуказанной программѣ), 2) русская исторія, 3) преподаваніе исторіи въ гимназій—1 часъ въ недѣлю. **III. Новые языки.** Что касается новыхъ языковъ, то въ виду особенно важнаго ихъ значенія для занятій исторіею, считаемъ необходимымъ предложить на тщательное обсужденіе Конференціи вопросъ, не сдѣлать-ли для студентовъ историческаго отдѣленія обязательнымъ изученіе обоихъ преподаваемыхъ въ Институтѣ новыхъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго. **IV. Письменныя работы.** Студенты историческаго отдѣленія подаютъ сочиненія по исторіи (всеобщей или русской): на 3-мъ курсѣ—2 въ годъ, по одному въ полугодіе; студенты 4-го курса представляютъ одно курсовое сочиненіе на тему, одобренную однимъ изъ преподавателей исторіи. Независимо отъ того, студенты обоихъ курсовъ обязаны представлять письменныя работы небольшого объема, въ какихъ будетъ оказываться надобность, по усмотрѣнію профессоровъ и къ назначаемымъ ими срокамъ, по предметамъ ихъ специальныхъ историческихъ чтеній. Отъ специальныхъ письменныхъ работъ по другимъ предметамъ студенты историческаго отдѣленія должны быть свободны.

Вслѣдъ затѣмъ выслушаны были мнѣнія нѣкоторыхъ членовъ Конференціи по содержанію вышеприведеннаго проекта. Обсужденіе послѣдняго продолжалось и въ слѣдующія засѣданія Конференціи.

2-го Іюня.

Ст. 1. Въ настоящемъ засѣданіи разсматривали вѣдомость успѣховъ студентовъ IV курса, оказанныхъ ими на окончательныхъ испытаніяхъ, а по нѣкоторымъ академическимъ предметамъ и на курсовыхъ испытаніяхъ за прошлые годы. На основаніи ст. 31 п. 5 инструкціи къ уставу Института опредѣлено выдать аттестаты на званіе учителей гимназій всѣмъ 14 студентамъ, окончившимъ курсъ, при чемъ по достоинству оказанныхъ ими успѣховъ предоставить имъ выбирать мѣста учителей, назначенныя для нихъ министерствомъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Для классиковъ:

Успенскій.
Миткевичъ.
Яненць.
Жирновъ.
Боровскій.
Бирюковичъ.
Покровскій Василій.

Для славистовъ:

Брыгинъ.
Цвирко.
Адамовъ.
Черногоръ.
Аристовъ.
Покровскій Алексѣй.
Преображенскій.

Ст. 2. Присланныя вакансіи учителей гимназій и прогимназій распределены слѣдующимъ образомъ между отдѣленіями классическимъ и славянорусскимъ.

1) Классикамъ предоставлены слѣдующія мѣста учителей древнихъ языковъ:

- Въ 3-й Харьковской гимназій.
- » Витебской гимназій.
- » Уральской войсковой гимназій.
- » Радомской мужеской гимназій.
- » Енисейской гимназій 2 мѣста.
- » Красноярской гимназій.
- » Якутской прогимназій.

Славяноруссамъ предоставлены слѣдующія мѣста учителей русскаго языка.

Въ Ташкентской прогимназіи.

- » Ровенскомъ реальномъ училищѣ.
- » Глуховской шестиклассной прогимназіи.
- » Измаильской прогимназіи (по латинскому и русскому).

Сверхъ того по древнимъ языкамъ:

Въ Владивостокской прогимназіи.

- » Мозырской прогимназіи (по греческому языку).

Ст. 3. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. предсѣдатель предложилъ Конференціи обсудить вопросъ, не найдетъ ли она возможнымъ войти въ Министерство съ особымъ ходатайствомъ относительно студента славяно-русскаго отдѣленія, *Михаила Крыгина*, обнаружившаго особенные успѣхи въ изученіи славяно-русской филологіи и доказавшаго своимъ послѣднимъ (кандидатскимъ) сочиненіемъ по славянской лингвистикѣ выдающіяся ученныя дарованія и умѣніе самостоятельно справляться съ весьма сложными научными вопросами, какъ это подтвердилъ письменнымъ отзывомъ объ означенномъ сочиненіи проф. славянской филологіи, А. С. Будиловичъ. Такъ какъ въ Институтѣ давно чувствуется недостатокъ въ особомъ преподавателѣ русской словесности, то не найдетъ ли Конференція справедливымъ имѣть въ виду студента Крыгина какъ кандидата на означенную преподавательскую должность, при чемъ полезно и даже необходимо было-бы въ такомъ случаѣ предоставить Крыгину возможность окончательно приготовиться къ такой дѣятельности, прикомандировавъ его на годъ къ одному изъ столичныхъ университетовъ, напр. Петербургскому, для слушанія лекцій по русской словесности и вообще по славяно-русской филологіи и для усовершенствованія въ наукахъ, составляющихъ его специальность. Конференція Института, вполне соглашаясь съ справедливостью предложенія г. предсѣдателя и находя съ своей стороны весьма желательнымъ, чтобы преподавательскія силы Института по возможности пополнялись впродъ лучшими изъ бывшихъ воспитанниковъ этого самаго заведенія, опредѣлила единогласно: ходатайствовать передъ Министерствомъ о прикомандированіи бывшего студента Института Крыгина на одинъ годъ къ С.-Петербургскому университету для усовершенствованія въ наукахъ, входящихъ въ кругъ славяно-русской специальности съ назначеніемъ ему до 1200 руб. въ годъ, т. е. до 600 руб. на первое полугодіе, изъ остатковъ по 2 статьѣ, т. е. отъ со-

держанія студентовъ, о чемъ и представить г. понечителю Кіевскаго Учебнаго Округа.

Ст. 5. Въ томъ же засѣданіи, согласно рапорту преподавателя Адрианова, Конференція опредѣлила разрѣшить снова въ будущемъ году чтеніе латинскаго синтаксиса студентамъ II курса на русскомъ языкѣ вмѣсто латинскаго, ради весьма существенной экономіи времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. председателемъ заявлено, что студенты II курса и въ нынѣшнемъ году просятъ освободить ихъ отъ изложенія на экзаменѣ курса латинскаго синтаксиса на латинскомъ языкѣ, такъ какъ лекцій прочитано по этому предмету болѣе 60, а репетиція была только одна. Конференція, признавъ этотъ мотивъ уважительнымъ, опредѣлила удовлетворить ходатайство студентовъ II курса, о чемъ и объявить имъ.

Ст. 6. Въ томъ же засѣданіи, по заявленію г. председателя, опредѣлено ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о занесеніи въ формулярный списокъ профессора Будиловича признательности, выраженной ему Конференціею за 6 лѣтнее добросовѣстное и безвозмездное выполненіе имъ обязанностей члена Правленія и Института.

Ст. 8. Слушали заявленіе г. председателя, что въ виду извѣстнаго ему, изъ телеграммы г. Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія, факта перемѣщенія въ Варшавскій университетъ профессора Института А. С. Будиловича, имъ приняты мѣры для замѣщенія вакансіи проф. Будиловича съ начала будущаго года. Результатомъ этихъ мѣръ является слѣдующее прошеніе кандидата С.-Петербургскаго университета М. И. Соколова: Извѣстившись объ открытіи въ Институтѣ вакансіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора русской литературы, честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство имѣть меня кандидатомъ на замѣщеніе этой вакансіи. При семъ прилагаю свой кандидатскій дипломъ, прочіе же документы вмѣстѣ съ отзывомъ о моихъ научныхъ занятіяхъ, если оный потребуется, будутъ высланы С.-Петербургскимъ университетомъ по требованію Института. Вмѣстѣ съ симъ прошеніемъ посылаю какъ опытъ своихъ научныхъ занятій книгу «Изъ древней исторіи Болгаръ. Образование болгарской національности, принятіе христіанства болгарскими славянами».

Вслѣдъ за симъ г. председатель заявилъ, что какъ самъ онъ, такъ и проф. Будиловичъ, будучи знакомы съ упомянутымъ въ про-

шеніи сочиненіемъ М. И. Соколова находятъ его заслуживающимъ полнаго одобренія и видятъ въ немъ задатки прекрасной ученой силы, а въ авторѣ всѣ данныя для замѣщенія каведры профессора славянско-филологіи. Въ этому же мнѣнію о сочиненіи г. Соколова присоединился и профессоръ русской исторіи Аристовъ, имѣвшій также случай съ нимъ ознакомиться. Въ виду единогласнаго благопріятнаго отзыва гг. специалистовъ, Конференція опредѣлила: по полученіи оффициальнаго увѣдомленія о перемѣщеніи проф. Будловнича, баллотировать кандидата С.-Петербургскаго университета М. И. Соколова въ исправляющаго должность экстра-ординарнаго профессора по каведрѣ славяно-русской филологіи.

Ст. 11 Читали заявленіе завѣдывающаго бібліотекою учебныхъ пособій, въ которомъ онъ проситъ разрѣшить ему выдачу оканчивающимъ курсъ студентамъ учебниковъ, положенныхъ имъ по уставу, и исключеніе таковыхъ изъ инвентарной книги. Опредѣлено: разрѣшить г. завѣдывающему бібліотекою учебныхъ пособій поступить согласно означенному заявленію и поручить донести затѣмъ Конференціи о числѣ выданныхъ сочиненій а также представить ихъ списокъ на сумму не свыше 300 рублей. вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено просить гг. преподавателей передать г. завѣдывающему студенческой бібліотекою списки учебныхъ пособій, которые должны быть приобрѣтены къ будущему учебному году.

9-го Іюня.

Ст. 3. Одобрено составленное ученымъ секретаремъ росписаніе лекцій въ Институтѣ на будущій 1881—82 учебный годъ, при чемъ, по предложенію и. д. экстра-ординарнаго профессора Добіаша, опредѣлили: вмѣсто 4 лекцій греческой и латинской грамматики на 1 и 2 курсахъ (по 2 лат. и по 2 греческой) назначить проф. Добіашу по 2 лекціи сравнительной грамматики древнихъ языковъ на 1 и на 2 курсахъ. Лекціи греческихъ авторовъ на 3 курсѣ, назначенныя прежде проф. Добіашу, передать преподавателю Бирилову. Назначить особья репетиціи и отдѣльные экзамены по сравнительной грамматикѣ древнихъ языковъ. Въ виду уменьшенія числа преподавательскихъ лекцій (по 2 у Фогеля и Адрианова), передать преподавателю Бирилову еще 1 лекцію греческихъ авторовъ на 3 курсѣ.

Ст. 6. Въ томъ же засѣданіи прочитано приложенное къ сему протоколу мнѣніе ординарнаго профессора Аристова о сочиненіи г. Соколова «Изъ древней исторіи Болгаръ». По выслушаніи этого мнѣнія, Конференція Института, въ виду предстоящаго разъѣзда членовъ Конференціи на каникулярное время и, принимая во вниманіе телеграмму Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія о согласіи министерства на перемѣщеніе ординарнаго профессора Института Будиловича въ Варшавскій университетъ, произвела баллотированіе Матвѣя Соколова въ и. д. экстра-ординарнаго профессора по русской словесности. Результатъ баллотированіе оказался слѣдующій: избирательныхъ шаровъ 7, неизбирательныхъ ни одного. Опредѣлили: по полученіи официального увѣдомленія о перемѣщеніи г. Будиловича, войти съ представленіемъ объ утвержденіи г. Соколова и. д. экстра-ординарнаго профессора Института по каедрѣ русской словесности.

Ст. 9. Въ настоящемъ засѣданіи обсуждались результаты выбора мѣстъ учителей гимназій и прогимназій окончившими курсъ студентами по списку вакантныхъ мѣстъ, доставленному Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія. Опредѣлили: представить къ утвержденію въ должностяхъ учителей слѣдующихъ учебныхъ заведеній окончившихъ курсъ студентовъ: а) по классическому отдѣленію: 1) *Миткевича*—въ Витебскую гимназію, 2) *Успенскаго*—въ Харьковскую 3-ю гимназію, 3) *Яненца*—въ Уральскую войсковую гимназію, 4) *Боровскаго*—въ Радомскую гимназію, 5) *Бирюковича*—въ Красноярскую гимназію, 6) *Покровскаго Василія*—въ Енисейскую гимназію; б) По славяно-русскому отдѣленію: 1) *Цвирко*—въ Глуховскую прогимназію, 2) *Адамова*—въ Ровенское реальное училище, 3) *Черногора*—въ Измаильскую прогимназію, 4) *Аристова*—въ Владивостокскую прогимназію, а въ случаѣ назначенія Крыгина стипендіатомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ—въ Ташкентскую прогимназію, 5) *Преображенскаго Алексѣя*—въ Енисейскую гимназію (въ низшіе классы) и 6) *Покровскаго Алексѣя*—въ Мозырскую прогимназію. Изъ остальныхъ двухъ окончившихъ курсъ студентовъ Института—*Жирновъ Василій*, согласно полученному увѣдомленію отъ г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, будетъ опредѣленъ учителемъ въ Симферопольскую гимназію; о командированіи же *Крыгина Михаила* (предполагавшаго поступить въ Ташкентскую прогимназію) въ С.-Петербургскій университетъ для приготовленія къ профессорскому

званію, Конференція, согласно постановленію своему отъ 2 сего Іюня, имѣтъ войти съ особымъ представленіемъ.

29-го Августа.

Ст. 1. Въ настоящемъ засѣданіи, въ виду оканчивающагося трехлѣтія исполненія обязанностей ученаго секретаря ординарнымъ профессоромъ Гротомъ, опредѣлено: баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи новаго ученаго секретаря на слѣдующее трехлѣтіе.

Ст. 2. Заслужаны составленный ученымъ секретаремъ для прочтенія на торжественномъ актѣ 30 Августа отчетъ о состояніи Института въ 1880--81 учебномъ году, а также рѣчь ординарнаго профессора Аристова «историческое значеніе сочиненій Гоголя», предназначенная для прочтенія на томъ-же актѣ. Опредѣлили: одобрить для прочтенія отчетъ и рѣчь проф. Аристова, при чемъ, въ виду отсутствія г. Аристова изъ Нѣжина, прочтеніе его рѣчи поручить и. д. экстра-ординарнаго профессора Зенгеру.

31-го Августа.

Ст. 2. Предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 27 Іюля 1881 г. за № 7918 слѣдующаго содержания: «г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 18 сего Іюля за № 8596 увѣдомилъ меня, что онъ утверждаетъ кандидата С.-Петербургскаго университета *Матвѣя Соколова* исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора историко-филологическаго Института Князя Безбородко по кафедрѣ русской словесности, съ 1-го Іюля текущаго года, о чемъ и будетъ внесено въ приказъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

«О вышеизложенномъ, съ возвращеніемъ диплома за № 1009, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, впоследствии представленія отъ 2 Іюля за № 149. Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію и сообщить Правленію Института для надлежащихъ распоряженій».

Ст. 3. Предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 17 Августа 1881 г. за № 8913 слѣдующаго содержания: «Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, послѣдовавшимъ въ 23 день минувшаго Іюля, ординарный профессоръ

историко-филологическаго Института Князя Безбородко Николай Гротъ командированъ за границу съ ученою цѣлью, срокомъ на одинъ годъ, считая съ 1 Сентября сего года. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ мнѣ г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 5 Августа за № 9091, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, въ разрѣшеніе представленія отъ 4 Апрѣля за № 36-мъ. Определено: принять къ свѣдѣнію.

Ст. 5. Предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Округа отъ 4 Августа 1881 года за № 8192 слѣдующаго содержанія: «На представленіе, отъ 27 истекшаго Іюля за № 170, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я разрѣшаю внести въ формулярный списокъ бывшаго профессора вѣреннаго Вамъ Института Антона Будиловича статью объ изъявленіи ему благодарности за службу его въ должности члена Правленія Института». Определено: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Ст. 7. Предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 13 Августа 1881 года за № 8467 слѣдующаго содержанія: «г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 3 сего Августа за № 8970, увѣдомилъ меня, что нижепоименованныя лица, окончившія въ семь году курсъ историко-филологическаго Института Князя Безбородко, назначены его Превосходительствомъ, съ 1 истекшаго Іюля, учителями въ слѣдующія учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія: Леонидъ Успенскій—въ 3-ю Харьковскую, Альфредъ Яненць—въ Уральскую войсковую, Василій Жирновъ—въ Симферопольскую, Михаилъ Бирюковичъ—въ Красноярскую гимназію и Василій Покровскій—въ Мозырскую прогимназію, всѣ пятеро по древнимъ языкамъ; Николай Боровскій—въ Бѣльскую и Алексѣй Преображенскій—въ Енисейскую гимназію; Петръ Адамовъ—въ Глуховскую и Алексѣй Покровскій—въ Измаильскую прогимназію; Степанъ Черногоръ—въ Ровенское реальное училище и Иванъ Цвирко—въ Поневѣжскую учительскую семинарію, всѣ шестеро по русской словесности. При этомъ г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія присовокупляетъ: 1) что онъ не признаетъ возможнымъ изъявить согласіе на назначеніе содержанія Михаилу Брыгину изъ предвидимаго къ концу сего года остатка отъ суммы, ассигнованной по § 12 ст. 2 смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенія на содержаніе студентовъ Нѣжинскаго Института, такъ какъ

подобное употребленіе остатковъ не соотвѣтствуетъ дѣйствующимъ смѣтнымъ правиламъ. Въ случаѣ же, если признано будетъ полезнымъ оставить Крыгина при Институтѣ безъ содержанія, то по этому предмету слѣдуетъ возбудить особое ходатайство, дабы возможно было назначить окончившаго курсъ Аристова на предложенную Крыгину должность учителя Ташкентской гимназіи; 2) что Константинъ Миткевичъ не могъ быть назначенъ на должность учителя въ Витебскую гимназію, такъ какъ означенная должность нынѣ уже замѣщена; 3) что Николай Боровскій Его Превосходительствомъ назначенъ въ Бѣльскую (Сѣдлецкой губерніи) гимназію на томъ основаніи, что вакансія въ Радомской гимназіи, согласно донесенію Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа, нынѣ уже замѣщена, 4) что о назначеніи вышепоименованныхъ одиннадцати лицъ учителями предложено подлежащимъ учебнымъ начальствамъ и будетъ внесено въ приказъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія; 5) что о назначеніи прогонныхъ денегъ Преображенскому и Бирюковичу сдѣлано сношеніе съ Министерствомъ Финансовъ, остальнымъ же девяти лицамъ причитающіяся прогоны назначены изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и будутъ переведены въ вѣдѣніе г. Директора Нѣжинскаго историко-филологическаго Института. Сообщая о вышензложенномъ, въ разрѣшеніе представленія отъ 12 Іюня за № 135, имѣю честь покорнѣйше просить Конференцію историко-филологическаго Института Князя Безбородко предложить поименованнымъ выше лицамъ отправиться къ мѣстамъ ихъ назначенія и документы ихъ выслать начальствамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыя они назначены. При семъ имѣю честь присовокупить, что мною вмѣстѣ съ симъ сдѣлано распоряженіе о переводѣ третнаго не взычетъ жалованья для Гг. Адамова и Черногора въ распоряженіе Директора Института. По выслушаніи настоящаго предложенія, послѣдовало заявленіе г. Директора о томъ, что озабочиваясь судьбою окончившихъ курсъ въ Институтѣ студентовъ Крыгина и Миткевича, оставшагося по непредвидѣнной случайности безъ мѣста, онъ говорилъ при личныхъ свиданіяхъ съ г. Министромъ о настоятельной необходимости оказать содѣйствіе означеннымъ лицамъ въ продолженіи образованія и въ приготовленіи къ ученой дѣятельности, на которую они оба вполне способны, тѣмъ болѣе, что права ихъ на матеріальное обезпеченіе со стороны Министерства въ виду ихъ выдающихся занятій въ Институтѣ заслуживаютъ особен-

наго вниманія. Г. Министръ въ отвѣтъ на это разрѣшилъ возобновить ходатайство объ ученой командировкѣ студентовъ Брыгина и Миткевича, на средства самаго Министерства, общая съ своей стороны оказать содѣйствіе къ благопріятному разрѣшенію этого дѣла. Въ виду означеннаго заявленія г. Директора, Конференція опредѣлила: ходатайствовать въ скорѣйшемъ времени о командированіи бывшаго студента Брыгина, согласно съ прежнимъ предположеніемъ, на годъ для слушанія лекцій по его специальности въ С.-Петербургскомъ университетѣ, студента же Миткевича тоже на годъ въ заграничные университеты для занятія классическою филологіею, перваго съ вознагражденіемъ въ 1200 руб. въ годъ, втораго съ вознагражденіемъ въ 1500 руб. въ годъ изъ специальныхъ суммъ Министерства на пособія для приготовленія молодыхъ людей къ ученому званію, прося въ тоже время о скорѣйшемъ разрѣшеніи ходатайства Конференціи въ виду бѣдственнаго матеріальнаго положенія упомянутыхъ лицъ.

Ст. 14. Доложена экзаменаціонная вѣдомость о лицахъ, подвергавшихся приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ I курсъ Института, съ означеніемъ опредѣленій о каждомъ изъ нихъ испытательной комиссіи. По разсмотрѣніи означенной вѣдомости, опредѣлено: утвердить постановленіе испытательной комиссіи за исключеніемъ постановленія объ Александрѣ Извѣковѣ, котораго, вслѣдствіе заявленій г. Директора и профес. греческой словесности, опредѣлено въ видѣ опыта принять въ студенты I курса Института съ тѣмъ, что если онъ не окажетъ успѣховъ по латинскому языку въ теченіе 1 года, то уволить его изъ Института до перехода во II курсъ. Затѣмъ разсмотрѣнъ списокъ другихъ лицъ, подавшихъ прошенія о принятіи въ Институтъ, но не подвергавшихся испытаніямъ вслѣдствіе удовлетворительныхъ отбѣтокъ по русскому и древнимъ языкамъ. Опредѣлено: ходатайствовать предъ г. Попечителемъ Учебнаго Округа объ утвержденіи постановленія Конференціи о зачисленіи въ студенты I курса Института слѣдующихъ лицъ: 1) стипендіатовъ Нѣжинской гимназіи: Абрамова Алексѣя, Добровольскаго Николая, Дьяконова Луку, Косоногова Тимофея, Манченкова Митрофана, Швачку Илью и Федорова Василя; 2) не державшихъ испытанія воспитанниковъ гимназіи: Каленту Филиппа, Обозненка Николая, Храпко Василя и Шлякова Николая. 3) подвергавшихся испытаніямъ и удовлетворительно выдержавшихъ

таковыя: Автономова Павла, Билинскаго Іоасона, Волочкова Андрея, Евфимьева Виктора, Заринскаго Ивана, Знойко Николая, Колтыпина Арсенія, Литвиновскаго Михаила, Лобатынскаго Сергѣя, Любскаго Александра, Малинина Бориса, Недоходовскаго Николая, Нестеровскаго Стефана, Новицкаго Евфимія, Пономарева Сергѣя, Преображенскаго Алексѣя, Розова Ѳедора, Рождественскаго Ивана, Скорину Василя, Смольяникова Павла, Чернѣвскаго Дмитрія и Шимановскаго Василя.

Ст. 17. Заявленіе г. Предсѣдателя о томъ, что лѣтомъ нынѣшняго года, по предварительной перепискѣ съ нимъ, графъ Г. А. Милорадовичъ пожертвовалъ въ Институтъ два портрета, одинъ красками, другой гравированный, бывшаго Директора гимназіи высшихъ наукъ, И. С. Орлая и 44 тетрадей и записокъ, отобранныхъ въ бумагахъ его дяди гр. Сергѣя Григорьевича Милорадовича, воспитанника I выпуска гимназіи высшихъ наукъ. Опредѣлено: пожертвованіе графа Григорія Ал. Милорадовича принять, выразить ему искреннюю признательность Конференціи за это пожертвованіе, портреты И. С. Орлая помѣстить въ рамкахъ въ залахъ Института, а записки передать въ бібліотеку для записи въ инвентарную книгу и помѣщеніе въ отдѣлъ рукописей.

Ст. 22. Заявленіе профессора Жданова слѣдующаго содержанія: «просматривая во время истекшихъ каникулъ греческія рукописи Московской синодальной бібліотеки, я нашелъ нѣкоторыя изъ нихъ заслуживающими болѣе внимательнаго разсмотрѣнія. Въ виду этого я покорнѣйше прошу Конференцію ходатайствовать предъ Московскою синодальною конторой о высылкѣ на имя Института на полгода слѣдующихъ двухъ рукописей: 1) рукопись Одиссея № 299 и 2) рукопись Плутарховыхъ *Moralia* № 352 (по каталогу Маттеи № 339). Опредѣлили: ходатайствовать предъ Московскою синодальною конторою о доставкѣ въ Институтъ Бнязя Безбородко для занятій проф. Жданова необходимыхъ ему рукописей.

Ст. 23. Въ томъ же засѣданіи, согласно постановленію Конференціи отъ 29 Августа, ст. 1, баллотировали на новое трехлѣтіе ученаго секретаря Конференціи, вмѣсто отбывшаго свой срокъ и командированнаго за границу съ ученой цѣлью ординарнаго профессора Грота. Большинствомъ голосовъ въ ученые секретари Конференціи на слѣдующее трехлѣтіе избранъ и. д. экстра-ординарнаго профессора

Зенгеръ. Определено: поручить профессору Гроту и профессору Зенгеру, первому сдать дѣла Конференціи новому ученому секретарю, второму—принять оныя и представить о томъ рапортъ въ Конференцію Института, подписанный обоими лицами, а затѣмъ увѣдомить о томъ Правленіе Института для соответствующихъ распоряженій.

ИЗВЛЧЕНІЕ

изъ отчета по гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ
Институтѣ Кн. Безбородко въ Мѣжинѣ.

За 1880—81 учебный годъ.

а) Личный составъ гимназіи въ 1880—81 году.

Мѣжинская гимназія подчинена директору историко-филологическаго Института Князя Безбородко и находится въ ближайшемъ вѣдѣніи завѣдывающаго гимназіей, каковымъ состоялъ **Θ. А. Златоустовскій**; онъ же преподавалъ греческій языкъ въ 4 и 6 классахъ.

Преподавателями состояли:

Протоіерей **А. Θ. Хойнацкій** преподавалъ Законъ Божій.

Наставникъ-руководитель **А. Θ. Абрамовъ** преподавалъ латинскій языкъ въ 3, 4, 7 и 8 классахъ.

Наставникъ-руководитель **И. М. Бѣлоруссовъ** преподавалъ русскій языкъ и словесность во 2—8 классахъ.

Преподаватель Института **Н. С. Кирилловъ** преподавалъ греческій языкъ въ 7 классѣ.

Преподаватель гимназіи **О. В. Добіашъ** преподавалъ греческій языкъ въ 3, 5 и 8 классахъ и латинскій языкъ въ 6 классѣ.

Заслуженный преподаватель **К. А. Мошинскій** — математику и физику въ четырехъ высшихъ классахъ.

Преподаватель **Шарко** — математику въ четырехъ низшихъ классахъ и географію въ 1 классѣ.

Преподаватель **И. А. Сребницкій** — исторію и географію во всѣхъ классахъ (кромѣ 1-го).

Преподаватель **И. Н. Михайловскій** — латинскій языкъ въ 1 и 2 классахъ и русскій языкъ въ 1 классѣ.

Преподаватель **Х. А. Гришотъ** — нѣмецкій языкъ.

Преподаватель П. Г. Сертье—французскій языкъ.

Учителями пригготовительнаго при гимназiи класса были: закона Божiя—священникъ Е. Ѳ. Кушакевичъ, русскаго языка и ариѳметики—К. С. Молотковъ.

Чистописанiе и рисованiе какъ въ гимназiи, такъ и въ пригготовительномъ классѣ преподавалъ Р. К. Музыченко Цыбульскiй.

Надзирателемъ за учащимися былъ П. И. Борисовъ и и. д. надзирателей О. О. Молчановъ и В. И. Волковскiй.

Врачемъ гимназiи былъ И. Н. Самойловичъ.

Учителемъ гимнастики былъ капитанъ артиллерiи А. В. Брилевичъ.

Классное пѣнiе преподавалъ К. С. Молотковъ.

Въ личномъ составѣ преподавателей и другихъ служащихъ въ Нѣжинской гимназiи въ 1880—81 учебн. году никакихъ перемѣнъ не произошло.

б) Мѣры и распоряженiя высшаго начальства.

Важнѣйшiя распоряженiя и мѣры высшаго учебнаго начальства, касавшiяся, въ числѣ другихъ гимназiй, и Нѣжинской, въ истекшемъ учебномъ году были слѣдующiя:

1) Предложенiе г. Попечителя Кiевскаго Учебнаго Округа отъ 31 Юля 1880 г. за № 8064 относительно обсужденiя вопроса о томъ, какiя могутъ быть приняты практическiя мѣры для избѣжанiя обремененiя учениковъ домашними учебными занятiями.

2) Предложенiе г. Попечителя отъ 12 Сентября 1880 г. за № 9802 по вопросу объ устройствѣ перiодическихъ съѣздовъ учителей учебныхъ заведенiй Округа.

3) Предложенiе г. Попечителя отъ 14 Февраля 1881 г. за № 1786 съ утвержденными 30 Января правилами для учительскихъ съѣздовъ.

4) Предложенiе г. Попечителя Округа отъ 5 Мая 1881 года за № 5105 съ препровожденiемъ утвержденнаго господиномъ Министромъ Н. П. постановленiя совѣта Министра Н. П. относительно нѣкоторыхъ измѣненiй въ правилахъ объ испытанiяхъ въ гимназiяхъ и прогимназiяхъ Мин. Нар. Просвѣщенiя, именно:

а) Отъ отмѣнъ установленнаго § 30 названныхъ правилъ рѣшающаго значенiя средняго математическаго вывода изъ четырехъ среднихъ вѣдомостей за годъ. Преподавателямъ предоставляется, не стѣсняясь четвертными отмѣтками, оцѣнивать, предъ началомъ испытанiя, успѣхи, достигнутые ученикомъ по ихъ предмету, общею годовою от-

мѣткою, служащею выраженіемъ заключенія преподавателя о достоинствѣ ученика на основаніи собранныхъ учителямъ въ теченіи года наблюденій о прилежаніи и успѣхахъ учащагосл. Педагогическій совѣтъ, при разрѣшеніи вопроса о переводѣ ученика изъ класса въ классъ, не ограничивается механическимъ исчисленіемъ балловъ, а принимаетъ во вниманіе имѣющуюся въ виду совѣта совокупность всѣхъ данныхъ объ успѣхахъ каждаго ученика и постановляетъ заключеніе о томъ, на сколько ученикъ можетъ съ успѣхомъ продолжать ученіе въ высшемъ классѣ.

б) Объ отмѣнѣ § 59 тѣхъ-же правилъ; вслѣдствіе чего, въ случаѣ неудовлетворительности какой либо письменной работы на испытаніи зрѣлости, экзаменующійся не лишается права быть допущеннымъ къ установленному устному испытанію, и окончательное заключеніе о немъ дѣлается на основаніи обнаруженныхъ имъ познаній какъ на письменныхъ, такъ и на устныхъ испытаніяхъ.

в) *Награды и пособія служащимъ, производство въ чины.*

Преподаватель О. А. Шарко Всемилостивѣйше пожалованъ въ 30 день Января 1881 г. орденомъ св. Станислава 2-й ст.

Денежныя пособія получили: Завѣдывающій гимназіей, Ѳ. А. Златоустовскій, преп. Цыбульскій, и. д. надзирателя, Волковскій, и письменоводитель Горбачевъ.

Произведенъ въ чинъ коллежскаго совѣтника наставникъ-руководитель, А. Ѳ. Абрамовъ.

г) *Стипендіи и пособія учащимся.*

Число учениковъ, получавшихъ Высочайше утвержденныя 5 Іюня 1875 г. казенныя стипендіи, къ началу 1880—81 уч. г. было 52; изъ нихъ шесть именовались стипендіатами Государя Императора.

Въ теченіи года принято было въ стипендіаты 5 учениковъ; выбыло въ отчетномъ году изъ числа стипендіатовъ: за окончаніемъ курса—13, за выбытіемъ изъ гимназіи и лишены стипендій по опредѣленію педаг. совѣта за неудовлетворительные успѣхи—24; такимъ образомъ къ концу отчетнаго уч. года оставалось 20 стипендіатовъ.

Въ теченіи вакаціоннаго времени поступило 12 прошеній о зачисленіи въ стипендіаты. По рассмотрѣніи письменныхъ работъ учениковъ и аттестаций тѣхъ гимназій, въ которыхъ ищущіе стипендій до сего обучались, педагогическій совѣтъ призналъ возможнымъ принять въ число стипендіатовъ 5 изъ нихъ. Всего къ началу 1881—82 уч. года состоитъ казенныхъ стипендіатовъ 25.

Двѣ стипендіи Платона Осиповича Рудановскаго (по 100 руб.) получали въ истекшемъ году ученики: 1 кл. Листопадъ Григорій и 5 кл. Малинка Александръ. Стипендіей Леонида Платоновича Рудановскаго пользовался ученикъ 2 кл. Фесенко Θεодосій.

На основаніи § 32 устава гимназій, выдано въ пособіе бѣднымъ ученикамъ изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи 360 рублей.

На основаніи § 31 и 32 устава, отъ платы за ученіе, кромѣ стипендіатовъ и дѣтей лицъ. служащихъ по Министерству Нар. Просв., освобождены были въ 1 полугодіи 22 и во 2—23 ученика, а изъ учениковъ приготовительнаго класса—3 въ 1 и 2 полугодіи.

Нѣжинская уѣздная земская управа внесла 600 рублей въ уплату за ученіе недостаточныхъ учениковъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

д) Занятія педагогическаго совѣта и особыя занятія преподавателей гимназій.

За исключеніемъ собраній членовъ педагогич. совѣта для производства переводныхъ и окончательныхъ испытаній учениковъ, всѣхъ засѣданій совѣта въ теченіи года было 27. Въ этихъ засѣданіяхъ разсматривались текущія дѣла, принимались распоряженія высшаго начальства и обсуждались мѣры къ надлежащему достиженію цѣлей этихъ распоряженій; большинство же засѣданій имѣло преимущественно педагогическій характеръ. Въ этихъ послѣднихъ засѣданіяхъ обсуждались мѣры, касавшіяся учебной и нравственной сторонъ заведенія, такъ напр. совѣтъ тщательно занимался, въ силу циркуляра г. Попечителя отъ 31 Іюля 1880 г. за № 8064, изслѣдованіемъ вопроса о томъ, какія могутъ быть приняты мѣры къ уменьшенію обремененія учащихся занятіями; изыскивалъ способы контроля надъ исполненіемъ учениками ихъ религіозныхъ обязанностей, надъ исправнымъ посѣщеніемъ ими уроковъ, надъ состояніемъ ученическихъ квартиръ. Послѣднія посѣщались классными наставниками и надзирателями, и при этихъ посѣщеніяхъ обращалось вниманіе какъ на порядокъ въ квартирѣ, такъ и на состояніе самыхъ квартиръ въ гигиеническомъ отношеніи и вообще на степень исправности выполненія квартиро-содержателями ихъ обязанностей относительно учениковъ. Квартиры, признанныя неудобными по ихъ гигиеническимъ условіямъ или по отсутствію въ нихъ должнаго порядка, закрывались по опредѣленію совѣта. Затѣмъ предметъ особыхъ заботъ и наблюденій совѣта составляли казенные стипендіаты, ихъ успѣхи и поведеніе.

Обязанности классовыхъ наставниковъ въ истекшемъ учебномъ году исполнили: въ 1-мъ классѣ—И. Н. Михайловскій, во 2-мъ О. А. Шарко, въ 3-мъ и 4-мъ—И. А. Сребницкій, въ 5-мъ—О. В. Добіашъ, въ 6-мъ—И. М. Бѣлоруссовъ, въ 7-мъ А. Θ. Абрамовъ и въ 8-мъ—К. А. Мошинскій.

Нѣкоторые изъ членовъ педагогическаго совѣта, кромѣ преподаванія своихъ предметовъ, несли особыя обязанности, именно: наставникъ-руководитель Абрамовъ въ 1-мъ полугодіи исправлялъ должность завѣдывающаго гимназіей за болѣзнію Θ. А. Златоустовскаго; наставникъ-руководитель Бѣлоруссовъ былъ членомъ правленія по хозяйственнымъ дѣламъ гимназіи и исполнялъ обязанности старосты институтской церкви; преп. Сребницкій былъ секретаремъ педагогическаго совѣта; заслуженный преп. Мошинскій завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ; преп. Шарко и Михайловскій завѣдывали: первый—кабинетомъ естественной исторіи, а второй—основною и ученическою бібліотеками; учитель приготовительнаго класса, Молотковъ, надзиралъ за учениками, оставляемыми послѣ уроковъ въ зданіи гимназіи за неуспѣшность.

Экзаменаціонная коммиссія для производства испытаній лицамъ, ищущимъ учительскихъ званій разной степени, оставалась въ истекшемъ году въ прежнемъ составѣ.

е) Часть учебная.

Отступленій отъ учебныхъ плановъ по какому либо предмету въ отчетномъ году не было. Кромѣ предметовъ обязательныхъ, нѣкоторые ученики обучались рисованію за особую въ пользу учителя плату.

Уроки гимнастики происходили, кромѣ общихъ для всѣхъ учениковъ во время большой перемѣны, по классамъ въ утренніе, свободныя отъ другихъ уроковъ, часы.

Кромѣ класснаго пѣнія, ученики обучались церковному хоровому пѣнію подъ руководствомъ студента Института, Черногора.

ж) Состояніе учебныхъ пособій.

Учебныя пособія гимназіи состоятъ: изъ основной бібліотеки, бібліотеки ученической, физическаго кабинета съ естественно-историческимъ, собранія картъ, глобусовъ, коллекціи гипсовыхъ моделей и фигуръ для рисованія и черченія.

Основная бібліотека пополнилась въ отчетномъ году 118 названіями въ 246 томахъ на сумму 801 р. 63 к.

Для ученической библиотечки приобретено 75 названий въ 171 томахъ на сумму 212 р. 67 к.

з) *Измѣненія въ составъ учащихся.*

Къ началу 1880—81 учебнаго года, по окончаніи приемныхъ испытаній, состояло учениковъ:

Въ приготовит. классѣ . . .	31	Въ пятомъ классѣ	25
» первомъ »	51	» шестомъ »	23
» второмъ »	39	» седьмомъ »	27
» третьемъ »	30	» восьмомъ »	18
» четвертомъ »	23	Всего	267

Въ теченіи учебнаго года поступило:

Въ приготовит. классѣ	8	Въ пятый классъ	—
» первый »	1	» шестой »	—
» второй »	—	» седьмой »	—
» третій »	—	» восьмой »	—
» четвертый »	—	Всего	9

Въ теченіи учебнаго года вышло:

Изъ пригот. класса	3	Изъ пятаго класса	3
» перваго »	2	» шестаго »	1
» втораго »	—	» седьмаго »	1
» третьяго »	2	» восьмаго »	—
» четвертаго »	1	Всего	13

Затѣмъ къ началу переводныхъ экзаменовъ состояло:

Въ пригот. классѣ	36	Въ пятомъ классѣ	22
» первомъ »	50	» шестомъ »	22
» второмъ »	39	» седьмомъ »	26
» третьемъ »	28	» восьмомъ »	18
» четвертомъ »	22	Итого	263

Распределение учениковъ по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ:

Православнаго исповѣд.	220	Дѣтей дворянъ	132
Римско-католич. »	19	Духовн. званія	27
Лютеранскаго »	3	Городск. сословія	85
Единоувѣрческаго »	3	Сельскихъ »	19
Иудейскаго »	22	Иностранцевъ	4

Свѣдѣніе о числѣ учившихся новымъ языкамъ.

К Л А С С Ы.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Французскому языку (одному)	12	15	7	9	8	11	6	68
Нѣмецкому языку (одному)	21	13	16	15	15	11	12	103
Обоимъ новымъ языкамъ	6	2	—	1	—	5	—	14

Свѣдѣнія о числѣ учениковъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы, неустоенныхъ перевода и уволенныхъ изъ гимназіи за малоспѣшность.

К Л А С С Ы.	Удостоены перевода.	Не удостоены перевода.	Уволены.
Приготовительнаго	21	10	5
Перваго	31	15	4
Втораго	24	13	2
Третьяго	20	7	1
Четвертаго	14	8	—
Пятаго	16	6	—
Шестаго	15	7	—
Седьмаго	26	—	—

Свѣдѣнія объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1880—81 уч. г.

Изъ 18-ти учениковъ 8-го класса, которые всѣ были допущены къ испытанію зрѣлости, выдержали испытанія и получили аттестаты зрѣлости 14 учениковъ, именно: *Абрамовъ Алексѣй, Александренко Василій, Бочаровъ Александръ, Гречинскій Василій, Дворянскій Федоръ, Добровольскій Николай, Дьяконовъ Лука, Косоноговъ Тимофей, Локоть Яковъ, Любарскій Александръ, Манченковъ Митрофанъ, Швачка Илья, Щербакъ Александръ и Федоровъ Василій.* Изъ нихъ 13 были казенными стипендіантами, изъ которыхъ 7 и поступили въ число студентовъ Института князя Безбородко.

При окончаніи курса гимназіи удостоены наградъ золотыми медалями: *Швачка* Илья и *Щербакъ* Александръ.

Изъ учениковъ прочихъ классовъ за отличное поведеніе и таковыя же успѣхи въ наукахъ въ истекшемъ учебномъ году совѣтомъ удостоены наградъ слѣдующіе ученики:

Приготовительнаго класса:

Главинскій Николай—похвальнымъ листомъ.

1-го класса:

Ерменко Павелъ и *Шафоренко* Моисей—похвальными листами.

2-го класса:

Краевскій Григорій—похвальнымъ листомъ и книгою.

3-го класса:

Дворянскій Григорій—похвальнымъ листомъ.

4-го класса:

Плющъ Андрей—похвальнымъ листомъ.

5-го класса:

Кадлубовскій Арсеній—похвальнымъ листомъ и книгою, *Бьлоусовъ* Николай—похвальнымъ листомъ.

6-го класса:

Листопадъ Яковъ—похвальнымъ листомъ и книгою.

7-го класса:

Миловидовъ Филиппъ—похвальнымъ листомъ и книгою, и *Ксютко* Владиміръ—похвальнымъ листомъ.

и) *Свѣдѣнія по хозяйственной части:*

Изъ суммъ государственнаго казначейства ассигновано въ 1881 году на содержаніе Нѣжинской гимназіи:

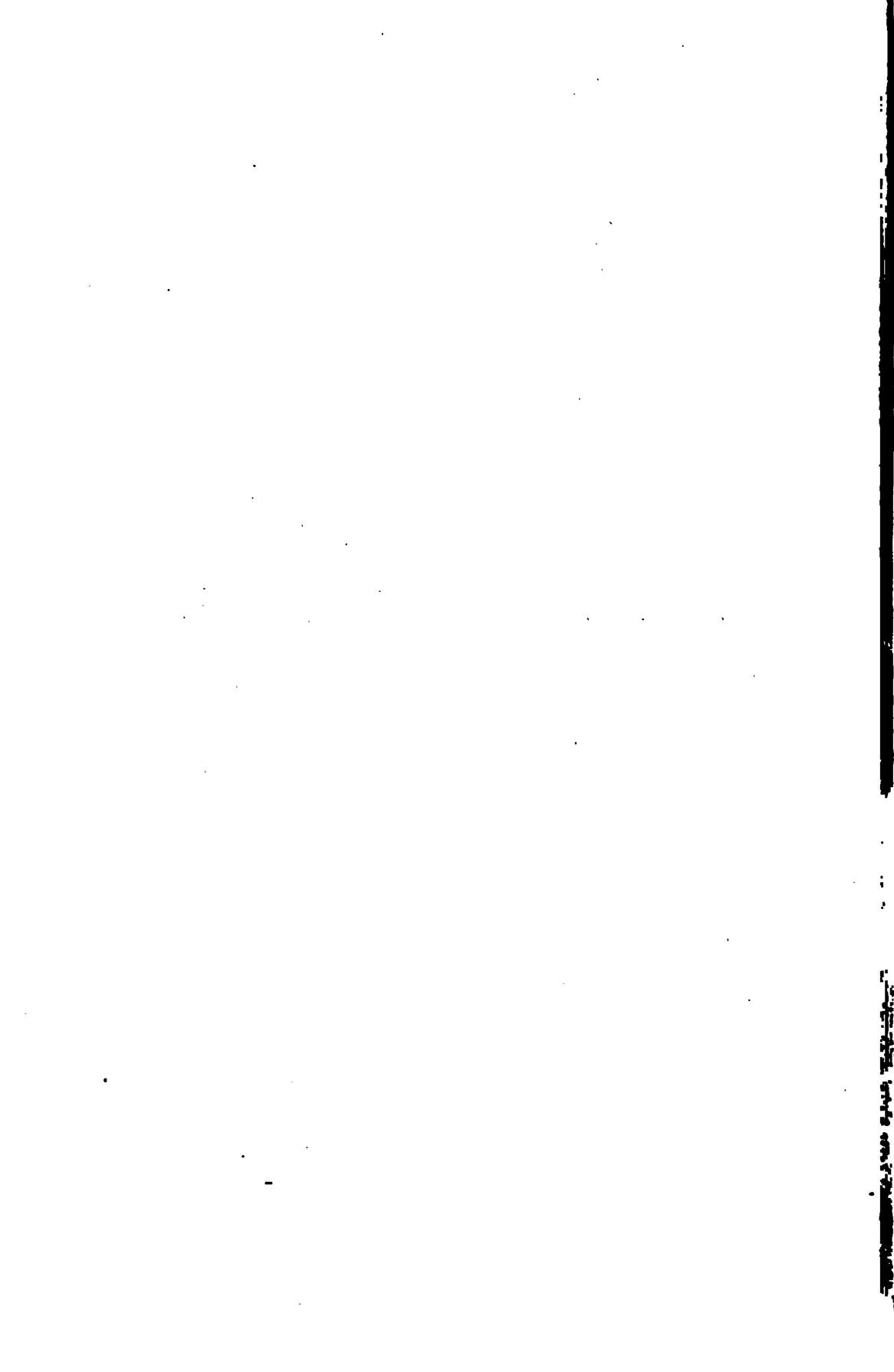
а) На содержаніе личного состава	25244 р. 80 к.
б) На содержаніе стипендіатовъ	13034 р. —
в) На хозяйственные расходы	2229 р. —
Итого	<u>40507 р. 80 к.</u>

Спеціальныхъ средствъ, суммы сбора за ученіе, получено:

Въ 1-й половинѣ учебнаго года	2295 р. —
Во 2-й „ „ „ „	2235 р. —
Итого	<u>4530 р. —</u>
А всего	<u>45037 р. 80 к.</u>

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЪЛЪ.

Николай Яковлевич Аристовъ (1834—1882 г.).

(НЕКРОЛОГЪ).

26-го августа утромъ скончался въ Нѣжинѣ Инспекторъ и Ординарный Профессоръ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ русской исторіи, *Николай Яковлевичъ Аристовъ*. Покойный былъ однимъ изъ видныхъ и даровитыхъ представителей русской исторической науки и крупнымъ литературнымъ дѣятелемъ своего времени, пріобрѣлъ себѣ широкую учоную извѣстность и пользовался неподдѣльнымъ сочувствіемъ въ средѣ студенчества въ нѣсколькихъ русскихъ университетахъ—Казанскомъ, Варшавскомъ, Харьковскомъ и наконецъ въ особенности въ нашемъ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ. Множество его сочиненій и статей историческаго содержанія, отъ времени до времени появлявшихся въ нашихъ русскихъ журналахъ и ученыхъ изданіяхъ, свидѣтельствуютъ о его трудолюбіи и недюжинныхъ способностяхъ. Капитальными его сочиненіями слѣдуетъ признать въ особенности два: 1) *Промышленность древней Руси* (I—VII, 1—321); 2) *Московскія смуты въ правленіе царицы Софіи Алексѣевны* (1—158; примѣч. I—XLVII; приложение 1—99). Первое сочиненіе было магистерскою диссертациею, второе—докторскою.

Что касается характера, метода и направленія научной дѣятельности Н. Я-ча, то вотъ что сказалъ объ этомъ одинъ изъ собратовъ его по наукѣ въ своей надгробной рѣчи: «Глубокій знатокъ русской исторіи какъ древней, такъ и новѣйшей, а также современнаго быта русскаго, Н. Я-чъ подступалъ къ своимъ изслѣдованіямъ безъ предвзятыхъ теорій, не подгонялъ нашей исторіи подъ воспринятые извнѣ шаблоны, а старался вездѣ дойти до сути, до выясненія индивидуальных особенностей русскаго народа: ищетъ онъ ихъ и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ преданіяхъ, и въ произведеніяхъ народной сатиры, и его чисто-русская натура, русскій умъ, горячая любовь ко всему рус-

скому, къ прошлымъ и настоящимъ судьбамъ народа—дали ему особенное чутье, особенную смѣтку ко всему тому что пахнетъ Русью. Отъ того и въ своихъ сочиненіяхъ, и въ бесѣдахъ онъ нерѣдко выражалъ оригинальные и въ высшей степени мѣткіе взгляды и сужденія объ историческихъ событіяхъ, видахъ и характерѣ русскаго народа».

Другой ораторъ, въ своей рѣчи обрисовавъ жизнь покойнаго, между прочимъ такъ характеризовалъ его дѣятельность: «Его профессорское служеніе имѣло плодотворное воспитательное дѣйствіе. Будучи истинно русскимъ человѣкомъ, глубоко понимая внутреннія основы русской исторической жизни, онъ умѣлою рукою пробуждалъ въ своихъ слушателяхъ любовь ко всему родному, національному, возбуждалъ охоту изучать внутреннія стороны быта и жизни родной намъ исторіи и сильно дѣйствовалъ на нихъ русскимъ складомъ своей мысли, честнымъ, безпристрастнымъ отношеніемъ къ изучаемымъ имъ явленіямъ и этимъ самымъ незамѣтно вселялъ и сердечное уваженіе къ себѣ и къ той наукѣ, достойнымъ представителемъ которой онъ былъ. Въ національномъ направленіи его исторической мысли и заключается тайна его педагогическаго вліянія. Не буду распространяться о томъ, насколько важно и необходимо національное начало въ воспитаніи; скажу только, что безъ него воспитаніе въ высшемъ значеніи этого слова и невозможно, такъ какъ питомцы при отсутствіи его не усвоятъ той полной и живой типичности, безъ которой самая высшая нравственность лишена настоящаго воплощенія и сохраняетъ характеръ блѣдной и немощной абстракціи».

«Для исполненія этой воспитательной задачи недостаточно одного разсудочнаго пониманія, но необходимо, чтобы вся личность воспитателя была проникнута національнымъ направленіемъ. Таже личность, которая сама не имѣетъ ничего своего, оригинальнаго, а довольствуется лишь крохами общей нравственности и общей науки, не можетъ и произвести надлежащаго воспитательнаго вліянія. Ея идеаломъ будутъ люди—вообще, т. е. слабыя подобія дѣйствительныхъ людей. Не въ такомъ свѣтѣ рисуется предъ нами глубоко симпатичный образъ покойнаго Николая Яковлевича какъ воспитателя, натуры цѣльной, типической, искавшей цѣльности въ мысли и жизни. Въ его манерѣ, складѣ рѣчи и мыслей, въ его учоныхъ трудахъ, въ академической и обыденной бесѣдѣ—всюду чувствовалась оригинальность русскаго чело-
вѣка. Такимъ онъ и былъ по мысли и духу, и тѣмъ самымъ являлъ для всѣхъ насъ примѣръ истиннаго воспитанія въ національномъ

духъ. Да послужить же онъ намъ примѣромъ и по своей смерти и да послѣдуютъ за нимъ добрые ученики почившаго учителя въ своей воспитательной дѣятельности».

Такое направленіе профессорской дѣятельности Николая Яковлевича неоспоримо имѣло благотворное вліяніе на слушателей. «Не съ нашими слабыми силами оцѣнить, какъ слѣдуетъ, труды твои»,— говорилъ надъ гробомъ одинъ изъ его слушателей — студентъ института; — «за то мы можемъ лучше чѣмъ кто-либо оцѣнить нравственное обаяніе, производимое твоею личностью. Прежде всего, всякій слушавшій задушевные, простые слова твои, чувствовалъ, что учишь ты насъ какъ власть имѣющій; не пышными фразами уснащаль ты свои рѣчи, а простою и часто хватающею душу правдой... Помнимъ мы и всегда будемъ помнить, какъ ты среди язвъ прошлой нашей жизни подмѣчалъ свѣтлыя стороны,—и сердца наши загорались любовью къ родинѣ... Помнимъ мы, какъ ты въ послѣдній разъ дружески бесѣдовалъ съ нами на экзаменахъ; дивились мы, какою здоровый, бодрый духъ оживлялъ твое ослабѣвшее тѣло, какія властные слова лились изъ твоей груди... Все это мы помнимъ. Твоя жизнь будетъ намъ недосыгаемымъ идеаломъ: если и сотую долю мы сдѣлаемъ изъ того, что сдѣлано тобою на русской научной нивѣ, и тогда мы будемъ считать себя счастливыми».

Біографическія свѣдѣнія о служебной ученой карьерѣ покойнаго Николая Яковлевича таковы: Уроженецъ Тамбовской губерніи, сынъ священника, онъ, по окончаніи курса въ тамошней духовной семинаріи, поступилъ въ Казанскую духовную академію, въ которой и окончилъ курсъ высшаго богословскаго образованія со степенью кандидата въ 1858 году. Служебная его дѣятельность началась въ Симбирской духовной семинаріи въ качествѣ учителя по классу физико-математическихъ наукъ; въ 1860 году онъ опредѣленъ учителемъ въ той же семинаріи по классу русской словесности, а въ 1861 г. уволенъ отъ духовно-учебной службы и отъ духовнаго званія. Съ этого времени до 1 го апрѣля 1865 г. онъ не состоялъ на государственной службѣ, но занимался въ бібліотекахъ и архивахъ С. Петербургскихъ и Московскихъ, приготавлиаясь къ профессорскому званію по русской исторіи. Мысль о специальномъ изученіи русской исторіи явилась у него еще въ Симбирскѣ. Въ первое время пребыванія своего въ Петербургѣ Николай Яковлевичъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни и потому принужденъ былъ добывать содержаніе частными работами. На ряду съ учеными занятіями, онъ не оставлялъ педагогичес-

кой дѣятельности: преподавалъ русскую исторію въ частныхъ пансіонахъ и домахъ, напримѣръ: въ мужскомъ пансіонѣ Гирса, въ женскомъ пансіонѣ въ Коломнѣ въ С.-Петербургѣ (1864—65 г.), давалъ уроки дѣтямъ генераль-инженера Мельникова, княжнѣ Лидіи Вяземской и проч. Ученыя занятія по избранному предмету выразились за этотъ періодъ (1861—1864 гг.) въ цѣломъ рядѣ статей, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ. Между прочимъ за историко-этнографическое изслѣдованіе: «Русскія народныя преданія о кладахъ» Н. Я-чъ получилъ серебряную медаль отъ географическаго общества. Въ то же время онъ вошелъ въ сношенія съ историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета относительно магистерскаго экзамена и сталъ трудиться надъ диссертацией, подъ заглавіемъ: *Промышленность древней Руси*, начало которой было имъ напечатано въ Библиотекѣ для Чтенія 1864 г.

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія узнавъ объ его успѣшныхъ занятіяхъ по русской исторіи, предложилъ ему чрезъ академика Н. Г. Устрялова поступить въ число стипендіатовъ министерства. 1-го апрѣля 1865 г. онъ былъ причисленъ къ министерству съ содержаніемъ въ теченіи двухъ лѣтъ по 1000 руб., представивъ тогда же готовую диссертацию, а въ слѣдующемъ году защитилъ ее послѣ экзамена. Магистерская его диссертация была цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу русской исторической науки и тогда же по достоинству оцѣнена факультетомъ. Трудъ этотъ, единственный въ своемъ родѣ въ нашей исторической литературѣ, не утратилъ своего значенія и по настоящее время. Степень магистра открыла ему давно предназначенную дорогу: въ 1867 г. онъ былъ избранъ совѣтомъ Казанскаго университета доцентомъ историко-филологическаго факультета по кафедрѣ русской исторіи и потомъ послѣдовательно проходилъ свое профессорское служеніе въ Варшавѣ, Харьковѣ и наконецъ въ Нѣжинѣ. Степень доктора русской исторіи получилъ онъ въ 1871 г. въ Казанскомъ университетѣ. Служба его въ Нѣжинѣ началась съ 1875 г., съ открытіемъ Историко-Филологическаго Института, въ которомъ онъ былъ первымъ инспекторомъ. При этомъ не лишне будетъ упомянуть, что онъ, какъ знатокъ и любитель археологіи, четыре раза участвовалъ на археологическихъ съѣздахъ въ качествѣ депутата отъ университетовъ, въ которыхъ служилъ. Въ Нѣжинѣ, между прочимъ, по его инициативѣ учреждена ссудо-сберегательная касса для служащихъ при институтѣ и гимназій.

За все время своей ученой дѣятельности Николай Яковлевичъ

издалъ болѣе десятка сочиненій и монографій, а библиографическія и критическія статьи и замѣтки могутъ вмѣстѣ составить два-три большихъ тома. Кромѣ того, послѣ покойнаго осталось много работъ начатыхъ, но не оконченныхъ. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, онъ трудился надъ составленіемъ историко-географическаго словаря Россіи. Думалъ также свести въ одно цѣлое однообразныя по содержанию свои статьи и обработать ихъ, и судя по тѣмъ замѣткамъ, которыя находятся на поляхъ его статей, эта работа была уже начата. Въ ближайшемъ будущемъ должны появиться въ *Историческомъ Вѣстникѣ* двѣ его статьи: 1) *Историческое значеніе Гоголя* и 2) *Жизнь и сочиненія Аванасія Прокопьевича Щапова*.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь слѣдующій длинный, хотя и не полный, перечень его статей и сочиненій *): *Взглядъ христіанина на свидѣнія* (пис. въ 1854 г., напеч. въ Тамбов. Епарх. Вѣдом. 1867 г.), *О недостаткѣ вѣры въ русскомъ народѣ* (*Духъ Христіанина* 1861 г., декабрь), *Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей* (Тамъ же, октябрь и ноябрь), *Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра* (Православн. Собесѣдн., 1859 г., май и августъ), *Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ* (Тамъ же, 1860 г., апрѣль, май и іюнь), *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ* (Изслѣдованіе П. Пекарскаго, т. 1, Спб. 1862 г., въ *Свѣточѣ* 1862 г., кн. VI, Библиот. для Чтен. 1862 г., апрѣль), *По поводу новыхъ изданій о расколѣ* (Время, 1862 г., кн. 1), *Что нужно для русской исторіи въ настоящее время?* (Библиот. для Чтен., 1862 г., августъ), *Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала* (Тамъ же, іюнь), *Отживающія воззрѣнія* (по пов. чт. изъ Русск. Ист. П. Щербальскаго, в. I—III, тамъ же, май), *Чинovníй элементъ въ разработкѣ русской исторіи* (по пов. XII т. Ист. Россіи Соловьева и книги А. Щапова «Земство и расколъ» тамъ же, декабрь), *Сѣверно-русскія народоправства* (Тамъ же, 1863 г., мартъ), *Расколъничьи дѣла XVIII ст.* (Тамъ же, апрѣль), *Царица Евдокія Теодоровна* (Тамъ же, іюнь), *Русскіе города и ихъ администрація* (Тамъ же, іюнь), *Устройство расколъничьихъ общинъ* (Тамъ же, іюль), *Посошковъ и Аврамовъ* (Тамъ же, 1864 г., февраль), *Исторія Петра Великаго*, Устрялова, т. IV (Тамъ же, іюнь), *О сельскомъ управленіи* (Тамъ же, авг.), *Разбой-*

*) Многія изъ статей въ журналахъ не подписаны, или, какъ нерѣдко въ Отечествен. Вѣстн., подписаны псевдонимомъ (Вѣтвидій); но въ сборникахъ, находящихся въ библиотекѣ Н. Я. Ариетова, онѣ отмѣчены его рукою какъ принадлежащія ему.

ники и былые времена П. Великаго (Тамъ же, окт. и нояб.), Русская женщина въ до-монгольскій періодъ, Добрякова (Тамъ же, окт.), Кто былъ первый Лжедмитрій (Тамъ же, авг.), Преданія о разбойникахъ (Сѣверное Сіяніе, 1864 г.). Къ періоду профессорской дѣятельности относятся слѣд. статьи и замѣтки, нѣкоторыя безъ подписи: Графиня Головкина (Отеч. Зап., 1867 г., № 22), Францъ Лефортъ (по пов. соч. Посселята: Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und Seine Zeit.—Отеч. Зап., 1867 г., янв.), Исторія Россіи Соловьева, тт. XV, XVI, (Тамъ же, январь), Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры соч. А. Градовскаго (Тамъ же, февраль), Преданія о кладахъ (Записки Русск. Географ. Общ. по Отдѣленію Этнографіи, т. I, Спб. 1867 г.), Н. М. Карамзинъ, какъ историкъ (юбилейная рѣчь), О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи. Вступительная лекція (Уч. Записки Казанск. Унив., 1868 г.). Объ отличительныхъ чертахъ древне-русской исторической жизни (Варшава, 1870 г.), О родненскомъ сеймѣ (Заря, 1871 г., № 5), Судьба женщины въ до-петровское время (Тамъ же, № 1), О поученіяхъ еп. Серапіона Владимірскаго (Труды III Арх. Съѣзда), Народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ (Тамъ же), Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ (Филолог. Зап. 1874—75), Преданія о мѣстныхъ святыняхъ (Древн. и нов. Россія, 1875 г.), Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в., (по пов. соч. Вл. Буданова, Древн. и нов. Рос., 1875 г.), Повѣсть о Фомѣ и Еремѣ (Тамъ же, 1876 г.), О Симбирскихъ расколнникахъ (Прав. Собес. 1887 г., янв.), О землѣ Половецкой (Изв. Института князя Безбородко, т. I, 1877 г.), Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I (Тамъ же, т. III), Невольное и неохотное постриженіе въ монахи у нашихъ предковъ до начала XVII ст. (Др. и нов. Росс., 1878 г.), Александръ Григорьевичъ Ильинскій (Тамъ же), Названіе и гербъ города Рязска (Тамъ же), Разработка русской исторіи въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ (1855—1880) (Историч. Вѣстн. 1880 г., апр.), Симбирскіе юродивые (Тамъ же, нояб.), Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ (Тамъ же, сент.), Къ характеристикѣ Иоанна еп. Смоленскаго (Тамъ же, декаб.), Годоль какъ націоналистъ (Вѣгъ, 1882 г.). Кромѣ того, имъ издано весьма цѣнное пособие для изученія русской исторіи: Хрестоматія по русской исторіи для изученія древне-русской жизни, письменности и литературы, отъ начала письменности до XVI вѣка. (Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщ.). Варшава 1870 г.

КЪ ВОПРОСУ

О РЕФОРМѢ ЛОГИКИ.

ОПЫТЪ НОВОЙ ТЕОРИИ
УМСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

РАЗСУЖДЕНИЕ

Н. Я. ГРОТА,

МАГИСТРА ФИЛОСОФІИ, ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА НЪЖИНСКАГО
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА.

Ф. А. БРОКГАУЗЪ ВЪ ЛЕЙПЦИГЪ.

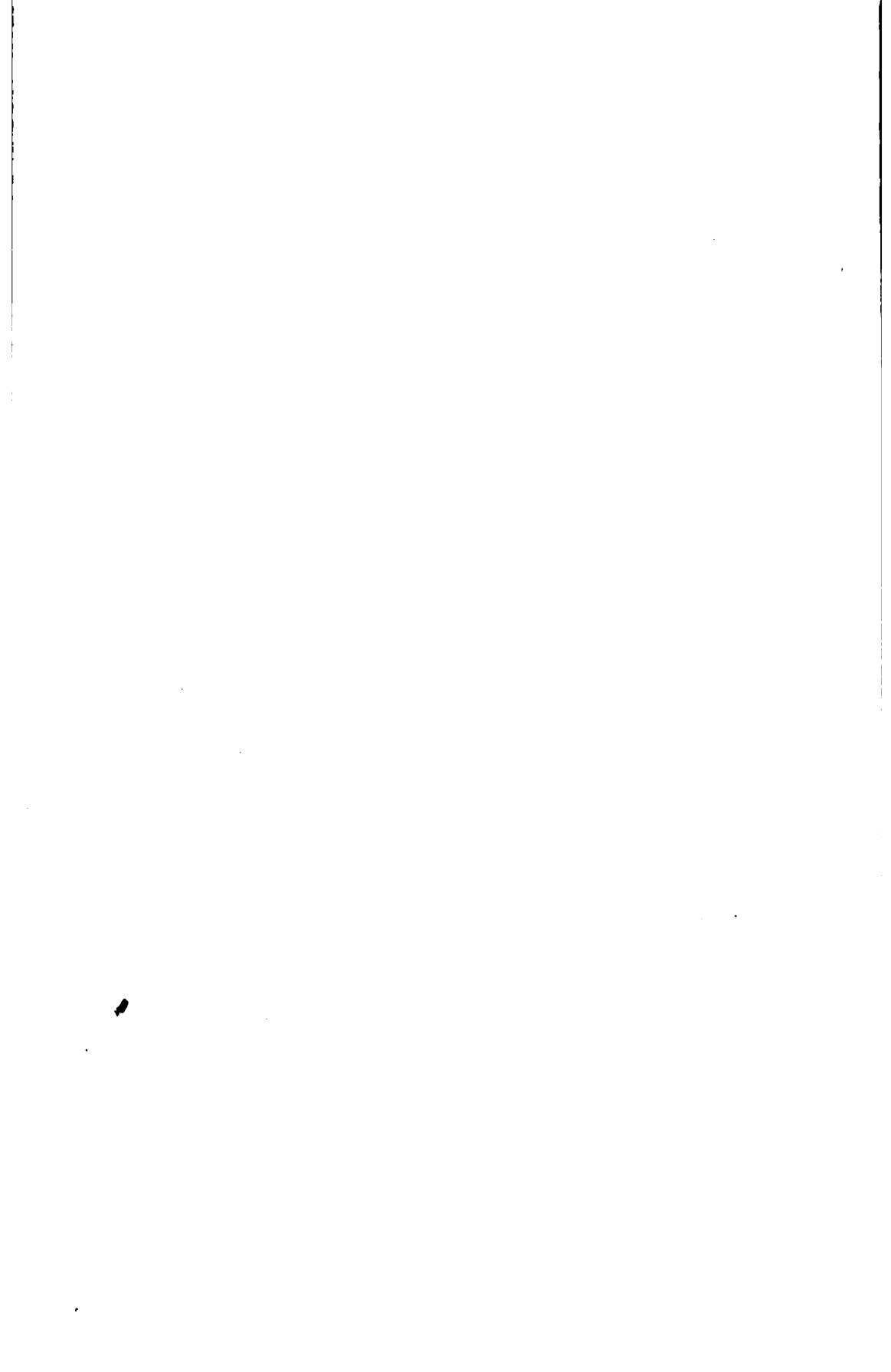
1882.

**Печатано по опредѣленію конференціи историко-филологическаго института
князя Безбородко въ Нѣжинѣ.**

ПОСВЯЩАЮ БРАТУ МОЕМУ

КОНСТАНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ ГРОТУ,

МАГИСТРУ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ былъ задуманъ авторомъ десять лѣтъ тому назадъ, еще на студенческой скамьѣ — при слушаніи курса логики въ с.-петербургскомъ университетѣ; подготовленіе его продолжалось всѣ послѣдующіе годы, лишь съ болѣе или менѣе незначительными перерывами; но тѣмъ не менѣе теперешній, болѣе законченный видъ своей теоріи автора получили лишь въ послѣдніе десять мѣсяцевъ, посвященныхъ составленію самой книги, которую онъ представляетъ нынѣ на судъ специалистовъ и образованной русской публики вообще.

Причина тому простая: человекъ, стремящійся быть безпристрастнымъ, не склонный къ предрассудкамъ и предвзятымъ мнѣніямъ и заботящійся исключительно о достиженіи въ той или другой области возможно полного знанія — въ предѣлахъ, его уму доступныхъ, — никогда не можетъ окончательно остановиться въ процессѣ выработки своихъ научныхъ воззрѣній и дойти до наивнаго убѣжденія, что достигнутые имъ результаты совершенны. Сколько бы онъ ни старался придти къ законченнымъ взглядамъ на предметъ своего изслѣдованія, дѣйствительность неизбѣжно будетъ толкать его мысль все далѣе и далѣе, — и для того, чтобы процессъ развитія его взглядовъ на всегда или хоть на время остановился, нужно какое-нибудь *внѣшнее препятствіе*: смерть, болѣзнь, утомленіе ума, отвлеченіе его въ другую сторону, наконецъ *процессъ изложенія*, т. е. «словеснаго формулированія» *относительно назрѣвшихъ* убѣжденій. Этотъ послѣдній факторъ является самымъ

обычнымъ мотивомъ для остановки процесса творчества мысли, — но конечно *de jure* лишь временной, а не окончательной. Признать свои выводы окончательными, хотя бы въ силу того, что они систематически изложены, можетъ только тотъ, кто мыслить въ первый разъ; но кто мыслилъ много и знакомъ съ безконечными разочарованіями и превращеніями идей, которымъ подверженъ безпристрастный изслѣдователь природы, — тотъ никогда не доврится кажущейся полнотѣ и ясности своихъ выводовъ, а будетъ съ увѣренностью ожидать, что завтра къ нимъ прибавится опять что-нибудь новое.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы возможность новаго совершенствованія научныхъ теорій, уже послѣ того какъ онѣ были систематически выражены, могла служить доказательствомъ *несвоевременности* ихъ письменнаго изложенія. Если эти теоріи достигли хотя бы относительной цѣльности и законченности, то изложеніе ихъ не только можетъ быть полезно для ознакомленія *другихъ* лицъ съ новою точкою зрѣнія даннаго научнаго дѣятеля и для возбужденія *ихъ* мысли къ дальнѣйшей разработкѣ того же предмета, съ этой новой точки зрѣнія, но оно является необходимою даже и для самого изслѣдователя, для дальнѣйшаго прогресса его идей. Дѣло въ томъ, что процессъ «письменнаго» изложенія лучше всего обнаруживаетъ передъ изслѣдователемъ недостатки и пробѣлы въ его теоріяхъ, лучше всего направляетъ научную повѣрку этихъ послѣднихъ и указываетъ на новыя сферы фактовъ, подлежащихъ анализу. Вслѣдствіе всего этого процессъ изложенія, до извѣстной степени закрѣпляя еще не вполне выработанныя теоріи, — съ другой стороны обыкновенно подвигаетъ разомъ развитіе этихъ послѣднихъ, въ короткій промежутокъ времени, иногда гораздо далѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать это цѣлые годы наблюденія природы и сосредоточеннаго обдумыванія ея законовъ: необходимость точнаго словеснаго формулированія идей и согласованія ихъ другъ съ другомъ невольно возбуждаетъ къ дѣйствию всю доступную человѣку умственную энергію и заставляетъ его бороться противъ всякой неясности и незаконченности содержанія своихъ научныхъ понятій.

Такъ именно случилось и съ нами при составленіи настоящей книги: приступая къ ея изложенію, мы не думали, чтобы наши выводы

въ этомъ процессѣ могли существенно измѣниться: между тѣмъ нѣтъ ни одной области, въ которой бы ихъ развитіе, подъ вліяніемъ изложенія, не сдѣлало громаднхъ успѣховъ. Поэтому, хотя мы и ясно сознаемъ многіе недостатки настоящаго труда и считаемъ его естественно лишь *временною передышкою*, такъ сказать «станціею» на пути развитія какъ нашихъ собственныхъ взглядовъ на предметъ, такъ и идей соответствующей науки, — мы всетаки не подумаемъ извиняться передъ читателемъ, что взяли на себя смѣлость систематически формулировать ученія, которыя въ концѣ концовъ можетъ быть и окажутся еще не вполне созрѣвшими. Незрѣлый плодъ часто лучше дозрѣваетъ, если его сорвать и подвергнуть дѣйствию живительныхъ лучей солнца на открытомъ окошкѣ, — чѣмъ если его оставить въ тѣни, подъ густыми листьями дерева. Пусть же и наши теоріи окончательно дозрѣютъ подъ животворными лучами критики, будучи выставлены на открытую арену общественной гласности: онѣ отъ этого могутъ болѣе выиграть, чѣмъ если бы мы тщательно охраняли ихъ отъ посторонняго глаза и совершенствовали исключительно средствами своего индивидуальнаго ума. Индивидуальная мысль, по самымъ законамъ природы, — мысль болѣе или менѣе ограниченная, замкнутая въ извѣстные предѣлы, зависящіе отъ условій индивидуальнаго развитія даннаго человѣка: только синтезъ большаго числа индивидуальныхъ мыслей создаетъ ту безпредѣльность и широту умственнаго горизонта, которыми отличается дѣйствительная наука и которыя гарантируютъ её отъ всякаго увлеченія и односторонности.

Итакъ наши теоріи, развиваясь и испытывая всевозможныя превращенія въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, подверглись новой фундаментальной переработкѣ при окончательномъ ихъ изложеніи. Чтобы объяснить нѣкоторыя особенности настоящаго труда, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на процессѣ развитія своихъ взглядовъ въ теченіе всего упомянутаго времени.

Въ общемъ это развитіе прошло конечно три момента: моментъ *отрицанія*, моментъ *критики* и моментъ *творчества*, которые впрочемъ только отчасти возникали послѣдовательно другъ за другомъ, — отчасти же развивались параллельно, взаимно другъ друга дополняя.

Прежде всего началось (сперва конечно совершенно инстинктивно) *отрицаніе*, т. е. сознание несообразности нѣкоторыхъ старыхъ логическихъ доктринъ, возникшее еще при изученіи логики въ университетѣ. Несообразностью своею болѣе всего поражали насъ съ самаго начала: ученіе о законахъ мышленія, ученіе о заблужденіяхъ ума, ученіе о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Намъ казалось во 1) что безсодержательная формула $A = A$ не можетъ выражать основного закона мысли, — что законъ «противорѣчія», по самому смыслу этого термина, можетъ имѣть отношеніе только къ области слова, а не мысли, — что логическое понятіе «закона мышленія» вообще представляется весьма сбивчивымъ и двусмысленнымъ, и т. д. Мы размышляли, во 2), о томъ, что если заблужденія мысли происходятъ отъ незнанія правилъ логики, то отчего же никто съ этими правилами логики никогда не считаетъ необходимымъ справляться и отчего люди, незнающіе этихъ правилъ, мыслятъ обыкновенно совершенно правильно и дѣлаютъ даже замѣчательныя научныя открытія, а люди, знакомые съ ними, отъ того не становятся ни умнѣе, ни послѣдовательнѣе въ своихъ заключеніяхъ? Мы сознавали, въ 3), что понятія не могутъ возникать иначе какъ помощью умозаключеній, а между тѣмъ находили въ логикѣ утвержденіе, что понятія служатъ готовымъ основаніемъ для умозаключеній; мы замѣчали далѣе, что нѣкоторые умозаключенія вовсе не укладываются въ тѣ формы, которыя признавала старая логика, а напротивъ принимаютъ именно тѣ формы, которыя она отрицала; намъ казалось, наконецъ, несообразнымъ, что, упоминая о возможности «индуктивныхъ» умозаключеній, эта логика вовсе не обнаруживала поползновенія слить теорію индуктивныхъ умозаключеній съ теоріею умозаключеній дедуктивныхъ, т. е. создать болѣе широкую и общую теорію мышленія и т. д., и т. д.

Всѣ эти соображенія конечно были сначала совершенно невольны и непосредственны, т. е. не опирались на преднамѣренную критику старыхъ логическихъ теорій; съ ними также непосредственно было связано и убѣжденіе, что наши недоумѣнія сотни разъ приходили въ голову и другимъ мыслителямъ и что не можетъ быть, чтобы противорѣчія и несообразности, насъ поражавшія, не находили себѣ выраженія

въ логическихъ произведеніяхъ различныхъ писателей стараго и новаго времени. Это заставило насъ искать разрѣшенія упомянутыхъ недоумѣній нашихъ въ сочиненіяхъ разныхъ прежнихъ и современныхъ философовъ. Къ сожалѣнію, полнаго отвѣта на волновавшіе насъ вопросы и полнаго удовлетворенія потребностямъ своей индивидуальной мысли, несмотря на всѣ свои старанія, мы *нидѣ* не нашли: самые вопросы и недоумѣнія наши дѣйствительно оказались давно знакомыми человѣчеству, исканія правильнаго отвѣта на нихъ и всестороннаго ихъ разрѣшенія тоже оказались весьма старыми; но затѣмъ вѣроятно различныя предразсудки и заблужденія, наслѣдованные «философами» отъ прежнихъ вѣковъ, служили постояннымъ препятствіемъ для полнаго разрѣшенія вопросовъ, для постановки логики на дѣйствительно научную почву, для внесенія въ неѣ дѣйствительнаго единства и разумности принциповъ и понятій.

Къ такому безотрадному заключенію привела насъ конечно разносторонняя *критика* различныхъ ученій нашихъ предшественниковъ. Но изъ критики неволью начали возникать весьма скоро и обрывки *собственныхъ теорій*, которыя казались намъ лично болѣе правильными. Эти обрывки стали выясняться все болѣе и болѣе и слагаться въ нѣчто *цѣльное*, въ общую логическую доктрину, — подъ вліяніемъ необходимости *систематическаго изложенія* науки *въ лекціяхъ*. Съ 77-го и по 81 годъ авторъ нѣсколько разъ читалъ курсъ логики студентамъ нѣжинскаго историко-филологическаго института и съ каждымъ годомъ элементъ исторической критики, направленной противъ старыхъ ученій, уступалъ все болѣе и болѣе мѣста собственнымъ его построеніямъ. Косвенное воздѣйствіе оказывала при этомъ и положительная разработка имъ *психологическихъ* вопросовъ — въ параллельномъ курсѣ психологіи, а также и въ сочиненіяхъ и статьяхъ автора, частью еще не напечатанныхъ. Когда была окончена и выпущена имъ въ свѣтъ «Психологія чувствованій», то вниманіе автора на время сосредоточилось особенно на дальнѣйшей разработкѣ его логическихъ теорій и въ 1880—81 году авторъ прочелъ курсъ логики, уже содержащій въ себѣ всѣ важнѣйшіе элементы ученій, изложенныхъ въ настоящей книгѣ. Между прочимъ въ этотъ годъ прибавились къ давно уже установив-

шимся *отрицательнымъ* взглядамъ автора на старые, такъ-называемые законы мышленія, на значеніе правилъ мышленія, на прежнюю классификацію сужденій и умозаключеній и т. д., и къ *положительнымъ* теоріямъ его объ отношеніи индукціи и дедукціи, объ истинныхъ причинахъ заблужденій ума и объ общемъ характерѣ законовъ мышленія, — 1) попытка поставить анализъ умственныхъ процессовъ на точку зрѣнія *теоріи развитія*, 2) попытка сведенія процессовъ сужденія и умозаключенія къ *процессамъ ассоціаціи* и 3) убѣжденіе, что въ старыхъ законахъ мышленія нашли себѣ косвенное и не совсѣмъ удачное выраженіе именно *законы ассоціаціи идей*. Но при этомъ однако *пріемы классификаціи* ступеней развитія умственныхъ и другихъ познавательныхъ процессовъ, *взгляды на истинныя задачи логики*, какъ науки, *способы мотивированія* отношеній между процессами ассоціаціи и процессами сознательнаго мышленія, наконецъ *пріемы разработки* всѣхъ этихъ логическихъ вопросовъ *въ частностяхъ*, еще во многомъ отличались отъ пріемовъ и взглядовъ, относящихся къ тѣмъ же вопросамъ, въ той обработкѣ, какую они получили въ настоящемъ сочиненіи. Еще годъ тому назадъ авторъ дѣлил развитіе мысли *на три*, а не на четыре ступени, — контрастъ «науки о познаніи» и «теоріи искусства познанія» далеко *не считалъ столь существеннымъ*, какъ теперь, — мотивировалъ соотношеніе процессовъ ассоціаціи и процессовъ сознательнаго мышленія болѣе *отрицательными* пріемами анализа, чѣмъ положительными, — наконецъ, начиналъ изслѣдованіе логическихъ вопросовъ *съ общихъ вопросовъ* о законахъ мысли и о заблужденіяхъ ума и затѣмъ ставилъ изслѣдованіе ступеней развитія мышленія *въ зависимость отъ общихъ выводовъ* о природѣ умственной дѣятельности, а не на оборотъ, — отчего конечно и анализъ этой послѣдней имѣлъ совершенно иной характеръ.

Вслѣдствіе всего этого и настоящее сочиненіе было сначала задумано авторомъ совсѣмъ иначе, чѣмъ оно вышло впослѣдствіи изъ подъ его пера. Въ процессѣ *изложенія* авторъ три раза существенно измѣнялъ планъ своей работы, оставилъ безъ употребленія нѣсколько совершенно готовыхъ къ печати главъ ея, принужденъ былъ отложить до другого времени рядъ вопросовъ, уже значительно обработанныхъ имъ и по которымъ у него былъ собранъ довольно обширный матеріалъ,

ввелъ въ составъ сочиненія рядъ новыхъ вопросовъ, перерабатывалъ нѣкоторыя, особенно первыя главы сочиненія совершенно съизнова по пяти-восьми разъ, а главное пришелъ къ цѣлому ряду совершенно новыхъ положительныхъ заключеній и гипотезъ, — вслѣдствіе чего въ результатъ разумѣется оказалась система взглядовъ, до извѣстной степени *новая* и для него самого *неожиданная*.

Можетъ быть всѣ эти подробности для критика и для читателя мало интересны; но для правильной оцѣнки результатовъ нашей работы онѣ конечно имѣютъ свое значеніе. Онѣ свидѣлствуютъ, во первыхъ, о томъ, что настоящая книга не есть сводъ мнѣній, на спѣхъ и кое-какъ составленныхъ и сшитыхъ на живую нитку, а что каждая мысль, въ ней выраженная, десятки разъ была продумана авторомъ и выворочена на всѣ возможныя стороны, что должно отчасти служить предостереженіемъ для слишкомъ поверхностныхъ и легкомысленныхъ критиковъ, считающихъ возможнымъ съ высоты своего всезнанія произносить смертный приговоръ надъ любою книгою, общее направленіе которой почему-либо имъ не нравится. Но съ другой стороны тѣ же подробности развитія воззрѣній автора лучше всего указываютъ и на возможность новыхъ измѣненій и превращеній въ его теоріяхъ, что должно въ свою очередь служить предостереженіемъ и для слишкомъ увлекающихся поклонниковъ «новаго слова науки», готовыхъ поднять каждую новую доктрину неумѣренными похвалами своими на пьедесталъ, съ котораго рано или поздно её придется свергнуть. Мы желали бы, чтобы наши теоріи были подвержены самой беспощадной и неумолимой критикѣ, чтобы каждый специалистъ и читатель встрѣтилъ ихъ сначала даже съ нѣкоторымъ *недоверіемъ*, но въ то же время хотѣли бы, чтобы критика отнеслась къ нимъ *серіозно и съ уваженіемъ*, такъ какъ результаты многолѣтней напряженной работы ума фактически невозможно уничтожить одною остроумною игрою словъ и легкомысленнымъ издѣвательствомъ. Эти приемы, столь обычные въ *нашей* литературѣ, падутъ рано или поздно на голову тѣхъ, кто ими будетъ пользоваться.¹⁾

¹⁾ Впрочемъ мы должны оговориться, что никакого критика специально при этомъ не имѣемъ въ виду, потому что критическія статьи о нашей «Психологіи

Кромѣ того приведенныя выше подробности изъ исторіи развитія нашихъ теорій объясняютъ и многія черты самаго изложенія ихъ въ настоящемъ сочиненіи.

Будучи всецѣло занятъ тяжелою работою систематической выработки своихъ собственныхъ воззрѣній, въ *общей оригинальности* которыхъ авторъ могъ убѣдиться изъ предшествующаго долговременнаго изученія логической литературы, онъ естественно пренебрегалъ ссылками на чужія мнѣнія и на указаніе случайныхъ совпаденій различныхъ своихъ взглядовъ со взглядами другихъ писателей. При этомъ онъ руководился отчасти и добрымъ примѣромъ другихъ, весьма солидныхъ новѣйшихъ писателей по логикѣ. «Въ такомъ предметѣ, какъ логика, справедливо замѣчаетъ Стэнли Джевонсъ (Основы науки. Трактатъ о логикѣ и проч. Перев. Антоновича, С.-Петербургъ. 1881, стр. 20), едва ли возможно высказать какія-нибудь мнѣнія, которыя не были бы высказываемы прежде въ той или другой формѣ; по крайней мѣрѣ зародышъ всякаго ученія можно найти у прежнихъ писателей, и новость можетъ состоять главнымъ образомъ только въ способѣ гармонизованія и развитія идей.» А потому естественно, что по крайней мѣрѣ при первомъ изложеніи своей оригинальной «общей системы воззрѣній», многіе весьма основательные мыслители и не находятъ нужнымъ тратить время и силы свои на то, чтобы искусственно ставить свои взгляды въ связь съ подобными же взглядами предшественниковъ. «Даже то, что мы могли бы заимствовать у другихъ, пришлось вновь найти помощью развитія своеобразной связи своихъ собственныхъ мыслей (*in dem eigenthümlichen Zusammenhange meiner Gedankenreihe*), можемъ мы повторить вмѣстѣ съ Шуппе (*Erkenntnisstheor. Logik. Bonn 1878. стр. 5*), — а потому мы и считали непроизводительною работою включать впослѣдствіи въ текстъ свой цитаты (изъ другихъ писателей), когда находили, уже значительно послѣ выработки какого-нибудь своего мнѣнія, извѣстное соотвѣтствіе его съ мнѣніями другихъ мыслителей».

чувствованій», появившіяся въ Вѣстникѣ Европы, въ Недѣлѣ, въ Мысли, въ Русской рѣчи и Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, вполне соотвѣтствовали строгимъ требованіямъ науки.

При составленіи прошлаго своего сочиненія (Психологіи чувствованій) мы еще признавали неперемѣнною *обязанностью* всякаго добросовѣстнаго изслѣдователя перерыть всю литературу прежнихъ временъ, чтобы подтвердить каждую мысль свою ссылками на аналогичныя мысли предшественниковъ. Но что же изъ этого вышло? Употребивъ болѣе года на работу, оказавшуюся потребною для того, чтобы каждое самостоятельно возникшее положеніе свое поставить въ связь съ *намеками* прежнихъ мыслителей, мы лишили себя возможности подвергнуть дальнѣйшей, болѣе тщательной обработкѣ свои собственныя теоріи, — почему въ результатѣ оказалось, что эти послѣднія, конечно нисколько не пострадавъ отъ изученія чужихъ взглядовъ, въ то же время почти ничего и не выиграли отъ этого изученія, т. е. лишь весьма незначительно подвинулись далѣе; — публика же была отчасти введена въ заблужденіе, такъ какъ, на основаніи принятыхъ приѣмовъ изложенія нашихъ теорій, могла подумать, что мы ихъ приобрѣли главнымъ образомъ путемъ вычитыванія и склеиванія чужихъ мнѣній.

Такою ошибку вторично не повторяютъ и потому въ настоящемъ случаѣ мы рѣшились роль историка и цѣнителя степени оригинальности *частныхъ* выводовъ нашихъ предоставить какому-нибудь другому лицу, которое признаетъ эту работу соотвѣтствующею своимъ вкусамъ, а сами устремили всю наличную энергію своей мысли на дальнѣйшее развитіе своихъ собственныхъ, ни отъ кого не заимствованныхъ теорій. Еще Шопенгауэръ высказалъ справедливую мысль, что «въ наше время употребляется слишкомъ много силъ на изученіе исторіи философіи, которая по самой природѣ своей приводитъ къ постановкѣ *знанія* на мѣсто *мышленія*». Не этимъ ли именно направленіемъ философовъ нашего времени объясняется и тотъ фактъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ глубокіе и благотворные перевороты въ наукахъ психологическаго круга происходили чаще, чѣмъ въ XIX столѣтіи, которое, не смотря на преимущества своихъ методовъ и на огромное развитіе психологической литературы, и до сихъ поръ еще, въ большинствѣ случаевъ, пережевываетъ, въ сферѣ упомянутыхъ наукъ, идеи XVII и XVIII вѣковъ? Только англійская литература, державшая себя всегда болѣе самостоятельно по отношенію къ старымъ традиціямъ, и создала

рядъ дѣйствительно плодотворныхъ новыхъ движеній въ наукахъ психологическаго круга, а новѣйшій прогрессъ психологическихъ идей въ литературахъ нѣмецкой, французской и другихъ, зависитъ главнымъ образомъ именно отъ усвоенія приемовъ англійскихъ писателей. Да наконецъ, отчего физическія науки такъ прогрессируютъ, сравнительно съ науками психологическими, какъ не отъ того именно, что самостоятельное изученіе природы онѣ ставятъ на первый планъ и лишь въ самой умѣренной степени расходуютъ время и силы свои на изученіе исторической послѣдовательности развитія тѣхъ или другихъ теорій?

Таковы соображенія, которыя заставили насъ въ настоящемъ трудѣ пренебречь столь обычнымъ въ наше время приемомъ подтвержденія своихъ взглядовъ цитатами изъ другихъ сочиненій по тому же предмету: общая оригинальность нашихъ теорій будетъ очевидна для всякаго толковаго и сколько-нибудь компетентнаго читателя настоящей книги, а неизбѣжныя частныя совпаденія ихъ съ выводами предшественниковъ и безъ всякихъ цитатъ несомнѣнны.

Затѣмъ указанный выше ходъ развитія нашихъ теорій объясняетъ и еще одну важную особенность нашего изложенія. Дѣло въ томъ, что это послѣднее навѣрное покажется многимъ читателямъ слишкомъ ученымъ, сжатымъ, сухимъ и неудобопонятнымъ. Въ этихъ недостаткахъ настоящей книги мы и сами откровенно сознаемся, но они опять являются лишь послѣдствіями общаго хода развитія нашихъ идей. Серіозное научное сочиненіе, при составленіи котораго продолжается процессъ творчества мысли автора, поневолѣ страдаетъ сжатостью изложенія, нѣкоторою сухостью и неудобопонятностью (конечно только съ точки зрѣнія мало подготовленнаго читателя): имѣя въ виду воображаемыхъ противниковъ-спеціалистовъ, авторъ поневолѣ предполагаетъ многое извѣстнымъ, поневолѣ часто недоговариваетъ своихъ мыслей и аргументируетъ какъ можно лаконичнѣе. Кромѣ того, стремясь развить систему своихъ воззрѣній во всѣхъ возможныхъ направленияхъ, куда только заглядывала его собственная мысль, онъ и по этому тоже невольно принужденъ сводить развитіе каждой мысли своей на *minimum* словъ, въ которыхъ она можетъ быть выражена, и не можетъ заботиться объ украшеніи своего текста многочисленными

примѣрами и сопоставленіями, которые бы сдѣлали его обобщенія совершенно понятными для *обыкновенныхъ* читателей. Популяризованіе своихъ вѣзрѣній онъ отчасти предоставляет другимъ лицамъ, особымъ спеціалистамъ этого дѣла, отчасти же откладываетъ самъ до болѣе удобной минуты, когда ему можетъ быть удастся заняться этою, сравнительно уже легкою работою.

Такъ бываетъ съ каждымъ мыслителемъ, у котораго нѣтъ недостатка въ идеяхъ, а напротивъ недостаетъ времени для ихъ полнаго изложенія, — такъ случилось и съ нами, при составленіи настоящаго труда. Мы надѣемся впослѣдствіи имѣть случай въ популярныхъ статьяхъ содѣйствовать распространенію нашихъ теорій въ обществѣ, а пока мы по преимуществу имѣли въ виду спеціалистовъ и тѣхъ лицъ, которые сколько-нибудь знакомы съ прошлымъ нашей науки. Да и отчего, въ самомъ дѣлѣ, только отъ сочиненій «философовъ» требуютъ общедоступности, когда недоступность, для массы, ученыхъ работъ химиковъ, физиковъ, физиологовъ и даже филологовъ, считается явленіемъ нормальнымъ и неизбѣжнымъ? Одно изъ двухъ: или психологія и логика дѣйствительно — науки, и тогда спеціальныя работы по этимъ наукамъ могутъ быть понятны только *при некоторой спеціальной подготовкѣ*, или же это не науки, а праздная *болтовня*, нисколько не увеличивающая дѣйствительныхъ знаній человѣчества и по тому самому излишняя.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ исторію развитія настоящаго сочиненія и вытекающія отсюда особенности его, намъ остается только прибавить выраженіе искренней благодарности своей тѣмъ лицамъ, которые такъ или иначе облегчили нашъ трудъ. Во первыхъ, мы позволяемъ себѣ выразить глубокую признательность своимъ товарищамъ, профессорамъ нѣжинскаго института, при просвѣщенномъ и единодушномъ содѣйствіи которыхъ намъ удалось на годъ освободиться отъ обязательныхъ занятій своихъ въ институтѣ и такимъ образомъ сосредоточить все свое вниманіе на обработкѣ настоящаго сочиненія. Во вторыхъ, мы не можемъ не упомянуть съ благодарностью и о другой корпорации профессоровъ, которая оказала намъ рядъ существенныхъ услугъ. Дѣло въ томъ, что значительная и самая трудная часть этой

книги была написана нами за границей, во время пятидесятилетнего пребывания в немецком университетском городе Тюбингенъ. Для подготовительныхъ работъ своихъ, особенно при составленіи «введенія», мы нуждались въ большомъ числѣ литературныхъ пособій; въ профессорской же корпораціи тюбингенскаго университета мы встрѣтили самое живое сочувствіе своимъ задачамъ и содѣйствіе при отысканіи пособій, необходимыхъ для нашихъ занятій. Поэтому мы позволяемъ себѣ выразить здѣсь свою искреннюю признательность всѣмъ членамъ упомянутой корпораціи профессоровъ, которые такъ или иначе оказали намъ помощь, — въ особенности же профессору философіи въ означенномъ университетѣ, г. *Зиварту*; послѣдній, обширными познаніями своими въ соотвѣтствующей спеціальности и всѣми другими средствами, не только готовъ былъ во всякую минуту любезно содѣйствовать снабженію автора необходимыми пособіями для его подготовительныхъ работъ, но и повліялъ благотворно на дальнѣйшее развитіе его взглядовъ какъ своими лекціями по логикѣ, посѣщеніе которыхъ облегчилъ автору, такъ и своею живою и умною бесѣдою по различнымъ вопросамъ, вошедшимъ въ настоящій трудъ.

Вообще профессора тюбингенскаго университета всѣмъ своимъ отношеніемъ къ автору-чужеземцу настолько содѣйствовали успѣху предпринятой имъ работы, что воспоминаніе о времени, которое онъ провелъ въ ихъ просвѣщенномъ кругу, будетъ для него навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни. Ученый, находящій такую благоприятную среду для своихъ занятій, какую мы нашли въ Тюбингенѣ, долженъ почитать себя особенно счастливымъ.

Николай Гротъ.

31 Юля 1882 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Общее разъясненіе задачъ.

Такъ какъ настоящее сочиненіе — результатъ изученія логическихъ вопросовъ, то о судьбѣ и современномъ состояніи такъ называемой логической науки и слѣдуетъ сказать прежде всего.

Подробной исторіи этой науки мы, къ сожалѣнію, не можемъ дать уже потому, что о полной и сколько-нибудь исчерпывающей исторіи логики въ настоящее время еще не можетъ быть рѣчи: пока наука находится въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, въ какомъ (какъ мы увидимъ ниже) пребываетъ по настоящее время логика, правильное освѣщеніе ея прошлаго конечно еще невозможно. Притомъ литература логики, какъ науки, которая существуетъ уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, до того обширна и даже необозрима, что для основательнаго изученія ея и даже для составленія полного ея перечня потребовалась бы съ нашей стороны масса кропотливыхъ изысканій, которыя бы отвлекли насъ совершенно отъ главной задачи настоящаго труда. Достаточно будетъ поэтому, если мы перечислимъ чужія работы въ этомъ направленіи.

Пока по исторіи логики сдѣлано еще весьма мало. Кромѣ известнаго труда Прантля (*Geschichte d. Logik im Abendlande*. Leipz., 1855—1870, 4 тома), обнимающаго впрочемъ только древній и средневѣковой періоды развитія логики (до начала XVI в.), — ничего, кромѣ общихъ очерковъ и монографій объ отдѣльныхъ эпохахъ и писателяхъ, не существуетъ. Да и трудъ Прантля представляетъ, въ сыромъ видѣ, лишь массу матеріаловъ для исторіи логики, хронологически изложенныхъ и весьма добросовѣстно собранныхъ, но никакъ не исторію хотя бы отдѣльныхъ фазисовъ развитія этой науки. Не надо думать однако, чтобы по числу сочиненій, относящихся къ исторіи логики, литература

этой послѣдней была такъ бѣдна и ничтожна. Напротивъ того, собирая довольно долго библиографическія данныя о логикѣ, мы убѣдились, что и литература исторіи логики, ведущая свое начало, если не ошибаемся, съ XVII в., въ своемъ родѣ тоже весьма обширное поле для изученія. Чтобы доказать это, мы сдѣлаемъ краткое обзорѣніе того библиографическаго матеріала въ этой области, съ которымъ намъ удалось ознакомиться: для будущихъ историковъ этотъ матеріалъ можетъ пригодиться, а любознательные читатели и критики найдутъ въ немъ рядъ пособій для провѣрки послѣдующихъ нашихъ «историческихъ» выводовъ.

Изъ общихъ сочиненій, появившихся по исторіи логики, независимо отъ изложенія самой теоріи науки, упомянемъ о слѣдующихъ, намъ извѣстныхъ: Reimannus, *Critisirender Geschichtscalender von der Logica, darin das Steigen und Fallen dieser hochvortrefflichen Disciplin von Anfang der Welt bis auf Jahr nach Christi Geburt 1600 entworfen etc.* Francf. a. M., 1699. Fabricius, *Specimen elenticum historiae logicae.* Hamb., 1699. Feuerlinus, *Diss. de variis modis logicam tradendi.* Jenae, 1712. Walchius, *Historia logicae* (въ *Parergg. Academ. Lips.*, 1721, p. 453 и слѣд.). Kochius, *Specimen polihistoris logici* (*Bibl. Struvii, Jenae*, 1728, p. 125 и слѣд.). Mussmann, *De logicae et dialecticae notione historica.* Berl., 1828 (гереланецъ). Franck, *Esquisse d'une histoire de logique etc.* Paris, 1838. Prantl (упом. соч.). Harms, *Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik.* Berl., 1881.

Изъ историческихъ очерковъ въ теоретическихъ руководствахъ логики намъ извѣстны слѣдующіе: Keckermannus, *Praecognit. logicorum tract. III, systemati logico etc. praemiss.* 2 ed. Hannov., 1606. P. Gassendus, *De origine et varietate logicae* (въ концѣ I кн. его логики въ *Synt. philos. Epicuri*, 1655). Syrbius, *Institt. philos. rationalis eclectic. una cum historia logices.* Jenae, 1717. Frobesius, *Bibliographia logica* (въ концѣ его *Compendium'a Вольфовой логики.* Helmst., 1746). Metz, *Ueber den Werth der Logik etc., nebst einem kurzen Umriss der Geschichte der Logik.* Würzb., 1813. Calker, *Denklehre etc., nebst einem Grundr. d. Gesch. und Liter. derselben.* Bonn, 1822. Denzinger, *Historia logicae* въ *Institt. logicae.* Leod., 1824 (Т. II, p. 687—736). Bachmann, *Syst. d. Log.* Leipz., 1828. III Th.: *Zur Gesch. d. L.* Troxler, *Logik etc.* III Th. *Skizze d. Liter. u. Gesch. d. L.* Stuttg. u. Tüb., 1830. Reiffenberg, *Baron. Principes*

de logique, suivis de l'histoire et de la bibliographie de cette science. Brux. 1833 (изъ этой книги и мы заимствовали многія изъ своихъ сужденій). Katzenberger, Geschichtliche Hauptgegensätze hinsichtlich der Auffassung der Logik (въ его Grundfragen der Logik, Lpz. 1858, S. 25—52). Ueberweg, System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. Bonn. 1857, 4. Aufl. 1874 (этотъ историческій очеркъ признается однимъ изъ лучшихъ). Hamilton, Lectures on Logic. Lond. 1860, 1874 (Lect. II: historical notices of opinions regarding its object and domain, и Appendix, особ. II—III). Delboeuf, Essai de logique scientifique. Liège. 1865. (L. I, Ch. I. § 1: Histoire de la logique). Rabus, Logik und Metaphysik, I. Erkenntnislehre, Geschichte der Logik, System der Logik. Erlang. 1868. Владиславлевъ, Логика. Обзоръ индукт. и дедукт. приемы мышленія. СП. 1872. 2 изд. 1881 (въ концѣ обширные и весьма основательно составленные историческіе очерки) и т. д. (въ русскомъ переводѣ Системы логики Милля: СП. 1865, подъ ред. Лаврова, въ предисловіи редактора тоже данъ краткій очеркъ исторіи логики).

Изъ спеціальныхъ сочиненій по исторіи логики въ отдѣльныя эпохи и у отдѣльныхъ народовъ назовемъ слѣдующія: а) о древней логикѣ вообще и греческой въ частности: Daries, Meditationes in logica veterum. Jenae, 1755. Fülleborn, Kurze Geschichte der Logik bei den Griechen (въ Beiträge zur Gesch. d. Philos. 1791—99, IV. Heft). Ad. Smith, Histoire de la logique et de la métaph. des anciens. (Essais philos., trad. p. Prevost. Paris 1797, T. II, p. 29—56). Buhle, Antiquorum graecorum ante Aristot. conamina in arte logica inven. et perficienda. (Commentt. Soc. Goett. T. XI, 1793, pp. 234—259). Münz, Die Keime der Erkenntnisstheorie in der vorsophist. Periode. Wien, 1880. б) о логикѣ у немцевъ, англичанъ и др. народовъ: Eberstein, Versuch einer Gesch. d. Logik u. Metaph. bei d. Deutschen v. Leibnitz bis auf die gegenw. Zeit. Halle, 1794. Metz, De philosophorum criticorum de logica meritis etc. Herbip., 1799. Hoffmann, Grundz. einer Geschichte des Begriffs d. Logik in Deutschland v. Kant bis Baader. Lpz., 1851. Rabus, Die neuesten Bestrebungen auf dem Gebiete d. Logik bei den Deutschen u. die log. Frage. Erl., 1880. Schnitzer, Ueb. die neuesten Systeme der Logik in Deutschland u. England mit Rücksicht auf Aristoteles. Ellw., 1863 (маленькая брошюра, въ которой рѣчь идетъ почти исключительно о Миллѣ и Тренделенбургѣ),

Lindsay, Переводъ логики Ибервега на англ. яз. Lond., 1871. (Appendix A. On recent logical speculation in England). Liard, Les logiciens anglais contemporains. Paris, 1878. (То же по нѣмцки, übers. v. Immelmann. Berl., 1880). Jankowski, Succincta logices in polonorum scholis historia. Cracov., 1828, и т. д.

По исторіи логическихъ ученій отдѣльныхъ писателей существуетъ громадная литература, полное перечисленіе которой мы не беремся сдѣлать. Особенно многочисленны работы по исторіи логическихъ ученій Аристотеля (Trendelenburg, Weinholz, Barthélemy-St-Hilaire, Hettner, Kampe, Zelle, Biese, и т. д.) и по исторіи логики и теоріи познанія Канта (Wickenhagen, Zelle, Hölder, Paulsen, Schenke, Stadler, Alexander, Smolle, Nathan, Steckelmacher, Volkelt, Schuppe, и проч.). Довольно значительно тоже число сочиненій о логическихъ ученіяхъ и заслугахъ Бэкона (Lasson, Liebig, Sigwart, Schlottmann, Finck, Werner, Fowler, и др.) и Гегеля (Trendelenburg, Schmid, Reiff, Hermann, и проч.). Кромѣ того намъ извѣстны монографіи о логикѣ и теоріи познанія Протагора (Münz, 1880), Эпикура (Tohte, 1874), Тертуллиана (Hauschild, 1880), Декарта (Natorp, 1882), Гейлинкаса (Grimm, 1875), Спинозы (Busolt, 1875), Лейбница (Květ, 1857), Ламберта (Zimmermann, и др.), Шлейермахера (Quäbicker, 1871, Weisse), Тренделенбурга (Кум, 1870) и другихъ.

Работы по исторіи отдѣльныхъ логическихъ вопросовъ немногочисленны и весьма разбросаны въ общихъ и специальныхъ теоретическихъ сочиненіяхъ по логикѣ. Ибервегъ напр. въ своей логикѣ даетъ почти по каждому вопросу историческія обозрѣнія, иногда весьма цѣнные; много цѣнныхъ замѣчаній и остроумныхъ историческихъ сопоставленій можно найти также въ логикѣ Вундта (Logik. I. Erkenntnistheorie. Stuttg., 1880). Другіе писатели, подобно Зигварту (Zur Lehre vom hypothet. Urtheil. Tüb., 1871), даютъ историческія введенія въ теоретическихъ монографіяхъ объ отдѣльныхъ вопросахъ. Наконецъ не разъ особо разбирался вопросъ объ исторіи отношеній логики къ метафизикѣ и къ философіи вообще (ср. Braniss. Logik in ihrem Verhältnisse zur Philosophie geschichtlich betrachtet. Berl., 1823) и т. д.

Нашъ перечень конечно далеко еще не полонъ, даже и по разсмотрѣннымъ нами рубрикамъ; а кромѣ того мы не упоминали почти вовсе объ историческихъ очеркахъ, разсѣянныхъ въ философскихъ журналахъ, словаряхъ и общихъ трудахъ по исторіи философіи, а также

о библиографическихъ данныхъ, разбросанныхъ въ общихъ библиографическихкихъ трудахъ, относящихся къ философіи (въ родѣ напр. труда Гумпоша: Die philos. Literatur d. Deutschen von 1400 bis auf unsere Tage. Regensb. 1851, и другихъ подобныхъ). Но и представленныхъ свѣдѣній достаточно, чтобы видѣть, что по исторіи логики поработали уже весьма многіе писатели.

Къ сожалѣнію, ознакомившись (во время пребыванія за границей) съ значительнымъ числомъ перечисленныхъ сочиненій (нѣкоторыхъ нельзя было достать), мы убѣдились, что они въ дѣйствительности весьма мало даютъ для исторіи логики, ибо въ болѣе древнихъ не достаетъ критики и полноты, а болѣе новые не только поверхностны и отрывочны, но и односторонни, потому что, когда историкъ въ тоже время самъ и теоретикъ, то онъ судитъ о важности того или другого труда и о заслугахъ того или другого писателя, всегда болѣе или менѣе субъективно и пристрастно.

Опасаясь сами именно такой, совершенно естественной, слабости, мы и не рѣшились поставить въ началѣ настоящаго сочиненія болѣе подробнаго историческаго очерка логическихъ теорій, для котораго у насъ собранъ былъ значительный матеріалъ и который отчасти даже былъ нами уже составленъ, а признали за лучшее ограничиться лишь самыми общими замѣчаніями о судьбѣ и современномъ состояніи логики, какими они представляются намъ именно съ нашей, субъективной точки зрѣнія. Если-бъ наши собственные теоріи, изложенныя въ настоящемъ сочиненіи, оказались правильными, то эти историческія замѣчанія конечно пріобрѣтутъ большую цѣну; но во всякомъ случаѣ они въ тѣсной связи съ нашими теоретическими убѣжденіями и должны раздѣлить ихъ участь.

Главная особенность логической науки по нашему мнѣнію заключается въ томъ, что чѣмъ болѣе она развивалась, тѣмъ болѣе и болѣе умножались различныя направленія ея обработки и различные взгляды какъ на ея задачи вообще, такъ и на отдѣльные вопросы, въ неѣ входившіе. Въ настоящей «наука» это явленіе конечно совершенно невозможно, ибо уже а priori съ разработкою знаній должно возрастать однообразіе выводовъ и согласіе изслѣдователей по всѣмъ частнымъ вопросамъ: это предположеніе подтверждается особенно исторією точныхъ наукъ. Но такъ какъ логика всегда находилась въ ближайшей зависимости отъ философіи, стремившейся къ удовлетворенію субъективныхъ потребностей человѣка, потребностей чувства (объ этомъ мы уже пи-

сали въ статьѣ «о философіи, какъ вѣтви искусства»: Мысль, 1880. Августъ), — число же разнородныхъ философскихъ системъ, съ дифференціаціей этихъ субъективныхъ потребностей и умноженіемъ мыслящихъ людей, по мѣрѣ развитія человеческого самосознанія, все болѣе и болѣе возрастало, то не удивительно, что и логическія системы и разногласія логическихъ писателей постепенно умножались. Въ древности логическое направленіе Аристотеля было преобладающимъ: весьма мало еще разработанными являлись рядомъ съ нимъ ученія о познаніи Платона (раціоналистическое) и Эпикура (эмпирическое). И только отрицательное направленіе скептиковъ болѣе успѣшно противо-дѣйствовало развитію логической системы Аристотеля. Въ средніе вѣка различія Аристотелевской и Платоновской теоріи познанія, а съ другой стороны точки зрѣнія эмпирической, выступаютъ уже ярче и сказываются особенно въ борьбѣ реализма, умѣренного и крайняго, и противуположнаго обомъ номинализма (тоже умѣренного, или концептуализма, и крайняго — вокализма и сермонизма). Эти различія, хотя и въ другой формѣ, особенно обостряются въ эпоху возрожденія, вслѣдствіе болѣе основательнаго изученія древнихъ философскихъ системъ и разработки частныхъ наукъ, и результатомъ этого факта въ XVII в. является ясное раздвоеніе логики и вообще теоріи познанія въ ученіяхъ о методахъ Бэкона и Декарта. Въ послѣдующей затѣмъ борьбѣ эмпиризма и раціонализма (XVII и XVIII в.) это раздвоеніе становится на дѣлѣ все рѣзче и рѣзче, обнаруживаясь весьма разнообразно въ направленіяхъ наукъ и самой философіи; однако вѣдшимъ образомъ получаетъ снова преобладаніе логика раціоналистическая, представляющая синтезъ Аристотелевской и Платоновской и проявляющаяся сначала въ руководствѣ Port-Royal'я (школы Декарта) и затѣмъ особенно рельефно и полно въ логической системѣ Вольфа и его послѣдователей. Въ концѣ XVIII в. Кантъ выступаетъ съ новымъ направленіемъ теоріи познанія вообще и логики въ частности. Это направленіе — въ цѣломъ субъективистическое, а въ примѣненіи спеціально къ логикѣ — формальное. Въ XIX в. въ новой формѣ возстановляется раціоналистическая логика Платона въ системѣ Гегеля (реальная или метафизическая логика), затѣмъ развивается далѣе формальная логика Канта (Гербартъ), оживаетъ въ новой формѣ умѣренно-раціоналистическая логика въ духѣ Вольфа (Шлейермахеръ), вновь перерабатывается подъ именемъ «индуктивной» эмпирической логики Бэкона (Гершель, Уэвель и особенно Дж. Ст. Милль), возникаетъ новый видъ «математической» формальной логики

(Гамильтонъ, Де Морганъ, Буль) и наконецъ являются новыя защитники первобытной логической системы Аристотеля, искаженной до неузнаваемости въ средніе вѣка и новое время (Тренделенбургъ). Всѣ эти главныя направленія (о второстепенныхъ мы уже не упоминаемъ) къ концу шестидесятихъ годовъ созрѣваютъ и доходятъ до крайняго своего выраженія. Послѣ этого наступаетъ реакція противъ исключительности школъ; но не надо думать, чтобы эта реакція уменьшила число направлений логики. Напротивъ — пока она его только увеличила до такой степени, что почти каждый современный писатель представляетъ изъ себя самостоятельное направленіе, обладающее своими особыми чертами. Чувствуя потребность въ примиреніи и соглашеніи различныхъ старыхъ школъ, каждый писатель входитъ въ компромиссы, усердно прилаживаетъ, сшиваетъ и склеиваетъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: въ послѣднее время даже составители школьныхъ учебниковъ по логикѣ, не имѣя иногда достаточной для того подготовки, тоже обнаруживаютъ поползновеніе «сглаживать противорѣчія» и «восполнять пробѣлы», и въ результатѣ является столпотвореніе вавилонское. Какъ бы въ наказаніе за свою навязчивость по отношенію къ другимъ наукамъ, за желаніе надъ ними командовать, логика постепенно утратила сама всякую твердую почву подъ ногами. Ея представители заговорили на столькихъ различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, что совершенно перестали понимать другъ друга и тщетно предпринимаютъ попытки «соглашенія» въ самыхъ основныхъ понятіяхъ и терминахъ (ср. статью Зигварта: *Ein Versuch zur Verständigung* въ *Vierteljahresschrift für wissensch. Philos.*, 1880. IV—1881. I, имѣющую задачею соглашеніе съ Вундтомъ и Бергианомъ).

Лучшимъ виѣшнимъ показателемъ возрастающаго съ вѣками, а въ послѣднее время и съ десятилѣтіями, числа разногласій между представителями логики и увеличивающейся пропорціонально потребности соглашенія, служитъ прогрессивное умноженіе сочиненій, выражающихъ уже въ самыхъ заглавіяхъ тенденцію обновленія или преобразованія логики. Въ этомъ отношеніи нами собраны слѣдующія данныя. Въ средніе вѣка подъ новой логикой (ср. напр. соч. *Versor'a*, *Super omnes libros novae logicae*. Venet., 1497) разумѣли только новыя части общей логики «аристотелевской», развившіяся по почину Петра Испанскаго, Вильгельма Оккама и другихъ писателей. Возникшія между XIII—XVI в. направленія Лудлистовъ, Перипатетиковъ и Рамистовъ предполагали каждое про себя, что они лишь полагаютъ

основаніе дальнѣйшему развитію логики Аристотеля, и потому противоположеніе ихъ системъ старой логикъ не было еще такъ рѣзко. Петръ Рамусъ, болѣе другихъ, считалъ себя реформаторомъ; но извѣстно, какъ мало онъ имѣлъ на это права. Такимъ образомъ новый органонъ Бэкона въ XVII в. оказывается первымъ сочиненіемъ, ясно предъ-являющимъ притязаніе обновить всю логику, хотя уже и въ XVI в., въ особенности въ связи съ борьбою упомянутыхъ выше направлений, являясь спеціальныя монографіи о задачахъ и спорныхъ вопросахъ этой науки (Angest, *Problemata logicalia*. Par., 1507. Goclenius, *Idem*. Marb., 1591. Его же *Quaest. et disputat. logicae*. Ibid., 1593. Martinus, *Disput. contra Ramistas de subj. et fine logicae*. Lemgo, 1597. Laymannus, *Disputatio logica ex organo*. Ingolst., 1604. Hesselbeinius, *Theoria logica etc.* Francof., 1606. Cramerus, *De praecipuis logicae Aristot. partibus disputationes*. Witteb., 1607. Nobilaeus, *Quaestiones logicae variae*. 1611. Chr. Weisse, *Curieuse Fragen über die Logica etc.* Lpz., 1696). Логика школы Декарта (*Logique ou l'art de penser*. Paris, 1644) является новою только отчасти, а потому и въ заглавіи выражается лишь скромное желаніе дополнить обычную систему логическихъ правилъ «нѣкоторыми новыми замѣчаніями, могущими служить къ образованію сужденія» (ученикъ Декарта Клоберъ написалъ, правда, сочиненіе: *Logica vetus et nova*. Amst., 1658; но мы не могли его достать и потому предполагаемъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ контрастомъ лишь части средневѣковой логики).

Въ XVIII в., съ развитіемъ Декартовской логики, въ противоположность средневѣковой, съ одной стороны, и Бэконовской — съ другой, и подъ вліяніемъ новой обработки логики въ системѣ Вольфа, число «новыхъ» логикъ и сочиненій, ясно выражающихъ преобразовательную тенденцію, умножается. Назовемъ важнѣйшія: Lehmann, *Neue und nützlichste Art der Vernunftlehre*. 1823. Crousaz, *Système de réflexions etc. ou nouvel essai de logique*. Amst., 1725. Lambert, *Neues organon etc.* Lpz., 1764. Castillon, *Réflexions sur la logique*. Mém. de l'Acad. de Berlin. 1779, и т. д. Подъ вліяніемъ Канта, въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX-го такія сочиненія появляются еще чаще. Упомянемъ о слѣдующихъ: Maimon, *Versuch einer neuen Logik oder Theorie des Denkens*. Berl., 1792. Reinhold, *Versuch einer Begründung und neuen Darstellung der logischen Formen*. Lpz., 1819. Bardili, *Grundriss der ersten Logik, gerein*.

von den Irrthümern bisheriger Logiken überhaupt, der kantischen insbesondere. Stuttg., 1800. Nüsslein, Kritik der falschen Ansichten der Logik. Bamb., 1803. Hoffbauer, Anfangsgründe der Logik. 1794. Herbart, Hauptpunkte der Logik. Gött., 1808, и т. д. Съ 30-хъ и до 70-хъ годовъ, подъ вліяніемъ вновь возникшихъ системъ Гегеля, Шлейермахера, Тренделенбурга и др., эта обновительная литература въ Германіи, а отчасти и въ другихъ странахъ, еще увеличивается. Назовемъ слѣдующія сочиненія: Drobisch, Neue Darstellung der Logik. Lpz., 1836 (школа Гербарта). Bosanquet, A new system of logic. Lond., 1839 (религіозная тенденція). Schlötel, Die Logik neu bearbeitet. Gött., 1854. Hoppe, Die gesammte Logik etc., als Kritik der bisherigen. Paderborn, 1868. Hartenstein, De methodo philosophiae logicae etc. Lips., 1835. Löwe, Ueber den Begriff der Logik und ihre Stelle. Wien, 1849. Prantl, Die Bedeutung der Logik für den jetzigen Standpunkt der Philosophie. München, 1849. Katzenberger, Die Grundfragen der Logik. Lpz., 1858. Dühring, Natürliche Dialectik, neue logische Grundfragen etc. Berl., 1865. Hartsen, Untersuchungen über die Logik. Berl., 1869, и т. д. Наконецъ въ семидесятихъ годахъ, съ развитіемъ эклектицизма, потребность реформы выражается еще бѣльшимъ числомъ работъ съ сознательно предъявляемыми преобразовательными тенденціями. Вотъ перечень важнѣйшихъ: Ulrici, Zur logischen Frage. Halle, 1870 (см. его же статьи въ Zeitschr. für Philos. B. 76, H. 2). Hartsen, Grundz. d. Logik nach einer neuen Methode. Berl., 1873. Harms, Reform der Logik. Berl., 1874. Caroli, Logica con nuovo methodo. Napoli, 1876. Pokorny, Neuer Grundriss der Logik. Wien, 1878. Foucou, Aperçu d'une nouvelle logique. Paris, 1879. Read, On the theory of logic. Lond., 1878. Rabus, Die logische Frage. Erl., 1880 (упом. выше). Rehnisch, Zur Kritik herkömml. Dogmen und Anschauungsweisen der Logik, etc. (Zeitschr. für Philos. B. 76, H. 1—2). Sigwart, Logische Fragen (упом. выше) и проч. И замѣтимъ еще, что, рядомъ съ этими откровенными реформаторами, также прогрессивно возрастаетъ число скрытыхъ, пренебрегающихъ вышнюю выставкою своихъ обновительныхъ тенденцій и желающихъ преподнести читателю пріятный сюрпризъ прямо въ самомъ текстѣ своихъ сочиненій. Въ этомъ смыслѣ съ начала 70-хъ годовъ почти всѣ писатели должны быть признаны, болѣе или менѣе, реформаторами и новаторами.

Послѣ всего сказаннаго, упомянутая выше особенность логики, состоящая въ прогрессивномъ умноженіи разногласій и борющихся направлений, едва ли можетъ болѣе подлежать сомнѣнію. Другою важною чертою въ развитіи логики является тоже прогрессивно увеличивающееся преобладаніе теоретическаго характера логическихъ изслѣдованій надъ практическимъ.

Въ древности и въ средніе вѣка предъявлялось притязаніе на такую науку, которая бы могла служить практическимъ руководствомъ для человѣческаго ума во всѣхъ сферахъ его дѣятельности и, такъ сказать, вела бы его на помочахъ въ каждомъ шагѣ, который онъ дѣлаеть. Логика считалась поэтому не только пропагандею другихъ наукъ и философіи вообще, но и руководительницею всякаго разсужденія, разговора и спора. Оттого древнѣйшимъ названіемъ для той дисциплины, которая впоследствии стала именоваться логикой, было названіе «діалектики» (разсужденіе, споръ). У Платона въ этомъ понятіи еще совершенно сливается идея искусства познанія, т. е. философіи вообще, съ идеею руководящей теоріи этого искусства. У Аристотеля эти двѣ идеи *de facto* уже не смѣшиваются, ибо онъ обработалъ теорію познанія особо отъ всѣхъ прочихъ наукъ. Но въ какой мѣрѣ сознательно онъ самъ различалъ познавательную дѣятельность отъ руководящихъ ея принципозъ, опредѣлить трудно, ибо термины «логики» и «органона», какъ извѣстно, вошли въ употребленіе гораздо позднѣе. Во всякомъ случаѣ общая тенденція такъ называемыхъ логическихъ сочиненій Аристотеля совершенно практическая и притомъ весьма обширная, потому что онъ опредѣляетъ въ нихъ не только правила изслѣдованія и доказательства, но и правила разговора и разсужденія вообще («топика»), споровъ и разсужденій съ софистами въ частности (соч. о софистическихъ доказательствахъ). Оттого многія логическія изслѣдованія его вращаются около языка и отношеній между словами, и отсюда большая часть недоразумѣній, къ которымъ его логическія ученія подавали поводъ впоследствии. Въ томъ же чисто практическомъ направленіи развивали логику и послѣдующія философскія школы древности — перипатетическая, стоическая, эпикурейская (логика, какъ каноника) и новоплатоновская, изъ числа которыхъ, какъ мы уже наметнули, только эпикурейская пыталась проложить новый путь (впрочемъ еще совершенно безсознательно), всѣ же остальные разрабатывали лишь различныя части аристотелевскихъ логическихъ ученій. Во все это время вновь возникшій терминъ «логики» то отождествлялся съ

терминомъ діалектики, то употреблялся въ значеніи болѣе или менѣе родственномъ съ этимъ послѣднимъ.

Въ средніе вѣка практическое значеніе логики сѣзилось только развѣ въ томъ смыслѣ, что изслѣдованіе природы отодвинулось на задній планъ и всѣ интересы философіи сосредоточились на религіозныхъ вопросахъ и на развитіи религіозныхъ догматовъ. Поэтому логика или діалектика (въ средніе вѣка эти термины сдѣлались совершенными синонимами) превратилась спеціально въ руководство разсужденія и спора о религіозныхъ вопросахъ и утратила значеніе руководства въ научныхъ изслѣдованіяхъ, которыхъ не было. До XVII в. она опредѣлялась чаще всего какъ «искусство разсужденія, спора, разговора» (*ars disserendi, disputandi, dicendi*) и нерѣдко даже сближалась съ риторикой и грамматикой. Научнымъ анализомъ мышленія логика, при такомъ пониманіи ея назначенія, конечно уже не задавалась и всѣ новыя приобрѣтенія ея направлены были къ выработкѣ правилъ употребленія и новаго изобрѣтенія словъ и терминовъ (отсюда вышелъ и *tractatus de terminorum proprietatibus* со всѣми позднѣйшими къ нему приростами и знаменитая *ars combinatoria Lulliana*). Но хотя, такъ или иначе, логика *de facto* изошрѣлась лишь въ усовершенствованіи искусства спора и словесныхъ манипуляцій, тѣмъ не менѣе *de jure* она еще имѣла претензію, при посредствѣ слова, опекать умственную дѣятельность челоука во всѣхъ ея направленіяхъ, и внѣ рамокъ силлогизма никакія отправленія ума не признавались законными.

Съ реакціею противъ тиранніи силлогизма, начавшеюся въ XVI в. (и отчасти даже въ XV-мъ), эти практическія тенденціи логики рѣшительнѣе сѣзживаются. Бэконъ, въ началѣ XVII в., хотя и опредѣлялъ еще логику какъ искусство изобрѣтенія, сужденія, памятованія и передачи, тѣмъ не менѣе самъ разработалъ подробнѣе лишь теорію научнаго изслѣдованія (т. е. изобрѣтенія) и, отрицая значеніе силлогизма, какъ органа новыхъ знаній, конечно не могъ придавать большаго значенія тому мелочному и повсемѣстному витѣшателству логики съ ея правилами въ процессы мышленія и разсужденія, какое признавалось необходимымъ въ средніе вѣка. Только болѣе общія правила познавательныхъ отправленій разумѣлись подъ указанными выше рубриками. А главное, логика Бэкона сама уже не претендовала на открытіе истины и объясненіе міровыхъ законовъ и предоставляла выполненіе этой задачи другимъ наукамъ. Въ школѣ Декарта совершилось подобное же сѣзуженіе практическихъ задачъ логики, и эта послѣдняя превратилась въ общую

теорію искусства мышленія, при чемъ и само это искусство мышленія по старой памяти называлось, въ переносномъ смыслѣ, логикой (оттого и заглавіе *logique ou l'art de penser*). Изслѣдованіе внутреннихъ процессовъ мышленія въ обѣихъ школахъ сдѣлалось постепенно главнымъ предметомъ вниманія, и этимъ способомъ объясняется происхожденіе «Опыта о разумѣніи» Дж. Локка, а равно и тотъ путь, какинъ Лейбницъ въ концѣ XVII в. пришелъ къ своимъ формуламъ общихъ принциповъ мышленія.

Поэтому, если до XVII в. теоретическій анализъ въ логикѣ служилъ всегда только орудіемъ и средствомъ для выработки правилъ и вообще практическаго руководства, такъ что въ этомъ послѣднемъ лежалъ именно центръ тяжести всѣхъ логическихъ ученій, то въ XVII в. уже ясно замѣтно стремленіе къ уравниванію теоретическихъ и практическихъ задачъ логики, и исключительная роль логики, какъ бдительной «няньки» мышленія, постепенно ослабляется. Полная и сознательная гармонія теоретическихъ и практическихъ задачъ логики наступаетъ однако лишь въ XVIII в. въ школѣ Вольфа, который самъ, съ свойственною ему систематичностью, провелъ дѣленіе логики на теоретическую и практическую части во всѣхъ мелочахъ въ своей «*Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifico pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata*» (1728). Замѣчательно между прочимъ, что Вольфъ же первый, чувствуя потребность дать болѣе глубокія основанія теоретическому анализу мышленія, провозгласилъ необходимость основать логическій анализъ на принципахъ психологій (*loc. cit. Disc. prelim. C. III, §§ 89—91*), хотя рядомъ съ этимъ, платя дань традиціямъ и обычаямъ своего времени, признавалъ и необходимость участія онтологій въ томъ же анализѣ.

Но развитіе теоретической логики или науки о мышленіи не мѣшало и въ XVIII в. многимъ писателямъ смотрѣть еще на логику, какъ на необходимое практическое руководство для всякаго мышленія, научнаго ли, т. е. направленнаго къ изслѣдованію истины, или ненаучнаго, такъ сказать житейскаго. Поэтому логика, хотя и въ болѣе скромной формѣ, чѣмъ въ средніе вѣка, все еще продолжала обнаруживать притязаніе опекать своими совѣтами и правилами всѣхъ людей, даже и не изслѣдующихъ «истину». Это обнаруживается уже и въ самыхъ заглавіяхъ логическихъ сочиненій, отчасти выражающихъ упомянутую тенденцію опеки надъ умственной дѣятельностью чловѣка въ самыхъ разнообразныхъ ея направленіяхъ. Рядомъ съ сочиненіями,

претендующими руководить познаніемъ истины (ср. напр. Reimarus: Vernunftlehre oder Anweisung zum richtigen Gebrauch der Vernunft in der Erkenntniss der Wahrheit. Hamb., 1756, или Christiern: Diss. de usu logicae in ideis acquirendis. Upsala, 1788), появлялись такія, которыя имѣли спеціальною задачею руководить практическимъ здравымъ смысломъ (ср. Ebeling, Versuch einer Logik für den gemeinen Verstand. Berl., 1785. Lossius, Unterricht der gesunden Vernunft. Gotha, 1877—78. Steinbart, Gemeinnützige Anleitung des Verstandes zum regelmässigen Selbstdenken. 3. Aufl. Zulichau, 1793 и др.). Но кромѣ того появлялись еще особыя логическія руководства для людей различныхъ половъ (ср. Blanchet, Logique de l'esprit et du coeur à l'usage des dames. La Haye, 1769. Knigge, Versuch einer Logik für Frauenzimmer. Hann., 1789. Rochow, Kleine Logik für Frauenzimmer. Braunschweig, 1789 и проч.), различныхъ возрастовъ (Villaume, Practische Logik für junge Leute, die nicht studiren wollen. Berl., 1787, ср. Wandelincourt, La logique du second âge etc. Paris, 1801 и др.), и даже различныхъ общественныхъ положеній (ср. Saure, Eléments de logique, à l'usage des gens du monde. Paris, 1794) и т. д.

Дальнѣйшій шагъ въ смыслъ развитія теоретическихъ задачъ, уже въ ущербъ практическимъ, дѣлаетъ логика подъ вліяніемъ Канта. Кантъ, во первыхъ, сѣзидъ задачи логики въ томъ смыслѣ, что на долю логики, въ собственномъ значеніи, предоставилъ только анализъ формъ мышленія, отвлеченныхъ отъ всякаго дѣйствительнаго содержанія; изслѣдованіе же матеріальныхъ условій мышленія и вообще познавательной дѣятельности хотѣлъ передать особой наукъ, намѣченной у него въ понятіи трансцендентальной логики и разившейся впоследствии въ такъ называемую Erkenntnisstheorie, т. е. теорію познанія (науку полуметафизическаго, полупсихологическаго характера). Но еще важнѣе, что онъ, во вторыхъ, сѣзидъ логику и въ отношеніи ея практическихъ задачъ, ибо съ одной стороны противопоставилъ формальную логику, какъ общую (allgemeine L.), частнымъ (besondere L.), которыхъ можетъ быть столько, сколько частныхъ наукъ, и пользованіе которыми (какъ и самое ихъ построеніе) онъ разумѣется совершенно оставилъ на отвѣтственности этихъ частныхъ наукъ, и съ другой стороны общую логику понималъ лишь какъ науку о «необходимыхъ» законахъ мышленія, выдѣливъ такимъ образомъ изъ ея содержанія все чтó относилось до «случайныхъ» проявленій умственной

дѣтельности. Вслѣдствіе этого естественно практическое значеніе логики сѣзилось настолько, что она удержала у Канта лишь характеръ самой общей руководительницы разсудка «при обсужденіи (Beurtheilung) и исправленіи (Berichtigung) знаній», конечно лишь съ формальной стороны. Это впрочемъ не мѣшало Канту, подобно Вольфу, дѣлить логику на двѣ части, теоретическую (reine Logik) и практическую (angewandte L.), что однако уже не могло означать болѣе гармоніи теоретическихъ и практическихъ задачъ логики, такъ какъ для рѣшенія значительной части теоретическихъ вопросовъ предназначалась упомянутая выше особая наука.

Послѣ Канта, съ котораго между прочимъ вошелъ въ употребленіе обычай называть логику Denklehre, т. е. ученіемъ или наукою о мышленіи (въ противоположность искусству мышленія), перевѣсъ теоретическихъ задачъ логики надъ практическими уже никогда de facto не прекращался.

Прямые послѣдователи Канта, т. е. его формальной логики, еще сѣзили практическое значеніе логики, откровенно признавъ её способною руководить лишь изложеніемъ извѣстнаго, а не изслѣдованіемъ чего-либо новаго (Гербартъ), и параллельно разработали чисто теоретическую «трансцендентальную» логику Канта подъ именемъ „Erkenntnisstheorie“ въ настоящую науку съ обширной спеціальной литературой¹⁾.

¹⁾ Вотъ важнѣйшая спеціальная литература частью метафизической, частью психологической Erkenntnisstheorie, возникшая въ послѣдніи десятилѣтія, — въ алфавитномъ порядкѣ: Bergmann, Sein und Erkennen. Berl., 1880 и его же: Das Erkenntnisproblem etc. Breslau, 1881. Caspari, Grundprobleme d. Erkenntnisthätigkeit. Berl., 1879. (2 Th.) Czolbe, Die Grenzen u. Ursprung d. menschl. Erkenntnis. Jena, 1865 и его же Grundz. der extensionalen Erkenntnisstheorie. 1875. Dreher, Ueb. Wahrnehmung u. Denken. Ein Beitrag zur Erkenntnisstheorie. Lpz., 1880. Drossbach, Ueb. Erkenntnis. Halle, 1869. Hoppe, Die persönliche Denkthätigkeit. Eine Erkenntnisstheorie, mit Widerlegung Kants. 1880. Lipps, Die Aufgaben d. Erkenntnisstheorie etc. (Philos. Monatsh. B. XVI u. XVII), Mayer, Von der Erkenntnis. Lpz., 1875. Oelmann, Die Erkenntnislehre als Naturwissenschaft. Cöth., 1868. Proelss, Vom Ursprung d. menschl. Erkenntnis. Lpz., 1879. Rehmke, Die Welt als Wahrnehmung und Begriff. Eine Erkenntnisstheorie. Berl., 1880. Schmitz-Dumont, Die mathemat. Elemente der Erkenntnisstheorie. Berl., 1878. Sengler, Erkenntnislehre. 1858. Stadler, Grundsätze d. Erkenntnisstheorie. Lpz., 1876. Voit, Ueb. Entwicklung d. Erkenntnis. Münch., 1879. Windelband, Ueber die Gewissheit d. Erkenntnis. Berl., 1873. Witte, Erkenntnisstheorie u. Ethik. Berl., 1877. Zeller, Bedeutung d. Erkenntnisstheorie.

Но даже и тѣ преемники Канта, которые не признавали формальныхъ задачъ логики, тѣмъ не менѣе, подъ его же вліяніемъ, дали въ логикѣ значительный перевѣсъ теоретическому анализу.

Такъ прежде всего идеалисты (Фихте, Шеллингъ, Гегель), отвергнувъ возможность отдѣленія формы мышленія отъ его содержанія, постепенно превратили логику въ исторію развитія идей, или въ естественную исторію мышленія, чуждую всякимъ практическимъ задачамъ. Отсюда возникла между прочимъ и реальная, метафизическая или спекулятивная логика Гегеля, для котораго, вслѣдствіе предполагаемаго тождества идей съ бытіемъ, исторія развитія идей являлась въ то же время и исторіею развитія всего сущаго. Гегель въ своей «Энциклопедіи» прямо отвергалъ практическую цѣну старой логики, которая хотѣла дать то, что уже и безъ нея дано (§ 19, Zusatz 2). Да и можно ли, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, изучить инструменты, не испробовавъ ихъ въ самой работѣ (ibid. § 10): изслѣдованіе познавательной дѣятельности не можетъ произойти иначе, какъ путемъ самой же познавательной дѣятельности. Поэтому практическую пользу логики Гегель понимаетъ по преимуществу лишь въ томъ смыслѣ, что мышленіе о мышленіи, какъ самое высокое и трудное мышленіе, разумѣется всего лучше воспитываетъ умъ и для всѣхъ другихъ надобностей (ср. ibid. § 19). Идеализмъ, въ лицѣ Гегеля, пришелъ слѣдовательно къ совершенному отрицанію логики, какъ инструмента мышленія и познанія.

Эта крайняя точка зрѣнія конечно вызвала скорѣе реакцію, подъ вліяніемъ которой между прочимъ возникло и столь распространенное до сего времени опредѣленіе логики какъ *Kunstlehre des Denkens*, т. е. какъ теоріи искусства мышленія (Шлейермахеръ, Бенеке и др.; изъ новѣйшихъ писателей ср. Зигварта: *Logik*. В. I. Tüb., 1873). Но и эта реакція однако не могла уже возратить логикѣ прежней гармоніи теоретическихъ и практическихъ задачъ, ибо она въ то же время сопровождалась всетаки отрицаніемъ исключительно формальнаго назначенія логическаго анализа и вслѣдствіе этого, подъ вліяніемъ вопросовъ, возбужденныхъ Кантомъ, принуждена была ввести въ составъ логики

Heidelb., 1862, и проч. Еще болѣе спеціальная литература монографій по отдѣльнымъ вопросамъ *Erkenntnisstheorie* (о пространствѣ, времени, причинномъ отношеніи и т. д.), тоже весьма многочисленная, сюда конечно не вошла, какъ не вошли и общія метафизическія сочиненія, содержащія между прочимъ и изложеніе такъ называемой «теоріи познанія».

массу новаго теоретическаго матеріала, постепенно даваго совершенный перевѣсъ отвлеченному анализу мышленія и познанія вообще надъ разработкой конкретныхъ руководящихъ началъ или «правилъ» умственной дѣятельности. Этотъ перевѣсъ особенно можно замѣтить въ новѣйшихъ логическихъ сочиненіяхъ, стремящихся къ полному слиянію логики и теоріи познанія (Lotze, Ueberweg, Schuppe: Erkenntnisstheoretische Logik. Bonn, 1878. Wundt: Logik. I. Erkenntnistheorie. Stuttg., 1880 и т. д.) Онъ впрочемъ даже получилъ и внѣшнюю санкцію въ новѣйшемъ опредѣленіи логики какъ «нормативной» науки о познаніи (Ибервегъ, Вундтъ). Этотъ послѣдній терминъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ общей системѣ опредѣленій наукъ, является лишь компромиссомъ между новыми, по преимуществу теоретическими, и старыми, практическими, тенденціями логики, и ему едва ли суждено долго продержаться.

Такимъ образомъ въ Германіи, со времени Канта, фактическое преобладаніе теоретическихъ или чисто научныхъ задачъ логики надъ практическими, не можетъ подлежать сомнѣнію. Но зато можно думать, что вновь возродившееся въ нынѣшнемъ вѣкѣ въ Англіи эмпирическое или индуктивное направленіе логики, какъ теоріи методовъ познанія, нашедшее себѣ наконецъ полное выраженіе въ «Системѣ Логики» Дж. Ст. Милля, способно опять дать перевѣсъ практическимъ задачамъ логики надъ теоретическими или хотя возстановить ихъ гармонію. Послѣднее повидимому подтверждается и опредѣленіемъ логики, какъ науки и искусства доказательства, принятымъ представителями индуктивнаго направленія (Милль, Бэнъ и др.). Но во первыхъ, если бы логика окончательно сдѣлалась руководительницею одного только научнаго изслѣдованія (какъ этого хочетъ напр. и Дюрингъ), то тѣмъ самымъ практическое значеніе ея оказалось бы даже еще уже того, какое за нею признавалъ Кантъ (различавшій въ логикѣ *Methodenlehre* отъ *Elementarlehre*). Во вторыхъ, какъ теорія научныхъ методовъ, логика должна была бы всетаки признать рядомъ съ собою особую науку о познаніи вообще, хотя бы и подъ другимъ именемъ, напр. психологін (главное дѣло конечно не въ названіи, а въ фактѣ). Въ третьихъ, она должна была бы породить новую обширную отрасль чисто научныхъ изслѣдованій по исторіи наукъ и знаній вообще (и это лучше всего понялъ Уэвель, у котораго «философія индуктивныхъ наукъ» является только рядомъ выводовъ изъ его обширной «исторіи индуктивныхъ наукъ»). Поэтому-то явное стремленіе къ чисто научной

обработкѣ логики, проявляющееся уже довольно давно (ср. Норре, *Die gesammte Logik etc.* Paderb., 1868, Vorrede. Delboeuf, *Essai de logique scientifique.* Liége, 1865; также Bailey, *Theory of reasoning.* Lond., 1851 и т. д.), не уменьшилось и съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого индуктивнаго направленія, а напротивъ все болѣе и болѣе возрастаетъ (ср. опыты синтеза общей логики, какъ науки, съ теоріей методовъ въ трудахъ Бэна, Джевонса: *Основы науки, трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ.* Русс. пер. Сп., 1881, Зигварта, Вундта у друг.). Оно же породило, болѣе всего другого, и быстрое развитие новѣйшей математической логики въ Англии (ср. особ. сочиненія Буля, Джевонса, Пирса, Макферлена, Вейна и др.). Къ сожалѣнію, симпатія къ этому послѣднему направленію скорѣе оправдываются его вышнелюбимкою, чѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, ибо представители его пробуютъ влить «новое вино въ старыя мѣха», т. е. приложить новый методъ анализа къ старымъ метафизическимъ понятіямъ, и такимъ образомъ менѣе другихъ школъ способны поставить логическіе вопросы на дѣйствительно научный фундаментъ. Болѣе глубокая нѣмецкая наука справедливо разсматриваетъ эту математическую логику лишь какъ неудачный опытъ новаго выраженія очень старыхъ началъ (ср. отзывъ Лотце во 2 изд. его *Логики*). Мы же полагаемъ даже, что эта математическая логика есть своего рода возрожденіе схоластики и что она ничуть не научнѣе той математической психологіи, какую придумала школа Гербарта. Но объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ: нашимъ желаніемъ пока было только доказать фактъ увеличивающагося стремленія къ постановкѣ логики на почву строго научныхъ принциповъ, и эта мысль кажется достаточно доказана вышеизложенными фактами.

Итакъ изъ сдѣланнаго нами двойнаго обзора судьбы логики вытекаетъ во 1), что разногласія и споры представителей этой науки съ теченіемъ времени дѣйствительно не уменьшаются, а прогрессивно возрастаютъ, во 2) что общею чертою развитія логики во всѣхъ ея направленіяхъ, является лишь постепенное перенесеніе центра тяжести этой «дисциплины» съ практическихъ задачъ на теоретическія. Существенными моментами перваго движенія являются: а) гегемонія одного направленія (Аристотелевскаго) надъ всѣми прочими, б) развѣтвленіе этого направленія на рядъ частныхъ (перипатетики, дуллисты, рамисты), в) развивающійся контрастъ двухъ главныхъ направленій, раціоналистическаго (школа Декарта и Вольфа) и эмпирическаго (школа Бэкона), г) развѣтвленіе этихъ двухъ направленій снова на рядъ частныхъ и развитіе

многихъ логическихъ школъ (формальной, реальной, теоретико-познавательной, чисто-аристотелевской, индуктивной, математической и т. д.), д) окончательная индивидуализація направлений, вслѣдствіе новыхъ развѣтвленій этихъ школъ и стремленія примирить и согласить ихъ между собою. Существенными моментами второго движенія являются: а) перевѣсъ практическихъ задачъ логики надъ теоретическими (до начала XVII в.), связанный съ убѣжденіемъ въ способности логики руководить непосредственно всѣми направленіями познавательной дѣятельности человѣка и всѣми спеціальными дѣйствіями его ума, б) постепенное развитіе гармоніи между практическими и теоретическими задачами логики (до конца XVIII в.), связанное съ убѣжденіемъ въ необходимости болѣе глубокаго анализа познавательныхъ процессовъ и въ невозможности вѣдшательства логики во всѣ частныя проявленія умственной дѣятельности, в) перевѣсъ теоретическихъ задачъ логики надъ практическими (въ XIX в.) и стремленіе дать ей строго-научную обработку, связанное съ возбужденіемъ различныхъ новыхъ теоретическихъ вопросовъ, относящихся къ познанію и съ развитіемъ мнѣнія, что непосредственное руководство умственной дѣятельностью возможно лишь въ той или другой спеціальной ея сферѣ (напр. въ сферѣ одной только формы мышленія, или въ сферѣ одной лишь высшей степени познанія, а именно въ сферѣ познанія научнаго, и т. д.).

Современное положеніе логики, подъ вліяніемъ этого двойкаго движенія, представляется поэтому въ слѣдующемъ видѣ: съ одной стороны, совершенное «вавилонское столпотвореніе» и безчисленныя неудачныя попытки реформы логики; съ другой стороны — общность лишь одной черты, а именно стремленія строго научно переработать теорію познавательной дѣятельности и, соответственно этому, большее или меньшее пренебреженіе къ практическимъ задачамъ.

Первый фактъ естественно долженъ привести къ желанію найти причины всеобщей путаницы понятій и неудачъ прежнихъ реформаторовъ логики и способы лучшей постановки дѣла въ будущемъ, второй — приводитъ къ вопросу, не выиграетъ ли логика отъ исключительно теоретической постановки своихъ изслѣдованій и отъ совершеннаго забвенія той практической «миссіи» между людьми, о которой она въ теченіе столькихъ вѣковъ съ гордостью мечтала? Разберомъ этихъ вопросовъ мы теперь и займемся.

Мы уже сказали, что постепенное умноженіе способовъ обработки логики является результатомъ вліянія на неѣ философіи, т. е. точнѣе

говоря — метафизических системъ. Это — главная причина путаницы понятій. Если разобрать по частямъ любую современную логическую систему, особенно нѣмецкую, то вліаніе метафизическихъ предположеній придется признать въ каждой главѣ логики. Вся постановка анализа такъ называемыхъ «законовъ мышленія» — метафизическая; эти законы тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія, — все это обломки онтологическихъ системъ и не даромъ они ведутъ свое начало отъ Лейбница, Вольфа, Реймаруса и имъ подобныхъ метафизиковъ, а многими даже ставятся въ связь съ метафизическими изреченіями Элейцевъ, Платона и Аристотеля. Впослѣдствіи мы разберемъ внутреннее значеніе этихъ законовъ подробнѣе, а теперь достаточно сказать, что самая постановка ихъ во главѣ логическихъ изслѣдованій возможна только надъ метафизическимъ угломъ зрѣнія, т. е. благодаря извѣстнымъ метафизическимъ предположеніямъ о природѣ мышленія. Далѣе, разборъ понятій, сужденій и умозаключеній стоитъ тоже совершенно на метафизической почвѣ и является обломкомъ старыхъ теорій о реальномъ существованіи идей и о ихъ прирожденности въ нашемъ умѣ. Тутъ поневолѣ сказывается опять вліаніе метафизическихъ системъ — и Аристотеля, и Платона, и Декарта, и Вольфа, не говоря уже о другихъ второстепенныхъ вліаніяхъ того же рода. Но этого мало: даже понятія индукціи и дедукціи содержатъ въ себѣ множество метафизическихъ отложеній и находятся въ тѣсной связи съ средневѣковымъ ученіемъ о силлогизмѣ и съ метафизическими воззрѣніями на отношенія понятій, сужденій и выводовъ. О второстепенныхъ элементахъ современныхъ логическихъ системъ мы уже не говоримъ. Всѣ эти понятія: «опредѣленія, дѣленія, доказательства, анализа и синтеза, истины и заблужденія, метода и системы» и т. д., — все это своего рода метафизическія «сущности», которыя традиція окружила извѣстнымъ обаяніемъ и съ которыми представители логической науки обращаются, какъ съ величинами, извѣстными а priori, и реальное содержаніе которыхъ конечно не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. И сколько съ каждымъ изъ этихъ понятій соединено метафизическихъ ассоціацій, сколько въ каждомъ изъ нихъ лежитъ осадковъ добраго стараго времени — господства отвлеченной фантазіи, — какія только имена, начиная съ Сократа, Платона и Аристотеля, и кончая Вольфомъ, Кантомъ и Гегелемъ, не связаны съ ихъ судьбою! Можно ли удивляться послѣ того, что каждый писатель, смотря по своимъ метафизическимъ сочувствіямъ, даетъ каждому изъ упомянутыхъ, главныхъ и второстепенныхъ, понятій,

въ отдѣльности взятыхъ и въ связи другъ съ другомъ, особое толкованіе?

Такимъ образомъ, важнѣйшею причиною путаницы понятій въ логикѣ является бѣльшая или меньшая зависимость всѣхъ общихъ логическихъ теорій и частныхъ логическихъ опредѣленій отъ тѣхъ или другихъ метафизическихъ системъ древности и новаго времени. А отсюда уже не трудно объяснить и причину неудачи всѣхъ прежнихъ реформаторовъ логики. Желая примирить и согласить готовые понятія, имѣющія свое основаніе въ самыхъ разнообразныхъ метафизическихъ предположеніяхъ и догматахъ, они естественно берутъ на себя задачу невыполнимую и совершенно непроизводительную: изъ сочетанія и приспособленія другъ къ другу традиціею освященныхъ, но ложныхъ или же фантастическихъ, идей — конечно ничего сильнаго, могучаго, органически цѣльнаго и потому способнаго къ жизни и развитію, не можетъ произойти. Хаосъ понятій, съ каждою попыткою реформы, основанною на такомъ принципѣ, лишь увеличивается, и къ старымъ противорѣчіямъ и разногласіямъ присоединяются все новыя и новыя.

Внутреннимъ, психологическимъ, мотивомъ для такого эклектическаго метода переработки логики, является конечно та самая вѣра въ авторитеты и привязанность къ традиціямъ, которую такъ сиѣло и безповоротно осудилъ еще Бэконъ. Все тѣ же и все новыя враги умственнаго прогресса человѣчества, а въ сущности врагъ только одинъ, но скрывающійся подъ весьма различными формами. Этотъ врагъ есть преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума. Оно служить, прежде всего, причиною возведенія отдѣльныхъ представителей мысли въ степень геніевъ и непогрѣшимыхъ судей, передъ мнѣніями которыхъ и преклоняется затѣмъ толпа, забывая что никто и ничто, кромѣ нея самой, не ставило передъ нею этихъ «идоловъ знанія». Оно же служить потомъ, съ ослабленіемъ довѣрія къ отдѣльнымъ личностямъ, причиною преклоненія человѣка передъ «массовыми движеніями» человѣческой мысли, основанное на убѣжденіи, что если столько и столько поколѣній людей что-либо думали и считали истинною, то тутъ должна быть заключена, если не вся правда, то хоть значительная часть ея, при чемъ забываются уроки исторіи: заблужденія алхимиковъ, предразсудки схоластическихъ мудрецовъ и другіе подобные образцы «инстинктивной непогрѣшимости» мыслящихъ массъ. Но то же преувеличенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума выражается и въ другихъ, безличныхъ, формахъ: оно лежитъ и въ основаніи деспотизма языка

и гибельнаго вліянія традицій, связанныхъ съ «словами»; оно же обусловливаетъ и бессознательное подчиненіе авторитету школы, литературныхъ нравовъ и модныхъ приемовъ изслѣдованія. Наконецъ, имъ же объясняется и преувеличенное современное благоговѣніе къ авторитету не только безличной, но и отвлеченной, единицы — «науки». Въ средніе вѣка для многихъ мыслителей послѣднимъ аргументомъ были слова «онъ такъ говорить», при чемъ подразумѣвался авторитетъ Аристотеля. Позднѣе, съ развитіемъ множества философскихъ школъ, чаще стали употреблять выраженіе «они такъ говорятъ», — разумѣя цѣлый рядъ представителей той или другой школы (номиналистовъ, идеалистовъ, сенсуалистовъ, матеріалистовъ, наконецъ позитивистовъ). Въ настоящее время безпрестанно восклицаютъ: «она, т. е. наука, то или другое утверждаетъ», при чемъ этотъ авторитетъ, самой новѣйшей формации, имѣетъ иногда тоже весьма двусмысленное значеніе.

Противъ авторитета ума или мысли человѣческой вообще конечно не способна бороться никакая теорія: противъ него боролся правда скептицизмъ, но въ концѣ концовъ всегда безуспѣшно. Вѣра въ авторитетъ мысли дана человѣку самою природою его или, вѣрнѣе говоря, развивается съ необходимостью изъ самой его организаци. Но человѣкъ не долженъ забывать, что для нея существуетъ только одна законная форма — это довѣріе къ собственной мысли, сознательно и критически направляемой на всестороннее изученіе того или другого предмета, и что объективнымъ авторитетомъ, который могъ бы сдѣлать обязательною мою мысль для всѣхъ другихъ людей, могутъ служить только матеріальные факты, на которыхъ она основана. Глубокомысленные метафизики, какъ и подобаетъ, конечно назовутъ это утвержденіе выраженіемъ «наивнаго міросозерцанія», ссылаясь на шаблонное мнѣніе, что внѣшній опытъ насъ обманываетъ и передаетъ явленія въ искаженномъ и субъективно-переработанномъ видѣ. Однако предположивъ даже пока, что это шаблонное мнѣніе справедливо, нельзя же отрицать факта, что въ оцѣнкѣ данныхъ внѣшняго опыта, на чемъ бы она въ концѣ концовъ ни основывалась, согласіе всѣхъ людей, при опредѣленныхъ условіяхъ этого опыта, совершенно неизбѣжно и вполне обеспечено. Напротивъ — всякая мысль, внѣ аппарата фактовъ, тѣми или другими людьми непремѣнно оспаривается. А если такъ, то ссылка на чьи либо мысли, т. е. мотивировка своихъ выводовъ авторитетами лицъ, школъ и направлений, въ условномъ смыслѣ можетъ быть допущена только тамъ, гдѣ эти мысли служатъ лишь символами всѣмъ

извѣстнаго и прочно установленнаго конкретнаго содержанія, а имена лицъ и названія школъ въ свою очередь — символами такихъ именно мыслей, служащихъ лишь формулами для выраженія всѣми признанныхъ объективныхъ фактовъ. Въ наукахъ же, въ которыхъ ничего, кромѣ мыслей, нѣтъ, или въ которыхъ незначительное фактическое содержаніе является лишь внѣшнею оболочкою, прикрывающею ту или другую систему «мыслей», — въ этихъ наукахъ ссылка на авторитеты — праздная забава, вѣра же въ доказательную силу именъ — самое наивное заблужденіе. Потому-то всѣ опыты реформы логики, основанные на стремленіи согласить и примирить Аристотеля, Канта, Бэкона, Милля и другихъ знаменитыхъ представителей этой науки, не могли быть удачны. Всѣ эти авторитеты въ сущности взаимно друга друга уничтожаютъ и, кромѣ того, въ каждой спеціальной логической теоріи каждаго изъ этихъ философовъ, отражается цѣльное общее міросозерцаніе, основанія котораго совершенно различны отъ основаній другихъ общихъ міросозерцаній, такъ что соединить оторванные элементы различныхъ системъ въ одно цѣлое конечно можно только механически. На этомъ приѣмъ серіозную реформу основать нельзя: оттого и неудачи, постигавшія до сихъ поръ всѣхъ новѣйшихъ преобразователей логики.

Но что же дѣлать, въ такомъ случаѣ, будущимъ представителямъ этой науки? Какъ избѣжать хаоса и путаницы? Для этого существуетъ два пути. Кто вѣритъ въ будущность философіи, какъ метафизики, и благоговѣетъ передъ прежними ея представителями, тотъ можетъ избрать себѣ, по своему вкусу, любую изъ существующихъ метафизическихъ системъ, а съ нею вмѣстѣ и соотвѣтствующую ей, послѣдовательно развитую, логическую теорію и исповѣдывать эту послѣднюю, разрабатывая её въ частностяхъ и откровенно называя себя аристотеликомъ, кантіанцемъ, гегеліанцемъ, миллевцемъ (ибо логика Милля тоже основана на цѣлой системѣ метафизическихъ предположеній) и т. д. Выборъ въ этомъ случаѣ весьма обширенъ и едва ли даже можетъ встрѣтиться надобность въ изобрѣтеніи собственной метафизической системы, такъ какъ по крайней мѣрѣ всѣ главныя метафизическія точки зрѣнія конечно уже исчерпаны сотнями прежнихъ мыслителей. Но кто въ такую будущность философіи не вѣритъ, кто науку противопоставляетъ метафизикѣ и кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ фактѣ, что прошедшее логики смутно, настоящее хаотично, а задачи будущаго еще вовсе не опредѣлены, — тотъ долженъ конечно подвергнуть

отрицанію все прошлое этой науки и, вооружившись сомнѣніемъ по отношенію ко всѣмъ безусловно понятіямъ и терминамъ, хотя бы кажущимся на первый взглядъ совершенно естественными и законными, долженъ начать всю работу снова, и притомъ на совершенно новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ.

Изъ указанныхъ двухъ путей, мы лично попробуемъ избрать послѣдній, потому что первый, по нашему мнѣнію, не можетъ привести ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ. Но въ такомъ случаѣ на нашей обязанности лежитъ, прежде всего, опредѣлить упомянутыя новыя основанія и методы логическаго анализа, при помощи которыхъ хаосу, нынѣ господствующему, могъ бы быть положенъ конецъ.

Для этого начнемъ съ обсужденія поставленнаго выше второго вопроса о томъ, не выиграетъ ли логика отъ чисто теоретическаго изученія своего предмета, связаннаго съ временнымъ забвеніемъ ея практической миссіи. Что такое забвеніе возможно и никому не принесетъ вреда, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: не только въ житейской своей практикѣ люди прекрасно обходятся безъ правилъ мышленія и даже, будучи знакомы съ этими послѣдними, никогда ими не пользуются; но и въ специальной области научнаго познанія, которое является высшимъ воплощеніемъ «искусства познанія», изслѣдованіе никогда не прибѣгаетъ къ специальнымъ приемамъ, рекомендуемымъ логическими системами, а если и прибѣгаетъ, то совершенно безсознательно и независимо отъ этихъ послѣднихъ. Этому утверженію повидимому противорѣчатъ два факта: 1) отзывы нѣкоторыхъ естествоиспытателей о пользѣ, какую имъ принесла логика, и 2) признаваемое обыкновенно вліяніе логическихъ теорій на ходъ развитія научныхъ изслѣдованій вообще; но къ обоимъ этимъ фактамъ надо отнестись критически. Что касается до упомянутыхъ отзывовъ естествоиспытателей, то во первыхъ можно отчасти усумниться въ ихъ искренности. Такъ напр. извѣстнѣе всего отзывъ Либиха, въ его «органической химіи», о пользѣ, которую ему принесло изученіе логики Милля (Либихъ въ этомъ отзывѣ утверждаетъ даже, что всѣ его открытія суть только приложенія совѣтовъ и указаній Милля); но тотъ же Либихъ, какъ мы узнаемъ изъ логической монографіи профессора Гоппе, одного изъ самыхъ самостоятельныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей логики въ наше время (*Die Analogie*. Berl., 1873, S. 5), говорилъ лично ему, Гоппе, что изъ сочиненія Милля не могъ извлечь ясныхъ представленій и освѣжающаго пониманія предмета

(keine Klarheit, kein erquickendes Verständniss), — и тотъ, кто самъ критически изучалъ Милля, скорѣе пойметъ это послѣднее утвержденіе, чѣмъ первое. Такъ же правдивы, можетъ быть, и другіе подобныя отзвы, не говоря уже о томъ, что они могутъ имѣть цѣну лишь въ устахъ ученыхъ, дѣйствительно открывшихъ что-нибудь важное въ своей наукѣ, а такихъ, какъ извѣстно, не такъ много и большинство изъ нихъ о логикѣ имѣетъ самое смутное представленіе. Кромѣ того, во вторыхъ, если бы даже и повѣрить искренности упомянутыхъ единичныхъ отзвовъ, то пользу изученія логическихъ системъ тѣми или другими представителями специальныхъ наукъ можно объяснять себѣ различно. Можно напр. предположить, что не столько отдѣльныя предписанія и совѣты представителей логики, сколько общее размышленіе о познавательныхъ отправленіяхъ человѣка, вызванное чтеніемъ произведеній этихъ лицъ, оказало благотворное вліяніе на спеціальныя изслѣдованія даннаго ученаго и вызвало бѣольшую сознательность и осмотрительность его пріемовъ; но въ такомъ случаѣ конечно отъ строго теоретической и научной постановки самыхъ логическихъ изслѣдованій дѣло только можетъ выиграть, ибо отъ такой постановки логической анализъ сдѣлается еще глубже и будетъ наводить на еще болѣе серьезныя размышленія. Почти тѣ же соображенія приложимы и къ вопросу о вліяніи логическихъ теорій на прогрессъ наукъ вообще. Во первыхъ, еще далеко нерѣшеннымъ является споръ о томъ, вызывали ли въ прошломъ новыя теоріи о методахъ новыя, лучшія, направленія научныхъ изысканій, или же, на оборотъ, именно изъ обобщенія этихъ новыхъ, уже созрѣвающихъ направленій научнаго анализа возникали упомянутыя новыя теоріи методовъ. Въ примѣненіи къ Бэкону извѣстны мнѣнія по этому предмету того же Либиха, Лассона и другихъ критиковъ, отрицающихъ могущественное вліяніе Бэкона на прогрессъ естествознанія. Въ примѣненіи къ Контю и къ Миллю противоположное мнѣніе тоже не доказано, ибо оба они были скорѣе систематизаторами методовъ, ранѣе и независимо отъ нихъ привившихся въ наукѣ, чѣмъ изобрѣтателями совершенно новыхъ и никому еще неизвѣстныхъ принциповъ изслѣдованія. А затѣмъ, если даже и признать нѣкоторое вліяніе всѣхъ такихъ теорій о методахъ на прогрессъ тѣхъ или другихъ наукъ, то опять степень непосредственности этого вліянія представляетъ новый спорный пунктъ, и задаешь себѣ невольнo вопросъ, не выиграетъ ли это вліяніе еще болѣе отъ строго теоретической и научной постановки логическаго анализа? Въдѣ если предположить возможность такой

постановки логического анализа, при которой онъ могъ бы дать въ послѣдствіи результаты столь же несомнѣнные и общепризнанные, какъ и въ другихъ специальныхъ наукахъ, то нельзя сомнѣваться, что съ пріобрѣтеніемъ такихъ результатовъ, каждый специалистъ, изучая логику, съумѣетъ и самъ вывести изъ теоріи рядъ практическихъ правилъ, приложимыхъ къ области его изслѣдованій. Наконецъ, предположивъ даже, что благотворное вліяніе прежнихъ логическихъ ученій на отдельныхъ изслѣдователей и на общее развитіе науки вполне доказано, тогда тѣмъ болѣе возможно хотъ на время отложить разработку практическихъ вопросовъ, предоставивъ специальныя науки вліянію прежнихъ ученій о методахъ, которыя во всякомъ случаѣ не принесли вреда этимъ наукамъ.

Стало быть, возможность поставить логику, въ настоящее время, на совершенно теоретическую почву, безъ ущерба для человѣчества и для прогресса знаній, не подлежитъ сомнѣнію. Но не трудно доказать и то, что такая постановка логического анализа не только возможна, но и необходима — по меньшей мѣрѣ въ настоящее время. Отрицать безусловно, что, съ пріобрѣтеніемъ правильной теоріи методовъ познанія, научный анализъ въ будущемъ вообще можетъ выиграть и прогрессъ знаній можетъ увеличиться, конечно было бы странно. Познавательная дѣятельность въ наукахъ есть несомнѣнно своего рода «искусство», ибо приемы ея не составляютъ общаго, природнаго достоянія всѣхъ людей, а пріобрѣтаются лишь постепенно навыкомъ и обученіемъ, а тамъ, гдѣ есть искусство, возможна копечію и «теорія искусства», т. е. систематическое руководство «правилами». Но чтобы дать твердыя и неопровержимыя основанія такой теоріи искусства, надо же опредѣлить прежде всего окончательно границу самого искусства познанія, т. е. выяснить предѣлы между естественной и искусственной познавательной дѣятельностью и, параллельно, между произвольнымъ и произвольнымъ мышленіемъ. Надо выяснить далѣе окончательно — не только общую сумму вліянія воли на мышленіе, но и частныя способы такого вліянія. Надо рѣшить безповоротно, можетъ ли умъ сознательно избѣгать ошибокъ въ своей дѣятельности, или нѣтъ, и, если можетъ, то какими путями — прямыми или косвенными? Да и что такое ошибки и заблужденія ума, отчего онѣ зависятъ и какъ далеко онѣ идутъ, — что такое истина, какъ цѣль знанія, что такое очевидность и логическая необходимость? Все это пока еще вопросы и вопросы, и пока эти вопросы не разрѣшены, конечно

еще не возможна вполнѣ сознательная и для всѣхъ обязательная теорія искусства познанія. Формальная логика учить напр., какъ соединять сужденія, чтобы избѣгнуть ошибокъ въ выводахъ; но какой смѣшной ироніей отзываются эти правила, если подумать, сколько разъ наука должна была отказываться отъ выводовъ, казавшихся безусловно всѣмъ представителямъ ея въ извѣстную эпоху послѣднимъ и абсолютно достовѣрнымъ результатомъ изслѣдованій. Да и сама логика, вырабатывающая эти правила, обезпечена ли хоть она отъ ошибочныхъ выводовъ? На это самымъ лучшимъ отвѣтомъ является нынѣшнее хаотическое состояніе ея, разсмотрѣнное выше. Не даромъ нѣкоторые логическіе писатели находятъ всѣ упомянутыя правила нелѣпыми и бесполезными, и, справедливо отрицая возможность ошибокъ въ самомъ «процессѣ» мышленія, всѣ заблужденія ума объясняютъ матеріальными причинами (ср. Шуппе). Но если такъ, то какія же логическія правила вообще могутъ быть приложимы и въ чемъ должно состоять руководство искусствомъ познанія? Всѣ подобные вопросы очевидно разрѣшимы только на почвѣ строго научнаго изслѣдованія, предполагающаго временное пренебреженіе всѣми непосредственными практическими задачами, которыя способны лишь тормозить безпристрастное научное изученіе предмета и отвлекать его отъ ближайшихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, необходимость временнаго устраненія изъ логики всѣхъ практическихъ тенденцій очевидна. Но этого мало: если считать логику «наукою», то не только временно, но и на всегда придется эти тенденціи признать чуждыми ей. Дѣло въ томъ, что понятіе «науки практической» заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Конечно *de facto* это понятіе еще всецѣло господствуетъ въ практикѣ почти всѣхъ сферъ знанія; но если принять во вниманіе современные принципы научнаго изслѣдованія, то придется признать дилемму, что: или науки не могутъ и не должны имѣть практическихъ цѣлей, или же онѣ совершенно ложно понимаютъ свои задачи. Въ виду плодотворныхъ результатовъ, ежедневно подтверждающихъ мысль, что современныя науки находятся на вѣрномъ пути развитія, первое предположеніе конечно вѣроятнѣе; вѣроятнѣе оно и въ виду общаго закона раздѣленія труда. Науки разумѣется имѣютъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если онѣ рано или поздно могутъ быть приложены къ жизни и могутъ служить источникомъ увеличенія человѣческаго счастья и благосостоянія, физическаго или нравственнаго. Но, съ развитіемъ дѣятельности человѣка, непосредствен-

ное служеніе счастію и благосостоянію человѣчества приняли на себя искусства. Это первое раздѣленіе труда: изъ него вытекало, что науки могутъ служить жизни только чрезъ посредство искусствъ; но зато онѣ обязаны были, въ этомъ стадіи развитія, руководить искусствами. Взаимодѣйствіе искусствъ и наукъ поэтому сперва было прямое: науки всѣ *de jure* были практическии и обучали искусства; искусства же обучались непосредственно у наукъ. Но, съ дальѣйшимъ развитіемъ искусствъ и наукъ, наступила потребность новаго раздѣленія труда, которое теперь именно и совершается. Во первыхъ, съ увеличеніемъ отвлеченности и сложности выводовъ наукъ, для искусствъ стало трудною задачею услѣдить за быстрымъ прогрессомъ научныхъ знаній, — не говоря уже о томъ, что, съ осложненіемъ собственныхъ ихъ приемовъ, для изученія всѣхъ нужныхъ наукъ у нихъ не стало хватать времени. Во вторыхъ, и обратно: съ осложненіемъ искусствъ, для наукъ сдѣлалось невозможнымъ услѣдить за разнообразными потребностями этихъ послѣднихъ и своевременно удовлетворять ихъ нужды; а кромѣ того и осложненіе собственныхъ вопросовъ, приемовъ и цѣлей все болѣе и болѣе отвлекаетъ научное изслѣдованіе отъ интересовъ практической сферы. Можно даже сказать болѣе, что соображенія съ практикою прямо противорѣчатъ основнымъ принципамъ высшей науки, ибо эта наука, наученная опытомъ вѣковыхъ заблужденій, приняла за основаніе: постепенно и медленно, но точно и строго сознательно подвигаться на пути изученія природы и изслѣдовать, если потребуется, даже то, что повидимому не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, лишь бы могли лучше выясниться законы разбираемыхъ ею явленій. Практика же съ этими принципами конечно мириться не можетъ: дѣйствительная жизнь не останавливается и ждать не можетъ. Она требуетъ «быстроты и натиска», и того, что разъ упущено въ практической сферѣ, весьма часто уже не нагонишь. Поэтому искусствамъ нужно немедленное руководство, хотя бы только приблизительное и временное, такъ сказать палліативное. Болѣзнь напр. не можетъ ждать, пока естественныя науки откроютъ истинную природу процессовъ, её вызывающихъ, и опредѣлятъ свойства и особенности микрококковъ, развивающихся въ больныхъ органахъ: для нея тотчасъ нужны лекарства, хотя бы не было еще рѣшено, въ какой мѣрѣ дѣйствіе ихъ радикально. Отсюда вездѣ, рядомъ съ науками, въ настоящемъ смыслѣ слова, и съ искусствами, имъ соотвѣтствующими, обозначаются все рельефнѣе и яснѣе особыя дисциплины. Пока ихъ

тоже еще называютъ «науками», и потому напр., рядомъ съ естественными науками, говорятъ о наукахъ медицинскихъ. Но эта терминологія основана на грубомъ недоразумѣніи: выработка практическихъ правилъ, какъ мы показали, несомнѣстима съ задачами настоящихъ наукъ и ихъ методами, и потому, если не хотѣтъ употреблять терминъ «науки» въ двухъ противорѣчивыхъ значеніяхъ, то надо для новыхъ посредствующихъ дисциплин¹⁾, образующихся повсемѣстно между науками и искусствами, въ точномъ значеніи этихъ словъ, придумать новое понятіе, а соотвѣтственно этому отчасти переработать и ихъ содержаніе. Такимъ понятіемъ всего удобнѣе признать уже упомянутое понятіе «теорій искусствъ». Медицинскія науки, въ тѣсномъ значеніи этого слова, суть теоріи искусствъ; многія такъ называемыя юридическія науки суть тоже теоріи искусствъ; технологія есть совокупность теорій искусствъ, агрономія есть теорія искусства, грамматика также и проч. (мы уже не говоримъ объ общепризнанныхъ теоріяхъ искусствъ музыки, живописи, архитектуры, ваянія и т. д.). Слѣдовательно о «практическихъ наукахъ» можно говорить лишь въ переносномъ смыслѣ и, если признать правильность современной идеи о «научномъ изслѣдованіи», то понятіе практическихъ наукъ придется совсѣмъ отвергнуть. А въ такомъ случаѣ конечно придется предпринять серіозную очистку содержанія наукъ отъ всякихъ практическихъ примѣсей и, на оборотъ, исключить изъ теорій искусствъ всѣ строго научныя задачи. Вообще же, съ изложенной точки зрѣнія, окажется необходимымъ различать троякій родъ изученія дѣйствительности: чисто теоретическій — въ наукахъ, теоретико-практической — въ теоріяхъ искусствъ и чисто практической — въ искусствахъ. Эти три рода изученія имѣютъ и цѣли различныя (истолкованіе природы, выработка правилъ дѣятельности, усвоеніе самого механизма этой послѣдней), и объекты различныя (природа въ наукахъ, выводы науки и приемы искусства въ теоріяхъ искусствъ, правила этихъ послѣднихъ и механизмъ самой дѣятельности въ искусствахъ), и приемы или средства различныя (наблюденіе, экспериментъ и анализъ — въ наукахъ, пассивное усвоеніе и синтезъ — въ теоріяхъ искусствъ, упражненіе въ самой

¹⁾ Посредствованіе или посредничество между производителями и потребителями признано неизбѣжнымъ зломъ даже при обращеніи «матеріальныхъ предметовъ», — на сколько же важнѣе оно въ сферѣ гораздо болѣе сложнаго производства и потребленія «идей» (въ наукахъ и искусствахъ)!

дѣтельности, соединенное съ творчествомъ, — въ искусствахъ). Въ настоящее время конечно едва ли можно сразу провести это разграниченіе во всѣхъ мелочахъ и частностяхъ; но, съ дальнѣйшимъ развитіемъ знаній и дѣтельности человѣка, оно разовьется само собою и войдетъ несомнѣнно въ общіе нравы и обычаи.

Но если такъ, то и науку о познаніи должно различать отъ теоріи искусства познанія и, при рѣшеніи вопроса о задачахъ логики, мы неизбежно очутимся передъ новой дилеммой, а именно, что эта послѣдняя должна быть: или «наукою о познаніи» или «теоріею искусства познанія», — тѣмъ и другимъ виѣстъ она ни теперь, ни впоследствии быть не можетъ, если только хочетъ развиваться безпрепятственно и вполне сознательно. Прежде однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой дилеммы, которая ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ совершенно новою точкою зрѣнія, обратимъ вниманіе еще на одну черту въ отношеніи наукъ, искусствъ и теорій искусствъ. Отношеніе это, при ближайшемъ анализѣ, оказывается болѣе сложнымъ, чѣмъ можетъ казаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что признаніе особой науки о познаніи, какъ и теоріи искусства познанія, заставляетъ смотрѣть на самыя науки какъ на извѣстнаго рода искусства, а съ тѣмъ виѣстъ, повидимому, даже общій контрастъ наукъ и искусствъ можетъ показаться несущественнымъ. А тутъ еще является соображеніе объ упомянутомъ выше контрастѣ науки и философіи, при которомъ эта послѣдняя, какъ мы уже замѣтили, должна быть тоже признана искусствомъ, ибо служить субъективнымъ потребностямъ человѣка и старается удовлетворить его чувствамъ. Какъ распутаться въ этихъ перекрестныхъ отношеніяхъ, не отвергнувъ ближайшихъ результатовъ анализа?

Для этого прежде всего надо имѣть въ виду различіе искусства въ тѣсномъ — отъ искусства въ широкомъ смыслѣ слова. Въ широкомъ смыслѣ слова, и науки, и теоріи искусствъ суть «искусства», ибо создаются искусственными приѣмами и искусственною дѣтельностью человѣка вообще; но въ тѣсномъ смыслѣ подъ искусствами, въ ихъ противоположеніи наукамъ и теоріямъ искусствъ, можно разумѣть лишь тѣ искусства, которыя непосредственно служатъ «субъективнымъ» потребностямъ человѣка. Изъ такихъ искусствъ «непосредственныхъ» произошли постепенно, по принципу раздѣленія труда, и искусства «посредственныя» (посредствомъ другихъ искусствъ служащія потребностямъ жизни), т. е. науки, а затѣмъ и теоріи искусствъ. Такимъ

посредственнымъ искусствамъ могутъ служить тоже въ свою очередь особыя теоріи искусствъ и особыя науки, и къ таковымъ относятся именно теорія искусства познанія и наука о познаніи. Философія же выдѣлилась изъ наукъ и должна присоединиться къ «непосредственнымъ» искусствамъ обратнымъ путемъ, а именно путемъ устраненія изъ наукъ всѣхъ еще бывшихъ въ нихъ непосредственныхъ или субъективныхъ элементовъ въ особую дисциплину. Всѣ указанныя сложныя отношенія можно наглядно выразить слѣдующею схемою, изображающею конечно не status quo, а предполагаемое идеальное отношеніе моментовъ искусственной человѣческой дѣятельности:

Наука о познаніи

|
Теорія искусства познанія

|
Искусство познанія = частныя науки

|
теоріи искусствъ

|
искусства

_____ |
философія

_____ |
другія спеціальныя искусства.

Но впрочемъ и эта схема далеко еще не разъясняетъ всѣхъ возможныхъ сложныхъ отношеній между видами человѣческой дѣятельности, ибо наука о познаніи въ свою очередь опирается на другія частныя науки (напр. психологію) и, какъ своего рода искусство, повидимому опять можетъ требовать особой теоріи искусства; философія, какъ особое искусство познанія, разумѣется предполагаетъ тоже особую теорію искусства познанія, которая можетъ быть находится въ родствѣ съ «общею» теоріею искусства познанія, и т. д. Тѣмъ не менѣе мы пока удовлетворимся предложенною схемою (къ этимъ вопросамъ мы еще воротимся), ибо знаемъ теперь общій методъ разъясненія указанныхъ сложныхъ отношеній и можемъ быть увѣрены, что и при дальнѣйшемъ его приложеніи не придется жертвовать признаннымъ выше и вполне естественнымъ различіемъ наукъ, искусствъ и теорій искусствъ.

Итакъ, усвоивъ себѣ мысль, что цѣли, объекты и методы изученія дѣйствительности — въ наукахъ, въ теоріяхъ искусствъ и въ искус-

ствахъ совершенно различны, мы должны были вмѣствъ съ тѣмъ признать дилемму, что логика можетъ быть только: или наукою о познаніи, или теоріею искусства познанія, а никакъ не тѣмъ и другимъ вмѣствъ¹⁾. Это, какъ уже сказано, приводитъ насъ къ новой точкѣ зрѣнія: если даже согласиться, что въ наше время на первомъ планѣ должна стоять наука о познаніи, что спеціалисты другихъ наукъ могутъ временно обойтись безъ руководства теоріи искусства познанія и что, безъ предварительнаго разрѣшенія цѣлаго ряда чисто научныхъ вопросовъ, послѣдняя не можетъ быть поставлена на твердыя основанія, то, признавая въ то же время возможность и необходимость разграниченія науки о познаніи отъ теоріи искусства познанія, можно спросить себя, зачѣмъ намъ понадобилось называть «логикою» именно упомянутую науку о познаніи, а не отдѣленную отъ нея будущую теорію искусства познанія? Не лучше ли было бы поступить на оборотъ, а именно, признавъ логикой будущую теорію искусства познанія, выдѣлить изъ нея въ другую науку, напр. психологію, всѣ чисто научные вопросы, и отложивъ построеніе такой логики до разрѣшенія этихъ научныхъ вопросовъ, заняться послѣдними подъ именемъ «психологіи»? Вопросъ этотъ конечно формальный — это вопросъ не о дѣлѣ, а о словахъ, ибо — въ какомъ бы смыслѣ мы ни употребляли терминъ логики — все-таки, на основаніи всего вышеннеложеннаго, придется признать необходимость ближайшей, чисто научной постановки тѣхъ вопросовъ, которые прежде входили въ содержаніе такъ называемой логики. Однако все-же остается фактомъ, что мы лично называли до сихъ поръ совокупность этихъ вопросовъ и соотвѣтствующихъ имъ изслѣдованій — логикой, а не психологіей, или какъ-нибудь иначе, а потому должно объяснить мотивы, руководившіе такой нашей терминологіей.

Психическій міръ, какъ и міръ физическій, состоитъ изъ двоякаго рода элементовъ — статическихъ и динамическихъ, ибо и въ томъ и другомъ можно различать данный матеріалъ отъ процессовъ его измѣненія, развитія и осложненія. Въ мірѣ физическомъ статическими элементами являются данные элементы внѣшняго опыта, такъ называемыя тѣла, явленія, силы; динамическими — процессы превращенія болѣе простыхъ тѣлъ, явленій и силъ въ болѣе сложныя. Въ мірѣ

¹⁾ Искусствомъ же познанія въ полномъ смыслѣ слова, какими многіе её считали въ древности и въ средніе вѣка, она не можетъ быть, какъ скоро таковымъ является философія.

психическомъ мы находимъ, параллельно, при посредствѣ такъ называемаго внутренняго опыта, точно также: 1) данныя простыя или сложныя явленія сознанія и 2) процессы ихъ развитія и осложненія, т. е. превращенія другъ въ друга. Конечно контрастъ статическихъ и динамическихъ элементовъ болѣе или менѣе относите ленъ, ибо во первыхъ тѣ и другіе всегда существуютъ совмѣстно, а во вторыхъ то, что съ одной стороны представляется элементомъ динамическимъ, съ другой точки зрѣнія можетъ оказаться элементомъ статическимъ, а именно въ отношеніи къ другимъ динамическимъ элементамъ (такъ «явленія и силы» по отношенію къ «тѣламъ» суть элементы динамическіе, а по отношенію къ сложнымъ переѣнамъ, называемымъ «процессами», считаются сами элементами статическими); но тѣмъ не менѣе научный анализъ, имѣющій дѣло съ извѣстной совокупностью фактовъ внѣшняго опыта, никогда не смѣшиваетъ въ ней этихъ двухъ сторонъ. Поэтому, почти по отношенію къ каждой области физическаго міра различаются науки двоякаго рода, а именно: 1) изслѣдующія статическіе элементы данной сферы опыта и 2) изслѣдующія динамическіе элементы той же сферы опыта; на этомъ основаніи напр. химія противуполагается физикѣ, анатомія растений и животныхъ — ихъ физиологін, и т. д. Но если таково отношеніе наукъ въ физическомъ мірѣ, то нельзя не признать необходимымъ и законнымъ такое же отношеніе ихъ и въ мірѣ психическомъ. Психологія, какъ свидѣтельствуетъ вся ея прошлая исторія, до сихъ поръ всегда сосредоточивала свое вниманіе на анализѣ статическихъ элементовъ сознанія; оттого — ея прежнія, усилія опредѣлить сущность души, природу ея частей, силъ или способностей; отсюда и болѣе новый ея сюжетъ — описаніе и изслѣдованіе отношеній между данными «явленіями» сознанія; «процессы развитія» явленій она всегда изслѣдовала лишь мимоходомъ, да и то всегда была склонна разсматривать ихъ въ свою очередь какъ какія-то сущности или явленія (ср. понятія памяти, воображенія и другія подобныя); такимъ образомъ она всегда была по преимуществу «анатоміей» сознанія. Но рядомъ съ этимъ всегда существовали науки, которыя изслѣдовали динамическую сторону сознанія, т. е. такъ называемую психическую «дѣятельность». Такъ напр. этика изслѣдовала субъективную или «нравственную» дѣятельность человѣка, т. е. дѣятельность, направленную къ развитію субъективныхъ явленій сознанія (особенно стремленій и желаній); логика же изслѣдовала, наоборотъ, дѣятельность или совокупность процессовъ, направленныхъ къ развитію

объективныхъ явленій сознанія (ощущеній и идей), или, говоря иначе, «познавательную» дѣятельность. Эти двѣ науки въ свою очередь всегда касались «статическихъ элементовъ» сознанія только мимоходомъ для разъясненія природы «процессовъ», и потому обнаруживали обратную, сравнительно съ психологіей, склонность — разсматривать явленія сознанія какъ процессы (такъ логика долго смотрѣла на «понятія», какъ на особые «процессы» мышленія; этика, съ той же динамической точки зрѣнія, часто разсматривала «чувства» какъ «процессы» и т. д.). Логика и этика, слѣдовательно, всегда брали на себя скорѣе задачу «физиологіи» сознанія. Уничтожать этотъ естественный контрастъ, находящій себѣ объясненіе въ томъ же законѣ раздѣленія труда, о которомъ говорено было прежде, и встрѣчающій аналогію въ отношеніи «физическихъ наукъ», по нашему мнѣнію не представляется никакой надобности: съ дальнѣйшимъ развитіемъ наукъ о сознаніи, онъ пріобрѣтетъ еще болѣе серіозную цѣну и будетъ служить весьма удобнымъ принципомъ для классификаціи содержанія и приѣмовъ изслѣдованій о сознаніи. Таковы соображенія, которыми мы всего болѣе руководствовались, настаивая на томъ, что именно «логика» должна быть «наукою» о познавательной дѣятельности. Впрочемъ мы впослѣдствіи еще разовьемъ эту мысль подробнѣе и даже предложимъ нѣкоторое измѣненіе въ старой терминологіи, чтобы дать указанному контрасту — анатоміи и физиологіи сознанія — болѣе прочную будущность.

Во всякомъ случаѣ вопросъ, поставленный нами выше, разрѣшается въ томъ смыслѣ, что логика должна быть не только теперь, но и впослѣдствіи, наукою о познаніи, т. е. чисто теоретическимъ видомъ изученія познавательной дѣятельности. Всѣ же практическія задачи должны быть предоставлены будущей особой теоріи искусства познанія, которую по нашему мнѣнію всего удобнѣе назвать «методикой» или «методологіей»; но къ этому вопросу мы воротимся въ свое время, — теперь мы не въ правѣ его предрѣшать.

Установивъ главнымъ основаніемъ будущей логики оставленіе въ сторонѣ всѣхъ практическихъ задачъ, т. е. задачъ «выработки правилъ» познавательной дѣятельности въ той или другой ея сферѣ, мы должны выяснитъ теперь подробнѣе «механизмъ» этой новой чистой науки. Для этой цѣли разсмотримъ два существенные вопроса: о ея предметѣ и о ея методахъ.

До сихъ поръ мы предполагали общій предметъ логической науки извѣстнымъ; намъ могутъ возразить однако, что и о предметѣ логики

было не мало споровъ и разногласій. Это совершенно справедливо; но еще справедливѣе то, что эти споры и разногласія оправдываются именно лишь съ практической точки зрѣнія, т. е. лишь въ томъ случаѣ, если логику понимать какъ «теорію искусства познанія», — ибо съ этой точки зрѣнія опредѣленіе предмета логики зависитъ вполне отъ мнѣнія о томъ, какіе виды или какія стороны познавательной дѣятельности нуждаются въ руководствѣ и допускаютъ это послѣднее. Философы, полагавшіе, что можно руководить мышленіемъ челоуѣка вообще, опредѣляли предметомъ логики «мышленіе»; философы, думавшіе, что можно руководить только формальною стороною мышленія, опредѣляли предметомъ логики анализъ «формъ» мышленія; тѣ, которые думали, что можно руководить лишь высшею ступенью познавательной дѣятельности, а именно такъ называемою научною познавательною дѣятельностью, опредѣляли предметомъ логики анализъ «методовъ» научнаго познанія, и т. д. Но если отвлечься отъ такой практической точки зрѣнія и признать логику не теорію искусства, а наукою, то всѣ подобные споры теряютъ смыслъ и объ общемъ предметѣ логики разногласій быть не можетъ. Этотъ предметъ должна быть «познавательная дѣятельность» вообще, со всѣхъ ея сторонъ и во всѣхъ ея проявленіяхъ. Понятіе это само конечно можетъ быть принимаемо въ различныхъ значеніяхъ; но опредѣлить точно конкретное его содержаніе и должно быть задачею науки логики, а пока нѣтъ бѣды, если каждый будетъ понимать его въ частностяхъ по своему: въ общемъ этому понятію всетаки соответствуетъ всѣмъ извѣстный, хотя и не столь рѣзко очерченный, кругъ явленій. Въдъ точно также, когда возникла химія, и о «матеріи» имѣли весьма разнообразныя понятія и между тѣмъ всякій зналъ въ общихъ чертахъ, съ какимъ предметомъ имѣетъ дѣло упомянутая наука. Поэтому первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій: мы будемъ изслѣдовать «познавательную дѣятельность». Какіхъ именно сторонъ этой послѣдней мы должны будемъ коснуться, опредѣлить еще нельзя, ибо для этого надо выяснитъ предварительно методы логическаго изслѣдованія. А потому къ вопросу объ этихъ методахъ или приемахъ мы теперь и перейдемъ.

Предварительное и сознательное опредѣленіе методовъ изслѣдованія въ логической наукѣ труднѣе, чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ, ибо въ кругъ вопросовъ этой науки несомнѣнно входитъ также и изслѣдованіе методовъ всякаго научнаго познанія. Это соображеніе,

между прочимъ, всего лучше подтверждаетъ и сдѣланное нами выше предположеніе, что каждая наука можетъ найти правильные методы изслѣдованія и безъ содѣйствія логики, потому что: если логика сама есть «наука», хотя бы и въ прежнемъ значеніи слова, то она — или должна вовсе обойтись безъ сознательно-обдуманнхъ методовъ изслѣдованія, или должна быть въ состояніи хоть отчасти опредѣлить эти послѣдніе безъ помощи научной теоріи методовъ и предварительно ея, такъ какъ эта теорія и составляетъ конечную ея цѣль. Но изъ двухъ послѣднихъ предположеній очевидно можно допустить только второе, такъ какъ — предположить, что логика можетъ быть построена безъ всякихъ сознательно-обдуманнхъ методовъ, значило бы уже отказаться отъ признанія еѣ «наукою»: главный признакъ науки вѣдь и заключается въ сознательныхъ методахъ. Болѣе того: тогда бы даже пришлось вообще отказаться отъ идеи «науки о познаніи» и отъ идеи «научной теоріи методовъ». А между тѣмъ мы видѣли, что въ возможности науки о познаніи нѣтъ причины сомнѣваться: если возможна наука о психическихъ явленіяхъ, то должны быть возможны и науки о психическихъ процессахъ, а въ числѣ нихъ и наука о процессахъ познанія.

Такимъ образомъ необходимо предположить, что и логика, подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, можетъ — болѣе или менѣе правильно и сознательно — опредѣлить свои методы ранѣе, чѣмъ будетъ построена строго-научная и общеобязательная теорія методовъ познанія. Это впрочемъ уже и а ргіогі можно вывести, ибо, если въ основаніи всѣхъ наукъ лежитъ искусственная дѣятельность, то эта искусственная дѣятельность, какъ и всѣ прочія, безъ всякаго сомнѣнія можетъ достигнуть извѣстнаго совершенства однимъ навыкомъ и обобщеніями изъ опыта, — такъ что и сама теорія, ей соотвѣтствующая, будетъ отчасти лишь продуктомъ усовершенствованныхъ ея приемовъ. А затѣмъ, разумѣется, дальнѣйшее совершенствованіе всякой дѣятельности и развитіе соотвѣтствующихъ ей теорій находятся въ непрерывномъ взаимодействіи: сначала дѣятельность достигла извѣстнаго совершенства, затѣмъ изъ обобщенія ея приемовъ создалась теорія; но далѣе эта теорія конечно въ свою очередь отражается на приемахъ дѣятельности и ихъ совершенствуетъ; это совершенствованіе опять вызываетъ новыя поправки и улучшенія въ теоріи, и т. д. Такое непрерывное взаимодействіе практики и теоріи дѣятельности между прочимъ подтверждается и исторією науки вообще въ от-

ношеніи къ развитію теоріи ея методовъ.¹⁾ Когда Сократъ и Платонъ впервые заговорили о методахъ познанія, научное познаніе уже существовало. Когда Бэконъ создалъ первую систематическую теорію методовъ научнаго изслѣдованія, это изслѣдованіе уже было значительно усовершенствовано, при чемъ не безъ вліянія на него остались конечно и несовершенныя теоріи методовъ Сократа, Платона, Аристотеля и другихъ древнихъ философовъ. Бэконовская теорія методовъ въ свою очередь могла оказать извѣстное вліяніе на дальнѣйшій прогрессъ методовъ науки, и когда этотъ прогрессъ сдѣлался совершенно очевиднымъ и былъ подмѣченъ мыслителями, то возникли новыя, болѣе совершенныя, теоріи методовъ — трудами Гершеля, Уэвеля и наконецъ Конта и Милля. Подъ вліяніемъ этихъ усовершенствованныхъ теорій методовъ, между прочимъ стала возможна болѣе правильная постановка наукъ о самомъ сознаніи вообще и, въ частности, науки о познавательныхъ его отправленіяхъ, а съ развитіемъ этой послѣдней можно будетъ надѣяться приобрѣсти наконецъ вполнѣ достовѣрную и научно-обоснованную теорію методовъ, которая, подъ именемъ «теоріи искусства познанія или методики», окончательно поставитъ научный анализъ во всѣхъ его сферахъ на ту высоту, о какой всегда съ энтузіазмомъ мечтало человѣчество. Но совершенная теорія искусства познанія конечно тоже разовьется не сразу: первая строго-научная постановка логики дастъ толчекъ для ея первоначальнаго образованія, какъ особой сознательной дисциплины; образованіе же первыхъ элементовъ вполнѣ сознательной теоріи искусства познанія опять отразится на дальнѣйшихъ успѣхахъ логики, какъ одной изъ наукъ, т. е. областей «искусства» познанія вообще; отсюда въ свою очередь опять возникнетъ возможность новыхъ успѣховъ теоріи искусства познанія и т. д., — пока наконецъ, изъ такого неоднократнаго взаимодѣйствія, наука о познаніи, вмѣстѣ съ другими науками о психической дѣятельности, не станетъ такою же точною и достовѣрною наукою, какими являются уже теперь нѣкоторыя науки о физическихъ явленіяхъ и процессахъ.

Но въ такомъ случаѣ теперь конечно еще не можетъ быть и рѣчи объ окончательномъ и безповоротномъ рѣшеніи вопроса о методахъ логи-

¹⁾ О взаимномъ вліяніи прогресса наукъ и прогресса теоріи методовъ говорилъ уже Бэконъ Ср. Зеленогорскій. «О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства». Харьковъ, 1877. Глава I.

ческаго изслѣдованія, какъ и о немедленномъ безошибочномъ рѣшеніи всѣхъ спорныхъ и трудныхъ вопросовъ науки о познаніи: методы логическаго изслѣдованія можно опредѣлить пока только приблизительно, по аналогіи съ другими науками, прогрессъ которыхъ наиболѣе очевиденъ, а также и путемъ критики прежнихъ методовъ логическаго анализа. — Съ этой то критики мы и начнемъ.

Чтобы избѣгнуть упомянутой выше трудности — предварительнаго рѣшенія вопроса о методахъ «науки о методахъ», какою давно признавалась (хотя бы и отчасти только) логика, представители этой послѣдней утверждали, что логическая наука строится особымъ методомъ — «демонстративнымъ», какъ его называлъ еще Вольфъ, — хотя въ сущности этотъ демонстративный методъ въ логикѣ есть ни что иное какъ метафизическій, рациональный или проще апріорный методъ школы Декарта, которому пробовали дать новое развитіе Спиноза и Лейбницъ. Метафизическій или апріорный методъ въ логикѣ держался однако долѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ наукахъ: онъ лежитъ въ основаніи логическаго анализа даже и въ большинствѣ современныхъ логическихъ сочиненій. Притомъ онъ постепенно дифференцировался на двѣ главныя разновидности: изъ метода метафизическаго вообще выдѣлились — методъ метафизическій въ тѣсномъ значеніи и методъ математическій. Первый имѣетъ основою своею критику понятій, т. е. качественное развитіе конкретныхъ принциповъ изъ отвлеченныхъ; второй, выходя изъ предположенія возможности количественнаго выраженія содержанія понятій пытается вывести всѣ логическіе законы по принципамъ математики изъ нѣсколькихъ основныхъ формулъ, т. е. изъ нѣсколькихъ математическихъ аксіомъ, касающихся этихъ законовъ умственной дѣятельности. Дифференціація метафизическаго метода, на метафизическій въ тѣсномъ смыслѣ и на математическій, совершилась въ логикѣ постепенно: сначала въ ней всецѣло господствовалъ чисто метафизическій методъ (древняя и средневѣковая логика); но первые признаки математическихъ приемовъ являются однако уже въ *Ars combinatoria Lulliana*. Затѣмъ, лишь подъ вліяніемъ Декартовской философіи, которая вообще разсматривала метафизическій методъ какъ разновидность математическаго, — и въ логикѣ, въ частности, стали чаще повторяться попытки примѣненія математическихъ приемовъ анализа. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Лейбницъ своей идеей объ «*Ars combinatoria characteristica*» и своими формулами законовъ мышленія. Въ XVIII в. попытки математическаго формулированія логическихъ законовъ пов-

ториялись не разъ (Lange, *Inventum novum quadrati logici*, 1714. Reusch, *Systema logicum*, 1734. Ploucquet, *Methodus calculandi in logicis ab ipso inventa*, 1763 и т. д.; о значеніи этихъ попытокъ смотри подробнѣе у Девонса, *Основы науки*. СПб., 1881: предисловіе); въ этомъ же вѣкѣ утвердился между прочимъ обычай выражать и отношенія понятій и формулы сужденій и выводовъ геометрическими фигурами (согласно Ибервегу, по почину того же Ланге: *Nucleus logicae Weisianae*. 1712). Но кромѣ этого обычая, да идущаго еще отъ Аристотеля обыкновенія иллюстрировать формальныя отношенія понятій обозначеніемъ ихъ помощью буквъ, никакихъ серьезныхъ основаній для развитія самостоятельнаго математическаго метода логическаго анализа не было ранѣе Гамильтона, который въ половинѣ XIX стол. ввелъ въ логику принципъ «квантификаціи предиката» въ сужденіяхъ, т. е. принципъ количественнаго измѣренія величины предиката въ связи съ величиною субъекта, и этимъ положилъ начало настоящей математической логикѣ (Лардъ считаетъ впрочемъ еще Бентама предшественникомъ Гамильтона). Труды Де-Моргана, Буля, Девонса и другихъ окончательно обособили математическую логику отъ старой метафизической.

Существенное различіе метафизическаго и математическаго методовъ логическаго анализа состоитъ въ признаніи вторымъ и непризнаніи первымъ принципа количественнаго отношенія понятій; но мы считаемъ, что споръ объ этомъ принципѣ будетъ совершенно празднымъ, пока вообще является сомнительною возможность апріорнаго метода логическаго анализа и примѣненія его къ изслѣдованію законовъ мышленія, общихъ и частныхъ. Наши логическія теоріи, какъ мы надѣемся, въ состояніи будутъ доказать наглядно, что ни законы мышленія, ни законы сужденія и вывода, ни вообще отношенія процессовъ познанія, до сихъ поръ никѣмъ еще не были опредѣлены и что всѣ положенія старой логики о законахъ мысли, основанныя на совершенно негодной (съ логической точки зрѣнія) теоріи подлежащаго и сказуемаго, какъ составныхъ элементовъ сужденія, были продуктами фантазій. Но если однажды предположить возможность сомнѣнія въ научномъ достоинствѣ старыхъ понятій о «подлежащемъ, сказуемомъ, сужденіи, выводѣ» и другихъ, на нихъ основанныхъ, то о приложимости метафизическаго и въ частности математическаго методовъ къ логическому анализу и рѣчи быть не можетъ. Эти методы могутъ быть признаны только подъ условіемъ правильности старыхъ представленій о составѣ мышленія; но если эти представленія поколеблятся, то прежніе методы критики понятій и мате-

математической оцѣнки ихъ отношеній окажутся праздною игрою съ воображаемыми величинами. Отсюда конечно не слѣдуетъ, чтобы строго математическій методъ изслѣдованія никогда и впоследствии не могъ быть приложенъ къ логической наукѣ: подобное утвержденіе съ нашей стороны было бы наивно; однако еще наивнѣе думать, что математическій методъ приложимъ къ наукѣ, которая до сихъ поръ имѣла дѣло почти только съ метафизическими идеями. Моментъ приѣненія къ наукамъ о психическихъ явленіяхъ и процессахъ математическихъ приѣмовъ анализа вѣроятно еще весьма отдаленъ, — и попытки, въ родѣ Гербартовой въ психологіи и Булевой въ логикѣ, стоятъ почти на одной линіи¹⁾; съ извѣстной точки зрѣнія онѣ имѣютъ кое-что общаго и съ пиагорейскою теоріею чиселъ, и съ декартовскимъ и спинозовскимъ методами изслѣдованія природы вообще и природы нравственныхъ явленій въ частности. Различіе только въ томъ, что математическія игры въ области отвлеченныхъ идей съ каждымъ вѣкомъ, по мѣрѣ развитія самихъ математическихъ теорій, становятся все сложнѣе и съ виду глубокомысленнѣе; но болѣе отдаленныя поколѣнія отнесутся къ нимъ одинаково, какъ къ образчикамъ заблужденій человѣческаго ума въ его стремленіи насильственно ускорить точное истолкованіе природы.

Въ противоположность апіорному методу, въ логикѣ давно началъ развиваться другой, апостеріорный или опытный методъ, который также постепенно дифференцировался въ нѣсколькихъ частныхъ направленіяхъ. Познавательную дѣятельность, во первыхъ, можно наблюдать и изучать въ отношеніи къ внутреннему ея теченію, во вторыхъ, въ отношеніи къ внѣшнимъ ея выраженіямъ, а такъ какъ послѣднія опять двоякаго рода — формальныя (языкъ) и матеріальныя (знанія), то постепенно опытный методъ дифференцировался въ трехъ направленіяхъ, которымъ можно дать названія: психологическаго, грамматическаго и естественно-научнаго (ибо «знанія», составляя матеріальный результатъ познавательныхъ процессовъ относятся къ нимъ именно такъ, какъ въ естественныхъ наукахъ сложныя явленія природы и жизни — къ процессамъ ихъ развитія). Сначала опытный методъ весьма односторонне прилагался въ логическихъ изслѣдованіяхъ, а именно преимущественно въ грамматическомъ

¹⁾ Мы впрочемъ не оспариваемъ достоинства теорій Буля съ чисто математической точки зрѣнія, ибо слышали отъ одного нѣмецкаго математика о ихъ пользѣ и естроуміи: надо только и называть ихъ «математическими», а не «логическими».

направленіи, и, строго говоря, весь воображаемый метафизическій или апріорный методъ старой логики былъ лишь безсознательнымъ проявленіемъ этого односторонняго грамматическаго метода: всѣ старыя логическія понятія въ сущности и имѣють условную цѣну только какъ грамматическія единицы. Но дѣло въ томъ, что грамматическій методъ не можетъ дать никакихъ плодотворныхъ результатовъ, если онъ примѣняется одинъ: онъ можетъ имѣть значеніе лишь вспомогательнаго пособія, въ связи съ другими опытными методами, да и то только, если различіе внутреннихъ процессовъ познанія и внѣшнихъ ихъ выраженій ясно сознается, — потому что иначе неизбежны, какъ мы увидимъ впоследствии, самыя печальныя недоразумѣнія (такими недоразумѣніями между прочимъ полна даже и логика Милля). Естественно-научный методъ въ области логическаго анализа былъ введенъ Бэкономъ, и затѣмъ главными представителями его были: Ньютонъ, Гершель, Уэвель, Милль, а въ послѣднее время — въ Англии Бэнъ и Девонсъ, во Франціи — Контъ и позитивисты вообще, въ Германіи — приверженцы логики, какъ науки о методахъ (Дюрингъ, отчасти также Гоппе, Зигвартъ, Вундтъ и пр.). Но и этотъ методъ, конечно тоже вполне законный, можетъ имѣть въ логикѣ лишь вспомогательное значеніе, ибо изслѣдованіе знаній, изъ которыхъ составилась наука, можетъ быть пригодно только для составленія научной теоріи методовъ и вообще при объясненіи высшихъ и наиболѣе сложныхъ проявленій познавательной дѣятельности; для пониманія же низшихъ ея проявленій и затѣмъ первоначальныхъ основъ, на которыя она опирается, необходимо психологическое изслѣдованіе всѣхъ познавательныхъ отправленій человѣка, хотя бы и не имѣющихъ отношенія къ развитію науки и знанія, въ собственномъ значеніи слова. Наблюденія надъ познавательными отправленіями ребенка, неразвитаго человѣка, а также и человѣка развитаго, при какомъ бы ни было характерѣ его познавательной дѣятельности, — вотъ элементы, изъ которыхъ долженъ слагаться въ логическомъ анализѣ главный, психологическій, методъ изслѣдованія, т. е. методъ, имѣющій въ виду внутреннее теченіе, а не внѣшнія выраженія и результаты познавательныхъ процессовъ. Психологическій методъ изученія познавательной дѣятельности, возникшій еще благодаря Локку и получившій дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Юма и шотландскихъ философовъ, а затѣмъ отчасти Канта и его преемниковъ, сталъ прилагаться собственно къ логическому анализу только въ нынѣшнемъ вѣкѣ — сперва въ Германіи

(Бенеке, Фортлаге и др., а въ последнее время особенно Вундтъ), потомъ и въ Англии (Бэнъ). Однако пользованіе этимъ методомъ въ логикѣ находится еще и теперь на самой первобытной ступени, ибо съ одной стороны подъ психологическимъ методомъ, въ примѣненіи къ логической наукѣ, разумѣлась часто лишь разновидность метафизическаго метода, господствовавшаго во всѣхъ философскихъ наукахъ и болѣе всего въ психологін; съ другой стороны, истинный опытно-психологическій методъ, о которомъ только и можетъ быть рѣчь, служилъ лишь второстепеннымъ пособіемъ при изслѣдованіи однихъ только механическихъ или бессознательныхъ процессовъ образованія представленій. Психологическій же анализъ высшихъ познавательныхъ отправленій, т. е. такъ называемыхъ процессовъ сужденія и вывода, анализа и синтеза, и т. д. (не говоря уже о настоящихъ методахъ познанія), былъ въ полномъ пренебреженіи. А между тѣмъ ясно, что если логика изслѣдуетъ только другую сторону сознанія и вообще психическаго существованія, чѣмъ такъ называемая психологія, то безъ помощи приемовъ, свойственныхъ этой послѣдней, она обойтись не можетъ. «Процессы развитія» статическихъ элементовъ сознанія могутъ быть исполнѣ поняты только при правильномъ взглядѣ на общій составъ и характеръ всей психической дѣятельности.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что будущая чисто-теоретическая наука логика можетъ быть построена только при правильномъ синтезѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами апостеріорныхъ методовъ, т. е. при помощи опытнаго изученія: 1) внутреннихъ познавательныхъ процессовъ, въ связи съ психическими явленіями соответствующаго круга, и 2) высшихъ, матеріальныхъ и формальныхъ, результатовъ и выраженій этихъ процессовъ — въ мнѣніяхъ, убѣжденіяхъ и знаніяхъ людей всякаго развитія и въ научныхъ пріобрѣтеніяхъ, въ частности, — въ словахъ, названіяхъ, терминахъ, предложеніяхъ, періодахъ и другихъ элементахъ изложенія идей. Но такой опытный методъ однако не слѣдуетъ понимать съ тѣмъ ригоризмомъ, какъ его понимаютъ науки, достигшія высшаго стадія развитія, т. е. науки точныя; пока самыя первыя основанія науки о познаніи еще не опредѣлены, о послѣдовательномъ и педагогическомъ примѣненіи опытнаго метода не можетъ быть и рѣчи. Идея опытнаго метода въ приложеніи къ логикѣ, какъ и ко всякой преобразуемой наукѣ, является болѣе выраженіемъ отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ требованій: она означаетъ только, что не надо надѣяться пріобрѣсти какіе-либо прочныя выводы о познавательныхъ отправленіяхъ

иначе, какъ на почвѣ наблюденія и опыта вообще, т. е. на почвѣ фактовъ, — что неправильно предполагать напр. возможность априорнаго построенія логическихъ понятій и теорій; но какъ наблюдать и экспериментировать въ столь еще неопредѣленной области феноменовъ, какою является познавательная дѣятельность, иногда рѣшить очень трудно. Тутъ наука должна конечно стремиться къ возможному совершенству, не мечтая однако немедленно достигнуть полной отчетливости въ организаціи своихъ изслѣдованій.

По этому поводу мы считаемъ нужнымъ сказать вообще, что сознательный опытъ, основанный на экспериментахъ, отнюдь не можетъ быть въ данную минуту по произволу введенъ въ какую угодно область научнаго анализа. Требованіе позитивной науки начинать всегда съ наблюденія и описанія частныхъ явленій выполнимо только въ наукахъ, достигшихъ высокой степени развитія, т. е. именно сдѣлавшихся позитивными или точными, — въ другихъ наукахъ оно можетъ быть предъявляемо только по недоразумѣнію. Впослѣдствіи, при анализѣ методовъ, мы надѣемся доказать наглядно, что всякій экспериментъ возможенъ лишь при существованіи извѣстныхъ общихъ предположеній или гипотезъ, — что онъ уже основывается на предварительной «теоріи» явленій, хотя бы и гипотетической, которая ставитъ вопросы и направляетъ изученіе частныхъ явленій. Но такъ какъ гипотезы возможны только помощью дедукціи изъ приблизительныхъ обобщеній, основанныхъ на непосредственномъ наблюденіи, то индукція, имѣющая орудіемъ экспериментъ, является въ нѣкоторомъ родѣ уже вторичной, и ей предшествуютъ первичная индукція (непосредственное, иногда даже безсознательное, наблюденіе) и первичная дедукція (выводъ предположеній и гипотезъ). Эту мысль ранѣе насъ прекрасно выразилъ уже E. Naville¹⁾ въ статьяхъ о значеніи гипотезы, въ *Revue philosophique* (позднѣ эти статьи появились и отдельной книгой: *La logique de l'hypothèse*. Paris, 1880). Онъ признаетъ три главныхъ момента научнаго изслѣдованія, выражаемые имъ помощью понятій: *observer*, *supposer* и *vérifier*; но въ сущности, если поставить эту тео-

¹⁾ Въ болѣе отрывочныхъ формахъ она выражалась конечно и другими психологами; напр. L. Dumont въ *Théorie de la sensib.* P. 1875, p. 3 и слѣд., говоря о значеніи гипотезъ въ наукѣ, употребляетъ слѣдующую фразу: «elles sont le flambeau de l'induction (разумея конечно вторичную индукцію) et sans elles l'esprit humain résterait frappé de stérilité. . . elles réagissent sur l'expérience.»

рію въ связь съ понятіями индукціи и дедукціи, то этихъ моментовъ окажется по крайней мѣрѣ четыре: первичная индукція (безъ-искусственное наблюденіе), первичная дедукція (построеніе гипотезъ), вторичная индукція (экспериментъ) и вторичная дедукція (приложеніе законовъ, добытыхъ точною наукою, къ объясненію частныхъ явленій).

Эту теорію мы надѣемся развить подробнѣе въ концѣ книги, а пока мы желали только выразить мысль, что совершенный опытъ и совершенная индукція вообще возможны только на довольно высокой ступени развитія науки; наукъ же начинающей предъавлять требованіе такихъ совершенныхъ методовъ — ни съ чѣмъ не сообразно. Наука начинающая принуждена, силою вещей, довольствоваться первичной индукціей и дедукціей, не теряя отъ того значенія науки. Ея выводы потому сперва конечно могутъ быть только гипотетическими и, если она сознаетъ эту гипотетичность и откровенно признается въ своихъ слабостяхъ, то это верхъ точности, на какую она способна.

Итакъ наука о познавательной дѣятельности, т. е. логика, должна пока еще довольствоваться болѣе примитивными опытными методами. Эти методы не слѣдуетъ суживать также и въ томъ смыслѣ, чтобы допускать дедукціи лишь изъ обобщеній, основанныхъ на матеріалѣ, непосредственно относящемся къ познавательной дѣятельности. Уже во связи логики съ психологіей, можно предположить въ ней необходимость дедукцій и изъ общихъ психологическихъ теорій, а также и изъ обобщеній другихъ наукъ объ организмахъ (ибо познавательные процессы находятся въ связи съ общими органическими). Нужна только постоянная повѣрка всѣхъ этихъ вспомогательныхъ дедукцій помощью матеріала, составляющаго познавательную дѣятельность, т. е. прямой объектъ изслѣдованія логики. Таковъ широкій, но относительно еще неопредѣленный, путь, на который должна вступить въ настоящее время наука о познаніи.

Опредѣливъ общія задачи и основанія, общій объектъ и методы логики, какъ науки о познавательной дѣятельности, мы должны ближе охарактеризовать предметъ настоящаго сочиненія.

Прежде всего замѣтимъ, что, на основаніи всего вышензложеннаго, истины о построеніи сразу — однимъ, такъ сказать, разбѣгомъ ума или нѣсколькими размахами пера — цѣлой законченной «системы» логики

должны быть на всегда оставлены. Системы «наукъ», въ настоящемъ значеніи этого слова, строятся постепенно, усиліями многихъ личностей и даже безъ явнаго намѣренія этихъ послѣднихъ. Отдѣльная работа можетъ стремиться къ системѣ только субъективной и внѣшней, къ системѣ въ изложеніи, къ согласію и гармоніи отдѣльныхъ утвержденій между собою. Въ этомъ субъективномъ смыслѣ и мы будемъ стремиться къ системѣ но очевидно — не къ системѣ «логики», а къ систематичности и согласію своихъ положеній. Изслѣдовать всю область познавательной дѣятельности сразу смѣшно было бы и мечтать, ибо поле ея необозримо. Мы займемся нѣсколькими вопросами, которые намъ кажутся всего важнѣе и которыми мы болѣе занимались. Эти вопросы группируются вообще около понятія мышленія, т. е. умственной дѣятельности. Основная функція этой послѣдней, по нашему мнѣнію, всего важнѣе опредѣлить, такъ какъ только этимъ путемъ можно положить конецъ цѣлому ряду прискорбныхъ недоразумѣній и фантастическихъ взглядовъ, которыми наполнена была старая логика. Въ частности, главною задачею нашею будетъ рассмотретьъ различныя ступени осложненія умственной дѣятельности или умственныхъ процессовъ, и ихъ взаимныя отношенія, а затѣмъ вопросы о природѣ заблужденій ума, о средствахъ ихъ предупрежденія и исправленія, и другіе подобныя; въ связи съ этимъ придется конечно коснуться и прославленныхъ «законовъ мышленія». Но для того чтобы точнѣе опредѣлить характеръ изслѣдованія умственной дѣятельности, надо будетъ предварительно разобрать значеніе ея въ ряду процессовъ познавательной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова и въ ряду всѣхъ психическихъ процессовъ вообще.

Слѣдовательно мы начнемъ съ общаго вопроса и затѣмъ уже перейдемъ къ спеціальнымъ. Такой порядокъ анализа мы принимаемъ совершенно сознательно, ибо убѣждены, что не только въ каждой отдѣльной наукѣ, но и во всякой области изученія, болѣе общей или болѣе частной, неизбѣжно упомянутое выше преемство моментовъ первичной индукціи, первичной дедукціи, вторичной индукціи и вторичной дедукціи. Въ развитіи знаній человѣка вообще первичнымъ моментамъ индукціи и дедукціи соответствуетъ донаучный стадій развитія этихъ знаній (господство мифологическихъ идей), моментамъ вторичнымъ — систематизація знаній въ философію и науку. Въ развитіи этихъ систематическихъ знаній — первичной индукціи и дедукціи соответствуетъ періодъ господства философіи и метафи-

зики; обособленіе же наукъ въ собственномъ смыслѣ отъ философіи и метафизики составляетъ уже вторичную индукцію и дедукцію. Наконецъ, и въ каждой отдѣльной научной работѣ каждаго изслѣдователя приблизительныя обобщенія и гипотезы, выражающіяся въ общей подготовкѣ спеціальнаго анализа, т. е. въ ясной постановкѣ вопросовъ, составляютъ моменты первичной индукціи и дедукціи, а спеціальныи анализъ соответствуетъ вторичнымъ моментамъ этихъ приѣмовъ.

Въ примѣненіи къ отдѣльнымъ научнымъ изслѣдованіямъ эту мысль подтверждаетъ то соображеніе, что даже въ самыхъ точныхъ наукахъ не только выборъ предмета экспериментаціи, но и самая организація ея и даже выборъ инструментовъ для изслѣдованія того или другаго тѣла или явленія могутъ быть объяснены лишь гипотезами, основанными на приблизительныхъ обобщеніяхъ. Если анатомъ беретъ для изслѣдованія кусочка органической ткани, микроскопъ, а не химическую реторту или телескопъ, то только потому, что предполагаетъ при его содѣйствіи найти въ этой ткани какія-нибудь органическія клѣточки; если химикъ пробуетъ различными приборами сгустить какой-нибудь газъ до твердаго состоянія, то потому что приблизительныя обобщенія изъ свойствъ этого газа (первичныя индукціи) и гипотезы, основанныя на свойствахъ газовъ вообще (дедукціи) заставляютъ его надѣяться достигнуть этого результата, и т. д. Авторъ впрочемъ и самъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая: занимаясь разъ съ однимъ медикомъ въ одной лабораторіи микроскопическимъ изслѣдованіемъ строенія мозжечка, онъ предложилъ ему свои услуги по части срисовыванія разрѣзовъ (медикъ самъ не умѣлъ рисовать); но цѣлыя недѣли онъ не удовлетворялъ требованіямъ спеціалиста, ибо послѣдній видѣлъ въ микроскопъ такія клѣтки, которыхъ профанъ не замѣчалъ, хотя обладалъ лучшимъ зрѣніемъ. Этотъ фактъ объясняется только тѣмъ, что самъ изслѣдователь, на основаніи своихъ первичныхъ индукцій и дедукцій (приблизительныхъ обобщеній и гипотезъ), ожидалъ найти извѣстныя клѣточки въ мозжечкѣ, — товарищъ же его о возможности существованія этихъ клѣточекъ и не подозревалъ; но черезъ мѣсяцъ и онъ уже различалъ въ новыхъ разрѣзахъ то же самое, что различалъ спеціалистъ, ибо вполне освоился съ его обобщеніями и предположеніями.

Такимъ образомъ, каждая отдѣльная научная работа начинается съ первичныхъ индукцій и дедукцій, т. е. съ общихъ наблюденій и гипотезъ; но въ точныхъ наукахъ гипотезы всетаки по преимуществу основаны не на личныхъ наблюденіяхъ и выводахъ (хотя личный элементъ

и тутъ всегда неизбежны), а на обобщеніяхъ и выводахъ всей науки, — въ лицѣ всѣхъ ея представителей. Поэтому-то особо излагать и мотивировать эти гипотезы въ точныхъ наукахъ не всегда нужно: онѣ до известной степени всякому специалисту той же науки знакомы, или по крайней мѣрѣ сами собою понятны. Въ наукахъ же, не достигшихъ точности, личный элементъ въ первичныхъ индукціяхъ и дедукціяхъ гораздо чаще преобладаетъ надъ общими и иногда совершенно подавляетъ этотъ послѣдній. Тутъ, значитъ, необходимо обстоятельно мотивировать и оформить свои предположенія, — и потому то общій анализъ неизбежно долженъ предшествовать специальному. Вслѣдствіе этихъ соображеній, и мы прежде всего займемся общимъ вопросомъ «о значеніи, составѣ и степеняхъ развитія познавательной дѣятельности», — и уже затѣмъ перейдемъ къ анализу одной частной области познавательныхъ процессовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗНАЧЕНИЕ, СОСТАВЪ И СТУПЕНИ РАЗВИТІЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Имѣя намѣреніе опредѣлить сначала общее содержаніе понятія «познавательной дѣятельности», мы должны спросить себя ранѣе всего другого, на что долженъ опираться такой общій анализъ, т. е. на какую почву должно его поставить?

Этотъ вопросъ уже однажды былъ разсмотрѣнъ нами въ «Психологін чувствованій» и разрѣшенъ характеристикой особенностей психологической терминологіи и отношенія психологическихъ наукъ ко всѣмъ другимъ наукамъ объ организмѣ (ср. стр. 419 и слѣд.). Мы пришли въ то время къ выводу, что «наука о сознаніи вообще» не имѣетъ собственныхъ, совершенно достовѣрныхъ, критеріевъ для опредѣленія содержанія своихъ понятій, а должна, по самому положенію своему, — какъ наука о наиболѣе сложныхъ явленіяхъ и процессахъ природы, опираться, при разграниченіи этихъ явленій и процессовъ, на результаты другихъ наукъ объ организмѣ, пользуясь данными внутренняго опыта только для опредѣленія направленія и для постоянной повѣрки дедукцій изъ обобщеній этихъ другихъ наукъ. Выводы анатоміи, физиологін и біологін организмовъ должны служить опорой для первоначальнаго разчлененія содержанія сознанія, какъ въ свою очередь и эти науки (о явленіяхъ органическаго міра) принуждены въ самыхъ элементарныхъ своихъ положеніяхъ опираться на выводы наукъ о явленіяхъ еще менѣе сложныхъ (а именно неорганическихъ), т. е. на выводы химіи, физики, геологін и проч. Эта азбучная истина, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще слишкомъ часто забывается, и потому беспочвенныя витанія въ области совершенно произвольныхъ отвлеченій никакого особенно не поражаютъ въ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ сознаніемъ. Однако мы лично останемся вѣрны своему прежнему принципу и

въ настоящемъ изслѣдованіи: основныя дедукціи наши будутъ опираться не на субъективныя данныя внутренняго опыта, а на тѣ же объективныя результаты различныхъ наукъ объ организмѣ, на которыхъ мы основывались и въ прошломъ сочиненіи; индукціи же изъ внутренняго опыта будутъ только повѣркою и регуляторомъ этихъ дедукцій.

Но такъ какъ общія дедукціи отъ положеній біологіи, анатоміи и фізіологіи (въ классификаціи отдѣльныхъ группъ явленій, напр. ощущеній), къ содержанію сознанія, уже однажды были нами выполнены, то казалось бы, что, повторивъ главные результаты прежняго нашего анализа сознанія, мы прямо изъ нихъ можемъ вывести надлежащія заключенія и приѣнительно къ содержанію нынѣ разбираемаго понятія «познавательной дѣятельности». Такъ думали и мы сами нѣкоторое время; но болѣе тщательный анализъ привелъ насъ къ выводу, что въ «Психологіи чувствованій» мы еще далеко не исчерпали вопроса объ общемъ составѣ психическаго существованія, ибо стояли въ этомъ сочиненіи на спеціальной точкѣ зрѣнія «анатоміи» или статикки сознанія, «фізіологію» же или динамику этого послѣдняго не имѣли въ виду. Поэтому общую теорію сознанія, изложенную въ «Психологіи чувствованій», мы должны подвергнуть новому пересмотру и значительно расширить.

Главный смыслъ этого пересмотра будетъ заключаться въ томъ, что контрастъ «явленій» сознанія и «процессовъ» развитія или осложненія этихъ явленій мы надѣемся вывести изъ одного общаго начала, а именно изъ того общаго понятія «психическаго оборота», содержаніе и значеніе котораго мы рассматривали прежде слишкомъ односторонне.

Напомнимъ, что понятіе «психической жизни» мы вывели изъ исправленнаго Спенсеровскаго опредѣленія «жизни» вообще въ его біологіи: опредѣливъ жизнь какъ «взаимодѣйствіе организма съ окружающею средою, имѣющее результатомъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ», мы пришли затѣмъ къ заключенію, что психическая жизнь есть одинъ изъ двухъ главныхъ видовъ такого взаимодѣйствія, а именно такъ называемый «объемъ впечатлѣній или движеній», въ отличіе отъ «объемна веществъ». Но такое опредѣленіе психической жизни, какъ и жизни вообще, имѣетъ еще одинъ пробѣлъ, котораго мы въ то время не сознавали, — а именно: уже въ самомъ понятіи «взаимодѣйствія» лежитъ идея двухъ факторовъ, участвующихъ въ томъ или другомъ процессѣ, т. е. въ данномъ случаѣ — среды и организма; поэтому, если среда, дѣйствуя на организмъ,

приспособляетъ внутреннія отношенія къ внѣшнимъ, то ясно, что и организмъ, въ отвѣтномъ своемъ дѣйствіи на среду, долженъ приспособлять внѣшнія отношенія къ внутреннимъ. Справедливость этого предположенія подтверждается, разужется, всѣми фактами столько же растительной, сколько и животной жизни организма: каждое выдѣленіе веществъ организмомъ въ такой же мѣрѣ отражается на состояніи внѣшней среды, какъ и обратно — поступленіе веществъ изъ среды въ организмъ на внутреннемъ составѣ этого послѣдняго; параллельно и каждое движеніе организма, вызванное внутренними возбужденіями, или испытываемыми, въ такой же мѣрѣ отражается внѣшними переменами въ средѣ, какъ и каждое движеніе среды — переменами въ явленіяхъ сознанія. Объ измѣненіи внѣшнихъ отношеній, сообразно внутреннимъ, свидѣтельствуетъ впрочемъ и вся искусственная обстановка нашей жизни, всѣ великія и малыя созданія человеческихъ рукъ и человеческой мысли. Поэтому болѣе полное опредѣленіе «существованія» организма вообще (терминъ существованія, какъ объяснится послѣ, мы не безъ мотива употребляемъ вмѣсто термина «жизни») будетъ слѣдующее:

Существованіе организма есть взаимодействіе его съ окружающею средою, имѣющее результатомъ столько же приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, сколько и на оборотъ — внѣшнихъ къ внутреннимъ.

Соотвѣтствующее, болѣе широкое, опредѣленіе психическаго существованія приметъ слѣдующую форму: психическое существованіе организма есть тотъ видъ взаимодействія его съ окружающею средою, ради приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ и внѣшнихъ къ внутреннимъ, который состоитъ въ общеніи между ними движеній (или впечатлѣній), въ противоположность общенію веществъ.

Отсюда — лучше, чѣмъ прежде — выясняется различіе и двухъ главныхъ моментовъ психическаго взаимодействія, а именно моментовъ центростремительнаго и центробѣжнаго, сенсорнаго и моторнаго, которые мы опредѣлили еще иначе противоположными понятіями «воспримчивости» и «дѣятельности»: моментъ сенсорный болѣе соотвѣтствуетъ приспособленію внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, моментъ моторный — внѣшнихъ къ внутреннимъ. Припомнимъ затѣмъ, что въ этихъ двухъ общихъ моментахъ мы въ свою очередь различали частные моменты — объективный и субъективный,

такъ что все психическое взаимодействіе оказалось состоящимъ изъ четырехъ моментовъ :

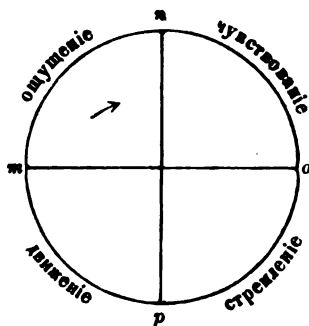
- 1) объективно-сенсорнаго, или объективной воспріимчивости,
- 2) субъективно-сенсорнаго, или субъективной воспріимчивости,
- 3) субъективно-моторнаго, или субъективной дѣятельности,
- 4) объективно-моторнаго, или объективной дѣятельности.

Каждый актъ такого взаимодействія въ отдѣльности мы назвали психическимъ оборотомъ и признали каждый оборотъ состоящимъ изъ преемства явленій, простыхъ или сложныхъ, соотвѣтствующихъ указаннымъ выше моментамъ психическаго взаимодействія, а именно :

1) Изъ ощущеній	} явления пер- воначаль- ныя.	или идей	} явления ослом- ненныя.
2) » чувствованій		» чувствъ	
3) » стремленій		» желаній	
4) » движеній		» дѣйствій	

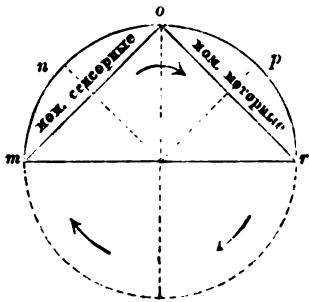
Въ общей суммѣ психическихъ оборотовъ должно различать прежде всего обороты правильные и неправильные, т. е. такіе, въ которыхъ существуютъ на лицо всѣ звенья, и такіе, въ которыхъ нѣкоторыя звенья отсутствуютъ (ср. о случаяхъ и причинахъ выпаденія нѣкоторыхъ звеньевъ психическихъ оборотовъ въ «Психол. чувствов.», стр. 438 и слѣд.). Кромѣ того можно дѣлить правильные обороты на равномерные или безразличныя, въ которыхъ ни одному моменту не принадлежитъ преобладаніе, и неравномерные или характерныя, въ которыхъ одному моменту принадлежитъ рѣшительное преобладаніе надъ прочими. Наконецъ, можно еще различать обороты простые отъ составныхъ, при чемъ въ этихъ послѣднихъ единичныя простые обороты совокупаются въ одинъ общій, сложный; образчиками такихъ сложныхъ оборотовъ являются всѣ дѣйствительныя сознательныя психическія обороты въ высшихъ развитыхъ организмахъ: рядомъ съ преобладающими общими оборотами, которые вызваны взаимодействіемъ сознанія съ внѣшнею средою и которые начинаются всегда съ внѣшнихъ ощущеній, происходятъ большею частью одновременно частныя, дополнительные, обороты, начинающіеся съ органическихъ или внутреннихъ ощущеній, связанныхъ съ отправленіями отдѣльныхъ органовъ, участвующихъ въ процессѣ общаго взаимодействія (т. е. органовъ чувствъ, центровъ и органовъ движенія), и эти частныя обороты, переплетаясь съ общими, и даютъ въ результатѣ обороты составныя; къ этимъ послѣднимъ мы впослѣдствіи еще вернемся.

Возьмемъ сначала идеальный типъ простаго, правильнаго и равноугрнаго психическаго оборота: такой оборотъ, начавшись съ ощущенія и окончившись движеніемъ, разумѣется можетъ вызвать за собою немедленно новый, совершенно подобный ему, оборотъ, ибо движеніе, производя перемену во внѣшнихъ отношеніяхъ, ео ipso должно, при посредствѣ этой перемены, вызвать новое ощущеніе въ томъ же органѣ; это ощущеніе опять приведетъ къ новому движенію, движеніе въ свою очередь къ новому ощущенію, и т. д. Теоретически такое преемство однородныхъ, правильныхъ и равноугрныхъ оборотовъ можетъ продолжаться бесконечно (по закону, такъ сказать, инерціи сознанія). Поэтому - то лучшею схемою такого бесконечнаго идеальнаго оборота мы признали окружность круга (ср. въ статьѣ «Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій». Кіевъ 1881, стр. 25), раздѣленную на четыре равныя части пересѣкающимися діаметрами:

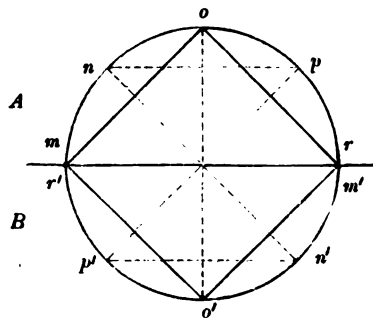
Но если мы примемъ теперь во вниманіе, что психическій оборотъ есть единичный актъ взаимодействія организма съ внѣшнею средою, состоящей не только въ приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, но и внѣшнихъ къ внутреннимъ, т. е. если мы подумаемъ о томъ, что между движеніемъ и ощущеніемъ происходятъ обязательно какія-нибудь внѣшнія измѣненія, вызванныя именно психическимъ оборотомъ и вызывающія сами новый оборотъ, то приведенную только что схему, пригодную для выраженія одной стороны факта, придется дополнить другою, которая была бы въ состояніи выразить столько-же внутреннія событія въ сознаніи, сколько и внѣшнія событія въ средѣ или въ организмѣ, ихъ вызвавшія или ими вызванныя. Такою схемою опять можетъ быть окружность круга, но раздѣленная на двѣ половины, изъ которыхъ одна (верхняя) будетъ выра-

жать упомянутыя внутреннія событія, другая (нижняя, обозначенная точками) — внѣшнія перемѣны въ средѣ или въ организмѣ:

mn = моментъ ощущенія
 no = » чувствованія
 or = » стремленія
 pr = » движенія

Эта схема удобнѣе, во первыхъ, по тому, что лучше отдѣляетъ моменты «воспріимчивости» и «дѣятельности» въ психическихъ оборотахъ; во вторыхъ и по тому, что выражаетъ ясно промежуточные между движеніемъ и ощущеніемъ событія, о которыхъ прежняя схема ничего не говорила. Но она удобна, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ; прежде всего она даетъ возможность схематизировать самое идеальное и полное по составу психическое взаимодействіе организма и среды, а именно взаимодействіе двухъ организмовъ или сознаній: движеніе организма *A* вызываетъ ощущеніе въ организмѣ *B*, движеніе же организма *B*, обратно, — ощущеніе въ организмѣ *A* и т. д. въ безконечность. Этотъ типъ взаимодействія можно изобразить слѣдующею схемою, въ которой верхній полукругъ представляетъ, положимъ, психическій оборотъ въ организмѣ *A*, а нижній — психическій оборотъ въ организмѣ *B*:

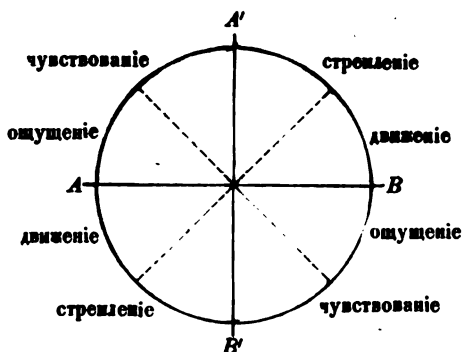
Линіи mo и $m'o'$ изображаютъ сенсорныя, линіи or и $o'r'$ — моторныя моменты психическихъ оборотовъ во взаимодействующихъ ор-

ганизмахъ A и B ; линіи nr и $n'r'$ схематизируютъ въ обоихъ случаяхъ границу между субъективными и объективными моментами оборотовъ. Другіе коментаріи, кажется, излишни.

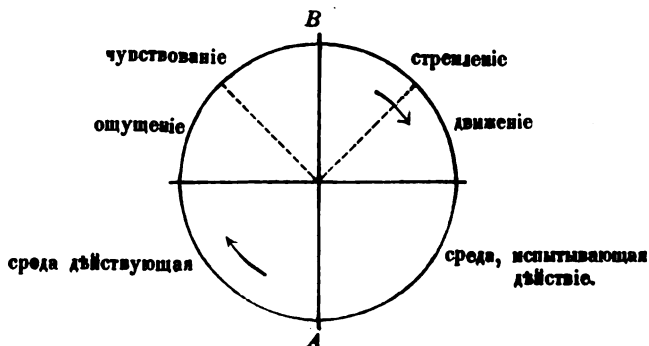
Теперь, если мы отъ правильныхъ равномерныхъ, или безразличныхъ, психическихъ оборотовъ перейдемъ къ правильнымъ неравномернымъ, или характернымъ, то придемъ прежде всего къ противоположенію двухъ главныхъ видовъ такихъ оборотовъ: въ однихъ можетъ преобладать дѣйствіе среды на организмъ, т. е. моментъ сенсорный или моментъ воспримчивости; въ другихъ, наоборотъ, — дѣйствіе организма на среду, т. е. моментъ моторный или моментъ дѣятельности. Въ первомъ случаѣ, каждый оборотъ, уже въ цѣломъ своемъ составѣ, явится орудіемъ приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, во второмъ — внѣшнихъ къ внутреннимъ. Въ оборотахъ перваго рода движенія и дѣйствія суть только пассивные продукты или неизбѣжныя послѣдствія ощущеній и чувствованій и отражающагося въ нихъ дѣйствія среды; въ оборотахъ втораго рода они, напротивъ, являются способами вліянія организма на среду и, въ свою очередь, источниками неизбѣжныхъ ощущеній и чувствованій, извѣщающихъ о переменахъ во внѣшней средѣ, произведенныхъ организмомъ. Конечно эти обороты двоякаго рода суть лишь позднѣйшіе результаты дифференціаціи оборотовъ безразличныхъ; но, такъ или иначе, въ организмахъ извѣстнаго развитія (какого именно — мы увидимъ послѣ) мы имѣемъ дѣло, уже почти съ самаго ихъ появленія на свѣтъ, съ двоякаго рода оборотами: 1) начинающимися отъ среды и 2) начинающимися отъ самого сознанія, т. е. организма, помимо непосредственнаго вліянія среды. Идеальными формулами этихъ двоякихъ оборотовъ, которые могутъ быть названы страдательными и дѣятельными, будутъ слѣдующія противоположныя преемства явленій:

Ощущеніе	Стремленіе
Чувствованіе	Движеніе
Стремленіе	Ощущеніе
Движеніе	Чувствованіе

Если схемою окружности изобразить два послѣдовательные оборота въ одномъ и томъ же сознаніи, то воображаемая линія AB будетъ отдѣлять другъ отъ друга два страдательные оборота, — линія $A'B'$, ей перпендикулярная, два дѣятельные оборота такого идеально-простого типа:

Тотъ же самый контрастъ можно выразить впрочемъ и другою схемою, въ которой одинъ полукругъ соответствуетъ психическимъ пережвнаніямъ, другой — внѣшнимъ событіямъ въ средѣ:

Въ этой схемѣ точка *A* изображаетъ исходный пунктъ и въ то же время окончаніе страдательнаго оборота, точка *B* — исходный пунктъ и окончаніе дѣятельнаго оборота.

Но конечно эти схемы годятся только для идеально-простого типа страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ, на дѣлѣ встрѣчающагося довольно рѣдко въ существованіи человеческого организма, особенно вполнѣ развитого. Такому идеальному типу, въ области страдательныхъ оборотовъ, соответствуютъ единичныя элементарныя воздѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на сознаніе ребенка, еще не способное различать внутреннихъ раздраженій въ органахъ воспріятія, въ центрахъ и органахъ движенія, — и притомъ такія воздѣйствія, которыя оканчиваются не движеніями рукъ или ногъ, направленными на внѣшніе объекты, а такъ называемыми выраженіями, слагающимися изъ бессознательныхъ движеній мускуловъ лица и другихъ органовъ; замѣтимъ кстати,

что движѣнія въ страдательныхъ оборотахъ всегда суть выраженія, въ отличіе отъ движѣній въ собственномъ смыслѣ, измѣняющихъ внѣшнія отношенія. Образчикомъ правильныхъ дѣятельныхъ оборотовъ простѣйшаго идеальнаго типа въ существованіи человѣка являются низшіе инстинкты, обнаруживающіеся въ дѣтскомъ возрастѣ и начинающіеся въ сознаніи прямо съ стремленій, не предшествоваемыхъ никакими видимыми вліяніями внѣшней среды. Если однако эти идеальные типы страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ сравнительно рѣдки въ существованіи человѣческаго организма, то за то они играютъ большую роль въ психическомъ существованіи организмовъ животныхъ, которое въ значительной степени слагается именно изъ пассивныхъ отраженій вліяній внѣшняго міра и изъ элементарныхъ инстинктивныхъ движѣній, направленныхъ на внѣшніе объекты.

У человѣка простые типы страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ замѣняются обыкновенно болѣе сложными, а именно двойными. Дѣло въ томъ, что, съ образованіемъ запаса слѣдовъ внѣшнихъ и внутреннихъ воспріятій, и притомъ столько же объективнаго, сколько и субъективнаго характера, воспроизведеніе этихъ слѣдовъ и служитъ обыкновенно началомъ дѣятельныхъ оборотовъ, а затѣмъ, въ концѣ этихъ оборотовъ, ощущенія и чувствованія, вызываемыя внѣшними переизмѣненіями, произведенными организмомъ, даютъ въ свою очередь поводъ къ извѣстнымъ выраженіямъ этихъ чувствованій; такимъ образомъ каждое единичное дѣятельное психическое взаимодействіе организма и среды состоитъ какъ бы изъ двойнаго оборота съ удареніемъ на среднихъ четырехъ моментахъ. Точно также и страдательное взаимодействіе въ сущности состоитъ изъ двойнаго оборота, хотя и съ инымъ распредѣленіемъ моментовъ: дѣйствіе среды обыкновенно является результатомъ какихъ-нибудь, хотя бы и безцѣльныхъ или инстинктивныхъ, передвиженій организма, т. е. начинается репродукціей слѣдовъ прежнихъ стремленій и движѣній, и оканчивается, обратно хотя бы и смутными воспріятіями, имѣющими содержаніемъ результаты впечатлѣній, произведенныхъ въ окружающихъ организмахъ выраженіемъ нашихъ чувствъ или аффектовъ¹⁾. Поэтому, болѣе полными

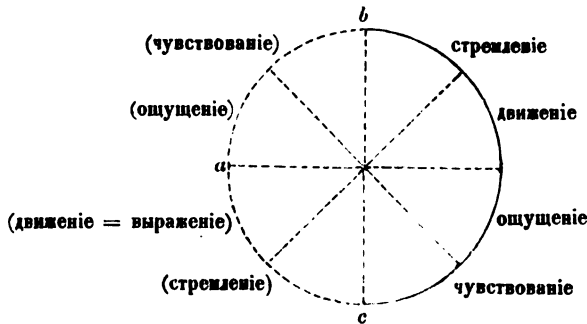
¹⁾ Примеры — а) для дѣятельныхъ оборотовъ: мы вспоминаемъ впечатлѣнія вчерашней прогулки и удовольствія, на этой прогулкѣ испытанныя; вслѣдствіе этого идемъ сегодня опять гулять, видимъ тѣ же картины природы и любимся ими, что

формулами единичныхъ дѣятельныхъ и страдательныхъ взаимодействій человеческого организма съ внѣшнею средою будутъ слѣдующіе ряды явленій, въ которыхъ дополнительные моменты обозначены скобками, а главные, средніе, выдѣлены особымъ знакомъ :

Полный дѣятельный оборотъ:	{	(Ощущеніе) (Чувствованіе)	}	(Стремленіе) (Движеніе)	}	(Стремленіе) (Движеніе)
		(Стремленіе) (Чувствованіе)		(Ощущеніе) (Движеніе = выраженіе)		(Ощущеніе) (Чувствованіе)

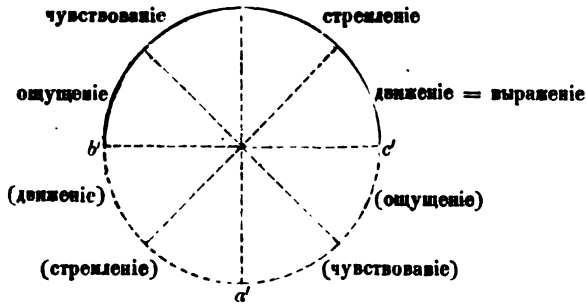
Схемы этихъ болѣе полныхъ, т. е. двойныхъ, страдательныхъ и дѣятельныхъ взаимодействій, согласно предшествующему, будутъ слѣдующія :

Для дѣятельнаго взаимодействія :

обнаруживается извѣстными выраженіями лица, возгласами и т. д.; б) для страдательныхъ оборотовъ: случайнымъ проѣздомъ по какой-нибудь мѣстности мы дѣлаемся свидѣтелями невиданнаго нами прежде явленія природы; мы наслаждаемся новымъ зрѣлищемъ, выражаемъ наслажденіе свое возгласами и невольно же дѣлаемся свидѣтелями впечатлѣнія, произведеннаго этими возгласами на окружающихъ лицъ или симпатіи ихъ къ нашимъ изліяніямъ чувствъ.

Для страдательнаго взаимодействія :

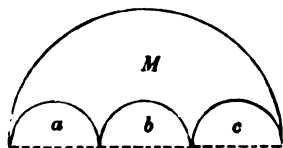
Точки a и a' изображаютъ начало и конецъ вѣтхъ, болѣе обычныхъ, типовъ психическаго взаимодействія; линіи bc и $b'c'$ — предѣлы главныхъ и второстепенныхъ моментовъ, противоположность которыхъ выражена впрочемъ и самымъ характеромъ линій. Скажемъ кстати, что если мы съ такимъ стараніемъ подыскиваемъ особыя схемы для каждаго своего обобщенія, то во первыхъ по тому, что схемы во всѣхъ наукахъ служатъ самымъ нагляднымъ способомъ уясненія теорій, во вторыхъ — по тому, что графическія схемы между прочимъ лучше всякихъ словъ (которыя въ сущности суть тѣ же схемы, но менѣе отчетливыя) не только выражаютъ правильныя обобщенія, но и обнаруживаютъ невѣрныя и ошибочныя; онѣ являются орудіемъ обоюдострыиъ: словами легче запутать и обольстить здравый смыслъ читателя; но схемы сейчасъ же раскрываютъ фальшь — тамъ, гдѣ она имѣется. Поэтому наши схемы, надѣемся, вообще послужатъ средствомъ для скорѣйшаго уясненія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ наши теоріи приложимы къ наукамъ о сознаніи.

Нечего говорить конечно, что и приведенныя формулы и схемы страдательныхъ и дѣятельныхъ психическихъ взаимодействій далеко еще не выражаютъ всѣхъ видовъ дѣйствительныхъ взаимодействій сложнаго психическаго организма съ внѣшнею средою, — уже по тому одному, что это всетаки схемы лишь болѣе простыхъ оборотовъ (или ихъ преемствъ), а отнюдь не составныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже; но даже и въ предѣлахъ простыхъ оборотовъ онѣ всетаки не исчерпываютъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, ибо относятся къ правильнымъ оборотамъ, рядомъ съ которыми существуетъ масса неправильныхъ — съ отсутствіемъ тѣхъ или другихъ звеньевъ и различнымъ частнымъ распредѣленіемъ въ нихъ центра тяжести. Такъ прежде всего въ

дѣятельныхъ оборотахъ можетъ отсутствовать моментъ субъективный, и за воспроизведеніемъ воспріятій, или даже безъ него, эти обороты могутъ прямо начинаться съ движеній (рефлексы). Точно также и въ страдательныхъ оборотахъ, при совершенной безсознательности ощущеній, прямо вслѣдъ за передвиженіями организма въ средѣ или безъ нихъ, эти обороты могутъ начинаться съ чувствованій, т. е. субъективныхъ воспріятій (волненія), и т. д. Подробно всѣхъ этихъ частныхъ разновидностей страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ мы теперь изслѣдовать не будемъ, а прямо перейдемъ отъ простыхъ оборотовъ къ составнымъ, при чемъ на время совершенно оставимъ безъ вниманія различіе страдательныхъ и дѣятельныхъ взаимодействій.

Чтобы понять разнообразіе составныхъ оборотовъ, конечно нужно сначала перечислить главные виды простыхъ, изъ которыхъ они могутъ слагаться съ точки зрѣнія качественной. Прежде всего простые обороты дѣлятся на внѣшніе и внутренніе; внѣшніе — тѣ, которые начинаются съ внѣшнихъ ощущеній и изъ которыхъ слагается внѣшнее взаимодействие цѣлаго организма и среды; внутренніе — тѣ, которые начинаются съ внутреннихъ ощущеній и изъ которыхъ слагается взаимодействие отдѣльныхъ органовъ тѣла между собою. Специальныхъ видовъ внѣшнихъ и внутреннихъ простыхъ психическихъ оборотовъ столько, сколько классовъ внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній (см. въ «Психологіи чувствованій», стр. 450 и слѣд.). Главные психическіе обороты, внѣшніе и внутренніе, конечно тѣ, которые исключительно связаны съ обмѣномъ впечатлѣній; но есть и второстепенные обороты, связанные съ обмѣномъ веществъ и служащіе средствомъ контроля сознанія надъ этимъ послѣднимъ. Поэтому главными внѣшними являются обороты, связанные съ зрительными, слуховыми, осязательными и мускульными ощущеніями; главными внутренними должно признать обороты, связанные съ внутренними ощущеніями въ органахъ воспріятія, въ органахъ движенія и въ центрахъ, при чемъ эти послѣдніе дѣлятся опять на обороты субъективнаго и объективнаго характера. Такъ какъ внѣшніе, или общіе, обороты въ человѣческомъ организмѣ совершаются при помощи различныхъ органовъ, способныхъ къ частной внутренней восприимчивости и вообще къ взаимодействию между собою, а не только къ участию во взаимодействіи организма съ внѣшнимъ міромъ, то въ сущности въ психической жизни человѣка внѣшніе обороты не отдѣлимы отъ внутреннихъ: послѣдніе всегда должны сопровождать первые; однако сначала внутренніе обороты могутъ

быть совершенно бессознательными, и тогда конечно само сознание может имѣть дѣло съ чисто внѣшними оборотами, которые, тѣмъ не менѣе, въ свою очередь всетаки могутъ быть и простыми и составными, т. е. могутъ составляться изъ нѣсколькихъ совѣстныхъ простыхъ оборотовъ различнаго внѣшняго происхожденія (напр. зрительныхъ и слуховыхъ, или зрительныхъ и осязательныхъ, и т. д.). Эти составные, чисто внѣшніе, обороты тоже наступаютъ весьма рано, ибо условія для нихъ даны въ самой организаціи человѣка; поэтому-то въ человѣческомъ организмѣ, какъ и было уже замѣчено, идеально-простые обороты дѣйствительно составляютъ исключеніе. Но, при извѣстномъ развитіи сознанія, внѣшніе или общіе обороты конечно всего чаще переплетаются съ внутренними, частными; простѣйшимъ типомъ возникающихъ этимъ путемъ составныхъ оборотовъ являются сочлененія одного правильнаго внѣшняго оборота съ троякаго рода правильными внутренними оборотами, связанными съ отправленіями: 1) того или другаго органа периферической воспримчивости, 2) того или другаго органа центральной переработки и 3) того или другаго органа движенія.¹⁾ Схематически такой составной оборотъ, который весь конечно происходитъ въ центрахъ, но въ центрахъ различныхъ (периферической и центральной, объективной и субъективной чувствительности), можно изобразить помощью большаго полукруга (общій внѣшній оборотъ) и трехъ, заключенныхъ въ немъ, меньшихъ (частные внутренніе обороты):

M — схема общаго внѣшняго оборота; *a*, *b* и *c* — схемы частныхъ оборотовъ, связанныхъ съ отправленіями органовъ чувствъ, центровъ и органовъ движенія. Но такъ какъ каждое изъ явленій, составляющихъ внѣшнее взаимодействіе, подлежитъ особой центральной пере-

¹⁾ Примеръ: крестьянинъ, пришедшій на заработки въ столицу, въ первый разъ видитъ пароходъ, — онъ разсматриваетъ его, лобуется новинкою, стремится поближе разглядѣть её и направляется къ пристани: это общій или внѣшній оборотъ. Въѣздъ съ тѣмъ происходитъ частные или внутренніе: органъ зрѣнія, въ процессъ разсматриванія, напрягается, чувствуетъ утомленіе и всетаки стремится приспособиться къ

работкѣ; — такъ какъ, далѣе, внѣшнее взаимодѣйствіе начинается въ развитомъ сознаніи обыкновенно сложнымъ агрегатомъ ощущеній различныхъ органовъ периферической воспримчивости и кончается точно также сложнымъ агрегатомъ движеній разнообразныхъ мускуловъ, то конечно каждый изъ указанныхъ простыхъ элементовъ составнаго оборота въ свою очередь можетъ быть составнымъ, отчего и происходитъ та чрезвычайная сложность и запутанность явленій сознания, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ ставила въ тупикъ психологовъ и заставляла ихъ приходиться къ самымъ фантастическимъ предположеніямъ объ отношеніи явленій сознания. Теорія «психическаго оборота», какъ намъ кажется, можетъ значительно упростить разчлененіе сознания и, по крайней мѣрѣ, даетъ твердую научную опору для такого разчлененія. Теперь посмотримъ, можно ли и къ составнымъ психическимъ оборотамъ примѣнить принципъ различія страдательныхъ и дѣятельныхъ психическихъ взаимодѣйствій.

Въ идеальныхъ простыхъ оборотахъ общаго вида (см. выше стр. 53) главное различіе состоитъ въ томъ, что въ оборотахъ страдательныхъ начало и конецъ лежатъ въ объективныхъ моментахъ (ощущеніяхъ и выраженіяхъ), середина — въ субъективныхъ; въ оборотахъ дѣятельныхъ, на оборотъ, — начало и конецъ составляютъ субъективные моменты (стремленія и чувствованія), середину — моменты объективные (движенія и ощущенія). Въ составныхъ оборотахъ мы различили внѣшніе или общіе обороты и частные или внутренніе; во внѣшнихъ общихъ оборотахъ, какъ и въ каждомъ внутреннемъ, въ отдѣльности взятомъ, начало и конецъ разумѣется также могутъ лежать то въ объективныхъ, то въ субъективныхъ моментахъ, ибо это обороты сами по себѣ простые; въ преамбулѣ же внутреннихъ оборотовъ роль объективныхъ моментовъ играютъ обороты периферическіе (связанные съ отправленіями органовъ чувствъ и органовъ движенія), роль субъективныхъ моментовъ принадлежитъ оборотамъ центральнымъ, направленнымъ къ переработкѣ элементовъ внѣшнихъ оборотовъ. Такимъ образомъ, различіе страдательныхъ и дѣятельныхъ составныхъ оборотовъ можно разсматривать съ двоякой точки зрѣ-

впечатлѣніямъ; въ центрахъ тоже происходитъ работа: обдумываніе и комбинація впечатлѣній, борьба чувствъ и стремленій (узнать предметъ и бросить баловство, чтобы пойти на работу); въ органахъ движенія та же смѣна оборотовъ, выражающаяся въ ускореніи или замедленіи шаговъ, смотря по близости пристани, и т. д.

ня, — съ точки зрѣнія отдѣльныхъ ихъ моментовъ, или съ точки зрѣнія общей связи этихъ моментовъ; но такъ какъ въ составныхъ оборотахъ характеръ частныхъ преемствъ психическихъ явленій конечно подчиненъ общей связи этихъ преемствъ, то контрастъ страдательныхъ и дѣятельныхъ составныхъ оборотовъ можно выразить слѣдующими двойными формулами:

Составные страдательные обороты:		Составные дѣятельные обороты:	
Ощущенія	Периф. внутр. обор. отъ органовъ воспріятія	Центр. субъект. обороты	Стремленія
Чувствованія	Центральные внутр. объективные обороты	Периферич. обор. отъ органовъ движенія	Движенія
Стремленія	Центральные внутр. субъективные обороты	Периф. обор. отъ орган. воспріятія	Ощущенія
Движенія	Периф. внутр. обор. отъ органовъ движенія	Центр. объект. обороты	Чувствованія

Въ этихъ формулахъ, между прочимъ, выраженъ и тотъ фактъ, что въ страдательныхъ составныхъ оборотахъ, источникомъ которыхъ является среда, внѣшнія ощущенія конечно служатъ поводомъ для внутреннихъ оборотовъ и причиною извѣстнаго ихъ преемства, — въ дѣятельныхъ же составныхъ оборотахъ, напротивъ, центральные внутренніе обороты служатъ поводомъ для образованія внѣшнихъ движеній. Конечно эти формулы опять не выражаютъ всего разнообразія двоякаго вида составныхъ оборотовъ, а лишь соответствуютъ наиболѣе простому ихъ типу; но кромѣ того онѣ не выражаютъ еще и послѣдовательности явленій въ отдѣльныхъ внутреннихъ оборотахъ: естественно, что при страдательномъ отношеніи сознанія внутренніе обороты, каждый въ отдѣльности, тоже начинаются, какъ и общій внѣшній, съ ощущеній и завершаются движеніями; напротивъ — при дѣятельномъ отношеніи сознанія конечно и внутренніе обороты, подобно внѣшнему, начинаются съ стремленій и завершаются чувствованіями. Эту идею можно было бы опять прекрасно выразить сложными графическими схемами (въ родѣ той, которую мы привели на стр. 59); но чтобы не пускаться въ излишнія подробности, не имѣющія отношенія къ ближайшимъ

нашимъ задачамъ, мы пока ограничимся упомянутыми формулами, ибо онѣ даютъ намъ необходимую общую идею о составныхъ оборотахъ двоякаго вида. Эти составные обороты, страдательные и дѣятельные, опять могутъ быть конечно различной сложности и различной правильности такъ въ составныхъ оборотахъ обоого вида, какъ и въ простыхъ, могутъ также выпадать извѣстныя звенья — въ видѣ ли цѣлыхъ внутреннихъ оборотовъ, или же только отдѣльныхъ ихъ элементовъ — и центръ тяжести можетъ падать на различные элементы, — откуда возникаетъ возможность дальнѣйшей спеціализаціи или дифференціаціи тѣхъ и другихъ; но эту спеціализацію мы изслѣдуемъ подробнѣе въ другое время, а теперь подведемъ итоги всему предшествующему анализу.

Самымъ важнымъ результатомъ этого анализа является тотъ выводъ, что психическіе обороты, какъ и вообще психическое взаимодействие, весьма рано дифференцируются въ двухъ главныхъ направленіяхъ, а именно пассивномъ и активномъ, или страдательномъ и дѣятельномъ: не только въ человѣческомъ, но и въ животныхъ организмахъ эта дифференціація отчасти дана уже при самомъ рожденіи, какъ доказываютъ особенно упомянутыя нами выше инстинктивныя движенія организмовъ, направленныхъ къ измѣненію внѣшнихъ отношеній. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ организмовъ эта дифференціація обнаруживается конечно все рѣзче и рѣзче, — и взаимодействие совершенно равномерное въ зрѣлыхъ человѣческихъ организмахъ уже почти вовсе болѣе не встрѣчается: во всѣхъ дѣйствительныхъ оборотахъ зрѣлаго сознанія преобладаетъ — или дѣйствіе среды на организмъ, или организма на среду, и, параллельно, въ самомъ организмѣ — дѣйствіе периферіи на центры или же центровъ на периферію. Отсюда является возможность всѣхъ дѣйствительныхъ психическихъ взаимодействій человѣка раздѣлить на два класса, страдательныхъ и дѣятельныхъ. Первый классъ взаимодействій можно обнять въ общемъ понятіи «психической жизни», второй классъ — въ понятіи «психической дѣятельности», признавъ затѣмъ оба эти понятія, въ свою очередь, составными элементами болѣе широкаго или общаго понятія «психическаго существованія».

Наука, которая разумѣется всегда стремится къ спеціализаціи своихъ задачъ для наилучшаго ихъ рѣшенія, выходя изъ этихъ понятій; конечно и въ примѣненіи къ анализу сознанія, какъ уже было отчасти указано нами въ введеніи, можетъ стать на различныхъ точки зрѣнія. Другими словами, она можетъ заняться: или общимъ изслѣдованіемъ психическаго существованія и, выходя изъ наблюденій

надъ цѣлымъ рядомъ организмовъ, постараться опредѣлить ходъ постепеннаго осложненія этого послѣдняго и дифференціаціи его на рядъ страдательныхъ и рядъ дѣятельныхъ оборотовъ, простыхъ и составныхъ — это будетъ своего рода біологіей сознанія; или она можетъ поставить себѣ задачею изслѣдованіе продуктовъ вліянія внѣшней среды на организмъ, т. е. явленій психической жизни въ связи съ постепеннымъ развитіемъ ихъ, благодаря этому вліянію внѣшней среды, — это будетъ анатоміей сознанія; или, наконецъ, она можетъ изслѣдовать процессы дѣйствія самого организма и сознанія, т. е. движенія, составляющія психическую дѣятельность (тоже въ ихъ послѣдовательномъ развитіи), — и это будетъ своего рода фізіологіей сознанія. Если хотѣть дать болѣе точныя наименованія указаннымъ тремъ особымъ наукамъ психологическаго круга, то пожалуй всего лучше будетъ общую біологію сознанія обозначить терминомъ психологіи — конечно въ болѣе обширномъ значеніи (какъ науки о психическомъ существованіи всѣхъ организмовъ), чѣмъ въ какомъ еѣ до сихъ поръ понимали; анатомію же или статику психическаго существованія можно будетъ назвать психостатикой, а фізіологію или динамику его — психодинамикой¹⁾. Въ свою очередь и психостатика и психодинамика могутъ быть тоже болѣе общими и болѣе спеціальными, и притомъ спеціализація ихъ возможна даже въ двухъ направленіяхъ: психостатика можетъ заниматься спеціально явленіями психической жизни различныхъ видовъ организмовъ, точно также и психодинамика — изслѣдованіемъ психической дѣятельности организмовъ различныхъ классовъ; но, кромѣ того, психостатика можетъ имѣть предметомъ различныя классы самихъ явленій сознанія въ ихъ постепенномъ осложненіи, психодинамика — различныя направленія дѣятельности сознанія. Слѣдовательно психостатика человѣка можетъ быть въ частности психостатикой явленій ума, чувства, воли, дѣятельности (какъ совокупности выраженій внутреннихъ состояній), и точно также психодинамика человѣка можетъ касаться различныхъ процес-

¹⁾ Этими нововведеніями мы конечно осуждаемъ заглавіе своего прошлаго сочиненія, т. е. понятіе «психологіи чувствованій», которое теперь замѣнили бы понятіемъ «психостатики чувствованій»; но зрѣлый критикъ признаетъ въ этомъ фактѣ конечно не доказательство непослѣдовательности, а признакъ своего рода прогресса. Прогрессъ и вообще развитіе исключаютъ возможность педантической послѣдовательности, а стремленіе къ этой послѣдней, обратно, убиваетъ прогрессъ.

совъ его психической дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія и понятна возможность такихъ спеціальныхъ наукъ, какъ логика и этика: логику мы опредѣляемъ какъ психодинамику процессовъ познавательной дѣятельности, этику — какъ психодинамику процессовъ нравственной дѣятельности. Такія спеціальныя названія конечно весьма полезны, и потому-то мы въ введеніи и протестовали противъ смѣшенія науки о познавательной дѣятельности съ психологіей и порѣшили называть её старымъ именемъ логики, — тѣмъ болѣе, что всѣ сколько-нибудь заслуживающіе вниманія вопросы старой логики неизбежно должны войти, какъ мы увидимъ ниже, въ составъ психодинамики познанія.

Если мы теперь, съ точки зрѣнія этой новой классификаціи наукъ о психическомъ существованіи, окинемъ однимъ взглядомъ всѣ предшествующія свои разсужденія, то должны будемъ признать ихъ отрывкомъ психологіи въ выше принятомъ новомъ значеніи этого термина (къ этой же «психологіи» относилась и соответствующая общая, а именно девятая, глава «Психол. чувствов.»). Затѣмъ намъ предстоитъ дать отрывокъ изъ общей психодинамики, т. е. подробнѣе разобрать составъ психической дѣятельности вообще, въ противоположность психической жизни, и только тогда, перейдя къ болѣе частному анализу познавательной дѣятельности, мы приступимъ собственно къ изслѣдованіямъ логическимъ.

Психическая дѣятельность, въ обширномъ смыслѣ, есть очевидно совокупность всѣхъ движеній и дѣйствій, направленныхъ къ приспособленію какихъ-нибудь внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ; въ болѣе точномъ смыслѣ она есть совокупность всѣхъ характерныхъ, простыхъ или составныхъ, психическихъ оборотовъ, исходящихъ отъ сознанія и направленныхъ къ измѣненію упомянутыхъ внѣшнихъ отношеній. Это различіе обширнаго и болѣе точнаго значенія «дѣятельности» имѣетъ основаніе въ указанномъ нами въ свое время различіи равномерныхъ психическихъ оборотовъ (въ которыхъ пассивные и активные моменты находятся въ гармоніи) отъ неравномерныхъ (въ которыхъ преобладаетъ одинъ изъ факторовъ взаимодействія — сознаніе или среда); но въ примѣненіи къ человѣческому сознанію оно не имѣетъ большой важности, ибо въ человѣческомъ организмѣ, какъ мы видѣли, съ самаго начала уже дано

различіе страдательныхъ и дѣятельныхъ оборотовъ, выраженій и движеній въ собственномъ смыслѣ этого слова, — такъ что почти всѣ движенія и дѣйствія, направленныя къ измѣненію внѣшнихъ отношеній, суть вмѣстѣ съ тѣмъ и элементы дѣятельныхъ оборотовъ.

Различіе видовъ психической дѣятельности основано конечно главнымъ образомъ на различіи тѣхъ внѣшнихъ отношеній, которыя приспособляются ею къ внутреннимъ. Поэтому главныя группы этихъ приспособляемыхъ ею внѣшнихъ отношеній и надо разсмотрѣть прежде всего.

Припомнимъ, что всѣ психическіе обороты, страдательные и дѣятельные, дѣлятся на общіе и частные, при чемъ первые, т. е. общіе, основаны на взаимодействіи психическаго организма съ внѣшнею средою, вторые — на взаимодействіи между отдѣльными частями организма. Отсюда уже слѣдуетъ, что понятіе о внѣшнихъ отношеніяхъ, приспособляемыхъ въ психической дѣятельности, какъ и о внѣшнихъ отношеніяхъ, приспособляющихъ внутреннія — въ психической жизни, не должно быть слишкомъ узкое: не только въ средѣ, но и въ самомъ организмѣ могутъ лежать эти внѣшнія отношенія, приспособляющія и приспособляемые. Можно даже сказать, что, въ примѣненіи къ каждому психическому обороту, внѣшними являются тѣ отношенія, которыя въ самомъ этомъ оборотѣ не играютъ непосредственной роли, — и съ этой точки зрѣнія даже отношенія явленій сознанія могутъ играть роль «внѣшнихъ», приспособляющихъ къ себѣ отношенія другихъ явленій сознанія и въ свою очередь ими приспособляемые; такъ очевидно въ центральныхъ внутреннихъ оборотахъ роль приспособляемыхъ и приспособляющихъ внѣшнихъ отношеній играютъ отношенія воспріятій органовъ чувствъ и другихъ явленій (чувствованій и проч.), изъ нихъ вытекающихъ. Но въ такомъ случаѣ конечно и обратно — внутреннія отношенія, приспособляемые къ внѣшнимъ, тоже различны: въ оборотахъ общаго характера внутренними должно признать отношенія всѣхъ явленій сознанія, вызываемыхъ дѣйствіемъ среды; въ оборотахъ частныхъ — отношенія специальныхъ явленій, составляющихъ эти частные обороты, между тѣмъ какъ отношенія прочихъ явленій сознанія играютъ роль внѣшнихъ элементовъ.

Слѣдовательно понятія внѣшнихъ и внутреннихъ приспособляющихъ и приспособляемыхъ отношеній весьма относительны. Тѣ и другія могутъ быть въ свою очередь, сравнительно съ другими отношеніями, опять и внѣшними и внутренними. Отсюда можетъ

явиться потребность замѣнить эти понятія болѣе точными; но сдѣлать это не такъ легко. Если бы мы поставили на ихъ мѣсто понятія объективныхъ и субъективныхъ отношеній и сказали бы, что въ психической дѣятельности объективныя отношенія приспособляются къ субъективнымъ, въ сферѣ психической жизни — на оборотъ, то едва ли бы что-нибудь выиграли отъ такой замѣны, ибо и эти понятія опять относительны: элементы каждаго даннаго оборота, приспособляемые къ чему-либо или приспособляющія къ себѣ что-либо, опять дѣлятся по нашей же теоріи на объективные и субъективные, такъ что пришлось бы согласиться въ такомъ случаѣ напр., что въ психической дѣятельности не только субъективныя отношенія приспособляются къ себѣ объективныя, но и объективныя (напр. комбинаціи движеній) другія, болѣе объективныя (отношенія среды); такія опредѣленія конечно опять привели бы къ путаницѣ понятій и въ сущности никого бы не могли удовлетворить. Пожалуй цѣлесообразнѣе были бы уже взятые напр. изъ древнефилософскаго языка термины эсотерическихъ и экзотерическихъ (въ примѣненіи къ данному обороту) отношеній, такъ какъ они по крайней мѣрѣ въ психологіи не употребляются ни въ какомъ другомъ значеніи; пользуясь этими терминами, мы должны были бы сказать, что въ психической дѣятельности — экзотерическія, въ примѣненіи къ оборотамъ, составляющимъ её, отношенія приспособляются къ эсотерическимъ; въ оборотахъ психической жизни, напротивъ, — эсотерическія отношенія приспособляются къ экзотерическимъ¹⁾. Но въ сущности эти термины выражаютъ почти то же самое, что и термины «внѣшнихъ» и «внутреннихъ» отношеній, и мы полагаемъ, что и эти послѣдніе могутъ быть вполне пригодны для нашихъ цѣлей, если мы только не будемъ забывать ихъ относительнаго значенія.

На основаніи изложенныхъ соображеній, необходимо признать, что внѣшнія отношенія, приспособляемые къ внутреннимъ въ оборотахъ психической дѣятельности, могутъ быть: во 1) отношеніями внѣшней среды, 2) отношеніями самого организма; эти послѣднія могутъ быть въ свою очередь 1) физическими (или физиологическими) и 2) психическими (т. е. отношеніями самихъ явленій сознанія, лежащихъ

¹⁾ Напр. въ примѣненіи къ частнымъ центральнымъ оборотамъ отношенія внѣшнихъ ощущеній и связанныхъ съ ними явленій будутъ «экзотерическими», а отношенія ощущеній, чувствованій, стремленій и движеній интеллектуальныхъ — «эсотерическими»: послѣднія приспособляются къ себѣ первыя и обратно.

въ другой сферѣ его, чѣмъ элементы даннаго оборота). А отсюда вытекаетъ, что психическую дѣятельность въ обширномъ значеніи слѣдуетъ прежде всего дѣлить на внѣшнюю, т. е. внѣ-органическую, и внутреннюю, или органическую; затѣмъ эту послѣднюю должно дѣлить на физическую (направленную къ измѣненію физическихъ отношеній организма) и въ тѣсномъ смыслѣ слова психическую. Эта въ тѣсномъ смыслѣ слова психическая дѣятельность, въ свою очередь, можетъ быть направлена къ измѣненію различныхъ группъ внѣшнихъ (по отношенію къ оборотамъ, её составляющимъ) явленій сознанія и, прежде всего, явленій объективной или субъективной воспримчивости, субъективной или же объективной дѣятельности. «Психическая дѣятельность» (въ тѣсномъ смыслѣ слова), специально направленная къ развитію явленій объективной воспримчивости, т. е. къ приспособленію ихъ отношеній къ отношеніямъ органическихъ ощущеній, чувствованій и т. д., въ соответствующихъ частныхъ оборотахъ, и есть занимающая насъ по преимуществу познавательная дѣятельность.

Такимъ образомъ познавательная дѣятельность есть совокупность движеній и дѣйствій, или дѣятельныхъ оборотовъ (или, выражаясь общѣе, процессовъ), направленныхъ къ развитію явленій объективной воспримчивости и имѣющихъ результатомъ приспособленіе отношеній этихъ явленій, какъ своего рода внѣшнихъ, — къ внутреннимъ отношеніямъ, лежащимъ въ основаніи самихъ оборотовъ, составляющихъ эту дѣятельность, т. е. оборотовъ познавательныхъ.

Это опредѣленіе конечно довольно сложно; но, во первыхъ, оно вполне точно отдѣляетъ сферу «познавательной дѣятельности» отъ всѣхъ другихъ сферъ дѣятельности организма; во вторыхъ, послѣдняя его половина, какъ пояснительная, можетъ быть опущена безъ существеннаго ущерба для цѣлаго, если мы только вполне усвоимъ себѣ значеніе дѣятельнаго психическаго существованія въ противоположность страдательному.

Теперь, предоставляя общей психодинамикѣ дальнѣйшее разчлененіе главныхъ видовъ психической дѣятельности, въ обширномъ значеніи этого понятія, на виды болѣе частныя и спеціальныя, мы подробнѣе остановимся на анализѣ состава познавательной дѣятельности, т. е. изъ области общей психодинамики перейдемъ наконецъ въ область логики.

Познавательная дѣятельность конечно можетъ быть различной сложности, отчего и составъ ея можетъ быть различенъ. Но въ человѣческомъ организмѣ несомнѣнно съ самого начала, въ силу унаслѣдованнаго отъ родителей устройства нервной системы, она уже слагается изъ оборотовъ составныхъ, хотя бы нѣкоторые моменты этихъ составныхъ оборотовъ (т. е. простые обороты, въ нихъ входящія) были совершенно безсознательны. Дѣло въ томъ, что на самыя первыя впечатлѣнія среды мы откликаемся уже троякаго рода движеніями, имѣющими задачу измененіе отношеній объективных воспріятій и связанными между собою въ болѣе или менѣе правильныя преемства. Эти троякаго рода движенія суть: извѣстныя движенія мозга, всѣ движенія органовъ чувствъ и нѣкоторыя движенія органовъ выраженія (напр. органовъ рѣчи). Сначала, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь пассивныхъ, внѣшнихъ или внутреннихъ, раздраженій, происходятъ извѣстныя центральныя движенія мозга, а затѣмъ, въ связи съ ними, тѣ или другія движенія органовъ чувствъ или органовъ выраженія. Первыя движенія устанавливають отношенія нѣсколькихъ послѣдовательныхъ объективных воспріятій между собою, т. е. приспособляють эти отношенія къ внутреннимъ потребностямъ центровъ, вторыя — приспособляють внѣшнія отношенія органовъ чувствъ къ такимъ же внутреннимъ потребностямъ центровъ, но не къ тѣмъ же самымъ, а къ другимъ, а именно къ потребностямъ новаго притока матеріала для внутренней центральной переработки; третьи, наконецъ, выражаютъ во внѣ результаты центральной переработки, а позднѣе приспособляють прямо самыя внѣшнія отношенія среды къ потребностямъ того же притока воспріятій (движенія рукъ въ научныхъ опытахъ). Стало быть, познавательная дѣятельность на самыхъ низшихъ ступеняхъ своихъ слагается уже изъ составныхъ оборотовъ, въ которыхъ переплетаются другъ съ другомъ троякаго рода болѣе простые обороты внутреннего происхожденія, периферическіе двухъ видовъ и центральные. Мы говоримъ «переплетаются», ибо разумѣется и тѣ, и другіе, и третьи опять въ каждую минуту весьма разнообразны: центральные органы пользуются различными органами периферической воспримчивости и движенія для увеличенія своего матеріала и для выраженія результатовъ своей работы, а обороты этихъ периферическихъ органовъ въ свою очередь вызываютъ разнообразные, частію одновременные, частію преемственные, обороты въ центральныхъ органахъ. Сначала впрочемъ всѣ эти дѣятельные обороты совершенно безсознательны и сознаются только ихъ продукты:

ощущенія и различныя комбинаціи этихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи сознательность ихъ постепенно растетъ и сложность движеній, составляющихъ въ нихъ центръ тяжести, тѣмъ самымъ тоже увеличивается; но это развитіе сознательности и сложности различныхъ познавательныхъ движеній и соответствующихъ имъ дѣятельныхъ оборотовъ мы разсмотримъ послѣ.

Во всякомъ случаѣ, и самые первоначальныя, и болѣе сложныя и сознательныя, познавательныя обороты, развивающіяся изъ нихъ впослѣдствіи, въ человѣческомъ организмѣ всѣ имѣютъ составной характеръ и разложимы на указанные три главные типа оборотовъ простыхъ, а именно центральныхъ и связанныхъ съ ними двойкаго рода периферическихъ, относящихся къ процессамъ воспріятія и къ процессамъ движенія. Центральныя дѣятельныя обороты, въ свою очередь весьма разнообразныя, развиваютъ непосредственно отношенія самихъ психическихъ явленій объективной воспріимчивости; периферическія перваго рода приспособляютъ къ внутреннимъ отношеніямъ (въ центрахъ) внѣшнія физическія отношенія органовъ объективной воспріимчивости; наконецъ, периферическія втораго рода — или тоже приспособляютъ къ тѣмъ же внутреннимъ отношеніямъ физическія отношенія органовъ выраженія (напр. органовъ рѣчи), или же приспособляютъ къ нимъ, чрезъ посредство органовъ движенія, самыя отношенія внѣшней среды (для усиленія притока впечатлѣній). Главную роль конечно играютъ обороты центральныя, периферическія же имѣютъ служебное или подчиненное значеніе; но, такъ или иначе, познавательная дѣятельность, какъ по преимуществу психическая, пользуется въ свою очередь, въ сложныхъ организмахъ, для своихъ цѣлей содѣйствіемъ другихъ видовъ дѣятельности, а именно — дѣятельности физической и дѣятельности внѣшней. Этотъ замѣчательный фактъ наводитъ на мысль, что и вообще всякая частная психическая дѣятельность (въ обширномъ значеніи слова) совершается въ сложномъ человѣческомъ организмѣ при содѣйствіи всѣхъ другихъ частныхъ видовъ дѣятельности, въ различномъ только ихъ распредѣленіи, — и эту мысль подтверждаютъ очень многія соображенія. Но пока, т. е. въ настоящемъ сочиненіи, мы оставляемъ еѣ гипотезою и не будемъ тратить времени и мѣста на ея подтвержденіе, такъ какъ она не имѣетъ отношенія къ ближайшимъ нашимъ задачамъ. Для насъ важенъ фактъ, что — какъ бы ни была сложна познавательная дѣятельность чловѣка — составныя обороты, изъ которыхъ

она слагается, разложима съ самого начала и до самого конца (въ силу унаслѣдованной организациі нашей нервной системы) на преемства троякаго рода простыхъ оборотовъ, а именно оборотовъ — связанныхъ съ отправленіями центровъ, органовъ воспріятія и органовъ движенія. Оставивъ пока въ сторонѣ болѣе подробный анализъ специальныхъ разповидностей оборотовъ этихъ господствующихъ классовъ, мы сосредоточимъ вниманіе лишь на упомянутыхъ главныхъ центральныхъ оборотахъ и движеніяхъ, имъ соотвѣтствующихъ.

Совокупность этихъ главныхъ центральныхъ познавательныхъ оборотовъ и обнимается понятіемъ умственной дѣятельности, или умственныхъ процессовъ, которые мы намѣрены подвергнуть специальному анализу въ слѣдующихъ главахъ. Слѣдовательно умственные процессы, какъ и вообще центральные, не суть что-либо особое и отдѣльное отъ психическихъ оборотовъ, а составляютъ лишь специальный видъ этихъ послѣднихъ: умственные процессы лучше всего опредѣлить, какъ ряды или преемства дѣятельныхъ центральныхъ оборотовъ и составляющихъ въ нихъ центръ тяжести движеній и дѣйствій, направленныхъ къ развитію явленій объективной воспріимчивости, а именно при помощи матеріала, даваемого внѣшнимъ опытомъ, прежнимъ, настоящимъ и будущимъ. Какъ видъ общихъ центральныхъ процессовъ развитія явленій сознанія, эти умственные процессы уже отчасти извѣстны намъ: это главнымъ образомъ процессы ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи (ср. Психол. чувств., Глава XII). Но такъ какъ обыкновенно говорятъ и о цѣломъ рядѣ другихъ умственныхъ процессовъ (напр. сужденія и умозаключенія, анализа и синтеза и т. д.), и отношеніе этихъ другихъ процессовъ къ упомянутымъ выше, равно какъ и вообще специальное развитіе умственныхъ процессовъ, въ прежнемъ сочиненіи нами не было рассмотрѣно, то намъ очевидно предстоитъ въ настоящемъ трудѣ весьма обширная и интересная задача: прослѣдить постепенное осложненіе самихъ процессовъ осложненія или развитія одного круга психическихъ явленій, а именно явленій объективной воспріимчивости. Прежде чѣмъ приступить къ выполненію этой задачи, необходимо однако разобрать еще два вопроса, а именно: во 1) можно ли всѣ умственные процессы разсматривать какъ составной элементъ познавательной дѣятельности, и во 2) въ какой связи развитіе умственныхъ процессовъ находится съ развитіемъ познавательной дѣя-

тельности вообще? Отсюда въ свою очередь мы придемъ къ анализу общихъ ступеней развитія познавательной дѣятельности.

Когда мы разрѣшимъ эти задачи, ближайшія цѣли изслѣдованія умственныхъ процессовъ выяснятся точнѣе.

Предположеніе, что всѣ умственные процессы входятъ въ составъ познавательной дѣятельности, раздѣляется далеко не всѣми психологами. Понятіе умственной дѣятельности, какъ совокупности этихъ процессовъ, весьма даже долго считалось болѣе широкимъ, чѣмъ понятіе познавательной дѣятельности, и эта послѣдняя признавалась только особымъ высшимъ видомъ и спеціальнымъ направленіемъ умственной дѣятельности вообще; но нечего и говорить, что при этомъ разумѣлась только высшая, произвольная и сознательная, познавательная дѣятельность и затѣмъ, въ предѣлахъ этой послѣдней, одни только процессы центральной переработки идей. Впрочемъ даже и тѣ психологи, которые признавали возможность произвольныхъ и даже безсознательныхъ познавательныхъ процессовъ, разумѣя подъ этими послѣдними однако болѣею частью лишь процессы центральной переработки, рѣдко считали умственные процессы элементомъ познавательныхъ, а чаще всего: или противуполагали познавательные процессы умственнымъ, какъ понятія, равныя по объему, но соотвѣтствующія двумъ различнымъ направленіямъ центральной переработки объективныхъ воспріятій, или же совершенно отождествляли эти два понятія другъ съ другомъ, сознавая, что въ сущности всѣ умственные процессы въ концѣ концовъ служатъ цѣлямъ познавательнымъ.

Если однако принять во вниманіе, что въ составъ познавательной дѣятельности, какъ и было указано выше, входятъ не одни центральные или умственные процессы и движенія, но и рядъ другихъ, периферическихъ, хотя бы играющихъ служебную роль, то и отождествленіе познавательной и умственной дѣятельности окажется незаконнымъ, и останется только признать, что умственные процессы — лишь одинъ, хотя бы и главный, элементъ познавательной дѣятельности. Но можетъ быть всетаки и въ самомъ дѣлѣ не всѣ умственные процессы, а только бѣльшая часть ихъ служитъ цѣлямъ познанія, т. е. цѣлямъ «развитія» объективныхъ воспріятій? Этотъ то вопросъ мы теперь и рассмотримъ.

Не имѣя пока еще никакихъ точныхъ представленій о составѣ

умственной дѣятельности, мы конечно должны сдѣлать точкою отправленія для своего анализа ходячія понятія о ея направленіяхъ и элементахъ. Умственная дѣятельность обыкновенно разлагается на слѣдующія элементарныя функціи, къ которымъ приводятся затѣмъ и всѣ болѣе сложныя отправленія ума: функціи памяти, ассоціаціи, сужденія и вывода, воображенія или творчества. Памятью называется усвоеніе и воспроизведеніе объективныхъ воспріятій, ощущеній и идей; но такъ какъ воспроизведеніе въ свою очередь конечно содѣйствуетъ болѣе прочному усвоенію тѣхъ или другихъ воспріятій, то понятіе «усвоенія» вполнѣ выражаетъ сущность процессовъ, называемыхъ памятью вообще. Нечего и говорить, что всякое усвоеніе объективныхъ воспріятій служитъ орудіемъ «познавательной дѣятельности» и источникомъ развитія идей; какъ бы нелѣпы и даже ошибочны ни были усвояемыя воспріятія, они отражаются на общемъ составѣ идей чловѣка и, прямо или косвенно, на характерѣ его знаній о внѣшнемъ мірѣ: страдаютъ ли, или выигрываютъ его знанія отъ тѣхъ или другихъ усвояемыхъ воспріятій, — это другой вопросъ; но что они такъ или иначе видоизмѣняются подѣ вліаніемъ этихъ послѣднихъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ томъ же смыслѣ разумѣется, видоизмѣняются и, такъ или иначе, развиваются эти знанія подѣ вліаніемъ правильныхъ или неправильныхъ ассоціацій между данными опытомъ воспріятіями и подѣ вліаніемъ сужденій и выводовъ. Всѣ эти процессы, разнообразно комбинируя объективные продукты опыта, развиваютъ болѣе или менѣе, въ лучшую или въ худшую сторону, наши идеи о внѣшнемъ мірѣ и о собственномъ организмѣ, а равно и совокупности этихъ идей, называемыя знаніями. Слѣдовательно, остается только вопросомъ, не могутъ ли хоть процессы воображенія или умственного творчества быть поставлены внѣ познавательныхъ процессовъ? Но, во первыхъ, новѣйшая психологія и эти процессы, воображенія и творчества, считаетъ лишь особымъ видомъ процессовъ ассоціаціи и вывода (а именно построительными ассоціаціями и выводами). Во вторыхъ, ясно, что если бы даже построенія ума были совершенно фантастичны и произвольны и если бы даже мы сами сознавали эту ихъ фантастичность и произвольность, то и тогда они не только должны были бы измѣнять и осложнять наши идеи, но и отражаться, хотя бы косвенно, на представленіяхъ и понятіяхъ нашихъ о внѣшнемъ мірѣ, такъ какъ сознание, по самой природѣ своей, всегда объективируетъ свои ощущенія и идеи, т. е. ставитъ имъ объекты во внѣшней дѣйствитель-

ности. Сколько бы мы ни увѣряли себя напр., что видѣнная нами историческая опера или прочитанный нами историческій романъ составляютъ продуктъ фантазій ихъ авторовъ, — но воспріятія, сложившіяся въ связи съ этими фантастическими произведеніями, несомнѣнно войдутъ какъ извѣстный ингредиентъ въ составъ строго реальныхъ и даже научныхъ знаній нашихъ о соответствующихъ историческихъ эпохахъ, событіяхъ и лицахъ. Сколько бы мы ни увѣряли себя, что прочитанная въ литературномъ произведеніи или видѣнная нами на театрѣ бытовая сцена вымышлена тѣмъ или другимъ романистомъ, поэтомъ или драматургомъ, — мы всетаки не въ состояніи будемъ устранить пріобрѣтенныхъ даннымъ способомъ представленій изъ состава реальныхъ представлений о бытѣ того или другого народа, того или другого слоя общества, того или другого разряда людей вообще. Но не только мы, зрители и читатели произведеній фантазій, но и самые авторы ихъ, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ многіе ихъ читатели, чрезъ призму этихъ произведеній, какъ готовыхъ цѣлыхъ, созерцаютъ дѣйствительность, ибо уже и самое созданіе соответствующихъ образовъ и картинъ и воплощеніе ихъ въ словъ возможно лишь подъ условіемъ нѣкотораго отождествленія и смѣшенія фикцій и реальной дѣйствительности. Потому-то между прочимъ поэты и обладаютъ всегда совершенно своеобразными идеями о мірѣ и его значеніи, болѣе или менѣе далекими отъ объективныхъ результатовъ науки и часто даже противорѣчащими выводамъ этой послѣдней: ихъ знанія чаще всего носятъ мистическій отпечатокъ, составляющій прямой продуктъ сплетенія фантазій съ объективными данными опыта (припомнимъ только Достоевскаго!).

Такимъ образомъ всѣ умственные процессы тѣмъ или инымъ путемъ, служа развитію и осложненію нашихъ идей, въ то же время являются орудіями и моментами познавательной дѣятельности. Вся разница лишь въ томъ, что въ однихъ случаяхъ они оказываются безсознательными, въ другихъ — сознательными, въ однихъ — косвенными, въ другихъ — прямыми орудіями этой послѣдней, и что въ иныхъ случаяхъ результаты умственныхъ процессовъ положительны, въ другихъ — отрицательны, т. е. что иногда они совершенствуютъ и исправляютъ знанія, а иногда, напротивъ, только спутываютъ и искажаютъ ихъ. Но всѣ эти различія конечно зависятъ не столько отъ характера самыхъ процессовъ умственной дѣятельности, которые, какъ мы увидимъ въ свое время, всегда имѣютъ

одинъ и тотъ же общій типъ, сколько отъ характера ихъ матеріала, т. е. отъ отношенія элементовъ умственной дѣятельности къ даннымъ объективной дѣйствительности, а также отчасти и отъ различной сознательности и степени развитія однихъ и тѣхъ же движеній ума. Поэтому-то мы и признали всѣ умственные процессы составнымъ элементомъ познавательной дѣятельности и притомъ, разумѣется, самымъ важнымъ и существеннымъ, ибо всѣ прочіе процессы и движенія, её составляющія, опредѣляются умственными процессами и служатъ лишь пособіями для внутренняго или центральнаго развитія идей.

Но если умственные процессы всего важнѣе и существеннѣе въ системѣ процессовъ познавательныхъ, если они составляютъ какъ бы настоящее зерно и центръ тяжести познавательной дѣятельности, то и анализъ ихъ конечно долженъ стоять на первомъ планѣ въ психодинамикѣ этой дѣятельности, и вслѣдствіе этого-то мы и рѣшили сдѣлать его предметомъ настоящаго сочиненія.

Въ изслѣдованіи умственныхъ процессовъ, какъ и всякой группы процессовъ, совершающихся въ природѣ и въ самомъ организмѣ, правильно понимающая свои задачи наука можетъ стать только на одну точку зрѣнія, а именно на точку зрѣнія развитія. Только выходя изъ этой точки зрѣнія, можно надѣяться привести всѣ умственные процессы къ одному основному типу и къ однообразнымъ, неизмѣннымъ законамъ; только выходя изъ нея, можно надѣяться приобрѣсти и правильную естественную классификацію всѣхъ умственныхъ процессовъ. Но въ такомъ случаѣ конечно невольно приходишь ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ, а именно — въ какой связи и отношеніи развитіе умственныхъ процессовъ находится съ общимъ развитіемъ познавательной дѣятельности?

Уже а ригорі понятно, что развитіе частей или элементовъ находится всегда въ связи съ развитіемъ цѣлаго и болѣе или менѣе параллельно ему. Понятно также и то, что связь эта заключается столько же въ зависимости развитія цѣлаго отъ развитія частей, сколько и развитія частей отъ развитія цѣлаго; цѣлое, какъ совокупность другихъ еще частей, развиваясь въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ, въ такой же мѣрѣ можетъ отражаться обратно на развитіи данной одной части, какъ и развитіе этой послѣдней, черезъ посредство другихъ частей, на общемъ развитіи цѣлаго. Эти соображенія всего лучше подтверждаются и общею наукою объ организмѣ, біологіею: каждый органъ развивается въ связи съ развитіемъ всего организма, а развитіе

всего организма зависить обратно отъ развитія отдѣльныхъ его органовъ. Но такъ какъ несомнѣнно все же, что развитіе цѣлаго есть въ концѣ концовъ итогъ развитія его частей и что цѣлое не самостоятельно, а лишь при посредствѣ другихъ своихъ частей, можетъ оказать вліяніе на развитіе данной части, ибо цѣлое и не существуетъ внѣ своихъ элементовъ, то естественно, что и ступени развитія познавательной дѣятельности суть въ сущности лишь итогъ ступеней развитія умственныхъ и другихъ спеціальныхъ процессовъ, её составляющихъ. Вслѣдствіе этого, повидимому, и въ логикѣ опредѣленіе ступеней развитія умственныхъ и другихъ частныхъ процессовъ должно предшествовать опредѣленію общихъ ступеней развитія познавательной дѣятельности, а не на оборотъ. Тутъ однако является еще иное соображеніе: какъ скоро признано, что развитіе цѣлаго и развитіе частей должны идти параллельно и совмѣстно, то ясно, что отъ ступеней осложненія цѣлаго, если онѣ могутъ быть подмѣнены самостоятельно, столько же можно заключать къ ступенямъ развитія какой-нибудь части, какъ и обратно. Разница будетъ только въ томъ, что первымъ способомъ можно придти лишь къ гипотетическимъ выводамъ, вторымъ же способомъ — къ выводамъ совершенно достовѣрнымъ; но такъ какъ гипотетическіе выводы *de facto* всегда предшествуютъ достовѣрнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ руководятъ спеціальнымъ анализомъ (ср. въ концѣ введенія), то и въ данномъ случаѣ ничто не мѣшаетъ съ нихъ начать дѣло, если только въ этомъ методѣ есть какія-нибудь выгоды. Выгоды же есть несомнѣнно: такъ какъ цѣлое всегда обладаетъ бѣльшимъ количествомъ признаковъ, чѣмъ каждая его часть, то подмѣнить фазисы измѣненія цѣлаго легче, чѣмъ фазисы измѣненія какой-нибудь части; а затѣмъ, если хотѣтъ прослѣдить развитіе части независимо отъ развитія цѣлаго, то при этомъ непремѣнно рискуешь сдѣлать ошибку, ибо развитіе одной части всетаки не есть совершенно самостоятельный процессъ: каждая часть, какъ мы уже указали, развивается и измѣняется всегда подъ вліяніемъ развитія и измѣненія другихъ частей, въ свою очередь оказывая вліяніе на осложненіе этихъ послѣднихъ. Поэтому, только при помощи общей, хотя бы и гипотетической картины развитія цѣлаго, можно избѣгнуть односторонности въ спеціальномъ изслѣдованіи развитія той или другой его части¹⁾.

¹⁾ Оттого то и въ наукахъ объ организмѣ теорія развитія отдѣльныхъ частей его, или органовъ, получила твердое основаніе лишь съ постановкою болѣе широкой

Вотъ тѣ соображенія, которыя оправдываютъ необходимость и въ данномъ случаѣ предпослать первичную дедукцію, основанную на первичныхъ индукціяхъ, спеціальному анализу, или индукціямъ вторичнымъ.

Стало быть, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію состава и ступеней развитія умственныхъ процессовъ, мы попробуемъ нарисовать общую картину развитія познавательной дѣятельности, предупреждая однако, что вѣрность этой картины можетъ окончательно подтвердиться лишь съ анализомъ ступеней развитія всѣхъ частныхъ познавательныхъ процессовъ и что поэтому даже послѣдующій анализъ умственныхъ процессовъ можетъ сдѣлать правильность ея лишь въ высшей степени вѣроятною, а отнюдь не окончательно достоверною. Эта окончательная достоверность можетъ быть достигнута лишь съ разработкою всѣхъ частей логики.

Ступени развитія познавательной дѣятельности къ сожалѣнію до сихъ поръ еще никѣмъ не были изслѣдованы и опредѣлены, какъ это конечно хорошо извѣстно всѣмъ знатокамъ исторіи психологии и логики. Самый вопросъ въ той постановкѣ, какую мы ему дали, совершенно новый. Можно разумѣется съ натяжкой найти нѣкоторые намеки на него у психологовъ и представителей теоріи познанія въ самыя различныя эпохи, начиная чуть ли не съ Аристотеля: можно найти напр. отдѣльныя сопоставленія познавательныхъ явленій и процессовъ съ точки зрѣнія различной ихъ сложности или, какъ прежде обыкновенно говорили, съ точки зрѣнія ихъ относительной высоты и достоинства; но наука, какъ извѣстно, строится не изъ намековъ и отрывочныхъ указаній, а изъ сознательныхъ теорій, отвѣчающихъ на ясно поставленные вопросы. Поэтому говорить въ данномъ случаѣ о предшественникахъ значило бы почти тоже самое, что искать объясненія явленіямъ человеческого сознанія на яву въ отрывочныхъ сновидѣніяхъ предшествующей ночи. Мы уже однажды потратили много драгоценныхъ мѣсяцевъ на такую работу (въ «Психологии чувствованій») и повторять вторично ту же самую ошибку не станемъ.

гипотезы объ общемъ развитіи организмовъ, и эта гипотеза освѣтила множество такихъ частныхъ фактовъ, которые прежде или были непонятны или даже вовсе не замѣчались.

Для опредѣленія ступеней развитія какой бы то ни было психической дѣятельности существуетъ только одинъ твердый критерій, а именно различная степень сознательности соответствующихъ ей процессовъ или движеній. Но можетъ казаться съ перваго взгляда, что и этотъ критерій далеко не вполне достовѣренъ, ибо сознательность повидимому имѣетъ безчисленныя степени и развитіе ея совершается съ такой незамѣтной постепенностью, что опредѣлить ея фазисы нѣтъ никакой возможности. Это однако невѣрно: въ примѣненіи къ каждому единичному и простому явленію въ организмъ можно всегда воставить вопросъ, сознательно ли оно или бессознательно, и на этотъ вопросъ возможны только два отвѣта — утвердительный или отрицательный. Если же рѣчь идетъ о явленіяхъ сложныхъ или о совокупностяхъ и преемствахъ простыхъ явленій въ организмъ, то конечно, смотря по тому, какой процентъ единичныхъ элементовъ, изъ которыхъ они составлены, сознателенъ и какой бессознателенъ, можно говорить о различной степени сознательности этихъ сложныхъ явленій; но эти различныя степени сознательности всегда разложимы въ концѣ концовъ на то или другое опредѣленное число сознательностей и бессознательностей, пропорцію которыхъ и остается вычислить. Поэтому тамъ, гдѣ можно опредѣлить самые элементы сложнаго агрегата, всегда можно разграничить и ступени сознательности, опредѣливъ лишь процентное отношеніе элементовъ сознательныхъ и бессознательныхъ.

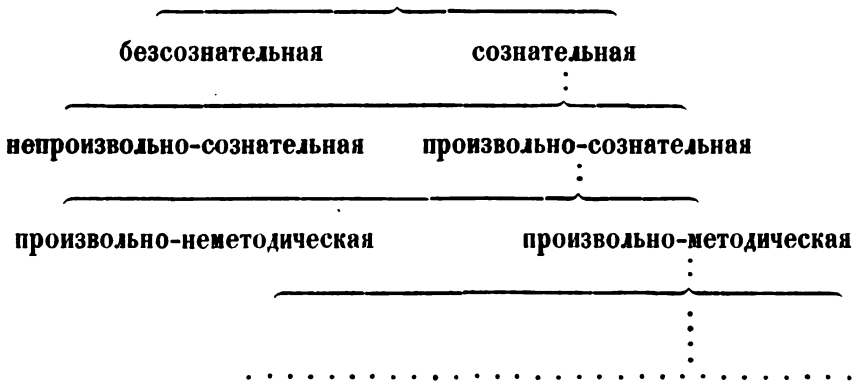
Познавательная дѣятельность, какъ мы видѣли, есть совокупность разнообразныхъ движеній. Эти движенія сначала конечно не связаны органически, а лишь механически сцѣплены и слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстной очереди лишь въ силу унаслѣдованнаго устройства соответствующихъ частей тѣла. Поэтому прежде всего должно ихъ разсматривать какъ единичные и разрозненные элементы. Всѣ эти движенія, въ отдѣльности взятыя, могутъ быть бессознательны или сознательны. Такимъ образомъ двѣ основныя ступени познавательной дѣятельности можно опредѣлить общими наименованіями бессознательной и сознательной, разумѣя подъ этия, что отдѣльныя движенія, ея составляющія, или бессознательны, или сознательны. Но затѣмъ на второй, сознательной, ступени отдѣльныя движенія могутъ находиться въ различномъ отношеніи другъ къ другу, а именно связь отдѣльныхъ движеній между собою съ своею очередь можетъ быть бессознательна, или же сознательна. Сознательную

связь движеніямъ даютъ сознательныя чувства и стремленія, ибо они служатъ мотивами для координаціи движеній. Поэтому можно сказать, что отдѣльныя сознательныя движенія могутъ составлять въ свою очередь бессознательный или сознательный агрегатъ, смотря по тому, сознательны или бессознательны стремленія, ихъ опредѣляющія; другими словами, сознательная познавательная дѣятельность съ новой точки зрѣнія опять дѣлится на бессознательную и сознательную или, правильнѣе, на бессознательно-сознательную и двойко-сознательную. Двойко-сознательная психическая дѣятельность, т. е. сознательная не только объективно, но и субъективно, обыкновенно называется также и произвольною, ибо движенія опредѣляются въ ней волею (т. е. сознательными стремленіями). Поэтому еще иначе эти двѣ ступени сознательной познавательной дѣятельности можно обозначить терминами — непроизвольно-сознательной и произвольно-сознательной. Затѣмъ стремленія, опредѣляющія движенія, могутъ быть опять въ различной степени сознательны, а именно какъ отдѣльныя единицы и какъ элементы общаго единства, т. е. опять и стремленія могутъ быть сознательны не только въ отдѣльности, но и въ связи другъ съ другомъ. Сознательную связь стремленіямъ даютъ уже не чувства, ибо чувства опредѣляютъ лишь ближайшія, конкретныя цѣли отдѣльныхъ стремленій: эту связь или единство стремленіямъ даютъ извѣстныя идеи, опредѣляющія конечныя общія цѣли, къ которымъ направлены тѣ или другія цѣпи стремленій и соответствующихъ имъ движеній. Поэтому и произвольно-сознательная познавательная дѣятельность (какъ и всякая вообще психическая дѣятельность) можетъ быть опять въ извѣстномъ смыслѣ бессознательною и сознательною, или, точнѣе говоря, двойко-сознательною и тройко-сознательною. Въ первой сознаются только движенія и непосредственные ихъ источники — чувства и стремленія, но яснаго сознанія объективной цѣли, а потому и связи стремленій, не существуетъ; во второй, напротивъ, сознается объективная цѣль и связь стремленій, опредѣляемая идеями, и самыя движенія сознаются лишь какъ средства или орудія для достиженія этой цѣли. Другими словами и произвольность опять имѣетъ двѣ ступени, низшую и высшую: дѣятельность, обладающая высшею произвольностью называется методическою, ибо въ ней движенія координируются въ одно цѣлое согласно извѣстному методу, способному привести всего прямѣе къ достиженію предложенныхъ задачъ; вся же произвольная познавательная дѣятельность въ совокуп-

ности дѣлится на неметодическую и методическую. Методическая дѣятельность конечно опять можетъ быть сознательною въ различной мѣрѣ, смотря по тому, какія идеи объективныхъ цѣлей, болѣе поверхностныя или болѣе глубокия, болѣе узкія или болѣе широкія, ею руководятъ: осуществленіе болѣе широкихъ и глубокихъ задачъ вызываетъ конечно и болѣе сложную координацію стремленій и требуетъ болѣе искусно организованныхъ методовъ. Но эти дальнѣйшія дифференціаціи познавательной дѣятельности вообще и методической въ частности мы теперь оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ онѣ основаны уже на развитіи такого сложнаго фактора, идей о цѣляхъ знанія, о природѣ котораго мы теперь не можемъ сказать еще ничего опредѣленнаго (вѣдь именно процессы развитія идей мы и намѣрены специально изслѣдовать въ этомъ сочиненіи!). Во всякомъ случаѣ тутъ уже рефлексія двойная: идеи, развиваясь, въ свою очередь являются источникомъ и орудіемъ дальнѣйшаго собственнаго своего развитія, и прослѣдить этотъ процессъ можно лишь при знаніи основныхъ законовъ осложненія идей, которые намъ теперь еще совершенно неизвѣстны.

Поэтому, ограничиваясь пока лишь указанными выше степенями развитія познавательной дѣятельности, мы изобразимъ результаты своего анализа наглядною схемою, которая дала бы возможность обозрѣть разомъ весь пройденный путь:

Главные ступени познавательной дѣятельности:

Изъ сдѣланнаго нами общаго очерка развитія познавательной дѣятельности, въ связи съ критеріемъ сознательности ея, между прочимъ вытекаетъ, что развитіе это идетъ, такъ сказать, не по

прямой линіи, отъ низшей ступени къ болѣе высокой, отъ этой къ еще болѣе высокой и т. д., а что въ основаніи его лежитъ процессъ дифференціаціи, т. е. послѣдовательнаго двоенія каждаго высшаго продукта на новые элементы (разумѣется при этомъ, что и первое дѣленіе познавательной дѣятельности на бессознательную и сознательную есть уже дифференціація исключительно бессознательной дѣятельности, свойственной низшимъ животнымъ). Этотъ законъ развитія, путемъ двоенія, можно признать всеобщимъ закономъ развитія природы: не только каждый организмъ изъ своего зародыша развивается по этому закону (какъ о томъ учить эмбриологія); но и вся природа делится сначала на неорганическую и органическую, органическая въ свою очередь на растительную и животную, животная органическая на низшіе и высшіе организмы, въ высшихъ животныхъ организмахъ человѣкъ представляетъ опять особую, самую высшую, степень развитія, и т. д. Такъ какъ однако не только высшіе продукты развитія, но и низшіе, разумѣется, тоже дифференцируются на цѣлый рядъ новыхъ продуктовъ различной степени высоты или сложности, то разумѣется и каждая изъ приведенныхъ низшихъ (сравнительно съ другими) ступеней познавательной дѣятельности, распадается на новыя подъ-ступени, смотря по степени сознательности еще болѣе простыхъ элементовъ, еѣ составляющихъ, ибо вѣдь и единичныя движенія, стремленія и чувствованія человѣка (о познавательной дѣятельности котораго и идетъ рѣчь), по сложности его организаціи, могутъ имѣть тоже различную степень развитія. Съ этими подъ-ступенями познавательной дѣятельности мы однако познакоимся ближе лишь при специальномъ анализѣ умственныхъ процессовъ; теперь же мы имѣемъ въ виду выяснить только общій ходъ развитія познавательной дѣятельности, и потому постараемся опредѣлить указанныя главныя ступени ея болѣе точными признаками, при помощи составныхъ ея элементовъ.

Составные элементы познавательной дѣятельности, какъ уже не разъ было указано, суть, во первыхъ, движенія и дѣйствія, во вторыхъ явленія, къ измѣненію и приспособленію которыхъ они направлены. Тѣ и другіе могутъ быть опять различны: движенія, какъ мы видѣли, могутъ быть троякаго рода, — периферическими: а) въ органахъ чувствъ и б) въ органахъ движенія, особенно въ органахъ рѣчи, и центральными — въ самомъ мозгу; явленія, соотвѣтственно этому, тоже могутъ быть троякаго рода, а именно: во 1) тѣ, которыя представляются продуктами движеній органовъ чувствъ и другихъ

органовъ, участвующихъ въ воспріятіи, и которыя служатъ въ свою очередь матеріаломъ для движеній мозга, 2) тѣ, которыя представляются продуктами движеній центральныхъ или умственныхъ (идей), 3) тѣ, которыя представляются продуктами движеній органовъ рѣчи, т. е. словъ или знаки, соответствующіе результатамъ умственной переработки. Всѣ эти различные виды движеній и явленій, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, должны быть приняты во вниманіе для болѣе точнаго опредѣленія главныхъ ступеней познавательной дѣятельности.

Если начать анализъ съ движеній и дѣйствій, составляющихъ главный элементъ познавательной дѣятельности, то легко будетъ замѣтить, что въ каждой сферѣ этихъ движеній и соответствующихъ имъ дѣятельныхъ оборотовъ, мысль человѣка уже давно отиѣтила особыми терминами, конечно болѣею частью инстинктивно и чисто эмпирически, различные ступени ихъ развитія, соответствующія указаннымъ выше общимъ ступенямъ осложненія познавательной дѣятельности.

Такъ различнаго рода движенія органовъ чувствъ, въ видахъ увеличенія притока впечатлѣній, обозначаются терминами ощущенія, воспріятія, наблюденія и эксперимента; эти понятія очевидно имѣютъ значеніе лишь съ точки зрѣнія различной сознательности и соответственной сложности упомянутыхъ движеній: воспріятіе есть болѣе сознательный и сложный процессъ ощущенія, наблюденіе есть болѣе сознательный и сложный процессъ воспріятія, экспериментъ — еще болѣе сознательный и сложный процессъ наблюденія, въ которомъ уже вмѣстѣ съ движеніями органовъ чувствъ пріобрѣтаетъ серіозное значеніе и рядъ другихъ вспомогательныхъ движеній (особенно рукъ). Совокупности движеній въ центральныхъ органахъ (умственной дѣятельности) тоже, соответственно ихъ сознательности и сложности, обозначаются различными терминами: подъ процессами ассоціаціи разумѣется обыкновенно совокупность безсознательныхъ движеній, процессами мышленія называются уже ряды движеній сознательныхъ, понятіе размысленія обнимаетъ очевидно ряды движеній сознательно-произвольныхъ, наконецъ терминомъ изслѣдованія обозначаются умственные движенія произвольно-методическія. Точно также и въ области движеній органовъ рѣчи: языкомъ называется обыкновенно совокупность движеній безсознательныхъ (оттого говорятъ даже и про языкъ животныхъ), рѣчью называется совокупность сознательныхъ движеній (т. е. сознательный языкъ), терминомъ разсужденія или бесѣды обозначается совокупность сознательно-произвольныхъ движеній (двояко-

сознательная рѣчь), подъ изложеніемъ разумѣютъ большею частью совокупность движеній произвольно-методическихъ. Конечно мы не говоримъ, чтобы всѣ приведенные термины употреблялись въ совершенно опредѣленномъ и рѣзко-очерченномъ значеніи: напротивъ, инстинктивное, по большей части, происхожденіе ихъ уже исключаетъ возможность совершенно точнаго ихъ употребленія; но всетаки смыслъ этихъ параллельныхъ терминовъ, встрѣчающихся притомъ въ различныхъ языкахъ, непонятенъ ни съ какой иной точки зрѣнія, какъ только съ точки зрѣнія оцѣнки разнообразной сознательности и сложности соответствующихъ имъ движеній. Поэтому наука прекрасно можетъ воспользоваться ими для болѣе точнаго разграниченія ступеней развитія различныхъ познавательныхъ процессовъ, лишь очертивъ, соответственно указаннымъ принципамъ, опредѣленнѣе и яснѣе ихъ содержаніе. Въдѣ въ томъ и состоитъ задача науки, чтобы смутныя понятія превращать въ отчетливыя и, параллельно этому, дѣлать слова постоянными и твердо намѣченными рамками этихъ понятій.

Если мы теперь отъ движеній перейдемъ къ явленіямъ, которыя представляются ихъ продуктомъ, то опять замѣтимъ существованіе различныхъ терминовъ для выраженія различной ихъ сложности и сознательности. Явленія, которыя представляются съ одной точки зрѣнія продуктомъ движеній органовъ чувствъ, съ другой точки зрѣнія можно разсматривать и какъ элементы умственной переработки; съ первой точки зрѣнія, на которую и необходимо обратить вниманіе, они называются ощущеніями, воспріятіями, наблюденіями и данными эксперимента или научными фактами. Нечего и говорить, что эти термины находятся въ томъ же отношеніи другъ къ другу, когда они прилагаются къ продуктамъ извѣстныхъ движеній, какъ и тогда, когда они выражаютъ природу самыхъ этихъ движеній (см. выше). Явленія, къ которымъ относятся центральныя или умственныя движенія можно разсматривать опять съ двоякой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что явленія, представляющіяся продуктомъ движеній менѣе сложныхъ и сознательныхъ, въ тоже время служатъ матеріаломъ для умственныхъ движеній болѣе сознательныхъ и сложныхъ. Поэтому, если психостатика просто различаетъ ощущенія, какъ первоначальныя явленія, отъ идей, какъ продуктовъ ихъ осложненія, и идеи въ свою очередь можетъ дѣлать по различнымъ ступенямъ ихъ развитія, напр. на идеи первичныя или конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ, идеи вторичныя или конкретныя понятія о предметахъ,

явленіяхъ и ихъ группахъ, идеи третичныя или отвлеченныя понятія о тѣхъ же предметахъ, явленіяхъ и группахъ тѣхъ и другихъ, идеи четвертой степени или научныя идеи, или, еще иначе, идеи въ тѣсномъ значеніи этого слова, и т. д. (ср. въ Психол. чувств., стр. 496), — то психодинамика, и въ частности логика, должна попробовать изъ комбинаціи тѣхъ же понятій составить такую градацію явленій, въ которой отмѣчено было бы различіе объективныхъ явленій сознания: 1) какъ матеріала, 2) какъ продуктовъ умственныхъ движеній различной сложности. Въ такомъ случаѣ можно будетъ сказать, что:

Безсознательнымъ умств. движеніямъ соотвѣтствуютъ ощущенія, какъ матеріаль, — первичныя идеи или конкретныя представленія, какъ продуктъ переработки.

Сознательнымъ умств. движеніямъ соотвѣтствуютъ первичныя идеи, какъ матеріаль, — вторичныя идеи или конкретныя понятія, какъ продуктъ переработки.

Произвольно-сознательнымъ умств. дѣйствіямъ — вторичныя идеи, какъ матеріаль, — идеи третичныя или неметодически отвлеченныя понятія, какъ продуктъ переработки.

Произвольно-методическимъ умств. дѣйствіямъ — третичныя идеи, какъ матеріаль, — идеи еще болѣе сложныя, т. е. методически отвлеченныя понятія или научныя идеи, какъ продуктъ переработки.

Что каждый родъ движеній вырабатываетъ своеобразныя познавательныя продукты едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Пока запомнимъ, что въ идеѣ «понятія» уже лежитъ идея сознательности, въ идеѣ «отвлеченія» — идея произвольности. Чтобы образовалось понятіе о единичныхъ или о многихъ однородныхъ (но не совсѣмъ тождественныхъ) предметахъ, необходимы непремѣнно извѣстныя сознательныя, хотя бы и произвольныя еще, движенія ума, которыя называются произвольнымъ различеніемъ и отождествленіемъ признаковъ этихъ предметовъ и которыя, какъ мы увидимъ въ свое время, илѣютъ орудіемъ своимъ сознательныя процессы сужденія и умозаключенія; а затѣмъ для того, чтобы изъ конкретнаго образовалось отвлеченное понятіе, и сознательныхъ сужденій и умозаключеній конечно уже не достаточно: для этой цѣли необходимы болѣе

сложныя, произвольныя, дѣйствія ума, ибо отвлеченіе есть выборъ и сортировка признаковъ, а выборъ и произвольность — два различныя названія для одного и того же факта. Наконецъ нужно ли говорить, что научное или методически-отвлеченное понятіе различается отъ ненаучнаго, или неметодическаго, и основано опять на новыхъ, высшихъ дѣйствіяхъ ума?

Отъ явленій центральной умственной дѣятельности перейдемъ къ явленіямъ периферической дѣятельности, направленной къ выраженію продуктовъ центральной работы. Эти явленія конечно весьма разнообразны; но если принять пока во вниманіе только самыя важныя выраженія идей — въ словѣ, то и тутъ мы найдемъ уже готовые обозначенія для явленій различной сложности и различной сознательности. Въ понятіи звуковъ (издаваемыхъ животными, дѣтьми, дикарями) обнимаются обыкновенно безсознательныя выраженія ощущеній, въ понятіи именъ — сознательныя выраженія идей, названія или обозначенія обнимается совокупность произвольно-составленныхъ именъ, терминами считаются названія, составленныя методически и являющіяся знаками для методически-отвлеченныхъ понятій.

Наконецъ, если мы отъ частныхъ продуктовъ различныхъ познавательныхъ движеній перейдемъ къ общимъ результатамъ всей познавательной дѣятельности, то и для выраженія этихъ послѣднихъ найдутся понятія, вполне соответствующія указаннымъ выше ступенямъ ея осложненія. Такъ опытомъ челоуѣка называются обыкновенно общіе результаты безсознательнаго развитія его ума, знанія и называются результаты сознательнаго мышленія, познанія — результаты произвольно-сознательныхъ отправленій, наукою обозначается совокупность результатовъ методической познавательной дѣятельности, — причеиъ «наука» разумѣется имѣеть опять различныя ступени развитія.

Стало быть, и при анализѣ различныхъ составныхъ элементовъ познавательной дѣятельности возможность разграниченія указанныхъ выше ступеней ея, съ точки зрѣнія сознательности и сложности соответствующихъ ей отправленій и явленій, вполне подтверждается. Мало того: оказывается даже, что уже въ существующемъ языкѣ готовы термины для выраженія ступеней сознательности различныхъ познавательныхъ движеній и ихъ продуктовъ, и что остается только болѣе точно опредѣлить значеніе этихъ терминовъ, чтобы получить правильно-организованную систему знаковъ для отдѣленія всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ познавательной дѣятельности на рассмотрѣнныхъ

степеняхъ ея осложненія. Пользуясь этими готовыми средствами языка, частію народнаго, частію литературнаго, можно выразить наглядно содержаніе познавательной дѣятельности различнаго развитія слѣдующею системою терминовъ:

Познавательная дѣятельность:

	Бессозна- тельная:	Сознатель- ная:	Произволь- ная:	Методиче- ская:
Периферич. движе- нія, ослабляющія познавательнымъ матеріаломъ:	Ощущеніе.	Воспріятіе.	Наблюденіе.	Экспериментъ.
Продукты этихъ движеній	Ощущенія.	Воспріятія.	Наблюденія.	Данная экспе- римента или научные факты.
Центральныя или уств. движенія:	Ассоціація.	Мышленіе.	Размышленіе.	Изслѣдованіе.
Ихъ продукты . .	Конкретныя представленія.	Конкретныя понятія.	Отвлеченныя понятія.	Научныя идеи.
Периферич. движе- нія, направленныя къ выражен. уств. приобрѣтеній:	Языкъ.	Рѣчь.	Разсужденіе.	Изложеніе.
Продукты этихъ движеній	Звуки.	Имена.	Названія.	Термины.
Общіе результаты познават. дѣятель- ности:	Опытъ.	Знаніе.	Познанія.	Наука.

Опредѣливъ точнѣе главныя ступени познавательной дѣятельности, мы должны условиться теперь лишь относительно способовъ ихъ общаго обозначенія. Названія бессознательно-непроизвольной, непроизвольно-сознательной, произвольно-сознательной и методически-произвольной ступеней познавательной дѣятельности конечно пригоднѣ всего и мы часто будемъ ими пользоваться; но, во первыхъ, они слишкомъ длинны и сложны для постоянного употребленія; во вторыхъ они составлены изъ понятій соотносительныхъ, что легко можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Въ смыслъ краткости конечно уже удобнѣе сокращенныя изъ предыдущихъ названія: бессознательной, сознательной, произвольной и методи-

ческой познавательной дѣятельности. Но эти названія, будучи короче, зато менѣ точны и во всякомъ случаѣ всетаки относительны. Менѣ относительны, но зато совершенно формальны будутъ обозначенія ступеней познавательной дѣятельности терминами: первичной, вторичной, третичной, четвертой степени и проч. Однако другого выбора у насъ пока нѣтъ и мы должны довольствоваться приведенными названіями, не забывая только одного, что каждая изъ обозначенныхъ ступеней познавательной дѣятельности тѣсно связана и съ предъидущею и съ послѣдующею, — съ предъидущею, какъ съ основою, изъ которой она сама развивается, — съ послѣдующею, какъ съ продуктомъ дальнѣйшаго своего осложненія. Въ этомъ смыслѣ бессознательная познавательная дѣятельность есть основа сознательной, сознательная — продуктъ развитія бессознательной и основа произвольной, произвольная — продуктъ развитія сознательной и основа развитія методической, методическая — продуктъ развитія произвольной; или, выражая тоже самое другими словами: методическая ступень познавательной дѣятельности есть лишь высшій видъ произвольной, произвольная — высшій видъ сознательной, сознательная — высшій видъ бессознательной. Только помня эту тѣсную связь ступеней познавательной дѣятельности, можно надѣяться избѣгнуть односторонности и ошибокъ при ея изслѣдованіи.

Въ заключеніе коснемся еще вопроса: насколько эти ступени познавательной дѣятельности, идеи которыхъ пріобрѣтены нами помощью дедукціи, воплощаются въ дѣйствительной жизни. Въ дѣйствительной жизни конечно, какъ уже видно и изъ самаго происхожденія означенныхъ ступеней познанія, только развѣ бессознательная дѣятельность, какъ низшая, можетъ быть встрѣчена независимо отъ всѣхъ прочихъ; сознательная же конечно не исключаетъ бессознательную, а идетъ съ нею рука объ руку; произвольная точно также идетъ рука объ руку съ сознательной и бессознательной; методическая сопровождается одновременно — произвольной, сознательной и бессознательной. Въдѣ и во всей природѣ низшіе процессы и явленія всегда сопровождаютъ высшія, и участіе первыхъ даже необходимо для осуществленія вторыхъ; точно также и низшія тѣла сосуществуютъ съ высшими и, безъ содѣйствія первыхъ, бытіе вторыхъ было бы не мыслимо. Совершенно тотъ же законъ разумѣется имѣетъ приложеніе въ частности

и къ психическимъ явленіямъ и процессамъ. Поэтому вопросъ о дѣйствительномъ воплощеніи различныхъ ступеней познавательной дѣятельности въ существованіи разнообразныхъ организмовъ можетъ быть поставленъ только въ слѣдующей формѣ: существуютъ ли организмы, которымъ доступна только бессознательная познавательная дѣятельность; существуютъ ли организмы, которымъ, рядомъ съ бессознательною, доступна только сознательная познавательная дѣятельность и т. д.? На этотъ вопросъ должно отвѣчать утвердительно. Многимъ животнымъ, дѣтямъ въ первые мѣсяцы жизни, а также и взрослымъ людямъ, съ низшимъ или болѣзненно искаженнымъ умственнымъ развитіемъ (нѣкоторые расы дикарей, идіоты, многіе душевнобольные), доступна лишь самая низшая или бессознательная познавательная дѣятельность, съ которою впрочемъ и каждый развитой человекъ знакомъ во снѣ, т. е. изъ сновидѣній. Бессознательная и сознательная ступени познавательной дѣятельности доступны совмѣстно нѣкоторымъ высшимъ животнымъ (которыя способны судить и дѣлать простѣйшія умозаключенія), дѣтямъ въ низшемъ возрастѣ (пока они не привыкнутъ размышлять и рассуждать) и людямъ низшаго умственного уровня и развитія, т. е. стоящимъ на низшей степени культуры и самосознанія. Произвольная познавательная дѣятельность, рядомъ съ сознательной и бессознательной, доступна всѣмъ людямъ мало мальски развитымъ, хотя бы они принадлежали и къ низшимъ слоямъ культурнаго общества. Методическая познавательная дѣятельность, на ряду съ другими, доступна всѣмъ людямъ научно-образованнымъ, хотя конечно опять въ различной степени: высшія формы ея извѣстны только людямъ науки, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. специалистамъ знанія (да и то далеко не всѣмъ!).

Стало быть, о дѣйствительномъ воплощеніи познавательной дѣятельности различныхъ ступеней развитія совершенно законно говорить; но необходимо при этомъ помнить, что мы пока разсмотрѣли лишь самыя выдающіяся изъ нихъ, что рядомъ съ главными существуетъ еще много второстепенныхъ, переходныхъ, и что поэтому нужно обращаться съ приведенными выше понятіями весьма осторожно и не сблизать, при посредствѣ ихъ, существъ, обладающихъ всетаки далеко не тождественнымъ познавательнымъ уровнемъ. Вѣдь и то надо принять во вниманіе, что напр., при совмѣстномъ развитіи бессознательныхъ, сознательныхъ и произвольныхъ процессовъ, относительноное преобладаніе тѣхъ или другихъ можетъ быть весьма

различно: произвольные процессы могут имѣть перевѣсъ надъ сознательными и бессознательными; но можетъ случиться и на оборотъ, что они почти совсѣмъ ступеваются передъ процессами низшаго порядка. То же самое возможно конечно и въ другихъ случаяхъ. Слѣдовательно приложеніе настоящей теоріи къ жизни должно сопряжаться во всякомъ случаѣ большою осмотрительностью.

Всѣ приведенныя соображенія сдѣлаются впрочемъ еще понятнѣе при специальномъ анализѣ умственныхъ процессовъ. Для этого послѣдняго теперь, кажется, достаточно подготовлена почва, и остается надѣяться, что по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ умственной дѣятельности изложенная нами только что гипотеза общихъ ступеней развитія познавательной дѣятельности оправдается; а это уже будетъ весьма много, ибо умственные процессы, какъ уже не разъ было указано, составляютъ главное ея зерно. Изслѣдованіемъ этихъ умственныхъ процессовъ мы теперь и займемся.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБЩИЙ СОСТАВЪ И СТУПЕНИ РАЗВИТІЯ УМСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

Мы опредѣлили «умственные процессы» какъ ряды или преемства дѣятельныхъ центральныхъ оборотовъ, направленныхъ къ развитію явленій объективной воспримчивости, т. е. ощущеній въ идеи и менѣ сложныхъ идей въ болѣе сложныя, или иначе — какъ преемства движеній и дѣйствій, составляющихъ центръ тяжести означенныхъ оборотовъ. «Умственная дѣятельность» есть конечно вся совокупность умственныхъ процессовъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи понятій процессовъ, оборотовъ и движеній, съ которыми намъ и впредь постоянно придется имѣть дѣло.

Психическій процессъ есть вообще смѣня психическихъ явленій, а такъ какъ всякая смѣня психическихъ явленій разложима на послѣдовательный рядъ психическихъ оборотовъ, то психическій процессъ есть ничто иное, какъ преемство или рядъ психическихъ оборотовъ. Такъ какъ эти обороты въ сложномъ организмѣ бываютъ страдательные и дѣятельные, то таковыми же конечно могутъ быть и преемства ихъ, т. е. психическіе процессы. Страдательный психическій процессъ, по характеру составляющихъ его оборотовъ, есть по преимуществу смѣня явленій; дѣятельный процессъ, по характеру соответствующихъ оборотовъ, есть по преимуществу преемство движеній (или дѣйствій). Дѣятельный процессъ есть въ то же время и процессъ по преимуществу, ибо въ понятіи «процесса» лежитъ уже идея движенія и соответствующаго ему измѣненія. Поэтому то мы не разъ и противопоставляли психическіе процессы психическимъ явленіямъ, разумѣя въ особенности тѣ дѣятельные процессы, которые

направлены къ измѣненію и осложненію самихъ явленій сознанія. Этого рода дѣятельные процессы мы называли иначе процессами развитія психическихъ явленій и признали ихъ центральными, въ противоположность тѣмъ дѣятельнымъ процессамъ, такъ сказать периферическимъ, которые состоятъ изъ движеній, направленныхъ къ измѣненію внѣшнихъ отношеній въ средѣ и въ физическомъ организмѣ; къ центральнымъ процессамъ развитія психическихъ явленій принадлежатъ конечно и умственные процессы.

Слѣдовательно понятіе процесса можно принимать въ широкомъ и въ болѣе тѣсномъ значеніи. Въ такомъ двойномъ значеніи употребляетъ его и фізіологія организма: въ широкомъ смыслѣ слова процессомъ называется въ организмѣ всякая смѣна явленій, хотя бы эта смѣна имѣла совершенно случайный и пассивный характеръ, — въ тѣсномъ смыслѣ фізіологическими процессами называются лишь болѣе опредѣленные смѣны явленій, имѣющія подкладкою какія-нибудь движенія органовъ, соответствующія ихъ назначенію въ организмѣ, вслѣдствіе чего понятіе процесса иначе выражается понятіемъ «отправленія» того или другого органа: говоря напр. о пищеварительныхъ процессахъ, разумѣютъ обыкновенно дѣятельныя отправленія пищеварительныхъ органовъ, а не всякую вообще смѣну явленій въ этихъ органахъ, напр. ту, которая связана съ возстановленіемъ собственнаго ихъ вещества, или же съ измѣненіемъ ихъ состава, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь особыхъ болѣзненныхъ причинъ. Однако и такія пассивныя смѣны явленій, въ широкомъ смыслѣ слова, тоже называются «процессами»; но это уже другого рода процессы — процессы общіе, напр. процессы питанія тканей, и затѣмъ процессы патологическіе, въ отличіе отъ собственно фізіологическихъ. Совершенно то же словоупотребленіе можно конечно перенести и въ область психологическую, называя психическимъ процессомъ въ обширномъ значеніи всякую смѣну явленій сознанія, въ тѣсномъ смыслѣ слова — лишь такую смѣну, которая, имѣя подкладкою извѣстныя психическія движенія, представляется опредѣленнымъ отправленіемъ той или другой сферы сознанія. Въ этомъ-то тѣсномъ значеніи мы и будемъ понимать терминъ «процесса», говоря объ умственныхъ процессахъ.

Итакъ умственные процессы, какъ одна область центральныхъ процессовъ психическаго развитія, представляютъ преемства извѣстныхъ движеній. Каковы эти движенія съ фізіологической стороны наука пока не знаетъ: фізіологія мозга еще не изслѣдовала этихъ

движеній и характера ихъ не опредѣлила; болѣе того — она даже далеко еще не опредѣлила самыхъ способовъ наблюденія и экспериментациі надъ этими движеніями, которыя конечно всего менѣе доступны внѣшнему опыту изъ числа всѣхъ физиологическихъ движеній въ организмѣ. Извѣстный приѣмъ «трепанациі мозга» представляется конечно однимъ изъ самыхъ трудныхъ приѣмовъ физиологической экспериментациі, да и въ случаѣ успѣха онъ не приводитъ еще пока ни къ какимъ существеннымъ результатамъ (по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія физиологіи психической дѣятельности), ибо элементы мозга принадлежатъ къ числу самыхъ мелкихъ, для простаго глаза недоступныхъ, а наблюдать детальные процессы, совершающіеся въ мозгу, помощью микроскопа или какого-нибудь другого инструмента физиологія еще не научилась. Тѣмъ не менѣе самый фактъ существованія физиологическихъ движеній мозга или въ мозгу не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо постепенно совершающіяся, въ связи съ психическою дѣятельностью, перемѣны въ его строеніи и измѣненія въ характерѣ и отношеніи его элементовъ (о которыхъ можно косвенно заключать хотя бы изъ сравненія микроскопическихъ элементовъ мозга у мертвыхъ организмовъ того же вида, но различнаго возраста и развитія) иначе и не объяснимы, какъ помощью «движеній».

Но если умственные движенія недоступны еще со стороны физиологической, то со стороны психологической или со стороны сознанія они болѣе или менѣе доступны наблюденію, — вслѣдствіе чего для обозначенія ихъ различныхъ видовъ и существуютъ уже давно различныя психологическія понятія. Одни умственные движенія называются «процессами ассоціациі», другія — «процессами сужденія и умозаключенія», третьи, еще болѣе сложныя, — «процессами анализа и синтеза», четвертые — «процессами индукціи и дедукціи» и т. д. Къ сожалѣнію, внутренняя природа и истинное отношеніе всѣхъ этихъ движеній и преемствъ движеній далеко еще не опредѣлена, — вслѣдствіе того, что каждый ихъ видъ изслѣдовался большею частью особо и самостоятельно отъ другихъ, на основаніи ходячихъ представленій о его составѣ, и притомъ почти всегда въ связи съ какими-нибудь метафизическими теоріями о сущности «души», о законахъ «ума», о природѣ «сознанія» и т. д. Даже понятіе «движенія» примѣнялось къ области умственныхъ процессовъ весьма рѣдко и, когда примѣнялось, то всегда, начиная съ Аристотеля и кончая Тренделенбургомъ, подъ какимъ-нибудь метафизическимъ угломъ зрѣнія: теоріи умственныхъ

движеній, другими словами, всегда предшествовала метафизическая теорія о «движеніи вообще».

Нечего и говорить, что мы разумѣемъ подъ умственными движеніями совершенно эмпирической фактъ: а именно тѣ, съ одной стороны физиологическія, съ другой — психическія пережѣны, благодаря которымъ между объективными воспріятіями или явленіями объективной воспримчивости устанавливается извѣстная связь или извѣстная отношенія, которыя первоначально, т. е. при поступленіи ихъ въ сензоріумъ,¹⁾ не существовали. Мы ставимъ тезисомъ, что всѣ эти движенія однородны и сводятся къ немногимъ первоначальнымъ формамъ, которыя постепенно все болѣе и болѣе осложняются; другими словами, мы утверждаемъ, что болѣшая часть умственныхъ движеній, считавшихся прежде совершенно разнородными, отличаются другъ отъ друга не качественно и по самой своей природѣ, а, такъ сказать, количественно — по сложности своего состава. Основными движеніями или процессами не только умственного развитія, но и всякаго психического развитія или осложненія психическихъ явленій, мы признали въ свое время процессы ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи (ср. въ Психологійи чувствованій, Главу XII) и къ этимъ или подобнымъ процессамъ мы надѣемся свести всѣ умственные процессы: сужденія и вывода, анализа и синтеза, индукціи и дедукціи, и т. д. На сколько попытка эта намъ удастся, увидитъ самъ читатель. Мы впрочемъ и не думаемъ, чтобы она удалась намъ сразу, потому что она представляетъ задачу, по своей сложности и трудности разрѣшимую лишь постепенно, къ которой и мы сами еще не разъ, надо надѣяться, воротимся, которой можетъ быть посвящать свои силы, вслѣдъ за нами, и многіе другіе изслѣдователи. Но мы всетаки надѣемся доказать и въ настоящемъ сочиненіи, что это попытка осуществима и объщаетъ важные результаты въ будущемъ, именно съ точки зрѣнія того взгляда на «психическія» и въ частности «умственные движенія», на которую мы стали.

О конечной цѣли своего анализа умственныхъ процессовъ мы потому сочли нужнымъ объявить съ самаго начала, чтобы мотивировать

¹⁾ Этотъ терминъ, по обычаю многихъ психологовъ, мы будемъ употреблять для обозначенія совокупности центровъ психической дѣятельности съ точки зрѣнія психологической, а не физиологической, т. е. какъ психологической коррелятъ понятія мозга.

передъ читателемъ тотъ порядокъ изложенія, который мы намѣрены вслѣдъ за тѣмъ принять: сначала мы подвергнемъ новому пересмотру и нѣкоторымъ исправленіямъ и дополненіямъ свою общую теорію процессовъ психическаго развитія, однажды уже изложенную въ «Психологій чувствованій»; затѣмъ перейдемъ къ изслѣдованію различныхъ частныхъ сферъ умственной дѣятельности, съ цѣлью сведенія всѣхъ умственныхъ процессовъ къ немногимъ первоначальнымъ видамъ движеній.

Главными процессами психическаго развитія мы признали въ «Психологій чувствованій», основываясь по преимуществу на Спенсерѣ, процессы интеграціи и дифференціаціи, къ которымъ, по мнѣнію Спенсера въ его «Началахъ философіи», сводится развитіе не только организмовъ, но и неорганическихъ тѣлъ. Въ области психологической, къ которой самъ Спенсеръ всего менѣе прилагалъ означенныя понятія, мы признали интеграціей — процессъ образованія изъ единичныхъ психическихъ явленій такихъ новыхъ цѣльныхъ агрегатовъ, въ которыхъ утрачивается самостоятельное значеніе ихъ элементовъ, дифференціаціей — процессъ распаденія этихъ цѣльныхъ агрегатовъ на рядъ болѣе частныхъ или спеціальныхъ.¹⁾ Стараясь опредѣлить всю совокупность условій этихъ двухъ главныхъ процессовъ интеграціи и дифференціаціи, мы пришли къ выводу, что этимъ процессамъ предшествуютъ другіе, болѣе простые, служащіе необходимою къ нимъ подготовкою. Процессу интеграціи предшествуютъ процессы памятованія (или образованія слѣдовъ) и ассоціаціи, процессу дифференціаціи — процессы забвенія и диссоціаціи, какъ мы въ то время выражались. Мы старались точно формулировать частныя условія каждаго изъ этихъ процессовъ и ихъ взаимную связь, и въ концѣ концовъ пришли къ выводу, что настоящими процессами развитія или измѣненія психическихъ явленій можно признать только процессы ассоціаціи и интеграціи, диссоціаціи и дифференціаціи, — процессы же памяти и забвенія суть лишь чисто отрицательныя условія развитія и осложненія явленій сознанія, ибо они сами по себѣ «ничего существеннаго не измѣняютъ въ явленіяхъ элементарнаго (вообще даннаго) характера, а

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ «Психол. чувствов.» стр. 483—485.

только закрѣпляютъ или ступшевываютъ ихъ въ сознаниі» (см. тамъ же, стр. 493). Эту мысль, высказанную въ то время лишь мимоходомъ и не достаточно сознательно, необходимо теперь развить подробнѣе.

Если мы вникнемъ болѣе внимательно въ процессы памяти и забвенія, то въ свою очередь принуждены будемъ въ большинствѣ случаевъ признать образованіе или закрѣпленіе и ступшевываніе слѣдовъ психическихъ явленій лишь продуктомъ процессовъ ассоціаціи и интеграціи, диссоціаціи и дифференціаціи. Дѣйствительно: изъ всѣхъ отмѣченныхъ нами условій образованія слѣдовъ психическихъ явленій (см. тамъ же, стр. 488) только одно повидимому исключаетъ необходимость процессовъ ассоціаціи и интеграціи, — а именно «сила или интенсивность раздраженія», вслѣдствіе которой въ сознаниі прочно напечатлѣваются извѣстныя ощущенія, чувствованія и т. д. Но дѣло въ томъ, что и сильное единичное раздраженіе напечатлѣвается въ сознаниі не сразу, а лишь вслѣдствіе, такъ сказать, послѣдовательнаго ряда мелкихъ раздраженій, хотя бы вызванныхъ и однимъ толчкомъ, внѣшнимъ или внутреннимъ: слѣды этихъ мелкихъ раздраженій ассоціируются и интегрируются въ одно цѣлое и лишь этимъ путемъ образуется сознательный слѣдъ извѣстнаго психическаго возбужденія. Вторымъ условіемъ образованія слѣда въ сознаниі мы признали «продолжительность дѣйствія» впечатлѣнія или «повтореніе» этого дѣйствія; но если самое впечатлѣніе или раздраженіе разложимо на рядъ единичныхъ элементовъ, другъ за другомъ слѣдующихъ, то нечего и говорить, что сознательный слѣдъ образуется путемъ ассоціаціи и интеграціи болѣе мелкихъ слѣдовъ, которые сами по себѣ безсознательны. Третье и четвертое условія образованія слѣда: «вниманіе» и «припоминаніе» даннаго впечатлѣнія по связи съ другими. Сосредоточеніе вниманія на извѣстномъ впечатлѣніи, какъ мы уже говорили въ свое время (ср. стр. 491), въ сущности возможно только по связи и ассоціаціи даннаго впечатлѣнія съ какими-либо иными; слѣдовательно образованіе слѣда и въ этомъ случаѣ основано опять на ассоціаціи и интеграціи нѣсколькихъ впечатлѣній, хотя бы и разнородныхъ. Припоминаніе, наконецъ, будучи очевидно лишь орудіемъ дальнѣйшаго закрѣпленія уже существующихъ слѣдовъ, а не образованія совершенно новыхъ, даже вдвойнѣ основано на ассоціаціи впечатлѣній, ибо воспроизведеніе ихъ возможно только на почвѣ прежнихъ ассоціацій, и затѣмъ это воспроизведеніе ведетъ опять къ ассоціаціямъ и интеграціямъ между прежними и данными вновь впечатлѣніями. Стало быть, можно вообще признать несомнѣннымъ

фактомъ, что образованіе сознательныхъ слѣдовъ какихъ-нибудь вышнихъ впечатлѣній или внутреннихъ раздраженій совершается при болѣе или менѣе значительномъ участіи процессовъ ассоціаціи и интеграціи (въ новое цѣлое) единичныхъ впечатлѣній и раздраженій, или же ихъ элементовъ. Остаются слѣды безсознательные; но образованіе безсознательныхъ слѣдовъ очевидно не есть особый отъ даннаго психическаго возбужденія процессъ, а лишь обратная его сторона: каждое психическое возбужденіе, сопровождаясь физиологическою перемѣною въ мозгу, которая остается и по минованіи ея причины, тѣмъ самымъ оставляетъ въ сензоріумѣ безсознательный слѣдъ, который при повтореніи того же возбужденія присоединяется къ этому послѣднему, т. е. воспроизводится. Эти безсознательные слѣды, недоступные даже внутреннему наблюденію суть своего рода психическіе атомы, изъ которыхъ и образуются тѣ замѣтныя для сознанія единицы, которыя называются психическими явленіями. Но въ такомъ случаѣ конечно нѣтъ никакого основанія говорить о процессѣ образованія слѣдовъ, какъ объ особомъ психическомъ процессѣ: этотъ процессъ или есть обратная сторона процессовъ ассоціаціи и интеграціи, или обратная сторона процесса непосредственнаго психическаго возбужденія.

Точно такимъ же способомъ и процессъ забвенія есть: или обратная сторона процесса диссоціаціи и дезинтеграціи, или обратная сторона отрицательнаго факта — отсутствія, въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, того психическаго возбужденія, которое необходимо для поддержанія слѣда въ сензоріумѣ. Особо доказывать это утвержденіе разумѣется нѣтъ и надобности, ибо процессъ забвенія прямо противоположенъ процессу памятованія, вслѣдствіе чего и условія этихъ процессовъ должны быть противоположны другъ другу.

Итакъ единственными самостоятельными процессами психическаго развитія, т. е. единственными видами центральныхъ движеній, производящихъ какія-либо измѣненія въ отношеніяхъ данныхъ психическихъ явленій, должно считать только процессы ассоціаціи и интеграціи и ихъ отрицательные коррелаты; предварительнымъ же условіемъ, т. е. *conditio sine qua non*, этихъ процессовъ конечно является наличность или отсутствіе извѣстныхъ психическихъ возбужденій, неизбежно оставляющихъ слѣдъ въ сензоріумѣ.

Переходя къ теоріи процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи, изложенной нами въ «Психологіи чувствованій»,

мы должны сознаться однако, что и она требует новыхъ разъясненій и даже исправленій. Дѣло въ томъ, что эти четыре понятія не выражаютъ еще всѣхъ существенныхъ процессовъ измѣненія явленій сознанія и что они должны быть дополнены еще двумя понятіями. Одно изъ этихъ послѣднихъ въ наукѣ уже давно принято: это — понятіе дезинтеграціи; другое, по формѣ тоже не представляющее ничего новаго, явится само собою, если мы ближе вникнемъ въ отношенія процессовъ интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Эти отношенія сводятся къ тому, что дифференціація есть процессъ составной, въ который входятъ, какъ элементы, процессы интеграціи и дезинтеграціи. Дѣйствительно: при дифференціаціи интегрированнаго цѣлаго прежде всего происходятъ новыя интеграціи между частными элементами, его составляющими, затѣмъ оно само до извѣстной степени должно дезинтегрироваться, чтобы изъ него получилось нѣсколько самостоятельныхъ меньшихъ цѣлыхъ. Отсюда между прочимъ слѣдуетъ, что прямо противопологать процессъ дифференціаціи процессу интеграціи, какъ мы это дѣлали прежде, неправильно: процессу интеграціи противоположенъ не процессъ дифференціаціи, а процессъ дезинтеграціи, и ужъ изъ сочетанія этихъ двухъ процессовъ составляетъ болѣе сложный процессъ дифференціаціи. Если мы теперь проведемъ параллель между только-что рассмотрѣнными сложными процессами и болѣе простыми имъ предшествующими и ихъ обуславливающими, то и тутъ признаемъ необходимость постановки параллельнаго новаго понятія. Интеграція, какъ мы говорили, предполагаетъ ассоціацію, т. е. органическое соединеніе требуетъ предварительнаго механическаго. Диссоціація же собственно предваряетъ не дифференціацію, а болѣе элементарный процессъ дезинтеграціи, ибо — какъ дезинтеграція есть простое распаденіе органическаго единства, такъ и диссоціація есть простое уничтоженіе механической связи. Но затѣмъ процессы ассоціаціи и диссоціаціи въ свою очередь могутъ соединиться вмѣстѣ, какъ и процессы интеграціи и дезинтеграціи: другими словами, ассоціація можетъ вызвать неизбѣжную извѣстную диссоціацію и этотъ то соединенный процессъ ассоціаціи и диссоціаціи, который мы назовемъ процессомъ дисассоціаціи (т. е. диссоціаціи, вызванной ассоціаціей), и есть очевидно непосредственно условіе составнаго процесса дифференціаціи, — ибо для того, чтобы органическое цѣлое распалось на нѣсколько меньшихъ органическихъ цѣлыхъ, мало новыхъ ассоціацій его частныхъ элементовъ: необходимо и рядъ неизбѣжно связанныхъ съ ними диссоціацій между элементами

которые прежде были ассоцированы; иначе говоря, новая механическая комбинация элементов другъ съ другомъ въ извѣстныхъ случаяхъ приводитъ къ разрушенію старой¹⁾).

Такимъ образомъ, въ результатъ оказывается, что центральныя психическія движенія и преемства движеній, измѣняющія отношенія между данными психическими явленіями и служащія источникомъ развитія этихъ послѣднихъ, могутъ быть сведены къ шести родамъ. Эти движенія, или процессы, суть: процессы ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи; интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Разберемъ теперь подробнѣе отношенія ихъ между собою.

Процессы первой серіи мы уже назвали механическими, процессы второй серіи — органическими. Объяснять эти термины едва ли нужно, ибо они давно приняты въ наукѣ, какъ способы выраженія двоякаго рода связи между какими-нибудь предметами и явленіями, а именно связи незаконченной, такъ сказать поверхностной и случайной, которая не измѣняетъ свойствъ данныхъ элементовъ и можетъ прекратиться, тоже не повліявъ на эти свойства, и связи законченной, необходимой, и на столько глубокой, что въ ней исчезаютъ свойства элементовъ, какъ особыхъ единицъ. Примѣровъ такой двоякой связи элементовъ много во всей природѣ; мы можемъ видѣть подобіе ея и въ двоякаго рода соединеніяхъ неорганическихъ веществъ, о которыхъ учитъ химія, — а именно въ соединеніяхъ въ видѣ про-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что составные процессы диссоціаціи и дифференціаціи могутъ имѣть только одно теченіе, а не два: ассоціація можетъ вызвать неизбѣжно извѣстную диссоціацію, интеграція — извѣстную дезинтеграцію; но обратный случай, чтобы диссоціація вызвала съ необходимостью извѣстную ассоціацію, дезинтеграція — интеграцію, совершенно невозможенъ. Мы это говоримъ тѣмъ сознательнѣе, что сами прежде думали противоположное; но должны были при ближайшемъ анализѣ отказаться отъ такого мнѣнія. На первый взглядъ можетъ казаться напр., что если представленіе объ извѣстной комнатѣ диссоціировалось отъ представленія темноты, съ которыми оно было прежде ассоціировано, то оно должно ео ірсо ассоціироваться съ представленіемъ свѣта; но это обманъ сознания: если мы спросимъ себя, почему представленія комнаты и темноты диссоціировались, то придется отвѣтить «а потому, что представленіе комнаты ассоціировалось съ противоположнымъ представленіемъ свѣта». Вообще, если ассоціація можетъ съ необходимостью вызвать извѣстную диссоціацію, то никакъ не на оборотъ, ибо всякая диссоціація оставляетъ открытое поле для нѣсколькихъ различныхъ ассоціацій и ни одной не опредѣляетъ съ неизбѣжностью. Тоже самое относится конечно и къ преемству процессовъ интеграціи и дезинтеграціи.

стой смѣси и въ такихъ соединеніяхъ, которыя образуютъ нѣчто новое, отличное отъ первоначальныхъ элементовъ (какъ напр. вода, составляющая неразрывное соединеніе двухъ газовъ: водорода и кислорода). Отношенія процессовъ механическихъ, взятыхъ въ отдѣльности, другъ къ другу, и параллельно органическихъ — тоже другъ къ другу, мы уже разъяснили: два первые процесса каждаго ряда прямо противоположны одинъ другому, два остальные составляютъ результатъ сочетанія упомянутыхъ противоположныхъ процессовъ каждой группы. Поэтому мы теперь остановимся подробнѣе на разборъ отношенія процессовъ механическихъ вообще къ органическимъ вообще.

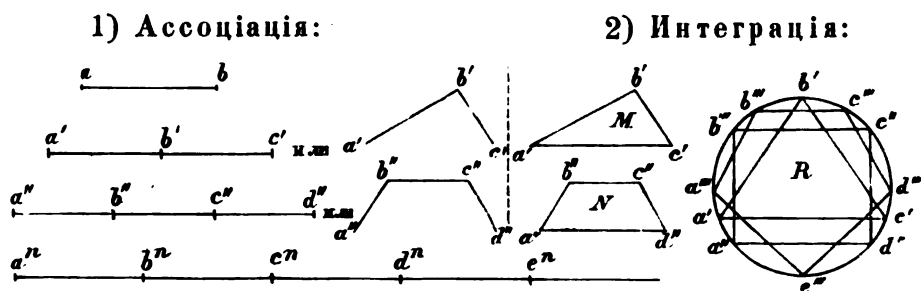
Отношеніе это можно сравнить съ отношеніемъ процессовъ сложения, вычитанія и т. д., съ одной стороны, къ процессамъ подведенія окончательной суммы, разности и проч., съ другой, — въ математикѣ. Но «*comparaison n'est pas raison*», — и сравненіемъ мы не удовольствуемся.

Если мы остановимся подробнѣе на анализъ отношеній процессовъ ассоціаціи и интеграціи и выяснимъ ближе характеръ отношенія этихъ двухъ процессовъ, то намъ сдѣлаются понятны конечно и параллельныя имъ отношенія прочихъ процессовъ: диссоціаціи и дезинтеграціи, дисассоціаціи и дифференціаціи. Поэтому спрашивается, какое существуетъ различіе и чтó общаго между процессами ассоціаціи и интеграціи? Различіе этихъ процессовъ мы уже опредѣлили изъ свойства ихъ результатовъ: ассоціація связываетъ, не разрушая элементовъ, интеграція связываетъ въ ущербъ элементамъ, которые въ этой связи исчезаютъ какъ самостоятельныя единицы и получаютъ новыя функціи какъ части извѣстнаго цѣлаго. Но всетаки уже и въ «Психологій чувствованій» мы разсматривали ассоціацію только какъ фазисъ или моментъ интеграціи: ассоціація есть ступень къ интеграціи, есть такъ сказать незаконченная интеграція; интеграція есть напротивъ завершеніе ассоціаціи или законченная ассоціація. Изъ такого сопоставленія возникаетъ вообще вопросъ, заключаетъ ли въ себѣ процессъ интеграціи, какъ процессъ, нѣчто новое и оригинальное сравнительно съ процессомъ ассоціаціи, или онъ долженъ быть признанъ только комбинаціею ассоціацій? Иначе сказать, представляетъ ли интеграція особый родъ движенія или она есть лишь извѣстная совокупность или преемство движеній ассоціативныхъ.

Такъ какъ мы говоримъ объ ассоціаціи и интеграціи психическихъ явленій, то изъ этой области и возьмемъ примѣры для

анализа. Положимъ мы сидимъ въ концертѣ, довольно далеко отъ сцены, да къ тому же отличаемя близорукостью и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о различіи струнныхъ инструментовъ: вышелъ артистъ, мелькнулъ въ воздухѣ какой-то коричневый предметъ и полились звуки: ощущение известнаго цвѣта и ощущение какой-то неопредѣленной формы ассоціровалось въ нашемъ умѣ съ известнымъ преемствомъ звуковыхъ ощущений, и больше ничего. Но вотъ въ антрактѣ мы случайно встрѣчаемъ въ корридорѣ носъ къ носу артиста съ его инструментомъ, бесѣдующаго съ какимъ-нибудь любителемъ изъ публики. Мы подходимъ поближе, становимся въ сторонку и разсматриваемъ инструментъ: скрипку мы немного знаемъ, виолончель тоже; но это ни то, ни другое, — больше скрипки, но меньше виолончели. Собесѣдники упоминаютъ часто объ альтѣ, кивая на данный инструментъ; ощущения цвѣта, формы, величины становятся опредѣленнѣе и ассоціируются полнѣе, ассоціируются они и съ суммою ощущенийъ отъ слышанныхъ ранѣе звуковъ, ассоціируются наконецъ и съ именемъ, случайно нами услышаннымъ, — и въ результатѣ является интегрированное цѣлое, новое для насъ представленіе объ альтѣ, какъ особомъ инструментѣ. Ничего, кромѣ ассоціацій, въ этомъ случаѣ не было; но онѣ совершили известныи кругъ — и получилась интеграція. Возьмемъ другой примѣръ. Ребенокъ видитъ постоянно въ своей дѣтской предметъ съ четырьмя ножками, на которомъ онъ играетъ въ игрушки: ему говорить, что это столъ; посреди столовой стоитъ предметъ гораздо больше, овальной формы съ шестью ножками, и про него говорятъ ему тоже, что это столъ: происходитъ ассоціація по сходству; въ гостиной стоитъ предметъ, состоящій изъ круглой доски, покрытой скатертью, съ одной ногою, внизу раздѣляющейся на три ножки: опять, говорятъ, столъ, — новая ассоціація; у отца въ кабинетѣ большая масса безъ ножекъ, покрытая зеленымъ сукномъ и въ серединѣ подъ доской имѣющая пу-стоту, — опять «столъ», — еще ассоціація. Такъ какъ эти формы постоянно повторяются и въ другихъ комнатахъ и въ другихъ квартирахъ, то всѣ частныя представленія ассоціируются другъ съ другомъ наконецъ совершенно прочно и окончательно, и является общее представленіе о столѣ, т. е. новое интегрированное цѣлое. Очевидно и тутъ опять нѣтъ ничего, кромѣ ассоціацій, но прошедшихъ известныи кругъ: представленіе *a* ассоціровалось съ представленіямъ *b*, *b* съ *c*, *c* съ *d* и *d* опять съ *a*, — кругъ закончился и рядъ ассоціацій привелъ къ интеграціи: явилось новое цѣлое — *N*.

Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ въ психической сферѣ, а мы думаемъ, что и во всякой, интеграція не есть особый процессъ, а есть лишь законченный или полный кругъ ассоціацій. Ощущеніе или представленіе a соединилось съ b , b съ c , c съ a — явилось законченное цѣлое $abc = M$. Представленіе a соединилось съ b , b съ c , c съ d , d въ свою очередь съ a , — опять кругъ закончился, и интегрированное цѣлое N явилось тоже продуктомъ ряда ассоціацій, и т. д. Мы думаемъ, что если хотѣтъ изобразить отношеніе процессовъ ассоціаціи и интеграціи схемами, то можно различныя ассоціаціи изобразить линіями, соединяющими точки, а интеграціи — линіями, замкнутыми въ плоскости, ибо такое соединеніе линій въ плоскости тоже даетъ новые продукты (плоскости) и не заключаетъ въ себѣ, какъ процессъ, ничего существенно новаго. Ассоціацію двухъ элементовъ сознанія можно изобразить одной линіей (ab), интеграція двухъ элементовъ конечно невозможна, ибо для интеграціи требуется нѣсколько ассоціацій, для чего необходимо не менѣе трехъ элементовъ; ассоціацію трехъ элементовъ, или двойную ассоціацію, можно изобразить схемою двухъ линій ($a'b'$ и $b'c'$), интеграцію трехъ элементовъ сознанія — схемою треугольника ($a'b'c' = M$); ассоціацію четырехъ элементовъ — схемою трехъ линій ($a''b''$, $b''c''$ и $c''d''$), интеграцію ихъ — схемою четырехугольника ($a''b''c''d'' = N$) и т. д. Ассоціацію многихъ элементовъ можно выразить безконечною линіею ($a^n b^n c^n d^n e^n \dots$), интеграцію — кругомъ (R), внутри котораго можно мыслить безконечное число разнообразныхъ фигуръ:

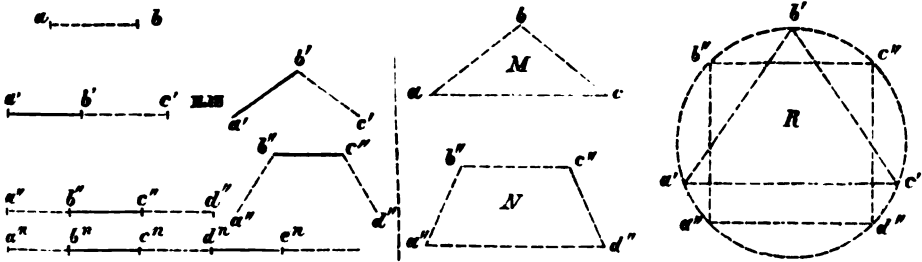
Схемы и въ данномъ случаѣ весьма наглядно поясняютъ идею. Но схемы конечно можно брать не только изъ геометріи, но напр. и изъ ариѳметики или алгебры, — и потому, если мы сравнили выше процессъ ассоціаціи съ процессомъ сложенія отдѣльныхъ величинъ, а

процессъ интеграціи съ процессомъ подведенія итога или общей суммы, то это сравненіе тоже можетъ быть обращено теперь въ схемы: $a + b + c + d$ — схема ассоціаціи, заключительное сочетаніе этихъ величинъ, $a + b + c + d + a = (a + b + c + d)$ въ сумму M — схема интеграціи.

Стало быть интеграцію можно опредѣлить какъ законченную совокупность ассоціацій. Точно также, разумеется, дезинтеграція есть законченный рядъ диссоціацій, дифференціація — законченный рядъ дисассоціацій. Эти отношенія можно тоже выразить геометрическими схемами. Для диссоціаціи и дезинтеграціи, изображая эти отрицательные процессы точками (вмѣсто линій), получимъ слѣдующія схемы:

1) Диссоціація:

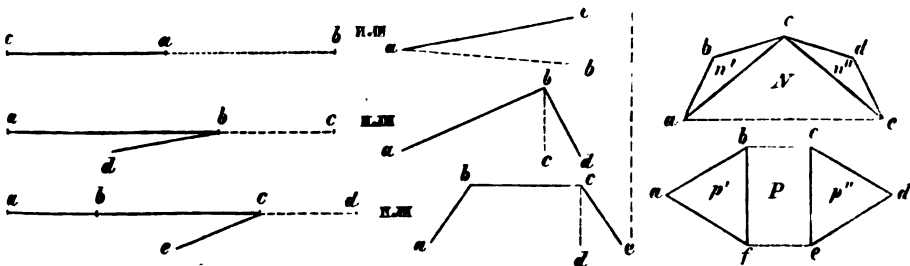
2) Дезинтеграція:

Схемы процессовъ дисассоціаціи и дифференціаціи будутъ, согласно тѣмъ же принципамъ, слѣдующія:

1) Дисассоціація:

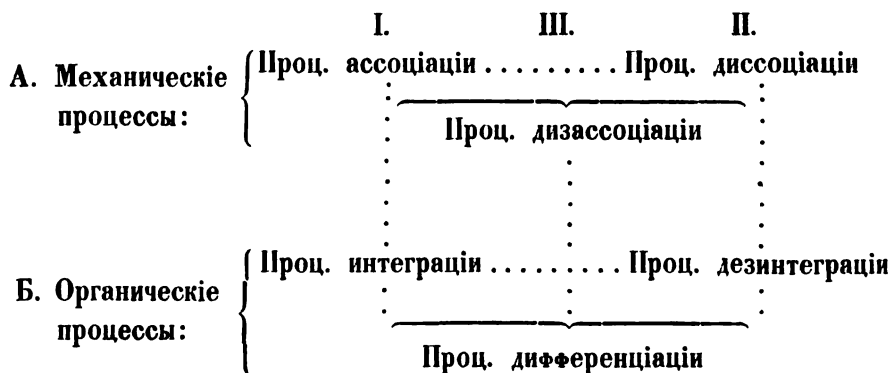
2) Дифференціація:

Здѣсь въ первой группѣ схемъ ассоціаціи между a и c , b и d , c и e вызвали диссоціаціи между a и b , b и c , c и d ; во второй группѣ дисассоціаціи, состоящая изъ новыхъ ассоціаціи c и a , c и e , съ одной

стороны, b и f , c и e — съ другой, и соответствующихъ имъ диссоціаціей между a и e , съ одной, b и c , f и e , съ другой стороны, вызвали дифференціаціи: N на меньшія цѣлыя n' и n'' , P — на части p' и p'' , или, говоря другими словами: новыя интеграціи элементовъ a b и c , c d и e — съ одной стороны, элементовъ a b и f , c d и e — съ другой, вызвали дезинтеграціи цѣлыхъ N и P , что и произвело дифференціаціи ихъ на n' и n'' , p' и p'' .

Итакъ, если результаты каждаго изъ двухъ процессовъ, составляющихъ три упомянутыя главныя группы процессовъ психическаго развитія, различаются другъ отъ друга качественно, то самыя процессы, сопоставленные попарно, различны только количественно, а не качественно. Если развить эту мысль подробнѣе, то окажется, что самымъ фундаментальнымъ или основнымъ изъ числа шести процессовъ, нами разобранныхъ, долженъ быть признанъ процессъ ассоціаціи: процессъ диссоціаціи есть только отрицательный коррелятъ этого послѣдняго, процессъ интеграціи — лишь законченный рядъ процессовъ ассоціаціи; далѣе процессъ дисассоціаціи есть необходимое преемство процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи; процессъ дезинтеграціи есть законченная совокупность процессовъ диссоціаціи или отрицательный коррелятъ процесса интеграціи; наконецъ процессъ дифференціаціи, самый сложный, является законченнымъ рядомъ дисассоціаціи или, что то же, необходимымъ преемствомъ процессовъ интеграціи и дезинтеграціи. Всѣ эти отношенія можно изобразить слѣдующею простою и наглядною схемою:

Въ виду тѣсной связи всѣхъ процессовъ психическаго развитія и той роли, которую играетъ среди нихъ процессъ ассоціаціи, можно между прочимъ объять всю ихъ совокупность въ понятіи процессовъ

ассоціаціи въ обширномъ значеніи этого слова и, выходя изъ этого соображенія, мы будемъ въ послѣдствіи часто, ради краткости, называть «процессами ассоціаціи» всѣ процессы психическаго развитія, приче́мъ уже изъ прочаго изложенія будетъ видно, въ какомъ значеніи — широкомъ или тѣсномъ — мы разумѣемъ это названіе.

Но если таково отношеніе механическихъ и органическихъ процессовъ осложненія психическихъ явленій другъ другу, то естественно, что эти понятія могутъ имѣть только относительный, а не абсолютный смыслъ. Они обозначаютъ очевидно не столько различіе самихъ процессовъ, сколько различіе ихъ продуктовъ; если же мы еще ближе вникнемъ въ дѣло, то окажется, что даже и въ примѣненіи къ этимъ продуктамъ понятія о механическихъ и органическихъ соединеніяхъ относительны. Послѣднее уже ясно и изъ различнаго значенія, въ которомъ они могутъ быть употребляемы и дѣйствительно часто употребляются въ наукахъ физическаго круга, когда рѣчь идетъ о соединеніяхъ вещественныхъ элементовъ природы. Мы уже говорили, что и неорганическія вещества могутъ соединяться другъ съ другомъ механически и органически (или химически), т. е. въ механическія сѣси и органическія единства; но въ свою очередь эти органическія единства считаются механическими соединеніями при сравненіи съ болѣе прочными единствами, которыя образуются изъ сочетанія ихъ другъ съ другомъ и которыя называются органическими тѣлами въ собственномъ значеніи этого слова; затѣмъ первоначальныя органическія тѣла, т. е. органическія клѣточки и нѣкоторыя ихъ соединенія, опять могутъ быть признаны механическими цѣлыми, сравнительно съ другими, болѣе сложными, органическими цѣлыми; такъ напр. растительныя органическія клѣточки и тѣла обыкновенно признаются болѣе механическими агрегатами сравнительно съ животными органическими клѣточками и тѣлами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ опять тѣ, которыя обладаютъ сложною нервною системою, дающею особое высшее единство частямъ, могутъ быть признаны болѣе органическими въ сравненіи съ другими животными тѣлами, въ которыхъ, при разбросанности и нѣкоторой независимости нервныхъ узловъ и волоконъ, связь элементовъ болѣе механическая, и т. д.¹⁾

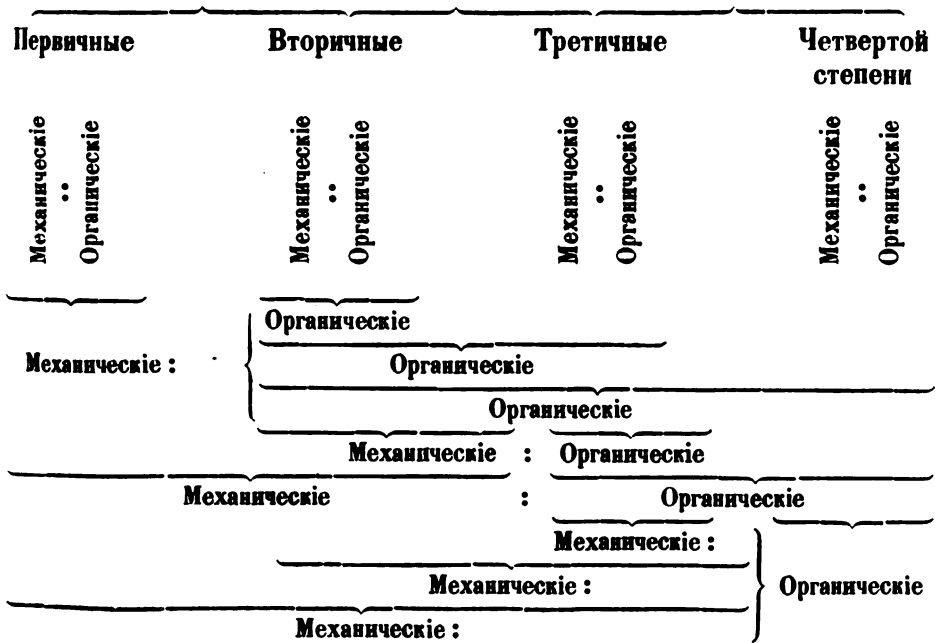
¹⁾ Относительность понятія «органическаго единства» въ природѣ тѣмъ болѣе несомнѣнна, что современная наука установила существованіе переходныхъ образованій между растительными и животными организмами, между неорганическимъ міромъ веществъ и организмами, и органическія ткани признала лишь болѣе сложными химическими соединеніями (откуда и возникла «органическая» химія).

Если мы обратимся теперь отъ соединеній веществъ къ соединеніямъ психическихъ явленій, то и тутъ точно также относительно понятій механическихъ и органическихъ ассоціацій вполне подтвердится. Напр. конкретное представленіе объ отдѣльномъ предметѣ, составленное изъ законченнаго ряда ассоціацій между ощущеніями, конечно должно быть признано органическимъ единствомъ, сравнительно съ единичными ассоціаціями ощущенийъ: но зато, если сравнить его съ обобщеннымъ представленіемъ о цѣлой массѣ экземпляровъ того же предмета или, что то же, съ конкретнымъ понятіемъ о предметѣ, то оно представится сравнительно механическимъ агрегатомъ. Конкретное понятіе въ свою очередь, будучи органическимъ единствомъ, при сравненіи съ конкретнымъ представленіемъ, является сравнительно механическимъ агрегатомъ по отношенію къ отвлеченному понятію о томъ же предметѣ, ибо произвольно подобранные элементы этого новаго цѣлаго конечно связаны между собою болѣе прочною органическою связью, чѣмъ болѣе или менѣе беспорядочно натасованные въ одну кучу элементы произвольно-обобщеннаго представленія. Наконецъ, и это отвлеченное понятіе, будучи съ одной точки зрѣнія органическимъ единствомъ, опять можетъ представиться относительно механическимъ соединеніемъ, въ сравненіи съ высшимъ, не только произвольно, но и методически-отвлеченнымъ понятіемъ, т. е. научною идеею.

Но если такъ, то относительность понятій о механическихъ и органическихъ процессахъ даже, такъ сказать, двойная: механическіе и органическіе процессы, образующіе низшіе по развитію агрегаты, будучи уже относительными величинами, въ свою очередь представляются, вмѣстѣ взятые, механическими процессами, по сравненію съ совокупностью тѣхъ механическихъ и органическихъ процессовъ, которые образуютъ агрегаты болѣе высокой степени единства; эти опять, будучи по отношенію къ упомянутымъ процессамъ органическими (съ точки зрѣнія своихъ продуктовъ), являются механическими по отношенію къ другой совокупности механическихъ и органическихъ процессовъ, образующихъ еще болѣе прочныя соединенія, и т. д. Затѣмъ перваго и втораго рода процессы въ общей совокупности также должны представляться механическими въ сравненіи съ органическими процессами третьей группы и точно также первые представляются механическими въ сравненіи съ общею совокупностью процессовъ второй и третьей группы, и проч. Если назвать совокупность механическихъ

и органическихъ процессовъ или движеній, комбинирующихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ первоначальныя психическія явленія, напр. ощущенія, и дающихъ въ результатъ первичныя осложненныя психическія явленія, напр. конкретныя представленія, группою первичныхъ процессовъ ассоціаціи: совокупность процессовъ, комбинирующихъ между собою эти первичныя осложненныя явленія и приводящихъ къ вторичнымъ, напр. къ представленіямъ обобщеннымъ или понятіямъ конкретнымъ, — группою процессовъ вторичныхъ; далѣе, совокупность процессовъ, приводящихъ въ концѣ концовъ къ явленіямъ третичнымъ, напр. къ отвлеченнымъ понятіямъ, — группою третичныхъ процессовъ, и, наконецъ, совокупность процессовъ приводящихъ къ еще болѣе сложнымъ продуктамъ сознанія (напр. къ научнымъ идеямъ), — группою процессовъ четвертой степени: то полную относительность понятій механическихъ и органическихъ процессовъ осложненія психическихъ явленій можно выразить слѣдующею сложною схемою, въ которой знакъ «:» будетъ именно передавать эту идею относительности:

Процессы осложненія
психическихъ явленій

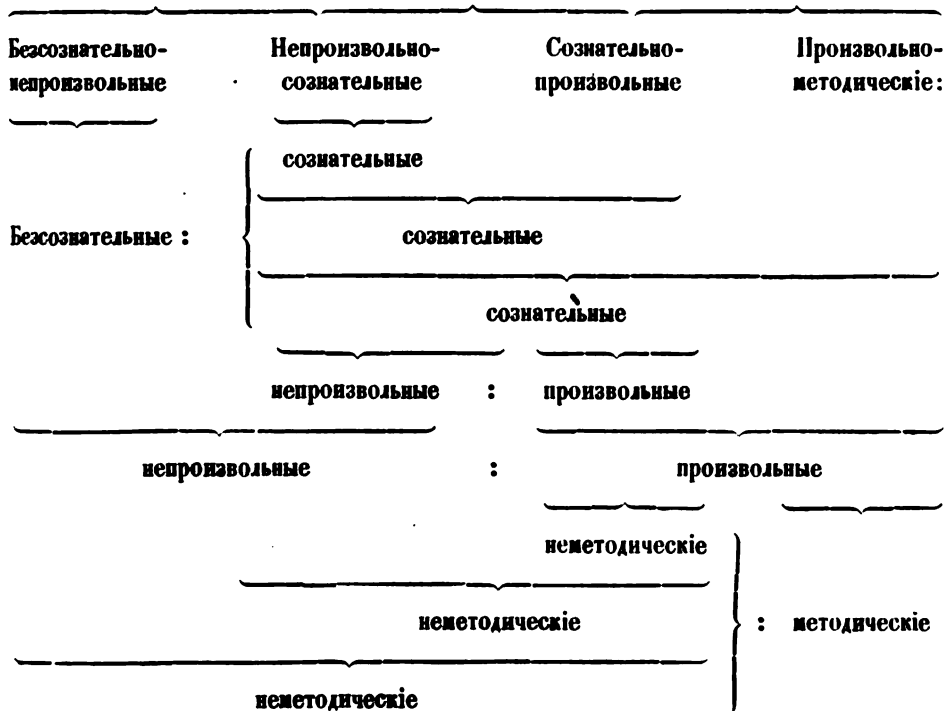

Въ этой схемѣ очевидно исчерпаны всѣ возможныя соотношенія процессовъ развитія психическихъ явленій данныхъ четырехъ степеней съ точки зрѣнія понятій о процессахъ «механическихъ» и «органическихъ» и изъ этой схемы ясно между прочимъ, что въ представленныхъ системѣ первичныя механическіе процессы суть механическіе по преимуществу, органическіе четвертой степени — органическіе по преимуществу.

Ограничиваясь вышеизложенными самыми существенными чертами въ характеристикѣ общихъ процессовъ психическаго развитія, перейдемъ къ специальному классу умственныхъ процессовъ или процессовъ развитія явленій объективной восприимчивости.

Припомнимъ, что мы и умственные процессы, какъ и всю познавательную дѣятельность, ингредиентомъ которой они являются, дѣлили выше (глава первая, стр. 79) тоже на четыре ступени — процессовъ бессознательно-непроизвольныхъ, произвольно-сознательныхъ, сознательно-произвольныхъ и произвольно-методическихъ, или какъ мы иначе ихъ называли, бессознательныхъ, сознательныхъ, произвольныхъ и методическихъ, или еще: первичныхъ, вторичныхъ, третичныхъ и четвертой степени. Нечего и говорить, что если общая наша теорія процессовъ психическаго развитія правильна, то эта лѣстница умственныхъ процессовъ различной степени должна совпадать съ только-что приведенною общою лѣстницею процессовъ развитія, и что вышеупомянутая теорія механическихъ и органическихъ процессовъ только точнѣе опредѣляетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ отношеніями бессознательныхъ, сознательныхъ, произвольныхъ и методическихъ умственныхъ процессовъ. Это ясно уже и изъ того, что умственные процессы суть только одинъ изъ частныхъ видовъ процессовъ психическаго развитія, — и далѣе изъ рассмотрѣнныхъ въ свое время отношеній умственныхъ и вообще познавательныхъ процессовъ различной степени между собою. Дѣйствительно: эти послѣднія отношенія мы можемъ безъ всякихъ натяжекъ облечь въ слѣдующую схему, совершенно тождественную или параллельную приведенной общей схемѣ отношеній между механическими и органическими процессами:

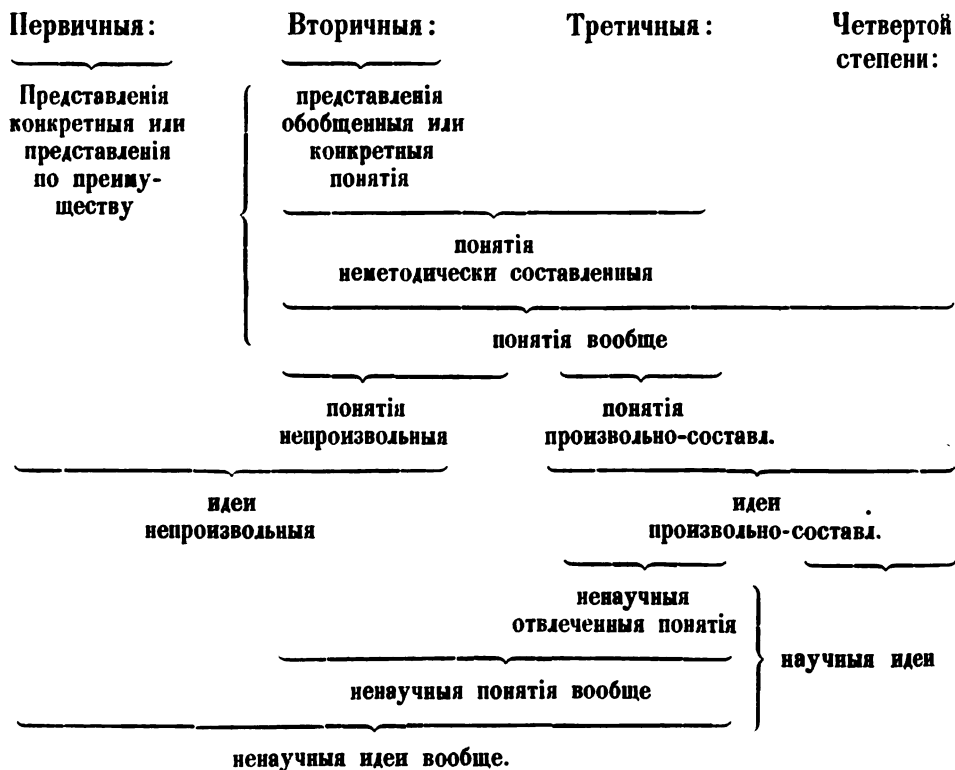
Умственные (и вообще познавательные)
процессы

Но такъ какъ въ этой классификаціи много отрицательныхъ понятій, да притомъ же нѣтъ намека на взаимное отношеніе продуктовъ различныхъ процессовъ, и такъ какъ кромѣ того въ ней не указано на единство и однородность этихъ процессовъ, то очевидно, что прежде приведенная схема даетъ этой послѣдней классификаціи болѣе определенное содержаніе. Остается еще выразить въ третьей параллельной схемѣ уже разсмотрѣнныя выше отношенія понятій, соответствующихъ различной сложности продуктамъ умственной дѣятельности, т. е. идеямъ различной степени развитія, и мы будемъ имѣть совершенно твердую почву для послѣдующаго детальнаго анализа умственныхъ процессовъ. Эта третья схема слѣдующая:

Продукты умственных процессовъ

или идеи:

По поводу этихъ послѣднихъ схемъ и классификацій намъ конечно замѣтить, что онѣ еще пока являются совершенно гипотетическими и пожалуй даже вымышленными, ибо онѣ основаны на дедукціи, а не на индукціи изъ фактическаго анализа психическаго содержанія. Это замѣчаніе невѣрно будетъ въ томъ смыслѣ, что мы лично пришли къ такому разчлененію умственныхъ процессовъ и явленій чисто индуктивнымъ путемъ, путемъ разносторонняго и весьма кропотливаго анализа конкретнаго познавательнаго содержанія; если же мы до сихъ поръ не раскрывали передъ читателемъ этого сложнаго процесса анализа, то во первыхъ по тому, что пока ничего кромѣ гипотезъ мы и не намѣрены были предлагать, такъ какъ хотѣли только подготовить почву для спеціальнаго изслѣдованія умственныхъ отправленій человѣка, а такая подготовка и должна состоять, какъ мы не разъ уже говорили, изъ

гипотезъ, основанныхъ на дедукціяхъ; во вторыхъ нами руководило еще и то соображеніе, что только дедукціи изъ общихъ законовъ природы и жизни могутъ дать вполне твердую опору для наукъ о сознаніи, а не беспорядочный анализъ изолированныхъ фактовъ внутренняго опыта, самъ по себѣ совершенно субъективный. Поэтому мы старались найти основанія для своихъ дедукцій въ біологін и вообще въ наукахъ объ организмѣ и о природѣ: общія современныя теоріи объ организмѣ и о природѣ послужили орудіемъ для освѣщенія психическаго существованія вообще, затѣмъ психической дѣятельности, далѣе въ частности процессовъ психическаго развитія и, наконецъ, специально умственныхъ процессовъ. Вопросъ о томъ, правильно ли это освѣщеніе, пока еще гипотетическое, намъ и предстоитъ теперь разрѣшить путемъ спеціального изслѣдованія умственныхъ процессовъ.

Главный нашъ тезисъ, какъ уже было указано (ср. стр. 92), состоитъ въ томъ, что умственные процессы или движенія всѣ однородны и сводятся къ немногимъ первоначальнымъ формамъ, которыя постепенно все болѣе и болѣе осложняются; но какія это первоначальныя формы и какъ онѣ осложняются, мы еще не знали, когда эта мысль впервые была высказана нами. Теперь же, когда мы знаемъ и то и другое, упомянутый общій тезисъ является возможнымъ спеціализировать въ слѣдующіе два частныя:

1) Всѣ умственные процессы сводятся къ шести элементарнымъ формамъ процессовъ, выражаемымъ понятіями процессовъ ассоціаціи, диссоціаціи, дизассоціаціи; интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Въ виду же того, что изъ этихъ процессовъ основнымъ является процессъ ассоціаціи, можно сказать также, что всѣ умственные процессы сводятся къ процессамъ ассоціаціи.

2) Ступени развитія «умственныхъ процессовъ» тождественны указаннымъ выше ступенямъ развитія процессовъ ассоціаціи вообще. Поэтому первое различіе умственныхъ процессовъ со стороны сложности сводится къ различію механическихъ процессовъ отъ органическихъ; затѣмъ эти механическіе и органическіе процессы въ совокупности могутъ быть опять различной сложности или развитія, т. е. первичными, вторичными, третичными, четвертой степени и т. д., причѣмъ это различіе совпадаетъ съ различіемъ умственныхъ процессовъ бессознательныхъ, сознательныхъ, произволь-

ныхъ, методическихъ и проч. Далѣ отношенія этихъ главныхъ ступеней развитія умственныхъ процессовъ въ свою очередь могутъ быть выражены понятіями процессовъ «механическихъ» и «органическихъ», которыя и въ сферѣ умственной дѣятельности, какъ и во всякой другой, совершенно относительны.

Если бы намъ удалось доказать эти два тезиса совершенно неопровержимо, то результатъ былъ бы, разумѣется, весьма утѣшительный и важенъ для наукъ психологическихъ вообще и для логической науки въ частности: сведеніе всей умственной дѣятельности, а затѣмъ и психической вообще, къ немногимъ основнымъ процессамъ давно уже составляло мечту этихъ наукъ; но мечта эта до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не осуществлялась. Правда уже Юмъ и особенно Гертли въ XVIII в. пробовали дать принципу ассоціаціи всеобщее значеніе въ наукахъ о сознаніи; но въ виду различныхъ препятствій какъ со стороны этихъ наукъ, такъ и со стороны прочихъ наукъ о природѣ, ихъ ученія не привели въ свое время къ желанному результату и теорія ассоціаціи осталась частною теорією одной группы бессознательныхъ умственныхъ процессовъ. Главное препятствіе было конечно со стороны стараго логическаго ученія о сужденіяхъ и выводахъ, которое еще никѣмъ не было вполне переработано въ смыслѣ согласованія его съ теорією ассоціаціи (слабые намеки Милля и другихъ англійскихъ эмпириковъ, въ этомъ направленіи, пока такъ и остаются намеками). Другимъ препятствіемъ было то, что самая теорія процессовъ ассоціаціи была разработана слишкомъ узко и односторонне и не была поставлена въ связь съ теорією общихъ процессовъ развитія явленій природы. Зато, въ замѣнъ принциповъ ассоціаціи, наука о мышленіи, выходя изъ старой теоріи сужденій и выводовъ, пробовала опереться на другіе общіе принципы, тождества и различія (или противорѣчія), и давно ходячимъ сдѣлалось мнѣніе, что всѣ процессы мышленія могутъ быть сведены къ процессамъ отождествленія и различенія, вслѣдствіе чего логика и говорила о законахъ тождества и противорѣчія, какъ объ «основныхъ законахъ мысли». Однако эти принципы, какъ мы впоследствии увидимъ, вовсе не выражаютъ природы всей совокупности умственныхъ движеній и процессовъ, и съ точки зрѣнія нашей теоріи ассоціаціи являются лишь совершенно частными обобщеніями, да и то, по способу формулированія, отнюдь не годятся въ принципы мышленія; но объ этомъ въ свое время, — теперь достаточно сказать, что оправданіе вышеставленныхъ те-

зисовъ будетъ совершенно новымъ и весьма капитальнымъ шагомъ въ наукѣ о познавательной дѣятельности и вообще въ наукахъ о сознаниіи и что въ прошломъ этихъ наукъ этимъ тезисамъ соответствуютъ лишь скромныя *ria desideria*, общіе постулаты и смутныя желанія, слабыя намеки и предположенія. Важность предстоящей задачи слѣдовательно вполне установлена и остается повторить то, что мы сказали уже и прежде, а именно, что, въ виду ея трудности и обширности, нашею цѣлью будетъ доказать только возможность и самые способы ея осуществленія, но исчерпать всего предмета мы въ настоящее время не надѣемся даже и приблизительно. Съ доказательствомъ возможности сведенія всѣхъ умственныхъ процессовъ къ указаннымъ выше первоначальнымъ формамъ, какъ убѣдится послѣ и самъ безпристрастный читатель, открывается такой необъятный горизонтъ для логическаго анализа, что работы хватить на нѣсколько поколѣній изслѣдователей.

Спрашивается теперь, какого плана мы должны держаться въ своемъ специальномъ разборѣ умственныхъ процессовъ? Изъ предыдущаго уже ясно, что самую существенную нашу задачу представляетъ переработка старой теоріи сужденій и выводовъ. Эта переработка, скажемъ точнѣе, будетъ имѣть цѣлью доказать прежде всего, что процессы сужденія суть лишь сознательные процессы ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи идей, процессы умозаключенія — сознательные процессы интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи идей. Если эта цѣль будетъ достигнута, то во всемъ остальномъ оправданіе поставленныхъ выше тезисовъ уже представится дѣломъ сравнительно легкимъ. Но если такова главная проблема, которую намъ должно рѣшить, то отсюда еще не слѣдуетъ, что съ нея нужно и начать анализъ. Сознательные процессы ассоціаціи, т. е. процессы сужденія и умозаключенія, представляютъ во всякомъ случаѣ вторичную ступень умственныхъ процессовъ. Анализъ этой вторичной ступени должно разумѣется подготовитъ изслѣдованіемъ ступени первичной, или тѣхъ бессознательныхъ процессовъ, которые старая психологія обнимала въ понятіи «процессовъ ассоціаціи». Общую картину состава и развитія этихъ первичныхъ процессовъ мы и попробуемъ прежде всего начертать.

Такъ какъ однако путь, на который мы теперь вступаемъ, представляется весьма длиннымъ (ибо, и при идеальной сжатости изложенія, для обзоренія бессознательныхъ, сознательныхъ, а затѣмъ про-

извольныхъ и методическихъ умственныхъ процессовъ, да еще съ совершенно новой точки зрѣнія, потребуется не мало мѣста), то для удобства читателей мы раздѣлимъ предстоящій специальный анализъ на два отдѣла или на двѣ главы: въ первой мы рассмотримъ произвольные, бессознательные и сознательные, или первичные и вторичные, умственные процессы; во второй — произвольные, неметодическіе и методическіе, или третичные и четвертой степени процессы. Но и при этомъ мы будемъ всетаки стараться излагать свои мысли насколько можно кратко и на примѣры не особенно будемъ щедры, въ томъ расчетѣ, что изобиліе примѣровъ отвлекаетъ мысль отъ главныхъ тезисовъ и что специалисты, для которыхъ мы пишемъ это первое изложеніе своихъ теорій поймутъ насъ и безъ особенныхъ съ нашей стороны усилій, имѣя сами въ запасѣ достаточное число фактовъ и наблюденій. Импопировать изобиліемъ фактического матеріала не трудно, но этотъ приемъ, хотя онъ и въ модѣ, довольно ребяческій: факты можно коверкать и ложно освѣщать, и иногда глубокой анализъ одного факта приноситъ больше, чѣмъ поверхностный разборъ цѣлой сотни. Въ наукѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, — дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I. НЕПРОИЗВОЛЬНЫЕ УМСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ.

1. Процессы первичные или бессознательные.

Этимъ именемъ мы называемъ тѣ центральныя движенія и преемства движеній, по преимуществу физиологическаго характера, которыя безъ участія не только воли, но и сознанія, комбинируютъ и ставятъ въ различныя отношенія другъ къ другу простѣйшіе продукты объективной восприимчивости. Всѣ эти движенія или, другими словами, бессознательные процессы ассоціаціи, какъ мы предположили въ свое время, совершаются въ предѣлахъ между ощущеніями и конкретными представленіями о предметахъ и ихъ свойствахъ, о явленіяхъ и событіяхъ внѣшняго и внутренняго міра, или, говоря иначе, въ предѣлахъ между первоначальными объективными воспріятіями и первичными идеями. Но этимъ еще не все сказано. Ощущенія и конкретныя представленія по составу и степени сложности не всѣ одинаковы: психологія давно признала различіе ощущеній бессознательныхъ и сознательныхъ, ощущеній безусловно простыхъ и ощущеній составныхъ; точно также, если мы обратимъ вниманіе на природу конкретныхъ представленій¹⁾, то признаемъ необходимымъ различать такія, которыя относятся къ предметамъ и явленіямъ простымъ, отъ такихъ, которыя относятся къ предметамъ и явленіямъ составнымъ

¹⁾ Этимъ именемъ мы пока обозначаемъ лишь тѣ представленія, въ которыхъ мы еще не отдаемъ себѣ отчета въ отдѣльныхъ признакахъ предметовъ и явленій, а мыслимъ эти послѣдніе въ общихъ, хотя и нѣсколько туманныхъ, образахъ; напр. таковы многія представленія о видѣнныхъ картинахъ, остающіяся въ нашемъ умѣ по возвращеніи съ художественной выставки.

большей или меньшей сложности: конкретное представление о палкѣ, которая валяется на дорогѣ, по своей внутренней природѣ ничѣмъ не отличается отъ конкретнаго представленія о деревѣ, растущемъ передъ моимъ окномъ, и, далѣе, отъ конкретнаго представленія о цѣлой мѣстности, въ которой я живу, и проч. Отсюда конечно является необходимость въ процессѣ осложненія ощущеній въ конкретныя представленія или первичныя идеи различать въ свою очередь цѣлый рядъ ступеней. Прежде всего можно говорить о процессахъ комбинаціи безсознательныхъ ощущеній другъ съ другомъ, продуктомъ которыхъ являются ощущенія сознательныя. Затѣмъ слѣдуетъ признать процессы осложненія сознательныхъ ощущеній, конечнымъ продуктомъ которыхъ являются простѣйшія конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ. Наконецъ должно признать еще и такіе первичныя процессы ассоціаціи, которые комбинируютъ другъ съ другомъ меньшія по объему конкретныя представленія въ большія. Таковы главныя ступени безсознательныхъ умственныхъ процессовъ; но каждая изъ этихъ главныхъ ступеней разумѣется въ свою очередь можетъ распадаться на безконечный рядъ болѣе частныхъ или второстепенныхъ, ибо не всѣ интеграціи безсознательныхъ ощущеній даютъ въ результатѣ ощущенія сознательныя, не всѣ интеграціи сознательныхъ ощущеній приводятъ къ конкретнымъ представленіямъ о единичныхъ предметахъ и явленіяхъ; наконецъ, каждая интеграція конкретныхъ представленій объ отдѣльныхъ предметахъ въ конкретное представление о предметѣ болѣе сложнаго состава (или о суммѣ нѣсколькихъ предметовъ) въ свою очередь можетъ служить элементомъ при интеграціи конкретнаго представленія о цѣломъ еще болѣе сложнаго состава или большаго объема. Такъ напр. въ умѣ путешественника, переѣзжающаго изъ города въ городъ, конкретное представление о каждомъ городѣ есть интеграція цѣлой массы меньшихъ конкретныхъ представленій объ отдѣльныхъ улицахъ, зданіяхъ, площадяхъ, садахъ и т. д., имъ видѣнныхъ, при чемъ уже и эти конкретныя представленія — довольно сложнаго состава; а затѣмъ изъ конкретныхъ представленій о нѣсколькихъ городахъ слагается конкретное представление о цѣлой провинціи, изъ конкретныхъ представленій о нѣсколькихъ провинціяхъ слагается конкретное представление о странѣ, изъ конкретныхъ представленій о разныхъ странахъ; пріобрѣтенныхъ цѣлымъ рядомъ путешествій, слагается конкретное представление о той или другой части свѣта, и проч.

Такимъ образомъ, при ближайшемъ анализѣ, общій классъ первичныхъ или бессознательныхъ умственныхъ процессовъ оказывается агрегатомъ безконечнаго ряда частныхъ ступеней, которыя въ свою очередь могутъ быть распределены въ три главныя группы, сферы которыхъ очерчиваются предѣлами: 1) бессознательныхъ ощущений, съ одной стороны, и сознательныхъ — съ другой, 2) сознательныхъ ощущений и простѣйшихъ конкретныхъ представлений, 3) простѣйшихъ конкретныхъ представлений и наиболѣе сложныхъ по количеству обнимаемыхъ ими предметовъ и явленій, каковы напр. представленія о своей странѣ, о своей планетѣ, наконецъ о цѣломъ мѣрѣ. Конечно эти послѣднія представленія не всегда имѣютъ первичный характеръ: у образованнаго и развитогаго человѣка они замѣняются соответствующими конкретными или отвлеченными понятіями, или даже научными идеями; но бываютъ случаи, когда эти высшія образованія невозможны, какъ напр. у какихъ-нибудь дикарей или у людей съ ограниченнымъ интеллектомъ, не говоря уже о животныхъ, — и только эти случаи мы выше и разумѣли; а затѣмъ конечно, если не упомянутыя, то другія, конкретныя представленія различнаго объема составляютъ достояніе каждаго человѣка.

Однако, если число ступеней развитія бессознательныхъ или первичныхъ умственныхъ процессовъ безконечно, вслѣдствіе различной степени сложности ихъ результатовъ, то это еще не значить, разумѣется, чтобы самыя процессы, какъ процессы, были безконечно разнообразны. Напротивъ, на всѣхъ ступеняхъ они имѣютъ тотъ же характеръ, опредѣляемый ихъ бессознательностью, и все разнообразіе ихъ зависитъ лишь отъ того, какіе статическіе элементы сознанія они комбинируютъ, — безусловно ли простыя (единичныя бессознательныя ощущенія или, какъ мы выразились на стр. 95, атомы воспріятія), или же составныя, т. е. уже интегрированныя единства, и притомъ, какой именно степени сложности. Другими словами, бессознательныя умственные процессы разложимы на безконечный послѣдовательный рядъ бессознательныхъ ассоціацій и интеграцій, или механическихъ и органическихъ движеній и рядовъ движеній, которыя по природѣ своей совершенно однородны или тождественны. Различіе развѣ только можетъ состоять въ количествѣ этихъ однородныхъ и тождественныхъ движеній и рядовъ движеній, которыя другъ съ другомъ сочетаются въ одно общее преемство, чтобы произвести извѣстное соединеніе: конечно чѣмъ проще комбинируемые элементы, тѣмъ коли-

чество последовательныхъ движеній, нужныхъ для означенной цѣли, меньше, и на оборотъ; напр. чтобы произвести интеграцію конкретныхъ представлений о городахъ въ конкретное представленіе о цѣлой мѣстности, нужно большее количество, или болѣе длинная цѣпь, движеній, чѣмъ для того, чтобы интегрировать нѣсколько сознательныхъ ощущеній въ конкретное представленіе о какомъ-нибудь единичномъ предметѣ, напр. о графинѣ съ водой, который стоитъ на столѣ. Но въ такомъ случаѣ очевидно, что бессознательные умственные процессы, при помощи которыхъ осложняются объективныя воспріятія, наука удобнѣе всего можетъ изслѣдовать въ двухъ главныхъ классахъ: во 1) процессовъ элементарныхъ и во 2) процессовъ комбинированныхъ въ различныя группы, при чемъ разумѣется анализъ процессовъ комбинированныхъ, или группъ процессовъ, будетъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ теорій, къ которымъ приведетъ анализъ процессовъ элементарныхъ. Такъ какъ нашею задачею въ настоящемъ сочиненіи является лишь положить твердыя основанія анализу главныхъ видовъ умственныхъ движеній и выработать методы этого анализа, то мы разберемъ подробнѣе лишь элементарные бессознательные умственные процессы, о комбинированныхъ же упомянемъ только вскользь, отложивъ ихъ анализъ до другого времени. Теорія элементарныхъ бессознательныхъ процессовъ, какъ мы увидимъ, и дастъ тотъ фундаментъ для теоріи сознательныхъ умственныхъ движеній, т. е. для теоріи сужденій и умозаключеній, который мы признали необходимымъ установить.

Элементарные бессознательные умственные процессы¹⁾ можно опредѣлить другими словами какъ элементарныя по своему составу бессознательныя ассоціаціи, диссоціаціи, дизассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи единичныхъ ощущеній. Но эти элементарныя бессознательныя ассоціаціи (въ обширномъ значеніи слова) могутъ быть опять различнаго рода: онѣ могутъ быть 1) основными и 2) воспроизведенными, и затѣмъ основныя могутъ быть 1) усвоительными и 2) постростельными. Основными мы называемъ тѣ ассоціаціи, которыя устанавливають между ощущеніями какія-нибудь новыя отношенія; воспроизведенныя суть тѣ, которыя лишь воз-

¹⁾ Мы говоримъ «процессы», а не «движенія», ибо процессы интеграціи и дезинтеграціи, дизассоціаціи и дифференціаціи уже суть по своей природѣ ряды движеній, а не единичныя движенія.

становляютъ въ сенсоріумѣ отношенія, уже однажды установленныя. Основные ассоціаціи могутъ быть въ свою очередь усвоительными и постронительными въ томъ смыслѣ, что однѣ имѣютъ матеріаломъ ощущенія, данныя непосредственнымъ опытомъ, другія — ощущенія, возникшія независимо отъ ближайшаго опыта, а именно при помощи процессовъ воспроизведенныхъ, — такъ какъ воспроизведенные процессы, возстановляя въ сознаніи ощущенія, данныя прежними опытами, въ свою очередь могутъ служить источникомъ новыхъ основныхъ процессовъ, устанавливающихъ такія отношенія между ощущеніями, которыя прежде не существовали и которыя непосредственною объективною дѣйствительностью не мотивированы. Такъ какъ эти отношенія не совпадаютъ съ внѣшними отношеніями между впечатлѣніями и раздраженіями, то мы и назвали ихъ постронительными или творческими, и эти творческіе процессы ассоціаціи составляютъ конечно ту самую совокупность безсознательныхъ умственныхъ процессовъ, которая въ старой психологіи обвинялась въ понятіи воображенія или фантазіи.

По внутреннему характеру своему ассоціативныя движенія основныя и воспроизведенныя, основныя усвоительныя и постронительныя, разумѣется ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, ибо матеріалъ и продукты ихъ одного и того же качества; но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что именно многократное воспроизведеніе безсознательныхъ движеній и есть именно та почва, на которой развиваются впоследствии сознательные умственные процессы. Мы однако разумѣемъ еще пока лишь тѣ воспроизведенныя ассоціаціи, которыя также безсознательны, какъ и основныя, имѣя соотвѣтствующія: именно въ этомъ смыслѣ онѣ по внутренней природѣ ничѣмъ и не различаются отъ основныхъ, какъ не различаются напр. отъ перваго безсознательнаго крика ребенка, при появленіи его на свѣтъ, — второй, третій и десятый.

Въ виду этихъ соображеній, приступая къ анализу элементарныхъ безсознательныхъ процессовъ, мы должны замѣтить, что будемъ разумѣть подъ этимъ названіемъ безразлично — процессы столько же усвоительныя, сколько и постронительныя, столько же основныя, сколько и воспроизведенныя, лишь бы они были безсознательны.

Начнемъ изслѣдованіе съ элементарныхъ процессовъ ассоціаціи, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Всѣ ли они одинаковы, или есть нѣсколько типовъ этихъ процессовъ? Въ «Психологіи чувствованій» мы уже указали, что должно различать двѣ главныя формы ассоціаціи,

а именно ассоціацію по внѣшней смежности впечатлѣній и по внутренней смежности раздраженій (ср. Псих. чувств., стр. 489). Конечно въ обоихъ случаяхъ непосредственная причина ассоціаціи соответствующихъ впечатлѣніямъ и раздраженіямъ ощущеній одна и та же, а именно извѣстное сосуществованіе этихъ ощущеній и раздраженій въ сензоріумѣ; но такое сосуществованіе можетъ имѣть различныя причины: внѣшнія и внутреннія, а именно смежность впечатлѣній въ пространствѣ или во времени, или же смежность ихъ въ центрахъ въслѣдствіе ихъ тождества (сходства) или противоположности (контраста). Различіе внѣшней смежности въ пространствѣ и во времени и внутренней — по принципу тождества и по принципу противоположности можетъ дать поводъ для новаго дѣленія процессовъ ассоціаціи каждаго главнаго вида на два новые подвида. Затѣмъ въ своей очередь смежность въ пространствѣ можетъ быть различна (такъ какъ можетъ быть различна въ длину, высоту и глубину, и далѣе — линіальная, плоскостная и тѣлесная) и смежность во времени, т. е. послѣдовательность, также можетъ быть различна (напр. случайная и необходимая, т. е. послѣдовательность причины и дѣйствія, прогрессивная и регрессивная, проч.); такимъ же образомъ и внутренняя смежность по принципу тождества можетъ быть разнообразна (тождество можетъ быть полное, неполное, неполное можетъ быть близкое, т. е. сходство, или отдаленное, т. е. только аналогія, и т. д.); смежность по принципу противоположности опять можетъ имѣть различный характеръ (противуположность бываетъ въ различной степени рѣзкой, и отсюда различіе понятій противоположности и контраста; далѣе она можетъ быть реальная, номинальная: противорѣчіе, и т. д.). Всѣ эти новые спеціальныя типы смежности могутъ служить и новыми основаніями для разграниченія спеціальныхъ видовъ ассоціаціи. Но такъ какъ очевидно, что всѣ такіе спеціальныя типы смежности основаны на различныхъ объективныхъ отношеніяхъ предметовъ и явленій, которыя мы оцѣниваемъ ближайшимъ образомъ посредствомъ спеціальныхъ органовъ чувствъ, т. е. вообще периферическихъ аппаратовъ, приспособленныхъ къ условіямъ этихъ отношеній, то съ точки зрѣнія теоріи умственной дѣятельности соответствующее спеціальное разчлененіе процессовъ ассоціаціи не можетъ имѣть большой цѣны: эти процессы ассоціаціи происходятъ совершенно одинаково, отъ какихъ бы органовъ чувствъ сензоріумъ ни получалъ впечатлѣнія. Поэтому для теоріи мысли единственно важнымъ является различіе ассоціаціи

основанныхъ на внѣшней и на внутренней смежности, ибо тутъ мы имѣемъ дѣйствительно два особые типа сообщеній между статическими элементами сознанія: типъ сообщенія однородныхъ явленій, т. е. принадлежащихъ къ одной сферѣ сознанія и имѣющихъ известное отношеніе другъ къ другу въ немъ самомъ, и типъ сообщенія разнородныхъ явленій, т. е. принадлежащихъ къ разнымъ сферамъ сознанія и имѣющихъ отношеніе другъ къ другу внѣ или независимо отъ сознанія. Всѣ же остальные виды ассоціаціи съ точки зрѣнія самихъ умственныхъ процессовъ являются безразличными: даже различіе ассоціацій впечатлѣній въ пространствѣ и во времени, ассоціацій по тождеству и по контрасту имѣютъ, такъ сказать, периферическое, а не центральное значеніе. Дѣло въ томъ, что въ центрахъ раздѣльных впечатлѣній всегда возникаютъ только послѣдовательно, т. е. во времени, и отсюда понятіе вниманія, поочередно переходящаго отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ; благодаря слѣдамъ, эта послѣдовательность впечатлѣній въ свою очередь создаетъ и ихъ сосуществованіе въ сенсоріумѣ, которое мы признали необходимымъ условіемъ ассоціаціи. Но важно то, что послѣдовательное пробужденіе впечатлѣній въ сенсоріумѣ можетъ имѣть внѣшнія и внутреннія причины: внѣшнія причины можно обнять и въ понятіи тождества объектовъ, отъ которыхъ впечатлѣнія исходятъ; внутреннія причины можно выразить идеею тождества субъекта, воспринимающаго впечатлѣнія. Въ какой степени и въ какомъ отношеніи тождественны объекты, отъ которыхъ сенсоріумъ получаетъ впечатлѣнія, про то отчасти свидѣтельствуютъ органы чувствъ, — для ума же это безразлично, ибо въ немъ ассоціируются только впечатлѣнія, возникающія въ ближайшей послѣдовательности, хотя бы и отъ различныхъ въ пространствѣ объектовъ. Точно также и степень, а также и характеръ тождественности впечатлѣній въ субъектѣ зависитъ отъ органовъ чувствъ, помощью которыхъ они доставляются въ сенсоріумъ, или, правильнѣе говоря отъ отношенія центровъ, имъ соотвѣтствующихъ, — для ума же она опять безразлична, ибо въ немъ ассоціируются по внутренней смежности только вполне тождественныя впечатлѣнія или элементы впечатлѣній; тѣ же, которыя не вполне тождественны, напр. сходныя, аналогичныя, противоположныя, входятъ въ сообщеніе по внутренней смежности конечно, только чрезъ посредство своихъ тождественныхъ, а не различныхъ, элементовъ (напр. черный и бѣлый цвѣтъ ассоци-

руются по противоположности не въ силу присущихъ имъ различій, а вслѣдствіе тождественныхъ сторонъ, принадлежащихъ имъ какъ впечатлѣніямъ цвѣтоваго круга, при чемъ эти тождественныя стороны ощущеній лишь особенно рѣзко и рельефно оттъняются упомянутыми ихъ различіями).

Изъ этихъ соображеній ясно, что объективная послѣдовательность впечатлѣній въ пространствѣ съ точки зрѣнія умственныхъ процессовъ есть только случайное дополненіе къ объективной послѣдовательности ихъ во времени; точно также и различіе впечатлѣній противоположныхъ, съ той же точки зрѣнія, опять-таки есть лишь случайное дополненіе къ тождеству извѣстныхъ ихъ элементовъ въ сензоріумѣ. Эти случайныя дополненія внутренней природы процессовъ ассоціаціи не могутъ измѣнять и имѣютъ смыслъ только въ процессѣ объективированія впечатлѣній во внѣшней средѣ, который очевидно принадлежитъ уже къ разряду не центральныхъ, а периферическихъ процессовъ познавательнаго круга, вслѣдствіе чего въ настоящее время результаты этого процесса и не могутъ насъ интересовать.

Установивъ фактъ, что единственными существенными элементарными формами бессознательной ассоціаціи впечатлѣній являются ассоціаціи ихъ по внѣшней и по внутренней смежности, разберемъ внимательнѣе отношеніе этихъ двухъ формъ или типовъ ассоціаціи. Такъ какъ въ процессѣ ассоціаціи по внѣшней смежности устанавливаются сообщенія между разнородными явленіями объективной восприимчивости, въ процессѣ же ассоціаціи по внутренней смежности — между явленіями однородными, то принимая математическій знакъ $+$ за выраженіе бессознательнаго сообщенія психическихъ явленій въ сензоріумѣ, мы можемъ выразить указанные два типа ассоціаціи слѣдующими схемами:

$$1) a + b + c + \dots \quad \text{или} \quad d + e + f + \dots$$

$$2) a + a' + a'' + \dots \quad \text{или} \quad b + b' + b'' + \dots$$

Различные надстрочные знаки при буквахъ второго ряда означаютъ различіе соответствующихъ однородныхъ ощущеній лишь по времени ихъ возникновенія въ сознаніи. Результаты обоого типа ассоціацій совершенно различны: въ первомъ случаѣ для опредѣленія ихъ характера важно знать, какія различныя по качеству впечатлѣнія всту-

пили въ сообщеніе другъ съ другомъ: во второмъ — сколько количественно, а не качественно, различныхъ впечатлѣній одного и того же рода вступило въ связь или сообщеніе; другими словами, въ первомъ случаѣ вопросъ состоитъ въ томъ, какія впечатлѣнія возникли послѣдовательно въ сознаніи, во второмъ — сколько разъ одно и тоже впечатлѣніе повторилось. Поэтому второй типъ ассоціацій можно выразить еще и иною схемою, а именно:

$a \times x = (a) x$ или $b \times y = (b) y$, при чемъ x и y означаютъ « x -разъ» и « y -разъ».

Отсюда уже ясно, что принципы ассоціаціи въ обоихъ случаяхъ совершенно разнородны: въ одномъ случаѣ впечатлѣнія исключительно складываются другъ съ другомъ, въ другомъ — такъ сказать по-множаются известное число разъ. Эту двоякую идею ассоціацій — по схемѣ сложенія и по схемѣ умноженія — можно выразить и особыми техническими терминами, заимствованными изъ области математики, напр., по аналогіи съ двоякаго рода «прогрессіями» — по схемѣ сложенія и по схемѣ умноженія, можно назвать одинъ типъ ассоціацій арифметическимъ, другой — геометрическимъ.

Опредѣливъ основные типы бессознательныхъ ассоціацій, перейдемъ къ анализу бессознательныхъ интеграцій ощущеній. Процессъ интеграціи мы опредѣлили какъ законченный рядъ ассоціацій или какъ законченный процессъ ассоціаціи. Законченность эта выражается тѣмъ, что ассоціированные элементы теряютъ значеніе свое какъ самостоятельныя единицы и получаютъ новый смыслъ какъ ингредиенты известнаго цѣлаго. Поэтому мы и сказали, что конечное совокупленіе нѣсколькихъ слагаемыхъ въ сумму есть общая схема интеграціи. Но такъ какъ процессъ интеграціи не есть самостоятельный процессъ, а лишь особая форма процесса ассоціаціи, то разумѣется и типы его тѣ же самые; эти типы можно выразить схемами суммы и произведенія величинъ (причемъ произведеніе конечно есть лишь особая форма суммы, а именно суммы одинаковыхъ слагаемыхъ). Конкретно эти схемы можно изобразить слѣдующимъ способомъ:

$$1) \begin{array}{c} b \\ + \\ a \\ + \\ d \end{array} + \begin{array}{c} + \\ c \\ + \\ + \end{array} = a + b + c + d + a = (a + b + c + d) = M.$$

$$2) \begin{array}{c} a' \\ + \\ a \\ + \\ a'' \\ + \\ a''' \end{array} + a' = a + a' + a'' + a''' + a = (a + a' + a'' + a''') = A$$

или $a \times n = A$

Такіє два типа безсознательныхъ интеграцій мы тоже назовемъ ариѳметическимъ и геометрическимъ. Знакъ n , вмѣсто знака x , во второй схемѣ, выражаетъ идею законченности ряда ассоціацій, точно также какъ и повтореніе знака a въ концѣ первой цѣпи слагаемыхъ каждаго ряда; но такъ какъ такое повтореніе одной и той же величины въ математическихъ рядахъ не принято и имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, то во второй цѣпи слагаемыхъ обоихъ рядовъ мы замѣнили его скобками, также служащими для выраженія той же законченности процессовъ. Теперь, въ параллель приведеннымъ частнымъ схемамъ процессовъ ассоціаціи и интеграціи, можно конечно выразить особыми схемами и общій характеръ этихъ процессовъ. Вотъ эти схемы :

1) Для процесса ассоціаціи:

$$x + y + z + \dots \begin{cases} a + b + c + \dots \\ a + a' + a'' + \dots \end{cases} = a \times x = (a) x$$

2) Для процесса интеграціи:

$$\begin{array}{c} y \\ + \\ x \\ + \\ z \end{array} = (x + y + z) = R \begin{cases} (a + b + c + d) = M \\ (a + a' + a'' + a''') = a \times n = A \end{cases}$$

Процессы диссоціаціи и дезинтеграціи, будучи лишь отрицательнымъ дополненіемъ процессовъ ассоціаціи и интеграціи, конечно могутъ быть того же двоякаго, ариѳметическаго и геометрическаго, типа. Но такъ какъ эти процессы всегда совершаются на почвѣ предшествующихъ ассоціацій и интеграцій и имѣютъ результатомъ ихъ уничтоженіе (ибо диссоціироваться конечно можетъ только то, что прежде ассоціировалось, дезинтегрироваться — то, что прежде интегрировалось), то мы выразимъ ихъ различіе не знаками — и \pm , а знаками \div и \times . Соответствующія схемы, общія и частныя, будутъ слѣдующія :

1) Для процесса диссоциации:

$$x \pm y \pm z \cdots \begin{cases} a \pm b \pm c \pm \cdots \\ a \pm a' \pm a'' \pm \cdots = a \times x \end{cases}$$

2) Для процесса дезинтеграции:

$$x \pm y \pm z \pm x = (x \pm y \pm z) = 1 - R \begin{cases} (a \pm b \pm c \pm d) = 1 - M \\ (a \pm a' \pm a'' \pm a''') = 1 - A = a \times n = \frac{A}{n} \end{cases}$$

Въ этихъ послѣднихъ формулахъ знакъ 1, употребляемый, хотя и въ другомъ (болѣе объективномъ) значеніи, и представителями математической логики, выражаетъ все вообще содержаніе сознанія.

Обратимся теперь къ составнымъ процессамъ дисассоциации и дифференциации. Мы уже сказали, что эти составные процессы могутъ заключаться только въ неизбѣжномъ преемствѣ процессовъ ассоциаций и диссоциаций, интеграций и дезинтеграций, но никакъ не на оборотъ (ср. стр. 97, примѣч.). Это уже ясно и а priori, ибо новая ассоциация можетъ уничтожить какую-либо другую определенную ассоциацию, съ нею несомѣстимую; диссоциация же, какъ чисто отрицательное движеніе, можетъ служить почвою для самыхъ разнообразныхъ новыхъ ассоциаций: напр. новая ассоциация между ощущеніями какой-либо формы и цвѣта предмета и ощущеніемъ тепла неизбѣжно требуетъ диссоциаций между тѣми же ощущеніями и ощущеніемъ холода, съ которыми прежде они были связаны и которое несомѣстимо съ вновь возникшимъ ощущеніемъ; диссоциация же между упомянутыми ощущеніями и ощущеніемъ тепла, наступившая вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія этого послѣдняго, отнюдь еще не требуетъ ассоциаций ихъ съ противоположнымъ ощущеніемъ холода: можетъ быть на почвѣ этой диссоциации вовсе никакой новой ассоциации не произойдетъ, а если и произойдетъ, то совсѣмъ другая. Мысль эта такъ понятна, что пояснять её болѣе нѣтъ и надобности. Однако, если ассоциация можетъ вызвать неизбѣжную диссоциацию, интеграция — неизбѣжную дезинтеграцию, то это конечно далеко не всегда случается: иными словами, не всякая ассоциация вызываетъ какую-нибудь диссоциацию, не всякая интеграция какую-нибудь дезинтеграцию. Оттого и должно различать процессъ дисассоциаций отъ самостоятельныхъ процессовъ ассоциаций и диссоциаций, процессъ дифференциации — отъ самостоятельныхъ процессовъ интеграций и дезинтеграций. Но тогда конечно прежде всего должно опредѣлить, въ какихъ же именно случаяхъ asso-

ціяція должна неизбѣжно вызыватъ диссоціацію, интеграція — дезинтеграцію, и въ какихъ нѣтъ? Рѣшеніе этого вопроса и будетъ опредѣленіемъ условій процессовъ дизассоціаціи и дифференціаціи.

Начнемъ съ условій процесса дизассоціаціи. Выраженіе, что ассоціація неизбѣжно вызвала какую-либо диссоціацію, очевидно тождественно выраженію, что одна ассоціація разрушила другую. Когда же одна ассоціація способна разрушить другую? Очевидно только тогда, когда отношеніе новаго впечатлѣнія къ данному тождественно отношенію стараго впечатлѣнія къ данному: это тождество только и можетъ служить мотивомъ къ взаимному исключенію стараго и новаго впечатлѣнія. Если $a : b$ не равно $a : c$, то ассоціація $a + b$ не можетъ исключать ассоціаціи $a + c$; но если $a : b = a : d$, то ассоціація $a + d$ разрушитъ ассоціацію $a + b$, т. е. произведетъ диссоціацію между a и b , ибо d станетъ на мѣсто b . Тождество отношеній между впечатлѣніями, какъ и вообще самыя эти отношенія, можетъ быть внѣшнее и внутреннее: если впечатлѣніе d вступило въ то же отношеніе къ a , въ какомъ прежде было къ этому послѣднему b , во внѣшнемъ преемствѣ впечатлѣній въ средѣ (въ пространствѣ ли, или только во времени, — безразлично), то тождество отношеній будетъ внѣшнее; если же d вступило въ то же отношеніе къ a , въ какомъ было b къ a , въ самомъ сензоріумѣ, безъ вліянія условій среды, то тождество отношеній будетъ внутреннее. Напр. я прежде всегда видѣлъ на полу въ своей комнатѣ какое-нибудь темное пятно, но затѣмъ вмѣсто темнаго пятна, когда его отскоблили, оказалось бѣлое: равенство отношеній между впечатлѣніями темнаго и бѣлаго пятна, съ одной стороны, и другими смежными впечатлѣніями (напр. желтой краски пола), съ другой, — внѣшнее. Точно также оно будетъ внѣшнее, если, вмѣсто извѣстнаго аккорда въ знакомомъ мнѣ мотивѣ пѣсни, я въ опредѣленный моментъ услышалъ другой аккордъ. Но если напр. ощущеніе извѣстнаго шума на улицѣ сначала вызвало во мнѣ впечатлѣніе громоваго раската, а черезъ нѣсколько минутъ, повторившись, уже иное впечатлѣніе, напр. хоть шума морскихъ волнъ, то тождество отношеній уже очевидно будетъ внутреннимъ, а не внѣшнимъ: это будетъ, другими словами, тождество сходствъ. Точно также оно будетъ внутреннимъ, если напр. ощущеніе отъ прикосновенія къ шкурѣ какого-нибудь животнаго сперва вызвало во мнѣ впечатлѣніе отъ прикосновенія къ ватѣ, а затѣмъ впечатлѣніе отъ прикосновенія къ шерстяной матеріи. Нечего и говорить, что эти два различные случая тождества отношеній между впе-

чатлївїями, вызывающаго необходимую послѣдовательность процессовъ ассоціаціи и диссоціаціи, совершенно параллельны разобраннѣмъ выше отношенїямъ ихъ по внѣшней и внутренней смежности. Другими словами, ассоціація арифметическаго типа въ такой же мѣрѣ можетъ исключать другую ассоціацію того же типа, т. е. вызвать диссоціацію этого типа, какъ и ассоціація геометрическаго типа можетъ вызвать диссоціацію одинаковаго типа. Такимъ образомъ и дизассоціаціи бывають столько же типа арифметическаго, сколько и геометрическаго. Условїя этихъ двоякихъ дизассоціацій можно выразить слѣдующими схемами:

$$x : z' = x : z \begin{cases} a : d = a : b \\ a : a''' = a : a' \end{cases}$$

Самыя же дизассоціаціи можно изобразить такимъ образомъ :

$$x + z' = x \pm z \begin{cases} a + d = a \pm b \\ a + a''' = a \pm a' \\ \text{или } a \times x' = a \times x \end{cases}$$

Въ этихъ формулахъ знакъ $=$ означаетъ именно фактъ замѣны одной ассоціаціи другою, основанный на равенствѣ отношенїй ихъ элементовъ.

Процессъ дифференціаціи, какъ мы видѣли въ свое время, есть неизбежное преемство процессовъ интеграціи и дезинтеграціи; но въ то же время онъ является и законченнымъ рядомъ дизассоціацій. Поэтому и этотъ процессъ конечно имѣетъ тѣ же два типа, какъ и всѣ прочїе, что подтверждается и тѣмъ соображенїемъ, что представленїе объ известной суммѣ однородныхъ признаковъ, предметовъ, или явленїй, можетъ въ такой же мѣрѣ дифференцироваться на нѣсколько частныхъ представленїй, какъ и представленїе о суммѣ признаковъ, предметовъ, или явленїй, разнородныхъ; напр. конкретное представленїе о темномъ цвѣтѣ можетъ дифференцироваться на представленїя о цвѣтѣ коричневома и о цвѣтѣ темносинема, — конкретное представленїе о свѣчкѣ на представленїе о свѣчкѣ въ собственномъ смыслѣ, представленїе о подсвѣчникѣ и представленїе о розеткѣ, и т. д. Эти два вида дифференціаціи можно также изобразить схемами. Положимъ, что схемы двухъ противоположныхъ интеграцій, на почвѣ которыхъ произошли дифференціаціи, слѣдующія:

$$1) a + b + c + d + e + f + a = (a + b + c + d + e + f) = P$$

$$2) a + a' + a'' + a''' + a'''' + a^v + a = (a + a' + a'' + a''' + a'''' + a^v) = A.$$

Положимъ далѣе, что P дифференцируется на S и T , — вслѣдствіе новыхъ интеграцій между впечатлѣніями a b и c — съ одной стороны, d e и f — съ другой, которыя произведутъ конечно и соответствующую дезинтеграцію цѣлаго; точно также A дифференцируется на A_1 и A_2 — вслѣдствіе новыхъ интеграцій между a a' и a'' съ одной стороны, a''' a'''' и a^v — съ другой. Тогда процессъ дифференціаціи можно будетъ изобразить слѣдующими тремя схемами (одною общею и двумя частными):

$$x + y + z + x \pm x' + y' + z' + x' \pm x = \begin{cases} a + b + c + a \pm d + e + f + d \pm a = \\ (a + b + c) \pm (d + e + f) = S \pm T. \\ (x + y + z) \pm (x' + y' + z') = R_1 \pm R_2 \end{cases} \begin{cases} a + a' + a'' + a \pm a''' + a'''' + a^v + \\ a''' \pm a = (a + a' + a'') + (a''' + a'''' + \\ a^v) = A_1 \pm A_2 = (a \times m_1) \times (a \times m_2) \end{cases}$$

Въ этихъ схемахъ выраженъ отчасти уже и тотъ фактъ, что приведенныя дифференціаціи съ другой точки зрѣнія представляются лишь законченными совокупностями слѣдующихъ дисассоціацій:

- 1) $c + a = c \pm d$ и $f + d = f \pm a$
- 2) $a'' + a = a'' \pm a'''$ и $a^v + a''' = a^v \pm a$.

Разобравъ два главные типа всѣхъ бессознательныхъ процессовъ ассоціаціи, въ обширномъ значеніи этого слова, мы должны оговориться, что математическимъ схемамъ, которыя нами приводились, мы даемъ именно только значеніе схемъ или символическихъ наглядныхъ выраженій соответствующихъ идей. Возможны ли при помощи этихъ схемъ дѣйствительныя математическія операціи, которыя бы означали перенесеніе теоріи ассоціаціи на точную математическую почву, мы не беремся судить, ибо считаемъ себя въ этомъ дѣлѣ некомпетентными. Это было бы слишкомъ смѣлой надеждой, — тѣмъ болѣе, что можетъ быть и схемы, нами употребленныя, не всегда удачны: математики - специалисты можетъ быть найдутъ возможные замѣнить ихъ иными схемами, еще точнѣе выражающими сдѣланныя нами обобщенія. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что изложили теорію ассоціаціи, при содѣйствіи указанныхъ схемъ, яснѣе, чѣмъ она обыкновенно прежде излагалась психологами, и что контрастъ понятій объ ассоціаціяхъ «арифметическаго» и «геометрическаго» типа имѣетъ будущность въ наукахъ психологическаго круга.

Разбирая элементарные ассоциативные процессы, мы имѣли конечно въ виду только ряды ассоциативныхъ движеній однороднаго типа; но есть и такіе ряды, въ которыхъ совокупаются движенія типа разнороднаго. Эти ассоціаціи можно назвать смѣшанными. Ихъ простѣйшія схемы будутъ слѣдующія:

1) Для ассоціаціи въ собственномъ смыслѣ:

$$(a + a' + \dots) + (b + b' + \dots) + (c + c' + \dots) + \dots = (a + b + c + \dots)x.$$

2) Для интеграціи:

$$((a + a' + a'') + (b + b' + b'' + b''')) = (a^n + b^n) = V$$

и т. д.

Этими и подобными схемами между прочимъ должно выражать ассоціаціи первичныхъ представленій другъ съ другомъ, а съ извѣстной точки зрѣнія пожалуй уже и ассоціаціи сознательныхъ ощущеній, если принять во вниманіе, что эти послѣднія въ свою очередь суть интегрированные агрегаты ощущеній безсознательныхъ. Но въ подробный анализъ этихъ смѣшанныхъ ассоціацій и вообще комбинацій элементарныхъ процессовъ¹⁾, какъ уже сказано было, мы не будемъ теперь входить, такъ какъ намъ и безъ того предстоитъ еще очень длинный путь изслѣдованія: анализъ сознательныхъ процессовъ мышленія, какъ мы увидимъ, представляетъ уже гораздо болѣе сложную и трудную задачу. Поэтому и перейдемъ теперь къ разбору этихъ сознательныхъ процессовъ, для котораго главные основанія установлены.

2. Процессы вторичные или сознательные.

Этимъ именемъ мы обозначили сознательныя, но тоже еще непроизвольныя, умственныя движенія и преемства движеній, называемыя также сужденіями и умозаключеніями, — причѣмъ сужденія въ тѣсномъ значеніи можно опредѣлить точнѣе какъ сознательные процессы ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи; умозаключенія же, т. е. законченныя ряды сужденій, какъ сознательные про-

¹⁾ Возможно конечно и соединеніе процессовъ ассоціаціи и интеграціи, диссоціаціи и дезинтеграціи, дизассоціаціи и дифференціаціи различныхъ степеней, и т. д.

цессы интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи представлений¹⁾). Предѣлы, въ которыхъ происходятъ эти сознательные, но еще произвольные, процессы ассоціаціи, въ обширномъ значеніи слова, опредѣляются, какъ мы уже говорили, съ одной стороны конкретными представленіями, съ другой — конкретными понятіями о предметахъ, явленіяхъ, событіяхъ и т. д., — другими словами: первичными и вторичными идеями. Это общее указаніе предѣловъ однако опять еще не даетъ вполне точнаго понятія о характерѣ сознательныхъ умственныхъ процессовъ, ибо и эти послѣдніе, какъ и процессы безсознательные, могутъ проходить безконечный рядъ ступеней развитія. Во первыхъ, конкретныя представленія могутъ имѣть содержаніемъ отдѣльныя свойства или признаки предметовъ и явленій и, съ другой стороны, совокупности признаковъ, соответствующія цѣлымъ предметамъ, — вообще конкретныя представленія, какъ мы уже видѣли, могутъ быть различнаго объема и сложности; затѣмъ и вторичныя идеи, или конкретныя понятія, могутъ обнимать соответственно болѣе или менѣе значительное содержаніе. Поэтому можно сказать, что и въ развитіи произвольно-сознательныхъ процессовъ сужденія и умозаключенія слѣдуетъ различать три главныя ступени, ибо можно говорить: 1) о сознательныхъ комбинаціяхъ конкретныхъ представленийъ меньшаго объема въ конкретныя представленія большаго объема, 2) о сознательныхъ комбинаціяхъ конкретныхъ представленийъ въ конкретныя понятія и, наконецъ, 3) о произвольно-сознательныхъ сочетаніяхъ конкретныхъ понятій меньшаго объема въ конкретныя же понятія большаго объема. Изъ этого распредѣленія видно между прочимъ, что первая, такъ сказать подготовительная, ступень сознательныхъ процессовъ орудуетъ надъ тѣмъ же умственнымъ матеріаломъ, какъ послѣдняя, заключительная, ступень процессовъ безсознательныхъ. Это вполне естественно и даже необходимо, ибо сознательныя умственныя движенія, какъ мы уже говорили, возникаютъ на почвѣ неоднократнаго воспроизведенія безсознательныхъ. Нечего и прибавлять, что затѣмъ каждая главная ступень сознательныхъ процессовъ распадается опять на рядъ болѣе частныхъ ступеней, число которыхъ опредѣлить невозможно. Въ

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что мы будемъ употреблять предпочтительно терминъ «умозаключенія», а не «вывода», такъ какъ понятіе вывода удобнѣе считать коррелятомъ понятія предложенія, для обозначенія законченнаго ряда предложеній, соответствующаго такому же ряду сужденій.

вѣрности всѣхъ этихъ предположеній мы наглядно убѣдимся послѣ, при болѣе подробномъ анализѣ процессовъ сужденія и умозаключенія.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору сознательныхъ процессовъ ассоціаціи, замѣтимъ, что много говорить о несовершенствахъ старой, аристотелевской, теоріи сужденій и умозаключеній, т. е. такъ называемой теоріи силлогизма, мы не будемъ, ибо во первыхъ они достаточно извѣстны, а во вторыхъ, всѣ прежде отмѣченные, Бэкономъ, Локкомъ, Кантомъ, Миллемъ, Спенсеромъ и цѣлымъ рядомъ другихъ философовъ, недостатки теоріи силлогизма¹⁾ совершенно блѣднѣютъ передъ тѣмъ однимъ недостаткомъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали и который состоитъ въ томъ, что предполагаемый составъ сужденія, выражающійся въ разчлененіи его на подлежащее и сказуемое, вовсе не есть истинный составъ сужденія, а лишь составъ предложенія, т. е. словесной его формулы. Съ этой точки зрѣнія говорить о томъ, что старая классификація сужденій и умозаключеній не исчерпываетъ всѣхъ процессовъ мышленія, что старые виды сужденія не выражаютъ еще такихъ-то и такихъ-то родовъ отношенія между элементами мысли, а старое распредѣленіе умозаключеній — такихъ-то и такихъ родовъ соединенія сужденій, представлялось бы совершенно празднымъ дѣломъ, ибо мы утверждаемъ что никакихъ процессовъ мысли эта старая теорія не исчерпывала и не обнимала, такъ какъ она относилась совсѣмъ не къ процессамъ мысли, а лишь къ процессамъ рѣчи. Съ точки зрѣнія процессовъ мысли, напр., вовсе нельзя говорить объ «общихъ» и «частныхъ» сужденіяхъ, какъ ихъ понимала старая логика, ибо въ этомъ значеніи общими и частными могутъ быть только предложенія: мысль всегда имѣетъ дѣло съ опредѣленнымъ представленіемъ или соединеніемъ представлений, такъ что всѣ сужденія общи въ томъ значеніи, какое давалось этому понятію прежней логикой; точно также съ точки зрѣнія теоріи мышленія не имѣетъ смысла говорить и о видахъ умозаключенія, основанныхъ на различіи общихъ и частныхъ сужденій, и вся извѣстная классификація «modi» силлогизма, по фигурамъ, въ этой теоріи не имѣетъ ни малѣйшаго приложенія, и т. д.

Вообще впослѣдствіи станетъ совершенно яснымъ, что какъ скоро мы отвергнемъ понятія подлежащаго и сказуемаго, то господствовавшая въ прежнихъ логикахъ теорія процессовъ сужденія и умозаключенія

¹⁾ Подробное изложеніе отрицательныхъ взглядовъ на силлогизмъ многихъ изъ этихъ писателей можно найти въ книгѣ Карнискаго: Классификація выводовъ. Сп. 1880.

ченія окажется лишь жалкою пародією на научную теорію мышленія: она представится какою-то игрою въ шашки — перестановкою на искусственно-начертанной системѣ клѣточекъ произвольно окрашенныхъ въ различныя цвѣта деревяшекъ. Поэтому-то именно, вмѣсто того, чтобы повторять на новый ладъ старыя жалобы на аристотелевскую теорію силлогизма, которыя, замѣтимъ кстати, въ отношеніи къ самому Аристотелю не вполнѣ оправдываются, ибо онъ, какъ извѣстно, всего менѣе выдавалъ её за теорію «мышленія», — мы сдѣлаемъ гораздо лучше, если прямо перейдемъ къ анализу истиннаго состава сужденій, разумѣя «сужденія» сначала въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. не различая еще сужденій механическихъ отъ органическихъ, или сужденій-ассоціацій отъ сужденій-интеграцій (или умозаключеній).

Утверждая, что всѣ прежнія теоріи о составѣ сужденія относились не къ составу сужденія, а къ составу предложенія, мы впрочемъ не хотимъ сказать, чтобы никогда никто изъ философовъ не сознавалъ различія между сужденіемъ, какъ процессомъ мысли, и предложеніемъ, какъ процессомъ рѣчи. Напротивъ: особенно со времени Канта это различіе весьма часто отмѣчалось, ибо уже понятіе о формахъ мысли въ противоположность ея содержанію было отчасти на немъ основано. Отсюда и попытки болѣе реальнаго опредѣленія природы сужденія, какъ орудія соединенія и раздѣленія понятій или представленій, какъ представленія о единствѣ или объ отношеніи понятій, какъ акта раздѣленія сложнаго представленія на составныя его элементы, какъ убѣжденія въ сосуществованіи или преемствѣ представленій и т. д., которые весьма часто встрѣчаются у новѣйшихъ психологовъ и писателей по логикѣ¹⁾. Но всѣ эти реальныя опредѣленія природы сужденія, къ сожалѣнію, всетаки скрывали въ себѣ чисто формальное о немъ представленіе, ибо подъ понятіями и представленіями собственно разумѣлись обыкновенно не элементы мысли, отвлеченные отъ словъ, а слова, какъ выраженія элементовъ мысли; поэтому вслѣдъ затѣмъ, при болѣе подробномъ анализѣ, сужденія опять смѣшивались съ предложеніями и при ихъ разчлененіи на первый планъ выдвигалась всетаки неприложимая къ анализу мысли теорія подлежащаго и сказуемаго. Иногда впрочемъ, сверхъ этихъ элементовъ, необходимымъ элементомъ

¹⁾ Ср. о различныхъ способахъ опредѣленія «сужденія» у Ибервега, *System d. Logik.* 4. Aufl. 1874, § 67, у Вундта, *Logik: I:* 1880, § 135 и слѣд., и у Владиславлева, *Логика*, 2 Изд. 1881, стр. 85 и слѣд.

сужденія признавалась еще связка; но мнѣнія представителей логики о роли связки въ сужденіи издавна раздѣлялись: одни считали её столь же неотъемлемою частью сужденія, какъ подлежащее и сказуемое, полагая, что связка подразумевается и тамъ, гдѣ ея въ дѣйствительности не оказывается; другіе думали, напротивъ, что связка не только не есть необходимый элементъ сужденія, но даже, что и тамъ, гдѣ она есть, её должно считать лишь принадлежностью или элементомъ сказуемаго. Последнее мнѣніе съ формальной точки зрѣнія конечно болѣе послѣдовательно, потому что при построеніи человѣческой рѣчи, связка является, какъ извѣстно, совершенно случайнымъ элементомъ, безъ котораго всегда можно обойтись при выраженіи мысли: въ тѣхъ же самыхъ предложеніяхъ одни языки её имѣютъ, другіе безъ нея обходятся; она повидимому только возстановляетъ утратившую свое значеніе глагольную или прилагательную флексію, и потому никогда не имѣетъ независимаго отъ предиката значенія (ср. Вундтъ, I. с., p. 143 и слѣд.). Во всякомъ случаѣ всѣ представители логики сходятся въ томъ, что подлежащее и сказуемое — главные элементы сужденія, безъ которыхъ последнее невозможно. Въ противоположность этому мы утверждаемъ, что подлежащее и сказуемое вовсе не суть элементы «сужденія».

Начнемъ съ анализа терминовъ. Во первыхъ терминъ «сказуемаго» (*κατηγορούμενον*, *praedicatum*) во всѣхъ языкахъ и по происхожденію своему выражаетъ элементъ рѣчи, а не элементъ мысли (сказуемое = то, что сказывается, высказывается, говорится о чемъ-либо) и не видно, почему, при богатствѣ современныхъ языковъ, нельзя было бы болѣе точно обозначить соотвѣтствующій ему элементъ мысли, если таковой имѣется. Но онъ употребляется, скажутъ намъ, не въ прямомъ, а въ переносномъ значеніи въ примѣненіи къ составу мысли: къ сожалѣнію и такое употребленіе ничѣмъ не оправдывается, ибо какъ мы увидимъ ниже, въ составѣ сужденія этому понятію нѣтъ прямого коррелата. Что касается, во вторыхъ, до термина «подлежащаго» (*ὑποκειμενον*, *subjectum*), то онъ является лишь неизбѣжнымъ дополненіемъ термина сказуемаго, т. е. означаетъ идею того, о чемъ что-либо высказывается, и потому въ прежнемъ своемъ значеніи въ той же степени непригоденъ для обозначенія состава сужденія, какъ и терминъ сказуемаго. Однако самъ по себѣ терминъ «подлежащаго» или «субъекта» не заключаетъ въ себѣ еще ничего такого, что бы мѣшало обозначать при его помощи и элементы мысли; другими словами, подъ этимъ

терминомъ въ новомъ значеніи можно разумѣть и то, о чемъ что-либо мыслится (а не только высказывается). Но тогда-то мы и придемъ именно къ такому результату, который доказываетъ невѣрность старой теоріи подлежащаго и сказуемаго, или субъекта и предиката, въ примѣненіи къ составу сужденія. Дѣло въ томъ, что сужденіе обязательно имѣетъ не одно подлежащее, а два, и кромѣ того оно заключаетъ въ себѣ представленіе объ отношеніи ихъ между собою, которое можно выразить понятіемъ «мыслимаго» объ отношеніи этихъ двухъ подлежащихъ. Отсюда вытекаетъ, что сужденіе состоитъ не изъ двухъ, а обязательно изъ трехъ главныхъ элементовъ, въ противоположность предложеніямъ, въ которыхъ главныхъ элементовъ — два. Смутное или инстинктивное сознание этой истины вѣроятно и было причиною того, что многіе представители логики такъ настаивали на томъ, что связка есть необходимый элементъ сужденія, рядомъ съ подлежащимъ и сказуемымъ; однако отношеніе подлежащаго, сказуемаго и связки, въ предложеніи, весьма рѣдко совпадаетъ съ отношеніемъ двухъ подлежащихъ и того, что о нихъ мыслится, въ сужденіи, и потому понятіе о связкѣ, какъ необходимомъ элементѣ сужденія, въ старомъ значеніи этого слова, было всетаки невѣрно. Для отличія содержанія сужденія отъ содержанія предложенія, мы лучше будемъ называть подлежащія сужденія, въ противоположность подлежащему предложенія, техническимъ терминомъ «объектовъ» мысли, въ параллель старому логическому термину «субъекта», соотвѣтствовавшаго термину «предиката». Намъ предстоитъ слѣдовательно доказать, что всѣ сужденія состоятъ изъ трехъ элементовъ сознания, а именно изъ двухъ представленій объ объектахъ и третьяго представленія объ ихъ отношеніи.

Методъ нашъ очевидно долженъ состоять въ томъ, чтобы составить прежде всего сколько-нибудь исчерпывающую классификацію предложеній и затѣмъ доказать, что въ основаніи предложеній каждаго главнаго типа лежатъ сужденія, состоящія изъ трехъ членовъ.

Старая логика, выходя изъ фальшиваго предположенія, что всякое предложеніе состоитъ изъ понятій, имѣла дѣло почти исключительно съ однимъ только видомъ предложеній, а именно съ тѣми, въ которыхъ одно понятіе, меньшее по объему, подводится подъ другое, большее. Эта односторонность старой логики давно уже открыта и давно принимаются представителями логики попытки дать болѣе широкую

классификацію предложений. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи послѣдній опытъ Вундта (Logik, I. 152—199). Въ классификацію Вундта, какъ намъ кажется, дѣйствительно вошли косвенно всѣ возможные виды предложений. Но она слишкомъ сложна и запутана, ибо Вундтъ основалъ её на совершенно неправильномъ раздѣленіи трехъ точекъ зрѣнія, имѣющихъ въ виду 1) различныя свойства подлежащаго или субъекта предложений, 2) различныя категоріи его сказуемаго или предиката и 3) различныя отношенія между субъектомъ и предикативнымъ понятіемъ. Такой принципъ распредѣленія предложений могъ бы быть вѣренъ только въ томъ случаѣ, если бы элементы предложенія были независимыми другъ отъ друга и, такъ сказать, абсолютными, а не относительными, величинами. Но такъ какъ онѣ — величины относительныя, вполне подчиненныя другъ другу и другъ друга опредѣляющія, то въ результатѣ и вышло, что между тремя распредѣленіями предложений у Вундта есть постоянныя точки соприкосновенія, которыя приводятъ въ концѣ концовъ къ ужасной путаницѣ (напр. erklärende Urtheile второй группы очевидно заключаютъ въ себѣ Identitätsurtheile, Urtheile der Ueber- und Unterordnung и т. д. третьей группы). Путаница эта всего рельефнѣе выражается въ томъ, что отрицательныя и предположительныя предложенія оказываются у Вундта только частнымъ (пятымъ) классомъ третьей группы предложений, между тѣмъ какъ очевидно, что и предложенія всѣхъ остальныхъ группъ могутъ быть и утвердительными и отрицательными, и положительными и предположительными. Вундтъ въ своей классификаціи предложений поступилъ совершенно такъ, какъ если бы ботаникъ, желая классифицировать породы деревьевъ, сначала распредѣлилъ бы ихъ по свойствамъ листьевъ, потомъ по характеру стволовъ и затѣмъ по роду ихъ корней. Чтó бы изъ этого вышло? Вышли бы очевидно: 1) классификація листьевъ, 2) классификація стволовъ деревьевъ, 3) классификація ихъ корней; но классификаціи деревьевъ отнюдь бы не получилось. Такъ и у Вундта: мы находимъ у него классификацію подлежащихъ, классификацію сказуемыхъ, классификацію ихъ отношеній (хотя тутъ уже Вундтъ разумеетъ въ сущности не отношенія подлежащаго и сказуемаго, а отношенія объектовъ мысли!); но классификаціи самихъ предложений онъ намъ въ сущности не даетъ: её пожалуй можно пріобрѣсти критикою и сліяніемъ отдѣльныхъ его классификацій; но это уже будетъ классификація не Вундта, а его критика. У Вундта только одно хорошо, а именно, что отказавшись отъ узкихъ взглядовъ tradi-

ціонной логики, онъ очевидно имѣлъ въ виду и такія формы предложений, которыя прежде вовсе не принимались въ соображеніе, и вслѣдствіе этого подготовилъ до извѣстной степени почву для послѣдующихъ, болѣе широкихъ, классификацій предложений. Мы сами обязаны Вундту многимъ въ окончательной выработкѣ своей классификаціи предложений и даже въ теоріи сужденій, хотя вліяніе Вундта и было болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ: непроходимая путаница понятій въ его распредѣленіи предложений заставила насъ глубже проникнуть въ природу процессовъ мышленія, что и привело насъ къ неожиданнымъ обобщеніямъ. Мы можемъ въ этомъ случаѣ уподобить себя путнику, который, пробираясь сквозь дремучій лѣсъ, иногда достигаетъ цѣли своихъ странствій скорѣе, чѣмъ если бы онъ пошелъ по общей торной дорогѣ; притомъ, пройдя лѣсъ, онъ иногда попадаетъ неожиданно въ такую мѣстность, о существованіи которой и не подозревалъ. Это именно и случилось съ нами; но своего тяжелого странствованія въ лабиринтъ противорѣчивыхъ понятій мы впрочемъ теперь воспроизводить не будемъ, а прямо изложимъ его результаты.

Выходя изъ принципа органической связи главныхъ частей предложения, т. е. подлежащаго и сказуемаго, мы полагаемъ прежде всего, что классификація ихъ должна быть вся основана на одномъ принципѣ. Но какого рода долженъ быть этотъ принципъ? Пока предложения смѣшивались съ сужденіями и пока составъ тѣхъ и другихъ считался безусловно одинаковымъ, принципа классификаціи предложений искали обыкновенно внутри сознанія, въ самыхъ законахъ мысли; но это было ошибочно: предложения состоятъ изъ словъ, слова суть символы вещей и ихъ отношеній, — слѣдовательно принципъ распредѣленія предложений очевидно долженъ быть внѣшній, объективный, — внутренніе же принципы самого сознанія применимы только къ классификаціи сужденій, а не предложений. Вслѣдствіе этого мы полагаемъ, что нижеслѣдующее, весьма простое по идеѣ дѣленіе предложений, основанное на отношеніи внѣшнихъ объектовъ по объему, т. е. какъ цѣлыхъ и частей, можетъ исчерпать по крайней мѣрѣ всѣ виды болѣе простыхъ по составу предложений:

1) есть предложения, которыя высказываютъ что-либо объ отношеніи самостоятельныхъ цѣлыхъ, т. е. утверждаютъ или отрицаютъ тождество, различіе, смежность, послѣдовательность и др. подобныя отношенія однихъ предметовъ къ другимъ;

2) есть предложения, которыя высказываютъ что-либо объ отно-

шенія частей одного цѣлаго; таковы тѣ, которыя утверждаютъ или отрицаютъ однородность, противоположность, цѣлостность, причинную зависимость, и др. подобныя отношенія предметовъ и явленій;

3) есть предложенія, которыя выражаютъ составъ цѣлаго, т. е. разчленяютъ цѣлое на части, и за предметомъ и явленіемъ, или же группою ихъ, утверждаютъ или отрицаютъ какіе-нибудь признаки (состоянія или дѣйствія);

4) есть предложенія, которыя утверждаютъ или отрицаютъ принадлежность какой-нибудь части къ цѣлому, напр. предмета къ цѣлой группѣ предметовъ, меньшей группы къ бѣльшей и т. д. Это именно тотъ классъ предложеній, съ которымъ по преимуществу и имѣла дѣло старая логика.

Очевидно, если вѣрно, что предложенія выражаютъ внѣшнія отношенія предметовъ и явленій, т. е. элементовъ дѣйствительности (хотя бы и воображаемой), то подъ указанныя четыре рубрики должны подойти всѣ формы простыхъ предложеній, ибо, выходя изъ понятій частей и цѣлыхъ, мы не можемъ предположить между ними никакихъ другихъ отношеній, кромѣ указанныхъ, — а именно 1) отношеній цѣлыхъ къ цѣлымъ, 2) отношеній частей къ частямъ, 3) отношеній цѣлыхъ къ частямъ и 4) отношеній частей къ цѣлымъ. Слѣдовательно наша классификація можетъ быть признана исчерпывающею по крайней мѣрѣ по отношенію къ простымъ предложеніямъ, а это намъ и было нужно. Если мы теперь докажемъ, что составъ сужденій, соответствующихъ этимъ классамъ предложеній, иной, чѣмъ составъ самыхъ предложеній, а именно, что всѣ означенныя сужденія трехчленны и что различіе подлежащаго и сказуемаго къ нимъ не приложимо, то поставленный нами выше тезисъ можно будетъ считать доказаннымъ.

Ради ясности и краткости, мы поступимъ слѣдующимъ образомъ: во 1) приведемъ по возможности разнообразныя примѣры каждаго вида предложеній, которые обнимаютъ бы, болѣе или менѣе, главныя разновидности каждаго вида, и одновременно разчленимъ предложенія эти на такъ называемыя «логическія» ихъ подлежащія и сказуемыя; во 2) разложимъ сужденія, имъ соответствующія, на ихъ дѣйствительныя элементы. Когда это будетъ исполнено, то останется въ 3) сравнить разчлененіе предложеній и разчлененіе соответствующихъ имъ сужденій, и вывести изъ этого сравненія всѣ надлежащія заключенія. Замѣтимъ еще, что примѣры наши будутъ обнимать, тоже въ

видахъ сокращенія анализа, только утвердительныя и положительныя предложенія, ибо отрицательныя и предположительныя, при нашей классификаціи, вездѣ составляютъ лишь дополненіе утвердительныхъ и положительныхъ, и то, что выяснится объ отношеніи этихъ послѣднихъ предложеній къ соответствующимъ сужденіямъ, должно будетъ конечно признать вѣрнымъ и въ примѣненіи къ первымъ:

А. Примѣры предложеній, разчлененныхъ на такъ называемыя «логическія» подлежащія и сказуемыя:

1) Высказывающихъ что-либо объ отношеніи цѣлыхъ къ другимъ цѣлымъ:

Подлежащія:	Сказуемыя:
Треугольникъ ABC	равенъ треугольнику DEF.
Норвегія	похожа на Швейцарію.
Мой стулъ	стоитъ возлѣ стола.
Воробьевы горы	находятся близъ Москвы.
Декартъ	жилъ позднѣ Бэкона.
Первая французская революція	была ранѣ вступленія на престолъ Наполеона I.

2) Высказывающихъ что-либо объ отношеніи частей одного цѣлаго къ другимъ частямъ:

Подлежащія:	Сказуемыя:
Болгары	одноплеменны русскимъ.
День	противуположенъ ночи.
Европейская Россія	граничитъ съ азіатскою.
Появленіе грибовъ	находится въ зависимости отъ погоды.
Атмосферное электричество	есть причина грозы.
Движеніе органовъ	есть дѣйствіе сокращенія мышцъ.

3) Высказывающихъ что-либо о составѣ цѣлаго, т. е. о частяхъ или признакахъ цѣлаго:

Домъ, въ которомъ я живу,	сѣраго цвѣта.
Климатъ Россіи	суровый.

Земля	движется вокругъ солнца.
Москва	отличается кривизною улицъ.
Миланскій соборъ	сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора.

4) Высказывающихъ что-либо о принадлежности части къ известному цѣлому:

Предметъ, освѣщающій мою комнату,	есть лампа.
Гроза	есть проявленіе электричества.
Растенія	суть организмы.
Ризанская губернія	есть часть Россіи.
«Пѣсня Финна»	есть мотивъ изъ оперы «Руслана и Людмилы».

Мы брали нарочно примѣры по возможности изъ дѣйствительнаго міра, чтобы предложенія были какъ можно проще по своему составу.

Б. Разчлененіе сужденій, соответствующихъ приведеннымъ предложеніямъ:

Представленія, соответствующія объектамъ мысли:		Представленія, соответствующія мыслимому между ними отношенію:
1.	2.	3.
1. Предст. о $\triangle ABC$.	Предст. о $\triangle DEF$.	Предст. о тождествѣ.
» о Норвегій.	» о Швейцаріи.	» о сходствѣ.
» о моемъ стулѣ.	» о столѣ.	» о смежности въ пространствѣ.
» о Воробьевыхъ горахъ.	» о Москвѣ.	» о близости въ пространствѣ.
» о жизни Декарта.	» о жизни Бэкона.	» о преемствѣ.
» о первой Франц. революціи.	» о вступленіи на престолъ Наполеона I.	» о послѣдовательности.
2. Предст. о болгарахъ.	Предст. о русскихъ.	Предст. объ одноплеменности (однородности).
» о дгѣ.	» о ночи.	» о противоположности.
» о европейской Россіи.	» объ азиатской Россіи.	» о пограничности (цѣлостности).

<p>2. Предст. о появленіи грибовъ.</p> <p>» объ атмосферномъ электричествѣ.</p> <p>» о движеніи органовъ.</p>	<p>Предст. о погодѣ.</p> <p>» о грозѣ.</p> <p>» о сокращеніи мускуловъ.</p>	<p>Предст. о зависимости.</p> <p>» о причинной связи.</p> <p>» о причинной связи.</p>
<p>3. Предст. о дождѣ, въ кот. я живу.</p> <p>» о климатѣ Россіи.</p> <p>» о землѣ.</p> <p>» о Москвѣ.</p> <p>» о Миланскомъ соборѣ.</p>	<p>Предст. о сбромъ цвѣтѣ.</p> <p>» о суровости.</p> <p>» о движеніи вокругъ солнца.</p> <p>» о кривизнѣ улицъ.</p> <p>» о бѣломъ мраморѣ.</p>	<p>Предст. объ отношеніи предмета къ признаку.</p> <p>» объ отношеніи общаго признака къ частному.</p> <p>» объ отношеніи предмета къ его свойству (дѣятельному).</p> <p>» объ отношеніи предмета къ его свойству (страдательн.).</p> <p>» объ отношеніи предмета къ его матеріальнымъ частямъ.</p>
<p>4. Представл. о предметѣ, освѣщающемъ мою комнату.</p> <p>» о грозѣ.</p> <p>» о растеніяхъ.</p> <p>» о рязанской губерніи.</p> <p>» о пѣснѣ финна.</p>	<p>Предст. о лампѣ.</p> <p>» объ электричествѣ.</p> <p>» объ организамахъ.</p> <p>» о Россіи.</p> <p>» объ оперѣ «Русланъ и Людмила».</p>	<p>Предст. объ отношеніи предмета къ группѣ предметовъ.</p> <p>» объ отношеніи явленія къ группѣ явленій.</p> <p>» объ отношеніи меньшей группы предметовъ къ большей.</p> <p>» объ отношеніи части предмета къ цѣлому.</p> <p>» объ отношеніи меньшей группы явленій къ большей.</p>

Конечно третій разрядъ представленій въ той формѣ, въ какой мы выражали эти послѣднія, является всетаки уже позднимъ продуктомъ цѣлаго ряда обобщеній. Эти представленія мы взяли уже въ моментъ ихъ значительной дифференціаціи и предположили ихъ уже объективированными, — между тѣмъ какъ первоначально они несравненно проще и относятся непосредственно къ отношеніямъ не внѣшнихъ предметовъ и явленій, а представленій, соответствующихъ этимъ послѣднимъ. Но теперь мы еще не имѣемъ въ виду самаго процесса развитія мышленія, а должны опредѣлить лишь общій составъ сравнительно простыхъ сужденій; поэтому упомянутыя ступени осложненія въ настоящее время и не имѣютъ для насъ существеннаго значенія, — мы можемъ пока ихъ игнорировать: вѣдь и представленія объ объектахъ, встрѣчающіяся въ нашихъ примѣрахъ, относительно уже весьма сложны¹⁾.

Итакъ сравнимъ теперь составъ приведенныхъ предложеній съ составомъ соответствующихъ имъ сужденій. Прежде всего очевидно, что нѣкоторые элементы, являющіеся неотъемлемою принадлежностью сужденій, — въ предложеніяхъ только подразумѣваются или выражаются косвенно въ глагольныхъ, прилагательныхъ и существительныхъ флексіяхъ, а также и въ связкахъ, гдѣ онѣ есть. Во вторыхъ очевидно, что постоянные три элемента сужденій весьма разнообразно распредѣляются между подлежащимъ и сказуемымъ предложеній. Въ первой и во второй группахъ предложеній сказуемая обыкновенно обнимаютъ: представленія объ отношеніи объектовъ мысли + представленія объ одномъ изъ ея объектовъ; въ третьей группѣ предложеній отношеніе, мыслимое между объектами, только подразумѣвается и выражается лишь косвенно въ глагольныхъ и другихъ флексіяхъ, — собственно же подлежащія прямо выражаютъ одинъ изъ объектовъ мысли, сказуемая — другой; наконецъ, въ четвертой группѣ предложеній, сказуемая вообще выражаютъ опять совокупность представленій объ одномъ изъ объектовъ мысли и объ отношеніи двухъ сопоставляемыхъ объектовъ, но эти двоякія представленія выражены отдѣльно: 1) сказуемыми въ тѣсномъ смыслѣ (выраженія вторыхъ объектовъ) и 2) связками (выраженія отношеній объектовъ мысли). Если мы затѣмъ примемъ еще во вниманіе, что каждое сужденіе,

¹⁾ Примѣровъ самыхъ простыхъ сужденій мы уже потому не могли привести, что они, какъ мы увидимъ ниже, совершенно невыразимы или безсловесны, т. е. не могутъ быть переданы предложеніями.

будучи совершенно постояннымъ по своему составу, можетъ быть выражено по произволу нѣсколькими, разнообразными по составу, предложеніями, даже при сохраненіи однихъ и тѣхъ же наименованій для объектовъ мысли, — то не останется никакого сомнѣнія, что различіе подлежащаго и сказуемаго въ предложеніи къ составу сужденія не имѣетъ никакого отношенія. Дѣйствительно: съ точки зрѣнія мысли совершенно все равно, выразимъ ли мы её такъ, что оба ея объекта окажутся подлежащими предложенія, а идея ихъ отношенія сказуемымъ (и этотъ случай возможенъ, напр. Болгары и Русскіе одноплеменны, $\triangle ABC$ и DEF равны между собою и т. д.), или такъ, что одинъ объектъ будетъ подлежащимъ, а другой войдетъ въ составъ сказуемаго, виѣсть съ идею отношенія, или такъ, что подлежащее и сказуемое будутъ вполне соответствовать обоимъ объектамъ, а идея ихъ отношенія будетъ только подразумѣваться, или наконецъ такъ, что идея этого отношенія будетъ намѣчена особымъ элементомъ — связкою, отдѣленною отъ сказуемаго. Для содержанія мысли всѣ эти способы выраженія сужденія въ предложеніяхъ вполне безразличны, и если они не всегда всѣ одинаково возможны, то только вслѣдствіе недостаточной податливости языка; но есть однако и такіе, хотя и немногочисленные, случаи, гдѣ языкъ не полагаетъ препятствій ни одному изъ указанныхъ способовъ выраженія даннаго сужденія. Напримѣръ:

Парижъ и столица Франціи синонимы.

Парижъ названіе столицы Франціи.

Парижъ столица Франціи.

Парижъ есть столица Франціи.

Такое разнообразіе формъ предложеній, выражающихъ одно и то же сужденіе возможно вообще тогда, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ именъ, какъ самостоятельныхъ цѣлыхъ, обозначающихъ съ различныхъ сторонъ одинъ и тотъ же предметъ. Въ большинствѣ же случаевъ нашъ языкъ допускаетъ только два или три изъ указанныхъ способовъ выраженія одной и той же мысли. Напр. все равно, скажемъ ли мы, что русскіе и болгары одноплеменны, или что русскіе одноплеменны болгарамъ (и на оборотъ, что болгары одноплеменны русскимъ), или что русскіе суть одноплеменники болгаръ; все равно, скажемъ ли мы, что гроза есть проявленіе электричества, или просто, что гроза проявленіе электричества, и т. д. Вариации въ способахъ выраженія сужденій предложеніями, завися отъ свойствъ языка, разу-

иѣтся въ различныхъ языкахъ различны. Напр. въ германскихъ и романскихъ языкахъ въ предложеніяхъ первой, второй и третьей группы обыкновенно тоже употребляется связка, между тѣмъ какъ у насъ ея нѣтъ. Въ другихъ же языкахъ, напр. такъ называемыхъ моносиллабическихъ и агглютинирующихъ, составъ предложеній, какъ извѣстно, по формѣ совершенно иной, чѣмъ въ языкахъ арійской группы, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что сужденія у людей, говорящихъ на этихъ языкахъ, обладаютъ совершенно тѣми же элементами, какъ и у прочихъ людей.

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что составъ предложеній по отношенію къ составу сужденій имѣетъ болѣе или менѣе случайный характеръ: предложенія, построенныя совершенно различнымъ образомъ, могутъ выражать, болѣе или менѣе полно, одно и то же сужденіе. Но какъ бы мы ни построили предложенія, въ нихъ всегда можно различать подлежащее и сказуемое, — предметъ, о которомъ что-либо высказывается, и то, что о немъ высказывается, т. е. два элемента; сужденія же, какъ бы мы ихъ ни выражали, всегда состоятъ изъ трехъ элементовъ, напимѣръ изъ трехъ представленій или понятій. Эту особенность сужденій, сравнительно съ предложеніями, необходимо выяснитъ теперь въ ея причинахъ и слѣдствіяхъ.

Припомнимъ, что мы различили въ свое время периферическіе моменты познавательной дѣятельности отъ центральныхъ, или двоякіе периферическіе процессы, воспріятія и выраженія, отъ центральныхъ процессовъ переработки познавательнаго матеріала. Въ противоположности периферическихъ и центральныхъ процессовъ и лежитъ, какъ намъ кажется, объясненіе различія между составомъ сужденій и предложеній. Дѣло въ томъ, что первые периферическіе познавательные процессы, или процессы воспріятія, какъ мы уже говорили (ср. стр. 119), послѣдовательно вносятъ въ сознаніе все новый и новый матеріалъ: элементы этого матеріала неизбежно относятся поэтому другъ къ другу, какъ предъидущія и послѣдующія, т. е. располагаются въ извѣстномъ рядѣ — по времени поступленія въ сознаніе. Эту послѣдовательность поступленія матеріала въ сознаніе стараются затѣмъ воспроизвести и вторые периферическіе процессы, т. е. процессы выраженія: слова, какъ символы вещей, размѣщаются въ рѣчи нашей въ томъ же порядкѣ, какъ возникали воспріятія, и оттого въ предложеніяхъ, какъ и въ рядахъ воспріятій,

мы можемъ всегда отличить послѣдующее отъ предъидущаго: предъидущее выражается подлежащимъ, послѣдующее — сказуемымъ. Такимъ образомъ въ предложеніяхъ, подражающихъ обыкновенно отношенію воспріятій, различіе подлежащаго и сказуемаго совершенно неизбежно и естественно. Но подчиняются ли и центральные процессы переработки воспріятій тѣмъ же законамъ времени? Нѣтъ конечно сомнѣнія въ томъ, что и эти процессы, какъ и всѣ процессы природы, происходятъ во времени, такъ что и въ нихъ можно въ известномъ смыслѣ различать предъидущее и послѣдующее. Вопросъ не въ этомъ: вопросъ въ томъ, подчиняются ли они тѣмъ же условіямъ времени, времени такъ сказать объективнаго, какъ и процессы периферическіе, или же другимъ? На это разумѣется возможенъ только одинъ отвѣтъ, а именно, что условія времени въ умственныхъ процессахъ — другія, чѣмъ въ процессахъ воспріятія, а именно не объективныя, а такъ сказать субъективныя. Мы уже видѣли прежде, что установленіе какого-нибудь центрального отношенія между элементами сознанія возможно лишь подъ условіемъ ихъ сосуществованія: изъ послѣдовательныхъ наши воспріятія или идеи должны сдѣлаться сосуществующими, чтобы произошло ихъ сообщеніе или ассоціація; слѣдовательно, если въ мысли есть тоже предъидущее и послѣдующее, то здѣсь роль предъидущаго принадлежитъ совмѣстно и предъидущему и послѣдующему воспріятія, роль же послѣдующаго выполняетъ нѣчто совершенно новое, а именно центральное движеніе, устанавливающее известное отношеніе между воспріятіями и идеями. Однако и это, новое по характеру, преемство къ составу сужденія не имѣетъ прямого отношенія, ибо сужденіе есть лишь одно «послѣдующее» этого преемства: оно вѣдь и есть упомянутое центральное движеніе и, ранѣе этого движенія, никакого сужденія не существуетъ, а существуетъ развѣ только матеріалъ для сужденія. Слѣдовательно въ сужденіи сосуществуютъ не только известныя двѣ идеи какъ объекты мысли, но и третья идея объ ихъ отношеніи: никакого предъидущаго и послѣдующаго въ самомъ актѣ единичнаго сужденія нѣтъ — это одновременное, не разложимое на моменты, событіе; сужденіе есть движеніе — все остальное есть лишь неразлучная съ нимъ среда, или почва его. Поэтому — то различіе подлежащаго и сказуемаго въ сужденіи и не имѣетъ смысла. Но зато, когда сужденіе есть уже совершившійся фактъ, то сознаніе можетъ снова возстановить послѣдовательность воспріятій, и это именно и происходитъ во второмъ периферическомъ

процессъ — выраженія сужденія, т. е. въ предложеніи. Предложеніе, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ собственно не самой мысли, а ея результату, т. е. отношенію воспріятій, а именно отношенію предшествующаго воспріятія къ послѣдующему, установленному мыслию. Оттого-то оно и подчиняется рамкамъ времени и, сдѣлавъ центромъ тяжести предъидущее по времени воспріятіе (выражаемое подлежащимъ), присоединяетъ къ нему въ качествѣ послѣдующаго (сказуемое) все, что явилось потомъ, т. е. и новое воспріятіе и установленное мыслию отношеніе между обоими, прежнимъ и новымъ.

Таковы, какъ намъ кажется, причины различнаго состава предложеній и сужденій: сужденіе есть одновременное сообщеніе двухъ данныхъ элементовъ сознанія помощью третьяго, — оттого оно трехчленно; предложеніе есть воспроизведеніе отношенія одного изъ этихъ элементовъ сознанія къ другому (установленнаго упомянутымъ сообщеніемъ) въ послѣдовательности поступленія воспріятій въ сознаніе, — оттого оно и двухчленно. Разсмотримъ теперь послѣдствія указаннаго факта различія состава сужденій и предложеній. Послѣдствія эти тоже заслуживаютъ вниманія. Дѣло въ томъ, что сужденіе, какъ уже ясно изъ предшествующаго, разомъ устанавливаетъ взаимное отношеніе между сосуществующими объектами мысли: отношеніе, устанавливаемое имъ между представленіями *A* и *B* есть столько же отношеніе *A* къ *B*, какъ и отношеніе *B* къ *A*, хотя бы мы даже и не сознавали ясно полноту этихъ отношеній. Напротивъ предложеніе, ставя центръ тяжести въ одномъ объектѣ, большею частью выражаетъ только одну сторону сужденія, т. е. или отношеніе представленія *A* къ *B*, или отношеніе *B* къ *A*. Но это однако не значитъ, чтобы невозможны были и такія предложенія, которыя выражали бы содержаніе мысли вполне: такія предложенія часто возможны, но они уже не простыя, а составныя, или, точнѣе говоря, слитныя, т. е. представляютъ сліяніе двухъ простыхъ предложеній, и потому обязательно имѣютъ два подлежащихъ, а при сказуемомъ какія-нибудь дополненія, выражающія тоже его двоякій по идеѣ составъ (таковы дополненія: «между собою», «другъ къ другу», «другъ съ другомъ», «другъ отъ друга» и проч.)¹⁾. Такія слитныя

¹⁾ Прижѣры: треугольники *ABC* и *DEF* равны между собою; Норвегія и Швейцарія похожи другъ на друга; движеніе органовъ и сокращеніе мышцъ находятся въ причинной связи другъ съ другомъ; представленіе о Москвѣ и о кривизнѣ улицъ неразлучны другъ съ другомъ; растения и организмы находятся другъ къ другу въ отношеніи вида и рода, и проч.

предложенія по составу конечно уже ближе къ сужденіямъ, ибо въ нихъ сказуемое прямо выражаетъ мыслимое между предметами отношеніе, а подлежащія предложенія соотвѣтствуютъ объектамъ сужденія; но къ сожалѣнію они далеко не всегда возможны или, по крайней мѣрѣ, не всегда удобны. Когда отношенія объектовъ мысли совершенно подобны другъ другу, то тогда выразить ихъ слитнымъ предложеніемъ легко, ибо ихъ можно обнять въ одномъ, не очень сложномъ, сказуемомъ; когда же отношенія эти противоположны (напр. когда A предшествуетъ B , а B слѣдуетъ за A , когда A есть причина B , а B дѣйствіе A , когда A есть признакъ A , а B есть предметъ, которому принадлежитъ этотъ признакъ, и т. д.), то сліяніе предложеній часто весьма трудно (напр. возможно иногда лишь при помощи отрицательнаго сказуемаго: Декартъ и Бэконъ жили не одновременно), иногда же и вовсе не осуществимо при наличныхъ средствахъ даннаго языка. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи различные языки опять представляютъ своеобразныя особенности и, чѣмъ развитѣе языкъ, тѣмъ онъ конечно податливѣе къ указаннымъ операціямъ сліянія предложеній, — откуда конечно слѣдуетъ также, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ современныхъ языковъ можетъ быть будутъ найдены формулы для передачи всѣхъ сужденій слитными предложеніями. Однако и въ такихъ слитныхъ предложеніяхъ дуализмъ, выражающійся въ контрастѣ подлежащаго и сказуемаго, остается во всей силѣ, между тѣмъ какъ мысль является по прежнему трехчленною, ибо въ ней не имѣетъ смысла различіе предъидущаго и послѣдующаго. Эта трехчленность сужденій, какъ мы увидимъ ниже, съ удобствомъ можетъ быть выражена только помощью алгебраическихъ и вообще символическихъ знаковъ.

Выяснивъ такимъ образомъ не только причины, но и послѣдствія различнаго состава сужденій и предложеній, состоящія въ томъ, что сужденіе обыкновенно можетъ быть выражено вполне только двумя, взаимно дополняющими другъ друга, предложеніями, мы можемъ считать окончательно установленною ту истину, что различіе подлежащаго и сказуемаго не имѣетъ ни малѣйшаго смысла въ сужденіяхъ, т. е. въ самомъ процессѣ мысли. Но въ такомъ случаѣ устранено и главное препятствіе къ сближенію процессовъ сужденія съ процессами ассоціаціи: если сужденіе есть сознательное умственное движеніе, устанавливающее какое-либо отношеніе между двумя представленіями, то его очевидно можно опредѣлить иначе,

какъ процессъ сознательной ассоціаціи представленій. На анализъ этой формулы мы и остановимся теперь подробнѣе.

Припомнимъ высказанное нами ранѣе предположеніе, что бессознательныя умственныя движенія и преемства движеній, по мѣрѣ повторенія и воспроизведенія, становятся наконецъ сознательными. Признать возможность этого превращенія — бессознательныхъ движеній въ сознательныя — необходимо, если только принять во вниманіе общій характеръ развитія движеній организма въ отношеніи къ сознательности: всѣ движенія въ организмѣ челоуѣка сначала бессознательны; но со временемъ многія становятся сознательными, а затѣмъ и произвольными¹⁾. Поэтому вопросъ только въ томъ, въ какомъ именно смыслѣ или съ какой стороны умственныя движенія дѣлаются доступны сознанию, ибо сознавать движенія можно весьма различно. «Сознавать движеніе» можетъ значить, во первыхъ, сознавать, при помощи органическихъ мускульныхъ ощущеній, самое сокращеніе мышцъ, т. е. движеніе даннаго органа; во вторыхъ, можно сознавать, помощью специфическихъ ощущеній, свойственныхъ данному органу, результаты его движеній или отправленій, т. е. пережѣны, которыя происходятъ, благодаря этимъ отправленіямъ, въ отношеніи его элементовъ; въ третьихъ, можно сознавать субъективныя антѣцеденты движенія, т. е. чувствованія и стремленія, опредѣляющія его общее направленіе; наконецъ, въ четвертыхъ, можно сознавать объективную цѣль движенія и средства, помощью которыхъ эта цѣль можетъ быть вполнѣ достигнута; такое сознаніе объективной цѣли и средствъ движенія равносильно присутствію отвлеченной идеи, движенія, т. е. схемы его въ связи съ извѣстными его результатами. Однако два послѣдніе способа сознанія движеній конечно настолько выше и сложнѣе двухъ первыхъ, что ихъ конечно мы не могли еще имѣть въ виду, говоря о первыхъ сознательныхъ умственныхъ движеніяхъ: движенія, въ кото-

¹⁾ Конечно въ послѣдствіи происходитъ и обратный процессъ: превращенія сознательныхъ движеній въ бессознательныя или рефлекторныя; но эти вторичныя бессознательныя движенія уже имѣютъ болѣе сложный составъ, чѣмъ первичныя, а именно подобный тому, какъ и вторичныя сознательныя движенія, вслѣдствіе чего, между прочимъ, психологія давно признала существованіе и бессознательныхъ сужденій и умозаключеній. Этого рода превращеніе, слѣдовательно, всетаки представляетъ дальнѣйшій прогрессъ, а не регрессъ въ развитіи умственной дѣятельности.

рыхъ сознаются чувства и стремленія, какъ мы уже видѣли (ср. стр. 78), не только сознательны, но и произвольны; движенія, которыя руководятся еще и идеею объективной цѣли и направляются сообразно этой идеѣ, не только произвольны, но и методичны. Слѣдовательно, говоря, что бессознательныя умственныя движенія превращаются въ сознательныя, мы могли разумѣть только: или ту сознательность, которая доставляется органическими мускульными ощущеніями, или ту, которая доставляется специфическими умственными или вообще центральными ощущеніями, имѣющими предметомъ объективное содержаніе умственныхъ отправленій, т. е. перемѣны, происходящія при помощи нихъ, въ отношеніи представленій. Но первыя ощущенія, хотя и существуютъ въ мозгу, ибо мы можемъ чувствовать утомленіе и свѣжесть мозга, легкость или трудность его работы, вообще различныя степени умственнаго напряженія, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ не могли входить въ расчетъ, ибо эти ощущенія, какъ и всѣ органическія, имѣютъ общій и лишь весьма смутный характеръ и ничего не могутъ говорить сознанію о содержаніи единичныхъ ассоціативныхъ его движеній. Зато специфическія центральныя и въ частности умственныя ощущенія, если бы они существовали, вполне могли бы объяснить сознательность единичныхъ умственныхъ движеній, т. е. ассоціаций. Но эти специфическія умственныя ощущенія до сихъ поръ вовсе не признавались психологіей; только Локкъ предугадалъ ихъ существованіе, обнявъ ихъ въ довольно еще неопредѣленномъ понятіи рефлексіи, на счетъ значенія котораго психологи и до сихъ поръ препираются. Тѣмъ не менѣе, мы позволимъ себѣ категорически утверждать, что такія специфическія центральныя ощущенія существуютъ и что благодаря именно тому, что психологія не обращала на нихъ вниманія, анализъ умственной дѣятельности и не могъ до сихъ поръ стать на твердую научную почву. Что они существуютъ, доказывается уже тѣмъ фактомъ, что есть цѣлый рядъ представленій и понятій, вообще идей, которыя пріобрѣтаются не внѣшнимъ опытомъ, а собственною дѣятельностью ума; таковы идеи сродства, равенства, логическаго подчиненія, послѣдовательности во времени, причины и дѣйствія, и проч. Уже Юмъ и затѣмъ особенно Кантъ доказали вполне убѣдительно субъективность этихъ идей; но Кантъ перенесъ на нихъ старую теорію прирожденности понятій и, признавъ эти идеи готовымъ достояніемъ ума, облекъ ихъ въ какія-то мистическія сущности въ понятіи «категорій разсудка». Не проще

ли однако предположить, что и эти идеи происходят изъ такой же ассоціаціи и интеграціи ощущеній, какъ и всѣ прочія идеи челоуѣка? Если бы намъ удалось доказать, что именно изъ такихъ ощущенийъ, т. е. изъ специфическихъ умственныхъ ощущенийъ, всѣ онѣ дѣйствительно и образуются, то мы думаемъ, что подвинулись бы немного далѣе на томъ пути, по которому шли Локкъ, Юмъ и Кантъ. Но почему же эти гениальные мыслители не сдѣлали, ранѣе насъ, того естественнаго повидимому шага къ конечному развитію теоріи умственной дѣятельности, каковымъ представляется признаніе особыхъ умственныхъ ощущенийъ, лежащихъ въ основаніи понятій, которыя вносятся нами въ сужденія высшаго порядка? Объяснить этотъ фактъ можно очень просто. Чтобы признать какой-нибудь новый классъ ощущенийъ, нужно признать существованіе новаго объекта, который прежде извѣстнымъ ощущеніямъ недоступенъ. Этимъ путемъ между прочимъ произошло и открытіе мускульныхъ ощущенийъ шотландскими психологами прошлаго вѣка: когда они подмѣтили, что въ воспріятіяхъ зрительныхъ, осязательныхъ и другихъ играютъ важную роль движенія органовъ чувствъ, которыя могутъ быть не только сознательны, но и произвольны, то явилась потребность предположенія особыхъ ощущенийъ, помощьюъ которыхъ мы узнаемъ объ этихъ движеніяхъ, и вотъ возникла оказавшаяся впоследствии столь плодотворною гипотеза специфическихъ мускульныхъ ощущенийъ, теперь уже вполне доказанная. Такой же точно процессъ привелъ и насъ къ признанію ощущенийъ центральныхъ и въ частности умственныхъ. Мы пришли сначала къ убѣжденію, что всѣ умственные процессы суть движенія, затѣмъ принуждены были признать, что эти движенія могутъ быть сознательны, а отсюда уже сама собою возникаетъ мысль, что есть и специфическія ощущенія, помощьюъ которыхъ эти движенія сознаются, что вполне подтверждается и давно признаннымъ существованіемъ идей, относительно которыхъ необходимо поставить дилемму, что — или онѣ прирождены нашему уму, или возникаютъ изъ комбинаціи такихъ-же простѣйшихъ сознательныхъ ощущенийъ, какъ и всѣ прочія идеи, — при чемъ эта дилемма только поставленною нами гипотезою и разрѣшается вполне удовлетворительно, т. е. въ томъ направленіи, какого требуютъ общіе принципы современной психологій, отрицающей прирожденность какихъ-бы то ни было понятій. Такимъ образомъ, только отсутствіе идеи умственныхъ движеній, т. е. понятія объ особыхъ объектахъ специфической воспріимчивости центровъ, объясняетъ и неопредѣленность Локкова понятія «рефлексіи»

и тотъ фактъ, что Кантъ, признавъ центральныя идеи, не попытался вывести ихъ изъ центральныхъ ощущений. Свою гипотезу «умственныхъ ощущений», какъ особаго класса ощущений центральныхъ, т. е. гипотезу «ощущений умственныхъ движений», изъ которыхъ развиваются и всѣ сложныя идеи, входящія въ составъ сознательныхъ суждений, мы надѣемся подробнѣе подтвердить послѣ, а теперь остается лишь подчеркнуть еще разъ тотъ фактъ, что говоря о сознаніи умственныхъ движений въ процессѣ сужденія, мы разумѣли выше прежде всего совокупность специфическихъ умственныхъ ощущений, имѣющихъ предметомъ ассоціативныя умственныя движенія. Въ этомъ именно смыслѣ безсознательныя ассоціаціи, по мѣрѣ воспроизведенія, и становятся, по нашему мнѣнію, сознательными.

Но сужденія отличаются отъ безсознательныхъ ассоціаций, какъ мы уже говорили не разъ, не только сознательностью, но и сложностью своихъ элементовъ. Дѣйствительно: сужденіе, хотя бы и самое простое, есть уже ассоціація не ощущений (объективныхъ), а конкретныхъ представленій. Напр. если мы отождествляемъ красный цвѣтъ обертки книги съ краснымъ цвѣтомъ сургуча, то очевидно, что мы въ обоихъ случаяхъ имѣемъ уже дѣло съ двумя конкретными представленіями краснаго цвѣта, а не ощущениями, ибо мыслимъ красный цвѣтъ въ обоихъ случаяхъ въ ограниченной со всѣхъ сторонъ поверхности и вообще какъ цѣлое, въ которомъ интегрирована масса единичныхъ сознательныхъ ощущений, не только однородныхъ, но частію и разнородныхъ. А между тѣмъ такое сужденіе, отождествляющее отдѣльные признаки предметовъ есть простѣйшее сужденіе, какое мы себѣ можемъ представить. Хотя однако простѣйшими элементами суждений являются конкретныя представленія, а обыкновенными элементами безсознательныхъ ассоціаций мы признали ощущения, — тѣмъ не менѣе мы видѣли, что и конкретныя представленія могутъ ассоціироваться безсознательно. Отсюда ясно, что нѣкоторыя безсознательныя и сознательныя ассоціаціи, т. е. сужденія, имѣютъ одинъ и тотъ же матеріалъ, или одни и тѣ же ближайшіе элементы; но если такъ, то и связь этихъ элементовъ по качеству одна и та же, — разница лишь въ томъ, что одинъ разъ она безсознательна, другой — сознательна (что выяснится впоследствии нагляднѣе именно изъ анализа ощущений, имѣющихъ объектомъ простѣйшія умственныя движенія). Примеровъ такихъ тождественныхъ по содержанію безсознательныхъ и сознательныхъ ассоціаций конкретныхъ представленій можно было бы конечно привести

множество, потому что любыя два конкретныя представленія, способныя вообще ассоціроваться по внутренней или по вѣшной смежности, могутъ сообщиться въ умѣ нашемъ столько же бессознательно, сколько и сознательно, т. е. при помощи сужденія. Поэтому мы органичимся двумя, тремя примѣрами только для поясненія своей мысли. Вспомнивъ о какомъ-нибудь городѣ, черезъ который мы разъ проѣхали, мы начинаемъ припоминать другъ за другомъ его улицы, зданія, церкви, между тѣмъ какъ проѣзжали чрезъ него можетъ быть совершенно разсѣянно, говоря все время съ сидѣвшимъ возлѣ насъ другимъ лицомъ, или думая о совершенно постороннихъ вещахъ. Мы не составляли сужденій, что церковь такая-то стояла на такой-то площади, а возлѣ нея былъ расположенъ базаръ, а далѣе шла широкая улица подъ гору, къ рѣкѣ, и т. д.: представленія ассоціировались бессознательно. Но можетъ быть и на оборотъ, что воспоминанія наши суть только воспроизведенія цѣлаго ряда слѣдовавшихъ въ то время другъ за другомъ сознательныхъ ассоціаций, или сужденій, совершенно тождественнаго содержанія. Точно также, когда мы ходимъ по выставкѣ картинъ, то представленія объ отдѣльныхъ картинахъ могутъ ассоціироваться по смежности въ пространствѣ столько же бессознательно, сколько и сознательно. Заучивая наизусть стихи, мы тоже ассоціируемъ слова иногда бессознательно или механически, если память у насъ хорошая, иногда же сознательно, т. е. отдавая себѣ ясный отчетъ, что такое-то слово слѣдуетъ за такимъ-то, а такое-то за такимъ, и т. д. Поэтому большая сложность элементовъ въ сознательныхъ ассоціацияхъ есть во всякомъ случаѣ понятіе относительное: низшія сужденія по содержанію ничѣмъ не отличаются отъ высшихъ бессознательныхъ ассоціаций.

Въ связи со всѣми изложенными соображеніями, сдѣланное нами выше опредѣленіе процесса сужденія, какъ сознательнаго процесса ассоціаций представленій, въ обширномъ значеніи этого слова, должно быть теперь совершенно понятно: сознательность умственного движенія и есть главная специфическая черта сужденій сравнительно съ ассоціациями, прежде разсмотрѣнными. Эту идею сужденія, какъ сознательнаго процесса ассоціаций, можно облечь и въ наглядную формулу или схему. Если мы признаемъ основной схемой всѣхъ бессознательныхъ ассоціаций формулу $a + b$, при чемъ a и b — символы ощущеній, какъ конечныхъ элементовъ всѣхъ этихъ первичныхъ процессовъ ума, знакъ же $+$ символъ бессознательной ихъ связи, то для выраженія природы сужденій мы можемъ взять, во первыхъ, знаки

A и B , какъ символы представленій, служащихъ основными элементами сознательнаго мышленія, знакъ же $+$ замѣнить знакомъ \cap для обозначенія сознательности умственнаго движенія, устанавливающаго между ними то или другое отношеніе. Тогда мы получимъ слѣдующую приближительную схему сознательныхъ процессовъ ассоціаціи, сопоставленную съ схемою ассоціацій безсознательныхъ:

$$1) a + b$$

$$2) A \cap B$$

Отъ вопроса объ общемъ составѣ сужденій, какъ сознательныхъ ассоціацій, мы перейдемъ теперь къ анализу ихъ разновидностей и процесса ихъ развитія.

До сихъ поръ, говоря о сужденіяхъ, мы разумѣли всѣ безразлично процессы сознательныхъ ассоціацій, или сознательные умственные процессы, т. е. употребляли этотъ терминъ опять въ обширномъ значеніи слова (какъ выше терминъ «безсознательной ассоціаціи»), включая въ понятіе о процессѣ сужденія отчасти даже и понятіе о процессѣ умозаключенія, какъ законченной совокупности сужденій. Теперь намъ предстоитъ разобрать взаимныя отношенія различныхъ видовъ сознательныхъ ассоціацій — съ цѣлью опредѣлить, существуетъ ли параллелизмъ и между частными классами ассоціацій безсознательныхъ и сознательныхъ.

Прежде всего спрашивается, примѣнимо ли и къ сферѣ сознательной умственной дѣятельности различіе механическихъ и органическихъ процессовъ и соединеній? Если мы вникнемъ въ сущность различія процессовъ сужденія и процессовъ умозаключенія, то несомнѣнно придемъ къ выводу, что процессы умозаключенія относятся къ процессамъ сужденія, какъ разобранныя въ свое время органическія ассоціаціи, т. е. интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи, къ ассоціаціямъ механическимъ, т. е. къ ассоціаціямъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, диссоціаціямъ и дисассоціаціямъ. Дѣло въ томъ, что умозаключеніями называются законченные ряды сужденій, которые можно выразить слѣдующими схемами:

$$A \cap B, B \cap C, C \cap A \text{ или } A \overset{B}{\cap} C = M$$

$$A \frown B, B \frown C, C \frown D, D \frown A = A \overset{C \frown B}{\underset{(\quad)}{\frown}} D = N, \text{ и т. д.}$$

Какъ скоро сужденія совершили извѣстный законченный циклъ, такъ совокупность ихъ уже называется не простымъ агрегатомъ нѣсколькихъ сужденій, а умозаключеніемъ. Притомъ и отношеніе такихъ законченныхъ рядовъ сужденій къ единичнымъ сужденіямъ совершенно то же самое, что и разсмотрѣнныхъ выше законченныхъ органическихъ процессовъ психическаго развитія къ механическимъ. Въдъ несомнѣнно, что и процессы умозаключенія, какъ процессы, тоже ничего новаго и своеобразнаго въ себѣ не заключаютъ, — это просто ряды сужденій; но зато, благодаря особенному соотношенію нѣсколькихъ сужденій, продукты ихъ носятъ своеобразный отпечатокъ: отдѣльныя сужденія не создаютъ никакихъ новыхъ умственныхъ продуктовъ, а только сообщаютъ и разобщаютъ существующіе; напротивъ, умозаключенія создаютъ прямо новыя психическія единства, ибо если представленія $A B$ и C вступили, при помощи законченнаго ряда сужденій, въ болѣе тѣсную связь другъ съ другомъ, чѣмъ въ какой они находятся по отношенію ко всѣмъ другимъ представленіямъ, то ясно, что мы отнынѣ будемъ мыслить ихъ не отдѣльно, а вмѣстѣ — какъ элементы одного высшаго цѣлаго; другими словами, продуктомъ такого законченнаго ряда сужденій непремѣнно будетъ новое, высшее единство, представленіе же ли, или понятіе. Старая логика эту важную истину упускала изъ виду: имѣя въ виду сцѣпленія предложеній, она разбирала умозаключенія лишь какъ процессы, и потому не видѣла въ нихъ ничего, кромѣ особаго соединенія двухъ сужденій въ третье. Но оттого-то ея теорія умозаключеній и не въ состояніи была объяснить возникновенія ни одного изъ сложныхъ умственныхъ образованій. Она считала многія идеи какъ бы уже готовыми, отчего и начинала свой анализъ прямо съ «понятій», а когда её спрашивали, какъ же эти понятія сами образуются, то она отвѣчала: процессомъ обобщенія, процессомъ отвлеченія и т. д., не замѣчая, что эти термины процессовъ «обобщенія» и «отвлеченія» суть пустые звуки, лишеныя всякаго содержанія, какъ скоро мы не мыслимъ въ нихъ именно рядовъ сужденій и умозаключеній. Поэтому-то давно, чуть ли уже не съ Вольфа, если не ранѣе, въ представителяхъ логики жило смутное сознаніе, что «понятія» образуются сами не

иначе, какъ помощью сужденій же и умозаключеній и что ставить анализъ понятій ранѣе анализа сужденій и умозаключеній, значить совершенно извращать идею о ходѣ умственной дѣятельности. Такъ какъ однако теорія сужденій и умозаключеній продолжала до послѣдняго времени фатально смѣшиваться, даже въ умахъ лучшихъ мыслителей, напр. Канта, съ теоріею предложеній и выводовъ — предложенія же состоятъ изъ словъ, а слова суть уже символы конкретныхъ «понятій», то, вопреки собственному здравому смыслу, представители логики продолжали анализъ понятій ставить въ основаніе своей теоріи сужденій и умозаключеній и, на подобіе бѣлки, вертѣлись въ колесѣ, изъ котораго ни въ какую сторону не открывалось выхода (замѣчательно, что даже Вундтъ еще держится стараго порядка изслѣдованія процессовъ мышленія и только Шуппе пробуетъ отъ него эмансипироваться, но къ сожалѣнію не въ томъ направленіи, въ какомъ слѣдуетъ).

Умозаключенія впрочемъ не всѣ даютъ въ результатъ высшіе по объему продукты; иногда они имѣютъ, напротивъ, результатомъ дезинтеграцію этихъ продуктовъ на ихъ первоначальные элементы, иногда же дифференціацію ихъ на частные новые продукты меньшаго объема. Отсюда является потребность вникнуть ближе въ частные виды сужденій и умозаключеній, какъ механическихъ и органическихъ сознательныхъ ассоціацій.

Что касается до сужденій, то прежде всего различіе сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій уже давно признано логикой, хотя и косвенно, въ понятіи о «предложеніяхъ утвердительныхъ и отрицательныхъ». Къ сожалѣнію, это чисто формальное различіе предложеній, какъ и вообще вся теорія предложеній, не въ состояніи было выразить истинную природу упомянутыхъ двухъ классовъ сужденій. Дѣло въ томъ, что контрастъ утвердительныхъ и отрицательныхъ предложеній не вполне совпадаетъ съ контрастомъ положительныхъ и отрицательныхъ сужденій, или сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій: многія сужденія-ассоціаціи, по свойствамъ языка, выражаются въ отрицательныхъ предложеніяхъ и, наоборотъ, многія сужденія-диссоціаціи облекаются въ предложенія утвердительныя. Напр., не имѣя особаго слова для обозначенія какого-нибудь предмета, или явленія, или ихъ свойства, мы часто прибѣгаемъ въ предложеніи къ описанію его помощью отрицательной формулы; такъ мы говоримъ часто «человѣкъ этотъ неостороженъ», разумѣя однако совершенно положительную

совокупность его дѣйствій¹⁾). Такое несовпаденіе внѣшняго характера предложеній съ внутреннимъ характеромъ сужденій еще нагляднѣе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ утвердительный терминъ существуетъ, но, по забывчивости ли, или по неряшливости, или по другимъ причинамъ, мы вмѣсто него употребляемъ отрицательное опредѣленіе, напр. когда мы говоримъ: «онъ нехорошъ» вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ боленъ очень опасно, или «этотъ поступокъ некрасивъ» вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ уродливъ, подлъ, или низокъ, какимъ онъ намъ на самомъ дѣлѣ представляется, и т. д. Но точно такимъ же образомъ и на оборотъ: сужденія-диссоціаціи весьма часто имѣютъ утвердительную форму въ предложеніяхъ; напр. всѣ сужденія, утверждающія «различіе» какихъ-нибудь предметовъ, явленій, ихъ свойствъ и т. д. суть сужденія-диссоціаціи, а между тѣмъ они обыкновенно утвердительны, — таковы сужденія: сѣверная природа существенно отличается отъ южной, французы и нѣмцы различны по характеру, населеніе большихъ городовъ отличается отъ населенія малыхъ, и проч.

Разумѣется первоначально отрицаніе возникло въ языкѣ именно для выраженія сужденій-диссоціацій; но съ развитіемъ человѣческой рѣчи первоначальная связь отрицанія съ процессомъ сознательной диссоціаціи утратилась, и для выраженія сужденій-диссоціацій явились новые термины и новыя формулы, какъ и наоборотъ — для выраженія сужденій-ассоціацій приспособились многія старыя отрицательныя понятія и формулы. Тѣмъ не менѣе, контрастъ сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій конечно остается во всякомъ человѣческомъ умѣ въ полной силѣ. Сужденія-ассоціаціи можно опредѣлить какъ тѣ умственные движенія, которыя сознательно сообщаютъ представленія, сосуществующія въ нашемъ умѣ подъ вліяніемъ какихъ-нибудь независимыхъ отъ сознанія причинъ; сужденія-диссоціаціи, напротивъ, суть тѣ умственные движенія, которыя сознательно разобщаютъ такія представленія: при этомъ сужденія-ассоціаціи устанавливаютъ вновь или укрѣпляютъ связь представленій, сужденія-диссоціаціи разрушаютъ эту связь. Но въ такомъ случаѣ конечно сужденія-диссоціаціи, также какъ и бессознательныя диссоціаціи, возникаютъ лишь на почвѣ сужденій-ассоціацій; другими словами, всякое сознательное разобщеніе представленій возможно только въ томъ

¹⁾ Объ этого рода случаяхъ говорить и Вундтъ: *Logik*, I. S. 188.

случаѣ, если они предварительно, хотя бы только за секунду передъ тѣмъ и лишь на эту одну секунду, сознательно же сообщались другъ съ другомъ, ибо иначе сознательное разобщеніе ихъ не имѣло бы никакого разумнаго основанія и смысла. Эту простую истину стали понимать только новѣйшіе представители логики, признавшіе въ отрицательныхъ сужденіяхъ «вторичную» функцію ума (напр. Зигвартъ; ср. также Вундта, S. 187); а между тѣмъ, можно ли было сомнѣваться въ томъ, что сужденію о различіи предметовъ должно предшествовать хотя бы минутное предположеніе о ихъ тождествѣ или сходствѣ, сужденію о несмежности ихъ въ пространствѣ или о непослѣдовательности ихъ во времени — хотя бы минутное предположеніе о ихъ смежности или послѣдовательности, и т. д.? Вслѣдствіе этого, если сужденія-ассоціаціи мы выразили выше общею схемою $A \frown B$, то сужденія-диссоціаціи мы можемъ выразить сначала столь же общею схемою $A \circ B$ или просто $A \ominus B$, означающею (подобно схемѣ $a \pm b$ для бессознательныхъ ассоціацій), что сознательная диссоціація всегда происходитъ на почвѣ предшествующей ассоціаціи между данными представленіями.

Однако различіемъ сужденій-ассоціацій и сужденій-диссоціацій еще не исчерпана вся совокупность сужденій; есть еще третій классъ сужденій-дизассоціацій, параллельный классу бессознательныхъ дизассоціацій. Объ этомъ классѣ сужденій старая логика обыкновенно и не упоминала¹⁾, а между тѣмъ въ процессѣ мышленія, какъ мы увидимъ впоследствии, онъ играетъ большую роль. Подъ сужденіями-дизассоціаціями мы разумѣемъ тѣ, которыя, сознательно сообщая одни представленія, тѣмъ самымъ сознательно же разобщаютъ другія, — это одновременно сужденія-ассоціаціи и сужденія-диссоціаціи: напр. представленіе A , сообщаясь съ B , обязательно разобщается отъ C , что можно изобразить слѣдующею схемою:

$$A \frown B = A \circ C$$

Этого рода сужденія играютъ большую роль въ прогрессѣ человѣческихъ знаній. Когда астрономія установила, что земля вращается вокругъ солнца, она тѣмъ самымъ признала, что солнце не вращается

¹⁾ Кантовскій контрастъ отрицательныхъ и безконечныхъ сужденій отчасти намекаетъ на различіе сужденій-дизассоціацій и сужденій-диссоціацій (безконечныя сужденія), но онъ былъ у него слишкомъ формально обоснованъ, и потому новѣйшая логика его отвергла.

вокругъ земли; когда физиологія убѣдилась, что физиологическіе процессы подобны химическимъ и физическимъ, она тѣмъ самымъ отвергла участіе въ нихъ особой жизненной силы; когда біологія поставила гипотезу превращенія видовъ, она тѣмъ самымъ отвергла идею одновременнаго акта творчества въ основаніи происхожденія этихъ видовъ; точно также и мы: признавая процессы сужденія и умозаключенія за особый, болѣе сложный, видъ процессовъ ассоціаціи, принуждены были тѣмъ самымъ отказаться отъ взгляда на нихъ, какъ на самостоятельныя по природѣ отправления ума, и т. д. Особенно обширное и постоянное приложеніе эти сужденія имѣютъ при открытіи причинъ явленій: всякая новая идея причины явленія, открываемая наукою, заставляетъ отвергнуть идею старой причины, которой мы приписывали данное явленіе. Намъ могутъ возразить однако, что такіе двойные умственные акты суть уже не сужденія, а умозаключенія; но мы твердо настаиваемъ на томъ, что это «сужденія», а именно сужденія-дисассоціаціи, ибо въ нихъ собственно умъ производитъ одно дѣйствіе, а не два, хотя это дѣйствіе и имѣетъ результатъ двойной. Въдь если мы, произведя чернильное пятно на бумагѣ, тѣмъ самымъ уничтожили написанное слово, то никто не скажетъ что мы совершили два дѣйствія, а именно 1) сдѣлали чернильное пятно и 2) уничтожили написанное на томъ же мѣстѣ ранѣе слово: оба дѣйствія вполнѣ совпадаютъ и покрываютъ другъ друга. Точно также и въ области мысли. Конечно на словахъ часто случается, что люди, признавъ извѣстное отношеніе представленія A къ новому представленію B , отказываются, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергнуть тождественное отношеніе A къ C , которое первымъ отношеніемъ исключается; это зависитъ однако лишь отъ случайностей слова, вслѣдствіе которыхъ представленіе A во второмъ случаѣ кажется инымъ, чѣмъ представленіе A въ первомъ случаѣ; но какъ скоро тождество представленія A въ обоихъ случаяхъ (т. е. въ сущности тождество словесныхъ представленій x' и x'' , ему соответствующихъ) вполнѣ признано, то сужденіе $A \frown B$ только у сумасшедшаго не окажется одновременно и сужденіемъ $A \circ C$ (если только $A:B = A:C$). Вообще можно сказать, что въ умѣ человѣка сужденіе $A \frown B$ есть уже, въ указанныхъ случаяхъ, одновременно и сужденіе $A \circ C$, и только въ области слова, которое, какъ мы уже видѣли, даже и въ болѣе простыхъ случаяхъ не въ состояніи обнять разомъ всего содержанія мысли, сужденіе $B \frown A \circ C$ требуетъ двухъ предложеній или одного составнаго, чтобы быть выражено вполнѣ.

Такимъ образомъ въ сферѣ сознательныхъ механическихъ процессовъ ума различіе процессовъ ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи, точно также необходимо признать, какъ и въ сферѣ безсознательныхъ механическихъ процессовъ, и это различіе мы выразили, а также и впредь будемъ выражать, понятіями «сужденій-ассоціацій», «сужденій-диссоціацій» и «сужденій-дизассоціацій». Спрашивается далѣе, можно ли различать и въ сферѣ сознательныхъ органическихъ процессовъ мышленія процессы интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи, т. е. можно ли дѣлить и умозаключенія на умозаключенія-интеграціи, умозаключенія-дезинтеграціи и умозаключенія-дифференціаціи? Такъ какъ умозаключенія могутъ приводить столько же къ новымъ сообщеніямъ, сколько и къ новымъ разобщеніямъ представленій, т. е. столько же къ положительнымъ, сколько и къ отрицательнымъ новымъ сужденіямъ, то — если мы только признаемъ окончательно, что умозаключенія съ положительными результатами въ извѣстныхъ случаяхъ суть интеграціи представленій, — намъ придется признать и обратно, что параллельныя имъ умозаключенія съ отрицательными результатами суть дезинтеграціи представленій. Но мы избѣгаемъ вообще апіорныхъ выводовъ и потому рассмотримъ *a posteriori*, дѣйствительно ли одни умозаключенія приводятъ къ интеграціямъ идей, другія имѣютъ послѣдствіемъ ихъ дезинтеграціи.

Какъ образуется напр. сознательное представленіе объ исторической эпохѣ, очевидно являющееся интеграціей какихъ-то идей? А очевидно такъ, что событіе *A* мы признаемъ предшествующимъ событію *B*, событіе *B* предшествующимъ событію *C*, событіе *C* — событію *D*, *D*—*E* и т. д., пока наконецъ не остановимся на какомъ-нибудь событіи *G* и не установимъ, при помощи промежуточныхъ событій, извѣстную связь его съ первымъ событіемъ *A*. Сообщение *G* съ *A* скрѣпило всѣ прочія сообщенія и явилось новое цѣльное представленіе объ эпохѣ. А какъ образуется напр. сознательное представленіе о какомъ-нибудь городѣ? Очевидно такъ, что представленіе объ улицѣ *AB* сознательно связывается съ представленіемъ о смежной улицѣ *BC*, представленіе о *BC* съ представленіемъ о площади *CDGN*, это представленіе въ свою очередь съ представленіями о новыхъ улицахъ *DE*, *GH*, *NM*, которыя идутъ отъ нея въ различныя стороны, и т. д., — пока наконецъ мы не узнаемъ весь городъ съ его улицами, площадями, мостами, замѣчательными зданіями и т. д., и пока любое послѣднее представленіе объ улицѣ *VW* на другой чертѣ города не свяжется, при

помощи других воспроизведенных въ умѣ сообщений между представленіями, съ представленіемъ о первой улицѣ AB , въ которой мы напр. сами живемъ. Точно также образуются и конкретныя понятія. Напр. понятіе о собакахъ въ умѣ ребенка образуется при помощи сознательнаго сообщенія нѣсколькихъ сложныхъ представлений о собакахъ различной породы и различнаго вида — лишь въ тотъ моментъ однако, когда послѣднее усвоенное представленіе о собакахъ, только что видѣнной, сообщилось, при помощи воспроизведенія ряда другихъ представлений, съ вернымъ представленіемъ объ этомъ животномъ, которое давно образовалось въ его умѣ, ибо въ противномъ случаѣ, т. е. безъ этого заключительнаго сообщенія, у него будетъ много связанныхъ другъ съ другомъ частныхъ представлений о собакахъ, но цѣльнаго понятія объ этой породѣ животныхъ не будетъ.

Нечего и говорить, разумѣется, что всѣ эти интеграціи могутъ быть облечены въ схемы умозаключеній:

$$\left. \begin{array}{l} A \frown B \\ B \frown C \\ \hline C \frown A \end{array} \right\} = M \quad \text{или} \quad \left. \begin{array}{l} A \frown B \\ B \frown C \\ C \frown D \\ \vdots \\ E \frown F \\ \hline F \frown A \end{array} \right\} = P$$

Такимъ образомъ сомнѣваться въ томъ, что извѣстныя умозаключенія, состоящія изъ положительныхъ сужденій, приводятъ къ интеграціямъ представлений въ высшія единства, едва ли возможно.

Дезинтеграціи, какъ мы уже прежде доказали, точно также происходятъ на почвѣ предшествующихъ интеграціи, какъ диссоціаціи на почвѣ ассоціацій, но въ то же время дезинтеграціи суть законченныя диссоціаціи. Существуютъ ли умозаключенія, которыя бы соответствовали этой идеѣ?

Если представленія A , B и C хотя бы на минуту сообщились въ нашемъ умѣ и дали мысль о новомъ единствѣ, изъ нихъ составленною, и если затѣмъ произойдетъ диссоціація между A и B , B и C или только между A и B , или же B и C , то мы должны будемъ отвергнуть во всякомъ случаѣ и связь представлений A и C , какъ послѣдствіе прочихъ соотношеній, и диссоціація между A и C , какъ заключительная и органически-неизбѣжная, будетъ главнымъ символомъ

дезинтеграціи единства, которое временно и предположительно образовалось въ нашемъ умѣ. Напр. если мы предположили сходство растеній A и B , B и C , C и D и, заключивъ отсюда и къ сходству растеній D и A , видѣвъ съ тѣмъ мысленно интегрировали ихъ въ одинъ общій классъ растеній M ; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, увидѣли, что растеніе A вовсе не похоже на B , а также и C на D , вслѣдствіе чего принуждены были разобщить и представленія D и A , то это послѣднее разобщеніе очевидно окончательно разрушитъ общее представленіе M , т. е. дезинтегрируетъ его. Такъ какъ сомнѣваться въ томъ, что подобныя дезинтеграціи могутъ быть облечены тоже въ схемы умозаключеній, ведущихъ только не къ положительнымъ, а къ отрицательнымъ результатамъ, нѣтъ возможности, то приходится считать установленною и ту истину, что есть умозаключенія-дезинтеграціи, т. е. умозаключенія, представляющія собою органическія диссоціаціи представленій.

Но этими двумя классами умозаключеній всѣ ихъ виды также еще не выражены. Если мы обратимъ вниманіе только на сложныя умозаключенія, съ которыми имѣла дѣло старая логика, а именно на умозаключенія, выражающіяся въ формѣ силлогизмовъ, въ особенности утвердительныхъ силлогизмовъ первой фигуры, то окажется невозможнымъ признать въ этихъ послѣднихъ формулу интеграціи представленій въ новыя единства, а тѣмъ менѣе дезинтеграціи ихъ, ибо результатъ такихъ умозаключеній всетаки положительный:

$$\begin{array}{l} \text{Напр. Всѣ } S \text{ суть } P \\ \quad \quad \quad S_1 \text{ есть } S \\ \hline \text{Слѣд. } S_1 \text{ есть } P \end{array}$$

Что за типъ умозаключенія выраженъ въ этомъ выводѣ? Интеграціею нѣсколькихъ представленій въ высшее единство это умозаключеніе по тому не можетъ быть, что сужденіе, лежащее въ основаніи предложенія S_1 есть P даетъ болѣе частный результатъ, чѣмъ какой выраженъ въ первомъ предложеніи «всѣ S суть P ». Скорѣе уже первое предложеніе есть выраженіе интеграціи, ибо S есть названіе цѣлаго, содержащаго въ себѣ рядъ частныхъ представленій, интегрированныхъ другъ съ другомъ. Но если предложеніе «всѣ S суть P » есть выраженіе результатовъ интеграціи, а предложеніе S_1 есть P не есть выраженіе настоящей дезинтеграціи, ибо оно не уничтожаетъ само по себѣ пред-

ложения «всѣ S суть P », то не имѣемъ ли мы въ разбираемомъ умозаключеніи примѣра умозаключенія-дифференціаціи? Очевидно на этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно, ибо если мы выразимъ въ болѣе полной формѣ соотвѣтствующій процессъ мысли, то получимъ слѣдующую совокупность предложеній:

$$\begin{array}{c} \text{Всѣ } S \text{ суть } P \\ S_1 S_2 S_3 S_4 \dots \text{ суть } A \\ \hline \text{Слѣд. } S_1 \text{ есть } P', S_2 \text{ есть } P'' \text{ и т. д.} \end{array}$$

Содержаніе понятія, выраженнаго формулою «всѣ S », очевидно дифференцировалось въ умозаключеніи, соотвѣтствующемъ этому выводу, между представленіями, именуемыми $S_1 S_2 S_3 S_4$ и т. д.

Такимъ образомъ есть и умозаключенія-дифференціаціи. Эти умозаключенія суть сочетанія интеграцій съ дезинтеграціей и въ то же время на нихъ можно смотрѣть какъ на законченныя диссоціаціи. Но, чтобы въ этомъ убѣдиться, надо съ отвлеченной почвы перейти на болѣе конкретную. Терминъ P , какъ опредѣленіе содержанія S , конечно выражаетъ совокупность извѣстныхъ частныхъ признаковъ, напр. b, c и d , связанныхъ между собою, и принадлежащихъ группѣ предметовъ S . Если мы помощью умозаключенія указаннаго типа убѣдимся, что S_1 имѣетъ признаки $b' \cap c' \cap d'$, S_2 — признаки $b'' \cap c'' \cap d''$, S_3 — признаки $b''' \cap c''' \cap d'''$ и т. д., при чемъ различные надстрочные знаки означаютъ, что въ предметахъ $S_1 S_2 S_3 S_4$ общіе признаки b, c и d , въ силу извѣстныхъ индивидуальныхъ чертъ этихъ предметовъ, только сходны, а не совершенно тождественны, — то ясно что признаки b, c и d послужатъ основаніемъ для цѣлаго ряда частныхъ интеграцій ($b' \cap c' \cap d'$), ($b'' \cap c'' \cap d''$) и т. д., т. е. законченныхъ ассоціацій, которыя вызовутъ въ свою очередь съ неизбѣжностью извѣстныя законченныя же диссоціаціи между b', b'', b''' и b'''' , c', c'', c''' и c'''' , d', d'', d''' и d'''' , а въ концѣ концовъ и соотвѣтствующую дезинтеграцію представленія P , какъ совокупности общихъ признаковъ b, c, d . Другими словами, дифференціація понятія S , т. е. распределеніе его содержанія между представленіями $S_1 S_2$ и проч. будетъ основано на совокупности законченныхъ диссоціацій, или же интеграцій, вызвавшихъ въ свою очередь неизбѣжно дезинтеграцію цѣлаго, которое прежде мыслилось нераздѣльно, — что и требовалось доказать. Приведемъ для поясненія примѣръ: если у ребенка образовалось сознательное понятіе о какой-

нибудь мебели, которую онъ часто встрѣчаетъ, напр. о шкапѣ, выражающаеся въ сужденіи о цѣломъ, какъ совокупности извѣстныхъ признаковъ, встрѣчаемыхъ въ различныхъ предметахъ, и если затѣмъ, наблюдая точнѣе тѣ же предметы, онъ замѣтитъ, что рядомъ съ общими признаками въ этихъ различныхъ предметахъ, называемыхъ шкапомъ, нѣются и свои совершенно своеобразныя черты, то упомянутые общіе признаки, будучи индивидуализированы спеціальными въ нѣсколько частныхъ группъ, очевидно въ концѣ концовъ, ассоціировавшись, интегрируются другъ съ другомъ въ новыя единства, что произведетъ и рядъ диссоціацій между признаками, прежде считавшимися вполне тождественными и дезинтеграцію прежняго понятія о шкапѣ, какъ о чемъ-то вездѣ себѣ равномъ; послѣднимъ же продуктомъ всѣхъ этихъ процессовъ будетъ дифференціація общаго понятія о шкапѣ на болѣе частныя понятія о коммодѣ, о буфетѣ, объ этажеркѣ, о шкапѣ платяномъ и т. д.

Стало быть, различіе умозаключеній-интеграцій и дезинтеграцій, а также и умозаключеній-дифференціацій, предположенное выше, сомнѣнію не подлежитъ. Мало того, различіе это отчасти сознавалось даже и прежнею логикой, особенно новѣйшею, которая различала индуктивныя умозаключенія отъ дедуктивныхъ. Нужно ли говорить, что старое понятіе объ индуктивныхъ умозаключеніяхъ вполне соотвѣтствуетъ нашему понятію объ умозаключеніяхъ-интеграціяхъ, понятіе же объ умозаключеніяхъ дедуктивныхъ — нашему понятію объ умозаключеніяхъ-дифференціаціяхъ; только умозаключенія-дезинтеграціи, какъ ведущія къ отрицательнымъ результатамъ, не вызвали пока потребности особаго наименованія, ибо въ развитіи знаній, разрушая, а не созидая, они конечно играютъ менѣе замѣтную роль. Однако логика, какъ наука чисто теоретическая, не въ правѣ и ихъ обойти совершеннымъ молчаніемъ, и понятіе дезинтеграціи отлично можетъ восполнить существующій пробѣлъ. Впрочемъ и понятія интеграціи и дифференціаціи гораздо удобнѣе для обозначенія основныхъ типовъ умозаключеній, чѣмъ старыя понятія индукціи и дедукціи. Въ этихъ послѣднихъ лежитъ уже во всякомъ случаѣ идея произвольности мышленія, а отчасти даже и методичности совершаемыхъ имъ отправленій, почему для выраженія основныхъ типовъ произвольныхъ умозаключеній они непригодны. Понятія же интеграціи и дифференціаціи, какъ мы видѣли, способны не только выразить контрастъ произвольныхъ положительныхъ умозаключеній двоякаго рода, но и соотвѣтствующихъ имъ двоякаго рода безсозна-

тельных умственных процессовъ, образующихъ представленія, — не говоря уже о томъ, что они приложимы дагѣ при анализѣ не только процессовъ умственной дѣятельности, но и всѣхъ вообще психическихъ процессовъ и отчасти даже всѣхъ процессовъ природы, органическихъ и неорганическихъ. Такимъ образомъ значенія понятій «индукціи» и «дедукціи» мы лучше и не будемъ расширять, а воспользуемся ими впоследствии для спеціального противуположенія произвольно-методическихъ умозаключеній-интеграцій и умозаключеній-дифференціацій.

Установивъ въ общихъ чертахъ параллелизмъ между классами сужденій и бессознательныхъ механическихъ умственныхъ процессовъ, съ одной стороны, и между классами умозаключеній и бессознательныхъ органическихъ умственныхъ процессовъ — съ другой, намъ необходимо теперь выяснитъ, почему отношеніе сознательныхъ (механическихъ и органическихъ) процессовъ мышленія къ бессознательнымъ (механическимъ и органическимъ) мы признали въ свое время съ другой точки зрѣнія тоже отношеніемъ органическихъ процессовъ къ механическимъ?

Начнемъ съ того, что въ умѣ человѣка, какъ и во всей природѣ происходитъ несомнѣнно своего рода борьба за существованіе между болѣе сильными и болѣе слабыми продуктами мысли, въ которой разумеется первыя побѣждаютъ и подчиняютъ себѣ вторыя. Фактъ этотъ давно подмѣченъ психологами и всего полнѣе выраженъ психологическою системою Гербарта. Но въ психологіи Гербарта много произвола, ибо собственно въ ней не достаетъ научнаго принципа для разграниченія болѣе сильныхъ продуктовъ мысли отъ болѣе слабыхъ. Этотъ принципъ въ области физическаго міра впервые указанъ Дарвиномъ въ его теоріи развитія неорганической природы въ органическую, органической низшей въ органическую высшую и проч., помощью постоянной побѣды болѣе совершенныхъ по организаціи продуктовъ надъ менѣе совершенными. Но и въ дарвиновскомъ понятіи «относительнаго совершенства» физическихъ существованій еще много метафизическаго тумана: понятіе относительнаго совершенства, мыслимое въ болѣе конкретной формѣ, необходимо превращается въ понятіе относительной сложности, а понятіе относительной сложности въ понятіе различнаго количества связей, скрѣпляющихъ элементы данныхъ единствъ. Нечего и говорить, что если идею борьбы за существованіе мы выразимъ въ формѣ принципа, что чѣмъ больше количество свя-

зей, скрѣпляющихъ данные элементы въ единство, тѣмъ труднѣе оно разрушается и тѣмъ вѣрнѣе нобѣда его надъ другими единствами, въ борьбѣ за существованіе, то идея эта изъ отвлеченной и туманной, сдѣлается гораздо конкретнѣе и яснѣе. Теперь, если идею единства съ меньшимъ количествомъ скрѣпляющихъ связей мы выразимъ понятіемъ механическаго, а идею единства съ бѣльшимъ количествомъ этихъ связей понятіемъ органическаго соединенія, то какія бы два различныя соотношенія элементовъ природы, жизни, или сознанія, мы ни взяли для сравненія, одно окажется непремѣнно «механическимъ агрегатомъ» въ сравненіи съ другимъ, а это другое, по отношенію къ первому, «органическимъ соединеніемъ». Понятія эти слѣдовательно совершенно относительны. Отсюда вытекаетъ, что при сравненіи любыхъ двухъ психическихъ и, въ частности, умственныхъ продуктовъ, или любыхъ двухъ классовъ этихъ продуктовъ, неизбѣженъ вопросъ, какой или какіе продукты суть механическіе агрегаты, т. е. представляютъ бѣлье поверхностныя сцѣпленія или, другими словами, меньшее количество связей между собою, и какой или какіе суть органическія цѣлыя, т. е. представляютъ бѣлье глубокое соединеніе, или бѣльшее количество связей? Точно также и по отношенію къ процессамъ, образующимъ эти продукты, всегда приложимъ вопросъ, какіе изъ нихъ механическіе и какіе — органическіе, т. е. какіе разнообразіе или прочнѣе, и какіе однообразіе или поверхностнѣе связываютъ психическіе и въ частности умственные элементы. Но, если такъ, то различивъ другъ отъ друга механическіе и органическіе бессознательные, и механическіе и органическіе сознательные умственные процессы и ихъ продукты, мы не можемъ никакимъ способомъ уклониться отъ вопроса, какіе изъ механическихъ и органическихъ бессознательныхъ и сознательныхъ процессовъ и продуктовъ, въ совокупности взятыхъ, представляются въ свою очередь механическими по отношенію къ другимъ, органическимъ? Другими словами, дилемма, что — или бессознательные процессы имѣютъ механической характеръ сравнительно съ сознательными, или на оборотъ, безусловно неизбѣжна.

На вопросъ, въ этой дилеммѣ заключающійся, конечно уже и аргументъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ, а именно, что сознательные процессы, какъ вторичные и бѣлье сложныя, должны быть признаны органическими сравнительно съ бессознательными, а эти послѣдніе, какъ первичныя и менѣе сложныя, — механическими. Но тотъ же выводъ

можно приобрести и *a posteriori*, и притомъ даже различными путями. Во первыхъ, если мы сравнимъ, дѣйствительныя бессознательныя и сознательныя ассоціаціи представленій, то легко придемъ къ выводу, что сознательныя ассоціаціи, т. е. сужденія, устанавливаютъ болѣе прочную связь между ними, чѣмъ бессознательныя ассоціаціи, уже потому, что эта связь (въ сужденіяхъ) есть болѣею частью не простая, единичная, связь, какъ въ бессознательныхъ ассоціаціяхъ, а цѣлый агрегатъ связей. Положимъ напр., что мы сознательнымъ сужденіемъ признали сходство между какою-нибудь картиною Айвазовскаго и видѣнною нами самими на морѣ бурю: сужденіе это вѣдь есть установленіе не единичнаго какого-нибудь сходства, а цѣлаго ряда сходствъ — между цвѣтомъ моря у Айвазовскаго и въ натурѣ, между видомъ и отношеніемъ волнъ на картинѣ и въ дѣйствительности, между колоритомъ неба въ обонхъ случаяхъ, и т. д. Напротивъ, если оба представленія соединились по бессознательной ассоціаціи (о чемъ мы узнаемъ напр. изъ воспоминанія картины художника по поводу воспроизведеннаго представленія испытанной нами бури), то связь ихъ въ сензоріумѣ обыкновенно единичная, а именно связь между какими-нибудь единичными ощущеніями, входящими въ то и другое цѣлое; если же она и не единичная, то и въ такомъ случаѣ она всетаки не столь разнообразна и полна, какъ въ сужденіи. Поэтому-то сужденіе о сходствѣ и устойчивѣе въ умѣ, чѣмъ бессознательная ассоціація по сходству, и то же самое относится и къ диссоціаціямъ, интеграціямъ и другимъ процессамъ, устанавливающимъ соотношенія между элементами мысли. Но въ такомъ случаѣ конечно сознательныя процессы ума должны быть признаны «органическими», въ сравненіи съ бессознательными, а не на оборотъ. Во вторыхъ, къ тому же выводу приводитъ еще и слѣдующая мысль: такъ какъ сужденія самими простыми элементами своими имѣютъ конкретныя представленія, конкретныя же представленія уже суть продукты интеграціи ощущеній, то даже самыя простѣйшія по составу сужденія развиваются уже на почвѣ органическихъ бессознательныхъ соединеній, т. е. уже не могутъ имѣть того безусловно механическаго характера, какъ первоначальныя бессознательныя ассоціаціи ощущеній. Наконецъ, тотъ же выводъ подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что самыя идеи объ отношеніяхъ, связывающихъ конкретныя представленія (а тѣмъ болѣе понятія) въ сужденіяхъ, напр. идеи равенства, сходства, противоположности, связи, зависимости, параллелизма, и т. д., какъ мы уже и

намекнули однажды и какъ мы нагляднѣе убѣдимся впоследствии, суть также интеграціи болѣе простыхъ воспріятій или, прямѣ говоря, ощущеній тождества, различія, преемства и отсутствія преемства, которыя лежатъ въ основаніи самыхъ первоначальныхъ сужденій. Следовательно, съ какихъ бы сторонъ мы ни сравнивали бессознательныя и сознательныя ассоціаціи, мы неизбежно придемъ къ заключенію, что сознательныя ассоціаціи должны относиться къ бессознательнымъ, какъ органическіе процессы соединенія какихъ-либо элементовъ къ механическимъ.

Теперь, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ подробному анализу процессовъ сужденія и умозаключенія, остается еще разъяснить, почему всѣ сознательныя процессы мы обнимали прежде въ понятіи сужденій, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Мы дѣлали это не только по аналогіи съ предшествующимъ наименованіемъ совокупности всѣхъ бессознательныхъ умственныхъ процессовъ терминномъ ассоціаціи, въ обширномъ значеніи; но и потому, что понятіе сужденія дѣйствительно выражаетъ основную функцію сознательнаго мышленія. Это уже ясно и изъ того, что всѣ умозаключенія, какъ процессы, мы признали лишь законченными рядами сужденій. Но каждое умозаключеніе можно не только разсматривать какъ рядъ сужденій, но и просто какъ единичное сужденіе болѣе сложнаго состава. Дѣло въ томъ, что когда однажды уже совершилась сознательная интеграція элементовъ мысли въ новое единство, то каждое воспроизведеніе ея результата, т. е. результата того или другого умозаключенія, возможно лишь въ формѣ сужденія. Эта мысль нагляднѣе всего подтверждается предшествующимъ анализомъ содержанія сужденій, выражающихся въ четырехъ отмѣченныхъ нами видахъ предложеній. Очевидно что сужденія, устанавливающія отношеніе сложной идеи о цѣломъ къ болѣе простымъ идеямъ о составныхъ элементахъ этого цѣлаго (соотвѣтствующія предложеніямъ, въ которыхъ разчленяется составъ объективнаго цѣлаго, какъ суммы частей), суть уже не простыя сознательныя ассоціаціи, т. е. сужденія въ тѣсномъ смыслѣ, а воспроизведенія сознательныхъ дифференціацій. Точно также сужденія, устанавливающія отношенія болѣе простыхъ идей объ объектахъ къ болѣе сложной, которая обнимаетъ ихъ совокупность (соотвѣтствующія тѣмъ предложеніямъ, въ которыхъ утверждается принадлежность частей къ цѣлому) суть воспроизведенія сознательныхъ интеграцій. Далѣе, даже и сужденія, подводящія нѣсколько представленій подъ идею отношенія ихъ,

какъ элементовъ высшей идеи (соотвѣтствующія предложеніямъ, высказывающимъ что-либо объ отношеніи другъ къ другу частей одного объективнаго цѣлаго — предмета, явленія, событія и т. д.) суть очевидно также уже воспроизведенія результатовъ сознательныхъ интеграцій или дифференціацій. Такимъ образомъ только сужденія перваго класса, т. е. связывающія два или болѣе представленія третьимъ представленіемъ объ отношеніи ихъ, какъ самостоятельныхъ элементовъ мысли, суть сужденія въ тѣсномъ значеніи слова, т. е. дѣйствительно механическія сознательныя ассоціаціи, да и то, какъ сказано выше, самыя воспріятія отношеній представленій иногда могутъ быть уже «идеями», возникшими путемъ интеграціи болѣе простыхъ элементовъ, т. е. умственныхъ ощущеній. По этимъ-то причинамъ, т. е. въ виду возможности воспроизведенія продуктовъ всѣхъ сознательныхъ умственныхъ процессовъ въ формѣ единичныхъ сужденій, мы и обнимали прежде въ понятіи «сужденій», въ обширномъ смыслѣ слова, безразлично всѣ эти сознательныя процессы.

Выяснивъ такимъ образомъ съ различныхъ сторонъ параллелизмъ безсознательныхъ и сознательныхъ умственныхъ процессовъ въ отношеніи къ общимъ ихъ классамъ и взаимной связи этихъ послѣднихъ, мы приступимъ теперь къ спеціальному анализу различныхъ типовъ отношеній, которыя устанавливаются между идеями произвольно-сознательнымъ мышленіемъ. Если бы оказалось, что и основные типы этихъ спеціальныхъ отношеній въ сужденіяхъ въ обширномъ значеніи, тѣ же самыя, какъ и въ безсознательныхъ ассоціаціяхъ, т. е. что всѣ эти отношенія могутъ быть сведены къ типамъ, подобнымъ арифметическому и геометрическому въ ассоціаціяхъ безсознательныхъ, — то можно будетъ считать главный нашъ тезисъ объ однородности процессовъ ассоціаціи и процессовъ сужденія вполне доказаннымъ и можно будетъ перейти къ обзорнѣю частныхъ ступеней развитія вторичныхъ или сознательныхъ отправленій ума.

Опредѣливъ въ свое время сужденія какъ «сознательныя ассоціативныя движенія», мы выяснили затѣмъ, въ чемъ именно состоитъ эта сознательность на ступени произвольнаго мышленія. Мы пришли къ выводу, что сначала возможна только сознательность ощущеній,

имѣющихъ объектомъ центральныя движенія, ассоціирующія другъ съ другомъ наши представленія. Но само собою разумѣется, что эти специфическія умственныя ощущенія, какъ мы ихъ назвали, проходятъ всѣ тѣ же стадіи развитія, какъ и всѣ прочія наши ощущенія. Сначала они бессознательны, затѣмъ бессознательныя умственныя ощущенія интегрируются въ сознательныя, далѣе эти сознательныя ощущенія соединяются въ конкретныя представленія, имѣющія объектомъ уже не единичныя умственныя движенія, а ихъ координаціи; еще далѣе изъ этихъ представлений развиваются конкретныя понятія о дѣйствіяхъ ума, затѣмъ изъ этихъ послѣднихъ понятія отвлеченныя, наконецъ и методическія или научныя идеи объ умственныхъ процессахъ, которыя могутъ быть опять различной степени развитія.

Безъ помощи гипотезы такого постепеннаго развитія сознательности умственныхъ движеній и соответствующихъ имъ ощущеній нельзя объяснить ни происхожденія конкретныхъ и отвлеченныхъ идей объ отношеніяхъ объектовъ внѣшняго, вообще физическаго опыта, субъективность которыхъ, какъ мы уже указали, была окончательно установлена еще Кантомъ. Безъ помощи ея непонятна была бы и другая наша гипотеза о постепенно развивающихся въ смыслѣ сознательности умственныхъ оборотахъ, состоящихъ совершенно изъ тѣхъ же элементовъ объективной и субъективной воспримчивости и дѣятельности, какъ и всѣ прочіе психическіе обороты. Безъ нея останется туманнымъ отвлеченіемъ и давно признанное, но еще совершенно не выясненное въ своемъ содержаніи, понятіе самосознанія. Вообще гипотеза о способности нашего сензоріума ощущать перемѣны въ немъ самомъ происходящія, т. е. собственныя свои отправления, и неизбежно связанное съ нею предположеніе о развитіи этихъ ощущеній въ болѣе сложныя умственные продукты, восполняетъ, по нашему мнѣнію, много пробѣловъ въ психологін и, между прочимъ, и тотъ пробѣлъ, который мѣшалъ окончательной постановкѣ этой науки на строго-эмпирическую почву, ибо вѣдь и понятіе внутренняго опыта, какъ орудія для построенія наукъ о сознаніи, при отсутствіи этой гипотезы, являлось совершенно смутнымъ отвлеченіемъ, — между тѣмъ какъ съ принятіемъ предположенія центральныхъ, умственныхъ и другихъ подобныхъ ощущеній, т. е. ощущеній движеній сензоріума или перемѣнъ, въ немъ самомъ совершающихся, идея внутренняго опыта пріобрѣтаетъ вполне реальную постановку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ,

как мы тотчас увидимъ, выясняется и множество другихъ фактовъ изъ исторіи развитія сознанія, которые давно констатированы, но до сихъ поръ оставались болѣе или менѣе непонятными.

Дѣло въ томъ, что специфическія умственные ощущенія, какъ и вообще ощущенія центральныя, очевидно въ развитіи своемъ отстаютъ отъ внѣшнихъ ощущеній. Мы уже видѣли, что умственные и вообще центральныя движенія, комбинирующія эти внѣшнія ощущенія, сначала безсознательны. Ощущенія этихъ движеній изъ безсознательныхъ превращаются въ сознательныя лишь тогда, когда внѣшнія ощущенія уже превратились въ конкретныя представленія, ибо сужденія, т. е. ощущаемыя умственные движенія, имѣютъ содержаніемъ уже не единичныя внѣшнія ощущенія, а интегрированныя ихъ единства, т. е. представленія. Отсюда естественно является мысль, что развитіе специфическихъ умственныхъ ощущеній совершается на цѣлую ступень позднѣе, чѣмъ развитіе прочихъ ощущеній и это предположеніе, какъ мы увидимъ послѣ, вполне подтверждается болѣе подробнымъ анализомъ развитія мышленія, т. е. сужденій и умозаключеній. Въ то время, какъ конкретныя представленія внѣшняго опыта уже превращаются въ конкретныя понятія, умственные ощущенія еще только безсознательно и механически интегрируются въ конкретныя представленія. Въ то время, какъ конкретныя понятія помощью произвольныхъ процессовъ мысли превращаются въ понятія отвлеченныя, — конкретныя представленія о дѣйствіяхъ ума осложняются еще только въ конкретныя понятія, и т. д. Этимъ-то феноменомъ отставанія (на одну ступень) развитія умственныхъ ощущеній отъ развитія прочихъ ощущеній, объясняется и тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что самознаніе чловѣка развивается позднѣе внѣшняго сознанія, и другой параллельный фактъ, что внутренній опытъ всегда отстаетъ въ развитіи отъ опыта внѣшняго, и наконецъ, какъ послѣдствіе этихъ фактовъ, то явленіе, что науки о физическомъ мірѣ въ своемъ движеніи и прогрессѣ всегда на одну ступень опережаютъ науки о сознаніи: въ то время, какъ науки о физическомъ мірѣ начали освобождаться отъ гнета метафизики и дѣлаться индуктивными (XVII вѣкъ), науки о сознаніи еще едва эмансипировались, да и то не съ разу, отъ религіозно-миеологическихъ и совершенно фантастическихъ представленій, и лишь вступили въ метафизическій фазисъ развитія; въ то время, когда физическія науки изъ индуктивныхъ стали превращаться въ точныя (вторая половина XVIII в.), науки о сознаніи

начали переходить только еще на индуктивную или эмпирическую почву, и т. д. Всѣ эти факты только тогда и возможно объяснить себѣ, если принять со всѣми ея послѣдствіями гипотезу интеллектуальныхъ ощущений, развивающихся позднѣе ощущенийъ внѣшнихъ.

Но въ такомъ случаѣ въ настоящей главѣ «о произвольныхъ процессахъ» мысли намъ предстоитъ еще двойная задача, а именно: 1) не только прослѣдить общій ходъ развитія конкретныхъ представлений о внѣшнемъ мірѣ въ конкретныя понятія, но и 2) параллельно выяснить какъ самое зарожденіе сознательныхъ умственныхъ ощущенийъ, такъ и ходъ осложненія ихъ въ конкретныя представленія о координаціяхъ умственныхъ движеній. Такъ какъ эти два процесса происходятъ совместно и параллельно и дополняютъ другъ друга, то и анализъ ихъ долженъ быть общій. Анализъ этотъ, вслѣдствіе сложныхъ сплетеній этихъ двойныхъ процессовъ, представляетъ однако большія трудности и во всей полнотѣ своей не можетъ быть съ перваго раза исчерпанъ, ибо чѣмъ сложнѣе становится составъ мысли, тѣмъ болѣе и болѣе увеличивается количество направлений, въ которыхъ дифференцируется ея работа. На первый разъ поэтому мы задаемся лишь скромною задачею намѣтить главные фазисы осложненія идей о внѣшнемъ мірѣ, параллельно развитію изъ умственныхъ ощущенийъ первыхъ идей интеллектуальнаго круга. Соотвѣтственно этому ближайшій вопросъ, который намъ предстоитъ рѣшить, состоитъ конечно въ томъ: какъ и когда зарождаются, при ассоціативныхъ движеніяхъ, имѣющихъ объектомъ внѣшнія конкретныя представленія, сознательныя ощущенія этихъ движеній, т. е. какъ и когда безсознательныя умственныя движенія переходятъ въ сознательныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ: какіе типы имѣютъ первоначальныя сознательныя движенія, въ сравненіи съ безсознательными, т. е. какое содержаніе имѣютъ первыя сознательныя ощущенія умственныхъ отправленій? Когда этотъ первый вопросъ будетъ рѣшенъ, то останется рассмотреть далѣе, какимъ образомъ изъ комбинаціи первоначальныхъ или элементарныхъ сознательныхъ движеній и процессовъ ума развиваются болѣе сложныя произвольно-сознательныя дѣйствія его и какъ, параллельно, интеллектуальныя ощущенія превращаются въ конкретныя представленія, а конкретныя представленія о внѣшнемъ мірѣ въ конкретныя понятія?

Мы высказывали уже не разъ предположеніе, что первыя сознательныя умственныя движенія возникаютъ на почвѣ неоднократнаго воспроизведенія бессознательныхъ ассоціацій. Это уже и а priori понятно, ибо повтореніе бессознательныхъ ассоціативныхъ движеній ума не можетъ проходить въ сензоріумѣ безслѣдно. Ассоціативнымъ комбинаціямъ конкретныхъ представленій уже съ самаго начала конечно соотвѣтствуютъ извѣстныя ощущенія, но совершенно смутныя или бессознательныя: другими словами, бессознательныя ассоціативныя движенія ума оставляютъ извѣстные слѣды въ томъ спеціально отдѣленіи сензоріума, которое по наследственной организаціи нервной системы заправляетъ умственною дѣятельностью человѣка (ибо вѣдь и всѣ прочія механическія или рефлекторныя движенія организма необъяснимы безъ гипотезы бессознательныхъ ощущеній, служащихъ для нихъ импульсомъ); но слѣды эти, какъ и соотвѣтствующія имъ раздраженія, сначала имѣютъ исключительно физиологическій характеръ, и лишь съ накопленіемъ ихъ, т. е. съ ихъ ассоціаціей и интеграціей, возникаютъ сознательно-ощущаемыя умственныя движенія, т. е. сужденія. Опредѣлить моментъ этого перехода бессознательныхъ ощущеній умственныхъ движеній въ сознательныя, т. е. бессознательныхъ ассоціацій въ произвольно-сознательныя сужденія, можно однако только въ самыхъ общихъ чертахъ, ибо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти условія могутъ быть до извѣстной степени различны. Иныя ассоціаціи въ теченіе всей жизни человѣка остаются бессознательными, другія напротивъ, когда умъ уже приобрѣлъ ту степень развитія, на которой онъ способенъ къ сознательнымъ сужденіямъ, сразу являются сознательными. Чѣмъ развитѣе человѣкъ интеллектуально, тѣмъ конечно короче время, которое требуется для перехода бессознательныхъ ассоціацій въ сознательныя, и наоборотъ: чѣмъ онъ менѣе развитъ, тѣмъ труднѣе и медленнѣе совершается этотъ процессъ. Можно даже сказать, что иногда время, раздѣляющее бессознательную ассоціацію данныхъ представленій отъ сознательной ихъ ассоціаціи, есть величина безконечно малая, иногда напротивъ — безконечно большая (а именно, когда бессознательная ассоціація на всегда остается бессознательной), а между этими крайностями существуетъ масса переходныхъ ступеней. Слѣдовательно, задача наша можетъ состоять лишь въ открытіи какихъ-нибудь общихъ условій, дающихъ послѣдній толчекъ превращенію бессознательныхъ ассоціацій въ сознательныя, а отнюдь не въ опредѣленіи спеціального

числа моментовъ, протекающихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ между тѣми и другими, ибо отъ него такое превращеніе всего менѣе зависитъ.

Намъ кажется, что если принять во вниманіе различіе между взаимными отношеніями отдѣльныхъ элементовъ мысли въ ассоціаціяхъ сознательныхъ, т. е. въ сужденіяхъ, и въ ассоціаціяхъ бессознательныхъ, то общія условія означеннаго превращенія не трудно будетъ опредѣлить. Въ ассоціаціяхъ бессознательныхъ раздѣльность ассоциируемыхъ ощущеній или представленій, хотя бы они и не разогъ, а послѣдовательно возникали въ сензориумѣ, еще ясно не сознается, ибо въ томъ и состоитъ сущность бессознательныхъ ассоціацій, что онѣ неизвѣстно какимъ образомъ и на какомъ основаніи сплетаютъ отдѣльные элементы нашего опыта въ одинъ связный рядъ, въ одну общую картину. Въ ассоціаціяхъ же сознательныхъ, напротивъ, элементы нашего опыта являются раздѣленными, т. е. сознаются особо, какъ нѣчто самостоятельное; а такъ какъ уже самыя первоначальныя сужденія состоятъ изъ представленій (ср. стр. 148), то выходитъ, что раздѣленіе представленій, относящихся къ объектамъ опыта и есть главное условіе сознательныхъ ассоціацій. Это раздѣленіе представленій, т. е. дифференціація сложныхъ представленій бессознательной формациі, на болѣе простыя по составу, какъ мы уже видѣли, сначала происходитъ тоже бессознательно (ср. стр. 125—126), вслѣдствіе новыхъ бессознательныхъ ассоціацій и соответствующихъ диссоціацій, т. е. дизассоціацій между ощущеніями. Но когда сложное представленіе однажды бессознательно распалось на рядъ болѣе частныхъ единствъ ощущеній, то при новыхъ опытахъ и сопровождающемъ ихъ объективированіи частныхъ представленій во внѣшней средѣ, происходитъ неизбежно такое сосуществованіе ихъ въ сознаніи, при которомъ раздѣльность ихъ другъ отъ друга уже не можетъ укрыться отъ этого послѣдняго. Съ этого-то момента и начинается сознательная ассоціація представленій, т. е. возникаютъ сужденія, ибо сознательно раздѣленное во внѣшнемъ опытѣ уже не способно связаться вновь бессознательно, а должно или сообщиться сознательно или на всегда остаться разобщеннымъ. Однако, если мы примемъ во вниманіе, что бессознательно дифференцированныя представленія, прежде чѣмъ стать элементами суждепій, должны предварительно войти въ сосуществованіе другъ съ другомъ при посредствѣ чувственнаго опыта, то ясно, что собственно не эти бессознательно-дифференцированныя представленія, какъ таковыя, а сознательно-раздѣльныя воспріятія, въ которыхъ они отражаются,

служать настоящими элементами суждений, т. е. сознательных ассоциаций. Оттого мы и говорили в свое время, что сознательный процесс восприятия служит первым условием для развития сознательного мышления (ср. стр. 81—85). Продукты его, отдельные восприятия, правда не составляют, как видно теперь, самостоятельно развивающихся из ощущений элементов сознания, а суть только объективированные, т. е. ставшие непосредственными, частные представления; другими словами, это суть лишь элементы самой мысли, изнутри вложенные ею в действительность; но всетаки без этого превращения представлений в восприятия, т. е. без обратных центральных и соответствующих им чисто периферических познавательных движений, называемых нами в совокупности «процессами восприятия», продукты бессознательных ассоциаций не могут сделаться элементами мышления сознательного. А вследствие этого участия периферических процессов восприятия в возникновении сознательных ассоциаций, последнее между прочим находится в зависимости и от развития органов периферии и от изменений в самих внешних объектах, ибо то и другое не только ускоряют процесс дифференциации представлений, но и облегчают обратное превращение этих последних в сознательно-раздельные восприятия. Так напр. изменениями во внешних объектах всего удобнее объясняются многие неожиданные для нас суждения ребенка, который, проходя ежедневно мимо известных предметов или явлений, долго не замечает их внешней или внутренней связи и вдруг делает открытия о их преествѣ, смежности в пространствѣ, тождествѣ или различіи, которая и выражает окружающим лицам в формѣ предложеній — съ такимъ восторгомъ, какъ будто открылъ своего рода Америку. Взрослымъ этотъ восторгъ обыкновенно кажется наивнымъ, но если мы внимемъ въ дѣло серьезно, съ цѣлью его разъясненія, то почти всегда должны будемъ придти къ выводу, что первоначальнымъ поводомъ къ превращенію бессознательныхъ ассоциаций въ сознательныя была какая-нибудь переменна въ отношеніи объектовъ опыта, переменна въ ихъ взаимномъ положеніи въ пространствѣ, появленіе среди нихъ чего-либо новаго или, напротивъ, исчезновеніе одного изъ прежнихъ звеньевъ въ ряду объектовъ, — наконецъ иногда даже только новое освѣщеніе ихъ, отчасти изменившее ихъ цвѣтъ или очертанія.

Итакъ ближайшій толчекъ къ развитію сознательныхъ ассоциаций или суждений заключается въ процессѣ восприятия, въ которомъ то, что

прежде ощущалось въ нераздѣльной связи, начинаетъ сознаваться, вслѣдствіе предшествующей безсознательной дифференціаціи представленій, какъ раздѣльное. Другими словами, ближайшая причина сознательной ассоціаціи представленій есть раздѣльная фиксація сознанія на ихъ объектахъ или раздѣльное направленіе на нихъ вниманія. Но замѣтимъ однако, что этотъ периферическій процессъ раздѣленія представленій отнюдь не должно смѣшивать съ центральнымъ или умственнымъ актомъ ихъ различенія, т. е. сознательной диссоціаціи: большая разница, сознавать ли объекты *A* и *B*, какъ два (а не какъ одно) или сознавать, что *A* отличается отъ *B*. Сознаваемое въ чувственномъ опытѣ раздѣльно можно и различать и отождествлять и мыслить въ преамблѣ или вообще въ какой-нибудь внѣшней связи. Между тѣмъ многіе психологи смѣшиваютъ до сихъ поръ эти два процесса, и оттого не разъ въ психологической литературѣ возникалъ нелѣпый споръ о томъ, что умъ нашъ дѣлаетъ прежде: различаетъ или отождествляетъ. Периферическій актъ сознательнаго раздѣленія представленій въ воспріятіи конечно предшествуетъ отождествляющимъ умственнымъ движеніямъ; но зато различающія движенія мысли всегда предваряются хотя бы минутными предположительными отождествленіями ея объектовъ, вслѣдствіе чего сужденія-диссоціаціи и могутъ происходить только на почвѣ сужденій-ассоціацій. Затѣмъ надо замѣтить еще и то, что если въ периферическомъ актѣ раздѣльнаго воспріятія лежитъ одно изъ главныхъ условій перехода безсознательныхъ ассоціативныхъ движеній въ сознательныя, то это условіе всетаки, какъ уже можно заключать изъ предшествующаго, не единственное: оно только даетъ послѣдній толчекъ для образованія сужденій и является ихъ *conditio sine qua non*. Другое же, внутреннее условіе сознательныхъ ассоціацій, какъ мы уже видѣли, заключается въ одновременномъ фактѣ пріобрѣтенія сензоріумомъ способности сознательно ощущать свои движенія: ибо, если бы такая способность не могла развиваться, то раздѣленное въ чувственномъ опытѣ всетаки не въ состояніи было бы вновь сознательно сообщиться въ сужденіи; а для этого необходимо параллельное развитіе центральной чувствительности, которое и достигается, какъ мы говорили, воспроизведеніемъ или повтореніемъ однородныхъ безсознательныхъ ассоціативныхъ движеній, оставляющихъ слѣды въ сензоріумѣ. Но если такъ, то понятно между прочимъ, что единственными объектами первоначальныхъ сознательныхъ умственныхъ ощущеній могутъ быть только тѣ немногочисленные виды ASSO-

ціативныхъ движеній, которые мы въ свое время разсмотрѣли, т. е. движенія арифметическаго и геометрическаго типа, что ясно уже и изъ того соображенія, что первоначальныя сужденія имѣютъ даже тотъ же матеріалъ, какъ и высшія бессознательныя ассоціаціи, а именно конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра. Понятно, что постоянныя повторенія бессознательныхъ ассоціативныхъ движеній, сообщающихъ эти представленія по внѣшней и внутренней смежности, сопровождаемая бессознательными ощущеніями, наконецъ подготовятъ въ сензоріумѣ почву для сознательныхъ ощущеній этихъ движеній, и если вслѣдъ за сознательнымъ раздѣленіемъ представленій, при посредствѣ акта чувственного воспріятія, въ сензоріумѣ произойдетъ, вслѣдствіе присущей ему органической потребности или данныхъ внѣшнихъ условій, новая ихъ ассоціація, то эта ассоціація, отнынѣ уже совершится сознательно, т. е. будетъ сопровождаться сознательнымъ ощущеніемъ происходящаго движенія. Конечно при этомъ остается еще не вполне понятнымъ, какимъ образомъ появленіе сознательно-раздѣльныхъ воспріятій обыкновенно совпадаетъ во времени съ сознательнымъ ощущеніемъ вновь сообщающаго ихъ умственного движенія, т. е. вслѣдствіе какихъ внутреннихъ причинъ переходъ периферическихъ и центральныхъ бессознательныхъ познавательныхъ движеній въ сознательныя происходитъ параллельно и одновременно; но самый фактъ этого параллелизма и одновременности, который можетъ быть вполне разъясненъ, по нашему мнѣнію, только при содѣйствіи физиологій, не подлежитъ сомнѣнію, ибо каждый человѣкъ собственнымъ опытомъ своимъ можетъ его повѣрить: какъ скоро воспріятіе разчленило элементы опыта, прежде бессознательно связанные, такъ сейчасъ же возникаетъ въ умѣ и сознательная ихъ ассоціація или диссоціація, т. е. сужденіе. Можетъ быть этотъ двоякій феноменъ объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что раздѣльное воспріятіе сопровождается тѣмъ же фактомъ обостреннаго сознанія, какъ и сознательныя центральныя ассоціаціи; другими словами, можетъ быть одновременность перехода периферическихъ и центральныхъ бессознательныхъ движеній въ сознательныя въ концѣ концовъ объясняется одною и тою же причиною, а именно увеличеніемъ, вслѣдствіе повторенія, интенсивности или силы познавательныхъ движеній, т. е. накопленіемъ умственной энергіи, — подобно тому, какъ накопленіе энергіи въ пищеварительныхъ органахъ одновременно дѣлаетъ болѣе сознательными и движенія органовъ, пережевывающихъ пищу

и растворяющих её слюною, и отравленія органовъ пищеварительныхъ въ собственномъ смыслѣ¹⁾? Этотъ-то вопросъ именно и должна окончательно рѣшить физиологія, ибо только ей и доступно опредѣленіе дѣйствительныхъ условий скопленія умственной энергіи. Но, такъ или иначе, теперь кажется достаточно ясенъ тотъ фактъ, что для перехода безсознательныхъ ассоціацій въ сознательныя нужны двоякія общія условія, а именно столько же развитіе периферическихъ процессовъ воспримчивости, дающихъ матеріалъ для сужденій, т. е. превращеніе движеній органовъ чувствъ изъ безсознательныхъ въ сознательныя, сколько и параллельное развитіе центральныхъ движеній, т. е. превращеніе безсознательныхъ ощущеній этихъ движеній (помощью интеграціи ихъ другъ съ другомъ) въ сознательныя.

Сдѣлавъ попытку, на сколько можно полнѣе выяснитъ трудный вопросъ объ условіяхъ самаго зарожденія сознательныхъ умственныхъ движеній, рассмотримъ теперь подробнѣе первоначальные виды или типы этихъ сознательныхъ движеній, или, что то же, содержаніе интеллектуальныхъ ощущеній, ихъ сопровождающихъ. Мы уже упомянули, что эти ощущенія могутъ сначала имѣть объектомъ только разсмотрѣнные нами выше первоначальные типы умственныхъ движеній, т. е. типы арифметическій и геометрической, ибо именно изъ накопленія слѣдовъ безсознательныхъ ощущеній этихъ движеній они и возникаютъ. Но въ такомъ случаѣ конечно и самыя типы первыхъ ощущаемыхъ движеній, т. е. сужденій и умозаключеній, должны быть тѣ же самыя, какъ и типы параллельныхъ безсознательныхъ ассоціацій и интеграціи. Это ясно, какъ мы сказали, и изъ того, что матеріалъ первыхъ сужденій тотъ же самый, какъ и матеріалъ высшихъ по содержанию безсознательныхъ ассоціацій (ср. выше, стр. 148). Другими словами, первыя сознательныя ассоціаціи въ тѣсномъ значеніи или сужденія-ассоціаціи должны быть движеніями: 1) сознательно устанавливающими внѣшнюю смежность или преемство представленій и 2) сознательно устанавливающими внутреннюю ихъ смежность или тождество. Точно также первыя сужденія-диссоціаціи должны быть движеніями, сознательно отвергающими 1) внѣшнюю

¹⁾ Известно напр., что, при удовлетвореніи сильнаго голода, и вкусовыя ощущенія и органическія ощущенія въ пищеводѣ и желудкѣ одновременно пріобрѣтаютъ большую ясность.

смежность представлений и 2) внутреннюю смежность ихъ, т. е. тождество, или, что то же, устанавливающихъ ихъ несмежность или различіе. Первые сужденія-дисассоціаціи должны одновременно, устанавливая преемство или тождество однихъ простыхъ представлений, отрицать ео ipso преемство или тождество другихъ. Первые умозаключенія-интеграціи должны, помощью законченнаго ряда сужденій, сознательно связывать представленія въ высшія единства внѣшняго или внутренняго характера. Первые умозаключенія-десинтеграціи должны также сознательно разрушать подобныя высшія единства, т. е. сложныя конкретныя представленія, — если предположительное образованіе ихъ оказалось недостаточно мотивированнымъ. Наконецъ, первые умозаключенія-дифференціаціи должны, помощью сужденій-дисассоціацій, сознательно разчленять сложныя конкретныя представленія двоякаго типа на ихъ составные элементы. Параллельно этому, умственные ощущенія, которыя дѣлаютъ всѣ упомянутыя движенія и преемства движеній сознательными, сначала имѣютъ конечно слѣдующее двоякое содержаніе: одни суть ощущенія движеній отождествляющихъ и различающихъ и ихъ совокупностей, т. е. ощущенія тождества и различія представлений; другія суть ощущенія движеній, устанавливающихъ или отрицающихъ внѣшнее преемство, и ихъ рядовъ, т. е. ощущенія преемства и отсутствія преемства воспріятій. Такая первоначальная простота интеллектуальныхъ ощущеній не представляетъ ничего необычнаго, ибо и прочія ощущенія (периферическія) тоже вначалѣ весьма несложны; напр. глазъ ребенка, только-что родившагося, едва ли различаетъ что-либо болѣе, чѣмъ контрасты свѣта и тѣни, опредѣленности и отсутствія опредѣленности въ очертаніяхъ предметовъ, — не говоря уже о томъ, что есть, какъ извѣстно, организмы низшаго устройства, которые и вовсе не идутъ въ своемъ развитіи далѣе подобныхъ элементарныхъ ощущеній, напр. совершенно неспособны къ ощущеніямъ цвѣтовымъ. Интеллектуальныя же ощущенія человѣка только сначала такъ просты, а затѣмъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ ума, во первыхъ, дифференцируются на новые виды, напр. ощущенія тождества воспріятій на спеціальныя ощущенія тождества воспріятій различныхъ классовъ (воспріятій зрительныхъ, слуховыхъ, вкусовыхъ и проч.), ощущенія преемства воспріятій на спеціальныя ощущенія преемства ихъ въ пространствѣ, во времени, во внѣшней средѣ, въ самомъ организмѣ и т. д.; далѣе, дифференцированныя спеціальныя умственные ощущенія, во вторыхъ, разнообразно

комбинируются другъ съ другомъ, что и ведетъ въ концѣ концовъ къ образованію конкретныхъ представленій о первичныхъ дѣйствіяхъ ума, т. е. о совокупностяхъ элементарныхъ его движеній.

Придя къ выводу, что интеллектуальныя ощущенія, по самому происхожденію своему изъ слѣдовъ бессознательныхъ движеній, первоначально имѣютъ объектами лишь двоякаго рода ассоціативныя умственные движенія, рассмотрѣнныя нами выше, т. е. движенія типовъ арифметическаго и геометрическаго, и что сообразно съ этимъ и первыя сужденія и умозаключенія, т. е. сознательныя ассоціаціи, должны быть тѣхъ же двухъ типовъ, мы однако естественно должны признать въ то же время необходимость выраженія особыми формулами означенныхъ основныхъ типовъ сознательныхъ ассоціацій, ибо относительно бѣльшая сложность ихъ элементовъ и сознательность отношеній этихъ элементовъ несомнѣнно даетъ имъ и особаго рода отпечатокъ, сравнительно съ параллельными ассоціаціями бессознательными.

Прежде всего и общія названія — движеній «арифметическаго» и «геометрическаго» типа — для области сознательнаго мышленія не вполне пригодны, ибо о простомъ сложеніи и помноженіи психическихъ явленій здѣсь уже не можетъ быть рѣчи: сложеніе замѣняется, такъ сказать, сознательнымъ расположеніемъ ихъ въ ряды и группы, помноженіе — сознательнымъ собираніемъ ихъ въ цѣпи и единства. Этимъ двоякимъ процессамъ, аналогичнымъ съ прежде отмѣченными, но не вполне тождественнымъ съ ними, надо дать и особыя наименованія. Сужденія и умозаключенія перваго рода мы назовемъ сознательными ассоціаціями физическаго типа, ибо они отражаютъ въ себѣ внѣшнія или «физическія» отношенія объектовъ представленій; сужденія же и умозаключенія втораго рода мы назовемъ сознательными ассоціаціями математическаго или алгебраическаго типа, ибо они лежатъ въ основаніи «математическаго» или алгебраическаго мышленія и всего удобнѣе могутъ быть выражены математическими или алгебраическими знаками (напр. знакомъ равенства и другими, составленными по аналогіи съ нимъ¹⁾).

¹⁾ На почвѣ анализа этихъ сужденій, или, вѣрнѣе говоря, предложеній, имъ соответствующихъ, и возникла такъ называемая математическая или алгебраическая логика.

Параллельно особымъ отвѣченнымъ названіямъ, слѣдуетъ найти и особые знаки для конкретнаго выраженія сужденій и умозаключеній физическаго и математическаго типовъ. Для выраженія всѣхъ вообще сознательныхъ ассоціацій и диссоціацій мы уже приняли знаки \subset и \supset , соотвѣтствующіе знакамъ $+$ и \pm , въ сферѣ мышленія бессознательнаго. Но теперь параллельно дифференціаціи этихъ послѣднихъ на знаки $+$ и \pm , для выраженія ассоціацій и диссоціацій ариѳметическаго типа, и \times и \otimes — для выраженія ассоціацій и диссоціацій типа геометрическаго, необходимо дифференцировать на такіе же два класса и знаки \subset и \supset . Для сознательныхъ ассоціацій и диссоціацій типа физическаго мы опять оставимъ общіе знаки \subset и \supset ; для параллельныхъ ассоціацій и диссоціацій типа математическаго мы примемъ знаки $=$ и \neq , выражая этимъ послѣднимъ опять ту идею, что сознательная диссоціація есть всегда лишь разрушеніе сознательной ассоціаціи. При помощи этихъ символовъ, общій характеръ и главные виды сужденій-ассоціацій, диссоціацій и дизассоціацій придется выразить слѣдующими формулами, въ которыхъ большія буквы X, Y, A, B и т. д. будутъ выражать идею конкретныхъ представленій или воспріятій, съ которыхъ начинается сознательное мышленіе (подобно тому, какъ въ прежнихъ формулахъ малыя буквы x, y, a, b и проч. выражали идею «ощущеній»):

1) Для сужденій-ассоціацій:

$$X \subset Y, Y \subset Z \dots \left\{ \begin{array}{l} A \subset B, B \subset C \dots \\ A_1 = A_2, A_2 = A_3 \dots \end{array} \right.$$

2) Для сужденій-диссоціацій:

$$X \supset Y, Y \supset Z \dots \left\{ \begin{array}{l} A \supset B, B \supset C \dots \\ A_1 \neq A_2, A_2 \neq A_3 \dots \end{array} \right.$$

3) Для сужденій-дизассоціацій:

$$X \subset Z' = X \supset Z \left\{ \begin{array}{l} A \subset B = A \supset C \\ (A_1 = A_2) = (A_1 \neq A_2) \end{array} \right.$$

Въ этихъ формулахъ ново еще и то, что мы повторяли въ каждой слѣдующей формулѣ ассоціаціи и диссоціаціи буквы, уже встрѣчав-

шіяся въ предыдущей: Это безусловно необходимо въ виду указанной нами сознательной раздѣльности представленій въ сужденіяхъ.

На тѣхъ же основаніяхъ могутъ быть составлены конечно и общія формулы умозаключеній-интеграцій, дезинтеграцій и дифференціацій:

1) Умозаключенія-интеграціи можно выразить слѣдующими формулами:

$$\text{Общая: } \left. \begin{array}{l} X \circlearrowleft Y \\ Y \circlearrowleft Z \\ X \circlearrowleft Z \end{array} \right\} = (X \circlearrowleft Y + Y \circlearrowleft Z + Z \circlearrowleft X) = R$$

$$\text{Частныя: } \left\{ \begin{array}{l} 1. \frac{A \circlearrowleft B}{B \circlearrowleft C} \\ 2. \frac{A_1 = A_2}{A_2 = A_3} \\ \frac{A_1 = A_3}{A_1 = A_3} \end{array} \right\} = (A \circlearrowleft B + B \circlearrowleft C + C \circlearrowleft A) = M$$

$$\left\{ \begin{array}{l} 2. \frac{A_1 = A_2}{A_2 = A_3} \\ \frac{A_1 = A_3}{A_1 = A_3} \end{array} \right\} = (A_1 = A_2 + A_2 = A_3 + A_3 = A_1) = A_m$$

2) Умозаключенія-дезинтеграціи можно, параллельно, выразить слѣдующими схемами:

$$\text{Общая: } \left. \begin{array}{l} X \circlearrowright Y \\ Y \circlearrowright Z \\ X \circlearrowright Z \end{array} \right\} = (X \circlearrowright Y + Y \circlearrowright Z + Z \circlearrowright X) = 1 - R$$

$$\text{Частныя: } \left\{ \begin{array}{l} 1. \frac{D \circlearrowright E}{E \circlearrowright F} \\ 2. \frac{A_4 \# A_5}{A_5 \# A_6} \\ \frac{A_4 \# A_6}{A_4 \# A_6} \end{array} \right\} = (D \circlearrowright E + E \circlearrowright F + F \circlearrowright D) = 1 - N$$

$$\left\{ \begin{array}{l} 2. \frac{A_4 \# A_5}{A_5 \# A_6} \\ \frac{A_4 \# A_6}{A_4 \# A_6} \end{array} \right\} = (A_4 \# A_5 + A_5 \# A_6 + A_6 \# A_4) = 1 - A_n$$

Противъ этихъ послѣднихъ формулъ намъ конечно возразятъ старая логическимъ изреченіемъ «ex mere negativis nihil sequitur». Но мы должны опять напомнить, что анализъ нашъ имѣетъ дѣло не съ предложеніями, т. е. символами отношеній самихъ объектовъ, а съ сужденіями, какъ соотношеніями представленій о нихъ. Если мы созна-

тельно поставили въ известную связь представленія X и Z , D и F , A_4 и A_6 , на основаніи соотношеній представленій X и Y , Y и Z , дагье D и E , E и F , наконецъ A_4 и A_3 , A_3 и A_6 , то конечно съ наступленіемъ диссоціацій между всѣми этими представленіями должны разрушиться и зависѣвшія отъ предшествующихъ ихъ ассоціацій связи упомянутыхъ прежде представленій, по скольку онѣ именно отъ нихъ зависѣли, — хотя объективно отсутствіе связи между предметами X и Y , Y и Z конечно еще не ручается за отсутствіе связи между предметами X и Z , точно также какъ отсутствіе преемства между объектами D и E , E и F не ручается и за отсутствіе преемства между D и F , и проч. Въ предложеніяхъ, составляемыхъ произвольно, мы конечно воздерживаемся, на основаніи известныхъ опытовъ, отъ отрицанія преемства объектовъ D и F по причинѣ отсутствія преемства между D и E , E и F ; но во первыхъ это воздержаніе имѣетъ значеніе именно только въ предложеніяхъ, стремящихся выразить объективныя соотношенія; во вторыхъ, оно находится въ связи съ произвольнымъ контролемъ познавательной дѣятельности, о которомъ пока еще не можетъ быть рѣчи, такъ какъ мы изслѣдуемъ произвольное мышленіе. Въ произвольномъ мышленіи сознательная дезинтеграція представленій R , N и A_n должна совершиться въ такой же мѣрѣ, если произойдутъ только диссоціаціи между X и Y , D и E , A_4 и A_3 и неизбѣжно связанныя съ ними диссоціаціи между X и Z , D и F , A_4 и A_6 , или только диссоціаціи между Y и Z , E и F , A_3 и A_6 и параллельныя диссоціаціи между X и Z , D и F , A_4 и A_6 , или же одновременно: столько же диссоціаціи между X и Y , D и E , A_4 и A_3 , сколько и диссоціаціи между Y и Z , E и F , A_3 и A_6 , неизбѣжно разрушающія, вмѣстѣ взятыя, и вызванныя ими ассоціаціи между X и Z , D и F , A_4 и A_6 . Если же потомъ, произвольнымъ актомъ мысли, эти послѣднія ассоціаціи и будутъ возстановлены, то во первыхъ это уже будетъ совершенно новая умственная работа; во вторыхъ, и тогда даже новыя непосредственныя ассоціаціи представленій X и Z , D и F , A_4 и A_6 (замѣнившія старыя, посредственныя) уже не возстановятъ интегрированныхъ единствъ R , N и A_n , ибо въ эти послѣднія входили прежде и не играющія болѣе никакой роли въ новыхъ ассоціаціяхъ представленія Y , E и A_3 . Другими словами, эти возстановленныя вновь ассоціаціи будутъ уже простыми, единичными сужденіями, а не элементами интеграцій. Поэтому-то приведенныя нами выше формулы ничуть не ошибочны и являются на са-

момъ дѣлѣ единственно полными выраженіями сознательныхъ умозаключеній-дизинтеграцій¹⁾).

3) Для выраженія умозаключеній-дифференціацій двоякаго типа, физическаго и математическаго, можно употребить слѣдующія формулы, рядомъ съ которыми особо будутъ представлены и интеграціи имъ предшествовавшія :

Умозаключенія-интеграціи :

Умозаключенія-дифференціаціи :

$$1. \left. \begin{array}{l} A \cap B \\ B \cap C \\ C \cap D \\ D \cap E \\ E \cap F \\ \hline A \cap F \end{array} \right\} = P$$

$$1. \overbrace{\left. \begin{array}{l} A \cap B \\ B \cap C \\ A \cap C \end{array} \right\} = M \quad \left. \begin{array}{l} D \cap E \\ E \cap F \\ D \cap F \end{array} \right\} = N$$

$$2. \left. \begin{array}{l} A_1 = A_2 \\ A_2 = A_3 \\ A_3 = A_4 \\ A_4 = A_5 \\ A_5 = A_6 \\ \hline A_1 = A_6 \end{array} \right\} = A_p$$

$$2. \overbrace{\left. \begin{array}{l} A_1 = A_2 \\ A_2 = A_3 \\ A_1 = A_3 \end{array} \right\} = A_m \quad \left. \begin{array}{l} A_4 = A_5 \\ A_5 = A_6 \\ A_4 = A_6 \end{array} \right\} = A_n$$

Само собою очевидно, что эти умозаключенія-дифференціаціи основаны на слѣдующихъ сознательныхъ сужденіяхъ-дизассоціаціяхъ :

$$1. A \cap C = C \cap D \text{ и } D \cap F = F \cap A$$

$$2. (A_1 = A_3) = (A_3 \# A_4) \text{ и } (A_4 = A_6) = (A_6 \# A_1).$$

Такимъ образомъ полная аналогія или однородность основныхъ типовъ безсознательныхъ ассоціацій и ассоціацій сознательныхъ (т. е. сужденій и умозаключеній), какъ намъ кажется, выяснена съ достаточ-

¹⁾ Къ тому же мы считаемъ возможнымъ доказать, что даже и въ примѣніи къ предложеніямъ и къ произвольнымъ познавательнымъ актамъ принципъ ex negatavis nihil sequitur отнюдь не является абсолютною истиною: точно также, какъ изъ предложеній D есть E , E не есть F , можно вывести, что D не есть F , — такъ изъ предложеній D не есть E , E не есть F , можно вывести предположеніе, что D можетъ быть есть F , — а развѣ предположительные выводы не суть выводы?

ною наглядностью. Теперь, согласно предположенному плану (ср. стр. 168), намъ остается сдѣлать сжатое обозрѣніе, такъ сказать, исторіи развитія сознательнаго мышленія, т. е. прослѣдить осложненіе простѣйшихъ сознательныхъ умственныхъ движеній въ болѣе сложныя и, одновременно, ощущеній этихъ движеній въ конкретныя представленія о дѣйствіяхъ ума; при этомъ параллельно выяснится и происхожденіе изъ конкретныхъ представлений о виѣшнихъ предметахъ новыхъ продуктовъ — конкретныхъ понятій объ объектахъ виѣшняго опыта.

Прежде всего припомнимъ, что сознательное мышленіе имѣетъ три главныя ступени (ср. стр. 128). Въ него входятъ:

- 1) процессы осложненія сознательно-раздѣльныхъ конкретныхъ представлений въ такія же представленія болѣе сложныя,
- 2) процессы интеграціи сложныхъ конкретныхъ представлений въ конкретныя понятія,
- 3) процессы произвольно-сознательнаго развитія менѣе сложныхъ конкретныхъ понятій въ болѣе сложныя.

Въ сферѣ интеллектуальной воспріимчивости, имѣющей объектомъ самыя умственныя движенія, этимъ моментамъ сознательнаго мышленія соответствуютъ:

- 1) ощущенія упомянутыхъ умственныхъ движеній,
- 2) простѣйшія конкретныя представленія о дѣйствіяхъ ума,
- 3) сложныя конкретныя представленія объ этихъ послѣднихъ, являющіяся продуктомъ безсознательной интеграціи представлений простѣйшихъ.

Чтобы приобрѣсти сразу прочную основу для своего анализа, мы должны сначала точнѣе опредѣлить взаимное отношеніе трехъ идей о статическихъ элементахъ сознанія различной сложности, которыми опредѣляются ступени сознательнаго мышленія, — а именно идей объ ощущеніяхъ, конкретныхъ представленіяхъ и конкретныхъ понятіяхъ. Намъ замѣтять можетъ быть, что съ такого «точного» опредѣленія содержанія этихъ и подобныхъ идей слѣдовало начать анализъ мышленія и что мы нѣсколько поздно беремся за выполненіе только-что упомянутой задачи, такъ какъ уже столько разъ пользовались соответствующими терминами для выраженія состава различныхъ познавательныхъ процессовъ. Но мы не безъ основанія воздерживались до сихъ поръ отъ окончательнаго разграниченія содержанія этихъ

терминовъ и довольствовались лишь совершенно краткимъ его описаніемъ (ср. стр. 104), ибо думаемъ, что только при болѣе полномъ освѣщеніи процессовъ, помощью которыхъ образуются различные умственные продукты, взаимное отношеніе этихъ послѣднихъ можетъ быть вполне точно формулировано. До сихъ поръ термины «ощущеній, конкретныхъ представлений, конкретныхъ понятій» и т. д. были для насъ, такъ сказать, лишь самыми общими названіями для неизвѣстныхъ еще результатовъ тѣхъ умственныхъ движеній различной сложности, основныя черты которыхъ мы изслѣдовали. Теперь же, выяснивъ эти основныя черты умственныхъ движеній, первичныхъ и вторичныхъ, мы можемъ уже точнѣе и глубже охарактеризовать отличительныя особенности ихъ продуктовъ, т. е. выяснить полнѣе содержаніе соответствующихъ имъ названій, а это конечно въ свою очередь послужитъ основой для дальнѣйшаго, болѣе спеціальнаго анализа сознательныхъ умственныхъ движеній. Въдѣ такое постоянное чередованіе анализа процессовъ природы и ихъ результатовъ, при восхожденіи отъ менѣе сложныхъ феноменовъ къ болѣе сложнымъ, уже и а priori совершенно натурально; а затѣмъ необходимость его подтверждается и всюю исторіею естественно-научныхъ изслѣдованій, въ которыхъ всегда каждый новый шагъ въ анализѣ природы различныхъ движеній и «процессовъ» приводилъ къ болѣе ясному пониманію состава сложныхъ «явленій», и на оборотъ.

На сколько можно заключать изъ всего предшествующаго анализа, характеристическіе признаки различной сложности продуктовъ познавательной дѣятельности, могутъ быть отчасти выражены слѣдующими понятіями:

- 1) ощущенія — непосредственны;
- 2) конкретныя представленія образуются безсознательно;
- 3) конкретныя понятія развиваются сознательно;
- 4) отвлеченныя понятія составляются произвольно;
- 5) научныя идеи строятся методически.

Но съ другой стороны, уже изъ анализа тѣхъ процессовъ, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, можно заключить, что эти признаки имѣютъ значеніе не абсолютное, а лишь относительное. Дѣло въ томъ, что не всѣ ощущенія, какъ мы уже видѣли, вполне непосредственны: есть и ощущенія составныя, т. е. являющіяся продуктомъ безсознательной интеграціи самыхъ непосредственныхъ, а именно безсознательныхъ, ощущеній (или атомовъ воспріятія). Напр. таковы

ощущенія, знакомящія насъ съ объемомъ предметовъ, ихъ разстояніемъ, ихъ тѣлесными очертаніями и т. д.: всѣ подобныя ощущенія, какъ извѣстно, составлены изъ бессознательной интеграціи элементарныхъ зрительныхъ и мускульныхъ ощущеній. Точно также ощущеніе музыкальнаго аккорда есть тоже составное, а не единичное, совершенно непосредственное ощущеніе, и проч. Слѣдовательно ощущенія лишь отчасти непосредственны, отчасти же и они суть уже продукты бессознательной комбинаціи другихъ ощущеній. Такимъ же способомъ конкретныя представленія о предметахъ и явленіяхъ, какъ мы уже говорили, частію представляютъ бессознательную интеграцію болѣе простыхъ элементовъ, а именно сознательныхъ ощущеній, частію являются уже низшими сознательными образованіями ума, т. е. продуктами сужденій и умозаключеній. Далѣе и конкретныя понятія, какъ мы нагляднѣе убѣдимся впослѣдствіи, будучи сначала продуктами непроизвольно-сознательныхъ сужденій и умозаключеній, могутъ впослѣдствіи возникать и развиваться и при помощи мышленія произвольнаго. И проч. Но если поэтому, выражаясь точно, мы должны сказать, что ощущенія — частію непосредственны, частію составлены бессознательно, конкретныя представленія частію суть бессознательныя, частію же сознательныя образованія ума; конкретныя понятія — частію сознательныя, частію произвольныя продукты мышленія и т. д., то необходимо конечно найти какіе-нибудь другіе признаки, которые бы болѣе опредѣленно выражали спеціальныя особенности тѣхъ трехъ психологическихъ идей, о которыхъ идетъ рѣчь.

Для этой цѣли припомнимъ общіе выводы, къ которымъ мы пришли въ «Психологій чувствованій» (Глава XIII и XIV) при опредѣленіи отличительныхъ особенностей первичныхъ чувствъ, при сравненіи съ первоначальными чувствованіями, и вторичныхъ чувствъ при сравненіи съ первичными. Мы признали тогда, что первичныя чувства суть такіе агрегаты первоначальныхъ чувствованій, въ которыхъ, такъ сказать, суммированы въ одно цѣлое различныя единичныя чувствованія (однороднаго момента), относящіяся къ одному и тому же органу тѣла, почему и говорили о необходимости периферической локализациі этихъ первичныхъ чувствъ параллельно органамъ, къ которымъ они относятся. Вторичныя чувства оказались затѣмъ обобщенными первичными, въ которыхъ уже утрачена непосредственная связь съ тѣмъ органическимъ источникомъ, изъ котораго они первоначально образовались; эти вторичныя чувства, по происхожденію своему, при-

знаны результатомъ новой интеграціи нѣсколькихъ дифференцированныхъ первичныхъ чувствъ одного класса. Если мы перейдемъ теперь къ вопросу о природѣ соотвѣтствующихъ по степени сложности явленій объективной воспримчивости, т. е. ощущеній и идей, первичныхъ и вторичныхъ, или, что то же, ощущеній, конкретныхъ представленій и конкретныхъ понятій, то и здѣсь окажется возможнымъ разграничить различныя образованія, если не помощью тѣхъ же самыхъ, то по крайней мѣрѣ при содѣйствіи подобныхъ же признаковъ. Такъ какъ объективная воспримчивость непосредственно имѣетъ дѣло съ внѣшними, а не съ чисто внутренними отношеніями (накопленія и траты веществъ), на которыхъ основана воспримчивость субъективная, то предметомъ ея оцѣнки являются конечно признаки или элементы самихъ вещей, а не отправленія нашихъ органовъ. Поэтому, если первоначальныя чувствованія имѣютъ дѣло съ единичными отправленіями нашихъ органовъ, а первичныя чувства съ совокупностями этихъ отправленій, то точно также ощущенія имѣютъ дѣло съ единичными признаками единичныхъ объективныхъ предметовъ и явленій, а конкретныя представленія или первичныя идеи съ совокупностями этихъ признаковъ, т. е. съ самими предметами и явленіями, ихъ свойствами и качествами. Точно также, если вторичныя чувства суть обобщенныя первичныя и если они уже не представляютъ непосредственной связи съ специфическими функціями того или другого органа, то вторичныя идеи или конкретныя понятія суть обобщенныя первичныя идеи или обобщенныя представленія, не имѣющія болѣе непосредственной связи съ тѣмъ или другимъ единичнымъ предметомъ, явленіемъ или ихъ свойствомъ, данными въ ближайшемъ нашемъ опытѣ: эти вторичныя идеи или конкретныя понятія соотвѣтствуютъ напротивъ уже группамъ предметовъ или явленій, ихъ свойствъ или качествъ, т. е. тѣмъ соотношеніямъ признаковъ, которыя подмѣчены нами при посредствѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ чувственныхъ опытовъ. При этомъ конечно и конкретныя понятія могутъ быть тѣхъ же двухъ основныхъ типовъ, какъ и конкретныя представленія, т. е. могутъ быть 1) агрегатами представленій однородныхъ, т. е. связанныхъ по внутренней смежности, и 2) агрегатами представленій разнородныхъ, т. е. связанныхъ по внѣшней смежности. Понятія перваго рода суть понятія о видахъ предметовъ и явленій, втораго рода — о состояніяхъ и дѣйствіяхъ предметовъ и явленій, какъ постоянныхъ принадлежностяхъ этихъ послѣднихъ.

Прослѣдить подробнѣе процессъ образованія этихъ конкретныхъ понятій двоякаго типа, помощью произвольно-сознательныхъ сужденій и умозаключеній, и будетъ нашею главною задачею, ибо разсмотрѣнныя выше первоначальныя сужденія и умозаключенія даютъ въ результатъ еще только болѣе сознательныя конкретныя представленія о единичныхъ предметахъ и явленіяхъ, ихъ свойствахъ и качествахъ. Но прежде чѣмъ приступать къ выполненію этой задачи, надо отмѣтить еще тотъ существенный фактъ, что съ процессомъ развитія конкретныхъ понятій неразлучно образованіе именъ, т. е. развитіе человѣческой рѣчи, между тѣмъ какъ конкретнымъ представленіямъ о единичныхъ предметахъ еще никакихъ именъ не соотвѣтствуетъ, почему первоначальныя сужденія и умозаключенія, какъ мы уже и говорили, должны быть безсловесны или невыразимы правильною рѣчью, а развѣ выражаются отдѣльными звуками или восклицаніями, передающими субъективныя возбужденія человѣка, вызываемыя взаимодействіемъ его съ единичными предметами внѣшняго міра. Такой субъективный стадій развитія языка, несомнѣнно предшествующій объективному (ср. Zaborowski, L'origine du langage. Paris, 1879, особ. Chap. IV) еще не знаетъ ни предложеній, ни тѣмъ болѣе періодовъ, и потому то величайшею бессмыслицею является обычай старой логики излагать теорію сужденій и умозаключеній съ самого начала при посредствѣ предложеній, составленныхъ изъ именъ, соотвѣствующихъ понятіямъ. Только при помощи неопредѣленныхъ алгебраическихъ знаковъ, соотвѣствующихъ еще не именамъ, а представленіямъ безыменнымъ, можно наглядно выразить природу первоначальныхъ сужденій и умозаключеній и объяснить, вѣстѣ съ тѣмъ, самый процессъ развитія именъ, т. е. словесныхъ представленій, символизирующихъ понятія. Безыменность конкретныхъ представленій вытекаетъ уже и изъ соображенія причины, вслѣдствіе которой возникаетъ потребность составленія именъ. Для чего въ самомъ дѣлѣ они нужны? Очевидно для того, чтобы какимъ-нибудь способомъ возстановить реальное единство содержанія мысли, утраченное ею въ процессѣ развитія понятій, т. е. для того, чтобы дать сознанію возможность «объективировать» и для самого себя и для другихъ людей эти новыя, весьма сложныя психическія образованія. Пока нашъ умъ имѣетъ дѣло съ одними конкретными представленіями о вещахъ, имена еще не нужны, ибо самъ умъ нашъ, комбинируя эти представленія, легко воспроизводитъ опредѣленные образы объектовъ, имъ соотвѣствующи-

щихъ, въ ихъ непосредственной реальности; если же онъ хочетъ обратить вниманіе другого человѣка на предметъ своего мышленія, то можетъ пользоваться для того указательными движеніями рукъ, звуко-подражаніями и другими подобными средствами, которыхъ для первоначальнаго обихода человѣка, на примитивной ступени развитія его, вполне достаточно. Но когда въ умѣ развиваются конкретныя понятія, т. е. такія образованія, которыя уже оторваны отъ непосредственно-данной дѣйствительности или отъ ближайшаго опыта, а опираются въ значительной мѣрѣ и на цѣлый рядъ прежнихъ опытовъ, одновременное воспроизведеніе содержанія которыхъ субъектомъ даже и въ собственномъ умѣ затруднительно, а въ сношеніяхъ съ другими субъектами и вовсе невысказуемо, то и является необходимость конкретныхъ единичныхъ символовъ, которые бы объединяли результаты совокупности цѣлаго ряда опытовъ и облегчали тѣмъ самымъ столько-же собственную работу ума, сколько и сообщеніе ея продуктовъ другимъ людямъ. Такими символами и служатъ имена. Другими словами, имена суть лишь искусственно, хотя сначала совершенно инстинктивнымъ и произвольнымъ творческимъ актомъ ассоціаціи, составленныя конкретныя представленія, которыя замѣняютъ собою и вновь объединяютъ цѣлую совокупность другихъ, разрозненныхъ конкретныхъ представленій, интегрировавшихся въ одно высшее единство, называемое «конкретнымъ понятіемъ». Имена, слѣдовательно, суть искусственныя орудія единовременнаго объективированія понятій и, будучи сами конкретными представленіями, они конечно могутъ возникать только по мѣрѣ ступеневыванія другихъ конкретныхъ представленій, въ присутствіи которыхъ они являлись бы уже не необходимостью, а прямою роскошью, безъ которой примитивный умъ не только можетъ, но и долженъ обходиться, чтобы не тормозить своего развитія ни къ чему ненужнымъ балластомъ. Последнее положеніе есть лишь выводъ изъ естественнаго закона экономіи силъ и труда въ организмъ, которому впервые, въ сферѣ умственной дѣятельности, дали выраженіе еще средневѣковые номиналисты (въ особенности Вильгельмъ Оккамъ), говорившіе, что умъ не станетъ безъ надобности (*praeter necessitatem*) удваивать свои идеи. Однако же тогда, когда сознательный языкъ, какъ совокупность «именъ», вполне образовался или вполне усвоенъ человѣкомъ (отъ другихъ людей), то начинается пользованіе именами, т. е. символами понятій, и для болѣе точнаго обозначенія помощью ихъ комбинацій не только понятій, но и конкретныхъ представленій о единичныхъ предметахъ и явленіяхъ. Это

опять совершенно естественно и понятно, ибо, если языкъ уже сложился или вошелъ въ привычку, то онъ въ свою очередь является конечно болѣе легкимъ орудіемъ объективированія предметовъ мысли, особенно въ сношеніяхъ съ другими людьми, чѣмъ движенія рукъ и иныя подобныя первобытныя средства: произнесеніе комбинаціи словъ, вполне усвоенныхъ и имѣющихъ совершенно опредѣленное содержаніе, уже требуетъ меньшей затраты силъ, чѣмъ поднятіе руки и вообще рядъ подобныхъ мускульныхъ движеній нашихъ членовъ съ цѣлью указанія на предметъ (какъ прежде на оборотъ было легче поднять руку, чѣмъ изобрѣсти новое слово!), — такъ что и такое вторичное, такъ сказать обратное, замѣщеніе движеній опять вытекаетъ изъ закона экономіи труда или силъ организма. Этою-то вторичною ролью языка, приспособляемаго постепенно къ выраженію всего вообще содержанія мысли, т. е. всѣхъ ея объектовъ, а именно даже и единичныхъ объектовъ непосредственнаго опыта (въ связи съ которыми образуются впоследствии напр. и особыя, такъ называемыя собственныя имена, рядомъ съ нарицательными) и объясняется пожалуй отчасти то странное недоразумѣніе, въ силу котораго логика, т. е. наука о мышленіи, до сихъ поръ всегда обращалась съ языкомъ какъ съ готовымъ орудіемъ умственной дѣятельности, забывая, что на обязанности настоящей теоріи мысли должно лежать объясненіе психологическаго процесса самого происхожденія именъ, вслѣдствіе осложненія содержанія сужденій и умозаключеній.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, приступимъ къ выполненію поставленной нами выше задачи — обзора исторіи развитія сознательнаго мышленія въ главнѣйшихъ его фазисахъ.

Первая ступень этого сознательнаго мышленія, какъ мы уже говорили, заключается въ сознательномъ отождествленіи и различеніи однихъ простѣйшихъ представленій или воспріятій, и установленіи или отрицаніи преимущества другихъ. Въ результатъ этихъ первоначальныхъ сознательныхъ движеній получаютъ новыя представленія, болѣе сложныя. Если у ребенка напр. уже существуетъ смутное представленіе о красномъ цвѣтѣ, образовавшееся изъ безсознательной интеграціи отдѣльныхъ ощущеній, то сознательное отождествленіе каждаго новаго воспріятія краснаго цвѣта съ прежними воспріятіями его, а также и сознательное различеніе его отъ воспріятій другихъ цвѣтовъ конечно

будетъ все болѣе и болѣе увеличивать ясность этого представленія и, когда закончится извѣстный рядъ такихъ отождествленій и различеній, то прежнее, безсознательно возникшее и смутное представленіе о красномъ цвѣтѣ преобразуется въ совершенно сознательное и ясное, въ которомъ неизбежно будетъ мыслиться совокупность отождествленій и различеній, въ свое время нами сдѣланныхъ. Этимъ путемъ образуются въ умѣ ребенка всѣ раздѣльныя представленія о свойствахъ и качествахъ данныхъ въ опытѣ предметовъ и явленій, при чемъ надо замѣтить однако, что самого понятія о «свойствѣ», въ противоположность «цѣлому», къ которому оно относится, въ умѣ ребенка сначала еще не можетъ быть: въ сферѣ интеллектуальной воспримчивости сознательно-сложнымъ представленіямъ этого математическаго типа соответствуютъ еще только ряды ощущеній отождествляющихъ и различающихъ умственныхъ движеній.

Точно такимъ же способомъ изъ цѣлаго ряда установленій и отрицаній преемствъ воспріятій образуются сознательно-сложныя представленія физическаго типа. Если у ребенка уже существуетъ смутное представленіе о какомъ-нибудь предметѣ, напр. о люлькѣ, въ которой онъ спитъ, то каждое сознательное сужденіе о преемствѣ воспріятій, относящихся къ этому предмету, и объ отсутствіи непосредственнаго преемства между этими воспріятіями и другими, относящимися къ сосѣднимъ, самостоятельно существующимъ предметамъ, будетъ увеличивать ясность упомянутаго представленія, при чемъ опять, съ заключеніемъ извѣстнаго круга такихъ сужденій, прежнее смутное представленіе о предметѣ сдѣлается вполне яснымъ и сознательнымъ, такъ что въ немъ будетъ мыслиться опредѣленная совокупность сужденій, утверждающихъ и отрицающихъ рядъ преемствъ простѣйшихъ представленій. Этимъ способомъ образуются всѣ сознательныя представленія объ отдѣльныхъ предметахъ и явленіяхъ, при чемъ опять-таки конечно самого понятія о «предметѣ», какъ цѣломъ, содержащемъ въ себѣ извѣстные «элементы», въ умѣ ребенка сначала не существуетъ: въ области интеллектуальной воспримчивости представленіямъ физическаго типа соответствуютъ сперва тоже только ряды ощущеній, имѣющихъ объектами умственныхъ движеній, устанавливающихъ и отрицающихъ преемства воспріятій.

Эти то простѣйшія сознательныя ассоціаціи и интеграціи представленій и выражаются тѣми формулами сужденій и умозаключеній, которыя приведены были нами выше (ср. стр. 177—180) и повторять которыя мы теперь больше не будемъ.

Стало быть, первоначальными результатами сознательнаго мышленія являются еще только болѣе сознательныя или отчетливыя сложныя конкретныя представленія. Обь отношеніи этихъ сложныхъ конкретныхъ представленийъ сознательнаго образования къ сложнымъ представленіямъ безсознательной формации необходимо сказать еще нѣсколько словъ, прежде чѣмъ пойти дальше. Если мы припомнимъ, что воспріятія, т. е. обьективированныя простѣйшія представленія, изъ которыхъ они слагаются, суть лишь результаты дифференціаціи сложныхъ представленийъ, безсознательно интегрировавшихся изъ совокупностей ощущеній (ср. стр. 170), то ясно, что въ началѣ по крайней мѣрѣ сложныя конкретныя представленія сознательнаго образования должны быть лишь переинтеграціями сложныхъ представленийъ безсознательной формации; другими словами, каждое безсознательно-сложившееся конкретное представленіе о предметѣ можетъ, дифференцировавшись, вновь интегрироваться въ болѣе сознательное представленіе о томъ же предметѣ. Поэтому-то мы и говорили не разъ, что содержаніе сознательнаго мышленія сначала совершенно тождественно содержанію безсознательнаго мышленія — на высшей ступени его развитія. Однако эту тождественность надо понимать всетаки въ относительномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ бы ни были сложны по своему составу, т. е. по количеству входящихъ въ нихъ элементовъ, представленія, возникшія изъ интеграцій безсознательныхъ, — они всегда въ концѣ концовъ являются агрегатами ощущеній, такъ какъ, если бы даже въ ихъ содержаніе входили другія представленія меньшаго объема, то по характеру состава этихъ послѣднихъ ясно, что они могутъ интегрироваться другъ съ другомъ въ одно цѣлое только при посредствѣ ряда ассоціацій между ощущеніями, ихъ составляющими, (отчего мы и утверждали въ свое время, что ступени безсознательнаго мышленія различаются только количествомъ однородныхъ ассоціативныхъ движеній, потребныхъ для образования ихъ продуктовъ, ср. стр. 115—116, также 127). Напротивъ, какъ бы относительно просты по своему составу ни были сложныя представленія, интегрировавшіяся сознательно, ихъ элементами всегда являются другія простѣйшія представленія, лежація въ основаніи сознательно-раздѣльныхъ воспріятій. Отсюда-то и вытекаетъ необходимость болшей отчетливости и ясности, а также и полноты содержанія конкретныхъ представленийъ «сознательнаго» образования. Отношеніе ихъ къ прежде разсмотрѣннымъ представленіямъ безсознательной формации можно сравнить съ отноше-

ниемъ болѣе простаго органическаго и сложнаго неорганическаго тѣлъ, составленныхъ изъ однихъ и тѣхъ же химическихъ элементовъ и все-таки весьма различныхъ другъ отъ друга, или съ отношеніемъ акварельныхъ рисунковъ, снятыхъ съ извѣстной мѣстности опытнымъ артистомъ и неопытнымъ еще ученикомъ его, или, наконецъ, съ отношеніемъ полотна, сотканнаго сложною машиной, къ тому, которое соткано руками деревенской бабы: матеріалъ и содержаніе во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ же самыя, а результаты все-таки различны.

Такимъ образомъ весь процессъ развитія сложныхъ конкретныхъ представленій сознательнаго образованія можно изобразить слѣдующимъ способомъ: сначала ощущенія, интегрируясь другъ съ другомъ, даютъ въ результатъ простѣйшія представленія безсознательной формации; эти послѣднія, интегрируясь въ большія группы, при участіи новыхъ ассоціаций тѣхъ же ощущеній, образуютъ изъ себя сложныя представленія безсознательной же формации; эти сложныя представленія затѣмъ снова дифференцируются на простыя, такъ сказать вторичныя, объектированіе которыхъ и служитъ основою для сознательно-раздѣльныхъ воспріятій; а новыя ассоціации и интеграціи этихъ послѣднихъ и даютъ въ результатъ сложныя представленія сознательнаго круга, которыя поэтому-то и оказываются въ извѣстномъ смыслѣ лишь переинтеграціями сложныхъ представленій, возникшихъ на почвѣ безсознательнаго мышленія. При этомъ однако только сначала, и во всякомъ случаѣ не всегда, объективное содержаніе тѣхъ и другихъ совершенно тождественно: оно можетъ быть тождественно и должно быть всегда аналогично, но само собою разумѣется, что изъ дифференцированныхъ представленій безсознательной формации, т. е. изъ воспріятій, могутъ слагаться и новыя комбинаціи элементовъ опыта, никогда не встрѣчавшіяся въ формѣ «туманныхъ образовъ». Другими словами, пріобрѣта разъ способность сознательно мыслить, мы можемъ затѣмъ и прямо составлять сложныя конкретныя представленія о новыхъ объектахъ опыта совершенно сознательно, минуя въ отдѣльныхъ случаяхъ моменты безсознательной интеграціи и дифференціации представленій (т. е. пользуясь уже готовыми результатами прежнихъ ихъ безсознательныхъ интеграцій и дифференціаций), а потомъ мы даже начинаемъ произвольно составлять и такія конкретныя представленія, которымъ никакихъ реальныхъ объектовъ не соотвѣтствуетъ (сознательное творческое мышленіе или сознательная дѣятельность воображенія). Неизбѣжно только одно, а именно то, что все-таки всѣ эле-

менты сознательнаго мышленія, въ сферѣ представленій, т. е. воспріятія, являются въ концѣ концовъ продуктами дифференціаціи сложныхъ представленій бессознательно-образовавшихся, а этотъ фактъ конечно вполне совпадаетъ съ однажды уже выраженнымъ нами закономъ, по которому каждая высшая степень интеграцій предполагаетъ предварительную дифференціацію продуктовъ интеграцій низшихъ степеней (ср. Психол. чувствов., стр. 483—484, 531 и т. д.).

Теперь прослѣдимъ далѣе исторію развитія, на почвѣ сложныхъ конкретныхъ представленій сознательнаго образования, новыхъ продуктовъ — конкретныхъ понятій. Уже а ригорі ясно, что и эти высшія по составу идеи, а именно идеи, названныя нами вторичными, предполагаютъ дифференціацію идей низшаго порядка, т. е. первичныхъ «сознательной» формаціи; другими словами, конкретныя понятія могутъ возникнуть лишь на почвѣ сознательно-дифференцированныхъ сложныхъ конкретныхъ представленій или на почвѣ представленій о частяхъ или элементахъ окружающихъ насъ предметовъ и ихъ свойствъ. Такія болѣе простыя сознательныя представленія объ элементахъ предметовъ и ихъ свойствъ, объективируемыя нами въ послѣдующихъ опытахъ, принимаютъ конечно также характеръ «непосредственныхъ воспріятій», но эти, такъ сказать, вторичныя воспріятія еще болѣе раздѣльны, чѣмъ первичныя, ибо разомъ сознается обособленность ихъ отъ большаго количества другихъ воспріятій, чѣмъ при первомъ, постепенномъ и медленномъ, сознательномъ разчлененіи объектовъ опыта. Иначе говоря, результатомъ сознательныхъ дифференціацій сложныхъ представленій являются сложныя сужденія, сразу устанавливающія принадлежность къ какому-нибудь сложному представленію о цѣломъ извѣстной совокупности болѣе простыхъ представленій о его частяхъ (ср. стр. 164). А потому, если два сложныя представленія о цѣлыхъ предметахъ, вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ условій, окажутся сосуществующими въ сознаниі, то на почвѣ упомянутыхъ сужденій, выражающихъ составъ ихъ частей, неизбежно должны развиваться новыя, уже не единичныя умственныя движенія, а извѣстныя законченныя координаціи такихъ движеній, конечнымъ продуктомъ которыхъ и окажутся болѣе сложныя сужденія объ отношеніяхъ представленій о цѣлыхъ предметахъ, явленіяхъ, ихъ свойствахъ и качествахъ между собою; а эти сложныя сужденія въ свою очередь, соединяясь въ умозаключенія, и произведутъ упомянутую нами выше (ср. стр. 181) интеграцію соответствующихъ сложныхъ представленій въ конкретныя понятія.

Положимъ напр., что сосуществующими въ сознаниі оказались сложныя представленія M' и M'' , составъ которыхъ, послѣ ихъ дифференціаціи, выразится въ сознаниі сложными сужденіями:

$$M' = (A' + B' + C')$$

$$M'' = (A'' + B'' + C'').$$

Очевидно изъ совместной репродукціи этихъ двухъ сужденій въ сознаниі можетъ произойти цѣлый рядъ единичныхъ ассоціативныхъ умственныхъ движеній математическаго типа ($A' = A''$, $B' = B''$. . .), конечнымъ продуктомъ которыхъ явится новое сложное сужденіе о равенствѣ объектовъ представленій M' и M'' , а если такихъ сужденій накопится цѣлый рядъ и затѣмъ, помощью этого ряда сужденій, сложныя представленія M' , M'' , M''' и т. д. интегрируются другъ съ другомъ въ одно единство, то очевидно въ результатъ получится новое умственное образованіе опять уже высшей степени, напр. M , которое мы и назвали конкретнымъ понятіемъ (о видѣ однородныхъ предметовъ).

Итакъ конкретныя понятія возникаютъ тогда, когда, вслѣдствіе сознательной дифференціаціи сложныхъ конкретныхъ представленій, появляются составленныя изъ цѣлаго ряда простѣйшихъ сознательныхъ ассоціативныхъ движеній болѣе сложныя дѣйствія ума, сообщающія между собою эти сложные представленія. Другими словами, конкретныя понятія являются результатомъ интеграціи въ новыя единства дифференцированныхъ продуктовъ первоначальнаго сознательнаго мышленія, т. е. первичныхъ идей. Но эта интеграція, а затѣмъ разумѣется и продукты ея, какъ мы уже говорили (ср. стр. 184), могутъ быть опять двоякаго типа, ибо уже и самыя элементы ихъ, т. е. первичныя идеи, имѣютъ двоякій типъ, физическій и математическій; поэтому процессъ развитія «конкретныхъ понятій» надо разсмотрѣть теперь подробнѣе, — тѣмъ болѣе, что онъ сопровождается, какъ мы упоминали, и измѣненіями или осложненіями въ сферѣ «внутренней» или интеллектуальной воспримчивости.

Прежде всего желательно выразить точнѣе двоякаго вида сложныя сужденія, составляющія воспроизведеніе дифференціаціи сложныхъ конкретныхъ представленій двоякаго типа (ср. стр. 180). Для этого мы употребимъ знаки \supset и \supset , налѣво отъ которыхъ будемъ ставить сложныя представленія физическаго и математическаго типовъ, а на

право — болѣе простыя представленія, на которыя соотвѣтствующія сложныя сознательно дифференцировались. Если мы затѣмъ возьмемъ два сложныя представленія физическаго типа, т. е. о предметахъ или явленіяхъ внѣшняго міра, и два другія — типа математическаго, относящіяся къ свойствамъ или качествамъ этихъ предметовъ и явленій, то двоякаго вида «сужденія-воспроизведенія дифференціацій» выразятся слѣдующими двумя парами схемъ:

1. $M' \supset A' + B' + C' \dots$
 $M'' \supset A'' + B'' + C'' \dots$
2. $A_m > A_1 + A_2 + A_3 \dots$
 $B_m > B_1 + B_2 + B_3 \dots$

Если мы предположимъ затѣмъ, что между элементами каждыхъ двухъ однородныхъ сложныхъ представленій M' и M'' , A_m и B_m существуютъ какія-нибудь положительныя отношенія (внѣшней или внутренней смежности), при посредствѣ которыхъ возможно сообщеніе и сложныхъ представленій M' и M'' съ одной стороны, A_m и B_m — съ другой, то уже разсуждая а ргіогі, эти отношенія могутъ быть въ обоихъ случаяхъ двоякаго рода, а именно: столько же представленія A' и A'' , B' и B'' , C' и C'' , сколько и представленія A_1 и B_1 , A_2 и B_2 , A_3 и B_3 могутъ находиться другъ другу какъ въ отношеніяхъ внутренней, такъ и въ отношеніяхъ внѣшней смежности. Однако тоже уже а ргіогі ясно и то, что если элементы сложныхъ представленій физическаго типа M' и M'' войдутъ въ дальнѣйшія сообщенія другъ съ другомъ помощью новыхъ сужденій того же типа, то въ результатѣ можетъ получиться только новая интеграція представленій M' , M'' и т. д. въ какое-нибудь еще болѣе сложное конкретное же представленіе того же типа. Точно также и изъ новыхъ сообщеній математическаго типа между элементами сложныхъ представленій того же типа, A_m и B_m , можетъ возникнуть опять лишь новая интеграція этихъ послѣднихъ въ еще большее по объему конкретное представленіе того же математическаго типа. Напр. если бы въ сознаніи въ одномъ случаѣ сосуществовали сложныя представленія физическаго типа M и N , въ другомъ — сложныя представленія A_m и A_n , дифференцированный составъ которыхъ выражался бы сужденіями:

$$1. \quad M \supset A + B + C \\ N \supset D + E + F$$

$$2. \quad A_m > A_1 + A_2 + A_3 \\ A_n > A_4 + A_5 + A_6,$$

то ясно, что новыя ассоціаціи физическаго типа между частными элементами первыхъ двухъ представленій ($A \cap D, B \cap E \dots$) и новыя ассоціаціи математическаго типа между частными элементами вторыхъ ($A_1 = A_4, A_2 = A_5, \dots$) могли бы только создать новыя, болѣе сложныя представленія тѣхъ же типовъ, напр. P и A_p , составъ которыхъ, въ случаѣ ихъ послѣдующей новой дифференціаціи, выразился бы схемами, вполне аналогичными съ выше приведенными, — а именно:

$$P \supset A + B + C + D + E + F \\ A_p > A_1 + A_2 + A_3 + A_4 + A_5 + A_6.$$

Такимъ образомъ приходится признать, что не всякія новыя сообщенія между элементами сложныхъ представленій того или другого типа могутъ служить источниками для образованія тѣхъ совершенно своеобразныхъ по природѣ умственныхъ явленій, которыя мы назвали конкретными понятіями. А именно: изъ законченныхъ рядовъ сообщеній между дифференцированными представленіями, входящими въ составъ сложныхъ, имѣющими тотъ же самый типъ, какъ и первоначальныя сообщенія, изъ которыхъ образовались эти послѣднія, могутъ получиться только продукты, однородные прежнимъ, т. е. опять таки представленія физическаго или математическаго типовъ, имѣющія такъ сказать лишь большій объемъ или большее число элементовъ, чѣмъ тѣ сложныя представленія, которыя косвенно вошли въ ихъ составъ. И это вполне понятно, ибо на каждой ступени мышленія, какъ мы уже много разъ говорили, развитіе продуктовъ данной степени, въ смыслѣ объема, не имѣетъ никакихъ предѣловъ: если изъ простѣйшихъ воспріятій сознательно образуются сложныя конкретныя представленія, то изъ этихъ послѣднихъ, при посредствѣ новыхъ сознательныхъ ассоціацій между ихъ дифференцированными элементами, опять могутъ возникнуть конкретныя представленія болѣе сложнаго состава и т. д. въ безконечность (ср. стр. 128). Необходимость этого факта подтверждается впрочемъ также и указаннымъ

нами родствомъ между конкретными представленіями сознательной и безсознательной формаціи: относительно послѣднихъ мы вѣдь тоже принуждены были признать, что развитіе ихъ въ однородные продукты бѣльшого объема не имѣетъ предѣловъ (ср. стр. 115).

Но если такъ, то значить относительно конкретныхъ понятій прежде всего необходимо установить законъ, что они могутъ развиваться лишь на почвѣ такихъ ассоціацій между элементами сложныхъ представленій, которыя по своему типу противоположны ассоціаціямъ, изъ законченнаго ряда которыхъ возникли самыя эти сложные представленія. И дѣйствительно: если мы предположимъ, что между элементами упомянутыхъ выше (стр. 193) представленій M' и M'' , A_m и B_m возникнутъ слѣдующаго вида простѣйшія сознательныя ассоціаціи:

$$\begin{array}{ll}
 1. \quad A' = A'' & 2. \quad A_1 \cap B_1 \\
 \quad B' = B'' & \quad A_2 \cap B_2 \\
 \quad C' = C'' & \quad A_3 \cap B_3,
 \end{array}$$

то ясно, что изъ законченныхъ рядовъ такихъ умственныхъ движеній, противоположныхъ по характеру движеніямъ, легшимъ въ основу означенныхъ сложныхъ представленій M' и M'' , A_m и B_m должно образоваться нѣчто совершенно новое и своеобразное. Это новое прежде всего состоитъ уже и въ томъ, что самыя умственные движенія и ихъ ощущенія, параллельно органической связи внѣшнихъ воспріятій въ сложныхъ представленіяхъ M' и M'' , A_m и B_m , должны безсознательно интегрироваться въ единства движеній и интеллектуальныхъ ощущеній, т. е. въ первичныя дѣйствія ума и конкретныя представленія о содержаніи этихъ послѣднихъ: такъ, изъ законченнаго ряда отождествляющихъ движеній, имѣющихъ предметомъ простыя представленія, входящія въ составъ сложныхъ M' и M'' , неизбежно составитя сложное дѣйствіе ума, приравнивающее эти представленія M' и M'' , а также и конкретное представленіе «интеллектуальнаго круга» о равенствѣ объектовъ мысли; изъ законченнаго ряда движеній, устанавливающихъ внѣшнюю смежность или преемство частныхъ элементовъ представленій A_m и B_m , возникнетъ сложное дѣйствіе ума, устанавливающее внѣшнюю зависимость этихъ представленій A_m и B_m и конкретное представленіе «интеллектуальнаго круга» — о зависимости объектовъ мышленія. Если мы для этихъ

сложныхъ дѣйствій ума и соответствующихъ имъ конкретныхъ представлений двоякаго типа примемъ и сложные знаки \equiv и \odot , составленные изъ удвоения предыдущихъ простыхъ ($=$ и \frown), то сложные сужденія-ассоціаціи представлений M' и M'' , A_m и B_m выразятся формулами:

$$M' \equiv M''$$

$$A_m \odot B_m$$

Полное же развитіе этихъ сужденій очевидно можно будетъ изобразить слѣдующими схемами:

$1. \begin{array}{l} A' = A'' \\ B' = B'' \\ C' = C'' \end{array}$ <hr style="width: 100%;"/> $(A' + B' + C') \equiv (A'' + B'' + C'')$ <hr style="width: 100%;"/> $M' \equiv M''$	$2. \begin{array}{l} A_1 \frown B_1 \\ A_2 \frown B_2 \\ A_3 \frown B_3 \end{array}$ <hr style="width: 100%;"/> $(A_1 + A_2 + A_3) \odot (B_1 + B_2 + B_3)$ <hr style="width: 100%;"/> $A_m \odot B_m$
--	--

Изъ этихъ двухъ схемъ опять одна (первая) представляетъ развитіе сложныхъ сознательныхъ сужденій математическаго типа, другая — сложныхъ сознательныхъ сужденій типа физическаго.

Нечего и говорить теперь, что рядомъ съ разсмотрѣнными сложными сужденіями-ассоціаціями, развиваются совершенно подобнымъ же способомъ и сложные сужденія-диссоціаціи того же двоякаго типа, общее теченіе которыхъ, при посредствѣ составленныхъ по аналогіи съ прежними знаковь $\#$ и \odot , можно изобразить слѣдующими схемами:

$1. \begin{array}{l} M \supset A + B + C \\ N \supset D + E + F \end{array}$ <hr style="width: 100%;"/> $\begin{array}{l} A \# D \\ B \# E \\ C \# F \end{array}$ <hr style="width: 100%;"/> $(A + B + C) \# (D + E + F)$ <hr style="width: 100%;"/> $M \# N$	$2. \begin{array}{l} A_m > A_1 + A_2 + A_3 \\ D_m > D_1 + D_2 + D_3 \end{array}$ <hr style="width: 100%;"/> $\begin{array}{l} A_1 \odot D_1 \\ A_2 \odot D_2 \\ A_3 \odot D_3 \end{array}$ <hr style="width: 100%;"/> $(A_1 + A_2 + A_3) \odot (D_1 + D_2 + D_3)$ <hr style="width: 100%;"/> $A_m \odot D_m$
---	--

Затѣмъ конечно, рядомъ съ сложными сужденіями-ассоціаціями и диссоціаціями, возможны и параллельныя сложныя сужденія-дисассоціаціи, которыя можно выразить формулами:

1. $(M' \equiv M''') = (M' \# M'')$
2. $(A_m \odot D_m) = (A_m \odot E_m),$

А изъ соединенія всѣхъ отрицательныхъ сложныхъ сужденій-ассоціацій, диссоціацій и дисассоціацій въ законченныя ряды и возникаютъ, уже извѣстными намъ способами, умозаключенія-интеграціи сложныхъ представлений въ новые продукты — конкретныя понятія двоякаго типа, умозаключенія-дезинтеграціи этихъ конкретныхъ понятій (предположительно составленныхъ) и умозаключенія-дифференціаціи ихъ на конкретныя понятія меньшаго объема. Если для изображенія конкретныхъ понятій математическаго типа мы приедемъ знаки M_1, N_1, P_1 и т. д., а для конкретныхъ понятій физическаго типа — знаки S', K', L' и другіе подобныя, то означенныя сложные процессы сознательныхъ интеграцій представлений въ конкретныя понятія двоякаго типа, а также дезинтеграцій и дифференціацій этихъ послѣднихъ, можно будетъ выразить слѣдующимъ рядомъ сокращенныхъ схемъ:

1) Сложныя умозаключенія-интеграціи:

$$(M' \equiv M'' + M'' \equiv M''' + M' \equiv M''') = M_1$$

$$(A_m \odot B_m + B_m \odot C_m + A_m \odot C_m) = S'$$

2) Сложныя умозаключенія-дезинтеграціи:

$$(N' \# N''' + N''' \# N^v + N' \# N^v) = 1 - N_1$$

$$(A_m \odot C_m + C_m \odot E_m + A_m \odot E_m) = 1 - K'$$

3) Сложныя умозаключенія-дифференціаціи:

$$P_1 = (M_1 + N_1) \text{ или } P_1 > M_1 + N_1$$

$$K' = (S' + L') \text{ или } K' \supset S' + L',$$

причемъ полное развитіе этихъ сложныхъ умозаключеній-дифференціацій пришлось бы конечно изобразить, при посредствѣ новыхъ болѣе сложныхъ знаковъ, нами принятыхъ, совершенно также, какъ изображено выше развитіе первоначальныхъ по составу умозаключеній-дифференціацій (ср. стр. 180).

Однако всѣхъ приведенныхъ только-что схемъ еще далеко недостаточно, чтобы вполне исчерпать всѣ направленія, въ которыхъ развиваются вторичныя идеи или конкретныя понятія. Мы уже говорили выше, что, чѣмъ сложнѣе становится матеріалъ умственной дѣятельности, тѣмъ бѣльшимъ является количество направлений, въ которыхъ совершается работа мысли (ср. выше стр. 168). Доказать это не трудно, ибо читатель вѣроятно уже и самъ замѣтилъ, что мы до сихъ поръ разбирали лишь тѣ случаи сложныхъ ассоціацій между представленіями, которыя возникаютъ изъ однородныхъ умственныхъ движеній и сопровождаются интеграціями соответствующихъ имъ однородныхъ интеллектуальныхъ ощущений; но возможно конечно и то, что интегрирующіяся въ одно цѣлое простѣйшія сознательныя умственныя движенія и ощущения разнородны. Другими словами, и сложныя дѣйствія ума и конкретныя представленія объ отношеніяхъ объектовъ мысли, имъ соответствующія, какъ всѣ вообще психическія явленія, тоже могутъ возникать изъ ассоціацій, диссоціацій, интеграцій (и проч.) двоякаго типа, т. е. основанныхъ столько же на внѣшней, сколько и на внутренней смежности своихъ элементовъ, а это въ свою очередь значить, что первичныя дѣйствія ума и первичныя идеи объ этихъ дѣйствіяхъ могутъ быть тоже двухъ типовъ, ариѳметическаго и геометрическаго, какъ и всѣ прочія психическія явленія первой степени.

Такимъ образомъ, если изъ однородныхъ отождествляющихъ движеній ума, или же движеній, устанавливающихъ внѣшнія преемства воспріятій, входящихъ въ составъ сложныхъ представленій, и изъ ощущенийъ этихъ движеній развиваются, путемъ безсознательныхъ ассоціацій геометрическаго типа, сложныя дѣйствія ума, приравняющія упомянутыя представленія и устанавливающія зависимость ихъ другъ отъ друга, а также и первичныя идеи объ отношеніяхъ равенства и зависимости, а изъ однородныхъ движеній, различающихъ и отвергающихъ преемства воспріятій, и соответствующихъ имъ умственныхъ ощущенийъ, развиваются сложныя дѣйствія ума, устанавливающія неравенство и отсутствіе зависимости между объектами сложныхъ представленій, а въ связи съ ними параллельно и первичныя отрицательныя идеи о неравенствѣ и независимости этихъ объектовъ (имѣющія тотъ же геометрической типъ), то изъ интеграціи разнородныхъ умственныхъ движеній и ощущенийъ, должны развиваться уже иныя сложныя дѣйствія ума и идеи интеллектуальнаго круга, имѣющія типъ ариѳметическій. Предположимъ напр.,

что сосуществованіе какихъ-нибудь сложныхъ представленій вызываетъ разнородныя умственныя движенія, въ одномъ случаѣ частію отождествляющія, частію различающія, въ другомъ — частію устанавливающія, частію отвергающія внѣшнія преємства воспріятій; изъ интеграцій этихъ разнородныхъ движеній, ассоціирующихся другъ съ другомъ уже по типу ариѳметическому, очевидно не могутъ уже возникнуть сложныя дѣйствія ума, устанавливающія полное равенство, неравенство, зависимость или независимость объектовъ нашего опыта. Но зато этимъ именно способомъ развиваются хотя и аналогичныя съ ними по составу, но далеко не тождественныя, идеи сходства и несходства, связи и отсутствія связи объектовъ мысли, а также и идеи ихъ противоположности и параллелизма, причемъ отношеніе всѣхъ этихъ новыхъ идей интеллектуальнаго круга, нѣющихъ ариѳметическій типъ, къ прежнимъ, типа геометрическаго, можетъ сдѣлаться совершенно понятнымъ изъ слѣдующихъ соображеній. Въ идеѣ сходства сознаніе отождествляющихъ движеній очевидно преобладаетъ надъ сознаніемъ движеній различающихъ, въ идеѣ несходства — обратно, въ идеѣ же противоположности лежитъ сознаніе извѣстнаго равновѣсія тѣхъ и другихъ; точно также въ идеѣ связи преобладаетъ сознаніе положительныхъ движеній, устанавливающихъ преємства, надъ сознаніемъ отрицательныхъ движеній, отвергающихъ преємства воспріятій, въ идеѣ отсутствія связи — наоборотъ, а въ идеѣ параллелизма заключается опять сознаніе нѣкотораго равновѣсія тѣхъ и другихъ ассоціативныхъ движеній. Но при этомъ не должно однако упускать изъ виду, что сначала всѣ эти идеи объ отношеніяхъ объектовъ опыта, столько же геометрическаго, сколько и ариѳметическаго типа, будучи продуктомъ безсознательныхъ ассоціаций и интеграцій умственныхъ ощущеній, совершенно смутны или туманны, какъ всѣ вообще конкретныя представленія безсознательной формации. На ступени произвольно-сознательнаго мышленія имъ не соотвѣтствуетъ еще конечно никакихъ опредѣленныхъ названій, и если мы обозначали ихъ тѣмъ не менѣе совершенно опредѣленными терминами «равенства, неравенства, сходства, противоположности, зависимости» и т. д., соотвѣтствующими въ сущности лишь позднѣе возникающимъ конкретнымъ понятіямъ о дѣйствіяхъ ума, то это было вызвано лишь научными цѣлями нашего анализа и можетъ быть оправдано совершенно тѣми же соображеніями, которыми мы въ свое время мотивировали, въ «Психологіи чувствованій», обозначеніе пер-

вичныхъ чувствъ (съ цѣлью ихъ классификаціи) именами вторичныхъ (ср. Псих. чувств., стр. 508—512): въ настоящемъ случаѣ намъ пришлось точно также для обозначенія первичныхъ идей интеллектуальнаго круга пустить въ ходъ термины, соотвѣтствующіе вторичнымъ идеямъ того же круга. Не тому же ли самому приему слѣдуетъ и химикъ, когда онъ называетъ единичную частицу вещества, которую въ данной моментъ демонстрируетъ, «кислородомъ» или «азотомъ», и фізіологъ, когда онъ называетъ единичное животное, надъ которымъ производится какой-нибудь экспериментъ — «лягушкою» или «кроликомъ» и т. д., хотя всѣ эти имена очевидно соотвѣтствуютъ не единичнымъ представленіямъ, съ которыми въ данную минуту имѣютъ дѣло и самъ ученый экспериментаторъ и его слушатели, а сложнымъ группамъ такихъ представленій, т. е. понятіямъ?

Итакъ сложныя сужденія объ отношеніи сложныхъ представленій уже гораздо разнообразнѣе въ своихъ видахъ, чѣмъ первоначальныя сознательныя сужденія объ отношеніи простѣйшихъ представленій, а вслѣдствіе этого конечно разнообразнѣе и типы соотвѣтствующихъ имъ умозаключеній, а равно и положительные и отрицательные продукты этихъ послѣднихъ. Въдъ изъ законченныхъ рядовъ сужденій о сходствѣ, несходствѣ, связи, отсутствіи связи и другихъ подобныхъ отношеніяхъ объектовъ сложныхъ представленій образуются тоже умозаключенія-интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи, но понятія, являющіяся продуктами этихъ послѣднихъ имѣютъ разумѣется иное содержаніе, чѣмъ понятія прежде рассмотрѣнныя. И этимъ именно способомъ объясняется извѣстное каждому человѣку разнообразіе конкретныхъ понятій о видахъ предметовъ и явленій, о ихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ, съ точки зрѣнія характера и количества частныхъ связей, внѣшнихъ или внутреннихъ, скрѣпляющихъ элементы этихъ понятій между собою.

Однако, несмотря на безконечное разнообразіе своего состава, всѣ конкретныя понятія, какъ мы видѣли, распадаются на два главные типа: одни, математическаго типа, суть понятія о видахъ предметовъ и явленій внѣшняго міра; другія, физическаго типа, суть понятія о состояніяхъ и дѣйствіяхъ предметовъ и явленій. Что эти послѣднія имѣютъ дѣйствительно физическій типъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ. Положимъ, мы имѣемъ конкретныя понятія о состояніи блеска однихъ предметовъ и о дѣйствіи плаванія другихъ. Очевидно въ каждомъ изъ этихъ понятій, образующихся сперва совершенно произвольно въ умѣ cadaго человѣка, помощью

известной совокупности сообщеній сознательно-раздѣльныхъ воспріятій, должны быть органически связаны по внѣшней смежности различныя сложныя представленія математическаго типа, ибо въ первомъ случаѣ мыслятся сосуществующія рядомъ во многихъ предметахъ, т. е. совместно повторяющіяся въ нашихъ опытахъ, разнородныя представленія о переливахъ свѣта и тѣни, во второмъ случаѣ — сосуществующіе въ другихъ предметахъ, т. е. опять неразлучно другъ отъ друга повторяющіяся въ нашихъ опытахъ, представленія о разнородныхъ движеніяхъ, какъ въ предѣлахъ, такъ и внѣ предѣловъ данныхъ предметовъ (т. е. въ самой водѣ). Соответствующія этимъ представленіямъ внѣшнія явленія оказываются нѣсколько разъ подъ рядъ смежными въ пространствѣ или времени, а отсюда уже мы и заключаемъ къ зависимости объектовъ сложныхъ представленій математическаго типа, соответствующихъ повторяющимся во многихъ внѣшнихъ предметахъ соединеніямъ свойствъ. Другими словами, каждое понятіе о состояніи или дѣйствіи предметовъ является результатомъ сложныхъ ассоціацій по внѣшней смежности между представленіями математическаго типа — о ихъ свойствахъ или качествахъ: сознаніе постоянного внѣшняго сосуществованія или преемства (т. е. зависимости) этихъ свойствъ или качествъ предметовъ и даетъ въ результатъ конкретныя понятія о ихъ состояніяхъ и дѣйствіяхъ.

Выяснивъ общій процессъ развитія первыхъ конкретныхъ понятій, а также и ихъ основныя типы, мы уже не станемъ подробно разбирать дальнѣйшаго процесса развитія этихъ первыхъ конкретныхъ понятій въ другія конкретныя понятія, болѣе сложныя, при посредствѣ новыхъ дифференціацій и интеграцій элементовъ простѣйшихъ понятій другъ съ другомъ, ибо эта третья и послѣдняя ступень произвольно-сознательнаго мышленія (ср. стр. 128 и 181) никакихъ оригинальныхъ чертъ не представляетъ. Дифференцированныя конкретныя понятія вновь интегрируются въ конкретныя понятія бѣльшаго объема опять при посредствѣ тѣхъ простѣйшихъ представленій или воспріятій, которыя входятъ въ ихъ составъ, и эти процессы и ихъ продукты отличаются отъ прежде разсмотрѣнныхъ лишь количествомъ ассоциируемыхъ элементовъ и ассоциирующихъ движеній. Точно также, параллельно, и сложныя конкретныя представленія интеллектуальнаго круга, помощью которыхъ устанавливаются отношенія простыхъ конкретныхъ понятій между собою, отличаются отъ прежде разсмотрѣнныхъ простыхъ лишь количественно, а не качественно, и являются продуктомъ ихъ дифференціацій и новыхъ интеграцій.

Но зато безусловно необходимо еще раз воротиться къ вопросу объ образованіи именъ, сопровождающемъ процессъ развитія понятій, такъ какъ эти новые результаты познавательной дѣятельности играютъ важную роль въ послѣдующихъ, болѣе сложныхъ, произвольныхъ и методическихъ дѣйствіяхъ ума.

Мы уже говорили, что «имена» суть тоже конкретныя представленія, только особой, такъ сказать «звуковой» сферы, и притомъ большею частью эти представленія составлены произвольно-инстинктивнымъ творческимъ актомъ мысли, т. е. помощью бессознательныхъ построительныхъ ассоціацій (ср. стр. 116—117). Называя имена «представленіями», мы разумѣли конечно только тѣ внутреннія сочетанія звуковъ, какъ слуховыхъ ощущеній, которыя служатъ импульсомъ для периферическихъ движеній нашихъ голосовыхъ органовъ и въ формѣ которыхъ воспринимаются нами также и движенія голосовыхъ органовъ другихъ лицъ: самыя же движенія, какъ результаты и какъ объекты этихъ внутреннихъ сочетаній звуковыхъ ощущеній, мы въ этомъ сочиненіи оставляемъ въ сторонѣ, ибо вообще рѣшились ограничиться на первый разъ лишь болѣе подробнымъ анализомъ центральныхъ (или умственныхъ) познавательныхъ движеній и ихъ продуктовъ. Итакъ вопросъ состоитъ въ томъ, какъ и когда образуются конкретныя представленія той звуковой сферы, которыя пріобрѣтаютъ послѣ значеніе именъ, т. е. символовъ понятій, и далѣе, какимъ способомъ эти конкретныя представленія, разъ образовавшись, неизбѣжно дѣлаются постоянными спутниками и замѣстителями означенныхъ понятій? Мы представляемъ себѣ этотъ любопытный психологическій процессъ слѣдующимъ способомъ.

Когда сложныя, сознательно-составленныя конкретныя представленія о единичныхъ элементахъ нашего опыта, помощью сложныхъ же ассоціацій между собою, связались въ тѣ новыя высшія единства, которыя мы называемъ конкретными понятіями, то разумѣется, по ограниченности горизонта, доступнаго въ каждый отдѣльный моментъ нашему сознанию, а также вслѣдствіе присущей ему потребности объективировать свое содержаніе въ какихъ-нибудь реальныхъ образахъ, многія частныя представленія, входящія въ составъ означенныхъ понятій, весьма скоро ступиваются и отходятъ въ сознаниі нашемъ на задній планъ, и лишь нѣкоторыя, наиболѣе яркія и всего легче воспроизводимыя по условіямъ нашего опыта представленія остаются въ памяти и служатъ формами, въ которыхъ понятія обыкновенно мыслятся и объективируются нами въ

дѣйствительно окружающей насъ средѣ. Представленія эти могутъ быть сначала всевозможнаго качества и характера: зрительныя, слуховыя и всякихъ иныхъ сферъ. Но уже а ргіогі ясно, что если представленія какой-нибудь сферы являются болѣе легкими и удобными во всѣхъ отношеніяхъ орудіями для запоминанія, воспроизведенія и объективированія понятій, то въ борьбѣ съ другими представленіями, служащими для той же цѣли, они имѣютъ наиболѣе шансовъ одолѣть и стать постепенно единственными символами понятій: а такъ какъ представленія звуковой сферы несомнѣнно обладаютъ многими удобствами сравнительно со всѣми прочими, ибо сложные животныя организмы отъ природы обладаютъ готовыми «аппаратами» для вполне точнаго воспроизведенія ихъ внѣшнимъ образомъ (путемъ звукоподражанія), то и не подлежитъ сомнѣнію, что они постепенно должны занять первенствующее мѣсто, какъ орудія воспроизведенія и объективированія понятій. Поэтому-то позднѣе постоянными и всеобщими символами этихъ послѣднихъ и становятся постепенно упомянутыя представленія звуковой сферы, т. е. имена, которыя сначала конечно образуются изъ ассоціацій дѣйствительныхъ звуковыхъ ощущеній, исходящихъ отъ различныхъ объектовъ понятій, а затѣмъ уже, по аналогіи съ этими «усвоительными» ассоціаціями, составляются произвольно и инстинктивно, но все же искусственно, т. е. помощью творческихъ или постронительныхъ движеній ума, и для символизированія понятій, объекты которыхъ непосредственно можетъ-быть никакихъ звуковыхъ ощущеній не вызываютъ, да иногда даже по природѣ своей и не способны вызывать. Дальнѣйшему же закрѣпленію этихъ звуковыхъ представленій за извѣстными понятіями въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ и наслѣдственно возрастающая способность сложныхъ организмовъ произвольно порождать звуковыя ощущенія и представленія въ другихъ организмахъ (помощью извѣстныхъ голосовыхъ движеній), такъ какъ этимъ способомъ звуковыя символы въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи неизбѣжно становятся все болѣе или болѣе неотъемлемою принадлежностью понятій: въ чело-вѣческомъ обществѣ, члены котораго уже обладаютъ упомянутою способностью къ сложнымъ голосовымъ движеніямъ, ребенокъ съ самаго начала, слыша постоянно, при знакомствѣ съ различными предметами, извѣстныя сочетанія звуковъ, невольно вплетаетъ ихъ какъ неотъемлемый ингредиентъ въ составъ сложныхъ представленій, а затѣмъ и понятій, которыя въ его умѣ образуются, вовсе уже и не сознавая различія между частными представленіями, непосредственно

воспринимаемыми имъ во внѣшнемъ опытѣ (отъ самыхъ вещей), и этии представленіями, извнѣ навязываемыми ему окружающими его одушевленными существами. Эти представленія-имена онъ считаетъ какъ бы тоже естественными произведеніями самой природы, подобно тому, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ онъ сначала неспособенъ различать искусственныхъ созданийъ человѣческаго ума отъ естественныхъ произведеній природы: камень ли или кирпичъ, кукла или живое дитя, имя или естественное свойство предмета — все это для ребенка, родившагося въ культурной средѣ, равноправные элементы дѣйствительности и ихъ существенное различіе другъ отъ друга онъ узнаетъ и научается ясно понимать лишь гораздо позднѣе.

Но тогда конечно между «первоначальнымъ образованіемъ» звуковыхъ представленій или именъ, символизирующихъ понятія, въ исторіи всего человѣчества, возможнымъ лишь на довольно поздней ступени развитія его ума, и «усвоеніемъ» этихъ представленій единичнымъ членомъ болѣе или менѣе культурнаго человѣческаго общества существуетъ громадная разница: культурный человѣкъ усваиваетъ эти представленія одновременно съ представленіями дѣйствительно-реальнаго содержанія и способенъ даже и бессознательно ассоціировать ихъ съ другими простѣйшими представленіями такой-же бессознательной формации, и это пожалуй опять служить нѣкоторымъ оправданіемъ для логики, предполагающей имена какъ бы отъ природы готовымъ достояніемъ человѣческой мысли (ср. стр. 185 и 187). Но такъ какъ наука о познаніи прежде всего должна имѣть въ виду не человѣка конкретнаго, рожденнаго въ культурное время, напр. хотя бы въ XIX вѣкѣ, а человѣка вообще, постепенно вышедшаго изъ тьмы невѣдѣнія и безусловнаго умственнаго ничтожества и даже не только человѣка вообще, а организмъ вообще въ отношеніи къ развитію его познавательныхъ процессовъ (ибо «организмъ» и есть та научная идея, отъ которой всѣ науки о живыхъ существахъ и явленіяхъ должны въ наше время отправляться въ своихъ изслѣдованіяхъ), то вопросъ о первоначальномъ образованіи именъ долженъ стоять для нея на первомъ мѣстѣ, и опредѣлить тотъ моментъ, въ который они зарождаются въ общемъ процессѣ развитія сознанія, есть ея прямая обязанность.

Эту обязанность мы, какъ могли, выполнили; дальнѣйшее же изслѣдованіе процесса развитія именъ во всѣхъ его частностяхъ необходимо конечно предоставить филологинъ, какъ той наукѣ, которая является единственно компетентной въ разъясненіи реальныхъ причинъ

и реального теченія ассоціацій и интеграцій простѣйшихъ звуковыхъ ощущеній въ сложныя конкретныя представленія, примѣнительно къ тому или другому отдѣльному случаю.

Сдѣлавъ эти дополнительныя замѣчанія по вопросу о развитіи именъ, какъ символовъ понятій, мы думаемъ, что исчерпали всѣ главные вопросы, относящіеся къ исторіи развитія сознательнаго, а затѣмъ и вообще произвольнаго, мышленія. Но прежде, чѣмъ перейти къ анализу высшей, произвольной дѣятельности ума, мы считаемъ еще необходимымъ сдѣлать общее обозрѣніе пройденнаго нами пути.

Конечно въ предшествующемъ изслѣдованіи безсознательныхъ и произвольно-сознательныхъ процессовъ мысли осталось еще очень много пробѣловъ. Критики пожалуй скажутъ даже, что это и не изслѣдованіе, а простой эскизъ теорій, и будутъ правы уже потому, что на 100 страницахъ печатнаго текста никакъ нельзя изслѣдовать обстоятельно всѣ подробности развитія процессовъ природы, совершающагося въ дѣйствительности въ теченіи десятковъ тысячъ, если не милліоновъ лѣтъ, параллельно общему развитію человѣческаго организма и даже всѣхъ животныхъ организмовъ, вмѣстѣ взятыхъ: для этого потребны десятки и даже сотни сочиненій. Но на ста страницахъ можно однако изложить общіе принципы и наглядно изобразить приемы изслѣдованія тѣхъ или другихъ предметовъ безконечно-сложной и разнообразной дѣйствительности и, если формулированіемъ такихъ принциповъ и примѣрнымъ приложеніемъ соответствующихъ приемовъ анализа мы убѣдили читателя, хотя бы въ возможности замѣнить господствующую науку логику, всѣ глубокомысленныя истины которой, зажнутыя въ рядъ поверхностныхъ афоризмовъ, можно было бы умѣстить не только на сотни, но и на двухъ десяткахъ печатныхъ страницъ, — такой наукой, горизонтъ которой безконечно обширенъ и изложеніе содержанія которой потребуетъ въ будущемъ упомянутыхъ десятковъ и сотенъ сочиненій, то и это было бы уже нѣкоторою заслугою съ научной точки зрѣнія. А затѣмъ мы надѣемся, что хоть наиболѣе важныя принципы нашего анализа, не только откроютъ новые горизонты для науки о познаніи, но и будутъ признаны вполне вѣрными и неопровержимыми. Поэтому-то, для облегченія своихъ читателей и критиковъ, мы

и считаемъ полезнымъ подвести итоги общимъ результатамъ, приобретеннымъ въ ближайшей главѣ сочиненія. Эти результаты слѣдующіе:

1) Все произвольное мышленіе распадается на двѣ главныя сферы: мышленія безсознательнаго и мышленія сознательнаго, изъ которыхъ послѣднее постепенно развивается на почвѣ перваго.

2) Всѣ произвольныя умственныя движенія по внутренней своей природѣ однородны и могутъ быть выражены понятіемъ ассоціаціи въ обширномъ значеніи этого слова.

3) Тѣ частныя виды умственныхъ движеній, которые обнимаются этимъ понятіемъ ассоціаціи, повторяются на всѣхъ степеняхъ произвольнаго мышленія, съ тою лишь разницею, что одни движенія безсознательны, другіе сознательны, т. е. сопровождаются сознательными ощущеніями и представленіями интеллектуальнаго круга.

4) Безсознательныя, какъ и сознательныя, умственныя движенія въ свою очередь могутъ быть различной степени сложности, что зависитъ отъ различной сложности сообщаемыхъ и разобщаемыхъ ими познавательныхъ явленій и имѣетъ послѣдствіемъ различную степень сложности продуктовъ мышленія.

5) Но всетаки всѣ «безсознательныя» умственныя движенія въ концѣ концовъ имѣютъ ту общую черту, что конечными элементами ихъ являются несознаваемая еще въ своей раздѣльности ощущенія, а всѣ «сознательныя» умственныя движенія сходятся въ томъ, что имѣютъ конечными элементами сознательно-раздѣльныя простѣйшія представленія или воспріятія.

6) Общіе предѣлы безсознательнаго или первичнаго мышленія, опредѣляются ощущеніями и конкретными представленіями, предѣлы же сознательнаго мышленія выражаются конкретными представленіями и конкретными понятіями.

7) Безсознательное мышленіе начинается съ безсознательныхъ ощущеній и кончается сложными конкретными представленіями безсознательной формаціи; сознательное мышленіе начинается съ простѣйшихъ конкретныхъ представленій безсознательной формаціи, превращающихся въ процессъ объективированія въ сознательно-раздѣльныя воспріятія, и кончается сложными конкретными понятіями произвольнаго образованія.

8) Между этими предѣлами на ступени «безсознательнаго» мышленія лежатъ сознательныя ощущенія и простыя конкретныя представленія безсознательной формаціи, на ступени «сознательнаго» мышленія —

сложныя конкретныя представленія сознательнаго образованія и простѣйшія конкретныя понятія, образующіяся произвольно.

9) Такимъ образомъ все произвольное мышленіе проходитъ слѣдующій рядъ образованій, раздѣленныхъ согласно предшествующему, на двѣ главныя группы:

а) бессознательныя ощущенія, сознательныя ощущенія, простѣйшія конкретныя представленія и сложныя конкретныя представленія бессознательной формаціи;

б) дифференцированныя представленія бессознательной формаціи или сознательно-раздѣльныя воспріятія, сложныя конкретныя представленія сознательнаго образованія, простѣйшія по составу конкретныя понятія и сложныя конкретныя понятія, произвольно составленныя.

10) Все это развитіе произвольныхъ продуктовъ мысли неизбежно совершается въ двухъ главныхъ направленіяхъ, въ которыхъ вообще возможны ассоціаціи и диссоціаціи психическихъ явленій, а именно въ направленіяхъ, опредѣляемыхъ внѣшнею и внутреннею смежностью психическихъ явленій.

11) На ступени бессознательнаго мышленія мы назвали эти два направленія умственной дѣятельности, или двоякій типъ умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ арифметическимъ и геометрическимъ, на ступени сознательнаго мышленія — физическимъ и математическимъ.

12) Сознательныя умственныя движенія, механическія и органическія, называются иначе сужденіями и умозаключеніями, причѣмъ конечно пока идетъ рѣчь только о произвольныхъ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ.

13) Параллельно развитію или осложненію умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ, развивается и специфическая интеллектуальная воспримчивость: сознательное мышленіе уже съ самого начала опирается на сознательныя специфическія умственныя ощущенія, а затѣмъ съ интеграціей первоначальныхъ сознательныхъ движеній въ высшія единства, т. е. первичныя дѣйствія ума, возникаютъ соответственно и конкретныя представленія объ отношеніяхъ между сложными объектами мысли, устанавливаемыхъ ею подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ условий.

14) Затѣмъ еще одною особенностью сознательнаго мышленія, со второй частной его ступени, является образованіе именъ, какъ особыхъ конкретныхъ представленій, служащихъ орудіями объединенія

конкретныхъ понятій, не поддающихся, по характеру своего состава, единовременному объективированію и воспроизведенію, ибо они черпаютъ свое содержаніе уже не изъ единичныхъ, а изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ и разрозненныхъ внѣшнихъ опытовъ.

15) Для конкретнаго выраженія, помощью схемъ, различныхъ по степени сложности произвольныхъ умственныхъ движеній, ихъ элементовъ и продуктовъ, наука должна выработать сложную систему знаковъ. Элементы и продукты мышленія можно обозначать буквами различнаго написанія, движенія же, ихъ сообщающія и разобщающія, — обычными математическими знаками, а также и другими, составленными по аналогіи съ ними. Такъ три степени элементовъ и продуктовъ безсознательнаго мышленія можно напр. обозначать буквами, $\alpha, \beta, \gamma, \delta \dots$ (безсознательныя ощущенія), $a, b, c, d \dots$ (сознательныя ощущенія), $A, B, C, D \dots$ (конкретныя представленія): три степени элементовъ и продуктовъ сознательнаго мышленія буквами $A, B, C, D \dots$ (простѣйшія конкретныя представленія или воспріятія), $A, B, C, D \dots$ (сложныя конкретныя представленія), $\mathcal{A}, \mathcal{B}, \mathcal{C}, \mathcal{D} \dots$ (конкретныя понятія). Для выраженія безсознательныхъ умственныхъ движеній двоякаго типа можно употреблять знаки $+$, \perp , \times , \otimes , сознательныхъ — знаки \cup , \circ , $=$, $\#$, которые въ свою очередь могутъ быть дополнены еще иными «составными» знаками для отличенія сложныхъ умственныхъ движеній данной сферы отъ простѣйшихъ; таковы знаки \odot , \odot , \equiv , $\#$, которыми мы пользовались для выраженія сознательныхъ ассоціацій и диссоціацій сложныхъ представленій. Но однихъ приведенныхъ знаковъ для выраженія всего разнообразія развитія произвольныхъ умственныхъ движеній еще далеко недостаточно и, если мы довольствовались до сихъ поръ ограниченномъ числомъ такихъ знаковъ, то потому, что разбирая только общій ходъ развитія произвольнаго мышленія, болѣе думали объ основной сущности процессовъ, чѣмъ о разнообразныхъ частныхъ направленіяхъ ихъ развитія. Свою систему знаковъ мы даже откровенно признаемъ сами еще очень несовершенною и неудовлетворительною и надѣмся, что другіе изслѣдователи, если они только одобрятъ общіе принципы нашего анализа, помогутъ намъ её усовершенствовать или даже замѣнить её и совершенно новою, болѣе остроумною. Весь этотъ внѣшній аппаратъ нашей теоріи, какъ нѣчто совершенно искусственное, подлежитъ всяческой передѣлкѣ и его не должно смѣшивать съ внутреннимъ содержаніемъ нашихъ изслѣдованій. Такъ называе-

мое алгоритмическое выражение логических учений десятки разъ было видоизмѣняемо различными писателями, смотря по ихъ личнымъ потребностямъ и отчасти даже вкусамъ, и мы вполне увѣрены, что, при своей сравнительно недостаточной математической подготовкѣ, не могли рѣшить эту, такъ сказать техническую, задачу лучше, чѣмъ наши предшественники (напр. хотя бы Вундтъ). Если же мы, не смотря на это, старались и въ области «знаковъ» быть самостоятельными, то только потому, что для выраженія новыхъ идей естественно необходимы и новые символы, вслѣдствіе чего знаки, употребляемые другими писателями по логикѣ, и оказались большею частью непригодными для нашихъ цѣлей¹⁾.

16) Точно также далеко еще несовершенными мы считаемъ и свои опредѣленія реального содержанія объектовъ произвольнаго мышленія на различныхъ ступеняхъ его развитія (ср. стр. 182—184). Признавъ ощущенія коррелатами единичныхъ признаковъ единичныхъ предметовъ и явленій, конкретныя представленія — коррелатами отдѣльныхъ предметовъ и явленій, ихъ свойствъ или качествъ, а конкретныя понятія — коррелатами группъ или видовъ и родовъ предметовъ и явленій, ихъ постоянныхъ состояній и дѣйствій, мы однако не доказали еще этихъ сопоставленій строго научнымъ путемъ, ибо вообще имѣли въ виду динамику, а не статику мысли. Психостатика, при анализѣ явленій познавательнаго круга, должна будетъ строго провѣрить упомянутыя наши сопоставленія и, если можно, доказать ихъ, — въ противномъ же случаѣ замѣнить ихъ новыми опредѣленіями, болѣе точными.

17) Слѣдовательно мы дѣйствительно въ правѣ считать задачи будущихъ изслѣдователей въ области произвольнаго мышленія, на почвѣ указанныхъ нами общихъ принциповъ, безконечно обширными и должны откровенно сознаться, что сдѣлали сами еще очень мало, а именно въ лучшемъ случаѣ развѣ только выложили новый фундаментъ для будущей капитальной постройки. Нашимъ преемникамъ предстоитъ не только прослѣдить развитіе произвольныхъ умственныхъ движеній, какъ таковыхъ, въ различныхъ частныхъ направленіяхъ, отчасти вовсе нами не затронутыхъ, но и разработать параллельно, въ тѣхъ же подроб-

¹⁾ Тѣмъ не менѣе читатель найдетъ нѣкоторыя аналогіи между многими нашими логическими символами и тѣми въ особенности, которые предлагаетъ Вундтъ въ своей «логикѣ»: идея многихъ знаковъ была внушена намъ именно логикою Вундта.

ностяхъ, ту область психостатики, которая относится къ соответствующимъ умственнымъ явленіямъ; а затѣмъ, какъ сказано было, имъ надлежитъ придумать и болѣе полный и совершенный техническій аппаратъ для нагляднаго выраженія всѣхъ фазисовъ и направленій непроизвольной умственной дѣятельности и ея результатовъ.

Наша основная задача въ настоящей главѣ, какъ мы еще разъ напоминаемъ, состояла въ томъ, чтобы доказать параллелизмъ и внутреннюю однородность бессознательныхъ и сознательныхъ процессовъ мысли, т. е. ассоціацій и сужденій, въ обширномъ значеніи этихъ словъ, и только эту задачу мы и считаемъ дѣйствительно выполненною въ предѣлахъ, нами поставленныхъ.

Но въ такомъ случаѣ, приступая теперь къ анализу произвольныхъ процессовъ мысли, мы еще менѣе можемъ надѣяться вполне исчерпать вопросъ о ихъ составѣ и развитіи. Если анализъ элементарнаго еще далеко не законченъ, то анализъ сложнаго тѣмъ болѣе не можетъ быть окончательнымъ. Соразмѣряя свои силы съ проблемами, которыя намъ остается еще рѣшить, мы принуждены ограничиться лишь такимъ очеркомъ развитія произвольнаго и методическаго мышленія, который бы окончательно подтвердилъ единство всѣхъ умственныхъ отправленій, т. е. возможность сведенія и высшихъ по составу дѣйствій ума къ основнымъ процессамъ ассоціаціи, диссоціаціи и дизассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Если бы и эта цѣль была достигнута, то дѣйствительно явилась бы возможность дать новое освѣщеніе и поставленнымъ нами въ «введеніи» вопросамъ объ общихъ законахъ мысли, о причинахъ заблужденій ума и о средствахъ борьбы съ этими послѣдними, о которыхъ мы и поведемъ рѣчь въ послѣдней главѣ настоящаго сочиненія.

КРИТИЧЕСКІЯ И ЭКЗЕГЕТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

III ¹⁾.

Эсхила Εὐμ. 44:

ἔχοντ' ἐλάας θ' ὑφιγέννητον κλάδον,
λήνει μεγίστῳ σωφρόνως ἐστεμμένον,
ἀργῆτι μαλλῶ. τῆδε γὰρ τρανώς ἐρῶ.

Полагаю, что это многословіе съ неумѣстнымъ μεγίστῳ произошло по той первой причинѣ, что въ Эсхилову стиху, который читался:

ἀργῆτι λήνει σωφρόνως ἐστεμμένον—

былъ интерполяторомъ приписанъ поясняющій стихъ:

μαλλῶ· μάλιστα τῆδε γὰρ τρανώς ἐρῶ.

Относительно соединенія ἀργῆτι λήνει см. напр. Lobeck, Paralipr. p. 265, Kühner, Ausf. Gr. I, стр. 422.

67 и сл.

ὑπνῷ πεσοῦσαι δ' αἱ κατάπτυστοι κόραι,
γραῖαι ²⁾ παλαιαὶ παῖδες, αἷς οὐ μίγνυται
θεῶν τις οὐδ' ἄνθρωπος οὐδὲ θῆρ ποτε.

Hermann: libri πεσοῦσαι δ', nisi quod πεσοῦμαι δ' Ven., πεποῦσαι δ' Ald. Quod in Opusc. VI 2, 23, putabam, participium pro verbo finito positum esse, probari non potest, quia participium aoristi ita usurpari nequit. Non puto tamen aliquid mutandum esse, quamquam non inepte scriberetur ὑπνῷ πνέουσαι δ' ut in Choeph. v. 611, sed videtur potius huiusmodi versus excidisse,

¹⁾ См. VI томъ Извѣстій Института.

²⁾ Νυχτός Valckenaer.

ἐν ταῖςδε τοῖς θρόνοισιν ἀσθενεῖς πάρα.

Quare Iacinae ligna posui.—Не прощели принять такое чтение:

ὑπνω πεδῶνται δ' αἱ κατάπτυστοι κόραι?

Настоящее этого глагола, близкаго по значенію къ κρατοῦμαι, ἀλίσχομαι, полагаю, не неумѣстно.

118—119:

μύζοιτ' ἄν, ἀνὴρ δ' οἴχεται φεύγων πρόσω.

φίλοις γάρ εἰσιν οὐκ ἐμοῖς προσίχτορες.

Hermann: horum verborum quae prolatae sunt explicationes, ipsis Graecis verbis obscuriores sunt. Schützius scribendum putavit φίλοι γάρ εἰσιν, οὐκ ἐμοῖ προσίχτορες, quod sic interpretatur, *sunt enim (dii) amici ejus supplicis, sive eum supplicem recepturi, iidemque mihi haud amici.* At haec sententia et alium verborum ordinem et ἐμοῦ requiret. Quod olim dedi, φίλοι γάρ εἰσιν οὐκ ἐμοῖ προσίχτορες, non est mihi amicum praesidium, propterea displicet, quod φίλοι non recte in initio positum est. Scribendum est, ut in Opusc. VI 2, p. 32 demonstravi,

φίλοις γάρ εἰσιν, οὐκ ἐμοῖ προσίχτορες,

cognatis enim meis sunt, non mihi, ad quorum praesidia confugiant.

Противъ этого высказаны основательныя замѣчанія К. О. Müller'омъ и Hartung'омъ: первый (Anhang, стр. 10): Ebenso sehr aber verstösst es gegen den Sprachgebrauch, φίλοι, die Lieben, schlechtweg für Verwandte zu setzen, die in diesem Augenblicke wahrhaftig nicht als Liebe aufgefasst werden. Klytämnestra kann v. 100 sagen, sie wäre von den Liebsten ermordet worden d. h. von Kindern, gegen welche sie Mutterliebe empfand; sie kann (Agam. 1209) ein Ungeheuer genannt werden, welches unversöhnlichen Streit gegen die Lieben athmet: aber indem sie sich beklagt, dass ihr Mörder Orestes Schützer finde, und also kein Verhältniss von Mutter—und Verwandtenliebe berührt, kann sie diesen nicht ihren Lieben nennen. Второй, сдѣлавъ подобное этому замѣчаніе, измѣняютъ φίλοις въ ἐχθροῖς. Это разсѣченіе гордіева узла не можетъ, конечно, быть оправдано частымъ смѣшеніемъ μεῖζων и μεῖων, καλός и κακός, какъ полагаетъ Hartung. Предлагаю:

ἄλλοις γάρ εἰσιν, οὐκ ἐμοῖ, προσίχτορες

299:

ἀναίματον βόσκημα, δαιμόνων σκιάν.

Hermann, по удачномъ опроверженіи раньше сдѣланныхъ объясне-

ний и исправлений, замѣчаетъ: quod autem libri habent, σκιά, ex interpretatione in ipsius poetae versum illatum est. Quare scripsi

ἀναίματον βόσκημα τῶνδε δαιμόνων.

Проще было-бы:

ἀναίματον βόσκημα καὶ σκιάν μόνον.

Соф. Αἶ. 5 и сл.

παλαι κωνηγετοῦντα καὶ μετρούμενον
ἔχνη τὰ κείνου νεοχάραχθ' ¹⁾ ὅπως ἴδης
εἶτ' ἔνδον, εἶτ' οὐκ ἔνδον.

Nauck: μετρούμενον ἔχνη ist unrichtig. Durch das Messen der Spuren des Aias konnte Odysseus nur die Grösse des Fusses und der Schritte seines Gegners ausfindig machen, nicht aber ob Aias sich in dem Zelte oder draussen befand. Мнѣ кажется, что принимая весьма вѣроятное исправление Наука τεχμαρούμενον, мы можемъ не вычеркивать ст. 6, а скорѣе, руководясь чтениемъ Laur. A., читать его такъ:

ἔχνη τὰ κείνου νεοχάραχτ' ἐπὴν ἴδης.

Ср. Bast, Comm. pal. p. 780.

98:

ὅστ' οὐποτ' Αἴανθ' οἶδ' ἀτιμάσουσ' ἔτι.

Blaydes справедливо: οἶδ' seems hardly right. οἶδ' Laur. A pr. m. Скорѣе, кажется:

ὅστ' οὐποτ' Αἴανθ' ὦδ' ἀτιμάσουσ' ἔτι.

Аристоф. Σφ. 526 и сл.

ΧΟ. νῦν δὲ τὸν ἐκ θήμετέρου
γυμνασίου λέγειν τι δεῖ
καινόν ὅπως φανήσει—

ΒΔ. ἐνεγχάτω μοι δεῦρο τὴν κίστην τις ὡς τάχιστα.

ἀτὰρ φανεῖ πόλις τις ὦν, ἣν ταῦτα παρακελεύη, 530.

ΧΟ. μὴ κατὰ τὸν νεανίαν

τόνδε λέγειν (λέγων Hirschig).

¹⁾ νεοχάραχτ' Laur. A.

530 предлагаю читать такъ:

ἀτὰρ φανεῖται ποῖος ὢν, ἦν ταῦτα παρακελεύη;

Демосф. XVIII 25: ἐπειδὴ τοίνυν ἐποιήσατο εἰρήνην ἢ πόλις, ἐνταῦθα πάλιν σκέψασθε τί ἡμῶν ἐκάτερος προελετο πράττειν· καὶ γὰρ ἐκ τούτων εἰσεσθε, τίς ἦν ὁ Φιλίππῳ πάντα συναγωνιζόμενος, καὶ τίς ὁ πράττων ὑπὲρ ὑμῶν καὶ τὸ τῆ πόλει συμφέρον ζητῶν. Такого обыкновенное чтение, основанное на большинствѣ рукописей. Однако Σ и L (Laug. 136) имѣютъ вмѣсто πάντα странное τε τὴν εἰρήνην. На основаніи этого чтенія Voemel предлагаетъ τὴν τ' εἰρήνην καὶ πάντα, Spengel τότε τὴν εἰρήνην. Сообразнѣе со смысломъ было бы κατὰ τὴν εἰρήνην.

30: ἐξὸν ἡμερῶν δέκα, ὁμοίως δὲ τριῶν ἢ τεττάρων εἰς τὸν Ἑλλάσποντον ἀφίχθαι.—ὁμοίως имѣютъ Σ и др. вмѣсто болѣе распространеннаго μᾶλλον. Не скрывается-ли въ этомъ ὁμοίως [δέ]—εἰ μὴ ὡς?

XXIII 50: ὁρᾶτε γὰρ, ὡς ἐπὶ πάντων, οὐκ ἐπὶ τῶν φονικῶν μόνον, οὕτω τοῦτ' ἔχει. ἂν τις τύπτῃ τινὰ, φησίν, ἄρχων χειρῶν ἀδίκων, ὡς, εἰ γ' ἡμίονο, οὐκ ἀδικεῖ. ἂν τις κακῶς ἀγορεύῃ, τὰ ψευδῆ προσέειπεν, ὡς, εἰ γε τάληδῆ, προσῆκον. ἂν τις ἀποκτείνῃ ἐκ προνοίας, ὡς, εἰ γ' ἄκων, οὐ ταῦτόν. ἂν τις καταβλάψῃ τινὰ ἐκὼν ἀδίκως. Westermann: Ganz sicher scheint ἀποκτείνῃ hier denn noch nicht zu sein, und man möchte der Tödtung eher jede andere Verletzung substituieren. Denn da bewiesen werden soll, dass jener Satz nicht bloß auf den Fall der Tödtung, sondern auf jede Handlung anwendbar ist, so ist es ein starker Verstoss gegen die Logik, wenn man unter den Beispielen der Todtschlag wieder mit angeführt wird. Считаю слова ἂν τις ἀποκτείνῃ ἐκ προνοίας интерполяціей и выпускаю ихъ, предлагаю читать конецъ приведеннаго мѣста такъ: ἂν τις καταβλάψῃ τινὰ ἐκὼν ἀδίκως, ὡς, εἰ γ' ἄκων οὐ ταῦτόν.

С. Ждановъ.

Критич. и экз. замѣтъ. II стр. 10 вмѣсто κούδεις οἷδ' οὐδὲν κακόν слѣдуетъ читать κούδεν οἷδ' οὐδεις κακόν.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

къ

Т. Н. ДВУМЪ ПЕРВЫМЪ КНИГАМЪ ПРОПЕРЦІЯ.

Скалигеръ, въ предисловіи къ своему изданію Проперція, говоритъ: „Plures sunt qui eum poetam ament, quam qui intelligent“. Съ тѣхъ поръ, конечно, многое сдѣлано для уясненія трудностей этого писателя, но все же въ немъ остается достаточное количество спорныхъ мѣстъ. Въ предлагаемыхъ замѣткахъ мы разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ, ограничиваясь пока т. н. двумя первыми книгами ¹⁾. Прежде всего притомъ необходимо предупредить, что важнѣйшею рукописною основой текста Проперція мы считаемъ т. н. *Neapolitanus*, т. е. Вольфенбуittelъскій кодексъ Gudian. 324, и къ этомъ отношеніи согласны съ тѣмъ, что Leo ²⁾, Kiessling ³⁾ и Heydenreich ⁴⁾ привели противъ попытки Беренса построить рецензію поэта на новомъ фундаментѣ. Съ другой стороны доводитъ культъ сниска, во всякомъ случаѣ, поздняго и даже интерполированнаго до какого то фетишизма мы не видимъ причинъ и полагаемъ, что задачи эмендаціи здѣсь, какъ и всюду, должны въ концѣ концовъ быть подчинены требованіямъ разума.

О степени убѣдительности рекомендуемыхъ ниже чтеній судить, разумѣется, не намъ. Мы старались приблизить своимъ анализомъ затронутые вопросы къ удовлетворительному рѣшенію, но, независимо отъ принципиальной гадательности результатовъ, добываемыхъ путемъ филологической критики, мы лично менѣе, чѣмъ кто либо, имѣемъ право и склонность претендовать на безошибочность своихъ выводовъ. Если же насъ

¹⁾ Нумерацію книгъ, элегій и стиховъ Проперція даемъ всюду не Лахманнову (перваго изданія), а принятую, между прочимъ, Герцбергомъ, Беренсомъ и Цальмеромъ. Она же въ скобкахъ помѣчена у Лахманна и Л. Миллера. По существу, вопросъ о числѣ книгъ Проперція еще далеко не рѣшенъ. Теперь объ этомъ см., напр., Th. Birt, d. antike Buchwesen, Berl. 1882, S. 413 ff.

²⁾ Rhein. Mus. 1880, стр. 441 и слѣд.

³⁾ Deutsche Litteraturzeitung 1880, столб. 231 и слѣд.

⁴⁾ Philolog. Rundschau 1881, столб. 16 и слѣд.

спросить, почему, допуская условную ихъ основательность, мы тѣмъ не менѣе не бросили подъ столъ всего написаннаго, то мы не станемъ въ оправданіе свое ссылаться на довольно естественное однако предположеніе каждаго человѣка, что научные взгляды его, пока ихъ не опровергнули ¹⁾, заслуживаютъ вниманія; не будемъ также выражать надежды,

1) Серьезными опроверженіями едва ли должно считать общія сужденія высказываемыя во имя будто бы очевидной несостоятельности самого принципа конъектуральной критики. Возраженія такого именно свойства встрѣтила въ *Revue critique* (1881, № 51) и одна изъ нашихъ работъ о Гораціѣ. Рецензентъ, г. Л. Авé, полагаетъ, что „все указываетъ“ на близость предавія къ подлиннику въ стихотвореніяхъ Горація и что большею частью рукописный текстъ ихъ „удобоупятнѣе“ предлагаемыхъ филологами чтеній, но теперешній редакторъ названнаго журнала насъ съ мотивами своего воззрѣнія ознакомить не удостоиваетъ, считая его повидимому не нуждающимся въ доказательствахъ. Между тѣмъ выше г. Авé самъ говоритъ, что аргументація, которою мы оспариваемъ традицію, не лишена основательности, и что рекомендуемая нами догадка „обладаютъ нѣкоторымъ подобіемъ вѣроятія“ (онъ только пугается большого количества ихъ). Нѣтъ ли тутъ противорѣчія? Не противорѣчиво ли тоже сперва настаивать на неминуемыхъ-молъ *недостаткахъ* лирическихъ произведеній Горація (*cheville, terme impropre ou pléonastique, pensée froide ou prétentieuse*), а затѣмъ колко намекать, что, кто повиненъ въ конъектуральной критикѣ, тотъ стремится замѣнить пошлостями „картинныя“ выраженія кодексовъ? И что нашъ критикъ находитъ картиннаго напр. въ приводимомъ имъ оборотѣ „*mihi cinque salve*“ (с. I, 32, 15)? Или этого требовало подражаніе Грекамъ, на которое обращаютъ наше вниманіе, какъ на одну изъ причинъ, что у Горація попадаются слабыя мѣста? Но во первыхъ эмендація *mihi concine alma* и возстановливаетъ связь съ греческимъ образцомъ, а во вторыхъ мы до сихъ поръ, какъ большинство латинистовъ, какъ и самъ Горацій, думали, что подражаніемъ этимъ его лирика обязана не худшимъ, а лучшимъ сторонамъ своимъ, и что, не будь Грековъ, она бы далеко не достигла даже той степени совершенства, которою теперь отличается. Всякій человѣкъ съ нѣсколько развитымъ литературнымъ вкусомъ охотно признаетъ высокія достоинства поэзій André Chénier: тѣмъ болѣе ихъ, какъ Французъ, сумѣетъ оцѣнить г. Авé. Но если, какъ у Горація, исключить политическія оды, что такое эти стихотворенія, какъ не систематическіе „*exercices de traduction et d'adaptation*“ надъ античными образцами? И отъ Ронсара до романтиковъ много ли вообще французскихъ поэтовъ, у которыхъ бы въ извѣстной степени не являлось такое же отношеніе къ классикамъ? Не приписываетъ ли г. Авé и недостатки всѣхъ этихъ національных писателей своимъ пагубному вліянію древнихъ? Въ такомъ случаѣ онъ стоитъ совершенно особнякомъ, ибо со времени Лессинга принято типическіе пороки французскаго „псевдоклассицизма“, какъ ужъ пока-

что то, до чего мы додумались, еслибъ оно оказалось неправильнымъ, наведеть, по крайней мѣрѣ, другихъ на лучшее, а осмѣлимся сдѣлать слѣдующее заявленіе: жалокъ тотъ филологъ, который научное достоинство критической работы измѣряетъ количествомъ неоспоримыхъ тезисовъ, выставленныхъ въ ней; жалокъ тотъ ученый, который неспособенъ понять, что право ненамѣренно и не по невѣжеству заблуждаться тѣсно связано съ существенными особенностями всякого пострительнаго изслѣдованія; жалокъ, по философскому развитію своему, кто не видитъ, что сознаніе этого права есть одно изъ самыхъ дорогихъ достояній каждаго мыслящаго человѣка, и не только въ области науки, гдѣ оно служитъ главнымъ рычагомъ прогресса,—такъ какъ сводится къ вѣрѣ въ случайность и условность т. н. ошибокъ разума и въ безусловную законность

зываетъ названіе, возводитъ, между прочимъ, къ *искаженію* Грековъ и Римлянъ, а отнюдь не къ передачѣ ихъ красотъ. Страннымъ намъ показалось, что референтъ нашъ порицаетъ за уваженіе къ Перлкампу, находя въ то-же время вполне естественнымъ, что мы цитуемъ мнѣнія Мейнеке и Л. Миллера. Знакомъ-ли г. Авѣ со взглядомъ этихъ ученыхъ на критическія заслуги Перлкампа? Совѣтуемъ нашему возражателю заглянуть хотя бы въ предисловія обоихъ къ своимъ изданіямъ Горація. Что же касается пишущаго эти строки, то онъ будетъ и впредь признавать себя недостойнымъ развязать ремень у обуви Перлкампа, ничуть притомъ не жертвуя своимъ правомъ оспаривать его частныя и крупныя заблужденія. Вовнаргъ прекрасно замѣтилъ, что только „les esprits subalternes n'ont point d'erreur en leur privé nom, parce qu'ils sont incapables d'inventer, même en se trompant; mais ils sont toujours entraînés sans le savoir par l'erreur d'autrui; et lorsqu'ils se trompent d'eux-mêmes, ce qui peut arriver souvent, c'est dans des détails et des conséquences. Mais leurs erreurs ne sont ni assez vraisemblables pour être contagieuses, ni assez importantes pour faire du bruit“. Вотъ подъ эту характеристику дюжинныхъ умовъ Перлкампа ни въ чемъ и не подходитъ (другое дѣло его послѣдователи), тогда какъ она точно создана для большинства той категоріи издателей, которыхъ г. Авѣ беретъ великодушно подъ свою защиту на томъ основаніи, что они-де „n'ont que le tort de laisser dans ce texte (Горація) quelques fautes séculaires“. (Сюда, по совѣтамъ особымъ причинамъ, не относятся, разумѣется, ни кописты, ни интерполаторы: первые совершали не erreurs de conception, а почти физическія erreurs d'inadvertance, вторые не тѣмъ вводили въ заблужденіе, что ошибались, а тѣмъ, что обманывали). Намъ кажется, что ложныя гипотезы, открыто распростра-няемыя, вовсе не опасны: ихъ всегда удастся разбить, причѣмъ истина только выигрываетъ. Но сознательный застои есть преступленіе противъ святого духа науки: хуже этого ничего себѣ и представить нельзя. Въ сущности, самое выраженіе „гиперкритика“, которое и мы, къ сожалѣнію, нерѣдко употребляли,

субъективной оцѣнки истины ¹⁾, иными словами къ психическому субстрату познаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственному выраженію душевной автономіи,—но во всѣхъ безъ исключенія сферахъ чувства и дѣятельности, гдѣ проявляется нравственная свобода, духовный починъ и вообще природная энергія личности. Отнять у людей это право, это его сознаніе, эту—т. е. просто вѣру значить лишить ихъ послѣдняго убѣжища индивидуальной самостоятельности, разрушить всякій авторитетъ, кромѣ того, который достигается насиліемъ, и водворить рабство, а слѣдовательно нравственную смерть.

крайне поверхностно. „Слишкомъ много“ критики никогда не бываетъ: возможна критика незрѣлая, легкомысленная; но лучшимъ коррективомъ ея служить именно критика болѣе тщательная, болѣе глубокая, и на этой почвѣ научная полемика всегда плодотворна. Устранять же неудобныя контroversы „*rag la question préalable*“ умѣстно, пожалуй, въ политикѣ: изъ филологіи этимъ путемъ трудности не элиминируются. Во избѣжаніе недоразумѣній, добавимъ къ сказанному, что лично мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода жаловаться на весьма куртуазный и въ извѣстномъ смыслѣ благосклонный рефератъ г. L. Navet. Но такъ какъ дѣло вовсе не въ насъ, а въ защищаемыхъ нами положеніяхъ, то мы и позволяемъ себѣ предложить изложенныя замѣчанія на усмотрѣніе французскаго ученаго, отъ котораго, какъ отъ cadaго компетентнаго судьи, готовы принять съ благодарностью всякое идущее къ дѣлу возраженіе.

¹⁾ Можно, какъ намъ кажется, не быть ярымъ Кантіанцемъ и все таки утверждать съ Лерсомъ, что дѣленіе критики на „субъективную“ и какую то болѣе солидную „объективную“ не поражаетъ обдуманностью. Объективныя данныя безспорно доставляютъ матеріалъ для сужденій, но живая работа субъекта надъ нимъ начинается съ самаго момента воспріятія и, смотря по личности, приводитъ къ весьма разнообразнымъ выводамъ, провѣрка которыхъ въ свою очередь производится обращеніемъ къ субъекту: опытъ, вычисленіе и т. п. должны прежде всего быть убѣдительными, т. е. удовлетворять человѣческой разумъ, вѣрнѣе сказать, человѣка, ибо своего рода критика прилагается и въ вопросахъ, гдѣ компетентенъ не разумъ. Во всякомъ случаѣ, нормы всего (иначе и быть не можетъ!) для cadaго человѣка въ немъ самомъ: въ этомъ смыслѣ онъ именно *μέτρον ἀπάντων*. И если онъ въ послѣдней инстанціи апеллируетъ къ „общечеловѣческому“ разуму или чувству, то въ томъ предположеніи, что и безъ того является чистѣйшимъ воплощеніемъ того и другого. Мы вообще чужія сужденія лишь тогда называемъ объективными, когда въ нихъ узнаемъ наше собственное субъективное отношеніе къ объектамъ. И какъ ни комиченъ даже на первый взглядъ подобный контроль истины, но въ немъ чуть ли не единственная гарантія достовѣрности знанія, такъ какъ на немъ основана возможность допустить вышнее единообразіе законовъ природы.

Мы знаемъ, какъ легко злоупотребить нашими словами и какую благодарную тему они даютъ для недобросовѣстныхъ насмѣшекъ, но низкими оговорками ихъ все такъ обставлять не намѣрены. Намъ только жаль и даже нѣсколько стыдно, что высказали мы ихъ по такому ничтожному поводу.

I.

I, 2, 9—14: *Aspice quos summittat humus formosa colores, Vt veniant hederæ sponte sua melius, Surgat et in solis formosius arbutus antris, Et sciat indociles currere lympha vias. Litora nativis persuadent picta lapillis, Et volucres nulla dulcius arte canunt.*

Не только странно, что въ одномъ описаніи дважды повторяется на самомъ незначительномъ разстояніи тотъ-же эпитетъ; поражаетъ еще двусмысленность и даже неумѣстность въ данномъ контекстѣ сочетанія „*humus formosa*“. Поэтъ укоряетъ Кинѳію за превратную страсть къ нарядамъ и косметическимъ средствамъ, которыми только затемняется природная красота. Приводя затѣмъ рядъ примѣровъ въ доказательство того, что именно все неподдѣльное, естественное привлекаетъ въ окружающемъ мірѣ, онъ не можетъ начать съ „*humus formosa*“, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Беренса ¹⁾, „*humus tam arte quam natura fit formosa, ut hoc nihil ad propositum pertineat*“. Уже Лахманнъ удивлялся впрочемъ, „*hic, ubi naturam confert arti, summittat nude poni, cum et coacta arte humus summittat flores*“: онъ полагалъ однако возможнымъ дополнять *sponte sua* изъ сосѣдняго пентаметра; но, какъ справедливо возразилъ Кейль ²⁾, „*id, in quo omnis vis posita est, in priore enuntiati membro omitti non poterat*“. Мало того, разъ каждое изъ слѣдующихъ указаній сопровождается однородными опредѣленіями и обстоятельствами (*sponte sua, in solis* ³⁾ *antris, indociles vias, nativis lapillis, nulla arte*), отсутствіе равнозначаго эпитета въ 9-мъ стихѣ явно уничтожаетъ всю риторическую комбинацію мѣста. Невольно рождается слѣдовательно подозрѣніе, что рукописное *formosa* вытѣснило нѣчто въ смыслѣ *inculta, neglecta*. Сообразно тому, Сурингаръ и Беренсъ предположили, что читать должно „*humus dumosa*“ ⁴⁾. Лучше, кажется, будетъ:

¹⁾ *Misc. crit.* p. 71.

²⁾ *Observ. crit.* p. 32.

³⁾ T. e. in aviis, inhospitis, inaccessis antris (или iuxta—antra).

⁴⁾ Другія конъектуры къ этому мѣсту: *nemorosa* (Heinsius), *non vorsa* (Wakefield), *muscosa* (Keil и A. Palmer), *non iussa* (Sandstroem). Кроме того,

Aspice, quos summittat humus fruticosa colores,
 Vt veniant hederæ sponte sua melius,
 Surgat et in solis formosius arbutus antris,
 Et sciat indociles currere lympha vias.
 Litora nativis persuadent ¹⁾ picta lapillis,
 Et volucres nulla dulcius arte canunt.

Процерцій особенно тѣмъ вѣдь недоволенъ, что зазноба его прибѣгаетъ къ разнымъ парикмахерскимъ ухищреніямъ: „Quid iuvat ornato procedere, vita, capillo... Aut quid Orontea crines perfundere turra?“. Понятно слѣдовательно, что онъ прежде всего ей ставитъ на видъ, какъ хорошо безъ всякаго ухода „genus omne Silvarum fruticumque viret“ ²⁾. И у Ювенала IX, 15 встрѣчается *fruticante pilo*, а немного выше (v 12 sq.): „horrida siccae Silva comae“. Ср. Ovid. *Her.* 2, 121: *fruticosaque litora calco*.

II.

I, 1, 11 sqq.: Hanc ego, nondum etiam sensus deperditus omnes, Molliter inpresso conor adire toro. Et quamvis duplici correptum ardore iuberent Hac Amor hac Liber, durus uterque deus. (15:) *Subiecto leviter positam temptare lacerto* (16:) *Osculaque admota sumere et arma manu*, Non tamen ausus eram dominae turbare quietem, Expertae metuens iurgia saevitiae, Sed sic intentis haerebam fixus ocellis, (20:) Argus ut ignotis cornibus Inachidos.

Поэтъ нашъ поздною ночью возвращается домой, притомъ „нетрезвою поступью отъ обильныхъ возліяній“. Киноія долго ждала его, но наконецъ, утомившись, заснула: теперь грудь ея дышетъ нѣжнымъ покоемъ, головку она склонила на закинутыя руки, вся поза ея полна граціи и прелести (vv. 1—10). Увидѣвъ спящую, Процерцій, который

какъ извѣстно, потрачено весьма много остроумія на исправленіе безукоризненнаго 11-го стиха, гдѣ Гейнзій, Бентли, Бурманнъ, Лахманнъ читали *frondosior, animosior, potosior, felicius* (последнее принялъ и Л. Миллеръ, хотя колебался).

¹⁾ Къ чему измѣнять столь характерное *persuadent*? Это значитъ „сблизняютъ, нравятся“. Одинаково слабо возмѣщаютъ преданіе *collucens* (Итальянцы), *per se dant* (Scaliger, но при „nativis l.“ оно лишне), *perrident*, (Heins.), *praelucent* (Hertzsb.), *praefulgent* (Baehrens). Одинъ нашъ, русскій филологъ хотѣлъ *praestant depicta*: это именно, къ сожалѣнію, никакъ не вспомнилъ. Догадка недурна, но бесполезна и нѣсколько прозаична.

²⁾ Verg. *Georg.* II, 20 sq.

отъ вина не вполне еще утратилъ сознание, рѣшается ¹⁾ подойти къ ней и осторожно прислоняется къ ся ложу. И хотъ онъ „охваченъ двойнымъ жаромъ“, хотъ Аморгъ и Либеръ, два непреклонные боги, побуждаютъ его „*подсунутымъ предплечьемъ слегка оцунуть спящую и, придвинувъ руку, взять поцѣлуи и оружіе*“, но онъ не дерзаетъ помѣшать отдыху милой, опасаясь укоровъ испытаннаго гнѣва.

Всѣ усилія критики до сихъ поръ были направлены къ излѣченію дѣйствительно невозможнаго 16-го стиха. Между тѣмъ, предидущая строка ничуть не лучше. Поэтому разборъ нашъ коснется всего дистиха. Сперва однако посмотримъ, какъ издателями понимались слова *osculaque admota sumere et arma manu*, а также, какъ ихъ измѣняли признававшіе преданіе испорченнымъ.

Многіе *arma* интерпретировали въ обценномъ смыслѣ, но, какъ указалъ Лахманнъ, тому противорѣчить, между прочимъ, что въ этомъ значеніи употребительно лишь *telum* ²⁾. Самъ Лахманнъ подыскалъ родственное, хотъ менѣе грубое объясненіе: *arma* де выражаетъ *proelium venereum* и находитъ себѣ аналогію въ другомъ мѣстѣ у Проперція, а именно III, 20, 19 sq. „*Quam multae ante meis cedent sermonibus horae* (т. е. какъ долго мнѣ придется вести переговоры), *Dulcia quam nobis concitet arma Venus!*“ Мы отвергаемъ параллелизмъ обоихъ текстовъ (почему, сейчасъ обнаружится), а также не обсуждаемъ здѣсь третьяго примѣра, Ргор. IV, 8, 88, такъ какъ испорченность его вообще не позволяетъ дѣлать точныхъ выводовъ. Ограничимся слѣдующими замѣчаніями. Если въ анализуемой элегии подъ *arma* разумѣются *ludi amatorii* вообще, то нельзя имъ противопоставлять такихъ дѣйствій, какъ *temptare* и *oscula sumere*. Если *arma* относится къ извѣстному, заключительному фазису этихъ агоневъ ³⁾, то въ сочетаніи съ *admota sumere manu* подобный терминъ неизбѣжно

¹⁾ Что такъ нужно переводить здѣсь *conari*, доказалъ Брукгѣзъ рядомъ примѣровъ.

²⁾ Вовсе не сюда относится приводимое иногда изъ Овидія мѣсто *A. A.* I, 702; затѣмъ *Priap.* 31, 3 и *Mart.* VI, 73, 6 сказано технически о *Priapѣ*, котораго именно, сравнительно съ другими богами, *terribilem mentula tenta facit* (*Priap.* 20) и который защищаетъ ея сады, грозить ою ворами. Остается *Petrop.* с. 130: но здѣсь *arma* стоитъ во первыхъ въ сравненіи (и даже въ соединеніи съ *miles*), а во вторыхъ связано прегнантно (=годное, подходящее оружіе).

³⁾ Ср., м. пр., *Appul. Met.* II, 17 и соотвѣтственную сцену *Ps. Lucian.* *Dox.* η ³ *Ов.* 10. Выраженіе *luctari* употреблено и *Проперціемъ* II, 1, 13 въ близкомъ смыслѣ хотъ не непременно о „*Veneris luctamen anhelum*“.

наводитъ на опровергнутое Лахманномъ циничное толкованіе, иначе выходитъ просто нелѣпость, и читать бы скорѣе слѣдовало *admota—mani*. Вѣдь пришлось же срасить абсурдъ очевидно двусмысленною парафразой: „*Amor mihi, inquit, et Bacchus suadebant, ut iacentem puellam submisso lacerto leviter tentarem, oscula sumerem, admota corpori mani me ad hoc dulce bellum pararem*“. Разъ Лахманнъ имѣетъ въ виду тѣло *Киноиу*, то послѣ *submisso lacerto* у него *admota mani* совершенно лишне. Кромѣ того, *ut me pararem* нѣсколько дико, когда предшествовало *duplici correptum ardore!*

Ученые, воплѣ основательно, какъ намъ думается, заподозрившіе чтеніе *et arma*, замѣняютъ его большею частью эпитетомъ къ *oscula* ¹⁾, причемъ съ послѣднимъ словомъ соединяютъ *admota sumere mani*. Съ тою же цѣлью Гроновій предположилъ „*admota sumere ad ora mani*“. Но, какъ бы мы ни комментировали эти обороты, смыслъ непремѣнно получается крайне сбивчивый, блѣдный или неумѣстный ²⁾, пока эмендація не распространена на 15-й стихъ.

¹⁾ Scaliger: *tarda* и *certa*, Palmerius: *inerna*, Augmannus: *adempta*, Heinzius: *rapta* и *carpta*, Кохъ и прежде Беренсъ: *cara* (одобрено Л. Миллеромъ), Россбергъ: *grata*, А. Palmer: *rara*, Беренсъ теперь: *avara* (=cupida), по мысли прекрасно. Слишкомъ далеко отъ рукописной редакціи было бы *odora* (Ног. с. I, 13, 15 sq. Prop. II, 29, 17. Stat. Silv. II, 1, 46. Martial. III, 65, XI, 8 и т. д.); *blanda* имѣетъ особый отгѣнокъ (Appul. Met. VI, 8: *accepturus... ab ipsa Venere septem savia suavia et unum blandientis appulsu linguae longe mellitissimum*. И у Овидія *Am. III, 7, 55 blanda oscula* относится къ 9-му стиху: *osculaque inseruit cupidae luctantia linguae*. Ср. также *Am. I, 6, 56: oscula dat cupido blanda columba mari* съ fr. Сп. Matii ap. Gell. XX, 9: *columbulatim labra conserens labris* и т. п.), здѣсь неподходящій, ибо какое же хатагуѣтство со спящей? Заманчиво *amata*, и всякій, читавшій элегиковъ, согласится, что предшествующее *Amor* тому не препятствуетъ. Но неужели бы такое слово исказили?

²⁾ Самъ Гроновій свою конъектуру такъ объяснялъ: *prehensis genis mentove labra iungere*. Бурманнъ же говоритъ о ней: „*ut intelligamus Propertium dormientis Cynthiae manum leniter ori suo admovisse, eamque osculatum fuisse, aut manum suam exosculatam retulisse ad os Cynthiae* (съ ссылкой на Val. Fl. VIII, 44. Suet. Aug. 94). Nisi (!) quis hunc praetulerit sensum, ut indicet, se libasse osculum Cynthiae (Verg. Aen. I, 256), dum manum suam eius ori ad demulcendum mentum admoveret“ (цитируется, между прочимъ, Ном. П. I, 501: но вѣдь Проперцій не *supplex*, не обрядъ совершаетъ!). Въ результатѣ Бурманнъ Проперція сравниваетъ съ кормилицей! Гердбергъ поправки Гроновія не

Съ трудомъ собственно вѣрится, что никого еще не поразила абсолютная невозможность сочетанія *temptare lacerto*. Бурманнъ замѣчаетъ: „*tentare hic est manu adtractare, seu tactu explorare, an dormiret Cynthia (!)*“. Лахманнъ и Герцбергъ творятъ падежъ ставятъ тоже въ зависимость отъ глагола. Между тѣмъ *lacertus* въ тѣсномъ смыслѣ есть *предплечье*, въ болѣе широкомъ все (распространенное) *bracchium*, но никогда *кисти руки* не означаетъ: *Temptare* же можно только *manu, digitis* ¹⁾. Допустивъ даже, что *subiecto lacerto* ablativus absolutus, мы въ пользу преданія ничего не выигрываемъ, ибо, кто *subiecit alicui lacertum*, тотъ отнюдь не *манитъ sub vestimenta ad corpus tetulit* (Plaut. *Bacchid.* 482); а просто пытается *обнять*. Въмѣсто грязнаго и безграмотнаго *temptare* поэтому ожидается выраженіе, вродѣ *amplecti, vincere*. А такъ какъ слогъ *tem*, при такомъ взглядѣ, представляется вѣроятною диттографіей предидущаго *tam*, то, само собой, приходится возстановить:

Subiecto leviter positam captare lacerto.

Оу. *Her.* VIII, 93: *Non ego captavi brevibus tua colla lacertis* („я не вѣшалась тебѣ ребенкомъ на шею“). *Met.* III, 428 sq.: *In medias quotiens visum captantia collum Bracchia misit aquas* (о Нарциссѣ). IX, 37: *Et modo cervicem, modo crura micantia captat* („обхватываетъ“, о борьбѣ Иракла съ Ахелоемъ).

Относительно *subiecto lacerto* ср. Оу. *Am.* III, 7, 7: *Illa quidem nostro subiecit eburnea collo Bracchia*. *Her.* XIII, 106: *nox grata puellis, Quarum suppositus colla lacertus habet*. *Tib.* I, 8, 33: *Huic tu candentes umero suppone lacertos*. *Anth.* L. 742, 83 *Riese: Dextera cervicem roseam subiecta retentet*. (Весьма часто *inicare bracchia, manus collo, humeris*: *Cat.* 35, 9 sq. Оу. *Am.* I, 4, 6. *Her.* 19, 190. *Met.* III, 389. *Prop.* I, 13, 16. Также *imponere*: Оу. *Am.* I, 4, 35. II, 16, 29. *Her.* 16, 220 и т. д. Наконецъ *substernere* *Cat.* 64, 332).

Вообще ср. *Prop.* I, 16, 33: *Nunc iacet alterius felici nixa lacerto*. II, 8, 5: *Possum ego in alterius positam spectare lacerto*. 22, 37: *Al-*

принимаетъ, но тоже защищаетъ конструкцію *admota manu oscula sumere* и указываетъ на *Appul. Met.* VI, 22: *Tunc Iuppiter, prehensa Cupidinis buccula matricae ad os suum relata consavial*. Но это значить: *потрепалъ ею по щекѣ и послалъ ему поцѣлуй рукой*. Неужели Вакхъ и Аморгъ внушали такія отеческія стремленія Проперцію?

¹⁾ Оу. *A. A.* II, 707—20. *Petron.* c. 131. *Colum.* VIII, 11, 8: *saepiusque digitis loca feminarum (павъ) tentanda sunt*. Другое дѣло *Plaut. Poen.* 695 sq.: *In lecto lepide strato lepidam mulierem Complexum contrectare*.

tera me cupidis teneat foveatque lacertis. Оу. *Am.* III, 8, 11 sq.: *Hunc potes amplecti formosis, vita, lacertis?* *A. A.* II, 457: *cingantur colla lacertis.* *Met.* X, 406 sq.: *gremio lacrimantem tollit anili—complexens infirmis membra lacertis.* XI, 240: *innectens ambobus colla lacertis* и т. д. и т. д.

Теперь сразу объясняется и загадочное *admota—manu*. Онъ хочет просунуть осторожно руку подъ сиящую (*subicere lacertum*), хочет обнять Кинюю (*captare*), затѣмъ ужъ *притянуть ее къ себѣ* (*admota manu*) и распцѣловать (*oscula sumere*). Оу. *Met.* X, 344: *osculaque admoveat, si nil conceditur ultra!* *St. Ach.* I, 643: *Admouet amplexus.*

Но какъ быть съ *et arma*? Неужели же и этого нельзя исправить съ вѣроятіемъ? Напомнивъ, что въ Groninganus стоитъ *sumere arma*, т. е., что *et* опущено, рѣшаемся, несмотря на многочисленныя возраженія, которыя намъ могутъ быть сдѣланы, предложить слѣдующую, для насъ несомнѣнную редакцію:

Et quamvis duplici correptum ardore iherent
 Нас Amor hac Liber, durus uterque deus,
 Subiecto leviter positam captare lacerto
 Osculaque admota sumere amara manu,
 Non tamen ausus eram dominae turbare quietem,
 Expertæ metuens iurgia saevitæ.

Знаемъ, мы, что поцѣлуй на всѣхъ языкахъ именуются сладкими (по латыни *dulcia, suavia, mellita*), знаемъ мы, что нужно пооборотъ нѣкоторый предразсудокъ, чтобы примириться съ рекомендуемымъ эпитетомъ; но тѣмъ болѣе укрѣпляемся въ своемъ убѣжденіи, что переносчики, не понявшіе рѣдкаго и характернаго сочетанія словъ, замѣнили истинно страстное, но поэтическое *amara* безобразнымъ *et arma*, противъ котораго говоритъ и невыносимое вслѣдствіе *admota manu* Гербурга, не допускающее никакого сравненія съ приведенными Герцбергомъ случаями ¹⁾.

Amarum, πικρὸν, на языкѣ античной эротики выражаетъ не просто горечь, а жгучесть ощущенія, томительную сладость неудовлетворенности. Оставляя въ сторонѣ *Lucr.* IV, 1133 sq.: „*medio de fonte leporum Surgit amari aliquid, quod in ipsis floribus angat*“, иначе примѣненное ав-

¹⁾ По непонятной разсѣянности, Герцбергъ въ комментаріи къ этому мѣсту не только все время трактуетъ о выраженіяхъ *apposita* и *opposita manu*, но еще искажаетъ цитованный имъ текстъ Апулея, что ужъ существенно отражается на интерпретаціи.

τορομъ, хотя въ сущности основанное на разумѣемомъ нами взглядѣ, приведемъ слѣдующія мѣста: Longi *Pastoral.* I, 18: Τί ποτέ με Χλόης ἐργάζεται φιλημα; χεῖλη μὲν ῥόδων ἀπαλώτερα καὶ στόμα κηρίων γλυκύτερον, τὸ δὲ φίλημα κέντρου μελίττης πικρότερον. Πολλάκις ἐφίλησα ἐρίφους, πολλάκις ἐφίλησα σκύλακας ἀρτιγεννήτους καὶ τὸν μύσχον, ὃν ὁ Δόρκων (другой пастухъ, его соперникъ) ἐχαρίσατο (вотъ это все т. ск. прѣсные, не чувственныя поцѣлун), ἀλλὰ τοῦτο φιλημα καινόν. ἐκπηδᾷ μου τὸ πνεῦμα, ἐξάλλεται ἡ καρδία, τήχεται ἡ ψυχὴ, καὶ ὁμοῦς πάλιν φιλῆσαι θέλω. И такъ поцѣлуи Хлон жметъ Дафниса, точно пчела его въ губы ужалила. Далѣе, глядя на спящую Хлою, онъ восклицаетъ (I, 25): οἷοι καθεύδουσιν ὀφθαλμοί! ὅλον δὲ ἀποπνεῖ τὸ στόμα! οὐδὲ τὰ μῆλα τοιοῦτον, οὐδὲ αἱ λόχμαι. ἀλλὰ φιλῆσαι μὲν δέδοικα. δάκνει τὸ φίλημα καρδίαν καὶ ὡσπερ τὸ νέον μέλι, μαίνεσθαι ποιεῖ¹⁾. „Поцѣлуи за сердце кусается“. При этомъ естественно вспоминается рассказъ о Сократѣ у Ксенофонта *Sympos* 4, 27: „αὐτὸν δὲ σ', ἔφη (ὁ Харμίδης), ἐγὼ εἶδον... τὴν κεφαλὴν πρὸς τῇ κεφαλῇ καὶ τὸν ὦμον γυμνὸν πρὸς γυμνῶ τῷ Κριτοβούλου ὦμῳ ἔχοντα. 28 Καὶ ὁ Σωκράτης, φεῦ, ἔφη, ταῦτ' ἄρ' ἐγὼ, ὡσπερ ὑπὸ θηρίου τινὸς δεδηγμένος, τὸν τ' ὦμον πλεῖον ἢ πέντε ἡμέρας ὠδαζον, καὶ ἐν τῇ καρδίᾳ ὡσπερ κνήσμά τι (κνίσμα Schneider) ἐδόκουν ἔχειν“. Если одно прикосновение производитъ такое дѣйствиe, то подавно Сократъ, по поводу поцѣлун, „οὐ ἔρωτος οὐδὲν ἐστὶ δεινότερον ὑπέκκαυμα“²⁾, могъ указать на то, „ὅτι τὰ φαλάγγια... προσαψάμενα μόνον τῷ στόματι, ταῖς τε ὀδύναϊς ἐπιτρίβει τοὺς ἀνθρώπους, καὶ τοῦ φρονεῖν ἐξίστησι“³⁾, а вѣдь „τοῦτο τὸ θηρίον, ὃ καλοῦσι καλὸν καὶ ὠραῖον“⁴⁾, тосούτω δεινότερόν ἐστι τῶν φαλαγγίων, ὅσα ἐκεῖνα μὲν ἀψάμενα, τοῦτο δὲ οὐδ' ἀπτόμενον, ἐάν τις αὐτὸ θεᾶται, ἐνίησί τε καὶ πάνυ πόρρωθεν τοιοῦτον, ὥστε μαίνεσθαι ποιεῖν“⁵⁾. Plut. *Qu. conv.* V, 7, 2 § 6: Αἱ γὰρ ἀντιβλέψεις τῶν ἐν ὦρα καὶ τὸ διὰ τῶν ὀμμάτων ἐκπίπτον, εἴτ' ἄρα φῶς, εἴτε ρεῦμα, τοὺς ἐρῶντας ἐκτῆκει καὶ ἀπόλλυσι μεθ' ἡδονῆς

¹⁾ Meleager in *Anth. P.* XII, 81 v. 2: τοῦ πικροῦ γευσάμενοι μέλιτος.

²⁾ Слова Сократа ap. Xenoph. *Conviv.* 4, 25. Cf. *Anth. P.* XII, 79: 'Αντίπατρος μ' ἐφίλησ ἤδη λήγοντος ἔρωτος, καὶ πάλιν ἐκ ψυχρῆς πῦρ ἀνέκαυσε τέφρης. Ov. *Am.* II, 18, 9 sq.: „Implicitque suos circum mea colla lacertos Et, quae me perdunt, oscula mille dedit“.

³⁾ Xenoph. *Memor.* I, 3, 12.

⁴⁾ *Auct. Anacr.* 24 (2), 9 sqq: κάλλος ἀντ' ἀσπίδων ἀπασᾶν, ἀντ' ἐγγέων ἀπάντων.

⁵⁾ Xenoph. *Ibid.* § 13. Алкивиадъ у Платона *Conv.* p. 218 говоритъ: ἐγὼ οὐκ ἐδεδηγμένος τε ὑπὸ ἀλγεινοτέρου (ψῆμъ змѣя) καὶ τὸ ἀλγεινότατον ὦν ἂν τις ὀηχθεῖη,—τὴν καρδίαν ἢ ψυχὴν γὰρ ἢ ὃ τι δεῖ αὐτὸ ὀνομάσαι πληγεῖς τε καὶ

ἀλλήλοισι μεμιγμένης: ἦν αὐτοῖ γλυκύπικρον ὀνομάζουσιν. Возвращаясь къ Лонгу, отмѣтимъ, что у него въ этомъ же смыслѣ нужно понимать слова (III, 14): „γλυκὸ τι, ὡς ἔοικεν, ἔστι τὸ ἔργον (совокупленіе) καὶ νικᾷ τὸ ἔρωτος πικρόν“ (похоть). Сюда относится и Sapph. fr. 40: Ἔρος δαυτέ μ' ὁ λουσιμέλης δίνει γλυκύπικρον ἀμάχανον ὄρπετον. Cf. Meleagr. Anth. XII, 109: ἠγρευται λαμυροῖς ὄμμασι... τὸ γλυκύπικρον Ἔρωτος ἔχων βέλος ¹⁾. Mus. Her. 166 sq.: ἤδη καὶ γλυκύπικρον ἐδέξατο κέντρον ἐρώτων, θέρμετο δὲ κραδίην γλοκερῶ πυρί. Nonn. Dionys. XLII, 433—41: τί κύντερόν ἐστιν ἐρώτων, ἢ ὅτε θυμβόροιο πόθου λυσσώδει κέντρῳ ἀνέρας ἰμείροντας ἀλυσκάζουσι γυναῖκες, καὶ πλέον οἷστρον ἄγουσι σαύφρονες; ἐνδόμυχος δὲ διπλός ἐστὶν ἔρος, ὅτε πάρθενος ἀνέρα φεῖγει. ὡς ὁ μὲν οἰστρήεντι πόθου μαστίζετο κεσῶ· παρθενικῆς δ' ἀπέμιμνε· ἀμτροχίτωνι δὲ κούρη σύνδρομον ἀγρώσσοντα νόον κόμπευεν ἀλήτην, κέντρον ἔχων γλυκύπικρον.

У латинскихъ авторовъ встрѣчается, между прочимъ, Plaut. Cist. I, 1, 70 sq.: „Gymn. Amat haec mulier. Sil. Eho! an amare obcipere amaramst, obsecro? Gymn. Namque ecaster amor et melle et felle est fecundissimus, Gustu dat dulce, amarum ad satietatem usque obgerit“ (cf. Pseud I, 1, 63; II, 4, 1). Catull. 68*, 17 sq.: non est dea nescia nostri, Quae dulcem curis ²⁾ miscet amaritiam ³⁾. Appul. Met. II, 10: Nec diu-

δηχθεῖς ὑπὸ τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ λόγων δι' ἔχονται ἐχιδνης ἀγριώτερον... κτλ. Дѣло идетъ о жаждѣ знанія, о стремленіи къ истинѣ. Cf. Plut. de curios. 14: Οὕτω τις ἐστὶ γλυκύπικρος καὶ ἀκατάσχετος ὁ τῆς πολυπραγμοσύνης γαλατισμός.

¹⁾ Posidipp. *ibid.* V, 134.

²⁾ Беренсъ конъюцировалъ *vitis*, полагая, вѣроятно, что *curis* ошибочно попало сюда изъ с 64, 95: „Sancte puer, curis hominum qui gaudia misces“, гдѣ оно употреблено умѣстнѣе. Но въ 68-мъ стихотвор. *curis* стоитъ въ значеніи *amoribus*. Неловкость, положимъ, и тогда остается, ибо *curae* безъ того *amarae*. Можно бы: „Quae dulcem calamis miscet amaritiam“. Въ *Anacreontea*, 27 A (41), читается: Ὁ ἀνὴρ ὁ τῆς Κυθήρης παρὰ Λημνίαις χαμίνοις τὰ βέλῃ τὰ τῶν Ἐρώτων ἐποίε λαβῶν σίδηρον. ἀκίδας δ' ἔβαπτε Κύπρις μέλι τὸ γλυκὸ λαβοῦσα· ὁ δ' Ἔρος χολὴν ἔμισγεν. Тутъ только распредѣленіе манипуляціи, конечно, не важное. Cf. Ov. A. A. II, 520: „Litore quot conchae, tot sunt in amore dolores, Quae patimur multo spicula felle madent“. *Calamus* = *telum*, какъ напр. Verg. Aen. X, 140: *calamos armare veneno* Ov. M. VII, 778: *calamus levis exit ab arcu* Prop. II, 19, 24: *stricto figere avem calamo* III, 13, 46 и т. д.

³⁾ Катулъ и о возбуждающемъ, опьяняющемъ винѣ сказала: „Inger mi calices amariores“ (27, 2), что безъ нужды Мерклендъ (*Epist. crit.* p. 75) хотѣлъ замѣнить глоссою *meraciores*.

tius quivi tantum cruciatum voluptatis eximiae sustinere, sed pronus in eam, qua sine summum cacumen capillus ascendit, mellitissimum illud savi-um impressi. Tum illa cervicem intorsit et ad me conversa limis et morsitantibus oculis: Heus tu, scholastice, ait, dulce et amarum gustulum car-
pis. Cave, ne nimia mellis dulcedine diutinam bilis amaritudinem con-
trahas“¹⁾. Къ этимъ примѣрамъ мы бы причислили еще Verg. *E.* III, 109 sq., гдѣ рукописи даютъ безъ смысла: „*Et vitula tu dignus et hic. Et quisquis amores Aut metuet dulcis aut experietur amarus*“, и гдѣ повидимому читать слѣдуетъ: „*Et quisquis amores Haut metuens, dulcis atque experietur amarus*“ („кто, не устранившись любви, смѣло подвергнетъ себя ея сладкимъ мукамъ“).

Что *amarus*, подобно греческому πικρός, можетъ обозначать чувство, сопровождающее уколъ, ожогъ и т. п., доказывается, независимо отъ сказаннаго, такими мѣстами, какъ Tib. II, 4, 6 sqq.: „*Vror io, remove saeva puella faces... Nunc et amara dies et noctis amarior umbrast, Omnia iam tristi tempora felle madent*“, и сочетаніями, вродѣ *stimulis accendit amaris*²⁾. Мы вовсе не отрицаемъ, что *amarus* нерѣдко встрѣчается, при характеристикѣ практическихъ заботъ влюбленныхъ или просто несчастной любви, но и въ этихъ случаяхъ „горечь“ основана всегда на томъ же болѣзненномъ стремленіи къ полному обладанію, на той же ненасытности вожделѣнія, которыя составляютъ отличительную черту страсти вообще и, обостряясь на почвѣ непосредственныхъ отно-
шеній, прекращаются лишь, дошедши до своего пароксизма³⁾.

И такъ смыслъ разобранныхъ стиховъ Проперція, при защищаемой редакціи, будетъ приблизительно слѣдующій:

¹⁾ Улендорпъ сличаетъ Suid. s. v. μέλι, Plin. *h. n.* XXII, 24 и Anth. L. Gr. 101 ed. Brod.: λόγος ἐστὶ παλαιὸς Ὄς καὶ τοῦ μέλιτος τὸ πλεόν ἐστὶ χολή. См. также Jacobs, *Animadv. in Anth. Gr.* I, p. 7.

²⁾ Auson. *Eid.* VI. (*Cup. cr. adf.*), 82. Cf. Verg. *Aen.* XI, 337: *stimulis-
que agitabat amaris.*

³⁾ И у Проперція II, 17, 3 sq.: „*quotiens desertus amarus Explevi noc-
tes*“ значить не только „несчастныя, тяжелыя ночи“, а указываетъ на „дикой
страсти пылъ мятежный“ (cf. I, 1, 33). Такъ Овидій пишетъ женѣ (*Trist.* IV,
3, 25): „*Et veniunt aestus et nox immensa videtur?*“ Когда „*duos accepit lec-
tus amantes*“ (Ov. *A. A.* II, 703), то раздаются также „*questus,—amabile mur-
mur et dulces gemitus*“ (ibid. v. 733 sq.) Вообще вѣдь γλοκὸδακροςъ Ἔρωσ,
fere, mori и проч. своего рода техническіе термины (подобныя выраженія свой-
ственны, разумѣется, и новымъ языкамъ).

„И хоть двойнымъ огнемъ пылала грудь моя, дарами Либера, Желанія безумствомъ прожжена; хоть оба бога всею властію клонили къ нѣги ложу, чтобъ бережно подостланной рукой обвилъ красотку я свою, привлекъ къ себѣ и жгучимъ страсти поцѣлуемъ прильнулъ къ ея устамъ,— но не дерзнулъ нарушить я покоя дорогій: столь памятны мнѣ были испытаннаго вспышки гнѣва. И я стоялъ въ чудесномъ забытьи, я глазъ съ нея не въ силахъ оторвать былъ: такъ Аргусъ нѣкогда“ и т. д.

Элегія, на которой мы такъ долго остановились, принадлежитъ безспорно, по картинности и драматизму изложенія, а также по силѣ эмоціи къ лучшимъ произведеніямъ Проперція. Кто стало быть любить древнихъ поэтовъ, кто сколько нибудь воспріимчивъ къ ихъ красотамъ и дорожить чистотою ихъ текста, тотъ, надѣмся, не попеняетъ на насъ за стремленіе осмыслить анализованные стихи и тѣмъ самымъ освободить ихъ отъ мерзостей, которыя внесли въ нихъ переписчики. *Capere* можетъ быть восстановлено съ абсолютною эвидентностью. *Amara*, конечно, спорно, но если кто признаетъ это чтеніе ошибочнымъ, пусть, по крайней мѣрѣ, допустить конъектуру Беренса *avara*: нѣчто подобное рѣшительно требуется здѣсь.

Затѣмъ прибавимъ, что съ нашей догадкой по содержанию ничего общаго не имѣетъ всѣми осмѣянная редакція Барта ¹⁾: „*osculaque amota sumere amara manu*“. (Advers. IX, 10 p. 433): „поцѣлуи, которые горько достанутся вслѣдствіе того, что онъ осмѣялся устранить ея руку“, точно она спитъ съ рукой на губахъ ²⁾ и точно даже въ хмѣлю такъ выражаются: „я хотѣлъ приложить поцѣлуи, за которой пришлось бы дорого поплатиться, но не приложилъ его, потому что дорого бы за него поплатился“. Мы къ *amara* пришли вполнѣ самостоятельно: и хотя это для критики Проперція совершенно безразлично, не умалчиваемъ о томъ однако, желая дать понять, какъ мы пожалѣли, узнавъ, что Бартъ успѣлъ возбудить извѣстную антипатію къ этому чтенію ³⁾.

¹⁾ Не Фридриха Готлиба Барта, издавшаго Проперція въ Лейпцигѣ 1777, а извѣстнаго Каспара фонъ Барта.

²⁾ Кто-то въ томъ же родѣ недавно сочинилъ: „*amota sumere ab aure manu*“, что представляется особенно забавнымъ, если сопоставить напр. Plaut. Poen. 372: *sine te exorem, sine te prendam auriculis, sine dem saviunt*.

³⁾ Мы съ πικρός и *amarus* намѣренно не сопоставляли слова *пикантный*, въ виду не то старикашачьяго, не то хамскаго оттѣнка его.

III.

I, 4, 11—14: *Haec sed forma mei pars est extrema furoris, sunt maiora, quibus, Basse, perire iuvat: Ingenuus color et multis decus artibus et quae Gaudia sub tacita dicere veste libet.*

„Зачѣмъ ты мнѣ все восхваляешь разныхъ прелестницъ? Зачѣмъ ты не хочешь, чтобъ я оставался вѣрнымъ своей Кинои? Усилия твои окажутся безплодными. Во первыхъ, съ Киноией, любезный другъ, не выдержать сравненія никакія красавицы, а, во вторыхъ, наружность ся далеко не главная причина моей страсти. У Кинои не мало другихъ качествъ, болѣе драгоцѣнныхъ для меня“.

Казалось бы, что при перечисленіи этихъ, не относящихся къ счастливой вѣшности достоинствъ, цвѣтъ кожи упоминаться не долженъ. Что же касается до *gaudia lecti* ¹⁾, то едва ли *puellae*, которыми Бассъ соблазнялъ друга, не были въ состояніи доставить таковыхъ послѣдному, притомъ въ достаточной мѣрѣ. Дѣлать же подобныя наслажденія *предпочтительно* съ Киноией поэтъ могъ опять таки лишь на томъ основаніи, что за ея *красотой* признавалъ первенство, если только не допустить, что онъ въ этомъ случаѣ дорожилъ какими то утонченными формами разврата, на которыя со стороны прочихъ женщинъ не рассчитывалъ: но такого предположенія никто конечно дѣлать не станетъ.

Чтеніе *color* защищаютъ тѣмъ, что, указывая на эпитетъ *ingenuus*, придаютъ этому сочетанію нравственный оттѣнокъ, выдѣляющій „стыдливую“ или же „природную, неискусственную краску“ изъ числа тѣлесныхъ признаковъ ²⁾. Но то ужъ жаль, что приходится *выбирать* между двумя приведенными, отнюдь не родственными смыслами. Кромѣ того фактически невѣрно, что у Кинои былъ „*ingenuus color*“ въ значеніи ли „дѣвственнаго“ или „неприкрашеннаго“: не даромъ же Проперцій ее

¹⁾ *Vestis* тутъ обыкновенно понимаютъ о *stragulum*. „Dicere“ ужъ Итальянцы исправили на *ducere*; удерживающіе же рукописное чтеніе разумѣютъ какъ бы „*vestem orationis*“ или еще рискованнѣе соединяютъ *sub-tacita-veste* съ *gaudia*, какъ прилагательное съ существительнымъ (=которыя назову, пожалуй, (происходящими) подъ молчаливымъ покрываломъ“!). Гейнзій хотѣлъ *discere*.

²⁾ „Sive, какъ говоритъ Лахманъ, *ingenuae testem indolis, seu, quod Propertium voluisse existimo, nativum et arta nulla infucatum colorem ingenium dicamus*“. Въ доказательство, что *color* и *forma* можно взаимно *противопоставить*, онъ, подобно другимъ, ссылается на Тер. *Eum.* II, 3, 26 sq.: „*PA. Quid tua istaec? CH. Nova figura oris. PA. Papae. CH. Color verus, corpus solidum*

упрекаетъ, что она охотница до *medicina figurae* (I, 2, 7) и стыдитъ ее примѣромъ Ипподаміи, которая не *falso traxit candore maritum* (ibid. v. 19). Въ другомъ мѣстѣ (III, 24, 7 sq.), дезавуируя собственныя похвалы, поэтъ говоритъ: „*Et color est totiens roseo collatus Eoo, Cum tibi quae-situs candor in ore foret*“. Наконецъ въ соединеніи съ „*multis decus artibus*“ послѣднее толкованіе и тутъ создаетъ, если не по содержанію, то словесное противорѣчіе ¹⁾ Поэтому критика справедливо стремилась устранить чрезвычайно здѣсь неудобное *color*: сдѣланы были сперва догадки *rudor* и *lepor*, а затѣмъ Якобъ далъ безусловно удовлетворительную эмендацію *calor*, которую самъ Лахманъ въ послѣдствіи, М. Гауптъ и Л. Миллеръ приняли въ текстъ ²⁾.

Дальнѣйшее, къ сожалѣнію, пока не исправлено, ибо нельзя же считать исправленіями непонятныхъ или вялыхъ чтеній Меркленда „*sub tacita ducere mente*“ (coll. Ov. *Am.* III, 7, 63) и Беренса „*sic tacita ducere mente*“ (coll. Verg. *Aen.* I, 502) ³⁾, не говоря ужъ о Пальмеровомъ „*sub tacita ducere nocte*“. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, съ рукописнымъ преданіемъ еще менѣе можно примариться въ 14-мъ стихѣ, чѣмъ въ предидущемъ. Мы думаемъ, что не только *veste*, но и *tacita* испорчено (*tacitis* встрѣчается черезъ 3 строки); а то, что Проперцій, если не ошибаемся, написалъ, вмѣсто этихъ словъ, должно было, послѣ

et susi plenum. PA. *Anni? SN. Anni sedecim*“. Цитата, какъ намъ кажется, не подходитъ: Чаагеа просто специфицируетъ рядъ чисто внѣшнихъ особенностей. Неужели же, еслибъ оя прибавилъ: „и зубы прекрасныя, не вставныя“, то мы бы въ этомъ должны были видѣть тоже нравственную характеристику? Близну и румянецъ лица Кивеи Проперцій II, 3, 9—12 восхваляетъ при описаніи ея *наружности*, отдавая, какъ и здѣсь, *предпочтеніе* талантамъ ея.

¹⁾ Оттого еще Kaspar Schorpe конъюнктировалъ „*nullis decus artibus*“, что, впрочемъ, въ связи съ *color*, разумѣется, ошибочно, такъ какъ *artes* означаютъ пѣніе, танцы, игру на китарѣ, живопись, руководствіе и т. п. Бентля *decus* безъ особой нужды измѣнилъ на *decor*.

²⁾ Verg. *Aen.* VIII, 389 sq.: *Accepit solitam flammam notusque medullas Intravit color*. Hor. c. IV, 9, 10 sqq.: *spirat adhuc amor Vivuntque commissi calores Aeoliae fidibus puellae*. Ov. *Met.* XI, 305; *Videre hanc pariter, pariter traxere calorem*, Prop. III, 8, 3: *veri dantur mihi signa caloris*. Относительно *ingenius calor* ср. напр. Hor. c. I, 27, 16 sq.: *ingeniuoque semper amore peccas*.

³⁾ „*Latoniae tacitum pertemptant gaudia pectus*“. Она про себя, въ душѣ радуется, гордясь, любясь дочерью. Но развѣ существуетъ опредѣленная категория такихъ сокровенныхъ *gaudia*? Если Беренсъ хотѣлъ сказать: „пѣмъ восторгъ отъ избытка чувствъ“, то весьма неловко выразился.

сказаннаго объ искренности любви и разнородныхъ дарованіяхъ Кинейи, обрисовать ея чуткую и, когда въ женщинѣ ищутъ не сами, вполне цѣломудренную сердечность. Нельзя ли допустить редакцію въ такомъ духѣ:

Haec sed forma mei pars est extrema furoris,
Sunt maiora, quibus, Basse, perire iuvat:
Ingenuus calor et multis decus artibus et quae
Gaudia sollicito ducere casta libet.

Собственно лишь теперь поэтъ отвѣтилъ Бассу подобающимъ образомъ: „Что мнѣ въ твоихъ гетерахъ? Онѣ и собой хуже Кинейи, и ласки то ихъ продажны, и талантами онѣ конечно похвастать не могутъ, и наконецъ *друмомъ* ни одна изъ нихъ мнѣ никогда не будетъ. Кинейя же развлечетъ меня при случаѣ, успокоитъ разстроеннаго; она мнѣ любя не ради удовлетворенія чувственности только: я напротивъ тогда и сознаю ей всю цѣну, когда нашъ союзъ хоть до извѣстной степени освященъ общностью жизненныхъ тревогъ, когда я вижу, сколько душевной чистоты въ заботливой преданности моей милой“.

Не ручаемся, разумѣется, что отгадали слова Проперція; но весь ходъ мысли, весь *tenor* рѣчи приводитъ къ этому. И пусть не скажутъ, что мы идеализуемъ Кинейю. Дико было бы умалять значеніе сладострастія въ античномъ эросѣ. Однако столь же странно вѣдь отвергать, чтобы поэтъ нашъ о своей подругѣ могъ выразиться приблизительно такъ, какъ напр. Стацій говоритъ о *catamiti* Атедія Меліора ¹⁾ и Флавія Урса ²⁾. Да и развѣ желаніе, чтобы въ насъ принимали участіе близкіе, не есть общечеловѣческая черта, черта одинаковая для всѣхъ временъ и народовъ? Развѣ, оставаясь на почвѣ данной элегій, не естественно предположить между прочимъ (а подобрать другіе случаи не трудно), что Кинейя, не только цѣнившая Музу своего поэта ³⁾, но и сама писавшая стихи, посвящала ихъ иногда Проперцію и темой для нихъ избирала свою любовь, свое сочувствіе ему въ разныхъ постигшихъ его невзгодахъ, что она вообще старалась и этимъ путемъ подчасъ разогнать мрачное настроеніе

¹⁾ *Silv.* II, 1, 56 sqq.: *Quis tua colloquiis hilaris mulcebit amatis Pectora? quis curas mentisque arcana remittet? Accensum quis bile fera famulisque tremendum Leniet ardentique in se deflectet ab ira?*

²⁾ *Ibid.* 6, 50—2: „*saepe ille volentem (dolentem Madvig) Castigabat erum studioque altisque iuvabat Consiliis; tecum tristisque hilarisque nec umquam ille suus voltumque tuo sumebat ab ore.*

³⁾ *I.*, 7, 11: *Me laudent doctae solum placuisse puellae.* II, 13, 9—12: *Non ego sum formae tantum mirator honestae Nec si qua illustres femina iactat avos: Me iuвет in gremio doctae legisse puellae Auribus et puris scripta probasse mea.*

его? Развѣ онъ не говоритъ ей I, 2, 27—31: „Cum tibi praesertim Phoebus sua carmina donet Aoniamque libens Calliopea lyram, *Unica nec desit iocundis gratia verbis*, Omnia quaeque Venus quaeque Minerva probat: *His tu semper eris nostrae gratissima vitae*“ (cf. II, 3, 19—22).

Ободряющія, утѣшающія и т. п. стихотворенія, какъ доказываютъ сохранившіеся памятки, были въ большомъ ходу, подносились весьма часто друзьямъ, притомъ за нарушеніе обычая дѣлались упреки. Напомнимъ хотя бы слѣдующую пьеску Катулла: „*Malest, Cornifici, tuo Catullo... Quem tu, quod minimum facillimumque est, Qua solatus es allocutione? Irascor tibi. Sic meos amores? Paulum quid lubet allocutionis, Maestius*¹⁾ *lacrimis Simonideis*“ (с. 38). Овидій (*ex Ponto* I, 6) пишетъ Грецину: „*Artibus ingenuis quarum tibi maxima curast, Pectora mollescunt asperitasque fugit*“ (v. 7 sq.)²⁾ и, жалуясь, что не имѣлъ *aegrae solatia mentis*, продолжаетъ: „*At nunc, quod superest, fer opem, precor,*

26, 25 sq.: *Mea cum recitat dicit se odisse beatos: Carmina tam sancte nulla puella colit*. Признаемся, что мы на этомъ основаніи думали даже о чтеніи: „et quae Gaudia, cum recitat, dicere iusta licet“ (т. е. „которыя я въ правѣ считать заслуженными, справедливо мнѣ доставшимися“).

¹⁾ Неужели *maestus* можетъ означать нѣжность, прочувствованность, ратроганность? Скорбь и траурный плачь здѣсь же неумѣстны, такъ какъ не объ ἐπιχθδειου идетъ рѣчь и не о личной жалобѣ (*maesti fletus, maestae querellae, modi flebiles, elegi miserabiles* и т. п.). Естественноѣе было бы *dulcius* (Hor. ep. 13, 17 sq.: *Illic omne malum vino cantuquo levato, Deformis aegrimoniae dulcibus alloquiis*. Val. Fl. I, 250 sq. *Hanc vero, socii, venientem in litore laeti Dulcibus alloquiis ludoque educite noctem*. Stat. *Silv.* II, 1, 230 sqq.: *tu pectora mulce. Tu prohibe manare genas noctesque beatas Dulcibus alloquiis et vivis vultibus imple.*) или *blandius* (Val. Fl. VII sq.: *blandisque paventem Alloquiis iunctoque trahit per moenia passu*) или *lenius* (Stat. *Theb.* XI, 196 sq.: *Cooperat et leni senior mulcere furentem Alloquio*) или *mollius* (Hor. ep. 5, 83 sq.: *mollibus Lenire verbis*. Ov. A. A. II, 139 sq.: *blanditias molles auremque iuventia verba Adfer*). Подозрѣваемъ, что въ подлинникѣ стояло *mitius* (Stat. *Silv.* V, 5, 40: *ille ego lugentum mitis solator*. Auson. *Id.* IV, 22 sq.: *blandus uterque Mitibus alloquiis teneros mulcebat alumnos*) или, пожалуй, *mulsius* (Plaut. *Rud.* II, 3, 34: *ut dulcis es, ut mulsa dicta dicis*. *Poen.* I, 2, 112: *ut mulsa loquitur*). Катуллово *Lugete o Veneres Cupidinesque*, хотя и *penia*, но конечно, не *maesta*, а *mulsa allocutio*.

²⁾ Ср. II, 9, 47 известное *Ingenuas didicisse fideliter artes* и т. д., а также *Trist.* IV, 1, 5 sqq.

eminus unam Alloquioque iuva pectora nostra tuo“. Съ другой стороны не въ деревенской же только жизни происходили (*mutatis mutandis!*) такія сцены напр., какъ у Вергилія *Georg.* I, 293 sq.: „*Interea longum cantu solata laborem (мужа) Arguto coniunx percurrit pectine telas*“.

Можетъ быть, возражать, что для роли, которую мы приписываемъ Киневѣ, *casta* недостаточно характерный эпитетъ. Но почему же? Именно онъ желателенъ для контраста съ рекомендуемыми Бассомъ удовольствіями, и напр. *sollicita ducere mente* было бы гораздо слабѣ здѣсь. Помимо того, ср. *Varr. ap. Non. p. 267: Demitis acres pectore curas* ¹⁾ *cantu castaque poesi*. У Проперція I, 1, 5: „*Donec me docuit (Amor) castas odisse puellas*“, что бы ни говорили, вѣроятнѣе всего относить къ Музамъ ²⁾. Такъ и III, 20, 7: „*Est tibi forma potens, sunt castae Palladis artes*“ мы бы эпитетъ предпочли соединять съ *artes*, а не съ названіемъ богини, подъ покровительствомъ которой, во всякомъ случаѣ, стояло не одно вышиваніе и т. п. ³⁾.

IV.

I, 13, 15—18: *Vidi ego te toto vinctum languescere collo Et flere iniectis, Galle, diu manibus, Et cupere optatis animam deponere verbis, Et quae deinde meus celat, amice, pudor.*

¹⁾ Собственно здѣсь у Нонія *luctus*, но въ той же цитатѣ р. 241 *curas*. Ноній *castum* у Варрона объясняетъ словами: *suave iucundum*, и если бы на толкованіяхъ этого человѣка было позволительно строить что нибудь, то и у Катутла *l. l.* слѣдовало бы, вмѣсто *maestius*, читать *castius*. Но кто рѣшится брать на свою совѣсть филологическія ереси Нонія? Кажется, одинъ Quicherat пока, съ энергіей, достойною лучшаго дѣла, выступилъ тутъ въ качествѣ добровольнаго *advocatus diaboli*.

²⁾ Ср. *Tib* II, 4, 15. Слова Проперція II, 13, 3: „*Nic (Amor) me tam graciles vetuit contempnere Musas*“ не составляютъ препятствія, потому что удареніе на *tam graciles*. Поэты и въ наше время полны жалобъ, что любовь ихъ отвлекаетъ отъ творчества, причемъ въ сущности, разумѣется, ей-то они обязаны бывають верѣдко лучшими произведеніями своими.

³⁾ Нужно ли прибавлять, что припадки ревности, сопровождавшіеся у Киневы такимъ гнѣвомъ, отъ котораго доставалось и Проперцію и разнымъ Филлидамъ (IV, 8), и которымъ онъ тутъ грозитъ Бассу (v. 18 sq.), предложенному ченію такъ-же мало противорѣчатъ, какъ связанное напр. I, 5, гдѣ преслѣдуются диаметрально противоположныя дѣла, или III, 8, гдѣ *risa* происходитъ отъ вина и приводитъ поэта въ величайшій восторгъ.

„Смѣйся, жестокой“, сказалъ раньше поэтъ: „мнѣ измѣнили, и ты моего горя не понимаешь, такъ какъ до сихъ поръ самъ щеголялъ вѣроломствомъ. Но смотри, чтобъ и тебя не постигла моя участь. Ты вѣдь наконецъ серьезно полюбилъ. Я собственными глазами видѣлъ“... Затѣмъ слѣдуютъ приведенные стихи, въ которыхъ *verbis*, разумѣется, испорчено.

Скалигеръ эмендировалъ *membris* на томъ оригинальномъ основаніи, что Проперцій прибавляетъ: „*et quae deinde meus celat, amice, pudor*“; Ясно, что, руководствуясь этою строкой, можно только устранить подобную догадку. Гораздо удачнѣе чтеніе *labris*, придуманное Пассератомъ: оно проникло въ большинство изданій, причемъ однако Бурманнъ, Гушке и Герцбергъ измѣняли *optatis* на *aptatis*, *oblatis*, *obtentis*. Кромѣ того А. Пальмеръ недавно предложилъ „*optatis... veris*“, что должно означать „*sinceris precibus*“: только блѣднѣе этого, конечно, никогда ничего не изобрѣталось. Мы бы скорѣе допустили „*optatis—morbis*“. Но болѣе нежели вѣроятно, что въ оригиналѣ стояло:

Vidi ego te toto *vincum* languescere collo
Et flere *iniectis*, Galle, diu *manibus*,
L't cupere *optatis* animam deponere *nervis*
Et quae deinde meus celat, amice, pudor.
Non ego *complexus* potui diducere vestros:
Tantus erat demens inter utrosque furor.

Вся суть въ томъ, что Галлъ до послѣдняго времени относился крайне легкомысленно къ женщинамъ, но вдругъ почувствовалъ настоящую, глубокую *привязанность*. Ему ужъ нельзя сдѣлать упрека: *in nullo quaeris amore moram* (v. 6). Онъ, напротивъ, не въ силахъ вырваться изъ объятій милой, онъ знаетъ, что утратилъ свободу, но съ восторгомъ въ цѣпяхъ своихъ готовъ умереть.

Nervi значить узы. Уже въ децемвиральномъ законодательствѣ говорится: *vincito aut nervo aut compedibus* ¹⁾. Извѣстно горькое восклицаніе Катона ²⁾: „*Fures privatorum furtorum in nervo atque compedibus aetatem agunt, fures publici in auro atque in purpura*“. Изъ многихъ сюда относящихся мѣстъ у комиковъ приведемъ *Plant. Asin.* III, 2, 5:

¹⁾ *L. XII tab.* III, 3 (Schoell, p. 122):

²⁾ *Ap. Gell.* XI, 18.

Nervos, catenas, carceres ¹⁾. У Ливія ²⁾ мы находимъ: „*Eximendo de nervo cives vestros*“. Возражать, пожалуй, что любовныя цѣпи не кандалы. Но во первыхъ, Плавтъ, притомъ вовсе не шуточно, сказалъ же отъ лица нашедшаго дочерей отца: *condamur alter alterum ergo in nervom bracciale* (*Poen.* V, 4, 99). А во вторыхъ, въ томъ-то и дѣло, что не только *servitium* ³⁾, *iugum* ⁴⁾ и аналогичныя выраженія, характеризующія *порабощенность*, сплошь да рядомъ употребляются, когда говорятъ о любви ⁵⁾, но именно объ оковахъ и тому подобномъ ⁶⁾ поэты съ особою настойчивостью упоминають по разнымъ сюда относящимся поводамъ. Достаточно сличить *Lucr.* IV, 113 sq.: „*Vsque adeo cupide in Veneris contragibus haerent, Membra voluptatis dum vi labefacta liquescunt*“ ⁷⁾. *Hor. c.* I, 33, 14: *me—Grata detinuit compede Myrtale*“ ⁸⁾. *Tib.* II, 4, 3 sq.: „*Servitium sed triste datur teneorque catenis Et numquam misero vincla remittit Amor*“. IV, 5, 15 sq. *L. M.*: *Sed potius valida teneamur*

¹⁾ Cf. *Plaut. Capt.* III, 5, 71. *Ter. Ph.* II, 2, 10; IV, 4, 15. *Fest.* p. 165: „*Nervum appellamus etiam ferreum vinculum, quo pedes inpediuntur: quamquam Plautus eo etiam cervices vinciri ait: perfidiose captus eo edepol nervo cervices probat*“.

²⁾ VI, 15.

³⁾ *Prop.* I, 4, 3 sq.: „*Quid me non pateris vitae quodcumque sequetur Hoc maqis assueto ducere servitio?*“ (cf. I, 5, 19).

⁴⁾ *Hor. c.* III, 9, 17 sq.: „*Quid si prisca redit Venus Diductosque iugo cogit aheneo?*“

⁵⁾ Притомъ влюбленные представляются въ неволѣ и другъ у друга, и у Венеры или Амора, и у собственнаго чувства: отсюда самыя разнообразныя комбинаціи..

⁶⁾ Напр. о сѣтяхъ. *Lucr.* IV, 1146 sqq.: *Nam vitare, plagas in amoris ne iaciamur, Non ita difficilest quam captum retibus ipsis Exire et validos Veneris percurrere nodos.* Cf. *Anth. P.* XI, 52: Παιδείῳ Θρασύβουλε, σαγηνευθεὶς ὑπ' ἔρωτι ἀσθμαίνεις, δελφὶς ὡς τις ἐπ' αἰγιαλοῦ κόματος ἰμεῖρων δρέπανον δέ σοι οὐδὲ τὸ Περσέως ἀρχεὶ ἀποτμηῆσαι δίχτυον, ᾧ δέδρασαι.

⁷⁾ Т. ск. физиологическій тонъ рѣчи сопоставленію не препятствуетъ. Но *Lucr.* VI, 1203 sq. конечно здѣсь фигурировать не должно.

⁸⁾ Cf. IV, 11, 23 sq.: *tenetque grata Compede vinctum.* I, 13, 17, 20: *Felices ter et amplius Quos inrupta tenet copula nec malis Divolsus querimonis Suprema citius solvet amor die.* Съ этимъ мѣстомъ сравнить бы можно *Anth. P.* V, 255, 17: „*τρίς μάχαρ, δς τοίοισι, φίλη, δεσμοῖσιν ἄλγυθη*“, еслибъ все стихотвореніе Павла Силентіарія не отличалось альковнымъ характеромъ, все же чуждымъ одѣ Горация. Но для Проперція тутъ аналогія.

uterque *catena*, Nulla queat posthac nos soluisse dies!“¹⁾ Prop. II, 15, 25 sq.: „Atque utinam haerentes sic nos vincire *catena* Velles, ut numquam solveret ulla dies!“ Ovid. *Her.* IV, 135 sq.: Illa coit *firma* generis iunctura *catena*, Imposuit nodos cui Venus ipsa suos“. *Amor.* III, 11, 2 sq.: „Cede fatigato pectore, turpis amor: scilicet adserui iam me fugique *catenas*“. Stat. *Silv.* V, 1, 43 sq.: „collato pectore mixtos Iunxit *inabrupta* concordia longa *catena*“. Въ прозѣ встрѣчается напр. у Аппулея *Met.* VI, 23: „luxuria puerilis *nuptialibus pedicis* alliganda“²⁾. (Ср. Cic. *Lael.* 13: *habenas... amicitiae*).

Изъ греческихъ эротиковъ приведемъ Anth. P. V, 249, 3 sq.: ἀγκὰς ἐλοῦσά μ' ἔχεις παρὰ σὸν λέχος· ἐν δ' ἄρα δεσμοῖς κεῖμαι, ἐλευθερίας οὐκ ἐπιδευόμενος“ (Иринея). 286, 5 sqq.: „εἴη μοι μελέεσσι τὰ Δῆμιος ἤρμοσεν ἄκμων δεσμὰ καὶ Ἥφαιστου πᾶσα δολορραφίη· μούνον ἐγὼ, χαρίεσσα, τεὸν δέμας ἀγκὰς ἐλίξας θελγοίμην ἐπὶ σοῖς ἀφῆσι βοσκόμενος“ (Павелъ Силентарій). IX, 362, 9 sq.: „νόμφη νομφίον ἀμφιχυθεῖσα περίπλοκον ἠδέϊ δεσμῶ“³⁾.

Предлагаемое чтеніе имѣетъ еще ту выгоду, что, принявъ его, мы въ эпитетѣ *optatis* перестаемъ видѣть нѣчто вялое⁴⁾: *optatis nervis* Проперціемъ сказано совершенно, какъ *grata compede* у Горация и ἠδέϊ δεσμῶ въ Антологіи. Ὁξύμωρον и придаетъ живость метафорѣ⁵⁾.

¹⁾ Ср. I, 1, 55 sq.: *Me retinent vincum formosae vincla puellae Et sedeo duras ianitor ante fores.* Ov. *Rem. Am.* 213, 219 sq.

²⁾ Arnob. V, 13: *Midas rex offenderat, qui uxore adolescentulum vinciebat*“.

³⁾ Ср. Orpian. *Halieut.* IV, 157 sqq.: ἠὲ νέον ζεύγλῃσιν ὑπ' εὐναίης Ἀφροδίτης κούρη ληισθεῖσα, γάμων εὐαγρείῃ δεσμῶ νομφίον ἀμφέπλεξεν, ἐπ' αὐχένι πάννουχα δεσμὰ ἀργεννοῖς ἐκάτερθε βραχίσοι γυρώσασα (v. 305 sq.: „οὐδ' ἔτ' ἔπειτα—δεσμὰ πόδων ἀνίησιν“ относится къ полипу, но авторъ рисуетъ его одержимымъ своего рода похотью къ масличнику). Anth. V, 230 мы не цитруемъ, такъ какъ тамъ сравненіе осложнено, и любовникъ связанъ волосомъ своей владычицы. Но отмѣтимъ, что Orph. H. LV (54), 13 Афродита названа ἐνζεύξασα βροτῶν ἀχαλινώτοισιν ἀνάγκαις.

⁴⁾ Не понимаемъ впрочемъ, какъ Герцбергъ могъ его назвать *plus quam suspectum*. Что бы ни читать, вмѣсто *verbis*, такое опредѣленіе будетъ вполне умѣстно. Cat. 64, 141: *optatos hymenaeos.* Verg. *Aen.* VIII, 405: *Optatos dedit amplexus.* XI, 270: *coniugium optatum* (о женѣ). *Cir.* 496: *multis optata labella.* Hor. c. IV, 8, 30, 14, 39. Stat. *Th.* X, 442. *S.* I, 2, 20. Самъ Проперцій I, 14, 9: *optatam tecum trahit illa quietem.*

⁵⁾ Ср. *beatus vulnere, perire iuvat* и т. п. У поэтовъ низшаго достоинства и это условіе не необходимо. Напр. *Anth. L.* c. 742, 80 sq. Riese (*Epih.*

V.

I, 16, 35—40: Sed tu sola mei, tu maxima causa doloris, Victa meis nunquam, ianua, muneribus. Te non ulla meae laesit petulantia linguae, Quae solet irato dicere tota loco, Vt me tam longa raucum patiare querella sollicitas trivio pervigilare moras.

Не удивительно, что выражение *irato dicere tota loco* ¹⁾ вызвало целый ряд конъектуръ. Скалигеръ читалъ: „*iratus dicere trita loco*“ въ смыслѣ: *quae irati solent loco et tempore, h. e. quotiescumque poscit locus ut irascantur, effutire*“ ²⁾. Гейнзій, по обыкновенію, предложилъ много; сперва: „*irato dicere probra (pota) ioco*“, подъ „*iocus iratus*“ разумѣя „*dicteria et scommata*“; затѣмъ: „*ingrato dicere torva (acerba) loco*“, и обѣ схемы естественно послужили основаніемъ большинства догадокъ въ данному стиху ³⁾. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя явно невозможныя „поправки“ ⁴⁾, упомянемъ еще редакціи Фонтена: „*iratus dicere ficta dolor*“, Л. Миллера: „*ingrato figere theta loco*“ и Беренса: „*irato dicere probra sono*“ ⁵⁾.

Laurentii) читается: „*Mellea tunc roseis haerescant basia labris Et compressa suis insudent pectora membris*“. Бюхелеръ предложилъ *vincis*. Мы думаемъ что и тутъ смѣло можно возстановить *nervis*. Конечно, лучше оно было бы хоть съ какимъ нибудь инымъ добавленіемъ, напр.: *compressa avidis—nervis*“ (Ovid. *Met.* VII, 143: *avidisque amplexibus haerent*) или „*artis—nervis*“ (Petron. с. 11. *Stat. S.* II, 1, 63 sq.: *abitusque morabitur Artis nexibus*), но въ подобнымъ произведеніямъ нечего быть слишкомъ требовательнымъ.

¹⁾ Интерполированные кодексы даютъ варианты *iratus* и *tuta, turba, tanta, verba*.

²⁾ Это вошло въ тексты Брукгузія и Бурманна, которые однако *loco* относили къ *дверямъ*.

³⁾ „*Irato—ioco*“ признали вѣрнымъ, между прочимъ, Мерклендъ и Герцбергъ: только первый со Скалигеромъ читалъ *trita*, а второй предпочиталъ *torta* (но напечаталъ *turba*, догадку Итальянцевъ и Ливенса). „*Ingrato—loco*“ приходило также въ голову Лукъ Fguitiers и Дюзъ. Лакманнъ одобрилъ всю формулу: „*ingrato dicere torva loco*“, но *torvus* не въ тонѣ мѣста.

⁴⁾ Напр. „*irato dicere bucca ioco*“ (Гебгардъ), „*iratus dicere tritalogus*“ (Palmier). Крайне слабы попытки: „*irato dicere dura ioco*“ („*quidam*“ у Гревія), „*ingrato dicere multa loco*“ (самъ Гревій) и наконецъ „*ingrato dicere vota loco*“ (А. Palmer). Гауптово *taetra*, съ точки зрѣнія азыка, тоже неудачно: ужъ скорѣе *foeda*. Ov. *M.* IX, 167: *foedumque relatu*.

⁵⁾ Ни Беренсъ, ни Россбергъ повидимому не знали, что догадкою *probra* ихъ предупредилъ Гейнзій, хотя послѣдній, кажется, ясно говоритъ: „*sive mavis probra*“.

Со своей стороны думаемъ съ Герцбергомъ, что вялое *iosus* „ad ianquam significandam nimis communis est appellatio“ и что Гейнзиева схема „irato—ioco“ абсолютно удовлетворяетъ какъ палеографин, такъ и смыслу, очевидно же требующему оборота, который бы вполне соотвѣтствовалъ предшествующей *petulantia linguae*. Остается такимъ образомъ искать замѣстителя нелѣпому *tota*, притомъ такого, который бы не составлялъ, подобно прежнимъ вставкамъ, плеоназма съ „irato—ioco“. Намъ кажется, что Проперцій написалъ:

Te non ulla meae laesit petulantia linguae
Quae solet irato dicere feta ioco.

Языкъ его не прочь, при случаѣ, отъ рѣчей, исполненныхъ гнѣвной шутки, насыщенныхъ, дышащихъ ѣдимъ сарказмомъ. Ср. Sil. XI, 203: „feta gerens ira praecordia“ ¹⁾. Verg. Aen. I, 51: „loca feta furentibus Austris“ ²⁾.

VI.

II, 7, 13—16: Vnde mihi patriis natos praebere triumphis? Nullus de nostro sanguine miles erit. Quod si vera meae comitarent castra puellae, Non mihi sat magnus Castoris iret equus.

Рѣчь идетъ о *lex de maritandis ordinibus*, крѣпко не поправившейся разнымъ холостякамъ, предпочитавшимъ браку связи съ гетерами и замуженными женщинами. Поэтъ радуется, что ему пришлось отдѣлаться страхомъ, и доказываетъ нецѣлесобразность закона въ примѣненіи къ нему.

Стихъ 15-й смысла не имѣетъ. Герцбергъ пытался впрочемъ спасти его слѣдующимъ толкованіемъ: „Еслибъ мой дѣвы сопровождали настоящій лагерь (а не участвовали бы въ однихъ любовныхъ состязаніяхъ), то я бы превзошелъ героев“. Но трудно допустить, что *meae puellae* здѣсь множественное число ³⁾, такъ этотъ гаремъ мало вяжется съ тѣмъ, что мы читаемъ черезъ двѣ строки: „Tu mihi sola places, placeat tibi, Cynthia, solus: Nunc erit et patrio sanguine pluris amor“. Кромѣ того

¹⁾ XIII, 592: „feta furore Megaera“. XVII, 379: „feta viri bello praecordia“: 447—9: „feta veneno Adtollit—Colla—serpens“. Вѣроятно, и X, 14: „Fetus Gradivo mentem Cato“. Cf. XIII, 494: „gravida arcanis Cumes anus“.

²⁾ II, 237 sq.: „scandit fatalis machina muros Feta armis“. Оу. М. XIV, 103: *loca feta palustribus ulvis*.

³⁾ Оттого не годятся чтенія: „Quodsi Romanae comitarent castra puellae“ (Scaliger) и „Quod mea si tenerae comitarent c. p.“ (Heinsius). Удендорпъ и Л. Миллеръ думали о *sera—castra*“.

невозможно, безъ спеціальныхъ оговорокъ, именовать военный станъ *настоящимъ* въ *подразумываемую* противоположность *амурнымъ* подвигамъ ¹⁾: гораздо естественнѣе *vera castra* сказать напр. въ отличіе отъ дѣтской игры въ солдаты. Столь же неудачна, какъ защита Герцберга, и принадлежащая Лахманну догадка: „*Quod si cura meae comitari castra puellae*“, ибо, еслибъ даже подобная фантазія явилась у Кинѳіи, она бы ее все таки осуществить не могла ²⁾, а слѣдовательно и Проперцій не воспыалъ бы воинственностью. Цѣлесообразна по замыслу, но формально неудовлетворительна конъектура Якоба: „*Quodsi in verba meae comitarer castra puellae*“. Усовершенствовать, по нашему мнѣнію, ее должно такъ:

*Quodsi ivra meae comitarent castra puellae,
Non mihi sat magnus Castoris iret equus.*

„Съ какой стати, говорятъ Проперцій, государство стало бы требовать, чтобъ я женился? Куда мнѣ снабжать храбрецами отечество! Отъ меня конечно истинный воинъ не родится. Другое дѣло, еслибъ *Кинѳію* назначили полководцемъ, еслибъ солдаты слѣдовали *за ней*, еслибъ въ походѣ признавали *ея* власть: вотъ тогда бы я и сказочныхъ богатырей затнугъ за поясъ“.

Dux movet castra: гдѣ онъ, тамъ и главная квартира (*castra praetoria*), она его всюду сопровождаетъ. Притомъ *castra* естественно идентифицируются съ войскомъ (*castra fremunt, castra parent, reguntur* и т. д.) Между тѣмъ армія именпо слѣдуетъ за главнокомандующимъ (*Verg. Aen. VII, 681: Hunc legio late comitatur agrestis*). Совершенно несостоятельно было бы возраженіе, что противорѣчивость понятій лагера и движенія пренятствуетъ метафорамъ, вродѣ предположенной нами: ибо, если можно *castra sequi* (а это весьма часто говорится), то въ свою очередь и *castra* могутъ *sequi*. Нерѣдко *castra* у историковъ означаетъ военный переходъ, единицу пути (*Liv. 38, 24* и т. д.), у поэтовъ оно совершенно синонимически употребляется съ *agmen* (*Prop. I, 7, 17 sq.: Longe castra tibi, longe miser agmina septem Flebis in aeterno surda iacere situ*) ³⁾.

¹⁾ Потому бесполезна интерполяція Итальянцевъ „*comitarem*“ (или „*comitarer*“), при которой необходимо еще *vera* измѣнить (на *cara* напр.).

²⁾ *Prop. IV, 3, 45 sq.: Romanis utinam patuissent castra puellis! Essem militiae sarcina fida tuae* (пишетъ жена мужу).

³⁾ *Ov. Am. II, 14, 2: „fera... agmina velle sequi“*. *III, 8, 26: „trepidias acies et fera castra sequi“*.

Относительно *iura* въ значенія *imperium* ср. Ног. *Epl.* I, 12, 27: *ius imperiumque Phraates Caesaris accepit.* II, 2, 174: *permutet dominos et cedat in altera iura.* У Проперція же мы имѣемъ I, 9, 3: *Ecce iaces supplexque venis ad iura puellae.* III, 11, 1 sq.: *Quid mirare, meam si versat femina vitam Et trahit addictum sub sua iura virum.*

Что касается до *comitari iura alicuius*, то ужь послѣдняя цитата аналогична этому обороту. Прекрасно подходитъ тоже Verg. *Aen.* IV, 573 sq. „*Ilíacas igitur classis atque ultima Teuúrum Iussa sequar*“.

Тѣмъ не менѣе насъ, конечно, могутъ спросить: отчего же Проперцій не написалъ напр. „*Quodsi signa meae comitarent castra puellae?*“ Но легко показать всю неосновательность подобнаго замѣчанія: не сражаться *подъ знаменами* Кинөи, не проводить какіе нибудь политическіе планы ея желаетъ Проперцій, а находится и впредь въ ея непосредственномъ распоряженіи; личный же характеръ этихъ отношеній лучше всего выражается словомъ *iura*. Ср. Stat. *Theb.* VII, 484 sq. „*in his aliquod ius execrabile* ¹⁾ *castris Huic utero est*“ (говоритъ Иокаста, просясь въ лагерь Адраста). По римскимъ представленіямъ *dare iura, leges* вѣдь, строго говоря, актъ державности (магистратамъ свойственно *leges ferre, rogare, ius dicere*).

VII.

II, 10, 21—4: *Vt caput in magnis ubi non est tangere signis, Ponitur hic imos ante corona pedes, Sic nos nunc inopes laudis conscendere carmen, Pauperibus sacris vilia tura damus.*

¹⁾ Бенгли хотѣлъ *impetrabile*. Почти въ томъ же смыслѣ мы бы скорѣе предложили „*ius exorabile*“ (активно Val. Fl. I, 782 и, какъ намъ кажется, Stat. *Silv.* V, 1, 164, ибо тамъ просится о *заступничествѣ* императора передъ Смертью). Иокаста бы напоминала, что ея притязанія могутъ разсчитывать на то, чтобъ ихъ признали; ссылкой на нихъ она бы получала надежду *упросить* себя доступъ къ сыну, дабы затѣмъ *смячить* его. Но къ чему измѣнять преданіе? Развѣ ея права не результатъ инцеста? Развѣ она себя тутъ-же не называетъ *in pia mater*? Развѣ *ius execrabile* не совершенно въ духѣ Стація составленное *ὀξύμωρον*? Бенгли очевидно шокировала нелѣпость, со стороны просящей, такого указанія на обстоятельство, уничтожающее ея право. Но тогда, чтобъ быть логичнымъ, слѣдуетъ читать: *Venit ante hostes et pectore nudo Claustra adversa ferit tremulisque ululatus orat Admitti: „Reserare viam rogat eu pia (а не in pia) belli Mater (соединять нужно viam belli, а не belli mater), in his aliquod ius exorabile castris Huic utero est*“. *Trepidí visam expravere mápiri... и т. д. En замѣщало бы опущенное inquit, здѣсь весьма желательное,*

Въ началѣ стихотворенія стоитъ: „Пора бросить эротическую поэзію и приняться за болѣе возвышенныя темы. Буду воспѣвать Тебя, Августъ; ужь весь Востокъ передъ Тобой преклонился; неудержимо растетъ Твое могущество. И о, вабы мнѣ дожить до того времени, когда вовсе на свѣтѣ не останется такихъ странъ, которыя бы не почувствовали Твоей десницы: я еще самъ прославлюсь, описывая твои походы“.

Продолженіе приведено выше. Общій смыслъ его повидимому таковъ: „Но пока мнѣ не по силамъ быть достойнымъ пѣвцомъ Твоихъ побѣдъ: ограничиться я долженъ слабымъ и далеко не блестящимъ выраженіемъ своего удивленія“. Большею частью понимаютъ это мѣсто иначе: Герцбергъ напр., подъ *pauperibus sacris* разумѣетъ „низшіе роды поэзіи“, а *laudis carmen* относитъ къ „omne genus laudativum et epicum“. Ясно однако, что такое толкованіе противорѣчитъ главной мысли стихотворенія. Проперцій говоритъ прямо: „*Iam libet et fortes memorare ad proelia turmas, Et Romana mei dicere castra ducis*“ (v. 3 sq.). Ссылаясь же въ заключительныхъ строкахъ на то обстоятельство, что онъ *до того времени* предавался элегическому жанру, онъ только хочетъ извинить недостатки, какіе окажутся въ общаеомъ хвалебномъ твореніи ¹⁾. Независимо отъ того, комментарий Герцберга могъ бы считаться возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ *conscendere carmen* дѣйствительно значило „написать стихотвореніе“. Никто не отрицаетъ, что Парнасъ и Геликонъ горы, что можно даже „подняться на высоты поэзіи“, и все же „возобратъ на стихотвореніе“ по латыни вельзя. Исіодъ, правда, сказалъ (Ерѹ. 656 sq.): „Τὸν μὲν (τρίποδα) ἐγὼ Μοῦσαις Ἐλικωνιάδεσσ ἄνεδθηκα, ἔνθα με τοπρωτον λιγυρῆς ἐπέβησαν ἀοιδῆς“, но Музы именно „возвели“, подготовили его къ пѣнію, возвысили его, какъ пѣвца, благодаря имъ онъ и одержалъ *побѣду* на поэтическомъ состязаніи, о которомъ только что упоминалъ, и *за все это* онъ имъ посвящаетъ полученный призъ.

такъ какъ *oratio recta* неожиданно начинается 3-мъ лицомъ глагола, поставленнаго симметрично и синонимно съ послѣднимъ *verbum finitum* повѣствованія.

¹⁾ „*Nondum etenim Aescraeos porunt mea carmina fontes, Sed modo Permessi flumine lavit Amor*“, т. е. „я вѣдь *еще не писалъ* Θεογονίη, не изображалъ борьбы Иракла съ Кикномъ и Ареемъ“—онъ и вполнѣдствіи остался по преимуществу пѣвцомъ любви, но здѣсь явно предвѣщаетъ иное: искренно-ли, другой вопросъ. Не понимаемъ, ради чего нѣкоторые такъ настаиваютъ на негодномъ чтеніи кодексовъ: „*Nondum etiam*“. Примѣчаніе Бирта (p. 415) противъ раздѣляемаго и нами взгляда никого не убѣдитъ. Не „*die ernsthafte Ankündigung eines Panegyricus*“, а просто „*die Ankündigung*“ такого должно усматривать въ стихотвореніи нашемъ.

Уродливость оборота „*laudis conscendere carmen*“ давно впрочем обратила на себя вниманіе критики. Къ сожалѣнію, попытки къ исправленію его, казавшіяся возможными до сихъ поръ, грѣшили въ одномъ отношеніи: онѣ теряли изъ виду основной характеръ сравненія, которое дѣлаетъ поэтъ. Самою удачною считается тутъ конъектура „*laudis conscendere culmen*“¹⁾, но кто же такъ выражается: „Вершина славы для меня въ поэзіи недосягаема, а потому я богамъ буду дѣлать скромныя приношенія“. Необходимо внести цѣлостность въ метафору, органически связать всѣ ея части и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить ея логическое отношеніе къ началу стихотворенія²⁾. Мы убѣждены, что Проперцій написалъ:

Vt caput in magnis ubi non est tangere signis,
Ponitur hic imos ante corona pedes,
Sic nos nunc, inopes Laudis conscendere ad aram,
Pauperibus sacris vilia tura damus.

„Подобно тому, какъ вѣнокъ опускается къ ногамъ бога, когда главы его достигнуть нельзя: такъ и я теперь, не будучи въ состояніи подняться къ жертвеннику Славы, ограничиваюсь скромнымъ обрядомъ и сожигаю вульгарный оуміамъ“.

При наиболѣе распространенныхъ изъ прежнихъ чтеній и объясненій выходило вотъ что: 1) „Когда голова статуи слишкомъ высока, то приношеніе кладутъ къ ея ногамъ: *такимъ-же образомъ* я, не чувствуя себя въ силахъ прилично воспѣвать Августа, буду писать плохіе стихи въ честь... *Киноіи*“. 2) „Теперь наконецъ я прощусь съ эротикой, возьмусь за *грандіозный* сюжетъ („*magni nunc erit oris opus*“), разскажу дѣянія Августа; но пусть ужъ не взыщутъ, если поэма у меня выйдетъ плохая: я вѣдь съ отчаянія прибѣгаю къ такой... *низменной* темѣ, ибо... раньше писалъ любовныя стихотворенія“.

¹⁾ Итальянцы, Passerat, Гейнзій; изъ новыхъ ее приняли Л. Миллеръ, Беренсъ (условно) и Фаленъ. Недурна формально и догадка „*laudis conscendere currum*“ (Итальянцы и Мерклендъ). Le Paulmier читалъ „*conscendere in artem*“, Брукгузій „*contendere cursu*“ (но заподозрилъ все мѣсто).

²⁾ Къ тому отчасти стремились Van Eldick: *lautis ostendere cultum*, Удворпъ: *tauris conscindere collum* (что, по идеѣ, отнюдь не такъ глупо, какъ увѣряетъ Герцбергъ), Clercq van Iever: *lauto contendere cultu*, Беренсъ (но временно и *ludendi causa*): *lautis contendere cenis*. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ этихъ поправокъ въ томъ, что онѣ слишкомъ многое измѣняютъ (подлежитъ изгнанію только *carmen*), а между тѣмъ все таки полной гармоніи съ предидущимъ не создаютъ. Удовлетворительно по мысли „*lauris tibi singere crines*“, но и тутъ фантастичность мѣшаетъ.

Эти несообразности предлагаемой эмендацией устраняются, и с другой стороны все четверостишие приобретает в новой редакции единственно подходящее значение.

Кто задумалъ эносъ объ Августѣ, тотъ, по словамъ Проперція, какъ бы священнодѣйствуетъ: онъ въ положеніи человѣка, желающаго принести жертву на алтарь Славы. Но культъ богини не всякому дано совершать подобающимъ образомъ. Ей посвящаются цѣлыя гекатомбы, а потому ея *ara*, по громадности размѣровъ своихъ, представляется такою же, какъ знаменитыя Пергамская и Олимпійская. И жертвенникъ Славы такъ высокъ, что даже въ *πρόδος* его восходятъ по каменнымъ лѣстницамъ ¹⁾. Къ чему же подступать къ нему, когда все приношеніе состоитъ изъ ладана и можетъ быть сожжено на одной изъ *arulae turicrematae* или даже на *foculus* передъ какой нибудь *aedicula* божества? Такая форма почитанія Славы конечно жалка, но что дѣлать: „in pignis et voluisse sat est“ (v. 6).

Выяснивъ ходъ мысли стихотворенія и оправдавъ формулу „inopes— conspendere ad aram“, мы еще напомнимъ, что элизія въ концѣ 5-ой стопы гекзаметра у Проперція встрѣчается 33 раза ²⁾, притомъ 6 разъ передъ односложнымъ ³⁾.

Не входя въ разборъ общихъ вопросовъ, связанныхъ съ интерпретаціей данной элегии, мы въ заключеніе укажемъ, что стихи 7--8:

Aetas prima sanat Veneres, extrema tumultus:
Bella sanam, quando scripta puella meast

ни путемъ перестановокъ, ни тѣмъ, что ихъ признаютъ интерполированными, понятнѣе для насъ не становятся. Куда бы мы ихъ ни сунули, изъ нихъ придется вывести, что Проперцій достигъ уже преклонныхъ

¹⁾ Pausan. V, 13, 10 о βωμός Зевса въ Олимпіи.

²⁾ Чаще всего (15 разъ) въ сочетаніяхъ, вродѣ *solvere amores, coniungere amantes* и т. д., передъ именемъ собственнымъ 5 разъ (*cognoscere Athenas, coniuge Achilles* etc.), 3 раза передъ *ocellos (ocellis)* и еще 4 раза въ другихъ случаяхъ (*poscere eburnos, sanguine avito, gramine odores, litore ovantes*), кромѣ указанныхъ ниже.

³⁾ I, 1, 23: *sidera et amnes*. II, 15, 1: *candida et o tu*. II, 29, 11: *propellere at alter* IV, 2, 63: *fundere in usus*. IV, 5, 17: *sanguine et in me*. IV, 7, 29: *procedere at illuc*. Изъ Вергилія приведемъ *Georg.* III, 418: *succedere et umbrae* и 486: *hostia ad aram*, *Aen.* X, 46: *dimittere ab armis* и 90: *consurgere in arma*. Cf. *Aen.* XII, 844: *Iturnamque parat fratris dimittere ab armis*, хотя можно было сказать: *dimittore fratris ab armis*.

лѣтъ, когда ихъ писалъ ¹⁾). Во вторыхъ, какъ бы скудоумень ни представлялся предполагаемый фальсификаторъ, онъ едва ли могъ имѣть поводъ избрѣсти такой абсурдъ: „Молодости прилично воспѣвать любовь, а войну глубокой старости“. И здѣсь удовлетворить критику въ состояніи лишь эмендація. Вполнѣ удобно, какъ намъ кажется, было бы чтеніе:

Aetas prima canat Veneres, exerta tumultus.

Lucan. II, 541 sqq.: „Nec magis hoc bellum est, quam cum Catilina paravit Arsuras in tecta faces sociusque furoris Lentulus *exertique manus vesana Cethegi*“. „Exsertus“ тутъ, разумѣется, лишь потому значить *pugnax*, что основной его смыслъ *cinctutus*, а затѣмъ *expeditus*. Но тотъ же переходъ значенія мы имѣемъ Stat. *Theb.* IX, 681: „*potamque tremiscit Silva deam, saevis ubi quodam exerta sagittis Fecundam lasso Nioben consumpserat arcu*“ („Exserta“=nudata pectus, expedita, strenua). Ср. *Vit Severi* 3: „Tribunatum flebis... *severissime exertissimeque egit*“. *Pacati Panegy.* 35. 1: „(Marcellinus) tanto ceteris satellitibus (Maximi) audentior, quanto *exertiozem (=acriorem) operam navabat* tyranno frater tyranni“. *Ammian.* XVI, 12, 46: „Vulnerati, nondum effuso cruore, *ad audendum exertius consurgebant*“. XXVII 10, 16: „Natuspardo quidam scutarius, *exertus ita bellator*, ut Sicinio veteri comparetur et Sergio“. *Claudian.* XVII (*Cons. Mall.*) 42: „Ac velut *exertus* lentandis *navita* tonsis Praeficitur lateri custos“. XXVIII (*VI Cons. Hon.*) 299: „hoc magis *exertum* raperem succinctior *agmen*“ (=magis expeditum, alacrius). *Placid. Gloss.* p. 459 (39 Deverling): „*exerti* autem dicuntur, qui virtutem exerunt et in promptu habent“.

VIII.

II, 22, 43 sqq.:

Aut, si es dura, nega; sin es non dura, venito:

Quid iuvat et ²⁾ nullo ponere verba loco?

¹⁾ Биртъ пытается избѣжать затрудненія, доказывая, что тутъ вся *laudatio* отлагается „auf künftige Jahrzehnte“, и что *quando*, не однозначашее де съ *quoniam*, можетъ быть переведено: „*wann* ich meine Geliebte zu Ende gesungen habe“. Но тогда бы должно было стоять: „*quando scripta—fuerit*“. И не очевь ли ужъ невѣжливо было бы подобное обращеніе къ Августу? Да и что бы оно выражало? „Когда изсякнетъ любовное вдохновеніе“? Съ другой стороны *quando* весьма часто употребляется въ смыслѣ *quandoquidem*.

²⁾ Итальянцы *in*, L. Mueller *al*, Baehrens *at*. Можетъ быть, *aut*: „Или поступай логично (v. 43) или объясни, почему слова и дѣйствія у Тебя не гармонируютъ“ (v. 44).

45 Hic unus dolor est ex omnibus acer amanti,
Speranti subito si qua venire negat.

Quanta illum toto versant suspiria lecto!

Cur recipi quae non noverit ille vetat?

Et rursus puerum quaerendo audita fatigat,

50 *Quem, quae scire timet, quaerere plura iubet.*

Стихъ 48-й мы привели по редакціи Neapolitanus'a, но 50-й въ этой рукописи опущенъ. Разночтеній множество. Такъ, v. 48, Groninganus: „*Cur recipi quem non noverit ille putat*“, Puccii Vallanus: „*Cum recipi quem non noverit illa putat*“, другіе списки: „*Cui (Quom) recipi quae num (nam) noverit (noverat) ipse negat*“ и затѣмъ разныя комбинаціи указанныхъ варьянтовъ. V. 50: „*Quom quae (cum que, quae cum, quae quoque) scire timet (pudet), quaerere (dicere) plura (fata) iubet*“.

При такой шаткости преданія (не слѣдуетъ также забывать, что мы имѣемъ дѣло съ отрывкомъ), эмендація болѣе, чѣмъ когда либо, исходить обязана изъ общаго смысла мѣста. Спрашивается, установленъ ли тутъ въ нашихъ изданіяхъ хотя бы и не исполнѣ достовѣрный, но свосный по содержанію текстъ.

Что касается 48-го стиха, то вслѣдъ за Лахманномъ теперь обыкновенно читаютъ: „*Quanta illum toto versant suspiria lecto, Cum recipi, quem non noverit illa, putat*“. Это толкуется слѣдующимъ образомъ: „*Caecus ira amator, quia puella venire negat, statim alium recipi suspiratur, sine causa, cum puella eum, quem sibi praelatum putat, ne noverit quidem*“. Намъ кажется, что разъ удареніе на *sine causa* и на *ne—quidem*, то *подразумеваютъ* этихъ словъ невозможно. Дѣйствительно, переведите безъ предвзятыхъ цѣлей то, что Лахманъ считалъ подлинникомъ, и получается: „Какъ онъ стонетъ и мечется по всему ложу, когда полагаетъ, что она *принимаетъ того, съ кѣмъ незнакома*“. Еслибъ замѣчаніе, что непришедшая почему либо на свиданіе вовсе не знаетъ этого воображаемаго соперника, дѣлалось отъ имени автора, а не вздыхающаго любовника, то стоять бы долженъ былъ Indicativus, вмѣсто *noverit*. Теперь же читатель невольно включаетъ глаголь въ *oratio obliqua*, и выходитъ, что данное лицо строить завѣдомо невѣроятное предположеніе. Оставимъ слѣдовательно въ покоѣ сего таинственнаго незнакомца и посмотримъ, какъ другіе критики реставрировали 40-й стихъ. Въ изданіи Гревія стоятъ: „*Cum recipi, quasi (сеи уже Гейнвій) non noverit, illa vetat*“. То-же предложилъ Мерклендъ. Это значитъ: „Какъ онъ мучится на своей кровати, когда ей вздумается не впустить его, точно онъ ей чужой“, „подъ предлогомъ, что его не знаютъ вовсе“. Но вѣдъ не онъ

къ ней собирався: онъ ее ждалъ въ себѣ и кипятится, потому что она его обманула, сама не пришла въ назначенный часъ, а прислала слугу сказать, что не будетъ. *Venire negat* (v. 46) нужно несомнѣнно приводить въ связь съ 45 ст.: „*sin es non dura, venito*“ и съ *puerum*, v. 49. Какъ же игнорировать до такой степени контекстъ! Беренсъ напечаталъ: „*Cum recipi, quasi non voverit, illa vetat?*“ Такъ какъ нельзя интерпретировать: „Зачѣмъ она отказала ему въ удовольствіи принять ее, точно не давала слова зайти“, то и это сводится къ тому, что рекомендовалъ Мерксендъ, а стало быть мало помогаетъ. Послѣ всего дѣланнаго нечего прибавлять, что никуда не годится конъектура Бурманна: „*Cum recipi, quem non poverit illa, videt, „ut referatur ad exclusum (?) amatorem, quem suspiria toto lecto versant, cum videt alium ignotum (?) prosum, se non admissio (?), quem poverat* (вотъ это божественно!), *graeferri sibi ac recipi*“. Неупе придумалъ: „*Quam recipi, quem non poverit ille, necat!*“ т. е.: „Какъ его убиваетъ, что принимается незнакомый ему человѣкъ!“ Ну, а еслибъ она собиравлась интимничать съ его закадычнымъ другомъ, легко бы было? Впрочемъ, кажется, довольно. Кое что ужъ теперь выяснилось.

Описывается состояніе человѣка, которому любовница сказала, что будетъ у него въ извѣстное время, но къ которому является вмѣсто нея рабъ и передаетъ, что она не можетъ прійти. Изображаемый тогда (не „ложится спать“, ибо вовсе не сказано, что поздно, и даже наступаетъ продолжительный разговоръ, а:) въ отчаяніи бросается въ присутствіи посланца на свое ложе. Почему она не сдержала обѣщанія, ему въ сущности неизвѣстно, но онъ сразу заподозрилъ измѣну и пускается въ догадки, рисуется себѣ разныя картины. И такъ, прежде всего читать должно „*Cum—putat*“. Затѣмъ, кого же онъ представляетъ себѣ соперникомъ? Не „незнакомца“, разумѣется, а напротивъ опредѣленнаго мужчину. Но что Проперцій имѣлъ здѣсь основаніе сказать о немъ? Взять случай схематическій, слѣдовательно индивидуальность мнимо счастливаго конкуррента безразлична. Естественнѣе всего предположить, что поэтъ указалъ на нее съ точки зрѣнія выведеннаго имъ субъекта, иными словами, прибавилъ новый штрихъ къ характеристикѣ душевнаго настроенія этого послѣдняго. Какъ же однако попавшій въ его положеніе смотреть на того, кто, какъ онъ думаетъ, посадилъ его на мель? Да ужъ вѣрно не посылаетъ ему мысленныхъ поцѣлуевъ. Отчего стало быть не допустить чтенія:

*Quanta illum toto versant suspiria lecto,
Cum recipi, quem nunc oderit, ille putat.*

Плеонастическое *ille*, даже когда непосредственно предшествовало то-же мѣстоименіе, совершенно въ манерѣ Проперція ¹⁾. Форма *oderit* объясняется именно зависимостью всей конструкціи отъ *putat*. Задавъ себѣ вопросъ, кому невѣрная назначила свиданіе, влюбленный отвѣчаетъ себѣ: „тому, котораго я теперѣ возненавидѣлъ“. Внезапно родившаяся въ немъ вражда къ извѣстному лицу служить для него критеріемъ, по ней онъ судить о дѣйствительности. За рукописную основу мы, подобно другимъ, приняли здѣсь *codex Groninganus*, достоинство котораго хотя въ общемъ оспаривается многими, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при плачевномъ состояніи прочихъ списковъ и даже Вольфенбюттельскаго, все таки нѣмъ не отвергается.

Обращаемся къ послѣдному двустижію. Пораженный лихою вѣстью, бѣдный любовникъ въ первую минуту предался наплыву охватившихъ его чувствъ. Поборовъ однако свое волненіе, онъ хватается за присланнаго раба, котораго, какъ мы видѣли, не отпустилъ: двадцать разъ ужъ тотъ разсказалъ, что велѣно передать, а герой нашъ все „переспрашиваетъ о слышанномъ ²⁾, требуя, чтобы онъ разспросилъ ее въ подробностяхъ, хотя самъ боится узнать ихъ“ (*fatigat quaerendo ruerum, quem quaerere iubet*). Тутъ, помимо неловкаго сближенія словъ *quaerendo* и *quaerere*, бросается въ глаза ихъ внутреннее противорѣчіе. Нельзя заставлять кого нибудь повторять сказанное и одновременно отсылать его за новыми справками. Во вторыхъ, не только логически нелѣпо, но главнымъ образомъ психологически неправдоподобно, чтобы ревнующій питалъ надежду получить такимъ путемъ достовѣрныя свѣдѣнія о различныхъ обстоятельствахъ измѣны отъ заподозрѣнной имъ женщины. Онъ прекрасно понимаетъ, что въ лучшемъ случаѣ ему слуга принесетъ опять уклончивый отвѣтъ, скорѣе же всего вовсе не вернется. Еслибъ авторъ упомянулъ объ угрозахъ рабу или напр. о попыткѣ подкупить его, то затрудненій бы не было, но желаніе удалить его со столь наивнымъ порученіемъ представляется слишкомъ ужъ страннымъ. Варьянтъ „*dicere plura iubet*“ не многимъ удобнѣе. Что можетъ быть безсодержательнѣе этого послѣ „*quaerendo audita fatigat*“! „Измучивъ его допросами, онъ отъ него добывается большаго“: да вѣдь онъ все время только тѣмъ занимался, и это именно составляетъ смыслъ предидущаго! Кромѣ того

¹⁾ Hertz. ad *h. l.* et *Quaest. Prop.* p. 173 sq.

²⁾ Нѣкоторые думаютъ, что рѣчь идетъ о рабѣ не ея, а его, котораго онъ посылалъ навести справки и закидываетъ вопросами, по возвращеніи его. Въ текстѣ, безспорно, большая сжатость изложенія, но *negat* (v. 46) и 43-й стихъ, какъ ужъ мы замѣтили, заставляютъ отвергнуть указанное толкованіе.

dicere простая интерполяція, заслуживающая разбора лишь въ качествѣ конъектуры ¹⁾. Беренсъ замѣчаетъ: „*quaerere e versu priore prave repetitum*“ и читаетъ *promere facta*. Но вопроса такъ ставить не годится: ибо отчего же не предпочесть тогда *pandere dura* ²⁾, или *tradere foeda*, или *vera referre*, вообще все, что ни придетъ въ голову? Нѣтъ, *quaerere* не вставочное слово, которое мы въ правѣ замѣнять *ad libitum*, а искаженное чтеніе, и его нужно исправить. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что *quet*, безъ сомнѣнія, относится не къ *puerum*, а къ любовнику. Роль слуги исчерпана: сго выжали, какъ губку, никакого новаго матеріала онъ неспособенъ дать своему учителю, и снова интересъ сосредоточивается на послѣднемъ. Заключительный стихъ очевидно ³⁾ предназначень дополнить картину *ею* психическаго состоянія. Разъ это постигнуто, эмендація на половину готова. Почему ревнивецъ такъ долго пережевывалъ одно и то же? Что его побуждало допытываться о случившемся въ бесплодныхъ бесѣдахъ съ твердымъ заученное или просто ничего не знающимъ вѣстникомъ? Вотъ что 50-й стихъ сообщалъ повидимому и что было бы вполне выражено редакціей:

Et rursus puerum quaerendo audita fatigat,
Quem, quae scire timet, credere cura iubet.

Первоначальныя объясненія слуги влюбленнаго не успокоили, и такъ какъ ему, подъ вліяніемъ неотвратимой тревоги, все чудится то, въ чемъ убѣдиться ему страшно; такъ какъ онъ невольнo вѣритъ худшему, то онъ непрерывно возобновляетъ свои вопросы, нисколько не принимая во вниманіе неизмѣнность отвѣтовъ.

Оборотъ *scire timet*, какъ намъ кажется, значительно выигрываетъ отъ антитезы съ *credere* ⁴⁾.

¹⁾ А. Palmer тѣмъ не менѣе напечаталъ „*dicere furta iubet*“.

²⁾ Что во всякомъ случаѣ гораздо лучше Беренсовой догадки. Ср. Stat. Theb. V, 46: *pande nefas laudesque tuas gemitusque tuorum*. 218: *crudelia pandam Funera*. 244: *trepido scelus ordine pando; Quis dolor unde animi*. Sil. XVII, 170 sq. *mandata ferentes—extrema pericula pandunt*. Claud. XX (in Eutr. II), 193 sq.: *tempore pandit Arrepto gemitus*.

³⁾ Оно ужъ вытекаетъ изъ словъ *quae scire timet*.

⁴⁾ Нѣсколько иную сцену допроса, притомъ Кинѳіева раба самимъ по этому, см. III, 6: „*Dic mihi de nostra, quae sentis, vera puella: Sic tibi sint dominae, Lygdame, dempta iuga. Nam me laetitia tumefactum fallis inani, Haec referens, quae me credere velle putas?*“ и т. д.

IX.

II, 26, 45—50: *Sed non Neptunus tanto crudelis amori, Neptunus fratri par in amore Iovi. (47:) Testis Amymone, latices dum ferret in arvis, Compressa et Lernaе pulsa tridente palus. Iam deus amplexu votum persolvit: at illi Aurea divinas urna profudit aquas.*

Мы 47-й стихъ привели по редакціи Neapolitanus'a. Обыкновенно съ Итальянцами читаютъ: „*latices cum ferret, in Argis Compressa*“, но *in Argis* и ненужно, и довольно таки невязчно ¹⁾. Болѣе основательно было бы такое измѣненіе, при которомъ уничтожилось бы одно крупное противорѣчіе, рѣшительно безобразящее все мѣсто.

Проперцій утверждаетъ, что за Кивеіей готовъ послѣдовать на край свѣта. Съ ней онъ безропотно перенесетъ величайшія опасности морского путешествія: пусть подымется буря ²⁾, пусть молнія ударитъ въ корабль, „*Certe isdem nudi pariter iactabimur oris: Me licet unda ferat, te modo terra tegat*“. Но зачѣмъ, продолжаетъ поэтъ, ожидать такой жестокости отъ Нептуна? Нептунъ и самъ поддается любовному чувству. Вотъ напр. сжалился же онъ надъ Амимонной ³⁾. Въ Аргосѣ наступила засуха. Жажда измучила жителей. Данай послалъ одну изъ дочерей за водой. Но тщетно бѣдняжка бродила по спаленымъ полямъ ⁴⁾: вигдѣ живительной влаги не оказывалось. Нептунъ помогъ ей горю. Онъ обѣщаль Амимонѣ создать источникъ, если она отдастся ему, и за ласку дѣвы исполнилъ свой обѣтъ.

Ясно, полагаемъ, что „*latices dum (cum) ferret*“ испорчено. Она именно *не* имѣла воды въ урнѣ, это главная черта фабулы. Но комментаторы въ такихъ случаяхъ не унываютъ. Якобъ и Герцбергъ, прини-

¹⁾ Другое дѣло Ов. *Met.* XV, 164: „*Nuper Abanteis templo Iunonis in Argis*“.

²⁾ „*Saevus licet urgeat Eurus, Velaque in incertum frigidus Auster agat*“ (v. 35 sq.). Итальянцы интерполировали *turbidus*. Но, не говоря о параллеляхъ у Вергилія (*G.* IV, 261; III, 278 sq.) и Тибулла (I, 1, 47), этой догадкѣ можно противопоставить болѣе близкую къ преданію: „*fervidus Auster agat*“.

³⁾ Мнѣ обѣ Амимонѣ весьма различно передается (къ ссылкамъ у Герцберга прибавить слѣдуетъ Лукіана *Dial. Marin.* 6, p. 302), но изложеніе Проперція само по себѣ подтверждаетъ нашъ пересказъ.

⁴⁾ Ов. *Am.* I, 10, 5 sq.: „*Qualis Amymone siccis erravit in agris, Cum premeret summi verticis urna comas*“. Какъ здѣсь все ясно, картинно! Сопоставленіе такихъ текстовъ со спорными, но параллельными, даетъ лучшій критерій для распознаванія истиннаго преданія отъ ложнаго.

мающіе вариантъ „Amymone, latices dum ferret, in Argis Compressa“, даютъ ему объясненіе: „modo aquam deus excuteret, seu aquae pretio, eius libidini cessit“. Жаль только, что они не замѣчаютъ слѣдующаго: эпизодъ съ Амимоной приводится не для того, чтобы показать, на какія жертвы она была способна, лишь бы отыскать родникъ, а въ видахъ иллюстраціи Нептуновой галантности. Между тѣмъ въ разбираемомъ толкованіи логическое удареніе лежитъ на *cessit*, котораго въ текстѣ вовсе нѣтъ. Кромѣ того, не ради удовольствія *нести* полный сосудъ Данаида высказала столько любезности, и эмфатическое „latices dum ferret—Compressa“ просто комично. Намъ внушаютъ, положимъ, что „ferre est pretium deferre“. Но во первыхъ—*credat Iudaeus Apella!* А во вторыхъ, еслибъ даже такъ, то выходило бы еще хуже, ибо тогда общенный отънокъ рѣчи былъ бы несоспоримъ: *pretium* ставилось бы въ непосредственную причинную связь съ дѣйствіемъ, которое выражаетъ глаголь¹⁾. Къ счастью, повторяемъ, ни одинъ римскій читатель тутъ *ferre* не понималъ бы въ значеніи *inde deferre*, а потому можемъ перейти къ чтенію „latices cum ferret“, получившему преобладаніе и, по примѣру Дорвиля, защищаемому, „tamquam dixisset auctor: dum officium subibat ferentis aquam, ὄδροφόου, dum latutura esset aquam“. Недоумѣваемъ, какъ рѣшаются приписывать классическимъ писателямъ лучшихъ эпохъ такое небрежное отношеніе къ собственному языку, такое постыдное литературное безсиліе. „Отправиться за водой“ будетъ по латыни *aquari*, *aquatim ire*, и употребленіе оборота „latices cum ferret“, вмѣсто „cum iret, latutura latices“, представляется особенно дикимъ и непозволительнымъ здѣсь, гдѣ смыслъ мѣста всецѣло держится на контрастѣ обоихъ моментовъ, которымъ соотвѣтствуютъ эти якобы тождественныя выраженія.

Остается такимъ образомъ искать выхода въ эмендаціи. Существуетъ конъектура анонима: „latices cum quaereret Argis“. Это по концепціи безукоризненно, зато слишкомъ вольно, основано къ тому же на интерполяціи, наконецъ въ данномъ контекстѣ даже по безцвѣтности и про-

¹⁾ Lucret. IV, 1034 sqq.: Ciet inritans loca turgida semine multo, Vl.. profundant Fluminis ingentis fluctus vestemque cruentent. 1055 sq.: gestitque Coire et iacere umorem in corpus 1270 sq.: Clunibus ipsa viri Venerem si laeta retractat Atque exossato ciet omni pectore fluctus. Прибавимъ, что Passerat, вовсе не склонный къ сальностямъ, невольно скомбинировалъ у Проперція въ данной элегии вульгату 47 стиха со словами „at illi Aurea divinas urna profudit aquas“ въ смыслѣ, что Нептунъ Амимонѣ „muliebria conserit arva“.

занятности недостаточно. Задача критики къ тому и сводится, чтобы наименьшими средствами достигать наибольшихъ результатовъ. Трудно воздержаться отъ предположенія, что въ архетипѣ стояло:

Testis Amygone, latices cum fleret in arvis,
Compressa, et Lernaе pulsa tridente palus.
Iam deus amplexu votum persolvit: at illi
Aurea divinas urna profudit aquas.

Проперцій на томъ и настаиваетъ, что боги мягкосердечны, когда вѣдетъ дѣло о хорошенькихъ. Хотя Нептунъ эксплуатируетъ беспомощность Амимоны, однако выводитъ же ее изъ бѣды: „накрываетъ“ онъ ее въ тотъ самый моментъ, когда она потеряла всякую надежду выполнить требованіе отца. А вѣдь Данай не шутилъ съ дочерьми ¹⁾, такъ что Амимона, конечно, имѣла даже личную причину „плавать по водѣ“ оплакивать безводіе, независимо притомъ отъ объективной т. св. трагичности положенія.

Flere съ Винит. падежомъ для выраженія скорби обо всемъ, чего ужъ нѣтъ, что утрачено, или же сочувствія кому нибудь, вообще плача по поводу чего или кого либо, въ подтвержденіяхъ не нуждается: Verg. *Aen.* VI. 212 sq.: „Misenum in litore Teucris Flebant“ и т. п. ²⁾.

Затѣмъ *сит* имѣютъ всѣ рукописи, кромѣ Neapolitanus'a, и не видимъ достаточно основанія, въ угоду послѣднему, конъюцировать напр. „*dum maeret in arvis*“, чѣмъ бы происхождение испорченнаго *ferret* не такъ легко объяснялось, какъ при рекомендуемой редакціи.

Х.

II, 29, 8 sqq.: „Arripite hunc“, inquit, „nam bene nostis eum. Hic erat, hunc mulier nobis irata locavit“. Dixit, et in collo iam mihi nodus erat... (19 sqq.): „Parcite iam, fratres: iam certos spondet amores, Et iam ad mandatam venimus ecce domum“. Atque ita me *in lecto duxerunt* rursus *amictu*: „I nunc, et noctes disce manere domi“.

¹⁾ Lucian. *l. l.*: Ὁ Δαναὸς δὲ ἀλληραγωγεῖ τὰς θυγατέρας καὶ αὐτοῦργεῖν διδάσκει καὶ πέμπει ὄδωρ τε ἀρυσόμενας καὶ πρὸς τὰ ἄλλα παιδεύει ἀόκλους εἶναι αὐτάς.

²⁾ Поэты гораздо смѣлѣе *flere* употребляютъ въ такихъ оборотахъ, какъ Hor. *ep.* 14, 11: *testudine flevit amorem*, Prop. I, 9, 10: *Amphioniae moenia flere lyrae* („описывать разрушеніе Фивъ Эпигонами“) и т. п.

Положеніе сходно съ тѣмъ, которое изображено въ 3-й элегии 1-й книги. Проперцій подѣ утро возвращается съ попойки, его ждутъ упреки Кинѳіи, онъ чувствуетъ свою вину и оправдаться не имѣетъ надежды. Избѣгнуть грозы нѣтъ тоже возможности: на дорогѣ беззащитнаго окружила толпа Купидоновъ, они набросили ему петлю на шею и тащатъ за собой, пока не привели его домой: тутъ только выпускаютъ его.

Въ 21 ст. читаютъ обыкновенно съ Гейнзіемъ: *mi iniecto dixerunt*. Но уже Мерклендъ замѣтилъ, что изъ предидущаго не видать, „*Propertium vestibus exutum fuisse*“, и Volpi совершенно произвольно предположилъ, будто рѣчь идетъ „*de tegumento, quo caput velabant, qui noctu ad lustra et popinas ibant, quo adempto Propertium agnoverunt*“ (напротивъ, они обступили его, узнавъ издали: прямо сказано *nam bene nostis eum*), *sed deinde iterum inposito hoc velamine* (къ чему?) *eum dimiserunt*“¹⁾. Беренсъ принялъ въ текстъ конъектуру „*me iniecto solverunt rursus amictu*“, подѣ „*iniectus amictus*“ разумѣя „*nodus*“ 10-го стиха. Смыслъ дѣйствительно выигрываетъ оттого; только желательна большая близость къ преданію, кромѣ того *solverit* стоитъ немного выше (v. 16). Мы бы редактировали такъ данный стихъ:

Atque ita mi iniecto laxarunt rursus amictum.

Ов. F. II, 321: *tunicarum vincla relaxat*. St. Th. I, 135 sq.: *aequis vincula laxant Viribus*²⁾ Ach. II, 200 sq.: *iam pectus amictu Laxabat*³⁾. Luc. IV, 632: *Herculeosque novo laxavit corpore nodos* (Антеѣ). Rutil. Nam. I, 628: *Qui laxet nodos Amphitryoniadae* (cf. v. 35) Nemes. Cynege. 169: *cum membrorum nexus nodosque relaxant*.

Тутъ же позволимъ себѣ добавить, что на теоретическія замѣчанія, высказанныя г. Германномъ Гауптомъ въ „*Philologische Rundschau*“ (1882, № 24) по поводу нашихъ *Horatiana*, мы надѣемся имѣть случай отвѣтить въ ближайшемъ будущемъ, предполагая высказаться въ особой работѣ о задачахъ и приемахъ филологической критики.

Г. Зенгеръ.

¹⁾ Цитуемъ по Бурманну, такъ какъ Vulpiam достать не могли.

²⁾ Въ обоихъ случаяхъ отгѣнки различны: Овидій напр. говоритъ, что Иракль прорвалъ слишкомъ узкую одежду (Омфалы), что она треснула на немъ, но субъективный результатъ тотъ же, что у Проперція: стало легче, свободнѣе.

³⁾ Можно бы, конечно, „*me iniecto laxarunt rursus amictu*“, но *iniecto* едва ли испорчено.

УКАЗАТЕЛЬ.

	<i>Стран.:</i>		<i>Стран.</i>
Прор. I, 2, 9 ...	5 и слѣд.	Прор. II, 22, 44 ...	30, примѣч. 2
> > 3, 15 sq. ...	6 > >	> > > 48-50...	31 и слѣд.
> > 4, 13 sq. ...	15 > >	> > 26, 47 ...	35 > >
> > 13, 17 ...	19 > >	> > 29, 21 ...	37 > >
> > 16, 38 ...	23 > >	Cat. 38, 7	18, примѣч. 1
> II, 7, 15 ...	24 > >	> 68, 18	12, > 2
> > 10, 7 ...	29 > >	Verg. E. III, 110 ...	13
> > > 23 ...	27 > >	Anth. L. 742,81 Riese 22, >	5

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.: Строк:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читатъ должно:</i>
6 16 св.	I, 1, 11	I, 3, 11
7 12 св.	Брукгѣзъ	Broekhuizen
10 21 св.	saevitae	saevitiae
11 19 „	одно	простое
16 8 св.	<i>color</i>	<i>calor</i>
25 12 св.	puellae	puellae
27 3 св.	убѣдить	убѣдитъ
29 1 „	<i>dimittre</i>	<i>dimittere</i>
30 14 св.	flebis	plebis
„ 23 „	Deverling	Deuerling

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ СЪ ИНТЕРНАТАМИ ВЪ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1881 года я предпринялъ путешествіе въ Германію и Францію, съ цѣлью изученія высшихъ учебныхъ заведеній, подходящихъ подъ типъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородко.

Благодаря любезному содѣйствію департамента народнаго просвѣщенія, снабдившаго меня открытымъ листомъ, мнѣ дана была полная возможность осмотрѣть учебныя заведенія во всѣхъ подробностяхъ, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ мнѣ сообщали всѣ нужные документы.

Я старался подробно познакомиться съ внутреннею организаціею, устройствомъ интернатовъ, дисциплинарными мѣрами и учебными планами тѣхъ заведеній, которыя мнѣ привелось осмотрѣть.

Изъ учебныхъ заведеній, вполне подходящихъ по своимъ цѣлямъ къ нашимъ историко-филологическимъ институтамъ, оказалось только одно, это—знаменитая «École Normale Supérieure» въ Парижѣ; всѣ прочія значительно разнятся, какъ по цѣлямъ, ими преслѣдуемымъ, такъ и по внутренней организаціи.

Закрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній чрезвычайно мало въ Германіи и еще меньше во Франціи.

Для изученія устройства большихъ интернатовъ, я нашелъ небезполезнымъ ознакомиться и съ извѣстными по своимъ интернатамъ во всей Германіи среднеучебными заведеніями: Thomasschule въ Лейпцигѣ и Schulpforta въ окрестностяхъ Лейпцига.

Результаты моего изученія я постараюсь изложить здѣсь по возможности подробно.

I. École Normale Supérieure въ Парижѣ.

Историческій ходъ развитія École normale и постепенныя видоизмѣненія, происходившія въ ея устройствѣ. Школа эта была основана декретомъ Конвента отъ 9-го Brumaire III-го г., т. е. 30-го октября 1794 года. Открытіе училища послѣдовало 19-го января 1795 года въ амфитеатрѣ музея естественныхъ наукъ (amphithéâtre du Muséum d'histoire naturelle).

Первоначальный составъ его учениковъ былъ 1,400, но ужъ въ апрѣлѣ указаннаго года оно было закрыто, по распоряженію того же Конвента.

Училище это, преобразованное въ интернатъ императорскимъ декретомъ 17-го марта 1808 года, было помѣщено 24 го декабря 1810 года въ старинномъ Collège du Plessis, составлявшемъ часть извѣстнаго, существующаго и понынѣ Lycée Louis le Grand. 31 декабря 1813 года оно было перемѣщено въ rue des Postes въ нынѣшнее зданіе семинаріи св. Духа (séminaire du St. Esprit); 6-го сентября 1822 года училище было вновь закрыто, а 5-го сентября 1826 года мы его находимъ подъ названіемъ «École préparatoire», снова составляющимъ отдѣленіе lycéе Louis le Grand. Июльская революція возвратила училищу прежнее его наименованіе. Королевскій декретъ 6-го декабря 1845 года присвоилъ училищу названіе: «École Normale Supérieure», сохраненное имъ и до сихъ поръ, въ отличіе отъ écoles normales secondaires, которыя стали открываться въ большомъ количествѣ въ департаментахъ.

Съ 1841 года стали строить особое зданіе для помѣщенія училища, и наконецъ 4-го ноября 1847 года произошло официальное открытіе École Normale въ новомъ его помѣщеніи, въ которомъ существуетъ оно и понынѣ.

Бюджетъ École Normale на 1881—1882 академическій годъ былъ мнѣ сообщенъ начальствомъ заведенія. («Extrait du budget du Ministère de l'instruction publique pour l'exercice 1881, VI»).

A. Администрація.

Содержаніе при квартирѣ.

Директору училища въ годъ	12,000 фр.
Помощнику его	3,000 «
Законоучителю (aumbnier).	4,000 «

Эконому	3,600	фр.
Инспектору училища	5,000	«
2 его помощникамъ вмѣстѣ	3,300	«
Библіотекарю	2,300	«
Контрощику въ канцеляріи училища	1,800	«
	<hr/>	
Итого	35,000	фр.

В. Преподаваніе. .

Содержаніе профессоровъ (*Maitres de conférences*), каждому по 10,000 фр. въ годъ (у каждого 3 лекціи по 1½ часа), что составляетъ 199,000 «

Содержаніе директора лабораторіи, учителя рисованія, 6 репетиторовъ, 2 лаборантовъ, учителя графическихъ работъ, всего въ годъ. 17,600 «

Итого 216,600 фр.

С. Служащіе при училищѣ.

Содержаніе двухъ врачей по 1,200 фр. каждому 2,400 «

« 21 служителя отъ 350 фр. до 900 фр. 14,660 «

Итого 17,060 фр.

Д. Содержаніе воспитанниковъ.

Содержаніе интерната 120 учениковъ въ 2 отдѣленіяхъ, по 1,100 фр. на каждого 132,000 фр.

Столовая помощнику инспектора, служащимъ, лаборанту: всего въ годъ 15,000 «

Расходъ на лекціи, коллекціи, учен. поѣздки, на библіотеку (норма 3,000 фр., въ дѣйствительности тратится 15,000 фр. въ годъ), на канцелярію и проч. расходы 31,050 «

Итого 178,050 фр.

Итакъ, содержаніе *École Normale* обходится министерству народнаго просвѣщенія въ 446,710 фр. въ годъ.

На 1882—1883 академическій годъ испрашивается увеличеніе годоваго бюджета на 20,000 фр. приблизительно, и это уже, какъ говорятъ, разрѣшено министерствомъ.

École Normale находится въ непосредственной зависимости отъ министра народнаго просвѣщенія; она раздѣляется на два отдѣленія:

словесное и естественныхъ наукъ (section des lettres et section des sciences). Интернатъ ся состоитъ изъ 120 учениковъ по 60 въ каждомъ отдѣленіи и имѣтъ цѣлью приготовленіе молодыхъ людей къ занятію мѣстъ преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, слѣдовательно, совершенно соотвѣтствуетъ по своимъ цѣлямъ нашимъ историко-филологическимъ институтамъ.

Лучшіе изъ воспитанниковъ отправляются на казенный счетъ за границу и получаютъ со временемъ профессорскія каведры.

Условія, необходимыя для поступленія въ École Normale. Поступленіе въ число воспитанниковъ училища зависитъ отъ экзамена и конкурса, такъ какъ число кандидатовъ всегда значительно превышаетъ число вакантныхъ мѣстъ. Срокъ для представленія кандидатскихъ списковъ назначается отъ 1 го января по 1 е марта.

Отъ кандидата на поступленіе въ училище требуется:

1) Метрическое свидѣтельство, доказывающее, что 1-го января того года, въ которомъ онъ является въ качествѣ конкурента, молодому человѣку не менѣе 18 лѣтъ и не болѣе 24; если же ему болѣе 20 лѣтъ, онъ долженъ, кромѣ того, еще представить свидѣтельство объ освобожденіи его отъ воинской повинности.

2) Свидѣтельство о привитіи оспы.

3) Свидѣтельство доктора о физическомъ здоровьѣ кандидата и объ отсутствіи какихъ-либо тѣлесныхъ недуговъ, препятствующихъ ему заниматься преподаваніемъ.

4) Письменное обязательство со стороны кандидата, если онъ совершеннолѣтній, посвятить себя преподаванію въ теченіи десяти лѣтъ, считая въ томъ числѣ и три года, которые онъ пробудетъ въ училищѣ; на основаніи этого обязательства, онъ освобождается отъ воинской повинности; если же онъ несовершеннолѣтній, то требуется за него обязательство со стороны отца или опекуна.

5) Указаніе на профессию отца, на мѣсто жительства кандидата, начиная съ 15-лѣтняго возраста, и наконецъ

6) Свидѣтельство объ окончаніи курса въ среднеучебномъ заведеніи и о способностяхъ къ преподавательской дѣятельности.

Списки кандидатовъ утверждаются министромъ. По исполненіи вышеприведенныхъ формальностей кандидаты допускаются ко вступительнымъ экзаменамъ.

Вступительные экзамены въ École Normale бываютъ двоякаго рода: одни письменные, для всѣхъ, занесенныхъ въ кандидатскіе списки и желающихъ поступить въ число воспитанниковъ, дру-

гіе устныя, къ которымъ допускаются только успѣшно выдержавшіе письменные экзамены. Письменные экзамены производятся по учебнымъ округамъ (académies). Каждый кандидатъ экзаменуется въ томъ округѣ, въ которомъ онъ окончилъ среднее образование; слѣдовательно эти экзамены соотвѣтствуютъ нашимъ испытаніямъ на «аттестатъ зрѣлости». Экзамены письменные состоятъ изъ 1) латинской рѣчи, написанной ученикомъ на тему, предложенную экзаменаціонною комиссіею, латинскихъ стиховъ и темы для перевода съ французскаго языка на латинскій, 2) изъ темы для перевода съ французскаго языка на греческій, 3) изъ литературной темы на французскомъ языкѣ, наконецъ 4) изъ философской темы и исторической.

Темы бывають общія для всего учебнаго округа и пишутся въ одинъ и тотъ же день въ опредѣленное количество времени.

Тѣмъ ученикамъ, которые намѣрены продолжать заниматься математикою и естественными науками, предлагается, кромѣ обязательнаго для нихъ перевода на латинскій языкъ и философской темы, еще рѣшеніе нѣсколькихъ задачъ изъ математики и физики.

Ученики, успѣшно выдержавшіе вышеупомянутые письменные экзамены, должны явиться въ École Normale къ 5-му августа для окончательныхъ устныхъ экзаменовъ, при чемъ должны представить: 1) дипломъ *bachelier ès lettres* или *ès sciences* (соотвѣтствующій нашимъ аттестатамъ зрѣлости), 2) письменное обязательство отца или опекуна кандидата, если онъ несовершеннолѣтній, возратить казнь ту сумму, которая будетъ истрачена на него въ томъ случаѣ, если онъ, по окончаніи курса, не будетъ служить въ министерствѣ въ качествѣ преподавателя въ продолженіе узаконеннаго срока (7 лѣтъ).

Устныя экзамены состоятъ (для поступающихъ въ отдѣленіе словесности) изъ перевода и объясненія латинскихъ и греческихъ авторовъ, пройденныхъ учениками въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, и кромѣ того изъ вопросовъ, касающихся французской литературы, философіи и исторіи. Они имѣють характеръ повѣрочнаго испытанія, но весьма строгаго, такъ какъ изъ всего числа кандидатовъ (въ 1880 г. ихъ было 170 чел.) принимаются только 20 лучшихъ въ каждое изъ отдѣленій École Normale (въ 1881 г. принято было въ каждое отдѣленіе по 24 человѣка).

Отъ поступающихъ въ отдѣленіе естественныхъ наукъ требуется отчетливое знаніе пройденнаго курса математики и знакомство съ аналитическою геометріею.

Такимъ образомъ, ежегодно въ *École Normale* поступаютъ 40 воспитанниковъ, списки которыхъ утверждаются министромъ. Учебный курсъ трехлѣтій; по окончаніи его, студенты готовятся къ выпускнымъ экзаменамъ (*examens de l'agrégation*), о которыхъ будетъ сказано ниже. Считаю необходимымъ обратить вниманіе на особенность устныхъ экзаменовъ. Они производятся безъ опредѣленной, заранѣ установленной, программы. Предполагаютъ, что молодые люди, кончившіе курсъ средне-учебныхъ заведеній, обладаютъ основательнымъ знаніемъ классическихъ литературъ (древнихъ и отечественной), главныхъ философскихъ системъ, а также древней и новой исторіи; поэтому считаютъ возможнымъ не ограничиваться извѣстными, строго опредѣленными рамками, а стараются главнымъ образомъ узнать степень развитія ученика, умѣніе его пользоваться научнымъ матеріаломъ, находящимся въ его распоряженіи. Выходя изъ этой точки зрѣнія, экзамены, конечно, должны терять характеръ формализма, случайности, которымъ они къ несчастію слишкомъ часто отличаются у насъ, и который лишаетъ ихъ значенія дѣйствительнаго мѣрила знанія. Ученики, являющіеся къ экзаменамъ, должны основательно знать весь курсъ того или другаго предмета, во всемъ его объемѣ, а профессора не стѣсняются тою или другою обязательно налагаемою на нихъ программю, не останавливаются на мелочахъ, а судятъ объ общемъ развитіи ученика, о степени его дѣйствительной зрѣлости, о возможности и пользѣ для него продолженія занятій въ высшемъ учебномъ заведеніи и, наконецъ о его способности къ будущей преподавательской дѣятельности.

Полный курсъ *École normale* трехлѣтній, но, какъ мнѣ говорилъ почтенный директоръ этого заведенія г. Fustel de Coulanges, желательно было бы продлить его еще на одинъ годъ.

Поступающіе должны быть всѣ французскіе подданные, исключенія бывають очень рѣдкія; лица другой національности и подданства должны содержать себя на свой счетъ.

Интернатъ въ *École Normale* и особенности его устройства. Вся инспекція поручена одному инспектору и двумъ его помощникамъ, бывшимъ воспитанникамъ училища, слѣдовательно вполне сохранившимъ нравственную съ ними связь. Понятно, что отъ этого и взаимныя отношенія ихъ съ нынѣшними воспитанниками еще болѣе крѣпнутъ. Вообще правила интерната весьма гуманны и требованія относительно дисциплины умѣренны. Воспитанникамъ дается сравнительно большая свобода; стараются образовать изъ нихъ само-

стоятельныхъ труженниковъ-педагоговъ, работающихъ по собственной инициативѣ, по собственному влеченію къ научному труду, къ той или другой спеціальности. Между студентами и ближайшимъ ихъ начальствомъ (директоромъ, профессорами) устанавливаются свободныя, довѣрчивыя отношенія; воспитанники не чувствуютъ надъ собой никакого нравственнаго давленія; на нихъ смотрятъ какъ на молодыхъ людей, посвятившихъ себя научнымъ занятіямъ, а не какъ на школьниковъ, занимающихся по принужденію; принципъ самостоятельнаго труда, которому они себя посвящаютъ добровольно, по собственному влеченію, выдвигается на первый планъ. Самый характеръ и особенность экзаменовъ много способствуютъ развитію въ нихъ стремленія къ самостоятельному научному труду.

Я особенно настаиваю на этомъ характерѣ занятій, на этомъ духѣ, господствующемъ во всемъ заведеніи, потому что онъ очень важенъ для будущихъ педагоговъ-преподавателей. Прошедши черезъ такую школу, они будутъ сами въ свою очередь проводить этотъ принципъ въ своей педагогической дѣятельности. Они будутъ настоящими педагогами по призванію, дорожащими тою дѣятельностію, которой они себя посвятили, и не будутъ выходить изъ заведенія педагогами по принужденію, безъ признанія, по роковой, неблагоприятно сложившейся необходимости, просто по недостатку въ насущномъ пропитаніи, какъ это, къ несчастію, слишкомъ часто случается у насъ съ семинаристами, окончившими курсъ въ историко-филологическихъ институтахъ. Вообще духъ, господствующій среди студентовъ *École Normale*, по заявленію всѣхъ преподавателей, превосходный.

Правила, обязательныя для воспитанниковъ института, слѣдующія: встаютъ студенты лѣтомъ въ 5 часовъ утра, зимою въ 6, ложатся въ 10 часовъ. Утренній завтракъ въ 7¹/₂, обѣдъ въ 12, ужинъ въ 8 часовъ. По четвергамъ студенты отпускаются изъ училища отъ 12 часовъ до 10 часовъ вечера; по воскресеньямъ отъ 8 часовъ утра до 10 часовъ вечера зимою и до 10¹/₂ лѣтомъ. Студенты имѣютъ право выходить изъ училища и въ будни, въ случаѣ серьезной надобности. Праздниковъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ, всего на Рождество 1 день, въ Новый годъ 1, на Пасху 10 дней и въ Пятидесятницу 3 дня. Ваканціи начинаются 1-го августа и кончаются 2-го ноября.

Помѣщеніе интерната слѣдующее: каждый студентъ занимаетъ отдѣльную комнату-спальню, выходящую въ общій корридоръ, — дверей въ этихъ комнатахъ нѣтъ. Для дневныхъ занятій имѣются особыя залы. На первомъ курсѣ студенты распределяются для занятій по

группамъ отъ 10 до 12 человекъ въ двухъ большихъ залахъ. На второмъ курсѣ группы по 4 человека распределяются въ 5 комнатахъ. На 3 курсѣ молодые люди обыкновенно работаютъ по двое въ отдельной комнатѣ.

Библиотека содержитъ около 50,000 томовъ и открыта для всѣхъ студентовъ обоихъ отдѣленій ежедневно отъ 1¹/₂ до 4¹/₂ часовъ. Студенты также работаютъ въ библиотекѣ и могутъ брать книги къ себѣ въ учебныя комнаты. Перерывы между занятіями бываютъ слѣдующіе: 1-й отъ 7¹/₂ утра до 8 ч., 2-й отъ 12¹/₂—1¹/₂, 3-й отъ 4¹/₂—5, 4-й отъ 8—9 часовъ вечера.

Учебная часть въ *École Normale*. Я подробно изучалъ способъ преподаванія на отдѣленіи словесности (*section des lettres*), такъ какъ оно соответствуетъ нашимъ историко-филологическимъ институтамъ.

Характеръ преподаванія въ *École Normale* мѣняется въ продолженіи трехлѣтняго курса.

На первомъ курсѣ студенты готовятся къ такъ называемому «*examen de licence*», который производится въ Сорбоннѣ въ концѣ іюля. Существуютъ три срока для этого экзамена: конецъ іюля, конецъ октября и апрѣль мѣсяць; кто не выдержалъ экзамена и въ третій разъ, въ апрѣлѣ, исключается изъ училища. На этомъ экзаменѣ студенты *École Normale* являются конкуррентами съ воспитанниками разныхъ другихъ заведеній. Экзаменъ производится по программѣ, которая видоизмѣняется каждые три года.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Профессоры *École Normale* на первомъ курсѣ нисколько не имѣютъ въ виду программы, по крайней мѣрѣ далеко не выполняютъ ее въ цѣлости. Въ программѣ, напримѣръ, значатся многіе авторы латинскіе и греческіе, знаніе которыхъ обязательно на экзаменѣ. Профессоръ выбираетъ изъ нихъ одного или двухъ и разбираетъ ихъ чрезвычайно подробно, со стороны литературной, философской, исторической и грамматической, а затѣмъ, показавъ студентамъ тотъ методъ, которому они должны слѣдовать, предоставляетъ имъ самимъ такимъ же образомъ разобрать остальныхъ, обозначенныхъ въ программѣ, авторовъ. Такимъ образомъ занятія на первомъ курсѣ служатъ пособіемъ, руководствомъ для студентовъ, готовящихся къ экзамену; но вмѣстѣ съ тѣмъ, заставляютъ ихъ самостоятельно работать, самостоятельно приходить къ научнымъ выводамъ.

Кромѣ того они упражняются въ латинскихъ и греческихъ стихахъ, такъ какъ на экзаменѣ отъ нихъ требуются сочиненія на заданныя темы, писанныя на одномъ изъ древнихъ языковъ. Они также постепенно приучаются къ преподаванію, поочередно читаютъ пробныя лекціи на тему, ими выбранную или предложенную профессоромъ. По окончаніи лекціи, профессоръ дѣлаетъ свои замѣчанія или предоставляетъ это дѣлать присутствующимъ студентамъ.

Характеръ занятій на второмъ курсѣ преимущественно историческій. Проходится исторія философіи, исторія древнихъ и новыхъ литературъ. Опять-таки разсматривается профессоромъ подробно только извѣстный періодъ изъ исторіи философіи или исторіи литературы; профессоръ старается представить студентамъ научный методъ, котораго они должны держаться въ своихъ самостоятельныхъ занятіяхъ. Работы, представляемыя студентами на второмъ курсѣ, менѣе многочисленны, но болѣе спеціальны по содержанию.

Каждый студентъ обязанъ представить въ продолженіе втораго года 5 сочиненій (по французской литературѣ, по латинской словесности, греческой словесности, по всеобщей исторіи и по исторіи философіи), причемъ онъ долженъ черпать матеріалъ изъ источниковъ первой руки, изъ подлинныхъ документовъ, оставляя въ сторонѣ всякія пособія и руководства. Такимъ образомъ составляются довольно объемистыя и научно обработанныя сочиненія, по которымъ можно легко судить о способностяхъ и призваніи студента къ той или другой спеціальности. Часто случается, что темы, избранныя студентами для этихъ курсовыхъ сочиненій и подробнѣе разработанныя, служатъ для нихъ впоследствии предметомъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций.

По окончаніи втораго курса, нѣтъ собственно экзаменовъ: студенты переводятся на третій курсъ на основаніи курсовыхъ сочиненій, о которыхъ только что было упомянуто. На первыхъ двухъ курсахъ лекціи бывають общія для всѣхъ студентовъ; съ третьяго курса начинается спеціализація; каждый выбираетъ себѣ одну изъ 4-хъ слѣдующихъ спеціальностей: словесность (*lettres*), филологію (*grammaire*), философію или исторію, такъ какъ выпускные экзамены даютъ 4 ученые степени: *agrégé des lettres, de grammaire, d'histoire et de philosophie*.

На третьемъ курсѣ студенты занимаются исключительно предметами своей спеціальности, причемъ профессеры не читаютъ вовсе лекцій, а каждый студентъ по очереди читаетъ пробную лекцію въ продолженіи 40 минутъ, на тему большею частію взятую изъ про-

граммы выпускныхъ экзаменовъ; по окончаніи его лекціи профессоръ дѣлаетъ на нее свои замѣчанія.

Я ниже скажу нѣсколько словъ о тѣхъ лекціяхъ, на которыхъ привелось мнѣ присутствовать.

Кромѣ лекцій въ *École Normale*, студенты 3-го курса посѣщаютъ еще лекціи, относящіяся къ ихъ специальностямъ, читаемыя въ Сорбоннѣ, *École des hautes études*, и въ *Collège de France*,—учрежденія, гдѣ читаются публичныя лекціи большею частію профессорами Сорбонны.

Послѣ Пасхи студенты 3-го курса впродолженіи только 15 дней упражняются въ лицахъ (нашихъ гимназіяхъ) въ пробныхъ лекціяхъ ученикамъ.

Распредѣленіе учебнаго плана. Привожу слѣдующее распредѣленіе учебнаго плана въ *École Normale* на 1881—1882 академическій годъ (*Tableau des conférences de l'École*):

На первомъ курсѣ:

- 3 лекціи французской литературы,
- 3 » латинской словесности,
- 3 » греческой словесности,
- 2 » древней исторіи,
- 2 » философіи.

13 лекцій въ недѣлю.

На второмъ курсѣ:

- 2 лекціи исторіи французской литературы,
- 2 » латинской »
- 2 » греческой »
- 2 » средней и новой исторіи,
- 2 » исторіи и философіи.

10 лекцій въ недѣлю.

На третьемъ курсѣ:

Спеціальность словесности: по 1 лекціи латинской, греческой и французской словесности; всего 3 лекціи въ недѣлю.

Спеціальность философіи: всего 2 лекціи въ недѣлю.

Спеціальность исторіи: древняя, средняя и новая исторія и географія (спеціальный курсъ), всего 4 лекціи въ недѣлю.

Спеціальность филологіи: 3 лекціи въ недѣлю; кафедры сравнительнаго языкознанія нѣтъ.

Кромѣ того, какъ было уже упомянуто выше, всѣ студенты 3-го курса посѣщаютъ по нѣсколько лекцій въ недѣлю изъ различныхъ

предметовъ своихъ специальностей въ Сорбоннѣ, въ *École des hautes études* и въ *Collège de France*.

Выпускные экзамены носятъ названіе *examens d'agrégé*, на основаніи ихъ предоставляются права преподавателей въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и доцентовъ при университетахъ. Они, по отзыву всѣхъ профессоровъ, чрезвычайно трудны и, сколько я могъ себѣ объяснить, составляютъ нѣчто среднее между нашими кандидатскими и магистерскими экзаменами. Тутъ студенты *École Normale* опять встрѣчаются со студентами другихъ заведеній; многіе преподаватели, имѣющіе только степень *licencié*, о которой было говорено выше, также являются въ качествѣ соискателей этой ученой степени. Конкурсъ бываетъ всегда значительный, такъ какъ министерство ежегодно объявляетъ весьма небольшое число «*agrégations*» по каждой специальности, соображаясь съ количествомъ вакантныхъ мѣстъ по тому или другому предмету въ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ различныхъ учебныхъ округахъ.

Экзамены, напримѣръ, на степень *agrégé d'histoire* состоятъ сперва изъ письменныхъ сочиненій на темы, предложенныя экзаменационною комиссіею при Сорбоннѣ. Темъ бываетъ 3: по древней, средней и новой исторіи; за симъ авторы только лучшихъ сочиненій допускаются къ весьма строгому устному экзамену: изъ курса всеобщей исторіи, классическихъ древностей и эпиграфики.

Получившіе степень *agrégé* имѣютъ право на занятіе мѣста преподавателя въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, и обыкновенно они получаютъ мѣста въ департаментахъ, а прослуживъ извѣстное число лѣтъ въ провинціи, могутъ рассчитывать на полученіе мѣста въ Парижѣ. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ ученые командировки въ Германію и Англію, для усовершенствованія въ своихъ специальностяхъ; другіе поступаютъ въ археологическія училища въ Римѣ и въ Афинахъ, содержимыя французскимъ правительствомъ.

По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, они готовятся къ докторской диссертации, предоставляющей имъ кафедру въ факультетахъ.

Особенность метода преподаванія, господствующаго въ *École Normale*. Мы встрѣчаемъ двѣ особенности во внутреннемъ устройствѣ и организаци *École Normale*, на которыя я особенно назираю.

Это, вопервыхъ, принципъ самостоятельнаго труда, который долженъ всегда лежать въ основѣ занятій студентовъ и имѣть громадное значеніе для ихъ будущей педагогической дѣятельности и, восторыхъ,

нигдѣ, ни на одномъ экзаменѣ, профессора *École Normale* не являются въ качествѣ экзаменаторовъ своихъ слушателей; они только читаютъ курсы, направляютъ, руководятъ студентами въ ихъ научныхъ занятіяхъ, но не рѣшаютъ ихъ дальнѣйшую судьбу на экзаменахъ.

Это особое, сравнительно съ нашимъ, положеніе студентовъ по отношенію къ профессорамъ, несомнѣнно выработало и особенныя къ нимъ отношенія, которыя были бы весьма желательны и у насъ, въ нашихъ историко-филологическихъ институтахъ.

Мнѣ привелось присутствовать при слѣдующихъ занятіяхъ въ *École Normale*: на историческомъ отдѣленіи 3-го курса (выпускного), у профессора *Monod*, редактора *Revue Historique*, 5 слушателей: читалась однимъ студентомъ лекція: «О положеніи Европы послѣ Вестфальскаго мира».

Лекція эта изобиловала фактическими данными, хорошо сгруппированными, но страдала по мѣстамъ отсутствіемъ внутренней связи между событіями. Лекторъ не обращалъ достаточно вниманія на внутреннее значеніе фактовъ; кромѣ того замѣтна была нѣкоторая неясность въ изложеніи, происходившая главнымъ образомъ отъ излишняго количества данныхъ.

По окончаніи лекціи, продолжавшейся 40 минутъ, профессоръ дѣлалъ свои замѣчанія на нее, указывалъ на ея хорошія и слабыя стороны. Иногда предоставляется дѣлать этотъ критическій разборъ одному изъ присутствующихъ студентовъ. Кромѣ этой лекціи, я еще присутствовалъ на слѣдующихъ занятіяхъ профессора *Monod*, носившихъ тотъ же характеръ преподаванія.

При мнѣ студентами читались пробныя лекціи: 1) замѣчанія относительно XIX главы *Montesquieu* «*Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*» и во 2-хъ «Состояніе Европы и взаимное отношеніе державъ въ 1815 году».

У профессора *Desjardins*, я присутствовалъ на слѣдующихъ занятіяхъ: во 1-хъ) на первомъ курсѣ (24 слушателя) однимъ изъ студентовъ читалась пробная лекція «объ исторіи еврейской колоніи въ I стол. до Р. Х.» предметъ лекціи былъ выбранъ студентомъ еврейскаго происхожденія; лекція скорѣе блестящая, чѣмъ дѣльная, обнаруживала довольно большую начитанность въ студентѣ. Во 2-хъ) на 3-мъ курсѣ у специалистовъ-историковъ разбиралась профессоромъ выписанная имъ на доскѣ надпись IV столѣтія по Р. Х., примѣрно относящаяся къ 327—337 годамъ, помѣщенная во 2-мъ томѣ «*Monumenta archaeologica*» *Mommsen*'а и указывающая на судебныя, админи-

стративныя и финансовыя должности во времена имперіи. Критическій разборъ этой написи производился студентами подъ руководствомъ профессора. Въ 3-хъ) на 1-мъ курсѣ читалась однимъ изъ специалистовъ-историковъ 3-го курса пробная лекція объ «Августѣ и его административной реформѣ». Лекція была прекрасно составлена, изобиловала фактическими данными, хорошо освѣщенными, представляя весьма удовлетворительную оцѣнку историческихъ фактовъ и ихъ внутренняго значенія, и развѣ страдала только нѣкоторымъ пристрастіемъ къ личности самого Августа и къ его административной системѣ.

II. École pratique des hautes études, при Сорбоннѣ.

Эта школа, какъ обозначаетъ и самое ея названіе, имѣетъ цѣлью дать высшее образованіе, выработать въ слушателяхъ научные приемы, необходимые имъ для ихъ будущей преподавательской дѣятельности. Она раздѣляется на два отдѣленія: словесныхъ наукъ и естественныхъ. Я исключительно осматривалъ отдѣленіе словесныхъ наукъ (section d'histoire et de philologie).

Курсъ на обоихъ отдѣленіяхъ трехлѣтній, но студентъ можетъ пробыть и дольше. Училище это состоитъ исключительно изъ экстерновъ, интерната нѣтъ; слушателями бывають большею частью студенты École Normale и École des chartes; бываетъ много и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній на отдѣльныхъ лекціяхъ.

Чтобы стать слушателемъ, надо имѣть степень licencié; экзаменовъ ни переходныхъ, ни выпускныхъ нѣтъ.

Характеръ занятій въ École pratique des hautes études. Въ продолженіи всего трехлѣтняго курса, студенты представляютъ сочиненія на темы, задаваемые профессорами изъ читаемыхъ ими курсовъ, и если они оказываются удовлетворительными, слушатель перваго курса записывается въ число студентовъ, и по окончаніи перваго года, переходитъ на второй курсъ и т. д. Въ противномъ случаѣ онъ увольняется. Ученіе бесплатное, какъ и вообще все высшее образованіе во Франціи. По окончаніи курса студенту выдается свидѣтельство о посѣщеніи лекцій въ продолженіи трехъ лѣтъ.

Характеръ занятій въ École des hautes études соответствуетъ нѣсколько занятіямъ въ такъ-называемыхъ «семинаріяхъ», существующихъ при нѣмецкихъ университетахъ, о которыхъ я буду говорить, по поводу исторической семинаріи профессора Нордена въ Лейпцигѣ на занятіяхъ коей я присутствовалъ.

Бюджетъ *École des hautes études*, утвержденный министерствомъ на 1881—1882 академическій годъ, слѣдующій (онъ былъ мнѣ сообщенъ директоромъ училища г. Léon Renier):

На отопленіе и освѣщеніе	2,000	фр.
Покупка книгъ и абонементъ на періодическія изданія.	2,000	»
Содержаніе профессоровъ	69,900	»
Въ эту сумму входятъ удерживаемые 5% съ годового содержанія, поступающіе въ особую эмеритальную кассу.		
Содержаніе репетиторовъ и секретаря въ годъ безъ вычета 5%	6,400	»
Издержки по изданію работъ студентовъ	8,000	»

Итого содержаніе отдѣленія словесности въ годъ . 88,300 фр.

Профессоры большею частью тѣ же, что и въ *École Normale*. При училищѣ находится богатая библіотека, въ залахъ которой происходятъ лекціи.

Позволю себѣ представить краткій отчетъ о тѣхъ лекціяхъ, на которыхъ я присутствовалъ.

1) Лекція извѣстнаго ученаго г. Gaston Paris о библіографіи для исторіи французской литературы X, XI и XII столѣтій.

Слушателей было 26 человѣкъ. Лекція, нося характеръ чисто спеціальнаго, была въ высшей степени содержательна. Профессоръ сумѣлъ оживить свой матеріалъ, возбудить интересъ слушателей къ первоначальнымъ источникамъ древней французской литературы.

Часть лекціи посвящена была критическому объясненію первоначальныхъ легендъ, лежащихъ въ основѣ такъ-называемыхъ «евангелическихъ исторій».

2) Латинская эпиграфика у профессора Desjardins; 8 слушателей; одинъ изъ нихъ, спеціалистъ-историкъ 3 курса *École Normale*, прекрасно разобралъ критически выписанную имъ заранее латинскую надпись III столѣтія нашей эры, содержащую указаніе разныхъ денежныхъ единицъ, въ которыхъ взимались пошлины на границахъ Римской имперіи. По окончаніи этого разбора профессоръ дѣлалъ свои замѣчанія.

3) На занятіяхъ по средневѣковой исторіи у профессора Monod 11 слушателей; происходила поправка профессоромъ сочиненія, представленнаго ему однимъ изъ нихъ.

Тема сочиненія: «О престолонаслѣдствіи во времена Меровинговъ и о взаимныхъ отношеніяхъ папской власти и королевской въ эту эпоху».

Остальная часть лекціи посвящена была критическому чтенію студентами, подъ руководствомъ профессора, средневѣковыхъ анналь Пертца: Monumenta Germaniae historica, Annales Vedastini 898-й, 899-й и 900 годы, сравненіе этихъ мѣстъ съ другими источниками. Переводъ дѣлался устно студентомъ, профессоръ поправлялъ его и дополнялъ комментаріями.

4) Лекція профессора Weil, 11 слушателей, по исторіи греческой литературы. Предметъ лекціи: характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ Еврипида.

Профессоръ представилъ весьма обстоятельный разборъ характера главныхъ дѣйствующихъ лицъ трагедіи великаго писателя, обращалъ главное вниманіе на ихъ реальный, психологическій образъ, на постепенное развитіе въ нихъ страсти, анализъ которой впервые у Еврипида носить характеръ патологическій. Въ мастерскомъ, живомъ, въ высшей степени интересномъ изложеніи, представилъ онъ контрастъ двоякаго рода любви, изображаемой въ трагедіяхъ Еврипида: любви цѣломудренной, идеальной, доходящей до самопожертвованія, и любви преступной, позорной, ужасающей по своимъ отвратительнымъ деталямъ.

Въ концѣ лекціи онъ изложилъ гипотезу, для объясненія главной мысли, лежащей въ основѣ «Вакханокъ», Еврипида, что всѣ новыя идеи суть ложь, а правда лежитъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ народа; Еврипидъ сообразовался тутъ съ требованіями македонскаго двора въ Пеллахъ, гдѣ впервые была представлена трагедія.

III. Евангелическая Богословско-Филологическая Семинарія въ Тюбингентѣ.

Бюджетъ и всѣ свѣдѣнія объ этой семинаріи были любезно сообщены мнѣ директоромъ (Erphorus) ея, профессоромъ богословія Buder.

Бюджетъ Евангелической Семинаріи (Höheres Seminar) на 1881—1882 академическій годъ:

I. Содержаніе служащихъ при семинаріи.

Управляющему хозяйственною частью въ годъ 1,800 мар.
(Отъ католической семинаріи онъ получаетъ 1,000 мар.,
итого 2,800 марокъ).

Erphorus, директоръ евангелической семинаріи, въ годъ
при квартирѣ 1,200 «
(Получаетъ изъ университета, какъ профессоръ богословія, 4,400 мар. содержанія и до 3,000 мар. за лекціи).

10-ти репетентамъ (репетиторы, дежурные инспекторы) по 920 мар. при квартирѣ	9,200	мар.
2 репетиторамъ при богословскомъ институтѣ по 129 мар.	258	«
2 помощникамъ директора по 300 мар. безъ квартиры	600	«
Учителю музыки за обученіе игръ на органѣ и генерал- бассу	386	«
(Получаетъ, какъ учитель при университетѣ, 3,600 мар. въ годъ).		
Доктору при семинаріи	600	«
Ассистенту его, при квартирѣ и содержаніи	400	«
Эконому	950	«
Канторщику и привратнику по 950 мар., всего	1,900	«
Служителю инспекторовъ (репетентовъ)	680	«
3-мъ служителямъ по 680 мар., всего	2,040	«
9-ти служителямъ семинаристовъ по 460 марокъ, всего.	4,140	«
Служителю учителя музыки	150	«
Наградныя на новый годъ	400	«
	<hr/>	
Итого	24,704	марки

II. Содержаніе хозяйства.

На письменныя принадлежности управляющему хозяй- ственной частью	361	мар.
На письменныя принадлежности семинаріи въ годъ	250	«
На музыкальныя принадлежности	689	«
На библіотеку	1,206	«
$\frac{0}{0}$ съ 2-хъ пожертвованныхъ на библіотеку капиталовъ	500	«
Наградныя 4-мъ лучшимъ семинаристамъ, кончившимъ курсъ	240	«
На вино и пиво, считая каждому семинаристу въ годъ 103 марки 20 ф., всего около	18,988	«
Содержаніе cadaго семинариста въ день обходится: на ѣду 1 марка—на всѣхъ въ годъ 59,672 марки. Сюда причисляются 400 м. на столовое бѣлье въ годъ, на лѣкарство 600 м.; на освѣщеніе, отопленіе, на воду, проведенную въ семинарію 9,155 м. и на разные рас- ходы 61 м., всего	69,888	«
На стипендіи окончившимъ курсъ семинаристамъ до по- лученія мѣста	1,543	«
На путешествія съ ученою цѣлью и на пробытіе 5-го года въ семинаріи 10 челов. въ годъ	6,858	«

Путевыя издержки для семинаристовъ, отправляющихся на мѣста назначенія	5,500 мар.
6 человѣкамъ на отбываніе воинской повинности по окон- чаніи курса	2,475 «
Итого до 133,202 мар.	

Собственный доходъ семинаріи состоитъ изъ 950 марокъ (‰ съ капитала и другіе хозяйственные доходы). Правительство доплачиваетъ ежегодно на Евангелическую Семинарію около 132,252 марокъ и столько же на католическую, всего 264,504 марки.

Устройство и помѣщеніе интерната. Помѣщается Евангелическая Семинарія въ довольно неудобномъ зданіи, такъ какъ пришлось воспользоваться стариннымъ Августинскимъ монастыремъ. Среди зданія находится узкій дворъ, въ которомъ недостаточно ни воздуха, ни свѣта. Комнаты всѣ низкія и маленькія. Въ нижнемъ этажѣ общая столовая на 200 человѣкъ, гдѣ собираются два раза въ день, въ 12 часовъ на обѣдъ и въ 7 часовъ вечера на ужинъ.

Кухня довольно темная, не отличается особенною чистотою, небольшая. Кромѣ того въ нижнемъ этажѣ помѣщаются еще погребъ, подвалъ и разныя хозяйственныя службы. Сада, даже маленькаго, при семинаріи нѣтъ. Въ 3-мъ этажѣ находится громадная библіотека; она состоитъ изъ нѣсколькихъ этажей, соединенныхъ лѣстницами, и помѣщается подъ сводами. Начало ея относится къ половинѣ XVI столѣтія: въ ней до 200,000 томовъ преимущественно богословскихъ, но также есть отдѣлъ философскихъ, филологическихъ и математическихъ книгъ.

Кромѣ того въ 3-мъ этажѣ находится еще 22 рабочихъ комнаты, гдѣ студенты занимаются по 6 и 7 человѣкъ. Тутъ же находятся 3 комнаты для дежурныхъ репетентовъ. Каждый студентъ имѣетъ свой особый письменный столъ, со всѣми принадлежностями; во 2-мъ и 3-мъ этажахъ находятся спальни, довольно небольшія и низкія, въ которыхъ студенты спятъ отъ 2-хъ до 8-ми человѣкъ въ каждой.

Обязанности инспекціи. Правила для «инспекціи» Евангелической Семинаріи составлены на основаніи циркуляра Виртембергскаго министерства народнаго просвѣщенія отъ 24-го апрѣля 1853 года.

«Инспекція состоитъ изъ директора семинаріи, который сохранилъ за собой классическое названіе «*erhogus*», и двухъ его помощниковъ-профессоровъ, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ богословскимъ отдѣленіемъ, а другой—философскимъ. *Erhogus* отвѣчаетъ за порядокъ

и дисциплину. Члены инспекціи составляютъ родъ совѣта, въ которомъ обсуждаются всѣ текущіе дѣла, ведется протоколъ засѣданій и гдѣ предсѣдательствуетъ старшій изъ членовъ.

Такъ называемые репетенты, о которыхъ будетъ говорено ниже, — репетиторы, дежурные инспекторы, — находятся подъ наблюдениемъ erhogus'a и его помощниковъ. Послѣдніе опредѣляютъ порядокъ репетицій на основаніи учебнаго плана и распредѣляютъ ихъ между репетентами.

Репетенты разъ въ недѣлю докладываютъ инспекціи о состояніи семинаріи.

Erhogus, сообщая съ репетентами, ежемѣсячно разсматриваетъ отмѣтки объ успѣхахъ и поведеніи каждаго семинариста и докладываетъ объ этомъ членамъ инспекціи.

При поступленіи въ семинарію, старшій изъ членовъ инспекціи обращается ко вновь поступившимъ съ рѣчью и принимаетъ отъ нихъ нравственное обязательство, посредствомъ пожатія руки, подчиняться правиламъ семинаріи.

Инспекція утверждаетъ учебный планъ въ началѣ каждаго семестра, а также и темы, предлагаемыя семинаристамъ въ продолженіи семестра.

Члены «инспекціи» и особенно «Erhogus» обязаны часто посѣщать семинаристовъ во время учебныхъ занятій, а также въ рекреационное время и слѣдить за строгимъ выполнениемъ репетентами своихъ обязанностей.

Дисциплинарныя наказанія, налагаемыя членами инспекціи на провинившихся семинаристовъ, слѣдующія: отмѣтка о дурномъ поведеніи, удержаніе винной порціи, выговоръ и увѣщанія одиночныя и публичныя, домашній арестъ отъ 2-хъ до 4-хъ дней, карцеръ и спеціальное наблюденіе за провинившимся.

Erhogus завѣдуетъ семинарскою библіотекою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоитъ членомъ экономическаго совѣта семинаріи, который озабоченъ продовольствіемъ семинаристовъ и матеріальными ихъ нуждами.

Обязанности репетентовъ. Репетенты, о которыхъ было упомянуто выше, занимаютъ мѣсто руководителей семинаристовъ на пути ихъ богословскаго и нравственнаго развитія. Они должны относиться къ семинаристамъ, какъ старшіе братья, въ нихъ должны видѣть постоянную готовность облегчать и разъяснять имъ встрѣчающіяся затрудненія въ курсѣ.

Я не буду упоминать здѣсь о разнообразной дѣятельности репетентовъ какъ богословскихъ руководителей студентовъ, такъ какъ этого рода дѣятельность носить, конечно, чисто спеціальный характеръ и не имѣетъ, разумѣется, никакого примѣненія къ нашимъ русскимъ историко-филологическимъ институтамъ.

Учебныя комнаты, служащія для занятій семинаристовъ, распределены между всѣми репетентами, такъ что каждый имѣетъ наблюдение за одной изъ этихъ комнатъ въ теченіи недѣли, при чемъ они руководятъ занятіями студентовъ и слѣдятъ за соблюденіемъ порядка и тишины. На ихъ обязанности лежитъ также частная бесѣда съ каждымъ отдѣльнымъ семинаристомъ ввѣреннаго имъ отдѣленія, для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ его нравственномъ и умственномъ развитіи.

Они также обязаны присутствовать въ столовой во время обѣда семинаристовъ и во время рекреаций. Репетенты ежемѣсячно имѣютъ свой совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ергогуса, на которомъ обсуждаютъ всѣ текущія дѣла, касающіяся ихъ прямыхъ обязанностей. По окончаніи cadaго семестра, репетенты производятъ экзамены письменные и устные по заранѣ утвержденной инспекціею программѣ, и выдаютъ каждому семинаристу листъ съ обозначеніемъ его успѣховъ и поведенія во время семестра, а инспекціи обязаны они представить отчетъ о состояніи ввѣреннаго имъ отдѣленія.

Дисциплинарныя взысканія налагаются репетентами только въ случаяхъ, требующихъ немедленнаго наказанія семинариста, но не безъ вѣдома ергогуса, безъ утвержденія котораго они не могутъ быть налагаемы. Репетенты, при поступленіи, нравственно обязуются, пожатіемъ руки старшаго члена инспекціи, въ строгомъ соблюденіи выше приведенныхъ правилъ.

Правила для семинаристовъ богослововъ. Всѣхъ студентовъ въ интернатѣ 181, изъ нихъ богослововъ 153.

Каждый семинаристъ обязанъ въ своихъ занятіяхъ держаться опредѣленнаго плана, утвержденнаго инспекціею и репетентомъ, въ отдѣленіи котораго онъ находится. Онъ обязанъ посѣщать лекціи, готовиться къ репетиціямъ подъ руководствомъ репетентовъ и представлять письменныя работы въ опредѣленные сроки.

По окончаніи cadaго семестра, семинаристъ подвергается письменному экзамену, по окончаніи cadaго года—устному.

По окончаніи курса семинаристы-богословы подвергаются экзамену на степень кандидата богословія; не выдержавшіе этого экзамена

должны продолжать учение въ семинаріи на свой счетъ и подвергнуться вновь испытанію по прошествіи года; при вторичной неудачѣ, они исключаются изъ семинаріи.

Семинаристы-богословы могутъ быть членами разныхъ корпорацій Тюбингенскаго университета только съ разрѣшенія отца или опекуна, и лишь въ такомъ случаѣ, если правила корпорацій не противорѣчатъ установленной семинарской дисциплинѣ, при чемъ воспрещается носить отличительные знаки корпорацій въ церкви и въ присутствіи начальства семинаріи.

Семинаристы встаютъ зимою въ 6 $\frac{1}{2}$ часовъ (съ 16-го ноября по 15-е февраля въ 7 часовъ), лѣтомъ въ 6 часовъ. Для занятій они расходятся по комнатамъ по 6 и 7 человекъ; въ каждой есть свой старшій (senior) студентъ, отвѣчающій за порядокъ и тишину. Куреніе табаку въ корридорахъ, спальняхъ, столовой и аудиторіяхъ воспрещается.

Обѣдъ подается въ 12 часовъ, ужинъ зимою въ 7 $\frac{1}{2}$, а лѣтомъ въ 7 часовъ. Утро до обѣда посвящается занятіямъ; послѣ обѣда 2 часа на рекреацію. Въ 10 часовъ семинаристы обязаны быть дома. Принимаются въ семинарію только Виртембергскіе подданные.

Правила для семинаристовъ филологовъ и математиковъ. Семинаристовъ-филологовъ 24, математиковъ 3. Послѣ перваго учебнаго года въ семинаріи, студенты, желающіе со временемъ выдержать экзаменъ на степень «кандидата философскихъ наукъ», должны въ продолженіи не менѣе 3-хъ семестровъ, кромѣ посѣщенія лекцій въ своемъ заведеніи, заниматься еще въ филологической семинаріи, учрежденной при Тюбингенскомъ университетѣ.

Семинаристы филологи и математики обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ, обязательнымъ для богослововъ.

Распредѣленіе занятій и учебнаго плана. Курсъ семинаріи четырехлѣтній. Число лекцій распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ I-мъ семестрѣ не менѣе 5 лекцій, съ II-го до VI-го семестра по 4 лекціи въ недѣлю, а въ VII и VIII-мъ по 3. Для занимающихся философіею обязательны: логика, исторія древней и новой философій, психологія, метафизика, практическая философія и философія христіанскихъ ученій.

Семинаристы филологіи, кончившіе курсъ и желающіе получить мѣсто преподавателя, подвергаются экзаменамъ на равнѣ со студентами филологической семинаріи.

Экзамены для кандидатов на мѣста преподавателей. Выпускные экзамены изъ классическаго отдѣленія евангелической семинаріи бывають двоякіе: первый, такъ называемый *Präceptoratsprüfung*, предоставляетъ имъ мѣста учителей въ низшихъ классахъ гимназій (*Lateinschulen*), второй, *Professoratsprüfung* — въ старшихъ классахъ.

Оба экзамена производятся осенью въ Штутгартѣ особо назначенной комиссіею.

Предметы, обязательные для перваго экзамена, слѣдующіе: классическая филологія, нѣмецкій языкъ, ариѳметика, французскій языкъ, исторія, географія и законъ Божій для не богослововъ.

Экзамены изъ классической филологіи состоятъ изъ 1) письменнаго перевода съ нѣмецкаго на латинскій или греческій, при чемъ требуется знаніе грамматики и правилъ стилистики; 2) изъ устнаго перевода и интерпретаціи одного изъ слѣдующихъ авторовъ: Цезаря, Саллюстія, Ливія (I—IV или XXI—XXX книги), Цицерона (рѣчи за Милона, Росціа Америна противъ Катилины), Овидія (Метаморфозы), Виргилія (Энеиды I—IV книги), Ксенофонта (Меморабиліи, *Hellenica* и *Anabasis*), Гомера (Одиссея).

Кромѣ того, каждый кандидатъ обязанъ прочитатъ пробную лекцію изъ одного изъ предметовъ преподаванія передъ выборною комиссіею.

Обязательные предметы для втораго экзамена (*Professoratsprüfung*) слѣдующіе: классическая филологія, исторія, нѣмецкій языкъ и литература.

На этихъ экзаменахъ требуется также письменный переводъ съ нѣмецкаго на латинскій или греческій, но на болѣе трудной темы, а также устный переводъ и интерпретація слѣдующихъ сочиненій: Цицерона *de oratore*, *Brutus*, *disputationes Tusculanae*, *Verrinae*, Тацита, Плавта (*Miles*, *Trinummus*), Виргилія, Горація, Гомера, Эукидида, Демосѳена, Софокла (*Philoctet*, *Oedipus rex* и *Antigona*), Эсхила (*Persae*), Платона, при чемъ кандидатъ долженъ обнаружить основательное знаніе грамматики, метрики, исторіи литературы классическихъ древностей и міѳологіи.

Кромѣ того, онъ обязанъ прочитатъ двѣ пробныя лекціи, одну по классической филологіи, другую по одному изъ предметовъ гимназическаго курса.

Краткій историческій очеркъ Евангелической семинаріи и цѣль ея учрежденія. Для этого очерка я пользовался слѣдующими пособіями: *Geschichte und Beschreibung de-*

Universität Tübingen von Dr. Klüpfel, 1849, и Beiträge zur Geschichte der Universität Tübingen, Festgabe bei der vierten Säcularfeier ihrer Gründung, 1877.

Нынѣшняя Евангелическая семинарія принесла громадную пользу для распространенія богословско-протестантскихъ знаній южной Германіи, и особенно въ Виртембергѣ. Основана она была еще во время реформации, въ началѣ XVI столѣтія. Прототипомъ ей послужило духовное училище, основанное въ Марбургѣ ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ въ 1529 году. Въ 1537 году мы видимъ уже 14 студентовъ въ семинаріи, пользующихся стипендіею въ 25 гульденовъ каждый, съ обязательствомъ, по окончаніи курса, посвятить себя пасторской дѣятельности. Но въ началѣ отношенія между Тюбингенскимъ университетомъ, основаннымъ, какъ извѣстно, уже въ XV столѣтіи, въ 1477 году, и семинаріею были довольно натянуты. Сенатъ университета считалъ себя обиженнымъ, такъ какъ при основаніи семинаріи обошлись безъ его совѣта и утверженія. Въ 1548 году семинарія была помѣщена въ упраздненномъ Августинскомъ монастырѣ, гдѣ она существуетъ и до сихъ поръ.

Дальнѣйшему развитію Евангелической семинаріи много способствовалъ Герцогъ Христовъ своими богатыми вкладами и пожертвованіями.

Въ 1557 году мы уже насчитываемъ 100 стипендіатовъ.

Тридцатилѣтняя война даровала окончательную побѣду протестантству. Потребность въ протестантскихъ пасторахъ стала быстро увеличиваться, что не могло не отозваться и на благосостояніи евангелической семинаріи.

Дѣла ея, которыя было поколебались во время тридцатилѣтней войны, стали поправляться. Число стипендіатовъ дошло до 135 въ 1653 году.

Въ 1837 году евангелическая семинарія получила ту внутреннюю организацію, тѣ дисциплинарныя правила для студентовъ, которыя сохранились въ ней, за небольшими измѣненіями, и до настоящаго времени. Само собою разумѣется, что съ самаго основанія семинаріи богословскія науки выдвинуты были на первый планъ и вытѣснили филологическія и математическія, которымъ удѣлено было второстепенное мѣсто. Однѣ только науки философскія, находящіяся въ тѣсной связи съ богословіемъ, сохранили за собою еще довольно почетное мѣсто.

Но эта тѣсная связь богословскихъ наукъ съ философскими часто увлекала молодыхъ людей, посвятившихъ себя сначала исключительно богословію, въ совершенно иную область—спекулятивнаго мышленія, и нерѣдко случалось, что они, вслѣдствіе этого, измѣняли своему первоначальному плану образованія и переходили на философскій факультетъ Тюбингенскаго университета; нѣкоторые изъ нихъ становились даже въ какое-то скептическое отношеніе къ самой религіи и къ протестантскому ученію.

Чтобы остановить это враждебное богословскимъ цѣлямъ теченіе, правительство наконецъ рѣшило въ 1876 году, параллельно съ богословскимъ отдѣленіемъ, открыть отдѣленіе для филологовъ и математиковъ, откуда могли бы студенты поступать въ гимназіи въ качествѣ преподавателей.

Вслѣдствіе сего съ 1876 года евангелическая семинарія утратила свой чисто богословскій характеръ, она стала готовить не только церковныхъ пастырей, но и преподавателей. Однако и до сихъ поръ богословскій характеръ въ ней преобладаетъ, такъ какъ студенты небогословы составляютъ въ ней, какъ мы видѣли, только незначительный процентъ.

IV. Католическая богословская семинарія въ Тюбингенѣ.

(Wilhelmstift, höheres Convict).

Основаніе католической семинаріи находится въ тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ Наполеоновскихъ войнъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, многія католическія земли вошли въ составъ Виртембергскаго королевства, бывшаго до того времени исключительно протестантскимъ государствомъ. Съ присоединеніемъ этихъ земель, явилась необходимость въ открытіи спеціальнаго католическаго разсадника богослововъ.

Для осуществленія этой цѣли, въ 1812 году, королемъ Виртембергскимъ Фридрихомъ I былъ основанъ католическій богословскій университетъ въ Елливангенѣ (Elliwangen). Онъ состоялъ только изъ богословскаго факультета, но скоро явилась необходимость въ открытіи новаго факультета—философскаго, а это было сопряжено съ слишкомъ большими издержками въ маленькомъ городѣ; рѣшено было перенести университетъ въ Тюбингенъ, что случилось въ концѣ 1817 и началѣ 1818 года. Тогда же позаботились устроить для студентовъ католиковъ-богослововъ такой же интернатъ, какой уже существовалъ

для протестантовъ. Для этой цѣли воспользовались Францисканскимъ монастыремъ.

Нынѣшняя католическая семинарія, такъ называемый Wilhelmstift или höheres Convict, помѣщается въ этомъ зданіи съ осени 1816 года.

Общее мнѣніе, которое мнѣ привелось слышать о состояніи этого духовнаго училища въ Тюбингенѣ, очень лестное.

Вообще говорятъ, католическое духовенство въ Виртембергѣ значительно образованнѣе и развитіе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, чему много способствовало вышеупомянутое училище.

Католическая семинарія, какъ уже сказано, имѣетъ исключительную цѣлью подготовленіе католическихъ богослововъ.

Курсъ 3-хлѣтній; по окончаніи курса, студенты поступаютъ еще на годъ въ высшее специальное богословское заведеніе въ окрестностяхъ Тюбингена, откуда они уже выходятъ священниками.

Устройство интерната. Помѣщеніе католической семинаріи гораздо лучше занимаемаго евангелическою.

Комнаты обширныя, свѣтлыя, высокія, внизу находится громадная кухня, свѣтлая, чистая; стряпаютъ сестры милосердія. При семинаріи имѣется вновь разбитый садъ съ фонтаномъ по срединѣ и очень красивая церковь.

Библіотека состоитъ изъ 15,000 книгъ, частью пожертвованныхъ королямъ, частью поступившихъ изъ библіотекъ упраздненныхъ монастырей.

Рабочія комнаты очень просторны; занимаются студенты по 5 и 6 человекъ въ одной комнатѣ, каждый за своимъ столомъ.

Спальни громадныя, отлично вентилированныя; онѣ состоятъ изъ двухъ залъ, во всю длину зданія. Постели въ 2 ряда отдѣлены занавѣсками, между рядами—длинный корридоръ.

Всѣхъ студентовъ въ интернатѣ 135, а съ экстернами 141.

Дисциплина, говорятъ, значительно строже чѣмъ въ евангелической семинаріи.

Бюджетъ католической семинаріи, сколько мнѣ извѣстно, разнится только въ мелочахъ отъ бюджета евангелической.

Благодаря любезности директора семинаріи, который мнѣ самъ показывалъ все заведеніе, я могъ осмотрѣть его во всѣхъ подробностяхъ: но католическіе духовные вообще очень скрытны съ иностранцами, а тѣмъ болѣе съ русскими, къ которымъ они относятся особенно не довѣрчиво, такъ что я, при всемъ своемъ желаніи, не могъ собрать

болѣе подробныхъ свѣдѣній о внутренней дисциплинѣ и организаціи этого духовнаго училища.

У. Филологическая семинарія въ Тюбингенѣ.

Филологическая семинарія основана при Тюбингенскомъ университетѣ и имѣетъ цѣлью дать своимъ слушателямъ специальное филологическое образование.

Занятія въ семинаріи состоятъ изъ 1) интерпретаціи греческихъ и латинскихъ прозаиковъ и поэтовъ; 2) переводовъ съ нѣмецкаго на латинскій и греческій языки и 3) изъ письменныхъ работъ на темы, взятыхъ изъ классическихъ древностей. На эти упражненія полагается 6 часовъ къ недѣлю, изъ которыхъ 4 на интерпретаціи.

Интерпретаціи производятся студентами семинаріи въ присутствіи всѣхъ ея членовъ.

На переводъ съ нѣмецкаго на древніе языки полагается одинъ часъ въ недѣлю. Письменные работы пишутся по латынѣ и не менѣе одной въ семестръ. Занятія въ филологической семинаріи происходятъ подъ руководствомъ двухъ профессоровъ: докторовъ филологіи Швабе и Герцога.

По прошествіи одного года, студенты филологической семинаріи упражняются въ преподаваніи при Тюбингенской гимназіи. Всѣ студенты семинаріи экстерны.

Для поступленія въ семинарію требуется *curriculum vitae*, написанное поступающимъ по латынѣ. Вступительныхъ экзаменовъ нѣтъ, исключенія бываютъ только въ сомнительныхъ случаяхъ. Студенты семинаріи (*Mitglieder des philologischen Seminars*) раздѣляются на 1) дѣйствительныхъ членовъ, которые принимаютъ участіе во всѣхъ занятіяхъ семинаріи, 2) экстраординарныхъ членовъ, участвующихъ только въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ и 3) слушателей, не принимающихъ активнаго участія. Старшій по времени приѣма изъ дѣйствительныхъ членовъ носитъ названіе *senior* и служитъ посредникомъ между профессорами и прочими членами.

Занятія въ филологической семинаріи бесплатны. Объ этихъ занятіяхъ каждый семестръ представляется отчетъ министерству народнаго просвѣщенія, а также и о пробной преподавательской дѣятельности студентовъ въ гимназіи.

VI. Русская Филологическая семинарія въ Лейпцигѣ.

Уставъ семинаріи составляетъ извлеченіе изъ министерскаго циркуляра объ основаніи русской филологической семинаріи при Лейпцигскомъ университетѣ.

Уставъ этотъ былъ пересмотрѣнъ въ февралѣ 1877 года. Онъ былъ сообщенъ мнѣ директоромъ Лейпцигской Русской филологической семинаріи, профессоромъ Липсіусомъ.

Прежде принимались въ семинарію какъ русскіе, такъ и австрійскіе и саксонскіе подданные; въ настоящее время, сколько мнѣ извѣстно, принимаются только русскіе подданные.

Отъ поступающихъ требуется: 1) основательное знаніе гимназическаго курса по обоимъ древнимъ языкамъ, 2) отъ иностранныхъ подданныхъ требуется, либо принятіе русскаго подданства, либо обязательство за каждый годъ полученія стипендіи прослужить 2 года въ должности учителя древнихъ языковъ въ европейской Россіи.

Директору предоставляется право исключать изъ семинаріи неспособныхъ.

Прошенія подаются съ *curriculum vitae* отъ русскихъ—члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Георгіевскому, отъ иностранцевъ—директору Липсіусу.

Министру сообщается о принятыхъ воспитанникахъ.

Прѣздъ воспитанниковъ изъ Россіи въ Лейпцигъ и обратно обходится министерству 120 рублей на cadaго.

Содержаніе семинаріи и стоимость cadaго студента. Годовой бюджетъ Лейпцигской семинаріи составляетъ, по сообщеннымъ мнѣ профессоромъ Липсіусомъ свѣдѣніямъ, 17,500 руб., ежегодно отпускаемыхъ нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Число стипендіатовъ составляло въ 1881 году 17 человекъ. Стоимость cadaго стипендіата обходится въ мѣсяць 120 марокъ, что составитъ 1,440 марокъ въ годъ. Кромѣ того выплачивается семинарію за cadaго стипендіата, за право слушанія лекцій въ университетѣ, въ семестръ 50 марокъ, слѣдовательно 100 марокъ въ годъ.

Занятія въ семинаріи. Курсъ трехлѣтній. Студенты подчиняются всѣмъ правиламъ нѣмецкихъ университетовъ и слушаютъ свои лекціи въ семинаріи, а лекціи филологическаго факультета въ университетѣ.

Они раздѣляются, для бѣльшаго удобства занятій, на 2 отдѣленія. Каждое отдѣленіе имѣетъ по 6 лекцій въ недѣлю въ своей семинаріи, а именно: 1) 2 часа въ недѣлю на упражненія въ латинскомъ

и греческомъ языкахъ; 2) на интерпретацію авторовъ 3 часа въ недѣлю и 3) одинъ часъ на повтореніе одной изъ филологическихъ дисциплинъ.

Кромѣ того они посѣщаютъ лекціи университета, что составляетъ всего отъ 12 до 16 часовъ въ недѣлю; занимаются домашнимъ чтеніемъ авторовъ, 2 раза въ семестръ отдають отчетъ въ этомъ чтеніи и, наконецъ, разъ въ недѣлю, по собственному желанію, собираются для перевода латинскихъ и греческихъ авторовъ на русскій языкъ.

Министерству сообщается планъ занятій каждаго семестра.

Выпускные экзамены послѣ 6 семестровъ состоятъ изъ: 1) работу на латинскомъ языкѣ на тему грамматическую, литературно-историческую или философскую. Эта работа составляется дома и должна содержать не менѣе 30 печатныхъ страницъ. 2) Требуется основательное знаніе 4-хъ авторовъ (2 прозаиковъ и 2 поэтовъ). 3) Требуется знаніе филологическихъ реалій (греческой и римской исторіи, древностей, исторіи древнихъ литературъ, мифологіи, метрики, философіи).

Экзамены производятся своими профессорами; работы посылаются въ Петербургъ.

Выдержавшіе выпускной экзамень получаютъ мѣста преподавателей древнихъ языковъ въ русскихъ гимназіяхъ и могутъ готовиться на магистра классической филологіи, не держа предварительно кандидатскаго экзамена.

Учебныя пособія и составъ преподавателей. Студенты Лейпцигской семинаріи пользуются общею университетскою библіотекою; кромѣ того при семинаріи находится русская библіотека. Они могутъ также пользоваться Лейпцигской городской библіотекой.

Составъ преподавателей ограничивается директоромъ, профессоромъ Липсіусомъ, и двумя адъюнктами.

Мнѣ привелось присутствовать при слѣдующихъ лекціяхъ въ семинаріи. На 2-мъ курсѣ (5 студентовъ) одинъ часъ происходила поправка переводовъ съ латинскаго на греческій Корнелія Непота; въ концѣ занятій устный переводъ съ нѣмецкаго на греческій; 2-й часъ у того же адъюнкта-профессора Brückmann'a происходила интерпретація по латыни Эсхила, одного мѣста весьма труднаго изъ хоровъ его трагедіи: «Septem adversus Thebas», при чемъ сравнивались критически различные тексты этого хора.

VII. Историческая семинарія профессора фонъ-Нордена въ Лейпцигѣ.

Семинарія эта учреждена при Лейпцигскомъ университетѣ и помѣщается въ особомъ зданіи, гдѣ для нея отведено нѣскольکو комнатъ. Она обладаетъ богатою историческою бібліотекою и пользуется репутаціею одной изъ лучшихъ историческихъ семинарій въ Германіи.

Условія приѣма и внутренняя организація тѣ же, что и въ филологической семинаріи въ Тюбингенѣ.

Между дѣйствительными членами семинаріи находится молодая дѣвушка: отзывъ профессора о ней весьма лестный.

Историческія семинаріи приносятъ несомнѣнно большую пользу для серьезнаго, спеціально-историческаго образованія студента, приучаютъ его имѣть дѣло съ источниками первой руки, даютъ ему строго-научный методъ для изученія какой-нибудь отдѣльной исторической эпохи; но при всѣхъ своихъ несомнѣнно хорошихъ сторонахъ, историческая семинарія, особенно для первокурсниковъ, имѣетъ также и свои невыгоды. Она отвлекаетъ ихъ отъ слушанія общихъ историческихъ курсовъ, приучаетъ ихъ спеціализироваться, когда они еще не обладаютъ достаточно общею историческою подготовкою.

Результатомъ этого бываетъ то, что мы часто встрѣчаемъ въ Германіи студентовъ-историковъ, прекрасно изучившихъ одну какую-нибудь эпоху, но не свѣдущихъ по всѣмъ остальнымъ отдѣламъ исторіи. Это мнѣніе очень распространено въ Германіи, и мнѣ привелось его часто слышать отъ профессоровъ. Историческія семинаріи являются дѣйствительно полезными только для студентовъ старшихъ курсовъ.

Мнѣ привелось присутствовать при слѣдующихъ занятіяхъ въ семинаріи: разбиралось критически взаимное отношеніе Видукинда и Луитпранда, происходилъ критическій разборъ содержанія стихотвореній Росвиты.

Занятія состояли изъ чтенія, критическаго разбора и сравненія заранѣе переведенныхъ студентами текстовъ, при чемъ происходили пренія между студентами и самимъ профессоромъ подъ его руководствомъ. Занятія происходятъ разъ въ недѣлю и продолжаются 2 часа безъ перерыва.

VIII. Thomasschule въ Лейпцигѣ.

Это училище соотвѣтствуетъ нашимъ гимназіямъ, съ тѣмъ только различіемъ, что всѣ классы имѣютъ параллельныя отдѣленія. Это

единственное средне-учебное заведение въ Лейпцигѣ, въ которомъ имѣется интернатъ.

Всѣхъ воспитанниковъ 521, изъ коихъ 60 находятся въ интернатѣ, а 461 приходящіе.

Thomasschule, преобразованная изъ стариннаго Thomaskloster, еще въ XV столѣтіи, въ эпоху Возрожденія, съ самаго своего основанія преслѣдовала между прочимъ особую цѣль, а именно образованіе изъ своихъ воспитанниковъ образцовый хоръ для исполненія цѣрковныхъ и классическихъ хоровыхъ произведеній.

Цѣль эта была ею вполне достигнута, и до сихъ поръ хоръ, составленный изъ воспитанниковъ Thomasschule и поющій въ Thomaskirche и въ другихъ мѣстахъ Лейпцига, считается образцовымъ.

Согласно преслѣдуемой ею цѣли, приемъ въ число интерновъ зависитъ отъ успѣшно выдержаннаго экзамена въ пѣніи по извѣстной программѣ. Экзамены производятся въ присутствіи учителя пѣнія, директора училища и городского бургомистра. Принимаются только самые лучшіе, вполне отвѣчающіе всѣмъ требованіямъ конкурса и подающіе надежду на успѣшное дальнѣйшее музыкальное образованіе.

Thomasschule содержится на счетъ города Лейпцига, какъ и всѣ находящіяся въ немъ среднія учебныя заведенія.

Годовой бюджетъ ея былъ сообщенъ мнѣ нынѣшнимъ директоромъ училища, профессоромъ Юнгмауомъ.

Р а с х о д ъ.

Проценты съ общаго капитала, истраченнаго на постройку новаго зданія (469, 583 м. 81 ф.) считая по 4 ¹ / ₂ %	21,131 м. 27 ф.
--	-----------------

Проценты съ общаго капитала, падающаго на содержаніе стараго зданія, въ которомъ временно помѣщалось училище.	917 » 14 »
---	------------

Содержаніе директора училища (Rector) при квартирѣ	7,950 » — »
--	-------------

Старшимъ учителямъ (Oberlehrer), 21 ч.	68,125 » — »
(Содержаніе годовое—различное отъ 4,800 до 2,100 м.).	

Тремъ помощникамъ учителей	5,400 » — »
--------------------------------------	-------------

Учителю пѣнія	900 » — »
-------------------------	-----------

Учителю рисованія и чистописанія	1,937 » — »
--	-------------

Учителю гимнастики	2,100 » — »
------------------------------	-------------

Учителю стенографіи и репетиторамъ, всего	
въ годъ	3,620 м. — п.
За наблюдение за библиотекою	200 „ — „
На чистку училища, прислугу, сторожей, все-	
го въ годъ	2,768 „ — „
Истопникамъ	525 „ — „
Отопление (7 мѣсяцевъ)	4,025 „ — „
Освѣщеніе	1,600 „ — „
Домашняя и кухонная посуда	1,000 „ — „
На библиотеку.	750 „ — „
На музыкальныя принадлежности	330 „ — „
На физическій кабинетъ	225 „ — „
На коллекціи по естественной исторіи.	75 „ — „
На печатаніе программъ и переплетъ книгъ.	1,050 „ — „
На письменныя принадлежности.	510 „ — „
Разные расходы по содержанію помѣщенія	
училища	3,697 „ — „
На ремонтъ и разныя работы въ старомъ по-	
мѣщеніи	5,947 „ — „
Земельные налоги, страховые полисы, водо-	
проводы и проч.	2,020 „ — „
Пенсіи 4 лицамъ въ годъ.	2,640 „ — „
% съ 82 стипендій	4,850 „ — „
На инспекцію интерновъ	1,950 „ — „
Содержаніе помѣщенія интерновъ	16,495 „ — „
(Содержаніе каждаго воспитанника обходится	
около 5 м. въ день).	
Содержаніе кухонной прислуги	500 „ — „
Стирка бѣлья	200 „ — „
Обновленіе постельнаго бѣлья	100 „ — „
Доктору училища	225 „ — „
Содержаніе аптеки, больницы при училищѣ	1,730 „ — „
	<hr/>
Итого общій годовой расходъ. 165,518 м. — „	

П р и х о д ъ .

Отъ экстерновъ за обученіе въ годъ	45,299 м.
Разнаго прихода	2,420 „
% съ неприкосновеннаго капитала (132 т. м.)	6,190 „
% съ различныхъ государственныхъ бумагъ	3,960 „

Отъ различныхъ церквей за пѣніе хора.	875 м.
Отъ различныхъ пожертвованій и вкладовъ	6,598 »
Отъ отдаваемыхъ въ аренду помѣщеній.	480 »
Итого прихода въ годъ	65,823 м.

Городъ приплачиваетъ ежегодно 99,695 м.

Помѣщеніе интерната. Новое помѣщеніе интерната, которое было открыто въ сентябрѣ 1881 года, занимаетъ отдѣльный 4-хъ этажный домъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются: 1) зала для пѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ рекреационная зала; 2) двѣ комнаты для лѣченія легкихъ больныхъ; 3) двѣ комнаты для игры на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ.

Въ другой половинѣ этажа находится квартира эконома и привратника, общая столовая и кухня; въ подвальномъ этажѣ 2 ванныя и разныя хозяйственныя службы. Второй этажъ занимаетъ квартира директора и библіотека, которою онъ же завѣдуетъ.

Въ 3-мъ этажѣ находится дневное помѣщеніе интерновъ, состоящее изъ 6 комнатъ, въ которыхъ воспитанники занимаютъ по 10 человѣкъ вмѣстѣ; у каждаго по шкапу съ бѣльемъ, платьемъ и книгами. Кромѣ того, здѣсь же находится помѣщеніе для двухъ дежурныхъ наставниковъ; въ 4-мъ этажѣ общая умывальная комната, общая спальня, раздѣленная на 4 отдѣленія; посрединѣ комната дежурнаго наставника съ двумя окнами, выходящими въ спальни воспитанниковъ.

Отопленіе вездѣ производится желѣзными печами, вентиляція прекрасная. Посреди обширнаго двора находится гимнастическая зала, гдѣ обязательно занимаютъ воспитанники ежедневно.

Учебный планъ Thomasshule ничѣмъ не отличается отъ учебныхъ плановъ прочихъ нѣмецкихъ гимназій.

IX. Интернатъ «Schulport» въ окрестностяхъ Лейпцига.

Училище это находится въ 3-хъ часовомъ разстояніи по желѣзной дорогѣ отъ Лейпцига, по направленію къ Франкфурту на Майнѣ.

Расположено оно въ очень живописной мѣстности, среди лѣса, и представляетъ огромное зданіе, напоминающее по внѣшнему виду старинный монастырь.

При главномъ зданіи училища находится цѣлый маленькій городъ хозяйственныхъ и экономическихъ построекъ, громаднѣйшій тѣнистый садъ, огороды, фруктовые сады и пр., однимъ словомъ, училище это

имѣть все необходимое подъ рукой, получая всѣ жизненные продукты въ районѣ своихъ владѣній.

Ему принадлежать значительныя земельныя угодія, лѣса, озера, рыбныя ловли и проч.; оно такимъ образомъ обладаетъ совершенно самостоятельнымъ экономическимъ хозяйствомъ. Училище это находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, но содержится на собственныя средства. Министерство только посылаетъ на экзаменъ своихъ депутатовъ.

Schulpforta состоятъ изъ 3-хъ высшихъ гимназическихъ классовъ; курсъ каждаго класса 2-хъ годичный, что составляетъ всего 6 классовъ. По окончаніи курса, воспитанники, наравнѣ съ прочими гимназистами, получаютъ свидѣтельство, соответствующее нашему аттестату зрѣлости, и имѣютъ право поступать въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія.

Это училище существуетъ съ половины XVI столѣтія; оно было основано 21-го мая 1543 года и, лѣтъ десять—двадцать тому назадъ, пользовалось громадною извѣстностію въ Германіи и считалось образцовымъ; въ настоящее время, говорятъ, оно утратило свою прежнюю славу.

Многія частныя лица, помѣстившія туда своихъ дѣтей и съ которыми мнѣ пришлось говорить, жаловались на недостаточный присмотръ за воспитанниками, отсутствіе строгой дисциплины и на худую пищу.

Большинство воспитанниковъ интерны. Число ихъ доходитъ до 180; кромѣ того есть еще 24 приходящихъ. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ заведеніи, а также извлеченіе изъ его бюджета были мнѣ сообщены преподавателемъ математики г. Buchbinder'омъ, взявшимъ на себя трудъ показать мнѣ училище во всѣхъ его частяхъ.

Въ верхнемъ этажѣ помѣщаются спальни воспитанниковъ, 10 комнатъ, каждая для 18 человѣкъ; въ среднемъ этажѣ — 10 рабочихъ комнатъ, въ которыхъ они работаютъ тоже по 18 человѣкъ, каждый за своимъ письменнымъ столомъ. Въ этомъ же этажѣ находится комната дежурнаго наставника.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается библіотека, общая столовая, умывальная, кухня и буфетъ. Комнаты довольно просторныя и высокія, вентиляціи вездѣ превосходная.

Посреди двора маленькій садъ, въ которомъ дозволяется гулять только воспитанникамъ старшаго класса (Primaner).

Всѣхъ преподавателей 16 человекъ, кромѣ директора и законоучителя. Между этими 16-ю преподавателями распределено наблюдение за воспитанниками и дежурная инспекція.

Ежегодный баланс составляетъ 238,180 марокъ.

Вотъ нѣкоторыя статьи расхода, извлеченныя изъ годового бюджета:

На хозяйственный инвентарь	900 м.
На библіотеку	16,050 »
На физическій кабинетъ	330 »
На устройство библіотеки, музея и кабинета естественныхъ наукъ	16,050 »
На уроки чистописанія, рисованія и естеств. наукъ.	315 »
Премія лучшему воспитаннику по окончаніи курса .	120 »
На уроки музыки	150 »
Содержаніе гимнастическаго зала и устройство разныхъ игръ въ саду	650 »

Содержаніе учебнаго персонала:

Всѣ преподаватели, конечно, пользуются казенною квартирой.

(Ректоръ) директоръ получаетъ въ годъ при квартирѣ	7,500 »
Законоучитель, онъ же и настоятель церкви	5,100 »
Преподаватели получаютъ различное содержаніе отъ 4,950 до 2,100 »	
Докторъ при училищѣ	3,600 »
Вообще содержаніе всего учебнаго персонала и всѣхъ служащихъ при училищѣ обходится въ годъ	70,200 »

Сообщаю для видимости нѣкоторыя статьи прихода.

Schulpforta получаетъ отъ арендныхъ статей въ годъ до 115,268 марокъ.

Доходъ отъ принадлежащихъ ему лѣсовъ составляетъ	23,000 »
% отъ закладныхъ подъ различныя недвижимыя имущества	35,000 »
% съ различныхъ государственныхъ бумагъ	32,000 »

Сообщаю распределеніе учебнаго дня въ училищѣ: зимою воспитанники встаютъ въ 6 часовъ, отъ 6½ до 7 завтракъ, въ 7 часовъ утренняя молитва. За симъ до 12 часовъ уроки съ промежутками въ 8 и 10 минутъ, въ 12 часовъ обѣдъ. Послѣ прогулки въ саду уроки до 4 часовъ; отъ 4 до 5 прогулка въ саду, 5—7 приготовленіе уроковъ, въ 7 часовъ ужинъ, послѣ ужина продолжается приготовленіе

уроковъ; дозволяется также пребываніе въ саду; въ 8 часовъ вечерняя молитва, въ 9 часовъ ложатся спать воспитанники низшихъ и среднихъ классовъ, въ 10 часовъ воспитанники старшаго класса.

Вакаціонное время начинается въ августѣ и продолжается 7 недѣль.

Учебный планъ соотвѣтствуетъ, какъ сказано выше, учебному плану старшихъ классовъ нѣмецкихъ гимназій. Сообщаю число уроковъ въ недѣлю, по всѣмъ предметамъ, въ 2-хъ старшихъ классахъ, въ продолженіи лѣтняго семестра 1881 года.

Въ старшемъ классѣ (*Oberprima*), соотвѣтствующемъ нашему 8-му, и въ *Unterprima*, соотвѣтствующемъ нашему седьмому классу: латинскихъ уроковъ въ недѣлю по 10, греческихъ по 6, математическихъ по 4, физики по 2, исторіи по 3, нѣмецкаго языка и словесности по 3, французскаго языка по 2, Закона Божія по 2 и еврейскаго языка (обязательный предметъ) по 2.

Возьмемъ еще для сравненія съ нашими гимназіями, хотя бы на примѣръ, 5-й классъ (*Untersecunda*): латинскихъ уроковъ по 10, греческихъ по 6, математики по 4, физики по 1, исторіи по 1, нѣмецкаго языка и словесности по 2, французскаго языка по 2, закона Божія по 2 и еврейскаго языка по 2.

У насъ, въ русскихъ гимназіяхъ, въ 8-мъ классѣ латинскихъ уроковъ 6, а греческихъ 7. Вообще, ни въ одномъ классѣ *Schulporta* не имѣется менѣе 10 уроковъ латинскаго языка и 6 греческаго языка въ недѣлю.

Эти цифры свидѣтельствуютъ о томъ, что въ нѣмецкихъ гимназіяхъ преподаваніе древнихъ языковъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ учебномъ планѣ, по методу преподаванія у насъ и въ Германіи различны.

По этому поводу я позволю себѣ сравнить методъ преподаванія древнихъ языковъ у насъ съ методомъ, установившимся въ Германіи.

Въ Германіи древнимъ языкамъ отводится количество часовъ еще большее чѣмъ у насъ, между тѣмъ это изученіе древнихъ языковъ не вызываетъ въ нѣмецкомъ обществѣ тѣхъ рѣзкихъ нападокъ, того враждебнаго отношенія со стороны общества, которое совершенно овладѣло нашимъ—русскимъ обществомъ и современною печатью, и причины котораго кроются, какъ мнѣ кажется, не столько въ самихъ древнихъ языкахъ, какъ въ неудовлетворительномъ преподаваніи ихъ преподавателями, недостаточно хорошо владѣющими русскимъ языкомъ, въ тѣхъ не гуманныхъ, антипедагогическихъ пріемахъ, которые слишкомъ часто ими употребляются по отношенію къ ученикамъ.

Наконецъ, самое преподаваніе у насъ древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, за немногими исключеніями, утратило совершенно свое высшее педагогическое значеніе—гуманитарнаго умственнаго развитія.

Все изученіе древнихъ языковъ большею частью ограничивается у насъ изученіе грамматики древнихъ языковъ, синтаксическихъ и стилистическихъ ея особенностей; между тѣмъ ученики остаются совершенно чуждыми древняго классическаго міра, столь богатаго внутреннимъ, духовнымъ, идеальнымъ содержаніемъ, они не знаютъ ни его исторіи, ни его древностей, ни быта, ни нравовъ.

Очевидно, что такое преподаваніе не дастъ никакой, ни нравственной, ни умственной пищи ученику, не можетъ дѣйствовать на него развивающимъ образомъ, а напротивъ только возбуждаетъ въ немъ отвращеніе къ сухому лингвистическому методу преподаванія, которымъ его преслѣдуютъ въ продолженіе всего гимназическаго курса.

Печальнымъ результатомъ всей этой системы бываетъ то, что гимназистъ по окончаніи курса, не изучивъ удовлетворительно древнихъ языковъ, хотя-бы съ грамматической стороны, старается поскорѣе сбросить съ себя ненавистное ему бремя классицизма, забываетъ все то, что когда либо зналъ въ гимназіи по древнимъ языкамъ, и навсегда питаетъ къ нимъ и ко всему древнему классическому міру какое то непонятное отвращеніе.

Такимъ образомъ, изученіе древнихъ языковъ, на которое онъ посвятилъ большую часть гимназическаго курса въ ущербъ всѣмъ прочимъ предметамъ, практикуемое по той системѣ, которая, къ несчастію, до сихъ поръ господствуетъ у насъ, нисколько не дѣйствуетъ на него развивающимъ, благотворнымъ образомъ, а возбуждаетъ въ немъ только какое-то озлобленіе, отбиваетъ у него всякую охоту къ дальнѣйшимъ научнымъ занятіямъ.

Между тѣмъ мы видимъ въ Германіи, что изученіе древнихъ языковъ приноситъ громадную пользу, мы не встрѣчаемъ тамъ озлобленія къ нимъ со стороны общества, напротивъ, всѣ давно уже согласны въ Германіи, что древніе языки имѣютъ громадное гуманитарное значеніе для умственнаго и даже нравственнаго развитія ученика.

Гр. А. МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

ДЯДЪКА

ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНИИ

(L'ajo nell' imbarazzo).

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ,

СОЧИНЕНІЕ

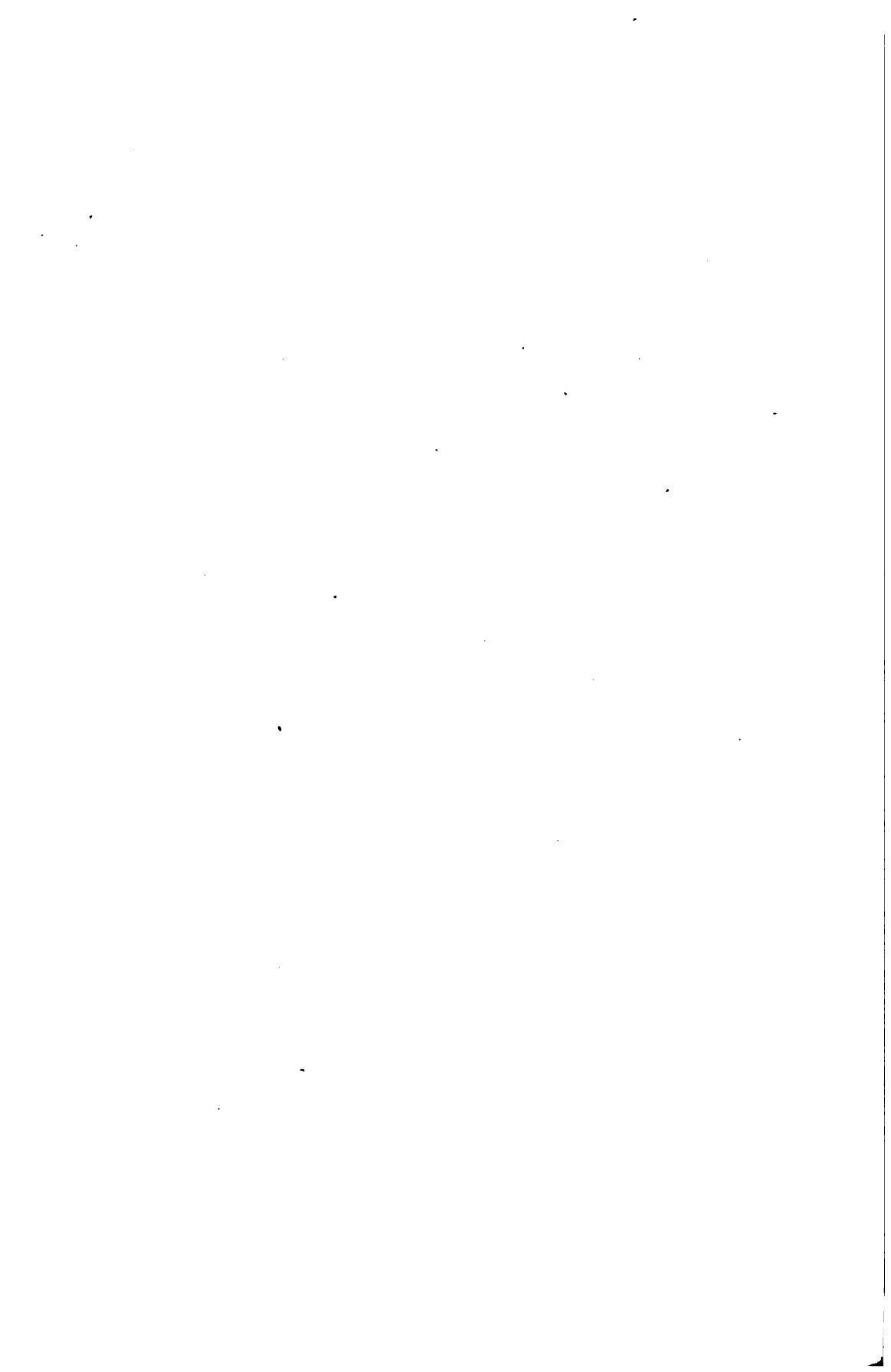
Гр. **ДЖОВАННИ ЖИРО.**

(Giovanni Giraud).

Переводъ съ итальянскаго,

приписываемый

Н. В. ГОГОЛЮ.

Отъ Редакціи.

Помѣщаемый здѣсь переводъ Итальянской комедіи Джованни Жиро, обязательно переданный въ Редакцію Извѣстій Института почтеннымъ нашимъ библіографомъ С. И. Пономаревымъ и, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не напечатанный, по его мнѣнію, несомнѣнно принадлежитъ Н. В. Гоголю, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ печатается. Принадлежность эта доказывается слѣдующимъ письмомъ Гоголя М. С. Щепкину изъ Венеціи отъ 1840 года.

«Ну, Михайлъ Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина завлада выиграна: комедія готова. Въ нѣсколько дней русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добросовѣстно! Всю отъ начала до конца выправилъ, перемаралъ и переписалъ собственною рукою.

Въ афишкѣ вы должны выставить два заглавія: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчасъ послѣ фамиліи автора: «перваго итальянскаго комика нашего времени». Первое дѣйствіе я прилагаю при письмѣ Вашемъ, второе будетъ въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправитесь къ Погодину. Велите ее тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ, съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листковъ: другого экземпляра нѣтъ: черновой исчезъ. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ въ итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ блестящій. Вы какъ человѣкъ имѣющій тонкое чутье, тотчасъ постигнете комическое положеніе вашей роли. Нечего вамъ и говорить, что ваша роль—самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи. Роль агитаціи сильной. Человѣкъ, который совершенно потерялъ голову: тутъ сколько есть комическихъ и истинныхъ сторонъ! Я видѣлъ въ ней актера съ большимъ талантомъ, который, между прочимъ, далеко ниже васъ. Онъ былъ прекрасенъ, и такъ въ немъ все было натурально и истинно. Слышенъ былъ человѣкъ не рожденный для интриги, а попавшій въ оную,—и сколько натурально ком-

мическаго! Этотъ губернёръ, котораго я называлъ дядькой, потому что первое, кажется, не совсѣмъ точно, да и не русское, долженъ быть одѣтъ весь въ черномъ, какъ одѣваются въ Италиі до нынѣ всѣ эти люди аббаты, ученые и проч. въ черномъ фракѣ не совсѣмъ по модѣ, а такъ, какъ у стариковъ, въ черныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, въ черномъ суконномъ жилетѣ, застегнутомъ плотно съ низу до верху, и въ черной пуховой шляпѣ, трехугольной,—не той, что носятъ у насъ, а въ той, въ которой нарисованъ блудный сынъ, пасущій стада, то есть, съ пригнутыми небольшо полями на три стороны. Два молодые маркиза точно также должны быть одѣты въ черныхъ фракахъ, только по модѣ, и шляпы, вмѣсто трехугольныхъ, круглыя, черныя, пуховыя, или шелковыя, какъ носимъ мы всѣ, грѣшные люди; черныя чулки, башмаки и панталоны короткіе. Вотъ все, что вамъ нужно замѣтить о костюмахъ. Прочія лица одѣты, какъ ходитъ весь свѣтъ.

Но о самихъ роляхъ нужно кое-что. Роль Джильды лучше всего, если вы дадите которойнибудь изъ вашихъ дочерей. Вы можете тогда болѣе дать ей почувствовать во всѣхъ ея тонкостяхъ. Если же кому другому, то, ради Бога, слишкомъ хорошей актрисѣ. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если же притворится, то это притворное у ней становится уже истиннымъ. Она произноситъ свои монологи, которые, говорить, набрала изъ романовъ, съ одушевленіемъ истиннымъ; а когда въ самомъ дѣлѣ проснулось въ ней чувство матери, тутъ она не глядитъ ни на что и вся женщина. Ея движенія просты и развязны, а въ минуты одушевленія картинны; она становится какъ-то вдругъ выше обыкновенной женщины, что удивительно хорошо исполняютъ итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видѣлъ, была свѣжая, молодая, проста и очаровательна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, забывалась и одушевлялась, какъ природа. Францужанка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, какъ будто нужна воспитанная свѣжимъ воздухомъ деревни и степей.

Играющему роль Пиппетто никакъ не нужно сказывать, что Пиппетто немного приглуповать: онъ тотчасъ будетъ выполнять съ претензіями. Онъ долженъ выполнить ее совершенно невинно, какъ роль молодого, довольно неопытнаго человѣка; а глупость явится сама собою, такъ, какъ у многихъ людей, которыхъ вовсе никто не называетъ глупыми».

«Больше, кажется, не нужно говорить ничего... Да! маркиза дайте какомунибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бѣшеный,

взбалмошенный старикъ, неслушающій никакихъ резоновъ. Я думаю, коли нѣтъ другаго, отдайте Мочалову; его же имя имѣетъ магическое дѣйствіе на Московскую публику. Да не судите по первому впечатлѣнію и прочитайте нѣсколько разъ эту пьесу,—непремѣнно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ имѣть успѣхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

		Это долженъ былъ играть, по предположенію Гоголя:
Маркизь Джуліо		Мочаловъ.
Энрико	} дѣти Маркиза	—
Пиппето		
Джилда, жена Энрико		Щепкина.
Донъ Грегорио, дядька дѣтей маркиза		Щепкинъ.
Леонарда, служанка		—
Симонъ, слуга		—

Д Ъ Й С Т В І Е I.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Комната со многими дверями. Маркизь Джуліо и Леонарда.

Маркизь.

Оставля всю эту болтовню въ сторону, — сказала-ли ты дону Грегорию, что я хочу съ нимъ поговорить?

Леонарда.

Да, сударь.

Маркизь.

Ну и довольно; вотъ и все.

Леонарда.

Но такъ какъ онъ до сихъ поръ неидетъ, то я хотѣла... потому что вы думаете, что я

Маркизь.

Придетъ, придетъ.

Леонарда.

Мнѣ кажется однакожь, что это пренебреженіе со стороны дядьки—заставляетъ себя дожидаться, тогда какъ самъ господинъ дома зоветъ его.

Маркизь.

Пожалуйста, объ этомъ не заботься. Ты славная женщина; но не хочешь, вотъ во все время, что ни живешь въ моемъ домѣ, бросить прескверную привычку, болтать и мѣшаться не въ свои дѣла.

Леонарда.

Что до меня, то я... можетъ быть, вы воображаете... напротивъ, я говорю, такъ какъ, а впрочемъ.....

Маркизь.

Довольно! Ступай, тебѣ говорю.

Леонарда.

Слушаю. (*про себя:*) Это донъ Грегорио поссорилъ его со мною, и такимъ образомъ, что я не замѣтила тогда; ничего не могла этого предвидѣть... но я постарѣе его.... то есть, я хотѣла сказать, по хитрѣе его (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Маркизь и Донъ Грегорио.

Маркизь.

Дай только этой женщинѣ волю, не перестанетъ вѣчно болтать, ворча то на одного, то на другаго.

Донъ Грегорио.

Извините, маркизь, что замедлилъ: письмо которое....

Маркизь.

Помилуйте, донъ Грегорио, напротивъ простите меня, что васъ побеспокоилъ. Я къ вамъ имѣю нужду, любезнѣйшій донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

Приказывайте, маркизь.

Маркизь.

Признаюсь, меня смущала всегда ипохондрія, овладѣвшая съ недавняго времени сыномъ моимъ Энрико. Но сегодня, когда онъ вошелъ ко мнѣ сказать добраго утра, онъ показался мнѣ въ такомъ положеніи, какъ я никогда не видалъ.... я за него боюсь.

Донъ Грегорио.

И на это вы имѣете полную причину.

Маркизь.

Почему?

Донъ Грегорио.

Почему?

Маркизь.

Я не могу этого себѣ представить.

Донъ Грегорио.

И я такъ-же.

Маркизь.

Онъ говоритъ, что совершенно здоровъ; докторъ утверждаетъ то-же, что у него нѣтъ лихорадки.

Донъ Грегорио.

Это такъ.

Маркизь.

Если бы, положимъ, за мальчикомъ меньше было надзора, или если бы въ домѣ моемъ меньше было строгости,—я бы могъ подозрѣвать; но съ моей системой....

Донъ Грегорио.

Вы меня извините, маркизь, но на счетъ этого я вамъ скажу то, что уже сто разъ повторялъ. Вы называете мальчиками вашихъ двухъ

сыновей, а между тѣмъ маркизу Энрико уже двадцать пять лѣтъ, а вашему Пиппето исполнилось девятнадцать.

Маркизь.

Хорошо, но какое же отсюда вліяніе можетъ быть на ихъ здоровье?

Донъ Грегорио.

Сказать вамъ откровенно, я думаю, что молодой человекъ впалъ въ ипохондрію, видя себя въ такія лѣта содержимымъ съ такою строгостію. Не доставить ему ниразу случая быть на балѣ, въ театрѣ, ни разу не поговорить съ женщинами!

Маркизь.

Охъ, не говорите мнѣ о женщинахъ!

Донъ Грегорио.

Ни разу не позволили ему, такъ сказать, высунуть носа изъ дому.

Маркизь.

Это не отъ того. Къ тому-жь Вы знаете мой образъ мыслей. Молодые люди, пока не достигнутъ по крайней мѣрѣ двадцати пяти лѣтъ, не должны знать ничего другого, кромѣ своего дома и учебныхъ занятій. *(начиная горячиться:)* Боже сохрани, если бы я замѣтилъ въ нихъ какойнибудь свѣтскій капризь или свѣтскую потребность! Вы понимаете меня?

Донъ Грегорио.

Успокойтесь! десять лѣтъ живу я въ Вашемъ домѣ, не беру за это никакого жалованья и только изъ дружбы принялъ на себя эту должность. Если до нынѣ сохраняю званіе дядьки вашихъ сыновей, то единственно изъ любви къ Вамъ. Вы должны быть послѣ этого твердо увѣрены во мнѣ.

Маркизь.

Такъ, но ваши правила....

Донъ Грегорио.

Дѣлайте, что Вамъ угодно. Хотите держать вашихъ сыновей въ тюрьмѣ, держите; но будьте увѣрены, что сыновья такъ какъ собака;

которая, если на свободѣ и непривязана, ходить, обнюхиваетъ, узнаетъ, бѣгаетъ осторожно, словомъ, дѣлаетъ все какъ слѣдуетъ. Но будучи вѣчно на цѣпи... посчастливься ей только когда нибудь сорваться съ этой цѣпи: мечется, ворчитъ, кусается и, если попадетъ въ какую навозную кучу, то вымарается въ ней хуже всякой другой собаки.

Маркизь.

Вы человѣкъ, который хочетъ словамъ дать болѣе силы, чѣмъ разсудку, и придерживается нынѣшнихъ правилъ. Я иначе воспитанъ и хочу, чтобъ такъ-же воспитывались мои дѣти.

Донъ Грегорио.

И такъ не жалуйтесь, если одинъ изъ нихъ погибаетъ, а другой, одаренный и безъ того не щедро природою, останется простакомъ, не будучи въ состояніи отличить солнце отъ луны.

Маркизь.

При всемъ томъ, Вы меня никогда не увѣрите, чтобы это была единственная причина болѣзни Энрико. Донъ Грегорио! Вы должны всячески узнать это дѣло. Это правда, что я его нѣсколько отталкиваю отъ себя своею строгостью, и онъ натурально не будетъ со мною такъ откровененъ, какъ съ Вами. Я Васъ прошу, займитесь серьезно этимъ. Съ недавняго времени Энрико больше, нежели когда либо, разстроенъ.

Донъ Грегорио.

Будьте спокойны, маркизь. Употреблю всѣ средства, чтобъ узнать, есть-ли какая другая неизвѣстная причина. Но до сихъ поръ.....

Маркизь.

Я поручаю себя Вамъ, донъ Грегорио. Теперь ухожу изъ дому отдать визитъ Министру. Статся можетъ, что я долженъ буду тамъ отобѣдать. И потому, если къ тремъ часамъ не возвращусь, можете садиться за столъ безъ меня.

Донъ Грегорио.

Очень хорошо.

Маркизь.

Вамъ поручаю это дѣло, какъ самое близкое моему сердцу. (*уходитъ*)

Донъ Грегорио (одинъ).

Какое упрямое убѣжденіе имѣютъ эти старикашки съ своими деревянными головами! Держать молодыхъ людей въ заперти половину жизни! И вѣдь для чего? Именно съ тѣмъ, чтобы послѣ, когда они выйдутъ въ свѣтъ безъ малѣйшаго познанія свѣта, ихъ дурачилъ первый какой попадется мошенникъ, или поддѣла первая плутовка. Положеніе, однакожь, маркиза Энрико внушаетъ состраданіе. Но успѣю ли я открыть?... покрайней мѣрѣ постараюсь; а между тѣмъ, узнаемъ, что дѣлаетъ нашъ дурачокъ. (*кличетъ:*) Пиппето! Маркизь Пиппето!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Донъ Грегорио и Маркизь Пиппето.

Пиппето.

Что вамъ угодно, донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

Изъ какой Вы это комнаты шли теперь?

Пиппето.

Я былъ у Леонарды.

Донъ Грегорио.

За какимъ дѣломъ?

Пиппето.

Она мнѣ показывала, какъ метать петли и шить.

Донъ Грегорио.

Ну! къ чему можетъ послужить это?

Пиппето.

Всѣ науки полезны.

Донъ Грегорио (въ сторону).

Наука шить! бѣдныя попеченія, брошенныя на вѣтеръ! и отецъ воображаетъ, что голова этого сорта въ двадцать пять лѣтъ—годна занять роль въ обществѣ.

Пиппето.

Что-же Вамъ угодно отъ меня?

Донъ Грегорио.

Скажите, не хотите ли пойти со мной прогуляться?

Пиппето.

Извините, мнѣ теперь не хочется.

Донъ Грегорио.

Ну, оставайтесь! только не будьте такъ часто съ служителями. Говоря все съ Леонардой и лакеями, Вы безъ того успѣли научиться такимъ словамъ и фразамъ.... онѣ ужъ чрезъ чуръ тривіальны.

Пиппето.

Но съ кѣмъ-же Вы хотите, чтобъ я говорилъ, если я никого другого не вижу?...

Донъ Грегорио.

(*Про себя*). Вотъ тоже самое я говорю всегда Маркизу. (*къ Пиппето*): Ну довольно. По крайней мѣрѣ старайтесь подражать разговору Вашего отца, учителей, а не слугъ.

Пиппето.

Постараюсь. Впрочемъ, Леонарда, мнѣ кажется, говорить недурно.

Донъ Грегорио.

Ито правда, что въ эти годы пора бы ей выучиться.

Пиппето (*про себя*).

А мнѣ она кажется совсѣмъ не стара.

Донъ Грегорио.

А между прочимъ потрудитесь сказать Энрико, не хочетъ ли идти изъ дому; я чрезъ минуту буду здѣсь. Зайду только къ себѣ запечатать кое какія письма и сейчасъ возвращусь. (*про себя*): Тупоуміе этого молодца, положеніе Энрико, упрямство стараго маркиза заставятъ меня просто потерять голову. (*уходитъ*).

Пиппето.

Теперь я вижу, Леонарда говорить правду, что донъ Грегорио сдѣлался ея врагомъ. Выходить тоже правда, что онъ покушался соблазнить ея невинность. Гадкій старичишка! Нужно позвать брата, чтобъ сказать, захочетъ-ли онъ идти (*кличетъ:*) Энрикс! Энрико!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Энрико и Пиппето.

Энрико (за сценою).

Что тебѣ нужно?

Пиппето.

Слушай!

Энрико (за сценою).

Да что тебѣ нужно, говори.

Пиппето.

Ступай сюда и ты услышишь

Энрико (за сценою).

Какъ ты несносенъ! (*входя*) ну, что?

Пиппето.

О какъ ты не вдухъ сегодня!

Энрико.

Оставь меня въ покоѣ.

Пиппето.

Донъ Грегорио говорить, нехочешь-ли идти изъ дома? Онъ сейчасъ придетъ, чтобъ идти съ тобой.

Энрико.

Нѣтъ.

Пиппето.

Ну, такъ останься покамѣсть здѣсь, и если донъ Грегорио возвратится, скажи, что хочешь остаться дома.

Енрико *(съ поникшими глазами)*.

Хорошо.

Пиппето.

Но отчего ты такъ печалень всегда? знаешь, что я тебѣ скажу! Если ты будешь такъ продолжать, то скоро умрешь.

Энрико *(хладнокровно)*.

Правда.

Пиппето.

Берегись! когда умрешь, это тебѣ будетъ очень неприятно. Дѣлай потомъ что хочешь. *(Про себя)*. Пойду къ Леонардѣ, которая теперь меня ожидаетъ, и скажу ей, что донъ Грегорио сказалъ, что она старуха. Но съ какой стороны онъ ни заходи и какія ни пробуй дороги, а Леонардуска во всякомъ случаѣ любитъ только своего Пиппето. *(Уходитъ)*..

Энрико *(одинъ)*.

Я теперь въ рѣшительномъ отчаяніи. Нѣтъ никакихъ средствъ! Суровый характеръ моего отца... Тогда какъ онъ воображаетъ, что я никогда не выходилъ изъ дому... и быть принуждену признаться, что я имѣю жену! При одной мысли объ этомъ. морозъ охватываетъ меня. Правда, что званія почти равны, что качества душевныя достойны всякаго уваженія, что я не могъ бы желать больше. Но характеръ, характеръ отца моего, его неукротимый характеръ.... Его система.... Я трепещу при одной мысли о своемъ положеніи. Пока еще можно хранить было тайну, сердце мое успокоивалось разнообразными льстивыми мечтами; но теперь когда все должно непременно открыться, теперь когда Джильда не имѣетъ никого у себя, кромѣ меня, когда я... О! какая мука! какъ свирѣпо мое горе! *(Печаль сильными чертами выражается на лицѣ его)*.

ЯВЛЕНИЕ 5-е:

Энрико и Донъ Грегорио.

Донъ Грегорио (*про себя*).

Вотъ онъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи: бѣдный молодой человекъ! Онъ слишкомъ возбуждаетъ мое состраданіе (*Къ нему*). Маркизь!

Энрико.

Донъ Грегорио?

Донъ Грегорио.

Хотите сдѣлать небольшую прогулку?

Энрико.

Ахъ, увольте меня онъ нея, я васъ прошу.

Донъ Грегорио.

Какъ хотите. Я вижу, что вы нѣсколько взволнованы.

Энрико.

Ахъ, не сомнѣвайтесь, донъ Грегорио... (*Слезы льются изъ его глазъ*).

Донъ Грегорио.

Что вы говорите! Изъ глазъ вашихъ падаютъ слезы, какъ капли дождя. Сынъ мой милый! къ чему скрываться? Въ душѣ Вашей есть горе, убивающее ваше здоровье. Энрико мой милый, мой прекрасный Энрико! Бросься въ объятія твоего Грегорио! Не стыдись обнаружить тайную причину, повергающую тебя въ это несчастное состояніе. Сердце мое открыто для тебя. Въ эту минуту я не дядька твой, я твой нѣжный другъ. Клянусь сохранить свято тайну и обещаю тебѣ всякую помощь, какъ отецъ нѣжнѣйшій, который прижимаетъ тебя къ груди своей. (*Обнимая его, про себя*): Если онъ не тронется отъ этихъ словъ, то ужъ больше ничѣмъ не тронется.

Энрико.

Донъ Грегорио! Вы клянетесь...

Донъ Грегорио (*въ сторону*).

А! вотъ наконецъ поддается! (*Къ нему*). Да, мой Энрико!

Энрико.

Ахъ, вы видите, въ какое положеніе я приведенъ!

Донъ Грегорио.

Несчастный, вы исхудали, вы сдѣлались блѣдны.

Энрико.

Я не ѣмъ... я терплю... я мучусь... ночью сны мои... Ахъ, я слишкомъ заслуживаю состраданья! Но вы, донъ Грегорио, вы не можете пособить моему горю.

Донъ Грегорио.

Да вѣдь есть средства пособить всякому горю. Подойдите ко мнѣ, скажите, исповѣдайтесь, откройтесь. Донъ Грегорио запечатаетъ уста свои; слова ваши останутся окаменѣвшими въ ушахъ его. Скажите, скажите мнѣ, какого рода ваше горе; какая причина произвела болѣзнь вашу?

Энрико.

Донъ Грегорио! горе... Нѣтъ, у меня недостаетъ присутствія духа! моя болѣзнь... Боже! гдѣ я? О женщины! женщины!

Донъ Грегорио.

Женщины! какъ? (*Хвативши себя руками по лбу*) О несчастный малый! Но какъ это возможно?... Не выйдя никогда изъ дому... Что, вы влюблены? а? ну, что такое вамъ приключилось?

Энрико.

Донъ Грегорио! молчите, ради самого неба!... я въ вашихъ рубашкахъ... да, вы можете вообразить... женщина привела меня въ это состояніе, въ какомъ меня видите.

Донъ Грегорио (*въ сторону*).

О! мошенница!... потъ проступилъ на лицѣ моемъ... я виѣ себя... (*къ Энрико*) сынъ мой, объяснитесь!

Энрико.

О! Боже! я не нахожу словъ... дайте мнѣ минуту времени! стыдъ... Отецъ мой гдѣ?

Донъ Грегорио.

Отецъ вашъ вышелъ, онъ, можетъ быть, не возвратится и къ обѣду.

Энрико (*весь въ волненіи*).

Точно ли такъ?

Донъ Грегорио.

Въ этомъ я могу васъ увѣрить.

Энрико.

И такъ... (*въ размышленіи*) вотъ наконецъ минута! (*въ слухъ*) Вы клянетесь помочь мнѣ?

Донъ Грегорио.

Да, отъ всего моего сердца!

Энрико.

Хорошо, и такъ теперь (*въ мучительной неръшимости*) Небо, дай мнѣ силы... Рѣшусь... я вамъ покажу все.

Донъ Грегорио.

Да, да, сынъ мой!

Энрико.

Заприте эту дверь, чтобы Пиппето и Леонарда не могли войти сюда... слуга, который теперь въ столовой... ради Бога ушлите его куда нибудь изъ дому...

Донъ Грегорио.

Да, Энрико; все сдѣлаю, что тебѣ хочется. Здѣсь мы запремъ. (*запираетъ дверь*) Отправлю за какимъ-нибудь дѣломъ слугу. Смѣлѣе, смѣлѣе Энрико.

Энрико.

Сейчасъ иду... увидите все... Вы подвигнетесь участіемъ... Боже, не оставь въ эту сильную минуту меня (*уходитъ въ свою комнату*).

Донъ Грегоріо.

Бѣдный мальчикъ!... никакъ не могу объяснить... Разбойника!
(*кличетъ*) Симонъ! послѣ такого бдительнаго надзора... но что я говорю! все бесполезно!... Симонъ! но какимъ образомъ... кто нибудь долженъ помогать ему... Симонъ! Симонъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Симонъ и Донъ Грегоріо.

Симонъ.

Что прикажете?

Донъ Грегоріо.

Ступай на почту, узнай, нѣтъ ли мнѣ писемъ...

Симонъ.

Я ужь былъ тамъ; писемъ вамъ нѣтъ никакихъ.

Донъ Грегоріо (*въ сторону*).

Чортъ возьми! (*ему*) Сходилъ бы ты между прочимъ къ книгопродавцу, не переплелъ ли онъ мнѣ тѣ два тома, которые я ему говорилъ.

Симонъ.

Да, сударь; онъ уже ихъ принесъ, я ихъ положилъ на столъ въ вашей комнатѣ.

Донъ Грегоріо (*въ сторону*).

Прошу покорно! Смотрите, какъ нарочно этотъ бестія—дьяволъ всюду тычетъ хвостъ свой! (*ему*) хорошо! такъ какъ ты теперъ ничѣмъ не занятъ, то сходи къ цирюльнику и приведи его сюда: я хочу побриться.

Симонъ.

Очень хорошо (*готовясь идти*).

Донъ Грегоріо (*въ сторону*).

Недостаетъ только, чтобъ онъ сказалъ, что я уже брился.

Симонъ (*возвращаясь*).

Вѣдь я и позабылъ, что сегодня всѣ лавки заперты. У цырюльниковъ праздникъ.

Донъ Грегорио (*въ сторону*).

Тѣфу ты, сатана!... (*плюетъ*) Очень хорошо! сегодня черный день! (*къ Симону*) ступай за мною въ мою комнату, я тебѣ дамъ отнести на почту кое какія письма.

Симонъ.

Какъ прикажете.

Донъ Грегорио (*въ сторону*).

Слава Богу! я ужъ думалъ, что почтовый ящикъ, куда бросаютъ письма, запертъ. Бѣдный мальчикъ, какъ только подумаю объ этомъ—хочется плакать (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Эрико, а потомъ Джильда.

Эрико.

Правосудное небо! помоги мнѣ въ этомъ смѣломъ предпріятіи! Ахъ, еслибъ никто не увидалъ ее! Бѣдненькая! Едва только я подалъ изъ окна знакъ ей придти сюда, мнѣ показалось, что она сама воодушевилась смѣлостью необыкновенною. Вскочила со стула, отняла отъ груди бѣднаго ребенка... (*слышитъ легкій шорохъ шаговъ*). Она уже тутъ, а между тѣмъ слуга еще... (*дрожитъ*).

Джильда (*на цыпочкахъ*).

Эрико! я здѣсь! такъ ли? ты этого хотѣлъ?

Эрико.

Ты никого не встрѣтила?

Джильда.

Нѣтъ.

Эрико.

Отдыхаю.

Джилда.

Что новаго? Что ты хочешь дѣлать? Безопасны ли мы здѣсь?

Эрико.

Смѣлѣе, моя милая Джилда! Тебѣ предстоитъ важное дѣло.

Джилда.

Эрико мой драгоценный, все что хочешь, все сдѣлаетъ твоя Джилда.

Эрико.

Слушай. За нѣсколько минутъ предъ симъ обняло меня отчаяніе, какъ вдругъ дядька, увидя меня въ слезахъ, съ помощью убѣжденій своихъ, заставилъ открыть причину несчастнаго моего положенія. Я отчасти кое-что уже сказалъ, но не имѣлъ еще духу открыть ему, что мы супруги. Ты знаешь, что, когда я долженъ наконецъ выговорить нѣкоторыя слова, уста мои запираются. И потому, чтобы довершить это дѣло, мнѣ внушило само небо, теперь, когда отецъ мой ушелъ со двора, призвать тебя сюда, тебя, которая обладаетъ такою силою и разумомъ рѣчей, чтобъ отвѣчать на все то, что будетъ говорить донъ Грегорио, услыша подобныя вещи.

Джилда.

Сдѣлаю всё, что только могу. Ты знаешь, что я, какъ только чувствую, что недостаетъ у меня словъ, въ ту же минуту пускаю въ дѣло страницу изъ романа, который читала. Я тебя, однакожь, предупреждаю, что у этого дядьки твоего такая наружность, которая не предвѣщаетъ хорошаго.

Эрико.

Ты обманываешься, у донъ Грегорио не дурное сердце.

Джилда.

Джилда станетъ дѣлать всё, что ты прикажешь.

Эрико.

Какъ ты добра! какъ я люблю тебя! твой характеръ уже есть мое оправданіе

Джилда.

Когда же я увижу его, этого донъ Грегорио?

Энрико.

Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

(Остолбевъши отъ изумленія при видѣ женщины, про себя). Чортъ побори! что я вижу?

Энрико.

Донъ Грегорио, вотъ она.

Донъ Грегорио.

Возможно ли? Вы?

Джилда.

Ахъ сударь!

Донъ Грегорио.

Или я обманываюсь или вы та дѣвица, что живетъ противъ нашего дома, со стороны обращенной въ переулокъ?

Джилда.

Такъ точно.

Донъ Грегорио.

Дочь полковника...

Джилда.

Тампiani.

Донъ Грегорио.

Который, сказывали, умеръ въ послѣднюю войну?

Джилда.

Къ несчастью.

Донъ Грегорио.

И вы привели въ такое состояніе...

Джилда.

Да, я не отрекаюсь, я привела въ такое состояніе моего Энрико.

Донъ Грегорио.

Тише, тише.... что вы говорите?... стыдитесь, стыдитесь!

Энрико.

Донъ Грегорио! не начинайте упреками!

Донъ Грегорио.

Но какъ это... какъ это... (*въ сторону*) теряю голову! (*въ слухъ*) какъ это вы дѣлали, чтобы другъ съ другомъ видаться?

Джилда.

Скажи ему, какъ мы дѣлали.

Энрико.

Нѣтъ, Джилда, скажи ты. Что? или ты потеряла присутствіе духа.

Донъ Грегорио.

(*Про себя въ величайшемъ безпокойствіи и неръшимости.* Я дурью, вотъ просто чувствую, что дурью... Кто бы могъ это подумать? (*въ слухъ*). Ну объяснитесь, говорите!

Джилда.

И такъ, знайте же, что по отъѣздѣ бѣднаго отца моего, мать моя содержала меня подѣ строжайшимъ надзоромъ. Энрико, какъ вы знаете, тоже....

Донъ Грегорио.

О! что до него, то ему невозможно было отлучиться изъ дому.

Джилда.

Хорошо. И такъ, мы стояли у оконъ, которыя какъ нарочно были одно противъ другаго. Энрико смотрѣлъ на меня, я смотрѣла на него;

онъ смѣялся и я смѣялась, онъ мнѣ дѣлалъ знаки, я ему отвѣчала на это другими... сегодня смѣялся, завтра дѣлалъ знаки, послѣ завтра вздыхалъ, такъ что наконецъ...

Донъ Грегорио.

Такъ что наконецъ вамъ удалось...

Джилда.

Да, наконецъ удалось. Но знаете ли, сколько времени прошло, пока посчастливилось намъ въ первый разъ поговорить?

Эрико.

Да, прошло очень много времени.

Донъ Грегорио (про себя).

Я ничего не понимаю. Я не въ своей тарелкѣ. Я чортъ знаетъ гдѣ.

Джилда.

Наконецъ въ одну ночь удалось Эрико ускользнуть изъ дому и взбѣжать на нашу лѣстницу. Я тремя вязальными спицами, связанными вмѣстѣ, повертила пружинку въ замкѣ дверей нашего дома. Онъ вошелъ трепеща, и я, дрожа всѣмъ тѣломъ, заперла его.

Донъ Грегорио.

Правосудный Боже! Что слышу! Я умираю.

Джилда.

Едва только переступилъ Эрико порогъ моей комнаты (*показываетъ рукою*)—онъ стоялъ здѣсь, а я здѣсь,—какъ вдругъ показалась моя мать, вскрикнула, увидѣвши насъ, и бросилась къ Эрико, не зная сама, на кого перваго излить гнѣвъ свой. Находясь такимъ образомъ между изумленіемъ и негодованіемъ, она подверглась вдругъ сильнымъ конвульсіямъ и упала безъ чувствъ...

Донъ Грегорио.

Ну, далѣе...

Джилда.

Произнося со страху безсвязные звуки, я ухватила ее, пораженную отчаяніемъ, за шею; Эрико, рыдая, бросился къ ея ногамъ. На

крикъ нашъ приближала старая служанка, и мать пришла въ себя...
Чтобы загладить безразсудный шагъ, чтобы спасти честь мою, было
только одно средство Энрико предложилъ его, я его приняла, а мать
благословила его.

Донъ Грегорио (*со страхомъ*).

Какъ!

Джилда.

Мы дали другъ другу руки какъ супруги и, спустя день, былъ
освященъ и утвержденъ тайно союзъ нашъ.

Донъ Грегорио (*крича*).

Что вы говорите! Супруги? въ правду? Безъ согласія отца? Такъ
вотъ ваше несчастіе! Я думалъ просто какое нибудь несчастіе въ лю-
бовныхъ дѣлишкахъ... (*въ отчаяніи*) идите прочь. Пусть дѣлаетъ отецъ
вашъ что хочетъ!... Онъ васъ убьетъ! Я васъ оставляю....

Энрико.

Донъ Грегорио, дѣло уже сдѣлано.

Джилда.

Даже слишкомъ, нѣтъ никакого средства исправить.

Донъ Грегорио.

Не говорите мнѣ, не говорите... я ничего не знаю... Безчестные!
измѣните мнѣ.... (*въ ярости*). Но какъ ты сдѣлалъ, какъ ты могъ
выйти изъ дому?

Энрико.

Бастіано, слуга, который мѣсяца два назадъ тому умеръ, помо-
галъ мнѣ.... и заказалъ мнѣ поддѣльный ключъ....

Донъ Грегорио (*въ гнѣвъ*).

Недостойные, недостойные! (*обращаясь къ Джилдѣ*.) А ты, какъ
сдѣлала, что онъ влюбился въ тебя?

Джилда.

Какъ дѣлають всѣ другія.

Донъ Грегоріо (*въ гнѣвъ*).

Предательница! предательница! (*въ отчаяніи*). Но точно ли законно ваше соединеніе?

Эрико.

Сдѣлано въ присутствіи нотаріуса

Джильда.

И свидѣтелей.

Эрико.

Узаконено и скрѣплено.

Джильда.

По всѣмъ формамъ.

Донъ Грегоріо.

Я не знаю, гдѣ я нахожусь?... Маркизь умереть отъ печали. Здѣсь ничего нельзя поправить. Я не могу помочь вамъ; ступайте, отправляйтесь! Сколько времени, какъ вы супруги?

Джильда.

Одинъ годъ.

Донъ Грегоріо.

И въ продолженіи одного года...

Джильда.

Мы доставили себѣ одного сына.

Донъ Грегоріо (*вскрикивая*).

Сына!

Эрико.

Одного только, душенька донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо.

Оставьте меня въ покоѣ; дайте мнѣ удалиться; оставайтесь... бѣгите... дѣлайте что хотите. Я васъ предаю гнѣву вашего отца и его ярости (*готовъ уйти*).

Джилда.

Какъ!

Эрико (*удерживая его за платье*).

Ради самаго неба!

Донъ Грегорио (*вырываясь*).

Нѣтъ! Нѣтъ! Здѣсь нѣтъ жалости.

Джилда.

Когда такъ, оставь его Эрико. Оставь этого человѣка съ сердцемъ тирана. Я тебѣ говорила, что мнѣ не предвѣщала ничего другаго его наружность.

Донъ Грегорио (*останавливаясь*).

Какъ! Что вы говорите! Я тиранъ!

Джилда.

Да, вы тиранъ, и вѣчно останетесь имъ; какъ кажется, вы этимъ довольны. Сердца наши связаны между собою союзомъ священнымъ, союзомъ чести, союзомъ законовъ и тысячами тысячъ другихъ нѣжнѣйшихъ отношеній, союзомъ страсти и клятвъ переплетены и вмѣщены одно въ другомъ и сжаты тѣсно. Отрѣшить наши сердца одно отъ другаго нельзя, какъ развѣ изрубивши на части одно изъ нихъ или раздробивши оба. Вы насытитесь, сколько хочется душѣ вашей, кровью и слезами; объ одномъ только молю васъ, насыщайтесь сколько хотите стenanіями и муками моими, но спасите моего Эрико отъ ярости суроваго отца. Если я была причиною несчастія этой фамиліи, отместите и обрушьте все на несчастную Джилду, но да будетъ прощень мой Эрико! За эту цѣну я согласна идти скитаться бѣглянкой, изгнанницей, оставленной всѣми, сохранивши только у груди своей несчастный плодъ любви нашей.

Донъ Грегорио (*который къ концу этой рѣчи разжалобленъ совершенно, говоритъ про себя на взрыдъ*).

Сердце мое разрывается на части.

Эрико (*вполголоса*).

Браво, Джилда!

Джилда (*рыдая*).

Прощай, мой Энрико... прости мнѣ, если...

Донъ Грегорио.

Остановитесь..., что я дѣлаю (*осушая слезы и про себя*). Бѣдные молодые люди! Оставить ихъ въ добычу отчаянія! зло сдѣлано... Они ужъ мужъ и жена!... О Боже! Званія ихъ почти равныя... (*въ нервѣнности*)...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Маркизь Джуліо (*за сценой*).

Голосъ Маркиза.

Донъ Грегорио возвратился?

Донъ Грегорио.

Святые всего свѣта! Это Маркизь!

Энрико (*въ испугѣ*).

Донъ Грегорио! Я погибъ!

Джилда (*къ донъ Грегорио*).

О Боже, спасите меня!

Донъ Грегорио (*въ сторону*).

Небо, подай совѣтъ!... (*толкая ее въ комнату Энрико*) сюда, сюда войдите скорѣе!

Джилда (*входя*).

Не выдавайте Энрико!

Донъ Грегорио.

Молчите, молчите! цсс!...

Энрико.

Ради Бога! Я долженъ идти?

Донъ Грегорио.

Останьтесь! (*затираетъ дверь на ключъ*).

Маркизь (*входя въ комнату, когда донъ Грегорио отскакиваетъ поспѣшно отъ двери съ ключемъ въ рукахъ*).

Вы дома?

Энрико.

Счастливаго возвращенія, папа! (*цѣлуетъ его руку*).

Маркизь (*разсматривая со вниманіемъ и недоумчивостью донъ Грегорио и ключъ, находящійся въ его рукахъ*).

Извините донъ Грегорио, зачѣмъ вы съ такою поспѣшностію вынули ключъ отъ этой двери?

Донъ Грегорио (*про себя*).

Холодный потъ проступаетъ у меня на лбу (*въ слухъ*) я... ничего.

Энрико (*про себя*).

О Боже!

Маркизь.

Я располагалъ было не обѣдать сегодня дома, но министръ обѣдаетъ у маршала.... Извините меня, донъ Грегорио, вы, кажется, въ большомъ замѣшательствѣ; что такое вы заперли въ этой комнатѣ?

Донъ Грегорио (*про себя*).

Опять! (*въ слухъ*) говорю вамъ: вздоръ, ничего. .

Маркизь.

Однакожь!

Энрико (*тихо къ донъ Грегорио*).

Донъ Грегорио! не измѣните!

Донъ Грегорио (*про себя*).

Тутъ нуженъ умъ; (*въ слухъ*) я вамъ сейчасъ скажу... мнѣ подарена... одна... собаченка. И потому я, чтобы не запачкать комнату, заперъ ее туда. Послѣ я отнесу ее въ свою комнату.

Маркизь.

Въ такомъ случаѣ я долженъ просить извиненія. Но вы говорите такимъ образомъ... сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ ключъ!

Донъ Грегоріо.

Какъ!

Эрнико (*про себя*).

Я пропалъ!

Маркизь.

Развѣ я не господинъ дома?

Донъ Грегоріо.

Вы точно; и по этому...

Маркизь.

Я хочу видѣть, что тамъ заперто.

Донъ Грегоріо.

Я ужъ вамъ сказалъ... одна кудлашка.

Маркизь.

Извините, я этому не вѣрю. Къ тому-жъ этотъ домъ мой. Донъ Грегоріо, отдайте мнѣ ключъ!

Эрнико.

Я умираю.

Донъ Грегоріо.

Вы этому не вѣрите? (*про себя*) Чортъ побери всѣхъ чертей. (*съ слухъ*) Господинъ Маркизь; (*съ чувствомъ негодованія*) развѣ такимъ образомъ можно говорить мнѣ? Возьмите ключъ! Вотъ онъ! Отоприте! смотрите, и потомъ, покрытый стыдомъ за нанесенное оскорбленіе, не имѣйте присутствія духа посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза! Подозрѣвать, что донъ Грегоріо можетъ обмануть! нанести подобное оскорбленіе въ присутствіи этого молодаго юноши!... Отоприте, Маркизь, сію же минуту: отоприте въ моемъ присутствіи; пусть увидятъ ваше без-

честное подозрѣніе и честность Донъ Грегорио, который съ этой минуты оставляетъ домъ вашъ.

Маркизь.

Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио.

Откройте! не слушаю никакихъ резоновъ!

Маркизь.

Донъ Грегорио! Вотъ ключъ!

Донъ Грегорио (горячась).

Нѣтъ, Маркизь, откройте! Мнѣ подобное оскорбленіе!

Маркизь.

Простите меня, говорю вамъ, на минуту я потерялъ рассудокъ, я виноватъ.

Донъ Грегорио.

Подозрѣвать! дайте ключъ; ступайте смотрите! *(готовясь отпирать)*.

Маркизь.

Остановитесь! Я не хочу.

Донъ Грегорио.

Пустите меня! увидите, увидите! пусть объяснится.

Маркизь.

Говорю вамъ, что не хочу. Прошу извиненія, простите меня, я виноватъ! *(удерживаетъ его за полы)*.

Донъ Грегорио (представляя что насильно хочетъ отпереть).

Нѣтъ, теперь нѣтъ.

Маркизь.

Что же вы хотите, чтобъ я еще сдѣлалъ, чтобъ получить ваше прощеніе? Донъ Грегорио, простите меня. Я былъ дуракъ. Ничего не

хочу видѣть. Я въ васъ увѣренъ. Ради Бога, простите меня (*про себя*). Что я надѣлалъ! Я горю отъ стыда. (*уходитъ*).

Донъ Григоріо!

Мнѣ! меня! со мною! (*про себя*) Отвязался наконецъ, старая дубовая башка!..

Энрико.

Ухъ! какъ было страшно! я вамъ долженъ....

Донъ Григоріо (*передразнивая*).

Я вамъ долженъ.... (*въ отчаяніи*). Что вы заставили меня сдѣлать?

Энрико.

Теперь?

Донъ Григоріо.

Теперь я ничего незнаю... но ищу того... Вы вотъ что... это обстоятельство... впрочемъ того... (*Даетъ ключъ въ смущеніи не зная и не понимая самъ что говоритъ*). Нужно... нужно... удалите ее отсюда прочь.

Энрико.

То есть...

Донъ Григоріо.

То есть, какъ то, что не стоитъ выѣденнаго яйца. Боже какое затруднительное положеніе... Сдѣлайте такъ, чтобы никто не видалъ... Я былъ бы компрометированъ... Ради Бога!.... Былобы хорошо такъ... Вы поняли все?.. Чортъ меня побери, если я самъ понимаю хоть одно слово изъ того, что говорю (*уходитъ*).

Энрико.

Небо! помоги мнѣ! (*уходитъ въ комнату гдѣ жена*).

ДѢЙСТВІЕ II.**ЯВЛЕНІЕ 1-е.****Донъ Грегорио и Энрико.****Донъ Грегорио.**

Какъ! Вы до сихъ поръ еще не вывели ее отсюда?

Энрико.

Нельзя было никакимъ образомъ. Въ столовой вѣчно кто нибудь толкался. Потомъ мы пошли обѣдать...

Донъ Грегорио.

И такъ, она до сихъ поръ тамъ?

Энрико.

Тамъ.

Донъ Грегорио.

Прахъ побери! какъ-же!.. и она ничего не ѣла.

Энрико.

Сей часъ я вамъ скажу. Мнѣ удалось утащить за столомъ пол-курицы и пару котлетъ, спрятать ихъ въ карманъ и отнести ей тотъ-часъ послѣ обѣда, чтобъ не умерла съ голоду.

Донъ Грегорио.

Но что-же она дѣлаетъ теперь?

Энрико.

Плачетъ, опасаясь за ребенка, котораго теперь время кормить.

Донъ Грегорио.

Но какъ же помочь этому—какъ? Зачѣмъ отваживались вы приводить ее сюда? Развѣ вы не могли открыть мнѣ все, не подвергая...

Энрико.

Я не имѣлъ столько присутствія духа, чтобы открыть вамъ милый донъ Грегорио! Покамѣстъ было возможно, я скрывалъ все; но теперь,

когда Джильда осталась одна, отчаяніе заставило прибѣгнуть къ этому поступку.

Донъ Грегорио.

А мать ея?

Эрико.

Мать ея, которая условилась въ продолженіи года держать дочь у себя въ домѣ, имѣя нужду въ деньгахъ, должна была отправиться въ Миланъ, чтобы собрать кое какое оставшееся имущество послѣ своего мужа, и уѣхала три дня тому назадъ, оставивши дочь на руки провиндѣнія и меня, ея мужа.

Донъ Грегорио.

И такъ, при ней больше никого кромѣ Васъ?

Эрико.

По крайней мѣрѣ, сколько я знаю....

Донъ Грегорио.

Но какъ же вы думаете содержать ее до тѣхъ поръ, пока отецъ....?

Эрико.

Здѣсь-то и затрудненіе для меня.

Донъ Грегорио.

Отецъ вашъ даетъ-ли вамъ деньги?

Эрико.

Ничего кромѣ тридцати паоловъ (15 руб.) шестаго Генваря, въ видѣ подарка на игрушки.

Донъ Грегорио (въ сторону).

Да, посмотрѣва теперь, какихъ игрушекъ требуютъ эти дѣти! Какая лошадь этотъ Маркизь. (ударивши себя по лбу) О Боже! И вотъ я замѣшался въ интригу... но какъ, чортъ возьми, удалось вамъ все сдѣлать такъ, что никто не проникъ?...

Эрико.

Бастіано...

Донъ Грегорио.

Проклятый Бастіано! и я этого не могъ предвидѣть!

Эрико.

Онъ наблюдалъ очень осторожно, чтобъ изъ васъ кто нибудь не проснулся, и поддѣльнымъ ключемъ отпиралъ и запиралъ дверь. Въ то время, когда мы говорили и проводили время съ Джильдой, у насъ была стража, чтобы никто не могъ ничего узнать; такимъ образомъ...

Донъ Грегорио (въ сторону).

Я говорилъ Маркизу: позвольте мнѣ спать внизу! «говорить: не нужно; нѣтъ никакой опасности! Вотъ тебѣ нѣтъ опасности. Вотъ тебѣ нѣтъ никакой опасности. Распорядился прекрасно. (*Въ слухъ*) А потомъ, когда умеръ Бастіано!

Эрико.

Тогда родился Бернардино...

Донъ Грегорио.

Какой Бернардино?

Эрико.

Сынъ нашъ.

Донъ Грегорио.

А! (*въ сторону*) а между прочимъ, сколько есть такихъ, которые бы желали, чтобъ у нихъ родился сынъ, а нѣтъ не родится.

Эрико.

Послѣ рожденія его мы видѣлись очень рѣдко и съ большою предосторожностью.

Донъ Грегорио.

Я просто безумію. И никто не могъ открыть ни супружества, ни беременности дѣвушки, ни разрѣшенія.

Эрико.

Никто; потому—что сивіора Бриджида, мать Джильды, заключила брачное условіе посредствомъ одного очень хорошаго человѣка,

своего искренняго друга, съ которымъ она уѣхала въ Миланъ. Онъ же засвидѣтельствовалъ какъ слѣдуетъ рожденіе ребенка. Синіора Бриджиды не выпускала дочь изъ дому во все время ея беременности. Синіора Бриджиды присутствовала при ней и подавала помощь во всѣхъ припадкахъ, для того чтобъ это дѣло было извѣстно только синіорѣ Бриджидѣ, ея другу, старушкѣ служанкѣ дома, Джильдѣ и мнѣ.

Донъ Грегоріо.

А когда Маркизь узнаетъ это дѣло, то разобьетъ голову синіорѣ Бриджидѣ, донѣ Грегоріо, который не зналъ объ этомъ, Джильдѣ и старушкѣ служанкѣ. Это не шутка! Это интрига, интрига сурьезная, роковая.

Энрико.

И такъ, вы хотите бросить насъ въ руки отчаянія?—въ положеніе—сдѣлать какой нибудь шагъ, внушенный послѣднею безнадежностью? Если вы имѣете столько на это духа и сердца, сдѣлайте это. По крайней мѣрѣ дайте возможность уйти только этой несчастной, чтобы избавить ее отъ враговъ, отъ ярости моего отца, какой предастся онъ ее увидѣвши.... *(въ слезахъ)*.

Донъ Грегоріо *(въ сторону)*.

Да, теперь бы я попросилъ васъ, грозные педанты, придти помотрѣть, что дѣлать въ такомъ случаѣ! Они уже супруги; любятъ другъ друга, различія въ званіяхъ почти нѣтъ никакого, имѣетъ сына....

Энрико.

Донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо *(горячась)*.

Донъ Грегоріо, Донъ Грегоріо! Это обстоятельства отчаянныя... *(въ сторону)* но какъ же однакожь? теперь, когда выстрѣлъ уже сдѣланъ, когда пуля вылетѣла, развѣ можно теперь оставить ихъ такъ?

Энрико.

Донъ Грегоріо!

Донъ Грегоріо.

Надоѣлъ съ этимъ Донъ Грегоріо... Слушай, прежде всего нужно ее вывести. Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, какъ нибудь можно

уладить это дѣло. Между тѣмъ постараюсь до того времени твоего отца... но какъ, какъ это сдѣлать?... А, довольно! скажи ей, чтобы не плакала, что я подумаю обо всемъ.

Эрико.

Я ввѣряюсь вамъ.

Донъ Грегорио.

Ступай, запись и неотпирай никому, пока не услышишь моего голоса.

Эрико.

Милый мой донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

Да перестань разъ на всегда! я теперь, чортъ его знаетъ, въ такомъ положеніи, что не могу слышать даже собственнаго имени.

Эрико.

Повинуюсь и предаюсь весь вамъ. Пойду утѣшить мою Джильду и провѣдать, не имѣетъ ли она въ чемъ нужды. (*уходитъ*).

Донъ Грегорио (*одинъ*).

Здѣсь нѣтъ никакого средства поправить. А! происходитъ то, что должно произойти! Я не долженъ оставить этихъ молодыхъ людей! Впрочемъ вѣдь зло могло-бы быть въ десять разъ хуже. Она не имѣетъ ничего въ себѣ дурнаго, хорошей фамиліи, а если состояніе ея не имѣетъ большихъ доходовъ, то это еще ничего. Маркизь не имѣетъ нужды въ деньгахъ.. Да, смѣлѣе! (*рѣшительно*) молодымъ людямъ помочь! Такъ! Теперь нужно вывести молодую женщину такъ, чтобы никто не видалъ, и съ сегодня я приступаю располагать понемногу Маркиза

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Маркизь и Донъ Грегорио.

Маркизь:

А! Донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

Сеніоръ Маркизь! (*въ сторону*) кстати пришелъ.

Маркизь.

Прежде всего, повторяю, позабудьте объ оскорбленіи, которое сегодня по утру...

Донъ Грегорио.

Вы меня поразили, я уже вамъ говорилъ....

Маркизь.

Довольно! обнимемся (*обнимаются*) и пусть это будетъ послѣднее напоминаніе о случившемся.

Донъ Грегорио.

Въ этомъ будьте увѣрены. (*въ сторону*). Вотъ хорошая минута!

Маркизь.

Гдѣ Еярико?

Донъ Грегорио (*про себя*).

Вотъ оно! (*въ слухъ*). Не знаю... можетъ быть у своего брата!

Маркизь.

Вы еще не говорили съ нимъ?

Донъ Грегорио.

Говорилъ... (*про себя*) да если бы ты зналъ, о чемъ мы говорили!

Маркизь.

Ну что онъ? онъ по обыкновенію...

Донъ Грегорио.

То есть, если хотите, чтобъ я вамъ сказалъ правду, то чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе я утверждаюсь въ моемъ подозрѣніи.

Маркизь.

То есть...?

Донъ Грегорио.

Что этотъ молодой человѣкъ имѣеть нужду; (*въ сторону*) тише, тише, ты Донъ Грегорио! (*въ слухъ*)—имѣеть нужду дѣлать такъ, какъ дѣлають молодые люди, гулять, разговаривать...

Маркизь.

Вы вѣчно мѣтите въ одно.

Донъ Грегорио.

Что жъ дѣлать, коли такъ оно есть. Принимайте мои слова въ какомъ угодно смыслѣ, но нужно, чтобъ я сказалъ вамъ то, что думаю. Маркизь! положите руку на сердце; чѣмъ были напимѣръ, вы?

Маркизь.

Что вы хотите сказать этимъ?

Донъ Грегорио.

Чѣмъ былъ я въ молодости?

Маркизь.

Не знаю.

Донъ Грегорио.

Что такое всѣ люди тогда, когда въ цвѣтѣ лѣтъ кипить кровь и когда ты весь — горящая Этна?

Маркизь.

Фурии, которыхъ нужно держать на цѣпяхъ.

Донъ Грегорио.

Однакожь цѣпями не излечимъ зла; лишеніе не уменьшаетъ желанія. Бѣшенство занимаетъ его мѣсто; яркая противоположность становится палачемъ, и юноша гибнетъ невозвратно.

Маркизь.

Посмотримъ однакожь; какой результатъ всего этого? Что, показавъ вамъ, прочитали вы въ душѣ Еурика? можетъ быть, вы думаете, что его сердце... Вы обманываетесь: съ методой, которая введена въ моему домъ, со строгостью....

Донъ Григоріо (*про себя*).

Да, подика, посмотри, отопри эту дверь и ты увидишь, кабая тамъ строгость сидить.

Маркизь.

Любезный другъ! вы должно быть въ юности были цѣлый діаволъ.

Донъ Григоріо.

Нѣтъ; я былъ въ юности молодъ, какъ и всѣ другіе съ движеніями и побужденіями, свойственными этимъ лѣтамъ, и я вижу, что они были бы гораздо хуже, если бы вмѣсто разсудка и совѣтовъ родители мои употребили замки и строгость. Повѣрьте наконецъ, Маркизь, что совѣтъ и общество кажутся гораздо ослѣпительнѣе и прекраснѣе тому, кто слышитъ шумъ ихъ издалека, не видя ихъ, нежели тому, кто проникъ ихъ, имѣя ихъ предъ глазами, и видитъ ихъ въ настоящемъ видѣ. Да, сынъ вашъ наконецъ долженъ начать показываться на солнце и вылѣзть изъ этого гроба, гдѣ онъ находится погребеннымъ съ той минуты, какъ родился....

Маркизь.

Да, да, именно изъ одной глупой и, можетъ быть, даже притворной его меланхоліи, я ему позволю выходить, видѣть женщинъ, говорить съ ними....

Донъ Григоріо.

Ну, такъ! какъ только вы станете говорить о женщинахъ, кажется, какъ будто хотите назвать самаго діавола! Мнѣ женщины никогда не представлялись въ этомъ видѣ, и даже скажу вамъ, что я былъ (*въ сторону*)—отважился!— (*въ слухъ*) очень часто ихъ партизаномъ и защитникомъ...

Маркизь.

Браво! прекрасныя правила... оставимъ, оставимъ этотъ разговоръ. Вы, я вижу, хотите злоупотреблять мною.

Донъ Григоріо (*про себя*).

Это я предвидѣлъ (*въ слухъ*)! Пойдите! такъ какъ вы имѣете такого рода опасенія, то зачѣмъ не жените его.

Маркизь (*встѣхнувъ*).

Женить, женить ребенка!! Спніоръ донъ Григоріо, мы увидимся въ другое время. Извините, сегодня вы мнѣ кажетесь не похожи на самого себя.

Донъ Григоріо (*про себя*).

Этого еще не доставало!.. (*въ слухъ*) я говорю чтобъ....

Маркизь.

Женить Эврика! Мой отецъ согласился на мою свадьбу тогда только, когда ему было семьдесятъ два года, а мнѣ сорокъ семь...

Донъ Григоріо.

И однакожь Вы теперь видите...

Маркизь.

Довольно, довольно! я не могу обратитъ никакого вниманія на предложеніе, сдѣланное мнѣ человѣкомъ, который, нагорѣвъ со стыда, назвалъ себя протекторомъ и партизаномъ женщинъ. Вы никогда еще до сихъ поръ не дѣлали мнѣ подобнаго предложенія. Еслибъ я это прежде зналъ, я бы, можетъ быть, судилъ о васъ иначе.

Донъ Григоріо.

Не думайте, что я...

Маркизь.

Я извиняю васъ, предполагая, что голова вапа сегодня не въ полномъ разсудкѣ.

Донъ Григоріо.

Вы...

Маркизь.

Не говорите мнѣ теперь, я васъ прошу. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, если хотите, чтобъ мы остались друзьями. Не напоминайте мнѣ объ этомъ, или я приду въ бѣшенство. (*уходитъ*).

Донъ Григоріо (*одинъ*).

Теперь прошу судить, въ какомъ я нахожусь положеніи! Если стану упорствовать въ своихъ рѣчахъ, потерю его уваженіе, и они

тогда погибли... я нахожусь въ положеніи напакостить себѣ же собственными руками.... (*крикнувъ*). А! терять времени нечего. Постараемся удалить людей изъ столовой и улучивши, первую минуту, вывести отсюда эту несчастную заключенную.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Леонарда и Донъ Грегорио.

Леонарда.

Донъ Грегорио, мнѣ нужно кое-о-чемъ имѣть съ вами довольно длинный разговоръ.

Донъ Грегорио.

Въ другое время, любезная.

Леонарда.

Я не прошу, чтобы вы меня называли «любезная».

Донъ Грегорио.

Любезная или нелюбезная, какъ хотите, но теперь я занятъ.

Леонарда.

Вы бѣжите?... стало быть знаете, что я должна вамъ сказать? Вы...

Донъ Грегорио.

Что касается до меня, то я не знаю, что вы говорите; послѣ, немного позже, поговорю, когда вы хотите, но теперь не могу. (*пробѣгая себя*) Я и безъ того въ довольно хорошемъ расположеніи (*въ слухъ*) Увидимся послѣ! (*уходитъ*).

Леонарда (*одна*).

За кого меня принимаетъ донъ Грегорио? Нѣтъ, онъ не знаетъ Леонарды. Наговорить мальчику, что я не умѣю говорить, наговорить ему, что я пожилая, въ лѣтахъ.... развѣ онъ думаетъ, я не найду минуты поселить въ голову маркиза подозрѣніе на счетъ его? Я не буду женщина, если не отомщу.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Леонарда и Пиппето.

Пиппето.

Ты здѣсь еще?

Леонарда.

Оставьте меня въ покоѣ.

Пиппето.

Что такое съ тобою, Леонардушенька?

Леонарда.

Оставьте меня, вамъ говорю. Вы всё, всё противъ меня! Не можете видѣть меня спокойно. Я вамъ какъ язва—какая... Останетесь довольны: я уйду отсюда. Вы меня больше не увидите.

Пиппето.

Послушай; ты дура! развѣ и я....

Леонарда.

И вы тоже, и вы тоже.

Пиппето.

Какъ?

Леонарда.

Еслибъ вы въ самомъ дѣлѣ любили меня, вы бы не могли потерпѣть, чтобы меня презирали и издѣвались надо мною.

Пиппето.

Но чего-жъ ты хочешь?

Леонарда.

Вы видите, что донъ Грегорио употребляетъ всё средства оскорбить меня: поносить меня, насмѣхаться, говорить, что я старуха и вы не въ состояніи....

Пиппето.

Но скажи мнѣ, дорогой свѣтъ очей моихъ, — это любовное выраженіе я узналъ отъ тебя — скажи что ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ?

Леонарда.

Къ дѣлу! Если любовныя ощущенія ваши точно справедливы, если Леонарда вамъ дѣйствительно такъ дорога, какъ вы говорите, то нужно, чтобъ вы соединились со мною на тотъ конецъ, чтобъ вы слать его изъ этого дома...

Пиппето.

Я охотно, но какъ....

Леонарда.

Предоставьте мнѣ все это сдѣлать. Вы только должны мнѣ помогать. Я уже съ нѣкотораго времени замѣчаю, что у него есть въ головѣ какой то секретъ. Если только я его узнаю, прибавлю, выдумаю кой что въ придатокъ. Мы его обвинимъ, уличимъ, сдѣлаемъ всё. Ты это сдѣлаешь, Пиппето?

Пиппето.

Довольно будетъ, если....

Леонарда.

Сдѣлаешь ли ты это? Или ты больше меня никогда въ глаза не увидишь.

Пиппето.

Сдѣлаю, сдѣлаю все что хочешь.

Леонарда.

Клянись мнѣ въ томъ.

Пиппето.

Но клятва есть...

Леонарда.

Не хочешь?

Пиппето.

Клянусь, клянусь!

Леонарда.

Такъ теперь я тебя очень люблю. Теперь ты можешь владѣть моимъ сердцемъ.

Пиппето.

О моя Леонардушка!... Леонардусечка моя.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Донъ Грегорио.

Донъ Грегорио *(за сценой)*.

Оставайтесь и не двигайтесь.

Леонарда.

Уйдемъ: это онъ!

Пиппето.

Я вѣчно съ тобою.

Леонарда.

Помни клятву.

Пиппето.

Да, моя Леонардушка.

Леонарда *(въ сторону)*.

Я тебѣ отомщу.

Пиппето *(про себя)*.

Для Леонарды все сдѣлаю. *(уходятъ)*.

Донъ Грегорио *(входитъ)*.

Я кричу именно потому, что хочу, чтобъ никого не было; сегодня слуги ходятъ по пятамъ за мною. Вывести изъ комнаты ее не-

возможно. Оставить до ночи—большой рискъ. И потому нѣтъ другаго средства какъ развѣ.... *(говоритъ въ полголоса, стуча въ дверь)*. Энрико, отоприте, это я. *(про себя)* Это мнѣ кажется лучше всего.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Донъ Грегорио и Энрико.

Энрико.

Что? можно ей теперь идти?

Донъ Грегорио.

Нѣтъ! никакъ нельзя.

Энрико.

О Боже!

Донъ Грегорио.

Я думаю перевести ее сюда, отсюда по лѣстничкѣ въ мою комнату, а изъ моей комнаты, какъ только смеркнетъ, она можетъ пробѣжать по большой лѣстницѣ.

Энрико.

Она хотѣла идти домой...

Донъ Грегорио.

Хотѣла! и я тоже хотѣлъ, но если нельзя—? Лѣстница поминутно наполняется людьми. Сдѣлайте по моему, ступайте. Я уже заперъ дверь въ залъ, чтобъ никто не вошелъ въ то время, какъ я съ Джильдою пробѣгу. Если вы не будете говорить, то это знакъ, что тамъ нѣтъ никого, и я заставлю Джильду перейти въ мою комнату. Потомъ можете и вы также войти.

Энрико.

Вы думаете, можно провести ее даже туда?

Донъ Грегорио.

Думаю, не сомнѣвайтесь. Ступайте.

Эрико (*про себя*).

Я усталъ, перебирая всѣ слова и утѣшеня, чтобы успокоить Джильду. Я чувствую, холодный потъ проступаетъ по мнѣ! (*уходитъ*).

Донъ Грегорио.

Сохрани насъ Боже отъ маркиза! Теперь, кажется, нечего бояться! Эта дверь заперта... Въ залѣ на стражѣ Энрико. Вызовемъ теперь ее бѣдненькую. Я не смѣю даже подумать о положеніи, въ которое она меня привела. Съ другой стороны, что бы могла сдѣлать строгость? Привела бы только въ совершенное отчаяніе эти двѣ бѣдныя жертвы. Они вѣдь мужъ и жена. Нѣтъ никакого средства поправить это дѣло—да, совершенно никакого!... Не станемъ терять времени. (*говоритъ въ полголоса въ дверь*) Джильда, идите сюда.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Донъ Грегорио и Джильда.

Джильда (*изъ внутри комнаты*).

Вы?

Донъ Грегорио.

Скорѣе!

Джильда (*выходя*).

Ради святаго неба, дайте мнѣ средства уйти по крайней мѣрѣ домой.

Донъ Грегорио.

Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчас никакъ нельзя..

Джильда.

Но когда же? скажите, когда?

Донъ Грегорио.

Съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать. Будьте покойны.

Джильда.

Я готова все сдѣлать, что вы только мнѣ прикажете.

Донъ Грегорио.

Дочь моя! Здѣсь мы не безопасны.... Скорѣе, скорѣе, идите въ мою комнату.

Джилда.

Но если маркизь....

Донъ Грегорио.

Маркизь тамъ не можетъ васъ увидѣть.

Джилда (*уходя на цыпочкахъ*).

Я въ вашихъ рукахъ; дѣлаю всё, что хотите.

Донъ Грегорио.

Вечеромъ потомъ, при удобномъ случаѣ, будетъ легко вывести васъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Леонарда и Пиппето.

Леонарда (*отпирая тихо дверь*).

Слышалъ?

Пиппето.

Видѣла?

Леонарда.

Богъ услышалъ мои молитвы!

Пиппето.

Просто, даже невѣроятно!

Леонарда.

Могъ-ли бы ты повѣрить этому!

Пиппето.

Никогда въ жизни!

Леонарда.

Но ты не видалъ, откуда она вышла?

Пиппето.

Нѣтъ! я стоялъ передъ замочной скважиной, когда донъ Грегорио стоялъ тутъ и говорилъ: «Имѣйте крошку терпѣнія!». Но откуда она могла выдти? Изъ залы ей нельзя было.

Леонарда.

Почему нельзя? Улучилъ минуту, когда тамъ никого не было изъ людей. Быть можетъ, онъ былъ принужденъ ввести ее въ ту комнату потому, что кто нибудь проходилъ въ то время чрезъ переднюю, а теперь ведетъ ее въ свою комнату.

Пиппето.

Да, вѣрно, что такъ.

Леонарда.

Нужно, чтобъ вы сейчасъ сказали вашему батюшкѣ.

Пиппето.

Я? отчего же не ты?

Леонарда.

Нѣтъ, это слѣдуетъ вамъ! Смотрите! Если вы этого ему не скажете, больше не увидите Леонарды.

Пиппето.

Не сердись, не сердись, Леонардушка, скажу.

Леонарда.

И скажите непременно все.

Пиппето.

Я помню слово въ слово все, что было ими сказано.

Леонарда.

Слышу точно шаги маркиза. Это онъ. Все скажите, не пропускайте ничего!

Пиппето.

Но...

Леонарда.

Смотрите, если не скажете ему этого, то Леонарда умерла для васъ. (*про себя*) Ты теперь поймался, гадкій старичишка. (*уходитъ*).

Пиппето.

Выбранить меня отецъ, когда я донесу ему на нашего дядьку. Но вѣдь я говорю правду, стало быть, это доставить ему удовольствіе.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Маркизь и Пиппето.

Маркизь.

Зачѣмъ ты вѣчно въ праздности? Зачѣмъ не учишься, зачѣмъ не читаешь какой нибудь книги или не занимаешься математикой? донъ Грегорио долженъ бы...

Пиппето.

Донъ Грегорио... (*изъ сторону*) у меня дрожатъ колѣнки.

Маркизь.

Что дѣлаетъ донъ Грегорио?

Пиппето.

Заняты.

Маркизь.

Съ кѣмъ? съ Энрико?

Пиппето.

Фи! совсѣмъ нѣтъ! (*изъ сторону*) У меня недостаетъ голоса, но для Леонардушки на все рѣшусь.

Маркизь.

Съ кѣмъ же?

Пиппето (*съ усиленъ вскрикувъ*).

Не браните, не браните меня.... съ одною женщиною, которая приведена въ его комнату.

Маркизь.

Что ты смѣешь говорить, дерзкій? Это неправда!

Пиппето.

Убейте меня, если я говорю вамъ ложь.

Маркизь (*весь въ волненіи*).

Скажи, какъ ты ее видѣлъ!

Пиппето.

Въ замочную скважину, къ которой я приставилъ глазъ изъ любопытства, услышавши голосъ женщины, говорившей шопотомъ.

Маркизь.

Боже! возможно-ли? Но откуда она вошла?

Пиппето.

Не знаю. Я только видѣлъ ее, когда она была въ этой комнатѣ.

Маркизь (*въ сильной тревогѣ*).

Донъ Грегорио гдѣ былъ?

Пиппето (*показывая*).

Здѣсь.

Маркизь.

А женщина?

Пиппето.

Онъ держалъ ее подъ руку.

Маркизь.

Можетъ быть, какая нибудь старуха?

Пиппето.

О нѣтъ, самая молоденькая!

Маркизь (въ сторону).

О разбойникъ!... теперь понимаю. Можетъ быть, даже сего утра... О, безъ сомнѣнія... но какимъ образомъ? Я весь дрожу... и молодой мальчикъ былъ этому свидѣтель. *(въ слухъ)* Можетъ, это была какая нибудь женщина, которая приходила за дѣломъ? Ты не слышалъ, что они говорили?

Пиппето.

Да. «Имѣйте, любезнѣйшая, крошку терпѣнія. Сейчасъ никакъ не могу»—такъ говорилъ донъ Грегорио.

Маркизь (про себя).

Недостойный!

Пиппето.

А она отвѣчала: «но когда же, скажите, когда»? А онъ сказалъ: «съ маленькимъ терпѣніемъ можно все сдѣлать».

Маркизь (про себя)

Я не знаю, что меня удерживаетъ. Но какъ же однакожъ; въ продолженіи столькихъ лѣтъ, какъ онъ у меня живетъ, стало быть, онъ обманывалъ меня... притворялся..? О, такъ издѣваться надо мною!.. *(въ слухъ)* А потомъ они ушли?

Пиппето.

Да, синьоръ, потому что донъ Грегорио сказалъ: «Здѣсь мы безопасны. Скорѣе, скорѣе въ мою комнату, тамъ маркизь не можетъ насъ увидѣть».

Маркизь (про себя).

Чудовище, выскочившее изъ ада!--говорить въ моемъ домѣ подобныя вещи, гдѣ могли слышать эти дѣти... охъ! *(хватается за сердце)* я боюсь, чтобы не разорвались мои жилы? *(въ слухъ)* И ушли?...

Пиппето.

Въ комнату донъ Грегорио.

Маркизь.

Сколько времени будетъ тому назадъ?

Пиппето.

Только что, минуты двѣ назадъ.

Маркизь (*про себя*).

Я виѣ себя! Иду къ этому мерзавцу? (*остановясь*). Но если произойдетъ какая нибудь сцена, можетъ, даже очевидно скандальная.... Можетъ быть, теперь она ушла уже прочь... Я рискую умереть отъ тревоги, однакожь нужно немножко умѣрить себя, чтобъ не показать этимъ невиннымъ... (*въ слухъ*) Это ничего не значить, дѣвушка имѣла нужду о чемъ нибудь поговорить... Ступай, ступай въ свою комнату. А объ этомъ и не думай. Тутъ нѣтъ ничего худого.

Пиппето.

Я вамъ сказалъ это, потому что вы любите, чтобъ вамъ говорили все, что дѣлается въ домѣ.

Маркизь.

Хорошо (*про себя*). Я чувствую, что задыхаюсь отъ бѣшенства. (*ему*) Ступай!

Пиппето (*про себя*).

Я думалъ, что это больше его взволнуетъ. Какъ видно, онъ говорить противъ женщинъ затѣмъ только, чтобы насъ напугать, а въ душѣ, какъ видно, онъ напротивъ... Это мнѣ даетъ со временемъ надежду, что ему можно будетъ изъяснить любовь къ Леонардѣ. (*ему*) Когда вамъ нужно меня, я буду въ этой комнатѣ (*уходитъ*).

Маркизь (*одинъ*).

Возможно-ль? въ теченіи десяти лѣтъ... но впрочемъ, я ужъ начиналъ и безъ того имѣть подозрѣніе... предложенія въ пользу женщинъ... кое какія модныя правила, которыя онъ мнѣ безпрестанно такъ совѣтовать. Недостойный! Я виѣ себя! Счастье, что я самъ задѣлъ въ оба за своими сыновьями. Но теперь, что мнѣ дѣлать? Если я стану кричать, онъ будетъ отпираться, и невинныя дѣти... попробовать съ помощью какой нибудь хитрости узнать, есть ли жен-

щина въ его комнатѣ.... (по некоторомъ молчаніи, громко) Эй, позвать ко мнѣ донъ Грегорио.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Маркизь и донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

Что прикажете?

Маркизь (про себя).

А, предатель! Ты здѣсь?

Донъ Грегорио (про себя).

Теперь я покойнѣе, послѣ того какъ удалось мнѣ прѣвести ее ко мнѣ, такъ что никто не видалъ.

Маркизь.

Синьоръ донъ Грегорио, я позабылъ попросить у васъ одного одолженія.

Донъ Грегорио.

Приказывайте.

Маркизь.

Я ожидаю на дняхъ племянника моей сестры, котораго бы я хотѣлъ, желая доставить ему болѣе свободы, помѣстить въ вашихъ комнатахъ. Вы, я полагаю, уступите ему охотно на нѣсколько времени, а васъ я переведу въ комнату, что возлѣ меня.

Донъ Грегорио.

Почему нѣтъ? Если только это вамъ угодно, вы имѣете полное право.

Маркизь.

И такъ, я бы хотѣлъ, если вы позволите, на минуточку взойти и посмотрѣть, не нужно-ли чего нибудь поправить.

Донъ Грегорио (*про себя*).

Вотъ тебѣ на! (*въ слухъ*) Любезнѣйшій маркизь! Комната теперь въ безпорядкѣ. Еще не убрано ничего.

Маркизь.

Не бѣда. Между нами не нужно церемоній.

Донъ Грегорио.

Вы такъ думаете? Но постель еще не приведена въ порядокъ, платья разбросаны по комнатѣ, какъ попало, вездѣ на стульяхъ... (*про себя*) Небо, помоги мнѣ!

Маркизь (*начиная горячиться*).

Это ничего.... я хочу посмотрѣть одинъ. Не нужно-ли что привести въ порядокъ въ комнатѣ—занавѣсы, мебель...?

Донъ Грегорио (*почти хватая его за руки*).

Будьте увѣрены, что она будетъ какъ будто новая.

Маркизь.

Нужно будетъ побѣлить каминъ.

Донъ Грегорио.

Я никогда не развожу въ немъ огня.

Маркизь.

Паркетъ?

Донъ Грегорио.

Превосходнѣйшій.

Маркизь.

Окна?

Донъ Грегорио.

Чисты,—чистехоньки.

Маркизь (*про себя*).

Нѣтъ никакого сомнѣнія. Развратникъ, ты уличенъ! (*въ слухъ*). Вижу, что вы желаете имѣть удовольствіе принять меня въ убранныхъ комнатахъ. Хорошо, я приду завтра утромъ.

Донъ Грегоріо.

Съ охотою. Вы сдѣлаете мнѣ большую честь. (*про себя*) О благодареніе небу!

Маркизь (*про себя*).

Ободришь, адская душа! Черезъ нѣсколько времени увидимъ! Женщина не убѣжитъ. Я самъ буду караулить. (*въ слухъ*) Больше ничего не нужно.

Донъ Грегоріо.

И такъ, пусть будетъ такъ.

Маркизь.

Завтра.... (*про себя*) Я весь дрожу.

Донъ Грегоріо (*про себя*).

Ухъ, какъ я испугался. (*въ слухъ*) Я вижу маркизь, что вы до сихъ поръ еще встревожены, потому что я вамъ говорилъ въ пользу...

Маркизь.

Фи? ничуть. (*про себя*) Недостойный, боится однакожь?

Донъ Грегоріо.

Что касается до синьора Энрико...

Маркизь.

Я васъ прошу, донъ Грегоріо, теперь вы ему ничего не говорите... для этого будетъ время... (*про себя*) Я опасаюсь, что одно дыханіе его заразитъ эту невинную душу!

Донъ Грегоріо.

Но повѣрьте, что....

Маркизь.

Нѣтъ, нѣтъ, донъ Грегорио, отецъ отвѣчаетъ за дѣтей, но дядька... невиненъ... Можетъ быть, зараза одною тѣнью только... словомъ... но примѣръ... Еслибъ въ эти лѣта, да уже на то... довольно, небо, небо...

Донъ Грегорио (*въ изумленіи*).

Какъ?

Маркизь (*удерживая себя*).

Извините, прощайте, донъ Грегорио...

Донъ Грегорио.

Но....

Маркизь.

Ничего, ничего, прощайте, мой любезный! вашъ слуга, (*про себя*)
Гнѣвъ измѣнилъ мнѣ (*уходитъ*).

Донъ Грегорио (*одинъ*).

Есть-ли гдѣ на свѣтѣ этакой взбалмочный старикъ?.. изъ одного только слова, которое я сказалъ ему въ пользу женщинъ... Нѣтъ, я вижу, что нѣтъ никакой надежды въ этомъ дѣлѣ. Нужно покамѣсть объ этомъ и мысль отложить, и если-бъ онъ захотѣлъ войти со мною въ мою комнату...

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Донъ Грегорио и Пиппето.

Пиппето.

Синьоръ донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

Чего вы хотите?

Пиппето.

Ничего, ничего; (*проходя сцену*) хотѣлъ... но подожду.

Донъ Грегорио.

Скажите, скажите, скажите однакожь!

Пиппето.

Теперь у васъ есть дѣла... приду послѣ въ вашу комнату.

Донъ Грегорио.

Да говорите здѣсь... послушайте!

Пиппето.

Безъ церемоній... послѣ, когда вамъ будетъ свободнѣе...

Донъ Грегорио.

Но однакожь!

Пиппето.

Послѣ, донъ Грегорио, послѣ... *(съ стороны, слыша удалиться)*
Хорошо, хорошо, онъ смутился, Леонарда будетъ довольна *(уходитъ)*.

Донъ Грегорио.

Я просто съ досады убилъ бы себя. Никогда не привыкнуши притворяться, мнѣ кажется, что всѣ воображаютъ какой-то секретъ. Этого тоже хотѣлъ войти въ мою комнату!.. Нѣтъ, нечего терять времени; какъ только потемнѣетъ, сей-же-часъ ее вывести. Нѣтъ никакой надежды устроить это дѣло.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Леонарда и донъ Грегорио.

Леонарда.

Слуга ваша, донъ Грегорио. Вы очень заняты?

Донъ Грегорио.

Нужно не дать подозрѣнія. *(съ слухъ)* Нѣтъ, напротивъ...

Леонарда.

Къ чему, къ чему это! Безъ церемоній!

Донъ Грегорио.

Я говорю вамъ...

Леонарда.

Со мною вы не имѣете времени говорить.

Донъ Грегорио.

Вы ошибаетесь...

Леонарда.

Я это знаю, я это знаю... я старуха.

Донъ Грегорио.

Я никогда...

Леонарда.

Но кто напримѣръ молодъ...—

Донъ Грегорио.

Что такое вы говорите?

Леонарда.

Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

Донъ Грегорио.

Какъ такъ?

Леонарда.

А кто дольше пождетъ, тотъ больше возьметъ.

Донъ Грегорио.

То есть—Леонарда...?

Леонарда.

Ничего.

Донъ Грегорио (*съ сердцемъ*).

Провались ты! (*про себя*) Даже страшно, право, всё со всѣхъ сторонъ добъзжаютъ меня. Діаволь! кончится-ли это? (*уходитъ*).

Леонарда.

А, попался! ты наконецъ уничтоженъ! ты уничтоженъ! (*уходитъ*).

Д Ъ Й С Т В І Е І І І.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Комната донъ Грегорио. Донъ Грегорио, Энрико и Джильда.

Донъ Грегорио (*всѣ въ волненіи прогаживаясь
взадъ и впередъ*).

Еслибъ вы знали, какъ я весь дрожу... Провались самъ Вахтъ!

Джильда.

Ради Бога, пустите меня; я уйду?

Донъ Грегорио.

Но какъ хотите вы это сдѣлать? Теперь это невозможно?

Джильда.

Клянусь, я умру съ тоски (*приставляя ухо*). Вошь онъ! я слышу, это его голосъ... Бернардикъ мой!

Донъ Грегорио.

Это невозможно, это дѣло воображенія. Окна мои обращены совершенно въ противоположную сторону.

Джильда.

Да, я слышу плачь его...

Энрико.

Исполните ея просьбу!

Донъ Грегорио (*съ сердцемъ*).

Когда я вы еще съ своей стороны принимаетесь говорить то же, то достойны, чтобъ я вамъ на это отвѣчалъ... Какъ это сдѣлать,

когда дверь залы отперта для всѣхъ, и когда слуги уходятъ и приходятъ безпрестанно! Я уже вамъ сказалъ, что у маркиза этотъ вечеръ, кажется, огонь въ ногахъ: два раза встрѣтилъ я его, какъ онъ всходилъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ, то въ гардеробъ, то въ библіотеку. Кажется, что этотъ вечеръ дьяволъ нашептываетъ ему на уши; что бы могло произойти, еслибъ онъ увидѣлъ выходящую изъ моей комнаты женщину въ этотъ часъ! За кого онъ приметъ ее? Боже сохрани!

Джильда (плача).

И такъ бѣдное, невинное дитя должно умереть отъ голоду. Сынъ мой, Бернардикъ мой, милый Бернардикъ мой, тебѣ отказываютъ въ пищѣ, которую звѣрямъ, даже самымъ презрѣннымъ твореніямъ природы дать въ груди матери.

Эрико.

Мое сердце разрывается.

Донъ Грегорио.

Не бойтесь; онъ не умретъ отъ этого. Здѣсь вы безопасны; но, рискуя открыть себя, вы погубите себя, своего мужа.

Джильда (въ тоскѣ).

Бернардикъ мой, сынъ мой!... Нѣтъ, это не мать твоя, нѣтъ, это не я отказываю тебѣ въ пищѣ; мать твоя терзается больше, чѣмъ ты. О Боже?... тоска, бѣшенство!.. Нѣтъ, я не могу. *(вырывается)* Пустите! Пустите! Что-бы тамъ ни было, пустите меня: я слышу, онъ плачетъ... пустите меня, или я закричу, я стану кричать.

Донъ Грегорио.

Вы сумасшедшая!

Джильда.

И потому пустите меня!

Донъ Грегорио.

Теперь возись съ тобой!...

Энрико.

Милый донъ Грегорио!

Джилда.

Если только есть у васъ сердце въ груди...

Донъ Грегорио.

Но если....

Джилда.

Если вы знали когда нибудь, что такое любить свое дитя.

Энрико.

Милый донъ Грегорио!

Донъ Грегорио.

Что долженъ я...

Джилда.

Ради этихъ слезъ матери....

Донъ Грегорио.

Но какъ, какъ хотите вы, чтобъ я сдѣлалъ? Вѣдь это будетъ просто гибель.

Энрико (*приближаясь къ Джильдѣ*).

Бѣдная Джильда!

Джилда (*въ тоскѣ*).

Несчастное, невинное твореніе!

Донъ Грегорио.

Я чувствую, мое сердце разрывается... (*думая*) Здѣсь нѣтъ другаго средства.... пусть свѣтъ говоритъ, что хочеть. Дѣло идетъ о любви матери, о помощи двумъ несчастнымъ....

Джилда.

И такъ...

Энрико.

Милый донъ Грегорио!

Донъ Грегорио.

Вы ничего не умѣете говорить, какъ только донъ Грегорио, донъ Грегорио!... (*въ отчаяннѣ*) Что вы мнѣ надѣлали! постоите!... Нужно будетъ... Но вы хотите своего сына?

Джилда.

Да, отъ самаго утра онъ не имѣетъ никакой пищи. Я слышу плачь его, въ домѣ никого нѣтъ кромѣ Маделины, бѣдной старухи, которая больна. Изъ состраданія, изъ челоуѣколюбія я прошу у васъ сына....

Донъ Грегорио (*ударивши себя по лбу*).

О Боже, что я принужденъ дѣлать. (*про себя*) Но какъ же сдѣлать это иначе, какъ? (*въ слухъ*) Первый этажъ?

Джилда.

Да.

Донъ Грегорио.

Большая дверь?

Джилда.

Да, на лѣвую руку.

Донъ Грегорио.

Дайте мнѣ какой нибудь знакъ!

Джилда (*снимая поспышно съ руки браслетъ*).

Возьмите!

Энрико.

Вы идете сами развѣ?

Донъ Грегорио.

Имя ребенку Бернардиго?

Джилда.

Да: милый Бернардикъ мой!

Донъ Грегорио (*мѣшаясь*).

Плащъ и шляпа тамъ внизу. Свѣчи не нужно. Въ случаѣ... Нѣтъ не зачѣмъ. Да здѣсь нужно присутствіе духа.

Эрико.

Браво! Браво!

Джилда.

Вы идете сами?... О какъ вы добры? Богъ да благословить васъ!

Донъ Грегорио.

О какой безразсудный поступокъ вы заставляете меня сдѣлать? (*про себя*) Она имѣетъ однакожь что-то такое въ себѣ, что, признаюсь, подвинуло бы меня еще на худшее, чемъ сдѣлалъ Эрико. (*въ слухъ*) Теперь иду... Заприте, не отпирайте, если не назову васъ по имени Вы останетесь съ ней... Я сію минугу возвращусь... Я не знаю, что говорю.... Если маркизь меня встрѣтитъ, я умру.... (*про себя*) Вотъ тебѣ: дядька сдѣлался нянькой!... Критикуйте, критикуйте вы, важные, любящіе нахмуривать брови! Я бы желалъ посмотреть на васъ въ этакомъ положеніи! (*въ слухъ*) Заприте, заприте! (*уходитъ*).

Джилда.

Эрико мой, будь что будетъ, когда я буду имѣть въ рукахъ своихъ сына, я перенесу съ большою твердостью всякое несчастье.

Эрико.

Теперь, когда донъ Грегорио, благодаря тебѣ, принялъ въ насъ участіе, я надѣюсь, что всё устроится.

Джилда.

Ахъ, если когда нибудь мы достигнемъ того, что будемъ наконецъ свободны и покойны, какъ всѣ жены съ своими мужьями, я бы хотѣла, чтобы утро, вечеръ и всегда и еще всегда мы были бы вѣчно одинъ возлѣ другаго, разговаривая и бесѣдуя между собою.

Энрико.

Наконецъ тебѣ бы это надоѣло.

Джилда.

Я тебѣ клянусь, что чѣмъ больше тебѣ говорю, тѣмъ болѣе роготеть во мнѣ желаніе говорить тебѣ. И потому, когда, кажется, я тебѣ пересказала и переговорила все, какъ только ты удалишься отъ меня, нахожу все, что позабыла тебѣ сказать еще много разныхъ вещей.

Энрико.

И сердцамъ, которыя такъ созданы одно для другаго, не даютъ жить вмѣстѣ!

Джилда.

Но теперь будь покоенъ, скоро всё уладится, мое сердце говорить мнѣ это, а сердце мое не обманываетъ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Маркизь.

Маркизь (*стуча въ дверь*).

Отвори!

Джилда (*вскрикивая*).

Ахъ!

Энрико.

Не отворяй: это отецъ мой! Я погибъ.

Маркизь.

Женщина, отвори; не производи шума!

Джилда (*рѣшительно*).

Не бойся, Энрико; спрячься и предоставь все мнѣ! или уже твой отецъ знаетъ объ этомъ, или здѣсь есть какая нибудь двусмысленность; во всякомъ случаѣ, позволь, я это обдѣлаю.

Энрико *(въ отчаяніи)*.

Я погибъ!

Маркизь.

Чортъ побери, отоприте! или я разломаю дверь.

Джилда *(возвышая голосъ)*.

Синьоръ, кто вы?

Маркизь.

Господинъ дома.

Джилда *(принуждая Энрико спрятаться)*.

Не бойся, здѣсь я. Ступай, ступай, повинуйся твоей Джилдѣ!

Энрико.

Я тебѣ повинуюсь.... Смотри, подумай.... я внѣ себя. *(уходитъ въ дверь)*.

Маркизь *(кричитъ въ полголоса)*.

Отвори, или я сейчасъ-же выломаю дверь.

Джилда.

Терпѣнье, синьоръ! Размыслите только о томъ, что я не знаю васъ вовсе, однакожь я хочу показать, что уважаю васъ... я отопру вамъ дверь, но прошу васъ не употребить во зло моей довѣренности и не нарушить правъ гостепріимства *(оттираетъ)*.

Маркизь *(въ гнѣвъ)*.

Безстыдная женщина!

Джилда.

Тише, синьоръ! вы знаете меня.

Маркизь.

Молодая женщина, въ этотъ часъ, въ комнатѣ донъ Грегорио.

даетъ очень хорошо понять, кто она. Не нужно болѣе никакихъ объясненій.

Джилда.

Это меня изумляетъ, синьоръ! вы считаете меня за презрѣнную...

Маризъ.

Увольте меня отъ этихъ словъ! Всѣ женщины вашего разбора обыкновенно говорятъ такимъ образомъ.

Джилда.

Какъ? (*про себя*) Онъ въ заблужденіи; тутъ нужна осторожность.

Маризъ.

Прошу васъ знать, что я имѣю двухъ мальчиковъ, двухъ, можно сказать, голубей невинности. Вы видите по глазамъ моимъ и по лицу, какое усиліе я дѣлаю надъ самимъ собою, чтобы не произвести сцены, въ которую бы бросило меня мое негодованіе. Единственно только, чтобы не доставить соблазна дѣтямъ моимъ... Ступайте со мною.

Джилда.

Какъ, куда?

Маризъ.

Когда этотъ чудовище донъ Грегорио возвратится, то онъ не долженъ васъ найти здѣсь. Но я васъ покажу ему потомъ, чтобъ онъ не могъ отпереться.

Джилда.

Синьоръ, успокойтесь на минуту, всмотритесь въ лице и разувѣрьтесь: я дочь полковника.

Маризъ.

Кто бы вы ни были, стыдитесь говорить свое имя, такъ какъ вы уже впали въ безсловіе, будучи обольщены...

Джилда.

Но...

Маркизь.

Молчите, я не въ силахъ...

Джилъда.

Но выслушайте!

Маркизь.

Что вы хотите еще сказать? Я очень хорошо знаю свѣтъ... Я знаю все до послѣдняго слова, что вы говорили съ этимъ безправственнымъ человѣкомъ.

Джилъда.

Синьоръ...

Маркизь.

Что? извиненія? предлоги? знаю, извѣщенъ обо всемъ этомъ. Все ложь!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Донъ Грегоріо.

Донъ Грегоріо (*стуча въ дверь*),

Джилъда, это я! это донъ Грегоріо!

Джилъда.

Любезный мой...

Маркизь (*въ похлопоса*).

Молчите, если не хотите чтобъ я взбѣсился.

Донъ Грегоріо.

Откройте, это я несу все съ собою.

Маркизь.

Удайтесь, говорю вамъ, или я сдѣлаюсь звѣремъ.

Джилда (*про себя*).

Не пужно сердить его... (*въ слухъ*) Синьоръ, не отъ страха, но чтобъ показать вамъ мое повиновеніе, я удаляюсь (*про себя*). Боже, какая минута наконецъ наступаетъ! (*уходитъ*).

Донъ Грегорио.

Скорѣе, скорѣе!

Маркизь.

Потише, не такъ горячись (*оттираетъ проворно дверь и становится такимъ образомъ, чтобы донъ Грегорио, вошедши, его не видалъ*).

Донъ Грегорио (*входитъ съ ребенкомъ въ рукахъ подъ плащемъ*).

Чортъ возьми! можно ли такъ долго не отворять! Боялся всякую минуту этого стараго сатира маркиза.

Маркизь (*голосомъ дрожащимъ и прерывающимся отъ гнѣва*).

Вотъ онъ—старый сатиръ, здѣсь.

(*Донъ Грегорио вскрикиваетъ, дрожитъ всемъ тѣломъ и ищетъ, куда-бы спрятать ребенка*).

Развратный старичишка! Смотри, въ какое ты положеніе меня привелъ! смотри: я въ параличъ отъ гнѣва.

Донъ Грегорио (*про себя*).

А я, если не пораженъ апоплексическимъ ударомъ, такъ это просто чудо. (*не въ состояніи будучи произнести слова*) Си...ньоръ мар...кизь...

Маркизь.

Безстыдный! (*приближаясь къ нему потихоньку задыхающимся голосомъ, едва въ состояніи произнести слова*) Въ этотъ часъ молодая женщина... въ моемъ домѣ... гдѣ невинная... ничего еще незнающія мои дѣти... А! вы истинный волкъ, приставленный стеречь ягпять...

Донъ Грегоріо *(не въ состояніи произнести одного слова).*

Си...нборъ мар...кизь....

Маркизь *(приближаясь къ нему все ближе, почти наступая на него и наконецъ замѣтивъ, что онъ хочетъ что-то скрыть подъ плащемъ).*

Что тамъ такое? что подъ плащемъ?

Донъ Грегоріо.

Си...нборъ мар...кизь.... совершенно ничего. Это ни сѣ ни то... это вздоръ.

Маркизь *(мѣрно).*

Какъ, ни сѣ ни то?

Донъ Грегоріо.

Это пустякъ *(про себя)* Ухъ, я падаю въ обморокъ!

Маркизь.

Покажите, или я потеряю къ вамъ послѣднее уваженіе.

Донъ Грегоріо.

Это дѣло мое, приватное...

Маркизь.

Нѣтъ, вы отъ меня не скроете... *(схватываетъ за одинъ конецъ плаща и открываетъ ребенка).*

Донъ Грегоріо.

Ахъ, любезный маркизь!

Маркизь *(дрожа).*

Что вижу!

Донъ Грегорио (*минуты две остается неподвижнымъ въ совершенной нервности, совершенно потерянный, съ открытымъ ребенкомъ и смотритъ пристально въ глаза маркизу*).

Это, маркизь, ничего.

Маркизь.

И кто послѣ этого удержитъ меня, чтобъ я не потерялъ разсудка, и чтобъ этими моими руками... (*бросается на донъ Грегорио*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Джильда.

Джильда (*выхватывая сына изъ рукъ донъ Грегорио*).

Маркизь, что вы дѣлаете? Это мой сынъ! это ваша кровь!

Маркизь.

Это моя кровь? Ахъ ты безстыдная!

Джильда.

Да, и никто не въ силахъ исторгнуть его изъ рукъ моихъ (*про себя, прижимая и цѣлуя ребенка*) тутъ нужно будетъ дѣйствіе занять изъ романа.

Маркизь.

Безстыдная! моя кровь?

Донъ Грегорио (*про себя крикучь*).

А, будь то, что должно быть! (*въ слухъ*) Да маркизь, все открыто. Это ваша кровь!

(*Джильда уходитъ*).

Маркизь.

Какъ, безстыдный!

Донъ Грегорио.

Къ чему отрекаться! Маркизь! бросьтесь въ мои объятія.

Маркизь (*отталкивая его*).

Къ чорту ступай въ объятія!

Донъ Грегорио (*про себя*).

Тутъ нужна каменная грудь... (*въ слухъ*) Выдите изъ заблужденія и не отнимайте изъ за одной обманчивой наружности отъ меня того уваженія, которое я заслужилъ отъ васъ въ продолженіи десяти лѣтъ.

Маркизь.

Какъ!

Донъ Грегорио.

Знайте...

Маркизь.

Что?

Донъ Грегорио (*крикнувъ про себя*).

А, все за однимъ разомъ... (*въ слухъ*) Эта молодая женщина жена, а этотъ ребенокъ сынъ....

Маркизь.

Чей?

Донъ Грегорио.

Энрико, вашего сына.

Маркизь (*въ бѣшенствѣ*).

Ахъ! Измѣна! Точно-ли? Правда-ли это? Я умерщвляю... предатели!.. недостойные!.. Вы хотите гробъ мнѣ приготовить? Да, вы этого достигли. Да вы успѣли въ этомъ. (*Въ совершенномъ отчаяніи*).

Донъ Грегорио (*въ сторону*).

Нужно теперь дать ему испариться.

Маркизь.

Сынъ неблагородный! Но нѣтъ, если ты точно въ этомъ преступникъ, ты болѣе не сынъ мой. Но справедливо-ли это?

Донъ Грегорио (*со страхомъ*).

Справедливо (*про себя*;) послѣ того какъ ударъ уже нанесенъ, прилично дать время, чтобы стекла кровь.

Маркизь.

Говорите мнѣ, говорите скорѣе, что лжете, а не то бѣшенство мое превзойдетъ всѣ границы! Столько отеческой любви, столько стараній, столько заботъ. Варвары, трепещите! Я покажу вамъ, кто я.

Донъ Грегорио.

Испарьтесь не много, маркизь, испарьтесь, утишиться, успокойтесь.

Маркизь.

Какъ! еще оскорблять меня, еще оскорбленіе!

Донъ Грегорио.

Нѣтъ, Боже сохрани отъ того! право, нѣтъ.

Маркизь.

Да, прежде всего я долженъ испарить свой гнѣвъ на тебѣ, который былъ гнуснымъ, безчестнымъ посредникомъ...

Донъ Грегорио.

О, тише, маркизь!

Маркизь (*сраженный останавливается*).

Я виѣ себя.

Донъ Грегорио.

Донъ Грегорио не позволить наносить себѣ оскорбленій. Вы достойны извиненія, когда ослѣпляетъ васъ гнѣвъ, но не оскорбляйте чести человѣка, каковъ я. Только сего утра Энрико, удрученный слезами и горемъ, открылъ мнѣ тайну. Молодая женщина, которую вы видѣли, пришла плакать тоже въ то время, какъ вы пришли сюда. Чтобъ избавить и пощадить васъ отъ подобной неожиданности, я скрылъ ее, не имѣя возможности дать ей уйти отсюда, въ моей комнатѣ. Необходимость кормить ребенка заставила меня идти взять его въ то время, когда вы, не знаю изъ какого подозрѣнія, пришли поймать меня. Клянусь всею святостью чести, что до сего утра я ничего не зналъ объ этомъ. И Энрико удалось скрыть свое супружество въ теченіи цѣлаго года, какъ отъ вашихъ глазъ, такъ равномѣрно и отъ моихъ.

Маркизь.

Измѣнникъ! предатель!

Донъ Грегорио.

Все, что вамъ говорю—правда, и я тысячами клятвъ готовъ подтвердить ее. Дѣло сдѣлано; средства противъ него нѣтъ никакого. Дайте мѣсто разсудку и успокойте себя тѣмъ, что могло бы сдѣлаться хуже. Молодая женщина дочь полковника Тампiani, котораго вы знали очень хорошо и котораго званіе не ниже вашего. Если она не богата, то это замѣняютъ ея прекрасныя качества души, дѣлающія ее достойною любви вашего сына и вашего прощенія.

Маркизь (въ бѣшенствѣ).

Прощенія! Слушайте, донъ Грегорио—я виѣ себя. Я не увижу никогда сына моего!.. Безъ моего согласія... на позоръ мнѣ... Будь она дочь владѣтельнаго принца, короля... Имѣть жену! мой сынъ!.. пусть сію же минуту идутъ вонъ изъ моего дома! пусть скитаются бродягами, умираютъ отъ голода! и на нихъ и на дѣтей ихъ мое...

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Джильда, съ сыномъ на рукахъ, сопровождаемая
Энрикомъ.

Джильда (*будто въ неистовствѣ*).

Окаменѣй при видѣ пораженной отчаяніемъ, которая, прежде чѣмъ поразятъ слова твои это невинное твореніе, хочеть разорвать его на части сію же минуту! Смотри!... (*дляя движеніе убить его*).

Маркизь (*въ страхъ останавливая ее*).

Чшъ! Чпгъ!.. Что ты дѣлаешь? извергъ! развѣ ты не мать?

Джильда (*твердымъ голосомъ*).

А ты что дѣлаешь? развѣ ты не отецъ?

Маркизь (*остановившись, про себя*).

О небо! какой отвѣтъ!

Джильда (*продолжая*).

Вы гоните, грозите, проклинаете и послѣ всего этого вы отецъ? И развѣ эта буря проклятій не хуже въ нѣсколько разъ неистовства матери противъ сына въ то время, когда она видитъ, какъ поражаетъ его проклятіе?

Энрико (*тихо*).

Браво, Джильда!

Донъ Грегорио.

Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ.

Маркизь (*про себя*).

О какое потрясеніе произвела во мнѣ эта неожиданность!

Энрико.

Я преступникъ, я заслужилъ всю силу гнѣва вашего, но я требую отъ васъ милосердія.

Джилда.

Простите Энрико и поразите наказаніемъ меня: я—сама виновата!

Маркизь (про себя).

Ахъ, я чувствую, что заслуживаю упреки, что я отецъ.

Джилда.

Это случилось не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ.

Энрико.

Меня принудила честь.

Джилда.

Если вы отецъ...

Энрико.

Я такъ же отецъ.

Джилда.

Любовь насъ побѣдила.

Энрико.

Изъ любви я преступникъ.

Маркизь (про себя).

И любовь и долгъ берутъ верхъ; (обращаясь къ донъ Грегорио)
точно ли она дочь Тампіани?

Донъ Грегорио.

Она сама лично.

Маркизь.

Вы точно законные супруги?

Энрико.

Точно; въ этомъ вамъ клянусь.

Маркизь.

И васъ благословило небо?

Джилда.

Въ этомъ будьте увѣрены!

Маркизь (*послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости и противоборства съ самимъ собою, въ умиленіи*).

Хорошо, я васъ прощаю, обнимаю васъ, и благословляю васъ; также виѣстѣ и плодъ вапъ.

Донъ Грегорио.

О! bravo, маркизь!

Энрико.

Мой дрожайшій родитель!

Маркизь (*цѣлуя сына*).

Я умираю отъ радости.

Донъ Грегорио.

Дайте сюда это невинное твореніе; такъ какъ оно теперь заснуло, то чтобы какъ нибудь мы нашею радостью не потревожили... дайте его сюда мнѣ!

Джилда.

Ахъ, да, я вамъ ввѣряю его, донъ Грегорио.

Донъ Грегорио.

Не сомнѣвайтесь. Я въ этомъ дѣлѣ опытенъ... Положимъ его въ люльку (*въ сторону*) Какъ похожъ на отца. Точно двѣ капли воды. (*уходитъ и возвращается*).

Маркизь.

Я принесъ моимъ негодованьемъ жертву небу. Голосъ свыше говорить мнѣ и упрекаетъ меня въ излишней строгости, онъ же прогнать мнѣ счастливую будущность. Не обманите сладкихъ надеждъ моихъ!

Эрншо.

Нѣтъ, отецъ мой!

Джилъда.

Не бойтесь! Не думайте также, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ хотѣла убить Бернардика моего. Нѣтъ, я это сдѣлала только для того, чтобъ потрясти и испугать васъ.

Маркизь.

Понимаю. Послѣ вы мнѣ должны разсказать, какъ вы могли....

Джилъда.

Да послѣ, когда вы успокоитесь совершенно.

Эрншо.

Всё это знаетъ донъ Грегорио.

ЯВЛЕНИЕ 6-е и ПОСЛѢДНѢЕ.

Тѣ же, Леонарда и Пиппето.

Пиппето.

Синьоръ, отецъ, мы слышали все. И такъ какъ уже вы начали, то и продолжайте такъ. Сдѣлайте также счастливыми навсегда еще двѣ любящія другъ друга души.

Маркизь.

Что ты несешь за чертовщину? я ничего не понимаю.

Донъ Грегорио.

Вотъ тебѣ разъ! Провалъ возьми!

Пиппето.

Любовь глубоко просверлила мое сердце.

Маркизь.

Дуракъ! Что ты такое вообразилъ себѣ, что ты задумалъ? (*приходитъ въ гнѣвъ*).

Пиппето.

Соедините наши руки такъ же, какъ нѣжно соединены наши сердца.

Маркизь (про себя).

Во снѣ-ли я или просто въ бреду? (*въ слухъ*) Ты говорилъ серьезно?

Джилльда.

Могъ ли ты это думать, Энрико?

Энрико (Джилльда).

Конечно, потому что Леонарда всегда водила его за носъ.

Маркизь.

Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио.

Синьоръ маркизь, я просто превратился въ камень.

Пиппето.

И такъ. . (*тихо Леонардъ*) скажи теперь ты чтонибудь такое, какъ говорила эта (*указываетъ на Джилльду*).

Маркизь.

Ты смѣешься, что-ли, надо мною? (*обращаясь къ Леонардъ*) А ты, въ твой лѣта, глупая женщина! Ты хочешь развѣ испытывать мое терпѣніе?

Леонарда (про себя).

Дѣло пошло плохо. По необходимости нужно теперь сыграть роль добродѣтельной. (*въ слухъ*) Синьоръ, вы могли думать, что я все это говорила серьезно? Я обманывала нарочно этого мальчика, притворяясь, будто питаю къ нему любовныя чувства, единственно на тотъ конецъ, чтобы онъ не искалъ гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ со-вратиться съ пути добродѣтели, а по правдѣ я даже и во снѣ не думала о немъ.

Пиппето.

Невѣрная! измѣнница! и такъ, ты меня обманула? и такъ, были ложны твои клятвы, притворны твои слезы? Любовники, любовники! Если эти прекрасныя уста лгали, какія же послѣ этого могутъ говорить правду?

Маркизь (*вскрикивая на него*).

Перестань! замолчи, дуракъ!

Пиппето.

Да, отецъ мой! Небо наказываетъ меня за то, что я не слушалъ вашихъ наставленій. Повѣрьте мнѣ, что разлученіе съ этимъ сердцемъ стоитъ мнѣ горькихъ слезъ.

Маркизь.

Донъ Грегорио! и такъ вы этого не могли предвидѣть?

Донъ Грегорио.

Но кто бы могъ предполагать, маркизь, чтобы женщина въ эти лѣта...

Леонарда (*съ сердцемъ*).

Прошу не оскорблять меня, донъ Грегорио.

Маркизь.

Ты ступай прочь и приготовься отдать отчетъ въ твоемъ поведеніи; если только въ самомъ дѣлѣ въ немъ есть какойнибудь соблазнъ, и ты, пользуясь слабоуміемъ этого мальчика...

Леонарда.

Что касается до меня, то вы убѣдитесь, что я чиста какъ кристалль. Я повинуюсь вамъ, но не могу удержаться, чтобы не сказать, что донъ Грегорио есть настоящая причина моей гибели и что ревность его виною, что со мною поступаютъ такимъ образомъ (*уходитъ*).

Маркизь.

Донъ Грегорио!

Донъ Грегорио.

И вы еще слушаете ее, маркизь?

Маркизь.

Вы правы. Она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Изъ всего того, что случилось, я вижу, что излишняя строгость и смотрѣніе не надлежащія средства къ хорошему воспитанію дѣтей.

Донъ Грегорио.

И вы потомъ согласитесь со мною, что воспитаніе молодыхъ людей должно производиться силою кротости, совѣтовъ, примѣра, что нужно показывать имъ свѣтъ осторожно, съ благоразуміемъ, въ его настоящемъ видѣ, чуждомъ фанатизма его жаркихъ защитниковъ, также какъ и ложнаго о немъ понятія людей предубѣжденныхъ ..

Маркизь.

Правда. Пиппето между тѣмъ чрезъ нѣсколько дней отправится путешествовать и узнать немного людей.

Пиппето.

И скрыться изъ виду этой неблагодарной! (*про себя*) Кажется даже невозможнымъ: подъ такою наружностью и такая лживая душа.

Маркизь.

Вы, донъ Грегорио, будете сопровождать его, и пусть случившееся сдѣлаетъ васъ болѣе проицательнымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Донъ Грегорио.

Я этимъ воспользуюсь. Никогда ужъ не позволю молодымъ неопытнымъ людямъ находиться возлѣ пожилыхъ женщинъ, хотя бы даже онѣ были старѣ діавола.

Маркизь.

Вы, дѣти мои, оставайтесь со мною! Любите меня и любите другъ друга!

Энрико.

Это мы сдѣлаемъ отъ всего сердца.

Дмильда.

Отъ всей души.

Маркизь.

Я на то надѣюсь. И вотъ вдругъ и разомъ избавился я отъ долговременнаго заблужденія.

Энрико.

А сынъ вашъ отъ страха.

Дмильда.

А жена его отъ горести.

Донъ Грегорио.

А бѣдный дядька отъ своего затруднительнаго положенія.

ПАМЯТИ ГОГОЛЯ.

(МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ БИБЛЮГРАФІИ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМЪ).

«Подавай все! все пойдетъ въ прокъ.
Что тамъ? веревочка? давай и веревочку!...»

Гоголь.

Собралъ С. И. Пономаревъ.

КІЕВЪ.

Типографія С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская ул., собств. домъ.
1882.

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-Филологическаго Института князя Безбородко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр
Вмѣсто предисловія	5
1. Родъ, родина, жизнь Гоголя; некрологи; опыты біографіи и вызванныя ею поправки и дополненія	9
2. Бюсты, портреты Гоголя; памятники ему	18
3. Критическія статьи и рецензіи на сочиненія Гоголя: 1) Ганць Кюхельгартенъ; 2) Вечера на хуторѣ близъ Диканьки; 3) Арабески; 4) Миргородъ; 5) Тарасъ Бульба; 6) вообще о повѣстяхъ Гоголя и нѣкоторыхъ неизданныхъ его сочиненіяхъ; 7) Ревизоръ; 8) Женитьба; 9) Тяжба; 10) вообще о драматическихъ сочиненіяхъ Гоголя; 11) Римъ; 12) Мертвыя Души, т. 1; 13) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями; 14) Бѣлинскій о Гоголѣ; 15) Мертвыя Души, т. 2; 16) Сочиненія Гоголя, изд. 1842, 1855 и 1857 гг.	19
4. Библіографія сочиненій Гоголя и статей о немъ	39
5. Изданія для народа	40
6. Рукописи Гоголя	40
7. Письма Гоголя	41
8. Письма къ Гоголю; стихи и повѣсти, посвященныя ему.	44
9. Рисунки къ его сочиненіямъ	45
10. Оперы изъ его сочиненій	47
11. Переводы сочиненій Гоголя	48
12. Алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ предыдущихъ спискахъ	51
13. Алфавитный указатель періодическихъ изданій, упоминаемыхъ въ предыдущихъ спискахъ	55
14. Указатель статей по годамъ	58

Въѣсто предисловія.

О жизни и литературной дѣятельности Гоголя въ нашей литературѣ написано больше, чѣмъ о всякомъ другомъ писателѣ, не исключая и самого Пушкина. Начиная съ 1829 года, когда появились о немъ первыя рецензіи, мы только за пять лѣтъ (1830, 1833, 1837, 1838 и 1839) не встрѣтили о немъ ни одной статьи; это, конечно, не значить, чтобы ихъ вовсе не было въ тѣ годы, но—просто—они не попались намъ на глаза. Во всѣ остальные годы литература наша рѣшительно не умолкаетъ о немъ до настоящаго дня. Особеннымъ обиліемъ статей о немъ отличаются годы: 1842 (годъ «Мертвыхъ Душъ»), 1847 (годъ его «Переписки съ друзьями») и 1852 (годъ его смерти). Съ 1852 года, какъ волна за волною, льются воспоминанія о немъ очерки, стихи, рассказы, письма, замѣтки, поправки; еще раньше—съ 1846 г. являются рисунки къ его сочиненіямъ, съ 1842 г.—переводы ихъ на разные языки, наконецъ въ позднѣйшіе годы—оперы изъ его сочиненій. И свѣдѣнія обо всемъ этомъ доселѣ разбросаны, не собраны; изрѣдка только появлялись немногія, разрозненныя указанія, и тѣ скоро затеривались въ разсѣянныхъ изданіяхъ. А между тѣмъ прошло уже 30 лѣтъ со смерти Гоголя, у насъ доселѣ еще нѣтъ полной его біографіи, доселѣ не приведены въ извѣстность всѣ матеріалы для нея,—не сведены и не указаны отзывы о его характерѣ, о его сочиненіяхъ, отзывы чрезвычайно разнородные, противорѣчившіе другъ другу, одни—ставившіе его во главѣ всей текущей литературы, другіе—признававшіе въ немъ полное паденіе таланта и даже незнаніе своей родины—Малороссіи...

Открытіе памятника Гоголю въ Нѣжинѣ навело насъ на мысль—составить указатель всего, что явилось въ нашей литературѣ о Гого-

лѣ. При составленіи этого свода, мы желали было—придать ему наибольшую полноту и точность; указать всѣ перепечатки статей о немъ, чтобы легче было ихъ отыскать; обозначить всѣ рецензіи на эти статьи, — рецензіи, нерѣдко исправлявшія и дополнявшія содержаніе статей; указать отзывы о Гоголѣ не только въ статьяхъ, прямо говорившихъ о немъ, но и во множествѣ другихъ статей и книгъ, гдѣ случайно заходила о немъ рѣчь; расположить статьи біографическія по ходу самой жизни Гоголя, изъ года въ годъ... Но, къ великому сожалѣнію, при работѣ своей мы встрѣтили неодолимые затрудненія и далеко не могли сдѣлать всего, что хотѣлось. Главною причиною этого явилась бѣдность и разрозненность провинціальныхъ бібліотекъ, въ которыхъ исключительно приходилось намъ работать. Въ большинствѣ случаевъ мы не имѣли предъ собою полныхъ періодическихъ изданій отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ, и намъ приходилось списывать готовые указанія, собранныя во множествѣ журнальныхъ указателей, а равно и въ трудахъ гг. Геннади, Гербеля, Ламбинныхъ, Межова и др.; при этомъ иногда встрѣчались намъ двойственныя указанія, такъ что, не имѣя возможности провѣрить ихъ, мы должны были помѣщать иногда оба, ставя одно въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ. Кромѣ того, ходъ дѣла убѣдилъ насъ, что нѣтъ никакой возможности выдержать строгую систему въ размѣщеніи статей о жизни Гоголя: часто одна и таже статья касается разновременныхъ обстоятельствъ его жизни; иныя статьи не имѣютъ прямого опредѣленія времени, а нѣкоторыя статьи о сочиненіяхъ его говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ о его жизни. (Вотъ почему нѣкоторыя статьи—впрочемъ, очень немногія—приходилось намъ помѣщать въ двухъ разныхъ мѣстахъ). Тамъ, гдѣ встрѣчались намъ однородныя по содержанію, но раздѣленныя временемъ, или отрывочныя и разбросанныя извѣстія о Гоголѣ, мы сводили ихъ вмѣстѣ, а иногда давали имъ отъ себя заглавіе въ скобкахъ (напр. *Гоголь въ гимназій; Гоголь за границею*). Сводя критическія статьи о какомъ-нибудь сочиненіи Гоголя, мы строго слѣдовали порядку появленія ихъ въ печати. Изъ особаго уваженія къ дѣятельности Вѣлинскаго, какъ истолкователя Гоголя, мы соединили въ одномъ мѣстѣ всѣ указанія на отзывы Вѣлинскаго, разбросанные въ 12 томахъ его сочиненій. Надѣемся, что этотъ отдѣлъ поможетъ кому нибудь составить полное изложеніе мнѣній Вѣлинскаго о Гоголѣ и такимъ образомъ хотя отчасти замѣнить тотъ рядъ статей, который постоянно собирался написать о

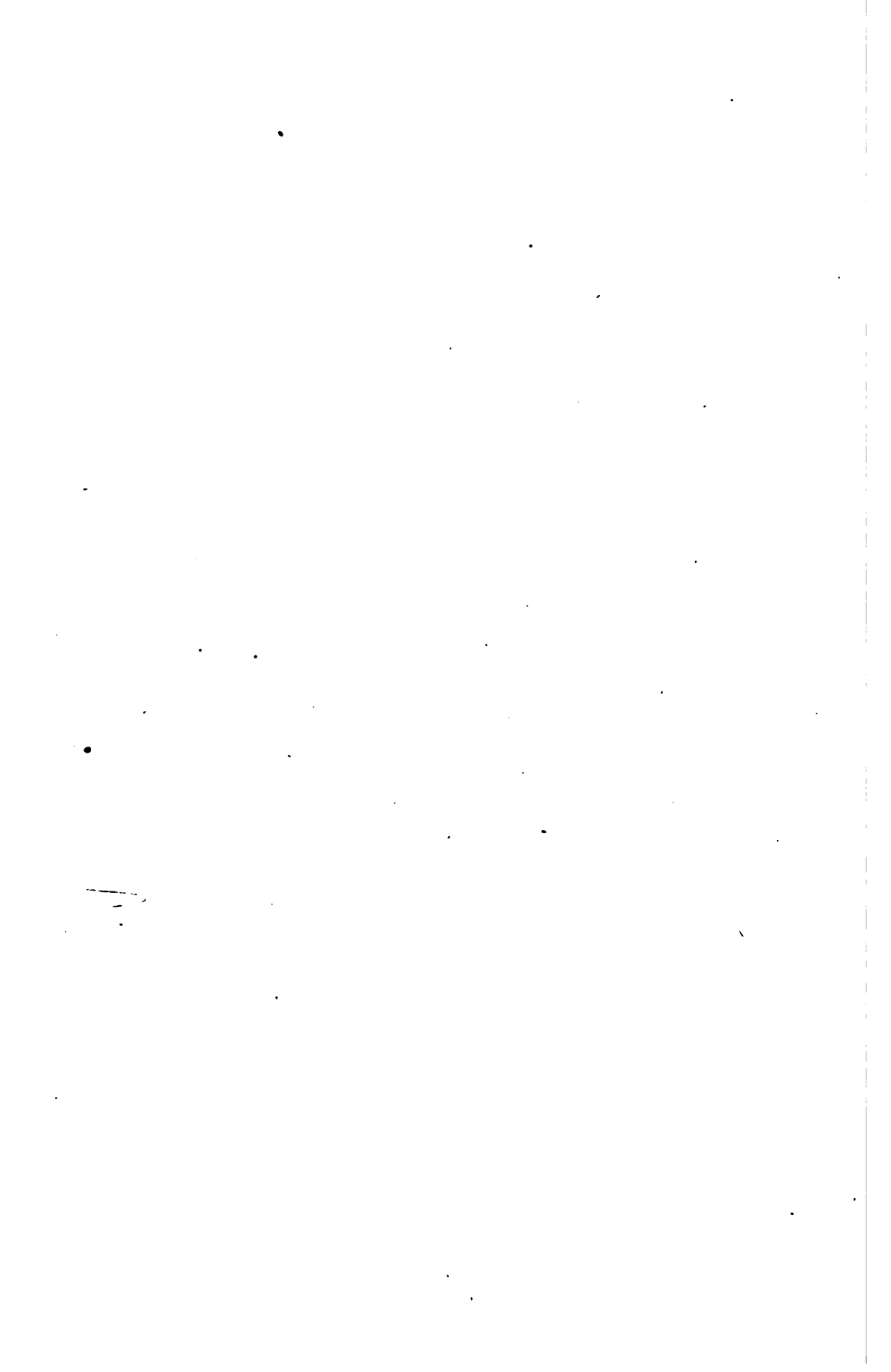
Гоголь нашъ проницательный критикъ. Статей о Гоголь въ иностранной журналистикѣ мы вовсе не имѣли въ виду, по все таки не опустили случайно встрѣтившихся указаній. Наконецъ, для облегченія справокъ въ настоящихъ «Матеріалахъ» и для удобнѣйшихъ дополненій къ нимъ, мы приложили два алфавитныхъ указателя, причемъ въ указатель личныхъ именъ помѣстили и псевдонимы и подлинныя фамиліи авторовъ, писавшихъ о Гоголь.

Ближайшею цѣлю нашего труда было—содѣйствовать составленію Гоголевской библіотеки въ Нѣжинѣ, гдѣ воспитывался Гоголь. Указатель нашъ можетъ послужить первоначальному основанію такой библіотеки, а библіотека въ свою очередь поможетъ исправить самый указатель, и только тогда возможно будетъ составленіе полной и обстоятельной біографіи Гоголя. Поэтому усердно просимъ всѣхъ, кому дорога память Гоголя, прійти на помощь образованію Гоголевской библіотеки, т. е. жертвовать въ Нѣжинскій Институтъ, какія кто имѣетъ, журнальные и газетные номера, гдѣ идетъ рѣчь о Гоголь, а равно—присылать свои замѣтки, поправки, дополненія къ настоящему труду, адресуя ихъ въ Нѣжинъ, въ Конференцію Института. Помочь такому дѣлу значитъ послужить памяти Гоголя. Памяти его посвящаются и настоящіе «Матеріалы», собранные «labore et zelo», какъ гласитъ надпись Безбородинскаго герба на фронтонѣ зданія, воспитавшаго Гоголя.

12 апрѣля 1882 г.

Нѣжинъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БИБЛІОГРАФІИ ЛІТЕРАТУРЫ

0

ГОГОЛЪ.

„Labore et zelo“

I. Родъ; родина; жизнь Гоголя; некрологи; опыты біографіи.

1) О родъ Гоголей-Яновскихъ, въ статьѣ *А. Лазаревскаго* «Очерки малороссійскихъ фамилій», Русск. Архивъ, 1875 г., № 4, стр. 451—452.

2) Гоголь-отецъ, его комедія «Простакъ», Основа, 1862 г., № 2, с. 24—43; нѣсколько предварительныхъ словъ *П. А. Кулиша*, с. 19—24. Въ 1878 году «Простакъ» изданъ отдѣльно, Кіевъ, 8°, 28 стр.

3) Гоголь-отецъ. Очерки украинской драматической литературы; статья *Маруси К.*, Русск. Сцена, 1865, № 6—7.

4) Хуторокъ близъ Диканьки, *Гр. П. Данилевскаго*, Моск. Вѣдомости, 1852, № 124; перепеч. *съ исправленіями* въ Русск. Инвал. 1853, № 26.

5) Замѣчанія на статью Данилевскаго, Отеч. Записки 1853, № 2, отд. 7, стр. 109—121, подъ заглавіемъ «Выправки нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ».

6) Поправки къ той же статьѣ и воспоминанія о встрѣчѣ съ Гоголемъ въ 1851 г., въ тульской гостинницѣ, *Н. О. Андреева*, Тульскія Губ. Вѣдом. 1855, №№ 2 и 3.

7) Родина Гоголя, Москвит. 1854, № 1—2, Смѣсь, стр. 6—7, *М. А. Максимовича*, перепеч. въ Соч. Максимовича, К. 1877, т. 2, стр. 356—358.

8) Родина Гоголя, Молва, 1880 г., №№ 8, 15 и 22, ст. *В. Горленко*.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

9) Къ біографіи Гоголя (изъ времени опредѣленія его въ Гимназію) Древн. и Нов. Россія, 1878, кн. 1, стр. 85, *А. Θ. Хойнацкаго*.

10) Воспоминанія учителя, Москвит. 1854, № 21, Смѣсь, стр. 5, *Ив. Гр. Кулжинскаго*.

11) (Гоголь въ Гимназіи) «Лицей кн. Безбородко», Спб. 1859, отд. I, стр. 20, 21, 74, 77, воспоминанія *Н. В. Кукольника*, и отд. II, стр. 18, 87; то же (не все) въ новомъ изданіи, подъ заглавіемъ «Гимназія высшихъ наукъ», Спб. 1881, стр. 194—195, 199, 342, 403.

12) Гоголь и Кукольникъ въ Нѣжинской Гимназіи, рассказы *Артымова*, записанные *Л. Мицкевичемъ*, Русск. Арх. 1877, т. III, стр. 191.

13) Альбомная замѣтка Гоголя, 1826 г., въ альбомѣ *В. П. Любичъ-Романовича*, Библиогр. Записки, 1858, стр. 492; *Н. В. Гербеля*.

14) Гимназія Высшихъ Наукъ, Извѣстія Историко-Филол. Института кн. Безбородко, К. 1879, т. III, стр. 9, 44, 45, 50—62, 110 и 138, ст. *Н. А. Лавровскаго*, есть и отдѣльн. оттиски; перепеч. въ изданіи *Н. В. Гербеля* «Гимназія Высшихъ Наукъ и Лицей кн. Безбородко», Спб. 1881, стр. 32, 48, 49, 53—61, 83 и 94.

15) Гоголь въ Нѣжинѣ, Берегъ 1880, № 268, дек. 18, *В. Паикова*.

Въ Петербургѣ и за границею.

16) Попытка Гоголя поступить въ актеры, С.-Петербург. Вѣд. 1861, № 235, *Н. Мундта*.

17) О службѣ Гоголя въ департаментѣ удѣловъ. Сборникъ студентовъ сиб. университета, 1857, вып. 1, стр. 345.

18) Воспоминанія о Гоголѣ (какъ о домашнемъ наставникѣ), Современн. 1854, № 3, отд. 2, с. 85—90, *М. Н. Лонгинова*.

19) Воспоминанія графа *В. А. Соллогуба*, Р. Арх. 1865, № 5—6, стр. 740—747, 769—771; во второмъ изданіи Р. Архива, стр. 1203

и дал. О нихъ Отеч. Зап. 1865, № 13, июль, кн. I, стр. Сличившіе графа Соллогуба въ Русск. Старинѣ 1871, т. III, стр. 455.

20) Забѣтки о Гоголѣ (предположеніе объ участіи его въ Журналѣ Общепользн. Свѣдѣній 1835 г.), Моск. Вѣдом. 1856, № 34.

21) Н. Я. Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю, Соврем. 1858, т. 67, № 2, стр. 267—290, *Н. В. Гербеля*; перепеч. въ книгѣ «Стихотворенія Н. Я. Прокоповича», Спб. 1858, 16°, въ началѣ книжки; реценз. на нее въ Разсвѣтъ 1859, № 2, библиографія, стр. 80—82, статья *Д. И. Писарева*, невошедшая въ собраніе сочиненій. — Некрологъ Прокоповича, Спб. Вѣдом. 1857, № 130, фельетонъ.

22) (Впечатлѣнія и отзывы Н. В. Станкевича) «Н. Вл. Станкевичъ», книга *П. В. Анненкова*, М. 1857, въ текстѣ, стр. 76—78, 181. 217; въ письмахъ, стр. 131, 151, 175.

23) Знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина», *П. В. Анненкова*, Спб. 1873, стр. 155—156, 358—361.

24) О пребываніи Гоголя въ Карлсбадѣ, Моск. Вѣдом. 1854, № 75, письмо *А. фонъ Видерта*.

25) О жизни въ Римѣ съ Гоголемъ (1839), Русск. Арх. 1865, № 7, с. 887—895, (изд. 2-е, стр. 1270—1278), *М. П. Погодина*.

26) Гоголь въ Римѣ (1841), Библ. для Чтен. 1857, № 2, стр. 109—148 и № 11, стр. 1—50, *П. В. Анненкова*. О статьяхъ его отзывы въ Спб. Вѣдом. 1857. № 46, Сынъ Отеч. 1857 г. № 51. Статьи Анненкова перепечатаны въ книгѣ его «Воспоминанія и критическіе очерки», Спб. 1877. ч. 1. стр. 161—240.

27) Гоголь за границею и отношенія его къ А. А. Иванову, въ книгѣ «А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка», изд. *М. Боткинъ*, Спб. 1880, стр. IX—XII, XVIII, XXVIII, 137, 147, 158, 197, 198, 201, 202, 225, 234, 251, 282, 356, 357, примѣчаніе, 359, 360, 385, 386, 389, 398—400, 402—403, 410, 415, 429.

28) (Гоголь за границею). Сочин. *Жуковскаго*, изд. 1878, т. VI, стр. 420, 504, 505, 507, 524—525, 526, 530, 581, 583, 584, 603, 605, 609 и слѣд. и 632.

29) (Тоже) въ статьѣ *К. Зейдлица* о Жуковскомъ, Журн. Минист. Нар. Просв. 1869, № 5, стр. 119, 122; № 6, стр. 306—307, 312—314, 318 и 323.

30) (Гоголь въ Венеціи), въ ст. *И. К. Айвазовскаго*, Русск. Старица 1878, № 7, стр. 423—424, (Гоголь въ Москвѣ, 1852 г., тамъ же, № 9, стр. 70).

31) Офіціальное дѣло министерства народн. просвѣщенія, 1845. о назначеніи Гоголю денежнаго пособія, Сѣверн. Почта 1865, № 277; о томъ же см. Р. Арх. 1871, стр. 0169, въ письмѣ *Уварова*.

32) Изъ записокъ знатной дамы, Русск. Арх. 1882, № 1 (о вниманіи къ Гоголю при Дворѣ Имп. Николая; стр. 206, 212, 215, 216, 218, 219.

33) Встрѣча съ Гоголемъ, Русск. Дневникъ 1859, № 10, статья *П. К.*

34) Воспоминаніе о Гоголѣ, Отеч. Зап. 1859, т. 123, № 4, Смѣсь, стр. 71—84, *А. Стороженко*.

35) Воспоминанія о Гоголѣ, Библиогр. Зап. 1859, № 9, стр. 263—268, съ двумя письмами Гоголя къ А. С. Стурдзѣ, и 1861, № 11, стр. 324—330, *Н. В. Н—ва*.

36) (О привычкахъ и странностяхъ Гоголя) въ статьѣ *Г. Н. Геннадіи*, «Кое-что о русскихъ поэтахъ», Сборн. въ память Смирдина. Спб. 1859, т. VI.

37) Посѣщеніе Гоголемъ Моск. Дух. Академіи. Моск. Вѣдом. 1860, № 114, *Г. Крестовоздвиженскаго*.

38) Литературныя воспоминанія *И. И. Панаева*. (изъ Современника 1860 г.), Спб. 1876, стр. 159—161—Гоголь у Прокоповича; 228—237—Гоголь у Аксаковыхъ, чтеніе Мертвыхъ Душъ и представленіе Ревизора; 364, 398—401—отношенія Бѣлинскаго къ Гоголю. О нихъ же см. во 2-й статьѣ *Анненкова*, въ его книгѣ «Воспоминанія», I, 223, 226—228.

39) Объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Гоголю, въ книгѣ *А. Н. Пытина* «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», Спб. 1876. (Мы отмѣчаемъ здѣсь и тѣ страницы, гдѣ Бѣлинскій употребляетъ гоголевскія фразы): т. I, стр. 121—124, 263, 267, 276, 287; т. II, 7, 10, 14, 19, 21, 28, 30, 33, 42, 68, 83, 102—103, 126, 147, 148—149, 152—153, 164—166, 168, 173, 223, 245, 251, 254, 259, 269—271, 274, 276—278, 282, 288—293, 296, 306, 307, 314, 317—320, 324, 330 и 345.

40) Гоголь и Бѣлинскій, Нива 1870, № 3.

41) От. Матвѣй Константиновскій, ржевскій протоіерей (другъ Гоголя), Странникъ 1860, № 12, стр. 245, *Н. Гръшищева*.

42) Мое знакомство съ Гоголемъ, воспоминанія *Льва Арнольди*, Русск. Вѣстн. 1862, № 1, стр. 54—95; реценз. *В. Ч.* (Чибисова), Одесск. Вѣстн. 1862, № 45.

43) Воспоминаніе о Гоголѣ (1849), *Я. К. Грота*, Русск. Арх. 1864, вып. 2, стр. 177—180, изд. 2-е, 1065—1068.

44) (Мелкія извѣстія отъ 40-хъ годовъ) въ письмахъ *Погодина* къ Максимовичу, Сборн. II Отд. Имп. Ак. Наукъ, т. XXXI, стр. 7, 18, 20, 23, 24, 25, 37, 38(2), 48, 49, 54, 55.

45) Нѣчто о Гоголѣ, *Д. Малиновскаго*, Русскій, газета Погодина, 1868, № 22, фельетонъ.

46) Забѣтка о Гоголѣ и Шевченкѣ, Русскій, 1868, №№ 127 и 135, *И. Гр. Кулжинскаго*.

47) Литературныя воспоминанія *И. С. Тургенева*, Сочиненія его, изд. 1869 г., т. I, стр. LXIX (первоначально въ Вѣстн. Евр.).

48) Воспоминанія о Гоголѣ (1848—1852), *Н. В. Берга*, Русск. Старина, 1872, т. V, № 1, стр. 118—128. (При этомъ г. Бергъ ошибочно говоритъ, что на могилѣ Гоголя начертано изреченіе Ефрема Сиряна, оно—пророка Іереміи, глава 20, стихъ 8).

49) Первое знакомство Гоголя съ Щепкинымъ. Русск. Стар. 1872, т. V, стр. 282—283, сообщ. *В. И. Веселовскій*.

50) Встрѣча съ Гоголемъ, пзъ воспоминаній *А. П. Милюкова*, Историч. Вѣстн. 1881, № 1, стр. 135—138.

51) Письмо *П. А. Плетнева* къ кн. Вяземскому о Гоголѣ (1847), Русск. Арх. 1866, № 7, стр. 1068—1069. (Въ примѣчаніи къ этому письму редакторъ Р. Архива догадывается, что Плетневъ говоритъ о сочиненіи Гоголя «Объясненіе на литургію»; намъ кажется, что рѣчь идетъ объ его «Авторской Исповѣди»; сличи въ изд. Кулиша VI, 405, 411).

52) Письмо *Языкова* о Гоголѣ къ Н. Н. Шереметевой, Библиограф. Записки, 1858, стр. 611—613.

53) Письма *Жуковскаго* къ Смирновой о дѣлахъ Гоголя, Русск. Арх. 1871, стр. 1858—1861, 1867.

54) Воспоминанія г-жи *Смирновой*, Р. Арх. 1871, стр. 1874, 1883.

55) Письмо *Плетнева* къ Жуковскому о дѣлахъ Гоголя, Русск. Арх. 1870, стр. 1273, 1277—1280, 1293, 1305—1306.

56) (О пребываніи Гоголя въ Кіевѣ) Письма о Кіевѣ, *М. Максимовича*, Спб. 1871, стр. 54—57, 71.

57) Отпускъ Гоголя ко св. мѣстамъ, Р. Старина 1880, № 9, стр. 196.

58) Приѣздъ Гоголя въ Одессу изъ Сиріи (16 апр. 1848 г.; 1 мая обѣдъ ему, 4-го мая уѣхалъ на родину) Одесск. Вѣстн. 1848, мая 19; Спб. Вѣд. 1848, № 124.

- 59) Обѣдъ, данный въ Одессѣ Гоголю, Одесск. Вѣстн. 1869, № 67.
- 60) Страница для біографіи Гоголя (о жизни его въ Одессѣ въ 1851 г.) изъ воспоминаній провинціального агтера *А. Тол...ва* (Толченова), Иллюстрація 1866, №№ 34 и 35.
- 61) Отрывокъ изъ рукописи «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», Русь, 1880 №№ 4, 5 и 6. *С. Т. Аксакова*.
- 62) (Мелкія біографическія черты о Гоголѣ), Библиогр. Зап. 1858, стр. 680.
- 63) (Тоже) Русск. Арх. 1864 г., стр. 814; 1868 г., стр. 955, 1475—1477; 1869 г., стр. 645, 1668, 1670; 1875 г., III, 372; 1877 г. III, 370; 1878 г. I, 132; II, 210; 1880 г. II, 496; 1881 г., II, 261.
- 64) (Тоже) Р. Старина 1874, апрѣль, 759, отношенія *Вл. Ив. Назимова*, 1870, II, 59.
- 65) Послѣдніе годы Гоголя (по поводу новыхъ отрывковъ и вариантовъ ко 2 тому Мертвыхъ Душъ) Вѣстн. Европы 1872, № 7, стр. 412—449, *В. П. Чижова*.
- 66) Послѣдніе дни жизни Гоголя, Отеч. Зап. 1856, № 12, стр. 397—427, *А. Тарасенкова*; отд. брошюрой, Спб. 1857, 8° 31 стр. По поводу брошюры его, толки о причинахъ смерти Гоголя, Спб. Вѣдом. 1857, №№ 60 и 89; письмо къ редактору, *Н. Н. (Назарова?)*, тамъ же, № 179; Соврем. 1857, т. 64, № 1, Замѣтки о журналахъ, стр. 174—179; Моск. Вѣдом. 1857, № 89, отвѣтъ *А. Тарасенкова*.

Некрологи.

- 67) Моск. Вѣдом. 1852, № 24, февр. 23; перепеч. въ Русск. Старинѣ, 1873, т. VIII, стр. 954—955; погребеніе Гоголя, Моск. Вѣд. 1852, № 25; перепечатано въ Р. Старинѣ, тамъ же.
- 68) Вѣдом. Моск. Гор. Полиціи, № 43.
- 69) Моск. Губ. Вѣдом. № 8.
- 70) Москвитян. № 5, Моск. Извѣстія, стр. 47—50, *М. Погодина*.
- 71) Отеч. Зап., т. 81, отд. 8, стр. 108.
- 72) Пантеонъ, № 3, стр. 1—3, «Нѣсколько словъ о Гоголѣ».
- 73) Спб. Вѣдом. № 52, Моск. Лѣтопись.
- 74) Соврем., т. 32, Смѣсь, стр.
- 75) Статья графини *Ростопчиной* и стихотвореніе *Шпр....* Вѣдом. Моск. Гор. Полиціи, № 47, перепеч. въ Курск. Губ. Вѣдом. № 12.
- 76) Одесскій Вѣстн., № 22*).

*) Всѣ изданія, указанна подъ №№ 67—76, очевидно относятся къ одному 1852 году.

77) О кончинѣ Гоголя, письмо *Плетнева* къ Жуковскому, Русск. Арх. 1870, стр. 1330—1334.

78) Отвѣтъ *Жуковского* въ Сочиненіяхъ его, Спб. 1878, т. VI, стр. 605—606.

79) По поводу смерти Гоголя, письмо *И. С. Тургенева* изъ Петербурга, Моск. Вѣдом. 1852, № 32, марта 13, стр. 328, перепеч. въ Русск. Старинѣ 1873, т. VIII, стр. 957—958.

80) Письмо къ друзьямъ Гоголя; Моск. Вѣдом. 1852, № 32, С. А. (*Аксакова*); перепеч. въ Р. Старинѣ 1873, т. VIII, стр. 955—957.

81) О погребеніи Гоголя, Р. Старина 1877, октябрь, 218—219, въ статьѣ *В. Селиванова*.

82) При погребеніи Гоголя было сказано надгробное слово протоіереемъ *Богдановымъ*,—но мы не могли доискаться, было ли оно напечатано.

83) Письмо *Буларины* къ П. В. Хавскому, по поводу смерти Гоголя (отъ 28 февр. 1852 г.), Р. Старица 1872, т. V, стр. 481—482.

84) Поминовеніе по Гоголѣ, Москвит. 1852, № 8, Моск. Изв. стр. 139—140, *М. Погодина*.

Опыты біографіи и вызванныя ею поправки и дополненія.

85) Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, уже въ самый годъ смерти Гоголя, озабочено было его біографіей и поручило составить ее *Шевыреву*; для этой цѣли Шевыревъ ѣздилъ лѣтомъ на родину Гоголя и собралъ тамъ письма его съ самаго дѣтства; но біографіи Гоголя онъ не успѣлъ написать. (Отчеты II Отд. Имп. Ак. Н. за 1852—1865 г., стр. 31.

86) Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя (*Кулиша*), Отеч. Зап. 1852, № 4, Смѣсь, стр. 189—201; отд. оттиски 8°, 15 стр. Перепечатано въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: Вологодскихъ, Московскихъ, Пензенскихъ, Рязанскихъ. Вошло потомъ въ дальнѣйшіе труды Кулиша о Гоголѣ.

87) Спб. Вѣдом. 1852, № 85.

88) Замятка для біографіи Гоголя, Соврем. 1852, № 10, Смѣсь, стр. 141, *В. П. Гаевского*.

89) Нѣсколько словъ о Гоголѣ, Моск. Сборн. 1852, въ началѣ

книги, (*И. С. Аксакова*); о его статьѣ. Историч. Вѣстн. 1881, № 2, стр. 350—351.

90) Дань памяти Гоголя, Москвит. 1852, т. V, № 20, стр. 224—228, *А. Стурдзы*; о статьѣ его, Ж. М. Н. Пр., т. 78, отд. 6, стр. 123.

91) Сѣв. Пчела 1852, № 87, фельетонъ *Булгарина*; о немъ: Москвит. 1852, № 11, Смѣсь, стр. 59—61; отзывъ *провинціала* на фельетонъ Булгарина, Моск. Вѣдом. 1852, № 76; еще нѣсколько словъ о Гоголѣ, тамъ же.

92) Нѣсколько словъ о Гоголѣ. (Отрывокъ литературнаго письма). Спб. 1852, 8°, 13 стр. Въ тип. Эд. Веймара.

93) Два слова о Гоголѣ, письмо изъ Херсона, Москвит. 1852, № 11, Внутр. Изв., стр. 117—118, *В. Неирескула* (выписки изъ Гоголя и 87-го № Сѣверн. Пчелы).

94) Библиографическія поправки и дополненія, Моск. Вѣдом. 1853, № 51, *Н. С. Тихонравова*; отд. оттиски, 16°, 14 стр.

95) Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя, Моск. Вѣдом. 1853, № 35, *С. Аксакова*.

96) Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ, *Н. С. Тихонравова* и *Н. Иванукаго*, Отеч. Зап. 1853, № 2, т. 86, отдѣ 7, стр. 109—121.

97) Опытъ біографіи Гоголя, соч. *Николая М. (Кулиша)*, Современ. 1854; №№ 2, 3 и 4, и отд. Спб. 1854. Рецензіи: 1) Библ. для Чтенія 1854, № 8, т. 126, отд. 6, стр. 1; 2) Извѣст. II Отд. Имп. Ак. Н. т. II, 1854, стр. 249, ст. *Срезневскаго*; 3) Москвит. 1854, № 9, журналистика, стр. 35—39, № 13, журнал., стр. 34—36; 4) Отеч. Зап. 1854, № 5, т. 94, отд. 4, стр. 55—57 и т. 97, № 11, отд. 3, стр. 1—34, ст. *С. Дубышкина*; возраженіе на нее, Совр. 1854, № 12, Смѣсь, Зам. *Нов. Поэта*, стр. 42—49 и Москвит. 1854, № 24, журнал. стр. 167; 5) Пантеонъ 1854, № 3; 6) Спб. Вѣдом. 1854, № 80; 7) Сѣв. Пчела 1854, №№ 175 и 181, двѣ ст. *Булгарина*, о нихъ Отеч. Зап. 1854, № 9, журнал. стр. 72—74.

98) Справочный Энциклоп. Словарь, т. III, 1854, стр. 437—438.

99) Нѣсколько словъ о Гоголѣ, Спб. Вѣдом. 1855, № 259, *М. Р. (Рахубовскаго?)*.

100) Записки о жизни Гоголя, соч. *Николая М. (Кулиша)*, Спб. 1856, 2 части, съ портретомъ Гоголя, 8°, 339 и 302 стр. Рецензіи: 1) Библ. для Чт. 1856, т. 138, № 8, отд. 5, стр. 1—44, *О. Колядина*

(А. И. Рыжова); 2) Отеч. Зап. 1856, № 9, отд. 2, стр. 20—42 и № 11, стр. 15—52, П. Е. Б—ва (Басистова; Геннади въ своемъ Словарѣ р. писателей ошибочно приписываетъ Благосвѣтлову); 3) Совр. 1856, № 4, отд. 4, стр. 26—39; 4) Сынъ Отеч. 1856, № 8; 5) Сочин. Максимовича, Кіевъ 1876. т. I, стр. 519.

101) Н. В. Гоголь, біогр. очеркъ *Н. Б.*, Золотое Руно 1858, № 7, перепеч. въ Ряз. Губ. Вѣдом. 1858, № 11.

102) Замѣтки о Гоголѣ, Семейн. Кругъ 1858, № 2, стр. 174—180, А. Грена.

103) Н. В. Гоголь, Біографич. Очеркъ, «Лицей кн. Безбородко», Спб. 1859, отд. II, стр. 29—62, съ портретомъ его, П. А. Кулиша; въ новомъ изданіи той же книги, подъ заглавіемъ «Гимназія Высшихъ Наукъ и Лицей кн. Безбородко, Спб. 1881, стр. 360—379.

104) Гоголь предъ судомъ обличительной литературы, *Н. Герсеванова*, Одесса, 1861, 8° 171, стр. Рецензіи: 1) Моск. Вѣдом. 1862, № 2, стр. 14, *гр. И. Мамуны*; 2) Основа 1862, № 1, стр. 52—54, П. А. Кулиша; 3) Спб. Вѣдом. 1862, № 19, лптер. лѣтопись.

105) Н. В. Гоголь, Воскр. Досугъ 1863, №№ 45, 47, 48 и 49, стр. 309, 346, 363 и 380.

106) Памятная книжка Полтавской губерніи на 1866 г., стр. 437.

107) Русскіе люди. Жизнеописанія соотечественниковъ, прославившихся... изд. М. О. Вольфа, Спб. 1866, т. 2, стр. 570—603.

108) Портретная Галерея, изд. А. Мюнстера, т. 2, Спб. 1869, М. Д. Хмырова.

109) Сборникъ для народнаго чтенія, Спб. 1870, кн. 1.

110) Русскіе бывшіе дѣятели, приложение къ «Невѣ», 1878, т. 2.

111) Подвижничество Гоголя—въ книгѣ В. Маркова «На встрѣчу, очерки и стихотворенія». Спб. 1878, стр. 219—229.

112) Nouvelle Biographie générale, de Didot, т. XXI, 73, біографія Гоголя, напис. кн. Авг. Голицынымъ.

113) Нива 1879, № 34, стр. 661—662, В. С—ва (Соловьева), съ портретомъ Гоголя, рисов. И. Пановымъ.

114) Русскій Энциклопедическій словарь, изд. И. Н. Березина Спб. 18—, т. , стр.

115) Н. В. Гоголь, соч. А. Т. Чапковского. Воронежъ 1881.

116) Къ біографіи Гоголя, рѣчь И. А. Лавровскаго, Кіевъ 1881, 8°, 19 стр. (отгискъ изъ VI тома Извѣстій Истор. Фил. Института кн. Безбородко).

117) (О профессурѣ Гоголя), Русск. Стар. 1881, № 5, стр. 157—158.

II. Бюсты, портреты Гоголя; памятники ему.

118) Бюстъ Гоголя, работы *Н. Рамазанова*, Москвит. 1852, т. IV, Моск. Изв., стр. 88. Бюсты эти были изъ гипса, потомъ изъ мрамора.

119) Бюстикъ Гоголя, изъ гипса, раб. *Н. А. Степанова*, Спб. 1854 г.

120) Художеств. извѣстія, *Н. Рамазанова*, Моск. Вѣдом. 1854, № 76.

121) О портретѣ Гоголя, пис. *А. А. Ивановымъ*, Москвит. 1852, № 13, Смѣсь, стр. 110. (Самый портретъ приложенъ потомъ къ Р. Старинѣ 1878, № 6). Въ книгѣ «*А. А. Ивановъ*», Спб. 1880, стр. 273, 274, 275, 276, 277.

122) Новыя эстампы въ Петербургѣ, Москвит. 1854, № 11, отд. стр. 222, *Г. Н. Геннади* (о портретахъ Гоголя).

123) Портреты Гоголя и рисунки къ его сочиненіямъ, Р. Старина, 1878, кн. 5, стр. 157—168, *П. А. Ефремова*.

124) Поправки и дополненія къ статьѣ Ефремова, Древн. и Нов. Россія, 1878, № 7, стр. 259—260, *Н. С. (Собко)*.

125) Дополненія, *П. А. Ефремова*, Р. Старина 1879, № 9, стр. 172—176. (Рѣдкій портретъ Гоголя, работы проф. *А. Г. Венеціанова*. замѣчательный выраженіемъ милой, добродушной веселости, приложенный къ этой статьѣ г. Ефремова, повторенъ въ сборникѣ «Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ *Л. А. Спряковымъ*», Спб. 1882, стр. 123).

126) При I томѣ Новоселья, 1833 г., была приложена прекрасная гравюра, изображавшая литераторовъ, но есть ли тамъ Гоголь—не знаемъ.

127) Рисунокъ могилы Гоголя, *В. Θ. Тимма*, Русск. Худож. Листокъ 1853, № 32.

128) Могила Гоголя, Петерб. Газета 1869, № 150.

129) Памятникъ Гоголю. Школа Рисованія 1857, № 12. Иллюстрац. 1862, № 203.

130) 1 августа 1880 г. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ соизволилъ на разрѣшеніе Обществу Любителей Россійской

Словесности открытъ повсемѣстную въ Имперіи подписку на составленіе капитала для сооруженія памятника Гоголю. Съ той поры по 1-е мая 1882 г. на памятникъ Гоголю поступило 7831 руб. 21 коп., изъ нихъ 5000 руб. отъ г. *Демидова князя Санъ-Дonato*, а остальное со всей Россіи...

131) Открытіе памятника Гоголю въ Нѣжинѣ (Отчетъ о сооруженіи памятника, проф. *Н. Я. Грота*; рѣчь протоіер. *А. Ѳ. Хойнацкаго*), Кіевлян. 1881, № ; фельетонъ *Неизвѣстнаго*, тамъ же, № 202; еще о Нѣжинскомъ торжествѣ, тамъ же, № 203; о телеграммѣ изъ Львова, тамъ же, № 204.

132) Заря 1881, №№

133) Моск. Вѣдом. 1881, №

134) Русь 1881, №№ 44, 45 (?), *И. С. Аксакова*.

135) Страна 1881, №№ 108 и 113.

136) Трудъ 1881 №

137) Порядокъ 1881, № 251, *А. К—скій*.

138) Недѣля 1881, стр. 1236, письмо *Н. Г.*

III. Критическія статьи и рецензіи на сочиненія Гоголя.

А) Ганць Кюхельгартень.

139) Моск. Телегр. 1829, ч. 27, стр. 515, *Н. Полеваго*.

140) Сѣв. Пчела 1829, № 87.

Б) Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.

141) Письмо *Пушкина* къ Воейкову, Лит. Приб. къ Р. Инвал. 1831, № 79, стр. 623; перепеч. Москвит. 1852, № 24, матеріалы, стр. 25; Соч. Пушкина, изд. Анненкова, Спб. 1855, т. 1, стр. 164 и 416; отд. изд. книги Анненкова о Пушкинѣ, Спб. 1873, стр. 156 и 408; Соч. Пушкина, изд. 1881, т. V, стр. 172 и 341. (Гоголь однако понималъ тогда, что Воейковъ уже не имѣлъ значенія и отправился, какъ новичокъ, къ Булгарину, см. *Колбасина* «Литер. дѣятели», Спб. 1859, стр. 269).

142) Литер. Приб. къ Р. Инв. 1831, № 94.

143) Моск. Телегр. 1831, т. 41, № 17, стр. 91—95.

144) Сѣв. Пчела 1831, №№ 219, 220, ст. В.

145) Телескопъ 1831, ч. 5, отд. 6, стр. 558—563.

146) Моск. Телегр. 1832, ч. 44, № 6, стр. 262—267.

- 147) Сѣв. Пчела 1832, № 59.
 148) Телескопъ 1832, ч. 11, отд. 5, стр. 97—108.
 149) Мысли малороссіянина, по прочтеніи Вечеровъ на Хуторѣ и рецензій на оныя, Сынъ Отеч. 1832, т. 147, отд. 3, стр. 41—49, 101—115, 159—164, 223—242, 288—312, статьи *Андрея Царынина*.
 150) Библ. для Чтен. 1835, т. 15, отд. 6, стр. 3—4.
 151) Современ. 1836, т. 1, стр. 312—313, *Пушкина* (перепечатки указаны здѣсь подъ № 141).
 152) Сѣв. Пчела 1836, № 26.

В) Арабески.

- 153) Библ. для Чтенія 1834, т. 9, отд. 6, стр. 30—34; Соч. *Сенковского*, Спб. 1859, т. XI, стр. 344.
 154) Молва 1835, № 15, *В. Бѣлинскаго*; Соч. Бѣлинскаго, I, 357—359.
 155) Сѣверн. Пчела 1835, № 73.
 156) Телескопъ 1835, т. 26, стр. 392—417 и 536—603, *В. Бѣлинскаго*; Соч. Бѣлинскаго, I, 169—240 (собственно о Гоголѣ, съ 207, 213 стр. и далѣе).

Г) Миргородъ.

- 157) Литер. Приб. къ Р. Инвал. 1855, № 33, стр. 262, ст. *А. в. м. л.*
 158) Моск. Наблюдатель 1835, № 2, стр. 396—411, *С. П. Шевырева*.
 159) Сѣв. Пчела 1835, № 115, *И. М—скаго* (Медвѣдовскаго).

Д) Тарась Бульба.

- 160) Соч. *Бѣлинскаго* III, 365—368.
 161) Сочин. *М. Максимовича*, К. 1876, т. I, стр. 301—302, 517, 523; т. III, с. 266.
 162) Историческіе очерки р. литературы, Современ. 1866, № 1, стр. 203—204, *Грыцко* (Г. З. Елисеева).
 163) Грамотѣй 1869, № 10, стр. 42—68, *И. Родзевича*.
 164) Тарась Бульба, театр. піеса, Отечеств. Зап. 1853, т. 86, Смѣсь, 57.
 165) Тарась Бульба на галицко-русскомъ языкѣ, Книжн. Вѣст. 1865, № 24, стр. 486.

Е) Вообще о повѣстяхъ Гоголя и нѣкоторыхъ неизданныхъ его сочиненіяхъ.

166) Очерки р. литературы, *Кѣнига* (въ подлинникѣ въ 1837, въ переводѣ 1862 г., Сиб.), о Гоголѣ: стр. 156—165.

167) Чтенія о р. языкѣ, *Н. Греча*, Спб. 1840, ч. II, стр. 340.

168) Возраженіе на ст. *Проспера Мериме* о Гоголѣ, *Москвит.* 1851, ч. VI, стр. 607—614, *Антол. Григорьева*; сличн отзывъ объ этой статьѣ въ *Соч. Дружинина*, т. VI, стр. 584—588.

169) Эпилогъ къ «Черной Радѣ», *И. Кулиша*, Р. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 125, 127—131. 133. 135—138.

170) Взглядъ на малоросс. словесность, *его-же*, *Русск. Вѣстн.* 1857, *Соврем. Лѣтопись*, № 24, стр. 228.

171) О мнѣніяхъ Кулиша, *соч. Максимовича*, К. 1876, т. I, стр. 516—517, 522, 523, 527—529, 621.

172) Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни и исторіи, *Основа* 1861, № 4, стр. 67—90; № 5, стр. 1—33; № 9, стр. 56—68 и № 11—12, стр. 1—11, четыре статьи *И. Кулиша*.

173) Оборона украинскихъ повѣстей Гоголя, *День*, 1861, №№ 3, 5, 7, 9 и 1862, № 13. *М. Максимовича*.

174) Нѣсколько словъ объ оборонѣ Гоголя, *День*, 1861, № 7, *Кулиша*.

175) Предпріятіе противъ Гоголя, Спб. *Вѣдом.* 1861, № 54.

176) Малороссійскій писатель Гоголь по гг. Кулишу и Максимовичу, *Время* 1862, № 1, отд. II, стр. 99—108.

177) Гоголь и Ворона, басня *Кулиша*, *Основа* 1861, № 10, въ концѣ книжки; перепеч. въ книгѣ «Досвѣтки», Спб. 1862, стр. 61. (Намекъ на споръ съ Максимовичемъ).

178) Отвѣтъ *Максимовича* на басню Кулиша, *Кіевлян.* 1881, № 272, фельетонъ.

179) Обь отношеніи Гоголя къ Малороссіи и Россіи, *Соч. Хомякова*, т. 1, стр. 687—688; см. тамъ же, стр. 62, 63, о Гоголѣ.

180) Воспоминанія *В. В. Стасова* о вліяніи повѣстей Гоголя, *Русская Старина* 1881, февраль, 414—419; июнь, 274, 275.

181) О разсказѣ Гоголя «Пращка». *Русск. Міръ* 1860, № 97; *Моск. Вѣдом.* 1861, № 3.

182) Быль слухъ о неизданныхъ его сочиненіяхъ, найденныхъ въ бумагахъ *А. А. Иванова*, *Библиограф. Зап.* 1861, стр. 414.

183) Изъ неизданныхъ сочиненій Гоголя, *Русь* 1881, № 12, янв. 31.

184) Укажемъ при этомъ на замѣчаніе Гоголя о Малороссіи, переданное имъ *Полюдину*, Русскій 1868, стр. 333, въ концѣ втораго столбца; его же анекдотъ, рассказанный *Жуковскому*, Лѣтоп. Русск. Лит. и Древности, 1859, кн. 2, стр. 78, и его слова, записанныя *А. О. Смирновой*: «Гоголь говаривалъ, что писатель долженъ, какъ художникъ, постоянно имѣть при себѣ карандашъ и бумагу. Плохо, если пройдетъ день—и художникъ ничего не набросаетъ. Плохо и для писателя, если онъ пропуститъ день, не записавъ ни одной мысли, ни одной черты,—надо въ себѣ поддерживать умѣнье выливать въ форму думы свои». (Русск. Мысль, 1882, февр. стр. 171).

Ж) Ревизоръ.

185) Сцена изъ Ревизора, ненапечатанная авторомъ, Библ. Записки 1859, № 7, стр. 220—221.

186) Записки *М. С. Щеткина*, М. 1864, стр. 180—185.

187) Первое представленіе Ревизора (и другихъ комедій Гоголя) на петербургской сценѣ, Хроника театровъ, *А. И. Вольфа*, Спб. 1877, ч. 1, стр. 49, 68, 100, 104, 105, 152, 153.

188) О томъ же, дневникъ *А. И. Храповицкаго*, Русск. Стар. 1879, № 2, стр. 348.

189) Библ. для Чтенія 1836, т. 16, отд. 5, стр. 1—47. (О какомъ-то отзывѣ *Сенковскаго* о «Ревизорѣ» упоминаетъ *Н. А. Полевой* въ своихъ «Очеркахъ р. литературы», 1839, I, с. XVI).

190) Литер. Приб. къ Р. Инвал. 1836, № 59—60, стр. 475—486. *П. Серебрянаго*.

191) Московск. Наблюдатель 1836, ч. 7, стр. 120—131, *В. Андросова*.

192) Съв. Пчела 1836, №№ 97 и 98, *Θ. Буларина*.

193) Современн. 1836, кн. 2, стр. 285—309, кн. II. *А. Вяземскаго*, перепеч. въ Сочин. кн. Вяземскаго, Спб. 1879, т. II, стр. 257, съ припиской 1876 года, тамъ же, стр. 274.

194) Отеч. Зап. 1840, т. 8, стр. 29—43, въ статьѣ *Бѣлинскаго* о «Горѣ отъ ума».

•195) Чтенія о русск. языкѣ, *Н. Греча*, Спб. 1840, ч. II, стр. 138—141.

196) Москвит. 1841, ч. 3, № 6, 483—489.

197) Отеч. Зап. 1841, т. 18 № 9, отд. 6, стр. 5.

198) Русск. Вѣстн. 1842, т. 5, стр. 60—62, *Н. Полеваго*.

199) Отеч. Зап. 1847, № 9, отд. 5, стр. 34—36, въ статьѣ С. С. Дудышкина о соч. фонъ Визина; перепеч. въ изд. Перевлѣскаго «Соч. фонъ Визина», Спб. 1858, стр. СХІ—СХІV.

200) Отеч. Зап. 1849, т. 67, отд. 8, стр. 129.

201) Сужденіе одного французскаго журнала о Ревизорѣ, Моск. Вѣдом. 1854, № 86, А. фонъ Видерта.

202) Измѣненія, которыя Гоголь дѣлалъ въ своемъ Хлестаковѣ. Роль Хлестакова, исполненная г. Востоковымъ, Спб. Вѣдом. 1857, № 250, Московск. Лѣтопись, статья Дельта. (Къ этой порѣ относится отзывъ А. А. Иванова о Ревизорѣ, см. книгу «А. А. Ивановъ», Спб. 1880, с. XXVIII).

203) Драматич. Сборникъ 1859, книга XI, стр. 6.

204) Ревизоръ въ исполненіи литераторовъ (1860 г., см. тогдашніе журналы); о Писемскомъ въ роли Городничаго, Вѣстн. Евр. 1882, № 4, с. 634.

205) Значеніе въ литературѣ комедіи Ревизоръ, «Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ», вып. 1, Поэзія Драматическая, соч. И. Гарусова, М. 1862, стр. 418—429.

206) «Ревизоръ» въ Кіевѣ, Кіевлян. 1865, №№ 128, 129.

207) Шумскій, какъ истолкователь Гоголя, Спб. Вѣдом. 1866, № 276; переп. въ газ. Антрактъ 1866, № 41, ст. N.

208) Ревизоръ на тифлисской сценѣ, Кавказъ 1867, № 91, статья W. (отвѣтъ на статью, тамъ же, №№ 95—96, 98); 1869, №№ 81 и 86, А. Руновскаго; 1878, №№ 232 и 235, въ статьѣ И. А. Н. о современномъ значеніи театра.

209) О постановкѣ Ревизора на Екатеринодарскомъ театрѣ, Кубанскія Войск. Вѣдом. 1869, № 41.

210) О представленіи Ревизора на сценѣ въ первый разъ безъ пропусковъ. Спб. Вѣдом. 1870, № 273.

211) О томъ же, Петерб. Газета 1870, № 149.

212) По поводу предыдущей статьи, тамъ же, №№ 153 и 154, М. Ротчева.

213) О возобновленіи Ревизора, Заря 1870, № 11, стр. 225—244, въ статьѣ «Театральные порядки и безпорядки».

214) Ревизоръ на русскомъ театрѣ въ Ригѣ, Рижск. Вѣстн. 1871, № 98.

215) Письмо И. Монахова о представленіи Ревизора, Голосъ 1872, №№ 117, 122 и 128.

216) Г. Монаховъ въ роли Хлестакова, Спб. Вѣдом. 1872, №№ 230, 233 и 245, статьи *А. С—на (Суворина)*.

217) Народный театръ въ Москвѣ (о представленіи Ревизора) Моск. Вѣдом. 1872, №№ 137, 146 и 171, *Д. Аверкіева*.

218) Ревизоръ на народномъ театрѣ, Русск. Вѣдом. 1872, № 124, *Старою театралю*.

219) Представленіе въ Азовѣ, Азовскій Вѣстникъ 1872, № 5.

220) Ревизоръ на сценѣ Ростовскаго на Дону театра, Донская Пчела 1873, № 44.

221) Ревизоръ на Кіевской сценѣ, Кіевлянинъ 1874, № 6 (63?), статья *Дено (Д. И. Пухно)*; 1875, № 48; 1877, № 53.

222) Ревизоръ на кронштадской сценѣ, Кроншт. Вѣстн. 1874, № 142, статья *Р.*

223) Полемика г. *Z.* съ г. *A.* въ Р. Вѣстникѣ, доказывавшимъ, что Гоголь уронилъ нашъ театръ, Спб. Вѣдом. 1874, № 316.

224) Ревизоръ на Ораніенбаумской сценѣ, Биржев. Вѣд. 1875, № 201.

225) *S.-Petersb. Zeitung* 1875, № 224.

226) По поводу предыдущей статьи, Спб. Вѣдом. 1875, №№ 290 и 292.

227) Къ исторіи и символикѣ Ревизора, Порядокъ 1881, №№ 28 и 35.

228) О сходствѣ Ревизора съ комедіей Квитки «Пріѣзжіи изъ столицы», Украинская Старина, *Г. П. Данилевскаго*, Харьковъ 1866, с. 212—217; о томъ же письма *С. Т. Аксакова*, *Основьяненка*, *Завсѣкина*; тамъ же, 216—217, 267, 268, 271; о томъ же Историч. Вѣстн. 1881, № 8, въ статьѣ *Н. Петрова*, стр. 702—703.

229) Нѣсколько словъ о Ревизорѣ Гоголя въ новой обстановкѣ. Страна 1881, № 11, стр. 8.

230) О переводѣ Ревизора на франц. языкъ, Спб. Вѣдом. 1853, № 247.

231) Ревизоръ на чешскомъ языкѣ, Книжн. Вѣстн. 1865, № 10, стр. 205.

232) Ревизоръ на краковской сценѣ, Русск. Вѣдом. 1870, № 75: Петерб. Газета 1871, № 44.

233) Въ 1836 г. нѣкій кн. *Циціановъ* написалъ комедію «Настоящій Ревизоръ», см. Хронику театровъ *А. И. Вольфа*, Спб. 1877, I, 51.

3. Женитьба.

- 234) Разнорѣчія по черновой рукописи, сообщ. А. Θ. Бычковъ, Русск. Стар. 1874, февр. 323—338.
 235) Сѣв. Пчела 1842, № 279.
 236) Соч. Бѣлинскаго, VII, 39, 221, 367, 443—446.
 237) Отеч. Зап. 1849, т. 67, отд. 8, стр. 131.
 238) *Г-жа Федотова* въ Женитьбѣ, Всем. Иллюстр. 1870, № 76.
 239) Женитьба на рижской сценѣ, Рижск. Вѣстн. 1871, № 82.
 240) Женитьба на кронштадской сценѣ, Кроншт. Вѣст. 1874, № 130.

II. Тяжба.

- 241) Отеч. Зап. 1849, т. 67, отд. 8, стр. 133.
 242) О представленіи Тяжбы на московск. театрѣ, Русск. Лѣтоп. 1870, № 37.

I. Вообще о драматическихъ сочиненіяхъ Гоголя.

- 243) Драматическіе опыты Гоголя, Реперт. и Пантеонъ, 1843, № 6, въ статьѣ «О современномъ состояніи русск. сцены».
 244) Комедіи Гоголя на московской сценѣ, Москвит. 1852, № 8, Лѣтопись моск. театра, стр. 143—154, *Ап. Григорьева*.
 245) Замѣтки и наброски Гоголя для драмы изъ украинской исторіи; нѣсколько объяснительныхъ словъ *II. Кулиша*, Основа 1861, № 1, стр. 116—120; рец. *В. Ч. (Чибисова)*, Одесск. Вѣстн. 1861, № 25.
 246) О комедіи Гоголя «Владиміръ 3-й степени», Театр. Афиши и Антрактъ 1865, янв. 7. Кажется, къ этой комедіи относится слова *Плетнева* въ письмѣ къ Жуковскому 1833 года: «Его (Гоголя) комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ объять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Еще есть другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь самъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губить его духовную половину со всѣми въ ней зародышами». (Русск. Арх. 1875, т. II, стр. 469).
 247) О той же комедіи, Бесѣды въ Общ. Любит. Росс. Словесн. М. 1871, вып. 3, стр. 138—140, *В. И. Родиславскаго*.

248) (О переводѣ Гоголемъ комедіи Мольера «Le Cocu imaginaire» въ рукописи), Р. Вѣстн. 1872, № 3, с. 75—76, въ ст. *В. И. Родиславскаго* (Гоголевскій переводъ итальянской комедіи «Дядька въ затруднительномъ положеніи», соч. *Жиро*, сколько намъ извѣстно, также доселѣ не былъ напечатанъ).

Б. Римъ.

249) Русск. Вѣстн. 1842, т. 6, стр. 36—40, въ статьѣ *Н. Полеваго* о М. Д.

250) Современн. 1842, т. 26, стр. 41—45.

251) Современ. 1852, № 2, *Замѣтки Новаго Поэта*, стр. 289.

252) Москвитян. 1854, № 6, журнал., стр. 83, *А. Григорьева*.

253) По поводу предыдущей статьи, *Отеч. Зап.* 1854, № 7, журн., стр. 48.

254) Отвѣтъ *Отеч. Запискамъ*, *Москвит.* 1855, № 13—14, критика, стр. 119—123, *Ап. Григорьева*.

Л. Мертвыя Души, томъ I.

255) О передачѣ Пушкинымъ сюжета М. Душъ, Русск. Старина 1880, май, с. 79—80, слова *О. С. Павлицевой*.

256) О цензурѣ М. Душъ, письмо Гоголя, Р. Архивъ 1866, № 5, стр. 766—769.

257) Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ, первоначальная редакція, Русск. Архивъ 1865, № 7, стр. 775—788 (2-е изд., стр. 1281—1294), сообщ. *А. Θ. Бычковъ*.

258) Мертвыя Души, свѣренныя со спискомъ, представленнымъ въ цензурный комитетъ, Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс., 1866, кн. 3, Смѣсь, стр. 240—246, *О. М. Бодянскаго*. Здѣсь не лишнимъ будетъ напомнить, что обертка М. Душъ была нарисована самимъ Гоголемъ; отчего бы не возобновить ее, какъ единственный извѣстный намъ рисунокъ Гоголя?

259) Опущенный авторомъ отрывокъ изъ М. Душъ, Русск. Вѣстн. 1856, т. I, № 1, стр. 1, съ предисловіемъ *М. Н. Каткова*. Отрывокъ вошелъ въ позднѣйшія изданія сочиненій Гоголя.

260) Библ. для Чтенія 1842, № 9, стр. 24—54, ст. *Сенковскаго*.

261) (Отвѣтъ на разборъ Сенковскаго). Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ, *Отеч. Зап.* 1842, № 8; Соч. *Бѣлинскаго*, VI, с. 501—522.

262) Литерат. Газета 1842, № 23, стр. 470—476.

263) Москвит. 1842, № 7, стр. 205—228 и № 8, стр. 346—376,

С. Шевырева.

264) Замѣчаніе на два мѣста въ статью Шевырева, Москвит. 1842, № 11, стр. 186—196.

265) Отвѣтъ *Шевырева*, тамъ же, стр. 197—202.

266) О критикахъ Шевырева и Москвитянина, Соч. *Бѣлинскаго*, VI, стр. 592—595, 605—608.

267) Отеч. Зап. 1842, № 6, с. 49, Соч. *Бѣлинскаго*, VI, 349—416.

268) Отеч. Зап. 1842, № 7, стр. 1—12.

269) Отеч. Зап. 1842, № 8, отд. 6, стр. 46—51, антикритика.

270) Русскій Вѣстникъ 1842, т. 6, стр. 33—57, *Н. Полеваго*.

271) Спб. Вѣдом. 1842, №№ 163, 164 и 165, *М. Сорокина*.

272) Современ. 1842, т. 27, № 3, стр. 19—61, *С. III. (Шлетнева)*; въ Соч. Шлетнева, имѣющихъ выйти въ 1883 г., т. 1, стр. 496.

273) Отзывъ *Шлетнева* въ письмѣ къ Жуковскому 1842, Русск. Арх. 1870, стр. 1277.

274) Сынъ Отеч. 1842, № 6, отд. 6, стр. 1—30 (*К. Масальскаго*). Объ этой статьѣ Журналъ М. Н. Пр. говоритъ: «разборъ весьма дѣльный и прекрасно написанный» (т. 36, отд. 6, стр. 31). Въ другомъ мѣстѣ Журналъ Мин. Н. Пр. замѣчаетъ: «высокое мнѣніе Шевырева о Гоголѣ раздѣляютъ Спб. Вѣдомости, Современникъ и Лит. Газета, а Библиотека, Русск. Вѣстникъ и Сѣв. Пчела держатся совершенно противнаго; Сынъ Отечества излагаетъ свои мнѣнія эклектически».

275) Сѣв. Пчела 1842, № 137 (167?), *Н. Греча*.

276) О ней, Соч. *Бѣлинскаго*, VI, 562—566.

277) Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя (*К. С. Аксакова*) М. 1842.

278) О брошюрѣ К. Аксакова, Отеч. Зап. 1842, № 8, отд. 6, стр. 27—29; Соч. *Бѣлинскаго* VI, 433; Современн. 1842, т. 28, № 4, стр. 82; Библ. для Чтен. 1842, т. 54, отд. 6, стр. 12.

279) Объясненіе *К. Аксакова*, по поводу его брошюры о М. Д., Москвит. 1842, № 9, критика, стр. 220—229.

280) Отвѣтъ *Бѣлинскаго*, Отеч. Зап. 1842, № 11, отд. 6, стр. 13—30; Соч. *Бѣлинскаго*, VI, 523—557.

281) Объ отвѣтѣ Отеч. Записокъ, *Хомякова*, Р. Архивъ 1878, II, 61—62.

282) Отзывъ *Ю. Ѳ. Самарина*, Р. Арх. 1880, II, 283, 290.

283) Письмо Ю. Ѳ. Самарина къ К. Аксакову о его брошюрѣ и о критикѣ Шевырева на М. Души, Р. Архивъ 1880, II, 298—302.

284) Отеч. Зап. 1843, № 1, въ статьѣ «Р. Литер. въ 1842 году», Соч. *Бѣлинскаго* VII, 28—31.

285) Критическій перечень произведеній р. словесности за 1842 годъ, Москвитян. 1843, № 1. стр. *Шевырева*.

286) Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя, Отеч. Зап. 1843, № 4, отд. 5, стр. 31—48, *Н. Мизко*.

287. Сѣв. Пчела 1846, № 181, *бар. Е. Розена*.

288) Отеч. Зап. 1846, № 12, отд. 6, стр. 57

289) Русск. Инвал. 1846, № 210.

290) Письмо къ Гоголю *Сто-одного* (*А. Д. Галахова*), Отеч. Зап. 1847, № 2, отд. 5, стр. 77—82.

291) Современ. 1847, № 1, отд. 3, стр. 56—59; Соч. *Бѣлинскаго* XI, 69—72.

292) Сцены изъ поэмы М. Души, театр. піеса I**** (*Н. Буликова*), Отеч. Зап. 1852, т. 80, отд. 8, стр. 162.

293) Мертвыя Души, сцены въ 5 картинахъ, составлены изъ поэмы Гоголя. Изданіе Театральной Библіотеки *С. Ф. Разсохина*, М. 1877, 4°, 135 стр. О нихъ—*Пчела* 1877, № 43; Театральн. Газета 1877, № 124 (изъ Сѣв. Вѣстника).

294) Англійская передѣлка М. Душъ, Соврем. 1855, № 1, Сибѣ. Иностранн. Извѣстія, стр. 95—96.

295) М. Души, написанныя не Гоголемъ, а неизвѣстнымъ авторомъ въ Лондонѣ, Отеч. Зап. 1855, т. 98, отд. 7, стр. 30—31 (о переводѣ М. Душъ, вышедшихъ подъ заглавіемъ «Home life in Russia». By a russ. Noble. London 1854).

296) Соврем. 1856, № 7, т. 58, библіогр., стр. 48.

297) Въ книгѣ *Н. Я. Данилевскаго*, «Россія и Европа», Спб. 1871, стр. 533.

298) Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія *Т. П. Пассекъ*, Спб. 1879, т. 2, стр. 341.

М. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

299) Неизданныя мѣста изъ писемъ Гоголя къ друзьямъ, Библ. Записки, 1859, № 10, стр. 303—305

300) Неизданныя мѣста изъ переписки съ друзьями Гоголя, Русск. Архивъ 1866, вып. 11—12, стр. 1730—1747.

301) Библ. для чтен. 1847, т. 80, отд. 6, стр. 42—50.

302) Литер. Газета 1847, №№ 4—6, стр. 56, 73 и 88.

303) Моск. Городской Листокъ 1847, № 56, стр. 225—226. отъ редакціи; №№ 62—64, *Ап. Григорьева*.

304) Письма къ Гоголю *Н. Ф. Павлова*, Моск. Вѣд. 1847, письмо первое, второе и четвертое (третье не было напечатано); перепеч. въ *Соврем.* 1847, т. 3, № 5, смѣсь, стр. 1—16, т. 4, № 8, стр. 88—93. О нихъ *Бѣлинскій* XI, 435. (Отзывы *Павлова* о Гоголѣ были еще, помнится, въ его газетѣ *Наше Время*, 1860, по поводу «Грозы» *Островскаго*).

305) Нижегород. Губ. Вѣдомости 1847, №№ 14, 18, 27, 30 и 31, статья *Бестужева-Рюмина*. (Сличи тамъ-же 1869, № 8, въ ст. X. *Ценковскаго*).

306) Отеч. Зап. 1847, т. 50, № 2, отд. 6, стр. 69—71.

307) Новое возраженіе Гоголю, Отеч. Зап. 1847, т. 53, отд. 8, стр. 66.

308) С.-Пет. Вѣдом. 1848, № 35, *Эд. Губера*, перепеч. въ *Сочин. Губера*, С.-Пет. 1860, т. III, стр. 213—220 (*Бѣлинскому эта статья очень нравилась*).

309) С.-Пет. Вѣдом. 1847, №№ 90 и 91, апрѣли 24 и 25, кн. *П. А. Вяземскаго*, перепеч. въ *Соч. кн. Вяземскаго*, 1879, т. II, стр. 313—330, съ *примиской* 1876 года, тамъ-же, стр. 330—334; см. еще отзывъ кн. *Вяземскаго* о той-же книгѣ, *Р. Арх.* 1872, с. 1328—1329.

310) О статьѣ кн. *Вяземскаго*, *Сѣв. Пчела* 1847, № 98, фельетонъ *Буларина*.

311) О ней-же, *Сѣв. Пчела* 1847, № 107, статья *Вр. Иск.*

312) О ней-же, отзывъ *Жуковскаго*, *Р. Архивъ* 1866, № 7, стр. 1074.

313) *Соврем.* 1847, № 2, отд. 3, стр. 103—124, въ *Соч. Бѣлинскаго*, XI, 80—103 (письмо *Бѣлинскаго* къ Гоголю о той-же книгѣ см. здѣсь въ VIII отдѣлѣ).

314) Сынъ Отеч. 1847, № 6, стр. 3—50 «Ссылка на мертвыхъ», барона *Е. Розена*.

315) *Сѣв. Пчела* 1847, №№ 67, 74 и 75, статьи *Я. Я. Я. (Л. Бранта)*.

316) *Сѣв. Пчела* 1847, № 81, (о ней *Соврем.* 1847, № 5, смѣсь, стр. 122—125).

317) *Финскій Вѣстникъ* 1847, т. 14, отд. 5, стр. 32—37).

318) *Москвит.* 1848, № 1, стр. 11, *Шевырева* (о его статьѣ *Ж. М. Н. Пр.* ч. 59, отд. 6, стр. 80).

319) Сынъ Отеч. 1848, № 7, т. 4, отд. 6, стр. 19—31, письмо барона *Розена*, къ *Москвитянину* (*Шевыреву*).

320) Письма къ Гоголю о его книгѣ, *Жуковскаго*, Москвит. 1848, № 4, стр. 11—26; въ Сочинен. Жуковскаго, изд. 1878, т. 6, стр. 78—103.

321) Соч. кн. *Вяземскаго*, С.-Пет. 1878, т. 1, стр. LII—LV (по поводу отзыва Гоголя о Вяземскомъ).

322) Письмо *П. Чаадаева* къ кн. Вяземскому, «Моск. Унив. Благ. Пансіонъ» Н. Сушкова, М. 1858, приложение V, стр. 26—29; перепеч. въ Р. Архив. 1866, № 7, стр. 1082—1088.

323) Письмо къ Гоголю *Ф. Ф. Вигеля*, Моск. Унив. Бл. Пансіонъ, прилож. IV, стр. 22—25; слич. «Воспоминанія» Вигеля, М. 1866, т. 2, ч. 3, с. 145.

324) Письмо Гоголя къ преосв. Иннокентію, по поводу «Переписки» (не вошло въ изданіе Кулиша 1857), Дух. Вѣстн. 1864, № 4.

325) Письмо *П. А. Плетнева* къ Жуковскому, о страсти Гоголя читать критики на свою книгу, Р. Арх. 1870, с. 1291—1294.

326) Отзывы *Плетнева* о Перепискѣ Гоголя, Р. Арх. 1877, т. III, стр. 371, 372, 373.

327) Хроника недавней старины, кн. *Оболенскаго—Нелединскаго—Мелюцаго*, С.-Пет. 1876, стр. 291.

Н) Бѣлинскій о Гоголѣ.

(Для удобнѣйшаго пользованія мнѣніями Бѣлинскаго, располагаемъ сочиненія Гоголя по алфавиту).

328) Вечера на хуторѣ, Соч. *Бѣлинскаго* I, 120; II, 426; VI, 72; VII, 218.

329) Вечеръ на канунъ Ивана Купала, VI, 546.

330) Вій, I, 235, VII, 220.

331) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, XI, 80—103.

332) Женитьба, VII, 39, 221, 367, 443—446.

333) Записки сумашедшаго, I, 225; VII, 221.

334) Игроки, VII, 222, 460—465.

335) Коляска, II, 263; VII, 220.

336) Майская ночь, I, 230.

337) Мертвыя души, VI, 394—416 (собственно съ 405 стр.), 433—444, 497, 500, 523, 548—557, 577—579, 592, 594—595, 605; VII, 28—31, 374; X, 207; XI, 69—72; 231—232.

338) Невскій проспектъ, I, 222, 224, 231—234; VII, 220.

339) Носъ, III, 36, 38; VI, 603, 607; VII, 220, (слич. *Пущкина*, изд. 1881, т. V, стр. 427).

- 340) Ночь предъ Р. Хр. I, 231.
- 341) О движеніи журнальной литературы, II, 265—269. Бѣлинскій тогда еще не зналъ, что это статья Гоголя; сличи *Пушкина* V, 427.
- 342) Повѣсть объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ, I, 215, 225, 226; II, 33; III, 19, 369—373; VI, 73, 591; VII, 220; X, 377.
- 343) Портретъ, I, 234, 508; VI, 547, 548; VII, 38, 220.
- 344) Ревизоръ, II, 618; III, 18, 385—410; VI, 73, 593, 607; IX, 220; X, 206; XI, 55; XII, 242, 269.
- 345) Римъ, VI, 548; VII, 38, 220.
- 346) Старосвѣтскіе помѣщики, I, 217—222; II, 33; III, 381; VI, 51; VII, 220.
- 347) Страшная Местъ, I, 231; VI, 546.
- 348) Тарась Бульба, I, 226, 236; III, 365—368, 373—376; V, 65; VI, 71; VII, 219; XI, 229; XII, 298—299.
- 349) Театральный развѣздъ, VII, 222—223.
- 350) Утро дѣловаго человѣка, II, 264.
- 351) Ученыя статьи, I, 240, примѣчаніе.
- 352) Шинель, VI, 500; VII, 221; XI, 229.
- 353) Сочиненія Гоголя вообще, VI, 499—500; VII, 217—223; VIII, 54—55.
- 354) Драматическія сочиненія, VII, 42; XII, 269.
- 355) О Гоголѣ, сравнительно съ Пушкинымъ, по содержанію, II, 329, 334; VII, 56; X, 330.
- 356) Слогъ Гоголя, VI, 506—507, 514—515; VIII, 55—56; X, 123.
- 357) Юморъ его, I, 225—228.
- 358) Непереводимость на малороссійскій языкъ, V, 65, 305; о переводѣ на франц. языкъ, г. Віардо, X, 239—241; XII, 249.
- 359) Школа Гоголя, XI, 227—239.
- 360) О взглядахъ на Гоголя: К. Аксакова, VI, 433—444; 523—557; Библіотеки для чтенія, VI, 501—522; VII, 393—397; Москвитянина, XI, 224—246, 328, 334—340; Н. Ф. Павлова, XI, 435; Сѣверной Пчелы, VI, 562—566, X, 52—53, 209—212; Шевырева, VI, 592—595, 605—608.
- 361) Общія отзывы и бѣглыя замѣтки, I, 207, 215, 237—240, 507; II, 32—33; V, 305; VI, 70, 401—405, 441—444, 513—515; VII, 193; VIII, 56—59, 71—73; X, 44—52; XI, 334—340; 440; XII, 262.

0) Мертвыя Души, томъ II.

362) Письмо *С. Т. Аксакова* къ Шевыреву (1852) о черновыхъ тетрадахъ *М. Душъ* и Авторской Исповѣди, Русск. Арх. 1878, II. 53—55.

363) Отеч. Зап. 1855, т. 102, № 9, отд. 4, стр. 1—5.

364) Отеч. Зап. 1855, № 10, отд. 3, стр. 57—76, *А. Θ. Инсемскаго*; перепеч. въ Соч. Писемскаго, С.-Петерб. 1861, т. 2, стр. 263—273.

365) С.-Пет. Вѣдом. 1855, № 205.

366) Очеркъ гоголевскаго періода р. литературы, статья 1, Совр. 1855, № 12, с. 27—30, примѣчаніе. (*Н. Г. Чернышевскаго*).

367) Отеч. Зап. 1856, № 6, отд. 2, с. 45—66, Голось изъ провинціи. *Н. Мизко*.

368) Записки *М. С. Щеткина*, М. 1864, стр. 143.

369) Чѣмъ должны были бы кончиться *М. Души* — см. книгу архим. *Феодора (Бухарева)*: «Три письма къ Гоголю», С.-Пет. 1861, стр. 138, примѣчаніе; тамъ же, стр. 61, биографическое извѣстіе о Гоголѣ въ примѣчаніи.

370) Похожденія *Чичикова*, сцены изъ II части *М. Душъ*; объ этихъ сценахъ Отеч. Зап. 1856, т. 104, отд. 5, стр. 5—6.

371) *М. Души*, окончаніе поэмы Гоголя, соч. *А. Е. Ващенко-Захарченко*, Кіевъ, 1857, 8° 350 стр. Рецензіи: Кіев. Губ. Вѣдом. 1857, часть неофиц. №№ 29 и 30; С.-Пет. Вѣдом. 1857 № 192; Соврем. 1857, № 8, отд. IV, стр. 1—7, (*Н. Г. Чернышевскаго*).

372) Неизданные отрывки и варианты изъ *М. Душъ* (поддѣлка). *Н. Ф. Ястржембскаго*, сообщ. *М. Богоявленскимъ*, Русск. Старина 1872. т. V, № 1, стр. 85—117. Отд. оттиски, 8° 33 стр.

Объ этой поддѣлкѣ рядъ статей до № 384 включительно:•

373) Русск. Вѣстн. 1872, № 1, стр. 410—412.

374) Вѣстникъ Европы, 1872, № 7, стр. 432—449, *В. П. Чиждова* (Г. Чиждовъ далъ полную вѣру поддѣлкѣ).

375) Литературная мистификація и литературные курьезы, письмо *Н. Ястржембскаго*, Биржев. Вѣд. 1873, № 163 и 167; то же, Голось 1873, № 237.

376) Замѣтка о поддѣлкѣ Гоголя, ст. г. *Д.* (*Данилевскаго?*). Вѣстн. Евр. 1873, № 8, стр. 822 и № 9, стр. 449.

377) Отвѣтъ Вѣстнику Европы, Голось 1873, №№ 257 и 258. *Н. Ястржембскаго*.

378) Гражданинъ 1873, № 45, с. 1207, «Неоцѣненное побужденіе».

379) Поддѣлка подъ Гоголя, литер. курьезъ, Р. Старина 1873, № 8 стр. 244—252, *М. Семейскаго*; здѣсь же и письма къ ред. *Ястржембскаго*.

380) (По поводу той-же поддѣлки) мнѣнія кн. *Д. А. Оболенскаго*, Р. Старина 1873, т. VIII, с. 940, 944, 945, 952.

381) По поводу литературнаго курьеза В. и М. Семейскихъ, С.-Пет. Вѣд. 1873, № 175, письмо *М. Богоявленскаго*.

382) По тому же поводу, С.-Пет. Вѣд. 1873, № 184, письмо *Н. Ястржембскаго*; перепеч. въ Р. Старинѣ 1873, № 8, с. 245.

383) С.-Пет. Вѣдом. 1873, № 210, письмо *Гр. П. Данилевскаго*.

384) Письмо *Н. Ястржембскаго* о 2-й части *М. Душъ*, С.-Пет. Вѣдом. 1873, № 220; переп. въ Р. Старинѣ 1873, № 8, стр. 248

II) Сочиненія Гоголя, изд. 1842, 1855, 1857.

385) Библ. для чтен. 1843, т. 57, № 3, отд. 6, стр. 21—28; Соч. *Сенковского*, т. 9, стр. 402.

386) Литер. Газета 1843, № 4, стр. 82 и № 11, стр. 220—224.

387) Отеч. Зап. 1843, № 2, т. 26, отд. 6, стр. 43—48.

388) Сѣв. Пчела 1843, № 18.

389) Современн. 1843, т. 29, стр. 408—410.

390) Отзывы *Плетнева*, разбросанные въ Современникѣ разныхъ лѣтъ, см. въ Сочиненіяхъ Плетнева, приготовляемыхъ къ выходу въ 1883 г., т. 2, с. 124, 149, 193 и 199 (о *Віардо*).

391) Иллюстрація 1845, № 81, с. 490.

392) Письмо *М. Грабовскаго*, Соврем. 1846, т. 41, № 1, стр. 49—61.

393) Руководство къ изученію исторіи р. литературы, *В. Плаксына*, С.-Пет. 1846, стр. 420—421, 429—431.

394) *Revue des Deux Mondes*, 1846, 1 дек., статья *Сентъ-Бева*; перепеч. въ его книгѣ *Premiers Lundis*, т. 3, р. 24—38.

395) Современн. 1847, № 1, Взглядъ на р. литературу, *А. В. Никитенко*, стр.

396) О мнѣніяхъ Современника, Москвит. 1847, № 2, статья *М. З. К. (Ю. Ѳ. Самарина)*; перепеч. въ Соч. Ю. Самарина, М. 1877, т. 1 стр. 67—70, 82—83, 86, 87, 94.

397) Столѣтіе р. словесности, *Н. Мизко*, Одесса, 1849, стр. 313—314, 330—333.

398) Сонъ по случаю одной комедіи, Москвит. 1851, № 9—10, стр. 108—121, въ статьѣ *Эраста Благоуравова* (Б. Н. Алмазова), о Гоголѣ сравнительно съ *Островскимъ*.

399) Значеніе Гоголя въ р. словесности, *И. И. Давыдова*, Извѣстія II Отд. Имп. Ак. Наукъ, 1852, т. 1, стр. 273—286 и отд. 8^о 19 стр. переведено и на нѣмецк. языкъ Spb Zeitung 1852, №№ 228—231. Извлеченіе въ Отчетахъ II Отд. за 1852—1865, стр. 22—23, —я въ Ж. М. Н. Пр. т. 76, отд. 6, стр. 179.

400) Москвитян. 1852, № 2, критика, *Ан. Григорьева*. Здѣсь же укажемъ и всѣ другіе отзывы Григорьева по его сочиненіямъ, изд. 1876 (С.-Пет.), стр. 6, 8, 10—12, 32, 47—50, 55, 108—109, 136—137, 141, 183, 187, 265—268, 327—330, 332, 349—350, 356, 417, 418, 446, 470, 471 и 593. Мы привели здѣсь страницы, на которыхъ изложены болѣе существенныя мнѣнія Григорьева; мелкія, мимоходныя замѣтки его можно найти по азбучному указателю, приложенному къ его сочиненіямъ.

401) Въ рѣчи *Шевырева* о значеніи Жуковскаго, Москвит. 1852, № 2, стр. 88, 135. По поводу этой рѣчи *гр. В. А. Перовскій* писалъ А. Я. Булгакову: «Мнѣ досадно было прочесть сравненіе Жуковскаго съ Гоголемъ. На меня оно произвело такое впечатлѣніе, какъ будто оскорблена святыня. Сравнивать ихъ можно только живя въ Москвѣ». (Русск. Архивъ, 1878, II, с. 315).

402) Ходатайство *В. И. Назимова* объ изданіи сочиненій Гоголя безъ цензурныхъ урѣзкокъ, Р. Старина 1882, т. 33, Февраль, стр. 481—483, сообщилъ *М. Н. Похвисневъ*; слич. Р. Стар. 1882, № 4, стр. 287.

403) Раутъ, изд. *Н. Сушкова*, М. 1854, кн. 3, въ статьѣ «Обозъ къ потомству», стр. 356—367; см. также стр. 321, 383. (Здѣсь же письмо Гоголя къ Вигелю), перепеч. въ изданіи Кулиша, VI, 376.

404) Исторія р. словесности (*К. Зеленецкаго*), С.-Пет. 1854, стр. 262—266,

405) Сочиненія *Дружинина*, С.-Пет. 1865, т. VI, стр. 244, 320—321, 566, 584—588, 589, 590, 639—640, 673, 677, 678, 748.

406) Гоголь и его сочиненія, двѣ статьи *А. И. Рыжова*, Библ. для чт. 1855, т. 133 и 134, № 10, стр. 1—20 и № 11, стр. 1—46.

407) Отношенія критики къ Гоголю, Москвит. 1855, № 13—14, въ статьѣ *Ан. Григорьева*, стр. 119—126.

408) Очерки Гоголевскаго періода р. литературы, девять статей (*Н. Г. Чернышевскаго*): о значеніи Гоголя и отношеніи къ нему вра-

тики, *Соврем.* 1855, т. 54, № 12, отд. 3, стр. 21—66 (общее значеніе Гоголя; Полевой и его взглядъ); 1856, т. 55, № 1, стр. 27—64 (отношенія Сенковского къ Гоголю); № 2, стр. 65—132 (славянофилы и Шевыревъ; отношеніе къ Гоголю Пушкина и его друзей); т. 56, № 4, стр. 25—76 (Надеждинъ); остальные пять статей излагають мнѣнія Бѣлинскаго о Гоголѣ: т. 58, № 7, стр. 1—24; т. 59, № 9, стр. 1—32; № 10, стр. 33—80; т. 60, № 10, стр. 1—24; № 12, стр. 25—52.

409) По поводу этихъ «Очерковъ» см. 1) *Отеч. Зап.* 1856, т. 108, № 10, отд. 3, стр. 75—79: «скороспѣлая исторія литературы вредить и исторіи и литературѣ»; 2) *Моск. Вѣдом.* 1856, № 45, Литер. Отдѣлъ; 3) *С.-Пет. Вѣдом.* 1856, № 165, *Вл. Зотова*; 4) *С.-Пет. Вѣдом.* № 258, статья *П. Б.*

410) Критика Гоголевскаго періода р. литературы и наши къ ней отношенія, *А Дружинина*, *Библ. д. чт.* 1856, т. 140, № 1, отд. 5, стр. 1—30, № 2, стр. 31—64; перепеч. въ *Сочин. Дружинина*, *С.-Пет.* 1865, т. 7, стр. 189—241, безъ примѣчаній, бывшихъ въ журналѣ.

411) О предыдущихъ статьяхъ *Дружинина Сынъ* *Отеч.* 1856, № 34.

412) Новое изданіе Пушкина и Гоголя, *Москвит.* 1855. № 12, стр. 5, *М. Погодина*.

413) Воспоминанія о первомъ изданіи посмертныхъ сочиненій Гоголя (я знакомство съ Гоголемъ въ 1849 и 1951 г.), *кн. Д. А. Оболенскаю*, *Р. Стар.* 1873, № 12, с. 940—953.

414) *Сѣв. Пчела* 1855, № 244, ноября 5, *Θ. Буларина*.

415) По поводу нападокъ *Сѣв. Пчелы*, *С.-Пет. Вѣдом.* 1855, № 259, фельетонъ *М. Р.* (было уже указано подъ № 99 здѣсь).

416) По тому же поводу, *Соврем.* 1855, № 12, замѣтки о журналѣхъ, стр. 278 (*Н. Некрасова*), коротенькое извлеченіе изъ фельетона *С.-Пет. Вѣдомостей*.

417) *Отеч. Зап.* 1855, № 9, т. 102, стр. 1—5.

418) *Соврем.* 1856, т. 57, № 6, отд. 4, стр. 41—49.

419) *Отеч. Зап.* 1856, т. 106, № 6, отд. 3, стр. 44—51.

420) *Соврем.* 1857, т. 64, № 8, стр. 85—132 (*Н. Г. Чернышевскаю*); см. его-же статью въ *Соврем.* 1857, № 5, о *Жуковскомъ*.

421) Замѣтки по случаю новаго изданія Гоголя, *Моск. Вѣдом.* 1857, № 74, литер. отд., стр. 337—338, *М. Лонгинова*; здѣсь же замѣтка г. *Кулиша* о своемъ изданіи Гоголя.

- 422) Сынъ Отеч. 1857, № 24.
- 423) Полная русская хрестоматія, ч. III, примѣчанія, М. 1867. стр. 254—262, *А. Д. Галахова*.
- 424) Очеркъ исторіи р. поэзіи, *А. Милюкова*, второе изданіе, С.-Пет. 1858, стр. 202—217.
- 425) Голосъ за прошедшее, *В. Плаксіна*, Сборникъ въ память Смирдина, С.-Пет. 1858, т. 1, стр. 298—304.
- 426) Иллюстрація 1858, т. 1, № 15, с. 238.
- 427) Сочиненія *Н. Добролюбова*, С.-Пет. 1862, т. 1, стр. 541—542, 546, 550, 551; т. II, стр. 406.
- 428) Русск. Слово 1859, № 2, *Ан. Григорьева*. Объ его статьѣ Р. Мірѣ 1859, № 17; Сѣв. Пчела 1859, № 69.
- 429) Въ 1859 г. былъ читанъ *Е. В. Судовщиковымъ* въ Кіевѣ рядъ лекцій о Пушкинѣ и Гоголѣ; нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ Кіевск. Телеграфѣ 1859, №№ 42, 43, въ Филолог. Записк. 1860, вып. V—IV, стр. 249—275, и отд.
- 430) Въ память Гоголя, Воскр. Чтен. 1859, № 15, іюл. 19 и 1869, № 47.
- 431) Историческое обозрѣніе русск. словесности, *Е. Судовщикова*, Кіевъ 1860, (*литографированное*) стр. 480—494.
- 432) Русск. хрестоматія. *Шафранова* и *Николича*, Ревель 1860. ч. 2, стр. 324—326.
- 433) Три письма къ Гоголю, архим. *Феодора* (писанныя въ 1848 г.) С.-Пет. 1860. 8° 260 стр. По поводу «Переписки съ друзьями» обзоръ всей его литер. дѣятельности.
- 434) О книгѣ архим. *Феодора*, Странн. 1861 № 10, отд. 3, стр. 70—79.
- 435) Былое и Думы, *А. И. Герцена*, 1861, т. I, стр. 336; т. II, с. 378. См. также «Изъ дальнихъ лѣтъ» *Т. Пассекъ*. С.-Пет. 1879, т. 2, стр. 341, 455.
- 436) О мнѣніяхъ о народности Гоголя и Бѣлинскаго, Отеч. Зап. 1861, № 5, с. 136.
- 437) Иллюстрація 1861. № 155, съ портретомъ Гоголя.
- 438) Кіевскій Курьеръ 1862, № 18, ст. *К. Шурай-Беля*.
- 439) Курсъ исторіи р. литературы, *А. И. Линниченко*, К. 1861. стр. 202—211.
- 440) Время 1863, № 2, *Ан. Григорьева*.
- 441) Пособіе при преподаваніи исторіи р. словесности, *Е. Судовщикова*, К. 1863, стр. 79—85.

442) Курсъ исторіи р. литературы, *К. Петрова*, С.-Пет. 1863, стр. 183—194; второе изданіе, 1866, стр. 113—125.

443) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, *А. Пытина* и *В. Спасовича*, С.-Пет. 1865, стр. 200—201, 217; второе изд. 1879—1880.

444) Краткая исторія р. словесности, учебникъ для гимназій и женскихъ учебныхъ заведеній, изд. Вольфа (соч. *Классовскаго?*) С.-Пет. 1865, стр. 84—86, 117—130.

445) Сочиненія *Д. И. Писарева*, т. 2, стр. 127, 166, 200, 202, 203, 216, 224; томъ 3, стр. 181, 184, 195; т. 5, стр. 90.

446) Новая р. литература, состав. *В. Водовозовъ*, С.-Пет. 1866, с. 328—374.

447) Примѣчаніе кн. *И. А. Вяземскаго* къ письму Гоголя, Русск. Архивъ, 1866, № 7, стр. 1081—1082.

448) Женскій Вѣстникъ 1867, № 9, въ статьѣ *А. Михайлова* о Руссо, стр. 136—156.

449) Опытъ разбора образцовъ русской словесности, сост. *Ив. Соснецкимъ*, М. 1867, стр. 199—Тарасъ Бульба, стр. 215—Мертвыя Души, стр. 233—Ревизоръ.

450) Пособіе при изученіи образцовъ р. литературы, *А. Попова*, М. 1867, стр. 387—414; опредѣленіе призванія истиннаго комика, стр. 442—447.

451) Словесность въ образцахъ и разборахъ, *В. Водовозова*, С.-Пет. 1868. Старосвѣтскіе помѣщики, стр. 1—23, и 316; М. Души стр. 319—326; Ревизоръ 404—407.

452) О преподаваніи р. литературы, *В. Стоюнина*, С.-Пет. 1868, изд. 2, стр. 20 (Старосвѣтскіе помѣщики); 365—379 (Шинель); 379—393 (Скупой рыцарь Пушкина и Плюшкинъ Гоголя); 403—406 (Тарасъ Бульба).

453) Отеч. Зап. 1868, т. 180, № 10, отд. 2, стр. 168—194, въ статьѣ «Напрасныя опасенія».

454) Мелочи изъ запаса моей памяти, *М. Дмитриева*, М. 1869, стр. 98, 99.

455) *Стоюнина Вл.* Руководство для историческаго изученія замѣчательныхъ произведеній р. литературы С.-Пет. 1869.

456) *Стоюнина Вл.* Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ, С.-Пет.

457) *Анненковъ П. В.* Воспоминанія и критическіе очерки, ч. II, С.-Пет. 1879 (статьи 1849—1868 г.), стр. 4, 11, 12, 13, 14, 22, 54, 196, 226—227, 230—232 и 303. (На стр. 22 приведено одно изъ выраженій Гоголя въ устной бесѣдѣ).

458) Гоголь—представитель средневѣковыхъ міровозрѣній, Отеч. Зап. 1871, № 3, въ ст. *А. Скабичевскаго* «Очеркъ умственнаго развитія нашего общества», глава 8, стр. 779—785.

459) Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ, *А. Н. Пыпина*, Вѣстн. Евр. 1873, № 4, стр. 471—547, съ выписками изъ статьи Чернышевскаго (неназваннаго), стр. 476, 482, 483; статья Чернышевскаго указана здѣсь подъ № 420).

460) О статьѣ Пыпина, Р. Вѣстн. 1873, май, 398—407 и ноябрь, стр. 427—437, въ статьѣ *А.* (Авсѣенко).

461) Примѣчаніе кн. *И. А. Вяземскаго* къ письму Гоголя, Русск. Арх. 1872, с. 1328.

462) Искра 1873, №№ 36—38.

463) Литературные типы воспитанія, «Школьная Жизнь» 1873—1874 г., № 7, стр. 147 (Чичиковъ); № 8—И. О. Шпонька; № 9—А. И. Тентетниковъ.

464) Русск. Арх. 1874, II. с. 11 и 74, въ ст. *И. С. Аксакова* о Тютчевѣ.

465) Русская Библиотека: Н. В. Гоголь, С.-Пет. 1874. Со статью о немъ и портретомъ. Объ этомъ изданіи Голосъ 1874, № 266; Дѣло № 12, *С. Ставрина*; Р. Міръ 270; Р. Старина № 10; С.-Пет. Вѣдом. № 267.

466) Русская литература послѣ Гоголя; сущность гоголевскаго направленія, *Ор. Миллера*, Недѣля 1874, № 16 и слѣд. Отд. книгою «Публичныя лекціи», второе изданіе, С.-Пет. 1878, с. 163—167.

467) Histoire de la littérature contemporaine en Russie, par *C. Courrière* Paris 1875; о ней въ Р. Вѣстн. 1875, июнь, с. 834—836.

468) Исторія р. литературы, *И. Н. Полеваго*, С.-Пет. 1878, изд. 3, стр. 569—587, съ портретомъ Гоголя и видомъ нѣжинской гимназіи.

469) Новое Время 1879, № 1101, фельетонъ *В. Буренина*.

470) *Морачевскій Г.* Планы разборовъ сочиненій Пушкина, Гоголя и др. Кременчугъ 1880.

471) *Дубельтъ* о сочиненіяхъ Гоголя. Записка его, читанная въ главномъ управленіи цензуры, по поводу изданія въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя. Русск. Старина 1880, № 12, стр. 999—1006. Здѣсь же письма великаго князя *Константина Николаевича* къ гр. А. О. Орлову (стр. 1004—1005) и къ А. С. Норову (стр. 1005—1006). Записка Дубельта приведена и въ Историч. Вѣстникъ 1881, № 2, стр. 351—354, въ статьѣ, о которой сейчасъ слѣдуетъ рѣчь.

472) Появленіе въ печати сочиненій Гоголя, *М. И. Сухомлинова*, Историч. Вѣстн. 1881, № 2, стр. 330—356 (М. Душъ стр. 333—341; Шинели—342; Женитьбы 343; Утра дѣловаго человѣка 344; Театральнаго развѣзда 344; изданія сочиненій 1855, с. 351).

473) Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ, рѣчь при открытіи бюста въ Нѣжинѣ, *И. Аф. Сребнищкаго*, Извѣстія Института кн. Безбородко: 1881, т. VI, и отд. оттискъ 8° 11 стр.

474) Гоголь какъ націоналистъ, Вѣкъ 1882, №№ 3 и 4, *Н. Я. Аристова*. О его статьѣ Новости 1882, № 84, *В Чуйко*.

475) Западное вліяніе въ р. литературѣ. Періодъ Гоголя и Бѣлинскаго, Вѣстн. Евр. 1882, май, статья *А. Н. Веселовскаго*.

476) Тридцатая годовщина по смерти Гоголя. Кіевлян. 1882, № 42, фельетонъ *Одного изъ народа* (Пономарева).

477) Тридцатилѣтняя годовщина Гоголя въ Нѣжинѣ, Кіевл. 1882, № 44, корреспонд. изъ Нѣжина.

IV. Библиографія сочиненій Гоголя и статей о немъ.

478) Списокъ сочиненій Гоголя, сост. *Гр. Геннади*, Отеч. Зап. 1853, № 9, отд. 8, стр. 29—35.

479) Списокъ сочиненій Гоголя, сост. *Н. Гербель*, при Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя, изд. 1857, т. VI, стр. 555—567; при изданіи «Лицей кн. Безбородко, С.-Пет. 1859, стр. 177—183, при второмъ изданіи, подъ заглавіемъ «Гимназія Высшихъ Наукъ», С.-Пет. 1881, отд. II, стр. XXVI—XXXVI, безъ дополненій.

480) Кромѣ указанныхъ гг. Геннади и Гербелемъ изданій Гоголя, была еще контрафакція заграницею, въ 1863 г., въ Лейпцигѣ, въ 4-хъ томахъ, перепечатка изданія Кулиша, безъ писемъ.

481) Въ 1880 г. вышла брошюра «Гоголь о комическомъ и комедіи, издано въ пользу фонда по сооруженію памятника Гоголю, 24 стр. въ б. 8°, съ портретомъ, С.-Пет. тип. Добродѣева». Не выдавъ брошюры, не можемъ опредѣлить—извлеченіе ли это однихъ мнѣній Гоголя, или критическій этюдъ на эту тему.

482) Свѣдѣнія о книгахъ и статьяхъ, относящихся до жизни Гоголя (и другихъ писателей), Черниг. Губ. Вѣдом. 1855, № 8 и 1856, № 16, *Геннади*.

483) Указанія на критическія статьи о сочиненіяхъ Гоголя разсѣяны во всѣхъ частяхъ труда, составленнаго *В. Межовымъ* «Систематическій каталогъ р. книгамъ», С.-Пет. 1869—1881 (см. указатели при нихъ).

484) Исторія русской и всеобщей словесности. Библиографическіе матеріалы. В. Межова, С.-Пет. 1872 (см. указатель въ концѣ его книги).

485) Въ статьѣ А. Н. Пытина о Гоголѣ, Вѣстн. Европы 1873, № 4, стр. 474—475, въ примѣчаніи.

486) Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, Г. Геннади, т. 1, Берлинъ, 1876, стр. 228—231. Краткая біографія Гоголя; перечень его сочиненій; переводы ихъ, библиографическія указанія. (Всѣ указаные здѣсь труды вошли въ составъ нашихъ матеріаловъ).

V. Изданія для народа.

487) Сорочинская ярмарка, 1871, (Новости 1871, № 32; Рижск. Вѣстн. 1871, № 137; Бесѣда 1872, № 3, Вѣстн. Евр. 1872, № 1). Изданіе «Сорочинской ярмарки» повторено въ 1881 г.

488) Ночь предъ Рождествомъ Христовымъ, М. 1874, (тоже въ 1878 г.) Русск. Вѣдом. 1875, № 17; Грамотѣй 1875, № 2, стр. 60—80.

489) Тарасъ Бульба, С.-Пет. 1874, съ предисловіемъ Н. И. Костомарова.

490) Тарасъ Бульба, рассказъ составленъ по Гоголю съ 2 рисунками. С.-Петербург. 1878. Изданіе редакціи Мірскаго Вѣстника, 8^о 29 стр.

491) Майская ночь, М. 1874 и 1878.

Объ этихъ изданіяхъ для народа см. «Систематическій Обзоръ русской народно-учебной литературы», С.-Пет. 1878, стр. 219, 221.

VI. Рукописи Гоголя.

492) Рукописи 1-го тома Мертвыхъ Душъ, Тараса Бульбы, Портрета, Игроковъ, Тяжбы, Лакейской, Театральнаго развѣзда и подлинники 32 писемъ Гоголя къ Прокоповичу находятся въ Лицеѣ (нынѣ Институтъ) кн. Безбородко. О нихъ Время 1861, № 4, стр. 606—614, статья Н. Гербеля. Всѣ эти рукописи (кромѣ писемъ) приобрѣтены для Лицея графомъ Гр. А. Кушелевымъ-Безбородко за 1200 р.

493) Замѣтка по поводу предыдущей статьи, Время 1861, № 11, стр. 29—30, Н Прокоповича (сына).

494) Автографы Гоголя: отрывки изъ Шинели, изъ 1 тома Мертвыхъ Душъ, Женитьбы, Игроковъ, Лакейской, Развѣзда, изъ письма,

писаннаго послѣ представленія Ревизора, отрывокъ, напечатанный у Кулиша (II, 495—507) и нѣсколько черновыхъ писемъ переданы архитекторомъ С. А. Ивановымъ изъ Рима въ Имп. Публ. Библиотеку.

495) Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу—въ Институтѣ кн. Безбородко, приобрѣтены отъ вдовы Максимовича Институтомъ за сто рублей. О нихъ и ненапечатанные отрывки изъ нихъ въ Сборн. Отд. р. яз. и словесн., С.-Пет. 1877, томъ 18, № 3, статья С. И. Пономарева. Отд. оттиски, 8^о 46 стр., съ полнымъ текстомъ писемъ Гоголя къ Максимовичу.

496) Рукопись 2 тома Мертвыхъ Душъ—въ Московскомъ Музеѣ. О разнорѣчійхъ ея съ печатнымъ текстомъ, см. Голосъ 1875, № ; Русск. Стар. 1874, май, стр. 173.

497) Письмо Гоголя къ *Θ. А. Моллеру* (1841)—въ Импер. Публичной Библиотекѣ.

VII. Письма Гоголя.

498) О неизданныхъ письмахъ Гоголя (къ А. С. Данилевскому, въ Библиот. для Чтен. 1855), Отеч. Зап. 1855, т. 100. стр. 121—125.

499) Письма его къ 42 разнымъ лицамъ напечатаны въ V и VI томахъ изданія *Кулиша* (Спб. 1857); къ нимъ сдѣлано оглавление—«Азбучный списокъ лицъ, коимъ адресованы письма Гоголя», съ указаніемъ страницъ въ обоихъ томахъ, въ XVIII томѣ Сборника Отд. Р. Яз. и Слов., № 3, въ статьѣ С. И. Пономарева, стр. 16—19.

500) По поводу писемъ и записокъ Гоголя, воспоминаній о немъ и проч., Современ. 1855, № 6, замѣтки *Новаго Поэта*, стр. 254—260.

501) Переписка Гоголя съ *Блинскимъ*, Полярн. Звѣзда 1855, кн. 1, изд. 2-е, стр. 63—79; въ извлеченіи, Вѣстн. Евр. 1872, № 7, стр. 439—443.

502) Переписка Гоголя съ А. А. Ивановымъ, Современ. 1858, т. 72, № 11, стр. 123—174. II. *Кулиша*.

503) По поводу предыдущей статьи Кулиша, Современ. 1858, № 11, стр. 175—180, замѣтка *Н. Чернышевскаго*.

504) Гоголь въ своихъ письмахъ 1820—1842 г., Р. Старина 1875, №№ 9, 10 и 12, *Op. Миллера*; его вступительная статья въ 9 №, стр. 99—113; примѣчанія къ письмамъ во всѣхъ номерахъ, почти на каждой страницѣ; заключительные выводы, № 12, стр. 678—683.

505) По поводу статьи г. Миллера: 1) Биржев. Вѣдом. 1875, № 251, «г. Миллеръ, выступающій прокуроромъ и обвиняющій Гого-

ля въ мошенничествѣ»; 2) Голось № 258; 3) Новое Время № 266; 4) Спб. Вѣдом. № 272, ст. В. М.

506) Неизданныя замѣтки и письма Гоголя, сообщила Елена Умецкая, Нов. Время 1877, № 442.

Кромѣ напечатанныхъ въ 5 и 6 томѣ изданія *Кулиша*, намъ извѣстны еще слѣдующія напечатанныя письма Гоголя:

507) *Аксакову С. Т.*, Р. Стар. 1871, т. IV, № 12, стр. 681, относится ко времени пребыванія Гоголя съ Аксаковымъ въ Спб.

508) *Балабиной М. П.*, Русск. Слово 1860, № 12, отд. 3, с. 26—32.

509) *Вяземскому кн. П. А.*, (отъ 1838—1847), Р. Архивъ 1865, № 7, стр. 787—790 (изд. 2, стр. 1295—1298); тамъ же 1866, № 7, стр. 1077—1081, по поводу статьи кн. Вяземскаго о Гоголѣ; тамъ же, 1872, № 7—8, стр. 1329—1332.

510) *Гоголь М. И.* (матери), Библ. Зап. 1859, № 4, стр. 100—101.

511) *Григорову П. А.*, Библиогр. Зап. 1859, № 4, стр. 111.

512) *Гроту Я. К.*, Русск. Арх. 1864, № 2, стр. 178.

513) *Данилевскому А. С.*, Древн. и Нов. Россія 1879, № 1, стр. 59—63.

514) *Дмитріеву И. И.* (1832), Р. Арх. 1866, № 11—12, стр. 1726—1730.

515) *Жуковскому В. А.*, (съ 1831 г.), Библ. Зап. 1859, № 4, стр. 101—102; двѣнадцать писемъ въ Р. Арх. 1871, № 4—5, стр. 946 и слѣд.; Домашн. Бесѣда 1868 (1863?), вып. 20, стр. 457—460.

516) *Иванову А. А.*, Соврем. 1858, № 11, стр. 123—174; Библ. Зап. 1859, стр. 98—99; *последнее* письмо Гоголя къ Иванову см. въ книгѣ «А. А. Ивановъ», изд. М. Боткина, Спб. 1880, стр. XII, тоже и на стр. 288—289.

517) *Иннокентію*, архіеп. харьковск., Дух. Вѣстн. 1864, № 4.

518) *Косяровскому П. П.*, четыре письма, 1827—1828, Р. Старица 1876, № 1, стр. 39—45, съ примѣч. Н. П. Косяровскаго.

519) *Максимовичу М. А.*, Москвитянинъ 1856, № 13—16; Письма о Кіевѣ, Спб. 1871, стр. 71; «Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу», Спб. 1877, стр. 13.

520) *Малиновскому Д. К.* (около 1847), Русск. Арх. 1865, № 9, стр. 1124; изд. 2-е, стр. 1278—1282.

521) *Марковичу А. М.*, Древн. и Нов. Россія 1879, № 1, стр. 63—66, восемь писемъ, съ предисловіемъ Θ. М. Уманца.

522) о. *Матвѣю*, священнику, Библиогр. Зап. 1859, стр. 103.

- 523) *Моллеру* *Θ. А.*, Р. Стар. 1879, т. 26, № 12, отр. 724.
- 524) *Нащокину* *П. В.*, Р. Арх. 1878, № 1, стр. 76—80.
- 525) *Неизвестному*, Библ. Зап. 1859, стр. 100.
- 526) *Неизвестному*, Р. Стар. 1875, № 12, с. 670, 671 (Шевыреву?).
- 527) *Николаю I-му*, Библ. Зап. 1859, стр. 105.
- 528) *N. N.* (К. С. Аксакову?), Библ. Зап. 1859, стр. 104.
- 529) *Одоевскому кн. Вл. Θ.*, (1838—1842), Р. Арх. 1864, № 7—8, стр. 839—841 (изд. 2, стр. 1030—1032).
- 530) *Павлову Н. Ф.* (1847 г.), Р. Стар., 1875, № 12, с. 673—674.
- 531) *Плетневу П. А.* (1842 и 1847), Записки о жизни Гоголя, *Кулиша*, II, 85; слич. Соч. Гоголя, т. V, стр. 457); Р. Арх. 1866, № 5, стр. 766—769; Р. Старица 1875, № 10, стр. 313—322.
- 532) *Погодину М. П.* (1833), Р. Арх. 1872, стр. 2369—2372 (оно не вполне напечатано въ изданіи Кулиша, V, 174—176, равно какъ и многія другія письма Гоголя).
- 533) *Прокоповичу Н. Я.*, Библ. Зап. 1858, № 4, стр. 115—123; Р. Слово 1859, № 1, отд. 1, стр. 83—136; тридцать три письма.
- 534) *Пушкину А. С.*, факсимиль письма 1833—34 г., Р. Старица 1879, т. 24, гелиографическій снимокъ, стр. 778, Р. Арх. 1880, кн. 2, стр. 509—515.
- 535) *Раевской П. И.*, Моск. Вѣдом., 1859, № 204.
- 536) *Рейтерну*, Библ. Зап., 1859, стр. 103.
- 537) *Сербиновичу*, Р. Арх. 1876, т. 3, стр. 202, двѣ записки 1834 г.
- 538) *Смирновой А. О.*, Современность 1866, № 1 и 2, стр. 9 и 33; Дом. Бесѣда 1866, вып. 6, «Что такое губернаторша?».
- 539) *Сосницкому И. И.*, о Ревизорѣ (1846) Р. Стар. 1872, т. VI, № 10, стр. 442—444.
- 540) *Стурдзъ А. С.*, Москвит. 1852, № 20, стр. 225—226, полнѣе въ Библ. Записк. 1859, № 9, стр. 264—266.
- 541) *Тарновскому В. В.*, три письма 1833—1834, предположены къ напечатанію въ «Кіевской Старинѣ» 1882.
- 542) *Уварову гр. С. С.*, Сѣв. Почта 1865, № 277, съ нѣкоторыми отличіями противъ напечатаннаго въ изданіи Кулиша, VI, 173—174.
- 543) *Чертковой Ек. Гр.*, замѣтка въ альбомѣ, «Два носа», Р. Архивъ 1867, № 3, стр. 473—475; Р. Стар. 1870, т. II, № 11, стр.

528—529, поправка грубой опечатки, тамъ же, стр. 640: вм. *неможно*, читай: *немолчно*.

544) *Шевыреву С. П.* (1835—1852), Библ. Зап. 1859, стр. 109; Р. Старина 1875, №№ 9, 10 и 12, стр. 113, 115, 116, 117, 120, 123, 297, 299, 301, 302, 303, 308, 656, 670 и 672. Тутъ же приведены пропуски писемъ Гоголя, допущенные въ изданіи Кулиша, стр. 307, 312, 324, 325, 326; 652, 653, 661, 662, 666, 667, 669, 675, 676.

545) *Шереметевой Н. Н.*, Библ. Зап. 1859, стр. 106 (2), 107 (2), 108 (2).

546) *Языкову Н. М.*, Библ. Зап. 1859, стр. 97, Р. Стар. 1875, № 9, стр. 121.

VIII. Письма къ Гоголю; стихи и повѣсти, посвященныя ему.

547) *Бьлинскаго В. Гр.*, по поводу «Переписки съ друзьями», Полпр. Звѣзда 1855, кн. 1, изд. 2, стр. 63—79; въ извлеченіи—Вѣстн. Европы, 1872, № 7, стр. 439—443; см. о немъ Р. Стар. 1881, мартъ, с. 698, 707.

548) *Вигеля Ф. Ф.*, Моск. Унив. Благ. Пансіонъ, М. 1858, приложеніе IV, стр. 22 (оно же указано здѣсь подъ № 317).

549) *Жуковскаго*, Москвит. 1848, № 4, стр. 11—26; Соч. Жуковскаго, 1878, т. 6, стр. 78—103 (см. здѣсь № 314); кромѣ того, Соч. Жуковскаго, изданіе 1878, т. 6, стр. 609—614.

550) *Иванова А. А.*, въ книгѣ «А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка», изд. М. Боткина, Спб. 1880, стр. 125, 140, 144, 148, 150, 160, 164, 175, 176, 180 (2), 182, 227, 228, 229, 234, 235, 244, 247, 251, 262 (2), 264, 267 и 268. Здѣсь они напечатаны съ нѣкоторыми отличіями (по черновымъ) противъ напечатанныхъ въ Соврем. 1858, № 11.

551) *Пушкина А. С.*, Библ. Зап. 1858, № 3, стр. 75—76.

552) *Щелкина М. С.*, «Записки и письма М. С. Щелкина», М. 1864, стр. 189—193.

553) *Вяземскаго кн. П. А.*, «Поминки», стихотв., «Складчина», сборникъ, 1874, Спб., стр. 38—40; поправка къ стих., Голосъ 1874, № 124.

- 554) *Москвичка*, Москвит. 1848, № 11, стр. 1—8.
- 555) *Шевырева*, Р. Архивъ, 1865. № 7, стр. 894 (о нихъ Гоголь въ изданіи Кулиша, т. V, стр. 380).
- 556) *Языкова Н. М.*, Стихотв. его, изд. 1858, т. 2, стр. 213.
- 557) *Шр...*, Вѣдом. Моск. Гор. Полиція, 1852, № 47.
- 558) *Берга Н.*, Надъ гробомъ Гоголя, Москвит. 1852, № 8, апрѣль, кн. 2, стр. 273.
- 559) *Некрасова*, Соврем. 1852, № 3, стр. 147; Стих. Некрасова, изд. 1879, т. I, стр. 85; т. IV, с. XXX—XXXI.
- 560) *Плещеева А.*, «Еще одинъ великій голосъ смолеъ», Стихотв. изд. 1858, стр. 72; изд. 1861, стр. 147.
- 561) *Тройницкаго*, стих., посвященное Гоголю, въ память знакомства съ нимъ, при возвращеніи его изъ Палестины чрезъ Одессу; читано на Пушкинскомъ Праздникѣ въ Одессѣ, 1880 г., но кажется—не напечатано; Од. Вѣстника мы подъ руками не имѣли.
- 562) *Леоновой*, при открытіи памятника въ Нѣжинѣ, Кіевл. 1881, сентябрьскіе нумера.
- 563) *Новаго Поэта*, пародія на лирическія мѣста М. Душъ, Со времен. 1847, декабрь, Смѣсь, стр. 187; о немъ Москвит. 1851, ч. 5, октябрь, смѣсь, стр. 270, въ ст. Эраста *Благонаравова* (Б. Алмазова).

564) Гоголю посвящена повѣсть *гр. Вл. А. Соллогуба* «Воспитанница», (1845), Соч. Соллогуба, II, 39.

565) Есть повѣсть *Н. Ковалевскаго* «Гоголь въ Малороссіи, уѣздная былъ», Пантеонъ 1841, № 1, стр. 16—29.

IX. Рисунки къ его сочиненіямъ.

а) Къ Мертвымъ Душамъ.

566) Сто рисунковъ къ М. Душамъ, рис. *А. Агина*, гравиров. на деревѣ *Е. Бернадскій*. Спб. 1846. (Вышло только 72 рис. въ 18 тетрадахъ). О нихъ Отеч. Зап. 1847, т. 50, № 2, отд. 6, стр. 71—88.

567) Исторія капитана Копѣйкина въ лицахъ, два рисунка *А. Агина*, «Кап. Копѣйкинъ съ англичанкою»; «Кап. Копѣйкинъ съ швейцаромъ», Иллюстриров. Альманахъ, изд. Панаевымъ и Некрасовымъ, Спб 1848.

568) «Кап. Копѣйкинъ въ комисіи», рис. *А. Агина*, Литерат. Сборникъ съ иллюстраціями, изд. ред. Современника, Спб. 1849, с. 152.

569) Карриатура *Неваховича* «Шествіе въ храмъ славы». Ера-лашъ 1846, л. 24; Гоголь изображенъ заснувшимъ на 2-мъ томѣ М. Душъ.

570) Ссора Чичикова съ Ноздревымъ за игрой въ шашки, при переводѣ М. Душъ на франц. языкъ, 1858.

571) Гоголевскіе типы, рис. *И. М. Боклевскаго*, Пчела 1875 года: Коробочка и ея горничная Фетинья, № 1; Мижуевъ № 3; Плюшкинъ № 4; Бетрищевъ № 6; П. П. Пѣтухъ № 7; Петрушка № 8; Селифанъ № 9; Ноздревъ № 10; Маниловъ № 11; Собакевичъ № 12; Чичиковъ № 14; Начальникъ № 21; Корявая старушонка № 29; Капит. Копѣйкинъ № 31; Ив. Ант. Кувшинное Рыло, № 32; приказчикъ баба, № 33; Аф. В. Муразовъ № 34; Тентетниковъ № 35; приказчикъ Манилова № 36; Ив. П., правитель канцеляріи № 37; престарѣлый повытчикъ № 39; учитель Чичикова № 44; Цѣловальникъ № 50. (Двадцать три рисунка).

572) Акварельный набросокъ *К. Е. Маковскаго*, Чичиковъ у Плюшкина.

573) Альбомъ гоголевскихъ типовъ, въ рисункахъ *И. М. Боклевскаго*, Спб. 1881. Съ отзывомъ *В. Стоюнина*, XXX рисунковъ, 35 стр. въ 4 д. л. Цѣна 1 р. 50 к.

б) Къ Вечерамъ на хуторѣ и другимъ повѣстямъ Гоголя

(въ алфавитномъ порядкѣ).

574) Вій, Всемирн. Иллюстрація 1873, № 258.

575) Вій, рис. *М. О. Микъшина*, Пчела 1876, №№ 28, 40, 43. и 45 (изъ нихъ два рисунка въ Художественномъ Альбомѣ Пчелы).

576) Вій, рис. *Н. Каразина*, Нива 1882, № 9, с. 196.

577) Майская ночь, картина *Ив. Н. Крамскаго*, въ альбомѣ «Художественная Складчина» 1875; рисунокъ въ Нивѣ 1879, стр. 824.

578) Носъ, картины изъ повѣсти Гоголя, М. 1858, печат. въ литографіи *А. Ерина*, изд. *Э. Лилге*.

579) Ночь предъ Р. Христовымъ, рисун. *Н. Каразина*, Нива 1875, № 21, с. 333.

580) Сорочинская ярмарка (или похождения красной свитки) рис. *И. Рѣпина*, Спб. 1871 и 1882 г. Цѣна 10 коп.

581) Страшная Местъ, Нива 1876, № 38.

582) Тарасъ Бульба, въ рисункахъ художника *П. Соколова*, Спб. 1869. Семь листовъ. Цѣна тридцать рублей.

583) Альбомъ «Тарасъ Бульба», съ рисунковъ *Паула Соколова*, шесть хромофотографій, изд. *А. А. Ильинимъ*. Цѣна 15 руб.

584) Къ Тарасу Бульбѣ, рис. *В. Васнецова*, 1874.

585) Тарасъ Бульба, Нива, 1875, № 24.

586) Тарасъ Бульба, Иллюстриров. Недѣля, 1876, № 3.

587) Свиданіе Андрія съ полькой, рис. *Зичи*, 1881.

588) Тарасъ Бульба, убившій Андрія, рис. *Зичи* 1881. Оба эти рисунка были даны преміей при журналѣ Нива 1881.

589) Шинель, два рисунка *Боклевскаго*, Пчела 1878.

590) Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, иллюстрированное изданіе *А. Н. Голяшкина*; рисунки *К. Трутовскаго*, *В. Маковскаго*, *К. Маковскаго*, *И. Крамскаго*, *И. Прянишникова*, *Д. Чичагова*. Литографія академика *В. Маковскаго*. М. 1874—1876. Четыре выпуска: «Пропавшая Грамота», 6 литограф. рисунковъ; «Страшная Месть», 11 литограф. рисунковъ; «Сорочинская Ярмарка» 8 литограф. рисунк.; «Вечеръ на канунѣ Ив. Купала», 7 литограф. рисунковъ. Цѣна выпускамъ: 4 р., 6 р., 5 р. и 5 р., за пересылку всѣхъ 2 р. О нихъ Бирж. Вѣдом. 1874, № 114; Моск. Вѣдом. 1874, № 73; Пчела 1875, № 11, с. 139; Русск. Стар. 1879, № 9, с. 175—176.

в) Къ Ревизору.

591) Изображеніе послѣдней сцены изъ Ревизора, Репертуаръ 1840.

592) Галлерейя гоголевскихъ типовъ. Ревизоръ, рисунки *П. Боклевскаго*, 14 листовъ. М. 1858. О нихъ Отеч. Зап. 1858, т. 119, отд. 3, стр. 38—42; Р. Стар. 1879, № 9, с. 174—175.

593) Нѣсколько типовъ изъ Ревизора, Нива 1878, № 20.

594) Игра. Добчинскій и Бобчинскій. Составитель ея г. *Шайкевичъ* воспользовался рисунками гоголевскихъ типовъ въ Ревизорѣ, скопировалъ ихъ на пластинки и изъ 75 такихъ пластинокъ предлагаетъ дѣлать различныя комбинаціи. Спб. 1882. Цѣна 3 р. (Игра очень похожа на домино, числа очекъ котораго приведены здѣсь на пластинкахъ).

Х. Оперы изъ его сочиненій.

595) Въ 1852 г. *М. Ив. Глинка* писалъ было украинскую симфонію, которой хотѣлъ дать названіе «Тарасъ Бульба». Опытъ этой симфоніи написанъ былъ въ Парижѣ, но Глинка потомъ сжегъ его (Русск. Вѣстн. 1857, апрѣль, № 8, стр. 579, въ статьѣ П. П. Дубров-

скаго, и декабрь, № 24, стр. 716, 717, 726, 727, въ статьѣ В. В. Стасова).

596) Кузнецъ Вакула, фантастическая опера въ 4 дѣйствіяхъ, *Н. Соловьева*. О ней Новое Время № 1503.

597) Майская ночь, опера. *Ник. Римскаго-Корсакова*.

598) Різдвяна нічъ, опера. О ней Кіевлян. 1873, № 26.

599) Сорочинская ярмарка, опера *Мусорскаго*.

600) Тарасъ Бульба, опера *Н. В. Лисенко*. О ней Одесск. Вѣстн. 1878, № 86, ст. *И. И. Сокольскаго*.

601) Тарасъ Бульба, драматическая опера въ 4 дѣйствіяхъ, либрето составлено по Гоголю *Л. Гарскимъ* 1880, муз. *В. Кюнера* 8°, 52 стр.

602) Майская ночь передѣлана въ комедію *В. Александровымъ (Крыловымъ)*, 1881.

ХІ. Переводы сочиненій Гоголя и статьи объ этихъ переводахъ.

1. На Англійскій языкъ.

603) Мертвыя души, Лондонъ 1854, передѣлка, о ней Современн. 1855, № 1, Смѣсь, с. 95; Отеч. Зап. 1855, т. 98, отд. 7, с. 30—31.

604) Тарасъ Бульба, *гр. Толстого*, Лондонъ 1860. Книжн. Вѣстн. 1861, стр. 175.

605) Ночь предъ Рождествомъ, перев. *его-же*.

2. На Венгерскій языкъ.

606) Тарасъ Бульба, Пештъ 1861.

3. На Галицко русскій яз.

607) Тарасъ Бульба, пер. *П. Д. Ф. Г—ій*, Львовъ, 1850 (Книжн. Вѣстн. 1865, № 24, с. 486).

608) Вечера. Львовъ 1865.

609) Мертвыя Души, изд. редакціи «Діла», Львовъ, 1882, 8° 274 стр., съ предисловіемъ издателей, въ которомъ выяснено значеніе «Мертвыхъ Душъ».

4. На Датскій.

610) Тарасъ Бульба, пер. *Шальдемозе*, Копенгагенъ 1847.

611) Вечера, перев. *Торсона*, Копенгагенъ 1856.

5. *На Итальянскій.*

612) Записки сумасшедшаго, *Revista Europea* 1877, Sept.

6. *На Латышскій.*

613) Ревизоръ, пер. *Аллуана*, Митава, 1871.

614) Тарась Бульба, Рига 1877.

7. *На Малороссійскій.*

615) Вечеръ на канунъ Ивана Купала, пер. *Д. Мордовцевъ*, Малоросс. Литерат. Сборникъ, Саратовъ, 1859.

616) Тарась Бульба, переведенный *П. Д. ф. Г'—имъ*, Львовъ 1850 (безъ сомнѣнія должно быть тоже, что подъ № 607 здѣсь же).

617) Тарась Бульба, пер. *М. Лобода*, К. 1874. О немъ Другъ Народа 1874, № 20, стр. 350; Кіевлянинъ 1874, №№ 107, 109, 116, 123, 132; Спб. Вѣд. 1874, № 297, ст. *М.*

618) Сорочинскій ярмарокъ, переклавъ *М. Старицкій*, К. 1874.

619) Різдвяна нічъ, музыкальна комедія (опера?) по Гоголю, *М. Старицкого*, К. 1874 (Кіевлян. 1874, №№ 3, 15 и 18 (2)).

620) Весняной ночи, перекладъ *Олены Пчілки*, 12° 63 стр. К. 1880.

621) Переклады зъ Гоголя (Сорочинская Ярмарка и Записки Сумасшедшаго), *Олены Пчілки*, Кіевъ 1881, 12° 41 стр. О нихъ Кіевлян. 1881, № , фельетонъ; Вѣстн. Евр. 1881, № 11, Литер. Обзорніе, стр. 433.

8. *На Немецкій яз.*

622) Тарась Бульба; Записки сумасшедшаго; Коляска; Старосвѣтскіе помѣщики; Вій (съ французскаго перевода Луи Віардо) пер. *Бодэ*, Лейпцигъ 1846. Переводъ Тараса Бульбы изданъ еще въ 1878 г.

623) Тарась Бульба; Вій, новый переводъ, 1881.

624) Мертвыя Души, пер. *Фил. Левенштейнъ*, Лейпцигъ 1846, 1875.

625) Шинель; Старосвѣтскіе помѣщики; Страшная Мечь, Лейпцигъ 1851.

626) Майская Ночь, пер. *Вольфсонъ*, Лейпцигъ.

627) Вій, перев. *Минилофъ*, Берлинъ 1854.

628) Ревизоръ, пер. *А. фонъ Видертъ*, Берлинъ 1854; Лейпцигъ 1877.

629) Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ.

630) Пропавшая Грамота, 1867 («*Der verlorene Brief*»), одна изъ библиографовъ переводить: вѣроятно «*Записки сумасшедшаго*» (!!!).

631) О новыхъ переводахъ сочиненій Гоголя на нѣмецкій языкъ, въ ст. *М. Л. Михайлова*, Отеч. Зап. 1854, № 3, отд. 5, стр. 10—16.

9. На Польскій.

632) Записки сумасшедшаго, пер. *Март. Шимановскаго*, Варшава 1843.

633) Шинель, Вильно, 1844 (См. Виленск. Губ. Вѣдом. 1859).

634) Ревизоръ, пер. *И. Хелмиковскаго*, Вильно 1846.

635) Старосвѣтскіе помѣщики, 1871 и 1876.

636) Повѣсти (?) Львовъ, 1872.

637) Вій; Заколдованное мѣсто, 1876.

638) Римъ, 1877, Варшавск. Дневн. №№ 85, 88 и 91.

639) Портретъ, Варш. Дневн. 1877, №№ 241, 245, 251, 255 и 263.

640) Мертвыя Души, Познань, 1876, 8° 363 стр.

10. На Сербскій.

641) Повѣсть объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ; Портретъ, 1866.

642) Носъ; Пропавшая Грамота, 1867.

643) Ревизоръ, 1870.

11. На Финскій.

644) Миргородъ, Гельсинфорсъ 1850.

645) Тарась Бульба }
646) Мертвыя Души } оба въ переводѣ *К. С. Суомалайнена*.

647) Женитьба, пер. *Раута*, 1882.

12. На Французскій.

648) Тарась Бульба; Записки сумасшедшаго; Коляска; Старосвѣтскіе помѣщики; Вій,—всѣ въ переводѣ *Л. Виардо*, Парижъ 1845 и 1853). Переводъ Тараса Бульбы повторенъ былъ въ 1873 г.

649) Шинель, пер. *Марме*, Парижъ 1847 и 1856.

650) Мертвыя Души, *Мериме*, 1852.

651) Тоже, пер. *Евг. Моро*, 1858, 4°.

- 652) Тоже, пер. *Е. Шарьера*, 1859 (Библ. Зап. 1859, с. 544).
 653) Тоже, пер. *Вальи*, 1859.
 654) Ревизоръ, пер. *Мериме*, 1853 и 1867.
 655) Тоже, пер. *Шилланда*, Невшатель 1874.
 656) О переводѣ Віардо, Соч. *Бѣлинскаго* X, 239—241; XII, 249.
 657) О новомъ переводѣ «Шинели», Живоп. Р. Библіот. 1856,
 стр. 91 и 107, *К. П. (Ксеноф. Полеваго)*.

13. На Чешскій и друг. слав. нарѣчія.

- 658) Тарасъ Бульба, пер. *К. Владислава Запа*, Прага 1846.
 659) Шинель, пер. *Гавличка Боровскаго*, Прага 1847.
 660) Повѣсти (?) Прага, 1847.
 661) Повѣсть объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ, 1859.
 662) Мертвыя Души, пер. *Е. Ваера*, Прага 1864.
 663) Тоже, перев. *Н. Стоканъ*, Загребъ, 1865.
 664) Ревизоръ, пер. *I. S.* Прага 1864 (Книжн. Вѣстн. 1865,
 № 10, стр. 205).
 665) Портретъ, пер. *Хр. Стѣфанъ*, Прага 1847.

XII. Алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ предыдущихъ спискахъ.

А. 223, 460.	Балабина М. П. 508.
Аверкіевъ Д. 217.	Басистовъ П. Е. 100.
А. в. м. л. 157.	Бергъ Н. В. 48, 558.
Агинъ А. 566, 567, 568.	Березинъ И. Н. 114.
Айвазовскій И. К. 30.	Бернадскій Е. 566.
Аксаковъ И. С. 89, 133, 464.	Бестужевъ-Рюминъ К. 305.
Аксаковъ К. С. 277, 279, 528.	Благодравовъ Эрастъ 398, 563.
Аксаковъ С. Т. 61, 80, 95, 228,
362, 507.	Богдановъ, протоіерей 82.
Александровъ В. 602.	Богоявленскій М. 372. 381.
Аллунаиъ 613.	Боде 622.
Алмазовъ Б. Н. 398, 563.	Бодянскій Ос. М. 258.
Андреевъ Н. О. 6.	Боклевскій П. М. 571, 573, 589,
592.
Андросовъ В. 191.	Боровскій Г. 659.
Анненковъ П. В. 22, 23, 26,
37, 457.	Боткинъ М. 27.
Аристовъ Н. Я. 474.	Брантъ Л. 315.
Арнольди Левъ 42.	Булгаринъ Ѳ. В. 83, 91, 97, 192,
310, 414.
Артыновъ 12.	Буренинъ В. П. 469.

- Бухаревъ 369.
 Бычковъ А. Ѳ. 234, 257.
 Бѣлинскій В. Гр. 152, 154, 158,
 194, 236, 261, 266, 267, 276,
 278, 280, 284, 291, 313, 328
 —361, 501, 547, 656.
 W. 208.
 В. 142.
 Вавръ Е. 662.
 Вальи 653.
 Васнецовъ Ч. 584.
 Ващенко-Захарченко А. 371.
 Венеціановъ А. Г. 125.
 Веселовскій А. Н. 475.
 Веселовскій В. И. 49.
 Вигель Ф. Ф. 323, 548.
 Видертъ А., фонъ, 24, 201, 628.
 Віардо Л. 648, 656.
 В. М. 505.
 Водовозовъ В. И. 446, 451.
 Вольфзонъ 626.
 Вольфъ А. И. 187, 229.
 Востоковъ, актеръ 199.
 Вр. Иск. 311.
 В. С—въ 113.
 В. Ч, 42, 245.
 Вяземскій кн. П. А. 193, 309,
 321, 447, 461, 509, 553.
 Г*** 292.
 Гавличекъ Боровскій 659.
 Гаевскій В. П. 88.
 Галаховъ А. Д. 290, 423.
 Гарскій Л. 601.
 Гарусовъ И. 205.
 Геннаді Г. Н. 36, 122. 478, 482,
 486.
 Гербель Н. В. 13, 21, 479, 492.
 Герсевановъ Н. 104.
 Герценъ А. И. 435.
 Г—ій, фонъ, П. Д. 616.
 Глинка М. И. 595.
 Голицынъ кн. Авр. 112.
 Голяшкинъ А. Н. 590.
 Горленко В. 8.
 Грабовскій М. 392.
 Гренъ А. 102.
 Гречъ Н. И. 165, 195, 275.
 Григоровъ П. А. 511.
 Григорьевъ Ап. А. 166, 244,
 252, 254, 303, 400, 407,
 428, 440.
 Гротъ Н. Я. 130.
 Гротъ Я. К. 43, 512.
 Грыцько (Елисевъ) 159.
 Грѣшищевъ Н. 41.
 Губеръ Эд. И. 308.
 Д. 576.
 Давыдовъ И. И. 399.
 Данилевскій А. С. 498, 513.
 Данилевскій Гр. П. 4, 228, 376,
 383
 Данилевскій Н. Я. 297.
 Дельта 202.
 Депо 221.
 Дмитріевъ И. И. 514.
 Дмитріевъ М. А. 454.
 Добролюбовъ Н. А. 427.
 Дружининъ А. В. 166, 405, 410.
 Дубельтъ Л. В. 471.
 Дубровскій П. П. 595.
 Дудышкинъ С. С. 97, 199.
 Елисеѣвъ Гр. З. 159.
 Еринъ А. 578.
 Ефремовъ П. А. 123, 125.
 Жбро 248.
 Жуковскій В. А. 28, 53, 78, 181,
 312, 320, 515, 549.
 Загоскинъ М. Н. 228.
 Запъ К. В. 658.
 Зейдлицъ К. 29.
 Зеленецкій К. П. 404.
 Зичи М. 587, 588.
 Зотовъ В. Р. 409.
 И. А. Н. 208.
 Иваницкій Н. 96.
 Ивановъ А. А. 27, 121, 180,
 202, 502, 516, 550.
 Ивановъ С. А. 494.
 Ильинъ А. 583.
 Иннокентій, архіеп. Херс. 324,
 517.
 J. S. 664.
 Каразинъ Н. 576, 579.
 Катковъ М. Н. 259.

Кенигъ 164.
 Классовскій В. 444.
 Ковалевскій Н. 565.
 Колбасинъ Е. 139.
 Колядинъ О. 100.
 Константинъ Николаевичъ, вел.
 князь, 471.
 Костомаровъ Н. И. 489.
 К—скій А. 136.
 Косаровскій П. П. 518.
 Крамскій Ив. Н. 577, 590.
 Крестовоздвиженскій Г. 37.
 Крыловъ В. 602.
 Кукольникъ Н. В. 11.
 Кулжинскій И. Г. 10, 46.
 Куликовъ Н. 292.
 Кулишъ П. А. 2, 86, 97, 100,
 103, 104, 167, 168, 170,
 172, 175, 245, 421, 499, 502.
 Courcier 467.
 Кушелевъ-Безбородко гр. Г. А.
 492.
 Кюнеръ В. 601.
 Лавровскій Н. А. 14, 116.
 Лазаревскій А. М. 1.
 Левенштейнъ Ф. 624.
 Леонова 562.
 Лилье 578.
 Линниченко А. И. 439.
 Лисенко Н. В. 600.
 Лобода М. 617.
 Лонгиновъ М. Н. 18, 421.
 Любичъ-Романовичъ В. И. 13.
 М. 617.
 Маковскій В. Е. 590.
 Маковскій К. Е. 572, 590.
 Максимовичъ М. А. 7, 56, 100,
 160, 169, 171, 176, 495.
 519,
 Малиновскій Д. К. 45, 520.
 Мамуна графъ И. 104.
 Марковичъ А. М. 521.
 Марковъ В. 111.
 Марье 649.
 Маруся К. 3.
 Масальскій К. П. 274.
 От. Матвѣй, священникъ 411, 522.

Мацѣвичъ Л. 12.
 Медвѣдовскій П. 157.
 Межовъ Вл. И. 483, 484.
 Мериме 166. 650, 654.
 М. З. К. 396.
 Мизко Н. 286, 367, 397.
 Мигѣшинъ М. О. 575.
 Миллеръ Ор. Θ. 466, 504, 505.
 Милуковъ А. 50, 424.
 Минцлофъ 627.
 Михайловъ А. 448.
 Михайловъ М. Л. 631.
 Моллеръ Θ. А. 497, 523.
 Мольеръ 248.
 Монаховъ И. 215, 216.
 Морачевскій Г. 470.
 Мордовцевъ Д. Л. 615.
 Моро Е. 651.
 Москвичъ 554.
 М. Р. 99, 415.
 Мундтъ Н. 16.
 Мусоргскій М. П. 599.
 N. 207.
 Назаровъ Н. 66.
 Назимовъ Вл. И. 64, 402.
 Пащокинъ П. В. 524.
 Н. Б. 101.
 Н. В. Н—въ 35.
 Н. Г. 137.
 Неваховичъ 569.
 Негрескулъ В. 93.
 Неизвѣстный (Коганъ) 130.
 Неизвѣстный 525 526.
 Некрасовъ Н. А. 416, 559.
 Никитенко А. В. 395.
 Николай I, Импер. 32, 527.
 Николай М. см. Кулишъ.
 Николичъ 432.
 Н. Н. 66.
 N. N. 528.
 Noble 295.
 Новый поэтъ 97, 251, 500, 563.
 Н. С. 124 (Собко?)
 Оболенскій кн. Дм. Алдр. 327,
 380, 413.
 Одинъ изъ народа (псевдонимъ)
 476.

- Одоевскій кн. Вл. Оед. 529.
 Основьяненко 228.
 Островскій А. Н. 398.
 Павлицева О. С. 255.
 Павловъ Н. Ф. 304, 530.
 Панаевъ И. И. 38.
 Пановъ И. 113.
 Пассежъ Т. П. 298, 435.
 Пашковъ В. 15.
 П. Б. 409.
 П. Д. Ф. Г—ій 607, 616.
 Перовскій, гр. В. А. 401.
 Петровъ К. 442.
 Петровъ Н. 228.
 Писаревъ Д. И. 21, 445.
 Писемскій А. О. 364.
 Пихно Д. И. 221.
 П. К. 33.
 Плаксинъ В. Т. 393, 425.
 Плетневъ П. А. 51, 55, 77, 246,
 272, 273, 325, 326, 390,
 531.
 Плещеевъ А. Н. 560.
 П. М—скій 157.
 Погодинъ М. П. 25, 44, 70, 84,
 181, 412, 532.
 Полевой Кс. А. 657.
 Полевой Н. А. 138, 198, 249,
 270.
 Полевой П. Н. 468.
 Пономаревъ С. И. 476, 495, 499.
 Поповъ А. 450.
 Похвисневъ М. Н. 402.
 Провинціалъ 91.
 Прокоповичъ Н. Н. 493.
 Прокоповичъ Н. Я. 21, 533.
 Прянишниковъ И. М. 590.
 Пушкинъ А. С. 139, 149, 534, 551
 Пчілка Олена 620, 621.
 Пыпинъ А. Н. 39, 443, 459,
 485.
 Р. 222.
 Раевская П. И. 535.
 Разсохинъ С. Ф. 293.
 Рамазановъ Н. 118, 120.
 Рауть 647.
 Рахубовскій М. 99.
 Рейтернъ 536.
 Римскій Корсаковъ Н. 597.
 Родзевичъ И. 161.
 Родиславскій В. И. 247, 248.
 Розентъ, баронъ Е. О. 287, 314,
 319.
 Ростопчина гр. Е. В. 75.
 Ротчевъ М. 212.
 Руновскій А. 208.
 Рыжовъ А. И. 100, 406.
 Рѣпинъ И. 580.
 Самаринъ Ю. О. 282, 283, 396.
 Селивановъ В. 81.
 Семейскій М. И. 379.
 Сенковскій О. И. 151, 189, 260,
 385.
 Сентъ-Бевъ 394.
 Сербиновичъ К. С. 537.
 Серебряный П. 190.
 Скабичевскій А. 458.
 Смирнова А. О. 54, 538.
 Собко Н. 124.
 Сокальскій П. И. 600.
 Соколовъ Пав. 582, 583.
 Соллогубъ графъ Вл. А. 19, 564.
 Соловьевъ В. 113.
 Соловьевъ Н. 596.
 Сорокинъ М. 271.
 Соснецкій И. Е. 449.
 Сосницкій И. И. 539.
 Сребницкій И. А. 473.
 Срезневскій Изм. Ив. 97.
 Ставривъ С. 465.
 Станкевичъ Н. В. 22.
 Старицкій М. 618, 619.
 Старый театраль 218.
 Стасовъ В. В. 178, 595.
 Степановъ Н. А. 119.
 Стѣфанъ 665.
 Стоканъ 663.
 Сто-одинъ 290.
 Стороженко А. 34.
 Стоюнинъ Вл. 452, 455, 456,
 573.
 Стурдза А. С. 90, 540.
 Суворинъ А. С. 216.
 Судовщиковъ Е. В. 429, 431, 441.

Суоманайнэнъ 645, 646.
 Сухомлиновъ М. И. 472.
 Сушковъ Н. В. 403.
 С. Ш. 267.
 Сѣряковъ Л. А. 124.
 Тарасенковъ А. 66.
 Тарновскій В. В. 541.
 Тиммъ В. Ø. 127.
 Тихонравовъ Н. С. 94, 96.
 Толстой 604, 605.
 Толченевъ А. 60.
 Торсонъ 611.
 Тройницкій 561.
 Трутовскій К. А. 590.
 Тургеневъ И. С. 47, 79.
 Уваровъ, гр. С. С. 31, 542.
 Уманецъ Ø. М. 521.
 Умецкая Е. 506.
 Хелмиковскій 634.
 Хмыровъ М. Д. 108.
 Хойнацкій А. Ø. 9, 130.
 Хомяковъ А. С. 177, 281.
 Храповицкій А. И. 188.
 Царынный А. 147.
 Ценковскій Х. 305.
 Циціановъ кн. 233.
 Чаадаевъ П. Я. 322.
 Чапковскій А. Т. 115.

Чернышевскій Н. Г. 366, 408,
 420, 503.
 Черткова Е. Ч. 543.
 Чибисовъ В. 42, 245.
 Чижевъ В. П., 65, 374.
 Чичаговъ Д. 590.
 Чуйко В. 474.
 Шайкевичъ 594.
 Шалландъ 655.
 Шальдемозе 610.
 Шарьеръ 652.
 Шафрановъ 432.
 Шевыревъ С. П. 85, 156, 263,
 265, 285, 318, 401, 544,
 555.
 Шереметева Н. Н. 545.
 Шимановскій М. 632.
 Шр. 75, 557.
 Шугай-Бей 438.
 Шумскій С. 207.
 Щепкинъ М. С. 186, 368, 552.
 Языковъ Н. М. 52, 546, 556.
 Ястржембскій Н. Ф. 372, 375,
 377, 379, 382, 384.
 Я. Я. Я. 315.
 Øедотова, артистка 238.
 Øеодоръ, архим. 369, 433.
 Z. 223.

XIII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПРЕДЫДУЩИХЪ СПИСКАХЪ.

Азовскій Вѣстникъ 219.
 Антрактъ 207, 246.
 Берегъ 15.
 Бесѣда 487.
 Бесѣды въ Общ. Люб. Р. Слов.
 247.
 Библиографич. Записки 13, 35, 52,
 62, 185, 299, 510, 511, 515,
 516, 522, 525, 527, 528,
 533, 536, 540, 544—546,
 551, 652.
 Библиотека для чтенія 26, 97,
 100, 189, 260, 278, 301,
 385, 406, 410, 498.

Биржевыя Вѣдомости 224, 375,
 505, 590.
 Варшавскій Дневникъ 638, 639.
 Виленскія Губ. Вѣдом. 633.
 Воскресное Чтеніе 430.
 Воскресный Досугъ 105.
 Время 174, 440, 492, 493.
 Всемирная Иллюстрація 238, 574.
 Вѣдомости Моск. Городск. Поли-
 ціи 68, 75, 557.
 Вѣкъ 474.
 Вѣстникъ Европы 47, 65, 204,
 374, 376, 459, 475, 485,
 487, 501, 547, 621.

- Голось 215, 375, 377, 496, 505, 553.
- Гражданинъ 378.
- Грамотѣй 161, 488.
- День 171, 172.
- Домашняя Бесѣда 515, 538.
- Донская Пчела 220.
- Драматическій Сборникъ 203.
- Древняя и Новая Россія 9, 124, 513, 521.
- Другъ Народа 617.
- Духовный Вѣстникъ 324, 517.
- Дѣло 465.
- Ералашь 569.
- Женскій Вѣстникъ 448.
- Живописная Русск. Библіотека 657.
- Журналъ М. Н. Провс. 29, 274.
- Заря, газета 130.
- Заря, журналъ 213.
- Золотое Руно 101.
- Извѣстія II Отд. Ак. Наукъ, 97, 399.
- Извѣстія Историко-Филологическ. Института кн. Безбородко 116, 473.
- Иллюстрація 60, 391, 426, 437.
- Иллюстрированная Недѣля 586.
- Искра 462.
- Историческій Вѣстникъ 50, 228, 472,
- Кавказъ 208.
- Кіевлянинъ 129, 176, 206, 221, 476, 477, 562, 598, 617, 619, 621.
- Кіевская Страница 541.
- Кіевскій Курьеръ 438.
- Кіевскій Телеграфъ 429.
- Кіевскія Губ. Вѣдомости 371.
- Книжный Вѣстникъ 163, 231, 604, 607, 664.
- Кронштадтскій Вѣстникъ 222, 240.
- Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 209.
- Курскія Губ. Вѣдом. 75.
- Литератури. Газета 262, 302, 386.
- Литерат. прибавленія къ р. Инвалиду 139 190.
- Лѣтописи р. литературы 181.
- Молва Надеждина 152.
- Молва Полетики 8.
- Москвитянинъ 7, 10, 70, 84, 90, 91, 93, 97, 118, 121, 122, 196, 244, 252, 254, 263—265, 279, 285, 318, 320, 396, 398, 400, 401, 407, 412, 519, 540, 549, 554, 558, 563.
- Московскій Городской Листокъ 303.
- Московскій Наблюдатель 156, 191.
- Московскій Сборникъ 89.
- Московскій Телеграфъ 137, 141, 144.
- Московскія Вѣдомости 4, 20, 24, 37, 66, 67, 79, 80, 91, 94, 95, 104, 120, 201, 217, 304, 409, 421, 535, 590.
- Московскія Губ. Вѣдомости 69.
- Нева 110.
- Недѣля 136, 466.
- Нива 40, 113, 576, 577, 579, 581, 585, 588, 593.
- Нижегородскія Губ. Вѣдомости 305.
- Новое Время 469, 505, 506, 596.
- Новости 474, 487.
- Одесскій Вѣстникъ 42, 58, 59, 76, 245, 600.
- Основа 2, 104, 245.
- Отеч. Записки 5, 19, 34, 66, 71, 86, 96, 97, 100, 194, 197, 199, 200, 237, 241, 253, 261, 267—269, 278, 280, 284, 286, 288, 290, 292, 295, 306, 307, 363, 364, 367, 370, 387, 409, 417, 419, 436, 453, 458, 478, 498, 592, 603, 631.
- Пантеонъ 72, 97, 565, 566.
- Петерб. газета 128, 211, 212.
- Полярная Звѣзда 501, 547.

- Портретная Галерея 108.
 Порядокъ 227.
 Пчела 293, 571, 575, 589, 590.
 Разсвѣтъ 21.
 Раутъ 403.
 Репертуаръ и Пантеонъ 243, 591.
 Revue des Deux Mondes 394.
 Рижскій Вѣстникъ 42, 214, 239, 487.
 Русская Бесѣда 167.
 Русская Лѣтопись 242.
 Русская Старина 30, 48, 49, 57, 64, 67, 79, 80, 81, 83, 117, 123, 125, 188, 234, 255, 372, 379, 380, 382, 384, 402, 413, 465, 471, 496, 504, 507, 518, 523, 526, 530, 531, 534, 539, 543, 544, 547, 590.
 Русская Сцена 3.
 Русскій, газета Погодина 45, 46.
 Русскій Архивъ 1, 12, 19, 25, 32, 43, 51, 53—55, 63, 77, 246, 256, 257, 273, 281—283, 300, 309, 312, 322, 325, 326, 362, 401, 447, 461, 464, 509, 512, 514, 515, 520, 524, 529, 531, 532, 534, 537, 543, 555.
 Русскій Вѣстникъ Каткова 42, 168, 248, 259, 373, 460, 467.
 Русскій Вѣстникъ Полеваго 198, 249, 270.
 Русскій Дневникъ 33.
 Русскій Инвалидъ 4, 289.
 Русскій Миръ 179, 465.
 Русскій Художественный Листокъ 127.
 Русскія Вѣдомости 218, 232, 488.
 Русское Слово 428, 508, 533.
 Русь 61.
 С.-Пет. Вѣдомости 16, 26, 58, 66, 73, 87, 97, 99, 104, 202, 207, 210, 216, 223, 226, 230, 271, 308, 309, 365, 371, 381—384, 409, 415, 465, 505, 617.
 Spb. Zeitung 225, 399.
 Сборникъ II Отдѣленія Импер. Акад. Наукъ 44, 495, 499.
 Сборникъ въ память Смирдина 36, 425.
 Сборникъ студентовъ С.-Пет. университета 17.
 Семейный Кругъ 102.
 Складчина 553.
 Словари 98, 114.
 Современникъ 18, 21, 38, 66, 74, 88, 97, 100, 193, 250, 251, 272, 278, 291, 294, 296, 304, 313, 316, 366, 371, 389, 392, 395, 408, 416, 418, 420, 500, 502, 503, 516, 563, 603.
 Современность 538.
 Страна 229.
 Странникъ 41, 434.
 Сынъ Отеч., газета 26, 100, 411, 422.
 Сынъ Отечества, журналъ 147, 274, 314, 319.
 Сѣверн. Почта 31, 542.
 Сѣверная Пчела 91, 97, 145, 150, 153, 157, 192, 235, 275, 287, 310, 311, 315, 316, 388, 414.
 Театральная газета 293.
 Телескопъ 143, 146, 154.
 Трудъ 134.
 Тульскія Губ. Вѣдом. 6.
 Украинская Старина 228.
 Филологическія Записки 429.
 Финскій Вѣстникъ 317.
 Художеств. Складчина 577.
 Чернигов. Губ. Вѣдомости 482.
 Чтенія въ Обществѣ Истории и Древностей 258.
 Школа рисованія 128.
 Школьная Жизнь 463.

XIV. Указатель статей по годамъ.

Годы:	№№ статей (здѣсь же разумѣются письма, рисунки, переводы и пр.).
1829	137, 138.
1830	—
1831	139—143.
1832	144—147.
1833	—
1834	125, 151.
1835	148, 152—157.
1836	189—193, 233.
1837	—
1838	—
1839	—
1840	194, 195, 591.
1841	196, 197, 565.
1842	198, 235, 249, 250, 260—280.
1843	243, 284—286, 385—389, 632.
1844	633.
1845	391, 564, 648.
1846	287—289, 392—394, 566, 569, 622, 624, 654, 658.
1847	199, 290, 291, 301—311, 313—317, 395, 396, 563, 566, 610. 649, 659, 660, 665.
1848	58, 318—320, 549, 554, 567.
1849	200, 237, 241, 397, 568.
1850	607 (616), 644.
1851	398, 563, 625, 626.
1852	4, 67—76, 79, 80, 84, 86—93, 118, 121, 244, 251, 292, 399— 401, 540, 557, 558, 559, 595—650.
1853	5, 94, 95, 96, 127, 230, 478, 648, 654.
1854	7, 10, 18, 24, 97, 98, 119, 120, 122, 201, 252, 253, 403, 404. 627, 628, 631.
1855	6, 99, 254, 294, 295, 363—366, 406—408, 412, 414—417, 482. 498, 500, 501, 547, 603.
1856	20, 66, 100, 259, 296, 367, 370, 408, 409—411, 418, 419, 519. 611, 649, 657.
1857	17, 22, 26, 129, 202, 371, 420—422, 479, 499.

- 1858 13, 21, 52, 62, 101, 102, 322, 323, 424—426, 502, 503, 516, 533, 548, 551, 556, 560, 570, 578, 592, 651.
- 1859 11, 33, 34, 35, 36, 103, 185, 203, 299, 428, 429, 430, 510, 511, 515, 522, 525, 527, 528, 533, 535, 536, 540, 544—546, 615, 652, 653, 661.
- 1860 37, 38, 41, 431—433, 508, 604.
- 1861 16, 104, 245, 369, 434—437, 439, 492, 493, 606.
- 1862 2, 42, 129, 205, 427, 438.
- 1863 105, 440—442, 480.
- 1864 43, 63, 186, 324, 368, 512, 517, 529, 552, 662, 664.
- 1865 3, 19, 25, 31, 206, 231, 246, 257, 405, 443—445, 509, 520, 542, 555, 608, 663.
- 1866 51, 60, 106, 107, 207, 228, 256, 258, 300, 312, 446, 447, 514, 531, 538, 641.
- 1867 208, 423, 448—450, 543, 630, 642, 654.
- 1868 45, 46, 63, 451—453.
- 1869 29, 47, 59, 63, 108, 128, 208, 209, 430, 454—456, 483, 582.
- 1870 40, 55, 77, 109, 210—213, 232, 238, 242, 273, 325, 643.
- 1871 53, 54, 56, 214, 239, 247, 297, 458, 487, 507, 515, 580, 613, 635.
- 1872 48, 49, 65, 83, 215—219, 248, 372—374, 461, 484, 501, 532, 539, 547, 636.
- 1873 23, 220, 375—384, 413, 459—460, 462, 463, 485, 574, 596, 648.
- 1874 64, 221, 222, 223, 234, 240, 464—466, 488, 489, 491, 496, 553, 584, 590, 617, 618, 655.
- 1875 1, 63, 221, 224—226, 467, 504, 505, 526, 530, 531, 571, 577, 579, 585, 619, 624.
- 1876 38, 39, 327, 486, 518, 537, 575, 581, 586, 635, 637, 640.
- 1877 12, 63, 81, 187, 233, 293, 326, 495, 506, 612, 614, 628, 638—639.
- 1878 9, 28, 30, 63, 78, 110, 111, 123, 124, 208, 281, 321, 362, 401, 468, 490, 524, 589, 593, 600.
- 1879 14, 113, 125, 188, 298, 457, 469, 513, 521, 523, 534, 577.
- 1880 8, 15, 27, 57, 61, 63, 255, 282, 283, 470, 471, 481, 534, 550, 601, 620.
- 1881 50, 103, 115, 116, 117, 130—137, 227, 228, 229, 472, 473, 562, 573, 587, 588, 602, 621, 623.
- 1882 32, 44, 204, 402, 474—477, 541, 576, 580, 594, 609, 647.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Къ отд. II.

Настоящій трудъ былъ уже въ печати, когда намъ пришлось увидѣть еще одинъ портретъ Гоголя, въ халатѣ, съ раскрытою грудью, небольшой, въ формѣ медальона; писанный акварелью около 40-хъ годовъ; онъ былъ подаренъ Гоголемъ Погодину, отъ Погодина перешолъ къ князю Н. Н. Голицыну, а отъ него къ В. В. Тарновскому и находится нынѣ въ усадьбѣ послѣдняго, Качановкѣ, Борзенскаго уѣзда, Черниг. губ. По словамъ владѣльца, это копія съ Гоголевскаго портрета, писаннаго Моллеромъ; оригиналъ же находится въ С.-Петербургѣ, у князя П. А. Кочубея. Не имѣя подъ руками обстоятельныхъ статей П. А. Ефремова о портретахъ Гоголя (см. здѣсь стр. 18, №№ 123 и 125), мы не можемъ провѣрить достовѣрности показанія о принадлежности этого портрета Моллеру.

Портретъ Гоголя, рисованный карандашомъ съ натуры художникомъ А. А. Ивановымъ, въ Римѣ, гелиографическій снимокъ, гравиров. Паннемакеръ, въ Историч. Вѣстникѣ. 1882, № 8.

Къ отд. III.

Украинскій націонализмъ или школа Гоголя въ украинской литературѣ, статья *Н. И. Петрова*, Истор. Вѣстникъ 1882, №№ 8 и 9.

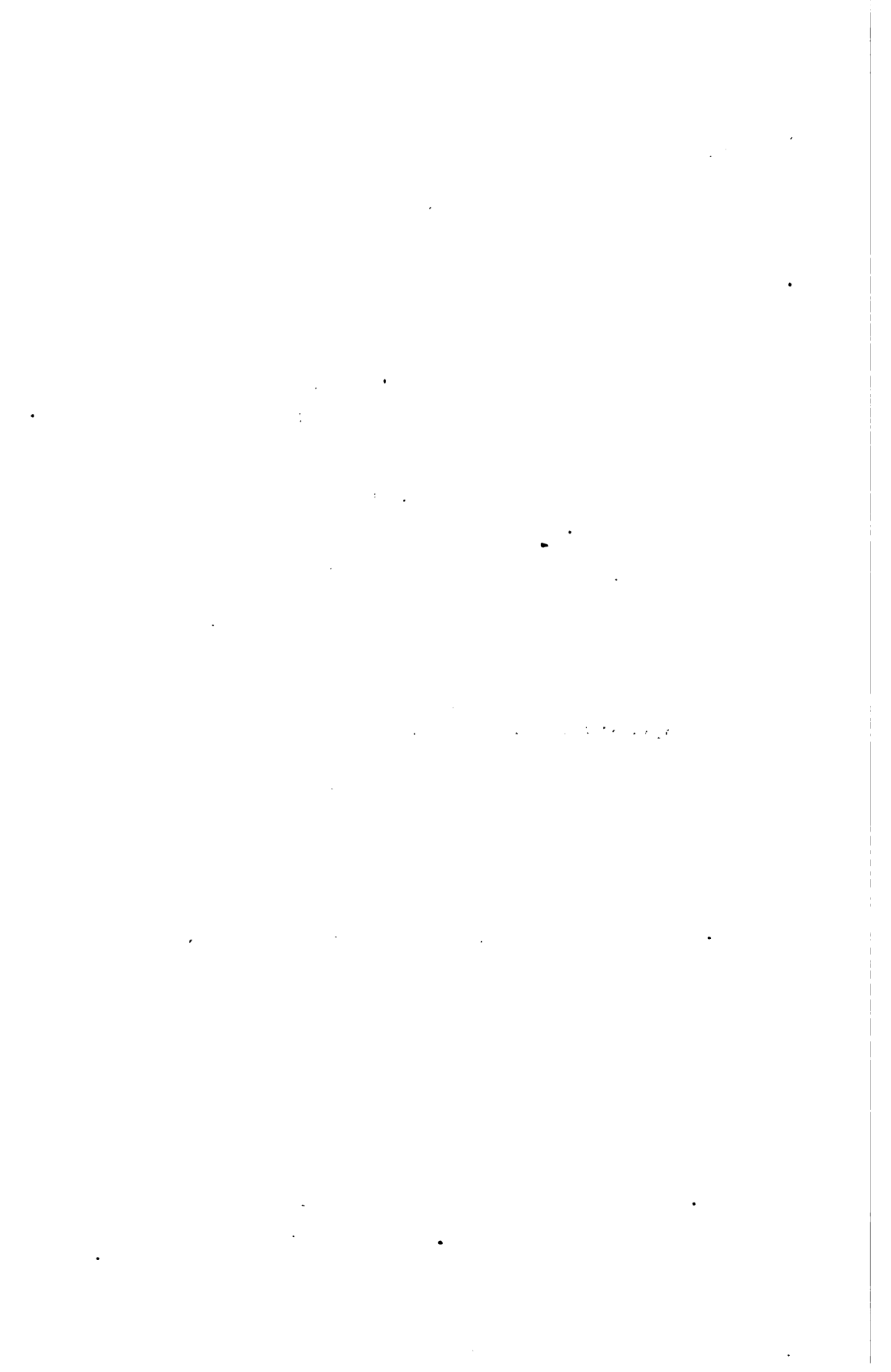
СОЧИНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ИНСТИТУТА,

ОДОБРЕННЫЯ КОНФЕРЕНЦІЕЙ

ДЛЯ НАПЕЧАТАНІЯ.

ВЫПУСКЪ I-й

РАЗБОРЪ

сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона.

(По рукописи Историко-филологическаго Института князя Безбородко № 3307, имѣющей такое заглавіе: „Известіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всеа росіи“).

Не смотря на то, что патріархъ Никонъ принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей въ русской исторіи вообще и въ исторіи русской церкви въ особенности,—до сихъ поръ у насъ написано о немъ очень мало; по крайней мѣрѣ, нѣтъ болѣе или менѣе капитальнаго сочиненія, посвященнаго изслѣдованію вопроса о жизни и дѣятельности этого выдающагося іерарха. Нѣсколько монографій и частныхъ разсказовъ, написанныхъ о Никонѣ, далеко не исчерпываютъ всей разнообразной и широкой дѣятельности его и не могутъ удовлетворить любознательности читателя, доискивающагося надлежащей полноты и освѣщенія фактовъ, законности дѣлаемыхъ выводовъ изъ нихъ и, наконецъ, цѣльности и ясности представленія о личности энергическаго патріарха. Что-же касается біографіи Никона, то ея въ новѣйшей исторической литературѣ совсѣмъ не существуетъ, такъ что жизнеописаніе Шушерина до сихъ поръ остается самымъ полнымъ и пожалуй лучшимъ, не смотря на крайности во взглядахъ автора, горячаго приверженца и ученика Никона. Въ порядкѣ времени, за біографіей Шушерина слѣдуетъ біографическій очеркъ, написанный знаменитымъ расколоучителемъ Андреемъ Денисовымъ и заключающій въ себѣ столь-же рѣзкія крайности въ воззрѣніяхъ на Никона и его дѣятельность, какъ и біографія Шушерина, хотя совершенно въ иномъ духѣ. Черезъ всю »Повѣсть« Денисова съ непоколебимою послѣдовательностью, свойственною этому даровитому писателю, проходитъ одна мысль, которую онъ высказываетъ въ самомъ началѣ: Никонъ *»единъ злобою своею и коварствомъ преодолѣ всю Россію«*. Кромѣ этихъ двухъ

біографій, существуетъ третья, написанная въ сороковыхъ годахъ настоящего столѣтія архимандритомъ Аполлосомъ. Цѣль появленія этой книжки, по словамъ автора, состоитъ въ пополненіи и разъясненіи фактовъ, относящихся къ жизни и дѣятельности патріарха Никона. Прочитавъ его сочиненіе, легко убѣждаешься, что цѣль далеко не выполнена и что оно стоитъ ниже сочиненія Шушерина, какъ по незначительности приведенныхъ въ ней фактовъ, такъ и по запутанности и неясности разсказа. Аполлосъ дѣйствительно пользовался многими очень важными источниками, но не умѣлъ взять изъ нихъ существеннаго, а что извлекъ, то плохо разработалъ; къ тому же взглядъ Аполлоса на Никона нисколько не шире воззрѣній Шушерина. Наконецъ, изъ монографій, бывшихъ у насъ подъ руками, наиболѣе замѣчательныя принадлежатъ С. М. Соловьеву и Н. И. Субботину; послѣдній весьма подробно и основательно изслѣдуетъ вопросъ о паденіи Никона и о судѣ надъ нимъ. Полемика Субботина противъ Соловьева въ большинствѣ случаевъ удачна и его выводы основательны.

На основаніи различныхъ сочиненій и статей, мы постараемся разобрать и провѣрить разсказъ Ивана Шушерина о патріархѣ Никонѣ.

Каждый крупный и вліятельный дѣятель обыкновенно въ одно и тоже время находитъ себѣ и поклонниковъ и враговъ въ средѣ своихъ современниковъ, пристрастные взгляды которыхъ отдаются иногда и въ отдаленномъ потомствѣ. Этотъ общій законъ исторической жизни, подтверждающійся безчисленными примѣрами, съ особенной ясностью и рѣзкостью выдается въ сочиненіяхъ о жизни Никона: съ одной стороны, мы видимъ горячихъ поклонниковъ, благоговѣвшихъ передъ его умомъ, непреклонностью воли и характера, съ другой враждебныхъ лицъ, которыя всю его дѣятельность считали беззаконнымъ нарушеніемъ святыни древнихъ русскихъ обычаевъ, капризомъ необузданной воли патріарха. И это рѣзкое различіе взглядовъ на личность и дѣятельность Никона не ограничилось кругомъ его современниковъ, а преимущественно переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ и до извѣстной степени продолжаетъ существовать и въ наше время. Въ современной литературѣ, не смотря на безпристрастіе изслѣдователей, относительно Никона пока не установилось единства мнѣній: понятно, что при жизни его, или вскорѣ по смерти, выражалось сильнѣе и рѣзче это несогласіе литературныхъ мнѣній. Въ то время крайности во взглядахъ на Никона не знали себѣ предѣловъ. Защитники его благоговѣли передъ нимъ, считая его провозвѣстникомъ истины

вѣры, неутомимымъ борцомъ за правду и мученикомъ, пострадавшимъ за свою святость и правоту. Напротивъ, многіе порицатели громко и запальчиво поднимали голоса противъ Никона, утрекали его за нововведенія въ церкви, за нарушеніе обычаевъ народа, освященныхъ временемъ и святыми мужами, наконецъ за его крутыя мѣры, за высоко-мѣрное отношеніе къ окружающимъ. Выразителемъ перваго изъ этихъ мнѣній, т. е. хвалебнаго, является Ив. Шушеринъ, а представителями втораго служатъ расколоучители, особенно современникъ Никона и пострадавшій отъ него протопопъ Аввакумъ, а позже—упомянутый киновіархъ Выговской пустыни, Андрей Денисовъ.

Чтобы ярче отгнать пристрастіе и невѣрность многихъ взглядовъ Шушерина, не лишнимъ считаемъ предварительно кратко изложить мнѣнія сектантовъ о Никонѣ.

Церковныя реформы Никона возбудили сильный протестъ во многихъ приверженцахъ старыхъ русскихъ обычаевъ; отовсюду слышались обличенія его дѣятельности и открыто выражалось раздраженное недовольство. Противники его доказывали, что онъ принялъ *»ученіе злое отъ безвѣстнаго еретика Арсенія жидовина«*. Это ужасало ревнителей старины, и одинъ изъ нихъ по этому поводу пишетъ, что отъ никоновыхъ новшествъ *«зима хочетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали»*. Въ свою очередь такое рѣзкое сужденіе о дѣятельности Никона раздражало самого патріарха, и онъ, по своему вспыльчивому характеру, жестоко преслѣдовалъ своихъ противниковъ, рѣшавшихся громко заявлять свой протестъ. Раскольники передаютъ много разказовъ о непомѣрныхъ строгостяхъ Никона: какъ онъ за неповиновеніе сажалъ не разъ на цѣпь Аввакума *»и въ темную палатку и наконецъ послалъ въ Сибирь«*; какъ Авраамій, другъ Аввакума, былъ осужденъ имъ на сожженіе; какъ Данилъ самъ Никонъ *»безчестно при царь голову остригъ, безчестно одѣяніе содралъ... и въ заточеніе послалъ«*, Лазарю языкъ приказалъ отрѣзать; какъ ученикъ Никона Адріанъ разсказывалъ, что за пререканіе *»бляху его многажды, и разъярився зело, и окова на нозъ желъзы тяжкими, и оловомъ залилъ и повелѣлъ заточити«*.—Эти строгости и жестокости Никона еще болѣе вооружили противъ него его противниковъ. Его стали называть *»волкомъ, злодѣемъ, отступникомъ«*. Скоро распространились о немъ легенды самаго грубаго и оскорбительнаго содержанія. Разсказывали, что, когда Никонъ жилъ еще въ Анзерскомъ скитѣ, старецъ Еліазаръ видѣлъ, будто *»большой змій обвился вокругъ шеи Никона«*, когда онъ читалъ евангеліе въ церкви, и будто бы при этомъ Еліазаръ замѣтилъ, что онъ охотно отмолилъ бы грѣхи тому, кто убилъ бы патріарха. Дими-

трій съ Волги рассказывалъ, что ему пришлось однажды ночевать у Никона, и тамъ онъ подсмотрѣлъ, какъ онъ бесѣдовалъ будтобы съ бѣсами; кромѣ того, въ туфляхъ Никона онъ нашелъ изображеніе креста и Богоматери. Послѣдній рассказъ въ различныхъ вариантахъ повторяется многими раскольниками. Въ концѣ концовъ старовѣры пришли къ заключенію, что Никонъ антихристъ, и многіе старались доказать это на основаніи св. писанія, напр. Аввакумъ въ посланіи *«къ нѣкоей дочери христовой»*. Въ повѣсти *«мученіе нѣкоихъ старцевъ»* говорится: *«Никонъ антихристъ, тѣщающійся прелестію и мечтаніемъ постигнуть престолъ четвертаго Рима... пріемъ ученіе злое»*. Впослѣдствіи раскольники такъ формулировали свои воззрѣнія на дѣятельность Никона: *«что ни содержала св. Апостольская церковь, то все онъ, Никонъ, нарушилъ и превратилъ, какъ будто и слѣду благодѣстія лѣтъ семьсотъ отъ крещенія Владимірова до него Никона не было»*. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ на Никона, сложившимся въ средѣ раскольниковъ, Андрей Денисовъ начинаетъ свою *«Повѣсть»* словами: *«къ лютости того томителя взирая, боюся бесѣдою моею съ коварными ево умышленіями сплестися»*.

Вотъ объ этомъ-то Никонѣ, прослышавшемъ у сектантовъ за антихриста, Иванъ Корнильевичъ Шушеринъ написалъ цѣлую книгу или біографію его. Какъ ученикъ и искренній приверженецъ Никона, Шушеринъ смотритъ на него совершенно съ другой точки зрѣнія, чѣмъ раскольники, и, принимаясь за біографическій трудъ, кажется, имѣлъ въ виду оправдать Никона въ глазахъ потомства: выставить несправедливость гоненій, которымъ подвергся патріархъ въ концѣ дней своихъ, обнаружить лживость свѣдѣній, которыя распространяли о немъ расколуучители. На это отчасти указываетъ одно мѣсто его рукописи, гдѣ онъ говоритъ, что раскольники *«велики на св. Никона многая гугленія глаголаху за исправленіе книгъ божественнаго писанія и нарицаху его хуляще антихристомъ и иными укоризненными глаголами, якоже и писанію не возможно предати»*. Во всякомъ случаѣ, главная мысль, проходящая чрезъ все его сочиненіе (вытекаетъли она изъ цѣлей, какими задался авторъ, или просто должна быть объясняема тѣмъ, что Шушеринъ преклонялся передъ святостію и величіемъ своего учителя), направлена къ тому, чтобы выставить однѣ только свѣтлыя стороны личности Никона. Такая крайность въ воззрѣніяхъ автора вполне объясняется условіями его жизни и личными отношеніями его къ патріарху.

Нѣсколько интересныхъ и для нашей цѣли важныхъ свѣдѣній объ авторѣ можно извлечь изъ самой его книги. Описывая усмиреніе

Никономъ бунта въ Новгородѣ, Шушеринъ говоритъ: *»и уже намъ, преосвященнаго митрополита домочадцемъ, свободное во градъ хождение сотворишася, прежде того не точію возрастшимъ, но и мнѣ, сію исторію списавшу, тогда еще младу сушу, не безбѣдно бѣ во градъ исхожденіе«*. Слѣдовательно, съ самаго дѣтства Шушеринъ жилъ и воспитывался при Никонѣ и волею или неволею долженъ былъ испытывать на себѣ его нравственное вліяніе. Въ 1666 г. Иванъ Корнильевичъ былъ *иподіакономъ* и находился въ свитѣ патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ; вотъ что говорилъ на соборѣ царю патріархъ Никонъ, по словамъ автора: *»егда ми шествующу въ царствующій градъ Москву и по нашему велѣнію предъиде предъ нами подіаконъ Иоанъ, нарицаемый Шушеринъ, неси св. крестъ животворящій,—и той Иоанъ воспитанъ есть при ногу моею. И егда намъ приближающимся ко уготованному отъ тебѣ намъ двору, тогда повелѣніемъ твоимъ той Иоанъ ятъ бысть отъ воиновъ немилостивно, токмо единъ св. крестъ едва успехомъ отъ воинскихъ рукъ восхитити. Оныи же Иоаннъ ныне или живъ и повеленіемъ твоимъ умученъ, того невѣмы«*. Въ другомъ мѣстѣ своего *»Извѣстія«* авторъ говоритъ о томъ, какая судьба постигла его во время суда надъ Никономъ: *вмѣстѣ съ другими послушниками Никона, Шушеринъ былъ взятъ къ допросу, на которомъ, по его собственнымъ словамъ, »не обинуяся«* отвѣчалъ, *»яко не въдати ему ничто-же«,* за что и *»посажденъ бѣхъ въ приказъ у тайныхъ дѣлъ и съдохъ сорокъ дней, послѣди-же бысть отданъ полковникомъ за крѣпкія стражи и съдохъ три лѣта и вящше, по семъ посланъ бысть въ Великій Новгородъ въ ссылку и тамо пребысть десять лѣтъ«*. Изъ этихъ немногихъ фактовъ видно, что Шушеринъ, живя съ малаго дѣтства при Никонѣ, воспитанъ былъ имъ, искренно привязался къ нему, увѣровалъ въ его величіе и святость и не измѣнилъ своихъ убѣжденій до конца дней. Мало этого: страданія за патріарха еще болѣе укрѣпили его воззрѣнія на правоту дѣяній Никона, а свои невзгоды онъ считалъ достойнымъ подвигомъ, принесеннымъ въ благодарность своему благодѣтелю, являясь такимъ образомъ въ собственныхъ глазахъ поборникомъ правды. Освобожденъ онъ былъ изъ заточенія по ходатайству царевны Татьяны Михайловны. Вообще, при разборѣ его сочиненія, необходимо имѣть въ виду, что его хвалебное и пристрастное отношеніе къ Никону вполне искренне и вытекало изъ глубокаго убѣжденія автора и добросовѣстнаго исполненія долга.

Рукопись Шушерина написана послѣ 18-го Января 1687 года, какъ объ этомъ можно заключать изъ того, что послѣднее ея извѣстіе означено подъ этимъ числомъ. Долгое время она играла видную роль

и пользовалась большимъ значеніемъ, особенно на почвѣ церковно-монашеской, гдѣ она сохраняетъ много значенія и до настоящаго времени. Начиная съ царствованія Петра Великаго, когда духовенство теряло право за правомъ, и въ теченіе всего XVIII-го стол., въ горькое время обидъ, униженій и преслѣдованій,—русскіе пастыри съ уваженіемъ вспомнили о патріархѣ Никонѣ, который защищалъ такъ стойко силу и значеніе духовной власти. Поэтому книга Шушерина распространилась во множествѣ списковъ и имѣла жизненное значеніе для монаховъ и пастырей церкви. Въ средѣ духовенства »Извѣстіе« разошлось сначала въ спискахъ съ подлинной рукописи¹⁾, а потомъ стали появляться ея передѣлки уже въ настоящемъ столѣтіи²⁾; наконецъ она послужила церковнымъ историкамъ однимъ изъ главныхъ основаній для оцѣнки характера, личныхъ достоинствъ и дѣятельности Никона. »Слѣдѹя сказаніямъ Шушерина, говоритъ Субботинъ, и невольно подчиняясь силѣ характера и ума патріарха Никона, люди церковнаго строя понятій превозносятъ его похвалами и съ удивленіемъ останавливаются передъ величіемъ этой во всякомъ случаѣ чрезвычайно замѣчательной исторической личности«.—Не менѣе имѣла значенія эта рукопись и въ первый періодъ развитія бытовой историографіи, когда историческая критика находилась еще въ зачаточномъ состояніи и подъ вліяніемъ церковнаго строя понятій. Въ то время она даже выдержала два изданія³⁾. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія историческихъ матеріаловъ и при развитіи исторической критики, значеніе рукописи все болѣе и болѣе падало, и, наконецъ, въ устахъ покойнаго С. М. Соловьева она получила приговоръ рукописи.

¹⁾ Въ настоящее время, кромѣ бывшихъ у насъ двухъ рукописей, принадлежащихъ Нѣжинскому И. Ф. Институту и проф. Н. Я. Арпстому, существуетъ и другихъ много списковъ: 1) Харьковск. Университета XVIII ст.; 2) Румянцовскаго музея XVIII в., описанный Востоковымъ № 175; 3) библ. гр. Толстаго три списка XVIII в., описаны Срезневскимъ и Калайдовичемъ; 4) библ. общ. ист. и др.; 5) библ. Бередникова XVIII в.; 6) ркп. Д. Мордовцева; 7) библ. Иверскаго монастыря № 51. и множество другихъ.

²⁾ Къ числу компиляцій принадлежатъ: 1) »Начертаніе жизни Никона патріарха, соч. Арх. Аполлоса; 2) почти тоже самое напечатано кавказцемъ Н. А. А., подъ заглавіемъ »Никонъ« въ чтеніяхъ общ. ист. и др. въ 1848 г. и 3) жизнеописаніе Никона въ »Странникѣ« за 1863 г.

³⁾ Первое 1784 г. Козодавлева со списка Иверскаго мон., второе 1817 съ того-же списка. Последнее изданіе: »Житіе св. патріарха Никона. Изв. Шушерина«. М. 1874.

совершенно пристрастной и во многихъ случаяхъ недостовѣрной. »Разукрашенное, говоритъ онъ, въ пользу Никона повѣствованіе *Шушеры* разнится отъ свидѣтельства подлинныхъ актовъ и заключаетъ въ себѣ неправильности относительно порядка событій«. Составивъ себѣ такое убѣжденіе о сочиненіи Шушерина, Соловьевъ не пользовался его показаніями при изложеніи событій, связанныхъ съ судьбою Никона. Не смотря на такой строгій и рѣзкій приговоръ авторитетнаго историка и на его пренебрежительное отношеніе къ »Извѣстію«, послѣднее не потеряло, какъ слѣдовало бы ожидать, своего значенія и нашло себѣ достойнаго защитника въ лицѣ г. Субботина. Не прошло двухъ лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ XI т. »Исторіи Россіи« Соловьева, какъ появилось специальное историческое сочиненіе Субботина: »Дѣло патріарха Никона, съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу«. Въ названномъ сочиненіи г. Субботинъ, не соглашаясь во многомъ со взглядами Соловьева на Никона, замѣчаетъ между прочимъ, что несправедливо со стороны Соловьева съ такимъ пренебреженіемъ относиться къ рукописи Шушерина, что нѣтъ и основанія подвергать извѣстія Шушерина какому либо сомнѣнію, такъ какъ извѣстія его не впадаютъ въ противорѣчіе съ другими историческими памятниками, а только представляютъ сторону дѣла, ими опущенную, и въ этомъ отношеніи дополняютъ ихъ.—Этотъ послѣдній взглядъ на рукопись Шушерина, какъ средній между двумя крайними взглядами и какъ результатъ спеціального изслѣдованія, и долженъ, по нашему мнѣнію, считаться наиболѣе справедливымъ.

Для удобства обозрѣнія, рукопись Шушерина можно раздѣлить на 3 части, хотя самъ авторъ, чуждый всякихъ строго-литературныхъ приемовъ, и не дѣлаетъ этого. Въ *первой* части рассказываются событія изъ жизни Никона до вступленія его на патріаршій престолъ; въ *второй*—событія времени его патріашества, пребыванія въ Воскресенскомъ монастырѣ и суда надъ нимъ; а въ *третьей*—жизнь Никона въ заточеніи и кончина его.

I.

Рукопись Шушерина начинается молитвою къ Богу, въ содержаніи которой однако ничего нельзя найти подходящаго къ содержанію всей книги и вставку которой, слѣдовательно, надо объяснять просто обычаями того времени.

Что касается фактическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ первой

части монографіи Шушерина, то многія изъ нихъ не легко поддаются критической провѣркѣ, такъ какъ вообще свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни Никона имѣется чрезвычайно мало и притомъ большинство ихъ основывается на извѣстіяхъ самого Шушерина. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи рукопись Шушерина является источникомъ первой руки. Между прочимъ недостаткомъ свѣдѣній относительно этого періода жизни Никона надо объяснить и то обстоятельство, что позднѣйшій біографъ главы русскаго духовенства, А. Денисовъ, сдѣлалъ крупный промахъ въ опредѣленіи года его рожденія, полагая его въ 1613 году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Никонъ, согласно извѣстію Шушерина, родился въ 1605 году¹⁾. Впрочемъ на этотъ счетъ въ рукописи, бывшей у насъ подъ руками, допущена еще болѣе грубая ошибка: тамъ вмѣсто 7113-го года (отъ сотворенія міра) указанъ 7131-й годъ, какъ годъ рожденія Никона; но эта перестановка цифръ легко можетъ быть объяснена промахомъ писца.

Не смотря на невозможность точно провѣрить факты, приведенные въ этой части монографіи Шушерина, въ цѣломъ содержаніи ея ясно сказывается общій пристрастный взглядъ автора на Никона. Это прежде всего отразилось на выборѣ происшествій, на которыхъ авторъ останавливаетъ свое вниманіе. Такъ съ особенною охотою онъ говоритъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя приходилось переносить Никону отъ его свирѣпой мачихи. По рассказамъ біографа, эта мачиха очень строго и грубо обходилась съ мальчикомъ Никитою: бранила его постоянно, нерѣдко даже била, а одинъ разъ такъ сильно ударила его, что онъ провалился въ погребъ, близъ котораго стоялъ, и едва не лишился жизни; въ другой разъ она хотѣла сжечь его въ печи, когда тотъ грѣлся тамъ отъ холода; наконецъ, получивши за него выговоръ отъ мужа, она рѣшилась отравить его ядомъ »съ мышьякомъ«, отъ котораго Никонъ избавился только »многопитіемъ воды«. Смыслъ подобнаго рода рассказовъ, очевидно, тотъ, что необыкновеннаго человѣка съ самаго его дѣтства преслѣдуетъ и необыкновенная судьба. Достоверность такихъ рассказовъ, однако, подлежитъ сомнѣнію, и едва-ли не слѣдуетъ видѣть въ нихъ слѣдовъ вліянія эпическихъ рассказовъ вообще о мачихахъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что у другихъ біографовъ Никона мы не находимъ подобныхъ рассказовъ. Можетъ быть, самъ Никонъ говорилъ о горькомъ житіи въ дѣтствѣ при мачихѣ, и его рассказъ, переходя

¹⁾ Не мудрено, что Денисовъ выбралъ 13-й годъ нарочно, такъ какъ число это считается самымъ плохимъ, а Никонъ, сатанинъ сосудъ, по его понятію, въ добрый годъ не могъ родиться.

изъ устъ въ уста, получалъ добавленія и наслоенія, какъ у раскольниковъ повѣсти, такъ что Шушеринъ слышалъ его уже крайне преувеличеннымъ.

Сказавъ о злобныхъ отношеніяхъ мачихи къ Никону, жизнеописатель далѣе замѣчаетъ, что отецъ напротивъ относился къ сыну ласково и отечески заботился о немъ, что выразилось въ его желаніи обучить его грамотѣ. Говоря объ этомъ, Шушеринъ не указываетъ, куда Никонъ былъ отданъ «въ наученіе грамоты»; по свидѣтельству же Денисова, грамотѣ Никиту научила Ксенія, которая взяла его на воспитаніе послѣ смерти матери.—Непосредственно затѣмъ Шушеринъ переходитъ къ разсказу о вступленіи будущаго іерарха въ монашество, о его странствованіяхъ изъ одного монастыря въ другой съ цѣлью научиться уставу и пѣнію. Въ этой скитальческой жизни Никона уже тогда сказался его неугомонный характеръ, который впослѣдствіи развился до крайнихъ предѣловъ и былъ главною причиною его паденія. Относительно мѣста постриженія его въ монахи разсказчики даютъ разнорѣчивыя показанія: Шушеринъ утверждаетъ, что Никонъ принялъ монашество въ Анзерскомъ монастырѣ, тогда какъ Денисовъ утверждаетъ, что Никонъ въ Москвѣ *«отъ нѣкоею скитающаюся инока пострижеся»*. Очевидно, Денисовъ, приводя это ложное, можетъ быть, тогда и ходячее мнѣніе, желалъ унижить Никона, поэтому не возможно придавать значенія его извѣстію. Между прочимъ Шушеринъ упоминаетъ о случаѣ, какъ однажды какой-то татаринъ предсказалъ Никону, что онъ будетъ великимъ архіереемъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ *«еже и сбытся»*, добавляетъ авторъ съ глубокою вѣрою въ предсказаніе. Объ этомъ предсказаніи упоминаетъ и Денисовъ, говоря, что оно сдѣлано татаринѣмъ—колдуномъ, который *«волхвуетъ скверною своею бѣсовскою книгою и палицею»*. Этотъ послѣдній фактъ ярко характеризуетъ нравственныя убѣжденія русскихъ людей того времени вообще и духовныхъ въ частности и противоположныя воззрѣнія двухъ жизнеописателей.

Послѣдовавшая за тѣмъ смерть родителя Никона и его воспитательницы Ксеніи побудили его оставить иночество и вступить въ семейную жизнь, длившуюся цѣлыхъ десять лѣтъ. По извѣстію Денисова, жена Никона была *«нѣжлива и оплазива»*, Шушеринъ же ничего не говоритъ о женѣ Никона. Возвращеніе его къ монашеской жизни Иванъ Корнильевичъ объясняетъ ревностью его къ жизни иноческой, между тѣмъ Денисовъ утверждаетъ, что онъ бѣжалъ въ Москву *«для непостоянства жены»*; но едвали не справедливѣе на этотъ разъ мнѣніе архим. Аполлоса, который говоритъ, что Никонъ оставилъ се-

мейную жизнь съ горя, побуждаемый лишеніемъ всѣхъ своихъ тронхъ дѣтей и послѣдовавшимъ затѣмъ неплодіемъ его жены. Какъ бы въ подтвержденіе этого, Шушеринъ говоритъ, что Никонъ убѣдилъ и свою супругу принять монашество въ Москвѣ въ женскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Далѣе повѣствователь подробно описываетъ подвижническій образъ жизни Никона въ Анзерскомъ монастырѣ, причѣмъ приводитъ нѣсколько разсказовъ объ искушеніяхъ, бывшихъ Никону отъ злыхъ духовъ: *»Не навидяй-же, говоритъ онъ, его (Никона) добродѣтельнаго житія противны врагъ и діаволь воздвизаетъ на него брань велию. Егда онъ Никонъ отъ труда восхотѣ почити, тогда нечистый духъ приходяще къ нему въ келію, его давяху и ины пакости и страшилища... своимъ мечты дѣяху«*. Отъ нихъ Никонъ избавлялся молитвою и святою водою. Подобнаго рода разсказы, носящіе на себѣ отпечатокъ времени, въ рукописи Шушерина, какъ въ другихъ современныхъ сочиненіяхъ, не рѣдкость.

Ко времени подвижнической жизни Никона въ Анзерскомъ монастырѣ относится и его ссора съ игуменомъ Еліазаромъ, которой авторъ однако почти не касается, и это тѣмъ удивительнѣе, что правда въ этомъ случаѣ была на сторонѣ Никона, упрекавшаго братію Анзерскаго монастыря въ расхищеніи церковныхъ суммъ: вѣроятно, Шушерину не были хорошо извѣстны подробности этого дѣла. За то полно и подробно описываетъ онъ путешествіе Никона въ Кожеозерскую пустынь, куда онъ отправлялся изъ Анзерскаго монастыря: здѣсь говорится о кораблекрушеніи, которому подвергся онъ на пути, о его скитаніи по селамъ, гдѣ никто не хотѣлъ принять его и покормить и т. п. Съ такою-же подробностью разсказываетъ онъ и о монашескихъ подвигахъ Никона въ Кожеозерской пустыни. По словамъ Шушерина, слухи о подвижнической жизни его быстро распространялись повсюду и даже дошли до царя, такъ что, по прошествіи трехъ лѣтъ его жизни въ Кожеозерской пустыни, онъ былъ назначенъ игуменомъ Спасова монастыря въ Москвѣ. Разсказывая объ этомъ событіи, Денисовъ замѣчаетъ: *»Дивитися-же сему достойно, како таковой скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше«*. Съ этого-же времени, по словамъ Шушерина, завязываются и дружественныя отношенія Никона къ царю. Говоря о ревности его къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, повѣствователь добавляетъ: *»чесою для отъ великаго Самодержца зело возлюбися«,* а съ другой стороны своимъ состраданіемъ и заступничествомъ за вдовъ и сиротъ *»прославися, яко истинный пастырь и отецъ обидимымъ«*.

Достоверность упомянутых данных не подлежит никакому сомнѣнію; подробность и послѣдовательность въ изложеніи здѣсь замѣтны въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ рукописи; что же касается общаго смысла и значенія этихъ происшествій, то они вполне согласны со смысломъ и значеніемъ послѣдующихъ событій, о которыхъ повѣствуетъ Шушеринъ.

Пробывъ три года игуменомъ Спасскаго монастыря, Никонъ назначенъ былъ на митрополию въ Новгородъ на мѣсто Аѳонія, удаленнаго за слѣпотою и старостію. При описаніи этого событія, Денисовъ раздражается страшною бранью и приводитъ рассказъ, будто когда Никонъ явился къ Аѳонію, то этотъ старецъ замѣтилъ: *»приде-же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ«*, и будто передъ смертію завѣщалъ для погребенія своего вызвать епископа изъ другой епархіи, *»зане Никонъ врагъ есть Божій«*. Между тѣмъ Шушеринъ рассказываетъ объ этомъ совсѣмъ иначе: Никонъ, придя къ Аѳонію, просилъ у него благословенія, а тотъ напротивъ просилъ у него благословенія и при этомъ даже называлъ его патріархомъ, и на возраженіе Никона, что онъ не патріархъ, замѣтилъ: *»будеши патріархомъ, благослови мя«*. И Никонъ благословилъ его.—Непосредственно затѣмъ у Шушерина слѣдуетъ изображеніе дѣятельности Никона какъ митрополита, на что авторъ истощилъ всю силу своего краснорѣчія. Здѣсь рисуются усердныя заботы митрополита о нищей братіи, о сильнономъ голодѣ, во время котораго онъ кормилъ у себя по 100, по 200 и по 300 человекъ въ день, рассказываетъ, какъ онъ строилъ богадѣлни, посѣщалъ тюрьмы, разбиралъ судебныя дѣла и т. п. Вообще, сдѣлавшись митрополитомъ, Никонъ, по словамъ автора, *»не точію не измѣнилъ своего благаго нрава, но наипаче тщался о всякомъ на славу Божию благоустроеніи«*. О многихъ изъ этихъ дѣяній, дѣйствительно доставлявшихъ заслуженную славу Никону, раскольники умалчиваютъ, за то съ большею охотою, чѣмъ Шушеринъ, распространяются о нововведеніяхъ Никона въ церковныхъ дѣлахъ: они говорятъ о новой живописи, введенной Никономъ, партесномъ пѣніи и т. п.; замѣчаютъ, что Іосифъ, патріархъ Московскій, *»встрѣчалъ ему о томъ«*. Но самымъ важнымъ дѣломъ Никона въ этотъ періодъ его жизни, которое особенно приблизило его къ царю, было усмиреніе бунта въ Новгородѣ. Шушеринъ вдается въ мельчайшія подробности при описаніи возстанія, тѣхъ мученій, которыя перенесъ при этомъ митрополитъ, и тѣхъ почестей, которыхъ онъ заслужилъ отъ царя за ревностное стремленіе къ укрощенію мятежа. *»А въ грамотъ присланной царемъ по этому поводу Никону, говоритъ Шушеринъ, царь писа къ нему сице: »ново-*

му трастотерцу, и исповѣднику и мученику преосвященному Никону митрополиту» и иная многая и благодарственная словеса приписа.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, вошедшихъ въ «Извѣстіе» Шушерина, видно, что авторъ неуклонно преслѣдовалъ двѣ мысли, именно: съ одной стороны, Никонъ, какъ человѣкъ необыкновенный, легко преодолѣвалъ всѣ препятствія, которыя ему встрѣчались въ его подвижнической и святительской жизни, и, руководимый особеннымъ Провидѣніемъ Божиимъ, какъ человѣкъ, назначенный къ высокому служенію, не разъ избавлялся отъ опасностей, угрожавшихъ ему; съ другой стороны, его подвижническій образъ жизни и его неусыпныя попеченія на пользу ближнихъ привлекали къ нему сердца всѣхъ вообще и въ частности самого царя. Во всемъ этомъ разсказъ нѣтъ ни одного факта, который противорѣчилъ бы основнымъ цѣлямъ автора, т. е. такого, который клалъ бы хотя малѣйшую тѣнь на свѣтлѣйшее лицо возлюбленнаго авторомъ митрополита. Самый подборъ фактовъ, выставляющихъ только свѣтлыя стороны жизни Никона, служить въ пользу высказанной нами мысли о крайности возрѣвнѣй Шушерина на личность и характеръ патріарха Никона.

Наконецъ, послѣднимъ событіемъ изъ этого періода жизни Никона было назначеніе его во главѣ почетнаго посольства, отправленнаго по его же мысли набожнымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа. Въ разсказъ объ этомъ посольствѣ Шушеринъ говоритъ о чудесномъ спасеніи его воспитателя отъ кораблекрушенія, но опускаетъ одинъ очень характерный случай, который приводится въ «Повѣсти» Денисова, о томъ, какъ въ Соловецкомъ монастырѣ Никонъ встрѣтилъ Арсенія Грека, сосланнаго туда патріархомъ Іосифомъ и царемъ на испытаніе въ православной вѣрѣ: подходя подъ благословеніе, Арсеній назвалъ Никона патріархомъ и на возраженіе его отвѣчалъ: *«да егда будешь возведенъ на патріаршій престолъ великія Россіи, вспомни мене въ славу твоею и изведи отъ мрачныя сія темницы»*; на это ему Никонъ замѣтилъ: *«аще сіе сбудется, исполнено будетъ прошеніе твое!»*. Случай этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго и ясно характеризуетъ льстивыя рѣчи хитраго Арсенія Грека и честолюбивые замыслы Никона, которые отрицаетъ Шушеринъ, утверждая, что

¹⁾ См. «Арсеній Грекъ при патріархѣ Никонѣ». А. П. Щапова. Православн. Собесѣдн. 1858 г. ч. III стр. 328.

царь *заставилъ* Никона противъ желанія вступить на патриаршій престолъ.—Возвратившись въ Москву съ мощами и исполнивъ такимъ образомъ порученіе Алексѣя Михайловича, Никонъ, по словамъ Шуперина, заслужилъ еще большую любовь царя: *»Благочестивый царь, говоритъ онъ, за таковы его велики трудъ наипаче прежнюю крайнюю свою царскую милость и любовь нача являти«*.

Между тѣмъ, въ его отсутствіе патриархъ Іосифъ скончался и Никонъ явился первымъ виднымъ кандидатомъ на патриаршій престолъ. Царь, по словамъ Шуперина, послѣ предварительнаго совѣщанія съ соборомъ, *»понудиша его (Никона), весьма не хотяща и всячески отрицающася, престолъ патриаршій пріяти, и поставленъ бысть«*. Охотно вѣримъ жизнеописателю, что Никонъ долго отказывался отъ высокой власти, и это легко объясняется его положеніемъ и обычаями времени. Денисовъ же, описывая это событіе, съ большимъ воодушевленіемъ восклицаетъ: *»егда-же попущеніемъ Божиимъ всероссійскаго царствования корабль вручися Никону: коея всемрачныя бури не возвѣя, коего многобурнаго тревоженія на Россійское не впусти море, коихъ вежреколебательныхъ трясеній на всекрасный церковный не нанесе корабль«*.

Изъ предложеннаго разсмотрѣнія содержанія первой части *»Извѣстія«* можно сдѣлать слѣдующіе выводы: авторъ, описывая событія изъ жизни Никона, главнымъ образомъ имѣлъ въ виду выставить величіе нравственныхъ качествъ этого человѣка, благодаря которымъ онъ быстро достигъ необыкновенной славы и могущества. При этомъ Шуперинъ держится чисто объективнаго изложенія фактовъ, никогда не заглядываетъ въ душу человѣка, о которомъ повѣствуетъ, не говоритъ о причинахъ того или другаго случая изъ жизни Никона, а просто передаетъ, что случилось и что было слѣдствіемъ происшествія; онъ не вездѣ высказывается ясно о дѣлѣ, часто заставляя читателя довольствоваться одними фактами, и лишь въ мѣстахъ, гдѣ особенно поражало его какое либо событіе или высокое дѣяніе Никона, онъ не можетъ удержаться, чтобы не выразить силы впечатлѣнія, производимаго на него описываемымъ событіемъ. Съ другой стороны, Шуперинъ, какъ человѣкъъ духовный, съ большою любовью останавливается на явленіяхъ монашеской или вообще духовной жизни и совершенно безучастенъ къ событіямъ *»мірскимъ«*, которыхъ если и касается, то лишь въ силу необходимости и всегда весьма коротко. У автора можно найти точное описаніе построекъ монастырей, церквей, изображеніе обрядовъ богослуженія, подробныя черты монашескаго житія

въ различныхъ скитахъ и монастыряхъ и т. п.; за то трудно отыскать чисто бытовые черты, на основаніи которыхъ можно было бы судить о жизни свѣтскихъ людей того времени: эта односторонность взгляда составляетъ общую черту большинства сочиненій, написанныхъ духовными лицами. Наконецъ, пристрастіе автора къ суевѣріямъ и искренняя вѣра его во все сверхъестественное и чудесное легко объясняются понятіями времени. При изложеніи обстоятельствъ жизни и дѣятельности Никона мы видимъ связь и послѣдовательность и встрѣчаемъ много данныхъ, которыхъ напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ.

II.

О восшествіи Никона на патріаршій престолъ Шушеринъ сказалъ какъ-бы вскользь, спѣша перейти къ дѣятельности его, какъ патріарха. Не упомянулъ онъ даже и о важномъ событіи, которое впоследствии на судъ Никона смущало всѣхъ противниковъ его, именно, что Никонъ согласился принять патріаршество не иначе, какъ послѣ клятвеннаго обѣщанія со стороны избравшихъ и народа, что они *»будутъ почитать его, какъ архимастыря и отца, и дадутъ ему устроить церковныя дѣла«*.

Оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, жизнеописатель и здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на явленіяхъ церковной жизни. Такъ онъ распространяется о постройкѣ Никономъ монастыря на Валдайскомъ озерѣ, при чемъ, по обыкновенію, вдается въ большія подробности. Между прочимъ онъ приводитъ рассказъ, какъ, во время посѣщенія Никономъ этого монастыря, окрестные жители видѣли четыре столба огненныхъ надъ вновь выстроенною тамъ церковью. Затѣмъ идетъ рѣчь о вліяніи патріарха на царя: Иванъ Корнилевичъ утверждаетъ, что, по совѣту Никона, была предпринята та война съ Литовцами, во время которой патріархъ оставался въ Москвѣ полномочнымъ правителемъ. Любовь царя къ патріарху росла все болѣе и болѣе. Царица и царевны, говоритъ онъ, *»зело его любляше«* за то, что онъ умѣлъ сохранить ихъ жизнь отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, а царь, по окончаніи войны, возвратясь въ Москву, *»возлюби патріарха наче предваршаго«*. Такимъ образомъ и здѣсь Шушеринъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль—говорить только хорошее о Никонѣ. Между тѣмъ къ этому времени самовластіе и рѣзкость патріарха достигли широкихъ размѣровъ и воо-

ружили противъ него многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; кромѣ того число недовольныхъ имъ увеличивалось вслѣдствіе его жестоко-стей, которыя онъ допускалъ особенно по отношенію къ подвластному ему духовенству, на что справедливо жалуются расколоучители. Однимъ словомъ: къ этому времени уже ясно выдѣлились въ обществѣ двѣ партіи—партія довольныхъ Никономъ, или вѣрнѣе приверженцевъ его, и партія недовольныхъ или враговъ его. Но Шушеринъ ничего этого не замѣчаетъ, исключительно отдавшись завѣтной своей цѣли—воспѣть гимнъ досточтимому своему учителю. Вообще мѣстами чрезвычайная узкость взгляда и недалковидность автора ярко выступаютъ на видъ въ его «Извѣстія» и производятъ непріятное впечатлѣніе на читателя.

Пять лѣтъ прошло по вступленіи на патріаршій престолъ Никона, когда онъ приступилъ къ исправленію текста церковно-богослужебныхъ книгъ. Шушеринъ видитъ причину, побудившую его приняться за это дѣло, въ томъ, что патріархъ отъ многихъ слыхалъ о несходствѣ текста русскихъ священ. книгъ съ текстомъ древне-греческимъ. Архимандритъ Аполлосъ прибавляетъ, что *«самъ патріархъ, упражняясь въ чтеніи книгъ, замѣтилъ, что вкрались многія погрѣшности въ рукописныя и печатныя Библіи и служебники»*; вслѣдствіе этого онъ сравнилъ печатный русскій символъ вѣры съ греческимъ, вынизаннымъ на саккосѣ митрополита Фотія (XV в.), и былъ пораженъ ихъ несходствомъ; а *«разбирая грамоты патріарха Іереміи и собора греческаго, онъ замѣтилъ, какому подвергается осужденію всякое нововведеніе въ дѣлахъ церковныхъ»*. Взглядъ Шушерина на дѣло исправленія книгъ свидѣтельствуетъ о близости автора къ виновнику преобразованій церковныхъ, такъ какъ онъ ничего, кромѣ хорошаго, здѣсь не видитъ и выражается по большей части или словами посланій, или словами самого Никона. Денисовъ, говорившій въ умѣренномъ тонѣ о всѣхъ нововведеніяхъ Никона, снова раздражается бранью, когда коснулся исправленія текста св. книгъ: *«но не може, говоритъ онъ, сквернаго змія смертоносной ядъ въ сердце лютого того волка на долгъ крытися»*.

Далѣе у Шушерина снова слѣдуетъ разсказъ о построеніи монастыря на островѣ Кіѣ, и, по обыкновенію, приведено много подробностей. Возобновившаяся въ Москвѣ чума и новыя заботы Никона о царской семьѣ снова усилили уваженіе царя къ главѣ духовенства. Любовь между царемъ и патріархомъ, говоритъ Шушеринъ, *«сіяше и умножашеся»*, такъ что не только вся Россія, но и *«многія окрестныя слышаху дивляхуся»*.—Непосредственно за тѣмъ идетъ описаніе «устроенія» Воскресенскаго монастыря, конечно, украшенное мелочными под-

робностями.—Одинъ сухой перечень событій, останавливавшихъ на себѣ вниманіе Шущерина, съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ объ односторонности интересовъ автора, а также незанимательности его разсказа, до крайности утомляющаго описаніями маловажныхъ и почти не относящихся къ дѣлу предметовъ и событій.

Затѣмъ въ жизни Никона начинается самый знаменательный и самый печальный періодъ, когда постепенно разгоралась ссора его съ царемъ и начались послѣдовавшія затѣмъ бѣдствія для него, которыя ему пришлось претерпѣвать до самой смерти. Въ настоящемъ случаѣ важно разногласіе жизнеописателей въ объясненіи причинъ паденія Никона, которое встрѣчаемъ и въ позднѣйшихъ трактатахъ, посвященныхъ этому вопросу. Шущеринъ, какъ человекъ духовный и глубоко религиозный, искренно вѣровалъ, что всякое зло зависитъ отъ діавола, который посѣялъ и печальную ссору между Никономъ и царемъ: *»Позавидѣвъ суностатъ діаволъ великія любви благочестиваго царя со святѣйшимъ Никономъ патріархомъ, и нача быти между ними безсовѣтіе и распри... Денисовъ объясняетъ дѣло иначе: по его мнѣнію, Никонъ »такъ обгордѣвъ, яко и въ царскомъ домѣ дерзнулъ сотворити нѣчто неподобное«, и поссорился съ царемъ. Можно считать неосновательнымъ мнѣніе г. Соловьева, который видитъ причины раздора въ томъ, что 1) царь и патріархъ, благодаря предшествовавшимъ войнамъ, привыкли къ самовластію,—царь на войнѣ, а Никонъ въ Москвѣ, 2) что тогдашнее общество воспитывало необузданность въ характерѣ Никона, благодаря которой онъ не имѣлъ умѣрять порывовъ страсти. Но уже одно обстоятельство, что царь, вслѣдствіе мягкости и кротости своего характера, до конца своей жизни не былъ вполнѣ самовластенъ, служить лучшимъ опроверженіемъ мысли г. Соловьева; и съ другой стороны, странно было бы допустить, что тогдашнее »юное« общество должно было непремѣнно воспитывать рѣзкость характера; почему-же въ такомъ случаѣ оно не воспитало необузданности въ Алексѣ Михайловичѣ или въ другихъ дѣятеляхъ того времени? Основательнѣе всѣхъ на этотъ счетъ даетъ соображеніе г. Субботинъ, полагающій все въ излишнемъ самовластіи одного Никона и его грубыхъ выходкахъ относительно бояръ и духовныхъ: бояре, возненавидѣвъ патріарха, умѣли вооружить противъ него и царя. Постоянныя жалобы на Никона его подчиненныхъ утвердили царя въ достовѣрности доносовъ, дѣлаемыхъ на него и боярами.*

Въ изложеніи внѣшнихъ событій, сопровождавшихъ столкновеніе царя съ патріархомъ, Шущеринъ обнаруживаетъ много наивности и плохое знакомство съ дѣломъ; какъ и въ большинствѣ случаевъ, онъ

совершенно упускаетъ изъ виду крутой характеръ Никона, котораго и на этотъ разъ изображаетъ кроткимъ и смиреннымъ, убоявшимся сильно гнѣва царскаго. *»Святѣйшій патріархъ, говоритъ онъ объ удаленіи Никона, восхотѣ дать мѣсто тѣву (царя), оставляетъ свой пастырскій престолъ«*. На вопросъ Трубецкаго: не имѣетъ-ли онъ ссоры на царя?—Никонъ, по словамъ приверженца, кротко и какъ-бы съ боязнью отвѣчалъ, что ничего подобнаго нѣтъ, а оставляетъ онъ патріаршество, *»вѣдая свои къ Богу многая прегрѣшенія«*. Всѣ эти событія изложены Шушеринымъ, какъ случайныя и неожиданныя для Никона, совершившіяся безъ предварительныхъ съ его стороны замысловъ и безъ заднихъ цѣлей. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Никонъ не боялся, а напротивъ имѣлъ въ виду своими рѣшительными мѣрами устрашить слабаго царя и снова подчинить его своему вліянію. Надо припомнить только слова, которыми онъ началъ свою послѣднюю проповѣдь въ Успенскомъ соборѣ, чтобы убѣдиться, какъ далеко онъ былъ отъ покорнаго смиренія, какъ кипѣла въ немъ въ это время страсть и съ какою увѣренностью онъ рѣшился на такія крупныя мѣры, въ виду достиженія прежняго величія и славы. *»Лѣннѣз я былъ, говорилъ онъ съ нескрываемою желчью, учитъ васъ, не стало меня на это, отъ лѣнни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня«*. Въ письмѣ къ царю, писанномъ въ церкви, онъ рѣшительно высказывается: *»отхожу ради твоего тѣва«*. Все это не заявленія тупой покорности и жалкой безхарактерности, а напротивъ—вызовъ бойца на рѣшительный и открытый бой. И, сдѣлавъ такой смѣлый шагъ, Никонъ, благодаря своей горячности, не могъ уже остановиться и задуматься надъ выборомъ средствъ, которыя упрочили бы за нимъ возможность успѣшнаго исхода дѣла; въ раздраженіи и запальчивости, онъ дѣйствовалъ торопливо, необдуманно, безтактно-и тѣмъ самымъ далъ возможность своимъ врагамъ восторжествовать надъ нимъ окончательно.

Даже въ описаніи хода переговоровъ Шушеринъ дѣлаетъ ошибку, будто Трубецкой три раза приходилъ въ соборъ и разговоръ его съ патріархомъ былъ кроткій: изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Трубецкой приходилъ всего два раза и притомъ со Стрѣшневымъ, закоренѣлымъ врагомъ Никона, а это послѣднее обстоятельство, по справедливому замѣчанію г. Субботина, служитъ ручательствомъ, что бесѣда между ними и патріархомъ далеко была не смиренная. Шушеринъ упускаетъ изъ виду и внѣшнія причины, побудившія Никона начать рѣшительныя дѣйствія, это-оскорбленіе княземъ Хитрово посла патріаршаго и нежеланіе царя обратить вниманіе на это самоволь-

ство, а съ другой стороны—личное оскорбленіе, нанесенное Никону Ромодановскимъ, упрекавшимъ его за то, что онъ носитъ титулъ Великаго Государя.

Въ изложеніи дальнѣйшихъ событій Шушеринъ, оставаясь столь-же наивнымъ и недалководнымъ въ пониманіи ихъ, проходитъ молчаніемъ многія весьма важныя обстоятельства. Онъ рассказываетъ, что, по прибытіи Никона въ Воскресенскій монастырь, вскорѣ къ нему явился отъ царя тотъ-же Трубецкой, будто-бы съ цѣлью привезти ему патріаршую карету, такъ какъ изъ Москвы онъ отправился на простой телегъ. Трубецкой дѣйствительно пріѣзжалъ, но цѣль его посольства состояла въ томъ, чтобы допросить Никона, зачѣмъ онъ оставилъ патріаршество и безъ вѣдома царя удалился изъ Москвы.—Послѣ этого Шушеринъ распространяется о подвижнической жизни патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ и о дружественныхъ къ нему отношеніяхъ царя, въ чемъ есть доля правды: Никонъ постоянно велъ трудовую жизнь, а теперь носилъ вериги и т. п.; можетъ быть, съ цѣлью заглушить въ себѣ, волновавшія его горькія чувства, да и царь, раскаявшійся уже въ ссорѣ съ Никономъ, дружественно относился къ нему, какъ это видно изъ его писемъ къ патріарху. Но историкъ—иподіаконъ, благодаря своему монашескому смиренію и крайней недалководности, не замѣчалъ, что его благодѣтель зорко слѣдилъ за ходомъ дѣла въ Москвѣ и далеко не безучастенъ былъ къ послѣдующей своей судьбѣ. Въ письмахъ къ царю онъ нѣсколько разъ раскаявался въ ссорѣ, просилъ о примиреніи и изъявлялъ желаніе возвратиться на патріаршество. Между тѣмъ, враги Никона съ своей стороны употребляли всѣ мѣры, чтобы предупредить могущую снова возникнуть дружбу царя съ патріархомъ; благодаря ихъ усиліямъ и ловкости, противъ Никона поднялись всевозможныя гоненія: надзоръ за нимъ усилили, квартиру его въ Москвѣ подвергли строгому обыску, «чиновнымъ мужамъ» запретили входъ къ нему. Никонъ же частымъ вмѣшательствомъ въ московскія дѣла и постояннымъ напоминаніемъ о своемъ существованіи еще болѣе разжигалъ своихъ враговъ и наконецъ своими обличительными грамотами, особенно извѣстною грамотою противъ Питирима, окончательно повредилъ себѣ. Результатомъ всего этого было противъ него собраніе собора въ 1660 г., на которомъ, при участіи грековъ, умѣвшихъ услужить царю и боярамъ, Никонъ приговоренъ къ лишенію патріаршества и, только благодаря заступничеству честнаго Епифанія Славенецкаго, учившаго греческихъ архіереевъ въ обманѣ и подлогѣ, царь не подписалъ этого опредѣленія¹⁾.

¹⁾ Епифаній написалъ «Объ отшествіи со престола Никона патріарха».

Замѣчательно, что всѣ упомянутыя событія, столь важныя для Никона и имѣвшія столь близкое отношеніе къ дальнѣйшей участи его, пройдены молчаніемъ у Шушерина; онъ какъ бы не зналъ ни одного изъ этихъ происшествій. Мало того: онъ забываетъ даже такое важное обстоятельство, какова попытка чернеца Θεодосія отравить Никона. Такимъ образомъ, повѣствователь, послѣ разказа о завязавшихся было дружественныхъ отношеніяхъ царя и патріарха, непосредственно переходитъ къ дѣлу боярина Бобарыкина о завладѣніи селомъ; по его мнѣнію, дѣло это послужило началомъ новой вражды царя къ Никону. Замѣчательно, что, при изложеніи этого обстоятельства, Шушеринъ начинаетъ не съ начала, а съ конца,—говоритъ прежде о слѣдствіяхъ, а отъ нихъ уже переходитъ причинамъ. Кромѣ того, и здѣсь онъ, по обыкновенію, не углубляется въ дѣло, не доискивается надлежащей основы для объясненія его и, не затрудняясь долго, сваливаетъ всю отвѣтственность за него лично на Бобарыкина, между тѣмъ какъ, по справедливому мнѣнію г. Субботина, дѣломъ этимъ заправляли бояре, враги Никона, для которыхъ это было тѣмъ легче, что оно должно было разбираться въ монастырскомъ приказѣ ими самими. Бросается также въ глаза изображеніе безучастнаго отношенія къ этому дѣлу самого Никона, которое изображено въ описаніи Шушерина, а на самомъ дѣлѣ къ этому времени относится едва ли не самое возбужденное состояніе іерарха. Видя отказъ въ просьбѣ разобрать дѣло съ Бобарыкинымъ и несправедливое быстрое рѣшеніе его, когда Бобарыкинъ изъ обвиняемаго явился обвинителемъ, сдѣлавшись изъ-за этого предметомъ гнуснѣйшей клеветы, Никонъ выходилъ изъ себя, его злость и раздражительность не знали границъ. Для подтвержденія этого достаточно сослаться на письмо его къ царю, писанное по этому случаю и заключающее въ себѣ столько желчи и рѣзкостей, что при чтеніи его изумляешься невольно. *»Начинается наше письмо, говорить онъ царю, словами, безъ которыхъ ни кто изъ насъ не имѣетъ права писать вамъ;—эти слова»—Бога молю и челомъ бью»* и далѣе, переходя къ жалобамъ, восклицаетъ: *»Не какъ святители, даже не какъ рабы, но какъ рабичища, отовсюду мы избижены, отовсюду гонимы, отовсюду утѣсняемы»* и наконецъ, онъ громитъ царя слѣдующими словами: *»страшно молвить, но терпѣть не возможно, какіе случаи сюда доходятъ, что по твоему указу владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ ставятъ и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестно св. Духу такъ: по благодати св. Духа и по указу великаго государя... (не достаточно святаго Духа посвятить безъ твоего указа). Но если кто на св. Духа хулитъ, не имѣетъ остав-*

ленія; если это тебя не утрашило, то что утрашитъ можетъ, когда уже недостойнъ сдѣлался прощенія по своему дерзновенію?... Нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ: нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернцы и черницы—всѣ данями обложены тяжкими, вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стenanіе и воздыханіе, нѣтъ никого веселящагося во дни снѣгъ. Къ этому же времени относятся его страшныя ссоры съ греческимъ выходцемъ Паисіемъ Лигаридомъ, о которомъ Шуперинъ даже не упоминаетъ.

Повѣствователь такъ близко держался въ своемъ разсказѣ личности самого Никона, что пренебрегалъ рѣшительно всѣмъ, что хотя и касалось его, но въ чемъ онъ не принималъ прямого участія. Описавъ процессъ съ Бобарыкинымъ, Шуперинъ переходитъ къ дѣлу, которое завязалось у его воспитателя съ Зюзинымъ, хотя эти событія раздѣляются промежуткомъ времени въ три года. Этотъ промежутокъ жизнеописатель наполняетъ разсказомъ, какъ обвиняли патріарха, что онъ принималъ у себя иностранцевъ и при нихъ говорилъ дурно о царѣ; затѣмъ онъ добавляетъ, что царь все-таки оставался по прежнему любезенъ съ Никономъ. Подтвержденія для перваго изъ этихъ извѣстій мы не находимъ въ другихъ источникахъ, а замѣчаніе о дружбѣ царя съ патріархомъ наводитъ на сомнѣніе. Правда, передъ самымъ Зюзинымъ дѣломъ царь очень благосклоненъ былъ къ Никону, когда послѣдній написалъ ему очень ласковое письмо и просилъ о мирѣ; но это была запоздалая и скоротечная дружба, не оставившая послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Въ 1661—1663 годахъ вся Москва была занята дѣломъ Никона: тамъ кипѣла страшная дѣятельность, которой заправлялъ Паисій Лигаридъ съ толпою своихъ праздношатающихъ соотчичей. Извѣстные вопросы Стрѣшнева и наглые отвѣты Лигарида, что Никонъ болѣе не патріархъ и можно избрать другаго, расходились въ большомъ числѣ, и о патріархѣ говорили всѣ, кто только интересовался современнымъ положеніемъ дѣлъ. Много было толковъ и шуму въ кругу вліятельныхъ лицъ, какъ поступить съ Никономъ; собирали соборы, отправляли къ нему посольства, пока самъ Лигаридъ не предложилъ средства выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ—привлечь въ Москву для рѣшенія дѣла восточныхъ патріарховъ.

Вѣсть о посылкѣ пригласительныхъ грамотъ къ восточнымъ патріархамъ смутила Никона, и онъ по этому поводу писалъ письмо царю, исполненное упрековъ и предостереженій: *»ты же смотри, благочестивый царь, пишеть онъ, чтобы не было тебѣ чего нибудь отъ*

этихъ твоихъ грамотъ, не былобъ тебѣ это въ судѣ передъ Богомъ и съзываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ».

Опуская почему-то эти событія, Шушеринъ приступаетъ къ описанію дѣла его съ Зюзинымъ, которое возбудило страшный шумъ въ Москвѣ и имѣло самыя неблагопріятныя послѣдствія для патріарха. По свидѣтельству жизнеописателя, Никонъ рѣшился послѣдовать совѣту Зюзина ѣхать въ Москву и занять снова патріаршій престолъ, — во 1-хъ, потому, что зналъ его за человѣка благочестиваго и богобоязливаго, отъ котораго слѣдовательно трудно было ожидать обмана, и, слѣдуя его совѣту, Никонъ былъ увѣренъ, что исполняетъ волю царя, а во 2-хъ самъ онъ заявляетъ о побужденіи: *»азъ престола своего не желаю, но обаче церкви Божіей всякого усмирения и царскаго милосердія желаю«.*

Понятно, что авторъ *»Извѣстія«* другаго объясненія и не могъ дать, имѣя въ виду, по обычаю, поставить Никона въ самое выгодное положеніе. Въ сущности же дѣло это очень темное и трудно съ увѣренностью сказать, что побудило Никона на такую странную выходку, когда онъ точно не зналъ миѣнія царя. Денисовъ, говоря объ этомъ дѣлѣ, съ увѣренностью утверждаетъ, что Никонъ рѣшился на такой поступокъ *»яко изъ младенчества славолубіемъ поглащенный«*; а Субботинъ склоненъ думать, что въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе самъ царь, и съ его вѣдома Зюзинъ писалъ патріарху и звалъ его въ Москву. Но вѣрнѣе, кажется, объяснять это дѣло тогдашнимъ нравственнымъ состояніемъ Никона, уже сильно желавшаго возвратиться на патріаршество и почти совсѣмъ потерявшаго надежду на лучшее будущее.

Никонъ напомнилъ собою утопающаго, который въ отчаяніи хватается за соломенку, и смотрѣлъ на это дѣло не какъ на дѣйствительное средство спасенія, а какъ на случайность, могущую имѣть и хорошія послѣдствія. Взявшись за такое смѣлое и трудное дѣло, энергическій патріархъ, противъ своего обыкновенія, не довелъ его до конца: рѣшившись на крайне-смѣлый шагъ за одинъ разъ покончить все, онъ вдругъ въ самую критическую минуту потерялъ рѣшимость и, повинувшись волѣ царя, съ позоромъ удалился изъ Москвы, тогда какъ ѣхалъ съ твердой цѣлью не возвращаться болѣе оттуда. Положимъ, онъ былъ обманутъ письмами Зюзина, а потомъ испугался грознаго письма царя, приказывавшаго, чтобы онъ немедленно возвратился въ Воскресенскій монастырь, тѣмъ не менѣе, сообразуясь съ его рѣшительнымъ и настойчивымъ характеромъ, можно было ожидать, что Никонъ не обратится бѣгство, не сдастся такъ скоро, какъ это вышло на

самомъ дѣлѣ. Да, кажется, и лучше было бы ему въ критическую минуту поступить рѣшительно, т. е. остаться въ Москвѣ,—вѣдь едва ли бы враги его прибѣгли въ этомъ случаѣ къ насилію, а оставшись въ Москвѣ, онъ по крайней мѣрѣ избавился бы отъ позора, которымъ окончилась неудавшаяся попытка—возвратиться на патріаршество. Подробности этого дѣла описаны Шушеринымъ полно и заслуживаютъ довѣрія; можно навѣрно утверждать, что иподіаконъ самъ принималъ участіе въ этомъ безславномъ путешествіи своего учителя. Онъ точно указываетъ, какого числа и въ которомъ часу Никонъ прибылъ въ Москву, какими дверями вошелъ въ церковь, что пѣли и читали въ это время въ церкви; но ничего однако не говоритъ, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ бывшихъ въ церкви неожиданное появленіе этого страннаго гостя. Такъ же вѣрно онъ описываетъ, сколько разъ и съ какими отвѣтами приходили послы отъ царя къ Никону, а равно и событія, послѣдовавшія за переговорами съ царемъ описаны у него съ подробностями и въ большинствѣ случаевъ правильно, хотя онъ, по обыкновенію, поверхностно смотритъ на дѣло, описывая одну внѣшнюю связь фактовъ и рѣдко заглядывая во внутренній смыслъ ихъ.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Шушерина встрѣчается много страннаго. Непосредственно послѣ разсказа о дѣлѣ съ Зюзинымъ, Шушеринъ переходитъ къ подробному описанію частнаго образа жизни Никона: говоритъ объ обыкновенныхъ его занятіяхъ, въ которыхъ онъ проводилъ праздничные и будничные дни, во что одѣвался, что ѣлъ и пилъ и т. п. Эта вставка совершенно неумѣстна и безъ всякой нужды прерываетъ нить разсказа на самомъ интересномъ мѣстѣ, да въ добавокъ повторяетъ прежнія подробности, только съ дополненіями и въ разукрашенномъ видѣ. Недовольствуясь одною ненужною вставкою, Шушеринъ дѣлаетъ и другую замѣтку—о раскольникахъ, не относящуюся къ дѣлу, говоря, что расколъ въ тѣ времена *»умножашеся отъ нѣкоего ересиначальника чертеца, глаголемаго Капитона«*, и что приверженцы раскола на Никона *»многая злоухленія глаголаху«*, и наконецъ, распространяется о стараніяхъ патріарха искоренить расколъ. Все это могло бы имѣть смыслъ и считаться умѣстнымъ, если бы было сказано раньше, на примѣръ гдѣ говорилось объ исправленіи текста св. книгъ.

Сдѣлавъ затѣмъ бѣглую замѣтку о прибытіи въ Москву всеяскихъ патріарховъ, Шушеринъ ведетъ разсказъ о событіи, ближе касавшемся современнаго положенія дѣла Никона, хотя не имѣвшемъ никакихъ послѣдствій. Это дѣло о наказаніи Никономъ жидовъ, мѣлившихся по своему, а потомъ сдѣлавшихъ доносъ на него. Ничего

жизнеописатель не потерялъ бы, если бы опустил и этот маловажный случай, а коснулся важныхъ происшествій, которыя имѣли рѣшающее значеніе для Никона и большой интересъ для историка. Къ этому времени, напримѣръ, относятся важные переговоры съ царемъ Никона, который, послѣ неудачнаго путешествія въ Москву по настоянію Зюзина, понялъ, что теперь его положеніе сдѣлалось вполне шаткимъ, что его стремленіе уладить все мирно не удалось. Тогда, забывъ свою гордость и коренившееся въ немъ твердое сознаніе своей правоты, пишетъ онъ къ царю со смиреніемъ и проситъ о примиреніи, не желая стать передъ судомъ вселенскихъ патріарховъ, вѣроятно предчувствуя, чѣмъ долженъ окончиться судъ надъ нимъ. Въ письмѣ къ царю онъ добровольно отказывается отъ патріаршескаго престола, даетъ согласіе на избраніе новаго патріарха, обѣщаетъ не вмѣшиваться въ дѣла, чтобы только оставили его въ покоѣ. Въ Москвѣ, по поводу этого письма, былъ созванъ соборъ, не имѣвшій однако никакихъ послѣдствій. Но самое важное, о чемъ намѣренно или по незнанію не упоминаетъ Шушеринъ, было посланіе Никона къ Константинопольскому патріарху. Видя, что не остается никакой надежды уладить все мирнымъ путемъ и что ему придется предстать предъ судомъ патріарховъ, онъ рѣшился самъ обратиться къ нимъ и выяснитъ свое дѣло. Съ этою цѣлью онъ отправилъ грамоту къ цареградскому патріарху, въ которой разъяснялъ дѣло съ своей точки зрѣнія и при этомъ сильно укорялъ царя. Однако грамота, какъ извѣстно, не достигла своего назначенія, а надѣлала Никону много горя, послуживъ впоследствии главнымъ пунктомъ обвиненія на судѣ передъ патріархами.

Далѣе слѣдуетъ описаніе самаго производства суда надъ Никомомъ. И въ этомъ сложномъ дѣлѣ, для уразумѣнія смысла котораго необходимо самое точное и подробное изслѣдованіе всѣхъ фактовъ, Шушеринъ по прежнему остается вѣренъ себѣ и строго держится главнаго лица своего разказа, не отступая отъ него ни на шагъ. Въ описаніи суда, въ которомъ принимали участіе десятки разныхъ лицъ и рѣшали дѣло не на основаніи отвлеченныхъ или дѣйствующихъ законовъ справедливости, а скорѣе на основаніи временныхъ соображеній и личныхъ цѣлей, односторонность автора въ разказѣ рѣшительно вредитъ достоинству сочиненія. Прочитавъ описаніе суда надъ Никомомъ по рукописи Шушерина, едвали кто въ состояніи рѣшить, почему его обвинили, а не оправдали, на чьей сторонѣ была правда и въ силу какихъ мотивовъ или *quo auctore* судъ велся въ такомъ, а не въ иномъ направленіи и имѣлъ печальный, а не другой исходъ? Жизне-

описатель ни на минуту не разстается съ Никономъ и не желаетъ познакомиться читателя съ другими дѣйствующими лицами, захваченными этими событіями и имѣвшими рѣшающее вліяніе. О предварительномъ знакомствѣ съ дѣломъ вселенскихъ патріарховъ въ Москвѣ, о планѣ и направленіи ихъ будущей дѣятельности на судѣ, Шушеринъ, вѣроятно, совсѣмъ не зналъ, а распространяться объ общемъ настроеніи патріарховъ относительно Никона считалъ не совсѣмъ умѣстнымъ и безопаснымъ. Однако, оставляя дѣло вполне неразъясненнымъ и непонятнымъ для читателя, онъ какъ бы инстинктивно желалъ выгородить своего учителя, доказать его правоту и незаконность многихъ поступковъ его враговъ. Такъ, говоря о послахъ, которые пріѣхали звать Никона на судъ, онъ замѣчаетъ, что, при всей основательности и степенности возраженій Никона, они позволяли себѣ говорить съ нимъ грубо и дерзко. Затѣмъ описываетъ бѣдственное положеніе Никона, отправлявшагося подъ конвоемъ до Москвы и потомъ въ Москвѣ подвергавшагося всякимъ притѣсненіямъ и т. п. Относительно фактовъ, приведенныхъ Шушеринымъ, вообще надо замѣтить, что всѣ они находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ историческихъ памятникахъ и въ силу этого достовѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію; но, приводя ихъ, авторъ, по обыкновенію, не выясняетъ надлежащаго смысла ихъ, предоставляя это дѣлать самому читателю. Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній, можно еще сказать, что, при чтеніи описанія суда надъ патріархомъ, легко замѣтить, гдѣ авторъ былъ самъ наблюдателемъ и гдѣ онъ передаетъ событія по слухамъ. Описаніе, напримеръ, путешествія Никона до Москвы и еще прежде-перваго посольства за нимъ изобилуетъ большими подробностями: тутъ приводятся всѣ самыя незначительныя случайности, длинные разговоры участвовавшихъ лицъ и т. п., между тѣмъ какъ жизнь Никона въ Москвѣ описана не такъ подробно, а мѣстами съ пропусками. Явленіе это очень понятно: мы говорили выше, что Шушеринъ арестованъ былъ тотчасъ по пріѣздѣ Никона въ Москву, *ягъ бысть отъ воиновъ немилостивно*, и во время соборныхъ засѣданій сидѣлъ подъ стражей, слѣдовательно, писалъ замѣтки по слухамъ. Особенно кратко и не точно описано имъ первое засѣданіе собора, на которомъ Никонъ явился въ качествѣ обвиняемаго. Разсказавъ пространно, сколько борьбы было по поводу желанія Никона явиться предъ соборомъ не иначе какъ *кресту предыдущу*, и сдѣлавъ также подробную замѣтку, что Никонъ не желалъ сѣсть на приготовленное ему мѣсто, лишенное архіерейскихъ атрибутовъ,—весь ходъ суда затѣмъ изображаетъ въ нѣсколькихъ словахъ. Первый вопросъ на судѣ, по словамъ Шушерина,

былъ сдѣланъ царемъ, который допрашивалъ Никона о причинахъ, побудившихъ его оставить патріаршій престолъ и удалиться изъ Москвы; отвѣчая на это, Никонъ *»со всякимъ дерзновеніемъ изрече вся подробну«*, однако что именно изрекъ онъ, *»Извѣстіе«* не говоритъ. Царь потомъ обвинялъ бывшего *собиннаго друга* за грамоту, посланную имъ Константинопольскому патріарху; Никонъ отвѣчалъ, что патріархъ ему *»братъ вящій и есть православный«*. Этимъ и закончился первый судъ надъ Никономъ, по словамъ жизнеописателя, который спѣшитъ замѣтить: *»и толико бысть словесъ царскаго величества и вселенскихъ патріарховъ и святѣйшаго Никона—до здѣ«*. Впрочемъ, въ заключеніе онъ добавляетъ, что въ концѣ суда Никонъ былъ осыпанъ ложными клеветами, которыя *»начаша испускати Павелъ, митрополитъ Сарскій, Идаріонъ, митрополитъ Рязанскій и др.«* Отсюда прежде всего можно заключить, что самъ Шушеринъ не присутствовалъ на судѣ и потому не вдается въ подробности преній, происходившихъ тамъ; отъ неполноты рассказа происходитъ и его неясность: какія оправданія приводилъ Никонъ на обвиненіе царя и какія обвиненія возводили на Никона по поводу грамоты, посланной имъ въ Царьградъ къ патріарху, и какъ защищался Никонъ, не извѣстно. Кромѣ того, много важныхъ вопросовъ, какіе были затронуты на этомъ соборѣ, совсѣмъ опущены Шушеринымъ, напр., разборъ дѣла объ оскорбленіи, нанесенномъ бояриномъ Хитрово послу Никона. Этотъ случай особенно былъ бы пригоденъ для повѣствователя, такъ какъ здѣсь Никонъ изъ обвиняемаго становился обвинителемъ, а царь по этому поводу, какъ извѣстно, далъ неудовлетворительный отвѣтъ, сославшись на то, что во время объѣда некогда было разобрать дѣла, слѣдовательно, на этотъ разъ патріархъ находился въ самомъ выгодномъ положеніи. Не упоминаетъ Шушеринъ, сколько шуму надѣлало выраженіе грамоты Никона, что русскіе люди *»отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими«*, и какъ обвинители раздули эту фразу, жалуясь патріархамъ, что подсудимый іерархъ всѣхъ ихъ обозвалъ еретиками и т. п. Наконецъ замѣтка, что митрополиты Сарскій и Рязанскій, гѣмъ-то научаемые, клеветали на Никона, также остается непонятною въ рассказѣ Шушерина, невыясниваемаго, какія это были клеветы и кто научалъ клеветать на митрополитовъ.

При описаніи втораго засѣданія суда, происходившаго, по изслѣдованію г. Субботина, 5-го, Декабря, а по показанію Шушерина 3-го, послѣдній допустилъ много крупныхъ промаховъ: онъ говоритъ, что на этомъ засѣданіи продолжали читать грамоту, посланную Никономъ патріарху; за тѣмъ дѣлаетъ вставку о недовольствѣ царя на князей,

сидѣвшихъ на судѣ молча и не поддерживавшихъ его; наконецъ, въ заключеніе, онъ приводитъ *»тихую бесѣду«* царя съ никономъ, въ которой царь упрекалъ его, что, при оставленіи Москвы, онъ *»исповѣдовался и елеосвященіемъ осятився и святу ю литургію служивъ, аки бы къ смерти готовися«*, а для царя *»сіе бысть великій позоръ«*. Между тѣмъ, по изслѣдованію г. Субботина, главнымъ вопросомъ на этомъ засѣданіи опять таки былъ вопросъ объ удаленіи Никона отъ патріаршества, а затѣмъ шелъ споръ о греческихъ книгахъ, потому что объ одной изъ нихъ Никонъ замѣтилъ, что она напечатана еретиками и слѣдовательно не можетъ имѣть авторитета. Шушеринъ даже говоритъ, что на этомъ засѣданіи Никонъ былъ уже лишень патріаршескаго сана, какъ александрійскій патріархъ, поднявшись, торжественно провозгласилъ: *»по данной намъ власти... постановляемъ, что Никонъ на будущее время не есть и не именуется Московскимъ патріархомъ, а инокомъ и старцемъ Никономъ«*. По поводу этого послѣдняго обстоятельства Субботинъ высказываетъ слѣдующія очень вѣскія мысли: внимательное изслѣдованіе этого дѣла ведетъ къ заключенію, что Никонъ вовсе не заслуживалъ этого отреченія, что надъ нимъ собственно не было суда, такъ какъ на судѣ всѣ были противъ него, всѣ обвиняли его и ни откуда не слышалось ни одного голоса въ его защиту; при томъ же дѣло это велось не чисто: бояре не задумывались прибѣгать ко всевозможнымъ мѣрамъ для достиженія своихъ цѣлей, а восточные патріархи часто дѣйствовали въ ущербъ истинѣ, подъ вліяніемъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, какъ сами они въ томъ сознавались въ своихъ письмахъ къ другимъ патріархамъ.

Наконецъ, при описаніи послѣдняго засѣданія членовъ собора, бывшаго 12 Декабря, когда уже сняли съ Никона архіерейскій клобукъ и панагію, Шушеринъ съ искренностью и состраданіемъ говоритъ о крайне взволнованномъ состояніи духа развѣнчаннаго патріарха, чѣмъ объясняетъ дерзости относительно вселенскихъ патріарховъ. Онъ говоритъ, что Никонъ бранилъ ихъ скитальцами и проходимцами по всей землѣ, не ради мира и блага, а для просьбы милостыни, чтобы при турецкомъ порабоженіи себѣ собрать потребное и заплатить дань султану. *»Откуда вы законы или каноны взяли, что дерзновенно тако творите? «* Когда сняли съ Никона на соборѣ клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ и панагію серебряную съ драгоценными камнями, тогда *»блаженный рече: се яко пришельцы и невольницы суще, аще сія себе раздѣлите, потребу и отраду о всѣхъ скорбныхъ бывающихъ вамъ на нѣкое время обрящете! «* Но и при этомъ Шушеринъ ни однимъ словомъ не касается личности и достоинства восточныхъ патріарховъ.

За то Андрей Денисовъ, подтверждая сказаніе Шущерина, относится безпощадно и къ восточнымъ патріархамъ и къ Никону и смѣется надъ соборнымъ судомъ, особенно надъ ссорой патріарховъ. Никонъ называлъ своихъ судей просаками и нищими; а рѣшеніе ихъ баснею: »вы есте просаки и грабители, кричалъ онъ, а не пастыри, и пришли есте-не да пользу кую здѣ сотворите, но лестію и похлебствомъ жестоко-нравныхъ чловѣкъ сердца похитите, и именемъ патріаршества точію, а не дѣломъ праву ихъ разрѣшеніе учините, и тѣмъ насытую вашу, сребролюбивую и аду подобную гортань наполните«. По словамъ Денисова, Паисій не стерпѣлъ рѣзкихъ обличеній и сшибъ посохомъ своимъ клобукъ съ Никоновой головы; тогда начались крупные укоры и брань, но »обаче одолѣ греческій левъ російскаго пардоса«, самодовольно заключаетъ Выгорѣцкій историкъ. Затѣмъ пишетъ Шущеринъ объ оскорбленіяхъ, которыя пришлось перенести Никону отъ восторжествовавшихъ надъ нимъ его противниковъ и упоминаетъ о печальной судьбѣ, которую испытали всѣ приверженцы Никона и въ числѣ ихъ самъ авторъ: *»Мнози, говоритъ онъ, соболзнующе блаженному Никону, муками и узами и темничнымъ заключеніемъ и великими ранами удручены быша«*. Паденіе власти Никона и преслѣдованіе его приверженцевъ по неволѣ должны были сократить ряды единомышленниковъ непреклоннаго патріарха; даже самые близкіе къ нему люди по неволѣ должны были молчать о своихъ симпатіяхъ и скрывать свою любовь къ опальному. Поэтому нельзя не отдать должной справедливости искреннему сочувствію автора, съ которымъ онъ относится къ дѣйствительно печальному состоянію Никона. Не можетъ быть также и рѣчи о преувеличеніяхъ въ изображеніи крайне неотраднaго положенія бывшаго патріарха, такъ какъ съ нимъ дѣйствительно поступили черезчуръ круто; враги его не думали о пощадѣ и состраданіи, а съ непоколебимою твердостью довели дѣло до конца, т. е. низвели Никона до положенія, ниже котораго и нельзя было поставить его, сообразуясь съ мѣрою его проступковъ и тѣмъ высокимъ саномъ, который онъ имѣлъ прежде.

Вторая часть сочиненія Шущерина оканчивается разсказомъ объ отправленіи осужденнаго Никона въ Терапонтвъ монастырь въ заточеніе. Повѣствованіе это преисполнено большими подробностями и искреннимъ состраданіемъ къ осужденному. Столь же сочувственно въ этомъ случаѣ относится къ Никону и Субботинъ. Тайкомъ, говоритъ онъ, осудили Никона, тайкомъ-же и отправили его въ ссылку; никто изъ народа не зналъ, за что судили и осудили любимаго имъ патріарха, какія вины возводили на него, какъ дѣло велось и т. п. Всѣ узнали

только результаты суда... но и тутъ не дали народу оплакать своего любимца, и тутъ пустили въ ходъ обманъ, увезя Никона тайно отъ народа. Все это совершенно справедливо и особенно достойно вниманія показаніе Шушерина, что приверженцевъ главы русскаго духовенства было много; они считали судъ надъ нимъ незаконнымъ, и нѣкоторыхъ честныхъ русскихъ архіереевъ насильно заставляли подписываться подъ соборнымъ опредѣленіемъ. Въ этомъ согласенъ съ жизнеописателемъ Н. И. Субботинъ и дѣлаетъ по этому поводу вѣскій выводъ, что дѣло съ патріархомъ Никономъ обнаружило всю недалекость русскаго духовенства; только послѣ, когда было уже поздно, поняли, что, помогая боярамъ низвергнуть Никона, они тѣмъ самымъ давали рѣшительный перевѣсъ и преимущество свѣтской власти надъ духовной.

Итакъ, на основаніи сдѣланнаго разбора содержанія второй части монографіи Шушерина, мы можемъ поставить слѣдующіе выводы относительно ея достоинствъ и недостатковъ. Въ этой части, богатой содержаніемъ, нѣтъ такой стройности и послѣдовательности въ разсказѣ, какъ въ первой. Множество фактовъ не имѣютъ ничего общаго между собою и безъ всякой внутренней связи группируются вокругъ личности Никона, а между тѣмъ это отсутствіе соединяющей мысли производитъ непріятные скачки и беспорядочную отрывочность разсказа. Въ воззрѣніяхъ на описываемыя событія проглядываетъ крайняя односторонность и монашеская узкость взглядовъ, доходящая иногда до ребяческой наивности, нерѣдко ведущей за собою извращеніе надлежащаго смысла разсказа. Въ другихъ случаяхъ непріятно поражаетъ крайняя поверхностность воззрѣній автора, которая часто ставитъ въ тупикъ читателя и не даетъ возможности вывести правильное заключеніе о разсказанномъ событіи, не смотря на добросовѣстное изложеніе всѣхъ мельчайшихъ подробностей происшествія. Иногда, напротивъ, повѣствователь черезчуръ расширяетъ свой взглядъ и, выясняя обстоятельства какого либо событія, восходитъ даже до общей первоначальной причины, какъ онъ сдѣлалъ это въ разсказѣ о ссорѣ царя съ патріархомъ. Нерѣдко и цѣлый разсказъ у Шушерина бываетъ проникнутъ легендарнымъ характеромъ, напоминающимъ древнія сказанія книжниковъ. Наконецъ къ числу самыхъ крупныхъ недостатковъ этой части «Извѣстія» надо отнести пропуски важныхъ событій, имѣвшихъ близкое отношеніе къ послѣдующему разсказу, который безъ нихъ становится темнымъ и неудобопонятнымъ. Этотъ недостатокъ тѣмъ страннѣе, что Шушеринъ почти всегда въ мѣстахъ, гдѣ есть пропуски, дѣлаетъ вставки, мало относящіяся къ дѣлу, а иногда рѣшительно неумѣстныя, ко-

торыя служатъ лишнимъ бременемъ для читателя и безъ нужды прерываютъ послѣдовательный ходъ разсказа. Интересы автора остаются по прежнему узкими, односторонними и ясно избочличаютъ духовное происхожденіе его. Но и здѣсь чрезъ весь разсказъ Шушерина, хотя не слишкомъ ясно, проходитъ главная мысль автора, направленная къ оправданію Никона, выражается горячая любовь и сочувствіе къ нему; самъ авторъ вполнѣ увѣренъ въ правотѣ поступковъ главы русскаго духовенства и видимо желаетъ убѣдить въ томъ же и своихъ читателей. Впрочемъ, въ этомъ отдѣлѣ встрѣчается много частныхъ и подробностей, драгоцѣнныхъ для изслѣдователя Русской исторіи.

III.

Въ третьей части рукописи Шушерина описываются событія изъ жизни Никона со времени заключенія его въ Ферапонтовъ монастырь до смерти. Такъ какъ событія этого періода жизни Никона менѣ сложны, чѣмъ предыдущаго, то въ разсказѣ Шушерина снова замѣчается нѣкоторая послѣдовательность, отсутствіе большихъ скачковъ и сравнительная полнота его. Теперь Никонъ является отторженнымъ отъ общественной дѣятельности, и, какъ простой монахъ, ведетъ жизнь уединенную въ заточеніи; кто былъ заинтересованъ его судьбою во время разбора дѣла, теперь всѣ отошли въ сторону, и ссыльный остался одинъ, вдали отъ столицы, заброшенный судьбою въ глухой и малолюдный монастырь, какъ отважный пловець, выброшенный послѣ кораблекрушенія на далекій островъ, на удивленіе обитающихъ тамъ дикарей. Не трудно стало теперь слѣдить за его жизнью изо дня въ день и подробно перечислять, что случалось ему переживать въ ссылкѣ. Только пристрастное отношеніе автора къ описываемой личности заставляло его иногда проходить молчаніемъ нѣкоторыя событія, не гармонировавшія съ основною идеею его сочиненія. Такимъ образомъ авторъ не упоминаетъ о доносѣ Никона на Хитрово, сдѣланномъ съ цѣлью обратить на себя вниманіе забывшаго о немъ царя. Доносъ этотъ былъ сдѣланъ чрезъ старца Флавіана и потомъ въ письмѣ Никона къ царю; такъ какъ оба эти источника представляли нѣсколько важныхъ несогласій въ показаніяхъ, на примѣръ обвиняя не одно и тоже лицо, то въ Москвѣ къ доносу отнеслись подозрительно, хотя для ссыльнаго это обстоятельство не имѣло никакихъ послѣдствій. Не упоминаетъ также Шушеринъ и о доносѣ на самого Никона, сдѣланномъ архимандритомъ Ферапонтова монастыря Іосифомъ, о сношеніяхъ его съ Донскими козаками; умолчалъ авторъ и о мелкихъ столкновеніяхъ бывшаго патріарха съ монахами Кириллова монастыря, которые долж-

ны были доставлять ему содержаніе. Правда, всѣ эти факты не первой важности и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ крупныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе для жизнеописателя они интересны: по нимъ легко судить о тогдашнемъ психическомъ настроеніи Никона.

Въ данномъ случаѣ пропуски Шушерина выкупаются подробностью и полнотою, которыми отличается описаніе тяжелыхъ дней его учителя. Въ разсказѣ о путешествіи изъ Москвы въ Терапонтовъ монастырь, авторъ съ величайшею грустью и скорбію вспоминаетъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя пришлось перенести Никону во время этого пути: какъ страдалъ Никонъ отъ холода, голода, отъ грубаго обращенія съ нимъ приставниковъ, какъ разгоняли вездѣ людей, желавшихъ встрѣтить Никона съ честью, какъ онъ страдалъ отъ ранъ и ушибовъ въ дорогѣ. Тутъ же не преминулъ авторъ разсказать о необыкновенномъ случаѣ на постояломъ дворѣ, близъ села Мологи, какъ хозяйка дома »по видѣнію« скрылась отъ людей, приставленныхъ къ Никону, и нашла возможность бесѣдовать съ нимъ, разсказать ему о бывшемъ ей видѣніи, и надѣлила запасами, въ которыхъ онъ нуждался. Привезли Никона въ Терапонтовъ монастырь ночью, и встрѣченъ онъ былъ однимъ игуменомъ, согласно предварительному распоряженію; помѣщеніе было отведено ему неудобное и грязное. Эти подробности достовѣрны, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, разукрашены авторомъ, чтобы представить въ самыхъ яркихъ краскахъ бѣдственное состояніе низложеннаго патріарха.

Шушеринъ разсказываетъ о скромной монашеской жизни заточеннаго, отказывавшаго себѣ даже въ пищу, о его трудахъ и подвигахъ: *»самъ дрова ношаше и по воду хождаше«* и испытывалъ сильныя оскорбленія отъ своихъ приставниковъ. *»И тако, заключаетъ авторъ, ему вся дни препровождающу во всякомъ злостраданіи и благодарящу Бога и молящу о всѣхъ, зло ему творящихъ, глаголя: Господи, не постави имъ во грѣхъ сею«*!. И здѣсь жизнеописатель остается вѣренъ себѣ, изображая Никона, въ ущербъ справедливости, кроткимъ, безропотно переносящимъ всѣ невзгоды жизни и съ святительскимъ самоотверженіемъ молящимся за враговъ своихъ.

Послѣ изображенія подвижнической жизни, Шушеринъ переходитъ къ разсказу о письмѣ Никона къ царю, который просилъ у него прощенія, а тотъ писалъ о примиреніи. Письмо это было послано чрезъ пристава Наумова, которому царь дѣйствительно поручалъ просить у Никона ему благословенія; но авторъ опустилъ изъ виду важное обстоятельство, что ссыльный іерархъ не только не захотѣлъ благословить царя, но даже написалъ ему очень рѣзкое письмо, въ которомъ

прямо говорить: *»ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія и примиренія; но я даромъ тебя не благословлю, не примирюсь; возврати изъ заточенія, такъ прошу«,* и съ свойственной ему смѣлостью замѣчаетъ: ты меня *»осудилъ и заточилъ, а я тебя трикраты проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ, паче Содома и Гоморы«.* Только въ послѣдствіи, когда онъ созналъ, что рѣзкость ни къ чему не ведетъ, прибѣгнувъ къ другому средству и пытался достигнуть возвращенія изъ ссылки уступчивостью и съ этою цѣлью написалъ ласковое письмо царю, которое и приводитъ Шустеринъ цѣликомъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Ясно, что Никонъ далеко не всегда былъ кротокъ и незлобивъ сердцемъ, особенно относительно своихъ враговъ, которыхъ проклиналъ иногда *»паче Содома и Гоморы«.* Да и вообще онъ по своему вспыльчивому, горячему характеру, не могъ вести скромную и мирную жизнь: каждая мелочь, пустая случайность заставляли его волноваться и выходить изъ себя. Не разъ онъ ссорился съ приставомъ Наумовымъ изъ-за мелочей и не воздерживался отъ рѣзкихъ названій: воръ, мошенникъ и т. п. Такъ вспылилъ Никонъ, когда изъ Москвы пришло приказаніе сослать службу его Яковлева, который ѣздилъ всюду по его приказу, но безъ вѣдома Наумова. Позже нѣсколько, привычка одного монастырскаго поваренка говорить: *»добраста«* не разъ выводила Никона на сильныя ругательства; по этому поводу онъ даже писалъ царю, что поваренокъ называетъ его *»Астартомъ«.* Наконецъ не кротостью отзывается письмо Никона, которое онъ писалъ царю съ Флавіаномъ и въ первыхъ строкахъ котораго обнаружилъ плохо сдерживаемое недовольство и затаенный сарказмъ. Письмо это начинается такими словами: *»Иже живъ сый, привмѣненный съ нисходящими въ ровъ, сидяи во тьмѣ и снми смертной, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ ваши«* и т. п.

Въ рукописи Шустерина слѣдуетъ описаніе жизни Никона, улучшившейся будто-бы послѣ его ласковаго письма къ царю, и тутъ же вставка о *»видѣніи«* Никона, къ которому авторъ съ свойственнымъ ему легковѣріемъ относится благоговѣнно; затѣмъ говорится о послахъ, прибывшихъ изъ Москвы въ Ѳерапонтовъ монастырь, и многихъ другихъ неважныхъ событіяхъ, обнаруживающихъ въ авторѣ пристрастіе къ пересказу мелочей и подробностей, не всегда достовѣрныхъ и часто совершенно ненужныхъ. Почти всѣ эти мелочи сводятся къ одной мысли автора, что Никонъ препровождалъ время *»въ молитвѣ и въ постѣ, и въ трудахъ непрестанно«,* что будто самъ Никонъ *»дрова носаше и по воду на озеро хождаше и потребныя пищи на встѣхъ съ нимъ сущихъ самъ всегда строяше и труждаея непрестанно«.* Что Никонъ много

трудился и всегда былъ въ дѣятельности, это не удивительно и совершенно соотвѣтствуетъ его подвижному и пылкому характеру; но что въ этомъ описаніи Шушерина есть преувеличенія, это показываетъ разборъ Лутохинымъ дѣла его съ Флавіаномъ, когда онъ самъ показаль, что «дрова и воду носилъ онъ за *безлюдьемъ*, а теперъ не носить». Приходилось ли ему и за *безлюдьемъ* носить воду и рубить дрова, тоже сомнительно: вообще жаловался онъ на свое житье постоянно и, по обыкновенію, вдавался въ крайности.

Въ заточеніи у Никона была дѣятельность, болѣе заслуживавшая вниманія его біографа, чѣмъ ношеніе дровъ и хожденіе по воду, о которой однако повѣствователь не упоминаетъ. »У Никона, говоритъ Соловьевъ, *высказывались и стремленія къ высшей дѣятельности: въ келію къ нему стекались больные; онъ говорилъ надъ ними молитвы и давалъ лекарства*«. По этому поводу самъ Никонъ говорилъ царскому послу, что ему былъ глаголъ: *»отнято у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: лѣчи больныхъ*«.—Далѣе Шушеринъ приводитъ фактъ, въ подтвержденіе котораго мы не находимъ данныхъ въ источникахъ, будто на Никона наклеветалъ въ Москвѣ нѣкій монахъ Іона, который дѣлалъ надписи на крестахъ, воздвигаемыхъ Никономъ въ память своего заточенія, горькій пьяница и прогнанный за пьянство изъ монастыря. Но изъ разсказа видно, что случай этотъ былъ въ сущности незначительный и приведенъ жизнеописателемъ съ поучительной цѣлью указать на печальную судьбу, постигающую враговъ Никона, такъ какъ окаянный доносчикъ монахъ *»заиде на винную поварню, впаде въ котелъ великій съ водою кипящюю и сварися... Тако злы житія своего лишися, пріятъ кончину, яко-же второй Іуда предаде Господа!...*

Сдѣлавъ замѣтку о смерти царицы и вторичной женидбѣ Алексѣя Михайловича, Шушеринъ говоритъ о дружественныхъ отношеніяхъ царя къ Никону, выразившихся въ посольствѣ къ нему Лопухина съ подарками и милостивыми словами, безъ объясненія причины этого обстоятельства. Автору, очевидно, неизвѣстно было приниженное и просительное письмо, посланное передъ тѣмъ Никономъ въ Москву, которое подѣйствовало на добродушнаго царя. Въ этомъ длинномъ и чувствительномъ письмѣ Никонъ, послѣ горькаго раскаянія въ своей гордости и виновности предъ царемъ, восклицаетъ: *ослаби ми мало, да почію прежде даже не отыду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего*«.

Наконецъ, послѣдовавшія за тѣмъ событія—смерть царя и положеніе Никона при новомъ государѣ описаны Шушеринимъ весьма

подробно, послѣдовательно и довольно ясно. Есть однако и здѣсь нѣсколько промаховъ, на которые не лишнимъ считаемъ указать. Во-первыхъ, авторъ недостаточно уяснилъ, или, вѣрнѣе, вовсе забылъ о причинахъ гоненій, которыя воздвигнуты были противъ Никона по вступленіи на престолъ Феодора Алексѣевича; не зналъ причины и наступившихъ непосредственно затѣмъ милостивыхъ отношеній молодого царя къ ссыльному. По словамъ Шушерина, царь сталъ задумываться надъ участію Никона, вспомнилъ о прежнихъ его заслугахъ и рѣшился избавить его отъ тяжелой жизни заточника; но почему царь сталъ задумываться надъ участію его, автору было неизвѣстно.

Послѣдніе дни жизни Никона, его путешествіе въ Воскресенскій монастырь, смерть, застигшая его на пути, и наконецъ погребеніе описаны Шушеринимъ съ большими подробностями и задушевностію. Въ этихъ описаніяхъ почестей, которыя воздавались праху почившаго патріарха, и всѣхъ мельчайшихъ подробностей погребенія ярче, чѣмъ гдѣ-либо, оказалась привязанность автора къ Никону, его чистосердечное благоговѣніе передъ величественною особою учителя, его искреннее убѣжденіе въ святости и чистотѣ поступковъ Никона. Странно, что человѣкъ, такъ искренно проникнутый чувствомъ любви и благоговѣнія къ изображаемой личности, благодаря недалновидности своего воззрѣнія, узкости понятій и неумѣнью отличить достоинства отъ недостатковъ, своимъ очеркомъ жизни и дѣятельности Никона болѣе затемнилъ величіе заслугъ и высокыхъ добродѣтелей этого крупнаго дѣятеля, чѣмъ выяснилъ ихъ. Чѣмъ Никонъ могъ гордиться и за что заслужилъ уваженіе, по понятіямъ Шушерина, было не достоинствомъ, а слабостью патріарха. Можно съ достовѣрностію утверждать, что авторъ, при всей своей близости къ Никону, не понималъ его характера и въ своемъ изображеніи представилъ его односторонне съ своей узкомонашеской точки зрѣнія.

Въ заключеніе, не прибѣгая къ перечню промаховъ и пробѣловъ, встрѣчающихся въ «Извѣстіи» Шушерина и указанныхъ раньше, мы остановимъ вниманіе на вопросѣ о достоинствѣ этого сочиненія, какъ источника для научнаго изслѣдованія о жизни и дѣятельности Никона. Узкій взглядъ автора мѣшалъ ему шире и глубже вникнуть въ ожесточенную борьбу между боярами и духовенствомъ, заставлялъ его дѣлать большіе пропуски, искажать факты, разумѣется, ненамѣренно, и придавать имъ своеобразныя толкованія; поэтому и самое представленіе и изображеніе личности и характера Никона у него обрисовано несходно съ дѣйствительностію. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Шушерина во многомъ теряетъ значеніе несомнѣннаго историческаго источника,

можетъ иногда ввести въ заблужденіе довѣрчиваго ученаго, навязывая ему личный взглядъ на Никона, и, что особенно важно, извращая факты и сообщая имъ особый смыслъ. Читатель, желающій воспользоваться «Извѣстіемъ», какъ историческимъ источникомъ, прежде долженъ отрѣшиться отъ всего, что навязываетъ ему авторъ и, выбравъ приведенные имъ многочисленные факты, провѣрить критически и на основаніи ихъ дѣлать заключенія. Кромѣ личныхъ мнѣній и соображеній автора, жизнеописаніе Никона является отголоскомъ партіи его приверженцевъ, а Иванъ Корнильевичъ—выразителемъ ихъ душъ и чувствъ, которыя историкъ обязанъ изучать и знать. Вообще трудъ Шуперина весьма добросовѣстный въ своемъ родѣ; жаль только, что онъ многого не зналъ, а иное понималъ по своему разумѣнію, которое у него не отличалось глубиной и тонкостью; сочиненіе его по своему времени весьма замѣчательно, хотя историкъ долженъ пользоваться имъ съ большимъ умѣньемъ и осторожностью. Отдавая должную справедливость труду Шуперина, который переполненъ безчисленными подробностями при описаніи частной жизни Никона, мы признаемъ, что сочиненіе его весьма цѣнно и для изученія монашеской жизни вообще; съ этой стороны оно является важнымъ источникомъ для всѣхъ, интересующихся вопросомъ о монастыряхъ XVII стол. Въ этомъ неотъемлемое достоинство монографіи Шуперина!

М. Казминскій.

ФРАНЦИСКЪ ЛАДИСЛАВЪ ЧЕЛЯКОВСКІЙ.

ОБЗОРЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

А.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ЧЕЛЯКОВСКАГО.

Францискъ Ладиславъ Челяковскій, чешскій поэтъ и филологъ, родился 1799 года, 7 марта, въ Чехіи, въ городѣ Страконицахъ, Страконицкаго округа. Время его рожденія, такимъ образомъ, падаетъ на то самое десятилѣтіе прошлаго вѣка, въ которомъ родились и другіе знаменитые дѣятели (за исключеніемъ Юнгманна) чешской науки и литературы въ эпоху возрожденія послѣднихъ. Отецъ поэта, Войтѣхъ Челяковскій, былъ бѣдный страконицкій мѣщанинъ, по ремеслу, какъ говорятъ одни, — столяръ, по словамъ другихъ, — плотникъ; мать, которую звали Анной, происходила также изъ незнатнаго рода (Штефтовъ, въ Гораждѣвицахъ). Первому было уже 47 лѣтъ, а второй 30, когда родился у нихъ Францискъ. Вотъ скудныя данныя о дѣтствѣ поэта. Первые девять лѣтъ своей жизни онъ провелъ исключительно въ родительскомъ домѣ, находясь, по преимуществу, подъ надзоромъ матери, потому что отецъ большую часть времени проводилъ внѣ семьи, зарабатывая себѣ кусокъ хлѣба своимъ ремесломъ. Еще въ молодости, находясь въ услуженіи въ разныхъ знатныхъ семействахъ города Праги, Анна Челяковская освоилась хорошо съ нѣмецкимъ языкомъ. Рано маленькій Францискъ выучился у матери читать и писать какъ по-чешски, такъ и по-нѣмецки. Особенное стараніе она употребляла для того, чтобы выучить своего единственнаго сына¹⁾ говорить по-нѣмецки; но маленькій Францискъ охотнѣе объяснялся по-чешски, такъ какъ и отецъ его владѣлъ только роднымъ языкомъ. Очень часто онъ посѣщалъ церковь съ набожною матерью.

¹⁾ Другой младшій сынъ, по имени Антонинъ, умеръ на 6 году отъ рожденія.

На 10-мъ году (1809 г.) мальчикъ былъ отданъ въ Страконицкую городскую школу, такъ что съ этой поры начинаются новыя внѣ-сѣйныя вліянія на его развитіе. Періодъ школьной жизни для него простирался до 1821 г.

Школы, которыя пришлось пройти нашему поэту, представляются вотъ въ какомъ видѣ («Воспоминанія стараго чешскаго патріота: Як. Малаго»¹⁾). Въ городскихъ школахъ, преимущественно въ низшихъ, введенъ былъ нѣмецкій языкъ, т. е. хотя учитель долженъ былъ говорить съ дѣтьми по-чешски..., тѣмъ не менѣе училъ ихъ читать по нѣмецкимъ учебникамъ и *Lesebuch*'амъ и писать нѣмецкіе диктанты, а естественнымъ результатомъ этого было то, что дитя, вышедши изъ такой школы, умѣло говорить по-чешски, а читать по-нѣмецки. но не умѣло ни по-чешски читать, ни по-нѣмецки говорить... Такъ называемыя «нормальныя и главныя школы» были вездѣ безъ исключенія нѣмецкія... Въ первыхъ трехъ классахъ преподавались рядомъ съ катехизисомъ (на нѣмецкомъ же языкѣ) нѣмецкая грамматика, чистописаніе и ариѳметика. Нѣмецкія *Lesebücher* содержали иногда жалкія извлеченія изъ зоологій, географіи и исторіи. Изъ 3-го класса (городскихъ школъ) переходили въ гимназіи («латинскія школы»). До 1816 года въ гимназіи былъ для каждаго предмета отдѣльный учитель, а за тѣмъ назначены классныя учителя, переходившіе съ своими учениками изъ класса въ классъ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ такъ называемаго «грамматическаго» отдѣленія и 2-хъ лѣтъ «гуманнаго». Эти учителя преподавали всѣ предметы, за исключеніемъ закона Божія, для котораго былъ особый учитель. Предметами преподаванія въ гимназіи были: катехизисъ, математика, географія (въ первомъ грамматическомъ классѣ—*pragva*), исторія (во 2-мъ грамматическомъ классѣ—*principia*). При этомъ географія и исторія среднихъ вѣковъ преподавались въ послѣднемъ классѣ грамматическаго отдѣленія и въ первомъ «гуманнаго», который назывался поэзіей, а древняя географія и исторія во второмъ «гуманномъ» (риторикѣ), тогда какъ римскія древности проходились въ 3-мъ грамматическомъ классѣ. Въ гуманномъ отдѣленіи читались также древніе классики, нѣмецкая и латинская словесность. За гимназіей слѣдовала «философія», въ которую поступали окончившіе «латинскія школы». Цѣлью «философіи» было приготовленіе къ специальнымъ занятіямъ и пополненіе пробѣловъ въ кругѣ свѣдѣній, полученныхъ въ гимназіи. Въ «философіи» преподавались: богословіе, философія, математика, физика, латинская и греческая фило-

¹⁾ Славянскій Ежегодникъ 1877. 25—27, 31.

логія, естественная и всеобщая гражданская исторія. Курсъ былъ до 1820 года трехлѣтній, а потомъ двухлѣтній; первый курсъ философіи назывался »логикой«, второй »физикой«. Въ Пражской »философіи« была кафедра чешскаго языка. Относительно устройства низшихъ и среднихъ (нормальныхъ и латинскихъ) школъ Малый того мнѣнія, что въ планѣ ихъ не было ни системы, ни послѣдовательности, и говорить, что »человѣкъ, который съ полнымъ успѣхомъ прошелъ всѣ казенныя школы Австріи отъ самой низшей до самой высшей, не научившись ничему собственнымъ усердіемъ, былъ полнымъ невѣждою«. Хотя эти слова, относящіяся къ состоянію австрійскихъ школъ въ первой четверти нашего столѣтія, можетъ быть, и не вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но нельзя не согласиться съ Малымъ, что всякому чеху, а слѣдовательно и Челяковскому, эти школы не могли дать много; только преподаваніе чешской исторіи могло дѣйствовать на него, пробуждая и развивая въ немъ любовь къ чешскому отечеству. Сверхъ того нужно припомнить полный застой во всѣхъ областяхъ жизни австрійской монархіи (а слѣдовательно и въ школахъ) во время ретрограднаго правленія Франциска I-го. Факты изъ жизни нашего поэта показываютъ, что, дѣйствительно, школъ, особенно низшей, онъ не обязанъ почти ничѣмъ.

Въ Страколицкой школѣ, куда Челяковскій былъ отданъ, какъ замѣчено, онъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но все-таки съ успѣхомъ дошелъ до высшихъ классовъ, чему не мало способствовалъ какъ его зрѣлый, сравнительно съ другими учениками, возрастъ, такъ и подготовка, которую дала ему мать въ первую пору его дѣтства. Когда Челяковскій прошелъ эту первую школьную ступень, отецъ хотѣлъ сдѣлать его плотникомъ, хотя сынъ не выказывалъ къ этому ни малѣйшей склонности. Къ послѣднему обстоятельству присоединилось желаніе матери, чтобы ея сынокъ сдѣлался священникомъ: она думала, что въ такомъ только случаѣ Францискъ сможетъ послужить ей опорой въ старости. Добродушный и уступчивый отецъ поэта склонился на убѣжденія матери и отдалъ сына въ Будѣвицкую гимназію. Само собою разумѣется, что это увеличило тягости жизни бѣднаго плотника, который съ величайшимъ трудомъ добывалъ необходимое для своего сына. Мать носила послѣднему бѣлье и хлѣбъ, не смотря на значительное разстояніе между Страколицами и Будѣвицами. Безъ особенно блестящихъ успѣховъ были пройдены имъ (15-ти лѣтъ отъ роду) первые четыре класса гимназіи. Большую часть своего времени Челяковскій употреблялъ на чтеніе всякихъ книгъ, особенное же вниманіе оказывалъ онъ книгамъ поэтическаго содержанія. Сидя въ своей

маленькой комнатѣ за маленькимъ столикомъ, молодой Челяковскій положительно упивался книгами. Предметомъ его чтенія были почти исключительно нѣмецкіе поэты, а изъ нихъ ему полюбились особенно Шиллеръ и Гете. Для нихъ юноша забывалъ и школьныя занятія и даже внѣшній міръ. Часто мать, во время посѣщеній Будѣвиць, сидѣла у отворенной двери его комнатки за пряжею и любовалась своимъ сыномъ въ то время, когда послѣдній всѣмъ существомъ погружался въ чтеніе. Когда сидѣнье надоѣдало ему, онъ ходилъ къ рѣкѣ и здѣсь, прогуливаясь по скалистымъ берегамъ, декламировалъ что-нибудь изъ прочитаннаго, по временамъ—видоизмѣняя стихи, такъ что получалось нѣчто новое; иной разъ онъ садился на скалѣ, или гдѣ-нибудь въ пещеркѣ и, имѣя съ собою книгу, а также карандашъ и бумагу, описывалъ картины, которыя представлялись ему въ тѣ блаженныя для него минуты.

Въ Будѣвицахъ же судьба свела поэта съ человѣкомъ, который несомнѣнно имѣлъ весьма большое вліяніе на развитіе его поэтическаго таланта: это былъ Камарить, его соученикъ; сближенію ихъ способствовала страстная любовь того и другаго къ поэзіи. Живя на одной квартирѣ, они имѣли обыкновеніе выписывать изъ поэтическихъ произведеній особенно любимыя мѣста и цѣлыя стихотворенія; спящее сшивали въ одну тетрадь, такъ какъ, по своей бѣдности, не могли пріобрѣтать всѣхъ желаемыхъ книгъ, хотя часто покупали ихъ цѣною мучительнаго голода. Эти книги и тетради были самою сладкою пищею для друзей. Сошедшись послѣ разлуки, они читали одинъ другому все, что каждый находилъ новаго; тоже самое дѣлалось съ плодами ихъ собственныхъ попытокъ въ области литературы. Чешская литература того времени (начала втораго десятилѣтія нашего вѣка) была еще бѣдна и мало могла дать матеріала для чтенія. Книги, написанныя на чешскомъ языкѣ, имѣли мало читателей. Значительный запасъ чешскихъ стихотвореній Челяковскій и Камарить находили въ «Вѣнскихъ листахъ», издававшихся Яномъ Громадкою съ 1813 года въ Вѣнѣ. Въ этомъ изданіи, кромѣ статей частью легкаго, частью научнаго содержанія, помѣщались и стихотворенія, по большей части лирическія. Впрочемъ, пріятели не всегда были такъ дружны; частенько они заводили споры относительно предметовъ науки и изъ-за нихъ иногда по цѣлымъ днямъ не говорили другъ съ другомъ. Это однако не мѣшало имъ питать взаимную привязанность, продолжавшуюся и послѣ того, какъ они разстались (Челяковскій сперва перемѣнилъ мѣсто ученія, а затѣмъ избралъ не ту профессію, которой отдался Камарить). Доказательствомъ этой привязанности служатъ ихъ

письма другъ къ другу, которыя дышатъ самою теплою дружбою, хотя въ характерахъ авторовъ было много несходнаго: мягкость и уступчивость, почти женскія, въ натурѣ Камарита были противоположны шероховатости и упрямству Челяковскаго.

Семейныя обстоятельства заставили Челяковскаго перейти изъ Будѣвицкой гимназіи въ Писецкую. Въ послѣдней особенно благотворно подѣйствовалъ на поэта профессоръ Уле. Вотъ какъ самъ Челяковскій отзывается о немъ: »Въ Пискѣ Алоизъ Уле былъ въ 1816 и 1817 году моимъ учителемъ въ гуманитарныхъ наукахъ; до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю объ урокахъ, которые онъ давалъ намъ и, пока я живъ, остаюсь ему благодаренъ за то, что онъ былъ между первыми, которые пробудили во мнѣ любовь къ материнскому языку, обративъ мое вниманіе на его красоты и богатство«¹⁾. Этимъ, вѣроятно, можно объяснить то обстоятельство, что Челяковскій въ Пискѣ сталъ аккуратнѣе относиться къ своимъ школьнымъ занятіямъ, чѣмъ это было въ Страконицахъ и Будѣвицахъ. Въ Писецкой же гимназіи приобрѣлъ онъ основательныя свѣдѣнія по греческому и латинскому языкамъ, положивъ тѣмъ прочное начало своему классическому образованію.

Тому національному направленію въ развитіи нашего поэта, начало котораго было положено еще въ родительскомъ домѣ и въ Пискѣ поддержано Уле, способствовало въ весьма сильной степени знакомство съ Яномъ Властимиломъ Плянкомъ (1789—1865 г.), страконицкимъ столяромъ, горячимъ патриотомъ, искреннимъ любителемъ чешской поэзіи и театра и вообще »человѣкомъ необыкновенно образованнымъ«²⁾. Яковъ Мялый, который зналъ Плянка лично, съ восторгомъ отзывается объ этомъ »замѣчательномъ человѣкѣ«, свидѣтельствуя о важной роли, которую пришлось ему играть въ дѣлѣ развитія патриотизма среди чешскаго общества, особенно же среди молодежи. По словамъ Малаго, и въ Челяковскомъ онъ (Плянекъ) первый воспламенилъ искру патриотизма и любовь къ родному языку и народу, такъ что безъ Плянка едва-ли чехи имѣли-бы Челяковскаго. Дѣйствительно, Плянекъ вліялъ на Челяковскаго не только словомъ, но и дѣломъ. Библиотека Плянка, въ которой можно было найти все, что было тогда болѣе или менѣе цѣннаго въ чешской литературѣ, открылась для Челяковскаго. Съ жадностью принялся онъ читать чешскія книги. Въ числѣ ихъ были между прочимъ слѣдующія: »Собраніе стихотво-

¹⁾ Česká Věsta. 1835.

²⁾ Слав. Ежегод. 1877. 50—53.

реній и пѣсенъ»¹⁾), которое сильно подѣйствовало на поднятіе находившагося тогда еще въ зародышѣ народнаго движенія, и въ которомъ заключались произведенія болѣе чѣмъ 30 чешскихъ поэтовъ-патріотовъ: »Муза съ славянскихъ горъ«²⁾; »Чешскій Глашатай«³⁾ съ содержаніемъ частію литературно-поэтическимъ, частію научнымъ. Сошедшись съ Плянкомъ, Челяковскій оставилъ нѣмецкое стихотворство, въ которомъ началъ, было, упражняться.

Въ 1818 году Челяковскій перешелъ изъ Писка въ Прагу, чтобы предаться философскимъ студіямъ. Сюда прибылъ и Хмеленскій, съ которымъ поэтъ познакомился еще въ Будѣвицахъ. Хмеленскій вошелъ въ самыя сердечныя отношенія къ Челяковскому, такъ что послѣдствіемъ замѣнилъ для него Камарита.

Изъ пражскихъ профессоровъ благотворно подѣйствовалъ на Челяковского профессоръ философіи Бользано.⁴⁾ Но, говоря вообще, философскія занятія мало вліяли на развитіе Челяковского. Причиною этого былъ частію самъ Челяковскій, небрежно относившійся, какъ и его товарищи, къ лекціямъ профессоровъ, частію же сами послѣдніе: они не умѣли зрѣлыми мыслями, пріятнымъ и яснымъ изложеніемъ привлечь вниманіе своихъ слушателей. Къ тому же чешская молодежь была увлечена тогда идеями народности. На это время (первую четверть нашего столѣтія) падаютъ весьма важныя событія исторіи чешской литературы. 64-лѣтній Добровскій въ эту пору началъ издавать свою «Исторію чешской литературы». Вацлавъ Ганка (тогда 26 лѣтъ), въ своихъ «Древнихъ стихотвореніяхъ»⁵⁾, издалъ рѣдкія и важныя произведенія древнечешской литературы, что было какъ-бы дополненіемъ къ исторіи литературы Добровскаго. Тогда уже и славяне, равно какъ нѣмцы, и вообще всѣ образованные народы З. Европы, хорошо поняли, какое великое значеніе имѣетъ для развитія литературъ и, слѣдовательно, для народной жизни вызваніе древнихъ временъ изъ гробовъ народнаго забвенія. Нельзя также пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что къ описываемому же періоду (1817 г.) относится «открытіе» Вацлавомъ Ганкою надѣлавшей столько шуму краледворской рукописи. О силѣ тогдашняго патріотическаго воодушевленія въ Чехіи свидѣтельствуетъ и то, что многіе патріоты къ именамъ, даннымъ при крещеніи, стали прилагать другія, народныя имена. Такъ Челяковскій къ своему имени—Францискъ присоединилъ—Ладиславъ.

¹⁾ Прага. 1795.

²⁾ Изданіе Палковича. Вацовъ (Waitzen) 1802.

³⁾ Изданіе Яна Неѣдлага.

⁴⁾ Письма къ Камариту. 1821.

⁵⁾ Starobylá skládanie. 1817—1824 г.

Камарить назвалъ себя Властимиломъ, Поспишилъ имѣлъ прозвище Гоставита, Цигнеръ—Любослава, Реттигова—Добромилы.¹⁾ На характеръ Челяковскаго, въ высшей степени впечатлительномъ отъ природы, а также на его умственномъ развитіи и даже на направленіи его будущей дѣятельности, не могли не отразиться и указанные литературные факты и порожденное ими глубоко патріотическое настроеніе его современниковъ. Такимъ образомъ, чего не могла дать нашему поэту школа, то дала ему жизнь.

Другой годъ философскихъ занятій (fizika) Челяковскій хотѣлъ пройти въ Будѣвицахъ, куда онъ и переселился изъ Праги въ слѣдующемъ 1819 году. Къ этому побудили его съ одной стороны болѣе дешевая жизнь въ Будѣвицахъ, съ другой—надежда скорѣе получить мѣсто священника, къ чему въ это время онъ еще не потерялъ расположенія. Но увлеченный окончательно идеями патріотизма и создавая важность древней чешской литературы для воскрешенія чешской народности и для своего собственнаго развитія, онъ употреблялъ все свои старанія на отыскиваніе старыхъ чешскихъ книгъ, оставляя въ сторонѣ чтенія профессоровъ. При той бѣдности въ книгахъ на чешскомъ языкѣ, которую продолжала испытывать вся Чехія, эти старанія молодого патріота были тщетны. Погоня за старыми чешскими книгами причинила ему даже много непріятностей. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Ганушъ. Челяковскій однажды услышалъ случайно, что въ Будѣвицахъ, у каноника К., есть библіотека, богатая чешскими книгами, между которыми много древнихъ. Но онъ (Челяковскій) никакъ не могъ, не смотря на все свои усилія, воспользоваться этими книгами. Это было для него сущимъ мученіемъ. И вотъ нашъ библіофилъ входитъ въ близкія связи съ слугою названнаго каноника. Слуга взялся тайно доставлять своему пріятелю книги для чтенія изъ библіотеки своего господина. Нѣсколько времени дѣло шло удачно и Челяковскій принялся читать старыя книги, почерпая изъ нихъ все то, что для него казалось полезнымъ. Но однажды невѣрный слуга былъ задержанъ господиномъ въ то самое время, когда несъ Челяковскому «Постиллы» Яна Гуса. Тогда-то разразилась буря надъ головою бѣднаго любителя старыхъ книгъ. Челяковскому никто не хотѣлъ вѣрить, что такія книги онъ бралъ не по причинѣ ихъ религіознаго содержанія, а просто потому, что онъ были древни. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ оставить Будѣвицы. Послѣ недолгаго блужданія, Челяковскій явился въ томъ же 1819 году въ Линцъ, гдѣ имѣлъ

¹⁾ Сл. Е. 1877 стр. 44.

намѣреніе продолжать начатыя философскія студіи, чтобы годъ не пропалъ даромъ. Но это онъ могъ сдѣлать только въ 1820 году.

Было еще одно весьма важное обстоятельство, имѣвшее сильное вліяніе на взгляды Челяковскаго и на развитіе его поэтическаго таланта—это любовь къ народнымъ преданіямъ и особенно къ народнымъ пѣснямъ; она была не меньше привязанности его къ древнечешскимъ книгамъ. Собираніе народныхъ пѣсенъ и пословицъ было однимъ изъ самыхъ любимыхъ занятій Челяковскаго въ описываемый періодъ его жизни. Въ этомъ собираніи принималъ нѣкоторое участіе и Камаритъ. Естественность, простота и другія прелести этихъ пѣсенъ увлекали молодыхъ поэтовъ, и оба они употребляли всѣ старанія, чтобы придать такія же качества и своимъ пѣснямъ. Не разъ нашъ страстный поклонникъ народной поэзіи посылалъ Камариту подражательныя стихотворенія, выдавая ихъ за оригинальныя народныя и былъ весьма радъ, если ему удавалось обмануть своего друга. Послѣдній иногда покушался отплатить шутнику тѣмъ же, употребляя для фальсификаціи народныя слова и обороты; но Челяковскій съ удивительною легкостью психологическимъ анализомъ доказывалъ, что присланное произведеніе есть подлогъ. Въ Линцѣ въ одно время съ Челяковскимъ было нѣсколько словенцевъ; у нихъ Челяковскій практически научился югославянскимъ нарѣчіямъ и народнымъ пѣснямъ. Но онъ не забывалъ и литературу другихъ народовъ. Особенное вниманіе, во время пребыванія въ Линцѣ, какъ и прежде, онъ оказывалъ Шиллеру и Гете. Изъ англійскихъ поэтовъ его любимцемъ былъ Шекспиръ; Челяковскій горѣлъ желаніемъ прочитать его въ подлинникъ, чего и достигъ впоследствии, изучивъ англійскій языкъ. Вошедши здѣсь же въ близкія отношенія къ Клицперъ, брату чешскаго драматурга, сынъ котораго сдѣлался товарищемъ его по ученію, Челяковскій нашелъ возможность пользоваться богатою библіотекою Клицперы. Это привело его къ знакомству съ русскими книгами; онъ научился цѣнить новѣйшую русскую литературу, которая подѣйствовала сильно на двадцатилѣтняго юношу. Изъ русскихъ писателей особенною любовью Челяковскаго пользовался Карамзинъ.

Ко времени пребыванія въ Линцѣ относится его первая эксцентрическая рѣшимость отправиться въ Россію. 11 января 1820 года онъ писалъ Камариту: «я собираюсь въ Россію, а то такъ и къ самому двору царя. Читай газеты и увидишь, какъ Александръ, что ни выдается въ области знанія, привлекаетъ въ свою землю.» Это скороспѣлое рѣшеніе горячій поэтъ спѣшилъ привести въ исполненіе. 14 января того же года онъ уже обратился къ русскому послу при

Вѣнскомъ дворѣ, графу Головнину, съ письменнымъ заявленіемъ о своемъ желаніи «служить русскому народу,» прося вмѣстѣ съ тѣмъ и о выдачѣ пропускнаго листа въ Россію. Какой отвѣтъ получилъ нашъ руссофилъ изъ Вѣны, въ точности неизвѣстно. Но 15 марта того же года онъ пишетъ: «Изъ Вѣны я получилъ бумагу. Но замыселъ мой рушился¹⁾.»

Линцъ, въ которомъ Челяковскій жилъ по неволѣ, сильно не нравился ему; его манила Прага. Теперь уже, повидимому, онъ начинаетъ испытывать тѣ тягостныя состоянія, которыя неоднократно посѣщали его впослѣдствіи, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Состоянія эти отразились въ его письмахъ и во многихъ стихотвореніяхъ: то онъ сильно тоскуетъ по Прагѣ, говоря, что въ Линцѣ «видитъ себя окруженнымъ медвѣдями и волками», называя себя злополучнымъ Овидіемъ, Прагу—Римомъ, Будѣвицы—Брундизиумомъ, а Линцъ—Томами²⁾, то опять выражаетъ боязнь предъ отправленіемъ въ Прагу и какія-то недобрыя предчувствія, то изливаетъ жалобы на какія-то тяжкія препятствія, лежащія на его жизненномъ пути, то наконецъ отчаивается за все челоѳчество... Одно письмо онъ оканчиваетъ такими словами: «Радъ бы еще писать—не могу! Я долженъ выражаться кратко: не знаю что сегодня со мною»³⁾. Эти припадки меланхоліи, вѣроятно, имѣли своею причиною нервное разстройство, которое въ свою очередь могло произойти отъ того, что Челяковскій, черезчуръ увѣренный въ своихъ физическихъ силахъ, просиживалъ по цѣлымъ ночамъ за занятіями.

Пребываніе Челяковского въ Линцѣ однако не было безплодно для его научнаго развитія. Особенно цѣнилъ онъ профессора Вейса, отъ котораго «одного ему удалось узнать, что такое историческая наука» (письмо отъ 14 Іюня 1820 года).

Мрачное настроеніе оставило Челяковского, когда ему удалось наконецъ снова поселиться въ Прагѣ. По прибытіи сюда, онъ взялся за воспитаніе пятерыхъ дѣтей въ семействѣ братьевъ Пресловцевъ. Не смотря на трудности, сопряженныя съ воспитательскимъ дѣломъ, Челяковскій все таки находилъ возможность и время продолжать свои научныя занятія и въ 1821 г. упражнялся сверхъ того въ музыкѣ. Вмѣстѣ съ этими занятіями онъ внимательно слѣдилъ за явленіями въ области чешской литературы: онъ дивился и радовался быстрому ея оживленію. Іосифъ Юнгманъ представлялся ему образцомъ высокаго

¹⁾ Письма къ Камариту.

²⁾ Ibid. 1819.

³⁾ Hanuš. Život a působení Fr. L. Čelakovského.

совершенства. Еще въ ноябрѣ 1820 года онъ писалъ: «Ежедневно я восклицаю: только одна Прага, и въ ней только одинъ Юнгманъ»¹⁾. Не мало также онъ радовался трудамъ Ганки въ области славистики, также успѣхамъ прекраснаго современника «Шагъ» (Krok), который былъ центральнымъ органомъ всѣхъ тодгашнихъ интеллигентныхъ силъ Чехіи (1821—1840). Обо всѣхъ явленіяхъ въ области чешской литературы Челяковскій весьма аккуратно сообщалъ и своимъ друзьямъ, жившимъ вдали отъ Праги.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе произвело тогда на Челяковскаго, какъ и многихъ другихъ, обнаруженіе «Краледворской рукописи». Быстро развившаяся наука славяновѣдѣнія возбуждала интересъ Челяковскаго и отвлекала его отъ философскихъ занятій, съ которыми онъ до сихъ поръ не успѣлъ покончить: все почти время употреблялъ онъ на занятія славянщиною и особенно русскимъ языкомъ. Обращено было вниманіе Челяковскимъ и на сравнительное языкознаніе²⁾. По взаимному соглашенію Камаритъ и Челяковскій еженсдѣльно посылали другъ другу свои оригинальныя произведенія для оцѣнки. Среди такихъ занятій наступилъ наконецъ и для Челяковскаго послѣдній годъ философскихъ студій, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ новаго періода жизни поэта (1822—1831). Этотъ годъ для него былъ временемъ, въ которое онъ долженъ былъ подумать о своей будущности, выбрать себѣ ту или другую жизненную дорогу. Тутъ-то съ особенною силою обнаружился нерѣшительность и непостоянство характера Челяковскаго. Задумевшимъ желаніемъ матери его, какъ видно изъ выше сказаннаго, было видѣть сына въ духовномъ санѣ, къ чему сначала и самъ онъ готовился. Но случай съ деканомъ въ Будѣвицахъ такъ сильно подѣйствовалъ на его крайне впечатлительную натуру, что послѣ него Челяковскій не хотѣлъ и слышать о духовномъ званіи. Въ январѣ 1821 года Камаритъ пытался склонить своего пріятеля къ выбору духовнаго званія, которое для него самого (Камарита) было завѣтною цѣлью, но получилъ такой отвѣтъ, что потерялъ всякую надежду видѣть Челяковскаго ксендзомъ. Но выборъ и другой карьеры казался ему въ высшей степени затруднительнымъ. Колебаніямъ его не было конца: ему хотѣлось посвятить свою жизнь то литературѣ, то профессурѣ, то снова думалъ онъ о священствѣ, то наконецъ опять замышлялъ отправиться въ Россію³⁾. Но и стремленіе Челяковскаго на Русь встрѣчало постоянно какія-то препятствія. Даже

¹⁾ Hanuš. Život.

²⁾ П. къ К. 1821. Hanuš.

³⁾ Hanuš.

его поѣздка въ Вѣну, для того, чтобы лично хлопотать въ русскомъ посольствѣ о принятіи на русскую службу, окончилась ничѣмъ. Впрочемъ эти неудачи нисколько не охладили Челяковского къ занятіямъ славянскими нарѣчіями. Предметомъ этихъ занятій былъ церковнославянскій языкъ и живыя славянскія нарѣчія; изучалъ онъ также литовскій и даже готскій языки. Руководствомъ по церковнославянскому служила для него грамматика Добровскаго. Вообще изученію филологіи Челявскій въ это время (1822 г.) предался съ особеннымъ усердіемъ¹⁾. Не оставлялъ онъ изученія и западныхъ литературъ, напри- мѣръ, занимался переводомъ нѣкоторыхъ произведеній Петрарки, читалъ Руссо; особенно же привлекалъ его Гердеръ, который пользовался расположеніемъ Челяковского за то, что, будучи космополитическихъ убѣжденій, относился къ славянамъ не съ такою нетерпимостью, какъ другіе нѣмцы.

Во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Челяковского въ описываемый періодъ времени произошло мало перемѣнъ. 1821 года онъ оставилъ свою воспитательскую должность, которая стѣсняла его свободу и мѣшала занятіямъ по славяновѣднію. Средства къ жизни онъ добывалъ уроками. Вскорѣ однакожь увидѣлъ себя вынужденнымъ опять вступить въ должность воспитателя. На этотъ разъ онъ поступилъ въ домъ совѣтника Ледвинки изъ Адлерфельса, гдѣ оставался до 1828 года. Къ этому времени относится личное знакомство Челяковского съ Юнгманномъ и другими учеными. Юнгманнъ всегда давалъ ему знать, когда кто нибудь изъ славянскихъ знаменитостей былъ въ Прагѣ. Такимъ способомъ Челявскій познакомился съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, Бродзинскимъ, Кухарскимъ и другими.

1824 года случилось обстоятельство, которое сильно поразило поэта и имѣло вліяніе какъ на его личную жизнь, такъ и на характеръ нѣкоторыхъ его произведеній: то была смерть отца (72 лѣтъ отъ роду), которая послѣдовала 3 ноября этого года. Чувство признательности къ покойному родителю поэтъ выразилъ въ письмѣ къ неизмѣнному Камариту. «Если я могу похвалиться чѣмъ нибудь хорошимъ, пишеть онъ, то ему (отцу) за это долженъ быть благодаренъ: въ его твердыхъ мозоляхъ получила зарожденіе и возрастъ лучшая часть моего существованія»²⁾. Нужно припомнить глубокопечатлительную картину нашего поэта, чтобы судить о силѣ того горя, которое поразило его вслѣдствіе такой потери. Вѣроятно, это горе, бывшее поводомъ къ возвращенію меланхолическаго настроенія, было причиною того,

¹⁾ Hanuš.

²⁾ Hanuš.

что въ это время Челяковскій оказывалъ много вниманія вину: это выразилось и въ стихотвореніяхъ, относящихся къ описываемому періоду его жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ гимны вину. Таковы: «Какъ вино, какъ вода», «Цвѣтъ жизни», «Что не проходитъ?» (1825). Душевное спокойствіе рѣдко возвращалось къ нему. Одна изъ счастливыхъ минутъ поэта отразилась въ стихотвореніи «Похвала Виту», въ которомъ онъ прославляетъ душевное спокойствіе въ лицѣ «Вита». Въ томъ же (1825 г.), въ которомъ написано указанное стихотвореніе, начались припадки той болѣзни, которая впоследствии была причиною его смерти, хотя она не помѣшала поэту прожить еще болѣе 25 лѣтъ. Къ давно посѣщавшему его первому разстройству присоединилась ревматическая боль въ костяхъ. Челяковскій долженъ былъ по совѣту врачей, отправиться въ Теплицы. Здѣсь онъ почувствовалъ облегченіе, но, по возвращеніи оттуда, опять не зналъ спокойствія; по временамъ приходилось ему испытывать невыносимую тоску. Письма его, относящіяся къ 26 году, отличаются самымъ унылымъ тономъ. Въ припадкѣ меланхоліи онъ уже думаетъ о смерти: «Если я умру, пишетъ онъ въ письмѣ, относящемся къ началу января указанного года, то изъ темнаго подземелья или съ яснаго ваднебесья буду писать тебѣ»... Но затѣмъ, какъ бы ободряя себя, поэтъ продолжаетъ: «однако оставимъ это, до того времени далеко еще: я еще не думаю *ad patres*»¹⁾. Вотъ еще нѣсколько выдержекъ изъ писемъ, писанныхъ въ сентябрѣ и ноябрѣ того же года: »Въ моихъ письмахъ ты хочешь видѣть меня среди моихъ обстоятельствъ? Ну, представь себѣ человѣка среди самой обыденной обстановки—какъ вчера, такъ и сегодня недовольнаго ни собою, ни свѣтомъ (чтобы не сказать больше), человѣка, который ясно видитъ слабость своего духа и сердца и не имѣетъ надежды на лучшіе дни»...²⁾ Ноябрьское письмо дышетъ положительнымъ отчаяніемъ: «Для меня прекрасная осень этого года прошла печально; одно занятіе ради насущнаго хлѣба неприятно: такъ дешево человѣкъ долженъ продавать дорогое время! Печально другъ, печально мое положеніе, еще никогда не было во мнѣ такого малодушія какъ теперь»... Смерть ему казалась освободительницею отъ этого положенія: «Что собственно со мною было, я не знаю; никогда не испытывалъ подобнаго, а потому не могу ни описать вполне то чувство, ни дать какое нибудь понятіе о немъ. Не дай Богъ многократно испытывать это, особенно въ неблагопріятное время и при неблагопрі-

¹⁾ Hanuš.

²⁾ Hanuš.

ятныхъ обстоятельствахъ. Повѣрь мнѣ другъ мой! что всякаго чело-
вѣка, который въ такія мгновенія прекратилъ бы мою жизнь, слѣдо-
вало бы признать невиннымъ¹⁾». Приведенныхъ строкъ достаточно для
того, чтобы изобразить невыносимыя душевныя страданія поэта.

Но уже въ 1828 году мучительное состояніе души его измѣни-
лось къ лучшему, какъ это можно видѣть изъ стихотворенія «Будь
воля твоя²⁾»: въ немъ не видно того безнадежнаго отчаянія, не слышно
воплей, которыми наполнены письма предъидущихъ лѣтъ и особенно
1826 г.; напротивъ, видна покорность волѣ Божіей, примиреніе со
своимъ состояніемъ и даже нѣкоторое спокойствіе. Причину этого слѣ-
дуетъ искать можетъ быть, во внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя
съ начала 1827 года стали слагаться для поэта благопріятнѣе преж-
няго. Пражская духовная консисторія, зная основательное знакомство
Челяковскаго съ чешскимъ языкомъ, предложила ему мѣсто коррек-
тора и подредактора журнала, который началъ выходить съ 1826 года,
подъ заглавіемъ «Временникъ для католическаго духовенства,» а также
поручила ему сдѣлать переводъ сочиненія блаженнаго Августина «De
civitate dei» («о царствѣ божіемъ»), которое по частямъ должно было
печататься въ упомянутомъ журналѣ. Хотя вознагражденіе за эти
труды было не особенно значительно, однако оно дало ему возмож-
ность освободиться, въ маѣ 1829 г., отъ тяжелой обязанности воспита-
теля пяти юношей, которую онъ исполнялъ въ теченіе семи лѣтъ. Че-
ляковскій при этомъ питалъ надежду, что новое занятіе оставитъ
ему больше свободнаго времени, чѣмъ прежде. Нельзя не упомянуть ми-
моходомъ, что, не смотря на многочисленность занятій, Челяковскій
читалъ еще книги юридическаго и политическаго содержанія, что съ
одной стороны способствовало всесторонности развитія поэта, съ дру-
гой служило облегченіемъ для редакторской дѣятельности, за которую
онъ взялся не много времени спустя. 1829 годъ важенъ въ жизни Че-
ляковскаго особенно тѣмъ, что въ это время вышелъ въ свѣтъ сбор-
никъ его замѣчательныхъ стихотвореній, извѣстный подъ названіемъ
«Отголоска русскихъ пѣсень», окончательно утвердившій Челяковскаго
въ мысли о его литературномъ призваніи и поставившій его на ря-
ду съ лучшими писателями не только чешскими, но и вообще сла-
вянскими.

Въ 1830 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Петербургская академія наукъ
прислала Ганкѣ, Шафаріку и Челяковскому приглашеніе переселиться
въ Россію, для устройства бібліотеки и составленія всеславянскаго

¹⁾ Hanuš.

²⁾ Spisů básnických knihy šestery str. 230.

словаря. При этомъ (какъ видно изъ письма Челяковского Плянгу) Ганкъ и Шафарику предлагали годового жалованья по 4000 рублей. Челяковскому—3000, съ обязательствомъ обратить это жалованье въ пенсію, по выслугѣ 20 лѣтъ; обѣщано имъ было также дворянское достоинство и чины: Ганкъ надворнаго совѣтника, а Шафарику и Челяковскому коллежскихъ ассессоровъ. Сверхъ того Челяковскому предложено было предпринять на счетъ русскаго правительства съ научною цѣлью путешествіе по русскимъ областямъ Угрии и Польши. Удивительно, что Челяковскій принялъ эти предложенія не съ такою готовностью, какой можно было ожидать отъ него, судя по его прежнимъ порывамъ отправиться на Русь! Изъ письма къ Камариту, касающагося упомянутаго приглашенія, видимъ, что онъ отнесся къ послѣднему съ чисто практической точки зрѣнія. Передавъ слухъ, что Ганка имѣетъ намѣреніе принять предложеніе русскаго правительства (которое официально еще не было сдѣлано), Челяковскій, казавшійся прежде неисправимымъ мечтателемъ, продолжаетъ: «Если бы я былъ на мѣстѣ Ганки и имѣлъ такіе доходы, какъ онъ, я не сдѣлалъ бы этого»¹⁾. Переселеніе пражскихъ ученыхъ въ Россію не состоялось вслѣдствіе ихъ колебаній и нерѣшительности.

Для поправленія здоровья, разстроенаго усиленными работами. Челяковскій въ томъ же (1830 г.) отправился въ дорогія Страконицы. Пребываніе здѣсь имѣло весьма большое значеніе для его жизни: оно послужило началомъ его семейнаго, хотя и кратковременнаго, счастья. Въ Страконицахъ, Челяковскій познакомился съ Маріей Вентою, на которой впоследствии женился. Поэтическимъ выраженіемъ его внутренняго счастья въ эту пору служатъ 13 сонетовъ, озаглавленныхъ первоначально «Ватавскія воспоминанія» и вошедшихъ потомъ въ «Столистую розу». Послѣ сладкихъ каникулъ наступила горькая для Челяковскаго осень: по возвращеніи изъ Страконицъ въ Прагу, онъ опять встрѣтился тутъ съ холодною дѣйствительностью и обманутыми надеждами (отправиться въ Россію). Къ этому присоединилась смерть его пріятельницы Маріи Антоніи, урожденной Педаловой, патриотки, которая для него и Камарита занимала мѣсто матери. Этими обстоятельствами объясняется мрачное настроеніе, которое отражается въ письмахъ Челяковскаго писанныхъ въ 1830, 1831 и 1832 годахъ. «Жалкая жизнь!» восклицаетъ онъ (п. отъ 11 декабря 1830 года): «Какая жизнь? Ужели можно назвать жизнью это мучительное прозябаніе изо дня въ день».

¹⁾ Нануѣ.

Не имѣя возможности достигнуть профессуры въ отечествѣ и терпя крайнюю нужду, Челяковскій рѣшилъ было, какъ видно изъ письма къ Шемберѣ отъ 28 декабря 1832 года, на собственный счетъ отправиться въ Россію. Это намѣреніе было оставлено, благодаря тому обстоятельству, что нѣкоторые изъ патріотовъ, желая сохранить для отечества такого дѣятеля, изобразили тяжкое положеніе Челяковскаго въ матеріальномъ отношеніи и заслуги, оказанныя имъ отечеству, передъ княземъ Рудольфомъ Кинскимъ, президентомъ Чешской матицы въ Прагѣ. Кинскій назначилъ ему годовую пенсію. Благодарность Челяковскаго выразилась въ томъ, что онъ написалъ нѣсколько (4) пѣсень, въ которыхъ прославляетъ родъ Кинскихъ. Первымъ дѣломъ Челяковскаго, по полученіи пенсіи, было оказаніе помощи старой матери: въ августѣ 1831 года онъ вызвалъ ее къ себѣ въ Прагу.

Считая пенсію достаточною для обезпеченія себя и матери, Челяковскій отказался отъ подредакторства и корректуры богословскаго временника, которыми онъ занимался съ 1828 года¹⁾. Впрочемъ онъ докончилъ переводъ Блаженнаго Августина (въ 1833 году).

Въ 1831 и 1832 годахъ Челяковскій занимался лужицкими нарѣчійми и участвовалъ въ изданіи «Часописи чешскаго музея», хотя неизвѣстно, какую роль онъ игралъ при этомъ. Въ началѣ 1833 года умеръ его вѣрный другъ Камаритъ. Наиболѣе близкими сердцу поэта теперь остались Хмеленскій и Винаржицкій, изъ которыхъ перваго онъ называетъ своимъ милымъ «пѣвцомъ», одареннымъ богатыми чувствами («Столистая роза»)²⁾, другомъ, которымъ онъ «награжденъ въ полной мѣрѣ и даже перенагражденъ» за потерю Камарита³⁾. Любовь къ Хмеленскому излита поэтомъ въ элегіи «У гроба Іосифа Хмеленскаго» въ январѣ 1839 года (годъ смерти Хмеленскаго).

Публицистическая дѣятельность, начавшаяся съ 1834 года, совершенно обезпечила Челяковскаго въ матеріальномъ отношеніи; поэтому онъ рѣшился обзавестись семьей. Выборъ подруги жизни былъ сдѣланъ (какъ видно изъ предъидущаго) уже давно. «Мои обстоятельства», пишетъ онъ своему будущему тестю, получили лучшій оборотъ... мои средства достаточны на столько, что мы съ дрожайшею Маріею будемъ ограждены отъ нужды и недостатка. Я поэтомъ рѣшилъ праздновать 2 февраля (1834 г.) нашу свадьбу⁴⁾. Дѣйствительно, 2 января

¹⁾ Hanuš.

²⁾ Růže stolistá III.

³⁾ Письма къ Хмеленскому. 1836 г.

⁴⁾ Hanuš.

послѣдовало обрученіе, а 2 февраля бракъ. Въ томъ же году 29 ноября у него родился сынъ, который былъ названъ Ладиславомъ.

Къ семейному счастью присоединились успѣхи по профессіи. Челяковскій былъ приглашенъ въ Пражскій университетъ преподавателемъ чешскаго языка и словесности, на мѣсто умершаго 1835 г. 31 декабря профессора Неѣдлаго. Послѣ этого Челяковскому не трудно было добиться и настоящей, столь желанной профессуры. Теперь многлѣтняя хандра какъ будто начинала покидать его.

Но счастье поэта было непродолжительно. Причиною этого былъ недостатокъ сдержанности и такта въ выраженіи мыслей и чувствъ. Челяковскій во все время возстанія поляковъ (1830 г.), державшій сторону русскихъ, вдругъ измѣнилъ свои воззрѣнія. Это случилось послѣ того, какъ Императоръ Николай Павловичъ весьма сурово принялъ адресъ поляковъ о вѣрноподданствѣ. Челяковскій забылся до того, что въ своемъ изданіи сравнивалъ русскаго царя съ монгольскимъ ханомъ. О такомъ оскорбленіи царствующей особы было доведено до свѣдѣнія вѣнскаго правительства русскимъ посломъ при вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ. Слѣдствіемъ этого было устраненіе Челяковскаго отъ редакторства и даже отъ преподавательства, что равнялось лишенію его всякихъ средствъ къ жизни. Послѣ этой катастрофы начинается для Челяковскаго цѣлый рядъ неудачъ и разочарованій. Лишившись надежды на профессорскую кафедру, къ которой онъ стремился всѣми силами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ отказаться отъ мечты обезпечить себѣ навсегда вѣрный кусокъ хлѣба. Въ Прагѣ, правда, ходили слухи, будто русскій императоръ самъ выразилъ желаніе передъ вѣнскимъ дворомъ, чтобы Челяковскому была возвращена кафедра; но эти слухи не оправдались. Между тѣмъ, частные уроки не могли дать средствъ къ жизни даже для одного Челяковскаго, не говоря уже о семьѣ, которая еще увеличилась 22 декабря 1836 г. дочерью Людмилою. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ и нравственную, и матеріальную поддержку поэтъ получалъ отъ своихъ друзей, знакомыхъ и вообще отъ чешскихъ патріотовъ. Самое горячее участіе въ его несчастіяхъ принималъ Хмеленскій. Оказывая помощь Челяковскому, послѣдній самъ нерѣдко подвергался непріятностямъ. Болѣе далекіе отъ поэта патріоты, иногда лица довольно высокаго положенія, нѣсколько разъ въ своей средѣ тайно устраивали сборы въ пользу бѣдствующаго Челяковскаго и собранныя деньги передавали ему также тайнымъ образомъ. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ Челяковскій сообщаетъ въ письмѣ къ Хмеленскому. Онъ рѣшилъ продать уже библіотеку, чтобы не умереть съ голоду; но вдругъ получаетъ черезъ архіепископскую типографію

запечатанный пакетъ, въ которомъ оказываются деньги¹⁾). Не мало способствовалъ поправленію обстоятельствъ Челяковскаго и князь Рудольфъ Кинскій, который не только не отнималъ назначенной ему пенсіи до своей смерти, но еще устроилъ такъ, что Челяковскій завѣдывалъ княжескою бібліотекою, за что получалъ порядочное содержаніе. Такое вспомошествованіе было необходимо для Челяковскаго, потому что семья его увеличилась еще двумя дочерьми, изъ которыхъ одна родилась 1838 г. 25 ноября и названа Людовикою²⁾, другая 1840 г. 6 января и получила имя Маріи.

Челяковскій все еще не терялъ надежды получить профессуру въ Пражскомъ университетѣ и потому принялъ участіе въ конкурсѣ, назначенномъ послѣднимъ для замѣщенія каѳедры славяновѣдѣнія. Но конкурсъ оказался для него неудачнымъ: каѳедра была занята Коубкомъ (1840—1855). Не удалось Челяковскому также получить и должность бібліотекаря при бібліотекѣ Пражскаго университета.

Въ семьѣ Челяковскаго было также несовѣмъ благополучно: въ 1839 году заболѣла его мать, а въ слѣдующемъ, 26 августа, она скончалась (70 лѣтъ отъ роду). Если припомнить, что въ 39 же году Челяковскій лишился въ Хмеленскомъ лучшаго своего друга, то станетъ понятно, почему старый душевный его недугъ воротился и достигъ высшей степени.

Мечта Челяковскаго сдѣлаться профессоромъ наконецъ сбылась: съ 1841 по 1849 г. онъ профессорствовалъ во Вратиславлѣ (Breslau), а остальные три года своей жизни (до 1852 г.) въ родной Прагѣ. Толчекъ, данный языковѣдѣнію изслѣдованіями Боппа, былъ причиною того, что въ Берлинѣ и Вратиславлѣ была учреждена каѳедра славистики. Въ Берлинѣ прусское правительство пригласило знаменитаго Шафарика, а во Вратиславль Челяковскаго. Но, такъ какъ со стороны Шафарика послѣдовалъ отказъ на это приглашеніе, то Челяковскому былъ предоставленъ выборъ между Берлиномъ и Вратиславлемъ. Челяковскій, по обыкновенію, сначала не зналъ, на что рѣшиться, но въ концѣ концовъ отправился во Вратиславль. Королевскимъ приказомъ отъ 16 марта 1842 года онъ былъ утвержденъ въ профессорствѣ, а 10 мая того же года былъ уже на мѣстѣ, во Вратиславлѣ. Первоначально здѣсь Челяковскій имѣлъ не болѣе четырехъ-пяти слушателей. «Во Вратиславлѣ, писалъ онъ Станьку, своему старому другу, почва

¹⁾ Hanuš.

²⁾ Ibid.

для славянскаго дѣла весьма плоха; она никакихъ плодовъ не обѣщаетъ¹⁾». Во всякомъ случаѣ, достигши желанной цѣли, Челяковскій нѣсколько успокоился, по крайней мѣрѣ, такъ можно думать на основаніи письма Фр. Палацкаго къ поэту-профессору. «Миѣ извѣстно», говоритъ Палацкій въ этомъ письмѣ, «что духъ вашъ укрѣпился и приобрѣлъ больше спокойствія²⁾». Нужно думать, что самое участіе, которое принимали въ Челяковскомъ такіе люди, какъ Палацкій, Юнгманнъ³⁾, служило для него немаловажною нравственною поддержкою среди новыхъ необычныхъ для него и трудныхъ обстоятельствъ. Обстоятельства эти (по крайней мѣрѣ внѣ-семейныя) начали клониться къ лучшему. Своимъ открытымъ характеромъ, не знавшимъ кривды, онъ привлекъ къ себѣ какъ Вратиславльскихъ ученыхъ, такъ и студентовъ, благодаря чему выигрывали и его чтенія. Успѣху послѣднихъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ помогало практическое знакомство Челяковскаго съ новыми славянскими нарѣчіями.

Но благополучіе это касалось только его служебнаго и общественнаго положенія. Въ семейной же жизни онъ былъ далеко не счастливъ. Вотъ въ какомъ видѣ является его частная жизнь во Вратиславлѣ. 1843 года 30 марта родилась у него дочь Гедвига; но 19 апрѣля того же года умерла. Остальные члены семьи переболѣли, не исключая и жены, которая и скончалась 27 апрѣля 1844 года. Смерть жены была весьма тяжелымъ ударомъ для Челяковскаго, тѣмъ болѣе, что на его попеченіи осталась большая семья. Послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и было причиною того, что Челяковскій женился въ слѣдующемъ же году въ другой разъ, хотя онъ такъ сильно любилъ первую жену, что не могъ забыть ее такъ скоро. Неудивительно, что при такихъ семейныхъ обстоятельствахъ и удачи по службѣ не воротили ему физическаго здоровья и душевнаго спокойствія: и то и другое измѣнилось къ худшему⁴⁾. 1844 г. онъ высказываетъ уже раскаяніе въ томъ, что оставилъ Прагу; тоже самое повторяетъ и въ 1846 году⁵⁾.

¹⁾ Hanuš.

²⁾ П. Фр. II. къ Ч. Ibid.

³⁾ Онъ также почтилъ поэта письмомъ, полнымъ сердечнаго участія въ его положеніи и самыхъ лестныхъ отзывовъ о «необычайныхъ свойствахъ его духа и утѣшительныхъ плодахъ этихъ свойствъ, по причинѣ которыхъ онъ (Юнгманнъ) съ перваго-же знакомства «съ Челяковскимъ» не могъ не имѣть вѣры, надежды и любви къ нему».

⁴⁾ Hanuš.

⁵⁾ Ibid.

Только поѣздка въ дорогу ему Чехію иногда нѣсколько освѣжала его. Большимъ утѣшеніемъ для Челяковскаго были недѣльные бесѣды, которыя устраивалъ во Вратиславлѣ профессоръ Пуркина, весьма любезно принимавшій всѣхъ славянъ, заѣзжавшихъ туда по какому нибудь случаю.

Второй бракъ Челяковскаго состоялся 1845 года 2 апрѣля съ Антонією Рейсовою, съ которою онъ коротко познакомился еще въ 1844 году во время посѣщенія имъ Праги¹⁾. Этотъ бракъ нѣсколько утѣшилъ его и, казалось, подалъ надежду на новое счастье, какъ это видно изъ письма къ Плянку, въ которомъ Челяковскій восторженно отзывается о горячемъ патриотизмѣ своей »Тонички« и говоритъ о воротившемся семейномъ счастьѣ²⁾. Новыя обстоятельства нѣсколько поддержали душевное спокойствіе поэта: въ 1849 году Австрійское правительство пригласило его въ Пражскій университетъ для занятія кафедры славянскихъ нарѣчій и литературъ³⁾, такъ что послѣдніе годы жизни ему пришлось провести въ желанной Прагѣ. 17 іюня 1849 года онъ получилъ увольненіе отъ прусскаго правительства, 6 августа былъ уже въ Прагѣ, откуда писалъ Плянку 16 числа того же мѣсяца: »Я въ Прагѣ! и больше говоритъ вамъ нѣтъ нужды«⁴⁾. Конецъ 49 и весь 50 годъ Челяковскій прожилъ повидимому въ совершенномъ спокойствіи. »Я здѣсь въ отечествѣ далеко покойнѣе, чѣмъ это было на чужбинѣ«, пишетъ онъ Плянку 14 мая 1850 года⁵⁾. Но воротившееся счастье было мимолетно. Челяковскій, успокоенный нѣсколько возвращеніемъ на родину, чего онъ такъ желалъ, началъ сильно чахнуть; его силы уменьшались почти съ каждымъ днемъ. Въ Прагѣ свѣтъ казался ему такимъ же скучнымъ, какъ и во Вратиславлѣ. Уже въ самомъ началѣ 1851 года письма его принимаютъ такой же тонъ, какимъ они отличались въ 20-хъ годахъ. Такъ въ одномъ письмѣ, писанномъ въ январѣ сказаннаго года, онъ жалуется на то, что и въ общественной жизни для него нѣтъ утѣшенія; что всѣ, какъ волки, глядятъ куда-то въ лѣсъ,—что семью его посѣщаютъ несчастья (болѣзнь жены); далѣе онъ высказываетъ мрачныя предчувствія на счетъ будущаго и наконецъ (по обыкновенію) раскаивается въ томъ, что

¹⁾ Отъ этого брака у Челяковскаго было трое дѣтей: Яроміръ (1846), Богуславъ (1843) и Анна (1852).

²⁾ Hanuš.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

возвратился изъ Пруссіи...¹⁾ Жена его заболѣла еще во Вратиславѣ: переѣздъ въ Прагу какъ будто благотворно подѣйствовалъ на нее, но послѣ рожденія дочери Анны, которая скоро умерла, болѣзнь Антоніи еще болѣе усилилась, и 2 мая 1852 года она скончалась. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, терпя такія утраты, будучи немощенъ и тѣломъ и душою, Челяковскій выражалъ непріязнь ко всему свѣту. Пѣвучія нѣкогда уста его теперь совсѣмъ умолкли. »На солицѣ только цвѣтеть посвященный музамъ подсолнышникъ!« говоритъ поэтъ въ одномъ своемъ произведеніи. Чтобы нѣсколько поразвлечься, Челяковскій вздумалъ устроить у себя недѣльные бесѣды, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать во Вратиславѣ. Для этого въ извѣстные часы къ нему собирались самые близкіе пріятельи. Но скоро эти бесѣды прекратились; некому было одушевить ихъ. Ботаническія прогулки, которыя поэтъ такъ любилъ во Вратиславѣ, онъ дѣлалъ только по ближайшимъ окрестностямъ Праги. Единственною утѣхою его служили по прежнему научныя занятія; но эти занятія окончательно подрывали его, и безъ того слабыя, физическія силы. Какъ слабъ онъ былъ уже въ іюнѣ 1852 года, видно изъ того, что, отправившись однажды на прогулку въ окрестности Праги, онъ уже не могъ воротиться оттуда пѣшкомъ и 25 іюня, какъ самъ записалъ въ календарѣ. »слегъ«. Болѣзнь явилась у него совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ она посѣщала его во Вратиславѣ. Она не давала ему возможности ни полежать удобно, ни выспаться спокойно. Самые лучшіе пражскіе доктора не могли помочь разслабленному поэту. Считаая эту болѣзнь, какъ и прежнюю, за ревматизмъ, Челяковскій надѣялся еще оправиться отъ нея. Но эта надежда окончательно исчезла 25 іюня, и онъ сталъ думать объ окончательныхъ распоряженіяхъ по семьѣ. Прежде всего у него явилось странное желаніе сжечь всѣ оставшіеся не изданными труды и письма, и только долгія пріятельскія убѣжденія отклонили его отъ этого намѣренія. Онъ отказалъ свое литературное достояніе своему сыну Ладиславу съ условіемъ ничего не печатать подъ его именемъ. 3 августа онъ былъ напутствованъ пріобщеніемъ святыхъ таинъ, а 5-го въ совершенномъ спокойствіи, скончался въ 6 часовъ вечера²⁾. На погребеніе его стеклось множество пражскихъ жителей, которые необозримою толпою, съ непокрытыми головами, сопровождали гробъ поэта. Для оставшихся послѣ него дѣтей австрійское правительство положило годовую пенсію за благотворную дѣятельность Челяковского на педагогическомъ поприщѣ.

¹⁾ Hanuš.

²⁾ Ibid.

Основными свойствами характера Челяковского были—глубокая впечатлительность, страстность и вытекающая отсюда способность къ крайностямъ, склонность съ одной стороны къ меланхоліи, съ другой къ веселому юмору и къ сарказму, непостоянство, необдуманность въ словахъ и дѣйствіяхъ, нерѣшимость. Этими чертами объясняются многіе факты его частной и общественной жизни, а также направленіе его дѣятельности. Укажемъ нѣсколько изъ такихъ фактовъ, соблюдая при этомъ возможную краткость въ изложеніи тѣхъ обстоятельствъ жизни поэта, которыя уже изложены въ біографіи.

Чтобы судить о степени чувствительности Челяковского, достаточно припомнить, какъ сильно подѣйствовали на него исторія съ Будѣвицкимъ каноникомъ, женитьба на Маріи Вентъ, смерть отца и матери, а также обѣихъ женъ. Всѣ эти событія отражались и на личной жизни поэта, и на литературной его дѣятельности. Доказательствомъ впечатлительности и страстности Челяковского служатъ его отношенія къ Ганкѣ, Палацкому, Камариту, Хмеленскому и друг. Въ этихъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе обнаруживаются тѣ крайности, въ которыя обыкновенно впадаютъ натуры очень впечатлительныя и страстныя, неспособныя къ умѣренности, къ «золотой срединѣ»: такія натуры или вполнѣ любятъ, или вполнѣ ненавидятъ, хотя и любовь и ненависть ихъ бывають скоропреходящими. Ганку, котораго Челяковский сначала считалъ образцомъ совершенства, въ болѣе поздніе годы онъ вознѣнавидѣлъ такъ сильно, что неоднократно избиралъ его мишенью для ѣдкихъ сатиръ и колкихъ эпиграммъ. Подобнымъ же образомъ онъ относился и къ Палацкому, съ тѣмъ только различіемъ, что о послѣднемъ высказывался черезчуръ рѣзко первоначально, а потомъ обнаружилъ къ нему весьма большое расположеніе. Но болѣе рѣзкіе примѣры непостоянства Челяковского можно видѣть на его отношеніяхъ къ Камариту: только въ тепломъ и снисходительномъ характерѣ послѣдняго можно найти объясненіе того, что дружба ихъ не прекратилась до самой смерти Камарита (1832 г.).

Меланхолія быстро смѣнялась въ Челяковскомъ настроеніемъ юмористическимъ и саркастическимъ. Незначительное обстоятельство повергало его въ отчаяніе, но оно же могло вызвать у него смѣхъ. Склонность къ меланхоліи выражается во многихъ письмахъ Челяковского и нѣкоторыхъ поэтическихъ его произведеніяхъ, которыя указаны выше; юморомъ же и сарказмомъ проникнуты нѣкоторыя шутивыя стихотворенія и множество написанныхъ имъ эпиграммъ. Нѣкоторыя письма носятъ тоже печать юмора и сатиры. Примѣромъ необдуманности можетъ служить катастрофа, постигшая Челяковского во время

его публицистической дѣятельности, а нерѣзительности--его колебанія при выборѣ карьеры. Тѣже самыя основныя черты характера Челяковскаго въ значительной степени способствовали тому направленію въ его нравственномъ и умственномъ развитіи, благодаря которому Челяковскій является такимъ горячимъ патріотомъ. Благодаря этимъ свойствамъ, онъ такъ легко поддаѣлся вліянію патріотическихъ идей и со страстью принялся за изученіе народа, къ которому онъ принадлежалъ.

Отъ любви къ чешскому отечеству не далеко было до привязанности ко всему славянскому. Мы уже видѣли выше, какъ живо Челяковскій интересовался языками разныхъ славянскихъ племенъ, а также ихъ народными произведеніями, занятіе которыми такъ сильно отразилось на важнѣйшихъ плодахъ его собственнаго творчества («Отголосокъ русскихъ пѣсенъ», «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ», переводы съ разныхъ славянскихъ нарѣчій и т. д.). Обзоръ его дѣятельности покажетъ, что вся она была направлена на предметы такъ или иначе касающіеся славянства, или по крайней мѣрѣ чешскаго народа.

Интересны отношенія Челяковскаго къ русскимъ и полякамъ, а также къ нѣмцамъ. Нужно замѣтить, что Челяковскій былъ вообще въ высшей степени воздерженъ въ высказываніи своихъ національных и политическихъ воззрѣній, симпатій и антипатій, по крайней мѣрѣ въ зрѣлые годы, когда такой воздержности научили его уроки жизни. Даже въ интимныхъ письмахъ онъ мало касается политическихъ вопросовъ. Въ обширной перепискѣ со Станькомъ, веденной въ 40-хъ гг., Челяковскій крайне рѣдко и только мимоходомъ затрогиваетъ современныя ему событія, которыми такъ богаты 40-е годы, хотя Станекъ въ своихъ письмахъ даетъ пріятелю подробныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ, какъ бы тѣмъ вызывая его на откровенность. Не входя въ разъясненіе причинъ такого воздержанія, которыя могли заключаться частью въ субъективныхъ особенностяхъ самаго Челяковскаго, частью въ современныхъ ему обстоятельствахъ, можно сказать, что онъ вѣрно цѣнилъ современное положеніе вещей, понималъ значеніе Россіи для всего славянства, питалъ (хотя и скрыто) враждебныя чувства къ нѣмцамъ и сожалѣлъ о заблужденіяхъ поляковъ. Вотъ что пишетъ онъ еще въ 1843 году, когда приближались событія, которыя не могли не затронуть и не такого яраго патріота, каковъ въ сущности былъ нашъ поэтъ: «О томъ призракѣ, который называютъ панславизмомъ, уже начинаютъ кричать у нѣмцевъ, французовъ и англичанъ. Какъ заразительна эта глупость! Кто же въ самомъ дѣлѣ вѣрить въ этотъ панславизмъ? Наша политика не есть и не можетъ

быть иная, какъ только всѣмъ сердцемъ держаться австрійскаго правительства. Сила необходимости до сихъ поръ противодѣйствовала многимъ нашимъ желаніямъ; но мы все таки должны держаться того оружія, которымъ до сихъ поръ воевали, т. е. вѣрности, твердости и законности... Всѣ иныя химеры, которыми задаются особенно наши молодые люди, на сколько возможно, опровергайте и изгоняйте изъ ихъ головъ¹⁾. Но спустя три года о тѣхъ же австрійскихъ нѣмцахъ Челяковскій говоритъ слѣдующее: »Вчера я прочиталъ въ »Аугсбургской всеобщей газетѣ« корреспонденцію изъ Праги, а сегодня и наши Вратиславльскія газеты приводятъ ее.—конечно о тѣхъ же бѣдствіяхъ, какія нѣмцы терпятъ въ Чехіи отъ васъ. Здѣсь трудно свазать, долженъ-ли человекъ смѣяться, или злиться на ихъ безстыдство²⁾.

Что касается русскихъ, то и о нихъ говоритъ онъ осторожно, но все таки существованіе симпатій къ нимъ у поэта очевидно. Совѣтуя своимъ соотчичамъ вообще мудрое политическое воздержаніе, въ частности онъ замѣчаетъ объ отношеніи чеховъ и ихъ печати къ русскимъ, что чехи въ своей печати не должны относиться къ русскимъ »ни пріязненно, ни по непріятельски« (*ani příznivě ani nepřátelsky*)³⁾. Но нѣсколько раньше рѣчь его о томъ же предметѣ была яснѣе: »Будьте осмотрительны«, говоритъ онъ своимъ соотечественникамъ въ отношеніи къ русскимъ: »лучше ничего не говорите и не пишите о нихъ, чѣмъ позволять выходки противъ нихъ... Наши силы въ сравненіи съ нѣмецкими и мадьярскими слабы...⁴⁾ О польской революціи и о полякахъ Челяковскій выражается такъ: »то (польская революція) была штука, какую только поляки могли выкинуть! Это славянское племя, дѣйствительно, достойно сожалѣнія, потому что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе глубокую яму копаешь оно само для себя и своимъ врагамъ даетъ въ руки оружіе противъ себя. Трудно себѣ представить, до чего доходитъ ослѣпленіе этого народа и нѣтъ средства, которымъ можно было бы излѣчить его горячку. Законной дороги, по которой мы, австрійскіе славяне, идемъ, хотя медленно, но все впередъ, они по своей нетерпѣливости не хотятъ знать, считая наши дѣйствія за литературную игрушку⁵⁾.

1) Письма къ Станьку. *Časopis Českého Musea* 1871 str. 367.

2) *Ibid.* *Č. Č. M.* 1872. Такая же вражда къ нѣмцамъ высказывается въ одномъ письмѣ, относящемся еще къ 1828 г. (отъ 8 января).

3) Письма къ Станьку. *Č. Č. M.* 1872, str. 329.

4) *Ibid.*, str. 328.

5) *Ibid.*, str. 32.

Б.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ЧЕЛЯКОВСКАГО.

Дѣятельность Челяковскаго касалась главнымъ образомъ двухъ областей: поэтической и научной, съ которыми тѣсно связана издательская его дѣятельность, а также публицистика и журналистика. Плодомъ этой дѣятельности являются литературно-художественные и научные труды; на нихъ-то особенно и должно быть обращено вниманіе при разборѣ ея. Мы рассмотримъ болѣе или менѣе подробно только важнѣйшіе плоды поэтическаго творчества Челяковскаго, лишь слегка касаясь менѣе важныхъ его поэтическихъ произведеній, а также научныхъ. Сначала укажемъ труды нашего поэта въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ; за тѣмъ изложимъ содержаніе самыхъ выдающихся стихотвореній съ замѣчаніями о нихъ и укажемъ на значеніе литературной дѣятельности Челяковскаго; наконецъ, слегка коснемся другихъ областей, въ которыхъ трудился поэтъ. Литературные опыты Челяковскаго начались очень рано. Находясь первоначально подъ вліяніемъ почти исключительно нѣмецкой литературы и научившись владѣть нѣмецкимъ языкомъ еще въ дѣтствѣ, Челяковскій и началъ свои опыты на этомъ чуждомъ для него языкѣ; но такихъ опытовъ было весьма немного: всего, кажется, два. Одинъ относится къ 1817 г.: это было первое его произведеніе литературное въ собственномъ смыслѣ. Оно было написано въ Пискѣ по конкурсу, устроенному профессоромъ Уле между его учениками: было предложено написать наилучшее стихотвореніе въ честь одной знатной особы. Въ этомъ конкурсѣ остался побѣдителемъ Челяковскій, который удостоился прочесть свое похвальное стихотвореніе означенной особѣ. Этотъ первый юношескій трудъ былъ напечатанъ Уле для поощренія молодого поэта. Подобное же стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ было написано Челяковскимъ въ 1821 г. Это было подражаніе Гетевской «Миньонъ». Побужденіемъ къ его написанію была любовь поэта къ одной нѣмкѣ. Но еще 1817 года онъ началъ писать и по-чешски. Во время рождественскихъ праздниковъ, будучи въ Страконицахъ, онъ написалъ оду къ новому году и посвятилъ ее Плянку въ знакъ своей признательности къ нему. Это было первымъ произведеніемъ Челяковскаго на родномъ языкѣ; съ этой поры онъ не принимался уже писать по-нѣ-

мецки. Въ 1818 году написаны имъ два стихотворенія: 1) »На отвагу« и 2) »Вечерняя картина«. Въ слѣдующемъ (1819 г.), не смотря на научныя занятія Челяковскаго, муза не рѣдко посѣщала его. Будучи въ это время двадцатилѣтнимъ юношею, онъ обнаружилъ глубокую чуткость къ красотамъ природы и сочувствіе къ счастливой и несчастной судьбѣ женщины. Выраженіемъ этого и служатъ лирическія стихотворенія, написанныя въ этомъ году: 1) »Ласточки«, 2) »Воспоминаніе« и 3) »Маринкино желаніе«¹⁾. Значительное число стихотвореній появилось 1820 года. Къ этому году относятся: А) двѣ пѣсни: 1) »Дѣвица, я тебя приворожу«, заключающая въ себѣ сѣмя »Ботаническихъ эпиграммъ«, и »Отголосковъ чешскихъ пѣсень«, а также »Въ саду«; Б) 1) »Знаменія смерти« (подъ вліяніемъ Гетева »Лѣснаго царя«); 2) »Три огонька«; 3) »Бѣллылица«; 4) 7 или 8 сонетовъ. Въ 1821 году были изданы²⁾ 1) »Горлица«; 2) »Довольный артистъ« (образъ самого поэта); 3) »Водяной«; 4) »Къ Леночкѣ«(?); 5) »Январь« (Leden). Съ 1822 года литературно-поэтическая производительность Челяковскаго усилилась; самъ онъ въ это время сообщалъ Камариту, что »рѣшился каждый годъ написать какое-нибудь произведеніе на чешскомъ языкѣ«³⁾. Начиная съ этого года, въ продолженіе 6 лѣтъ (1822—1828) развивались тѣ черты литературно-поэтической дѣятельности Челяковскаго, которыя въ болѣе раннихъ произведеніяхъ замѣчались только въ зародышѣ. Въ Челяковскомъ усиливалась все болѣе и болѣе склонность смотрѣть на свѣтъ и на поступки людей »юмористически и сатирически«; въ этотъ періодъ времени составлено значительное количество »Ботаническихъ эпиграммъ«, которыя впоследствии получили общее названіе »Цвѣтовъ«⁴⁾. Въ 1822 году Челяковскій занимался переводомъ Гердеровыхъ »Листовъ изъ прошлаго«; тогда же написано стихотвореніе »Февраль«. Въ томъ же году изданъ сборникъ »Смѣшанныхъ стихотвореній« и переводъ »Славянскихъ народныхъ пѣсень« (1 часть).

1823 года Челяковскій еще не былъ увѣренъ въ своемъ литературномъ призваніи, какъ это можно видѣть изъ письма его отъ 2 сентября того же года. »Съ нѣкотораго времени«, говорится здѣсь, »чуть не погасъ мой поэтической огонь, и я лишень всей благосклонности и всего расположенія музы«. Но тутъ же прибавляется нѣсколько

¹⁾ Sp. b. k. š., str. 247, 246 и 229.

²⁾ Ibid., str. 205, 243, 236, 245, 248.

³⁾ Hanuš.

⁴⁾ Č. Č. M. 1872.

словъ, изъ которыхъ видно, что муза не оставляла его, а только побуждала къ тому занятію, плодомъ котораго были позднѣйшія его произведенія, составившія его славу. Такимъ занятіемъ было «собираніе и переводъ народныхъ пѣсень», а также «чтеніе сербскихъ богатырскихъ пѣсень», представлявшихъ для Челяковскаго источникъ «наслажденія» и «предметъ удовольствія». Здѣсь же Челяковскій высказываетъ намѣреніе перевести всѣ богатырскія сербскія пѣсни и «Древнія російскія стихотворенія» (Слав. Еж. 1878 г. стр. 285, 286). Да и изъ количества появившихся въ этомъ году стихотвореній нельзя заключить, чтобы Челяковскій былъ оставленъ музою; къ этому году относятся: 1) «Бѣлая красавица» (времена несчастной любви въ 4-хъ образахъ—весны, лѣта, осени и зимы), 2) «Четыре эпиграммы», 3) «Помѣшанная», 4) «Путникъ», 5) «Вѣнокъ жизни». Слѣдующіе 4 года не могутъ быть названы благоприятными въ отношеніи въ поэтической дѣятельности Челяковскаго. Причина этого заключается въ обстоятельствахъ жизни послѣдняго и въ его душевномъ настроеніи. Въ 1824 г. Челяковскій началъ переводить «Die Geschwister» («Братъ и сестра») Гете, но остановился на половинѣ; оконченъ былъ этотъ переводъ и вышелъ подъ заглавіемъ «Маринка» въ 1827 г. Въ томъ же году поэтъ принималъ участіе въ изданіи альманаха «Новогодница» (Хмеленскаго). Выраженіемъ сатирическаго настроенія Челяковскаго въ это время служитъ «Корконошская литература», въ которой онъ подъ вымышленными именами осмѣиваетъ многочисленныя произведенія чешской литературы. Стихотворенія 1825 г. также служатъ отраженіемъ внутренняго состоянія поэта; они имѣютъ своимъ предметомъ прославленіе вина: 1) «Какъ вино, какъ вода»; 2) «Цвѣтъ жизни»; 3) «Что не проходитъ». Тогда же издана была 2 часть «Славянскихъ народныхъ пѣсень». 1827 года 2 января Челяковскій писалъ Плянгу: «отъ меня въ этомъ году многого не ждите». Дѣйствительно, этотъ годъ былъ употребленъ только на окончаніе перевода Гетевскаго «Братъ и сестра» и изданіе «Литовскихъ народныхъ пѣсень», а также былины «Потокъ Михайло Ивановичъ» («старорусская повѣсть») и сербской народной пѣсни «Марко-королевичъ и разбойникъ Муса». Результатомъ знакомства Челяковскаго съ англійскими писателями былъ переводъ въ 1828 г. изъ Вальтеръ-Скотта «Дѣвы озера»¹⁾. Оригинальными произведеніями 1828 г., какъ и три или четыре предъидущіе

¹⁾ Два экземпляра этого перевода были отосланы въ Англію—одинъ Боурингу, другой—Вальтеръ-Скотту; послѣдній благодарилъ Челяковскаго письмомъ отъ 19 апр. 1828 г.

года, бѣденъ. Вотъ всѣ они: 1) 3 эпиграммы («Цвѣты»); 2) «Амфіонъ» (ода); 3) «Веселое путешествіе» (сатира); 4) «Будь воля твоя». 1829 годъ, какъ замѣчено выше, весьма важенъ какъ въ жизни Челяковскаго, такъ и въ исторіи его литературной дѣятельности и даже въ исторіи развитія всей чешской литературы. Въ этомъ году былъ изданъ знаменитый сборникъ стихотвореній Челяковскаго «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ» («Ohlas písní ruských»). «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ» вышелъ въ первой половинѣ 1829 г.; вторая же половина этого года была посвящена Челяковскимъ «Отголоску чешскихъ пѣсенъ». Но этой работѣ помѣшало вышеуказанное приглашеніе изъ Россіи и приготовленіе къ отправленію, такъ что стихотворенія, вошедшія въ «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ», обрабатывались отрывками въ свободныя минуты и печатались по частямъ въ Музейникѣ въ разные годы. Другія произведенія этого года: 1) «Марціаловы эпиграммы» (начало); 2) «Сербскія народныя пѣсни» (перев.), «Сербскія свадебныя пѣсни» (перев.), 3) «Идилліи» и 4) «Все погибло».

Слѣдующіе годы литературно-поэтической дѣятельности Челяковскаго не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Вотъ, кажется, всѣ произведенія, написанныя или только изданныя Челяковскимъ въ періодъ съ 30 по 36 годъ: 1830 г. 1) «Извѣстная переписка неизвѣстныхъ особъ» (сатирич. романъ въ прозѣ); 2) «Ватавскія воспоминанія», послужившія основой для «Столистой розы»; 3) «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ» (продолж.); 4) «Сербскія народныя пѣсни» (продолж. перевода); 5) «Нижнелужицкія народныя пѣсни»; 6) «Смѣшанныя стихотворенія» (втор. изд.); 1831 г. «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ» (продолж.); 1832 г. 1) «Марко-королевичъ и вила» (перев.); 2) «Во славу 40-лѣтняго царствованія Его Вел. Императора и Короля Франциска I 1 марта 1832 г., 3) переводъ лат. стихотвор. Альжбеты Вестоніи (1582—1612); 1833 г. 1) «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ» (продолж.), 2) «Изъ русской антологіи»; въ 1834 г. написано стихотвореніе: «Къ пріѣзду въ Прагу Фердинанда I и Маріи Анны»; 1835 г. «Счастье отца», по случаю рожденія у поэта сына первенца. 1836 г. «Марціаловы эпиграммы» (продол.), въ изд. Хмеленскаго «Kytice». Періодъ времени съ 1837 г. по 41 г. богатъ сатирами и эпиграммами, которыхъ особенно много написано въ 1837 году. Вотъ какіе труды вышли въ это 4-лѣтіе: 1837 г. 1) «Два тоста», «Пятидесятка изъ моего кармана»¹⁾

¹⁾ Эти эпиграммы хотя и были напечатаны, но не были обнародованы, а ходили по рукамъ тайно. Въ другой разъ онѣ были изданы въ 1846 году. Много эпиграммъ осталось послѣ него ненапечатанными, и только написанными на клочкахъ бумаги.

(сборникъ эпиграммъ); 3) «Изъ русской антологіи»; 4) «Марціаловы эпиграммы»; 1838 г. 1) «Пѣвица»; 2) «Забота»; 1839 г. 1) «Счастливое утро»; 2) «Чуженародныя пѣсни» (переводы); 1840 г. «Столистая роза»; 1841 г. «Иллирскія народныя пѣсни». Съ окончаніемъ 1841 года, почти совершенно прекращается литературно-поэтическая дѣятельность Челяковскаго. Еще 7 іюня 1840 г. онъ писалъ Плянку: «у меня рѣшено либо ничего больше не писать, либо выждать мгновенія для этого, а дождусь-ли когда нибудь?»... Онъ не сочинялъ теперь почти ничего, за исключеніемъ нѣсколькихъ сатиръ и эпиграммъ. Въ началѣ 1846 года 4 января Челяковскій писалъ: «Мое чешское писательство, какъ бажется, уже схоронено. Рѣка живой воды, у которой когда-то сиживаль, для меня пересохла совершенно, и я по истинѣ въ нѣмецкомъ болотѣ» (Вратиславль). Но, вѣроятно, не одио «нѣмецкое болото» было причиною того, что его муза замолкла; въ обстоятельствахъ жизни, физическомъ недугѣ и погруженіи въ сухую ученую область, не могшую дать простора поэтическому воображенію, нужно искать этой причины. Во Вратиславль вся его дѣятельность въ области литературы (въ тѣсномъ смыслѣ слова) состояла въ изданіи малорусской антологіи (1842) и въ приготовленіи къ изданію общаго собранія стихотвореній, которое вышло 1847 года (въ Прагѣ) на издѣніе Чешской матицы въ видѣ 8 № «Новочешской бібліотеки»¹⁾. Такъ какъ въ этомъ изданіи принималъ участіе самъ поэтъ, то не излишне указать планъ его. Стихотворенія раздѣлены на 6 книгъ. изъ которыхъ въ первой заключаются «Столистая роза», во 2-й «Отголосокъ русскихъ пѣсень», въ 3-й «Отголосокъ чешскихъ пѣсень», въ 4 «Смѣшанныя стихотворенія», въ 5 эпиграммы и сатиры и въ 6 «Антологіи славянскія: а) «великорусская», б) «малорусская», в) «югославянская», г) «польская» и д) «чужія пѣсни». Родъ литературныхъ произведеній, въ которомъ больше всего трудился Челяковскій, находится въ соотвѣтствіи съ указанными выше психическими особенностями поэта. Будучи натурою крайне впечатлительною, нашъ поэтъ не могъ созерцать, а слѣдовательно и изображать предметы и явленія жизни совершенно спокойно. Вотъ почему самая большая часть его стихотвореній относится къ разряду лирическихъ; меньшая къ эпосу; драматической же области Челяковскій совсѣмъ не касался. Нѣкоторыя изъ стихотвореній могутъ быть названы лирико-эпическими, какъ по разговорной формѣ изложенія, такъ и потому, что многія изъ нихъ изображаютъ чувства не самаго поэта (какъ это бываетъ обык-

¹⁾ Полное заглавіе этого изданія: »Frant. Lad. Čelakowského spisů básnických knihy šestery. Spisů musejních číslo XXVIII. W Praze 1847 s.

новенно. въ лирическихъ произведеніяхъ), а другихъ выводимыхъ въ разсказѣ людей. Сюжеты какъ для эпическихъ стихотвореній, такъ и для лирическихъ взяты по большей части изъ народной поэзіи—чешской («Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ») и инославянской. по преимуществу изъ русской («Отголосокъ русскихъ пѣсенъ»). Нѣкоторыя стихотворенія представляютъ такіе виды, какихъ нѣтъ среди произведеній искусственныхъ. Къ эпическому роду принадлежитъ меньшая часть стихотвореній изъ »Отголоска русскихъ пѣсенъ«, три-четыре изъ »Отголоска чешскихъ пѣсенъ.« и нѣкоторыя пѣсни изъ »Смѣшанныхъ стихотвореній«.

Къ лирическимъ или лирико-эпическимъ относится большая часть стихотвореній »Отголоска русскихъ пѣсенъ«, почти всѣ изъ »Отголоска чешскихъ пѣсенъ«, а также »Смѣшанныхъ стихотвореній«. Къ эпическому роду относятся напр. »Богатырь Муромецъ«, »Илья Волжанинъ«, сказки »Великій птичій торгъ« и »Томанъ и лѣсная дѣва«; историческія пѣсни »Смерть Александра«, »Допросъ«, »Прокопъ Голый« и др. Что касается лирическихъ стихотвореній, то содержаніе ихъ, будучи въ большинствѣ случаевъ взято также изъ народныхъ пѣсенъ, не отличается большимъ разнообразіемъ. Большая часть ихъ посвящена изображенію чувства любви—это пѣсни любовныя. Предметомъ изображенія здѣсь служитъ счастливое или несчастное положеніе любящихъ и особенно женщины. Такъ, въ стихотвореніи »Дѣвичья радость« изображается радость дѣвушки по поводу возвращенія милаго послѣ долгой разлуки, въ »Признаніи« чувствованія милаго и милой при первой ихъ встрѣчѣ другъ съ другомъ, въ »Примиреніи« говорится о недолговременности ссоры между милой и милымъ; въ »Смерти милой«—молодецъ вспоминаетъ о радостяхъ юности, о молодыхъ дѣвицахъ, похожихъ на розы, и особенно объ одной изъ нихъ, наиболѣе милой его сердцу, въ стихотвореніи »Любовь выше богатства« дѣвушка жалуется на то, что мать хочетъ выдать ее за богатаго, но не милаго человѣка и т. д. Другія стихотворенія по чувству, выражаемому въ нихъ, могутъ быть названы *патріотическими*, такова »Братская пѣсня,« въ которой поэтъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, кто можетъ быть названъ его братомъ. Изліяніемъ *религиозно* чувства поэта служатъ стихотворенія: »Будь воля твоя« и »Краткая молитва«. Къ *хвалебнымъ* могутъ быть отнесены оды »Къ пріѣзду Фердинанда I и Маріи Анны въ Прагу«, »На 40-лѣтнее царствованіе императора и короля Фридриха I«, а равно нѣсколько пѣсенъ въ честь графа Кинскаго и Юнгманна (на окончаніе словаря). Въ нихъ также выражаются патріотическія чувства. *Разумными* могутъ быть

названы пѣсни: »Какъ вино, какъ вода« и »Цвѣтъ жизни«. Наконецъ Челяковскій написалъ много *сатирическихъ* стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя можно назвать *шуточными*, напр. »Веселое путешествіе«, »Любовь къ природѣ» и т. д. Къ сатирическимъ же стихотвореніямъ относится множество эпиграммъ подъ самыми разнообразными заглавіями.

Важнѣйшимъ произведеніемъ Челяковского можетъ быть названъ «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ»; за нимъ слѣдуютъ «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ», «Столистая роза» и «Эпиграммы». «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ» представляетъ рядъ стихотвореній, частью эпическихъ, частью лирическихъ. Большинство послѣднихъ имѣетъ эротическое содержаніе; образы и способы ихъ выраженія взяты почти исключительно изъ русскихъ пѣсенъ, хотя многія отличаются самостоятельнымъ отношеніемъ поэта къ нимъ. Это видно будетъ изъ предлагаемаго изложенія содержанія стихотвореній, входящихъ въ составъ «Отголоска».

«*Богатырь Муромецъ*». Содержаніе этой пѣсни слѣдующее: Добрый молодець, скрестивши руки, выѣзжаетъ въ поле на конѣ, съ цѣлью разсѣять свое горе; на него внезапно нападаютъ «три собаки татарина»; окружаютъ его «сзади и спереди, вонзаютъ острия сабли въ его тѣло», стаскиваютъ его съ коня и убиваютъ «до смерти»; затѣмъ снимаютъ серебрянную и золотую одежду и издѣваются надъ трупомъ. Въ это время изъ-подъ густаго лѣса ѣдетъ на конѣ богатырь Муромецъ, изъ славнаго города Муroma. Завидѣвъ татаръ, Муромецъ вынимаетъ изъ колчана «калену стрѣлу» и пускаетъ ее съ шелковой тетивы—стрѣла попадаетъ въ бѣлую грудь одного татарина; стальнымъ мечемъ богатырь убиваетъ другаго; третій татаринъ вскакиваетъ на коня и обращается въ бѣгство. При этомъ богатырь говоритъ: «Гой, кто убѣгаетъ предо мною въ широкое поле, для того я меча не буду вытаскивать, за тѣмъ я стрѣлы каленой не пуцу, а пуцу тебя, мой буйный конь!» Конь однимъ скокомъ проскакалъ «поль-поля», другимъ доскакалъ до татарина, а третьимъ черезъ голову его: свалилъ татарина на землю, разможилъ голову копытами. Покончивъ такимъ образомъ съ послѣднимъ татаринкомъ, Муромецъ возвращается къ трупу молодца, выкапываетъ яму, хоронитъ тѣло молодца, и, помолившись за его душу, самъ беретъ татарскихъ коней и уѣзжаетъ на святу Русь.

«*Илья Волжанинъ*». Главное содержаніе этой довольно длинной былины заключается въ слѣдующемъ. У Марѣы, богатой, многообразной вдовы, былъ сынъ Илья. Разъ, при наступленіи ночи, онъ не воротился домой; напрасно она ждетъ сынка; тоска одолѣваетъ ее сердце;

злое предчувствіе западаетъ въ ея душу. Раздаетъ Марѳа Андреевна своимъ слугамъ факелы и посылаетъ ихъ искать сына, обѣщая нашедшему сто рублей и соболью шубу; сама она также пускается въ поиски, приходитъ на берегъ рѣки Волги и видитъ здѣсь платье сына. Тутъ-то она догадывается, что сынъ, не послушавшись ея предостереженія (на счетъ того, что Волга-рѣка имѣетъ много дочерей, быстрыхъ волнъ, и приманиваетъ къ себѣ человѣческихъ сыновей, чтобы сдѣлать ихъ своими зятьями), погубилъ свою буйную голову. Напрасно мать плакала: сынъ не услышалъ ея голоса въ водѣ; онъ бѣгалъ по свѣтлому замку матушки Волги, богатствами и роскошью котораго не можетъ налюбоваться; не менѣе привлекаютъ его вниманіе и сады, въ которыхъ на деревьяхъ цвѣтутъ дорогіе перлы, на кустахъ кораллы; лежа на постели, онъ наслаждается прекрасными звуками, которые происходятъ отъ прикосновенія платья дочерей Волги къ стѣнамъ палаты; ѣдой ему служатъ самыя дорогія рыбы, питьею—сладкій медъ, забавой—всякія чудеса, собранныя Волгою въ продолженіе тысячелѣтій. Такъ продолжается его житье 11 лѣтъ, которые показали ему полугодомъ. Но ему наскучиваютъ всѣ блестящія палаты, удивительныя сады и дочери Волги, яства и питья, и онъ проситъ Волгу отпустить его, говоря, что она должна теперь наградить его »буйнымъ конемъ, острымъ мечемъ, броней крѣпкой, стрѣлами и лукомъ съ тетивой«. Не получивъ отвѣта отъ Волги, онъ требуетъ, чтобы она отпустила его, угрожая, что поломаетъ всѣ деревья въ саду, разрушитъ всѣ палаты; но Волга не слушается. Когда же онъ разбилъ хрустальный столъ на тысячу кусковъ, матушка Волга испугалась и выпустила Илью на свободу. На берегу уже ждетъ богатыря конь съ черкасскимъ сѣдломъ и бухарской попоной, броня, острый мечъ, колчанъ съ калеными стрѣлами, крѣпкій лукъ съ тетивою и шишакъ изъ стали. Илья благодаритъ Волгу за такіе дары, а Волга сопровождаетъ его хохотомъ. Вздумалъ молодецъ навѣстить свой родной городъ и вдову мать. Но ужаснулся, пріѣхавъ на »Святую Русь«—такіе перемѣны произошли на ней: на мѣстѣ города и дома матушки только одни камни, или пустыри, поросшіе терновникомъ и боярышникомъ; по прежнимъ улицамъ гадина ползаетъ; гдѣ Илюша игрывалъ, ежевика разрослась. Смутился богатырь и молвить: »Гой, ты городъ мой родной и славный! кто тебя, городъ, разбилъ, разграбилъ, твои дворцы, божьи храмы въ прахъ обратилъ, наругался надъ ними? кто разрушилъ домъ богатой вдовы, Марѳы Андреевны многоразумной? Гдѣ жители, православный народъ, гдѣ родная моя матушка?« Голосъ изъ-подъ развалинъ отвѣчаетъ, что причиной гибели всего города »злые гости,

татары, дикая орда со своимъ царемъ Угадаемъ и его зятемъ Баядуромъ», что они разорили городъ, изрубили саблями его матушку, что еще и теперь дикая орда губить понизовыя мѣста. Богатырь приходитъ въ ярость; прищпориваетъ онъ коня, и летитъ конь черезъ долины и горы, черезъ девять рѣкъ: о дорогѣ молодецъ не разспрашиваетъ: проводниками его служатъ опустѣлые города, села въ огнѣ и непогребенныя человѣческія тѣла. Не озеро блеститъ на раннемъ солнцѣ, блещутъ это доспѣхи двухъ войскъ—православнаго русскаго и злаго татарскаго; эти войска бросаются въ бой. Стрѣлою пролетѣлъ Илья черезъ ряды русскихъ прямо къ татарамъ; сѣчетъ, бьетъ ихъ, стрѣлы пускаетъ: погубилъ ихъ не больше не меньше — двѣ тысячи. Уже татары бросились бѣжать, какъ на Илью насканиваетъ Баядуръ, зять хановъ, и вступаетъ въ яростный бой съ Ильєю: «искры сыплются отъ брони и шишаковъ, отъ ударовъ боръ шумитъ, пѣна бѣжитъ изъ устъ молодецвъ-бойцевъ и добрыхъ коней»... Баядуръ наконецъ поражаетъ Волжанинова коня мечемъ въ грудь, но и самъ валится на землю отъ раны, нанесенной ему Ильєю въ шею. Но и на «богатыря настала бѣда, великое горе пало на Волжанина: не буланко добрый конь на землю падаетъ, а подъ молодецмъ желтый песокъ къ землѣ сыплется. Это даръ неродной матери, Волги-рѣвки:

Не мечъ острый изъ рукъ падаетъ,

А скольскій угорь вырывается;

Шишакъ изъ стали—кость черепахи,

А стрѣлы калены—мелкая рыбаца.

Все это дары подводной матери, Волги-рѣвки. Татары схватываютъ безпомощнаго богатыря и уводятъ къ царю Угадаю Угадаевичу, который приказываетъ его отдать подъ стражу, въ темной тюрьмѣ приковать къ дубовому столбу. Въ тюрьмѣ Илью подвергаютъ разнымъ истязаніямъ за то, что онъ погубилъ такъ много татаръ и зятя царскаго. Затѣмъ самъ Угадай сталъ уговаривать его принять татарскую вѣру, ходить вмѣстѣ съ нимъ воевать противъ христіанъ, обѣщая даже руку своей дочери Угадаевны, въ противномъ случаѣ, угрожая «разрѣзать тѣло» богатыря по кускамъ, «сжечь его огнемъ». Сначала богатырь вздрогнулъ, а затѣмъ сталъ молиться Богу, чтобы онъ послалъ къ нему освободителя. Богъ услышалъ молитву: грянулъ громъ, сжегъ и разбилъ оковы на добромъ молодцѣ, мучители пали мертвыми, а самъ Угадай лишился чувствъ. Тогда Илья выхватываетъ мечъ у Угадая, вскакиваетъ на коня, мчится въ широкое поле и избиваетъ множество татаръ. Въ широкомъ полѣ онъ останавливается и молится Богу за великую его милость—сохраненіе жизни. Таково краткое

содержаніе этой прекрасной былины. Въ ней обнаруживается богатство фантазіи поэта и умѣнье пользоваться матеріаломъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, ихъ языкомъ и приѣмами для того, чтобы создать новые образы. Образъ матери, тоскующей по исчезнувшемъ сынѣ, описаніе подводнаго дворца рѣки Волги, равно какъ и изображеніе самого Ильи достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Съ большимъ мастерствомъ также нарисована здѣсь картина татарскихъ опустошеній, бой Ильи съ Баядуромъ и чудесное избавленіе Ильи. Нельзя не замѣтить и весьма вѣрнаго изображенія чисто русскихъ чертъ—беззавѣтнаго патріотизма, глубокой религіозности и упованія на Бога, которыя спасали русскаго человѣка въ самыя критическія минуты. Извѣстно, какую великую службу сослужили онѣ русскому народу во время татарскаго нашествія. Эти черты, какъ нельзя лучше, схвачены Челяковскимъ и присвоены Пльѣ, который не можетъ вынести картины опустошенія родныхъ селъ и городовъ, поруганія святыхъ храмовъ и стремится отомстить врагамъ родины за бѣдствія, причиненныя ей; ни жестокія мученія и угрозы, ни льстивыя обѣщанія не заставили его «отатариться», принять татарскую вѣру. Угрозы вызываютъ въ немъ только большую надежду на Бога. Такъ мѣтко схваченныя черты русскаго человѣка свидѣтельствуютъ о довольно глубокомъ знаніи авторомъ русской исторіи и русскаго народнаго характера.

»*Чурила Пленковичъ*«. Это стихотвореніе есть довольно удачное подражаніе былинамъ о богатыряхъ кievскаго круга. Главное дѣйствующее лицо «Чурила Пленковичъ» носить имя одного изъ этихъ богатырей, хотя образъ его болѣе похожъ на образъ Ильи Муромца, чѣмъ на Чурилу нашей былины. Вотъ краткое содержаніе указаннаго произведенія: къ стольному городу Кіеву подъѣзжаетъ статный молодецъ, богатырь Чурила Пленковичъ; онъ возвращается на службу къ «ясному солнышку, ласковому князю Владиміру», послѣ трехъ мѣсяцевъ пребыванія у отца и матушки. Подъѣзжая къ Кіеву, издали онъ замѣчаетъ черное знамя надъ дворцомъ князя и теряется въ догадкахъ на счетъ того, что означаетъ это знамя. Вѣхавши въ городъ, который казался пустымъ влѣдствіе необыкновенной тишины, онъ встрѣчаетъ двухъ братьевъ, Ваську и Михайлу; послѣдніе сообщаютъ ему, что причиною необыкновенной тишины и унынія всѣхъ кievлянъ и князя съ княгиней служить слѣдующее: прилетѣлъ откуда-то, изъ сѣверныхъ странъ, разбойникъ-птица Великанъ Великановичъ; сядетъ онъ на гору—точно гора на гору упала, крыломъ затрясетъ—боръ зашумитъ; и не летаетъ Великанъ Великановичъ пить къ морямъ, рѣкамъ: три раза ударитъ носомъ въ мать сыру землю—вода изъ земли рѣкой

валить... Стада воловъ и лошадей онъ пожираетъ, какъ курица зернышки ячменныя и овсяныя, стада овецъ—какъ горсть маку. Пойдетъ ли птица Великанъ Великановичъ на русскія села и города, она дома, хижины разоряетъ, а изъ развалинъ тѣла человѣческія на пожираніе, какъ будто муравьевъ выгребаетъ... Триста молодцевъ, посланныхъ Владиміромъ противъ Великана Великановича, были съѣдены. Выслушавъ этотъ разсказъ о страшномъ чудовищѣ, «умный» и «хитрый» Чурила Пленковичъ пріѣзжаетъ къ князю. Вошедши въ гридницу, онъ молится образу спасителю, а князю и княгинѣ бьетъ челомъ, къ землѣ кланяется на всѣ четыре стороны; но, вмѣсто роскошнаго убранства гридницы, онъ видитъ только столъ, покрытый чернымъ сукномъ, а за столомъ сидитъ самъ сударь Владиміръ, ласковый князь, невеселый и нерадостный: веселыя очи помрачились, ясное чело опечалено, черныя кудри по шеѣ разсыпались. И ждалось сердце у богатыря, не говоритъ онъ ни слова князю Владиміру, а, вышедши изъ гридницы, зоветъ онъ князей и бояръ къ «быстрымъ конямъ» и къ «острымъ мечамъ», противъ «той птицы Великана Великановича». Но всѣ князья, бояре отмолчались; на зовъ явились только два родные брата, Васька и Михайло. Самъ Чурила Пленковичъ вооружается съ головы до ногъ, при бедрѣ острый мечъ, за поясомъ два ножа. Молодцы отправляются сначала въ лѣсъ, убиваютъ тамъ «тура» и въ содранную съ него шкуру зашиваютъ Чурилу со всѣмъ оружіемъ и кладутъ подъ тою горою, на которой сидѣло чудовище, спавшее въ ту пору. Васька и Михайло валѣзаютъ на дубъ и прячутся въ густыхъ его вѣтвяхъ. Въ полдень чудовище просыпается; завидѣвши богатыря, зашитаго въ турью шкуру, оно спускается съ горы и проглатываетъ его. Вдругъ всѣ вѣтры, вихри разыгрались; всѣ бури, громы разбушевались—сырой боръ, дубрава, травою ложится: то птица Великанъ Великановичъ крыльями размахиваетъ; она къ небу подлетѣла—солнце потемнѣло, къ землѣ она падаетъ—облака на землю стягиваетъ. И загремѣла земля подъ ея тяжестью, а отъ грохота великаго два брата съ дуба попадали. Вслѣдствіе внутренней боли чудовище еще болѣе злится: скачетъ оно безъ памяти, бѣжитъ черезъ рѣки, горы, лѣса и долины, наконецъ оно падаетъ къ землѣ головою и съ распростертыми крыльями умираетъ. Это происходитъ въ полуверстѣ отъ Кіева, такъ что князь съ княгинею видятъ все. Богатырь прорѣзываетъ «дверь» въ боку птицы, по «сивымъ» перьямъ спускается на землю и явлется въ Кіевъ. Князь спрашиваетъ богатыря, какой награды онъ хочетъ за свою великую услугу. Чурила проситъ покрыть тѣло чудовища землею и на этой горѣ выстроить дворецъ, у котораго столбы были бы не

изъ дерева, а изъ крыльевъ »Великана«, пороги изъ клюва его, а крыша изъ мелкихъ перьевъ. Князь исполняетъ желаніе Чурилы. Владиміръ-князь опять сталъ веселъ и радостенъ; на пирахъ его опять появились медвяныя питья и сахарныя яствы. На этомъ заканчивается былина.

Чурила Пленковичъ представляетъ много самостоятельности въ отношеніи къ народной русской поэзіи, изъ которой взяты элементы этого произведенія. Здѣсь созданы грандіозныя новыя образы, хотя нѣкоторыя имена русскихъ былинъ удержаны: какъ »Владиміръ-князь«, жена его Апраксѣвна, самъ герой произведенія »Чурила Пленковичъ«. Образъ Великана Великановича, изображеніе послѣдняго, вложенное въ уста Васьки и Михайлы и приведенное при изложеніи содержанія почти цѣлымъ, а также предсмертныхъ мученій чудовища могутъ служить подтвержденіемъ того, что сказано о талантѣ поэта по поводу предъидущихъ стихотвореній.

»Допросъ«. Сюжетъ этой пѣсни взятъ изъ разбойничьихъ пѣсенъ временъ Іоанна Грознаго. Она начинается описаніемъ висѣлицы, состоящей изъ двухъ тесанныхъ дубовъ, съ кленовою перекладиною и съ шелковою петлею. Затѣмъ дѣйствіе переносится въ Кремль, гдѣ сидитъ царь Грозный, творя судъ и расправу, и передъ нимъ стоитъ въ тяжелыхъ оковахъ добрый молодецъ, сынъ отеческій. На вопросы царя, въ какомъ несчастномъ городѣ онъ родился, отъ какого отца и матери, зачѣмъ онъ въ лѣсахъ разбойничалъ, и кто его товарищи, молодецъ отвѣчаетъ »вѣрную правду«, — что родился онъ въ Новгородѣ, въ печали провелъ дѣтскіе годы, что его люди гнали изъ одного города въ другой, что у него не было ни матери, ни отца, ни братьевъ, никого на свѣтѣ близкаго: была только одна старая тетька, а старая тетька — вдовушка-дубравушка; она то и приняла молодца къ себѣ, и надѣляла великою силою. А какова была эта сила, видно изъ того, что молодецъ »деревья къ сырой землѣ нагибалъ, цѣпи изъ стали на двѣ части разрывалъ, только бѣды не переломилъ«. Царь удивился, бояре испугались. Изобразивъ такимъ образомъ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онъ сдѣлался разбойникомъ, молодецъ очерчиваетъ свое ремесло, говоря, что онъ »возы въ дубравѣ отбивалъ, богатыхъ купцовъ захватывалъ, серебро, золото, все имущество забиралъ, только головы ни у кого не отнималъ«. Царь разсудилъ не по гнѣву, а по милости: отпустилъ молодца на волю; въ благодарность за это молодецъ сталъ служить царю »правдою, вѣрою и великою силою«.

»Допросъ« можетъ быть отнесенъ къ лучшимъ пѣснямъ Челяков-

скаго. Необыкновенная краткость и въ то же время мѣткость въ описаніи напр. висѣлицы (при чемъ выраженъ и ироническій тонъ, которымъ сопровождается въ нашихъ пѣсняхъ описаніе атрибутовъ казни), изображеніе самаго суда и въ особенности краткая автобіографія разбойника, представляющая причину разбоя—все это свидѣлствуетъ о довольно глубокомъ изученіи Челяковскимъ русскихъ народныхъ разбойничьихъ пѣсенъ. Образъ могучей физической силы, развившейся подъ вліяніемъ одной дикой природы, покорность бѣдѣ, которой одной нельзя »переломить«, соединенная съ безстрашіемъ передъ самою смертью—черты на каждомъ шагѣ встрѣчающіяся въ нашихъ разбойничьихъ пѣсняхъ.

»Отплата.« Содержаніе этого стихотворенія взято изъ времени царя Бориса Ѳедоровича Годунова. У какого-то Ивана, богатаго купца, была прекрасная дочь Марія. Ее выдали за московскаго боярина Максима, большаго обожателя женской красоты и весьма ревниваго. Ревность его доходила до того, что онъ неотступно былъ при женѣ; если кто встрѣчался съ нею и привѣтливо кланялся, то послѣ такого случая Максимъ по цѣлой недѣли не выпускалъ жены изъ дому и самъ не выходилъ. Ревность не давала ему покоя даже ночью. Вслѣдствіе этого, жена охладѣла къ нему окончательно и воспользовалась слѣдующимъ случаемъ, чтобы отомстить мужу: заболѣлъ царь; посылаетъ онъ по Москвѣ глашатая прокричать, не найдется ли человѣкъ, умѣющаго вылѣчить его—за это обѣщались большая награда, потому что всѣ доктора разбѣжались, отказавшись отъ лѣченія царскаго недуга. »Марья Ивановна« тайно пишетъ государю, что бояринъ Максимъ—причина болѣзни и что онъ можетъ вылѣчить его. Царь требуетъ Максима къ себѣ и обѣщаетъ за исцѣленіе награду, а за отказъ смерть. Никакія увѣренія Максима, что онъ не можетъ вылѣчить своего повелителя, не помогли. Тогда Максимъ попытался найти средство лѣченія случайно: онъ велитъ сносить всѣ травы, какія только зналъ, или о какихъ только слыхалъ; однѣ изъ нихъ варилъ и давалъ царю пить, другія прикладывалъ къ больнымъ членамъ. Лѣченіе, сверхъ ожиданія, оказалось дѣйствительнымъ. Выздоровѣвшій царь все-таки не хотѣлъ оставить подданнаго безъ наказанія за первоначальное упорство: онъ опредѣлилъ послѣднему наказаніе кнудомъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ наказанія, дать ему вдвое больше дворовъ въ сравненіи съ числомъ полученныхъ ударовъ. Максимъ получаетъ 9 ударовъ и 18 дворовъ. Въ заключеніе высказывается надежда, что послѣ этого урока Максимъ измѣнилъ свое обращеніе съ женою. Въ примѣчаніи самого поэта къ »Отплатѣ« сказано, что случай, рассказанный

въ этомъ произведеніи, произошелъ въ дѣйствительности при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Если это и вѣрно, то все-таки не понятно, почему Челяковскій взялъ его сюжетомъ для стихотворенія: въ немъ трудно найти какую-нибудь общую мысль, какую-либо идею. Сравнительно съ предыдущими стихотвореніями *Отплата* отличается блѣдностью красокъ. Причину этого, вѣроятно, нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что поэтъ, взявъ сюжетъ изъ исторіи, не нашелъ соответствующаго образца въ числѣ народныхъ пѣсенъ, приемами которыхъ онъ прекрасно пользуется въ другихъ стихотвореніяхъ. Самый языкъ стихотворенія не отличается такою живописностью, какъ языкъ первыхъ, въ которыхъ авторъ пользовался такъ широко народными словами и выраженіями. Тоже самое можно сказать и о слѣдующихъ 4 пѣсняхъ — *»Русскіе на Дунаѣ«, »Смерть Александра«, »Великая панихида«* и *»Молодецъ коня хвалить«*¹⁾.

»Большой птичій торгъ«. Содержание слѣдующее: Синица летала по далекимъ землямъ царя русскаго—отъ Волги матушки до Бухары, Тибета и Китая; пролетѣла она нѣмецкую и польскую землю и девять морей, чтобы пригласить всѣхъ птицъ небесныхъ и земныхъ на большую ярмарку, на берегу синяго моря. На это приглашеніе съѣхалось на корабляхъ и сошло множество птицъ. Тутъ дятель ризставилъ свои товары въ длинныхъ рядахъ, склотилъ лавки и разбилъ палатки—и все это на одну денежку. Начинаютъ тутъ птицы выкладывать товары и торговать, а другіи — покупать. Соколъ съ ястребомъ торгуетъ мѣхами лисьими, волчьими и собольими; ансть съ журавлемъ—сукномъ, употребляя для отмѣриванія свои длинные носы вмѣсто аршина; удодъ имѣетъ большіе склады кожъ, сафьяна, юфти, запахомъ отъ которыхъ онъ пропитался; подлѣ него расположилась сестрица его коноплянка съ корабельными веревками и парусами и всѣми корабельными принадлежностями; далѣ лебедь съ гусями, своими слугами, зазываетъ покупателей на камку, кисейное платье и дорогое индѣйское полотно; тутъ же были польскіе ювелиры—павлины и сойки съ драгоценными камнями разныхъ цвѣтовъ. Главною покупательницею является сова, богатая вдова, со своими благородными братьями—сычами, и кумовьями—филинами. Она расхаживаетъ по лавкамъ, а за нею вся родня, важно ко всѣмъ товарамъ присматривается и покупаетъ все въ большомъ количествѣ: тысячъ пять рублей она выплатила готовыми, обрадовавъ тѣмъ купцовъ, прославлявшихъ ее. На обратномъ пути, аиста славнаго купца постигло несчастье: онъ потерпѣлъ на морѣ кораблекрушеніе, потерялъ все богатство и едва спасся самъ. Съ тѣхъ поръ

¹⁾ Последнія двѣ пѣсни едва ли заслуживаютъ порицанія. Ред.

аистъ, славный купецъ, съ печальной задумчивостью ходить по берегу то сюда, то туда, хватаетъ лягушекъ и водяныхъ гадовъ и потряхиваетъ ими, не найдетъ-ли въ нихъ своихъ денегъ?

Трудно уловить въ »Великомъ птичьемъ торгѣ« какую либо общую мысль. Это стихотвореніе носить на себѣ характеръ того разряда народныхъ произведеній, который извѣстенъ подъ именемъ животнаго эпоса: полнѣйшая объективность и вѣрность природнымъ чертамъ изображаемыхъ предметовъ даетъ право утверждать это.

»Узникъ«. Сюжетъ этой пѣсни взятъ изъ козацкой жизни: рассказывается здѣсь объ атаманѣ Донскихъ козаковъ — о томленіи его въ темницѣ и о смерти его. При впаденіи »тихаго« Дона въ Азовское море, говорится въ пѣснѣ, есть темница, въ которой заключенъ добрый воинъ, атаманъ козацкаго круга; нѣтъ у него друга-товарища, а есть подруги—раны; нѣтъ друга-помощи, а есть насмѣшникъ—это мѣсяцъ ясный, смотрящій въ круглое окно темницы съ веселымъ лицомъ и смѣющійся надъ тяжкою долею несчастнаго молодца. Разгнѣвался узникъ на злаго насмѣшника и началъ корить его. »Безславно насмѣхаться надъ несчастнымъ, позорно радоваться убитому. О, если бы я былъ на Дону, на моей ладѣ и ты показался мнѣ... на волнахъ, то я бы стрѣлами загналъ тебя за облака; длиннымъ копьемъ затопилъ бы на дно Дона тихаго«... Раздраженный наглостью мѣсяца, несчастный молодецъ сорвалъ съ себя повязки, обнажилъ глубокія раны и умеръ отъ истеченія крови.

Вотъ и всѣ пѣсни »Отголоска« (имѣющія эпическій характеръ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ лирическихъ и притомъ исключительно любовныхъ. Вотъ содержаніе каждой изъ нихъ.

»Свадебная пѣсня«. Пѣсня эта принадлежитъ къ числу дѣвичьихъ. Дѣвица проситъ мать не выдавать ее за стараго, выдать за молодаго. При этомъ старый женихъ представляется ѣдущимъ съ запада на саняхъ, въ шубѣ; путешествіе его происходитъ въ мятель и холодъ; гдѣ онъ проѣдетъ, тамъ полынь вырастаетъ. Молодой же ѣдетъ съ востока, верхомъ, въ легкомъ, голубомъ кафтанчикѣ, предъ нимъ вѣетъ теплый лѣтній вѣтерокъ, тамъ, гдѣ онъ проѣдетъ, цвѣты разцвѣтаютъ. Чувствованія, испытываемыя дѣвицею при мысли о выходѣ замужъ за стараго и за молодаго, и желаніе выйти за послѣдняго неоднократно служатъ темою для пѣсенъ Челяковскаго. Мотивы эти, дѣйствительно, знакомы и нашимъ народнымъ пѣснямъ.

»Романтическая любовь«. Содержаніе этого стихотворенія заключается въ слѣдующемъ. »Молодая дѣвица, молодая Васильевна« плачетъ и вздыхаетъ: она должна растаться съ милымъ на вѣки, потому

что послѣдній не нравится отцу и матери ея, которые хотятъ выдать ее за другаго. Милый уговариваетъ ее не плакать, общая бѣжать съ нею на островъ какаго-то озера, выстроить тамъ городъ, или сельцо и въ любви жить тамъ съ нею. Но милой не хочется оставить своего садика и цвѣточковъ, отца и мать, сестричекъ и подружекъ. Милый увѣряетъ ее, что и тамъ будетъ садъ: куда она взглянетъ, тамъ вырастутъ васильки, гдѣ умоется, расцвѣтутъ розы; отцомъ ея будетъ мѣсяць, матерью теплое солнце, подружками звѣздочки.

»*Любовь выше богатства*«. Дѣвушка рассказываетъ о томъ, какъ она вечеромъ гуляла съ милымъ по долинь и до полуночи говорила съ нимъ, смотря ему въ очи; а говорить-то приходилось, всего два словечка радостныхъ, и три жалостныхъ. Но утромъ мать била и бранила ее за эти прогулки; она же просила мать не беречь ея для немилаго, а выдать за милаго, потому что лучше видѣть дочь свою счастливою, чѣмъ богатою класть ее въ могилу. Тема о понужденіи со стороны родителей выходить за немилаго довольно часто затрогивается и русскими народными пѣснями.

»*Смерть милой*«. Въ этой пѣсни изображаются печальныя воспоминанія молодца. Молодецъ вспоминаетъ, что прежде въ отцовской деревнѣ было много радостей, которыя доставлялись вечеринками, душечками-дѣвицами; процвѣтавшими, какъ розы, и что между послѣдними лучше всѣхъ и милѣе сердцу была одна. Но родная деревня затоплена слезами молодца, засыпана его печальми, заросла горемъ и тоскою: алая роза лишилась листьевъ, красная дѣвица зарыта въ сырую землю. Тоскующій молодецъ отправляется въ отдаленные края, гдѣ не грѣетъ солнце, не сушатъ вѣтры, и ищетъ тамъ утѣшенія для своего печальнаго сердца.

»*Примиреніе*«. Темою этого стихотворенія служить непродолжительность гнѣва милаго и милой. Дѣвушка спрашиваетъ подругъ: »знаете ли вы, какъ продолжителенъ бываетъ гнѣвъ любви? Я поссорилась съ милымъ и перестала съ нимъ говорить, закопала свою любовь въ снѣгъ. Но подулъ теплый вѣтерокъ; снѣгъ растаялъ и любовь выросла въ цвѣтки: въ Свѣтлое воскресенье, вставши рано, я на улицѣ встрѣчаю милаго и говорю ему: »Христось воскресъ«. »Воистину воскресъ« отвѣчаетъ милый и цѣлуетъ меня«. »Ясное солнце будетъ покрываться мракомъ«, заключаетъ дѣвушка, »но никогда уже милая не будетъ въ ссорѣ съ милымъ«.

»*Признаніе*« изображаетъ чувствованія милаго и милой при первой ихъ встрѣчѣ другъ съ другомъ.

»*Покинутая*«. Въ этой пѣснѣ изображается грусть молодой дѣвушки о своемъ сиротствѣ. Она приходитъ къ источнику и, набравши воды, садится подь яворомъ съ опустившимися руками и головою и говорить своему сердечку: »калина не одна растетъ въ полѣ, а дѣвица одна живетъ среди чужихъ людей: нѣтъ у меня родныхъ, ни брата, ни сестры; отца и мать земля засыпала, а милаго друга отняла война и далекая сторона». Мысленно она строитъ двѣ хижины — въ одной живетъ мать съ отцемъ, въ другой она съ милымъ; около хижинокъ садочекъ. Но эта радостная мечта скоро исчезаетъ и грусть опять поселяется въ сердцѣ дѣвушки.

»*Дождливый милый*«. У есѣда молодой парень, у сосѣдки молодая дѣвушка. Молодецъ глядитъ въ окно дорогой сосѣдки, которая выскочивъ въ сѣни, хочетъ завести бесѣду съ милымъ парнемъ; по этому служить помѣхой злой отецъ парня, ходящій по саду. Дѣвушка поправляетъ дѣло тѣмъ, что обращается къ сизому голубку, сидѣвшему въ это время на крышѣ. Она приглашаетъ сизенькаго голубчика слетѣть съ крыши къ ея окошечку, гдѣ она посыпала пшенички и проса, говоря, что, если онъ это сдѣлаетъ по закатѣ солнца, то никто не увидитъ его. Этихъ рѣчей не понялъ ни сизый голубочекъ, ни старый отецъ; уразумѣлъ ихъ милый и пришелъ »поцѣловать милую и повеселиться съ ней».

»*Дѣвица радость*« имѣетъ своимъ содержаніемъ изображеніе радости дѣвицы, по причинѣ прибытія изъ »Петрова« милаго, съ которымъ она долго не видѣлась. Дѣвица выражаетъ желаніе, чтобы вся природа приняла участіе въ ликованіи ея сердца: солнышко красное проситъ она проясниться, вѣтерки весело повѣять, птичекъ запѣть и цвѣточки улыбнутся ей.

»*Отъездъ и возвращеніе*«. Здѣсь изображается тоска милой по милымъ, отправившемся на царскую службу, на бой съ турками, а за тѣмъ радость вслѣдствіе возвращенія его. При этомъ печальная дѣвица сравнивается съ весеннею розою, блекнущею отъ несвоевременнаго снѣга. мороза и холодныхъ вѣтровъ, а радующаяся дѣвица — съ розою, на которую падаетъ цвѣтъ съ яблони и которую колеблетъ теплый вѣтерокъ.

»*Два словечка*«. Изъ самаго заглавія можно уже заключить, что и эта пѣсня эротическаго содержанія. Дѣйствительно здѣсь представляется разговоръ двухъ сестеръ — старшей и младшей. Младшая спрашиваетъ старшую открыть ей, что »за бесѣду, что за тайныя рѣчи« она вела съ милымъ во время прогулки съ нимъ по лугу, за садомъ. »Ты голубушка, младшая сестричка«, отвѣчаетъ старшая, »ты родная моя».

моя вѣрная! я бы съ радостью довѣрилась тебѣ, всю бесѣду открыла бы, да изъ памяти рѣчи выпали, ради двухъ словечекъ друга милаго, прелюбезнаго... одно словечко: люблю тебя, другое словечко: ты моя на вѣки».

»*Ночная бесѣда*« изображаетъ молодого русскаго воина въ шведской землѣ, стоящаго на часахъ на высокой горѣ, смотрящаго внимательно на всѣ четыре стороны и бесѣдующаго съ милою, далекой стороною. съ роднымъ краемъ. Онъ проситъ родную сторону повѣдать о томъ, живъ ли старый отецъ его, тоскуетъ ли по немъ молодая жена и здоровы ли малыя дѣтки. Услышавъ отъ родной стороны, что старый отецъ живъ и молодая жена съ малыми дѣтками сохраняетъ къ нему любовь, »удалой молодець« проситъ родную сторону сослужить ему три службы: что первую службу—поклонъ старому отцу и пожеланіе доброй ночи; что вторую службу—отцовское благословеніе маленькимъ дѣткамъ, что третью службу—поцѣлуй и ласку милой женѣ.

»*Какъ угодить*«. Содержаніе этой пѣсни взято изъ семейной жизни. Свекоръ бранитъ невѣстку и наставляетъ »по своему разуму, по своему обычаю стародавнему«. Невѣстка обращается къ добрымъ людямъ, чтобы послѣдніе сказали ей, молодущкѣ, какъ угодить свекру; но сама рѣшаетъ, что достигнетъ этого, поклонившись ему и выпивши за его здоровье чашу вина. Въмѣсто свекра начинаетъ ворчать—точно пчелка вокругъ цвѣтка жужжить—свекровь, поучая свою невѣстку. Но и отъ нея послѣдняя легко умѣетъ отдѣлаться, ласковымъ словомъ и угощеніемъ. Третьимъ наставникомъ молодки является милый другъ, который, цѣлуя, учитъ »по своему разуму, по своему обычаю молодецкому«. Чѣмъ угодить этому учителю, она сразу догадалась: »Знаю я, знаю«, говоритъ она, какъ угодить милому: его нужно обнять и поцѣловать и сказать ему: »о тебѣ мой миленькій, я забочусь для тебя я живу, свѣтикъ мой!«

»*Отсѣдѣвшій*«. Добрый молодець, въ зимнюю пору, ѣдетъ къ милой; его кудри, усы и брови побѣлѣли отъ мороза. Въ такомъ видѣ милая принимаетъ его за старика и равнодушно смотритъ на него черезъ окно свѣтлицы. Но, услышавъ его голосъ, она бросается обнимать и цѣловать милаго — и, вотъ, почернѣли у старика и кудри, и брови, и усы.

Справедливость требуетъ сказать, что лирическія пѣсни не отличаются особенною глубиною мысли и богатствомъ содержанія, что, однако, вознаграждается прекраснымъ языкомъ и стихомъ, а также глубиною, свѣжестью и нѣжностью изображаемыхъ чувствъ («Отсѣ-

дѣвшій», «Какъ угодить», а особенно «Два словечка». Образцомъ легкости стиха и соответствія его съ легкимъ характеромъ содержанія можетъ служить стихотвореніе «Догядливый милый». Относительно поэтическихъ приемовъ и языка всей книги «Отголоска русскихъ пѣсенъ» нужно замѣтить, что они весьма хорошо подмѣнены Челяковскимъ въ русскихъ пѣсняхъ и переданы въ его собственныхъ. Таковы отрицательныя сравненія: «не покрылася осеннимъ листомъ долина, долинушка, а разсыпалось по сторонѣ, сторонущкѣ, русское войско («Ночная бесѣда)». Обиліе эпитетовъ, взятыхъ буквально изъ русскихъ пѣсенъ, частое повтореніе однозначущихъ, а также уменьшительныхъ словъ, олицетворенія неодушевленныхъ предметовъ составляютъ отличительныя черты «Отголоска русскихъ пѣсенъ». Напр. «Молодой воинъ», *удалой* молодець», «съ *милою* далекою странюю, *роднымъ* краемъ», «родная мать», «ты *повѣдай*, *повѣщай*» (Ночная бесѣда).

Вотъ первые стихи былины «Богатырь муромецъ»:

Oj za horami, za vysokými
 Za těmi lesy, za hustými,
 A za lesy hustými Lichvinskými,
 Vyletoval jasný, mladý sokol...
 Oj za horami, za vysokými,
 Za těmi lesy, za hustými,
 A za lesy hustými Lichvinskými,
 Na koni se ubíral dobrý mládenec.

(Ой за горами, за высокими,
 За тѣми лѣсами, за густыми,
 А за лѣсами Лихвинскими,
 Вылеталъ ясный соколъ....
 Ой за горами, за высокими,
 За тѣми лѣсами, за густыми,
 А за лѣсами густыми Лихвинскими,
 Выѣзжалъ добрый молодець на конѣ).

Большія достоинства за «Отголоскомъ» признаны многими. Фр. Палацкій въ «Часописи Чешскаго музея» за 1830 г. помѣстилъ рецензію на «Отголосокъ». Вотъ какъ онъ отзывался о высокихъ достоинствахъ народной поэзіи, которая усвоена и выражена Челяковскимъ въ его «Отголоскѣ»: «Нами владѣютъ мертвые образцы и формы: мы думаемъ, что не можемъ творить, если наши стихотворенія не подходятъ подъ рубрику оды или пѣсни, баллады, элегіи, идилліи и т. д. Но живая область поэтическихъ формъ такъ же безконечно разнообразна, какъ разнообразны породы цвѣтовъ въ природѣ, и поэтический духъ подобенъ творческой силѣ природы, которая

прихотливо украшаетъ всѣ сады и цвѣтники въ непостижимомъ разнообразіи, и украшаетъ изыщнѣе, чѣмъ это можетъ сдѣлать какое бы то ни было наше искусство и стараніе. Эта-то божественная творческая сила, основанная на человѣческомъ чувствѣ и на соединенной съ нимъ фантазіи, обнаруживается и въ пѣсняхъ простаго народа, часто тѣмъ краше и живѣе, чѣмъ онѣ безъискусственнѣе, такъ какъ простому народу не чужды ни нѣжность чувствъ, ни живость воображенія. Многія народныя пѣсни прекраснѣе, нежели всѣ оды, гимны и элегіи въ какой угодно литературѣ. »Подражаніе этимъ пѣснямъ«, продолжаетъ Палацкій, »возможно только для того, кто владѣетъ тою силою духа, которою Богъ надѣлилъ человѣка по своему образу и подобию«. О такой духовной мощи Челяковскаго, по мнѣнію Палацкаго, несомнѣнно свидѣтельствуетъ «Отголосокъ русскихъ пѣсень». »Много ли«, спрашиваетъ рецензентъ, »у всѣхъ народовъ столь прелестныхъ пѣсень, каковы здѣсь »Примиреніе«, »Покинутая«, »Дѣтская пѣсня«, »Смерть Александра«, »Великая панихида«, »Два словечка«, »Ночная бесѣда« и т. д.? Первое достоинство ихъ не то, что въ нихъ вѣрно выдержаны русскій духъ и форма, но, что онѣ, въ характеристическихъ чертахъ русской жизни, представляютъ чистыя издѣлія воспріимчиваго человѣческаго сердца и тѣмъ возбуждаютъ и поддерживаютъ въ человѣкѣ тлѣющую въ душѣ его божественную искру«. Далѣе, какъ на образцовое выраженіе народнаго мышленія и чувствъ, или же юмора, Палацкій указываетъ на »Большой птичій торгъ« и на фантастическія рассказы »Чурила Пленковичъ« и »Илья Волжанинъ«. Въ частности о послѣднемъ Палацкій говоритъ: »Все въ этомъ рассказѣ удачно: богатство вымышленныхъ чертъ и ихъ живая взаимная связь, народный колоритъ въ изложеніи, живость фантазіи, буйная необузданность, а вмѣстѣ съ тѣмъ мягкость и воспріимчивость, въ характерѣ Ильи, и наконецъ таинственная сила обманчивой стихіи, которая служитъ основою этого фантастическаго рассказа, — все это свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ дарованіи поэта«. Талантливое изображеніе нѣжныхъ чувствъ Палацкій видитъ во многихъ изъ пѣсень, напр. въ »Великой панихидѣ« и »Смерти Александра«. Что касается внѣшнихъ сторонъ »Отголоска«, то Палацкій говоритъ о нихъ слѣдующее: »Кромѣ особеннаго размѣра, нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, постоянныхъ поэтическихъ формъ, а также допущенія кое-какихъ грамматическихъ особенностей для лучшаго выраженія народныхъ чертъ, авторъ всюду держался простаго, но все-таки поэтическаго слога и доказалъ (въ чемъ впрочемъ вѣльзя и сомнѣваться), что настоящая поэзія льется всегда ясно, чисто и непринужденно«.

Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ.

»Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ«, какъ и русскихъ, не есть цѣльное произведеніе, а сборникъ стихотвореній; по достоинству онъ занимаетъ первое мѣсто послѣ »Отголоска русскихъ пѣсенъ«. Общій характеръ чешской народной поэзіи выразился въ этихъ стихотвореніяхъ, такъ что авторъ справедливо назвалъ ихъ »Отголоскомъ чешскихъ пѣсенъ«. Уже замѣчено, что лирика была наиболѣе любимымъ родомъ Челяковского. Такому направленію способствовали не только душевныя свойства нашего поэта, но также и образцы его, чешскія народныя пѣсни, которыя почти исключительно принадлежать къ лирическому роду. Дѣйствительно, изъ множества мелкихъ стихотвореній, составляющихъ »Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ«, только 3—4 могутъ быть отнесены къ эпосу, всѣ же остальные слѣдуетъ причислить или къ *лирическимъ*, или къ *лирико-эпическимъ* произведеніямъ. Что же касается чувствъ, которыя изображаются въ разсматриваемыхъ стихотвореніяхъ, то изъ нихъ *любовь* пользовалась наибольшимъ вниманіемъ нашего поэта, такъ что самое большое количество стихотвореній могутъ быть названы *любовными*; многія изъ нихъ отличаются *шуточнымъ* тономъ, или же тономъ насмѣшки, ихъ прилично назвать *шуточными*; есть также пѣсни съ отбѣнкомъ злой шутки. Любовныя могутъ быть причислены къ *элегическому* виду, шуточныя къ *сатирическому*. Къ эпическимъ произведеніямъ въ составъ »Отголоска чешскихъ пѣсенъ«, могутъ быть отнесены: »*Томанъ и льсная дѣва*«, »*Проконъ Голый*«, »*Свадебный день*«, »*Старый садовникъ*« и »*Цыганова дудочка*«. Баллада »*Томанъ и льсная дѣва*« имѣетъ признаки, характеризующіе романтическую школу. Вотъ содержаніе этого произведенія: Вечеромъ, на канунъ Иванова дня, сестра говоритъ Томану: »куда ты поѣдешь въ этотъ поздній часъ?« Томанъ отвѣчаетъ, что онъ ѣдетъ къ своей милой, и чтобы сестра ждала его на разсвѣтъ. Сестра совѣтуетъ Томану не ѣхать дубравой, а объѣхать полемъ, мимо Святой Горы. Братъ послушался и поѣхалъ полемъ. Подъѣзжая къ дому милой, онъ слышитъ въ немъ большой говоръ. Смущенный этимъ Томанъ наклоняется съ коня къ окну и видитъ свою милую, ласкающуюся къ своему жениху и смѣющейся; отецъ и мать ея ведутъ бесѣду съ многочисленными гостями. По ржанію Томанова коня невѣста узнаетъ о присутствіи оставленнаго милаго; она шепчетъ что-то на ухо сестрѣ; послѣдняя выходитъ къ Томану и объясняетъ ему, что его милая »на вѣки съ нимъ разсталась и другому досталась«: что онъ уже достаточно наѣздилися къ нимъ, что те-

перъ у нихъ болѣе близкіе гости, и чтобы онъ искалъ себѣ счастья въ другомъ мѣстѣ. Томанъ поворачиваетъ коня, скачетъ въ широкое поле, стиснувъ зубы, съ мрачнымъ челомъ: кругомъ все невесело. Была полночь, мѣсяцъ скрылся за тучи, на силу вѣдникъ нашель до-рогу; мчится онъ къ дубравѣ: »всѣ красныя звѣздочки изъ тьмы вы-сыпали, а моя молодость омрачилась горемъ!« Вотъ ѣдетъ онъ дубра-вою; надъ головою у него шумить лѣсъ, холодный вѣтеръ свиститъ; надъ долиною кричитъ сова, конь сверкаетъ глазами и водитъ уша-ми. Вдругъ изъ чащи летитъ олень, а на немъ сидитъ лѣсная дѣва. Платье на ней зеленое, на распущенныхъ черныхъ кудряхъ горитъ шапочка, унизанная свѣтляками. Быстро какъ стрѣла облетаетъ она коня три раза и потомъ несется рядомъ съ юношею: »парень лихой, не отчаивайся, пусти на вѣтеръ свою горестъ!« Такъ напѣвая, дѣва смотритъ юношѣ въ глаза — Томанъ чувствуетъ въ сердцѣ перемѣну. Лѣсная дѣва продолжаетъ свою пѣсню, обѣщая ему тысячу радостей— беретъ она его за руку, и потокъ сладости разливается по всѣмъ чле-намъ его. Ѣдетъ очарованный юноша дальше и дальше, подлѣ рѣки, подлѣ скалъ; дѣва продолжаетъ: »парень лихой! ты мой, ты мой; ѣдемъ вмѣстѣ въ мое жилище: въ моемъ домѣ никогда тебѣ не за-хочется дневнаго свѣта—парень лихой! мой ты, мой! ѣдемъ въ мое жилище!« Цѣлуетъ она Томана въ уста, обнимаетъ его: у Томана сердце прыгаетъ; онъ выпускаетъ поводья и падаетъ съ коня подъ скалами, среди лѣса... Восходитъ солнце надъ горою, конь скачетъ ко двору, печально гребетъ подковою и ржаньемъ приноситъ недобрую вѣсть. Сестра подскакиваетъ къ окну, ломая руки: »Братъ мой! бра-тецъ мой! гдѣ ты кончилъ жизнь свою?«

Мы назвали эту пѣсню балладой. Присутствіе въ ней фантасти-ческаго элемента даетъ право на это. Въ томъ же чудесномъ элементѣ обнаруживается вліяніе на Челяковскаго романтиковъ; слѣды ро-мантизма здѣсь видны ясно въ изображеніи феи и ея фантастическаго путешествія вмѣстѣ съ Томаномъ — таковы: ночная темнота, шумъ лѣса, мерцанье звѣздъ, крикъ совы, сама эта волшебная дѣва въ своемъ необыкновенномъ нарядѣ, ѣдущая на оленѣ, очаровательныя ея пѣсни и, наконецъ, фантастическое исчезновеніе юноши. Нельзя также не замѣтить, что въ этомъ стихотвореніи нашего поэта не обо-шлось и безъ любви, изображеніе которой было почти необходимымъ элементомъ каждаго произведенія романтиковъ. Что касается поэтиче-скихъ достоинствъ »Томана«, то они гораздо ниже таковыхъ въ сти-хотвореніяхъ «Отголоска русскихъ пѣсенъ»¹⁾.

¹⁾ Приговоръ, кажется, не вполне справедливый. Ред.

»Прокopfъ Голый« — также баллада, но баллада историческая, сюжетомъ для которой служить событіе изъ эпохи Гусситскихъ войнъ. Вотъ о чемъ повѣствуется въ рассматриваемой пѣснѣ: На лугахъ, между горами, раскинуть лагерь, а въ немъ Прокopfъ Большой со своими латниками ждетъ вѣсти о миломъ племянникѣ. Послѣдній, своротивши съ дороги съ маленькимъ отрядомъ, въ лѣсу былъ окруженъ Сезимомъ; горсть его воиновъ разсѣяна, и самъ онъ израненный взять въ плѣнъ. Въ полдень возвращается отъ Сезимы посолъ Прокopфа и сообщаетъ, что Сезима не хочетъ никакого выкупа и самого Прокopфа бранить самыми поносными словами. »Если Прокopfъ хочетъ взять племянника«, говорить Сезима съ насмѣшкой, »то пусть придетъ самъ—я его даромъ отдамъ ему«, передаетъ посолъ. Слушая эти рѣчи, Прокopfъ приходитъ въ ярость: завертѣлъ онъ надъ головою булавою, подъ мрачнымъ челомъ засверкало сто молносныхъ взглядовъ. Загремѣлъ гнѣвный приказъ, и лагерь поднялся: собираются всадники и пѣшие; оружіе блеститъ на солнцѣ, и по обычаю надъ войскомъ развѣвается знамя Жижки; ѣдутъ возы въ два ряда — бѣда тому на кого этотъ улей выростетъ! Впереди идутъ цѣпники, сзади щитники. гремя: »вы, Божьи воины!« Идутъ войска по полямъ, идутъ по ущельямъ, а, когда вечерняя тьма разстиралась по землѣ, пришли подъ крѣпость Каменецъ, въ которой расположился Сезима. Вблизи Каменца, на распутьѣ, увидали воины наткнутую на шесть человѣческую голову и колесованное тѣло, которое клевали вѣроны. Прокopfъ молвилъ тихо: »жаль мнѣ, дядя, твоихъ разметанныхъ членовъ; жаль, что они съ нами не отправляются къ строгому суду«. Голова отвѣчаетъ, какъ живой человѣкъ: »я тебѣ не дядя—я твой племянникъ; во время перемирія Сезиминцы взяли меня, тѣло мое колесовали, а голову на колъ посадили«. Смутился вождь: его взоръ помрачился, булаву онъ выпустилъ подъ ноги коня; поднялъ онъ руку къ небу, какъ для присяги, а что онъ думалъ, только злая сила знаетъ. Прокopfъ со своими ратниками хоронитъ тѣло племянника съ надлежащими обрядами, беретъ съ собою остріе кола и отправляется дальше. Подступаютъ къ Каменцу; нѣсколько разъ бросаются на штурмъ, но всякій разъ Сезиминцы отражаютъ ихъ. Больше двухъ недѣль стоятъ они подъ крѣпостью. Наконецъ Прокopfъ, не желая тратить много времени на осаду, прибѣгаетъ къ хитрости: онъ велитъ своему войску быстро двинуться къ западу на четверть мили и опять воротиться съ новою силою. Утромъ Сезиминцы съ крѣпостныхъ валовъ со смѣхомъ провожаютъ своихъ враговъ; у самого Каменецкаго пана оживаетъ сердце, что онъ освободился отъ лихихъ гостей. Но вдругъ Сезима падаетъ

мертвый: самъ Прокопъ, притаившись по близости, пустилъ въ него стрѣлу, скованную изъ острія кола. Привалила затѣмъ и рать, и вскорѣ яростные Табориты въ каменецкомъ замкѣ сурово хозяйничали. Сезимино тѣло торчитъ на колу, зарево отъ замка свѣтитъ надъ боромъ, а войска потянулись дальше, распѣвая: »вы, Божьи войны«.

Въ *»Свадебномъ днѣ«* разсказывается объ одномъ несчастномъ случаѣ съ новобрачными, которыхъ, тотчасъ послѣ вѣнчанія, кони понесли съ горы и повергли въ пропасть.

»Старый садовникъ«. Содержаніе этого стихотворенія не сложно: у стараго садовника красавица-дочь; никто не можетъ надивиться ея красѣ. Поэтъ проситъ садовника повѣдать, гдѣ онъ взялъ этотъ драгоценный цвѣтокъ. Садовникъ отвѣчаетъ, что самъ выхолилъ его. Поэтъ совѣтуетъ матерямъ обратиться со своими дочерьми къ садовнику, чтобы послѣдній и ихъ привилъ, за что потомъ ихъ будутъ благодарить юноши.

»Цыганова дудочка«. Цыганята выражаютъ сожалѣніе о томъ, что покойникъ-батюшка не позаботился о нихъ и не отказалъ имъ удивительной дудочки, при помощи которой онъ вызывалъ изъ домовъ прусаковъ и крысъ, за что получалъ хорошую плату.

»Прокопъ Голый« есть одно изъ лучшихъ произведеній *»Отголоска чешскихъ пѣсенъ«*. Характеръ Гусситскихъ войнъ изображенъ вѣрно: жестокость, хитрость и въ тоже время необычайное воодушевленіе и храбрость знаменитыхъ полковъ, передъ которыми не могли устоять никакія силы, а также личность самого Прокопа—все это согласно съ историческими разсказами о томъ грозномъ времени. Языкъ стихотворенія отличается силою, энергіей и звучностью, что находится въ полномъ соотвѣтствіи съ излагаемымъ содержаніемъ. Что касается другихъ эпическихъ стихотвореній, то они ни по внутреннимъ достоинствамъ, ни по внѣшнимъ качествамъ не могутъ быть поставлены высоко — напрасно мы стали бы искать какой нибудь серьезной идеи въ *»Свадебномъ днѣ«*, *»Цыгановой дудочкѣ¹⁾«*, въ *»Старомъ садовникѣ«*; но нѣкоторыя изъ нихъ не лишены звучности и игривости въ стихѣ.

Если изъ только что разсмотрѣнныхъ стихотвореній съ трудомъ могутъ быть причислены къ эпическому роду два или три, то остальные произведенія *»Отголоска«* непременно слѣдуетъ считать лириче-

¹⁾ Смыслъ Цыгановой дудочки: Чехи забыли искусство предковъ, которые отлично справлялись со *»швабами«* и *»нѣмецкими«* мышами. Ред.

кими. По содержанію и по тону ихъ можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ. Самый обширный разрядъ представляютъ пѣсни любовныя, за тѣмъ идутъ бытовыя; къ сатирическому виду лирики нужно отнести пѣсни шуточные; есть нѣсколько стихотвореній, которыя можно назвать элегіями. Любовныхъ пѣсенъ насчитывается около 30-ти. Таковы: »Сплетня«, »Позднее сожалѣніе«, »Обѣщаніе«, »Колдунья Стаса«, »Доброе наставленіе«, »Ревнивый«, »Дорогой пѣвецъ«, »Заботливая милая«, »Невѣрный милый«, »Слезы и вздохи«, »Славная дѣвушка«, »Бракосочетаніе«, »Милый выше всего«, »Подарокъ по любви«, »Кроткая голубка«, »А что дальше — не скажу«, »Сила очей«, »Букетики«, »Ѣзда къ милой«, »Злигрываніе«, »Удалой парень«, »Размышленіе«, »Возвращеніе отъ милой«, »Нарушеніе обѣта« и нѣкоторыя другія. Всѣ эти стихотворенія имѣютъ своимъ предметомъ любовныя отношенія — въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной пѣсни, въ которой не упоминалось бы о милой и миломъ и о любви. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ стихотвореній.

Въ »Сплетня« дѣвица обращается къ послѣдней со слѣдующими словами: »сплетня, ты, сплетня! кто тебя съѣтъ, что ты, выросши изъ маленькаго зерна, наполняешь цѣлый городъ? У тебя колючіе листья: ни одинъ серпъ тебя, ни коса не выкоситъ съ поля! Мать послала меня къ вамъ, мой милый, за огурцами, а тамъ шепчуть будто я бѣгаю за тобою; ты подарилъ мнѣ платочекъ и ленточку къ празднику — заговорили, что это не даромъ; встрѣтились мы съ тобой на дорогѣ случайно — стали болтать, что мы сговорились«.

Въ »Позднемъ сожалѣніи« дѣвушка сожалѣетъ, что она уступила своей тетѣ канцеляриста, съ которымъ она слюбилась во время службы своей въ пивоварнѣ. Въ »Колдунья Стаса« говорится, что нужно сжечь или утопить колдунью Стасу, которая отравила девять юношей ядомъ своихъ черныхъ очей, девять сожгла пламенемъ щекъ, и испортила даже самого управляющаго.... Въ »Ревнивомъ« изображается печаль молодой жены, на которую разгнѣвался мужъ. »Золотое солнышко«, говоритъ она, »скрылось за тучею — цѣлую недѣлю его будто не было на небѣ. Куда ни смотрю, всюду тьма представляется моимъ глазамъ. Когда же опять выйдетъ мое солнышко?« Мужъ гнѣвается, и она не знаетъ за что, а онъ дуется — словомъ съ нею не перекинется, охотиѣе глядитъ въ уголь, чѣмъ на нее: спроситъ ли она его о чемънибудь — онъ опуститъ голову; пожелаетъ ли доброй ночи — и не отвѣтитъ. Молодая женщина спрашиваетъ мать свою, ужъ не она ли возстановила сына противъ нея, спрашиваетъ сестрицу, ужъ не было ли ей завидно смотрѣть на ихъ любовь. Наконецъ она умо-

ляеть своего муженька не мучить ея, а, если она въ чемъ провинилась, то лучше выбрать ея: вынесетъ она и упреки, но это молчаніе все равно что смерть. »Съ кѣмъ ты тогда шла?» спрашиваетъ мужъ. »Тебя вѣдь видѣли: какой срамъ!« »Это былъ братецъ« отвѣчаетъ она, »ты меня понапрасну мучилъ и обижалъ... только я не могу на тебя сердиться«.

Въ »*Дорогомъ твоемъ*« милая выражаетъ готовность за пѣсенку дать милому поцѣлуй. Пѣвецъ отвѣчаетъ, что изъ одного цвѣточка нельзя сдѣлать букета: онъ хочетъ столько поцѣлуевъ за пѣсенку, сколько необходимо цвѣтовъ на букетъ.

Въ »*Заботливой милой*« парень опасается, что вѣтеръ занесетъ дорогу, и онъ заблудится въ лѣсу. Милая упрасиваетъ его подождать до полуночи, обѣщая найти ему проводника: проводникомъ этимъ является свѣтлый мѣсяць. Въ »*Невѣрномъ миломъ*« дѣвушка случайно открываетъ измѣну своего возлюбленнаго, пришедши за водою въ лунную ночь и услышавъ за кустомъ поцѣлуй и голосъ измѣнника. Она глубоко скорбитъ: если она и помирится съ этой утратой, но до могилы будетъ жалѣть о своей любви. Въ »*Слезакъ и вздохахъ*« любящія говорятъ, что, если бы собрать пролитыя ими слезы, онѣ затопили бы дуга, если собрать ихъ вздохи—отъ нихъ бы колокола зазвонили. »*Подарокъ по любви*«. Милый находитъ на дорожкѣ кораллы, нанизанныя на пять шнурочковъ, и даритъ эту находку своей милой: вѣдь всякій знаетъ, что и маденькій подарочекъ дорогъ изъ милыхъ рукъ—утраты его нельзя замѣнить ни серебромъ, ни золотомъ. »*Кроткая голубка*«. Голубка летитъ съ дуба къ своему голубку и цѣлуется съ нимъ: пойду жъ и я къ своему милому!« Въ »*Бракосочетаніи*« говорится о женихѣ, готовившемся къ вѣнцу, но внезапно подвергшемся болѣзни; молитвы горячо любящей невѣсты не помогаютъ его выздоровленію—онъ умираетъ. Милая лишается ума; въ полночь ей представляется голосъ, успокаивающій ее и зовущій на вѣнчаніе съ милымъ. Она одѣваетъ свое лучшее платье и влетаетъ въ косы вѣнокъ — и вскорѣ она дѣйствительно соединилась съ женихомъ въ »домикъ съ зеленою крышею, въ вѣчно запертой комнатѣ«. »*Защрываніе*«. Милая на кладочкѣ, надъ ручьемъ, манитъ милаго къ себѣ чернымъ окомъ: »иди, милый, за мною, дай мнѣ руку—такъ не упадешь въ воду. Пойдемъ въ садочекъ, я дамъ тебѣ яблочекъ. Не бойся—что тебя испугало? прижмись ко мнѣ: это голубокъ на деревѣ спалъ, а мѣсяць разбудилъ его отъ сна«. Невотъ мѣсяць заходитъ, и заходятъ звѣзды—пора разстаться. »Прощай, милый мой! Когда мы опять съ тобою увидимся?« »*Пропитаніе на круглый годъ*«. Милая говоритъ милому, что они будутъ

хорошо хозяйничать: »у тебя мало, и у меня мало, но придетъ помощь съ неба: зимой у насъ снѣгъ будетъ вмѣсто творога ¹⁾); весною крупу найдемъ на улицѣ ²⁾); лѣтомъ будемъ наниматься косить и жать; осенью будемъ за грибами ходить—славная вещь грибки ³⁾)!« »*Отправданіе*«. Мать спрашиваетъ у дочки, почему это у нея зардѣлась щека. Дочь отвѣчаетъ, что милый увидѣлъ ее дремлющею за работою, и потому она сконфузилась. »Отчего же«, замѣчаетъ мать не зардѣлись обѣ щеки?« Находчивая дочка отвѣчаетъ: »онъ, должно быть, на обѣ не смотрѣлъ: мы только однимъ глазкомъ посматривали другъ на друга«. »*Птенецъ*«. Дочь говоритъ матери, что внутри ея что-то играет и поетъ—вѣрно птичка. Она проситъ клѣточку, чтобы туда посадить эту птичку, которая будетъ веселить ихъ своимъ пѣніемъ.

Ко второму разряду лирическихъ стихотвореній мы отнесли бытовья; этихъ пѣсень, кажется, только двѣ—»Весенняя« и »Зимняя«.

Не желая лишать прелести стиха Весенней пѣсни, привожу ее цѣликомъ, съ объясненіемъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій:

Ай, ай, ай —

На заградцѣ (въ садочкѣ) май!

Развило се вонне квити (разцвѣли благовонные цвѣты)

По загону си се свити (на грядкѣ такъ и блестятъ):

Ай, ай, ай,!

На заградцѣ май!

»Май, май, май—

Зелена се гай (зеленѣеть роща)!

Птацтво либѣ позпѣвуе (птицы сладко поютъ),

Гниздечко си управуе (устраивая себѣ гнѣздышко):

Май, май, май—

Зелена се гай!«

Гай, гай, гай —

Ве сырдечку рай!

Натыргам я, милы, руже (нарву я, милой, розъ)

Постелю ти ими луже: (устелю ими тебѣ ложе):

Гай, гай, гай—

Ве сырдечку рай!

»Рай, рай, рай

З твоихъ ми очи грай (пусть играетъ въ твоихъ очахъ)!

¹⁾ Въ подлинникѣ игра словъ: homolku ze snĉhu —homolku говорится о снѣгѣ (=снѣжки) и означаетъ также лепешки сушеного творогу.

²⁾ Игра словъ: krocu а) крупа б) градъ.

³⁾ Hubiĉku а) грибки б) поцѣлуи.

Постель, мила, потмехути (постели, милая, паслену)

Сладши буде оддехнути:

Рай, рай, рай

З твоих ми очи грай!»

Не мало прелести придають этой (бытовой?! Ред.) пѣсенкѣ необыкновенная легкость стиха и игра словами »май«, »гай«, »грай«, »рай«. Самая эта легкость совершенно соотвѣтствует радостному, легкому настроенію человѣка, производимому веселыми картинами весны.

Не меньшимъ достоинствомъ обладаетъ вторая пѣсенка. Въ »Зимней« пѣснѣ описываются чувства дѣвушки во время зимы, въ отсутствіе милаго. »Какую тоску принесла мнѣ нынѣшняя зима — какъ будто свѣтъ передъ глазами помутился! Всѣ дороги и тропинки, по которымъ мы хаживали вмѣстѣ съ милымъ, засыпало снѣгомъ! Все тѣснить мою душу—чуть сердца не выдавливаютъ изъ груди. Я—словно бѣдненькая птичка, которая сѣла на снѣжную поляну и ищетъ зернышекъ, но ничего не находитъ«.

Шуточныхъ пѣсенъ насчитывается въ разсматриваемомъ сборникѣ десятка полтора. Таковы: »Средство противъ чрезмѣрной любви«, »Иванушка«, »Послѣ работы«, »Чешскій крестьянинъ«, »Судья изъ Козлова«, »Веселая ѣзда«, »Путникъ«, »Календарь, а не попъ«, »Срѣзая«, »Внучата къ дѣдушкѣ«, »Послѣдняя воля«, »Сомнѣнія« и т. д. Вотъ прозаическій переводъ »Средства противъ чрезмѣрной любви«: »Ахъ, Аннушка, ты моя жемчужинка единая, единственная! Ты меня на смерть ранила своею красотою. Какъ небо у меня надъ головою высоко, высоко, такъ я тебя храню въ своемъ сердцѣ глубоко, глубоко!« »Это, Ваничка, совсѣмъ не бѣда, ты только дырку въ сердечкѣ снизу продѣлай: если я лежу у тебя на глубокомъ днѣ сердца, то ты вытрусíš меня по широкому свѣту!«

«Иванушка«. Ёдутъ два барина съ барышнею и спрашиваютъ, какъ проѣхать въ село Лыготу. Иванъ отвѣчаетъ: »такъ, такъ, господа, такъ« и показываетъ въ разныя стороны. Смыслъ шутки тотъ, что селъ съ названіемъ Лыгота въ Чехіи много. »Послѣ работы«. На полѣ и въ огородахъ всего понасыяно и понасажено: овса для лошадей, ячменю и пшеницы для дома и для погреба, льну для женъ, рѣдьки для вдовцовъ, яблонекъ для молодцевъ, ольхъ и конопли для мопениковъ... »Чешскій крестьянинъ«. Идетъ крестьянинъ изъ трактира—ему и дороги мало, а придетъ къ барину, и куда дѣвается спѣсъ его—онъ чешетъ за ухомъ, потираетъ лобъ, какъ будто полдуши изъ него вылетѣло, и жалуется на неурожай и нужду. »Судья изъ Козлова«. Панъ судья изъ Козлова женился на паннѣ Гейдулѣ, нѣмкѣ изъ

Русова. Панъ вѣсилъ четыреста фунтовъ, а панна только пять. Ъдутъ молодые домой, а у самаго Козлова экипажъ опрокидывается съ новою парочкою въ болото. Только около полуночи крестьяне, возвращавшіеся съ работы замѣтили пана и помогли ему. А легкая супруга—уплыла. »Веселая ѣзда«. »Я молодецъ изъ Яворья, у меня есть милая въ Загорьѣ; тужить-плакать—не мое дѣло! Пророчила мнѣ покойница бабушка, что у меня голова посѣдѣетъ прежде времени, да едва-ли она правду говорила!« »Кого ты это везешь, Матюха? Поѣзжай по-тише—повозку сломаешь!« »Чертъ знаетъ, кого я везу—полбарина, полбрюха, — знай храпитъ себѣ въ шубу! Кони не мои, повозка чужая, такъ велика ли бѣда, что грязь по ступицу?« »Путникъ«. Въ этомъ стихотвореніи изображается жизнь человѣка, въ видѣ путешествія. Не легко путешествовать: перейдешь черезъ гору, а тамъ другая — переживешь одно горе, и явится другое. Но богачу все-таки лучше, чѣмъ бѣдняку: онъ ѣдетъ въ прекрасной коляскѣ, а тотъ пѣшкомъ бредетъ по дождю, по слякоти; за то бѣдняку всякая погода ни-почемъ, лишь бы были у него здоровыя ноги и хорошіе сапоги. Къ тому же подчасъ достается и богачамъ: иногда колесо сломается; иногда коляска перевернется; а въ концѣ концовъ, всѣ мы, знатные и незнатные, очутимся на ночлегѣ въ одной и той-же гостинницѣ.

»Смѣшанныя стихотворенія«.

Смѣшанныя стихотворенія составляютъ третій сборникъ произведеній Челяковского, который, по содержанію, слѣдуетъ считать едва-ли не болѣе важнымъ, чѣмъ два предыдущіе. Если стихотворенія первыхъ двухъ сборниковъ носятъ на себѣ характеръ подражательный, соотвѣтствуя своему названію »Отголосковъ« народныхъ русскихъ и чешскихъ пѣсенъ, то »смѣшанныя стихотворенія« заслуживаютъ названія оригинальныхъ. Въ нихъ болѣе, чѣмъ въ первыхъ, отразилась личность поэта, его взгляды на разные предметы и явленія. Но и въ этомъ сборникѣ Челяковский остался вѣренъ общему направленію своей поэтической дѣятельности: изъ четырехъ слишкомъ десятковъ стихотвореній едва-ли хотя одно можно отнести къ эпическому роду; почти всѣ они запечатлѣны глубокимъ лиризмомъ. Нельзя также не замѣтить, что эти произведенія, служа отраженіемъ міровоззрѣнію поэта, его чувствъ и впечатлѣній, отличаются большею серьезностью содержания, заключаая въ себѣ изображеніе чувствъ патріотизма, семейныхъ привязанностей и т. д., хотя и здѣсь большая часть стихотвореній имѣетъ содержаніе эротическое. Не вдаваясь въ подробный разборъ

этихъ произведеній съ историко-литературной и художественной стороны, укажемъ существенное содержаніе хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Къ любовнымъ стихотвореніямъ относятся: »Воспоминаніе«, »Къ Леночкѣ«, »Бѣла красавица«, »Горличка«, »Дѣвица, я тебя приворожу!«, »Помѣшанная дѣвушка«, »Цѣломудренная кельнерша«, »Все погибло«, »Тоска по Бѣлинкѣ«, »Знаменія смерти« и другія.

Въ »Воспоминаніи« поэтъ обращается къ какой-то Юленькѣ¹⁾. »О тебѣ, милая дѣвица«, говоритъ онъ, »я думаю, когда прелестное утро, въ своей ранней красѣ, пробуждаетъ меня отъ сна и манитъ въ рощицу. О тебѣ думаю и въ то время, когда взошедшее солнышко, въ полуденный часъ, ниспосылаетъ утѣху, когда прелести природы возбуждаютъ во мнѣ радость«. Вечеромъ, когда сижу у ручья, я печально черезъ лѣсъ гляжу въ тѣ края, гдѣ ходитъ моя золотая Юленька; а въ тихомъ ночномъ уединеніи, уносясь вдаль за вами, вѣрныя звѣздочки, посылаю ей поцѣлуи.

»Къ Леночкѣ«. Поэтъ напоминаетъ возлюбленной о ея обѣщаніи сдѣлаться его женою съ наступленіемъ весны. Милая говорила ему зимой, что, когда изъ лѣсовъ исчезнетъ снѣжокъ, когда луга покроются травой, когда сады разцвѣтутъ, они будутъ принадлежать другъ другу. Поэта берутъ опасенія, не замышляетъ ли милая черной измѣны: уже снѣгъ исчезъ изъ лѣсовъ, уже травка покрываетъ луга, аисты прилетѣли, а у нихъ еще и оглашенія не было. Поэтъ проситъ возлюбленную не медлить долѣе, чтобы въ маѣ они могли уже наслаждаться въ раю супружеской жизни, и чтобы у нихъ, прежде чѣмъ годъ встрѣтится съ годомъ, и весна нѣжными шагами сойдетъ со своего трона, аистъ повѣсилъ на колышекъ корзинку съ чѣмъ-то миленькимъ. »Не откладывай же, Леночка, рѣшайся по-скорѣе—аисты уже прилетѣли!»

Стихотвореніе »Бѣла красавица« раздѣляется на четыре части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе, а именно 1) »Весна любви«, 2) »Лѣто любви«, 3) »Осень любви« и 4) »Зима любви«. Вотъ пересказъ (почти переводъ) первой части. Черезъ горы и долины вѣетъ весенній вѣтеръ; въ покрывшейся листьями рощѣ громко поютъ птицы, и кукушка, подружка мая, своимъ радостнымъ »куку!« отзывается съ сля. Изъ цвѣтника несется чудное благоуханіе, пчелку въ цвѣты манитъ; роза вызываетъ любовь, роза горитъ любовью... Горлички ли то шепчутся, или голубочки? Нѣтъ—то въ тѣнистой бесѣдкѣ Бѣла красавица ведетъ бесѣду любви съ прекраснымъ воиномъ. Ее

¹⁾ Юленька является также въ »Плаваніи«.

украшаетъ одежда бѣлѣ снѣга; воинъ склоняетъ голову къ ея волнующейся груди: стыдливость и любовь дѣвы—какія райскія картины! Голосъ, скованный чувствомъ, у любящихъ замираетъ на устахъ, но тѣмъ живѣе говоритъ глазъ глазу; сердца утопаютъ въ сладости, страстные уста тѣснѣе смыкаются въ жаркомъ поцѣлуѣ. »Смогни, мой соловушко! Голосъ твой не трогаетъ того сердца, въ которомъ горитъ могучая любовь. Цвѣты, скройтесь! Бѣлы вы не веселите: первая любовь даже цвѣта смѣшиваетъ«.

Вторая часть начинается описаніемъ лѣта. Солнышко плыветъ по небесному своду; блескомъ его природа возбуждается къ плодоносію: благовонные цвѣты уже осыпаются: наступаетъ время плодовъ; подымается выше и выше полевой колосъ, начинаютъ рдѣть и наливаться вишни. За тѣмъ слѣдуетъ изображеніе прогулокъ Бѣлы съ милымъ: рука объ руку съ дорогимъ воиномъ, красавица ходитъ по полямъ, покрытымъ колосьями; ходитъ она подлѣ своего рая къ источнику, отъ источника въ темную рощу. Ягоды ли манятъ ихъ въ рощицу? или лѣтній зной гонитъ? Сами они такъ думаютъ. Печально звучитъ моя пѣсня: цвѣтъ любви падаетъ, наступаютъ плоды.

Третья часть этого произведенія названа »Осенью любви«. Въ ней сначала описывается осенняя природа: дуютъ восточные вѣтры, пожелтѣлыя рощи одѣты туманомъ, птицы собираются въ путь. Печальные картины осени соотвѣтствуютъ настроенію души красавицы: »Гдѣ вы, блаженные дни?« восклицаетъ она: »гдѣ вы, розовые сны? Гдѣ ты, обманчивая радость? Милый вдали, милый ушелъ на войну!« Бѣла тужитъ по Здираду, Бѣла дрожитъ за его жизнь. Дѣва спѣшитъ въ тихую рощу, черезъ пустынное поле, бѣгаетъ по всѣмъ священнымъ мѣстамъ и воспоминаетъ золотыя времена, когда процвѣталъ ея рай.

»Зима любви« составляетъ четвертую часть »Бѣлы красавицы«. Эта часть начинается изображеніемъ зимней природы: замолкли игривыя волны ручья; надъ нимъ висятъ вѣтви деревьевъ, густо покрытыя сѣдымъ инеемъ. Изъ далекаго края летитъ и каркаетъ голодный воронъ: »не ожидай, Бѣла, милаго: сгинулъ красавецъ въ бою!« У дѣвы холодный потъ выступилъ на члѣвѣ, языкъ лепечетъ безсвязныя слова, на устахъ безумная улыбка; блѣднолицая, простоволосая, одѣвается она въ черное платье. Въ тоскѣ и слезахъ прожила Бѣла до весны, когда смерть соединила ее съ милымъ.

Въ »Горлицѣ« поэтъ спрашиваетъ горлицу, зачѣмъ она будитъ его отъ сна, зачѣмъ своимъ воркованіемъ разстраиваетъ его блаженство? Ему снилась возлюбленная, жестокая возлюбленная: »сколько

разъ дѣвица могла видѣть въ моихъ пылающихъ очахъ, что чувствуешь моя душа! Сколько разъ могла убѣдиться, что я всегда стараюсь быть вблизи ея! Но, увы, ни взгляды, ни вздохи мои не возбудили въ ней любви! А во снѣ мнѣ представилось, что мы нѣжно цѣлуемся съ милою. Зачѣмъ же ты, горличка золотая, будишь меня отъ сна? Зачѣмъ своимъ воркованьемъ печалишь мое сердце?»

Въ стихотвореніи *»Дѣвица, я тебя приворожу«* влюбленный угрожаетъ дѣвущкѣ прибѣгнуть противъ нея къ чарамъ, если она не согласится полюбить его. Для этихъ чаръ онъ собираетъ употребить разныя травы, капли росы и крючекъ изъ лягушки, зарытой въ муравейникѣ.

Въ стихотвореніи *»Помышанная дѣвушка (Trhlá dívka)«* изображаются мысли дѣвицы, лишившейся ума въ тоскѣ по умершемъ миломъ. Она думаетъ, что милый спитъ, и будитъ его, говоря: «проснись, мой милый, пробудись, улыбнись вѣрной подружкѣ..... проснись, отомкни свою комнату! Я знаю, что твоя постель тамъ, знаю хорошо — никто не обманетъ меня». Она называетъ того дуракомъ, кто сказалъ ей, что ея милый умеръ, что онъ палъ, пронзенный въ бою. «Нѣтъ, нѣтъ!» увѣряетъ несчастная: «мой милый тамъ въ каморкѣ, только подождите, пока онъ выспится! Умирая, онъ говорилъ: «другъ, передай поклонъ моей милой!» Вчера онъ пріѣхалъ ко мнѣ, завтра возьметъ меня въ жены. Мнѣ сегодня ночью снилось, что мы проходили черезъ большой, пышный залъ.... потомъ я вила свадебный вѣнокъ, сидя у милаго на колѣняхъ.... и тамъ, на небѣ, было зарево.... мы ѣхали черезъ лѣсъ.... на всѣхъ лошадяхъ были розовыя ленты.... ѣхали мы по лугу, черезъ цвѣточки — я, печальная, плакала надъ ними.... переѣзжали мы черезъ воду.... кони съ нами стали тонуть. Проснись же, милый, проснись! Улыбнись вѣрной подружкѣ!»

»Цѣломудренная кельнерша«. Гость напоминаетъ кельнершѣ, что она выпила съ нимъ на ты, и приглашаетъ ее сѣсть съ нимъ рядомъ, или, лучше, къ нему на колѣни; просить ее выпить рюмочку, дать ему ручку и протянуть губки.... Но та отвѣчаетъ: «не хочу, не смѣю: мой милый, мой единственный, запретилъ мнѣ цѣловаться съ другими и пить съ ними». «Единственный! И ты говоришь это безъ улыбки? У тебя, милая дѣвушка, милыхъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ у меня на свѣтѣ братьевъ!»

Въ стихотвореніи *»Все погнбло«* изливаются горькія чувства любящаго, при мысли объ измѣнѣ любимой дѣвущки, забывшей скоро обѣщаніе вѣчной любви. Онъ спрашиваетъ себя, какъ онъ могъ это перенести, почему онъ не убилъ измѣнницы.

»Тоска по Бѣлици«. Поэтъ посвящаетъ это стихотвореніе воспоминаніямъ о той сторонѣ и тѣхъ минутахъ, въ которыя разцвѣла его любовь къ Бѣлицѣ. Онъ вспоминаетъ, какъ онъ въ тѣни густолиственной липы сидѣлъ съ нею и глядѣлъ въ ея карія очи, какъ впервые его уста коснулись ея очаровательныхъ устъ. »Когда же возвратится это блаженное время?«

»Знаменія смерти«. Мать спрашиваетъ дочку, почему она за пряжею плачетъ. Дочь отвѣчаетъ, что ея милый боленъ. Мать успокаиваетъ ее: «не кручинься, твой милый выздоровѣетъ. Но дочь не утѣшается: ей кажется, что она слышитъ, какъ на овинѣ кричитъ сова, что по воротамъ ударилъ кто-то прутомъ. Мать еще разъ пытается успокоить ее, говоря, что это не сова кричитъ, а воетъ сосѣдская собака, у воротъ же стучитъ какой-нибудь ночной бродяга. Но дѣвушка не вѣритъ: »духомъ смерти повѣяло, каганецъ потухаетъ,« говоритъ она, »это мой милый умираетъ!«

Изъ приведенныхъ стихотвореній можно видѣть общій характеръ оригинальныхъ любовныхъ стихотвореній. Большая часть изъ нихъ обнаруживаютъ въ авторѣ достаточную глубину и свѣжесть чувствъ и умѣнье выражать эти чувства въ изящной формѣ. Стихъ течетъ плавно и живо. Такими качествами отличаются напр. »Знаменія смерти«, »Все погубло«, »Цѣломудренная кельнерша«, »Дѣвица, я тебя приворожу«, »Помѣшанная дѣвушка«, особенно же »Горличка« и »Бѣла красавица«.

Близко къ стихотвореніямъ любовнымъ примыкаютъ семейныя. Таковыми могутъ быть названы »Плаваніе«, »Бѣлилицца« и »Отцовское блаженство«. Всѣ они, очевидно, тѣсно связаны съ личною жизнію поэта. Вотъ содержаніе каждаго изъ семейныхъ стихотвореній.

»Плаваніе« представляетъ мечты поэта о мирномъ домашнемъ очагѣ. Стихотвореніе это написано очень рано—оно помѣчено 1821-мъ годомъ, когда Челяковскому было всего 22 года. Въ этомъ произведеніи описывается катанье на лодкѣ съ какою-то Юленькой. Поэтъ проситъ волны нести лодку осторожно, потомучто онъ везетъ по нимъ прекрасную дѣвицу; далѣе изображается радость, испытываемая юношею при созерцаніи любимой дѣвушки; приглашается Юленька взяться за липовое весло, украшенное лентами. Затѣмъ говорится о значеніи въ семейной жизни женщины, »приводящей въ порядокъ домъ, воспитывающей цвѣты человѣчества«, представляется вліяніе жены на мужа. Блаженъ тотъ, кто безъ горя провелъ свои годы въ любви, кто можетъ воскликнуть въ концѣ земнаго плаванія: жена! мыплыли хорошо: лодку нашу не обуревали буйные вѣтры.«

Въ стихотвореніи *»Бѣлильщица«* изображаются чувствованія невѣсты, жены и матери. Бѣлильщица обращается къ своему полотну со слѣдующими словами: *»сушись, сушись, мое полотнушко, чтобы я могла смочить тебя опять—весело бѣгаю я, лью и кроплю: стараюсь, чтобы ты, какъ снѣгъ, побѣлѣло. Мой милый любилъ меня, когда я съмѣя засѣвала; когда въ полѣ ленокъ зеленѣлъ, онъ женился на мнѣ; когда я рвала зрѣлыя головки и сушила ленъ на солнцѣ, ужъ мнѣ помогаль муженекъ. Затѣмъ—я мала ленъ и прядла.... но, ахъ, какъ мнѣ было тяжело; когда же ткачь ткалъ пряжу, у меня головка заболѣла.... Сушись же, сушись мое полотнушко, пока солнце печеть: придетъ опять печальная зима, убѣляя горы и долины — будешь, полотнушко, размѣрено, разрѣзано: рубахи и рубашечки буду шить изъ тебя, для муженька и для сыночка. Сохни же, сохни, мое полотнушко, чтобы я могла тебя опять смочить; я рада бѣгать, воду лить и мочить тебя—я жду, пока ты какъ снѣгъ побѣлѣешь«.*

»Отцовское блаженство« представляетъ изліяніе чувствъ поэта, по случаю рожденія у него сына. Поэтъ говоритъ, что *»когда его сынокъ сладко спитъ на мягкой постелькѣ, то онъ радостнымъ окомъ смотритъ на его личико, разцвѣтшее въ розы, и возносится къ небу съ ангеломъ его невинности; что, когда мать держитъ младенца на рукахъ и цѣлуетъ его въ медовые уста, онъ испытываетъ райскую утѣху. Когда ручки твои, мое золото, протягиваются ко мнѣ, первыя слова твои—вешнія почки души твоей, жемчужинки живыхъ звуковъ — звучать мнѣ слаще соловьиного пѣнія и воркованья горлицъ. Когда же я думаю, что, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, сынъ наследуетъ, какъ истый патріотъ, вѣру, надежду и любовь отца, то мною овладѣваетъ дивное чувство, съ какимъ не знакомъ эгоистъ-холостякъ«.*

Выраженіемъ временнаго настроенія поэта, вызваннаго, какъ видно изъ біографіи его, обстоятельствами его жизни, служитъ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одни можно назвать разгульными, а другія изображаютъ тихія, спокойныя чувства примиренія съ жизнью и со всѣмъ окружающимъ. Къ разгульнымъ относятся слѣдующія стихотворенія: *»Что не проходитъ«, »Цвѣтъ жизни«, »Какъ вино, какъ вода«*; ко второму разряду относятся: *»Будь воля твоя«, »Вечерняя картина«* и *»Похвала Виту«.*

Въ стихотвореніи *»Что не проходитъ«* изображается удивительная сила вина. *»Алая роза только утромъ рдѣветъ, а вечеромъ ужъ не стаеть ея красы; точно также и каждый цвѣточекъ: сегодня усмѣхается, а завтра исчезаетъ. Все, что есть прекраснаго, гибнетъ со временемъ, надолгокомъ виномъ время не властно!«* Такъ поетъ одинъ голосъ, а

хоръ подхватываетъ: »Благо, братья, что время не властно надъ виномъ: только вино, вино сладкое, вѣчно молодо!« »Роса«, продолжаетъ первый голосъ, »ярко блеститъ на утреннемъ солицѣ, но вскорѣ отъ него сохнетъ—все, что есть прекраснаго, гибнетъ со временемъ; только вино, братья, не измѣняетъ своего цвѣта.« »Вино, братья, только вино не измѣняетъ цвѣта: сегодня, какъ вчера, оно искрится въ бутылочкѣ«. Далѣе первый голосъ поетъ, что и радость любви проходитъ, и прекрасная молодость измѣняется въ немного лѣтъ, что всякая красота гибнетъ со временемъ — только вино не теряетъ способности воспламенять«. Хоръ повторяетъ: »только вино не теряетъ способности воспламенять, только вино даетъ славный отпоръ могуществу времени«. Запѣвало продолжаетъ восхвалять высокія качества вина: »вино переживаетъ людской вѣкъ; съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ болѣшую прелесть; оно имѣетъ чародѣйскую мочь, молодитъ наши дни и пріятнымъ разжиганіемъ побуждаетъ къ веселости; оно побуждаетъ всякое горе — будемъ же славить вино соединенными голосами!« »Будемъ, братцы, славить вино соединенными голосами—вино побуждаетъ всякое горе!« подхватываетъ хоръ.

Такими же похвалами осыпается вино и во второмъ изъ упомянутыхъ стихотвореній—*Цвѣтъ жизни*: »знаетъ-ли докторъ, какую дивную силу имѣетъ винцо? О, если бы докторъ пилъ вмѣстѣ съ нами. то навѣрно не давалъ бы больнымъ ромашки: латинская кухня не обновитъ жизни — только винцо вливаетъ въ тѣло здоровье; только оно остритъ разумъ, освѣжаетъ кровь. У кого же, братецъ Ваничка, играютъ ножки, какъ у насъ, когда мы идемъ домой ночью—даже мѣсяцъ радуясь съ нами, танцуетъ надъ нашею головою. Потому-то я всегда говорю, что въ цѣломъ, широкомъ свѣтѣ, только при винѣ цвѣтеть цвѣтъ жизни«.

Въ третьемъ стихотвореніи — Какъ вино, какъ вода, мужъ доказываетъ женѣ превосходство вина передъ водою.

Если въ только что приведенныхъ стихотвореніяхъ проглядываетъ отчаяніе, то въ другихъ видно, какъ уже сказано выше, примиреніе и вообще свѣтлое настроеніе. Стихотвореніе *»Будь воля твоя«* служитъ изліяніемъ религіозныхъ чувствъ поэта. Сначала изображается вездѣсущіе и могущество Бога, господствующаго съ надзвѣзднаго трона надъ міромъ и все оживляющаго окомъ любви; пребывающаго въ своемъ безконечномъ могуществѣ, опоясаннаго лучами солнца, окруженнаго ангелами и всѣми силами небесными, которые покорны Его волѣ. Затѣмъ выражается готовность подчиняться волѣ Божіей во всякое время жизни, не только, когда свѣтитъ заря Его милостей и ще-

дроть, во время торжества и мира сердечнаго, но также и въ ту пору, когда собираются бури, постигаютъ насъ нужда и болѣзни, когда врагъ насъ преслѣдуетъ. Отдаетъ себя поэтъ волѣ Божіей и въ томъ случаѣ, если будетъ стоять надъ гробомъ, утративъ дражайшія сокровища и ни въ чемъ не находя утѣшенія. Стихотвореніе заключается молитвою о помощи и подкрѣпленіи, о дарованіи силы для достойнаго перенесенія всѣхъ испытаній.

Въ стихотвореніи *»Довольный арфистъ«* выражается взглядъ поэта на свою личность и поэтическую дѣятельность. *»Моя арфа«,* говоритъ онъ, *»любовь къ приключеніямъ, даръ пѣсни и веселій на все взглядъ, бодрая мысль, готовая на службу красавицамъ, и въ добавокъ широкой свѣтъ — вотъ все, чѣмъ снабдила меня судьба на дикій путь жизни, — вотъ все, чѣмъ она надѣлила меня«.* Арфистъ, будучи бѣднымъ, не завидуетъ богатому князю: онъ доволенъ тѣмъ, что никто и ничто не связываетъ его свободы, что его не пробуждаетъ отъ покойнаго сна боязнь за деньги, что червь не точитъ его совѣсти изъ за обманутаго брата; онъ уподобляетъ себя птицѣ, перелетающей съ дерева на дерево и заботящейся только о нынѣшнемъ днѣ. Онъ беззаботно поетъ, и отъ пѣсни его на всякомъ лицѣ свѣтится радость. Далѣе выражается нерасположеніе къ городской жизни и любовь къ сельской: арфистъ любитъ присутствовать на сельскихъ праздникахъ и свадьбахъ, на которыхъ пляшутъ здоровыя поселанки. Однако еще охотиѣе онъ остается одинъ со своею арфою, подъ тѣнистыми кустами, или славить Творца въ священномъ страхѣ, при вечерней тишинѣ; когда же солнце перестанетъ пылать и всѣхъ улаждаетъ спокойный сонъ, тогда онъ съ арфою спѣшитъ пожелать милой *»сладкую, благоую, добрую ночь«.*

Въ *«Вечерней картинѣ»* изображается тихій вечеръ. Солнце клонится къ западу—розовыми вѣнками оно осыпаетъ горы изъ облаковъ; уже пылающія золотомъ вершины мирно славятъ удаленіе высокога свѣтила въ тихое лоно; послѣдній лучъ его еще играетъ въ вербахъ. Сѣдой туманъ ложится по опушкѣ лѣса; красныя облака отражаются въ спокойной глади пруда; рыбаки, раскладывая сѣтъ на челнокѣ, въ полумракѣ колышетъ волны; изъ-за синеватосѣрыхъ сачковъ выглядываетъ деревенка съ сосновымъ боромъ; ясный звукъ колокольчиковъ раздается вдали, изъ темнаго орѣшника: скоть, раздвигая вѣтви, важнымъ шагомъ плетется по холму; сзади мальчикъ напѣваетъ веселую пѣсенку. Съ сельской колокольни разносятся вдали звуки колокола, напоминающіе о снѣ. Изъ ивняка раздается тихій шумъ ручья, который то слегка журчитъ по долинѣ, гдѣ духъ, сво-

бодный отъ безпокойства и суеты предается мысли о милыхъ предметахъ; то опять бѣжитъ по камнямъ у мирной хижины, гдѣ вечеромъ пастухъ извлекаетъ пріятные звуки изъ свирѣли. Путникъ ложится подъ густыми липами, которыя, роняя на него свой цвѣтъ и распространяя прохладу, сладко благоухаютъ. Тамъ изъ-за пустыхъ развалинъ стараго замка высматриваетъ волшебная луна—плыва по ясному небосводу, она то скроется за синеватымъ облачкомъ, то явится вновь. Чу! Что за голосъ тамъ, въ темныхъ кустарникахъ, залпвается сладкими звуками—отъ прелестныхъ мелодій переходитъ еще къ болѣе прелестнымъ? Тронутый воздухъ уже разноситъ волшебную музыку по тихому краю. Не пой, умолкни, соловушко! Не буди тоску отъ дремоты! Такъ блаженство объемлетъ мѣющее сердце при сладкомъ поцѣлуѣ милой дѣвицы.

Въ *»Братской пѣснѣ«* поэтъ опредѣляетъ, кого чехъ можетъ называть своимъ братомъ: такимъ можетъ назваться только тотъ, кто въ молодости не молится чужимъ идоламъ; женится на дочери чешскаго народа и родитъ дѣтей для отечества; кто, помня славныхъ предковъ и почитая ихъ обычай, гордится тѣмъ, что онъ чехъ; кто любитъ мощно гремящій, дышащій свободою языкъ чешскій и съ молодости считаетъ его за самое дорогое наслѣдство; кто радость и печаль умѣетъ излить въ чешской пѣснѣ; кто все свои силы и имущество приноситъ въ даръ отечеству; кто чешскихъ луговъ и роцъ не промѣнялъ бы на рай — только такого человѣка чехъ можетъ назвать братомъ своимъ и патриотомъ. Въ *»Братской пѣснѣ«* излиты глубокія патриотическія чувства поэта. Что эти чувства—не поддѣльные, это Челяковскій доказалъ собственною жизнію и дѣятельностью: онъ самъ не молился чужимъ идоламъ, помнилъ славу праотцевъ и почиталъ ихъ обычай, любовь же свою къ родному языку онъ доказалъ своими произведеніями въ прозѣ и въ стихахъ; умѣлъ онъ излить радость и печаль въ чешской пѣснѣ.

Въ одѣ озаглавленной *»Къ празднованію сорокалѣтняго царствованія Его Величества Императора и Короля Франца I (1 Марта 1832 г.)«* Челяковскій прославляетъ этого государя: *»Насталъ, славный Король, день, прекрасный для Тебя и радостный для Твоихъ народовъ: исполнилась десятая олимпиада съ того времени, какъ Твоя щедрая рука печется о благоденствіи и процвѣтаніи подданныхъ; уже бури давно пронеслись, и пали губившія свѣтъ гидры (очевидно, намекъ на французскую революцію и на разгромъ Европы Наполеономъ), и сохраненная Твоими жертвами Европа превозноситъ Тебя. Какъ же въ такомъ случаѣ не воспѣвать отца роднымъ дѣтямъ его? какъ въ сей радостный день могъ бы молчать чешскій языкъ,*

этотъ нѣкогда заброшенный изъ-за далекаго бурнаго потока источникъ, который въ Твои дни выплылъ изъ-подъ развалинъ и полился по цвѣтущимъ равнинамъ: чехъ, радуясь своему наслѣдью, въ свѣтломъ храмѣ народности восхваляетъ Тебя, своего благодѣтеля. Возноситесь же выше, радостныя надежды, летите, пѣсни, изъ глубины нашихъ сердець къ берегамъ Дунайскимъ, гдѣ *справедливость* монарха легла *въ основаніе государства*¹⁾».

Стихотвореніе »Иосифу Юнгманну (Panu Josefovi Jungmannovi)« служитъ выраженіемъ благодарности знаменитому чешскому лексикографу за то, что онъ собралъ воедино неизмѣримое богатство чешскаго языка: ему обѣщается признательность современниковъ и память потомковъ, причемъ поэтъ приглашаетъ тѣхъ и другихъ неотступно стоять за права чешскаго языка противъ его враговъ; при взглядѣ на исполнскія книги, заключающія въ себѣ сокровища родной рѣчи, пусть всякій восклицаетъ съ благодарностью и съ восторгомъ: »да здравствуетъ нашъ Юнгманнъ!« Благоговѣніе передъ личностью Юнгманна неоднократно засвидѣтельствовано Челяковскимъ и въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Выше было уже указано на отношенія его къ Юнгманну, котораго онъ называлъ »батюшкой«.

Четыре стихотворенія написаны Челяковскимъ въ честь князя Рудольфа Кинскаго (1832). I. Первая пѣсня представляетъ введеніе къ остальнымъ: »восходъ вѣшняго солнца«, говоритъ поэтъ, »во всей природѣ возбуждаетъ чувство радости, благодарности и любви: цвѣты изливаютъ для него благоуханіе; рощи и луга устраиваютъ ему тихую встрѣчу; рѣки и ручьи, отражая его въ своихъ водахъ, славятъ его—однѣ важнымъ шумомъ, другіе тихимъ журчаніемъ, птицы привѣтствуютъ его пѣніемъ. Что для природы солнце, то вы, князья, для своего народа: не скрывайте же лица своего за туманомъ страстей, гордости и эгоизма! Ваши ясные лучи льютъ на народъ свѣтъ и теплоту; твое лицо, Рудольфъ, свѣтитъ отечеству и народу, какъ свѣтлое солнце—ты стяжалъ себѣ всеобщую любовь и вѣчную славу. Такъ неужели мои уста будутъ молчать о Тебѣ?«

II. Во второмъ стихотвореніи вспоминаются предки Рудольфа Кинскаго и славныя дѣянія ихъ. Въ самомъ же Рудольфѣ поэтъ видитъ ихъ достойнаго потомка.

III. Это стихотвореніе, эпиграфомъ котораго служитъ девизъ Кинскихъ »Богъ, честь, отечество«, указываетъ на религіозность, рыцарское благородство и патріотизмъ, унаслѣдованные Кинскимъ отъ предковъ.

¹⁾ Намекъ на девизъ Франца I: *Justitia regnorum fundamentum.*

IV. Наконецъ, въ послѣднемъ стихотвореніи восхваляются прекрасныя душевныя и тѣлесныя качества супруги Кинскаго.

»На прїѣздъ въ Прагу, 4 Октября 1835 г., Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ Фердинанда I и Маріи Анны«. »Почему такое оживленіе, торжество и ликованіе по всѣмъ городамъ и весямъ чешскаго отечества? почему мощный чешскій левъ потрясаетъ свою гривую? почему изъ тысячъ устъ раздаются восклицанія и пѣсни? Потому, что чешскіе края посѣтилъ желанный государь, король Фердинандъ со своею королевою«. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ самому королю, который, едва сѣлъ на озаренный славою престолъ, поспѣшилъ посѣтить Чехію, притомъ въ сопровожденіи »украшенной всѣми прелестями и составляющей блаженство его жизни королевы Маріи«. Сказавъ о томъ, какъ торжественно былъ встрѣченъ король въ различныхъ мѣстахъ Чехіи, поэтъ вопрошаетъ матушку Прагу, которая увѣнчала уже полсотню государей, какъ она встрѣтитъ своего дорогаго властителя, и говоритъ о праздничномъ видѣ Праги, облекшейся какъ будто въ свадебное платье и убранной въ самыя блестящія украшенія, хотя король, по обычаю своихъ высокихъ предковъ, больше цѣнитъ благодарность, скрытую въ сердцахъ его подданныхъ, на которыхъ онъ желаетъ утвердить свой тронъ. Поэтъ приглашаетъ матушку Прагу выслать для встрѣчи короля своихъ старцевъ, мужей, юношей и дѣтей, чтобы они выразили передъ королемъ свои пожеланія и чувства: за тѣмъ въ уста четырехъ хоровъ, изъ которыхъ одинъ составляютъ старцы, другой мужи, третій юноши, а четвертый дѣти, влагаются гимны. Старцы просятъ у Бога помощи для короля, благословенія его царствованію, всякихъ благъ и возвеличенія чешскаго племени подъ его скипетромъ, и высказываютъ желаніе, чтобы внуки ихъ дожили подъ нимъ до сѣдинъ. За старцами въ прекрасныхъ рядахъ выступаютъ мужи, склоняютъ головы передъ милостивымъ властителемъ и звучными голосами выражаютъ желаніе славы и чести королю, чтобы онъ управлялъ въ святой правдѣ, доставляя золотой вѣкъ своимъ многочисленнымъ народамъ и внушая имъ готовность во имя любви и щедротъ его, отдать за короля свое имущество и жизнь. За мужами слѣдуютъ юноши, которые также выражаютъ радость, что удостоились видѣть короля съ королевой, а потомъ обращаются къ нимъ съ просьбою оказать сочувствіе и подпору дорогому наслѣдію Чеховъ, ихъ дивному языку. Послѣ юношей подходятъ къ королю дѣти, моля его принять отъ нихъ простые цвѣты и взглянуть милостиво на своихъ дѣтокъ; молятъ они и о томъ, чтобы не были скрыты отъ нихъ золотые плоды знанія, чтобы король

оказалъ покровительство школамъ и открылъ бы имъ доступъ въ чешскіе города, чѣмъ онъ стяжаетъ себѣ великую славу, благодарность и честь. Ода оканчивается восклицаніемъ: »да здравствуютъ долго Фердинандъ и Марія!«

»На отвагу«. Можетъ ли что подъ небомъ быть драгоценнѣе, можетъ ли что сіять вышею красотою, чѣмъ тотъ человекъ, которому ты, отвага, мощною рукою наложила печать на чело, молодое сердце котораго ты воспламенила божественною искрою, внушивъ ему стремленіе къ совершенству? Воспламененный твоимъ огнемъ благородный Колумбъ пустилъ нѣкогда въ пустынное море корабли: твой факелъ свѣтилъ ихъ мачтамъ, показывая имъ дорогу къ берегамъ, гдѣ прежде не ступала европейская нога. Кто на трудномъ пути подкрѣплялъ и направлялъ геройскихъ мужей? — Кто велитъ водолазамъ въ морскомъ водоворотѣ неустрашимо бороться противъ стихій? Кто закалилъ перси рудокопу и учитъ его идти на встѣчу подземнымъ ядамъ? — Пусть воспоетъ твою хвалу тысяча пламенныхъ голосовъ, когда ты срываешь недостойное покрывало съ неузнаваемой часто сестры своей, небесной правды. Тысяча голосовъ пусть отзовется дружнымъ хоромъ: слава тому, кто изъ-за правды бросался въ огонь; слава также питомцу храбрости, мстящему невинную жертву!—Твой духъ воспламенялъ нѣкогда сердца нашихъ отцовъ, прежде чѣмъ въ счастливомъ, свободномъ жилищѣ поселилось трусливое чуждое племя.— Чѣмъ вызвано было это воодушевленное воззваніе поэта къ отвагѣ видно изъ того, что австрійская цензура не пропустила сборника, въ которомъ оно было напечатано: главная мысль его, очевидно, заключается въ послѣднихъ стихахъ, направленныхъ противъ нѣмцевъ. Нужно еще отмѣтить, что произведеніе это написано въ очень раннюю пору, когда поэту не было еще и двадцати лѣтъ, а именно въ 1818 году. Этимъ объясняется и пылкость и необузданность выраженныхъ въ немъ чувствъ, и чрезмѣрная »отвага« или, по крайней мѣрѣ, смѣлость самого поэта, смѣлость, которая могла явиться только въ пору сильнаго патріотическаго возбужденія чешскаго народа.

»Январь (Ledén)«. Оставивъ хрустальные твердыни, построенныя на полуночномъ, голомъ и вѣчно тихомъ, темени земли, бурно летѣлъ черезъ наши края мрачный старикъ — сѣдой Январь. Едва мы завидѣли его полетъ, ужъ надъ нашими головами зашумѣли буйные бореи, увлекаая алмазный возъ, на которомъ сидѣлъ старикъ. А онъ все погонялъ ихъ и изъ-подъ бровей выпускалъ облака, невиданную массу инея и снѣгу, потрясая медвѣжьею шубою. Быстръ былъ его полетъ, и множество было снѣгу, но ни пронзительные вѣтры, ни сугробы

си́гу не засыпають славянской благодарности, не потушают славянского гнѣва.

»Два тоста«. Поэтъ вспоминаетъ своихъ враговъ, черныхъ душою, холодныхъ эгоистовъ, сердца которыхъ исполнены яду, но которыхъ онъ все-таки не боится, и гордо осушаетъ бокаль за свое собственное здоровье. Другой бокаль онъ поднимаетъ за друзей, любовь которыхъ ему дорога: это люди чистые душою, стремящіеся къ добру и составляющіе славу отечества. Въ этихъ тостахъ выражаются злыя пожеланія врагамъ; есть основаніе думать, что эти враги ненавидѣли поэта, какъ вѣрнаго сына отечества: это можно вывести изъ тоста за друзей, благодаря которымъ »цвѣтетъ отечество«.

Въ лицѣ Челяковского чешская поэзія достигла высшей точки своего развитія послѣ возрожденія. Вотъ какъ Малый отзывается о впечатлѣній, произведенномъ появленіемъ »Отголоска русскихъ пѣсенъ« и о значеніи Челяковского въ чешской литературѣ. »Въ 1829 году«, говоритъ онъ, »появилась на горизонтѣ новочешской поэзіи яркая звѣзда: Отголосокъ русскихъ пѣсенъ. Кромѣ Дочери Славы ни одно произведеніе новочешской литературы не имѣло такого шумнаго успѣха¹⁾. Имя Челяковского было у всѣхъ на устахъ, родина съ восторгомъ пріѣтствовала своего великаго генія; все славянство съ удивленіемъ прислушивалось къ чарующимъ звукамъ его лиры: на чужбину даже заносила молва имя знаменитаго чешскаго поэта. Если бы Челяковский ничего больше не написалъ, кромѣ »Отголоска русскихъ пѣсенъ« все-таки ему было бы обезпечено мѣсто среди первоклассныхъ поэтовъ. Въ Колларѣ и Челяковскомъ чехи пріобрѣли своихъ первыхъ новыхъ классиковъ. Челяковский сдѣлался образцомъ для молодыхъ чешскихъ поэтовъ, для которыхъ принесъ между прочимъ и ту услугу, что обратилъ ихъ вниманіе преимущественно на народную поэзію, какъ на неизсякаемый источникъ поэтическаго творчества«. Съ этимъ отзывомъ, отличающемся, правда, нѣкоторою восторженностью и преувеличеніемъ, вообще нельзя не согласиться. Можно думать, что Колларъ и Челяковский своими произведеніями, усиливая патріотическое возбужденіе чеховъ, немало способствовали также возникновенію попытокъ ихъ провести эти стремленія и въ практическую жизнь.

Представимъ теперь краткій обзоръ научной дѣятельности Челяковского. Вся она посвящена, какъ уже замѣчено выше, славянству.

¹⁾ Колларова *Slávy dcera*, по поэтическимъ достоинствамъ, стоитъ гораздо ниже »Отголоска русскихъ пѣсенъ« и обязана своимъ успѣхомъ преимущественно своему тенденціозному, панславистскому характеру. Рел.

Въ области славяновѣдѣнія Челяковскій касался какъ языка, такъ и историческихъ и литературныхъ вопросовъ.

Филологическія занятія Челяковского состояли въ грамматическомъ изученіи славянскихъ нарѣчій, а также въ составленіи словарей. Важнѣйшимъ плодомъ этихъ занятій являются »Чтенія по сравнительной славянской грамматикѣ«. Къ изданію »Чтеній«, послѣдовавшему уже послѣ смерти автора, въ 1853 году, Шафарикъ присоединилъ предисловіе, въ которомъ признаетъ за ними важное значеніе, а профессоръ М. Гаттала написалъ на эту книгу рецензію, прочитанную имъ въ Чешскомъ учебномъ обществѣ¹⁾; въ этой рецензіи Гаттала признаетъ заслуги Челяковского относительно чешскаго языка весьма важными и вполнѣ соответствующими тогдашнему состоянію науки. Содержаніе сравнительной славянской грамматики служило предметомъ университетскихъ чтеній Челяковского во Вратиславлѣ (1842—1849) и въ Прагѣ (1849—1850). Во Вратиславлѣ же Челяковскій занимался польскимъ языкомъ и трудился надъ составленіемъ польской грамматики. Существуютъ работы Челяковского и по спеціальнымъ грамматическимъ вопросамъ: такъ въ 1837 году онъ написалъ »Филологическія бесѣды объ именахъ собственныхъ, народныхъ и мѣстныхъ«. По возвращеніи изъ Вратислава, Челяковскій издалъ разсужденіе о числительныхъ именахъ: »Откуда берутъ начало славянскія числительныя«. Это разсужденіе было готово еще во Вратиславлѣ, но, не нашедши одобренія у друзей, не было напечатано. Затѣмъ Челяковскій прочиталъ его въ собраніи Чешскаго ученаго общества, членомъ котораго онъ состоялъ съ 3 января 1850 г., но опять не встрѣтилъ признанія своихъ фантастическихъ выводовъ; несмотря на это, разсужденіе было напечатано въ томъ же году, въ Журналѣ Чешскаго Музея²⁾.

Въ 1825 г. Челяковскій занимался Ульфиолою, съ цѣлью сравнить его готскій переводъ Новаго Завѣта съ древнеславянскими переводами. Плодомъ этихъ занятій былъ литературно-научный опытъ въ которомъ онъ сравниваетъ корни готскаго языка со славянскими корнями³⁾. Занятія Челяковского по славянскимъ языкамъ касались еще

¹⁾ См. *Časopis Českého Musea*, 1854, I, str. 101—142.

²⁾ Укажемъ здѣсь мимоходомъ, какой вѣрный взглядъ имѣлъ Челяковскій на значеніе древняго церковнославянскаго языка, знаніе котораго, по его словамъ столь же необходимо для славянскаго языковѣда, какъ для хорошаго музыканта умѣніе справляться съ генеральнымъ басомъ. *Napuš. Život a působení*, str. 21.

³⁾ Этотъ опытъ сохранился въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти Челяковского.

лексикографіи. Больше всего онъ занимался остатками вымершаго полабскаго языка, по которымъ задумалъ написать этимологическій словарь: слова этого языка прежде не были сводимы къ своимъ корнямъ, а приурочиваемы къ старославянскимъ. Сверхъ того Челяковскій положилъ начало и алфавитному полабско-нѣмецкому словарю. Но и этимологическій и алфавитный словарь полабскаго языка почему-то не были окончены. Въ литературномъ наслѣдствѣ Челяковскаго, по свидѣтельству Гануша, полабско-нѣмецкій словарь не доведенъ до конца. этимологическій же, оконченный по внѣшнему виду, не заключаетъ въ себѣ однако и половины сохранившихся полабскихъ словъ, что очень странно, такъ какъ еще раньше Челяковскимъ были собраны всѣ существующіе остатки древанскаго словаря. Въ томъ же родѣ, какъ этимологическій словарь полабскаго языка, Челяковскій думалъ составить и всеславянскій корнесловъ: съ этою цѣлью онъ въ продолженіи всей жизни съ большимъ тщаніемъ записывалъ всѣ встрѣчающіеся славянскіе корни; этотъ словарь корней сохранился въ литературномъ наслѣдствѣ Челяковскаго. На составленіе этимологическихъ словарей имѣлъ большое вліяніе словарь Юнгманна, первая часть котораго вышла въ 1835 году, а пятая и послѣдняя въ 1839: Юнгманновъ словарь способствовалъ расширенію и ускоренію работъ по этимологическимъ словарямъ, такъ какъ, по выходѣ каждой части, Челяковскій перелистывалъ ее съ начала до конца, выписывая изъ нея подходящія выраженія для своего корнеслова. Какъ онъ былъ занятъ этой работой, видно изъ письма къ Хмеленскому отъ 1 октября 1837 года. Въ 1851 году Челяковскій издалъ прибавленія къ Юнгманнову словарю («*Dodatky k slovníku Jungmannovu*»). Къ научнымъ занятіямъ языкомъ тѣсно примыкаетъ педагогическая дѣятельность Челяковскаго, которая выразилась въ учебникахъ, написанныхъ имъ, и въ пособіяхъ, изданныхъ для школъ. Такъ въ 1840 году имъ изданы «*Краткая нѣмецкая грамматика*» и «*Чешское правописаніе*». Далѣе, министерство народнаго просвѣщенія поручило ему составленіе чешскихъ книгъ для школьнаго чтенія. Онъ и здѣсь работалъ добросовѣстно и толково: составленная имъ книга «*Малый выборъ изъ чешской литературы*¹⁾», по словамъ Гануша, еще въ началѣ шестидесятихъ годовъ была въ употребленіи во всѣхъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ.

Занимаясь славянскими нарѣчіями, Челяковскій не могъ не обратить вниманія на состояніе чешскаго языка и слога. Уже въ 1822 г., когда онъ,

¹⁾ Малый выборъ вышелъ въ 1851 г., безъ имени составителя.

будучи еще очень молодъ, не успѣлъ еще вполне ознакомиться съ жалкимъ состояніемъ роднаго языка, чешская проза, обезображенная или архаизмами, или германизмами, представлялась ему »крайне бѣдною«. И позже, въ 1838 году, Челяковскій бичевалъ эпиграммой тѣхъ отечественныхъ литераторовъ, которые »писали по-нѣмецки чешскими словами«, или въ »старочешскомъ духѣ«¹⁾. Переводъ сочиненія Блаженнаго Августина »О Царствѣ Божіемъ« и »Уголовнаго уложенія« (1834), показалъ, на сколько возвышался Челяковскій надъ современными ему литераторами и въ отношеніи къ прозаическому слогу. Вообще Челяковскій охотно занимался теоретико-литературными вопросами. Рано его вниманіе было привлечено чешскою просодіей. Взглядъ на этотъ предметъ, какъ замѣчено уже выше, Челяковскій составилъ себѣ подъ влияніемъ книги: »Начала чешскаго стихотворства«, вышедшей въ 1818 г.²⁾ Всѣ чешскіе литераторы того времени ошибочно думали, что чешская просодія основывается не на слоговомъ количествѣ (долготѣ и краткости), а на удареніи, въ указанной же книгѣ доказывается, что метрическая просодія далеко превосходитъ тоническую и что она свойственна чешскому языку³⁾. Въ 1829 г., вмѣстѣ со смѣшанными стихотвореніями издано разсужденіе объ идилліяхъ. Въ 1837 г. Челяковскій составилъ небольшую статью о чешскихъ пословицахъ на нѣмецкомъ языкѣ⁴⁾. Историко-литературные вопросы занимали Челяковскаго не менѣе вопросовъ языка и теоріи словесности: здѣсь особенно интересны его взгляды на произведенія народной словесности; правда, онъ не писалъ специальныхъ сочиненій по исторіи литературы, но взгляды его на указанный предметъ изложены въ предисловіи къ изданію его литературныхъ произведеній и въ письмахъ. Челяковскій съ юныхъ лѣтъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ народнаго творчества: въ любви его къ народной поэзіи мы уже выше имѣли случай убѣдиться изъ его подражаній русскимъ и чешскимъ пѣснямъ. Упомянемъ, однако, здѣсь еще о предисловіи къ »Отголоску

¹⁾ Заглавіе этой эпиграммы »Literatura v Čechách«.

²⁾ Ročátkové českého básnictví, изданные Шафарикомъ и Палацкимъ, подъ псевдонимомъ Яна Благослава Бенедикти.

³⁾ Ошибаются не противники метрическаго стихосложенія, а его увлеченные греческими и латинскими образами и желаніемъ хоть въ чемънибудь превзойти нѣмцевъ сторонники. Самъ Челяковскій, наперекоръ своей теоріи, обыкновенно писалъ тоническими стихами. Ред.

⁴⁾ Эту статейку Гавушъ нашелъ въ числѣ бумагъ Челяковскаго и напечаталъ въ своей литературѣ нѣмецкихъ и славянскихъ пословицъ. Literatura příslovnictví slovanského a německého. V Praze 1853, стр. 38—44.

чешскихъ пѣсенъ», въ которомъ Челяковскій съ восторгомъ отзывается о народныхъ пѣсняхъ славянъ, называя ихъ чудными, очаровательными. Нельзя, впрочемъ, согласиться со взглядами Челяковского на отношенія между пѣснями отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Пѣсни разныхъ славянскихъ народовъ, по его мнѣнью, столь отличны другъ отъ друга, что могутъ быть приняты за произведенія народовъ совершенно чуждыхъ другъ другу; только одинъ и тотъ же сладкій языкъ напоминаетъ о ихъ единствѣ и цѣлости: это положеніе, по его словамъ, столь очевидное, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Относительно нѣкоторыхъ отдѣловъ народной поэзіи, Челяковскій отчасти правъ: напр. содержаніе историческихъ пѣсенъ у разныхъ славянскихъ племенъ на столько различно, на сколько различны историческія судьбы каждаго изъ нихъ, хотя и здѣсь можно находить большое сходство въ общихъ понятіяхъ нравственныхъ и политическихъ. высказываемыхъ при изображеніи того или другаго историческаго событія или лица, не говоря уже о внѣшнихъ формахъ и приѣмахъ выраженія мыслей и чувствъ; что же касается пѣсенъ съ миѣческимъ и героическимъ содержаніемъ, то большое сходство ихъ не подлежитъ сомнѣнью: въ нихъ видны ясныя слѣды того, что всѣ славяне представляли нѣкогда одно цѣлое и имѣли одинаковое міровоззрѣніе. Но, если трудно согласиться съ мыслию будто народныя произведенія различныхъ славянскихъ племенъ не имѣютъ другъ съ другомъ ничего общаго, какъ это утверждаетъ Челяковскій, то еще труднѣе приписывать одинаковыя достоинства народнымъ пѣснямъ различныхъ славянскихъ отраслей. Между тѣмъ Челяковскій отвергаетъ сужденія тѣхъ, которые говорятъ о превосходствѣ пѣсенъ однихъ славянскихъ племенъ передъ пѣснями другихъ, а именно: о превосходствѣ пѣсенъ восточныхъ и южныхъ славянъ надъ пѣснями западныхъ. »Имѣютъ«, говоритъ онъ, »русскія и сербскія пѣсни красоты и прелести, какихъ... не знаютъ пѣсни чеховъ и словаковъ; но съ другой стороны въ чешскихъ и словацкихъ пѣсняхъ также заключаются прекрасныя черты, какихъ мы напрасно стали бы искать въ первыхъ. Словомъ«, заключаетъ Челяковскій, »споръ объ этомъ былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ споромъ о преимуществѣ голубыхъ глазъ передъ черными«. Но самъ же Челяковскій опровергаетъ эти мысли своимъ разсужденіемъ объ отличіи русскихъ народныхъ пѣсенъ отъ чешскихъ. Русскія пѣсни, по его словамъ, отличаются глубиною и богатствомъ, захватываютъ болѣе широкую и высокую области, чѣмъ чешскія, которыя оказываются болѣе поверхностными, игривыми, просто выражаютъ чувство, касаются только самыхъ близкихъ предметовъ, да и то слегка, и вра-

щаются такимъ образомъ въ области гораздо болѣе тѣсной, чѣмъ русскія. »Чтеніе русскихъ пѣсенъ«, замѣчаетъ Челяковскій, »подобно прогулкѣ по глубокимъ чащамъ, между густыми, высокими деревьями, мимо причудливо разбросанныхъ скалъ, шумящихъ рѣкъ и озеръ; занятіе же чешскими пѣснями—это прогулка по широкимъ полямъ и лугамъ, гдѣ глазъ встрѣчается только съ низкимъ кустарникомъ или съ веселыми рощами, а слухъ привлекается журчаніемъ ручейковъ или звонкимъ пѣніемъ жаворонковъ«. Къ этимъ словамъ самого Челяковскаго, для опроверженія его мнѣнія о русскихъ и чешскихъ пѣсняхъ остается только прибавить, что, кромѣ глубины содержанія, кромѣ обширности захватываемыхъ областей и величія русскихъ пѣсенъ, послѣднія выше чешскихъ и по разнообразію своихъ видовъ: у чеховъ вовсе нѣтъ тѣхъ пѣсенъ, которыя извѣстны подъ именемъ былинъ, между тѣмъ эти пѣсни представляютъ самую блестящую сторону русской народной поэзіи. Трудно также сказать, чтобы и обрядовыя пѣсни сохранились у чеховъ въ томъ количествѣ и съ такими свѣжими чертами языческихъ вѣрованій и обрядовъ, какъ въ Россіи (колядныя, овсенскія, семицкія, купальскія). Челяковскій считаетъ русскія и чешскія пѣсни по общему характеру »полярностями«, потому что въ русскихъ пѣсняхъ преобладаетъ эпическій элементъ, въ чешскихъ—лирическій. Но это также подлежитъ сомнѣнію: лирическій отдѣлъ пѣсенъ у Русскихъ весьма богатъ, особенно если принять въ соображеніе малорусскую и бѣлорусскую разновидность русскаго племени. Что сказано объ отношеніи чешскихъ пѣсенъ къ русскимъ, то-же нужно сказать и объ отношеніи ихъ къ юго-славянскимъ: несомнѣнно, напримѣръ, что сербскія историческія пѣсни стоятъ выше всѣхъ остальныхъ славянскихъ.

Не менѣе интереса представляютъ мнѣнія Челяковскаго и по другимъ вопросамъ исторіи славянскихъ литературъ, особенно чешской. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе произвело на всѣхъ славянъ обнаруженіе старочешскихъ пѣсенъ Краледворской рукописи. Челяковскій съ восторгомъ отнесся къ этимъ пѣснямъ—»Краледворская рукопись«, пишетъ онъ къ Камариту (25 марта 1821 года), »производитъ свое дѣйствіе на славянъ: Русскіе говорятъ, что она написана по-старорусски, поляки—что по-старопольски, а мы, чехи, что по-старочешски, изъ чего слѣдуетъ, что это старое было одно, или, по крайней мѣрѣ, было весьма близко одно къ другому«. Высказывая такое сужденіе о Краледворской рукописи, Челяковскій отнесся съ сомнѣніемъ къ Любушину суду. »Добровскій склоненъ утверждать«, говоритъ Челяковскій въ письмѣ къ Камариту, »что, можетъ быть, это стихотвореніе

сложено сообща Юнгманномъ и Ганкою. Я, говоря откровенно, самъ оспаривалъ бы его древность¹⁾.

Челяковскій писалъ и критическія статьи. Такъ, въ 1832 г., была имъ написана статья, въ которой оцѣнивалась »Крайнская пчела«, временникъ выходившій въ Люблинѣ (Laibach), и высказывалась мысль, что этотъ временникъ имѣеть большое значеніе для воскрешенія словенской литературы. Въ 1837 г., въ Музейникѣ (Časopis Českého Musea) напечатана рецензія Челяковскаго на сербскія пословицы, собранныя Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ.

Издательская дѣятельность Челяковскаго заключалась прежде всего въ изданіи собственныхъ оригинальныхъ сочиненій, а также переводовъ славянскихъ народныхъ пѣсень. Объ этомъ уже было сказано при обзорѣ его поэтической дѣятельности, которая шла рука объ руку съ собираніемъ и издаваніемъ народныхъ пѣсень. Теперь нужно прибавить только нѣсколько словъ объ изданіи пословицъ и словарей. Уже въ маѣ 1827 года Челяковскій сообщалъ Камариту, что имѣеть намѣреніе, по примѣру славянскихъ пѣсень, издать сборникъ наилучшихъ всеславянскихъ пословицъ, въ подлинникѣ, но съ объясненіями на чешскомъ языкѣ, и что у него собрано ихъ уже много. Челяковскій сначала хотѣлъ составить какъ бы антологию, выбиралъ изъ пословицъ каждаго славянскаго племени по 600—800 самыхъ выдающихся, такъ что всѣхъ было бы 2,000—3,000. Но, продолжая собираніе ихъ, онъ увидѣлъ, что такихъ отборныхъ славянскихъ пословицъ великое множество, и сборникъ, первоначально маленькій, сильно разросся. Съ другой стороны, Челяковскій намѣривался издать еще особый сборникъ чешскихъ пословицъ, которыхъ и собралъ значительное количество; но онѣ потомъ вошли въ составъ сборника всеславянскихъ пословицъ. Въ первый разъ о пословицахъ Челяковскаго упомянуто въ 1837 г., въ Музейникѣ; затѣмъ Челяковскій читалъ о нихъ въ 1841 г., 11 іюня, въ Чешскомъ ученomъ обществѣ. Въ 1846 году (какъ Челяковскій пишетъ Станьку 15 іюня) онъ принялся за приведеніе въ систему этой народной философіи: съ большимъ прилежаніемъ онъ распредѣлялъ пословицы по группамъ, сообразно съ ихъ содержаніемъ. 1 октября онъ уже писалъ: »только что докончилъ пословицы—остается только дополнить кое-что и написать маленькое введеніе. Это довольно большая рукопись, заключающая въ себѣ болѣе 10,000 пословицъ, и половина изъ нихъ словно золотыя зернышки«. Какъ видно изъ этихъ словъ, во Вратиславлѣ сборникъ пословицъ

¹⁾ Въ настоящее время слѣдуетъ считать доказанною подложность не только Любушина суда, но и Краледворской рукописи. Ред.

былъ уже готовъ; но изданіе его почему-то не состоялось. Только въ 1852 году онъ вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: »Мудрословіе славянскаго народа въ пословицахъ«¹⁾. Въ собираніи пословицъ Челяковскому содѣйствовали многіе ученые, напр. Симонъ Душкевичъ (профессоръ въ Краковѣ), лужичанинъ Андрей Зейлеръ, Измаиль Ивановичъ Срезневскій, поэтъ Колларъ и друг. То же самое желаніе Челяковскаго познакомиться со всѣми касающимся славянскихъ племенъ, которое выразилось въ собираніи пѣсенъ и пословицъ, побудило его обратить вниманіе на малозвѣстный языкъ полабскихъ славянъ; ко сказанному уже выше о трудахъ его по этой части нужно еще прибавить, что онъ во 2-й части своихъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ напечаталъ переводъ, а также и подлинникъ единственной дошедшей до насъ полабской народной пѣсни. Далѣе Челяковскій еще до 1830 г. трудился надъ составленіемъ всеславянской христоматіи, но, когда сталъ собираться въ Россію, приостановилъ эту работу: только гораздо позднѣе она отчасти была окончена, и появились въ свѣтъ I и II часть ея — христоматія польская (въ 1850 г.) и русская (въ 1852). Общее заглавіе этого неоконченнаго изданія есть »Начальное всеславянское чтеніе (Všeslovanské počátečné čtení)«.

Остается упомянуть о журнальной и публицистической дѣятельности Челяковскаго. Какъ та, такъ и другая была весьма необширна и непродолжительна. Прежде всего онъ принималъ участіе въ изданіи альманаховъ: такъ онъ участвовалъ въ первомъ чешскомъ »Альманахѣ«, издателями котораго были Іосифъ Хмеля и Вячеславъ Клицпера, а въ 1825 самъ, вмѣстѣ съ Хмелею, издалъ альманахъ, подъ заглавіемъ »Денница«²⁾. Въ 1828 г. онъ сдѣлался подредакторомъ »Временника для католическаго духовенства«, но вскорѣ оставилъ эту должность, хотя участіе его въ изданіи этого журнала не прекратилось. Собственно редакторская дѣятельность Челяковскаго началась съ принятія имъ, въ 1834 г., редакторства »Пражской газеты (Pražské noviny)«, которая до этого времени находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ дѣлѣ изданія газеты Челяковскому какъ нельзя болѣе пригодились его свѣдѣнія, касавшіяся права и политики; не мало также помогало ему въ его публицистической дѣятельности знакомство съ французскимъ и англійскимъ языками: благодаря этому знакомству, онъ давалъ читателямъ своего изданія тѣ самыя новости,

¹⁾ Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой книгѣ можно найти у Гануша въ его указанной уже выше книгѣ *Literatura příslovnictví*.

²⁾ Эти альманахи выходили въ Кралевицѣ градцѣ (Königgrätz).

которыя только чрезъ 10—14 дней сообщались въ нѣмецкихъ газетахъ, приходившихъ въ Прагу изъ Вѣны. Насколько новая редакция подняла газету, видно изъ того, что число подписчиковъ ея утроилось. Въ видѣ приложения къ газетѣ, Челяковскій издавалъ еще журналъ »Чешскую пчелу«, который до него выходилъ подъ названіемъ »Всякой всячины (Rozličnosti)«. Челяковскій, давъ этому журналу другое названіе, возвысилъ и внутреннее достоинство его и поставилъ »Пчелу« на степень лучшихъ тогдашнихъ чешскихъ журналовъ; содержаніе ея было частью научнаго, частью легкаго характера. Нужно замѣтить, что »Чешская пчела« служила органомъ ожесточенной полемики, которую Челяковскій велъ съ современными ему чешскими писателями и публицистами—напр. Ганкою, Тылемъ. Poleмика эта была направлена главнымъ образомъ противъ журнала »Чешскіе цвѣты (České květy)«—органа молодыхъ литераторовъ, издававшася Тылемъ: журналъ этотъ отличался только оригинальностью, обращая мало вниманія на внутреннія достоинства своего матеріала и на слогъ. Челяковскій же заботился въ своей »Пчелѣ«, какъ о серьезности содержанія, такъ и о красотѣ и правильности языка и слога—этими качествами его изданіе неизмѣримо превосходило »Цвѣты«. Различіе этихъ двухъ органовъ и по характеру, и по направленію и было причиной полемики ихъ, въ которой побѣда, разумѣется, оставалась на сторонѣ Челяковскаго, какъ человѣка отличавшагося остроуміемъ, солиднымъ образованіемъ и пользовавшагося авторитетомъ, благодаря своей блестящей литературной дѣятельности. Друзья Челяковскаго старались удержать его отъ этихъ критическихъ битвъ, нарушавшихъ единодушіе чешскихъ писателей; но на всѣ увѣщанія Челяковскій отвѣчалъ стереотипною фразою: »Мы должны имѣть что-нибудь совершенное, или не имѣть ничего«. Во всякомъ случаѣ, нападки поэта-журналиста на другихъ писателей, по замѣчанію Гануша, принесли и свою долю пользы, будучи какъ бы вѣтромъ, очищавшимъ литературный воздухъ; сверхъ того онѣ возбуждали въ публикѣ интересъ къ чтенію.

Викентій Шамраевъ.

ОЦѢНКА

литературной дѣятельности Андрея Сладковича ¹⁾).

Прежде чѣмъ разсматривать литературную дѣятельность Сладковича, изложу обстоятельства его жизни, на сколько они имѣютъ отношеніе къ этой дѣятельности: «изложу» ихъ на основаніи біографіи, составленной Людовитомъ Гроссманномъ и приложенной къ только что указанному изданію его сочиненій ²⁾). Андрей Браксаторисъ, писавшій подъ псевдонимомъ Сладковича, родился въ городѣ Крупинѣ ^{19/30} марта 1820 г. Отецъ его, по имени также Андрей, былъ учителемъ народной, такъ называемой, смѣшанной школы, основанной при Іосифѣ II ³⁾; мать Сладковича умерла еще во время его дѣтства. Первоначальное воспитаніе и образованіе получилъ Сладковичъ въ домѣ своего отца, который въ 1812 г. былъ членомъ Банскаго словенскаго ⁴⁾ литературнаго общества, основаннаго Ловихомъ, Таблицемъ и Себерини, и извѣстенъ сочиненіемъ: «Достопримѣчательности города Крупины». Затѣмъ Сладковичъ учился мадыарскому языку въ Перовчанахъ, гдѣ пробылъ одинъ годъ, и вернулся въ Крупину. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Щавницѣ (Štiavica). Здѣсь Сладковичъ познакомился съ выше упомянутымъ Гроссманномъ, съ которымъ потомъ до самой смерти былъ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Это знакомство имѣло для Сладковича важное значеніе: благодаря Гроссманну, Сладковичъ получилъ возможность пользоваться бібліотечкой словенскаго литературнаго общества, образовавшагося въ 1836 г., подъ предсѣдательствомъ Самуила Гойчи, при лицѣхъ въ Щавницѣ, би-

¹⁾ Andreja Sládkoviča spisy básnické. V Praze 1878 (Národní Bibliotéka. Díl 51).

²⁾ Sládkovič. Spisy, стр. 675—704.

³⁾ Смѣшанными назывались школы, доступныя ученикамъ всѣхъ исповѣданій.

⁴⁾ «Словенскій» употребляется въ этой статьѣ какъ прилагательное къ слову словакъ, согласно съ народнымъ употребленіемъ самихъ словаковъ.—Банское общество было основано въ Банской Быстрицѣ.

бліотекаремъ котораго состоялъ Гроссманнъ; здѣсь же впервые онъ познакомился съ »Дочерью славы« Коллара, съ сочиненіями Голага и др. Но это литературное общество просуществовало только два года, и Сладковичъ, по недостатку средствъ для продолженія своего образованія, въ 1838 г. занялъ мѣсто учителя въ Лозанахъ. Скромная дѣятельность учителя, однако, не могла удовлетворить его: спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ снова вернулся въ лицей въ Щавницу, къ своимъ прежнимъ друзьямъ и занятіямъ. Къ этому времени воскресло въ Щавницѣ литературное общество подъ предѣлательствомъ Павла Оллика, ученика Лудевита Штура. Это общество уже въ первый годъ своего существованія сдѣлалось центромъ всей словенской и чешской молодежи, учившейся въ щавницкомъ лицей. Въ 1839 г. Сладковичъ познакомился въ Щавницѣ съ дочерью одного гражданина, Павла Пишла, Мариною, которой впоследствии посвятилъ самое обширное изъ своихъ произведеній »Марина«. Въ томъ же году, по отъѣздѣ Гроссманна въ Пресбургъ, онъ занялъ его мѣсто въ литературномъ обществѣ. Къ этому времени относится особенное оживленіе и расширеніе дѣятельности этого общества. Въ слѣдующемъ году Сладковичъ, по примѣру своего друга, отправился въ Пресбургъ для окончанія своего образованія въ высшихъ наукахъ, несмотря на большой недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ. Въ Пресбургѣ онъ слушалъ въ числѣ другихъ профессоровъ и Штура, преподававшего словенскій языкъ и литературу. Штуръ оказалъ сильное вліяніе на направленіе мысли и дѣятельности Сладковича. Еще въ Щавницѣ онъ съ увлеченіемъ читалъ »Дочь славы« Коллара и вынесъ оттуда воодушевленную любовь къ своему народу и живое народное сознаніе: Штуръ окончательно укрѣпилъ въ его душѣ непоколебимую вѣру въ будущность Славянства. Здѣсь Сладковичу удалось скоро занять довольно видное мѣсто, какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ въ словенскомъ обществѣ при пресбургскомъ лицей. Вѣроятно здѣсь онъ изучилъ языки нѣмецкій, польскій, русскій, французскій и англійскій и читалъ въ подлинникахъ: Мицкевича, Шиллера и Гете, Пушкина и Хомякова, Шекспира и Байрона. Въ словенскомъ обществѣ при пресбургскомъ лицей въ то время первое мѣсто занималъ Юсіѳъ Милославъ Гурбанъ, а послѣ, по возвращеніи изъ Германіи, Людевитъ Штуръ. Скоро однако въ этомъ обществѣ произошли несогласія: славянская молодежь раздѣлилась на двѣ партіи, вслѣдствіе стремленій Штура ввести нѣкоторыя преобразованія въ обществѣ; нѣкоторые члены отстали отъ него: образовалась штуровская и антиштуровская партія. Сладковичъ не примкнулъ ни къ одной партіи, не занималъ никакой должности въ

обществѣ и былъ всѣми любимъ. Въ это время появляются его первые литературные опыты: »Голосъ къ Нитрѣ«, »Утѣшеніе« и »Цтиборъ«, напечатанные въ альманахѣ »Нитра« за 1842 г. Съ 1843 г. Сладковичъ учился въ университетѣ въ Галле, гдѣ изучалъ философскія и богословскія науки: психологію, логику, исторію философіи, эстетику Гегеля, философію религіи, исторію догматовъ и проч. Здѣсь онъ познакомился съ двумя русскими—Елагинымъ и Вадуевымъ, племянникомъ Хомякова; здѣсь имъ написаны: »Совѣты въ семьѣ Душана«, »Яну Себерини (Janu Seberinimu)« и »Народный отченашъ«. Вообще нѣмецкая наука имѣла сильное вліяніе на складъ ума и характера Сладковича: она содѣйствовала развитію его твердаго и мужественнаго характера, научныхъ убѣжденій и высшаго идеальнаго полета ума.

Въ половинѣ 1844 г. поэтъ нашъ возвратился на родину и занялъ мѣсто домашняго учителя. Въ это время предметъ прежней его страсти, Марина, была уже за мужемъ — и это печальное для него событіе прекрасно выражено въ 148—151 строфахъ стихотворенія, посвященнаго ея имени и доставившаго поэту громкую извѣстность не только среди своего народа, но и среди мадьяръ (напечатана «Марина» въ Пештѣ 1846 г.).

Въ 1847 г. Сладковичъ занялъ мѣсто приходскаго священника въ Грохоти (въ комитатѣ Зволенскомъ) и вскорѣ затѣмъ женился. Къ этому времени относятся его »Детванинъ«¹⁾, »Отрокъ Исусъ (Malý Kristus)«, »Запою пѣснь о свободной родинѣ« и др. Должность сельскаго священника дала ему возможность изучить жизнь и характеръ простаго народа: плодомъ этого изученія и явился »Детванинъ«. Впослѣдствіи нашъ поэтъ былъ пасторомъ въ Радвани, близъ Банской Быстрицы, гдѣ могъ пользоваться постояннымъ общеніемъ съ людьми образованными, котораго недоставало ему въ Грохоти. Въ Радвани были написаны: »Исторія народнаго конгресса 1861 г.«, »Святомартыніада«, »Графъ Николай Шубичъ-Зринскій«, »Соколы«, »Липа«, »Отголосокъ«, »Великій постъ«, »Похоронныя размышленія надъ могилами Кузmani и Мойсея«, »Привѣтствіе«, »Зачѣмъ вы не ставите насъ ни во что?«, »Подъ турецкою властью« и много другихъ произведеній. Сладковичъ написалъ также нѣсколько краткихъ молитвъ въ стихахъ и въ прозѣ; онъ немало трудился и на поприщѣ духовной литературы.

Событія 1848—49 г. г. въ Венгріи отразились и на судьбѣ Сладковича. Гроссманнъ не говоритъ, какое участіе въ этихъ событіяхъ

¹⁾ Детва—городъ (собственно громадное село) въ Зволенскомъ комитатѣ.

принималъ Сладковичъ, но, повидимому, онъ, какъ приходскій священникъ, дѣйствовалъ на народъ въ антимадьярскомъ направленіи: въ Іюнь 1849 г. онъ былъ арестованъ, хотя скоро, когда появилось русское войско на границахъ Венгріи, былъ освобожденъ. Къ концу жизни нашему поэту пришлось перенести большія огорченія по поводу королевскаго указа 1859 г. объ устройствѣ церквей евангелическаго исповѣданія: онъ принялъ этотъ указъ съ большимъ воодушевленіемъ, между тѣмъ въ другихъ онъ возбудилъ большія неудовольствія, что и породило раздоры. 20 Апрѣля 1872 г. Сладковичъ умеръ. На погребеніе его стеклось множество народа всѣхъ сословій.

Литературныя произведенія Сладковича принадлежатъ къ двумъ родамъ поэзіи: эпической и лирической. Второй отдѣлъ гораздо обширнѣе перваго.

Разсмотримъ сначала эпическія произведенія. Сюда относятся слѣдующія: »Детванинъ«, »Графъ Николай Шубичъ-Зринскій на Сиготи«, »Милица« и »Святомартыніада«. Въ этомъ же отдѣлѣ разсмотримъ и произведеніе, написанное въ разговорной формѣ, но не имѣющее характера драматическаго — озаглавленное произведеніе »Совѣты въ семьѣ Душана«.

Содержаніе »Детванина«, обширнѣйшаго изъ эпическихъ произведеній Сладковича (249 страницъ), взято изъ народной словенской жизни, времени Угорскаго короля Матвѣя Корвина. Оно раздѣлено на пять »картинъ«, имѣющихъ свои особыя названія. Дѣйствіе происходитъ на святой недѣлѣ. *Первая картина* носитъ названіе — »Мартынъ«. Въ прекрасной долинь, подъ горой Поляной, собрался хороводъ словенскихъ дѣвушекъ въ нарядныхъ праздничныхъ одеждахъ. Между ними особенно отличается красотой Елена. Вдругъ является среди нихъ молодой прекрасный юноша, Мартынъ, пляшетъ въ хороводъ и внезапно исчезаетъ. Это производитъ смущеніе въ хороводъ, особенно поражается сердце Елены. Мартынъ между тѣмъ отправился въ горы; увидѣвъ сокола, схватившаго молодаго зайца, онъ убилъ его своею валашкою (топоромъ), сѣлъ на скалѣ и беззаботно заигралъ въ свою дудку. Заснувъ на горѣ, Мартынъ слышитъ сквозь сонъ шумъ веселой толпы людей, которые хотѣли его захватить; онъ проснулся, засталъ въ дудку — и все утихло. *Вторая картина* — »Дружина«. Ночью, на горахъ, Мартынъ присоединяется къ кружку пастуховъ; весело они пируютъ, играютъ и пляшутъ. Между тѣмъ Елена, въ тоскѣ по Мартыну, отправляется на его поиски и въ лѣсу захватывается неизвѣстными людьми. Въ тоже самое время Мартынъ, узнавъ отъ пастуховъ, что убитый имъ соколъ принадлежитъ королю, отравляется домой, чтобы

на другойд ень отнести королю сокола; на пути онъ слышитъ голосъ Елены, рвущейся изъ рукъ похитителей, освобождаетъ ее, причеъ убиваетъ одного изъ разбойниковъ, и проситъ ея руки. Елена возвращается къ матери и рассказываетъ ей свое приключеніе. *Третья картина*— »Слатинская ярмарка«. Рано на зарѣ король Матяшъ со свитой отправляется на ярмарку въ Слатину, куда является и Мартынь, не заставъ короля въ замкѣ, и смѣло заявляетъ королю о причинѣ своего прихода и за эту смѣлость получаетъ оскорбленіе отъ королевской свиты. Самъ же король чрезвычайно ласково обошелся съ нимъ и не только не наказалъ его за то, что онъ убилъ его сокола, но и подарилъ ему прекраснаго коня. Мартынь однако не радуется подарку; онъ тоскуетъ, т. к. предчувствуетъ, что ему дорого придется заплатить за королевскую милость. Красивый, молодецкій видъ его, его храбрость плѣнили короля: онъ не можетъ забыть Мартына. *Четвертая картина* — »Свтаньек«. Ночью сидитъ Елена у своего дома—раздаются сладкіе звуки ея варгана. Подходить къ ней незнакомецъ и предлагаетъ перстень; она отказывается взять его даромъ; незнакомецъ проситъ ее сыграть; она соглашается и беретъ перстень; подъ ея игру незнакомецъ засыпаетъ. Приходитъ Мартынь и прогоняетъ знакомаца; Елена даритъ Мартыну букетъ цвѣтовъ; происходитъ объясненіе въ любви. Но Мартына тревожитъ предчувствіе, что ему солдатомъ придется сложить голову гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ; Елена рѣшается слѣдовать за нимъ, куда бы ни увлекли его судьба и воля короля. На разсвѣтѣ влюбленные расстаются. *Пятая картина* — »Наборъ«. Изображается рекрутскій наборъ. Толпы молодыхъ солдатъ съ пѣніемъ и плясками гуляютъ по ночамъ. Мартынь однако не соблазняется этимъ весельемъ. Но вотъ въ одну ночь являются въ домъ Мартынова отца двое королевскихъ посланныхъ и требуютъ отъ него его сына къ королю. Отецъ не противится королевскому повелѣнію, а Мартынь исполняетъ волю отца: онъ беретъ свое вооруженіе, садится на коня и ѣдетъ къ королю. Король ласково принимаетъ его и велитъ присягнуть на службу. Мартынь не отказывается дать присягу, но ставитъ условіемъ присяги, чтобы ему оставлена была его собственная одежда, вооруженіе, дудка и кудри. Король соглашается и принимаетъ Мартына въ свой »Черный« полкъ.

Въ »Детванинѣ« поэтъ имѣлъ въ виду поэтическое представленіе жизни словенскаго народа въ данную эпоху, во всѣхъ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ: изображеніе характера народа, его убѣжденій, взглядовъ, нравовъ, обычаевъ, занятій, увеселеній, отношеній семейныхъ и об-

цественныхъ—Мартынъ и Елена служатъ для поэта выраженіемъ этой жизни. Всмотримся ближе въ ихъ характеръ, понятія и отношенія.

Мартынъ—красивый, храбрый юноша. Эти качества обратили на себя вниманіе короля Матвѣя: »Мартынъ передъ нимъ является точно олень, цвѣтушій, съ могучею осанкою: въ немъ, какъ жемчугъ въ закрытой раковинѣ, ему видится зародышъ героя—бодрая удаля, невинная душа, блескъ непонятой мысли«¹⁾. »Ты дитя и цвѣтъ моей милости, судьба твоя зрѣетъ подъ твоимъ мужествомъ — ты мой, парень! давай руку! Добывалъ мнѣ славу, а себѣ вѣнки, ты полетишь со мною на священные бои, въ моемъ страшномъ Черномъ отрядѣ«²⁾— съ такими словами обращается король къ молодому поселянину. Веселье, забавы съ друзьями и страстная любовь къ Еленѣ наполняютъ душу Мартына; онъ веселится ночью съ пастухами въ полѣ, играетъ и пляшетъ; съ любимой Еленой онъ не хочетъ разстаться ни за что на свѣтѣ: »Право, безъ нея, красавицы, вы напрасно запражете мою раздвоенную душу въ ярмо кровавыхъ раздоровъ«³⁾, говоритъ Мартынъ королю Матвѣю. Въ не менѣе привлекательномъ свѣтѣ рисуется и Елена: та-же веселость, беззаботность, любовь къ пѣснямъ, неизмѣнная любовь къ Мартыну: она водить хороводы, приготовляетъ букеты своему возлюбленному, въ ожиданіи его поетъ ночью передъ своимъ домомъ. Свою любовь къ нему она выражаетъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ: »О, мой Мартынъ, я иду съ тобою, иду съ тобою по широкому свѣту; я буду съ тобою, гдѣ бы ты ни былъ, хотя бы гдѣ нибудь въ третьемъ свѣтѣ! Какъ этотъ цвѣтокъ, брошенный на скалу, ты бы оставилъ меня здѣсь сиротой, безъ помощи и безъ покоя! Что бы я дѣлала въ этихъ долинахъ? Что бы я еще любила въ этихъ долинахъ?«⁴⁾

Что касается семейныхъ отношеній, то Мартынъ, равно какъ и Елена, неизмѣнно послушны волѣ родительской: какъ ни тяжело Мартыну разстаться съ родной семьей, съ Еленой, онъ безпрекословно исполняетъ волю отца и отправляется къ королю, хотя знаетъ къ чему это поведетъ. Онъ также безпрекословно повинуется и королю, какъ ни тягостно представляется ему военная служба; но въ то-же время онъ открыто и смѣло заявляетъ государю свое непремѣнное желаніе—оставить при себѣ свое народное вооруженіе, одежду и прощ.

¹⁾ Стр. 151.

²⁾ Стр. 248.

³⁾ Стр. 246.

⁴⁾ Стр. 200.

Важную черту характера Мартына составляет его любовь къ мѣсту своего рожденія, къ семьѣ и ко всему родному. Давъ обѣщаніе вѣрно служить королю, онъ говоритъ:

»Ужъ утратилъ я прекрасную Поляну, бышшую для меня раемъ и зимою и лѣтомъ—ахъ, какъ глаза мои забудутъ эту горделивую вершину? Подъ Поляною для меня сіялъ первый день, при ней я росъ, при ней я цвѣлъ, она часть моей души, и, кто знаетъ, не погибнетъ ли безъ этой чудной горы остатокъ моей души, и не разрушатся ли юныя силы!«¹⁾).

»Кто утѣшитъ потухшія очи моей бѣдной матери, съ которыхъ льетъ, какъ съ облаковъ, свисшихъ съ небеснаго покрыва? Кто выпрямитъ сѣдую голову отца, склоненную печалью, что онъ воспиталъ своего сына для дикой войны? Кто утѣшитъ меня, когда въ дальнихъ краяхъ мнѣ, знать, навсегда будетъ закрыта моя возлюбленная родина?«²⁾).

Со своей валашкой Мартынъ хочетъ жить и умереть, а со свирѣлью, улаждающей его молодость, ни за что на свѣтѣ не хочетъ разстаться³⁾).

Наконецъ, для характеристика народныхъ обычаевъ, домашней жизни, занятій, одежды и проч. »Детванинъ«⁴⁾ также представляетъ богатый матеріалъ⁵⁾). Король Матвѣй (Матьяшъ) является популярнымъ въ народѣ: когда онъ пріѣхалъ въ Слатину на ярмарку, имя его тотчасъ облетаетъ уста всѣхъ, каждый сиѣшитъ взглянуть на него⁶⁾). Въ народномъ представленіи Матвѣй является королемъ правдивымъ: идетъ »молва, что Матвѣй никогда не совершитъ несправедливости«, говорить Мартынъ, отправляясь къ королю съ убитымъ соколомъ⁶⁾); но онъ окруженъ людьми, чуждыми народу, и относящимися къ нему враждебно⁷⁾).

»Детванинъ«⁸⁾ состоитъ изъ пяти эпизодовъ, но они такъ тѣсно связаны между собой, что представляютъ одно стройное и законченное цѣлое, одну роскошную картину словенской жизни и природы. На первомъ планѣ стоитъ Мартынъ; нѣсколько всторонѣ Елена; на второмъ планѣ хоробы словенокъ, веселые кружки пастуховъ около ночныхъ

¹⁾ Стр. 238.

²⁾ Стр. 240.

³⁾ Стр. 242 и 243.

⁴⁾ Стр. 8, 126, 186.

⁵⁾ Стр. 110.

⁶⁾ Стр. 82.

⁷⁾ Стр. 125.

костровъ, король Матвѣй со свитой; фонъ картины—словенскія горы, долины, лѣса, рѣки.

По характеру поэтическаго изображенія »Детванинь« отличается полной эпической пластичностью: словенская народная жизнь, природа и ея явленія находятъ себѣ въ немъ вполне вѣрное и отчетливое изображеніе.

Господствующая идея поэмы состоитъ въ томъ, что изображаемая въ ней жизнь народа—его силы, характеръ, идеалы, взгляды, обычаи и отношенія служатъ залогомъ будущей его свободы, славы и величія: поэтъ прямо говоритъ: »Какъ вы полагаете, сверстники мои? Не есть ли это уже свѣтъ надежды, когда народъ на разсвѣтъ своей жизни уже умѣетъ находить себѣ такія славныя удовольствія? Не есть ли это заря будущей славы, когда живой умъ нашего простонародья превращаетъ свое несчастіе въ блаженство? Онъ находится въ пустынѣ—и живетъ на небѣ: что же будетъ, когда эта почка распустится въ цвѣтокъ? Вселенная будетъ намъ завидовать!«¹⁾). Въ противоположность будущей свободѣ, величію и самостоятельности своего народа, поэтъ рисуетъ несовѣмъ привлекательную картину пережитыхъ имъ отношеній къ чужеплеменному королю, когда онъ служилъ только орудіемъ чужой славы. Все произведеніе проникнуто чувствомъ безграничной любви къ изображаемой жизни и народу и непоколебимой вѣры въ его будущую свободу и славу.

Изливъ въ »Детванинь« всю свою любовь къ своему народу, поэтъ отъ чистаго сердца и съ полнымъ правомъ посвящаетъ ему слѣдующія заключительныя слова поэмы:

»Народъ мой, люби своего детванина: въ немъ изображена твоя душа, согрѣй этимъ образомъ то, что охладѣло! Гдѣ въ душѣ растутъ пышныя зародыши, тамъ возносится пирамида свободы — это вотъ наше зеркало«²⁾).

»Детванинь« изобилуетъ поэтическими красотоми, представляетъ много прекрасныхъ эпическихъ образовъ, описаній, сравненій³⁾). Предметы для описаній и сравненій большею частью заимствуются изъ мѣстной природы и жизни⁴⁾). Описываетъ ли поэтъ ночь или утро—его фантазія облетаетъ словенскія горы и лѣса, долины и рѣки: тамъ ищетъ онъ поэтическихъ образовъ⁵⁾).

¹⁾ Стр. 57. Срав. также стр. 61, 206—208.

²⁾ Стр. 249.

³⁾ Стр. 156, 157 и др.

⁴⁾ Стр. 44, 102 и др.

⁵⁾ Стр. 4, 46, 66, 184.

Язык и стиль »Детванина« представляет высокія поэтическія достоинства: языкъ его есть прежде всего вѣрное воспроизведеніе языка народнаго; особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ герой и героиня выражаютъ свои чувства и мысли.

Что касается внѣшней формы нашей поэмы, то она писана строфами, состоящими изъ десяти стиховъ, изъ коихъ второй, четвертый, седьмой и десятый восьмисложные, а остальные—десятисложные. Принимаются между собой стихи одинаковой длины; рима вездѣ двусложная. Для примѣра выпишемъ начальную строфу поэмы:

Stojí vysoká, divá Pol'ana,
 Mat' stará ohromných stínov,
 Pod ňou dedina Detvou volaná,
 Mat' bujná vysokých synov:
 Či tých šarvancov Detvy ozrutných
 Pol'ana na tých prsách mohutných
 Nenosí a nenadája?
 Alebo aspoň na tie výšiny
 Nehl'adí dcéra tejto rodiny,
 Ked' má porodit' šuhaja?¹).

Второе эпическое произведеніе Сладковича есть: «Графъ Николай Шубичъ-Зринскій на Сиготи (Gróf Mikuláš Šubič Zrínsky na Sihoti)²». Содержаніе его слѣдующее: Стотысячная турецкая армія, подъ предводительствомъ султана Сулеймана, переправившись черезъ рѣку Драву, расположилась на могочскихъ поляхъ и осадила крѣпость Сиготъ (1566 г.). Начальникомъ крѣпости былъ графъ Николай Зринскій. Съ незначительнымъ отрядомъ онъ мужественно отражалъ нѣкоторое время всѣ нападенія турокъ. Произошло нѣсколько жаркихъ сраженій, но крѣпость все еще держалась. Несмотря на неоднократныя предложенія со стороны султана сдаться, осажденные продолжали храбро защищаться въ стѣнахъ крѣпости. Всѣ граждане, даже женщины, и самъ Зринскій стали въ ряды защитниковъ. Наконецъ они должны были уступить силѣ осаждающихъ—Турки ворвались въ городъ; воевода Зринскій палъ, побѣдители разграбили городъ. Поэма оканчи-

¹) Стоитъ высокая, дикая Поляна, древяля мать огромныхъ тѣней; у подошвы ея село, называемое Детвою, здоровая мать рослыхъ сыновъ: не Поляна ли носить и кормить этихъ исполинскихъ удаальцовъ Детвы на своей могучей груди? или не глядитъ, по крайней мѣрѣ, на ея вершины дочь этой общины, когда собирается родить мальчика?

²) Названіе этой крѣпости извѣстно у насъ въ мадырской формѣ Сигеть, а Зринскій подъ омадыреннымъ пвемемъ Зрини.

вается описаніемъ торжественнаго погребенія Зринскаго. Разсматриваемая нами поэма изобилуетъ поэтическими описаніями и картинами. Особенное вниманіе обращаютъ на себя рѣчи Зринскаго къ войску, въ которыхъ онъ воодушевляетъ горсть своихъ храбрецовъ къ борьбѣ съ многочисленнымъ непріателемъ, выставляетъ имъ на видъ съ одной стороны славу и честь пасть въ борьбѣ за свободу и вѣру, царя и отечество, а съ другой — позоръ добровольнаго рабства¹⁾; описаніе турецкаго лагеря, описаніе постройки моста черезъ Драву Гассанъ-бегомъ, описаніе сраженій и проч.²⁾

Главный герой поэмы—Николай Зринскій; около него группируются другіе защитники крѣпости: Петръ Вуковичъ, Патачичъ, Тоболничъ, Марко Срѣчанъ, Новакъ, Иванъ Домба, Юраничъ и др. Въ поэмі живо изображается храбрость Зринскаго, его одушевленіе въ борьбѣ, высокія идеи его, за которыя онъ боролся и палъ, воодушевляя другихъ своимъ примѣромъ³⁾. Обращаясь къ войску и указывая, сколько уже легло защитниковъ и за что они сражались, какъ много еще осталось непріятелей, Зринскій говоритъ: »А теперь что? броситься въ эти рвы, или опрокинуть на непріятеля эти ворота? Идти въ темницу къ змѣямъ и гадамъ, или обвить чело неувыдаемымъ вѣнкомъ? — Выбирайте! — выбирать? — горе мнѣ, безумцу! Кто вырвалъ у меня изъ рукъ полководческой жезлъ? Да кто же изъ васъ, въ виду необходимости, станетъ выбирать, или кто, будучи свободнымъ, выберетъ рабство?«⁴⁾. Прозведеніе это вообще обладаетъ несомнѣнными поэтическими достоинствами. Къ числу наиболѣе поэтическихъ мѣстъ должно отнести—описаніе сраженія⁵⁾ и смерти Зринскаго⁶⁾. Живоность изображенія, поэтическіе образы, эпическая пластичность отличаютъ вообще все произведеніе. Языкъ его легкій, живой и увлекательный.

Общая идея поэмы ясно видна изъ сопоставленія слѣдующихъ стиховъ:

»Другъ мира, я восхваляю кровавую брань, пѣснь моя вѣнчаетъ отсѣченную голову, превозноситъ слабыхъ, потерпѣвшихъ пораженіе, благословляетъ печальный исходъ брани, пѣснь моя даже восхваляетъ самоубійство. Нѣсколько человѣкъ въ моихъ глазахъ больше тысячъ,

¹⁾ Стран. 115, 124—125, 144—145 и др.

²⁾ Стран. 120—121, 118, 148—149.

³⁾ Стран. 131, 148 и др.

⁴⁾ Стран. 144.

⁵⁾ Стран. 136.

⁶⁾ Стран. 148—149.

великая рать мнѣ представляется малою, хищные львы для меня агнцы, живые для меня—мертвы, мертвые—живы!»¹⁾

И: »Тристо лѣтъ! тристо лѣтъ Николай графъ Шубичъ-Зринскій находился въ плѣну! Ужъ онъ идетъ домой—радуйтесь, Хорваты! Ужъ онъ идетъ—радуйся, славянская семья! Мы его не дали Уграмъ: вотъ, то, что у насъ отняли, возвращаетъ намъ рука Господня! Да, воевода идетъ поучать свой народъ: гдѣ не дають вамъ жить, тамъ не помѣшаютъ умереть!»²⁾

Отсюда же видно, какимъ чувствомъ проникнута поэма, воспѣвающая подвиги славнаго хорватскаго бана, защищавшаго угорскую крѣпость.

Что касается общаго строя поэмы, то нельзя не сказать, что онъ страдаетъ отсутствіемъ единства. Въ поэмѣ, особенно въ первой ея части, нѣтъ одного рельефнаго центра, около котораго группировалось бы все второстепенное. Вниманіе поэта и читателя двоятся: то на первомъ планѣ стоитъ турецкое войско съ его лагеремъ, султанъ съ его пашами, то графъ Зринскій, хотя на послѣднемъ, очевидно, сосредоточиваются симпатіи автора, и поэту дѣйствительно удалось живо нарисовать образъ знаменитаго вождя.

Размѣръ только что разобранный поэмы — октава, размѣръ италянскихъ эпическихъ поэтовъ, Аріоста, Тасса и др., и притомъ именно въ италянскій формъ ея—съ однѣми двусложными римами³⁾.

Третье эпическое произведеніе Сладковича есть Милица (Milica). Содержаніе его взято изъ сербской народной жизни во время турецкаго владычества. На берегу рѣки Савы, подъ окномъ своего дома, сидитъ Милица и, смотря на волны рѣки, мечтаетъ и тоскуетъ о миломъ—молодомъ сербѣ Ефремѣ. Между тѣмъ въ Бѣлградѣ, въ одной турецкой кофейнѣ, собрались юнаки сербскіе и болгарскіе и пировали

¹⁾ Стран. 112.

²⁾ Стран. 155.

³⁾ Выпишемъ, для примѣра, только что (на этой же страницѣ) приведенную въ переводѣ заключительную строфу поэмы:

Tristo rokov! tristo rokov v zajatí,
Ležal Mikuláš gróf Šubič od Zrína!—
Už ide domov,—tešte sa Horváti,
Už ide—teš sa Slavianska rodina!—
My »Uhrom« sme ho nedali—hl'a vráti
To, čo vzali nám, ruka Hospodina!
Hej, učit' ide svoj národ vojvoda:
Kde žit' nevol'no, tam umret' sloboda! Str. 155.

вмѣстѣ съ турками; между ними и Ефремъ. Въ то время, какъ другіе беззаботно предавались веселію, Ефремъ вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ, бросился на турокъ и одного изъ нихъ прокололъ своимъ кинжаломъ; другіе бѣжали. Молодой сербъ успѣлъ перебраться черезъ Дунай, а потомъ уйти на Черную Гору. Бѣлградскій папа приказываетъ арестовать юнака-убійцу, но посланные не находятъ его и захватываютъ его отца. Папа, отпустивъ отца Ефрема, велитъ схватить возлюбленную его Милицу и отвести въ султанскій гаремъ. Но и здѣсь Милица остается вѣрною Ефрему: не привлекаютъ ее роскошь и удовольствія султанскаго двора—она тоскуетъ о миломъ. Дѣйствіе оканчивается освобожденіемъ Милицы Ефремомъ и удаленіемъ обоихъ на Черную Гору.

Если сравнить »Милицу« съ »Детваниномъ«, то можно замѣтить большое различіе въ достоинствѣ содержанія и внѣшней отдѣлки обоихъ произведеній — различіе не въ пользу »Милицы«: въ »Детванинѣ« мы находимъ отчетливое и всестороннее изображеніе характеровъ и среды, въ которой они дѣйствуютъ, а »Милица« представляетъ лишь бѣглые и блѣдные очерки. Трудно сказать, которое изъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ должно быть поставлено на первомъ планѣ. Милица, по видимому, больше привлекаетъ вниманіе поэта; ея мечтами и тоскою по миломъ наполнена большая часть произведенія; но эти мечты и тоска только и составляютъ обрисовку ея характера, обрисовку далеко не достаточную. Съ этой стороны Ефремъ скорѣе можетъ занять первое мѣсто: въ общихъ чертахъ, онъ напоминаетъ собой сербскаго юнака—онъ отличается смѣлостью и рѣшительностью и исполненъ сильнѣйшей ненависти къ угнетателямъ-туркамъ; любовь къ Милицѣ поподняетъ очертаніе его образа,—но этотъ образъ все-таки неясенъ и неполонъ.

По внѣшней отдѣлкѣ »Милица« также не можетъ сравниться съ »Детваниномъ«. Въ ней нѣтъ той живости образовъ, той эпической пластичности, какія встрѣчаемъ въ »Детванинѣ«. Не находимъ также въ »Милицѣ« и тѣхъ поэтическихъ описаній мѣстной природы, которыя составляютъ украшеніе »Детванина«.

Не смотря, однако, на всѣ указанные недостатки въ содержаніи, построеніи и внѣшней обработкѣ, разбираемая поэма все-таки представляетъ нѣсколько вѣрныхъ чертъ сербской жизни и не лишена поэтическихъ красотъ. Отношеніе сербскаго юнака къ властителямъ-туркамъ, его храбрость и любовь, а равно изображеніе любви Милицы и судьба ея обрисованы въ поэмѣ съ замѣчательнымъ талантомъ и вѣрно характеризуютъ сербскую жизнь.

Изъ выдающихся мѣстъ произведенія особенно отличаются пластичностью образовъ описанія красоты Милицы и сцена ночнаго свиданія¹⁾).

Нельзя также не замѣтить, что »Милица« отличается изяществомъ языка и стиха. Языкъ ея вполне отражаетъ въ себѣ народный духъ, которымъ проникнута вся поэма. — »Милица« написана десятисложными и восьмисложными стихами, которые чередуются между собой (хотя не вполне правильно) и составляютъ четырехстрочныя строфы, въ коихъ стихи рѣшуются крестъ-на-крестъ, или же среднѣе — на среднѣе, крайнѣе — на крайнѣе.

Отношеніе къ Сербіи имѣетъ и другое произведеніе Сладковича: »Совѣты въ семьѣ Душана (Sòvety v rodine Dušanovej)«. Оно раздѣлено на четыре »совѣта« и написано въ формѣ разговора между Душаномъ, его женой Душицей и множествомъ дѣтей ихъ, каковыми являются олицетворенныя понятія — главныя изъ нихъ: Умко, Любича, Правдуша, Вѣронька, Уфанка, Блудъ, Сердошъ (Srdoš), Страхошъ, Поэзія, Фантазія, Щастена (Št'astena), Мизерія и Мефисто.

Въ I совѣтѣ разговариваютъ главнымъ образомъ: Душанъ, Душица, Любича, Блудъ, Сердошъ, Умко, Страхошъ, Правдуша, Вѣронька и Уфанка. Душанъ передаетъ управление государствомъ старшему сыну своему, Умку, и совѣтуетъ ему жить въ дружбѣ съ Вѣронькой и Правдушей. Но Блудъ, Сердошъ и Страхошъ не хотятъ допустить Умка къ управленію. Затѣмъ Душанъ сходитъ со сцены, и въ остальныхъ трехъ совѣтахъ разговоръ ведутъ поименованныя лица и много другихъ олицетворенныхъ понятій, предметовъ и явленій.

Во второмъ совѣтѣ главными лицами являются Поэзія, Фантазія, Правдуша и Блазница²⁾). Первые двѣ разсуждаютъ о великомъ значеніи, какое онѣ имѣютъ въ жизни человѣка; затѣмъ Правдуша тоскуетъ о томъ, что права ея попираются человѣчествомъ, но выражаетъ убѣжденіе, что въ будущемъ она должна восторжествовать. Въ Блазницѣ, съ удивленіемъ и недовѣріемъ относящейся къ ея словамъ, она видитъ орудіе карающей судьбы. Въ концѣ совѣта Поэзія и Фантазія поютъ о вѣчности и божественности правды и добродѣтели.

Въ III совѣтѣ представляется роскошная картина лѣта. Разговоръ и пѣсни происходятъ въ ясную лѣтнюю ночь; вся природа представляется живою и ликующею. Въ челнокѣ, на озерѣ Непостоянства, сидятъ: Щастена, Поэзія, Фантазія, Любича, Тужбена, Смѣйко, Стра-

¹⁾ Стран. 163 и 166.

²⁾ Блазница значитъ безумица.

хошъ, Уфанка и Будущность. Тужбена обнимаетъ будущность, Уфанка также обращаетъ на нее свои взоры; Завида злобно посматриваетъ на нихъ и высказываетъ желаніе, чтобы они погибли въ волнахъ озера. Поэзія поетъ о разныхъ недостаткахъ въ правахъ и обычаяхъ общества: о пьянствѣ, о невѣрности супруговъ, объ измѣнѣ молодыхъ людей родинѣ, о путешествіяхъ ихъ по свѣту, въ которыхъ они теряютъ послѣдній свой умъ, о недоучившемся юношѣ, который мнитъ себя мудрецомъ, о модныхъ франтахъ и т. д. Челнокъ опрокидывается, но сидѣвшіе въ немъ спасаются. Все это происходитъ ночью. Но вотъ начинается свѣтать. Уфанка выражаетъ надежду, что угасшее блаженство снова вернется; Поэзія уже видитъ, что настаетъ новая пора: на землѣ уже можно будетъ видѣть небо. Совѣтъ оканчивается словами Поэзіи, что сущность человѣческой природы — вѣчность, божественное начало, къ которому и долженъ стремиться человѣкъ.

Въ четвертомъ совѣтѣ разговоръ ведутъ главнымъ образомъ: Мефисто, Блудъ и Сердошъ, съ одной стороны, а Совѣсть (Svedomie), Фантазія, Умка, Добродѣтель (Snota), Правдуша, хоръ ангеловъ и Свобода — съ другой. Мефисто, Блудъ и Сердошъ, особенно первый — противники всего добраго, честнаго, прекраснаго; другая сторона высказываетъ противоположные взгляды. Послѣдняя торжествуетъ, и свобода заканчиваетъ весь разговоръ провозглашеніемъ своихъ правъ и своего воцаренія среди человѣчества.

Во всемъ этомъ произведеніи и въ каждомъ »совѣтѣ« въ частности можно замѣтить двѣ категоріи лицъ, представителями одной служить: Умка и особенно Правдуша, представитель другой — Мефисто. Характеры ихъ видны изъ самыхъ ихъ названій: первые — представители добраго, свѣтлаго начала, второй — представитель всего противоположнаго правдѣ, добру, честности. Въ борьбѣ этихъ двухъ категорій лицъ, или двухъ противоположныхъ началъ, заключается сущность всѣхъ разговоровъ. Побѣда вездѣ остается за добрымъ началомъ: каждый »совѣтъ« оканчивается рѣчами Правдуши, Поэзіи или Свободы. Правдуша, указывая на противницу свою Блазницу, говорить:

»Вотъ вамъ изображеніе ужасной судьбы вашей, смертныя чада быстрога рока! Привыкайте предительскіе ваши позывы къ чувственности подчинять Божиему закону: привыкайте къ утратѣ бренныхъ земныхъ благъ, если не хотите утратить благъ небесныхъ; привыкайте имѣть все и — ничего не имѣть! И, вѣрь мнѣ, хотя бы у тебя было все, если ты продалъ душу, то продалъ то, что хотѣлъ купить; и хотя

бы у тебя не было ничего, кромѣ правды Божіей, ты Божіемъ богатствомъ богато разбогатѣешь¹⁾). Такимъ образомъ весь смыслъ произведенія дидактической. Со стороны виѣшней отдѣлки, »Совѣты въ семьѣ Душана« стоятъ также высоко, какъ и другія произведенія Сладковича.²⁾ Языкъ легкій, живой, представляющій немало поэтическихъ красокъ.

Во всемъ этомъ произведеніи можно видѣть вліяніе эстетики Гегеля, которою Сладковичъ увлекался во время своего пребыванія въ Галле, гдѣ имъ и были написаны »Совѣты«. Вліяніе замѣтно, какъ въ содержаніи произведенія, такъ и въ его формѣ. Содержаніе его отвлеченное, форма—искусственная.

Что касается элемента народнаго, который можно бы предполагать въ этихъ разговорахъ, судя по названію, то онъ совершенно отсутствуетъ.

Къ эпическимъ произведеніямъ Сладковича принадлежитъ еще »народный эпосъ« Святомартыніада, содержаніе котораго слѣдующее:

Письмъ I. Гнусная клевета, взведенная Туроцемъ³⁾ на Словаковъ, будто ихъ Святополкъ продалъ родину за бѣлаго коня, начинала оправдываться: Словаки стали измѣнять своему народу—родина-мать изнывала отъ знойной засухи. Но, видя ея отчаянное состояніе, сыны ея опомнились и пожалѣли ее, и свѣжій дождь подкрѣпилъ страдалицу. Къ собраннымъ вокругъ матери является вѣстникъ неба, святой Мартынь, на воздушномъ, бѣломъ конѣ: его устами яснѣе говорить къ нимъ воспоминаніе старыхъ грѣховъ и страданій и свѣтлая надежда на лучшее будущее. *Письмъ II.* Насталъ часъ пробужденія—народное движеніе, охватившее всю Европу, распространилось и на словенскіе края: въ городѣ св. Мартына⁴⁾ происходитъ народное собраніе, на которомъ въ восторженныхъ рѣчахъ говорятъ о правѣ Словаковъ на свободное развитіе и рѣшаютъ отправить депутацію въ Пештъ, для предъявленія своихъ требованій⁵⁾. *Письмъ III.* Изображено собраніе словенскихъ патриотовъ, которые проводятъ вечеръ въ оживленной

¹⁾ Sôvet II (стр. 382—383).

²⁾ Авторъ значительно преувеличиваетъ достоинства Сладковича. Ред.

³⁾ Туроць (Thúröcz)—венгерскій историкъ XV столѣтія.

⁴⁾ Св. Мартынь, по мадьярски Сентъ-Мартонъ (Szént-Marton), въ Турчанскомъ комитатѣ.

⁵⁾ Это есть поэтическое изображеніе дѣйствительно происходившаго, въ 1861 г., народнаго собранія: Сладковичъ, подъ вымышленными именами, выводитъ извѣстныхъ словенскихъ дѣятелей—Францисци (подъ его псевдонимомъ Римаевскій), Паулина Тота, епископа Стефана Мойзеса и др.

бесѣдѣ и въ пѣніи. Къ нимъ, откуда ни возьмись, входитъ какая-то дѣва—это дочь Славы¹⁾—и ставитъ на столъ жаренаго гуся на блю-ломъ блюдѣ: гуся, котораго хватаетъ на все многолюдное собраніе, такъ какъ вмѣсто каждаго отрѣзаннаго отъ него куска наростаеъ новый. Пригласивши всѣхъ отвѣдать гуся, дѣва начинаетъ рассказы-вать про него и про блюдо. Блюдо не простое: бѣлая глина, изъ ко-торой оно сдѣлано, взята съ береговъ Лабы, гдѣ нѣкогда обитали Славяне, порабощенныя потомъ и уничтоженныя Нѣмцами; на этомъ блюдѣ подносили яства древнимъ славянскимъ богамъ. Гусь—изъ числа знаменитыхъ римскихъ гусей, посвященныхъ царицѣ боготъ Юнонѣ: когда Римъ, спасенный ими отъ Галловъ, сталъ приходиться въ упа-докъ, гуси-хранители перелетѣли въ славянскіе края, но нигдѣ не находили продолжительнаго пріюта среди спокойнаго и счастливаго народа; нѣкоторое время они жили въ монастырѣ у св. Мартына и кормились изъ его руки²⁾, когда же его сдѣлали епископомъ, они опять пошли странствовать, пока не поселились окончательно въ до-линахъ Татровъ, по теченію Грона и Вага. »Бъше же этого гуся«, кончаеъ дѣва, »въ вѣчную память предковъ, славянъ-мучениковъ!« и исчезаеъ. Воодушевленные словами дѣвы, патріоты приступаютъ къ сбору пожертвованій на общее дѣло—полагаютъ основаніе Матицѣ³⁾ и при всеобщемъ оживленіи опять принимаются за пированіе, пѣніе и пляску; только на зарѣ начинаютъ расходиться и отходятъ ко сну. При видѣ этой ревности, радость исполняеъ сердце ихъ патрона, св. Мартына: воздѣвъ руки къ небу, онъ благословляеъ свои чада на новую, лучшую жизнь.

Изъ предложеннаго пересказа видно, что въ Святомартыніадѣ почти нѣтъ дѣйствія, а главную роль играетъ элементъ лирической: живое сочувствіе свободѣ и народности и поборникамъ ихъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что, несмотря на серьезный характеръ поэмы и искреннее увлеченіе (впадающее иногда въ чрезмѣрный паеосъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышится легкая насмѣшка надъ тѣми же ли-цами, которыя въ другихъ выставлены героями; правда, насмѣш-ка довольно невинная⁴⁾. Въ поэтическомъ отношеніи этотъ »на-

¹⁾ Т. е. олицетвореніе Славянства.

²⁾ У католиковъ существуетъ обычай въ день Св. Мартына ѣсть гуся.

³⁾ Матица—литературный фондъ.

⁴⁾ Таково напр. слѣдующее замѣчаніе въ III пѣсни: Словаки сперва пьютъ, а потомъ ѣдятъ: это римскій обычай и словенская добродѣ-тель, заботиться прежде о головѣ, а потомъ о брюхѣ, — а удовлетво-

родный эпосъ вообще стоитъ ниже другихъ эпическихъ произведеній Сладковича. Но, какъ и тѣ, онъ проникнутъ живымъ народнымъ чувствомъ; по красотѣ языка и стиха онъ также не уступаетъ другимъ произведеніямъ Сладковича. Размѣръ его—бѣлые одиннадцатисложные стихи¹⁾.

Сладковичъ написалъ также нѣсколько балладъ (Цтиборъ и др.), содержаніе которыхъ заимствовано изъ народныхъ преданій. Одна изъ балладъ—переводная: это *Ragach-král*, представляющая переводъ извѣстной Гетевской баллады *Der Erlkönig*²⁾. Какъ содержаніе балладъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ жизни народной, такъ и языкъ и образы поэтическіе—художественное воспроизведеніе той-же природы и жизни.

Лирическія произведенія Сладковича представляютъ гораздо большій отдѣлъ, чѣмъ эпическія. Сюда относятся: »Марина« и многочисленные мелкія стихотворенія. Изъ числа ихъ прежде всего выдѣляется »Марина«.

Это произведеніе Сладковичъ посвящаетъ той Маринѣ, съ которой онъ познакомился въ 1839 г. въ Шавницѣ, будучи студентомъ Лицея, и къ которой почувствовалъ сильную любовь.—Этой любви не суждено было соединить влюбленныхъ: Марина, по желанію матери, должна была выйти замужъ за другаго. Въ своемъ произведеніи Сладковичъ выражаетъ свою мучительную тоску по возлюбленной, описываетъ ея красоту и страстно объясняетъ ей свою любовь. Поэтъ стремится возвыситься надъ земнымъ несовершенствомъ и приблизиться къ идеалу, какимъ представляется ему предметъ страсти.

Но: »Совѣты зависти стали между нами, расторгли блаженные объятія« говоритъ Сладковичъ³⁾. Рукою Марины завладѣлъ другой. Однако сердце ея оставалось вѣрно прежней любви: Марина только преклонилась передъ волею матери. Съ этихъ поръ она какъ бы умираетъ для поэта, какъ существо равное ему: она становится для него не-

ривъ желудокъ, рука еще разъ добровольно возвращается къ службѣ головы. Стран. 223.

¹⁾ Стихи Сладковича—какъ въ этомъ произведеніи, такъ и вообще—похвалы не заслуживаютъ: въ нихъ нѣтъ никакого размѣра, а рѣзны нерѣдко существуютъ только на бумагѣ (напр. *zabaví—vraší, kúdel'ou—čmejou*), или, будучи двусложными по намѣренію писателя, въ дѣйствительности суть богатые (вмѣстѣ съ тѣмъ слабыя) односложны, какъ *starosti—radosti*. (Удареніе у Словаковъ всегда падаетъ, какъ извѣстно, на первый слогъ, а знакъ ударенія обозначаетъ долготу). Прим. ред.

²⁾ Въ русскомъ переводѣ Жуковского—Лѣсной царь.

³⁾ Строфа 99.

земнымъ существомъ, и въ этомъ видѣ поэтъ продолжаетъ общеніе съ нею, онъ убѣждаетъ милую остаться вѣрно ему; сравнивая ее съ Маріей-дѣвой, онъ совѣтуетъ ей бѣжать въ Египетъ съ младенцемъ своимъ — любовію, отъ гонителя Ирода — суроваго свѣта, вмѣстѣ съ нимъ, потомъ, какъ Марія съ Іосифомъ. Судьба однако сдѣлала свое дѣло. Наслажденіе красотой Марины, стремленіе къ ней смѣняются у поэта чувствомъ горькой утраты: онъ то упрекаетъ милую въ невѣрности, то упрекаетъ и себя и ее въ печальной разлукѣ, то снова чувствуетъ надъ собой всю тяжесть любви. На берегу рѣки Грона поэтъ погружается въ воспоминанія о дняхъ своей юности, о первомъ времени любви своей къ Маринѣ, отдается грустнымъ размышленіямъ о сущности земной жизни и блаженствѣ жизни загробной ¹⁾. Вдругъ шумъ рѣчныхъ волнъ стихаетъ, и предъ нимъ является вилá (нимфа) — Марина. Съ вѣнкомъ бѣлыхъ розъ въ рукѣ она подходитъ къ поэту и подаетъ ему вѣнокъ. Сердце поэта вновь воспламенилось любовью, глаза его впадаютъ въ ея лицо. Вилá зоветъ поэта съ собой, описываетъ всѣ прелести своей жизни въ хрустальныхъ палатахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ ему, что она теперь чужда человѣческимъ чувствамъ, человѣческой любви... На такой призывъ любящій откликнуться не можетъ, и она исчезаетъ. Надъ любовью поэта торжествуетъ расудокъ— онъ говоритъ самъ себѣ:

»Юноша, ты принадлежишь отчизнѣ, исполни же вѣрно свой обѣтъ и обязанности—какъ тебѣ съ неизвѣстною вилóю, хотя бы сладкоголосой и прелестной лицомъ, пуститься въ неизвѣстный свѣтъ, въ пасть холодныхъ водъ? Гронъ мой—образъ моего народа, но все-таки этотъ образъ только вода, а духъ—словенскій народъ! ²⁾«.

Такимъ образомъ поэтъ разстается пока со своими чувствами, со своею возлюбленною, надѣясь увидѣть ее и наслаждаться съ нею еще въ другой жизни. Но вотъ на вершинѣ Татеръ, на Чертовой Свадьбѣ, является вереница вилъ шумнаго Грона—и среди нихъ Марина. Вилы поютъ и пляшутъ, но Марина, опустивъ голову на грудь, печальная, склонилась въ объятія царицы вилъ Доброславы. Утѣшенія Доброславы не дѣйствуютъ на нее; но вдругъ она вскакиваетъ: передъ ней является ея милый, и они заключаютъ другъ друга въ объятія. Въ этомъ соединеніи съ милой поэтъ чувствуетъ себя въ другомъ высшемъ мірѣ — въ этомъ соединеніи онъ находитъ вѣчное счастье, котораго до сихъ поръ напрасно искалъ; теперь онъ можетъ

¹⁾ Стрфы 99—186.

²⁾ Стрфа 221.

паслаждаться вѣчною любовію, которая соединяетъ его съ милой и съ родиной.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе »Марины«. Все оно вращается около одного центра; центръ этотъ—Марина, предметъ любви и мечтаній поэта. Все почти содержаніе направлено на изображеніе ея красоты, качествъ ея сердца, взаимныхъ отношеній между нею и поэтомъ. Но, не смотря на то, образъ Марины не представляется опредѣленнымъ и цѣльнымъ: она является чѣмъ-то идеальнымъ, отвлеченнымъ. Это объясняется тѣмъ, что Марина не сама по себѣ воспламеняетъ чувство поэта, не сама по себѣ является предметомъ его любви: поэтъ любитъ свою Марину потому, что она дочь его народа— въ ней поэтъ любитъ свой народъ, свой край, свою родину:

»Я хотѣлъ бы обнять васъ, края родные! Объятія тѣсны, чувство широко: какъ сладко мнѣ на груди Марины чувствовать ваши объятія! Какое для меня блаженство ничего, ничего не желать, вѣчно бросаться изъ объятій въ объятія, вкушать сладости трехъ небесъ: любить въ красавицѣ Маринѣ дорогое отечество, въ красотѣ родной природы любить Марину и сразу обнимать обѣихъ!¹⁾«

Марина въ воображеніи поэта ~~неразрывно~~ соединена съ народомъ; они нераздѣльны въ его любви. Мало того: чувство любви къ Маринѣ поэтъ отодвигаетъ на второй планъ передъ чувствомъ своего долга, и ставитъ на первомъ планѣ обязанности и задачи свои относительно главнаго предмета своей любви—своего народа:

»Видѣ, оставайся тамъ въ своемъ небѣ — меня еще связываютъ земныя нужды, и родина моя на землѣ!²⁾«

»Съ Богомъ, народъ мой, возлюбленный мой народъ, предметъ моихъ высшихъ вдохновеній! Съ Богомъ! помни, что Духъ свѣтовъ обѣтовалъ тебѣ необъятный свѣтъ: я, вѣчно занятый тобою духомъ, хочу стремиться съ тобою къ святымъ идеаламъ и быть съ тобою и здѣсь и тамъ—сынъ твой хочетъ скорбѣть твоею скорбью, а на побѣдоносное кипѣніе твоихъ силъ — смотрѣть съ кипучимъ вдохновеніемъ!³⁾«

Такимъ образомъ чувства и мысли поэта, выраженные имъ въ »Маринѣ«, получаютъ болѣе высокой смыслъ и значеніе, чѣмъ чувство любви къ отдѣльной личности, такъ какъ захватываютъ болѣе широкій кругъ, относясь не столько къ самой Маринѣ, сколько къ

¹⁾ Стр. 73.

²⁾ Стр. 222.

³⁾ Стр. 258.

цѣлому народу, къ родному краю, представительницею котораго для поэта является его возлюбленная. На ряду съ выраженіемъ страстныхъ чувствъ поэта къ милой, въ »Маринѣ« встрѣчаемъ описанія красоты словенской природы—шумнаго Грона и его усѣянныхъ цвѣтами береговъ, окружающихъ его горъ, полей и восхищеніе этими красотою¹⁾.

Что касается внѣшняго выраженія то, »Марина« отличается такими поэтическими достоинствами, что въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣ другія произведенія Сладковича. Образы, въ которыхъ поэтъ выражаетъ свои мысли и чувства, описываетъ прелести любимаго имъ существа, обладаютъ высокими поэтическими красотою; нѣжность и свѣжесть чувствъ, глубина и разнообразіе ихъ, высокій полетъ фантазіи—все это придаетъ »Маринѣ« необыкновенную прелесть и увлекательность. Нѣсколько разъ поэтъ принимается изображать предметъ своей страсти—и каждый разъ находитъ новыя и всегда живыя краски и пластическіе образы²⁾. Изображая красоты и прелести Марины, поэтъ сравниваетъ ея глаза то со звѣздами, то съ алмазами, то съ кристаллами, сердце—со льдомъ—»огнемъ холоднымъ«, грудь—съ восходящей и заходящей зарей и т. д.; милую представляетъ то на берегу Грона среди цвѣтовъ, то гдѣ-то далеко въ надземной вышинѣ, то выходящею изъ волнъ Грона, то являющеюся вмѣстѣ съ вилами на Чертовой свадьбѣ, то грустною, то веселою, то спящею, то бодрствующею. Желая созерцать красоты Марины, или точнѣе красоты своего народа и своего роднаго края, поэтъ переносится съ мѣста на мѣсто, отъ одного момента времени къ другому: то среди поля разливаешь онъ по окрестности свою тоску по милой³⁾, то является на берегу шумнаго Грона, вздыхаетъ по милой и льетъ слезы по ней⁴⁾, то наконецъ, среди родныхъ горъ, погружается въ »родное море любви⁵⁾«. Фантазія поэта не ограничивается земною сферою, а возносится и въ высшую, небесную область. Если ко всему этому разнообразію поэтическихъ образовъ, силъ чувства, высотъ фантазіи присоединить, что поэтъ дѣлаетъ самый тонкій психологическій анализъ чувствъ, то намъ станетъ понятно, почему »Марина«, не смотря на всю свою обширность (291 строфа, въ десять стиховъ каждая) отъ начала до конца одинаково увлекательна и свѣжа.

¹⁾ Стр. 72, 74—75, 78, 174, 181 и др.

²⁾ Стр. 29—32, 58—61.

³⁾ Стр. 81 и др.

⁴⁾ Стр. 187—189, 65 и др.

⁵⁾ Стр. 80.

Въ »Маринѣ« Сладковича замѣчаютъ слѣды вліянія Колларовой Дочери Славы: отношенія Коллара къ его Минѣ дѣйствительно представляютъ замѣчательное сходство съ отношеніями нашего поэта къ предмету его страсти. То-же замѣтно и относительно общихъ поэтическихъ пріемовъ. Но это не лишаетъ стихотвореніе Сладковича оригинальности и самостоятельности композиціи.

Большая часть лирическихъ стихотвореній нашего поэта представляетъ изліяніе любви къ словенской родинѣ, или же ко всему славянству¹⁾. Въ нихъ поэтъ, выражая свои чувства, высказываетъ и свои взгляды на теперешнее состояніе и отношенія къ другимъ народамъ славянъ и особенно словаковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пророческуетъ и о ихъ будущемъ. Все разнообразное содержаніе этихъ произведеній вращается вокругъ трехъ главныхъ, тѣсно связанныхъ между собою, пунктовъ: настоящаго положенія славянъ вообще и словаковъ въ частности, средствъ къ лучшему устроенію ихъ судьбы и картины будущаго славянскихъ народовъ.

Всѣ мысли и чувства поэта о славянахъ, выражаемыя имъ то прямо, то въ различныхъ образахъ, исходятъ изъ одного общаго центра — изъ убѣжденія, что славяне народъ самобытный, имѣющій такое же историческое право на самостоятельное существованіе и развитіе, какъ и другіе культурные народы новаго времени. Убѣжденіе это всего яснѣе выражено поэтомъ въ стихотвореніи: »Зачѣмъ вы не ставите насъ ни во что?« Въ связи съ этимъ стоитъ характеристика народныхъ качествъ славянъ, особенно словаковъ, ихъ душевныхъ силъ, языка, чувствъ и мыслей, описаніе ихъ физическихъ качествъ, объема и характера ихъ территоріи, которую мы находимъ

¹⁾ Таковы »Черная Гора«, »Морава«, »Отголоски«, »Домашній богъ«, »Пѣсня о Самсонѣ«, »Зачѣмъ вы не ставите насъ ни во что?«, »Ноябрьская дума«, »Привѣтствіе«, »Молодежи (Omladinám)«, »Утѣшеніе«, »Просьба«, »Юноша«, »Море«, »Къ Нитрѣ« »Щавница«, »Гронь«, »Со-гласіе«, »Соколы«, »Землякамъ«, »Пѣсни моей родины«, »Не преслѣдуйте моего народа«, »Катокъ«, »Возродившійся«, »Запою пѣсню о свободной родинѣ«, »Липа«, »Отголосокъ«, »Молитва Господня«, »Преображеніе«, »На день Св. Оомы«, »Подъ турецкимъ владычествомъ«, »Кирилло-Мееодіенская липа«, »Луга словенскіе«, »Вѣка и годы«, »Великій постъ«, »До сихъ поръ! а далѣе?«, »То чешскій станъ«, »Побѣдить, или умереть«, »Жалоба«, »Измѣнникамъ«, »Маринѣ Годжевой«, »Святокрестовскому епископу Стефану Мойзесу«, »Пѣсня для привѣтствія епископа Мойзеса«, »Оомъ Червену« и нѣк. др.)

въ стихотвореніяхъ »Черная Гора«, »Не браните моего народа«, »Пѣсня о Самсонѣ«, »На день св. Ѡомы«, »Маринѣ Годжевой« и др. Обширность славянскихъ земель, богатство и прелести земли словенской, историческія права славянъ на свою территорію, сила и могущество ихъ, глубина мысли, сила чувства и воли словаковъ, преобладаніе у нихъ духовныхъ стремленій надъ физическими—вотъ главные мотивы указанныхъ стихотвореній. Приведу нѣсколько выдержекъ:

»Не вторглись мы въ вашу среду только вчера: древній міръ зналъ наше славное имя; мудрецы до сихъ поръ препираются о томъ, гдѣ истекаетъ таинственный источникъ славянства. Мы древни, продолжительность нашей исторіи достойна почтенія, а вы не ставите насъ ни во что?!

Видите, насъ больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ, мать славянъ вѣчно въ благословенномъ состояніи, величіе наше само себя прославляетъ: полсвѣта, можетъ быть, имѣетъ право на славу, земной экваторъ—золотой поясъ нашего тѣла, а вы не ставите насъ ни во что?!...

Есть у насъ и золото и блестящіе каменья, пушки, войска (столько, что земля подъ ними стонетъ), замки, музеи и великолѣпные храмы, сеймы, рынки—чего только можетъ желать мірская гордость; есть у насъ стремленіе къ свободѣ, каждый волосъ на насъ честенъ, а вы не ставите насъ ни во что?!¹⁾«

»Не браните моего народа, слѣпые судьи, за то, что мой народъ только простой народъ: нерѣдко люди, глупые по рѣшенію мірской мудрости, бываютъ умны. Слышишь? поетъ словенское поле, пѣсни родятъ Гомеровъ; горы поютъ только нѣжную любовь—что-жъ? будутъ пѣть и герои!»

Не браните моего народа, нечистыя уста, будто онъ глупый и негодный: вы спасены его мудростью, и она еще разъ спасетъ васъ! Не слышишь ты развѣ разумныхъ словъ, которыя онъ повторяетъ каждый день? Въ нихъ вѣчная, глубокая, свѣтлая истина—этотъ народъ подготавливаетъ себѣ науку.

Не браните моего народа, что онъ такъ невеликъ, что онъ не владѣетъ цѣлымъ свѣтомъ: гдѣ тѣло не тянетъ духа къ землѣ, тамъ духъ носится болѣе легкимъ полетомъ. Вспомните эллинскій народъ—духъ создаетъ себѣ собственный міръ. Развѣ вы видите зародышъ въ горномъ желудѣ? Нѣтъ, но взгляните на горы, покрытыя дубравами!²⁾«

Настоящее славянъ представляетъ поэту двѣ стороны. Носясь

¹⁾ Čo vy za nič nemáte nás!? Стран. 565—566.

²⁾ Nehajte ľud môj. Стран. 489—490.

мыслию надъ всѣмъ широкимъ полемъ славянства, душа поэта нигдѣ не находитъ себѣ пріюта она, ищетъ края — гдѣ бы свѣтило солнце славы и свободы:

»Мечтаю я о краяхъ, гдѣ нѣтъ грѣха, гдѣ желаніе равносильно обладанію, гдѣ надъ буйнымъ сердцемъ высится исполинское самознание, какъ золотой кровъ Кремля надъ святою Москвою, гдѣ молодость вѣчно зеленѣетъ, гдѣ, вылетѣвъ противъ старинныхъ враговъ, святой гнѣвъ означаетъ свободу, гдѣ не услышишь крика нужды, кромѣ сладкихъ потребностей души, гдѣ нѣтъ ночи, гдѣ вѣчно тихій день, какъ въ Магометовомъ раю. Мечтаю я о такихъ краяхъ, но знаете ли вы гдѣ-нибудь такіе края? Только одна моя душа говоритъ, что они есть—весь остальной свѣтъ ворчитъ: нигдѣ! ¹⁾«

Противоположную картину представляетъ поэту дѣйствительное состояніе славянъ, обитающихъ долины Моравы, Вага, Грона:

»Передъ глазами моей пылкой души подымается вереница какихъ-то тѣней: обманъ ли это, или это тѣнь несчастья? Вотъ, тамъ въ этихъ парахъ, кажется, виденъ Велеградъ, тамъ Дѣвинъ, тамъ Гостинъ заставляеть трепетать сердце, тамъ покровъ святой Нитры!

Дикое молчаніе этой печальной воды (Моравы) это образъ минувшихъ дней, а страшная непогода настоящихъ бѣдствій есть ужасный предметъ этихъ тѣней ²⁾«.

»Будто бы жизнь сладка! жизнь — проклятіе: въ рабствѣ родила меня мать, и потому я рабъ, и потому бичъ, голодь, позоръ, цѣпь съ тяжкою недолею отъ жесткой колыбели и до сихъ поръ мучили мою душу въ рабствѣ. Самъ священный Гангъ священной влагою своею не можетъ смыть съ моей души скверну рабства; собака для притѣснителей выше меня; червяка въ пыли пощадить нога брамина, меня жестокость господина попираетъ грубою пятою; жукъ имѣетъ право жить, а я въ глазахъ палачей недостойнъ даже жизни! Зачѣмъ ты не воспользуешься по крайней мѣрѣ правомъ смерти, когда право жизни крадетъ у тебя порабощеніе? ³⁾«

Изображенію страданій своего народа подъ игомъ чужихъ народовъ поэтъ посвящаетъ довольно много стихотвореній, полныхъ мыслей и чувства: »Отчаянный«, »На всѣхъ святыхъ«, »Морава«, »Земля-

¹⁾ *Śierna Noga*. Стран. 477—478.

²⁾ *Morava*. Стр. 480.

³⁾ *Zúfalec* (Отчаянный). Стран. 435—436. Выводимый въ этомъ стихотвореніи страдалецъ — индусъ-парія, но подъ паріей, повидимому, разумѣется угнетаемый славянинъ.

камь«, »Запою пѣсню о свободной родинѣ«, »Молитва Господня«, »Преображеніе«, »Великій постъ« и др.

Изображая бѣдствіе: подчиненнаго положенія народа, поэтъ ука- зываетъ средства избавленія отъ страданій и путь къ свободѣ и не- зависимости. Онъ призываетъ соплеменниковъ къ защитѣ своихъ правъ, къ борьбѣ съ притѣснителями:

«Съдай, впередь, насталь часъ! Зоветъ отчизна, зоветъ въ бой! Выходите, выходите! отчизна зоветъ насъ въ поля крови, въ средину молній и громовъ! Ура отчизнѣ! Ура! Побѣдить, или умереть!

Ты медлишь? негодай! Развѣ ты не носишь имени сына сла- вянъ, не имѣешь въ рукѣ ружья, косъ, цѣповъ?! Кто станетъ считать полки враговъ?! Ура отчизнѣ! Ура! Побѣдить, или умереть!

Ура, славная смерть, геройская смерть! Кто не умретъ съ ра- достью за отчизну? Убивай его, убивай его! Смѣло убей его! Пы- лай за Всеславянство, пылай! Ура отчизнѣ! Ура! Побѣдить, или умереть! 1)»

Но борьба эта можетъ быть успѣшна только подъ условіемъ един- ства дѣйствій всѣхъ членовъ рода, полного согласія—потому поэтъ приглашаетъ всѣхъ славянъ и особенно свой народъ къ единодушію:

»Наносите новой земли, берите ея въ горахъ святой любви. За- сыплемъ слѣды кровавой Фуріи и щели нашей проклятой разрознен- ности! Если-жъ мы на свѣтѣ не найдемъ такой земли, возопимъ еди- нодушно къ небу и ты, и я—и она посыплется, какъ дождь! Услыши- те ли вы? Добрая земля эта тутъ! зовуть ея »Concordia«! 2) прекра- сный примѣръ единодушія и любви къ народу поэтъ представляетъ въ просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія, апостоловъ сла- вянскихъ 3).

Самымъ важнымъ условіемъ независимости и самостоятельно- сти народа Сладковичъ выставляетъ сознаніе имъ общности проис- хожденія славянъ, сознаніе своей самобытности и отдѣльности отъ другихъ народовъ. Только эта внутренняя сила дѣлаетъ cadaго вѣрнымъ своему народу, рождаетъ въ немъ любовь къ нему и дѣла- етъ его свободнымъ:

»О братья! Пѣль бы я страшную пѣснь о злобѣ враговъ народ- ныхъ, но свобода словенскаго духа не желаетъ проклятій и притѣсне- нія. Пѣль бы горе святой отчизны, но на что немощный плачь? Когда истлѣютъ кости ея сыновъ, духъ отчизну спасетъ.

1) Zbit'—lebo mriet' Стр. 598—599.

2) Až posial! a d'alej? Стр. 589.

3) Стр. 576.

Чего вы боитесь бречанія золота, въ ящикахъ у измѣнниковъ народа? Развѣ свобода отцовъ боялась бряцанія мечей и копій? Чтѣ общаго между золотомъ и нравственнымъ величіемъ? между любовью къ народу и барствомъ? Силы сокрушаются о грудь величія, въ тяжелый часъ растетъ мощь ¹⁾».

Выставляя высокое значеніе, въ дѣлѣ самостоятельнаго развитія народа, силы внутренняго сознанія, поэтъ призываетъ свой народъ къ духовной дѣятельности:

»Соберите только сокровища духа, могучій духъ побѣдитъ адъ! По истинѣ, слава народовъ не произрастаетъ изъ насилія, крика, матеріальности, народъ происходитъ отъ своего народа, вѣчное родится изъ вѣчности. Чтѣ возникло, какъ блескъ метеора, тому черезъ нѣсколько часовъ грозитъ смерть; медленно поднимается изъ моря исторіи и мощная жизнь идеала ²⁾».

»Тотъ увянетъ прежде чѣмъ разцвѣтетъ, кто жалкою лѣнью скроетъ, убьетъ способность мыслить, чувствовать, ощущать, дѣйствовать; но кто въ минуту опасности не ошибется въ своей силѣ, слава тому, слава! ³⁾».

Проникшись мыслию о необходимости тѣснаго единенія всѣхъ вѣтвей и членовъ славянства и признавая самымъ могущественнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ національное сознаніе, поэтъ, наряду со свѣтлыми чертами славянскаго народнаго духа, отмѣчаетъ и грустныя явленія—измѣну духовнымъ интересамъ своего народа. Все славянство страдаетъ этою болѣзнію: Полякъ сталъ французомъ, а Словакъ—мадяромъ, также Хорватъ и Сербъ стали потомками Арпада, Словинець пересталъ быть словинцемъ, Болгаринъ — болгаринномъ, Чехъ, Мораванинъ, Слезакъ кичатся именемъ нѣмца; нѣмецъ же взялъ также и беретъ полабскія племена. А Русскій—онъ пантсонъ и членъ всѣхъ народностей. Ну, такъ гдѣ же славянство?... Удивительное это явленіе, непонятное рѣшеніе Божіе: измѣнниковъ народу находимъ только у славянъ, чего нѣтъ ни у кого, то принадлежитъ намъ однимъ! ⁴⁾».

Поэтъ неоднократно обращается къ обличенію подобнаго рода измѣнниковъ: »А ты чтѣ скажешь въ судный день надъ народами, чтѣ обрѣтешь, выродившаяся кровь, за то, что бросаешь соръ въ этотъ колодезь и вливаешь яду въ ту грудь, изъ которой пила жизнь? ⁵⁾».

¹⁾ Землякамъ. Стр. 481—482.

²⁾ Тамъ же, стр. 482.

³⁾ Катокъ (Klzačka), стр. 502.

⁴⁾ Выродившимся (Odrodilcom), стр. 608, 610.

⁵⁾ Луга словенскіе, стр. 578.

Но самыя задушевыя стихотворенія нашего поэта тѣ, въ которыхъ онъ изливаетъ свои чувства по поводу народнаго возрожденія славянъ вообще и словаковъ въ частности и рисуеъ будущія судьбы народовъ славянскаго племени: »Пѣсни моей родины«, »Отголосокъ«, »Запою пѣсню о свободной родинѣ«, »Привѣтствіе«, »Утѣшеніе«, »Ноябрьская дума«, »Пѣсня о Самсонѣ«, »Великій постъ«, »Землякамъ«, »Пѣсня для привѣтствія епископа Мойзеса« и др. Поэтъ слышитъ голосъ воскресенія, видитъ зарю свободы своего народа, вмѣстѣ предчувствуетъ будущую славу его и всего славянскаго рода:

»Погибшіе народы тѣшатся вечернею зарею пылающей славы и принимаютъ разгульное безобразіе рабства за духъ свободы: ты же, прекрасная моя родина, живешь въ области юношескихъ чувствъ, въ надеждахъ твоихъ—духъ Господень, а въ пѣсняхъ твоихъ—зори разсвѣта.

Словенка, нѣжная дѣва, поетъ отголоски нѣжной любви, но духъ этихъ пѣсней переливается въ могучія кости славянина: любовь эта вырывается изъ нѣжной груди, стократно ударяется о Татры и засіяетъ отъ Корконошей¹⁾ до Дона, отъ Дубровника²⁾ до сѣвернаго полюса. И не удушливымъ огнемъ горитъ это пламя—просвѣщеніе міровъ; голосъ этотъ вызоветъ тысячу голосовъ въ областяхъ славянскихъ семей, и этотъ псаломъ, псаломъ смиренія, приметъ, какъ хвалу себѣ, Господь³⁾«.

»О не плачь мать, мать наша дорогая: исчезнетъ этотъ мракъ, покрывающій твое солнце, для дѣтей твоихъ настанетъ счастливая пора! — Мало у тебя сторонниковъ, но всѣ они вѣрны тебѣ и не осквернятъ своей совѣсти измѣною, не одно сердце бьется еще для тебя, есть рѣшительность, которая тебя освободитъ: она породитъ надежду, а надежда—дѣла, а славными дѣлами вновь оживетъ твое племя! Такъ не плачь же, мать наша дорогая: исчезнетъ этотъ мракъ, покрывающій твое солнце, и для тебя, для твоихъ, настанетъ счастливая пора!⁴⁾«

»Живъ Богъ, вѣчно неизмѣнна Его святая воля: проклятіе рабства не навсегда одолѣетъ Его правду! Свѣтаетъ—да, тамъ долженъ разсвѣтать лучшій часъ, гдѣ сто миліоновъ умоляетъ о томъ Господа!⁵⁾«

Къ этимъ послѣднимъ стихотвореніямъ примыкаютъ и надгробныя элегіи Сладковича: »Духу Пушкина«, »Ивану Себерини«, »Усопшему

1) Корконоши—Исполиновы горы.

2) Дубровникъ—Ragusa.

3) Пѣсни моей родины, стр. 485.

4) Утѣшеніе, стр. 440.

5) Отголосокъ (Ohlas), стр. 497.

Стефану Лайду«, »На могилѣ Стефана Загорскаго«, »Элегія при гробѣ Карла Кузмани«, »Надъ трупомъ Лудовита Кубани«, »Погребальная дума надъ трупомъ Стефана Мойзеса«. Общее ихъ содержаніе—горькое чувство поэта вслѣдствіе утраты даровитыхъ и энергическихъ дѣятелей, столь нужныхъ народу въ тяжелое переходное время:

»Ахъ, тяжело умирать, когда свѣтъ и народъ пробуждается для новой жизни, тяжело отчаиваться, когда человѣческое общество цвѣтетъ надеждою. Увы, наша радостная звѣзда гибнетъ съ быстротою стрѣлы! ¹⁾«

»Терзается печалью моя огорченная душа, Кубани, — и какъ ей не печалиться, когда твое горе сошло въ могилу, не дождавшись утра своего народа?!« ²⁾.

Къ этому же отдѣлу стихотвореній примыкаетъ нѣсколько другихъ, главнымъ содержаніемъ которыхъ служитъ грустное чувство: сожалѣніе о несовершенствѣ всего, даже самаго прекраснаго на землѣ (Báseň) тоска по миломъ (»Жалоба«, »Оставленная«), плачь матери надъ неизвѣстной судьбой дочери (»Дочь и мать«), утѣшеніе (»На гробѣ матери«), жалоба на отсутствіе свободы, утрату прежней силы (»Пѣсня«, »Воспоминанія«, »Летѣлъ молодой соколъ«).

Стихотворенія Сладковича насквозь пропитаны народными элементами: нѣсколько стихотвореній написано чисто въ народномъ духѣ—съ народнымъ содержаніемъ и формой (»На Ивана«, »На гробѣ матери« и др.). Что касается общихъ поэтическихъ приѣмовъ Сладковича въ его лирическихъ произведеніяхъ, то онъ не всегда прямо выражаетъ свои мысли, но нерѣдко беретъ образы изъ словенской природы (»Летѣлъ молодой соколъ«, »Гронтъ«, »Соколы« и др.), или же беретъ готовые формы и влагааетъ въ нихъ новое содержаніе: такъ онъ въ формѣ псалмовъ просить Бога о побѣдѣ надъ врагами (»Псалмы: XXI и XLIV); ратуя за права своего народа, онъ располагаетъ свои мысли по прошеніямъ молитвы Господней (Modlitba Páně).

Лирика Сладковича представляетъ плодъ глубокаго и искренняго народнаго чувства и любви къ своему народу: слова поэта »Братъ-словакъ, обними свою мать! Обними ее и вѣрно люби! Мать твоя — земля словенская, люби эту святую землю! ³⁾« неволью припоминаются при чтеніи любого его стихотворенія.

¹⁾ Na mohyle Štefana Záhorského, str. 654.

²⁾ Nad mrtvolou (надъ трупомъ) L'udovita Kubániho, str. 664.

³⁾ Отголосокъ, стр. 495.

Всѣ произведенія Сладковича проникнуты очень свѣтлымъ міросозерцаніемъ и настроеніемъ. Самыя мрачныя думы и чувства поэта, по поводу, на примѣръ, грустныхъ явленій и условій народной жизни, никогда не разрѣшаются у него отчаяніемъ; напротивъ, вездѣ послѣднимъ выводомъ является непоколебимая надежда на лучшее будущее, увѣренность въ своихъ силахъ и одушевленіе къ дѣятельности, соединенной съ любовію къ своему народу. Изображая съ горькимъ чувствомъ страданія неудовлетвореннаго жизнію человѣка, онъ восклицаетъ: »Духъ человѣческій! одно даетъ тебѣ славу, одно даетъ спокойствіе и рай на землѣ: живи для человѣчества, будь вѣренъ своему народу, умѣй мужественно выносить тяжкую невзгоду, дѣлай то, что свято, возвышенно, прекрасно: такъ легко поборешь упрямое горе, и побѣда твоя будетъ сіять, какъ будто ты самъ ангелъ мира!¹⁾«

Подобнымъ же образомъ стихотвореніе, начинающееся изображеніемъ горюющей »матери Славіи«, кончается утѣшеніемъ и выраженіемъ твердой надежды на лучшее будущее²⁾.

И въ частности, въ славянекомъ вопросѣ, міросозерцаніе Сладковича отличается широтою и глубиною. Уже было отмѣчено, что поэтъ нашъ смотритъ на славянъ, какъ на самобытный историческій организмъ, занимающій независимое положеніе среди другихъ культурныхъ народовъ, и убѣжденъ въ необходимости тѣснаго соединенія всѣхъ вѣтвей славянскаго племени. Здѣсь отмѣтимъ только его мысли по вопросу объ отношеніи между собою различныхъ славянскихъ народностей. Все славянство Сладковичъ представляетъ образно въ видѣ креста, глава котораго—славянскій сѣверъ: »Славянство—крестъ: у него четыре конца: голова его сѣверъ, югъ — подножіе его³⁾«. Въ этомъ представленіи взаимнаго отношенія славянъ, и именно въ самомъ образѣ, замѣтна аналогія съ представленіемъ тѣхъ же отношеній у Коллара, въ его »Дочери Славы«. »Если бы«, говоритъ Колларъ, »славянскія племена были золотомъ, серебромъ и вообще различными металлами, то изъ всѣхъ я вылилъ бы одну статую, голова которой была бы Россія, плечами и руками Чехи, туловищемъ Поляки, ногами Сербы; остальные меньшія вѣтви Славянъ—Виндовъ, двое Лужичанъ, племя Хорватовъ, Силезцевъ, Словаковъ—я растопилъ бы на одежду и оружіе⁴⁾«. Такимъ образомъ главная роль въ семьѣ славянъ,

¹⁾ Anjel pokoja, str. 439.

²⁾ Potecha (Утѣшеніе). Заключительная строфа этого стихотворенія приведена выше (стр. 134).

³⁾ Pozdrav (Привѣтствіе), стр. 592.

⁴⁾ Slávy dcera. Zpěv třetí. Dunaj, 7.

по представленію Сладковича, принадлежит славянскому сѣверу—народу русскому; остальные вѣтви славянъ — южныя и западныя получаютъ свой смыслъ, силу и значеніе лишь по отношенію къ русскому народу, который есть центръ тяжести всѣхъ славянъ. Къ русскому народу устремлены всѣ надежды поэта въ вопросѣ о будущей судьбѣ его родины и всего славянства¹⁾. Въ своихъ воззрѣніяхъ на славянъ Сладковичъ остался вѣренъ своему учителю Людевиту Штуру.

Изъ всего сказаннаго о произведеніяхъ Сладковича видно, что бѣльшая и лучшая часть ихъ относится къ лирическимъ. Но и въ области эпической Сладковичъ представилъ цѣнные образцы; наибольшее и лучшее изъ эпическихъ произведеній есть »Детванія«, на второмъ планѣ стоятъ »Милица«, »Графъ Николай Зринскій« и »Святотынаида«. Наибольшее по объему и первое по достоинству между лирическими произведеніями есть »Марина«. Однако отношеніе другихъ лирическихъ стихотвореній къ »Маринѣ« не таково, какъ отношеніе другихъ эпическихъ—къ Детванину. Всѣ лирическія произведенія Сладковича представляютъ какъ бы одно цѣлое, и »Марина« выдѣляется изъ нихъ, кромѣ своего обширнаго объема, только тѣмъ, что совмѣщаетъ въ себѣ всѣ тѣ достоинства, которыми въ отдѣльности обладаютъ мелкія стихотворенія²⁾.

По содержанію произведенія Сладковича представляютъ также двѣ категоріи: сюжеты для нихъ взяты то изъ словенской жизни, то изъ жизни другихъ славянскихъ народовъ, особенно южныхъ; лишь нѣсколько лирическихъ произведеній имѣютъ своимъ сюжетомъ общеславянскую жизнь (»Пѣсня о Самсонѣ«, »Черная гора« и др.). Первое мѣсто принадлежитъ произведеніямъ со словенскими сюжетами.

Такимъ образомъ главной вдохновляющей музой Сладковича является жизнь его народа. Сладковичъ есть пѣвецъ своего народа—его прошлаго, настоящаго и будущаго. Но поэтъ выходитъ и за предѣлы чисто народныхъ; горизонтъ его иногда расширяется: онъ видитъ предъ собой все обширное поле славянства и обращаетъ къ сынамъ его свою пѣсню, являясь и для нихъ повѣтствователемъ прошлаго и пророкомъ будущаго.

Николай Ивановъ.

1) См. »Привѣтствіе«, »Черная гора« »Пѣсня о Самсонѣ« и др.

2) Не могу согласиться съ авторомъ и нахожу, что Марина, стоитъ ниже многихъ другихъ стихотвореній нашего поэта. Прим. ред.

О БЫТІ,

преданіяхъ и понятіяхъ Болгарь по памятникамъ народной словесности ¹⁾.

Болгаре занимають довольно видное мѣсто среди славянскихъ народовъ по развитію народной словесности. Они очень дорожатъ своими пѣснями и заботливо хранять ихъ въ памяти: собирателямъ болгарскихъ пѣсень приходилось нерѣдко изумляться обширной памяти болгарскихъ поселянъ: Верковичу около 270 пѣсень сообщила Дафина изъ Сереса ²⁾, а Миладиновымъ одна дѣвушка изъ Струги пересказала не одинъ десятокъ пѣсень ³⁾. Это обстоятельство очень облегчало трудъ собирателей.

Хотя болгарская народная словесность не изучена еще въ такой степени, какъ сербская, благодаря трудамъ Караджича, но все же и по имѣющимся даннымъ можно представить, если и не полную, то вѣрную картину быта Болгарь, дать понятіе о томъ, что пережилъ и перечувствовалъ этотъ многострадаальный народъ, какъ онъ относился къ постигавшимъ его невздамъ и бѣдствіямъ, и какой слѣдъ оставили на немъ разные политическіе и другіе перевороты.

Печальна повѣсть болгарскихъ пѣсень. Онѣ не передають намъ ничего о томъ могуществѣ, до котораго нѣкогда возвышалась Болгарія, и не воспѣвають дѣяній такихъ государей, какъ царь Симеонъ (888—927 г.), Асѣнъ I и Петръ (12 в.), царь Іоаннъ Асѣнъ II

¹⁾ Источниками служили слѣдующіе сборники: 1) Братевъ Миладиновыхъ Български народни пѣсни собрани одъ братья Миладиновци Дмитрія и Константина и издани одъ Константина. Въ Загребъ 1861). 2) Петра Безсонова. Българскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ болгарь. Москва 1855. 3) А. Дозона. Български народни пѣсни. *Chansons populaires bulgares inédites. Publiées et traduites par Auguste Dozon.* Paris, 1875. 4) Стеф. И. Верковићъ. Народне песме македонски Бугара. У Београду 1860. 5) Любена Каравелова. Памятникъ народнаго быта Болгарь. Книга I (и единственная). Москва, 1861. 6) В. Чолакова. Български народенъ сборникъ. Часть I. Болградъ, 1872.

²⁾ Верковичъ, стр. XIV—XV.

³⁾ Миладиновци, стр. III.

1218—1241); но за то онъ подробно намъ говорятъ о временахъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Болгарскаго царства (въ XIV столѣтіи) подъ ударами Турокъ, и ярко изображаютъ безчеловѣчное обращеніе этихъ варваровъ съ покореннымъ народомъ: »Старыхъ убивали, молодыхъ въ рабство брали, брали лучшихъ молодыхъ дѣвицъ и дѣлали ихъ молодыми рабынями, брали лучшихъ молодыхъ людей и дѣлали ихъ янычарами, гдѣ они проходили, тамъ села горѣли«¹⁾).

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ Болгарія должна была представлять какую-то пустыню, такъ какъ всякій, кто только могъ, спѣшилъ уйти съ глазъ Турокъ и искалъ убѣжища въ болѣе или менѣе безопасныхъ мѣстахъ: »одинъ ходитъ по горамъ, другой въ долинахъ бѣгаетъ отъ лютыхъ Турокъ«²⁾).

Потерявши политическую свободу, Болгаре лишились и личной: они обратились въ рабовъ, которые должны были обрабатывать для Турокъ землю, недавно принадлежавшую имъ самимъ; они же употреблялись и на разныя казенныя работы³⁾. Во время этихъ работъ за несчастной »раей«⁴⁾ строго слѣдили Турки, которые часто прибѣгали къ нагайкѣ. Турокъ на болгарина, на жену и дѣтей его смотрѣлъ, какъ на свою собственность. Мальчиковъ болгарскихъ, одного изъ десяти, брали въ янычары, и этотъ наборъ повторялся чрезъ каждые 5 лѣтъ и былъ уничтоженъ лишь въ 1638 г.⁴⁾ Понравится ли турку какая-нибудь женщина или дѣвушка болгарская, онъ уводилъ ее къ себѣ и дѣлалъ своей рабыней⁵⁾,—особенно болгарка должна была опасаться за свою свободу во время полевыхъ работъ, когда она скорѣе всего могла попасться на глаза азіятцу⁶⁾. И какъ жестоко часто поступали эти варвары, жаждавшіе удовольствованія своихъ страстей, съ болгарками, имѣвшими несчастье приглянуться имъ! »Полонили турки Марію«, говорить пѣсня: »держали ее три года—лѣтомъ на солнцѣ, зимой на печи. Вотъ родила она мальчика, и дали ей два посоха въ руки, котомку на плечо, дитя на руки, и пустили ее, милую Марію, просить хлѣба по селамъ«⁷⁾». Мало того: входя въ домъ болгарина, турокъ тре-

¹⁾ Миладиновци, № 87.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Безс. № XXIII.

⁴⁾ Мил. № 87; Конст. Иречекъ. Исторія Болгаръ (переводъ Бруна и Палаузова), стр. 574.

⁵⁾ Безс. № XXXVI; Мил. №№ 146, 68, 74.

⁶⁾ Мил. № 79.

⁷⁾ Тамъ же и № 131.

бовалъ отъ хозяина, что только ему понравится, говоря, что онъ послѣ за все заплатитъ¹⁾; но это обѣщаніе, конечно, никогда не исполнилось, и болгаринъ спѣшилъ удовлетворить требованію, лишь бы только незваный гость поскорѣе ушелъ и не потребовалъ бы еще чего-нибудь. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время болгарамъ много приходилось терпѣть отъ турокъ: мушины и рабочій скотъ забирались въ войско для разныхъ работъ, а женщины должны были исправлять барщину (кулукъ) на спахіевъ, и такимъ образомъ болгарскія поля по необходимости оставались необработанными. Если же турецкое войско становилось на квартиры въ какой-либо мѣстности, то жителямъ ей приходилось разбѣгаться въ разныя стороны отъ грабежей и насилій солдатъ, такъ какъ постой былъ настоящимъ варварскимъ нашествіемъ²⁾. И не одни только простые солдаты совершали всякія безчинства, но и разные паши, санджакъ-беги и другія начальствующія лица въ большинствѣ случаевъ были ничто иное, какъ грабители, облеченные властью. Они вовсе не задавались мыслию при исполненіи своей должности—соблюдать правосудіе, защищать слабого и наказывать виновнаго: для нихъ турокъ всегда былъ правъ, болгаринъ—виноватъ. Они заботились только о томъ, какъ бы удовлетворить своему сладострастію³⁾ и корыстолюбію. Всякій изъ нихъ спѣшилъ, пока не занялъ его мѣста другой, набить свой карманъ, вытряхая послѣднія крохи изъ болгарской суммы. Такимъ образомъ, кромѣ взноса государственныхъ повинностей: »харача« (поголовной подати, которую уплачивалъ всякій, достигшій 14-лѣтняго возраста), десятины со всѣхъ произведеній и подати со скота⁴⁾; болгарамъ приходилось еще удовлетворять и алчности чиновниковъ, которые вѣдали съ народа разные произвольные поборы—и народъ съ покорностію платилъ ихъ, боясь гнѣва своихъ правителей. Такъ, одна пѣсня рельефно изображаетъ подобнаго рода безобразіе и выводитъ чиновника, который шлетъ письмо жителямъ г. Габрова, такого содержанія: »Пускай пришлютъ мнѣ за три года, за три года барышъ отъ шелка; пусть не заставляютъ они меня самого явиться; если же я самъ приду, то больше возьму«⁵⁾. Болгаринъ не могъ добиться правосудія и въ высшихъ инстанціяхъ, если онъ вынужденъ былъ жаловаться на своихъ непосред-

¹⁾ Мил. № 75.

²⁾ Иречекъ, стр. 574, 623, 635, 637.

³⁾ Мил. №№ 178, 373.

⁴⁾ Иреч. стр. 574.

⁵⁾ Безс. № LV.

ственныхъ начальниковъ, потому что и тамъ засѣдали такіе же несправедливые и корыстолюбивые чиновники¹⁾, и вмѣсто того, чтобъ засадить обидчика въ тюрьму, онъ самъ попадалъ въ нее²⁾.

При такомъ притѣсненіи не всѣ болгаре могли оставаться мужественными и, чтобъ улучшить нѣсколько свое положеніе, нѣкоторые приняли исламъ—они стали извѣстны подъ именемъ Помаковъ³⁾. Случалось и такъ, что турки и насильно заставляли принимать магометанство⁴⁾, что, между прочимъ, видно и изъ слѣдующей пѣсни: «Янычару приглянулась болгарка Кана, и посадилъ онъ ее въ темницу съ тяжелыми кандалами на ногахъ, съ цѣпью на шеѣ, со скованными руками, и хочетъ обратить ее въ турецкую вѣру⁵⁾. Но принимали исламъ главнымъ образомъ бояре и богомилы; остальные же съ презрѣніемъ относились къ магометанству и турецкую вѣру называли «проклетая вѣра» и сообразно тому турокъ—«турци проклетая-вѣрци»⁶⁾.

При внутреннихъ смутахъ среди завоевателей, болгаре въ первое время турецкаго господства дѣлали попытки сбросить съ себя тяжелое и ненавистное иго, какъ это извѣстно изъ исторіи⁷⁾, а также принимали участіе въ битвахъ Владислава, венгерскаго короля, съ турками 1443—1444 г. г.⁸⁾. Но такія вспышки національнаго духа не проходили имъ даромъ. Одна пѣсня рассказываетъ, какъ Стоянь, «молодой воевода большаго г. Тернова», захотѣлъ отнять «изъ чужихъ рукъ (у турокъ) отцовское царство, отцовское да материнское», собралъ войско, но былъ разбитъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Султанъ «перебилъ всѣхъ священниковъ, повѣсилъ всѣхъ владыкъ, обратилъ дѣтей въ исламъ, изъ соборовъ и церквей сдѣлалъ мечети». «Заплакалъ тогда малый и большой надъ постигшимъ ихъ бѣдствіемъ», прибавляетъ пѣсня⁹⁾. Такое варварское обхожденіе, притѣсненія, и обиды до того запугали болгарскій народъ, что онъ трепеталъ при одномъ видѣ турецкой одежды¹⁰⁾. Немало терпѣли болгаре и отъ единовѣрцевъ своихъ «господарей»—отъ татаръ. Извѣстно, что татары нѣ-

¹⁾ Безс. № II.

²⁾ Безс. № VII.

³⁾ Иреч. стр. 461, 620.

⁴⁾ Мил. №№ 73, 78.

⁵⁾ Мил. № 78.

⁶⁾ Безс. № XXXV.

⁷⁾ Иреч. стр. 463—471.

⁸⁾ Иреч. 472—475.

⁹⁾ Мил. № 81.

¹⁰⁾ Мил. № 72.

сколько разъ переселялись въ Европейскую Турцію изъ Азіи или Крима, и турецкое правительство съ охотою принимало ихъ, такъ какъ оно видѣло въ нихъ своихъ естественныхъ союзниковъ противъ подданныхъ-христіанъ. Главнымъ образомъ эти пришлецы селились по городамъ. Такъ, въ 1485 г., для нихъ былъ основанъ Баязидомъ II-ымъ Татаръ-Пазарджикъ; они же занимали Филиппополь, Адрианополь, гдѣ въ 16 в. обитало лишь нѣсколько сотъ христіанъ. Поселяясь среди раи, они смотрѣли на себя, какъ на господъ, а на болгаръ, какъ на рабовъ своихъ, чему немало содѣйствовали и турки, которые заставляли послѣднихъ бесплатно строить дома для этихъ новыхъ гостей. Вслѣдствіе этого татары не уступали и туркамъ въ притѣсненіи христіанъ. Многіе изъ нихъ заняли мѣсто среди феодальнаго турецкаго дворянства и, конечно, не церемонились въ обращеніи со своими крепостными. Одинъ изъ нихъ, жившій въ Куруджіи, близъ Ени-Загры, еще въ 1878 г. надѣлалъ не мало шума своимъ варварскимъ притѣсненіемъ болгарскихъ крестьянъ¹⁾. Нерѣдко они и разбойничали, грабили и убивали. Въ пѣснѣ «Стоянь и Гроздана» Стоянь рассказываетъ своей сестрѣ Грозданѣ о томъ, какъ у него угнали стадо:

»Во время сна напало на меня челоувѣкъ 300 арабовъ—арабовъ, сестра, татаръ—и они угнали мое стадо, все стадо рогатаго и мелкаго скота²⁾).

Но какъ ни тяжело было иго турокъ и татаръ, все-таки оно не могло имѣть гибельнаго вліянія на будущность болгарской народности. Гораздо опаснѣе были для нея греки. Турки обходились съ болгарами, какъ съ рабочимъ скотомъ, выжимали у нихъ деньги, но не касались ихъ внутренней жизни; имъ не было дѣла до того, на какомъ языкѣ болгаринъ говоритъ и молится Богу. Напротивъ, греки стремились къ тому, чтобъ стереть съ лица земли болгарскую національность. огречить этотъ народъ, чтобъ такимъ образомъ подготовить его ко вступленію въ Византійскую имперію, которую они надѣялись возстановить въ будущемъ на развалинахъ турецкаго царства; съ этою цѣлію, проискавши передъ Портою, они добились того, что болгарская церковь въ 18 в. (1777 г.) была лишена всякой самостоятельности³⁾ и подчинена власти константинопольскаго патріарха, который началъ

¹⁾ Иреч. стр. 620.

²⁾ Мил. № 205.

³⁾ Еще гораздо раньше (1393 г.) было уничтожено терновское патріаршество.

раздавать тамъ епископскія мѣста грекамъ; со времени же образованія новогреческаго королевства эти мѣста исключительно занимались греками¹⁾. Такъ какъ константинопольскіе патріархи обыкновенно вели очень расточительную жизнь и потому нуждались въ деньгахъ, то они стали продавать епископскія каѳедры тому, кто больше платилъ: оцѣнивались епископіи среднимъ числомъ въ 4000 дукатовъ²⁾. Естественно, что покупатель, по пріѣздѣ на мѣсто, спѣшилъ вознаграждать себя и не только возвратить затраченныя деньги, но и составить себѣ состояніе. Источникомъ же для этого служили повинности народа, который епископы «грабили, какъ кирджалии». Если же крестьяне какого-нибудь села не могли удовлетворить корыстолюбію своего владыки, то слуги его приходили туда, отъ имени своего господина, запрещали священнику отправлять службу, изрекали анаѹему надъ народомъ, запечатывали церковь и уносили изъ домовъ бѣдняковъ все, что только могли. Крестьяне должны были молча терпѣть это и оставаться безъ духовнаго пастыря, такъ что умершіе предавались землѣ безъ священника и молитвы, новорожденные оставались безъ крещенія³⁾. Также недостойно обращались владыки-фанариоты и со священниками. Какъ епископы платили патріарху за мѣсто, такъ и священникъ долженъ былъ платить епископу за посвященіе 1000—1500 піастровъ. Чтобъ получить больше денегъ, этотъ послѣдній посвящалъ гораздо больше священниковъ, чѣмъ требовалось, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ оставались безъ мѣста, а слѣдовательно и безъ средствъ къ жизни, такъ что иной попъ ходилъ въ лохмотьяхъ, что и выразилось въ пословицѣ: «бѣднякъ-хаджія, оборванный священникъ и худая свинья—одно и тоже»⁴⁾. О просвѣщеніи ихъ епископы, изъ которыхъ тоже многіе были больше знакомы съ оружіемъ, чѣмъ съ книгой⁵⁾, ни мало не заботились. Поэтому было обычнымъ явленіемъ, что попъ не умѣлъ ни читать, ни писать⁶⁾. Понятно, что такіе люди вовсе не годились въ духовные пастыри: они предавались разнымъ порокамъ и особенно пьянству, о чемъ и свидѣтельствуютъ пословицы, напр. «нарѣзался, какъ священникъ на поминкахъ» и т. п.⁷⁾, и по-

1) Иреч. стр. 662.

2) Иреч. стр. 659.

3) Иреч. стр. 659, 660, 601.

4) Иреч. 660—661 стр.; Карав. стр. 125.

5) Иреч. стр. 602.

6) Иреч. стр. 660

7) Карав. стр. 87.

этому поведеніемъ своимъ не могли снискать себѣ уваженія народа. Епископы нисколько не старались искоренить въ своихъ подчиненныхъ невѣжество и пороки, но по возможности извлекали выгоду изъ ихъ тяжелаго положенія: они держали по-нѣскольку поповъ въ своихъ конакахъ (дворцахъ) и заставляли ихъ работать въ конюшнѣ, въ саду и т. д. ¹⁾. Но главное зло, которое сдѣлали болгарамъ фанариоты, заключалось въ томъ, что они старались огречить ихъ, съ какою цѣлю и начали въ 18 в. вводить греческій языкъ въ церковь, въ которой онъ дѣйствительно и возобладаль, по крайней мѣрѣ по городамъ, а въ Македоніи даже и по селамъ: тамъ лишь изрѣдка раздавались звуки церковно-славянскаго языка ²⁾. Тоже было и со школами. Въ прежнихъ болгарскихъ училищахъ учителями были священники, задача которыхъ состояла въ приготовленіи юношей къ духовному званію. Здѣсь обучали славянской азбукѣ, заучивали наизусть псалтырь, часословъ и проч. ³⁾. Со второй же половины 18-го вѣка вмѣсто церковно-славянскаго языка былъ введенъ греческій, и будущіе болгарскіе священники должны были заучивать молитвы по-гречески. Съ этого времени число такихъ школъ постоянно увеличивалось на средства болгаръ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вовсе не было греческаго населенія. Греческая школа, первоначально отличавшаяся отъ болгарскихъ поповскихъ школъ только по языку, впоследствии улучшилась: въ ней стали читать древнихъ классиковъ и обращать нѣкоторое вниманіе на исторію и математику. Поповъ здѣсь замѣнили «даскалы» (διδάσκαλος), которые были или природные греки, или огреченные болгаре. Они заставляли учениковъ трудиться надъ чтеніемъ, письмомъ и разговорами на греческомъ языкѣ и повели дѣло такъ, что многіе болгаре, вышедшіе изъ ихъ школы, считали себя греками, говорили и писали по-гречески; даже мало успѣвшіе въ греческомъ языкѣ любили уснащать свою рѣчь греческими словами и цитатами: кто не могъ этого дѣлать, тотъ считался необразованнымъ ⁴⁾. Такъ было особенно въ началѣ настоящаго столѣтія. Греки торжествовали. Конечно, сказанное относится только къ горожанамъ: въ сельское населеніе греки не успѣли провести своихъ цивилизаторскихъ идей: простой народъ смотрѣлъ на нихъ съ недовѣріемъ и ненавидѣлъ ихъ, а также тѣхъ, которые держали ихъ сторону и считали себя греками: «сохрани тебѣ

¹⁾ Иреч. стр. 661

²⁾ Иреч. 654—655 стр.; Верк. стр. IX.

³⁾ Иреч. 654 стр.

⁴⁾ Иреч. стр. 655—658.

Богъ отъ огреченнаго болгарина¹⁾, говоритъ народная пословица. Послѣ сказаннаго вполне понятно то враждебное чувство къ грекамъ, которымъ нерѣдко дышатъ болгарскія народныя произведенія, въ которыхъ греки называются »лукавыми, лукавыми, да и предателями«²⁾. Поэтому-то имъ такъ трудно было эллинизовать сельское населеніе. »Болгаре-варвары«³⁾ чутьемъ постигали природу грека и недоувѣряли ему, понимали, что онъ дѣйствуетъ только изъ-за своихъ интересовъ, и признали его совершеннѣйшимъ плутомъ и обманщикомъ: »грекъ«, говоритъ пословица, »когда лжетъ, самъ себя вѣритъ«⁴⁾. Словомъ, болгаре не ждали отъ грековъ ничего хорошаго для себя, видѣли въ нихъ разрушителей своего счастья и благополучія: по ихъ взгляду »гдѣ грекъ ступитъ, тамъ трава не растетъ«⁴⁾. Изъ всѣхъ народностей, съ которыми судьба привела болгаръ сталкиваться, греки заслужили у нихъ самую дурную славу, что видно изъ слѣдующей пословицы: »у еврея пей вино, но не спи; у армянина спи, но не ѣшь; у турка пей кофей и кури табакъ, но не пей вина; у арнаута пей и ѣшь, но въ дорогу съ нимъ не ходи; у грека ничего не дѣлай«⁵⁾. Союзниками грековъ являлись огреченные болгаре, а кромѣ того еще цинцары (македонскіе румыны) и евреи. Изъ цинцаръ одни странствуютъ по всему Балканскому полуострову въ качествѣ мелкихъ торговцевъ, другіе содержатъ постоянные дворы (ханы), занимаются ремеслами и проч.⁶⁾; многіе цинцары эллинизовались и дѣятельно помогали грекамъ вводить въ македонскія школы и церкви греческій языкъ⁷⁾. Подобно цинцарамъ, и евреи, живущіе главнымъ образомъ по городамъ и занимающіеся торговлею⁸⁾, перемѣняя свою вѣру и народность, дѣлались пособниками турокъ и притѣснителями болгаръ. За это, а равно и за ихъ плутовство и надувательство въ торговлѣ, болгаре ненавидятъ ихъ. Къ отступникамъ отъ народности, къ огреченнымъ болгарамъ и румынамъ и отуреченнымъ евреямъ народъ относится съ тою же нелюбовью, какъ и къ самимъ грекамъ и туркамъ: »сохрани тебя Господъ отъ болгарина огреченнаго, отъ

1) Карав. стр. 28; Иреч. стр. 656—659.

2) Мил. № 81, стр. 114.

3) Карав., стр. 23.

4) Карав., стр. 23

5) Карав., стр. 141.

6) Иреч. стр. 140.

7) Верк. стр. IX.

8) Мил. № 108; Иреч. стр. 592.

еврея отуреченнаго, отъ циндара эллинизованнаго — говорить по-словница ¹⁾).

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ возвратитъ себѣ независимость, болгарскій народъ покорился своей судьбѣ; но съ самаго начала турецкаго господства и до послѣдняго времени являлись люди, которые поставляли себѣ долгомъ мстить порабителѣямъ своей страны—это были гайдуки. Гайдукъ слово сербское: »хайдукъ« или »ајдукъ«, а по болгарски—»хайдутинъ« (мн. ч. хайдутини) и означаетъ разбойника. Но это названіе было облагорожено южными славянами: такъ какъ первые гайдуки главною своею задачею считали мщеніе туркамъ, то слово »гайдукъ« стало означать удалца, борца за отечество. Когда это слово получило такое значеніе, то турки этихъ борцевъ за свободу стали называть хараміями. »Харамія« или »арамія« имѣетъ отгвѣнокъ презрительный и значить: мошенникъ, дармоѣдъ, не живущій трудомъ. Но и это слово было облагорожено, такъ что часто въ одной пѣснѣ одинъ и тотъ-же герой называется то гайдукомъ, то хараміей, вслѣдствіе чего турки начали, наконецъ, называть гайдуковъ »турлаками«—бродягами, лѣвтями ²⁾).

Гайдуки весьма рѣдко дѣйствовали по одиночкѣ, а партіями въ 20—70 человекъ, но пѣсни часто увеличиваютъ это число до 300 ³⁾. Во главѣ гайдуковъ стоялъ воевода. Въ первое время турецкаго господства въ воеводы выбирались, конечно, люди родовитые, а потомъ, когда не стало различія сословій, — болѣе даровитые, мужественные, храбрые, ловкіе. Пѣсни передаютъ, что иногда передъ избраніемъ воеводы происходили состязанія, и кто выходилъ изъ нихъ побѣдителемъ, тотъ и дѣлался воеводой. Состязаніе это состояло: въ метаніи камня, въ перепрыгиваніи чрезъ втыкаемые въ землю шомполы и въ стрѣльбѣ; при послѣдней нужно было попасть въ парѣ (мелкую монету) на разстояніи 400 шаговъ ⁴⁾. Если даже и дѣвица превосходила всѣхъ въ этомъ состязаніи, то и ее выбирали въ воеводы: такъ извѣстны въ пѣсняхъ дѣвушки-воеводы Бояна ⁵⁾, Елена ⁶⁾ и др. ⁷⁾. Иногда дѣвушки-воеводы скрывали свой полъ и выдавали себя за юнаковъ, — такова напр. Тодора, которая говоритъ

¹⁾ Карав. стр. 18.

²⁾ Безс. № XXXIX.

³⁾ Безс. № XXXIV.

⁴⁾ Безс. № XLVI.

⁵⁾ Безс. № XXVIII.

⁶⁾ Безс. № XXIX.

⁷⁾ Мил. № 328.

своей дружинѣ, усумнившейся въ томъ, что ихъ воевода муштина: «Вѣрная дружина! Девять лѣтъ я обманывала насъ такъ, что вы не могли узнать, кто я¹⁾».

Гайдуки ясно сознавали важность искуснаго руководителя и начальника, на что прекрасно указываетъ одна пѣсня, въ словахъ:

»Ходятъ ли овцы безъ пастуха?

Безъ воеводы невозможно набѣга!²⁾

Воевода пользовался большимъ почетомъ со стороны своей дружины. Онъ имѣлъ списокъ гайдуковъ и иногда перекликала ихъ³⁾. Случалось, что воеводы разныхъ дружинъ соединялись между собой для совокупныхъ дѣйствій,—именно, если какой-либо воевода прослышалъ, что скоро ему будетъ предстоять опасное и трудное дѣло, то онъ приглашалъ другаго воеводу соединиться съ нимъ, и въ случаѣ удачи они дѣлили между собой «кяръ» (добычу) пополамъ⁴⁾. Отъ воеводы требуется необыкновенное хладнокровіе — способность не терять самому среди опасности присутствія духа и другихъ ободрять. Въ пѣсняхъ хладнокровіе воеводы иногда доходитъ до того, что онъ кажется безпечнымъ и легкомысленнымъ: онъ предается бездѣйствію, когда повидимому нужны рѣшительность и быстрота, и вызываетъ ропотъ своей дружины. Въ одной пѣснѣ разсказывается, какъ воевода Страиль оставилъ безъ вниманія извѣстіе о грозящей опасности и не сдѣлалъ никакого распоряженія даже послѣ вторичнаго предостереженія. Наконецъ прибѣгаетъ третій часовой и кричитъ ему:

»Страиль, страшный воевода! Страиль, самецъ-буйволъ! Страиль, лѣсная медвѣдица! Время ли тебѣ ѣсть и пить? Погоня насъ настигла.... Или тебѣ не жаль насъ и нашего молодечества?»

Хотя гайдукъ говорилъ такъ подъ вліяніемъ страха, но воевода не могъ допустить такого оскорбленія—онъ «выхватилъ тонкую саблю и отсѣкъ ему голову⁵⁾».

Воевода долженъ былъ главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы дружина его не оставалась безъ добычи. Если же ему, что нерѣдко случалось, не удавалось это, и гайдукамъ вслѣдствіе того приходилось голодать, то они не обвиняли его въ этомъ и не порицали, но чинно и спокойно просили его распустить ихъ по домамъ⁶⁾. Всякая

¹⁾ Безс. № XXX.

²⁾ Безс. № XXIII.

³⁾ Безс. № XXXIV.

⁴⁾ Безс. № XXXIII.

⁵⁾ Безс. № XXXV.

⁶⁾ Безс. № XXVIII.

чета имѣла свое знамя, «байрякъ», которое постоянно носилъ одинъ и тотъ же знаменщикъ (байрактарь). Званіе байрактаря было почетное, первое послѣ воеводы¹⁾. Знаменщикъ имѣлъ помощника, «кючукъ-байрактаря», въ случаѣ, если дружина состояла изъ 50—70 гайдуковъ²⁾. Мѣстомъ сбора дружины обыкновенно служилъ колодезь и, если кто изъ болгаръ уходилъ въ гайдуки, то, говоря про него, употребляли техническое выраженіе «отбилъ са е на хайдушко-то кладенче» (ушелъ къ гайдуцкому колодезю)³⁾. Новоприбывшій обращался къ воеводѣ и просилъ принять его въ дружину. Тотъ обыкновенно отговаривалъ, выставляя передъ нимъ на видъ тѣ опасности, съ какими сопряжена гайдуцкая жизнь. Если же юнакъ упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи, то воевода принималъ его и заносилъ его имя въ списокъ своей дружины. Но вновь поступившій становился въ служебное отношеніе ко всей четѣ, что видно изъ пѣсни, гдѣ такой хайдукъ жалуется на свое положеніе и ищетъ исхода изъ него: «Молодой воевода, Милошъ!» говоритъ онъ передъ сраженіемъ: «дай мнѣ тонкую саблю и возьми «стовну» (глиняный сосудъ): я девять лѣтъ носилъ ее и поилъ 300 юнаковъ⁴⁾. Это было нѣчто въ родѣ испытанія, продолжавшагося до тѣхъ поръ, пока подвергавшійся ему не отличится чѣмъ-нибудь, или пока его мѣсто не займетъ другой.

Вооружившись саблею, парюю пистолетовъ (чиогѣ пиштѣве-де) ружьемъ (пушка)⁵⁾, а иногда еще и полоружейникомъ (шипинѣ)⁶⁾, гайдуки смѣло встрѣчали врага. Мѣстомъ дѣйствія ихъ служили крайныя т. е. земли, пограничныя съ турецкими владѣніями. Такими крайними были главнымъ образомъ берега Дуная и Валахія; но это было тогда, когда турки не успѣли еще подчинить себѣ этой земли. Такъ, по одной пѣснѣ, Марко-королевичъ сражается противъ турокъ въ Валахіи, гдѣ онъ и былъ будто-бы убитъ: «Юнакъ Марко внизу», говорится тамъ, «въ крайней землѣ, гдѣ бьется съ турецкимъ войскомъ» и т. д.⁷⁾

Когда же турки завладѣли всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ и Молдаво-Валахіей, то этимъ защитникамъ отечества приходилось вести съ ними борьбу, оставаясь постоянно въ предѣлахъ ихъ же государства. Чтобъ

¹⁾ Безс. № XXV.

²⁾ Безс. XXXV.

³⁾ Безс. № XXXIV.

⁴⁾ ib.

⁵⁾ Безс. № III.

⁶⁾ Безс. № XXV.

⁷⁾ Безс. № XVI.

дѣйствовать съ большею безопасностію, они должны были прятаться въ горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, въ ущельяхъ, гдѣ иногда имъ такъ искусно удавалось скрывать свои слѣды, что никто и не подозрѣвалъ ихъ мѣстопробыванія. Одна пѣсня говоритъ, что уже три года, какъ Нѣнчо ходитъ »по Троянской горѣ, но никто нигдѣ его не знаетъ«¹⁾. Особенно часто гайдуки дѣйствовали въ горахъ Родопскихъ, Рилѣ, на Старой Планинѣ, въ ущельяхъ Сливенскихъ и около Габрова²⁾. Начинаютъ же свои подвиги они съ 25 марта, съ Благовца (Благовѣщенія), потому что лѣсъ на горахъ въ это время уже успѣваетъ распуститься такъ, что въ немъ удобно скрываться; въ этотъ день гайдуки убиваютъ человѣка или животное и пьютъ кровь его, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіи года не попасться въ руки полиціи³⁾. Расходятся по домамъ съ 26 октября, когда листь опадеть⁴⁾. Впрочемъ, нѣкоторые гайдуки круглый годъ находились на горахъ или въ ущельяхъ⁵⁾.

Отношеніе гайдуковъ другъ къ другу чисто братское. Предъ началомъ какого-нибудь дѣла они клянутся между собой никого изъ своей среды не оставлять на произволъ судьбы. »Стоянтъ собралъ свою дружинну«, говоритъ пѣсня, »и всѣ поклялись, что, если что кто-нибудь заболѣетъ на пути, то ухаживать за нимъ по очереди и носить его на рукахъ«⁶⁾.

Но на кого нападали гайдуки? противъ кого они дѣйствовали?— На это можно отвѣтить тогда, когда будутъ указаны причины, породившія гайдуковъ. Первая изъ нихъ это—желаніе отстоять какой-нибудь клочъ земли отъ турецкаго захвата; она имѣла мѣсто въ то время, когда гайдуки дѣйствовали на крайнахъ, когда эту борьбу съ турками вели главнымъ образомъ бывшіе болгарскіе воеводы, ихъ дѣти и потомки, сильные и богатые роды⁷⁾.

Но затѣмъ, когда турецкое владычество мало по малу сравняло всѣ сословія, тогда каждый дѣйствовалъ со своею личною цѣлью, по особой причинѣ. Одинъ попадалъ въ тюрьму, благодаря неправильно-му турецкому суду, вырывался оттуда и начиналъ мстить туркамъ; у другаго турокъ обезчестилъ жену, сестру, или дочь, или же безъ вины

¹⁾ Безс. № XXV.

²⁾ *ibid.* № XXXIII и стр. 111, 112. №№ XXIII, XLI; Мил. № 222.

³⁾ Кар. стр. 194.

⁴⁾ Кар., стр. 260.

⁵⁾ Мил. № 221.

⁶⁾ Безс. № XXIII.

⁷⁾ Мил. № 148; Безс. стр. 115.

наказалъ кого-нибудь изъ родственниковъ. Панайотъ Хитовъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ о гайдукѣ Корчѣ (Корчо), происходившемъ изъ деревни Сарая близъ Струмицы, слѣдующее. Отецъ этого Корча былъ пастухомъ у струмицкаго бега. Однажды у него пало много овецъ отъ повальной болѣзни. Разгнѣванный этимъ бегъ посадилъ пастуха въ темницу, гдѣ тотъ и умеръ. Корчо хотѣлъ освободить отца и много просилъ объ этомъ беге, затѣмъ бѣжалъ въ горы и пытался оттуда устроить кровопійцу, но напрасно. Тогда онъ собралъ шайку и съ нею началъ нападать на беговъ, рубить имъ головы и разорять ихъ дворы. Десять лѣтъ велъ Корчо такую жизнь¹⁾.

Кромѣ этихъ причинъ были еще и другія. Часто юнакъ «отбивался» потому, что ему не ѣлось и не пилося вслѣдствіе материнскаго проклятія, а иногда и потому, что «мать не засватала ему черноокой дѣвицы». Если юнакъ сватался, но получалъ отказъ, — то онъ иногда тоже дѣлался гайдукомъ и мстилъ всему невѣстину роду. Много было и другихъ причинъ, по которымъ шли въ гайдуки²⁾.

Собравшись въ одну толпу, люди съ такими различными побужденіями и стремленіями въ концѣ концовъ приходили къ одной общей цѣли: грабить и убивать всякаго встрѣчнаго. Но, конечно, правильно организованныя и большія четы нападали на тѣхъ, отъ кого можно было хорошо поживиться: онѣ главнымъ образомъ старались не пропускать обозовъ съ товарами, которые они и грабили, если успѣвали справиться съ конвоирующими ихъ. Вслѣдствіе этого торговые пути по мѣстамъ были очень опасны³⁾. Но не пренебрегали гайдуки и небольшою поживою — отнимали все, что имѣло хоть какую-нибудь цѣну⁴⁾. Врываясь иногда въ деревни и села, они заставляли жителей разбѣгаться въ разныя стороны и кого успѣвали схватить, у того требовали денегъ. Если же онъ говорилъ, что у него ничего нѣтъ, то его подвергали пыткамъ, чтобы заставить выдать имъ деньги, или указать, гдѣ онѣ скрыты. Въ одной пѣснѣ рассказывается, какъ пришли араміи въ село, и какъ жители его разбѣжались, только одна молодлица, Стойка, не успѣла скрыться. Схватили ее гайдуки и начали у нея требовать «свекрова и свекровына имущества». Когда жъ она сказала, что не знаетъ, гдѣ оно находится, то злодѣи стали ее пытать:

¹⁾ Славянскій сборникъ Т. II. Спб. 1877 г., стр. 116.

²⁾ Мил. № № 144, 161, 223, 225, 257; Безс. № № I, XVII, XXI, XXXIV.

³⁾ Безс. № № III, XXIX, XXVIII, Мил. № 32.

⁴⁾ Безс. № XLI; Мил. № 229.

»Да накажетъ Богъ араміи! Схватили они ее и начали мучить: раскалили они таганъ (пиростія) и положили его ей на шею, взяли горячую глиняную крышку (горенъ вършникъ) и положили ей на голову, мучать и говорятъ: »показывай, Стойка, имущество!«¹⁾.

Понятно, что мирные жители боялись и проходить около тѣхъ мѣстъ, которыя служили притономъ разбойникамъ, если же ихъ вынуждала къ тому необходимость, то старались идти какъ можно тише и не пѣли пѣсенъ²⁾.

Такимъ образомъ болгарскій народъ и самъ терпѣлъ отъ хайдуковъ, но все-таки сочувствовалъ имъ — за то, что они не пропускали случая мстить туркамъ: онъ радовался, если гайдукъ убивалъ большое число турокъ, хотя-бы это и были представители закона. Пѣсня рассказываетъ о томъ, какъ сеймены (полицейскіе) отрубили голову гайдуку и понесли ее съ собой въ качествѣ трофея. Одна женщина узнала въ ней голову своего сына и, какъ мать, заплакала. Но народное сознание иначе отнеслось къ этому происшествію, говоря устами самихъ полицейскихъ:

»Не горюй, женщина, не плачь! Ты должна радоваться тому, что родила такого удальца. Пока мы сняли съ него голову, изъ насъ погибло 50 человекъ, и въ томъ числѣ самъ булюкъ-баша«³⁾.

Патріотическимъ отгѣнкомъ гайдучества объясняется та готовность, съ которою народъ скрывалъ гайдуковъ отъ преслѣдованія полиціи. Приютъ, который оказывали имъ мирные жители, былъ болѣе или менѣе надеженъ, благодаря существовавшему и еще существующему въ Болгаріи обычаю побратимства. При всякой нуждѣ »братимили«⁴⁾ Богомъ или чаще еще св. Іоанномъ⁴⁾, и согласіе на выраженную такимъ образомъ просьбу равнялось присягѣ: кто измѣнитъ, своему побратиму, тому, по народному убѣжденію, не избѣжать Божіей кары. Св. Недѣля, въ одной пѣснѣ, сообщаетъ св. Ильѣ, что она видѣла два горящихъ дуба, а Ильѣ отвѣчаетъ, что это не два дуба, а два побратима, и горятъ они за то, что »не почитали св. Іоанна: за то они горятъ, за то тлѣютъ«⁵⁾.

У побратимовъ своихъ главнымъ образомъ и скрывались гайдуки. Эти побратимы не только принимали ихъ у себя, но и помогали имъ во всемъ. Такъ какъ гайдуки не всегда рѣшались отправляться

¹⁾ Мил. № 227.

²⁾ Безс. №№ XL, XLI.

³⁾ Мил. № 219.

⁴⁾ ib. № № 30, 53.

⁵⁾ Мил. № 43.

въ городъ по своимъ надобностямъ, напр. за необходимыми покупками, то они поручали это дѣло побратимамъ¹⁾, которые рѣдко изменяли своему долгу, хотя, впрочемъ, попадались иногда и такіе, которые выдавали гайдуковъ въ руки полиціи, очевидно, съ корыстною цѣлю. Такъ въ одной пѣснѣ побратимъ гайдука Ненча (Нѣнго), Стоянъ, отправляется въ г. Габрово за ружейными снарядами, а Ненча запираетъ въ погребъ будто-бы для того, чтобъ его не увидали сосѣди; но, прійдя въ городъ, идетъ къ булюкъ-башѣ и приглашаетъ его съ собою, чтобъ выдать ему знаменитаго разбойника²⁾. Однако такія измѣны не проходили даромъ, ибо родственники гайдука знали, кто его побратимъ или ятакъ (хозяинъ, у котораго онъ скрывался), и когда гайдукъ пропадалъ, то на ятака подамо подозрѣніе въ измѣнѣ. Такъ, въ данномъ случаѣ, Стоянъ погибъ за свое вѣроломство: Ненчо упросилъ булюкъ-башу отнести голову его въ Габрово, съ тѣмъ, чтобъ получить тамъ отъ родственниковъ его бакшишъ; а просилъ онъ объ этомъ для того, чтобъ родственники узнали объ измѣнѣ Стояна и наказали его, чтѣ и случилось: »Весною погубили Ненча, а осенью схватили Стояна и повѣсили его въ большомъ городѣ Терновѣ, подъ большимъ тутовымъ деревомъ«.

Безопасные пріюты потому были дороги для гайдуковъ, что полиція постоянно преслѣдовала ихъ и если успѣвала захватить, то производила съ ними жестокою расправу. Гайдуковъ не только вѣшали, какъ героя только что приведенной пѣсни, но еще чаще сажали на колъ³⁾. Нерѣдко полицейскіе прибѣгали къ обману, обещались простить гайдуку все его прежнія дѣянія, если только онъ возвратится домой⁴⁾. Чтобы не быть захваченными полиціей врасплохъ, гайдуки разставляли стражу около своего становища⁵⁾. Иногда они посылали даже въ ближайшій городъ переодѣтыхъ товарищей съ тѣмъ, чтобъ разузнать, что противъ нихъ предпринимають турецкіе чиновники⁶⁾. Иногда положеніе гайдуковъ было очень стѣснительно: когда они долго не могли выходить изъ своихъ убожищъ, одежда ихъ изнашивалась, ружейные снаряды истощались и съѣстные припасы выходили. Насколько бѣдственно было по временамъ ихъ положеніе, на это указываетъ слѣдующее описаніе гайду-

¹⁾ Мил. № XXV.

²⁾ Безс. № XXV.

³⁾ Безс. № XXXIII. Мил. № 219.

⁴⁾ Безс. № XXXVIII.

⁵⁾ Безс. № XXXV.

⁶⁾ Безс. № XXXVII.

ковъ: ружья у нихъ на голыхъ плечахъ, пистолеты на голой груди, сумки на голыхъ бедрахъ¹⁾.

Еще лучше указываетъ на это другая пѣсня, гдѣ говорится о гайдукахъ-араміяхъ, а также о кеседжіяхъ — конныхъ разбойникахъ, которые были большею частію изъ турокъ: »пришли арамія—кеседжіи голы, босы, какъ осы, голодны, какъ собаки«²⁾.

Боязнь быть схваченными, а также голодь и холодъ заставляли иногда гайдуковъ искать убъжища въ церквахъ, разводить костеръ изъ иконъ и крестовъ и отогрѣвать такимъ образомъ продрогшіе члены. Но изъ такого поступка нельзя заключить, чтобъ они были безбожники и не почитали церкви и иконъ. Напротивъ, это они дѣлали по нуждѣ и при такихъ случаяхъ клялись обыкновенно сдѣлать новые кресты и иконы изъ золота и серебра и просили Бога только помочь имъ напасть на добычу³⁾.—Какой странный взглядъ на разбойничество! Очевидно, они не считали его грѣхомъ а смотрѣли на него какъ на удалство, на молодечество. Они точно также исполняютъ посты, чтутъ праздникі⁴⁾ и заботятся о спасеніи души, съ какою цѣлью дѣлаютъ вклады въ церковь. Такъ извѣстный въ исторіи Инджэ-воевода (индже—тонкій), одинъ изъ предводителей кирджалиевъ⁵⁾, умирая отдаетъ своему байрактарю Караколю (Караколѣ) деньги и говоритъ: »подпояшь ты, Колѣ, три пояса съ червонцами (три кимеря съ желтици): одинъ возьми ты себѣ, другой отнеси моей матери, а третій отдай въ хиландарскій монастырь«⁶⁾.

Кромѣ гайдуковъ, пѣшихъ болгарскихъ разбойниковъ, народъ безпокоили также и турецкіе конные разбойники, кеседжіи, которые не всегда такъ отбивались отъ общества, какъ гайдуки. Они нерѣдко дѣйствовали лишь по ночамъ, а дни проводили дома⁷⁾. Какъ разбойники-болгаре главнымъ образомъ нападали на турокъ, такъ, наоборотъ, кеседжіи нападали на болгаръ, но такъ же, какъ и тѣ, не щадили и своихъ⁸⁾.

Но не такъ были страшны для страны гайдуки и кеседжіи, грабившіе караваны и нападавшіе на отдѣльныхъ путешественниковъ,

1) Безс. № № XXIII, стр. 117, XXIX стр. 144.

2) Мил. № 227.

3) Мил. № 222.

4) Мил. № 224; Безс. № XXXIX.

5) Иреч. стр. 627, 645 — 646.

6) Безс. № № XLIX, XLV.

7) Мил. № 229.

8) Безс. № XVIII.

какъ кирджалии. »Кирджалии« — слово турецкое и означаетъ грабителей въ пустыняхъ (кирчали). Послѣ Свипитовскаго мира съ Австріей, въ 1791 г., многіе отряды турецкихъ войскъ не захотѣли расходиться по домамъ и стали разбойничать подъ предводительствомъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ бимбашей или булюкбашей. Шайка ихъ скоро возросла до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ и начала производить разбои въ огромныхъ размѣрахъ. Они разорили много городовъ: Мосхополь, Раково, Панагюрище, Калоферъ и др.; нѣкоторые изъ нихъ даже по нѣскольку разъ были опустошаемы ими. Кирджалии захотѣли играть и политическую роль и, подъ предводительствомъ виддинскаго паши Пасваноглу, причинили много хлопотъ турецкому правительству: Пасваноглу шелъ противъ реформъ въ имперіи и объявилъ себя защитникомъ народа противъ султановыхъ совѣтниковъ и министровъ. Нѣсколько разъ правительственныя войска были разбиваемы Пасваноглу, который сошелъ со сцены лишь въ 1804 г., когда отряды его войскъ были наконецъ разсѣяны, хотя и не уничтожены. Такимъ образомъ кирджалии въ продолженіи 12 лѣтъ разоряли Болгарію (1792—1804 г.). Они не только уничтожали селенія и города, но и убивали какъ христіанъ, такъ и магометанъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣвицъ¹⁾. Ужасную картину представляла въ то время страна! Софроній, епископъ Врачанскій, въ своихъ запискахъ²⁾ рассказываетъ слѣдующее о своей епархіи: »моя епархія была опустошена, села исчезли; кирджалии и пасвановы гайдуки ихъ сожгли; народъ былъ разсѣянъ по Валахіи и другимъ странамъ«. Много и въ пѣсняхъ упоминается объ опустошеніяхъ и убійствахъ кирджалий; одна особенно ясно характеризуетъ ихъ дѣйствія: »на Старой рѣкѣ (въ 60 верстахъ отъ Филиппополя) собрались кирджалии, имѣя намѣреніе овладѣть Терновомъ, избить его жителей, награть денегъ и полонить красныхъ дѣвицъ«³⁾.

Кирджалии состояли изъ разныхъ народностей: тутъ были турки, арнауты, болгары и др.; они имѣли много хорошихъ предводителей, изъ которыхъ самые извѣстные Кара-Фейзъ, потуреченный болгаринъ изъ племени Шопа въ Софійскомъ папалыкѣ, Кара-Манафъ, Ибрагимъ, Гушанць Али Хамиль, болгаринъ Индже-воевода и др.⁴⁾

Вслѣдствіе такихъ неурядицъ, жители многихъ мѣстъ въ Болгаріи совершенно разорились и, опасаясь новыхъ грабежей

¹⁾ Иреч. стр. 625—9, 637; Безс. № LII.

²⁾ Слав. сборн. II, 1877 г.

³⁾ Безс. № L.

⁴⁾ ib. № XLVIII.

перестали заниматься хозяйствомъ, обработкою земли или скотоводствомъ и дѣлались нищими: нищенство по мѣстамъ обратилось въ ремесло¹⁾.

Дурное управленіе турокъ причинило болгарамъ не одинъ только матеріальный вредъ: подъ его вліяніемъ у нихъ сложился довольно уродливый, хотя совершенно естественный въ ихъ положеніи, взглядъ на законъ, нравственный долгъ и богатство, какъ о томъ можно судить по ихъ словеснымъ произведеніямъ. Видя, какъ трудно слѣдовать закону въ то время, когда господа ихъ, турки, вовсе не заботились о справедливости по отношенію къ нимъ, болгаре и сами считали естественнымъ отступать отъ него: такой взглядъ выразился въ пословицахъ »нужда не смотритъ на законъ«, »нужда преступаетъ законъ«, »нужда не знаетъ закона²⁾«. Конечно, такого взгляда нельзя оправдать, но не должно также обвинять болгаръ, ибо они составили его тогда, когда ихъ невинность считали вивовностью, когда они не находили возможнымъ полагаться только на справедливость, когда ихъ унижали и заставляли всякому кланяться³⁾. Отсюда понятно и лицемѣріе болгарина, которое оправдывается пословицей: »отъ нужды покланяйся злему, какъ святому«⁴⁾. Если у него и была надежда добиться желаемого, такъ только посредствомъ подкупа, только благодаря тому, что »золотой ключъ отворяетъ желѣзные ворота«⁵⁾. Мы бы не стали поэтому удивляться, если бы намъ сказали, что болгаре отличаются непомятымъ корыстолюбіемъ, готовы обирать всякаго, кто попадетъ имъ въ руки: если бы это и было вѣрно, такъ ихъ можно оправдать тѣмъ, что горькій опытъ заставилъ и научилъ ихъ узнать цѣну золота, которое было единственнымъ ихъ защитникомъ и ходатаемъ передъ турками. Оттого отдѣльныя личности среди нихъ доходили иногда до крайности, стремились нажить на чужой счетъ, грабили и убивали другихъ, и даже случалось такъ, что проливали родную кровь. Такъ, пѣсня рассказываетъ, какъ Тодоръ отправился на чужую сторону, гдѣ въ теченіи 9 лѣтъ скопилъ нѣкоторое состояніе, и затѣмъ возвратился въ свое родное селеніе. Увидѣвъ здѣсь мать, онъ попросился къ ней переночевать, не сказавши, что онъ ея сынъ, и та, не узнавъ его, приняла путника, съ тѣмъ, чтобы

¹⁾ Карав., стр. 45.

²⁾ Карав., стр. 97.

³⁾ Нѣтъ никакой необходимости объяснять возникновеніе этихъ пословицъ турецкимъ гнетомъ: и у ильцевъ есть пословица *Noth kennt kein Gebot* (Нужда не знаетъ заповѣдей). Прим. ред.

⁴⁾ Карав., стр. 110.

⁵⁾ Карав., стр. 47.

огрaбить: она опoила его смѣсью вина съ водкой и затѣмъ зарѣзала¹⁾. Это, конечно, случай исключительный; но, ажется, можно отмѣтить какъ общее правило, что не считалось предосудительнымъ принимать награбленное отъ другихъ, получать подарки отъ гайдуковъ²⁾.

Само собою понятно, что въ невѣжественномъ болгарскомъ народѣ чрезвычайно развилось суевѣріе. По его мнѣнію существуетъ какой-то Кара-Кончо (въ родѣ домового), который появляется съ 24 декабря, съ сочельника (бѣдни вечеръ)³⁾. Горе тому человѣку, который попадется ему: онъ заѣдитъ его; во избѣжаніе чего съ этого дня вечеромъ до пѣнія пѣтуховъ боятся выходить изъ дома⁴⁾.

Среднее мѣсто между злымъ и добрымъ началомъ занимаютъ Самодивы или Самовилы, загадочныя женскія существа: то онѣ назначаютъ младенцу судьбу при его рожденіи и, слѣдовательно, являются чѣмъ-то въ родѣ Парокъ,⁵⁾ то представляются олицетвореніемъ воздушныхъ явленій—стихій, урагановъ. Такъ, когда пастухъ Стоянъ началъ одолавать въ борьбѣ одну самовилу, то она закричала: »Стихиі, бури — сестры мои, Стоянъ побѣждаетъ меня!«. Спустились стихиі, закружились ураганы, подняли Стояна, повергли его на сукъ дерева, стали перебрасывать съ верхушки на верхушку, разорвали его на куски и разсѣяли его стадо⁶⁾.

Мѣстомъ жительства Самовиль служатъ »зеленыя дубравы«⁷⁾; а что онѣ дѣлаютъ, какъ проводятъ время, объ этомъ онѣ сами намъ говорятъ слѣдующее:

«Мы не прядемъ, не ткемъ, каждый день у насъ хороводъ и игра на скрипкѣ; каждый день мы водимъ хороводъ; каждый день пьемъ и ѣдимъ»⁸⁾. Кромѣ этого онѣ, какъ русалки, очень любятъ купаться⁹⁾.

По своимъ качествамъ Самовилы обыкновенно бываютъ злы. Человѣческое горе веселитъ ихъ, и чѣмъ больше оно, тѣмъ сильнѣе ихъ радость. Три самодивы нашли спящую дѣвушку, и первая изъ нихъ говоритъ: «давайте, возьмемъ къ себѣ Марійку!» Другая

1) Мил. № 134. Безс. № XLV. Карав. стр. 110.

2) Безс. № XLV. Въ этой пѣснѣ разбойникъ посылаетъ обновки своимъ роднымъ, въ которыя они могутъ наряжаться, идя въ церковь.

3) Карав., стр. 38—39.

4) Карав., стр. 278.

5) Dozon, № 6.

6) Doz. № 2.

7) Тамъ же.

8) Doz. № 1.

9) Doz. № 4.

отвѣчаетъ: какъ же мы ее возьмемъ, когда она единственное дитя своей матери? Третья же замѣчаетъ. «Да намъ и нужна такая, которая была бы одна у матери: мать ее будетъ плакать—насъ будетъ радовать!» И затѣмъ онѣ умертвили Марійку¹⁾. Но иногда самодивы дѣлаютъ людямъ добро: одна пѣсня рассказываетъ, какъ самодива изцѣлила юнака отъ ранъ, нанесенныхъ ему турками и татарами²⁾.

Болгаре питаютъ суевѣрный страхъ къ филину. Думаютъ, что, если онъ ночью будетъ кричать на крышѣ, то домъ опустѣетъ, такъ какъ филинъ предвѣщаетъ всему семейству смерть. Оттого, какъ самое страшное проклятіе, произносятся слова: «чтобы филинъ закричалъ на трубѣ твоего дома!»³⁾. Предвѣщаетъ несчастіе и вой собакъ⁴⁾, а также и встрѣча съ попомъ, мертвецомъ и старухой⁵⁾, почему и существуетъ пословица: «сохрани Богъ отъ напрасной бѣды и дурной встрѣчи»⁶⁾. Очень распространена и вѣра въ сны⁷⁾, чудодѣйственную силу нѣкоторыхъ источниковъ⁸⁾ и знахарство. Нерѣдко и теперь еще ходятъ по деревнямъ знахари со своими лѣкарствами, крича во все горло: «билки, билки, билки (лѣкарства)!» Они лѣчатъ отъ глаза, колдовства, запоя и проч.⁹⁾.

Суевѣрія играютъ немаловажную роль при рожденіи и крещеніи ребенка. Когда женщина замѣчаетъ, что настаетъ время родовъ, то она проситъ у «хаджійки» (женщины побывавшей въ Иерусалимѣ и пользующейся за то почетомъ)¹⁰⁾ одну изъ веревокъ, которыми былъ обмотанъ камень, будто-бы служившій ложемъ Богоматери во время рожденія спасителя. Эти веревки хаджійки получаютъ въ Иерусалимѣ отъ греческихъ монаховъ, которые пользуются невѣжествомъ паломницъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Для облегченія родовъ употребляется и другое средство: когда роды уже близки, то призывается бабка, которая приноситъ съ собой корень «рачицу» и бросаетъ его въ тазъ съ водой и при этомъ что-то наговариваетъ. Мужъ, замѣтивъ приближеніе рѣшительной минуты, опускаютъ въ тазъ свои руки и

1) Doz. № 1.

2) Doz. № 3.

3) Карав. стр. 160, прим. 10.

4) Кар. стр. 163, прим. 20.

5) Кар. стр. 161, прим. 14.

6) Кар. стр. 106.

7) Мил. № 62; Верк. № 201.

8) Мил. № 15.

9) Карав. стр. 158, прим. 4.

10) Безс. №№ XIX, LV.

заставляет жену пить оттуда, и всѣ домашніе пьютъ, если только они догадаются о томъ, что настаютъ роды. Когда женщина благополучно разрѣшается отъ бремени, то бабка начинаетъ заботиться о томъ, чтобы ея не сглазили. Для этого она втыкаетъ ей въ волосы кусокъ чесноку, кольцо; кладетъ къ ней на подушку красный лукъ и закрываетъ ей ротъ краснымъ платкомъ. Затѣмъ происходитъ пирушка, при чемъ распоряжается бабка. Рано вечеромъ ворота закрываются, и никого не впускаютъ къ родильницѣ. Пока ребенка не окрестятъ, до тѣхъ поръ женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей, не могутъ прикасаться къ его матери, чтобы не отнять у нея молока. Вплотъ до самого крещенія ребенка, знакомые каждый день приходятъ съ поздравленіемъ и приносятъ подарки ему и его матери, а ихъ за это угощаютъ.

Обрядъ крещенія бываетъ между 3 и 7 днемъ послѣ рожденія, обыкновенно въ воскресенье, или въ другой какой-либо праздникъ. Крестная мать (кръсница) идетъ въ церковь съ вещами, приготовленными для того, чтобы одѣть ребенка послѣ крещенія, какъ то: съ рубашкой, шапкой или платкомъ, пеленками и проч. Эти вещи необходимо должна давать крестная мать; а если она не исполняетъ этого, то дѣлаетъ большой грѣхъ. Мать просила своего сына, св. Петра, говорить пѣсня, чтобы онъ отворилъ ей двери въ рай, а онъ отвѣчалъ на это: «ты не можешь быть въ раю, за свои грѣхи: тебя приглашали крестить дѣтей, но ты ничего не давала имъ изъ того, что кумы даютъ»¹⁾. Въ церковь ребенка приносятъ бабка. Отсюда она съ крестной матерью идетъ въ домъ родителей. У воротъ ихъ встрѣчаетъ отецъ новорожденнаго, при чемъ крестная мать говоритъ ему «вы дали мнѣ его евреемъ, а я возвращаю его вамъ христіаниномъ» и передаетъ ребенка ему, а онъ матери. Затѣмъ собираются родственники и знакомые, и происходитъ пирушка, послѣ которой 2—3 молодыя женщины (невѣсты), взявъ съ собой вина и хлѣба, отводятъ домой крестную мать и продолжаютъ пиръ въ ея домѣ, гдѣ она сама прислуживаетъ имъ. То-же самое онѣ повторяютъ потомъ и съ бабкой²⁾.

У Болгаръ крестить ребенка одно лицо: или крестная мать, или крестный отецъ³⁾. Послѣдній даритъ своего крестника деньгами⁴⁾. Право кумовства наследственно. Кумъ крестить ребенка, а потомъ

¹⁾ Мпл. № 44.

²⁾ Мих. № 59. Чолак. стр. 1—4.

³⁾ Карав. стр. 285.

⁴⁾ Мпл. № 127.

бываетъ и шаферомъ у него; если же онъ умретъ, то его правомъ пользуются его дѣти. Если же крестила «кръсница» то и она бываетъ шаферомъ ¹⁾). Покровителемъ кумовства считается Іоаннъ креститель ²⁾). На третій день послѣ крещенія приходитъ крестная мать, приноситъ сахару, вина и деревяннаго масла: она купаетъ ребенка въ корытѣ, мажетъ ему голову принесеннымъ масломъ, а въ корыто бросаетъ нѣсколько мелкихъ монетъ, въ даръ бабкѣ, которая должна потомъ купать ребенка каждый день, пока ему не будетъ 40 дней: когда же исполнится этотъ срокъ, то въ праздничный день родильница съ бабкой и съ ребенкомъ идетъ въ церковь «читать очистительную молитву»; оттуда всѣ вмѣстѣ отправляются къ крестному отцу и къ родственникамъ, гдѣ ихъ угощаютъ и дарятъ; при чемъ, чтобъ у мари было больше молока, ей вливаютъ въ башмаки (чехлы) немного воды. Наконецъ мать благодаритъ бабку за труды, и всѣ расходятся по домамъ. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, то родители его пекутъ пирогъ съ масломъ и медомъ (поступалникъ) и созываютъ гостей. Собравшись, они кладутъ на этотъ пирогъ деньги, книгу, ножницы, аршинъ и т. п. и указываютъ ребенку на эти вещи. Если онъ ухватится при этомъ за книгу, то думаютъ, что онъ будетъ ученымъ, если за ножницы — то портнымъ и проч. ³⁾) Равнымъ образомъ Болгаре вѣрятъ, что ребенокъ будетъ лучше расти, если почаще тянуть его за уши, что они и стараются исполнять. Поэтому-то говорятъ дѣтямъ: «давай-ка потяну тебя за ухо, чтобъ ты выросъ». То-же самое дѣлаютъ съ ними, когда надѣваютъ на нихъ новое платье, или когда бываютъ ихъ именины ⁴⁾). Впрочемъ, въ селахъ еще не вошло въ обыкновеніе праздновать именины; такъ какъ Болгаре до сихъ поръ еще употребляютъ многія народныя имена, которыхъ нѣтъ въ календарѣ ⁵⁾). Первенцу мальчику при крещеніи дается то же самое имя, которое носилъ его дѣдъ съ отцовской стороны, а первой дѣвочкѣ—имя бабушки; второму мальчику и второй дѣвочкѣ—имя дѣда и бабушки съ материнской стороны; третьему мальчику даютъ имя крестнаго отца, третьей дѣвочкѣ—крестной матери; четвертому мальчику—имя дяди; а если дяди нѣтъ, то дается имя тетки, такъ: если тетка называется Недѣля, то мальчикъ Недѣлѣ, если Петкана, то Петканъ. Четвертой дѣвочкѣ даютъ имя тетки; послѣдующимъ имена другихъ родственниковъ.

¹⁾ Карав. стр. 179, 285.

²⁾ Мил. № 30, 53.

³⁾ Чолак. стр. 4—5.

⁴⁾ Карав. стр. 28; прим. 9.

⁵⁾ Карав. стр. 495.

Болгаре сохранили еще имена своихъ предковъ, которыя встрѣчаются на ряду съ греческими, напр. Любень, Найдентъ, Славей, Латина и т. п. Имена, данныя при крещеніи, обыкновенно забываются навсегда, такъ какъ они извращаются въ ласкательныя, такъ что изъ Владиміра дѣлается Владко, Владѣ, Влаѣ, изъ Стояна — Цоко и т. п. Дѣвушка вышедшая за мужъ, принимаетъ имя своего мужа; прежнемъ же именемъ, которое она носила до замужества, ее могутъ называть одни только ея родные: мать, отецъ, братья¹⁾. Слѣдовательно, этимъ именемъ она пользуется лѣтъ 16—20, такъ какъ обыкновенно въ этомъ возрастѣ дѣвушки выходятъ за мужъ; 25-тилѣтняя считается уже старою и во многихъ мѣстахъ можетъ выдти только за вдовца. Вслѣдствіе этого дѣвушка нерѣдко выходитъ за перваго присватавшагося къ ней, изъ боязни, чтобъ не засидѣться въ дѣвкахъ. Отсюда произошли пословицы: «вышла дѣвица за мужъ, чтобы не сидѣть дома», «выдай дѣвицу за мужъ, чтобы не сидѣла дома»²⁾. Это онѣ дѣлають сколько потому, чтобъ совсѣмъ не остаться въ дѣвахъ, столько же и потому, чтобъ не пришлось выдти за вдовца. Въ одной пѣснѣ молодцы заспорили о томъ, кому владѣть дѣвушкой Ириной, и придумали рѣшить дѣло состязаніемъ въ бросаніи камня: чей камень ляжетъ дальше, тотъ и возьметъ ее въ жены. Къ молодымъ присоединился одинъ вдовецъ, который изъ состязанія выпелъ побѣдителемъ и такимъ образомъ получилъ право на Ирину. Узнавъ объ этомъ, Ирина заплакала и сказала: »о Боже, гдѣ жъ это писано, чтобъ вдовецъ бралъ за себя молодую дѣвицу, а молодой парень женщину!«³⁾. Парни женятся въ 20 — 25 лѣтъ, кто же женится позже, тотъ обыкновенно беретъ молодую вдову⁴⁾. Будущихъ подругъ жизни высматриваютъ на посидѣлкахъ⁵⁾, у колодцевъ⁶⁾, преимущественно же въ хоровахъ, которые водятъ большею частію около церкви, или на площади среди села⁷⁾. Если собирается очень много народа, то сначала одна часть составляетъ хоро, потомъ другая, а та отдыхаетъ; наконецъ всѣ вмѣстѣ образуютъ одно хоро⁸⁾. Нерѣдко парни, дѣвушки и молодыя женщины составляютъ отдѣльные хороходы:

¹⁾ Карав. стр. 285—286.

²⁾ Карав. стр. 99.

³⁾ Мил. № 301.

⁴⁾ Слав. ежег. 1877 г. стр. 162; Мил. № 510.

⁵⁾ Чол. стр. 8.

⁶⁾ Мил. № 410.

⁷⁾ Мил. № 185; Безс. № XVIII.

⁸⁾ Чол. стр. 12.

»Первое хоро—все добрые молодцы,
второе—молодые женщины,
третье—все красныя дѣвицы«¹⁾).

При хороводахъ танцы бывають общіе: всѣ присутствующіе поютъ и танцуютъ²⁾). Впрочемъ есть танецъ подобный казачку, такъ называемый »напосадникъ«. Но дѣвушкамъ и женщинамъ позволяется только хороводный танецъ, въ кружокъ, а напосадникъ имъ грѣшно танцовать, потомучто, когда »царская дочь« выпросила у Ирода голову Іоанна Крестителя, и когда ей подали ее на золотомъ блюдѣ, то она, взявъ блюдо, начала плясать передъ Иродомъ напосадникъ³⁾). Хороводы непремѣнно сопровождаются игрою на волынкѣ (гайда), на свирѣли (каваль, кафаль, свирка) или на скрипкѣ (цигулка)⁴⁾).

Самые людные хороводы бывають во время большихъ праздниковъ: въ Свѣтлое воскресенье, въ Юрьевъ день (Великдень, Гергѣвденъ) и пр.⁵⁾; особеннымъ же интересомъ и оживленностью отличается хоро 21 мая, въ день св. Константина и Елены, такъ какъ въ это время главнымъ образомъ парни высматривають (огледвать) невѣсть, и это высматриваніе соединено съ повѣрьемъ, что дѣвушка, высмотрѣнная въ этотъ день, будетъ хорошей женой и родить много дѣтей мужескаго пола⁶⁾). Городскіе молодые люди высматривають себѣ невѣсть по церквамъ, свадьбамъ и домамъ⁷⁾). Когда молодому человеку понравилась кака-нибудь дѣвица, онъ спрашиваетъ у ней, желаетъ ли она выйти за него за мужъ⁸⁾, или же прямо просить своихъ родителей засватать ему извѣстную дѣвицу. Если они согласны съ его выборомъ, то идутъ въ домъ дѣвицы и спрашиваютъ ее и родителей ея, хотять ли они вступить съ ними въ родство; при чемъ иногда родители дѣвицы высказываютъ свое согласіе на это даже вопреки желанію ея. Затѣмъ происходитъ »запой«, и отецъ дѣвицы назначаетъ вѣно, которое долженъ уплатить ему женихъ за невѣсту⁹⁾, которая уже съ этого времени считается просватанною (годеница)¹⁰⁾. Горожане

¹⁾ Мил. №№ 60, 242.

²⁾ Мил. №№ 205, 365.

³⁾ Карав. ст. 253.

⁴⁾ Кар. стр. 8; Чол. стр. 12.

⁵⁾ Верх. №№ 16, 150.

⁶⁾ Карав. стр. 225.

⁷⁾ Чолак. стр. 12.

⁸⁾ Мил. № 241.

⁹⁾ Мил. №№ 123, 147, 150, 299; Чол. стр. 22.

¹⁰⁾ Мил. № 166.

обыкновенно выдаютъ дочерей въ тѣ семейства, состояніе которыхъ приблизительно соотвѣтствуетъ ихъ состоянію и даютъ въ придачу, кромѣ обыкновеннаго »прида«, или »чеиза«, еще домъ или лавку, или еще что-нибудь¹⁾. Нерѣдко и женихъ не самъ выбираетъ невѣсту, а женится по волѣ своихъ родителей, которые въ невѣстѣ цѣнятъ главнымъ образомъ не красоту, а способность къ работѣ, на что указываетъ пословица: »не хвали мнѣ красавицу, а хвали работницу²⁾«. А почему родители держатся такого взгляда, на это отвѣчаетъ намъ пѣсня словами матери, которая идетъ съ сыномъ смотрѣть невѣсту и при этомъ высказываетъ ему весьма мѣткое сужденіе о томъ, какою должна быть его будущая жена:

»Послушай, сынъ, что я тебѣ скажу! Помни вотъ что: когда ты войдешь во дворъ, то не смотри на то, великъ ли домъ, но ты обращай вниманіе на то, выметенъ ли онъ, и не смотри на то, какое украшеніе и одежду имѣетъ дѣвица, но ты смотри, какой у ней умъ; потому что онъ то и составляетъ великое богатство, неизчерпаемое богатство«³⁾.

Если за молодца не отдавали дѣвицы, то онъ иногда идетъ въ гайдуки или прибѣгаетъ къ умычкѣ (отмица)⁴⁾. Стоянь говоритъ своей сестрѣ Видѣ-Селвидѣ:

»Я слышу крикъ внизу, въ нижнемъ кварталѣ города, въ гостиницѣ, гдѣ собираются юнаки: или тамъ домъ подкопали, или дѣвицу украли«⁵⁾.

Иногда и сама дѣвушка убѣгаетъ со своимъ возлюбленнымъ:

»Отдай меня за него, а, если не отдашь, то я убѣгу за нимъ«⁶⁾, —такъ угрожала дочь, когда мать не выдавала ее за того, за кого ей хотѣлось. Придя въ домъ своего возлюбленнаго, дѣвушка разбрасываетъ огонь на очагъ, и, если приглашаютъ ее сѣсть, то это считается знакомъ ея принятія. Но въ такомъ случаѣ ни она, ни ея родители не получаютъ подарковъ, и женихъ никогда не будетъ въ правѣ требовать ея возвращенія въ родительскій домъ. Такая свадьба называется »пристанки⁷⁾«. Также и въ свой домъ приводитъ дѣвица своего воз-

¹⁾ Чолак. стр. 12.

²⁾ Карав. стр. 93; Верк. № 260.

³⁾ Мил. № 328.

⁴⁾ Мил. №№ 60, 184, 185, 206.

⁵⁾ Безс. № XX.

⁶⁾ Мил. №№ 330, 325.

⁷⁾ Чолак. стр. 27.

любленнаго. Такъ, Димана, говорить одна пѣсни: услышала игру овчара на свирѣли и сказала матери, что она пойдетъ къ нему, чтобъ взять у него ягненка. На самомъ же дѣлѣ она возвратилась лишь черезъ годъ съ ребенкомъ и мужемъ, и мать приняла ихъ всѣхъ, какъ дѣтей своихъ¹⁾.

Когда родители жениха и невѣсты согласятся на счетъ вѣна, а также и приданнаго, которое впрочемъ не считается необходимымъ, особенно если дѣвушка хороша во всѣхъ отношеніяхъ²⁾, тогда только посылаются сваты просить руки невѣсты формальнымъ образомъ. Они передаютъ ей женихово кольцо³⁾. Затѣмъ собираются родственники и знакомые въ домѣ невѣсты, и передъ ними выставляются на показъ подарки, присланные женихомъ. Въ свою очередь и невѣста даритъ жениха обыкновенно красиво вышитою рубашкою:

»Засваталъ удадой Димо, говорить пѣсня, бѣлюю Яну изъ Авлана и подарилъ ей перстень въ сто дукатовъ. Яна дала ему шелковую рубашку, украшенную бисеромъ и дукатами⁴⁾«.

Невѣста даритъ также будущаго свекра, свекровь, золовокъ, деверей и сватовъ⁵⁾. Послѣ обрученія, совершеннаго священникомъ, назначается день свадьбы. Обыкновенно выбираютъ для свадьбы одно изъ осеннихъ воскресеній, такъ какъ это празднество непременно занимаетъ нѣсколько дней⁶⁾. Большою частію свадьбы начинаются съ 15 Августа, съ »большой святой Богородицы« (света Богородица голѣма)⁷⁾. За недѣлю до свадьбы дѣвушки устраиваютъ танцы передъ домомъ невѣсты, а парни передъ домомъ жениха. Въ среду женихъ посылаетъ невѣстѣ въ подарокъ разныя украшенія и мазь (к ѣ н а), которою мажутъ ей брови и волосы, такъ что коса дѣлается черною, блестящею, и также завиваютъ волосы, при чемъ подружки дарятъ ей деньги; потомъ ведутъ ее въ ванну, а, когда она выкупается, начинается пиръ, танцы и пѣсни. Въ четвергъ невѣста вторично принимаетъ ванну. Въ пятницу она посылаетъ жениху рубашку и пирогъ, который онъ съѣдаетъ со своими друзьями по возвращеніи изъ ванны и затѣмъ посылаетъ дары невѣстѣ и родителямъ ея: деньги, обувь, платки, шапки, сукно и пр. Въ пятницу же бываетъ »квасъ«: три дѣвицы,

¹⁾ Верк. № 288.

²⁾ Безс. № XIX.

³⁾ Мил. №№ 173, 147, 544, 567.

⁴⁾ Мил. №№ 248, 520, 521.

⁵⁾ Верк. № 210; Мил. №№ 41, 133, 173, 338, 539, 558.

⁶⁾ Чол. стр. 13; Слав. ежг. 1877 г., стр. 163.

⁷⁾ Карав. стр. 251.

имѣющія и отца и мать, пекутъ прѣсный хлѣбъ, который и съѣдается на устраивающейся затѣмъ пирушкѣ, куда собираются родные обѣихъ сторонъ. Въ субботу бываетъ »мѣденикъ«: печется пирогъ съ медомъ (пита); около него пляшетъ холостая молодежь (ергени), потомъ разрѣзаютъ его и ѣдятъ, пьютъ, танцуютъ и поютъ. Въ воскресенье происходитъ свадьба—или въ домѣ жениха, если онъ находится въ селѣ, или же въ церкви, куда прежде отправлялась вся свадебная процессія съ знаменами¹⁾, что потомъ было запрещено турецкимъ правительствомъ²⁾.

На порогѣ дома теща осыпаетъ новобрачныхъ сѣменами плодовъ, послѣ чего невѣста цѣлуетъ руку у нея и у всѣхъ замужнихъ женщинъ, которыя даютъ ей за это подарки. Въ приданой мѣстности невѣстѣ даютъ на порогѣ два хлѣба, которые она, вошедши въ домъ, кладетъ на столъ. Затѣмъ въ эти хлѣбы втыкаютъ двѣ горящія свѣчи, а невѣстѣ сажаютъ на колѣна дитя, символически изображая въ ней будущую мать. Въ Татарь-Базарджикѣ теща даетъ ей хлѣбъ въ правую руку, а въ лѣвую стаканъ вина и вмѣстѣ съ деверемъ втаскиваетъ потомъ новобрачныхъ посредствомъ обхатывающего ихъ пояса въ комнату по бѣлому полотну, которое вслѣдъ за ними тотчасъ свертываютъ въ трубку. Послѣ того начинается пиръ, во время котораго молодая чета уходитъ въ свой домъ въ сопровожденіи бабы, которая приноситъ оттуда пирующимъ вѣсть о совершившемся бракѣ и о дѣвственности невѣсты. Иногда это исполняетъ деверь, который держитъ наготовѣ ружье, изъ котораго потомъ и стрѣляетъ въ знакъ того, что невѣста непорочна. Это извѣстіе пирующіе встрѣчаютъ выстрѣлами и разными возгласами, кричатъ: »да будетъ у нихъ славное потомство!« Если же извѣстіе плохо, то всѣ со стыдомъ тутъ же разбѣгаются съ пирушки по домамъ, а на другой день свекоръ и свекровь спрашиваютъ невѣсту о томъ, отъ »естественной« ли причины она лишилась дѣвственности, или черезъ мушину. Если она скажетъ, что отъ естественной, то ей не дѣлаютъ ничего худаго, только свекровь или другая баба выходитъ на улицу и кричитъ: »слушайте, селяне малый и большой! наша невѣста—не дѣва« и пр. Если же невѣста признается во второмъ, то ее подвергаютъ побоямъ и отсылаютъ въ родительскій домъ, а вѣно и дары, которые далъ женихъ, возвращаются назадъ и свадьба считается недѣйствительною. Въ городахъ же не возвращаютъ невѣсты домой и не объявляютъ о позорѣ публично, хотя сосѣди и

¹⁾ Безс. № XXXII; Мил. № 173.

²⁾ Чол. стр. 23.

узнають объ немъ, потомучѣто въ этомъ случаѣ изъ дома новобрачныхъ не рассылаются уже къ нимъ букеты цвѣтовъ.

Если невѣста окажется чистой, то на другой день устраивается опять пиръ: она даритъ гостей цвѣтами, а они ее деньгами. Потомъ ведутъ ее на дворъ, усаживаютъ и начинаютъ убирать ей голову уборомъ замужней женщины. Послѣ того идутъ съ ней къ колодцу, гдѣ она набираетъ воды въ кувшинъ. Деверь два раза выливаетъ эту воду, а въ третій онъ бросаетъ туда деньги. Невѣста беретъ кувшинъ и идетъ домой. На этой водѣ она въ первый разъ должна мѣсить хлѣбъ для мужа. Когда придутъ съ колодца, опять начинается веселье и продолжается до вечера. Во вторникъ собираются родственники и сосѣди въ домъ новобрачныхъ, гдѣ молодая хозяйка начинаетъ мѣсить хлѣбъ. Когда она испечетъ его, то раздаетъ дѣтямъ, «чтобы дагъ имъ (новобрачнымъ) Господь много дѣтей»,—и этимъ все оканчивается. Но это только по селамъ и деревнямъ: въ городахъ послѣ свадьбы новобрачные дѣлаютъ тестю и тещѣ визитъ (отвѣтки, повратни), а потомъ принимаютъ ихъ у себя. Невѣста при этомъ даритъ свекра, свекровь и т. д., а ей деверь вручаетъ зеркало, веретено, конфеты и др. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы они дѣлаютъ визитъ куму и этимъ оканчивается свадебное торжество. — Свадебные обычаи, смотря по мѣстностямъ, очень разнообразны и притомъ измѣняются, особенно по городамъ, гдѣ «послѣ того, какъ поселились Цинцары, мало по малу стали измѣняться старые обряды и обычаи», говоритъ Чолаковъ¹⁾.

Мы уже видѣли, что нравственность дѣвушки цѣнится очень высоко, понятно, что и супружеская вѣрность жены охраняется со всею строгостью. Вдова рѣдко выходитъ замужъ во второй разъ. Равнымъ образомъ и мужчина, если у него умираетъ жена, и онъ думаетъ жениться во второй разъ, то спрашиваетъ на это согласіе своей первой умирающей сожительницы. Если она воспротивится его намѣренію, то онъ надѣваетъ ей на правую руку обручальное кольцо и съ нимъ погребаетъ ее.

Когда болгаринъ чувствуетъ приближеніе смерти и когда знахарка объявитъ ему, что ея искусство болѣе не помогаетъ, тогда онъ спокойно поручаетъ себя неумолимой судьбѣ, разговариваетъ, если можетъ, съ окружающими его лицами и прощается съ ними. Когда онъ умретъ, то въ домѣ тотчасъ же спѣшатъ опрокинуть всю посуду, чтобъ улетающая душа не спряталась въ ней и не причинила бы бѣды всему дому. Затѣмъ, обмывъ и одѣвъ мертвеца, начинаютъ обкуривать

¹⁾ Чол. стр. 14—27; Безс. № XLI; Мил. № № 173, 225, 242, 529; Карав. стр. 7, 87, 131; Слав. ежег. 1877 г. стр. 162—166.

вать его. Всякій, входя въ комнату, въ которой лежитъ покойникъ, цѣлуетъ образъ, а потомъ и его, въ знакъ примиренія и прощенія. Надъ покойникомъ раздается плачь и причитанія женщинъ¹⁾. Потомъ покойника отправляютъ въ церковь, а оттуда на кладбище, гдѣ вырывается для него неглубокая могила. Такъ какъ погребеніе совершается обыкновенно скоро послѣ смерти, то случается, что похоронять мнимо умершихъ, которые однако, благодаря тому, что могилы бываютъ очень мелки, просто встаютъ изъ гроба и возвращаются домой. Изрѣдка, впрочемъ, погребаютъ на 3-й, даже на 4-й день. Когда умеръ Митре, »три дня его держали незакопаннымъ«, говоритъ пѣсня, »на четвертый день собрали поповъ и владыкъ и похоронили его съ большою торжественностью²⁾«.

Болгаре вѣрятъ, что покойники также нуждаются въ пищѣ и питьѣ, какъ и живые. Когда женѣ приснится ея умершій мужъ, то она думаетъ, что онъ чувствуетъ голодъ и жажду. Поэтому часто посѣщаютъ могилу и ставятъ на ней сосуды съ вареной пшеницей, рисомъ и кружки съ виномъ или ракей. На другой день послѣ погребенія, женщины идутъ на могилу, льютъ на нее воду и вино и раздаютъ нищимъ пищу и питье. Ставятъ также на могилу лампу съ масломъ и поддерживаютъ въ ней огонь въ теченіи трехъ лѣтъ. Близкіе родственники обязаны посѣтить могилу на 3-й, 9-й, 12-й, 20-й, 40-й день, на 3-й, 9-й и 12 й мѣсяцъ, и при всякомъ изъ этихъ посѣщеній жены покойниковъ ставятъ на могилу мужей пищу и питье, а мужъ это дѣлаетъ только въ »задушницу«. Задушница — это день поминовенія умершихъ, который обыкновенно празднуется три раза въ годъ: въ субботу передъ масляницей, въ субботу передъ сошествіемъ Св. Духа и 19 Октября. Въ иныхъ мѣстахъ она бываетъ 5 разъ въ годъ. Въ задушницу утромъ несутъ въ церковь вареную пшеницу, посыпанную сахаромъ, толчеными орѣхами, изюмомъ и пр. Старухи кладутъ на нее ладонъ, который потомъ употребляютъ, какъ лѣкарство. Послѣ обѣдни эту пшеницу несутъ на кладбище, гдѣ уже поставлены большіе хлѣбы, такъ называемые »поменици« и маленькіе — »посвари«, »посварчета«, яйца, медъ, куры, молоко, фрукты, вино и пр. Попы, помянувъ усопшаго на могилѣ, берутъ себѣ $\frac{1}{4}$ всего съѣстнаго, получаютъ нѣсколько денегъ и, взявъ стаканъ вина, часть его выливаютъ на могилу, а остальное выпиваютъ и затѣмъ идутъ къ другой могилѣ, гдѣ повторяется то-же самое. Тутъ же неизбѣжно

¹⁾ Мил. №№ 185, 231.

²⁾ Мил. № 195.

³⁾ Кар. стр. 186, 229—230.

присутствуютъ нищѣ, которымъ обильно подаютъ милостыню, ибо болгаре вѣрятъ, что то, что она даютъ попамъ и нищимъ, идетъ не имъ, а мертвымъ³⁾. Попы же не разубѣждаютъ народа въ этомъ, пользуются его суевѣріемъ и забираютъ его хлѣбъ, которымъ потомъ кормятъ свой скотъ, что видно изъ пословицы: »наѣлся, какъ поповскій поросенокъ«¹⁾, и не въ мѣру напиваются вина: по этому о сильно подгулявшемъ человѣкѣ говорятъ, что онъ »напился, какъ попъ въ задушницу«²⁾.

Черезъ три года послѣ того, какъ человѣкъ умеръ, вырываютъ его кости изъ могилы, перемываютъ, кладутъ въ мѣшокъ, подносятъ къ епископскому сѣдалищу, которое есть почти во всѣхъ деревенскихъ церквахъ; тутъ попъ ихъ благословляетъ, послѣ чего ихъ опять кладутъ въ ту-же могилу. Послѣ такого вторичнаго погребенія на могилу покойника ходитъ только самый ближайшій изъ его родственниковъ, по пятницамъ вечеромъ и по субботамъ утромъ, и зажигаетъ тамъ свѣчи³⁾. По покойникамъ родственники носятъ трауръ, что бываетъ даже въ деревняхъ, гдѣ онъ иногда состоитъ въ томъ, что вдова выворачиваетъ всю одежду на изнанку (около Варны), а вдовецъ въ теченіи 40 дней не брѣтается и носить на шапкѣ кусокъ черной матеріи. Въ городахъ нерѣдко встрѣчаются вдовы, которыя носятъ трауръ до конца своей жизни⁴⁾.

Одна изъ главныхъ заботъ при погребеніи состоитъ въ томъ, чтобъ покойникъ не обратился въ вампира. За мертвецомъ внимательно наблюдаютъ, чтобы черезъ него не перешагнулъ человѣкъ, или не перепрыгнула кошка или собака: иначе онъ непременно сдѣлается вампиромъ и принесетъ несчастіе всему дому и всей деревнѣ. Когда мертвецъ сдѣлался вампиромъ, его необходимо лишить возможности вставать изъ могилы, для чего трупъ его откапываютъ и сожигаютъ. По показанію Чолакова, во многихъ мѣстахъ, по селамъ, производятъ эту операцію надъ всякимъ, кто умереть отъ язвы (раны), а также надъ престарѣлыми женщинами и надъ другими людьми, которыхъ сосѣди подозрѣваютъ въ колдовствѣ. Чолаковъ же рассказываетъ, что въ деревнѣ Пещерѣ одинъ каменьщикъ упалъ съ лѣсовъ и разбился до смерти. Его похоронили. Нѣсколько дней спустя, въ домъ его хозяина начался шумъ. Рѣшили отправиться на могилу покойника, который, очевидно, сдѣлался вампиромъ, отрыли его и, увидѣвши, что

¹⁾ Кар. стр. 88.

²⁾ Кар. стр. 87.

³⁾ Слав. ежег. 1877 г. стр. 170—171.

⁴⁾ Безс. № XLII; Мил. № 116; Слав. ежег. 1877 г. стр. 166.

трупъ еще не разложился — несомнѣнный по ихъ понятіямъ, признакъ вампира,—начали стрѣлять въ него изъ пистолетовъ, такъ что »обратили его въ какое-то рѣшето; послѣ чего вытащили его изъ гроба и сожгли.« Иногда же, вмѣсто того, чтобъ его сожигать, вбиваютъ покойнику въ грудь гвоздь, или коль¹⁾. Есть также возможность изловить вампира: нужно подкараулить его и внезапно выступить противъ него съ освященною иконою—съ испуга онъ самъ вскакиваетъ въ нарочно приготовленную для того бутылку, наполненную его любимыми кушаньями; бутылку тутъ же слѣдуетъ закупорить и бросить въ огонь. Если этими и подобными средствами не предупредили появленія вампира, то онъ черезъ 9 дней послѣ похоронъ выходитъ изъ могилы, носится тѣнью по полямъ и лугамъ и оставляетъ за собой кровавый слѣдъ. Когда онъ проносится такъ 40 дней, то уже совсѣмъ выходитъ изъ своего мрачнаго и душнаго жилища, принимаетъ опять тѣло и кровь и можетъ жить среди людей и даже жениться, такъ какъ днемъ его нельзя узнать, и дѣла свои онъ совершаетъ только ночью: пожираетъ павшихъ буйволовъ, пьетъ кровь у больныхъ коровъ и пр. Говорятъ, что старыя женщины по смерти могутъ дѣлаться вѣдьмами (вещерицы), обращаться въ маленькихъ красныхъ бабочекъ и въ этомъ видѣ высасывать кровь дѣтей. Поэтому, если увидятъ въ домѣ такихъ бабочекъ, то обитатели его до тѣхъ поръ не успокоятся, пока не перебьютъ ихъ всѣхъ²⁾.

Различными суевѣрїями сопровождаются у болгаръ и многіе праздники. Кромѣ воскресенья, въ недѣль должно еще праздновать пятницу, потому что она сестра Св. Недѣли (воскресенья) и потому, что съ неба были посланы двѣ книги, по которымъ попы должны учить христіанъ »читать праздники, святую Пятницу и Воскресенье«³⁾.

Мѣстные храмовые праздники по селамъ проводятся очень оживленно. Обыкновенно туда собираются окрестные жители, ведутъ торговлю, совѣщаются о дѣлахъ, парни высматриваютъ невѣстъ и пр.⁴⁾. Повсемѣстно же въ Болгарїи особенно почитается Свѣтлое воскресенье (Великдень), Юрьевъ, Петровъ, Спасовъ и Николинъ день⁵⁾. Укажемъ на праздники въ хронологическомъ порядкѣ, главнымъ образомъ на тѣ, празднованіе которыхъ сопровождается суевѣрными обычаями и повѣрьями. 11 Февраля празднуется Власовъ день (Власовдень, свети

¹⁾ Чолак. стр. 42,

²⁾ Чолак. стр. 42—43.

³⁾ Мил. № 35.

⁴⁾ Безс. № № XVIII, XL.

⁵⁾ Мил. № 6.

Власть). Въ этотъ день ѣдятъ супъ изъ крапивы, которая будто-бы имѣетъ свойство изцѣлять больныхъ. Этотъ праздникъ особенно важенъ для пастуховъ: овчары думаютъ, что, если они не будутъ праздновать его, то родятся ягнята съ волосатою, грубою шерстью; если же будутъ чтить, то съ рудою, мягкою¹⁾.

1 Марта старухи рано утромъ не выходятъ изъ дома, боясь встрѣтить »бабу Марту»: встрѣча «Марты» со старухою повлечетъ за собой дурную погоду; если же ее встрѣтитъ дѣвушка, то она будетъ весела, и погода хорошая. Дѣвушки гадаютъ о томъ, выдутъ ли онѣ за мужъ въ этомъ году, и будутъ ли счастливы²⁾.

На масляницѣ (сирница, сирна-та недѣля, попова недѣля, калугерска коледа) особенно замѣчательно празднуются заговѣнье (заговѣне, заговѣване, заговѣнке). Мальчики жгутъ солому и перескакиваютъ черезъ огонь со словами: »урба—ле—ле, урба—ле—ле!« Вечеромъ и въ продолженіи всей ночи парни и молодая дѣвушка пляшутъ около огня и поютъ пѣсни, при чемъ бываетъ и пальба изъ ружей.

Въ великій постъ ѣдятъ постную пищу и притомъ умѣренно. Такъ про Марка королевича, который въ обыкновенное время не отличался особенною трезвостію, поется, что онъ »соблюдалъ великій постъ: въ продолженіи семи недѣль ѣлъ семь разъ и не пилъ вина и горькой ракии «³⁾.

Изъ всѣхъ дней Свѣтлой седмицы предпочтительно празднуется пятница, особенно среди женщинъ, потомучто »Святая Пятница« помогаетъ своимъ почитательницамъ въ домашнихъ работахъ; даже старухи въ этотъ день вылодаютъ на улицу погулять⁴⁾.

23 Апрѣля празднуется день св. Георгія, въ который онъ по народному повѣрью, обходитъ овчарни и пастбища, чтобы посмотреть, есть ли для молодыхъ животныхъ кормъ. Поэтому-то ему и приносятъ въ этотъ день въ жертву ягненка, при закалываніи котораго говорить: »Св. Георгій, на тебѣ ягненка!«. Кровь этого ягненка собираютъ и употребляютъ потомъ на лѣченіе разныхъ болѣзней. До Георгіева дня не ѣдятъ ни ягнятъ, ни чеснока, ни простокваши⁵⁾.

Особенно чтимъ у болгаръ Св. Николай. Такъ, лодочникъ, участь котораго по пѣснямъ представляется самою плачевною, жалуясь на свою горькую судьбу, говоритъ:

»Не знаю я, бѣднякъ, не знаю, когда будни, когда св. воскре-

¹⁾ Карав. стр. 185.

²⁾ Карав. стр. 188.

³⁾ Мил. № 102.

⁴⁾ Карав. стр. 220.

⁵⁾ Карав. стр. 211; Мил. № 42; Безс. стр. 119, прим. 8.

сень; не знаю я, бѣднякъ, не знаю, когда Великій день, Георгіевъ день; но я знаю, когда день св. Николая¹⁾».

Св. Николай въ большемъ почетѣ даже и у турокъ, которые обращаются къ нему въ трудныхъ обстоятельствахъ. Царь Мурать, какъ говоритъ преданіе, потребовалъ отъ игумена одного Аѳонскаго монастыря подарковъ. Когда тотъ не прислалъ, тогда онъ съ аскерами отправился черезъ море на Аѳонъ, съ тѣмъ, чтобы наказать игумена за неповиновеніе. Но въ то время, какъ онъ былъ уже посреди моря, оно вдругъ замерзло. Тогда Мурать смирился, взмолился къ св. Николаю, и море опять растаяло²⁾. Изъ приведеннаго разсказа уже видно, что св. Николай считается у болгаръ покровителемъ плавающихъ; но это еще болѣе ясно изъ пѣсни, гдѣ говорится, что ему »достались воды и броды и лодки, плавающія по морю, и онъ распоряжается ими и повелѣваетъ имъ. Кто станетъ утопать въ водѣ, тотъ пусть помолится св. Николаю: онъ можетъ вытащить его изъ воды«³⁾.

Св. Николаю приписываются всѣ чудеса, происходящія на морѣ: онъ ходитъ по немъ такъ, какъ мы по землѣ. Онъ добрѣе всѣхъ другихъ святыхъ и никогда никому не дѣлалъ зла. Словомъ, онъ пользуется у болгаръ величайшимъ почетомъ, вслѣдствіе чего они и говорятъ: »когда умретъ Господь, то на Его мѣсто поставятъ св. Николая.« — 9-го Мая ничего нельзя работать, потому что все, сдѣланное въ этотъ день, пропадетъ или отъ мышей, или отъ огня⁴⁾.

24 Іюня, на Енѣвденъ, когда празднуется рождество Іоанна Предтечи, рано утромъ дѣвушки и женщины идутъ въ лѣсъ рвать травы и цвѣты для лѣкарства и спѣшатъ возвратиться домой и сварить ихъ въ водѣ до восхода солнца. Этою водою онѣ умываются для избавленія отъ злыхъ духовъ⁵⁾.

20 Іюля боятся работать, потому что за это Ілія пророкъ убьетъ работающаго молніею или пошлетъ на него змѣю: св. Ильѣ »достались лѣтніе громы и онъ распоряжается ими и повелѣваетъ имъ, вслѣдствіе чего христіане и боятся его«⁶⁾.

9 Августа, день св. Матѳея (свети Матѳея). Въ этотъ день змѣи очень злы; поэтому не выгоняютъ коровъ на пастбище, и женщины не выходятъ на полевые работы: иначе змѣй Смокъ будетъ сосать молоко у коровъ и женщинъ, имѣющихъ грудныхъ ребятъ. Когда жен-

¹⁾ Бес. № XLVI.

²⁾ Мил. № 48.

³⁾ Мил. № № 30, 53.

⁴⁾ Кар. стр. 223, 273.

⁵⁾ Кар. стр. 234.

⁶⁾ Мил. № 30; Верк. № № 167, 218.

щина заснетъ на полѣ, онъ уноситъ ея ребенка въ свой дворецъ, гдѣ и вскармливаетъ его, и изъ него дѣлается тоже Смокъ¹⁾.

27 Октября также не работаютъ, по суевѣрному страху передъ мышами: если кто работаетъ въ этотъ день, то мыши поѣдятъ у него все имущество. Поэтому Мышинный день (Мишинъ-день) строго соблюдаютъ, особенно старухи²⁾.

Вслѣдствіе боязни передъ волками въ продолженіи 20 первыхъ дней Ноября, болгаре опасаются ходить въ лѣсъ въ томъ платьѣ, которое сдѣлано въ этотъ срокъ — если же кто пойдетъ, то его съѣдятъ волки. Этотъ двадцатидневный праздникъ строго соблюдаютъ овчары, чтобъ волки не ѣли скота³⁾.

Рождественскіе праздники проводятся также, какъ въ Россіи: коледуютъ, гадаютъ и пр.⁴⁾.

Вотъ въ какомъ невѣжествѣ до сихъ поръ косиѣтъ болгарскій народъ! Болѣе отрадную картину представляютъ его семейныя отношенія. Тутъ мы можемъ отмѣтить прекрасную черту: глубокое почтеніе и любовь дѣтей къ родителямъ. Весьма рѣдкое явленіе, чтобы сынъ грубо и дерзко обращался съ матерью, подобно Марку Кралевичу, который въ одной пѣснѣ посылаетъ свою мать въ г. Клисеру сватать ему невѣсту, и когда та отвѣчаетъ »гдѣ же мнѣ старой ходить!«, говоритъ ей на это: »видишь эту дубину? Я искропу ею твои старыя кости!«⁵⁾.

Но горе тому слугу, который подобнымъ поведеніемъ накличетъ на себя проклятіе матери: оно сушитъ его; онъ не знаетъ, что дѣлать, за что взялся; ему не ѣтся и не пьется, и такое горе, такую страшную тоску онъ спѣшитъ нерѣдко утопить въ чужой крови и — дѣлается гайдукомъ⁶⁾. Но и это не помогаетъ ему — изъ устъ воеводы Стояна мы слышимъ слѣдующую жалобу: »хотя я, дружина, ѣмъ и пью, но ничто не по сердцу мнѣ! Не говорите, товарищи, что материнское проклятіе не исполняется: оно исполнилось на мнѣ!«⁷⁾.

Далѣе въ той же самой пѣснѣ говорится, что Стоянова жена въ теченіи девяти лѣтъ не рожала дѣтей, потому, что мужъ ея былъ проклять матерью, но родила, когда мать его простила. Иногда проклятіе матери, по народному понятію, ведетъ даже прямо къ смерти⁸⁾.

¹⁾ Кар. стр. 250.

²⁾ Кар. стр. 263.

³⁾ Кар. стр. 255.

⁴⁾ Кар. стр. 281, 283, 173, 177.

⁵⁾ Мил. № 147.

⁶⁾ Мил. № № 223, 225; Безе № № XVII, XXXIV.

⁷⁾ Безе. № XVII.

⁸⁾ Мил. № 82.

Не менѣе страшнымъ по своимъ послѣдствіямъ считаетъ народъ неуваженіе къ отцу, проявляющееся въ поступкахъ дѣтей, и необыкновенное преступленіе совершаетъ сынъ, если онъ подниметъ на отца руку или потянетъ его въ судъ: »гдѣ это видано, чтобы сынъ тащилъ отца въ судъ?«¹⁾.

Словомъ, по сознанию народа, непочтеніе къ родителямъ со стороны дѣтей считается самымъ тяжкимъ грѣхомъ: такихъ грѣшниковъ и земля не держитъ, и вода не принимаетъ — вообще грѣхъ противъ родныхъ »никогда не прощается«²⁾.

Неправильныя отношенія, не только между членами семьи, но и между чужими людьми, Богъ наказываетъ засухой, неурожаемъ, болѣзнями и т. п.³⁾.

Отношенія между братьями представляются самыми нѣжными, и лишь изрѣдка встрѣчается въ пѣсняхъ сожалѣніе по поводу ссоры ихъ. Послѣ смерти отца они рѣдко дѣлятся и обыкновенно пользуются отцовскимъ имуществомъ сообща. Распри и несогласія ихъ между собой обыкновенно приписываются ихъ женамъ, которыя, впрочемъ, не всегда выставляются въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ, а иногда напротивъ того, являются примирительницами и устанавливаютъ между спорящими братьями миръ и согласіе⁴⁾.

Вообще болгаре склонны къ патріархальной жизни; они не любятъ дѣлиться. Если сынъ женится, такъ для него строится особый домикъ, но на общемъ же дворѣ⁵⁾. Такою патріархальностію отличаются особенно Пуливаковцы, племя, живущее въ юго-западной Македоніи. Всѣ семейства у нихъ живутъ вмѣстѣ и только послѣ десятиаго или, рано, послѣ восьмага колѣна они отдѣляются и прекращаютъ родство (отродявать). Старшій родоначальникъ есть и управитель многочисленнаго семейства. Часто встрѣчаются родоначальники, которые ежедневно собираютъ вокругъ стола семью, состоящую изъ 30—40 человекъ⁶⁾.

Болгаре вообще отличаются трезвостію, бережливостію, трудолюбіемъ и честностію. Они не склонны обманывать, обмѣривать и обвѣшивать, и дѣлать это считаютъ великимъ грѣхомъ. Корчмарство у нихъ пользуется дурною славою — потомучто продавцы вина часто

¹⁾ Мил. № 92.

²⁾ Мил. № 54.

³⁾ Мил. № № 30, 199.

⁴⁾ Мил. № № 180, 182, 159; Верк. № № 204, 287.

⁵⁾ Слав. ежг. 1877 г. ст. 163.

⁶⁾ Верк. «Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію» стр. 24.

прибѣгаютъ къ обману и разбавляютъ вино водою. Св. Петръ говоритъ своей матери: »ты не можешь войти въ рай, потому что ты грѣшна—когда ты была корчмаркой, то продавала вино, подмѣшавъ къ нему воды«¹⁾.

Народъ осуждаетъ также страсть къ вину. Весьма распространеннымъ мотивомъ пѣсенъ служитъ просьба дѣвицы у Бога такого жениха, который не употребляетъ вина и водки. Даже употребленіе кофее и куреніе табаку считается нѣсколько предосудительнымъ, по крайней мѣрѣ, вреднымъ. Одна дѣвица говоритъ: »дай мнѣ, Боже, соколиные глаза, чтобы мнѣ выбрать молодца по себѣ, который не пилъ бы ни вина, ни водки, ни кофее и не курилъ бы табаку: кто пьетъ кофей, у того сердце дѣлается чернымъ; кто куритъ табакъ, тотъ оплевываетъ полъ; кто пьетъ водку, тотъ не любитъ дѣвушки; кто пьетъ вино, тотъ портитъ одѣяло«²⁾.

Нерѣдко парни при сватовствѣ получаютъ отказъ потому, что пьютъ вино³⁾. Точно также отказали и Марку королевичу, когда онъ посватался на Грозданѣ, »потому что Марко—пьяница«⁴⁾. Оттого въ болгарскомъ языкѣ такъ много выраженій съ отгнкомъ презрѣнія, которыя употребляются въ приложеніи къ пьяному и означаютъ «напился», какъ то: »ала са е накитилъ«; »ала са е нарѣзалъ«; »ала са е нацепилъ«, »отъ него пахнетъ, какъ отъ бочки« и т. п.⁵⁾.

Что касается до смысла промышленнаго и земледѣльческаго, то болгаре далеко оставляютъ за собой въ этомъ всѣхъ своихъ сосѣдей: сербовъ, грековъ, албанцевъ, румынъ. Есть города и села, которые исключительно занимаются ремеслами суконнымъ, стекольнымъ, горшечнымъ и пр. Такъ, по пѣснямъ, Габрово славится своими ножами⁶⁾. Самое главное занятіе — это земледѣіе, скотоводство (особенно овцеводство), садоводство и выдѣлка розоваго масла⁷⁾. Кроме того, болгаре ищутъ занятій и на чужой сторонѣ: тысячами отправляются они весною и даже въ жатвенную пору въ Румынію, Константинополь, а также и въ Сербію, гдѣ большая часть каменной и плотничьей работы исполняется ими⁸⁾. Словомъ, они такъ трудолю-

¹⁾ Мил. № № 49, 44.

²⁾ Мил. № 348.

³⁾ Карав. стр. 3; Верб. № 328.

⁴⁾ Мил. № 144.

⁵⁾ Карав. стр. 5, 6, 38.

⁶⁾ Беас. № XL.

⁷⁾ Беас. № XIX; Мил. № № 21, 421.

⁸⁾ Беас. № XLIII; Мил. № 134; Иреч. стр. 727.

бивы и бережливы, что, благодаря плодородію своей страны и своей предприимчивости, могли бы жить очень безбѣдно и при чуждомъ господствѣ, если бы у нихъ было лучшее правительство, чѣмъ турецкое.

Не менѣе мужчины трудолюбива и женщина. Вся домашняя работа: шитье, починка бѣлья, уходъ за дѣтьми, присмотръ за садомъ и т. п., лежатъ на ея обязанности, и она не даетъ себѣ и минуты отдыха. Она готовитъ пищу для мужчинъ, работающихъ въ полѣ, она же прислуживаетъ имъ за столомъ. Но въ то-же время она не раба мужа. Жена почитаетъ его не изъ-за страха быть наказанной имъ, а по сознанию своего долга въ отношеніи къ нему и по любви. Это видно изъ пѣсенъ, гдѣ говорится о томъ, какъ часто жены рѣпались на геройскіе подвиги, переряжались въ мужское платье, прибѣгали къ хитрости и обману для того, чтобы освободить своихъ мужей изъ темницы¹⁾.

Рѣдко болгаринъ рѣшается отослать отъ себя жену, даже въ томъ случаѣ, когда она оказывается бесплодною²⁾. Отсылаетъ онъ ее лишь въ самый день свадьбы, если она окажется обезчещенною. Еще рѣже онъ считаетъ нужнымъ прибѣгать къ побоямъ; онъ знаетъ цѣну женѣ, какъ и цѣну себѣ, хотя нельзя не сказать, что взгляды на женщину, выраженный въ пословицахъ »у женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ«; »жену отдамъ, а коня не отдамъ«; »женщина сколько знаетъ, столько и болтаетъ«; »щипи поросенка, пока онъ въ корытѣ, бей жену, пока не поздно« и пр.³⁾, немного грубовать⁴⁾. Мужъ стыдится прибѣгать къ совѣтамъ своей жены въ какомъ-либо дѣлѣ, потому что онъ думаетъ, что »кто слушается бабы тотъ дважды баба⁵⁾«. Хотя бываютъ и плохія жены, но практическій умъ болгарина умѣетъ и такихъ цѣнить: »съ тобою, жена, плохо, а безъ тебя еще хуже«, говоритъ пословица⁶⁾; за то »у кого хороша жена, тому не нуженъ рай⁷⁾«. Но мужъ все-таки глава жены и семейства, и это предпочтеніе мужа передъ женой въ отношеніи къ семейству, дому можно видѣть изъ сопоставленіи слѣдующихъ двухъ пословицъ:

»Безъ женщины домъ колодезь безъ ковша«, а
»безъ мужской работы колодезь безъ воды«⁸⁾.

¹⁾ Безс. № № II, VI.

²⁾ Безс. № XI.

³⁾ Кар. стр. 42, 67, 153.

⁴⁾ Однако есть пословица, которая прямо совѣтуетъ бить жену: вино надо пить, а женъ надо бить. Кар. 14. Прим. ред.

⁵⁾ Кар. стр. 66.

⁶⁾ Кар. стр. 132.

⁷⁾ Кар. стр. 66.

⁸⁾ Кар. стр. 7.

Тѣмъ не менѣе и женщина необходима для дома—мущина, отправляясь въ поле, весь домъ оставляетъ на ея рукахъ. Она готовитъ платье какъ для мужа, такъ и для себя и дѣтей и заботится не только о томъ, чтобъ семейство ходило одѣтымъ, но чтобъ было и прилично одѣто. Костюмъ сельскихъ болгаръ національный; здѣсь еще не вошло въ употребленіе европейское платье. Мущины носятъ »кошулю«, рубашку съ широкими рукавами и пестро расшитую на груди и на плечахъ. Иногда кошуля бываетъ »бурунджи«, т. е.—изъ домашней ткани, состоящей попеременно изъ шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ полосъ. На кошулю надѣвается »долама«, жилетъ изъ хлопчатобумажной матеріи, или же »антерія (бойлія)«—длинный жилетъ; какъ тотъ, такъ и другой съ очень короткими рукавами¹⁾. Затѣмъ »чакширы«—панталоны, недостающіе до ступней, а только нѣсколько за колѣна; здѣсь на концѣ они иногда отдѣляются разными украшеніями, которыя называются »колчакомъ« отсюда »колчакъ-чакшире«²⁾. Необходимою принадлежностью мужскаго костюма служитъ кушакъ, у котораго съ лѣвой стороны обыкновенно виситъ вложенный въ футляръ ножъ. Отъ холода защищаются кафтаномъ или камзоломъ изъ сукна. Во время суровой зимы употребляютъ для теплоты овечью шубу (кожухъ), или плащъ (кобенякъ) съ капюшономъ, или же толстую бурку. Обувь по большей части состоитъ изъ самодѣльныхъ башмаковъ со шнурками или »бабушей« (турецкихъ башмаковъ). Вотъ костюмъ мущинъ, который носятъ по деревнямъ; но онъ очень разнообразится, смотря по мѣстностямъ³⁾.

Немногосложенъ и національный костюмъ болгарокъ, которыя однако стараются украшать его какъ можно болѣе—онѣ разшиваютъ свои бѣлыя рубашки шелками и шерстью на груди, плечахъ и рукавахъ⁴⁾. Юбку онѣ носятъ всю въ складкахъ, и дѣлается она изъ самотканной, толстой, полосатой шерстяной матеріи. На нее надѣваютъ спереди, а иногда и сзади, передникъ изъ той же матеріи, оканчивающійся бахромою. Часто передникъ надѣваютъ и безъ юбки, прямо на рубашку. Юбка и передникъ придерживаются около талии поясомъ съ пряжками⁵⁾. Въ большомъ ходу также и фуфайки (долама)⁶⁾. Головной уборъ молодыхъ женщинъ составляетъ »сукай«—шерстяная, шелковая, или бумажная повязка съ висячими концами около ушей: ею

¹⁾ Мил. № 144; Безс. № XV.

²⁾ Безс. № III.

³⁾ Безс. № IX; Слав. ежг. 1877 г. стр. 125—126.

⁴⁾ Мил. № 376.

⁵⁾ Слав. ежг. 77 г. стр. 126; Безс. № XXX.

⁶⁾ Мил. № 193.

обвязываютъ головной платокъ, или же прикрѣпляютъ ее къ нему на самой маковкѣ, такъ, чтобы висѣли длинныя концы. Такой легкой головной уборъ очень некрѣпко держится на головѣ и потому привязываютъ его «подбрадникомъ»¹⁾. Болгарки очень любятъ украшенія: онѣ изящно убираютъ голову цвѣтами, носятъ браслеты, серьги, кольца, бусы и т. п., кто можетъ изъ драгоценнаго металла, а то изъ простаго²⁾. Употребляютъ также бѣлила и румяна и подкрашиваютъ волосы и брови³⁾. — Таковъ національный болгарскій костюмъ. Въ городахъ, однако, большею частію носятъ европейское платье⁴⁾. Само собою разумѣется, что болѣе дорогія одежды и украшенія надѣваютъ обыкновенно лишь по большимъ праздникамъ⁵⁾.

Вотъ краткая картина жизни болгаръ подъ чуждымъ игомъ. Занимая плодородную страну и будучи трудолюбивы, они однако не имѣли возможности пользоваться благами своей земли. Изъ богатства, которое они создавали, они получали очень мало: оно доставалось турецкой казнѣ, пашамъ, беямъ, грекамъ-фанариотамъ. Фанариоты не только высасывали послѣдніе соки у болгаръ, но, какъ мы уже видѣли, стремились причинить имъ еще худшее зло: убить въ нихъ національное сознаніе. Но усилія духовныхъ опекуновъ оказались тщетными, и болгарскій народъ, освобожденный отъ турецкаго ярма русскимъ оружіемъ, быстрыми шагами направится впередъ по пути цивилизаціи и улучшенія своего матеріальнаго быта. Этому не помѣшаетъ внутренняя вражда. Страна не имѣетъ феодальныхъ традицій и тѣхъ горькихъ воспоминаній, которыя онѣ порождаютъ: столь вредное во многихъ отношеніяхъ турецкое господство освободило ее отъ антагонизма классовъ. Болгаре понимаютъ важность и необходимость образованія, они знаютъ, что «кто ученъ, тотъ имѣетъ четыре глаза»⁶⁾, и дѣятельно стараются заводить школы: вслѣдствіе чего въ настоящее время, если вѣрять путешественнику⁷⁾, нѣтъ почти деревни, навѣрное ни одной большой, въ которой бы не было школы. — Будемъ надѣяться, что этотъ нѣкогда славный народъ опять займетъ видное мѣсто въ славянской семьѣ.

Алексѣй Никольскій.

1) Безс. № XLV.

2) Мил. №№ 249, 381, 395, 429; Безс. № XV.

3) Мил. №№ 298, 651; Верк. № 18.

4) Чол. стр. 12.

5) Мил. №№ 105, 346.

6) Кар. стр. 64.

7) Маркизь де-Баезъ «Наблюденія надъ болгарскими дѣлами».

142

Получено 6 дог
4 сент. 83 г. отъ
кнѣзя Безбородко.
подъ рукою
Имѣющаго

ИЗВѢСТІЯ

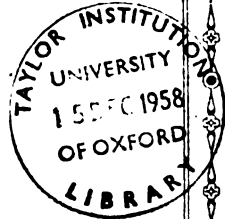
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ VII.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

(1882).

СОДЕРЖАНІЕ:

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Института за 1880/81 учебный годъ (стр. 1—25).
Извлеченіе изъ протоколовъ Конференціи Института за 1880/81 уч. г. (26—62). Извлеченіе изъ отчета по Гимназій, состоящей при Институтѣ, за 1880/81 уч. г. (63—71).

НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

I.

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).

1. Проф. Гротъ, Н. Я., Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Вып. I. Введеніе. Главы I—III (стр. 1—210).
2. Проф. Ждановъ, С. Н., Критическія въззетическія замѣтки III. (стр. 19—22).
3. Проф. Зенгеръ, Г. Э., Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперціи (стр. 1—40).

II.

4. Почетн. попечитель Института, гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи (стр. 1—35).
5. Графъ Джованни Жиро, Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ итальянскаго Н. В. Гоголя, (стр. 1—82).
6. Ломонаровъ, С. И., Памяти Гоголя. Матеріалы для бібліографіи литературы о немъ. (стр. 1—60).

III.

7. Студ. Назмишинъ, М. А., Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Николая (стр. 1—34).
8. Студ. Шахраевъ, В. Н., Францискъ Ладиславъ Челяковскій. (стр. 35—108). F
9. Студ. Ивановъ, Н. И., Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. (стр. 109—137).
10. Студ. Никольскій, А. Я., О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ по памятникамъ народной словесности (стр. 138—176).

Флор. 1060 Крам. дум.
и Сед. Лодж

КІЕВЪ И ЛЕЙПЦИГЪ.

Въ типографіяхъ С. В. Кузьменко, К. Н. Милевскаго и Ф. А. Бронгауза.

1882.

Содержаніе неофициальныхъ отдѣловъ и приложеній шести первыхъ томовъ „Извѣстій Института князя Безбородко“:

I томъ. (Ц. 2 р. 50 к.)

	Страницы.
1) Очеркъ государств. дѣятельности Перикла. П. И. Люперсоляскаго	1—74
2) Козловъ. Философскіе этюды. Критическій очеркъ. Н. Я. Грота	75—102
3) Анализъ составн. частей славянск. слова. А. С. Будиловича	103—208
4) О землѣ Половецкой. Н. Я. Аристова	209—234
5) Забѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. Н. А. Лавровскаго	235—248
6) Изслѣдов. въ области греч. мѣстоименія. А. В. Добіаша	1—133

II томъ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа Н. Я. Грота	1—68
2) Нѣсколько поправокъ къ тексту Горация. Г. Э. Зенгера	69—140
3) Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ. Т. I. Отд. А.—А. С. Будиловича	1—264

III томъ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) Диплом. сношенія Имп. Александра I съ Наполеономъ. П. И. Люперсоляскаго	1—57
2) Состояніе образованія въ Россіи въ царств. Александра I. Н. Я. Аристова	57—101
3) Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832). Н. А. Лавровскаго	102—258
4) Рѣчь Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. Р. А. Фохта	1—41
5) Патмосскія схолиі къ Демосену П. В. Нинитина	4—59
6) Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ. Т. I. Отд. Б.—А. С. Будиловича	265—408

IV томъ. Вып. I. и Вып. II. (Ц. 3 р.)

1) Заговоръ гр. Зринскаго и Франкопана. А. С. Будиловича	1—12
2) Ист.-литер. разборъ поэмы И. Гундулича «Османъ» Р. Ф. Брандта	1—111
3) Еще нѣск. замѣтокъ о трудн. мѣстахъ у Горация. Г. Э. Зенгера	1—58
4) Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. I. Историч. отдѣлъ. Н. Я. Грота	1—410

V томъ. (Ц. 3 р.)

1) Политич. и литерат. дѣятельность Цицерона. П. А. Адрианова	1—13
2) Психологія чувствованій. II. Теорет. отдѣлъ. Н. Я. Грота	411—541
3) Начертаніе славянской акцентологіи. Р. Ф. Брандта	1—340

VI томъ. (Ц. 2 р. 50 к.)

1) Къ біографіи Н. В. Гоголя. Н. А. Лавровскаго	1—19
2) Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художн. И. А. Сребническаго	1—1
3) Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ. Т. II. А. С. Будиловича	1—153
4) Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. Отвѣтъ А. А. Козлову. Н. Я. Грота	1—35
5) Новыя догадки о порченыхъ чтеніяхъ у Горация } Г. Э. Зенгера	1—48
Дополнительныя разъясненія. }	1—38
6) Критическія и экзегетическія замѣтки	1—10
Лексикологическія замѣтки	11—14
О знак. удар. въ папир. спискѣ Алкманова Парвенія. } С. Н. Жданова	15—18
7) Синтаксисъ Аполлонія Дискола. Вып. I. А. В. Добіаша	1—66

25

Цѣна 3 рубля.

Складъ «Извѣстій» въ Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ и у книго-
продавца Н. Я. Оглобина въ Петербургѣ и Кіевѣ.

